Е.А.Боратынский. 1820-е годы

Боратынский в детстве

Дом в Мураново

ЛЕТОПИСЬ
жизни и творчества
Е.А.БОРАТЫНСКОГО

Настасья Львовна Боратынская
в начале 1830-х годов

Е.А.Боратынский.
Середина 1830-х годов

Вид Финляндии. Рисунок Е.А.Боратынского

ЛЕТОПИСЬ

жизни и творчества

Е. А. БОРАТЫНСКОГО

Ев. Баратынскаго.

ЛЕТОПИСЬ

жизни и творчества

Е.А.БОРАТЫНСКОГО

Составитель А.М.Песков

МОСКВА НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ISSN 0869-6365
ISBN 5-86793-031-9

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55,
тел./факс (095) 976-47-88, 976-48-62

Составитель
А. М. ПЕСКОВ

Текст подготовили
Е. Э. ЛЯМИНА и *А. М. ПЕСКОВ*

В подготовке материалов участвовали
Е. Е. ДАВЫДОВА-ПАСТЕРНАК, Н. Н. МАЗУР, Ю. А. ПЕСКОВА

Художественное оформление
Е. А. ПОЛИКАШИН, Ю. В. МОСЯГИН

На фронтисписе воспроизведен автопортрет Е.А. Боратынского.

Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800—1844
М.: Новое литературное обозрение, 1998. — 496 с.

Эта книга является опытом хронологической систематизации всех известных к сегодняшнему дню фактов жизни и творчества великого русского поэта Е. А. Боратынского. Более половины из 1400 дат Летописи — это даты либо уточненные, либо впервые введенные в научный оборот. Зафиксированы все документально подтверждаемые случаи общения Боратынского с А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, И. В. Киреевским и другими писателями первой половины XIX века. В Летопись включены полные тексты всех известных к настоящему времени писем поэта.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЛЕТОПИСИ

В настоящей Летописи зафиксированы все документально подтверждаемые и реконструируемые на основе косвенных данных факты жизни и творчества Боратынского, известные составителю на данный момент. Летопись содержит около 1400 дат.

Произведения Боратынского в Летописи не воспроизводятся. Все они, за исключением нескольких переводов из Шатобриана и Ксавье де Местра, были неоднократно опубликованы. Самое полное и квалифицированное современное собрание стихотворных сочинений Боратынского — том «Литературных памятников», подготовленный Л. Г. Фризманом (Изд. 1982)[1]: здесь наряду с текстами последних редакций напечатаны все известные разночтения прижизненных публикаций и беловых автографов (разночтения черновиков и копий приведены выборочно), а также предисловия Боратынского к отдельным изданиям «Эды» и «Наложницы». В текстологическом отношении том «Литературных памятников» является наряду с академическим собранием сочинений, подготовленным М. Л. Гофманом (Изд. 1914—1915), самым квалифицированным научным изданием произведений Боратынского.

Иначе обстоит дело с письмами Боратынского. Их более 300, но они никогда не были опубликованы в полном составе. Существует лишь несколько эпистолярных подборок, напечатанных Л. Е. и Н. Е. Боратынскими (Изд. 1869 и Изд. 1884 — в каждом 59 писем, но многие напечатаны не полностью), С. А. Рачинским в 1899 г. (ТС — 52 письма к И. В. Киреевскому), Ю. Н. Верховским в 1916 г. (М. — 49 писем, большая часть — письма к матери), К. В. Пигаревым (Изд. 1951 — 68 писем), Г. Хетсо в 1973 г. (Хетсо — 70 писем), В. А. Расстригиным и А. Е. Тарховым (Изд. 1983 — 105 писем), Л. В. Дерюгиной и С. Г. Бочаровым (Изд. 1987 — 194 письма). Отсутствие академического собрания писем поэта (подобного академическим собраниям его стихотворений) и, что еще существеннее, сомнительность многих датировок не позволяют составителю настоящей Летописи просто ссылаться на содержание того или иного текста и кратко его пересказывать (как, например, это сделано в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», опирающейся на уже существующие полные собрания писем поэта, — см.: Цявловский 1991). Поэтому в нашей Летописи все письма публикуются полностью; в примечаниях указаны издания, где они были напечатаны впервые, и — для писем, проверенных по автографам и копиям, — места хранения автографов и копий.

Проверка писем по автографам и копиям и подготовка 25 неизвестных ранее писем Боратынского осуществлена Е. Э. Ляминой.

Письма на французском языке, когда-либо опубликованные прежде, помещены в переводах с указанием начальных французских строк; письма, публикуемые впервые, печатаются полностью по-французски с приложением перевода. Все переводы, кроме двух (письма к А. Ф. Боратынской от октября — начала декабря 1843 г.), сделаны либо заново, либо впервые (около 70 франкоязычных писем Боратынского до сих пор вообще не были переведены на русский язык). Те

[1] Список сокращений см. на с. 462—470.

переводы, чье авторство не указано, выполнены составителем и отредактированы Ю. А. Песковой. На начальной стадии работы над французскими письмами Боратынского в переводах принимала участие В. А. Мильчина.

Боратынский обыкновенно не ставил чисел на своих письмах, и поэтому многие из них датируются в Летописи по содержанию. Обоснование наших датировок дано в примечаниях к тем датам, под которыми письма помещены. В тех случаях, когда на письме сохранился почтовый штемпель или известна дата его получения адресатом, основания датировок таковы: 1) при наличии штемпеля того города, откуда отправлено письмо, указывается время, непосредственно предшествовавшее почтовой дате (например, на штемпеле означено: «Кирсанов. 1833. Август 4»; соответственно, в Летописи письмо датировано: 1833, август, до 4); 2) если имеется штемпель города, где жил адресат, или известна дата получения письма адресатом — дата отправления и сочинения письма рассчитывается на основе сведений о времени, в течение которого письмо могло находиться в пути (например, на одном из писем из Каймар в Москву к Н. М. Языкову есть дата получения: 28 сентября 1831; известно, что почта доставлялась в Москву из Казани за неделю; значит, письмо отправлено Боратынским не ранее 21 сентября; отсюда датировка: 1831, сентябрь, до 21).

Даты публикаций прижизненных произведений Боратынского и зафиксированных в Летописи откликов на его жизнь и творчество даны двояко — указаны: 1) даты цензурных разрешений тех изданий, где напечатан соответствующий текст; дата цензурного разрешения нередко свидетельствует о том, что произведение к данному времени уже было отдано автором издателю; разумеется, отдельно отмечены все известные составителю случаи, когда тексты Боратынского были получены издателями позже цензурного разрешения; 2) дата выхода издания, проставленная на его обложке, или дата выдачи цензорского билета, предоставлявшего издателю право на продажу или доставку издания подписчикам; в этих случаях в Летописи под соответствующей датой пишется: «Вышел журнал...» или «Вышла книга...», а в примечании к дате сообщается место нынешнего хранения данного цензорского билета (РГИА. Ф. 777 или ЦИАМ. Ф. 31) или сделана ссылка на то исследование, где впервые было указано время его выдачи. Работу по выявлению в архивах цензорских билетов провела Е. Э. Лямина. Но, поскольку дата выдачи билета отнюдь не всегда свидетельствует о немедленном поступлении издания в продажу или к подписчикам, в тех случаях, когда известна дата начала реального распространения издания, указывается и она. Так, билет на выход 4-й части «Мнемозины» с «Бурей» и «Ледой» был выдан 2 июля 1825 г., но, скорее всего, альманах дошел до читателя только к октябрю; билет на выход «Эды» и «Пиров» был выдан 1 февраля 1825 г., но книга поступила в продажу не ранее 10-х чисел февраля (см. в Летописи соответствующие даты). Если не удалось установить дату цензурного разрешения, указана только дата выдачи цензорского билета; если не сохранился цензорский билет — указана только дата цензурного разрешения; если неизвестны ни та, ни другая даты, время выхода издания указывается предположительно. В тех случаях, когда время между датой цензурного разрешения и датой выдачи билета или реального выхода издания составляет несколько дней, сведения об издании сообщаются под датой цензурного разрешения, а в скобках сообщается время выхода, например: 1819. Июль, 22. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (Ч. 55. № 30; вышел 26 июля) со стих. «К Креницыну» (С. 181—182)... Если разрыв между датой цензурного разрешения и датой выдачи билета и выхода издания составляет длительный промежуток времени — отдельно приведены обе даты, например: 1820. Январь, 6. Петербург. Ценз. разр. «Невскому зрителю» (Ч. 1. № 1; вышел 3 февр.) со стих. Боратынского...; 1820. Февраль, 3. Вышел «Невский зритель» (Ч. 1. № 1)...

Все даты указаны по юлианскому календарю (по старому стилю). Когда речь идет о событиях, происходивших за пределами России, отмечено и григорианское число (новый стиль). Со знаком вопроса зафиксированы даты и факты, достоверность которых составитель не может подтвердить или опровергнуть документально.

На каждой странице над строкой указаны год, когда происходят события, о которых идет речь на данной странице, и местопребывание Боратынского в данный момент.

В Летописи указаны все известные составителю рецензии на произведения Боратынского, а также эпиграммы на него и стихотворения современников, адресованные или посвященные ему. Что же касается отдельных упоминаний его имени в периодической печати его времени, в письмах и мемуарах его современников, то подобные сведения зафиксированы с заведомой неполнотой. Мы не проводили тотального обследования периодики, эпистолярия и поэзии эпохи Боратынского с целью выявить все имеющиеся упоминания его имени и отклики на его творчество. Такая работа требует целенаправленных усилий большого коллектива исследователей, а публикация ее результатов может затянуться на десятилетия. Материалы большей части рецензий подготовлены Н. Н. Мазур.

Письма и фрагменты литературно-критических статей печатаются преимущественно по нормам современной орфографии и пунктуации (исключение составляют некоторые детские письма Боратынского, орфография и пунктуация которых сохранена). Во франкоязычных письмах орфография Боратынского соблюдена, но необходимые аксаны все же проставлены. Для экономии места все тексты напечатаны без соблюдения абзацев; в знак начала нового абзаца ставится тире.

В правописании фамилии поэта мы придерживаемся формы, продиктованной биографическими соображениями (см. подробнее: «О правописании фамилии поэта», с. 472): *Боратынский*, но в цитатах сохранены варианты, имеющиеся в источниках (*Баратынский*, *Баратынской* и проч.).

В ломаных скобках внутри текстов и цитат приведены пояснения к некоторым именам и фактам.

* * *

Составитель признателен всем, кто в разные годы способствовал осуществлению работы над Летописью, и прежде всего своим постоянным сотрудникам, участвовавшим в подготовке текста к печати, — Е. Е. Давыдовой-Пастернак, Е. Э. Ляминой, Н. Н. Мазур, Ю. А. Песковой, а также участникам семинара, который вел составитель в середине 1980-х гг. на филологическом факультете МГУ и в рамках которого начиналась работа над Летописью, — Н. И. Виноградовой, Н. С. Горбуновой, З. К. Кошелевой, А. И. Левинзон, Л. Л. Сегитовой, М. В. Холодулькиной; всегда благожелательным сотрудникам Мурановского музея; коллегам, чьи советы и ободрение помогли совершить этот труд, — В. Э. Вацуро, А. В. Дубровскому, В. А. Мильчиной, И. Д. Прохоровой, С. И. Панову, В. А. Расстригину, Л. Г. Фризману, Г. Хетсо, Е. А. Шкловскому, В. Г. Шпильчину. Отдельная благодарность — Н. В. Смирновой, принявшей на себя труд по перепечатке текста.

Принятый порядок расположения дат по годам (условные примеры)

1818
1818—1819
1818—1825
1818—1840
1819

Принятый порядок расположения дат по временам года и месяцам

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА.
ЯНВАРЬ.
ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ.
ЯНВАРЬ—МАРТ.
ЯНВАРЬ.....ДЕКАБРЬ.
ЯНВАРЬ, начало месяца (или: ЯНВАРЬ, первые числа).
ЯНВАРЬ, первая половина.
ЯНВАРЬ, 1
ЯНВАРЬ, ок. 1.
ЯНВАРЬ, 1...5 (или: ЯНВАРЬ, между 1 и 5).
ЯНВАРЬ, 1...15.
ЯНВАРЬ, 2
ЯНВАРЬ, 3
ЯНВАРЬ, до 3
....
ЯНВАРЬ, 10
ЯНВАРЬ,10-е числа.
ЯНВАРЬ, 11.
....
ЯНВАРЬ, 15
ЯНВАРЬ, вторая половина.
....
ЯНВАРЬ, 20
ЯНВАРЬ, 20-е числа.
....
ЯНВАРЬ, 31.
ЯНВАРЬ, конец месяца.
ЯНВАРЬ, конец месяца — ФЕВРАЛЬ, начало
ФЕВРАЛЬ.
ФЕВРАЛЬ—МАРТ.
....
ИЮНЬ, 30
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА.

ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ БОРАТЫНСКОГО

Боратынский родился 19 февраля 1800 г.[1] в имении Вяжля Кирсановского уезда Тамбовской губ. Его родители — генерал-лейтенант в отставке Абрам Андреевич и Александра Федоровна (см. о них Род. № 12.1 и 12.2) — переехали в свое степное поместье за год до появления у них первенца, после того, как А. А. Боратынский оказался в немилости у Павла I (несмотря на многолетнюю службу в Гатчине, Абрам Андреевич сохранил природные достоинства: кротость нрава и обходительность обращения — именно эти качества унаследовал от него старший сын).

В 1804 г. Абрам Андреевич поставил новый дом в нескольких верстах от прежнего — в урочище, называемом Мара, и отныне Мара стала центром всей усадьбы (см. 1804, весна-осень?).

Семейство росло. К 1810 г. у Боратынских было семь детей: кроме Евгения сыновья Ираклий, Лев, Сергей и дочери София, Наталия, Варвара (см. Род. № 13.2 — 13.7). Их воспитанием и обучением ведала Александра Федоровна, получившая несравненно более обширное образование, нежели ее муж. С 1805 г. вести уроки с детьми помогал гувернер-итальянец Жьячинто Боргезе, ставший вскоре почти членом семьи.

В 4 года Евгений Боратынский умел читать, а в 6 лет писать по-русски и по-французски. Первое известное сведение о его характере и поведении относится к началу 1804 г. — в письме к сестре Абрам Андреевич, упоминая сына, говорит, что «в жизни не видывал такого добронравного и хорошего дитя» (см. 1804, февр., 19). Аналогичные сведения, почерпнутые из семейной переписки старших родственников Боратынского, и его собственные детские письма (см. 1806, ноябрь, 5; ноябрь, 16; ноябрь, вт. пол. — дек.; 1807, янв., нач.; 1811, май—июнь?) показывают, что он хорошо усвоил письменные формулы вежливого обращения к старшим родственникам («Желаю вам всякаго здаровья и благополучія...»; «пакорнейше васъ благодарю...»; «цалую вашу ручку...»; «совершенно счастлив узнать, что Вы...»; «ваш покорный и послушный сын...» и т. д. и т.п.), но эти формулы не передают, кажется, никаких иных оттенков чувств, кроме одного — желания соответствовать своему внутрисемейному статусу покорного и послушного сына и племянника. Если реконструировать детское самосознание Боратынского по его позднейшим письмам 1812—1816 гг. к маменьке из Петербурга (такая реконструкция приемлема, ибо после отъезда из Мары внутрисемейный статус Боратынского как бы законсервировался), стоит добавить, что роль послушного сына предполагала одну особенность его поведения перед лицом матери (отношения с отцом не оставили следов — см. в «Запустении»: «Мне память образа его не сохранила»): установку на душевную искренность — установку, видимо, воспитанную и, может быть, даже требуемую Александрой Федоровной (конечно, если бы Боратынский сам не испытывал потребности в душевных излияниях, он не стал бы их делать, несмотря на всю свою послушность). Можно предполагать, что именно детское общение с

[1] Здесь и далее все подробности упоминаемых событий см. под соответствующей датой в Летописи.

маменькой послужило для Боратынского прообразом той идеальной формы душевного общения, мысль о котором будет впоследствии определять смысл его повседневного существования.

Весной (?) 1808 г., спасаясь от эпидемии чумы, Боратынские переехали в смоленские имения отца Абрама Андреевича — Голощапово и Подвойское, а через год (см. 1809, май—июнь?... окт.?) обосновались в Москве. Здесь 24 марта 1810 г. Абрам Андреевич скоропостижно умер. Попечение о его сыновьях взяли на себя его братья (см. о них Род. 12.3—12.5): 7 сентября 1810 г. Евгений и Ираклий Боратынские были зачислены в Пажеский корпус с правом оставаться до времени в семье. Александра Федоровна, пробыв с детьми в Москве еще год после смерти мужа, в мае 1811 г. вернулась в Мару. В 20-х числах апреля 1812 г. Евгения отправили в Петербург.

Проведя пять месяцев в пансионе, он был определен 9 октября 1812 г. в младший, 4-й класс Пажеского корпуса. Видимо, на протяжении первого и большей части второго года пребывания в корпусе Боратынский сохранял установку на послушание и исполнительность — осенью 1813 г. он был переведен в следующий, 3-й класс, 18 октября награжден свидетельством об успехах, а гувернеры оценивали его поведение только похвально: «нрава хорошего» (см. 1814, перв. пол. года). Но во второй половине 1814 г. наступил перелом. В сентябре Боратынский был оставлен на второй год в 3-м классе, а в кондуитных записях гувернеров стали регулярно появляться отрицательные оценки: «поведения и нрава дурного; был под штрафом» (см. 1814, окт., 1; ноябрь, 1). Письма к маменьке за вторую половину 1814 — первую половину 1815 г. свидетельствуют о его уязвленном самолюбии и остром желании противопоставить повседневному корпусному существованию иной образ жизни: в сентябре — начале октября 1814 г. он пишет о любви к поэзии и намерении стать автором; в ноябре просит у маменьки разрешения вступить в морскую службу; в апреле—июне 1815 г. рассуждает о науке любви к матери как высшей ценности бытия, ради которой он готов пожертвовать всеми прочими науками. По этим письмам можно понять, во-первых, то, насколько Боратынский тяготился жизнью в корпусе, во-вторых, то, что уже в 14-летнем возрасте у него обнаружилась особая душевная склонность, которую позднее он сам назовет passion de raisonner — страстью к рассуждению (1816, авг.—окт.; второе «философическое» письмо). Страсть к рассуждению позволяла блокировать негативные переживания (стыд, ощущение безысходности), доказывать себе и маменьке, что он не погиб нравственно и умственно, возводить конкретную жизненную ситуацию на уровень философических обобщений. Конфликт с учителями и гувернерами трансформировался в письмах Боратынского в философический диспут о сущности счастья и цели жизни: речь шла о ценностном соотношении «истин разума» и «заблуждений сердца» (применительно к конкретной ситуации Боратынского — об общепринятом понятии насчет необходимости получить образование в учебном заведении и о влечении души за пределы Пажеского корпуса). «Люди вымыслили законы приличия»; «философы осуждают иллюзии», — пишет Боратынский (1815, апр., вт. пол.—май, нач.; май—июнь) и противопоставляет мнению «людей» и «философов» свое индивидуальное чувство, делающее опорой убеждений «голос сердца».

В повседневном быту пажа Боратынского диспут об истинах и заблуждениях выразился противоборством корпусным порядкам. Согласно его собственному рассказу в исповедальном письме к Жуковскому (1823, дек., до 20—25), увлекшись чтением «Разбойников» Шиллера, он образовал вместе с друзьями-пажами «общество мстителей, имеющее целию сколько возможно мучить наших начальников». Кончилось все тем, что около 19 февраля 1816 г. Боратынский вместе с друзьями похитил у отца одного из пажей — камергера Приклонского — 500 руб-

лей и табакерку. Ввиду экстраординарности проступка решение о наказании принимал Александр I: Боратынский был исключен из Пажеского корпуса без права вступать в какую-либо службу, кроме солдатской. Решение императора вышло достаточно мягким: за подобные проступки обычно сначала наказывали розгами, а затем принудительно отдавали в солдаты — Боратынский же не был унижен телесным наказанием, и ему была предоставлена свобода действий — конечно, свобода относительная: он не имел возможности оформить себе дворянское свидетельство и, фактически оставаясь дворянином, подтвердить свои дворянские права официально не мог (подробнее см. примеч. к: 1816, февр., 22—23; февр., 25).

Старшие родственники надеялись по прошествии года-двух добиться императорского прощения, минуя солдатство (см. 1816, июнь, 29), и на время решено было отправить Боратынского в смоленские имения Голощапово и Подвойское под присмотр живших там дядюшек и тетушек (1816, июль—авг.). Те окружили племянника заботой и вниманием. Однако, несмотря на видимое рассеяние, Боратынский продолжал переживать происшедшее и, как сам воспоминал об этом времени в исповедальном письме к Жуковскому (1823, дек., до 20—25), «сто раз готов был лишить себя жизни» и «впал в жесточайшую нервическую горячку», так что его «едва успели призвать к жизни». По выздоровлении (1817, янв., после 23 — февр., нач.) его отправили к маменьке в Мару. Вернувшись оттуда около 11 сентября в Голощапово — Подвойское, он еще год прожил на попечении дядюшек и тетушек в надежде на то, что ему будет исходатайствовано прощение, и только когда к осени 1818 г. стало окончательно ясно, что миновать вступления в солдаты не удастся, ему было выхлопотано место рядового гвардии, и он уехал в Петербург.

В эти два с лишним года, проведенных в деревне, происходят новые изменения в самосознании Боратынского. В одном из его писем (см. 1816, авг.—окт.) обрисовано такое душевное состояние: «Мы проводим здесь время очень приятно: танцы, пение, смех, — все так и дышит счастием и радостию. Единственное, от чего в моих глазах тускнеет все великолепие удовольствий, — это мысль об их мимолетности <...>. Я чувствую, у меня совершенно несносный нрав, приносящий мне самому несчастье: я заранее предвижу все неприятности, которые могут выпасть на мою долю <...>. Иной человек, посреди всего, что, казалось бы, делает его счастливым, носит в себе утаенный яд, снедающий его и отнимающий способность чувствовать наслаждение. Болящий дух (esprit chagrin), полный тоски и печали, — вот что он носит в себе среди шумного веселья <...>. Отчего душа бывает предрасположена к счастию? — оттого, что всемогущий Творец, Создатель всего сущего, желая воздать кому-то из крошечных атомов, позволяет им выдернуть несколько цветков из персти земной <...>?» Эти рефлексии продолжают прошлогодние рассуждения в письмах к маменьке о заблуждениях и истине: речь снова идет о главной цели частного человека — его счастии. И в 1815 и в 1816 гг. возможность испытать счастье ставилась в зависимость от душевной предрасположенности человека к тому, чтобы счастье испытывать. Но до катастрофы Боратынский отстаивал мысль о силе сердечных влечений, позволяющих человеку, невзирая на «истины разума», верить в счастливые иллюзии (см. 1815, апр., вт. пол. — май, нач.; май—июнь); теперь же он обнаруживает в самом себе неодолимое препятствие для такой веры — теперь на пути к счастью не одни лишь внешние преграды (обстоятельства повседневной жизни или истины «людей» и «философов»), но еще и внутренний барьер — болящий дух, отнимающий способность ощущать наслаждение и располагающий к предчувствию разочарования в собственной вере; причем по логике Боратынского получается так, что и внешние и внутренние препятствия воздвигнуты Создателем всего сущего. — Перед нами конспект элегической поэзии Боратынского. Только в элегиях он очень редко будет именовать высшую силу, управляющую «муравейником рода человеческого», — Создателем,

Творцом или Провидением. В лирике Боратынского верховные регулирующие функции будет исполнять поэтический двойник Провидения — судьба.

Приехав в октябре 1818 г. в Петербург, Боратынский поселился в Семеновских ротах на одной квартире с прапорщиком лейб-гв. Егерского полка Андреем Шляхтинским, который, видимо, и познакомил его с Дельвигом и Кюхельбекером, а те познакомили с Пушкиным (о новых знакомствах Боратынского см. 1818, конец года — 1819, начало года). Самым близким другом Боратынского стал Дельвиг (к осени 1819 г. после отъезда из Петербурга Шляхтинского он перебрался на квартиру в Семеновские роты — см. 1819, авг., после 24 — сент.—дек.).

В феврале 1819 г. произошло два события, равно важных для дальнейшей судьбы Боратынского: 8 февраля он был зачислен рядовым лейб-гвардии в Егерский полк, а 28 февраля в «Благонамеренном» появилась его первая публикация — мадригал «Пожилой женщине и все еще прекрасной», опыт, демонстрирующий скорее поэтические интенции автора, нежели какие-либо действительные таланты. В эту пору Боратынскому очень помог Дельвиг: несмотря на явную слабость первых стихотворных опытов нового друга, он поддержал его, сам отдавал его стихи в печать, и у Боратынского появилась уверенность в себе.

Год, проведенный Боратынским в кругу ровесников-поэтов, многое изменил в его самосознании: к концу 1819 г. он уже не сомневался в своих дарованиях. Между тем для восстановления в правах — получения дворянского свидетельства — Боратынскому необходимо было выслужить младший офицерский чин прапорщика. Время выслуги для дворян, разжалованных в солдаты, зависело от многих факторов — от аттестации командиров, от влиятельности родственников, но в конечном счете от воли императора. В 1819—1820 гг. Боратынский и его родственники явно недооценивали роль последнего фактора: они надеялись прежде всего на аттестацию непосредственного полкового начальства. Именно поэтому 3 января 1820 г. Боратынский был переведен из гвардии в армию (с положенным повышением в чине: из рядовых в унтер-офицеры) — в Нейшлотский пехотный полк, которым командовал родственник Боратынских Е. А. Лутковский. Нейшлотский полк квартировал в 240 верстах от Петербурга — во Фридрихсгаме. Около 11—18 января Боратынский выехал к новому месту службы. Впрочем, называть его жизнь в Финляндии службой нельзя. За исключением немногих смотров и караулов, когда надо было показаться командующему корпусом или императору, он был освобожден от каких-либо обязанностей: ходил в партикулярном платье и был предоставлен самому себе. Скоро он познакомился с офицерами полков, входивших в состав Отдельного Финляндского корпуса, и нашел среди них много литературно образованных людей. Короче других он сошелся с командиром своей роты — Коншиным, тоже поэтом (см. фрагменты из воспоминаний Коншина и поэтическую переписку с ним: 1820, янв., между 11 и 18; февр. (?); февр.—март; февр.—авг.). Боратынский и все его окружавшие были уверены, что он не пробудет в Финляндии более года (1820, сент.—дек., нач.). В начале декабря он отправился в трехмесячный отпуск в Мару (1820, дек., 11; дек., ок. 12; дек., после 13). Лутковский тем временем подал рапорт о его производстве в прапорщики.

За год финляндской жизни к Боратынскому пришла слава: за это время им было написано и напечатано 20 стихотворений и поэма «Пиры». 26 января 1820 г. он был в ободрение принят членом-корреспондентом в Вольное общество любителей российской словесности, и как минимум 9 его произведений были читаны в обществе и одобрены к публикации (1820, янв., 19; февр., 23; март, 22; апр., 19; ноябрь, 22; дек., 13). На основании произведений, написанных и напечатанных в 1820 г., можно утверждать, что именно в этот год сформировалась устойчивая система понятий о жизни, определявшая его самосознание до конца дней. В основе этой системы: *сознание своей отчужденности от общей жизни, сознание избран-*

ности, замкнутость на процессе творчества, установка на философическое обобщение, обратимость ответов и относительность истин.

Сознание отчужденности[1] было воспитано как повседневной жизнью (разлука с семьей в 1812 г.; конфликты в Пажеском корпусе; катастрофа 1816 г.; фактическое исключение из дворянского сословия; жизнь в Финляндии), так и литературой (разбойничьи сюжеты Шиллера и Вульпиуса; французские и русские элегические стереотипы). Впервые ситуация отчуждения описана Боратынским еще в первом его письме из Петербурга (1812 г., май, сер. мес.), затем обрисована в его письмах 1814—1816 гг., в стихотворных посланиях второй половины 1819 г., а после переезда в Финляндию сделалась лейтмотивом жизни. В Финляндии он чувствует себя отлученным от родины, от друзей, от любви, от счастья (и т. д. и т. п.) — ото всего, что есть у других людей и что когда-то было у него самого. Отсюда — ощущение утраты, покинутости, забытости, одиночества:

<...>Где ты, о Дельвиг мой! ужель минувших дней
Лишь мне чувствительна утрата<...>
И где же дом утех? где чаш веселой стук?
Забыт друзьями друг заочной.
Исчезли радости, как в вихре слабый звук<...>
И я певец утех, теперь утрату их
Пою в тоске уединенной<...>

(Послание к б... Дельвигу // НЗ. 1820. Ч. 1. № 3. С. 56, 59)[2]

<...>Где вы, где вы, любви очарованья?<...>
Я все имел, лишился вдруг всего<...>

(Элегия: «На краткий миг...» // Сор. 1820. Ч. 9. № 2. С. 196)

<...>Забытый от людей, забытый от молвы<...>

(Финляндия // Сор. 1820. Ч. 10. № 5. С. 168)

Причина такого состояния — немилостивость высшей надличной силы — судьбы:

Прости Поэт! Судьбина вновь
Мне посох странника вручила<...>

(К Кюхельбекеру // СО. 1820. Ч. 59. № 5. С. 225)

<...>Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей
Судьбой отторженного брата?<...>

(Послание к б... Дельвигу // НЗ. 1820. Ч. 1. № 3. С. 56)

<...>Но кто постигнут роком гневным<...>

(К Коншину // СО. 1820. Ч. 66. № 49. С. 130)

<...>отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой<...>

(Отъезд // Сор. 1821. Ч. 15. № 2. С. 236)

Судьба определяет не только путь человека — ход событий его жизни: вручает посох странника, или отторгает от круга друзей, или отлучает от отчизны, — но

---

[1] Об отчуждении см.: *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 113 — здесь оно определено как «выпадение из принятых норм, обычаев, традиций».

[2] Здесь и далее указания на источники стихотворных цитат даны только в тех случаях, когда приводятся ранние редакции.

(и здесь снова возникает та же коллизия, что в «философическом» письме 1816 г. из Подвойского) не позволяет человеку быть внутренне свободным от той жизненной ситуации, в которую сама же его ставит. Судьба предопределяет не только пространственную отторженность от друзей, любви, наслаждений и проч., но и отторженность душевную:

<...>Но я безрадостно с друзьями радость пел:
    Восторги их мне чужды были.
Того не приобресть, что сердцем не дано,
    Рок злобный к нам ревниво злобен,
Одну печаль свою, уныние одно
    Унылый чувствовать способен.

В результате состояние отчужденности определяется уже не событиями жизни, а сугубо внутренними факторами — чувства утраты, забытости, одиночества (и т. п.) зависят от самого сознания своей отчужденности, преодолеть которое не представляется возможным из-за душевного «мучительного недуга» (болящего духа), насланного судьбой:

<...>Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг <...>
    (К Коншину // СО. 1820. Ч. 66. № 49. С. 130)

<...>Что ж ясный день не веселит
Души для счастья пробужденной?<...>
С тоской на радость я гляжу
Не для меня ее сиянье!<...>
Мечтою мрачной болен дух <...>
Я наслаждаюсь не вполне<...>
Все мнится, счастлив я ошибкой,
И не к лицу веселье мне!
    (Элегия: «Ужели близок час свиданья...» // НЗ. 1820. Ч. 1. № 1. С. 100)

<...>В дыхании весны все жизнь младую пьет
    И негу тайного желанья!
Все дышит радостью и, мнится, с кем-то ждет
    Обетованного свиданья!
Лишь я как будто чужд природе и весне:
    Часы крылатые мелькают;
Но радости принесть они не могут мне
    И, мнится, мимо пролетают.
    (Весна // Сор. 1820. Ч. 10. № 4. С. 88)

Поэтически оформленное сознание отчужденности сублимировало житейскую ситуацию, создавая специфический эффект ее восприятия: переживание отчуждения способствовало тому, чтобы все частное, что могло быть оценено в понятиях повседневного быта, приобретало статус событий поэтических. Необходимость выслуживать офицерский чин преображалась из события частной жизни проштрафившегося дворянина в факт иного смыслового порядка — в жизненную драму поэта-изгнанника. В результате происходила поэтизация самого повседневного облика Боратынского — в иных воспоминаниях его внешний вид обрисован по модели его унылых элегий — например, у Коншина: «<...>я не видал человека, менее убитого своим положением.<...> Глаза его, кажется, говорили судьбе словами бессмертного безумца: Gettate mi ove volete voi... che m'importa» (Бросьте меня куда угодно... мне все равно) (Изд. 1987. С. 334); у Сенковского: «Мы помним Баратынского с 1821 г., когда изредка являлся он среди дружеского круга, гнето-

мый своим несчастием, мрачный и грустный, с бледным лицом, где ранняя скорбь провела уже глубокие следы испытанного им. Казалось, среди самой веселой дружеской беседы, увлекаемый примером других, Баратынский говорил сам себе, как говорил в стихах своих: Мне мнится, счастлив я ошибкой, и не к лицу веселье мне» (БдЧ. 1844. Т. 66. Отд. V. С. 7—8). Независимо от степени похожести или непохожести этих мемуарных портретов на оригинал (проверить все равно нельзя — даже по портретам живописным: те тоже стилизуют действительный облик Боратынского), они фиксируют на его лице уныние и скорбь не частного человека, не унтер-офицера Нейшлотского полка, но уныние и скорбь поэта. Недаром Коншин читает в его глазах цитату из Тассо, а Сенковский — строки из его собственной элегии. В результате отчужденность оборачивается своей противоположностью — избранностью.

Сознание избранности. Замкнутость на процессе творчества. Избранность — это тоже выпадение из привычных правил, норм и т. п., но выпадение, осмысляемое в значении прямо противоположном отчужденности. Если сознание отчужденности предполагает исключительно угнетенное состояние духа, то сознание избранности, напротив, возвышает человека над обыденностью, дает ему возможность свое угнетенное состояние чувствовать как состояние, имеющее особую духовную ценность. Поэтому даже страдание в этом ключе может быть понято как дар свыше — своего рода харизма:

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытав его, нельзя понять и счастья:
    Живой источник сладострастья
    Дарован в нем его сынам<...>
    Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастием для света мы убоги,
Счастливцы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

(К Коншину // СО. 1820. Ч. 66. № 49. С. 130)

Если уж страдание частного человека осмысляется как божественный дар, делающий его отличным от толпы счастливцев, то тем более дар поэтический является знаком особой отмеченности, отъединяющей его от обычных людей (см. в «Пирах»: «И средь восторженных затей — // Певцы пируют, — восклицали, — // Слепая чернь, благоговей!»[1]), но зато дающей сверхценные духовные перспективы:

---

[1] Разумеется, сколь бы жизненно важно и индивидуально значимо ни было для Боратынского сознание своей поэтической харизмы, само такое сознание — явление литературно всеобщее и, в частности, лейтмотив лирики его ближайших друзей — Дельвига, Кюхельбекера, Пушкина. В начале 1820-х гг. сознание Боратынским собственного поэтического дара было во многом производным от сознания принадлежности к единому дружескому кругу — «союзу поэтов». Отсюда многие параллельные места в его стихах и в стихах его друзей, написанных в одно и то же время. См., например, в стихотворениях Дельвига «Поэт» и Кюхельбекера «Поэты» (написаны примерно в то же время, что и цитируемые далее «Лиде» и «Финляндия» — в феврале—марте 1820 г.): противопоставление поэтического дара — силе вещей и судьбы (Кюхельбекер: «Так! не умрет и наш союз, // Свободный, радостный и гордый, // И в счастьи и в несчастьи твердый»; Дельвиг: «И выше б Рока стал Поэт»), поэта и союза поэтов — черни (Кюхельбекер: «И что ж? Пусть презрит нас толпа: //Она безумна и слепа»; Дельвиг: «Познайте! Хоть под звук цепей// Он усыплялся б в колыбели, // А вкруг преступники гремели // Развратной радостию в хмели — // И тут бы он мечте своей // Дал возвышенное стремленье»); см. в «Поэте» Дельвига определение смысла творчества как замкнутости поэта на самом себе: «В самом себе блажен поэт» (Цит. по изд.: *Кюхельбекер.* Изд. 1967. Т. 1. С. 133; *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 148—149).)

<...>Не многим избранным понятен
Язык Поэтов и Богов<...>
Питомец Муз равно безгласен
В толпе вертушек молодых<...>
Душой высокое любя,
Он воздаянья ждет от Феба
И дар святой благого неба
Хранит для муз и для себя.

(Лиде // СО. 1821. Ч. 68. № 10. С. 133)

В «Финляндии» Боратынский сознает себя отторженным от общей жизни странником, нашедшим приют вне общей жизни — на чужбине, вдали от родины («Громады вечных скал, гранитныя пустыни! // Вы дали страннику убежище и кров<...>// Забытый от людей, забытый от молвы<...>»). Но состояние отчужденности становится здесь, в отличие от других элегий Боратынского, не предметом горестной рефлексии, а способом противостояния судьбе и материалом для возвышенного творчества, предоставляя возможность особенного рода счастья, не обусловленного ни дружбой, ни любовью, ни жизнью на родине (а именно так обусловлено счастье в других элегиях), — счастья сосредоточенности уединенного певца на самом процессе творчества.

<...>Забытый от людей, забытый от молвы,
Доволен будет он углом уединенным;
Он счастье в нем найдет<...>
Что нужды до былых иль будущих племен?
Я не для них бренчу незвонкими струнами:
Я, невнимаемый, довольно награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

(Сор. 1820. Ч. 1. № 1. С. 168, 170)

Творчество становится заменителем всех иных возможных вариантов счастья, а сознание поэтической харизмы создает противовес той деструктивной силе болящего духа, которая не позволяла чувствовать ничего, кроме отчужденности. И можно сказать, что уже в 1820 г. вполне определились два полюса той философско-художественной оси, на которой, как на качелях, будет балансировать самосознание Боратынского до конца его жизни: один полюс — болящий дух, разрушающий любые перспективы и уничтожающий своего носителя; другой полюс — творчество, дающее поэту власть над своим болящим духом и позволяющее ощутить счастье.

Установка на философическое обобщение. В поэме «Пиры» Боратынский сзывает друзей:

<...>О, поспешите в домик мой
Упиться радостью свиданья!
Толпой сберитеся опять
Шуметь за чашей круговою,
Былое время вспоминать
И *философствовать* со мною <...>

(Сор. 1821. Ч. 13. № 3. С. 393; курсив мой. — А. П.)

Страсть к рассуждению пробудилась в Боратынском еще в пажеские годы. Но в первых стихотворных опытах можно обнаружить лишь отдельные ее следы. Начиная с 1820 г. установка на философскую медитацию становится отличительным признаком его поэзии.

Элегия «На краткий миг пленяет в жизни радость...» начинается с афоризма, благодаря которому весь текст представляется своего рода иллюстрацией этого афоризма:

На краткий миг пленяет в жизни радость,
Невидимо мелькают счастья дни;
Едва блеснут и скроются они.
На краткий миг узнал любви я сладость:
О милый друг, тебя уж нет со мной!<...>

(Сор. 1820. Ч. 9. № 2. С. 196)

Поток дружеских излияний и чувств в «Послании к б... Дельвигу» прерывается для философического резюме:

<...>Счастлив, кто легкою рукою
Весной умел срывать весенние цветы
    И в мире жил с самим собою,
Кто без уныния глубоко жизнь постиг
    И, равнодушием богатый,
За царство не отдаст покоя сладкий миг
    И наслажденья миг крылатый!<...>

(НЗ. 1820. Ч. 1. № 3. С. 57)

Приведенные примеры — простейшие варианты медитаций Боратынского: конкретная ситуация здесь обобщена сентенцией — и только. Но уже в послании к Коншину («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...») и в «Финляндии» воздвигнуты более сложные конструкции, подобные которым будут строиться в зрелой лирике Боратынского: философические резюме предстают здесь не в виде приложений к описанию частных ситуаций или выражению частных чувств, а растворены в потоке авторской речи, развертываемой одновременно в двух планах — личном и общем. В послании к Коншину одновременно говорится как о Боратынском и Коншине, так и вообще о тех, кто отмечен харизмой страдания, отчего те «мы», о ком идет речь, — это в равной мере как автор и адресат послания, так и вообще «сыны страдания», те немногие избранные, кому свыше дарована способность к сочувствию, каковой нет и не может быть у счастливцев:

<...>Счастливцы мнимые! способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей заботливому другу!<...>
Вы ищете в любви занятие одно,
Восторг проходчивый, минутное забвенье;
Нам благо лучшее богами в ней дано
И нужд живейших утоленье<...>

(СО. 1820. Ч. 66. № 49. С. 130)

В «Финляндии» — структурно аналогичный параллелизм частного и общего: автор-«певец», «забытый от людей, забытый от молвы», рассуждает о забытой потомками жизни прошедших по финляндской земле поколений. Однако сам процесс решения философической задачи здесь значительно более изыскан, чем в тех текстах, о которых шла речь прежде. В основе «Финляндии» — та же философема, что в элегии «На краткий миг пленяет в жизни радость...» или в послании к Дельвигу, — философема, которую впоследствии Боратынский однотипно определит словами «все проходит» (см. эту формулу в стихотворениях «Наслаждайтесь, все проходит...» и «Бывало, отрок, звонким кликом...»): «Ничто не прочно на земли<...> Следы минувшего исчезли в сих местах<...> И ваши имена не пощадило время!<...> О, все своей чредой исчезнет в бездне лет», — словом, всему «один закон — закон уничтоженья». Перед лицом вечности бессмысленны «бурная жизнь», «победы», «слава», «подвиги», «песни Скальда». И «сильные прежних дней» и «наше ветреное племя» равно останутся безвестны для будущих поколений. Од-

нако этому объективному материальному закону уничтожения противопоставлено временное, субъективное ощущение певца, вступающего в мистический диалог с тенями. Он окликает их:

<...>Не вы ли, бледные, вперив на звезды очи,
Плывете в облаках туманною толпой?
Не вы ль?.. ответствуйте!<...> —

и слышит отклик из вечности:

<...>Во всем мне слышится таинственный привет
Обетованного, глубокого забвенья<...>

В результате разом утверждаются две прямо противоположные истины (точнее, впрочем, сказать: утверждается в качестве двух истин объективно доказуемое и субъективно ощущаемое) — о законе уничтожения и о таинственном привете из вечности говорится через запятую. Объективный закон уравнивается в правах с субъективными, частными ощущениями, и смыслом жизни объявлена сама жизнь, душевные заблуждения которой сознаются как ценность, высшая по сравнению с материальным законом бытия:

<...>Но я, в безвестности для жизни жизнь любя<...>
Не вечный для времен, я вечен для себя.
Златые призраки, златые сновиденья,
Желанья пылкие, слетитеся толпой!
Пусть жадно буду пить обманутой душой
Из чаши юности волшебство заблужденья<...>

(Сор. 1820. Ч. 1. № 5. С. 168—170; ср. с рассуждениями об утешительной функции заблуждений и обманов: 1815, апр., вт. пол. — май; май—июнь).

Обратимость ответов и относительность истин. «Философия» Бора́тынского ускользает от однозначных определений исследователя, ибо опорные категории этой «философии» могут быть адекватно поняты только при условии их преднамеренно противоречивой интерпретации. Так, отчужденность, переживаемая в одних произведениях как состояние негативное, в других может, напротив, осознаваться в качестве позитивного признака избранности. И какие бы категории ни выделять в творчестве Боратынского (вечность — скоротечность, мысль — чувство, родина — чужбина, покой — буря и т. д. и т. п.), стоит помнить, что ценностный смысл их в разных текстах будет разным. В произведениях, написанных одно вослед другому (и это касается не только 1820 года, но и всех других творческих лет Боратынского), а иногда и в пределах одного произведения будет обнаруживаться диаметрально противоположное осмысление одних и тех же ситуаций и переживаний. «Певец утех» одновременно является «певцом утрат» (послание к Дельвигу); тщетность каких бы то ни было желаний и готовность к разочарованию в «Элегии» («На краткий миг пленяет в жизни радость...») и в «Унынии» («Рассеивает грусть...») (написаны в начале и в середине 1820 г.) резко контрастируют с пробуждением любовных чувств и готовностью очароваться в мадригале «Финским красавицам» и в «Элегии» («Заснули рощи над потоком...») (написаны в марте—апреле 1820 г.); в одном послании к Коншину («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...») Боратынский пишет апологию страдания и отвергает привычные понятия о счастье:

<...>Бездейственность души счастливцев тяготит;
  Им силы жизни неизвестны.
Не нам завидовать ленивым чувствам их:
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной

И в ощущениях слепых
Души рассеянной и праздной?<...>
(СО. 1820. Ч. 66. № 49. С. 130)

А в другом послании к Коншину («Живи смелей, товарищ мой...»), напротив, именно такой образец счастья объявляется идеалом:

<...>Познай же цену срочных дней,
Лови пролетные мгновенья:
Исчезнет жизни сновиденье.
Кто был счастливей — был умней!<...>
(СО. 1821. Ч. 72. № 29. С. 131)

Признание относительности любых истин явилось следствием не только спонтанного самовыражения, но было достаточно ясно осознано Боратынским в его рассуждении «О заблуждениях и истине» (1820, ноябрь, 22; 1821, март, 25... 31), подводившем итоги юношеских философствований на эту тему. Вновь, как и в письмах 1815 г., Боратынский ставит понятие истины в прямую зависимость от субъективных впечатлений человека («<...> почему одни впечатления, или родившиеся от них мысли мы называем истинными, а другие ложными?»). Но теперь в анализ соотношения истины и заблуждений введен новый критерий — возрастной. Истинность или ложность суждений зависят от впечатлений и опыта человека в разные годы жизни, и эти впечатления равноправны: нельзя считать, что мнения и впечатления человека в зрелом или старческом возрасте более истинны, нежели таковые же в детстве или в молодости. То, что с точки зрения человека одного возраста и одного опыта является истинным, может считаться заблуждением с точки зрения человека другого возраста и с другим опытом: «<...> положим, что вы имели одни только горестные опыты, что в детстве вы зависели от своенравного наставника; что в юности вам изменила любовница, изменил друг, изменила надежда; что в старости вы остались одиноким и печальным. — Как вы опишете жизнь? Детство для вас будет временем рабства и бессилия; юность — временем мятежных снов и безумных желаний; старость — торжественным сроком, когда является истина и с насмешкой погашает свечу в китайском фонаре воображения. — Относительно к себе, вы совершенно правы; напротив, в детстве я ничего не знал, кроме радостей: добрая мать мне была снисходительною наставницею. Теперь имею веселых, любезных друзей, всею душою мне преданных; быть может, буду еще иметь подругу милую и верную; надеюсь, что старость моя согреется воспоминаниями о прежней разнообразной, полной жизни; что и в преклонных летах сохраню еще любовь к прекрасному, хотя не так живо его буду чувствовать; что сквозь очки еще с наслаждением буду смотреть на румяную молодость, а подчас и сам буду забавлять ее рассказами про старое время. — Положим, что такова будет жизнь моя; не правда ли, что, подобно вам, руководствуясь рассудком и опытом, я сделаю заключение совершенно противное вашему? и не будем ли мы здраво судить каждый в свою очередь?» В итоге истина оказывается «вещью до крайности относительной»: «Каждый возраст, каждая минута нашей жизни не имеет ли собственные, ей одной свойственные истины?» (Сор. 1821. Ч. 13. № 4. С. 25—36). Следовательно, и ответы на глобальные вопросы (соотношение вечности и времени, душевных желаний и материальных законов, личной свободы человека и его зависимости от надличных сил и т. д.) могут быть обратимы и прямо противоположны друг другу.

* * *

К концу февраля 1821 г. Боратынский вернулся из отпуска. Видимо, он уже знал, что Александр I отказал ему в производстве, и был сильно поражен таким

поворотом событий. Вместе с тем отказ императора имел особенное значение для репутации Боратынского в литературных кругах Петербурга: теперь уже никто не мог сомневаться, что его пребывание в Финляндии — род ссылки, и специфическим ответом литературной республики царю стало новое ободрение Боратынского — его избрание в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности (28 марта 1821 г.).

Впрочем, в этот раз он пробыл в Финляндии недолго: Нейшлотский полк был вызван в Петербург для караульной службы (1821, апр., 13—17, 30), и благодаря этому Боратынский прожил в столице более года — с мая 1821 по июль 1822 г. Это время — период самого интенсивного в его жизни литературного общения: в Вольном обществе любителей российской словесности он побывал 18 раз, и здесь было прочитано 11 его новых произведений (1821, май, 16; авг., 8; авг., 22; сент., 12; 1822, янв., 16; апр., 17). Кроме ближайших друзей — Дельвига (с ним Боратынский живет на одной квартире) и Коншина — он часто видится с Плетневым (о стихах Плетнева, обращенных к Боратынскому, см. 1821, сент., 12), Гнедичем (в 1823 г. ему будут адресованы два послания: 1823, перв. пол. года; ноябрь, 8), Ф. Глинкой, Гречем, Булгариным, братьями Бестужевыми (А. Бестужев первым публично упомянет его в ряду лучших русских поэтов — 1821, июль, 15; сент., 23), Рылеевым, А. Е. Измайловым и т. д. и т. д.

Значительная часть петербургского времени Боратынского оказалась поглощена сильным любовным увлечением. Видимо, еще во второй половине февраля Боратынский познакомился с одной особой. «Это была та самая, со множеством странностей и проказ, но очаровательная Софья Дмитриевна Пономарева <...> всякий, кто только знал ее, был к ней неравнодушен более или менее. В ней, с добротою сердца и веселым характером, соединялась бездна самого милого, природного кокетства, перемешанного с каким-то ей только свойственным детским проказничеством. Она не любила женского общества, даже не умела в нем держать себя, и предпочитала мужское, особенно общество молодых блестящих людей и литераторов» (*Панаев* 1867. С. 265; историю салона Пономаревой см.: *Вацуро* СДП). Видимо, Пономарева при первом же появлении Боратынского в ее доме на Фурштадтской сразу продемонстрировала свое особенное внимание к нему, и Боратынский отвечал ей тремя посланиями, послужившими началом его самого обширного любовного цикла, — «Когда б вы менее прекрасной...», «Приманкой ласковых речей...» и «Вы слишком многими любимы...» (1821, февр., 20-е числа? март, 7; в этих стихах он отказывался от перспективы любовных отношений с Пономаревой: «С толпой соперников моих // Я состязаться не дерзаю // И превосходной силе их // Без битвы поле уступаю»; «Предаться нежному участью // Мне тайный голос не велит, // И удивление, по счастью, // От стрел любви меня хранит»). В мае 1821 г. в Петербург из служебной поездки вернулся П. Л. Яковлев и способствовал тому, чтобы его друзья — Дельвиг, Боратынский и Кюхельбекер — стали частыми посетителями дома Пономаревых. По справедливому предположению В. Э. Вацуро, инициатором сближения с «союзом поэтов» была сама Пономарева, сразу отличившая новых знакомцев от завсегдатаев ее вечеров — литераторов круга «Благонамеренного»: А. Е. Измайлова, братьев Княжевичей, Остолопова, Сомова и др. Помимо естественного для нее стремления найти новых поклонников, она, безусловно, могла желать сближения с людьми, для которых «творчество было их органической жизнью, а не занятием в свободные от службы часы, и поле интеллектуального напряжения, созданное ими, было неизмеримо выше прежнего. <...> В августе 1821 года листы альбома <Пономаревой> начинают заполняться записями не вполне обычного содержания. Они сохраняют следы бесед — непринужденных, иногда шуточных, чаще серьезных; вспышек неподдельного остроумия или мгновенных характерологических наблюдений.<...> Дух

анализа, философского размышления, скептического неприятия вторгался в привычную игру. <...> Эпоха неуклюжих полушуточных, полуканцелярских протоколов, надуманных прозвищ, архаических мадригалов оканчивалась для дома Пономаревых» (*Вацуро* СДП. С. 180, 179, 182).

Осенью 1821 г. Боратынский вписывает в альбом Пономаревой стихотворение «Слепой поклонник красоты...», явно примыкающее к элегиям «Разуверение» и «Нет, не бывать тому, что было прежде...» (1821, май, 16; сент., 12; сент., 30), — так же, как в тех элегиях, здесь говорится о разочаровании в надеждах на любовное счастье и о невозможности этого счастья в будущем (вариант этого стихотворения см. на с. 32 — «Когда неопытен я был...»). Легко предположить, как было разжено признаниями Боратынского в разочарованности и без того жадное желание Пономаревой приобрести нового поклонника. И он и она понимали, что строят свое отношение друг к другу в рамках любовно-литературной игры, принятой в доме на Фурштадтской. Своими первыми февральскими стихотворениями, обращенными к ней, Боратынский, безусловно, провоцировал ее на дальнейшее развитие любовного сюжета, предпочитая, чтобы инициатором сближения была она, и только увидев с ее стороны явную предрасположенность к сближению, сам стал способствовать развитию сюжета. Разность их положений заключалась в том, что для Пономаревой этот сюжет так и остался сюжетом любовно-поэтического спектакля, а Боратынский, несмотря на то что сам же и при знакомстве, и на ранних стадиях развития их отношений сознавал, что Пономаревой нужен спектакль, тем не менее в какой-то момент действительно увлекся и всерьез поверил в ответную любовь.

Первый успех Пономаревой отражен в новой альбомной записи «О своенравная София!..», сделанной в ноябре—декабре 1821 г. (в тексте сказано о наступающей или уже наступившей зиме: «На ваших ужинах веселых<...> // Я основал свои надежды // И счастье нынешней зимы»). Здесь Боратынский почти отбрасывает прежнюю осторожность, признаваясь в том, что теряет рассудок («Я в нем теперь едва ли волен»). И наконец он прямо пишет о своем любовном желании («Неизвинительной ошибкой...» и «Зачем живые выраженья...»). Видимо, в ту же пору между ними началась любовная переписка (ни одного письма не сохранилось; о самой переписке известно по строкам Боратынского в послании к Дельвигу («Я безрассуден — и не диво!..»): «<...> Я перечитываю строки, // Где, увлечения полна, // В любви счастливые уроки // Мне самому дает она<...>«). А дальше... Дальше события развивались по сценарию, уже испытанному Пономаревой на своих предыдущих поклонниках (см. историю ее романа с Сомовым: *Вацуро* СДП. С. 73—136): Боратынский начинает верить в то, что любим — см. «Догадку» («Любви приметы // Я не забыл<...> // О! я знаком // С сим языком // Любови тайной! // Ты вся в огне, // Бедняжка Скромность! // Сих взоров томность // Понятна мне<...>»), мечтать о любовном счастье — см. «Возвращение» («На кровы ближнего селенья // Находит вечер; день погас. // Покинем рощу, где для нас // Часы летели как мгновенья! <...>»), и наконец наступает кульминация — см. «Поцелуй» («Сей поцелуй, дарованный тобой, // Преследует мое воображенье<...>»). Эти три стихотворения были прочитаны 9 марта 1822 г. в «михайловском» обществе словесности, наук и художеств и через неделю (16 марта) напечатаны Измайловым в «Благонамеренном» (не исключено, что Пономарева сама отдала их для публикации без ведома Боратынского). После этих стихов продолжать любовную игру для Пономаревой уже было не нужно — она получила публичные уверения в любви, доказав себе и всем в очередной раз, что, какова бы ни была сила разочарования у ее избранника, ее чары сильнее. Развязкой романа стали «Размолвка» («Прости, сказать ты поспешаешь мне...») и «Дориде» («Зачем нескромностью двусмысленных речей...») — уникальный случай в поэзии Бора-

тынского, когда он обращается с обвинительными упреками к бывшей возлюбленной:

Прости, сказать ты поспешаешь мне, —
И пылкое любви твоей начало
Предательски безумца обласкало<...>
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.

(Цит. по: НЛ. 1823. Кн. 5. № 38. С. 190)

Зачем нескромностью двусмысленных речей,
Руки всечасным пожиманьем,
Притворным пламенем коварных сих очей,
Для всех увлажненных желаньем
Знакомить юношей с волнением любви,
Их обольщать надеждой счастья
И разжигать, шутя, в смятенной их крови
Бесплодный пламень сладострастья?
Он не знаком тебе, мятежный пламень сей<...>

(Цит. по: НЛ. 1822. Кн. 1. № 8. С. 126)

История отношений Боратынского с Пономаревой — единственная любовная история, оставившая в его творчестве такой автобиографический сюжетный след: по меньшей мере двенадцать стихотворений плюс еще ряд текстов, являвшихся существенными дополнительными факторами для развития сюжета («Разуверение»; «Нет, не бывать тому, что было прежде...»; послания к Дельвигу: «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...» и «Я безрассуден — и не диво!..»). Казалось бы, какой материал для сборника элегий! Но Боратынский никогда не собрал стихи, посвященные Пономаревой, в том порядке, в каком они были написаны. Причиной тому было не только обиженное самолюбие (самолюбие скоро утешилось новыми любовными увлечениями и флиртами — характерна переадресовка стихотворений «Вы слишком многими любимы...» и «Слепой поклонник красоты...» А. В. Лутковской — см. 1823, февр.—дек.). Другая, может быть, существеннейшая причина в том, что пономаревский цикл сложился как бы помимо авторской воли — под диктовку героини стихов: не поэт властвовал здесь над материалом, а материал — над поэтом. Такой способ творчества прямо противоречил понятиям Боратынского о творчестве.

Между тем ко времени развязки романа с Пономаревой прошло уже более года после отказа Александра I в производстве. Видимо, зимой Лутковский вновь представлял Боратынского к повышению в чине, а император снова отказал. В конце мая 1822 г. спасать брата приехала его сестра София. Благодаря ее письмам сохранились многие мелкие бытовые подробности жизни Боратынского в Петербурге (см. 1822, май, 27 или 28; май, 30; июнь, 4; июнь, 15; июнь, 22; июнь, 23; июнь, между 23 и 30; июнь, 28—29; июль, 3; июль, 13; июль, 20; июль, 21; июль, 27; авг., 11). Но, конечно, ничем, кроме утешений, помочь брату она не могла. В августе 1822 г. Боратынский вместе со своим полком вернулся в Финляндию (см. 1822, авг., 1; авг., 20—21).

Незадолго до отъезда вместе с кем-то из друзей (Дельвигом и Коншиным?) он сочинил куплеты «Певцы 15-го класса» (1822, июль, между 10 и 31), направленные в основном против сочинителей круга «Благонамеренного». Куплеты эти вызвали бурное негодование со стороны Измайлова и его сотрудников (см. тексты: 1822, осень). Сатирические выпады против Боратынского и «союза поэтов» стали частью более широкой полемики начала 1820-х гг. — классиков и романтиков. Боратынский никогда не называл себя романтиком и не выступал с критическими опровержениями «старой школы словесности»: сам спор должен был казаться ему

необоснованным и диковатым, о чем свидетельствует послание 1824 года «Богдановичу», иронически препарирующее стиль полемики классиков и романтиков. Если судить по этому посланию, можно сказать, что главные критерии оценки текста для Боратынского — это степень творческой оригинальности автора (Жуковский противопоставлен своим эпигонам) и исторически изменчивый вкус публики («веселость», «бодрый ум» и «вкус неразвращенный» словесности времен Екатерины противопоставлены «хандре», «унынию» и «жизнехуленьям» новейших поэтов). В конечном же счете все зависит от таланта сочинителя, независимо от принадлежности к той или иной «школе». Овидий, Богданович, Батюшков, Жуковский, Пушкин и сам Боратынский, названные в послании «Богдановичу», уравнены тем, что все они принадлежат к числу людей с дарованиями. Хороший писатель — тот, кому его природные данные позволяют создавать впечатляющие произведения в том роде, какой соответствует его душевному складу[1]. Еще в 1821 г. в ответе А. А. Крылову (см. 1821, май, 26) Боратынский писал:

<...>Путей к Парнасу много есть:
Зевоту можно произвесть
Равно и Притчею и Одой,
И ввек того не приобресть,
Что нам даровано природой<...>
Приятно петь желаешь ты?
Когда влюблен — бери цевницу!
Воспой победы красоты,
Воспой души своей царицу.
Когда же любишь стук мечей,
С бессмертной музою Омира
Пускай поет вражды царей
Твоя возвышенная лира.
Равны все Музы красотой,
Несходство их в одной одежде.
Старайся нравиться любой,
Но помолися Фебу прежде.

*(К ***: «Кто жаждет славы, милый мой...» // РИ. 1822. С. 12)*

В неопубликованных воспоминаниях А. А. Иовского приведено одно высказывание Боратынского, судя по которому легко предполагать, что *классическое* для него было синонимично традиционному, прошедшему, архаическому, а *романтическое* приравнивалось к новому, модному, новаторскому: «Однажды обедало у И. И. Дмитриева довольно пишущей братии, между прочими припоминаю Павлова, Надежина<так!>, Баратынского, Погодина, Раича — помнится после последнего процесса с Семеном типографщиком, у коего припечатано будто было лишнее количество екземпляров его «Освобожденного Иерусалима»<...>. После обеда, который был довольно занимателен по разнообразию лиц, понятий, поколений, — по причине довольно холодного времени, — перешли в Библиотеку его, которая внизу, к камину. Помню эти жаркие состязания о романтизме и классицизме — тогда предмете еще новом на Руси; а в этом собрании были и классики и романтики. Спор продолжался, а развязки не было. Не знаю кто, помнится Баратынский, обращаясь к И. И. <Дмитриеву> сказал: Позвольте предложить мне мое мнение; и по получении согласия продолжал: Всякое общество иначе не должно

[1] Такой взгляд может быть в равной мере назван и классическим и романтическим: классическим потому, что требование соответствия таланта автора избранному им жанру — это императив всей традиционной эстетики от Горация до Хвостова; романтическим потому, что талант автора является единственным критерием оценки достоинств текста.

начинаться, как подражанием. Но у людей с дарованием самые подражания проявляются в особенных образцах, свойственных их понятиям, их гениальным воззрениям на предмет. — То же да иначе. Отселе происходят новые формы для изображения мыслей, для представления их в образах и оборотах речи. То же да иначе, и любо, как читаешь. А это увлекает к подражанию новости, и отселе новая литература. Назовите ее романтическою, все равно; главное она новая, не похожая на предшествовавшую. Вы явились у нас с Карамзиным с новым словом, с новыми оборотами и с новыми формами речи; вы открыли нам совсем новый путь к изложению наших мыслей; поэтому вы наш романтик прежде, нежели начали у нас спорить о романтизме и классицизме» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. I. № 1187-а. Л. 1 об.; сообщено С. И. Пановым).

* * *

Проведя четыре месяца в отпуске (видимо, в Маре: 1822, сент., 20 — 1823, февр., 1), Боратынский вернулся в Финляндию — в Роченсальм, и весь 1823 год и половину 1824-го провел здесь. В конце лета 1823 г. Рылеев и Бестужев предложили ему издать его стихотворения отдельной книгой (1823, авг.?). Осенью 1823 г. Боратынский отредактировал тексты, предназначенные для книги, и не позднее конца года отправил своим будущим издателям две тетради (1823, окт.—дек.). Но издание не состоялось — из-за очередных хлопот о производстве в офицеры. На сей раз хлопоты начал Жуковский: он попросил Боратынского изложить историю его злоключений. В своем исповедальном письме (1823, дек., до 20—25) Боратынский рассказал об основных событиях, предшествовавших исключению из Пажеского корпуса, и о подробностях самой катастрофы. Письмо является документом, важным не только своим фактическим, но и литературно-психологическим содержанием, — оно построено как исповедь романтического преступника, и одним из вероятных его литературных источников была повесть Шиллера «Verbrecher aus verlorener Ehre», переведенная в свое время Жуковским под названием «Ожесточенный» (ВЕ. 1808. Ч. 38. № 6—7). В «Ожесточенном» речь идет о разбойнике Христиане Блемере, которого обстоятельства жизни превратили в злодея: «<...>он кончил жизнь на эшафоте! Но тонкое, внимательное раздробление поступков его, вероятно, послужит уроком для человечества, а может быть, и для самого правосудия» (цит. по: *Жуковский*. Изд. 1995. С. 71). Смысл повести Шиллера—Жуковского в том, чтобы проследить психологические мотивы поведения человека, заклейменного правосудием и общественным мнением: «<...> мы, с своей стороны, должны быть не только свидетелями поступков его, но вместе и тайными поверенными его желаний; мысли его важнее для нас, нежели действия; источник мыслей важнее, нежели следствия поступков» (Там же. С. 70). Тем же путем идет в своей исповеди Боратынский. Ему важно объяснить психологическую подоплеку своих поступков — поэту, писавшему о «человеколюбивой терпимости» и «снисхождении», которые необходимо проявлять к «заблудшим»[1]. В письме разво-

[1] См. в «Ожесточенном»: «Сверх многих других преимуществ, которые могла бы иметь история, представляемая в таком <психологическом> отношении, одно из существеннейших полагаю в том, что она искоренила бы наконец сию жестокую гордость, сие несправедливое презрение, с которыми добродетель, еще не испытанная и прямая, взирает на падшую и побежденную; что ею бы наконец распространен был сей благодетельный дух терпимости, без которого не возвращается ни один заблудший на стезю правды.<...> Имел ли право на сию человеколюбивую терпимость тот преступник, который играет первую ролю в моей повести; погиб ли он без возврата для общества — пускай решит читатель! Этот несчастный уже не имеет нужды в снисхождении: он кончил жизнь на эшафоте! <...> Но, читатель, неужели этот несчастный никогда не мог возвратиться к добродетели?» (*Жуковский*. Изд. 1995. С. 70—71, 90)

рачивается история человека, с детства отчужденного обществом. Боратынский покидает родной дом «очень добрым мальчиком» в твердом намерении «служить примером прилежания и доброго поведения». Но, едва вступив в Пажеский корпус, сталкивается с грубостью и неласковостью своего первого наставника Кристафовича. «Несправедливость его меня ожесточила: дети самолюбивы не менее взрослых, обиженное самолюбие требует мщения, и я решился отомстить ему». За это мщение он отправлен под арест: «Первая моя шалость не сделала меня шалуном в самом деле, но я был уже негодяем в мнении моих начальников» (ср. в «Ожесточенном» об аресте и осуждении Христиана Блемера: «Судьи, читая в книге законов, не могли читать во внутренности его сердца» — *Жуковский*. Изд. 1995. С. 73). «Между тем, — пишет далее Боратынский, — сердце мое влекло к некоторым из моих товарищей, бывших не на лучшем счету у начальства; но оно влекло меня к ним не потому, что они были шалунами, но потому, что я в них чувствовал <...> лучшие душевные качества, нежели в других» — это были сверстники, обладавшие «большею живостию нрава, большим беспокойством воображения, вообще большею пылкостию чувств, нежели другие дети». Но, поскольку начальники пажей были равнодушны к внутренней жизни своих воспитанников, все эти качества, ценные для наблюдателя души человеческой, для них являлись признаками дурного нрава, который следует исправлять наказаниями: «Я не сделал еще ни одной особенной шалости, а через год по вступлении моем в корпус они <начальники> почитали меня почти чудовищем». В результате происходит действительное превращение «очень доброго мальчика» в настоящего шалуна (характерно постоянное противопоставление Боратынским двух точек зрения: точки зрения людей, судящих о поступках по их видимым последствиям — для них Боратынский «совершенный негодяй» и «чудовище», и точки зрения человека, готового с терпимостью и снисхождением выслушивать «повесть беспутной жизни»; для такого человека Боратынский — «природно-беспокойный» шалун с «живым нравом», «беспокойством воображения» и «пылкостью чувств»). Далее следует рассказ об увлечении Боратынского и его друзей Карлом Моором и игре в разбойников, и только после этого Боратынский приступает к кульминационному моменту своей исповеди — рассказу о приключении в доме камергера Приклонского. Завершалось письмо сообщением о том, что Боратынский вступил в солдаты по собственному желанию (важное уточнение — многие думали, что он принудительно отдан), что, несмотря на ежегодные представления к производству в офицеры, до сих пор не был произведен и что теперь он, потеряв надежду, приходит в отчаяние и готов раскаяться, что «добровольно наложил на себя слишком тяжелые цепи». «Должно сносить терпеливо заслуженное несчастие — не спорю; но оно превосходит мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его не только убила мою душу, но даже ослабила разум». Таким образом, Боратынский подводил своего адресата к мысли о том, что он находится на пороге нового ожесточения и его единственной надеждой остается участие, которое проявит к его судьбе Жуковский. Психологическая исповедь имела продолжением психологическое ходатайство — Жуковский надеялся пробудить у Александра I сострадание (1824, янв., 2; февр. 10). К хлопотам подключились А. И. Тургенев (1824, февр., 25? март, 24), Денис Давыдов (1824, март, 6), дядюшка Боратынского Петр Андреевич (в ту пору сенатор). Они ходатайствовали перед министром просвещения Голицыным, новым командиром Отдельного Финляндского корпуса Закревским, великой княгиней Еленой Павловной, начальником Главного штаба Дибичем, а те в свою очередь — перед императором. Наверное, такое количество ходатаев насторожило Александра I — создавалась видимость общественного мнения, и он отказал с убийственной резолюцией: «Не представлять впредь до повеления» (1824, апр., около 6) — что фактически означало запрет на новые ходатайства. Во время хлопот

сложилось убеждение (степень его основательности не ясна) в том, что публикация произведений Боратынского вредит его освобождению (1824, март, 24). Поэтому в первую половину 1824 г. ни одно его стихотворение в печати не появилось, а те, что были опубликованы во второй половине 1824 — первой половине 1825 г., помещались обычно с подписью *Б.* Думать об отдельной книге стихов под угрозой бесконечного солдатства в это время не приходилось. А к той поре, когда Боратынский наконец получит офицерский чин, его литературные отношения с Рылеевым и Бестужевым разладятся, и планировавшееся издание так и не состоится.

Пребывание Боратынского в Финляндии в течение 1823 — первой половины 1825 г. было тяжело своей вынужденностью, неопределенностью будущего и оторванностью от петербургской литературной жизни. Новая стоянка нейшлотцев в Петербурге летом 1824 г. (июнь, 10 — авг., 5—6) могла только обострить сознание отчужденности от нормального существования. Боратынский должен был жить в местах дислокации своего полка, не мог строить никаких практических планов на будущее, и наиболее доступной ему формой свободы была свобода творчества. Творчество становилось способом спасения от невзгод повседневного существования. Именно в этот период жизни он начинает думать о выборе своего особенного пути в литературе, с чем связана начатая зимой—весной 1823 г. работа над «Эдой»: вступая в поэтическое соревнование с Байроном, Жуковским и Пушкиным, Боратынский пытался создать свою версию стихотворной повести, отказываясь от «лирического тона» и экзотического сюжета для поэтизации «мелочных подробностей» (так он объяснял свой замысел в предисловии 1826 г. к «Эде»). И хотя фактически Боратынский уходил в «Эде» с собственного пути, который проложил в своих элегиях, существенно, что сам этот зигзаг творчества сознавался им как поиск авторской самобытности — свидетельство стремления явить свою творческую оригинальность в противопоставлении своих произведений существующим литературным образцам (такими же зигзагами станут впоследствии, например, опыт романа в стихах — «Наложница» и повесть «Перстень»).

Едва довершив «Эду», в феврале 1825 г. Боратынский принялся за новую стихотворную повесть — «Бал», значительно более «лирическую» по «тону», поскольку в основе произведения лежало острое впечатление от знакомства зимой 1824—1825 гг. в Гельсингфорсе с А. Ф. Закревской. Начало отношений Боратынского с ней отчасти повторяло начало отношений с Пономаревой: его страсть была сублимирована на уровень поэтического остранения, но, в отличие от предыдущего романа, ни сначала, ни впоследствии о сближении между ними речи не было — в результате страсть Боратынского так и осталась преимущественно эстетической, преобразовав впечатление от личности Закревской в характер главной героини «Бала».

Начало работы над «Балом» пришлось на период новых хлопот о производстве Боратынского. Теперь уже сделано было все, чтобы не создавать видимость общественного мнения: ходатайствовал один человек — командующий Отдельным Финляндским корпусом Закревский. И наконец, 21 апреля 1825 г., Александр I подписал указ о присвоении Боратынскому чина прапорщика. Однако освобождение обременило новой заботой: теперь Боратынский должен был наряду с другими офицерами участвовать в ежедневных учениях Нейшлотского полка (см. 1825, май, 15). Он стал думать об отставке. Скоро представился повод: 19 ноября умер Александр I, других противников своей отставке Боратынский не видел, и 27 декабря 1825 г. он послал прошение об увольнении от службы.

К этому времени он три месяца находился в Москве (см. 1825, окт., нач.) — в отпуске. Сюда же приехала из Мары маменька Александра Федоровна. Она уже была отягощена сильным нервическим расстройством (см. 1825, дек., 10; 1832, июнь, до 19; 1833, ноябрь, до 3; ноябрь, 13), и Боратынский решил остаться при

ней — облегчить ее существование, хотя сам сознавал, что помочь ничем не может и лишь отягчит собственную жизнь (см. письмо к Путяте: ноябрь 1825). Мрачные раздумья о своей будущей жизни были усугублены в конце декабря известием о мятеже на Сенатской площади, об арестах петербургских друзей и начавшимися арестами в Москве. «Стихи у меня что-то не пишутся», — признавался Боратынский в очередном письме к Путяте (1826, янв., нач.).

В первую половину 1826 г. произошло три важных события: в середине февраля Боратынский почти одновременно узнал о том, что его прошение об отставке удовлетворено Николаем I, и о выходе отдельным изданием «Эды» и «Пиров» (1826, февр., 1; февр., между 9 и 15); 9 июня женился. С этого времени начинается новая эпоха его жизни: сами собой отпали два тягостных варианта будущего — военная служба и пребывание в обществе больной маменьки, и началось погружение в семейную идиллию (см. в письмах к Путяте, А. Муханову, Коншину: «Я живу потихохоньку, как следует женатому человеку, и очень рад, что променял беспокойные сны страстей на тихий сон тихого счастья»; «я счастлив дома»; «я женат и счастлив» — 1826, ноябрь; окт., ок. 20; дек., 14). Он почти никогда не разлучался с Настасьей Львовной, и когда вынужден был покидать семью на несколько дней, чувствовал себя крайне неуютно (см., например, признания в его записке из Москвы в Мураново: «<...> На сердце у меня тяжело, потому что мы разделены: это испытание разлукой — истинное наказание<NB: разлука длилась дня три-четыре>. Я чувствую себя совершенно потерянным<...>» — см. полный текст: 1829, июнь; см. другие письма Боратынского к жене, написанные в периоды недолгих разлук: 1837, май 10—15, май, после 22; 1840, февр., 3—13; см. также единственное сохранившееся письмо Настасьи Львовны к мужу — 1840, май, ок. 14—15: «Обожаемый мой, жизнь моя, сокровище бесценное, дорогой мой, душа моя<...>»). Любовь, забота и преданность Настасьи Львовны были высшей наградой бытия. Отсюда естественное для Боратынского противопоставление «утаенного» семейного быта — буквально всему мирозданию, находящемуся за границами замкнутого домашнего пространства («Стансы» 1827 г.: «Других урочищей вселенной // Не буду помнить бытия»).

Образ любящей женщины-друга создался еще в детские годы из отношений с маменькой; с течением времени привязанность к маменьке и желание вернуться в уют родительского крова, с одной стороны, были отравлены болезнью Александры Федоровны, с другой — преобразовались в мечту о кроткой и любящей «подруге нежной» — «враче душевном»:

<...> Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг, —
Тот дорожит врачом душевным<...>
    Нам будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги,
Все нужды, всю тоску, все раны, все недуги,
Все размышления души твоей больной!
    Забыв и век, и рок суровой,
Желанья смутные в одно желанье слить,
И с жаждою любви в ее дыханьи пить
    Целебный воздух жизни новой!<...>

(«Поверь, мой милый друг...» // СО. 1820. Ч. 66. № 49. С. 131)

<...>Шепчу я часто с умиленьем
В тоске задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счастливой глуши

Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души;
В чье неизменное участье
Беспечно веровал бы я, —
Случится ль ведро иль ненастье
На перепутьи бытия?
Где ж обреченная судьбою,
На чьей груди я успокою
Мою усталую главу?...

(«Пора покинуть, милый друг...» // Сор. 1821. Ч. 15. № 2. С. 238)

До встречи с Настасьей Львовной этот образ был исключительно мечтательным (по крайней мере, в стихах) — наличными героинями стихов Боратынского были либо минутные прелестницы (см. «Прощанье», «Крылову», «Послание к б... Дельвигу», «Моя жизнь», «Случай»), либо коварная обманщица (см. из пономаревского цикла: «Поцелуй», «Размолвка», «Дориде»), либо отвергнутая им самим возлюбленная («Разуверение»; «Признание»), либо юная неискушенная дева («Лиде»; «Незнаю! милая Незнаю...»). После 1824 г. — времени знакомства с А. А. Воейковой и А. Ф. Закревской — в его творчестве появляются два резко противопоставленных типа красоты: красоты умиротворяющей («Очарованье красоты...»; «Звездочка»; «Она»[1]) и красоты мятежной, страшной, опасной («Как много ты в немного дней...»; «Бал»), соответствующие переживанию отношений с той и с другой. Эти два облика прямо противопоставлены в стихотворении, написанном уже после женитьбы, — «Лазурные очи»:

Люблю я красавицу
С очами лазурными:
О! в них не обманчиво
Душа ее светится!
И если прекрасная
С любовию томною
На милом покоит их,
Он мирно блаженствует,
Вовек не смутит его
Сомненье мятежное.
И кто не доверится
Сиянью их чистому,
Эфирной их прелести,
Небесной души ее
Небесному знаменью?

Страшна мне, друзья мои,
Краса черноокая;
За темной завесою
Душа ее кроется,
Любовник пылает к ней
Любовью тревожною
И взорам двусмысленным
Не смеет довериться.
Какой-то недобрый дух
Качал колыбель ее:
Оделася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралося в сердце к ней
Лукавство лукавого.

Увлечение Воейковой имело такой же сублимированно-поэтический характер, что и увлечение Закревской, т. е. выражалось не в развитии отношений с ними, а исключительно в стихах. Оба увлечения непосредственно предваряли встречу и любовь с Настасьей Львовной, и можно сказать, что выбор Боратынского в феврале—марте 1826 г. был непосредственно подготовлен его поэзией. В стихах, посвященных позднее Настасье Львовне, будут варьироваться мотивы воейковского цикла — умиротворение, тишина, безмятежность, прямо или косвенно противопоставленные «закревской» бурности, беспокойности, тревоге:

---

[1] Стихотворение «Она» («Есть что-то в ней, что красоты прекрасней...») написано, видимо, летом 1824 г., — в момент увлечения А. А. Воейковой. Прямых указаний на то, что героиней стихотворения является Воейкова, нет, но об этом можно судить по содержанию, перекликающемуся со смыслом стих. «Очарованье красоты...», а также по таким косвенным обстоятельствам, как публикация его в журнале А. Ф. Воейкова «Славянин» (1827. Ч. 2. № 22. С. 293) и отсутствие его в прижизненных изданиях Боратынского.

<...> Явилась ты, мой друг бесценный,
И прояснилась жизнь моя:
Веселой музой вдохновенный,
Веселый вздор болтаю я.
Прими мой труд непринужденный!
Счастливым светом озаренный
Души, свободной от забот<...>

(Эпилог поэмы «Переселение душ»; ок. 1827—1828 гг.)

<...>Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе<...>

(«Где сладкий шепот...»; ок. 1830—1832 гг.)

О, верь: ты, нежная, дороже славы мне.
Скажу ль? мне иногда докучно вдохновенье:
Мешает мне его волненье
Дышать любовью в тишине!
Я сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!
И покори себе бунтующую музу.

(Ок. 1830—1832 гг.)

<...>О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

(«Когда, дитя и страсти и сомненья...»; зима 1843—1844 г.)

Семейная идиллия до поры до времени не мешала Боратынскому выходить в литературный свет, но из московских писателей он сблизился только с П. А. Вяземским, а в сентябре 1826 г. снова, после почти 7-летней разлуки, сошелся с Пушкиным, возвращенным из ссылки. С Пушкиным Боратынского соединяли память о «союзе поэтов» и сознание принадлежности к одной литературной плеяде[1], но очное общение между ними не очень ладилось из-за различия темпераментов; зато в Вяземском Боратынский нашел почти идеального собеседника. Впоследствии Вяземский оставил одно из самых емких воспоминаний о Боратынском, воссоздающее атмосферу их бесед: «Баратынский никогда не бывал пропагандистом слова. Он, может быть, был слишком ленив для подобной деятельности, а во всяком случае слишком скромен и сосредоточен в себе. Едва ли можно было встретить человека умнее его, но ум его не выбивался наружу с шумом и обилием. Нужно было допрашивать, так сказать, буровить этот подспудный родник, чтобы добыть из него чистую и светлую струю. Но за то попытка и труд бывали богато вознаграждаемы. Ум его был преимущественно способен к разбору и анализу. Он не любил возбуждать вопросы и выкликать прения и словесные состязания; но зато, когда случалось, никто лучше его не умел верным и метким словом порешать суждения и выражать

[1] Подробности об их отношениях см.: Пушкин и Баратынский. Материалы к истории литературных отношений // Новые безделки. Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995—1996. С. 239—270.

окончательный приговор и по вопросам, которые более или менее казались ему чужды, как, например, вопросы внешней политики или новой немецкой философии, бывшей тогда русским коньком некоторых из московских коноводов. Во всяком случае, как был он сочувственный, мыслящий поэт, так равно был он мыслящий и приятный собеседник. Аттическая вежливость с некоторыми приемами французской остроты и любезности, отличавших прежнее французское общество, пленительная мягкость в обращении и в сношениях, некоторая застенчивость при уме самобытном, твердо и резко определенном, все эти качества, все эти прелести придавали его личности особенную физиономию и утверждали за ним особенное место среди блестящих современников и совместников его» (*Вяземский.* ПСС. Т. 8. С. 291). Между Боратынским и Вяземским не было той душевной распахнутости, какая была у Боратынского с Дельвигом, с Путятой, позднее с И. Киреевским. Это был род дружбы литературной, основанной не на общности душевных движений, а на общности литературных вкусов и пристрастий. Оба соблюдали дистанцию, называли друг друга на «вы» и по имени-отчеству.

Благодаря Вяземскому и Пушкину Боратынский стал во второй половине 1826 — первой половине 1827 г. поддерживать регулярные отношения с кругом авторов «Московского телеграфа» и «Московского вестника» (характерно, что впоследствии, в 1828—1829 гг., едва Пушкин и Вяземский уезжали из Москвы, общение Боратынского с московскими писателями и журналистами резко сокращалось). Вероятно, зимой—весной 1827 г. Боратынский показывал Пушкину рукопись своих стихотворений, приготовленных к изданию, и Пушкин еще до выхода книги, в августе 1827 г., начал писать рецензию («Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского...»; эта рецензия, как и две другие статьи Пушкина о Боратынском, не завершена).

«Стихотворения Евгения Баратынского» собирался издать еще в 1826 г. Дельвиг. Но сначала Боратынский не торопился прислать рукопись другу в Петербург (см. письмо Дельвига: 1826, март), а затем Дельвиг медлил с отдачей ее в цензуру (см. 1827, янв., 3; янв., 16). В конце концов рукопись была переправлена обратно в Москву, и изданием ведал Н. А. Полевой. Традиционно считается, что основную работу над подготовкой Изд. 1827 Боратынский совершал в 1826 г. Однако сравнение окончательных редакций стихотворений, вошедших в книгу, с их первоначальными вариантами, опубликованными в свое время в журналах, позволяет утверждать, что особенной правке подверглись стихотворения, написанные до середины 1824 г. Так, почти полностью были переделаны «Элегия» («На краткий миг пленяет в жизни радость...») (в Изд. 1827 опубл. под загл. «Разлука»: «Расстались мы; на миг очарованьем...»), «Элегия» («Ужели близок час свиданья...»), «Финляндия» (в Изд. 1827 то же заглавие, но 45 строк изменены), «Дориде» («Зачем нескромностью двусмысленных речей...») (в Изд. 1827 под загл. «Делии»: «Зачем, о Делия! сердца младые ты...»), «Размолвка» («Прости, — сказать ты поспешаешь мне...») (в Изд. 1827: «Мне о любви твердила ты шутя...»), «Стансы» («О чем ни молимся богам...») (в Изд. 1827 текст сокращен вполовину), «Оправдание» («Я силился счастливой старины...») (в Изд. 1827: «Решительно печальных строк моих...»), «К ...» («Зачем живые выраженья...») (в Изд. 1827: «Мне с упоением заметным...»). Много существенных перемен сделано в посланиях к Дельвигу «Так, любезный мой Гораций...», «Где ты беспечный друг? Где ты, о Дельвиг мой...» и «Дай руку мне, товарищ добрый мой...», в элегии «Заснули рощи над потоком...» (в Изд. 1827 опубл. под загл. «Утешение»: «Свободу дав тоске моей...»), в стихотворениях «Лиде», «Булгарину» («Нет, нет, Булгарин! Ты не прав...») (в Изд. 1827 опубл. под загл. «К ...»: «Нет, нет! мой ментор, ты неправ...»), «Водопад», «Отъезд», «Цветок», в послании к А. А. Крылову «Кто жаждет славы, милый мой...» (в Изд. 1827: «Чтоб очаровывать сердца...»), в «Падении листьев», в послании «Н. И. Гнедичу», в сатире «Гнедичу, который советовал

сочинителю писать сатиры», в послании «Богдановичу». Зато такие стихотворения, написанные во второй половине 1824 г. и в 1825 г., как «Звездочка», «Буря», «Дорога жизни», «Череп», «Веселье и Горе», «Ожидание», «Д. Давыдову», «Л. С. Пушкину» и др., либо подверглись минимальной правке (изменение отдельных строк и слов), либо вовсе не редактировались. Все это позволяет предполагать, что большая часть текстов, вошедших в Изд. 1827, была подготовлена не в 1826 г. в Москве, а в Роченсальме — в основном осенью 1823 г., перед отправкой рукописей Рылееву и Бестужеву, а также, может быть, в сентябре — начале октября 1824 г., после того как Боратынский забрал рукопись назад под предлогом необходимых поправок. Разумеется, он возвращался к работе над стихотворениями и впоследствии, но вряд ли с той же интенсивностью, какая должна была проявиться в указанное время — наиболее свободное в его жизни для такого рода занятий (со второй половины октября 1824 г. он переехал из тихого Роченсальма в Гельсингфорс, где ему явно было не до обработки своих ранних стихов, а после Гельсингфорса с февраля 1825 г. был поглощен работой над «Балом»).

Однако композиция «Стихотворений Евгения Баратынского» 1827 г. — конечно, результат раскладки рукописей, произведенной в 1826 г. (в 1823 г., отправляя свои тетради Бестужеву и Рылееву, Боратынский просил их самих позаботиться о композиции книги — см. 1823, окт.—дек.). Стихотворения в сборнике распределены по трем разделам: «Элегии», «Смесь», «Послания» (полный перечень текстов см.: 1827, март, 28). «Смесь» и «Послания» не имеют тематической связи: каждый новый текст являет иное, нежели предыдущий, душевное состояние, а все они в совокупности должны создавать впечатление сплошного потока жизни в ее беспрерывной изменчивости.

Главная жизненная проблема в книге — проблема счастья — полноценного бытия: «<...> О счастии с младенчества тоскуя <...>» («Истина»); «<...> Не призрак счастия, но счастье нужно мне <...>» («Родина»); «<...> Желанье счастия в меня вдохнули боги<...>» («Безнадежность»); «<...> Не упоения, а счастья // Искать для сердца должно нам<...>» («К ...ну»: «Пора покинуть, милый друг...»). В большей части тех стихотворений, где речь идет о душевных волнениях, счастье связано с осуществлением любовных желаний. Но любовное счастье быстротечно и призрачно («Разлука»: «<...> На краткий миг была мне жизнь моя, // <...> Одно теперь унылое смущенье // Осталось мне от счастья моего») — в настоящий момент надежд на его обретение нет. В настоящий момент душевное состояние Боратынского — это состояние сознавания своих заблуждений («Поцелуй»: «<...> Обман исчез, нет счастья! <...>»; «Песня»: «Что красоты, почти всегда лукавой // Мне долгий взор? // Обманчив он! его живая сладость // Душе моей // Страшна теперь <...>»); состояние на пороге («Буря»), на «полдороге» («Безнадежность»). Мечта о счастье остается, но само счастье ускользает, путь к нему не виден:

О счастии с младенчества тоскуя,
Все счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия? <...>

(Истина)

Настоящий момент — это момент неполноценной, болезненной жизни:

Напрасно мы, Делий, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое <...>
Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью <...>

(Делию)

Жизнь слишком мало вознаграждает или вовсе не вознаграждает за те душевные усилия, которые прилагаются для достижения счастья:

Тебе я младость шаловливу,
О сын Венеры! посвятил;
Меня ты плохо наградил,
Дал мало сердцу на разживу!
Подобно мне, любил ли кто?
И что ж я вспомню, не тоскуя?
Два, три, четыре поцелуя!..
Быть так! спасибо и за то.

(К Амуру)

<...> И что я приобрел, красавиц воспевая?
Одно: моим стихом Харита молодая,
Быть может, выразит любовь свою к тебе!<...>

(Л. П—ну)

Когда неопытен я был,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель слишком прихотливой,
Я за любовь любви молил;
Я трепетал в тоске желанья
У ног волшебниц молодых:
Но тщетно взор во взорах их
Искал ответа и узнанья!
Огонь утих в моей крови;
Покинув службу Купидона,
Я променял сады любви
На верх бесплодный Геликона.
Но светлый мир уныл и пуст,
Когда душе ничто не мило:
Руки пожатье заменило
Мне поцелуй прекрасных уст.

(Л—ой)

Последние строки требуют особенного внимания — речь идет о замене мечтательного идеала его реальным подобием. Это подобие имеет сходство с мечтой (в данном случае речь идет о замене одного соприкосновения другим), но это именно сходство: в нем сохранены общие контуры идеала, память о нем, его след, но сам идеал остается таким же маняще недостижимым, каким был. Это состояние псевдосчастья, псевдожизни. Как и в «Родине», где говорится о поиске счастья в родном углу («О дом отеческий! о край всегда любимой! // Родные небеса! <...> // Вы мне повеете спокойствием и счастьем»), оно наполнено покоем, но это покой душевного бездействия — усыпления:

<...> Лелеемый счастливым усыпленьем,
Я не хочу притворным исступленьем
Обманывать ни юных дев, ни Муз.

(Эпилог)

<...> Счастливый отдыхом, на счастие похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.

(Безнадежность)

<...> Я сплю, мне сладко усыпленье <...>

(Разуверение)

«Счастливое усыпленье», «сладкое усыпленье», «отдых, на счастие похожий» — все это варианты душевного охлаждения, замены настоящего счастья, замены вынужденные, но спасительные — они заглушают тоску, уныние, печаль, боль, страдания (и т. п.), порожденные обманом надежд на счастье:

<...> Светильник мой укажет путь ко счастью!
(Вещала) Захочу
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу.
Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный разлюбишь
И ближних и друзей.
Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой <...>

(Истина)

<...>Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.
Надейтесь, юноши кипящие!
Летите: крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие
И сердца пламенные сны!
Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие,
Себе на тягостную часть!
Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души <...>

(Две доли)

Если судить по «Эпилогу», «Безнадежности» и «Разуверению», то покой, приобретенный к настоящему моменту, — это замена счастья, сохраняющая подобие счастья, замена полноценного бытия, псевдожизнь, но все-таки — жизнь. Если судить по «Истине» и «Двум долям», то покой — это подобие смерти:

<...> Светильник твой — светильник погребальный
Всех радостей земных!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых<...>

(Истина)

<...>Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов, —
Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

(Две доли)

Получается, что состояние замены — это состояние, промежуточное между жизнью и смертью: неполнота как бытия, так и небытия. Почему так получается? У Боратынского можно найти три взаимодополняющих ответа на этот вопрос.

1) Причина болезненного состояния души — обман мечтаний о разделенной любви (традиционная мотивировка элегических страданий). Любовь отравляет и опустошает жизнь: «Огонь любви, огонь живительный, // Все говорят; но что мы зрим? // Опустошает, разрушительный, Он душу, объятую им!» («Любовь»). Любовные отношения порождают только «бесплодный огонь» (послание к Л. С. Пушкину), «унылое смущенье» («Разлука»), «изнеможенье» («Поцелуй»).

2) Причина — ход жизни, взросление, искушенность, «знанье бытия», опытность сердца и т. п.

<...> Уж отлетает век младой,
Уж сердце опытнее стало<...>

(К ...ну: «Пора покинуть, милый друг...»)

<...> В душе больной от пищи многой,
В душе усталой пламень гас,
И за стаканом в добрый час
Застал нас как-то опыт строгой.
Наперсниц наших, страстных дев
Мы поцелуи позабыли
И, пред суровым оробев,
Утехи крылья опустили <...>

(К ...: «Нет, нет! мой ментор, ты неправ...»)

Душевная перемена совершается помимо личной воли человека:

<...> Теперь вопрос я отдаю
Тебе на суд. Подумай, мы ли
Переменили жизнь свою,
Иль годы нас переменили?

(К ...: «Нет, нет! мой ментор, ты неправ...»)

<...> Переменяют годы нас
И с ними вместе наши нравы<...>
В пылу начальном дней младых
Неодолимы наши страсти:
Проказим мы, но мы у них,
Не у себя тогда во власти<...>

(Товарищам)

(См. также в «Признании», не вошедшем в Изд. 1827: «Промчались дни: без пищи сам собою // Огонь любви погас в душе моей» — ПЗ. 1824. С. 312.)

3) Причина — судьба (рок, жребий). В известной мере судьба у Боратынского совпадает с опытом, ибо означает течение жизни. Вместе с тем судьба — это надличная субстанция, предопределяющая течение жизни и все жизненные невзгоды. Это сила — «тяжелая», «тягостная», «жестокая», «суровая», «строгая», «гневная», «враждебная», «самовластная» (см., например, в послании Дельвигу («Дай руку мне...»): «судьбины злоба», «судьба тяжелая», «судьба суровая»; в «Падении листьев»: «суровый рок», «судьбины гнев», «судьбе противиться бессильный»; в послании Коншину («Поверь, мой милый друг...»): «рок суровый»; в «Унынии»: «рок злобный»; в послании Дельвигу («Напрасно мы, Делий...»): «самовластный рок», «тягостный жребий»; в «Истине»: «тяжкий жребий»). Эта сила отторгает от круга друзей (см. послания Дельвигу «Где ты, беспечный друг...» и «Н. И. Гнедичу»), отлучает от родины («Отъезд», «Русская песня»), лишает надежд, мечтаний,

целей («Истина», «Две доли»), истребляет радость и младость («К...»: «Нет, нет! мой ментор, ты неправ...»), обрекает на рабское, подневольное состояние («Буря»; «Напрасно, мы, Делий, мечтаем найти...»; «Падение листьев»), демонстрирует наличие абсолютного закона, оспоривать который личной волей бесполезно, — закона уничтожения жизни («Финляндия», «Рим», «Могила»).

Во всех трех причинах душевного недуга есть одно общее свойство — то, что все они свидетельствуют о невластности человека в самом себе: душа больна, разуверена, опустошена, охлаждена, усыплена, бездейственна, но воскресить ее для веры в возможность обретения полноценной жизни — выше человеческих сил. Это отчетливо фиксирует текст, являющийся сердцевиной Изд. 1827 — «Эпилог». «Эпилог», замыкая все три книги элегий, стоит в центре сборника и, подводя итог элегиям, задает угол зрения для чтения стихотворений в двух следующих разделах.

Но тут пора вспомнить об относительности истин: то, что находится «в сердцевине», отнюдь не совпадает у Боратынского с тем, что находится «по краям». «По краям» «Эпилога» — другие опорные тексты Изд. 1827: «Финляндия» (зачин 1-й книги «Элегий» и всей книги), «Буря» (финал 1-й книги «Элегий»), «Отъезд» (финал 2-й книги), «Стансы»: «В глуши лесов счастлив один...» (финал «Смеси»[1]) и послание «Н. И. Гнедичу» (финал «Посланий» и пуант всего сборника). Эти тексты наряду с «Эпилогом» служат ориентирами, помогающими обнаружить ту смысловую перспективу, в рамках которой можно воспринимать остальные стихи. В них, в противовес сердцевинному стихотворению, определен выход из неполноценного, подвластного состояния, а следовательно, и способ победы над «мучительным недугом». В «Буре» это выход в бунтарскую смерть, в «Финляндии», «Отъезде», «Стансах» и послании «Н. И. Гнедичу» — спасение в творчестве. Именно творчество дает то вознаграждение, которое тщетно искать на любовном пути и которое уравновешивает все невзгоды, ниспосылаемые судьбой:

<...>Вострепещу ль перед судьбою?<...>
Я, невнимаемый, довольно награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

(Финляндия)

<...> Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни музам, ни себе.

(Отъезд)

<...> Меня тягчил печалей груз;
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях Муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел.
Хвала вам, боги! предо мной
Вы оправдалися отныне!
Готов я с бодрою душой
На все угодное судьбине,
И никогда сей лиры глас
Не оскорбит роптаньем вас!

(Стансы)

[1] Заключительным текстом раздела «Смесь» является сказка «Телема и Макар», но последнее *лирическое* стихотворение раздела — «Стансы». Скорее всего, сказка была помещена в сборник в последний момент перед сдачей рукописи в цензуру (ибо сама поэма была написана только в 1826 г.), и не исключено, что не Боратынский, а Дельвиг или Полевой поставили ее последним текстом «Смеси».

<...> Природа, каждого даря особой страстью,
Нам разные пути прокладывает к счастью:
Кто блеском почестей пленен в душе своей;
Кто создан для войны и любит стук мечей;
Любезны песни мне. Когда-то для забавы
Я, праздный, посетил Парнасские дубравы
И воды светлые Кастальского ручья;
Там к хорам чистых дев прислушивался я,
Там, очарованный, влюбился я в искусство
Другим передавать в согласных звуках чувство,
И, не страшась толпы взыскательных судей,
Я умереть хочу с любовию моей<...>

(Н. И. Гнедичу)

В «Финляндии», «Стансах» и послании «Н. И. Гнедичу» речь идет об особого рода отношениях с судьбой. Это не противоборство, как в «Буре» и «Отъезде», а как бы согласие с ней: «Учусь покорствовать судьбине я моей», — сказано в послании «Н. И. Гнедичу». Речь идет, разумеется, не о «раболепном покое» (см. «Бурю»), а о том, чтобы жить полноценной душевной жизнью в границах, определенных свыше[1]:

<...> Всех благ возможных тот достиг,
Кто дух судьбы своей постиг<...>

(Стансы)

«Дух судьбы своей» определяется в Изд. 1827 как дух творчества, и именно творчеством обусловливает Боратынский смысл и высшие ценности своей жизни в первом сборнике стихов.

* * *

1827—1832 годы — кульминационная эпоха творчества Боратынского, время его уверенности в значении своего творческого духа и своей литературной деятельности (см. стихотворения этого периода: «Муза»; «Мой дар убог, и голос мой негромок...»; «Бесенок»; «Болящий дух врачует песнопенье...»; «В дни безграничных увлечений...»). Вместе с тем может показаться, что с каждым годом жизни в Москве Боратынский оказывается во все большем литературном вакууме. При внешне дружественных отношениях (см. 1829, апр., 28) он отчужден от круга писателей «Московского вестника» и равнодушен к главным действующим лицам журнала — М. П. Погодину и С. П. Шевыреву; те, в свою очередь, холодны к нему и скептически оценивают его дарование (см. 1828, янв., 9; 1830, июль, 12; ноябрь, 20;

[1] Здесь сознательно не затронуты те варианты счастья, о которых отчасти уже говорилось выше (в связи с подробностями жизни Боратынского) и о которых еще будет сказано дальше: о счастье разделенности душевных движений с близким другом или подругой нежной и о счастье мирной жизни под родным кровом. Стихотворения, в которых идет речь об этих родах счастья («Дельвигу»: «Дай руку мне, товарищ добрый мой...»; «К ...ну»: «Пора покинуть, милый друг...»; «К—ну»: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»; «Родина»), не определяют парадигму понимания авторской позиции в Изд. 1827 — эти тексты рассредоточены по разным разделам и смешаны с другими, разрушающими сами мечтания об этих вариантах счастья. Например, после «Родины», содержащей мечты о покое деревенской жизни, следуют «Две доли», стихотворение, опровергающее сам смысл каких-либо мечтаний, и «Буря», где идея покоя вообще отменяется; после послания Коншину «Пора покинуть, милый друг...», где обрисован идеал подруги нежной, на чьей груди можно успокоить «усталую главу», — следуют послания к Л. Пушкину и «Эпилог», отменяющие прежние надежды, констатирующие превосходство ума над сердечными влечениями и сладость душевного усыпления.

дек., 8); характерно, что в «Московском вестнике» не появилось рецензий ни на Изд. 1827 г., ни на «Бал»). С середины 1829 г. Боратынский вслед за Вяземским прерывает отношения с «Московским телеграфом», и Н. А. Полевой из литературного сочувственника (см. 1827, ноябрь, до 25) превращается в дерзкого неприятеля (см. 1829, июнь, 28; 1830, янв., 2; янв., конец мес.; февр., 28; март, 18; июнь, 5; июнь, 10; июль, 18). С «Вестником Европы» Каченовского и «Дамским журналом» Шаликова изначально не могло быть никаких отношений ввиду непримиримо враждебного отношения их издателей к поэзии Боратынского — самые грубые из всех отрицательных отзывов о его стихах напечатали именно они (см. анонимную рецензию на «Стансы» — 1828, март, 21; рецензию Надеждина на «Бал» — 1829, янв., 4). Иметь контакты с «Телескопом» Надеждина, особенно после его рецензии на «Наложницу» (1831, июнь, 30), естественно, тоже было невозможно. Но до тех пор, пока в Петербурге был Дельвиг с ежегодными «Северными цветами», а в Москве — Вяземский и временами наезжавший сюда Пушкин, Боратынский не испытывал пустоты вокруг себя. К тому же в конце 1828 — начале 1829 г. он сблизился с И. В. Киреевским, чья дружба стала для него такой же насущной частью жизни, как любовь Настасьи Львовны. Тесный семейно-дружеский круг являлся одновременно и источником поэзии, и ближайшим его адресатом.

Киреевский и Вяземский способствовали новым литературным проектам Боратынского: он собирался приняться за историософский труд (1829, сент., до 22—23), написал драму (осень 1831; текст утрачен), пытался сочинить роман в прозе (1829, март, ок. 18; 1832, янв., нач.; окт., 12). С замыслом романа связана и работа над «Наложницей» (октябрь 1829 — февраль 1831). В майских письмах 1831 г. Киреевскому Боратынский объяснял свою мысль об идеальном «эклектическом» романе, который синтезировал бы две романные крайности: «спиритуальность» и «материализм» (1831, май, вт. пол.). В основе деления романов на «спиритуальные» и «материальные» — давние понятия Боратынского о дуализме «чувствительного» и «чувственного» (см. послание 1820 г. к Коншину «Поверь, мой милый друг...»: «Счастливцы нас бедней, и праведные боги // Им дали чувственность, а чувства дали нам»). Идея «эклектического» романа соотносится с рассуждениями в предисловии к «Наложнице» о «смешанных характерах» как условии «полноты», «естественности» и «правды» литературного произведения; сама же «Наложница» в таком контексте выглядит как опыт «эклектического» романа. Боратынский очень гордился своим новым сочинением: «<...> автор «Эды» сделал большие успехи в своей последней поэме. Не говоря уже о побежденных трудностях, о самом роде поэмы, исполненной движения, как роман в прозе, сравни беспристрастно драматическую часть и описательную: ты увидишь, что разговор в «Наложнице» непринужденнее, естественнее, описания точнее, проще» (письмо к Путяте: 1831, июль, 10-е числа) — это единственный случай, когда обычно умалявший достоинства своих произведений Боратынский оценивает собственный труд столь высоко. Однако его усилия оценили немногие — известны похвалы поэме Пушкина (1831, янв., 7), Плетнева (1831, июль, 10—20-е числа), Языкова (1830, окт., 4), А. П. Елагиной (1831, янв., 7); в «Литературной газете» (1831, май, 11. Петербург) появился дружеский отзыв М. Д. Деларю; Киреевский опубликовал в «Европейце» (1832, янв., 25) подробный разбор поэмы, в котором по-своему объяснял идею «эклектического» романа. Но большая часть печатных рецензий была резко отрицательна (1831, май, 11. Москва; май, 23; июнь, 2; июнь, 30), свидетельствуя о том, что только в доме Киреевских — Елагиных и в кругу «Северных цветов» Боратынскому можно искать себе сочувствия.

Скоро все переменится, и он останется совсем один.

14 января 1831 г. умер Дельвиг. В течение первой половины 1831 г. Боратынский собирался по уговору с Пушкиным и Плетневым (1831, янв., 31; февр., 16)

написать и прислать для «Северных цветов» на 1832 г., выпускаемых в память Дельвига, биографию покойного друга. Но в июне он вынужден был уехать с семьей из Москвы в казанское имение тестя — Каймары: там долго привыкал к новой обстановке, а осенью, узнав, что Киреевский собирается издавать собственный журнал («Европеец»), оживился и стал деятельно трудиться, причем в порыве дружбы он готов был даже биографию Дельвига отдать в «Европеец», а от участия в «Северных цветах» вовсе отказаться (1831, окт., до 8; окт., после 8 до 26). В итоге большую часть написанного в Каймарах Боратынский отправил Киреевскому, а Пушкину для «Северных цветов» только два стихотворения: «Мой Элизий» и «Бывало, отрок, звонким кликом...», и то с оговоркой, что «больше ничего за душой нет» (1831, ноябрь, нач.). Пушкин напечатал первое из них, а второе без объяснений отклонил. Разрыва с Пушкиным не произошло, но началось взаимное охлаждение. Впрочем, память о былом литературном братстве оставалась и у того и у другого. Осенью 1832 г. Пушкин помог Боратынскому договориться со Смирдиным об издании его нового собрания стихотворений (1832, сент., 21; дек., 2), а в 1833 г., случайно встретившись в Казани, оба искренне обрадовались (1833, сент., 5—8). Но скоро, кажется, тотчас и забыли друг о друге — во всяком случае, когда спустя еще три года они увиделись в Москве, то встретились вполне равнодушно (1836, май, 14 и 16).

Перенося после смерти Дельвига все свои душевные и литературные интересы на Киреевского, Боратынский отсекал старые дружеские связи без оглядки. Он сосредоточился на регулярной работе для «Европейца». Однако в феврале 1832 г. «Европеец» был запрещен, и рухнули надежды на постоянную литературную деятельность. Творческая энергия Боратынского угасла не сразу. Он продолжал писать, и едва ли не первым произведением, написанным после получения известия о закрытии журнала Киреевского, стало стихотворение «На смерть Гете», исполненное мощной уверенности во всеобъятной силе творческого духа. Бодрость духа сохранялась у Боратынского еще довольно долго. Так, получив очередное письмо Киреевского, в котором тот писал о бессмысленности и бесперспективности жизни в его опальном положении, Боратынский отвечал другу уникальным признанием: «Много минут жизни, в которых нас поражает ее бессмыслица: одни почерпают в них заключения, подобные твоим, другие — надежду другого, лучшего бытия. Я принадлежу к последним» (1832, апрель, до 12). Разумеется, эту истину нельзя понимать как выражение нового жизненного кредо Боратынского, ибо его истины истинны лишь по отношению к данному душевному состоянию. Скоро начнется душевный кризис, и идея «лучшего бытия» окажется под сомнением.

В конце 1832 г. Боратынский договорился с петербургским книгопродавцем Смирдиным об издании нового собрания своих произведений. Однако книга вышла в свет через два с половиной года. Рукопись была представлена в петербургскую цензуру 7 марта 1833 г., но затем Смирдин перепродал право издания московскому книгопродавцу Ширяеву. Тем временем Боратынский с семейством уехал в Мару и надолго там остался. Ширяев посылал корректурные листы по почте, и к началу 1834 г. была набрана только 1-я часть книги, содержавшая стихотворения; 2-ю часть, с поэмами, Боратынский вычитывал на протяжении всего 1834 г., и она была набрана только к январю 1835 г., а поступило издание в продажу лишь в 20-х числах апреля 1835 г.

Новым собранием сочинений Боратынский осознанно подводил черту под своим прошлым. Еще лишь обдумывая композицию книги, он был настроен на то, чтобы подчеркнуть ее итоговый характер. «Я не пишу ничего нового и вожусь со старым, — писал он Вяземскому во второй половине декабря 1832 — январе 1833 г. — Я продал Смирдину полное собрание моих стихотворений. Кажется, оно в самом деле будет последним, и я к нему ничего не прибавлю. Время поэзии индивидуаль-

ной прошло, другой еще не созрело». Если в издании 1827 г. Боратынский поставил в начало сборника философические тексты, задвинув «индивидуальную», исповедально-субъективную лирику вглубь книги, и подчеркнул системой обрамлений значение творчества в его жизни, то в 1-й части нового издания, содержавшей лирические произведения, был избран иной принцип — тот, согласно которому в издании 1827 г. располагались тексты в разделах «Смесь» и «Послания». Это принцип относительности истин в зависимости от душевного состояния автора: чередование стихотворений, выражающих разные душевные состояния и различно (часто диаметрально противоположно) интерпретирующих одни и те же проблемы. Усиливая имитацию сплошного жизненного потока, Боратынский снял заглавия у 103 стихотворений (из 131 помещенного в книге), и перед читателем предстала вереница фрагментов, фиксирующих изменчивые мгновения жизни колеблющейся души. Но внутренняя изменчивость представлена в подчеркнуто временных пределах: открывает 1-ю часть издания «Финляндия» — элегия, служащая знаком начала поэтической славы Боратынского; замыкает 1-ю часть книги стихотворение, манифестирующее отказ от творчества, — «Бывало, отрок, звонким кликом...» (текст см.: 1831, сент., до 21). Благодаря такому финалу новое собрание сочинений стало прощанием с «индивидуальной» поэзией. «Другая» поэзия начнется со стихотворения, написанного под конец работы над корректурой издания 1835 г., — «Последнего поэта». Общий смысл этой «другой» поэзии прекрасно выразил один из московских знакомых Боратынского — Н. А. Мельгунов: «Баратынский по преимуществу поэт элегический, но в своем втором периоде возвел *личную* грусть до *общего*, философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества. «Последний поэт», «Осень» и пр. это очевидно доказывают» (1838, апр., 14). Вместе с тем «Последний поэт», «Осень» и пр. очевидно доказывают состояние глубокого кризиса, охватившего Боратынского с середины 1830-х гг. Надежда на «другое, лучшее бытие», дающая силы в минуты жизни, когда «нас поражает ее бессмыслица», — та надежда, о которой еще в 1832 г. Боратынский писал как о духовной опоре своей жизни, — вовсе исчезнет из его «другой» поэзии второй половины 1830-х гг.

Одной из главных причин кризиса, вероятнее всего, стало то, что составляло вместе с тем его счастье, — семейная идиллия. Мирный, размеренный семейный быт был для Боратынского необходим, как воздух. Однако в реальности тесный домашний круг являлся оплотом полноценного бытия лишь постольку, поскольку был возможен периодический выход за его пределы. Для Боратынского такими выходами служили, во-первых, общение с Киреевским, во-вторых, участие в литературе. Когда он писал Киреевскому после закрытия «Европейца» о том, что теперь, несмотря ни на что, надо продолжать трудиться, как на необитаемом острове (письмо от первой половины июня 1831), он не лукавил. Но одно дело — убежденность человека в том, как следует действовать в экстремальной ситуации, другое — его действительное психическое состояние в такой ситуации. И, как выяснилось впоследствии, писать как на необитаемом острове, без повседневного общения с мыслящим другом и в отрыве от близкой литературной среды, Боратынский мог преимущественно об одном: фигурально выражаясь, о том, что он на необитаемом острове — об одиночестве художника, о бессмысленности и бесплодности жизни, об отчаянии человека, не находящего нигде отзыва своему слову (см. «Последний поэт», «Недоносок», «Бокал», «Осень», «Были бури, непогоды...», «На что вы дни! Юдольный мир явленья...», «Рифма» и проч.).

Со второй половины 1834 г. в жизни Боратынского происходит резкий перелом, причиной которому стал разрыв отношений с Киреевским из-за каких-то слухов, дошедших до Боратынских в таком виде, что они сочли их распространителями Киреевского и А. П. Елагину. Содержание слухов неизвестно. Скорее всего это был обычный светский вздор, который распространяют малознакомые или

неприязненно относящиеся к нам люди[1]. Только при болезненном состоянии духа можно было заподозрить Киреевского и его мать в причастности к такого рода вздору. Боратынский и Настасья Львовна заподозрили и отвергли былую привязанность навсегда, отравив тем самым и собственную жизнь — памятью о предательстве друзей, и жизнь былых конфидентов. Кризисное состояние души Боратынского после разрыва с Киреевским явственно выражает его послание к Вяземскому, написанное осенью 1834 г. Здесь снова, как когда-то в финляндских стихах, идет речь об отчужденности и впервые после Финляндии звучит тоска по другу:

<...>Счастливый сын уединенья,
Где сердца ветреные сны
И мысли праздные стремленья
Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мне нужды нет;
Где я простил безумству, злобе
И позабыл, как бы во гробе,
Но добровольно, шумный свет, —
Еще, порою, покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой.
Ищу я вас; гляжу: что с вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами,
И светом высшего огня?<...>

Речь идет о счастливом уединении, но это счастье особого сорта — «как бы во гробе»; душа облетает мир («И степи мира облетаю»), как в юные годы (см. «Две доли»: «Надейтесь, юноши кипящие, // Летите, крылья вам даны») или как может это делать мысль всеобъемлющего гения (см. «На смерть Гете»: «Крылатою мыслью он мир облетел»), но облетает в тоске невидения, слепо (как потом в «Недоноске»: «Мир я вижу, как во мгле»), не зная, где искать утраченное («Ищу я вас, гляжу: что с вами? // Куда вы брошены судьбами»); поэт свободен и властвует над своим духом — он «друг свободы», «шумный свет» оставил «добровольно», «праздные стремленья» «разумно усыплены», но ведь это не что иное, как новая замена мечты о полноценном счастье — «счастливым усыпленьем» («Разуверение»), «отдыхом, на счастие похожим» («Желанье счастия в меня вдохнули боги...»). В послании к Вяземскому Боратынский возвращается в состояние былой элегической безысходности. Только теперь это состояние осложнено тем, что прежний идеал, о котором он грезил когда-то, — домашняя идиллия: любовь и забота подруги нежной (см.: «Пора покинуть, милый друг...») и уединенная жизнь в родном углу (см.: «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...») — достигнут в его повседневном быту. Но теперь и это

---

[1] Характерным примером тому, как правдоподобные в основе своей истории о жизни Боратынского при пересказах их малознакомыми людьми превращались в клевету, служат две сплетни из воспоминаний А. О. Смирновой-Россет: «Евгений был камер-пажем и проводил воскресение у дяди сенатора Баратынского, попросил у него денег, тот отказал, и несчастный Евгений украл у него фамильную табакерку, украшенную бриллиантами. Дядя на него пожаловался, его разжаловали в солдаты и отослали в Гельсингфорс <...>. Баратынский женился на Энгельгардт, сестре Софии Львовны Путята. Его жена некрасива, грязна, скучна и ревнива; он начал пить, что вызывало ужасные сцены» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 313, 415).

полноценное бытие становится лишь относительно полноценным. Вместо полного довольства утаенным бытом наступает тоска по другим «урочищам вселенной», от которых когда-то, в начале своего семейного счастья, он отрекался.

Следующие после разрыва с Киреевским девять лет будут временем все большего отъединения от Москвы и московских знакомых и все большего замыкания жизни в пределах семейного быта. С 1835—1836 гг. Боратынский перестает действовать как писатель: он не строит никаких литературных планов, не задумывает новых поэм, не участвует в литературной полемике. Последней известной нам попыткой участия Боратынского в литературном споре было намерение написать ответ на философическое письмо Чаадаева (1836, окт., 24). Кажется, он даже действительно сел за сочинение опровержения (1836, ноябрь, 10 или 11), но дописывать начатое не стал или просто не смог привести свои мысли в порядок. Ни о каком постоянном литературном труде теперь нет и речи. Он продолжает писать стихи, но делает это от случая к случаю, пишет в год два-три стихотворения и, поскольку больше не сотрудничает с московскими писателями, посылает свои тексты в Петербург — в «Современник» Плетнева или в «Отечественные записки» Краевского. Большая часть его жизни наполнена теперь обустройством домашнего быта.

Семья его росла год от года — в 1839 г. у Боратынского было семь детей — дочери Александра, Мария, Юлия и Зинаида и сыновья Лев, Дмитрий и Николай (кроме того, две дочери — Екатерина и София — умерли: соответственно в 1829 и 1838 гг.). Необходимо было заниматься со старшими, подыскивать гувернеров и учителей и проч. После смерти любимого тестя — Л. Н. Энгельгардта (4 ноября 1836 г.) на Боратынского легли все заботы по управлению имениями Настасьи Львовны и ее сестры Сонички (Мураново, Каймары, Скуратово). Правда, скоро (1837, ноябрь, 8) Соничка вышла замуж за старинного друга Боратынского — Путяту, и отчасти попечение об имениях было поделено между двумя семьями. Но лишь отчасти — основную долю хозяйственных проблем решал Боратынский, имевший более свободного времени, нежели Путята, продолжавший служить в Петербурге (см. письма Боратынского к Путяте, наполненные подробностями хозяйственного быта: 1838, февр., 10—20-е числа; авг.; дек., середина месяца; 1839, февр., 20-е числа — март; ноябрь—дек.; 1840, сент.—ноябрь; 1841, июль—сент.; сент.—ноябрь; 1842, февр., перв. пол.; март, 8; март, вт. пол.; июль, конец мес.; дек., конец мес.). В 1838 г. Боратынский начал перестраивать свой московский дом (еще три года назад он купил двухэтажный особняк на Большой Спиридоновке — см. 1835, янв., 23; март, 28) — решено было нижний этаж сдавать, а для этого требовался капитальный ремонт. Строительные работы начались весной 1838 г. (см. 1838, май—июнь) и, кажется, растянулись на год с лишним. Первое известие о том, что Боратынские наконец перебрались из флигеля, где они жили во время ремонта, на второй этаж, датируется началом зимы 1839 г. (1839, дек., до 18).

Хозяйственная деятельность пришлась ему по вкусу. По его письмам этого периода видно, что даже отчеты в Опекунский совет он составлял с удовольствием. Вместе с тем очевидно и то, что его не оставляет мысль о необходимости выхода за пределы тесного домашнего круга. Осенью 1838 г. он собирался отправиться в заграничное путешествие (Германия — Италия) (см. письмо к маменьке : 1838, май—июнь), но из-за ремонта дома на Спиридоновке вояж был отложен. В 1839 г. решено было ехать всей семьей в Крым. «Хочется солнца и досуга, ничем не прерываемого уединения и тишины, если возможно, беспредельной» (письмо Плетневу: 1839, февр., 20-е числа). Уединения и тишины Боратынскому хватало и во время жизни в подмосковной — Крым, так же как Италия, которую Боратынский ставил целью путешествия в 1838 г., является в данном случае идеальным краем поэтической свободы. Не случайно сразу после слов об уединении и тишине Боратынский пишет Плетневу о творчестве: «Думаю опять приняться за перо».

Но из-за очередных родов Настасьи Львовны (1839, авг., 28) и это путешествие было отложено. В начале 1840 г. Боратынские решили ехать за границу всей семьей (см. 1840, февр., 5). Не удалось и это (см. 1840, авг., ок. 10). В конце концов жажда странствий была удовлетворена поездкой в Петербург (подробности см. в письмах Боратынского к жене: 1840, февр., 3; февр., 4; февр., 5; февр., 6; февр., 7; февр., 8; февр., 9; февр., 10; февр., 12; февр., 13). Эта поездка многое переменила в планах Боратынских. Сам он отвлекся от однообразного повседневного быта, оживил старые дружеские связи и завел новые. Настасья Львовна была очень довольна впечатлением, произведенным ее мужем в петербургском обществе (см. ее приписку к письму мужа: 1840, февр., 20-е числа). Теперь именно с Петербургом Боратынские связывают свои лучшие мечты: они собираются переехать туда на постоянное жительство (см.: 1840, авг., до 6). Но лето 1840 г. выдалось неурожайным, в поместьях Боратынских и Энгельгардтов начался голод (см. 1840, июль; авг., 14), и Боратынский как заехал с семейством в августе 1840 г. в Мару, так и остался там до весны 1841 г. Из-за недостатка в деньгах переезд в Петербург был отложен, а Боратынский по возвращении из Мары занялся сводом леса в окрестностях Муранова, строительством лесопильной мельницы, продажей досок и бревен и, наконец, строительством нового мурановского дома. В Москву он приезжал теперь лишь изредка и только по хозяйственным делам. Встреч с бывшими московскими знакомыми, и прежде всего из числа писателей и журналистов «Москвитянина», он избегал, видя в них личных недоброжелателей, строящих ему тайные козни:

> <...>Велик Господь! Он милосерд, но прав:
> Нет на земле ничтожного мгновенья;
> Прощает он безумию забав,
> Но никогда пирам злоумышленья.
> Кого измял души моей порыв,
> Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
> Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
> Свои рога венчал он падшей славой...
>
> *(На посев леса)*

Какая «взаимная оборона»? что за «пиры злоумышленья»? какой «сокрытый ров»? чьи «рога»? Смысл последнего четверостишия Боратынский объяснял в общих чертах Плетневу: «*Свои рога* есть живописное изображение глупца в виде рогатой скотины <...> *сокрытый ров* означает намек на разные пакости, которые в Москве делали ему юные литераторы, злобствуя, что он не делит их дурачеств» (*Плетнев*. Изд. 1896. С. 728). Все это, впрочем, мало что объясняет нам. Какие «юные литераторы»? какие «дурачества»? — вряд ли Плетнев, плохо знакомый с московской литературной публикой, смог бы объяснить. Перед нами воспроизведение слов Боратынского, обобщенно рисовавшего перед старым петербургским другом атмосферу московской травли. Между тем ни о какой действительной травле говорить не приходится — ничто не свидетельствует о враждебном отношении к Боратынскому бывших московских знакомых. Они не забывают о нем, несмотря на его уединение, и продолжают числить действующим писателем. Так, в начале мая 1840 г. Погодин зовет его на именинный обед Гоголя, по обыкновению устраиваемый в саду погодинского дома на Девичьем поле. Помещая в конце 1840 г. в «Москвитянине» справку о настоящем местопребывании российских писателей, Погодин не забывает в ней упомянуть и о Боратынском (1840, дек., 13). Никаких публичных выпадов против Боратынского в «Москвитянине» не было. Напротив, здесь был помещен доброжелательный отзыв о «Сумерках» (1843, янв., 10). Неизвестны нам и какие-либо неприязненные отзывы о Боратынском в сохранившихся эпистолярных и дневниковых материалах писателей круга «Москвитянина». Дело было прежде всего в болезненном самоощущении — в ожидании нападения,

в воспоминаниях об обидах, в страхе новых душевных ран. В результате незначащие мелочи превращались в знаки вражды. Характерный эпизод: Боратынский встречается во время своей поездки в Петербург с Вяземским и пишет об этой встрече жене в Москву. «Разговорились, не знаю как, о здоровьи. — Вы несколько похожи на мнимого больного, — сказал мне Вяземский. Я засмеялся и спросил, почему он это знает? — Говорили это во время холеры. — Видишь, — делает вывод Боратынский, — что наш друг Киреевский еще тогда, в полном жару нашей связи, он или мать его были к обоим нам неприязненны» (1840, февр., 8).

Когда в конце апреля — начале мая 1842 г. к Боратынским в Мураново приезжала ненадолго Софья Львовна Путята, она, видимо, была несколько испугана душевным состоянием Боратынских. «Не расстраивайтесь, — утешала Путят Настасья Львовна через две недели после отъезда сестры. — Мы во всем доходим до крайностей: то, что в хорошую минуту вызовет прилив чрезмерной веселости, в минуту уныния будет преувеличено противоположным образом <...>, если бы вы услышали, насколько различно мы говорим об одном и том же в зависимости от состояния духа, вы посчитали бы нас в некотором роде сумасшедшими» (*Хетсо.* С. 197—198; перевод с фр.). В сущности, Настасья Львовна на свой лад объясняла доминантный принцип поэзии ее мужа — относительность истин.

Поэтическим итогом уединенной жизни Боратынского в Москве и в Муранове стала книга «Сумерки» (состав книги см. 1842, янв., 14; март, 10). В «Сумерках» представлена «другая» поэзия, «созревшая» во время кризиса: элегическая исповедальность сублимирована здесь на уровень глобальных обобщений. В предыдущих собраниях стихотворений 1827 и 1835 гг. доминировала «индивидуальная» поэзия: система обрамлений и чередование текстов, выражающих разные душевные состояния, превращали оба сборника в книги о судьбе самого Боратынского: Боратынского — поэта, Боратынского — мыслящего человека. Главное в «Сумерках» — судьба поэта и мыслящего человека вообще. Последняя книга Боратынского выражает те же взаимоотрицающие духовные искания и душевные состояния, которые составляют основу его предшествовавшего творчества: желание полноты бытия и понимание бесплодности ее поисков; сознание невластности над болезненным духом и творческое упоение художника, властвующего над материалом; усыпление разуверенной души и бодрость поэтического вдохновения. И т. д. Но если в Изд. 1827 и Изд. 1835 Боратынский акцентировал индивидуальный смысл этих душевных состояний и духовных исканий, то в «Сумерках» эти состояния и искания «укрупнены»[1] и предстают как общие свойства бытия и мышления. «Сумерки» — книга философических ответов, данных с позиции сверхзнания — знания, выходящего «за грань чувственного», «страстного земного» (см. в стихотворениях «Всё мысль да мысль!..» и «Осень»:

Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.
<...> Но не найдет отзы́ва тот глагол,
Что страстное земное перешел).

В философических стихах 1820-х — начала 1830-х гг. ответы на запредельные вопросы регулярно чередовались с глубоким недоумением насчет возможности их разрешения. Так, в послании к Дельвигу «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...», в стихотворениях «Две доли», «Смерть» («О смерть! Твое именованье...»), «Последняя смерть» вопросы о сущности жизни, о смысле смерти, о последней

[1] См.: *Бочаров С. Г.* «Обречен борьбе верховной...» // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 99 и след.

судьбе всего живущего решаются однозначно и твердо, а в «Финляндии», «Риме», «Черепе», в стихотворении «К чему невольнику мечтания свободы?..» вопросы так и остаются вопросами: каков был смысл бурной жизни древних народов? какие истины известны гробам? если все предопределено вышней волей, зачем страсти? — ответов нет. В стихотворениях же эпохи «Сумерек» вопросительные интонации почти отсутствуют, а сомнений нет вовсе. Если вопросы и ставятся — то лишь затем, чтобы сформулировать афористический вывод (см. «Ахилл», «Осень», «Рифма»). «Сумерки» — это книга ответов, данных с позиции знания, недоступного в пределах чувственного и земного. Такая позиция обрисована Боратынским еще на исходе его «индивидуальной» поэзии — в стихотворении «На смерть Гете»:

<...> Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел <...>
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.
Изведан, испытан им весь человек!<...>

Подобный же выход за грань чувственного — в область пророческого всезнания определяет и точку зрения Боратынского в «Сумерках». Здесь есть свои эквиваленты поиска предела в беспредельном:

<...> Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

(«Толпе тревожный день приветен, но страшна...»), —

свои соответствия «морской волне» (см. «Последний поэт») и «звездной книге»:

<...> Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая <...>

(Осень), —

свои параллели к «изведанности» всего человека:

<...> Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий <...>

(Осень).

Одно решительно отличает всезнание Боратынского от всезнания Гете — его деструктивность. У Боратынского в границах «страстного земного» — нет поэзии («Последний поэт», «Рифма»), нет прорицаний («Приметы»), нет пророческих откровений («Бокал»), нет «радостей души», «отзыва», «грядущей жатвы» (X, XIV, XVI строфы «Осени»). Все это возможно только «за гранью чувственного» («Толпе тревожный день приветен, но страшна...», «Что за звуки? Мимоходом...»; XIII строфа «Осени»). Но и там, за гранью, обнажается «бессмысленная вечность» («Недоносок») или глухота вселенной (XV строфа «Осени»). Творческий гений в стихотворении «На смерть Гете» открыт миру: сам разделяет себя с миром («С природой одною он жизнью дышал» // Ручья разумел лепетанье, // И говор древесных листов понимал, // И чувствовал трав прозябанье»), и мир отзывается ему («И с ним говорила морская волна»). В «Сумерках» творческий гений не может разделить себя ни с предельным, ни с запредельным миром — пророческое всезнание и творческое вдохновение замкнуты на самих себе:

<...> О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой:

Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.
И один я пью отныне!
Не в людском шуму, пророк
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей,
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей!

(Бокал)

<...> Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного брега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

(Рифма)

Благодаря тому, что «Рифма» является последним текстом «Сумерек», можно считать, что истина, утверждаемая в этом стихотворении, служит выводом всей книги. Это старая истина Боратынского, которую он доказывал себе еще не вполне осознанно в годы пажеского кризиса (см. сентябрьское письмо 1814 г. к маменьке о желании стать автором), а начиная с 1820 г. — абсолютно сознательно: только поэтическое творчество может дать «награду» и «ответ» и спасти от преследований судьбы и собственного болящего духа. Однако абсолютных истин у Боратынского не бывает, и через несколько месяцев после выхода «Сумерек», осенью 1842 г., он пишет стихотворение «На посев леса» — новый отказ от поэзии:

<...> Уж та зима главу мою сребрит.
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит, —
К ее сынам еще взывает лира<...>

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос:
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простятся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей,
Могучие и сумрачные дети.

Новое отречение от поэзии качественно отличается от прежних. Теперь речь идет не о самопроизвольном угасании вдохновения в душе поэта (ср. «Чувствительны мне дружеские пени...» и «Бывало, отрок, звонким кликом...»), а о созна-

тельном отказе от поэзии и выборе иного пути жизни; точнее даже, не пути, а финала, исхода жизни (в начале стихотворения говорится о старении и скорой смерти: «Уж дольний мир уходит от очей, // Пред вечным днем я опускаю вежды»). Поэзия осознается как причина душевной травмы (лира «взывает», но «ответа нет!»), и не поэтическая гармония оправдывает теперь смысл бытия, а гармония иного рода — гармония природы. Отказа от идеи творчества — нет: речь о направлении творчества в иное русло, на иной путь. Природа в стихотворении «На посев леса» — не стихийная сила, существующая вне и помимо человека (ср. «Водопад», «Буря», «Приметы»), а — новый материал для деятельности, материал, организованный волей художника и полноценно вознаграждающий его за творческие усилия. Несмотря на скорбный тон стихотворения, можно сказать, что оно выражает мысль вовсе не скорбную — мысль о выходе за пределы той жизни, средоточием которой была «поэзия таинственных скорбей» — и вместе с написанным через полтора года «Пироскафом» образует поражающую своим экзистенциальным эффектом развязку всей жизни Боратынского.

* * *

В сентябре 1843 г. осуществилась давняя мечта: прямо из Муранова Боратынские отправились в заграничное путешествие. Около 7 сентября они прибыли всей семьей в Петербург и, остановившись на несколько дней у Путят и повидавшись со старыми знакомыми (1843, сент., 11), в конце 10-х чисел сентября отправились в путь — через Кенигсберг на Берлин. Из Берлина они съездили в Потсдам, а далее отправились в Лейпциг и из Лейпцига по железной дороге в Дрезден. Вернувшись в Лейпциг после осмотра Дрезденской галереи, Боратынские поехали, видимо, на дилижансе во Франкфурт, а оттуда по Рейну доплыли до Кёльна, из Кёльна — по железной дороге в Брюссель, из Брюсселя — в Париж.

О жизни Боратынских во время путешествия мы можем судить в основном по его письмам к Путятам и к маменьке Александре Федоровне (1843, окт.—дек.) — они полны новыми впечатлениями: посещение европейски знаменитых культурных памятников (дом Вольтера в Потсдаме, Дрезденская картинная галерея); знакомство с французскими писателями (А. де Виньи, Мериме, Нодье, Ламартин); общение с русскими, живущими за границей (А. И. Тургенев, А. И. Свечина и др.); европейские новизны, удивительные для жителя России («Железные дороги чудная вещь. Это апофеоза рассеяния»); особенности общественной жизни западных государств («Всего замечательнее во Франции сам народ, приветливый, умный, веселый и полный покорности закону, которого он понимает всю важность, всю общественную пользу. Я удивлялся в Берлине городскому порядку, точности и бесспорности отношений. Как же я изумился найти то же самое, но в высшей степени, в многолюдном Париже»). Но уже к новому году Боратынский устал от обилия впечатлений и рассеянного образа жизни, а в его новогоднем поздравлении Путятам звучат обычная для русского за границей ностальгия по простору, по снегу, по дому и апофеоза русской жизни (см. 1843, дек., конец мес.). Впрочем, отъезжая из Парижа в Марсель, Боратынский расстался с великим городом умиротворенно. Из Марселя Боратынские отправились на пироскафе (пароходе) в Неаполь. Сохранилось три письма Боратынского из Италии, по которым можно судить о его душевном состоянии в конце весны — начале лета 1844 г. (см. 1844, апрель, конец мес.—июнь). Во всех трех говорится об умиротворенности, спокойствии, блаженстве: «Каждый день наслаждаюсь одним и тем же и всегда с новым упоением. Мне эта жизнь отменно по сердцу: гуляем, купаемся, потеем и ни о чем не думаем, по крайней мере, не останавливаемся долго на одной мысли».

Во время переезда по Средиземному морю на пароходе из Марселя в Неаполь Боратынский написал стихотворение «Пироскаф»:

<...>С брегом небрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов
Прежде, чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды симвóл!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская:
Пеною здравия брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до брега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду: мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной!

После негативного решения вопросов полтора года назад — отказом от поэзии в стихотворении «На посев леса» — новое решение («Много мятежных решил я вопросов») полностью отрицало как сказанное полтора года назад, так и едва ли не все сказанное в предыдущей, «набрежной» жизни. «Пироскаф» явился опытом абсолютно новой поэзии Боратынского: здесь нет сомнений, нет отчуждения от жизни, нет деструктивного всезнания — все это осталось позади, впереди был берег новой жизни: «Элизий земной». «Пироскаф», как и написанное вслед за ним стихотворение «Дядьке-итальянцу», стал своего рода возвращением в начало жизни. «С детства влекла меня сердца тревога» — это воспоминание о своих пажеских мечтах: «Вообразите<...> неистовую бурю и меня, на верхней палубе, словно повелевающего разгневанным морем, доску между мною и смертью, чудищ морских, пораженных дивным орудием, созданием человеческого гения, властвующего над стихиями» (1814, ноябрь). Но и в юности, и позднее, когда Боратынский вспоминал свои юношеские мечты, мысль о море была символом мятежа и гибели (см. в цитированном письме рассуждения о смерти и об опасностях, подстерегающих человека на морской службе; см. в «Буре» вызов властелину Геенны и строки о гибели «на яростных волнах, в борьбе со гневом их»). Теперь же, в «Пироскафе», вместо чудищ морских или властелина Геенны — благосклонная Фетида: «жребий благой емлет она из лазоревой урны», вместо мятежа — сердечная нега («Нужды нет, близко ль, далеко ль от брега, // В сердце к нему приготовлена нега»), вместо мыслей о смерти — «надежды симвóл».

«Пироскаф» означал решение жить: жить без тоски по прошедшему, с надеждой на будущее и в упоении настоящим моментом. Но как только душа его разжалась и он стал жить без оглядки и настороженности, первая же невзгода оказалась роковой.

«Накануне русского праздника святых апостолов Петра и Павла занемогла жена Баратынского. Доктор советовал, чтобы ей открыть кровь — и когда муж удивился, что надобно употребить эту сильную меру в припадке по-видимому обыкновенном, то доктор объявил, что иначе может последовать воспаление в мозгу. Слова его так встревожили Баратынского, что он сам почувствовал лихорадочный припадок, который ночью усилился» (*Плетнев* 1844. С. 36). 29 июня, в четверть седьмого утра, Боратынский умер.

А. М. Песков

1800

ФЕВРАЛЬ, 19. Усадьба Боратынских Вяжля Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Жена генерал-лейтенанта в отставке 33-летнего Абрама Андреевича Боратынского — 22-летняя Александра Федоровна — благополучно родила первого ребенка: сына Евгения. — Детские его прозвания в семье: Буба, Бубинька, Бубуша.

Вяжлей Боратынские назвали, во-первых, всю свою обширную усадьбу, раскинувшуюся на много верст вокруг главного усадебного дома и включавшую около десятка деревень; во-вторых, то место, где, по приезде Абрама Андреевича в 1799 г., был поставлен первый барский дом. В 1804 г. он построил новый дом — в нескольких верстах от прежнего — в урочище, называемом Мара (см. далее: 1804, весна—осень?). В прежнем доме стал останавливаться во время своих приездов в Вяжлю второй владелец имения — брат Богдан Андреевич.

МАРТ, 7 или 8. Вяжля. Евгений Боратынский крещен. Восприемники — Мария Андреевна Боратынская, сестра Абрама Андреевича, и некто Иван Егорович (фамилия не установлена), живший в Вяжле или по соседству с Вяжлей в 1800—1803 гг.

Сам Боратынский считал днем своих именин 7 марта (см. 1842, март, 8). Днем его рождения всегда считалось 19 февраля, пока В. Г. Шпильчин не опубликовал выписку из метрической книги Покровской церкви села Вяжли: «У князя Аврама Андреева Баратынского сын Евгений родился 7 марта, крещен 8 марта. Восприемник помещик Иван Егоров». Запись сделана священником Покровской церкви Ларионом Федотовым (*Шпильчин* 1976). Однако через несколько лет В. Г. Шпильчин помог нам доказать ошибочность этой записи. Дело в том, что окрещиваемые младенцы записывались вяжлинским священником комплектами — по двое, по трое кряду: так, одновременно с Боратынским отмечено двое крестьянских детей, рожденных 7-го и крещенных 8 марта; предыдущая перед 8 марта запись сделана 8 февраля — указано двое крещеных; следующая после 8 марта регистрация сделана 9 апреля — отмечено трое крещенных в этот день детей, датой рождения всех троих записано 1 апреля (судим по фотокопии из метрической книги, предоставленной в наше распоряжение В. Г. Шпильчиным). Главным же аргументом против 7 марта как даты рождения Боратынского является тот факт, что уже 8 марта 1800 г. о рождении первенца у Александры Федоровны знали ее петербургские подруги Елизавета и Екатерина Мордвиновы. См. письмо из Петербурга от 8.3.1800 Ек. М. Мордвиновой к А. Ф. Боратынской (перевод с фр.): «<...> Вы не можете вообразить, дорогая Александрина, невыразимой радости, которую принесло прелестное письмо дорогого Абрама Андреевича <...>. Я поздравляю от всего сердца миленькую маленькую маму с новорожденным» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 158. Л. 120). Благодаря публикации В. Г. Шпильчина установлено имя и отчество крестного отца Боратынского — Иван Егорович. Фамилия нам неизвестна, известны лишь несколько строк о нем в одном из писем 1800 г. Александра Боратынского к старшему брату Абраму Андреевичу: «<...> наш общий друг, друг всех человеков Иван Егорович, может быть, при вас находится и который, конечно, не допустит целое семейство ваше<...> остаться в смертельной горести от какого-нибудь неприятного приключения, от чего избави вас боже! — ах, он действительно наш Гений, на которого мы еще можем надеяться в наших беспокойствах» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. № 5. Л. 4—4 об.).

Родственники и знакомые Боратынских интересуются, как растет их сын: «Сделайте милость, поспешите нас уведомить, как вы там находитесь и как дорогой Бубинька вас там забавляет, как сия нежная веточка вашей любви оперяется в своем смысле и познании и какие уже дает надежды. Нам все это интересно будет ведать, и будьте уверены, что и мы не холодное примем в том участие» (Александр Андреевич Боратынский, письмо второй половины 1800 г.); «Милого бубиньку бубушу Милочьку я и сама незнаю как бы мне его лудше назвать, я его так много, так много люблю что меры незнаю. Поцелуйте его от меня» (Мария Андреевна Боратынская, письмо 1800—1801 г.); «Я с нетерпением желаю узнать вашего

маленького Евгения»; «не забывайте никогда рассказывать о вашем малыше Евгении» (Е. И. Нелидова, письма от 27.6.1800 и 10.4.1801; перевод с фр.) (ИП. С. 48; *Гофман* 1914—1915. Т. 1. С. 212; М. Введение. С. V.)

1801

Боратынские живут в Вяжле.

ФЕВРАЛЬ, вторая половина — МАРТ, первая половина (?). Вяжля. Родилась сестра Боратынского — София.

Дата указана предположительно на основании поздравлений с рождением дочери в письме Е. И. Нелидовой к А. Ф. Боратынской от 10.4.1801 (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 991. Л. 4 об.).

МАРТ, ночь с 11 на 12. Петербург. Убит Павел I. На престоле Александр I. У Абрама Андреевича появляется возможность вернуться в Петербург, но он остается в Вяжле.

1802

Боратынские живут в Вяжле.

ФЕВРАЛЬ, 12. Вяжля. Родился брат Боратынского — Ираклий.

ОСЕНЬ. Вяжля. Раздел имения между Абрамом Андреевичем и его братьями. По разделу Абрам Андреевич и Богдан Андреевич получили каждый по 1000 крепостных душ, а Петр Андреевич и Илья Андреевич — каждый около 300.

ИП. С. 50, 330—331.

1803

Боратынские живут в Вяжле.

ЛЕТО — ОСЕНЬ. Пребывание в Вяжле младшего брата Абрама Андреевича — Александра, приехавшего из Подвойского — Голощапова. По семейному преданию, он увлекся Александрой Федоровной, что послужило, вероятно, источником конфликта Абрама Андреевича не только с ним, но и с другими родственниками — видимо, в конфликте был как-то замешан совладелец Вяжли Богдан Андреевич, ибо в конечном счете ссора стала поводом переезда Абрама Андреевича в Мару (см. 1804, весна—осень?).

М. С. 135—136; ИП. С. 50.

ДЕКАБРЬ. Тамбов. Дворянские выборы: Абрам Андреевич Боратынский выбран тамбовским губернским предводителем (по 1806 г.).

Нарцов 1904. С. 448.

1804

Боратынские живут в Вяжле, с весны—осени в Маре.

ЯНВАРЬ, Тамбов. Абрам Андреевич Боратынский приступает к исполнению обязанностей тамбовского губернского предводителя дворянства.

Загряжский. Изд. 1993. С. 153. О конфликте А. А. Боратынского с губернатором Тамбова Д. Р. Кошелевым см. ниже: 1805, февр., нач.; 1806, лето (?); окт. сер.; 1807, февр., до 5.

ФЕВРАЛЬ, 19. Евгению Боратынскому четыре года; очень послушный и прилежный ребенок; с матерью дети говорят по-французски; с отцом — по-русски (Абрам Андреевич, как и его братья, не знал иностранных языков); Александра Федоровна обучает детей чтению, и старший сын уже читает по-французски. См. рассказ Абрама Андреевича о своих детях в письме от 17.2.1804 к сестре Марии Андреевне: «Ты не знаешь еще нашего *Ашичку* <Ираклий> и *Сошу* <София>. А про Бубу <Евгений> и говорить нечего. Это такой робенок, что я в жизни моей не видывал такого добронравного и хорошего дитя — он уже читает по-французски. *Ашичка* — это Ираклий. Мы ему дали это легчайшее имя. Мне можно тебе их всех хвалить. Этот Ашонок — такой красотка, что я редко видывал, и он у них у всех фаворит. — Соша наша все была больна, теперь поправляется, и преострая девчонка! А про нее не могу сказать, чтоб была смирна; иногда надо и розочки. А Бубинька 2 года не только розги, но ниже выговору не заслужил. Редкой робенок! Хоть я про Сошу и мало пишу, но признаюсь, я ее очень часто балую».

Гофман 1914—1915. Т. 1. С. XXII; ИП. С. 50.

ВЕСНА—ОСЕНЬ (?). После ссоры с братьями (см. 1803, лето—осень) Абрам Андреевич ставит новый дом в стороне от прежнего — в том месте вяжлинской усадьбы, которое называется Мара.

См. в его письме от 17.2.1804 к сестре Марии: «<...> я не хочу еще иметь дьявольских сцен с моими, которые против меня сделались извергами человечества. Прискорбно тебе, душа моя, слушать от меня такие отзывы; но к несчастью моему, они истинны. — Я бежал бы в другую часть света, чтоб с ними никогда не встречаться, а особливо со вторым. — Я желаю ему всякого благополучия, но с ним не увижусь уже во всю мою жизнь. Я хочу, чтобы нам жить уже не в вяжлинском доме, и должен строиться от самого пола вновь. Я уже купил дом и перевожу в Мару, а в Вяжле все оставляю им — и жить пусть приезжают, а все буду от них за 5 верст». (ИП. С. 50)

1805

Боратынские живут в Маре. В октябре—декабре Абрам Андреевич везет старшего сына в Тамбов.

ФЕВРАЛЬ, начало месяца. Тамбов. Начало двухлетнего конфликта Абрама Андреевича с тамбовским губернатором Д. Р. Кошелевым.

«<...> губернский предводитель генерал-лейтенант Боратынский, получа от него, губернатора, от 27 генваря 1805 года отношение о сложении с помещика Аленина рекрутов, вместо исполнения оного вопреки порядка предал положение его, губернатора, ревизии уездного суда». (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. № 17. Л. 2.) См. далее: 1806, лето (?); окт., сер.; 1807, февр., 6.

МАРТ, до 14. Мара. Родился второй брат Боратынского — Лев.

Дата указана предположительно на основании письма от 7.4.1805 М. А. Панчулидзевой к брату в Мару: «От 14-го числа прошедшего месяца мы имели несравненное удовольствие получить радостное известие, что Бог даровал вам сына» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. № 12. Л. 14).

ВЕСНА—ЛЕТО. Мара. Боратынский уже умеет писать — по-русски и по-французски. См. в письме Абрама Андреевича от 15.6.1804 к отцу: «Бубинька уже выучился грамоте и теперь пишет. У него благодаря Бога понятие очень хорошее, и мы игравши с ним его учим. — Мы выписали учителя, которого мы ждем из Петербурга».

Гофман 1914—1915. Т. 1. С. XXII; ИП. С. 55.

ЛЕТО (?). Приезд в Мару гувернера Жьячинто Боргезе.

См. предыдущую дату.

ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ. Первый выезд Боратынского за пределы родительского имения — Абрам Андреевич взял его с собой в Тамбов (см. в его письме 25.10.1805 к жене о первых впечатлениях сына: «Мне даже жаль, что ты не могла видеть и слышать все его вопросы! Он даже до того расспрашивал, что сам останавливался отдыхать, жалуясь, что у него губы и язык болят. Он Тамбов в воображении своем <представлял> и садом и зверем или какой-нибудь рекою, словом, я очень много дивился на его воображение. Он несколько раз по дороге доставал свой рубль и тут-то было у него богатое воображение. Он провожает глазами каждую телегу и бегает из окошка в окошко смотреть»).

ИП. С. 56.

1806

Боратынские живут в Маре. В октябре Абрам Андреевич и Александра Федоровна уезжают в Петербург.

МАЙ—ИЮЛЬ (?). Мара. Родился брат Боратынского — Федор.

ИП. С. 331.

ЛЕТО (?). Тамбовский губернатор Кошелев отправляет в Петербург рапорт, в котором обвиняет Абрама Андреевича в превышении служебных полномочий.

См. выше: 1805, февр., нач. и ниже: 1806, окт., сер.; 1807, февр., 6. «Губернатор был Д. Р. Кошелев, человек умной, скор на распоряжения, писал мастерски <...>. Баратынский что-то с ним не поладил. Пошла переписка. Предводители <уездные> разделились — половина на сторону Баратынского, другая губернатора, которой по знанию и опытности в делах такие начал давать предложения и требовать ответов, что они запутались по бумагам. Он дает предложение губернскому правлению шесть уездных предводителей отдать в уголовную палату. Следовало б и губернскому быть с ними суждену, но как он имеет с ним личное неудовольствие, то для рассмотрения его поступков отнесется к высшему начальству, что и сделал. — Баратынский принужден был ехать в Петербург и хлопотать» (*Загряжский*. Изд. 1993. С. 153—154).

ОКТЯБРЬ, середина месяца. Абрам Андреевич, Александра Федоровна и ее сестра Екатерина Федоровна (она постоянно жила в Вяжле) отправляются в Петербург хлопотать об оправдании Абрама Андреевича (см. выше: 1805, февр., нач.; 1806, лето?). С детьми остаются приехавшие из Голощапова брат и сестра Абрама

Андреевича — Богдан Андреевич и Екатерина Андреевна. Судя по их письмам к Абраму Андреевичу и Александре Федоровне в Петербург (см. ниже: 1806, ноябрь, 5; ноябрь 11), они жили с детьми не в марском доме, а в вяжлинском.

ИП. С. 57.

НОЯБРЬ. 5(?). Вяжля. Первое известное письмо Боратынского — к родителям в Петербург (на рус. яз.; без даты): «Милая мая мамiнька i папинка. Желаю вамъ всякаго здаровья и благополучiя навсегда мы оченъ бы желали васъ скарее видить. а без васъ нам скушна: паприказанiю вашему уведомляю васъ мы точно такъ, же играимъ как привасъ играли. сошичка ашичка вавычка и федичка <сестра София и братья Ираклий, Лев и Федор> мы все здоровы, изаочно цалуемъ вас нашы мiлай: впрочем навсегда пребудемъ послушными: остаюсь покорный и послушнымъ вашъ сынъ евгенiи боратынскай (соблюдены орфография и пунктуация автографа). — На полях письма приписка рукой Богдана Андреевича: «Собственныя Ево мысли; а Соша <София> крайне стыдится, што не может сама писать». — Письмо Боратынского, видимо, было приложено к письму Богдана Андреевича (датировано: 5 ноября 1806 г. Вяжля), в котором о старшем сыне сообщается: «<...> Бубинька ведет себя очень хорошо и учится весьма успешно, за что отнесите вы свою признательность г. Боргезу <Жьячинто Боргезе>, который поистине того достоин. — Любезная сестрица, я уверен, что вы точно то найдете по приезде своем, как я вам написал. Словом, я разговариваю с г. Боргезом посредством милого Бубиньки, которому всегда приказываю мой разговор перевести. И так он старается исполнять мою просьбу и вместе приказание, так порядочно и с такой охотой ему переводит по-французски, а мне по-русски, чего я никак в такое короткое время ожидать не мог».

Хетсо. С. 564—565 (письмо Боратынского; дата: 1806); ИП. С. 58 (уточнение даты; письмо Богдана Андреевича); уточнено по автографу — ПД. № 21.738. Л. 1; автограф письма Богдана Андреевича — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. № 6. Л. 5—6.

НОЯБРЬ, между 5 и 16 (?). В Вяжле получают письмо от Александры Федоровны и Абрама Андреевича из Петербурга (письмо не сохранилось; о его получении см. ниже: ноябрь, 16?). Вероятно, по приезде в столицу выяснилось, что хлопоты об оправдании Абрама Андреевича продлятся долго, и у родителей возникло намерение, чтобы детей привезли в Петербург, о чем судим по письмам детей — см. ниже: ноябрь, 16 (?). Дети, однако, никуда не ездили.

НОЯБРЬ, 16 (?). Вяжля. Письма Евгения, Софии и Ираклия Боратынских к родителям в Петербург (на рус. яз.; без дат): «Любезьные мои папинька маминька и тiотiнька, пакорнейше васъ благодарю за писание ваше цалую ваши ручку ожидаю нетерпеливо когда увижусъ съ вами, остаюсь ваш Евгенiи Боратынской». — «Любезные маи папинька маминька и тiотинка благодарим васъ за писание и целуем ваши ручки очень радуемся тому што изволите за нами прислать а мы все здаровы ваши малютки и харашо себя ведiомъ. — Софья Баратынская — и ваш милай — Ашъ Баратынской» (соблюдены орфография и пунктуация автографа). — Видимо, письма были приложены к письму Богдана Андреевича от 16.11.1806.

Хетсо. С. 565 (письмо Боратынского, дата: 1806); ИП, с. 353 (уточнение даты); РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. № 6. Л. 7 (письмо Богдана Андреевича). Автографы писем Евгения, Софии и Ираклия Боратынских — ПД. № 26.315. Л. 1—2.

НОЯБРЬ, вторая половина месяца (?). Вяжля. Письмо Евгения, Софии и Ираклия Боратынских родителям в Петербург: «Любезныи папинька и маминька — благодарим вас за игрушки мы желаем очень чтоб вы были здаровы. также скажу вам что мы славо богу здаровы и веселы — астаемся — покорные дети Евгений — Софья Ираклiй — Боратынскiи».

ПД. № 26.321. Датировка предположительная — по упоминанию о присланных игрушках.

НОЯБРЬ, вторая половина месяца — ДЕКАБРЬ (?). В Вяжле узнают, что Александра Федоровна, заболев в Петербурге, уже поправляется, с чем связаны письма Софии и Евгения Боратынских к родителям (оба на фр. яз.; без дат), приложенные, видимо, к несохранившемуся письму Богдана Андреевича. 1. София: «Je suis bien contente machres maman daprendre...» — Перевод: «Я очень рада, любезная маменька, что вы чувствуете себя лучше, я не хочу и не желаю ничего иного, кроме полного вашего выздоровления, чтобы скорее иметь счастие обнять вас, равно как и любезного папеньку, и любезную тетеньку; я надеюсь, что вы будете довольны мною, добрая маменька, по утрам и после обеда я занимаюсь чтением и писанием, и это для меня теперь развлечение <т. е. нисколько не трудно>, как и маленькое общество моих братьев, из чего вы видите, что вашей Софи не хватает только вас для того, чтобы быть совершенно счастливой». 2. Евгений: «Ma chère maman. Je suis bien content aussi...» — Перевод: «Любезная маменька. Я также счастлив узнать, что вы совершенно поправились. Ваш Евгений. Все братья благодаря Бога здоровы».

Хетсо. С. 566. Уточнено по автографам — ПД. № 21.738. Л. 2—2 об. Г. Хетсо напечатал оба текста с датировкой 1806 как принадлежащие Боратынскому. В том, что первое письмо написано его сестрой, убеждают несколько обстоятельств: 1) менее уверенный, чем у Евгения, почерк; 2) женский род прилагательных (contente, heureuse); 3) сам факт приписки Евгения к письму сестры, чем и объясняются слова «также счастлив». Обосн. даты: в предыдущих письмах в Петербург — см. 1806, ноябрь, 5 (?); ноябрь, 16 (?) — о болезни маменьки речи не было; в следующем письме, написанном по возвращении из Петербурга тетушки Катерины Федоровны (см. 1807, янв., нач.), речь идет уже о скором приезде родителей. Значит, эти два написаны в промежутке между помянутыми.

1807

Боратынские живут в Маре.

ЯНВАРЬ, начало месяца (?). Вяжля. Возвращение из Петербурга Е. Ф. Черепановой, с чем связано письмо Боратынского к маменьке в Петербург (на фр. яз.; без даты): «Ma bonne maman je ne pui vous exprimer...» — Перевод: «Милая маменька! Не могу выразить, как мы были приятно удивлены приездом любезной тетеньки, а особенно тем, что она подала нам надежду, что скоро мы будем иметь удовольствие видеть здесь вас и любезного папеньку, мы не могли бы получить более приятного известия, и мы все ждем этого счастливого дня, ваш послушнейший сын Евгений».

Хетсо. С. 567 (без обращения; дата: 1806—1807). Исправлено по автографу: ПД. 21.738. Л. 3. Причина уточнения даты — примерное хронологическое место письма в ряду детских писем Боратынского к родителям в Петербург в ноябре—декабре 1806 г. и момент возвращения родителей — см. 1807, февр., до 5).

ФЕВРАЛЬ. До 5. Вяжля. Возвращение Абрама Андреевича и Александры Федоровны из Петербурга. Абрам Андреевич полностью оправдан и освободился от обязанностей тамбовского губернского предводителя.

ИП. С. 60, 332.

ФЕВРАЛЬ, 6. Петербург. Распоряжение Сената об окончательном решении конфликта между Абрамом Андреевичем и губернатором Кошелевым — без последствий для обоих.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. № 17. Л. 2—2 об.

МАЙ. 12. Мара. Родился брат Евгения — Сергей.

МАЙ, конец месяца — ИЮНЬ. Отъезд из Вяжли в Подвойское — Голощапово Богдана Андреевича и Екатерины Андреевны Боратынских.

ИП. С. 60.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА (?). Мара. Письмо Евгения и Ираклия Боратынских (на рус. яз.; без даты) тетушке Екатерине Андреевне в Голощапово — Подвойское: «Любезная тетинька желая вам быть здаровым благодарим вас за вашу милость и любовь мы очень желаем с вами видется все дети цалуют ручки ваши и любят вас, дедушке <Андрею Васильевичу> и обеим бабушкам <его сестрам — Надежде Васильевне и Елене Васильевне> цалую ручки. — Остаюсь Евгений Боратынский. — Ираклий. — Вава <Лев> спит, Соша<София> также».

М. С. 80 (с сомнительной датой: 1810). Уточнено по автографу: ПД. № 21.737. Л. 9. Обосн. даты: детский почерк, такой же, как в письмах от ноября 1806 — января 1907.

НОЯБРЬ, до 24. Мара. Письмо Боратынского (на рус. яз.; без даты) тетушке Екатерине Андреевне в Подвойское — Голощапово: «Милая тетинька. — Поздравляем вас со днем вашего ангела и желаем вам всякого благополучия. Мы с Сонюшкою вышили для вас подвязки которые просим вас принять милостиво. Прошу засвидетельствовать глубочайшее наше почтение дедушке <Андрею Васильевичу> и дядиньке <Богдану Андреевичу>. Мы все целуем ваши ручки и любим вас от всего сердца. — Покорнейший ваш — племянник — Евгений Боратынской».

ПД. № 21.737. Л. 11—11 об. Публикация Е. Э. Ляминой. Датируем по детскому почерку. Именины Екатерины Андреевны — 24 ноября.

1808

Боратынские живут в Маре (до весны); весной (?) отправляются в Голощапово — Подвойское.

ЯНВАРЬ—ИЮНЬ. Эпидемия чумы в Саратовской губ. Опасность распространения эпидемии на Тамбовскую губ.

См. рескрипты Александра I сенатору О. П. Козодавлеву за январь—июнь 1808 г. о мерах по пресечению чумы в Саратовской губ. (РА. 1895. Кн. 3. № 10. С. 129—139).

ФЕВРАЛЬ, середина месяца. Мара. Неудачные роды Александры Федоровны (Абрам Андреевич — братьям Петру и Илье 6.3.1808: «Мы не писали к вам 3 только почты, но скажу вам истину, что это время я желал бы навсегда истребить из памяти моей. Моя Александра Федоровна безвременно родила трехмесячного дитя»).

ИП. С. 60.

ВЕСНА (?). Отъезд семейства Боратынских из Мары в Подвойское — Голощапово (см. в письме Абрама Андреевича к братьям Петру и Илье от 6.3.1800: «В соседстве у нас чума. Саратовская губерния вся заперта, и кордон многочисленный поставлен по всей границе. Мы только дожидаемся весны и хотим ехать к батюшке, но не чума нас гонит; а хочется ему повидать более сынов его <т. е. внуков>»).

ИП. С. 60. Точное время пребывания Боратынских в Подвойском — Голощапове неизвестно. Более того, сам факт поездки к смоленской родне устанавливается лишь на основании косвенных данных: 1) приближение к Кирсановскому уезду эпидемии чумы (см. 1808, янв.—июнь); 2) намерение Абрама Андреевича отправиться всем семейством к отцу (см. цитируемое письмо); 3) перерыв в переписке с отцом (между 2. 1.1808 и 28.11.1809 не сохранилось ни одного письма — см. собрание писем Абрама Андреевича: РГАЛИ. Ф 51. Оп. 1. № 270. Л. 229—231).

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. Вероятно, Боратынские живут в Подвойском — Голощапове у отца Абрама Андреевича — Андрея Васильевича. Сведений об их местопребывании в этот период — нет.

1809

Боратынские живут, видимо, какое-то время в Подвойском — Голощапове, затем — в Москве.

МАЙ—ИЮНЬ (?)... СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ (?) Переезд Боратынских из Подвойского — Голощапова в Москву; младший сын Сергей остается на попечении родственников в Подвойском — Голощапове. В Москве Боратынские живут в Клённиках, в приходе церкви св. Николая Чудотворца (Никола в Клённиках) — район Маросейки. Местоположение дома неизвестно.

ИП. С. 65—66. Обосн. даты: в августе 1809 г. Александра Федоровна родила дочь Наталию (см. 1809, авг., вт. пол. и примеч. к дате); значит, Боратынские вряд ли отправились в путь в июле—августе. В ноябре 1809 г. они жили уже в Москве (см. 1809, ноябрь, 28). Зимой 1808—1809 г. они вряд ли поехали бы с маленькими детьми на руках в нетопленный московский дом; весной, в марте—апреле, известно, какие бывают распутицы, и в эту пору они тоже вряд ли поехали. Следовательно, речь может идти о мае—июне или октябре.

О московской жизни Евгения Боратынского в 1809—1811 гг. известны только два факта: то, что он читал в этот период «Илиаду» (см. в письме к маменьке: 1814, ноябрь ?), и то, что его дядька Жьячинто Боргезе перезнакомил его с жившими в Москве итальянцами (см. в стих. «Дядьке-итальянцу» — 1844, май—июнь, первая половина: «Москва нас приняла, расставшихся с деревней. // Ты был вожатый мой в столице нашей древней. // Всех макаронщиков тогда узнал я в ней, // Ментóра моего полуденных друзей»).

АВГУСТ, вторая половина месяца. Голощапово — Подвойское (?). Москва (?). Родилась вторая сестра Боратынского — Наталия.

Дата рождения Н. А. Боратынской точно неизвестна. На ее надгробии рядом с датой кончины (10.7.1856) было означено, что она умерла на 46-м году жизни (Моск. некрополь. Т. 1. С. 125) — значит, она родилась не ранее 10.7.1809. Следующие роды Александры Федоровны были 12.7.1810; значит, Наталия не могла родиться позднее августа — сентября. Учитывая, что день ангела Наталии — 26 августа, мы и относим время ее рождения ко второй половине августа 1809 г. Сохранилось письмо от 22.9.1809 старшей сестры Александры Федоровны — Анны Федоровны Лукашевич, в котором та поздравляет Боратынских с рождением дочери (ПД. № 26. 356).

НОЯБРЬ, 28. Первое точное сведение о том, что Боратынские уже живут какое-то время в Москве, — письмо Абрама Андреевича к отцу из Москвы в Голощапово — Подвойское: «<...> Я так было сделался болен, что еще и до сих пор с постели не схожу. Жестокая простуда сделала внутренний ревматизм».

ИП. С. 65.

1810

Боратынские живут в Москве.

МАРТ, 24. Москва. Кончина Абрама Андреевича Боратынского.

МАРТ, 26. Москва. Похороны Абрама Андреевича на кладбище Спасо-Андроньева монастыря.

ИП. С. 66.

ИЮЛЬ, 12. Москва. Родилась третья сестра Евгения Боратынского — Варвара.

СЕНТЯБРЬ, 7. Петербург. Евгений и Ираклий Боратынские зачислены в Пажеский корпус с правом оставаться в семье.

Прошение о приеме в корпус братьев Боратынских обнаружить не удалось (может быть, его составлял еще Абрам Андреевич), но в сохранившихся документах Пажеского корпуса (РГВИА), имеющих отношение к братьям Боратынским, датой их зачисления значится 7.9.1810 (см.: *Максимов* 1870. С. 202; ИП. С. 66, 332).

1811

Боратынские в Москве — до мая, затем — в Маре.

МАЙ (?). Переезд Александры Федоровны с детьми, сестрой Екатериной Федоровной и учителем детей Жьячинто Боргезе из Москвы в Мару.

ИЮНЬ, середина месяца (?). Мара. Два письма Боратынского в Подвойское — Голощапово к Богдану Андреевичу и Екатерине Андреевне: 1. «Любезный Дядинька. — Мы очень были обрадованы узнавши от тетиньки что вам по лучше и что вы уже катались в ваших дрожках; тетинька также сказывала что у вас есть прекрасные две лошади, я думаю что вам очень весело на них кататься благодарю вас любезной дядинька что вы прислали сюда Клепера. Когда мы приехали в Вяжлю так нам показывали всех ваших лошадей но как я вам стал расказывать приключение приезда разкажу вам и отъезда как великий путишественник. Мы выехали из Москвы в 6 часов по полудни и разположились: маминька и тетинька в карете, я и Mosieur Bories в колязке а маленькие дети в другой карете в брычке и двух повозках ехали постели и говядина и так мы выехали из Москвы. В сей день с нами ничего важного не случилось что от пыли только мы все чихали. Но как приехали на станцию то от хорошаго куска курицы все позабыли и так мы дотащились щастливо до Коломны. Когда мы выехали из Коломны то колесо у колязки начало танцавать так что на всяком шагу боялись упасть, впротчем дорога была щастлива. И так мы приехали. Прощайте любезной дядинька будьте веселы и здоровы. Остаюсь покорнейший ваш племянник — Евгений Боратынский. Monsieur Bories просит меня засвидетельствовать его почтение столько вам как и всем нашим родным». — 2. «Любезная тетинька — Будьте здоровы и благополучны цалуем ваши ручки. Мы как только приехали так и прямо к вам в дом <в вяжлинский дом Богдана Андреевича> где мы были приняты как гости и думали что в самом деле у вас в гостях; все нам обрадовались так как мы обрадуемся когда вы приедете. Остаюсь покорнейший ваш племяньник — Евгений Боратынский».

М. С. 79—80; 139—140 (дата: ок. 1810). Уточнено по автографу: ПД. № 21.737. Л. 7—8; на л. 8 об (и далее вспять на л. 8—7 об.) приписка Александры Федоровны: «Вот как мой

старший повирает — я уговорила его писать не приготовляясь — зная ваше снисхождение — как вы поживаете, мои любезные друзья? Что сватовство ваше? Пишите ради Бога — а у нас севодни был первый дождь почти с мая месяца — Авось ето поправит яровые, которые хотя взошли хорошо, но очень засохли <...>». Последняя фраза служит обоснованием нашей даты.

1812

Евгений Боратынский живет в Маре, с мая — в Петербурге.

МАРТ, 22. Мара. Дата, которой помечена ученическая тетрадь Боратынского с упражнениями по французскому языку «Cahiers françois appartinant à Eugène Boratinsky».

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 185.

АПРЕЛЬ, 20-е числа. Боратынский вместе с тетушкой Е. Ф. Черепановой едет из Мары в Петербург.

Обоснование этой и следующих восьми дат см. в примеч. к: 1812, май, 30.

АПРЕЛЬ, конец месяца. Остановка в Москве; Боратынский с тетушкой живет здесь несколько дней.

МАЙ, 7. Отъезд Боратынского с тетушкой из Москвы.

МАЙ, около 11—12. Приезд в Петербург. Видимо, Евгений и Екатерина Федоровна остановились в доме у Петра Андреевича Боратынского. Кроме него в Петербурге в это время живет другой дядюшка по отцовской линии — Илья Андреевич (оба дядюшки служат, оба в высоких чинах: Петр Андреевич — генерал-майор, Илья Андреевич — контр-адмирал).

МАЙ, около 15. Петербург. Боратынский отдан в частный пансион (пастора Коленса? Коллинза?) для подготовки к учебе в Пажеском корпусе.

МАЙ, середина месяца. Петербург. (После поступления в пансион.) Первое письмо Боратынского к маменьке из Петербурга в Мару: «Ma chère maman. Je viens de recevoir votre lettre et je vous en remercie...» — Перевод: «Любезная маменька. Я только что получил ваше письмо и благодарен вам за него, я благодаря Бога здоров. Ах, маменька, что за прелесть, Нева уже очистилась ото льда, сколько лодок и сколько парусников, сколько кораблей, но между тем, маменька, без вас все кажется мне бесцветным, ибо когда я уезжал, я еще не чувствовал всей печали, которую принесет наша разлука, я не познавал ее, но теперь, маменька, каково же различие. Петербург поразил меня красотой, все вокруг кажется мне блаженствующим, но у всех здесь свои матери; я надеялся, что смогу радоваться с товарищами, но нет, каждый играет с другим как с игрушкою, без дружбы, без привязанности! Какое различие с тем, когда я был вместе с вами! В последние дни, пред отъездом, несмотря на печаль и чувствуя еще наслаждение быть с вами вместе, я, откровенно говоря, думал, что мне будет много веселее со своими сверстниками, чем с маменькой, ибо она взрослая, но увы, маменька, как я ошибался; я надеялся обрести дружбу, но не обрел ничего, кроме равнодушной и неискренней учтивости, кроме дружбы корыстной; когда у меня было яблоко или что другое, моими друзьями были все, но потом, потом все как пропадало, но, маменька, у меня более нет времени писать; прощайте, будьте здоровы. Обнимаю всех. — Евгений».

Изд. 1869. С. 401—402; Изд. 1884. С. 486—487; М. С. 21 (во всех изданиях с неточной датой: 1808). Автограф ПД. № 21.738. Л. 5—6 об.

МАЙ, 18. Петербург. Боратынский успешно сдает экзамен в пансион.

МАЙ, 23. Петербург. Детский бал в пансионе (подробности см. далее: май, 30).

МАЙ, 30. Петербург. Два письма Боратынского в Мару (оба на фр. яз.) — отправлены с отъезжающей из Петербурга тетушкой Катериной Федоровной: 1. *К маменьке* (без даты): «Ma chère maman. Je vous demande pardon de l'inquiétude...» — Перевод: «Любезная маменька. Прошу вашего прощения за беспокойство, которое я вам доставил своим молчанием. Я не был болен. Иван Иванович <отец или брат Софии Ивановны — жены Ильи Андреевича Боратынского; см. Род. № 12.5> по-прежнему в Москве. Вот почему я не повидал его: на следующий день после нашего приезда в Москву я попросил у тетушки разрешения повидать своего кузена; лишь только я вышел, тетушка отправилась повидать Анну Николаевну и Катерину Николаевну <сестры Бантыш-Каменские, подруги Александры Федоровны>, и поскольку у нее не было времени меня ждать, она уехала одна. По возвращении она сказала, что Иван Иванович будет у нас в понедельник. Но он не появился, а во вторник мы уехали. Вот, собственно, и все. — Уже две недели, любезная маменька, как я в пансионе. В первую неделю, в субботу, у нас был экзамен. Дядюшка <Петр Андреевич> на нем присутствовал. На следующей неделе в четверг после уроков у нас был бал, и было много барышень, и когда стали танцевать экосез, у одной вдруг оборвались бусы и рассыпались по всему полу, и еще лопнула струна у контрабаса. Если бы вы видели, как все бросились подбирать раскатившиеся бусинки и больше их пораздавили, чем подобрали. Я очень доволен, что Аш <Ираклий> носит мои шпоры, и был бы еще больше доволен, если бы он носил мой мундир. Посылаю ему с тетушкой кораблик, Ваве <Льву> — шлем, а Софи и Саше<Александрине — см. следующее письмо> — модные туфли; скажите им, чтобы они сделали побольше кукол — катать на корабликах. — Обнимаю их всех; прощайте, любезная маменька, будьте здоровы так же, как я, и главное — не переживайте слишком. — Евгений». — Концовка этого письма (публикуется впервые) сохранилась не полностью: «...et je la remercie de sa lettre je baise les mains de mon oncle et à mes tantes. Mes compliments à M. Bories. Dites à Варвара Николаевна que je lui écrirai la poste prochaine mais qu'à present je n'ai pas le tems. — Votre Eugène». — Перевод: «<...> и благодарю ее за письмо, дядюшке и тетушкам целую ручки. Поклон г. Борье. Скажите Варваре Николаевне <Зайцовой?>, что я напишу ей со следующей почтой, сейчас же у меня нет времени. — Ваш Евгений». 2. *К младшим братьям и сестрам* (датировано: «Le 30 mai») — Ираклию, Льву, Софии Боратынским и кузине Александрине Лукашевич (дочери старшей сестры Александры Федоровны — А. Ф. Лукашевич, жившей летом 1812 г. в Маре): «Mes chères frères et soeurs...» — Перевод: «Любезные братья и сестры. У меня нет времени много писать, но кое-что скажу. Я вас очень люблю и не забываю. Разучите хорошенько нашу комедию к приезду тетушки <Катерины Федоровны>, чтобы доставить ей удовольствие. Любезные Софи и Александрина, носите туфли, которые я вам посылаю. Надеюсь, любезный Аш <Ираклий>, ты носишь мои шпоры. Прощайте, любезные друзья, братья и сестры, вспоминайте басню <Лафонтена> о крестьянине и его детях и обо мне — Евгений».

Письмо к маменьке — М. С. 23 (с ошибочной датой); автограф — ПД. № 21.738. Л. 9—10. Письмо к братьям и сестрам — *Хетсо*. С. 15; автограф — ПД. 21.738. Л. 82—83 (здесь же концовка письма к маменьке); на л. 83 приписка дядюшки Петра Андреевича о Боратынском: «Что-то бог даст нам, на скрипке играть начали, а охоты мало, однако всеми разными случаями охоту делаем. — Помолитесь хотя вы за нас, авось не услышит ли бог ея и не пошлет ли нам охоты». Письмо к маменьке написано, безусловно, в тот же день, что и письмо к братьям и сестрам — 30.5.1812. Об этом свидетельствуют одинаковые подробности в обоих письмах: шпоры, которые носит Ираклий (Аш); туфли, посылаемые Боратынским сестрам Софии и Александрине; упоминание о скором приезде в Мару тетушки Е. Ф. Чере-

пановой. Установив дату письма к маменьке, мы можем определить и примерные даты событий, упоминаемых в этом письме и перечисленных выше в Летописи. Боратынский пишет, что он уже две недели в пансионе; значит, в пансион он поступил в середине мая. Суббота на первой неделе учебы, когда был экзамен, — это 18 мая, а четверг на второй неделе, когда был бал, — 23 мая. Далее можно предположительно определить и дату первого письма из Петербурга, написанного в первые дни после поступления в пансион (май, середина месяца), и время приезда в Петербург (упоминаемый вторник — это, вероятно, 7 мая), и, соответственно время выезда из Мары. Именно на этих расчетах строится хронология событий в Летописи за период с 20-х чисел апреля по 30 мая 1812 г.

МАЙ, 30... ИЮНЬ, первые дни. Отъезд из Петербурга в Мару Екатерины Федоровны Черепановой (наряду с прочими посылками она везет два письма Боратынского от 30 мая).

ИЮНЬ, около 17. До Петербурга дошло известие о том, что в ночь с 11 на 12 июня французские войска начали переход русской границы через Неман.

РС. 1885. № 9. С. 398.

ИЮНЬ, вторая половина месяца. Петербург. Письмо Боратынского к маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Je vous remercie de votre lettre. Je me porte bien...». — Ответ на несохранившееся письмо Александры Федоровны, являвшееся в свою очередь ответом на письмо Боратынского от 30 мая (см. выше). Перевод: «Любезная маменька. Благодарю вас за письмо, я, слава Богу, здоров, только немного кашляю: это, впрочем, не мешает мне проводить весело каникулы. Вы пишете мне, что игрушки, посланные братьям и сестрам, в их вкусе. Очень этому рад, досадно только, что вскоре после того, как я послал Ашу кораблик с такими плохо сделанными снастями, однажды, идя с дядюшкой <Петром Андреевичем> из пансиона, я увидел матроса, продающего кораблик в два раза больше и несравненно лучше, чем тот, что я отправил, и всего на рубль дороже, но, впрочем, это неважно — наши столяры сделают еще лучше, лишь бы у них был образец, только нужно его покрасить. Пожалуйста, напишите мне, хорошо ли плавает посланный кораблик? Скажите Ашу, чтобы он не боялся пускать кораблик по воде, только надо прикреплять грузик к днищу, чтобы он не опрокинулся. Напишите мне, пожалуйста, есть ли смородина в нашем саду, как растут деревья, как за ними ухаживают, приведены ли в порядок дорожки? Прощайте, любезная маменька, желаю вам чувствовать себя так хорошо, как я вам этого желаю. Целую Софи, Александрину, Наташу, Вариньку <младшие сестры>. Ах маменька, у меня теперь есть братец, а у вас племянник: тетушка <София Ивановна, жена Ильи Андреевича Боратынского> родила сына. Как он прелестен! Зовут его Иван <Il s'appele Jean>. Поздравляю вас, маменька, равно как тетушек <Екатерину Федоровну и Екатерину Андреевну> и дядюшку <Богдана Андреевича>. Целую Аша и Ваву <Ираклия и Льва>. — Евгений». — К письму приписка (на рус. яз.; без даты) к Екатерине Федоровне Черепановой: «Любезная тетинька. — Благодарю вас за письмо. Поздравляю вас с приездом <см. выше: 1812, май 31 — июнь, первые дни> с племянником: у тетиньки Софье Ивановне <так!> родился сын. Прощайте, любезная тетинка, будьте здоровы. — Евгений».

М.С. 24—25 (с неточной датой). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 11—12 об. Обосн. даты: упоминание кораблика, посланного брату Ираклию, и поздравления Е. Ф. Черепановой с приездом в Мару (см. выше: май, 30).

АВГУСТ. Петербург. Письмо Боратынского к маменьке в Мару (на рус. яз.; без даты) — видимо, ответ на несохранившееся письмо Александры Федоровны: «Любезная маминька. Вы мне говорите, чтоб я вам писал обо всем, что я учусь. Хорошо, я вам обо всем етом напишу. В географии теперь я скоро Европу кончу, а после каникулов начну Азию. Я все хорошо отвечал на те земли, которые я учил, и

начал продолжение того, чего я учил у вас, но как у нас очень сокращено, то в 3 месяца я ее успел окончить. Мы екст<р>акт учим наизусть, а что касается до подробностей, то мы их читаем. В истории я начал с пунических войн, а по-немецки я могу кой-что переводить и начинаю говорить немного. По-французски я делаю переводы и сочинения на какой-либо предмет так же как по-русски, рисую же я головки и я стану рисовать в каникулы что-нибудь и вам пошлю, а в каникулы стану я учить геометрию и на скрыпке. С Вашинькой и Алексашей <Кучиными? — см. Род., № 13.9> я вижусь всякое воскресенье, а в каникулы станем вместе гулять. Прощайте, любезная маминька, будьте здоровы. Целую Ашичку, Вавычку, Сошичку, Сашиньку, Наташу и Вариньку. Дядиньке Богдану Андреевичу и тетиньке Катерине Федоровне и Катерине Андреевне целую ручки, также и Варваре Николаевне, Александре Николаевне, Авдотье Николаевне <Зайцовым, соседкам Боратынских по имению> свидетельствую мое почтение и благодарю усердно за письмо. Кланяюсь M. Bories <Жьячинто Боргезе>. — Евгений».

Хетсо. С. 567—568 (текст и датировка). Уточнено по автографу — ПД. № 21.738. Л. 74—75. В автографе текст написан как одно предложение, без знаков препинания.

АВГУСТ, 26. Бородинское сражение.

АВГУСТ, 27. Петербург. Досрочный выпуск в Пажеском корпусе: 38 пажей произведены в офицеры и направлены в действующую армию. В корпусе открылись вакансии для помещения в младшие классы новых воспитанников.

Левшин 1902. Т. 2. С. 267.

АВГУСТ, 31. Петербург. Прошение Петра Андреевича Боратынского об определении его племянника в Пажеский корпус:

«Желая доставить благородному юношеству воспитание и обучение сыну покойного брата генерал-лейтенанта Абрам Андреевича Боратынского Евгению, определенному по высочайшему повелению в оный корпус в пажи, коему ныне от роду тринадцать лет <прибавлен лишний год>, прошу оный корпус о принятии упомянутого сына покойного брата моего в число пансионеров на собственное содержание, с получением от меня следующего числа денег по пяти сот рублей в год, которые по назначению корпуса имею всегда взносить сполна в течение генваря месяца каждого наступающего года из имеющегося собственного моего капитала. Август 31-го дня 1812 года. Генерал-майор Петр Боратынский» (ИП. С. 72).

ОКТЯБРЬ, 9. Петербург. Официальное решение о помещении Боратынского в Пажеский корпус пансионером на собственное содержание.

Статс-секретарь князь А. Н. Голицын сообщает начальствующему над Пажеским и кадетскими корпусами Ф. Клингеру повеление Александра I о приеме в корпус 23 новых пажей (на место выбывших после досрочного выпуска): «Милостивый государь мой Федор Иванович! По числу открывшихся в Пажеском корпусе ваканций Государь Император Высочайше повелеть изволил поместить ныне в сей корпус пансионерами на собственное содержание пажей: Николая Тухачевского, Николая Киреевского, Дмитрия Ханыкова, Александра и Иосифа Миклашевских, Петра Резанова, Петра Вульфа, Павла Смирнова, Александра и Михайла Козловских, Бориса Фока (сына генерал-лейтенанта), Николая Воейкова, Дмитрия Балашова, Александра Звегинцова, Павла и Александра Креницыных, Михайла Милорадовича, Платона Голубцова, Петра Беклешова, Алексея Мельгунова, Евгения Баратынского, Петра и Илью Львовых. — Сообщая о сем Вашему превосходительству к надлежащему исполнению, имею честь быть с совершенным почтением Вашего превосходительства покорнейший слуга князь Александр Голицын». — Боратынский определен в младший, 4-й класс (всего классов в это время было четыре; старший, выпускной — 1-й), в отделение капитана В. О. Кристафовича (ИП. С. 72). Кристафóвич (Криштофович) Василий Осипович — в 1812 г. капитан; поступил в Пажеский корпус гувернером 28.8.1812, оставил службу через год — 15.8 или 15.10.1813 (*Левшин* 1902. Т. 2. С. 423; *Максимов* 1870. С. 203). Видимо, его отец — Осип Константинович, титулярный советник; сестра — Варвара, выпущена из Смольного в 1803 г. (*Черепнин* 1915. Т. 3. С. 495); брат — Евмений (к нему

обращено стих. В. К. Кюхельбекера «Не осуждай меня, Евмений...»). Может быть, В. О. Кристафовича знал еще отец Боратынского: в одном из его писем к отцу (19.4.1792) говорится о возможности оказать протекцию некоему Хроштофовичу (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 270. Л. 121 об.).

«Право быть определенным пажем к высочайшему двору считалось особенной милостью и предоставлялось только детям высших дворянских фамилий. Кроме того, пажеский корпус в то время был единственное заведение, из которого камер-пажи, по своему выбору, выходили прямо офицерами в полки старой гвардии, куда стремилось все высшее и почтеннейшее дворянство. При таких условиях поступление в пажеский корпус представляло значительные затруднения. — Пажеский корпус находился и в то время в числе военно-учебных заведений, причем состоял под начальством главного начальника этих заведений, но во многом резко отличался от них. Это был скорее аристократический придворный пансион. Пажи отличались от кадетов своим обмундированием: мундирное сукно было тонкое, вместо кивера они имели трехугольную офицерскую шляпу и не носили при себе никакого оружия. Одни камер-пажи имели шпаги. Пажи не делились, как кадеты, на роты,— но на отделения. Вместо ротных командиров у них были гувернеры; вместо батальонного командира — гофмейстер пажей. Пажи часто требовались во дворец к высочайшим выходам. Их расставляли по обеим сторонам дверей комнат, чрез которые должна была проходить императорская фамилия <...>. Бывший Мальтийский дворец, дом бывшего государственным канцлером при императрице Елисавете Петровне графа Воронцова, занимаемый пажеским корпусом, не был еще приспособлен к помещению учебного заведения и носил все признаки роскоши жилища богатого вельможи XVIII столетия. Великолепная двойная лестница, украшенная зеркалами и статуями, вела во второй этаж, где помещались дортуары и классы. В огромной зале, в два света, был дортуар 2-го и половины 3-го отделений; в других больших трех комнатах помещались другая половина 3-го и 4-е отделение <...>. Все дортуары и классы имели великолепные плафоны. Картины этих плафонов изображали сцены из Овидиевых превращений, с обнаженными богинями и полубогинями» (*Дараган* 1875. С. 775—777).

Устав Пажеского корпуса: «<...> бьют зорю в 6 часов утра. Пажи и камер-пажи в сие время должны немедленно вставать, офицеры идут в свои отделения и смотрят, чтобы воспитанники их все умывались и порядочно одевались. Когда таким образом будут готовы, тогда отделение становится во фронт, и офицер оное осматривает. Потом один из воспитанников читает молитву; после раздается им завтрак. Коль скоро пробьют повестку в классы, то каждый берет с собою потребные ему книги, и офицер отделения, проведши воспитанников в классы, отдает их в смотрение дежурному офицеру, который перекликает их поименно во всех 4-х классах. В 9 часов бьют повестку из классов, а спустя 10 минут опять в класс. В 11 часов бывает развод. Для верховой езды, танцевания и фехтования назначаются особые дни. В 12 часов бьют повестку к столу. Все пажи собираются в одной зале и в порядке идут попарно к столу. Офицеры все должны находиться при столе и обедать вместе с пажами<...>. Пополудни от 2 до 4 часов распределены классы тем же порядком. От 4-х до восьми вечера позволяется пажам заниматься про себя в классах или в зале чем бы то ни было полезным. Во время же сих упражнений дежурный офицер должен быть там, где находится большее число воспитанников; часто, однако же, посещать обязан тех, которые занимаются в классах <...>. В 9 часов вечера во весь год бьют зорю <...>. В воскресные и праздничные дни собирать их, хотя единожды, после обеда на перекличку <...>. Наказание <розгами> никогда не должно быть производимо в тайне, но всегда в <...> присутствии <директора>, при всех офицерах и воспитанниках» (*Левшин* 1902. Т. 1. С. 233—237). — Реальный распорядок дня не вполне соответствовал Уставу — см. ниже: 1812, декабрь (?).

Преподаваемые науки. 4-й класс: французский и немецкий языки (переводы), арифметика, история российская, география (сокращенно); 3-й класс: французский и немецкий языки; «начинают упражняться в сочинениях на русском языке»; алгебра; геометрия; история греческая; география; полевая фортификация; 2-й класс: риторика на русском языке; сочинения на французском и немецком языках; статистика российская; история римская; тригонометрия; физика, статика и механика; фортификация долговременная, атака и оборона крепостей; артиллерия; тактика; черчение планов; военное судопроизводство; 1-й класс: риторика на французском, немецком и русском языках; история европейская; статистика европейских держав; география; политические науки: дипломатия и политическая эконо-

мия; дифференциальное и интегральное вычисление; практическая геометрия; фортификация иррегулярная; минерное искусство. Во всех классах также: закон Божий и Священная история (*Левшин* 1902. Т. 2. С. 89).

«<...> науки преподавались без системы <...>. Из класса в класс пажи переводились по общему итогу всех баллов, включая и баллы за поведение, и потому нередко случалось, что ученик, не кончивший арифметики, попадал в класс прямо на геометрию и алгебру. В классе истории рассказывалось про Олегова коня и про то, как Святослав ел кобылятину. Несколько задач Войцеховского и формулы дифференциалов и интегралов, вызубренные на память, составляли высшую математику. Профессор Бутырский учил русской словесности и упражнял нас в хриях и других риторических фигурах <...>. Чиновник горного ведомства Вольгсмут, читал нам физику — но также без системы и не умея придать ей никакого интереса. Почти каждый класс его начинался тем, что пажи окружали его и просили, чтобы в следующий класс он показал фокусы. Вольгсмут сердился, говорил, что это не фокусы, а физические опыты. Пажи не отставали, пока он не соглашался, с условием, чтобы на необходимые для этого издержки было приготовлено 3—5 рублей. Эти деньги собирались складчиной, но не иначе, как медными. Когда на следующий класс являлся Вольгсмут с пузырьками и машинками, пажи сыпали на стол свои пятаки, а он, краснея, конфузясь, торопливо собирал их, завязывал в платок и прятал в угол кафедры» (*Дараган* 1875. С. 778—779). «Даже и священника не щадили <...> он диктует, мы пишем, повторяя вполголоса последнее его слово, как бы давая знать, что оно уже написано. Например, он произносит: «Во спасение души», — «...души, батюшка, души», — повторяют пишущие, возвышая голос. Или: «беседование с Богом». — «С Богом, батюшка, с Богом», — как бы напутствуя священника, чтобы он шел домой» (*Гангеблов* 1888. С. 258).

«Как скоро в 10 часов дежурный наставник обошел рундом дортуары, то считал свое дело законченным <...>. Дежурный по корпусу тоже уходил на свою половину. Таким образом на ночь воспитанники предоставлялись самим себе, и тут-то начинались разные проказы. То являлись привидения (половая щетка с маскою наверху и накинутою простынею), то затевались похороны: тут и поп в ризе из одеяла с крестом из картона, с бумажным кадилом, тут и дьячок и певчие: они подкрадываются к кому-нибудь из своих souffre-douleurs <жертв>, берутся молча за ножки его кровати, подымают как можно выше и тогда разом раздается похоронная песня, и процессия отправляется в обход дортуаром. Чаще всего после рунда подымалась война подушками. Дежурный инвалидный солдат боялся: пожалуй, еще побьют» (*Гангеблов*. 1888. С. 258).

ДЕКАБРЬ (?). Петербург. Письмо Боратынского к маменьке в Мару или в Кирсанов (на рус. яз.; без даты): «Любезная маминька. — Мне очень прискорбно слышать, что я имел нещастие вас огорчить, но впредь я буду исправнее. Я теперь уже два месяца в пажеском корпусе. Меня екзаменовали и поместили в 4-й класс, в отделение же г-на Василия Осиповича Кристофовича. Ах, маминька, какой это добрый офицер, притом же он знаком дядиньке. Лишь только я определился, позвал он меня к себе, рассказал все, что касается до корпуса, даже и с какими из пажей могу я быть другом. Я к нему хожу всякой вечер с другими пажами, которые к нему ходят. Он только зовет к себе тех, которые хорошо себя ведут. Я очень удивлен тем, что вы не получили от меня известие об отъезде дядиньки Петра Андреевича в Свеабург, ибо я вам писал об том два раза. Географию я начал сызнова, перевожу с французского на русский и с русского на французский и с немецкого на русский. Российскую историю также теперь учу и прошел три периода, а учу 4-ой царствование великого князя Юрия 2-го Всеволодовича, также начал я геометрию. Встаем мы в 5 часов, в $^{1}/_{2}$ 6-го на молитву до 6-ти, потом к чаю до $^{1}/_{2}$ 7-го, в классы в 7 до одиннадцати, в 12 обедать, а потом в классы от 2-х до 4-х, в 7 часов и в 8 часов ложимся спать. Посылаю к вам реестр издержек при вступлении моем в корпус. Прощайте, любезная маминька, будьте здоровы. Целую братцев и сестриц. Остаюсь вас много любящий сын Евгений Боратынский».

Гофман 1914—1915. Т. 1. С. XXX—XXXI (отрывок); *Хетсо*. С. 569 (полностью); у обоих сомнительная дата: январь—февраль 1813. Уточнено по автографу — ПД. № 21.738. Л. 49—

49 об. Обосн. даты: слова «я теперь уже два месяца в пажеском корпусе»; дата зачисления в корпус — 9.10.1812 (см. выше). О Кристафовиче см. также: 1823, дек., до 20—25.

1813

Боратынский живет в Петербурге, в Пажеском корпусе; в праздники и на каникулах — у дядюшек: Петра Андреевича и Ильи Андреевича (в 1813 г. Илья Андреевич с семьей живет на Васильевском острове, 10-я линия, дом Киселева).

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ. Мара. Маменька Александра Федоровна пишет сыну о своем намерении приехать в Петербург летом (см. ниже: 1813, февр., 23). — Об исполнении этого намерения ничего неизвестно.

ФЕВРАЛЬ, 23. Петербург. Письмо Боратынского к маменьке в Мару или в Кирсанов (на фр. яз.; датировано: «le 23 février»): «Ma chère maman. — Je ne puis vous décrire le plaisir...» — Ответ на недошедшие письма Александры Федоровны, Жьячинто Боргезе и А. Н. Зайцовой (соседки Боратынских по имению). Перевод: «Любезная маменька. Не могу описать вам удовольствие, которое ощутил я, читая ваше письмо. Любезная маменька приедет летом повидаться со мной — больше мне нечего желать! Ах, любезная маменька, я жду с таким нетерпением, что срок этот кажется мне очень долгим. До лета еще три месяца — это так много, но придется смириться. Ныне у нахожусь у дядюшки Ильи Андреевича, Петр Андреевич еще не приехал <из Свеаборга>, но мы ждем его вот-вот. Прошу вас сказать Вариньке <Кучиной? — см. Род., № 13.9>, что братья ее чувствуют себя хорошо, лишь старший немного болен, но это пройдет; вчера мы провели весь день вместе. Дядя получил 700 рублей, о которых вы пишете, и очень удивлен, что вам это неизвестно, ибо с тех пор он дважды писал вам об этом. Вы пишете мне, что мне нечего тревожиться о матери, но разве есть для меня в мире кто-нибудь дороже матери, да еще такой доброй и нежной, как вы? Ах, маменька, сын, который не тревожится о своей матери, — не сын. Федот <слуга Боратынского> чувствует себя хорошо, дядя заказал ему сюртук, но белья и панталонов у него не осталось. Прощайте, любезная маменька, будьте здоровы. Обнимаю дорогих братьев и сестер, дядю <Богдана Андреевича>, тетушек <Екатерину Федоровну и Екатерину Андреевну> и благодарю Александру Николаевну <Зайцову> за письмо. — Дорогой господин Борье, благодарю вас от всей души за письмо; оно доставило мне большое удовольствие. Но оставьте, прошу вас, эти гадкие слова о «смиреннейшем слуге», ничто я так не ненавижу как нелепую церемонность. Я хочу, чтобы вы употребляли имя друга, ведь мы расстались с вами друзьями. Прощайте, мой старый друг, будьте здоровы. — Евгений».

Хетсо. С. 571—572 (текст и дата). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 45.

МАРТ — ИЮЛЬ. Петербург. В. О. Кристафович в ежемесячных рапортах о поведении пажей в его отделении аттестует Боратынского положительно.

Максимов 1870. С. 202.

АПРЕЛЬ, до 13 (до Пасхи). Петербург. Письмо Боратынского к маменьке в Мару или в Кирсанов (на фр.яз.; без даты): «Ma très chère maman. Je m'empresse de répondre à votre lettre...» — ответ на недошедшее письмо Александры Федоровны. Перевод: «Любезная маменька. Спешу ответить на ваше письмо и поздравить вас с Пасхой. Нынче я у дяди <Петра Андреевича?>. Надеюсь, после праздников меня переведут в 3-й класс. У нас 25 человек выпущены офицерами, и это уже третий

раз в этом году; ученики последних классов, еще не выучившие четырех арифметических действий, могут стать офицерами, лишь бы им уже исполнилось 17 лет. Вы спрашиваете меня о моем слуге <Федоте>: он здоров, денег, что вы ему послали, ему хватает на одежду — так он говорит; ведет он себя очень хорошо. Пожалуйста, любезная маменька, пришлите мне историю России, которую вы мне подарили, маленького Грандиссона, Сендфорда и Мертона и идиллии; прощайте, любезная маменька, будьте здоровы. Целую ручку любезному дядюшке и тетушкам. Обнимаю братцев и сестриц, передайте, прошу вас, Вареньке <Кучиной?>, что братья ее здоровы, мы вместе играем. Иван Иванович <Барышников> приехал. — Евгений».

Хетсо. С. 573 (текст и дата). Автограф. — ПД. № 21.738. Л. 70—70 об. *Маленький Грандиссон, Сендфорд и Мертон* — это переложение Арно Беркена (1750—1791) с английского на французский известного сочинения С. Ричардсона и воспитательного романа Т. Дея (1748—1789) «The History of Sandford and Merton» (1783—1789) (*Хетсо*. С. 573).

АПРЕЛЬ, до 21. Петербург. До Петра Андреевича и Ильи Андреевича доходит известие из Подвойского — Голощапова о смерти их отца Андрея Васильевича.

ИП. С. 79, 334.

АВГУСТ, 15 или ОКТЯБРЬ, 15. Петербург. Гувернер капитан В. О. Кристафович (см. выше: 1812, окт., 9; дек.) уволен из Пажеского корпуса по болезни; его сменил капитан Николай Антонович Мацнев (о его знакомстве с маменькой Александрой Федоровной см.: 1814, авг. ?).

Максимов 1870. С. 202; *Левшин* 1902. Т. 2. С. 422—425.

СЕНТЯБРЬ. Петербург. Боратынский переведен в 3-й класс.

ОКТЯБРЬ, 18. Петербург. Боратынский награжден свидетельством об успехах в науках: «СВИДЕТЕЛЬСТВО. Дано сие от Пажеского Его Императорского Величества Корпуса Пажу Евгению Баратынскому в том, что он по Экзамену сего 1813-го года за успехи в науках и добронравие удостоился получить награждение, определенное для четвертого класса и в книгу, назначенную для записывания таковых отличившихся гг. Камерпажей и Пажей под № 7-м записан сего Октября 18 дня 1813-го года».

ПД. № 21.784; *Хетсо*. С. 26—27.

ДЕКАБРЬ, 31. Петербург. Илья Андреевич Боратынский вышел в отставку контр-адмиралом. См. далее: 1814, июль—авг.

ОМС. Ч. 3. С. 117.

1814

Боратынский живет в течение года в Петербурге — в Пажеском корпусе, в праздники и в каникулы — у дядюшки Петра Андреевича.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. Петербург. Гувернер Мацнев (см. выше: 1813, авг., 15 или окт., 15) в ежемесячных рапортах характеризует поведение Боратынского одинаково положительно («нрава доброго»).

Максимов 1870. С. 202.

ИЮЛЬ (?). Петербург (?). Письмо Боратынского к маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты) — в связи со смертью ее матери — Авдотьи Сергеевны Черепановой:

«Ma chère maman. Nous venons d'apprendre...» — Перевод: «Любезная маменька. — С глубочайшей печалью мы узнали о смерти нашей бабушки. Я не имел счастья знать ее, но если она была похожа на вас, как бы я должен был ее любить! Я понимаю вашу печаль, но, любезная маменька, подумайте, что это закон природы. Мы рождаемся, чтобы умереть, и часом раньше или позже, но все равно надлежит покинуть навсегда этот крохотный атом, состоящий из праха и называемый землей. Будем надеяться, что в ином мире мы сможем увидеть всех, кто был нам дорог здесь. Бог нас любит и, вероятно, не захочет ввергнуть нас после жизни, подверженной стольким ударам судьбы, в печальную вечность страданий. Мы отдали сегодня последний долг памяти нашей бабушки. Церковные церемонии полезны прежде всего для утешения сердца. Быть может, это заблуждение, но я верен этому заблуждению, ибо оно утешает меня в печалях. Прощайте, любезная маменька, желаю, чтобы эта потеря не слишком вас огорчала, но я не осмеливаюсь просить вас забыть ее, ибо знаю, как такие удары поражают чувствительное сердце. — Е. Боратынский».

Изд. 1869. С. 403; Изд. 1884. С. 488 (дата: 1814); М. С. 26 (дата: июль 1814). Автограф — ПД. № 21. 738. Л. 13. Дата смерти А. С. Черепановой неизвестна. Дата письма проставлена его публикаторами на основании семейных преданий. Однако следует учитывать, что дети и племянники Боратынского, в чьем распоряжении находились до 1920-х гг. рукописи старших поколений Боратынских, не всегда были точны в своих пояснениях к бумагам старших родственников. Так, в семейном альбоме «Tendresse», хранившемся в Татеве, возле рисунка, изображающего профиль пожилой женщины в очках и в платке, С. А. Рачинский (племянник Боратынского — см. Род. № 13.8) написал карандашом: «Портрет Авдотьи Матвеевны Черепановой, сделанный Е. А. Боратынским» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5. Л. 48). Это явная контаминация семейных преданий: Авдотья Матвеевна — бабушка Боратынского по отцовской линии, жена Андрея Васильевича (см. Род., № 11.1), умершая в 1791 г.; у бабушки по материнской линии — Авдотьи Черепановой — было другое отчество: Сергеевна. Первую из бабушек Боратынский не мог знать, ибо она умерла за 9 лет до его рождения; вторую, судя по словам из вышецитированного письма («Я не имел счастья знать ее»), он тоже не видел никогда. Значит, если это действительно портрет А. С. Черепановой, указание на то, что автором рисунка является Боратынский, — ошибочно. Недоразумения сопровождали и публикации этого портрета. М. Л. Гофман впервые опубликовал рисунок с подписью: «Портрет А. Я. Черепановой» (Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 340—241); впрочем, в оглавлении инициалы были указаны в соответствии с пометой Рачинского: «Портрет А. М. Черепановой» (Там же. С. X). Ю. Н. Верховский был осторожнее: в описи татевских бумаг он воспроизвел помету Рачинского с указанием «см. ниже» (М. С. X), а «ниже» поместил этот портрет на вклейке к странице, где напечатано письмо Боратынского о смерти бабушки, но без уточнений, а лишь с подписью: «Рисунок Е. А. Боратынского» (М. С. 26). В конечном счете в Изд. 1982 этот рисунок помещен с подписью: «А. Ф. Боратынская, мать поэта» (Изд. 1982. С. 396).

ИЮЛЬ—АВГУСТ. Отъезд из Петербурга дядюшек Боратынского: Петр Андреевич отправляется в Мару на недолгое время и к осени вернется с племянниками — младшими братьями Боратынского Ираклием и Львом (см. ниже: 1814, сент., до 28); Илья Андреевич уезжает с семьей в Подвойское — Голощапово на постоянное жительство — см. ниже: 1814, август (?).

АВГУСТ(?). Петербург. Письмо Боратынского к маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Ma très chère maman. Voilà que mon oncle part pour la campagne...» — Перевод: «Любезнейшая маменька. Итак, дядюшка <Илья Андреевич> уезжает в деревню <в Голощапово — Подвойское>, я останусь здесь один. С нетерпением жду приезда Петра Андреевича с моим братом <Ираклием>. Какое удовольствие я получу от его рассказов обо всем, чем вы занимались в мое отсутствие, он беспрестанно будет рассказывать мне о вас, о братьях, о сестрах, обо всем драгоценнейшем, что только есть у меня в мире. — Почтеннейший Николай Антонович <види-

мо Мацнев> позволяет ему остановиться у него, и я буду иметь удовольствие постоянно его видеть. Из всех даров, коими нас наградил Всевышний, ничто не вселяет в мою душу такую признательность, как воображение и надежда. Воображение поддерживает нас в несчастьях, в разлуке; надежда вскоре увидеть предмет наших желаний сокращает время, которое мы проводим вдали от него. Воображение переносит меня в ваши объятия, любезная маменька; мне даже кажется, что я говорю с вами. Желал бы я, чтоб какой-нибудь добрый волшебник заколдовал меня, и мне вечно бы казалось, будто я нахожусь подле вас. Я был бы ему от всей души признателен за его деяние. Вы хотите, любезная маменька, прислать мне «Юных изгнанников» <соч. г-жи Жанлис>, но это лишнее, ибо я уже читал их три, а может быть, даже четыре раза. Прощайте, любезная, добрая маменька, будьте так здоровы, как я вам этого желаю. Да ниспошлет мне милостивый Господь возможность увидеться с вами однажды. Целую ручки любезным дядюшкам <Богдану Андреевичу и Петру Андреевичу> и тетушке <Екатерине Федоровне>; обнимаю братьев и сестер. Сделайте милость, поклонитесь от меня г. Борье <Ж. Боргезе>. Честь имею оставаться Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугою и сыном — Евгений Боратынский». К письму имеется приписка гувернера Н. А. Мацнева на фр. яз., где, между прочими изъявлениями уважения и высокопочитания, сказано о Боратынском: «<...> мои заботы о вашем сыне — это следствие моего уважения ко всему, что касается вас <...> впрочем, я не сделал для вашего сына еще ничего из того, что должен был сделать, и еще весьма далек от того, чтобы сказать себе, что я выполнил свой долг по отношению к нему в той мере, в какой этого требует мое сердце<...>» (перевод).

Хетсо. С. 570—571 (с неточной датой). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 61—61 об. (письмо Боратынского). Л. 62 (приписка Мацнева). Обосн. даты: в письме идет речь о скором возвращении Петра Андреевича с братом Боратынского; в сентябре в Петербург из Мары прибыли братья Ираклий и Лев (см. 1814, сент., до 28). Видимо, за ними и ездил летом 1814 г. Петр Андреевич.

АВГУСТ. Петербург. Пажеский корпус. В отделении Боратынского новый гувернер — подполковник Франц Егорович Де Симон (Десимон): он периодически подменяет прежнего гувернера — капитана Мацнева.

Максимов 1870. С. 202. *Левшин* . Т. 2. С. 424—425.

СЕНТЯБРЬ. Петербург. Пажеский корпус. Боратынский оставлен в 3-м классе на второй год (см. ниже в письме к маменьке: 1814, сент.—окт., нач.). Вероятные причины провала на экзаменах — слабые познания в немецком языке, алгебре и геометрии.

Хетсо. С. 27, 575; ИП. С. 81, 334. Точные причины провала на экзаменах неизвестны, но вряд ли Боратынский остался на второй год из-за проблем только с каким-либо одним предметом. Из класса в класс пажей переводили по общему числу полученных баллов, включая баллы за поведение (см.: *Дараган* 1875. С. 778). Учитывая, что поведение Боратынского аттестовывалось в том году положительно (см. 1814, первая половина года), твердо можно сказать, что не проступки стали причиной оставления в 3-м классе. Скорее всего, проблемы возникли с немецким языком и математикой (начала алгебры и геометрии). — К концу 3-го класса пажи должны свободно читать по-немецки и переводить, чтобы во 2-м классе уже упражняться в сочинениях на заданные темы (см.: *Левшин* 1902. Т. 2. С. 89). Боратынский стал изучать немецкий в пансионе (см. его письмо к маменьке: 1812, авг.) и изучал его недолго — 4—5 месяцев, после чего был принят в Пажеский корпус. По словам старшего сына поэта, он сожалел «впоследствии, что не пробыл долее в пансионе, где только что начинал говорить по-немецки. За незнанием этого языка он был помещен в корпусе в класс, не соответствовавший прочим его познаниям» (*Боратынский Л. Е.* 1869. С. 390). — Впоследствии Боратынский пытался учить немецкий (см. письмо к маменьке: 1823, апр., до 22), но безуспешно (см. письмо В. А. Эртеля к Боратынскому: 1836, февр., 19). — Что же

касается математических познаний Боратынского, то, по словам его сыновей, он «был очень хороший математик; с малолетства в нем выказались большие способности к этой науке» (Изд. 1869. С. 403; Изд. 1884. С. 489). Это замечание является комментарием слов из письма Боратынского к маменьке (см.: 1814, ноябрь?) о том, что дядюшка Петр Андреевич нанял для него частного учителя математики. Так как учитель был приглашен сразу после провала на экзаменах, то, скорее всего, его помощь требовалась не для усовершенствования природных способностей, а для их проявления.

СЕНТЯБРЬ, до 28. Петербург. Дядюшка Петр Андреевич привозит из Мары своих племянников — братьев Боратынского Ираклия и Льва. Оба определены в один из петербургских пансионов.

ИП. С. 82,334. Обосн. даты: первые известные письма братьев Ираклия и Льва из Петербурга в Мару: 28.9.1814 и 4.10.1814 (ПД. № 26.339. Л. 1; № 26.337. Л. 7—8).

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ, начало месяца. Петербург. Письмо Боратынского к маменьке (на фр. яз.; без даты): «Je m'empresse de profiter du départ d'Аполлон Николаевич pour vous écrire...». Перевод: «Любезнейшая маменька. Спешу написать вам до отъезда Аполлона Николаевича <Боратынского>. Наш экзамен закончен. Я остался в том же классе. Я ужасно раздосадован тем, что не получил награждения, как в прошлом году <см. 1813, окт., 18>, но вы знаете, что награждают отнюдь не всегда. Надеюсь, однако, отличиться в следующем году. Нынче же, в минуты отдохновения, я перевожу и сочиняю небольшие пиесы и, по правде говоря, ничто я не люблю так, как поэзию. Я очень желал бы стать автором. В следующий раз пришлю вам нечто вроде маленького романа, который я сейчас завершаю. Мне очень важно знать, что вы о нем скажете. Если вам покажется, что у меня есть хоть немного таланта, тогда я буду стремиться к совершенству, изучая правила. Истинно, маменька, но мне приходилось видеть напечатанные русские переводы, которые были выполнены столь плохо, что я не мог постичь, как автор решился вынести на суд публики такие глупости, да еще, торжествуя свое бесстыдство, выставил под ними свое имя. Без тщеславия уверяю вас, что я сумел бы перевести лучше. Чтобы дать вам о том понятие, скажу, что французское: Il jetait feu et flamme, он перевел: Огнем и пламенем рыкал. Что прекрасно по-французски, весьма дурно по-русски, а уж это выражение — самое нелепое, какое я когда-либо видел. Простите мое злословие в адрес этого несчастного, но мне хотелось бы, чтобы он услышал все, что о нем говорят, и чтобы у него пропала охота мучить наш слух истинно варварскими выражениями. Впрочем, как настоящий французский журналист, я пишу вам здесь целую сатиру на дурных авторов. Простите, любезная маменька, я знаю, что мне еще не пристало быть судьею в искусстве, где сам я пока новичок, но мне всегда казалось, что своей матери можно высказывать все, что думаешь, не опасаясь выглядеть нескромным. Прощайте, любезная маменька. Я здоров. Обнимаю моих сестер и брата. — Евгений Боратынский. Я вас очень прошу, сообщите мне, запечатанным или распечатанным вы получили это письмо».

Хетсо. С. 574—575 (текст и дата: осень 1814). Автограф — ПД. 21.738. Л. 55—56. Обосн. даты: упоминание 1) провала на экзамене; 2) только одного брата (Сергея) — такое могло быть лишь после отъезда из Мары Ираклия и Льва (см. выше: сент., до 28).

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ. Петербург. Дядюшка Петр Андреевич нанимает частного учителя математики для занятий с Евгением (см. ниже в письме Боратынского: 1814, ноябрь?).

ОКТЯБРЬ, 1. Петербург. Пажеский корпус. Гувернер Ф. Е. Де Симон в кондуитном списке пажей за сентябрь аттестует Боратынского: «поведения и нрава дурного».

Максимов 1870. С. 203.

ОКТЯБРЬ. Петербург. Ираклий Боратынский в письме к маменьке сообщает: «Каждую субботу мы <т. е. Ираклий и Лев> проводим вместе с Евгением» (перевод с фр.).

ПД. № 26.337. Л. 13.

ОКТЯБРЬ (?) Петербург. Письмо Боратынского к маменьке, в котором он просит разрешить ему оставить Пажеский корпус и вступить в морскую службу. — Письмо не сохранилось; о его содержании см. повторное письмо на ту же тему (1814, ноябрь?).

НОЯБРЬ, 1. Петербург. Пажеский корпус. Гувернер Н. А. Мацнев в кондуитном списке пажей за октябрь аттестует Боратынского: «поведения и нрава дурного; был под штрафом».

Максимов 1870. С. 203.

НОЯБРЬ (?). Петербург. Письмо Боратынского в Мару к маменьке с новой просьбой (о первой см. выше: 1814, октябрь ?) о разрешении оставить Пажеский корпус и вступить в морскую службу (на фр. яз.; без даты): «Ma très chère maman.— Je viens de recevoir votre lettre et je ne saurais vous dire tout le plaisir que j'ai éprouvé...».— Это ответ на письмо Александры Федоровны, которое, очевидно, было, в свою очередь, ответом на предыдущее письмо Боратынского. Перевод: «Любезная маменька. Я только что получил ваше письмо и не могу передать вам всю свою радость, видя, что вы по-прежнему меня любите и прощаете мои проступки. Воистину ваше утешение было мне очень нужно. Оно примирило меня с собою самим более, чем какие-либо удовольствия рассеяния, — я чувствую это явственно. Каждый праздник я провожу у дядюшки <Петра Андреевича>, который по своей доброте нанял для меня учителя математики, и я уже преуспел в этой науке. Осмелюсь ли вновь повторить свою просьбу, до мореплавания относящуюся? Умоляю вас, любезная маменька, согласиться на эту милость. Мои блага, вам столь дорогие, как вы сами говорите, требуют этого неотменно. Я знаю, что должно выдержать вашему сердцу, видя меня на службе столь опасной. Но скажите мне, знаете ли вы место во вселенной, вне царства Океана, где жизнь человека не была бы подвержена тысяче опасностей, где смерть не похищала бы сына у матери, отца, сестру? всюду ничтожное дуновение способно сломать хрупкую пружину, которую мы называем бытием. Что бы вы ни говорили, любезная маменька, есть вещи, подвластные нам, а управление другими поручено Провидению. Наши действия, наши мысли зависят от нас самих, но я не могу поверить, что наша смерть зависит от выбора службы на земле или на море. Как? возможно ли, чтобы судьба, определившая исход моему поприщу, исполнила свой приговор на Каспийском море и не сумела бы настичь меня в Петербурге? Умоляю вас, любезная маменька, не приневоливать мою страсть. Я не мог бы служить в гвардейцах: их слишком щадят. Когда бывает война, они ничего не делают и пребывают в постыдной праздности. И вы называете это жизнью! Нет, ничем не смущаемый покой — это не жизнь. Поверьте, любезная маменька, можно привыкнуть ко всему, кроме покоя и скуки. Я бы избрал лучше полное несчастие, чем полный покой; по крайней мере, живое и глубокое чувство обняло бы целиком душу, по крайней мере, переживание бедствий напоминало бы о том, что я существую. И в самом деле, я чувствую, мне всегда требуется что-то опасное, всего меня захватывающее; без этого мне скучно. Вообразите, любезная маменька, неистовую бурю и меня, на верхней палубе, словно повелевающего разгневанным морем, доску между мною и смертью, чудищ морских, пораженных дивным орудием, созданием человеческого гения, властвующего над стихиями. А после... я буду писать к вам сколь возможно часто обо всем, что увижу прекрасного. Кроме того, подумайте, любез-

ная маменька, если я вступлю в морскую службу, мы увидимся через два года, а не через 5. Через два года, любезная маменька, я обниму вас, увижу вас, буду говорить с вами! Любезная маменька, понимаете ли вы, в чем состоит мое счастье? неужели вы останетесь безучастны к нему? Не могу поверить этому. И даже если мне предназначено судьбой погибнуть на море через несколько лет, до этого я успел бы вас повидать и насладиться этим счастьем. Мгновения радости, счастья — не лучше ли это вереницы скучающих лет? Итак, любезная маменька, надеюсь, вы не откажете мне в милости. Вы говорите, что вас радует моя тяга к плодам ума человеческого <см. письмо Боратынского: 1814, сент.—окт., нач.>, но признайтесь, что нет ничего смешнее юноши, изображающего собой педанта и возомнившего себя автором оттого, что перевел две-три страницы из «Эстеллы» Флориана, сделав тридцать орфографических ошибок, — перевел надутым слогом, который ему самому кажется живописным, — юноши, считающего себя вправе все бранить и не способного ни оценить, ни почувствовать красот, которыми восхищается, да и восхищается он потому только, что другие считают их превосходными. Он восторженно хвалит то, чего сам никогда не читал. Истинно так, любезная маменька, у меня именно этот порок, и я стараюсь избавляться от него. Часто я хвалил «Илиаду», хотя читал ее еще в Москве, и в столь нежном возрасте, что не умел не только почувствовать ее красоты, но даже понять содержание. Я слышу, что все хвалят ее, и вторю, как обезьяна. Я заметил, что многие люди, не обременяющие себя мыслями и имеющие обо всем лишь мнения, принятые в обществе, не выключая и мою персону, весьма похожи на болванчиков, приводимых в движение пружинами, скрытыми внутри их тел. Впрочем, письмо мое слишком длинно, боюсь наскучить вам. — Прощайте, любезная маменька, да подарит нам Господь скорую встречу. Остаюсь вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой по обычаю и вашим покорным, вашим нежным, признательным сыном по сердцу — Eugène de Boratinski. — Пожалуйста: пришлите мне полотенца, у меня их осталось только два».

Изд. 1869. С. 403—405; Изд. 1884. С. 488—491 (без постскриптума; датировка: 1814); М. С. 36—37 (полностью, с неверной датировкой); *Хетсо*. С. 28 (уточнение даты: осень 1814); ИП. С. 9—10, 83 (перевод). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 29—30 об., на бумаге водяной знак: 1814. Ответ Александры Федоровны сыну не сохранился, но, судя по тому, что Боратынский остался в Пажеском корпусе, маменька воспротивилась его вступлению в морскую службу.

ДЕКАБРЬ, 1. Петербург. Пажеский корпус. Гувернер Ф. Е. Де Симон в кондуитном списке пажей за ноябрь аттестует Боратынского: «поведением поправляется, под штрафом не был».

Максимов 1870. С. 203.

ДЕКАБРЬ, 20-е числа. Петербург. Письмо Боратынского (на рус. яз.; без даты) к дядюшке и тетушкам (каким именно — неизвестно): «Любезный дядинька и любезные тетиньки. — Спешу поздравить вас с наступающим новым годом и изъяснить вам все, что только возможно желать в сем случае. Дядинька <Петр Андреевич> не успевает к вам писать и препоручил мне вам изъяснить все щастие и блаженство, которое вам желает. Ашичка и Вавычка <Ираклий и Лев> к вам не пишут от того, что они сегодня в пенсионе <так!>. Прощайте, любезный дядинька и тетиньки. Желаю вам провести как можно веселее новый год и все возможное щастие. Остаюсь ваш покорнейший слуга и племянник — Евгений Боратынский».

Хетсо. С. 575 (датировка: 1813—15). Автограф — ПД. № 21. 737. Л. 1. Обосн. даты и адресации: 1) новогодние поздравления (значит, написано в 20-х числах декабря); 2) упоминание о пребывании братьев Ираклия и Льва в пансионе; такое могло быть только в декабре 1814 г. — Ираклий и Лев прибыли в Петербург осенью этого года (см.: 1814, сент., до 28), а в декабре следующего, 1815-го, Ираклий уже находился не в пансионе, а в Пажеском корпусе.

1815

Боратынский — в Петербурге: в Пажеском корпусе; по праздникам и на каникулах — у дядюшки Петра Андреевича. Если верить собственным словам Боратынского (а иных свидетельств нет — см. его письмо к Жуковскому: 1823, дек., до 20—25), именно в 1815 г. среди пажей составилось «общество мстителей», среди которых кроме самого Боратынского были его друзья по корпусу: братья Александр и Павел Креницыны, Лев Приклонский, Дмитрий Ханыков.

ЯНВАРЬ, 1; ФЕВРАЛЬ, 1; МАРТ, 1. Петербург. Пажеский корпус. Гувернеры Н. А. Мацнев и Ф. Е. Де Симон в кондуитных списках пажей за декабрь 1814 — февраль 1815 г. аттестуют Боратынского положительно.

Максимов 1870. С. 203.

АПРЕЛЬ, 1. Петербург. Пажеский корпус. Гувернер Ф. Е. Де Симон аттестует Боратынского за март: «примерный по поведению».

Максимов 1870. С. 203.

АПРЕЛЬ, вторая половина месяца — МАЙ, начало. Петербург. Письмо Боратынского к маменьке (на фр. яз.; без даты): «Ma chère maman. Je vous demande mille et mille pardons de ne vous avoir pas écrit de si longtemps...». Перевод: «Любезная маменька. — Я прошу у вас тысячу и тысячу раз прощения за то, что столь долго не писал к вам. Я постараюсь поправить свой проступок теперь и верю, что наша переписка никогда не прервется. Вот уже весна, уже все улицы в Петербурге сухи, и можно гулять сколько угодно. Право, великая радость — наблюдать, как весна неспешно украшает природу. Наслаждаешься с великой радостию, когда замечаешь несколько пробившихся травинок. Как бы мне хотелось сейчас быть с вами в деревне! О! как ваше присутствие приумножило бы мое счастье! Природа показалась бы мне милее, день — ярче. Ах! когда же настанет это благословенное мгновение? Неужели тщетно я ускориваю его своими желаниями? Зачем, любезная маменька, люди вымыслили законы приличия, нас разлучающие? Не лучше ли быть счастливым невеждою, чем ученым несчастливцем? Не ведая того благого, что есть в науках, я ведь не ведал бы и утонченностей порока? Я ничего бы не знал, любезная маменька, но зато до какой высокой степени я дошел бы в науке любви к вам? И не прекраснее ли эта наука всех прочих? Ах, мое сердце твердит мне: да, ибо это наука счастья; вероятно, любезная маменька, вы скажете, что мои чувства обманчивы, что невозможно быть счастливыми, глядя только друг на друга, что скоро соскучишься. Я верю этому и повторяю это себе, но во мне говорит сердце — а оно безрассудно, все это правда, но язык его так сладок... Это песнь Сирены. Прощайте, любезная маменька, будьте здоровы. Будьте так добры — позвольте купить мне лексиконы. Целую моих маленьких сестриц и братца. — Евгений Боратынский. — Прошу вас, любезная маменька, пришлите мне полотенец и передайте мои поклоны г. Борье».

Изд. 1869. С. 402; Изд. 1884. С. 487—488 (без постскриптума); М. С. 22 (полностью) (везде — с неверной датировкой); ИП. С. 82 (перевод), 334 (дата). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 7—8. Обосн. даты: 1) описание весенней природы («улицы в Петербурге сухи»); 2) упоминание в конце только одного брата. Единственная весна за время, проведенное Боратынским в Пажеском корпусе, когда в Маре оставался только один из его братьев — Сергей, — это весна 1815 г. (предыдущую весну в Маре жили все трое братьев; в последующую Боратынский уже не мог бы написать маменьке письмо, в котором так настойчиво намекал на бессмысленность своего пребывания в корпусе).

МАЙ, 1. Петербург. Пажеский корпус. Гувернер Ф. Е. Де Симон — в кондуитном списке пажей за апрель 1815 г. аттестует Боратынского: «изрядное поведение» — т. е. лучше, чем «дурное», но хуже, чем «примерное».

Максимов 1870. С. 203.

МАЙ — ИЮНЬ. Петербург. Пажеский корпус. Гувернеры аттестуют Боратынского: «нравом поправляется, штрафован не был».

Максимов 1870. С. 203.

МАЙ — ИЮНЬ (?). Петербург. Письмо Боратынского к маменьке (на фр. яз.; без даты): «Ma chère maman. Je m'empresse de vous remercier pour l'argent que vous m'avez envoyé...» — Перевод: «Любезная маменька. — Спешу поблагодарить вас за деньги, которые вы мне прислали. Право, любезная маменька, благодеяния, коими вы меня осыпаете, лишь живее заставляют меня почувствовать разлуку со столь доброй матерью. Ах! когда же я буду иметь счастие обнять вас! Зачем человек, созданный Предвечным для того, чтобы наслаждаться прелестями дружбы — этого небесного признака божественной сущности человека, единственного счастья, средоточия желаний и надежд, единственного блаженства нашей преисполненной скорбей жизни; зачем человек против воли своей удаляется от всего этого, движимый чувством противуположным? Почему жалкий разум, или скорее варварское предубеждение, рожденное развращенностью века, требует от нас жертвы, противной сердцу и священному закону природы? Я чувствую, что заблуждаюсь, но как сладостно это заблуждение... оно рождается из моей любви к вам. Кто же способен устоять против его чарующего голоса? Ах, любезная маменька, если расстояния разделяют нас, то, как бы безмерны они ни были, сердце умеет их преодолевать; иллюзии, без сомнений, обманчивые, но драгоценные, всюду являют ему предмет его нежных чувств. Как сладок такой обман! Философы осуждают эти иллюзии, но чем был бы человек без этих благодетельных обманов? Как смог бы он усладить нынешние тяготы, если бы не утешался ожиданием счастья в будущем? Если мечтания так сладостны, какова-то окажется существенность? Будем надеяться, любезная маменька, что однажды мы соединимся, и да приблизит Господь этот счастливый день. — Прощайте, любезная маменька. Обнимаю вас от всего сердца, а равно братца и сестриц. Поклонитесь от меня, прошу вас, добрейшему господину Борье. — Евгений».

Хетсо. С. 578 (дата: 1817). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 14—15. Обосн. даты: Г. *Хетсо* относит письмо к 1817 г. потому, что оно «по своему рассудочному содержанию <...> перекликается с «философическими» письмами поэта из Подвойского» (*Хетсо*. С. 579). Однако, если использовать тот же критерий, следует соотносить это письмо скорее с письмом, написанным из Пажеского корпуса весной 1815 (см.: 1815, апр., вт. пол. — май, нач.; за эту дату мы ручаемся; см. примеч. к ней). Кажется даже, эти письма были написаны одно вослед другому (в той последовательности, в какой они расположены в Летописи), и вот почему: 1) в первом из писем Боратынский просит у маменьки дозволения купить лексиконы; во втором — благодарит за присланные деньги; 2) деньги, присланные на личные расходы, — аргумент в пользу того, что письмо написано в корпусе, а не в Подвойском); 3) в обоих письмах речь идет об одном и том же: о преимуществах жизни рядом с маменькой по сравнению с жизнью в разлуке с ней; в первом говорится о «науке любви» к маменьке, во втором — о «прелестях дружбы» с маменькой; в первом — сетования на «законы приличия, нас разлучающие», во втором на «жалкий разум» — средоточие «варварского предубеждения», обрекающего человека на «жертву, противную<...> священному закону природы»; в первом — о «сладком», хотя и обманчивом «языке сердца», подобном песни Сирены, во втором — о «чарующем голосе» «сладостного заблуждения», — словом, поэтика и смысл этих писем составляют единое целое.

СЕНТЯБРЬ, начало месяца. Петербург. Письмо Боратынского в Подвойское — Голощапово к дядюшкам Богдану Андреевичу и Илье Андреевичу (на рус.

яз.; без даты): «Любезные дядиньки Богдан Андреевич и Илья Андреевич. Честь имею поздравить с прошедшим праздников <так!> Александрова дня <30 августа — тезоименитство Александра I> так как и любезных тетушек Софью Ивановну <жену Ильи Андреевича> и Марью Андреевну <Панчулидзеву>, которым свидетельствую свое почтение. Скажите, пожалуйста, моей крестной маминьке Марье Андреевне, что я ее всегда люблю и помню. Искренне жалею, что не могу вас видеть, но Бог даст, что некогда буду иметь сие щастие. Остаюсь ваш всепокорнейший слуга и племянник — Евгений Боратынский».

Хетсо. С. 576 (дата: 1813—1815). Уточнено по автографу — ПД. № 21.737. Л. 3—3 об. Обосн. даты: 1) упоминание о прошедшем «Александровом дне» (30 авг.); 2) адресация письма сразу двум дядюшкам: только в августе — начале сентября 1815 г. Богдан Андреевич и Илья Андреевич пребывали вместе в Подвойском — Голощапове (разумеется, мы не принимаем здесь во внимание августов-сентябрей 1816—1818 гг., когда Боратынский находился рядом с обоими).

СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ. Петербург. Пажеский корпус. Сведений о переводе Боратынского из 3-го во 2-й класс — нет. Поведение — неровное. Аттестации гувернеров Н. А. Мацнева и Ф. Е. Де Симона чередуются: то «штрафован», то «штрафован не был».

Максимов 1870. С. 203.

1816

Боратынский в Петербурге: до конца февраля в Пажеском корпусе; с марта — у дядюшки Петра Андреевича. В июле—августе отправлен в Подвойское — Голощапово.

ЯНВАРЬ, 1. Петербург. Пажеский корпус. В кондуитном списке пажей за декабрь 1815 г. гувернер подполковник Ф. Е. Де Симон аттестует Боратынского и его ближайших друзей по корпусу: Боратынский — «поведением поправляется, нрава скрытного»; Ханыков — «поведения изрядного, нрава веселого»; Лев Приклонский — «поведения шаловливого, нрава веселого и упрямого, не всегда опрятен»; братья Павел и Александр Креницыны — «поведения посредственного, нрава вспыльчивого».

Максимов 1870. С. 204.

ЯНВАРЬ, 16. Петербург. Пажеский корпус. Гувернер капитан Н. А. Мацнев ушел со службы в корпусе.

Левшин 1902. Т. 2. С. 424—425.

ФЕВРАЛЬ, начало месяца (?). Отъезд из Петербурга в Москву пажа Льва Приклонского; перед отъездом он оставляет своим друзьям — Боратынскому, Ханыкову и братьям Креницыным — ключ от бюро своего отца (сведения — из письма Боратынского к Жуковскому: 1823, дек., ок. 20—25).

ФЕВРАЛЬ, 13—20. Масленица.

ФЕВРАЛЬ, 18—20. Петербург. В Пажеском корпусе нет занятий.

ФЕВРАЛЬ, 19. Петербург. Боратынскому исполнилось 16 лет. Видимо, именно в этот день Боратынский решает отметить свое шестнадцатилетие вместе с друзьями — Д. Ханыковым и братьями А. и П. Креницыными. Боратынский и Ханыков отправляются с визитом к отцу их общего друга пажа Л. Приклонского — камергеру П. Н. Приклонскому, имея с собой ключ от его бюро (см. выше: 1816, февр., нач.?). Вероятно, в то время, пока Боратынский отвлекает Приклонского-отца светской беседой, Ханыков незаметно идет в кабинет и похищает из бюро

500 рублей ассигнациями и черепаховую табакерку в золотой оправе (подробности см. ниже в рапорте Ф. Клингера: 1816, февраль, 22). Вскоре после того Боратынский и Ханыков уходят от Приклонского, встречаются с Креницыными в условленном месте и празднуют, а камергер Приклонский, обнаружив пропажу, доносит начальству Пажеского корпуса о происшедшем в его доме. В тот же день или на следующий директор корпуса И. Г. Гогель приказывает гофмейстеру К. Ф. Клингенбергу разыскать виновных, что тотчас исполнено: Боратынский и Ханыков арестованы, оба признались в совершенном.

ФЕВРАЛЬ, 21 (?). Петербург. Пажеский корпус. Директор корпуса Гогель докладывает директору военных корпусов Петербурга Клингеру о проступке Боратынского и Ханыкова.

ФЕВРАЛЬ, 22. Петербург. Пажеский корпус. Ф. Клингер отправляет рапорт на высочайшее имя:

«Его Императорскому Величеству генерал-лейтенант Клингера всеподданнейший рапорт. — Пажеского Вашего Императорского Величества Корпуса пажи Ханыков и Баратынский, по прежнему дурному поведению, из Корпуса к родственникам их не отпускались. По замеченному же в них раскаянию и исправлению в поведении, начальство Корпуса к поощрению их к дальнейшему исправлению, желая изъявить им, что прошедшие их проступки предает забвению, решилось отпустить их к родственникам на масленицу; но они, вместо того, чтобы итти к родственникам с присланными за ними людьми, с коими из Корпуса отпущены были, пошли к камергеру Приклонскому, по знакомству их с сыном его пажем Приклонским, и вынули у него из бюро черепаховую в золотой оправе табакерку и 500 рублей ассигнациями. Директор Корпуса <Гогель>, коль скоро о сем узнал, послал гофмейстера <Клингенберга> на придворный прачечный двор к кастелянше Фрейганг, у которой по порученности от матери находились, по случаю масленицы, два пажа Креницыны, у коих, по известной по Корпусу между ними связи, предполагали найти и упомянутых пажей Ханыкова и Баратынского, как действительно и оказалось. — [Гофмейстер объяснил г-же Фрейганг, что не следовало ей оставлять у себя на ночь пажей, коих, как ей по Креницыным известно, отпускают только для свидания с родственниками, от коих за ними присылаются экипажи или люди их и притом с таковым приказанием, чтобы и от родственников они никуда одни не отлучались и во всем себя вели точно по правилам Корпуса.] — Пажи сии по приводе их в Корпус, посажены будучи под арест в две особые комнаты, признались, что взяли упомянутые деньги и табакерку, которую изломав, оставили себе только золотую оправу, а на деньги накупили разных вещей на 270, прокатали и пролакомили 180, да найдено у них 50 рублей, кои вместе с отобранными у них купленными вещами возвращены г. камергеру Приклонскому. По важности такого проступка пажей Ханыкова и Баратынского, из коих первому 15 лет, а другому 16 лет отроду, я, не приступая к наказанию их, обязанностию себе поставляю Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше о сем донести.— Подлинное подписал: генерал-лейтенант Клингер. — Февраля 22 дня 1816 года» (*Максимов* 1870. С. 205; ИП. С. 94). Фрагмент, заключенный в квадратные скобки, не вошел в окончательный текст рапорта.

Около 22—23 февраля тетушка Ханыкова обращается к Приклонскому-отцу с просьбой ходатайствовать о помиловании ее племянника; Приклонский пишет к статс-секретарю князю А. Н. Голицыну с просьбой ходатайствовать перед императором о смягчении участи Ханыкова и Боратынского: «<...> осмеливаюсь прибегнуть к Вам с сею покорнейшею просьбою — пощадить несчастных пажей, сделавших непростительную шалость у меня в доме<...> — ради Господа умоляю Вас, чтобы их несчастию не был я причиною, смягчите жребий их <...>» (*Левшин* 1902. Т. 1. С. 323).

Обычно подобные проступки карались достаточно сурово: наказанием розгами и последующей принудительной отдачей в солдаты. Так, кадеты С. Карпович и А. Мерлин совершили в мае 1816 г. «кражу 51 пары казенных чулок», за что велено было их «высечь при собрании <2-го кадетского корпуса> розгами и написать в рядовые» (приказ Александра I от 2 июня 1816 г. — РГВИА. Ф. 395. Оп. 122. № 344. Л. 1—3); юнкер С. Абаза порот и разжалован в солдаты 10 августа 1816 г. «за буйственные поступки, причинение побоев инвалидному унтер-офицеру, грубости квартальному офицеру, обругание его» (ОА. Т. 3. С. 481); пажи П. Арсеньев и А. Креницын (младший из братьев Креницыных — друзей

Боратынского в его последний пажеский год) разжалованы 7 мая 1820 г. в солдаты за неподчинение корпусному начальству (Арсеньев нагрубил учителю и инспектору классов, а когда его должны были высечь при общем собрании пажей, пажи во главе с Креницыным помешали произвести наказание); Арсеньев был лишен дворянства (*Левшин* 1902. Т. I. С. 313—314; РГВИА. Ф. 395. Оп. 71. № 1406). Дальнейшая судьба разжалованных в солдаты без лишения дворянства складывалась обычно так: через несколько лет солдатской службы их производили в унтер-офицеры, а еще через несколько лет они получали младший офицерский чин — прапорщика. Так, упомянутые С. Карпович и С. Абаза провели в солдатской, а затем в унтер-офицерской службе по 9 лет (первый служил в Петровском, второй — в Нейшлотском полку) и были произведены в прапорщики 21 апреля 1825 г. (одновременно с Боратынским) (РИ. 1825. № 104. 4 мая. С. 415, 417); А. Креницын служил солдатом около года, в 1821 г. произведен в унтер-офицеры, через три года — в феврале 1824 г. — в прапорщики (РГВИА. Ф. 395. Оп. 76. № 359, 361). Время выслуги разжалованными офицерского чина зависело от аттестации непосредственных командиров (прежде всего от командиров полков, делавших официальные представления о производстве своих подчиненных), от влиятельности родственников, ходатайствовавших о прощении, но в конечном счете — от представлений о тяжести вины, которые имел император, ибо окончательное решение как о мере наказания, так и о прощении принимал именно он. Разжалованные в солдаты не имели права подавать в отставку до тех пор, пока не получали чин прапорщика. — На этом фоне наказание, определенное Александром I Боратынскому и Ханыкову, можно считать весьма мягким: они избежали лишения дворянства, телесного наказания и принудительной отдачи в солдаты — см. далее: февраль, 25.

ФЕВРАЛЬ, 25. Петербург. Повеление Александра I об исключении Боратынского и Ханыкова из Пажеского корпуса и запрещении им вступать в какую-либо иную военную или статскую службу, кроме солдатской.

Левшин 1902. Т. 1. С. 324. Не обсуждая здесь морального смысла происшедшего (о том, как Боратынский тяжело пережил случившееся и какой отпечаток наложил его юношеский проступок на всю его последующую жизнь, хорошо известно), обратим внимание на некоторые практические следствия решения, принятого императором. Формально это решение не обязывало Боратынского служить солдатом; поэтому сначала его старшие родственники и, видимо, он сам надеялись, что после ходатайств он будет вскоре прощен, не вступая в солдатскую службу (см. ниже советы Е. И. Нелидовой и сестер Бантыш-Каменских, которые те давали маменьке Александре Федоровне летом 1816 г.: 1816, июнь, 29). В течение двух с половиной лет старшие Боратынские (в первую очередь, Александра Федоровна, Богдан Андреевич и Петр Андреевич) пытались, используя свои петербургские связи, найти подступы к Александру I, и лишь когда к осени 1818 г. окончательно стало ясно, что без вступления в солдатскую службу высочайшего прощения не будет, Боратынскому было выхлопотано место в гвардии (см. ниже: 1819, февр., 8). Конечно, он мог бы вовсе не вступать в солдаты и не ждать прощения. Но это лишало бы его навсегда перспективы жить на служебное жалованье и, соответственно, надеяться на пенсион. Обмануть низшее начальство для того, чтобы вступить в какую-либо иную службу, минуя солдатство, — даже в каком-нибудь глухом уезде или отдаленно дислоцируемом полку — было невозможно, ибо тотчас после императорского решения по всем статским и военным канцеляриям был разослан специальный циркуляр — см. ниже: 1816, февраль, 29 — и нигде не отважились бы принять человека, которому именным повелением царя ограничен доступ к службе. Он мог бы жить на доходы от Мары. Однако официально Мара принадлежала Александре Федоровне и при будущем оформлении семейных документов, например, при оформлении бумаг о разделе Мары между ее детьми, у Боратынского могли бы возникнуть непреодолимые трудности, ибо императорское решение предполагало еще одно, не оговоренное в его тексте ограничение: Боратынский не имел возможности получить дворянское свидетельство. Когда Богдан Андреевич попытался оформить для племянника такое свидетельство, ему было отказано (см.: 1818, июнь — июль, до 13; июль 13). Иначе говоря, формально Боратынский не был лишен дворянства, но подтвердить документом свои дворянские права не мог.

ФЕВРАЛЬ, между 25 и 29. Петербург. Боратынский отчислен из Пажеского корпуса и сдан дядюшке Петру Андреевичу. К 1 марта его уже не было в корпусе.

Максимов 1870. С. 205.

«Пока шло официальное разбирательство этого дела<...>, они оставались в Пажеском корпусе, но все пажи отшатнулись от них как преданных остракизму нравственным судом товарищей. К Баратынскому приставали мало, от того ли, что считали его менее виновным, или от того, что мало его знали, так как он был малообщителен, скромен и тихого нрава. Но много досталось Ханыкову» (*Дараган* 1875. С. 780).

ФЕВРАЛЬ, 29. Петербург. Указ Сената, подтверждающий решение Александра I от 25 февраля.

ИП. С. 95, 335.

Следствием решения Александра I от 25 февраля и указа Сената от 29 февраля были циркуляры, разосланные по всем гражданским учреждениям и армии о запрещении принимать Боратынского и Ханыкова в иную службу, кроме солдатской. Один из таких циркуляров (от 6 марта), разосланных по учреждениям, находящимся в ведении министерства просвещения, — см.: *Хетсо*. С. 33—34 (автограф — ПД. № 14.592. Л. 4). 13 марта было оформлено отношение Управления Главного Штаба в Инспекторский департамент (за подписью дежурного генерала А. А. Закревского) — о составлении и рассылке по армии циркуляров о запрещении принимать Боратынского и Ханыкова в военную службу иначе как рядовыми.— Циркуляр Инспекторского департамента был разослан по армии 11 апреля 1816 г. (РГВИА. Ф. 395. Оп. 4. № 324. Л. 1—1 об.; здесь же — ответы некоторых полковых канцелярий о получении циркуляра: Л. 2—8).

МАРТ — МАЙ. Петербург. Видимо, Петр Андреевич безуспешно пытается пристроить племянника в какой-либо пансион (подробности — в письме Боратынского к Жуковскому, см.: 1823, декабрь, до 20—25).

МАРТ, первая половина месяца. Мара. Александра Федоровна Боратынская узнает о происшедшем с сыном и пишет к нему письмо (не сохранилось).

МАРТ, середина — вторая половина месяца. Петербург. Боратынский получает письмо от маменьки и пишет ей (на рус. яз.; без даты): «Любезная маминька. Я не знаю, как изъяснить вам все, что я теперь чувствую. Могу ли надеяться когда-нибудь получить прощение в проступке, который я сделал. Не столько меня трогает наказание, которое я получил, как мысль, что я причинил столько вам горести. Ах, будьте уверены, что ваши слезы весьма мне дороги. Как могу я когда-нибудь достойно заплатить вам за всю вашу ко мне милость и любовь, вместо того, чтоб как-нибудь изъяснить вам мою признательность, я довольно неблагодарен, чтоб наполнить жизнь вашу горестями о моем худом поведении. Поверьте, милая маминька, что слезы ваши гораздо для меня более значат, чем все наказания. Теперь, слава Богу, я прощен, но только мысль, что вы все еще печалитесь и сердитесь, заставляет меня более тому печалиться, нежели радоваться. Я надеюсь будущим поведением загладить вину свою и опять быть достойным вашей любви. Простите меня, милая маминька, избавьте меня от мучения, которое терплю, думая о вашей горести. — Остаюсь ваш всепокорный и раскаивающийся сын — Евгений Боратынский».

Гофман 1914—1915. Т. 1. С. XXXV—XXXVI (дата: ноябрь 1814); М. С. 26—27 (дата: апрель 1816); *Хетсо*. С. 38 (уточнение даты: «после исключения из корпуса»). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 16—16 об.

ИЮНЬ, первая половина месяца. Богдан Андреевич Боратынский отправляется из Подвойского в Петербург на помощь племяннику (см. ниже: 1816, июнь, 29).

ИЮНЬ, 29. Мара. Александра Федоровна пишет в Петербург письмо к Богдану Андреевичу (на рус. яз.): «Любезнейший братец Богдан Андреевич! На прошлой почте писали ко мне сестрицы <Екатерина Андреевна и Мария Андреевна из Подвойского — Голощапова> о выезде вашем в Петербург. Я не знаю, как благодарить вас за родственную и беспримерную вашу попечительность о Евге-

нии, одно только меня беспокоит, что приемля столько на себя трудов, я уже не могу надеяться, чтоб они были увенчаны успехом — все мои друзья и знакомые и сам братец Петр Андреевич опасаются безвременным напоминанием о сем деле испортить его совсем. Каменские <Анна и Екатерина Николаевны — см. о них: 1812, май, 30> ко мне писали и от имени Катерины И. <Е. И. Нелидовой — см. Род., № 11.4> советовали взять его к себе в деревню на год, обещая, что по истечении года он будет прощен — но до тех пор как мне предохранить его от многих вещей, которые по летам его неизбежны! Впрочем, я все еще надеюсь на милость божию, что он благословит великодушные ваши старания, и я ничего не могу лучше желать, чтоб он был записан в полк пехотный, стоящий около вашей деревни. Если не можно ему будет приехать ко мне в отпуск, то я сама приеду к нему, ибо многое, что имею ему сказать. А если по вашему обоих моих благодетелей <имеются в виду Богдан Андреевич и Петр Андреевич Боратынские> рассмотрению не найдете выгодным записать его в полк, то надеюсь, что вы сами с ним приедете в Вяжлю, куда не только мое усердное желание с вами видеться, но и дела вас призывают. Я только что повторяю вам теперь те мои мысли, которые вам представляла в разных к вам письмах, писанных мною и адресованных к Петру Андреевичу, ибо я боялась писать в Белую, чтоб не разъехались они с вами. Может быть, они и не окажутся в Петербурге, и для того я пишу к вам опять с тем же самым предметом, который не выходит у меня из головы и, можете себе представить, какую во мне производит тоску. Впрочем, я не знаю точно, имеет ли право Евгений вступить в службу хотя бы самым нижним чином. — Василий Александрович Недоброво <владелец имения Васильевка недалеко от Мары; в прошлом, при Павле I, командир Семеновского полка> был у меня на днях со всем семейством, он показал мне такое участие, что я не могла удержаться, чтоб не поговорить с ним о том, что меня так занимает. Он также не умел мне сказать, в каком чине Евгений может вступить в службу, а советовал мне писать и просить графа Аракчеева, но я не решаюсь сделать сие без общего совета, да и если это нужно, то я могу писать, когда вы сюда приедете. Я дождусь завтрашнего дня в надежде, что получу от вас письмо из Петербурга с некоторыми уведомлениями, которые для меня очень интересны. Прощайте, любезнейший братец, душевно преданная сестра ваша — Александра Боратынская».

ИП. С. 97—98. Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 270. Л. 341—342 об.

ИЮЛЬ — АВГУСТ. Петербург. Петр Андреевич и Богдан Андреевич Боратынские решают отправить племянника в деревню, и Богдан Андреевич увозит его в Подвойское — Голощапово.

В Подвойском и Голощапове жили тетушки Боратынского Екатерина Андреевна и Мария Андреевна (ее дочери: Екатерина 11 лет, Анна 10 лет и Елизавета 8 лет); дядюшка Илья Андреевич с женой Софией Ивановной (их дети: 3-летний Александр и 4-летний Иван); в соседних имениях, находящихся на расстоянии 5—10 верст от Подвойского — Голощапова, обитали многочисленные троюродные родственники, внуки и правнуки Василия Павловича и Якова Павловича Боратынских (см. Род., № 10.1 и 10.2), среди них следует отдельно заметить Вареньку Кучину, ставшую, судя по семейным преданиям, предметом недолгого увлечения Боратынского в период его деревенской жизни (см.: Род., № 13.9). Видимо, Богдан Андреевич, Екатерина Андреевна и Мария Андреевна с детьми жили в Подвойском (впрочем, согласно послужному списку Богдана Андреевича за 1814 год, он жил в Голощапове). Илье Андреевичу принадлежало имение Шавырино, но жил он там или, быть может, занимал дом в Голощапове? — неизвестно. Кучины жили в имении Горки (ИП. С. 103—105, 335—336).

АВГУСТ — ОКТЯБРЬ. Подвойское — Голощапово. «Философические письма» Боратынского:

К дядюшке *П. А. Боратынскому* в Петербург (на рус. яз.; без даты): «Любезный дядинька Петр Андреевич. — Я не знаю, чем вам когда-нибудь доказать мою благодарность за все милости, коими я вам обязан! Вы все еще не забыли Евгения! Будьте уверены, любезный дядинька, что слова ваши никогда не изгладятся из моей памяти. Нужно быть более развращенным, или лучше сказать, совсем без души и сердца, чтобы не чувствовать всю цену ваших наставлений. Так они всегда будут за мною следовать, всегда будут мне напоминать мой долг, честь, добродетель, и когда жестокая совесть будет укорять меня, то примирят меня с собой. Любезной дядинька! Нет истинного щастия без добродетели, и если кто в сем не признается, то дух гордости ослепляет его, и я это хорошо знаю! Когда страсти, пылкие страсти молодости перестанут ослеплять опытную старость, каким ужасным сном кажутся протекшие дни нашей жизни! Как смешны кажутся все предприятия радости и печали! Горе тому, кто может только вспоминать одни заблуждения! Извините меня, любезный дядинька, что я пишу вам это, что, может быть, несвойственно ни моей неопытности, ни летам, но я это живо чувствую, а чувствам своим повелевать не можно. Прощайте, любезной дядинька, будьте уверены, что я никогда не позабуду, что вы столько времени были мне отцом, наставником и учителем, и если я когда-нибудь изменю чувствам моим, то пусть Тот, Который все знает, Который наказывает злых и неблагодарных — накажет и меня вместе с ними — Е. Баратынский».

Изд. 1869. С. 409; Изд. 1884. С. 494—495 (с сомнительной датой: 1817). Уточнено по автографу — ПД. № 21. 737. Л. 4—4 об. На л. 4 об. имеется приписка самого Петра Андреевича, который, получив письмо племянника, переслал его Александре Федоровне в Мару: «Я не успеваю к вам писать, любезнейшая сестрица, а заочно целую ваши ручки. Преданный брат П. Б.: Письмо Евгения препровождаю и радуюсь его чувствиям».

К маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Nous passons ici le temps très agréablement, on danse, on chante, on rit...» — Перевод: «Любезная маменька. — Мы проводим здесь время очень приятно: танцы, пение, смех — все, кажется, так и дышит счастием и радостию. Единственное, от чего в моих глазах тускнеет все великолепие удовольствий — это мысль об их мимолетности: скоро мне придется отречься от наслаждений. Я чувствую, у меня совершенно несносный нрав, приносящий мне самому несчастье; я заранее предвижу все неприятности, которые могут выпасть на мою долю. А ведь было время, когда я о них не думал! Но время это пролетело, как сон, или как мгновения счастья, отмеренные человеку в жизни. Любезная маменька, люди много спорили о счастье: не подобны ли эти споры рассуждениям нищих о философском камне? — Иной человек, посреди всего, что, казалось бы, делает его счастливым, носит в себе утаенный яд, снедающий его и отнимающий способность чувствовать наслаждение. Болящий дух, полный тоски и печали (un esprit chagrin, un fond d'ennui et de tristesse), — вот что он носит в себе среди шумного веселья, и я слишком знаю этого человека. — Может быть, счастье — это только случайное сопряжение мыслей, не позволяющее нам думать ни о чем другом, кроме того, чем переполнено наше сердце, — не позволяющее осмыслить то, что чувствуешь? — Может быть, величайшее счастье — это только беззаботность! — Отчего душа бывает предрасположена к счастью? — от того, что всемогущий Творец, создатель всего сущего, желая воздать кому-то из крошечных атомов, позволяет им выдернуть несколько цветков из персти земной, нашей общей матери? — О атомы на один день! О мои спутники в бесконечном ничтожестве! Замечали ли вы когда-нибудь эту незримую руку, направляющую нас в муравейнике рода человеческого? Кто из нас мог анатомировать эти мгновения, такие короткие в человеческой жизни? — Что до меня, то я об этом никогда не думал.

Признаться надобно: жизнь наша — наважденье:
Ведет нас от тоски к утехам наслажденья
По жизненным стезям как будто домовой.
Свободный человек, я не в ладах с собой,
И пять телесных чувств — все, чем душа богата.
Я знаю: человек пречудно сотворен;
Мы станем духами бесплотными когда-то,
Беспечны и вольны. Но здесь иной закон:
Ученейший из нас, потомок Гераклита,
Когда он телом бодр, когда удачлив он,
Смеется и поет не хуже Демокрита.

Это строки того самого еретика, который, по мнению иных людей, всегда заблуждался, но чьи стихи часто исполнены правды и силы — я имею в виду Вольтера. Думаю, эти строки — лучшие из всех написанных за все время мистических умствований о счастье. Но, боюсь, я скоро наскучу вам своим философствованием. Страсть к рассуждению (la passion de raisonner) — не самый худший мой порок, и я не собираюсь от него избавляться. — Заканчивая свой бред, замечу, что начинал я письмо с весьма плохим настроением, но в конце второй страницы прервался, чтобы выпить с тетушками кофий, и теперь вовсе не настроен говорить ни о физических недугах, ни о нравственных. — Я провел два дня у тетушки Марфы Александровны, обласкавшей меня, как родного сына. Мы посетили могилы наших предков, доблестных славянских рыцарей, погибших, защищая свои очаги во время войн с Литвой. Вероятно, вы не знаете этих краев. Так вот, узнайте же, что после деревушки Капреспино, на берегу Обши, струящей свои серебряные воды меж зеленых холмов, возле города Белый, на Петербургской дороге, в 5 верстах от Подвойского, чье имя само говорит о былых сражениях... Однако дядюшка прерывает меня и просит скорее дописывать письмо, очень жаль. Прощайте, любезная маменька, тетушка Катерина Андреевна хочет тоже написать вам несколько слов. — Тетушка хотела вам писать, но у нее нет сейчас времени. Она поручает мне передать вам поклоны. Обнимаю сестер и братцев. — Е. Боратынский».

Изд. 1869. С. 406—407; Изд. 1884. С. 491—492 (в обоих изданиях не полностью, с датировкой: 1816); М. С. 27—28 (полностью, с датировкой: 1816). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 17—18 об.

Видимо, в августе—октябре 1816 г. Александра Федоровна Боратынская собралась приехать из Мары в Подвойское вместе с дочерьми и сыном Сергеем (поездка не состоялась). В связи с этим и написано письмо Боратынского к маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Ma chère maman. Serait-il bien vrai? Je vais donc vous revoir...» — Перевод: «Любезная маменька. — Неужели это правда? Итак, я увижу, обниму, буду говорить с вами, дышать тем же воздухом, что и вы! Добрая маменька, я не смею надеяться на такое счастье. Но ведь это не сон, я вас увижу, да, сердце мне говорит о том. Мне кажется, что я уже вижу коляску, запряженную четырьмя лошадьми и галопом въезжающую во двор. Пади, пади! Коляска останавливается, из нее выходит очень добрая дама, которая очень любит меня, — это маменька. А что это за прелестная барышня, выходящая следом из коляски? Боже мой, как нежно она смотрит на меня, несколько слезинок катится из ее прекрасных голубых глаз; смотрите, она бежит обнять меня! Ах, как ее не узнать? Это моя Софи, моя милая Софи! <Боратынский не видел ее с весны 1812 г.>. А этот маленький философ, который задумчиво смотрит на меня и боится подойти, не мой ли это маленький Серж? Он меня не знает <Боратынский видел его последний раз в 1808—1809 гг.>. Подойди же ко мне, мой маленький братец, познакомимся. Я тебя очень люблю. А ты, ты ведь тоже будешь любить своего брата? Ведь брат,

говорил Плутарх, это друг, которого дает нам природа. Разве не был он прав, добродетельный Плутарх? Я советую тебе прочесть его, мой милый братец, думаю, он есть в маменькиной библиотеке, а книга его создана для всех возрастов. Но вот еще две барышни с большими черными глазами. Как они хороши! «Конфетку! Конфетку!» — говорят они мне. Я обнимаю их, я ласкаю их. Они слегка краснеют, ибо не знают меня. <Боратынский видел сестер Наталью и Варвару — в 1812 г., когда тем было, соответственно, два с половиной и полтора года>. Как нравится мне этот румянец! Это цвет невинности. Но вот все мы садимся, я целую ручки моей доброй матери, я смотрю на нее, и мы с нею плачем, это слезы радости. Боже мой! миг счастия заставляет забыть столько невзгод! Так путешественник, пересекший океан и сражавшийся с ветрами и бурями, возвращается в свою хижину, устраивается возле очага и с удовольствием рассказывает о пережитых кораблекрушениях, и улыбается, слыша вой вероломной стихии, несшей его по волнам. Смелее, г-н Евгений, все хорошо! Оставлю риторику, чтобы сказать вам, что все ждут вас с нетерпением. Все наши родственники будут здесь осенью. И дядюшка Петр Андреевич обещал к нам приехать. Боже мой, сколько счастия сразу! Я боюсь чрезмерно радоваться и, подобно римскому полководцу, просившему Юпитера послать ему какое-нибудь маленькое несчастие, дабы усмирить восторги своим триумфом, я хотел бы слегка заболеть, тогда мне было бы много покойнее. Впрочем, надеяться — всегда прекрасно, и, как говорит Вольтер, надежда

Обманывает нас, но дарит наслажденья.

Надо использовать даже то, что кажется неправильным в человеческой природе. Как много вещей, цель коих от нас сокрыта Провидением, а мы осмеливаемся за это роптать на Творца! — Прощайте, маменька! Как я желал бы, чтобы это письмо стало последним, какое мне надо писать к вам. — Е. Боратынский». *К письму сделана приписка М. А. Панчулидзевой:* «Любезнейшая и несравненная Сестрица. — Сколь мы все были обрадованы и утешены, получа ваше письмо, где вы милая Сестрица подаете нам надежду вас скоро видеть. Дай Боже что бы вы были здоровы и чтоб ни что не препятствовало вашему намерению. Приежайте душичька Сестрица к тем родным и друзьям, которые горят нетерпением вас видеть и обнять. Евгений всегдашний наш теперь товарищ. Милый, и чувствительный Евгений я его до смерти люблю. Совершенно уверена что он вас Милая Сестрица успокоит и утешит. — Он никогда не бывает праздным детей моих очень полюбил ими всякой день занимается и учит. Прощайте душичька Сестрица более не успеваю писать. От всей души, и сердца вас обнимаю. Погроб мой вам искреннейшая и преданная сестра и друг. — М. Панчулидзева. — Любезнейшим друзьям Катерине Ф. и любезным барышням скажите мое усерднейшее почтение».

Изд. 1869. С. 407—408; Изд. 1884. С. 493 (в обоих изданиях — фрагменты; дата: 1816); М. С. 29—30 (полностью; дата: лето 1816) (во всех изд. — без приписки М. А. Панчулидзевой); Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 212 (фрагмент приписки). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 19—20 об.

АВГУСТ... ДЕКАБРЬ (?). Подвойское. Акварельный рисунок Боратынского: архитектурный пейзаж — руина, с подписью: *1816. Eugène B.*

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5 (альбом «Tendresse»); Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 216—217; М. С. 28—29.

СЕНТЯБРЬ, 9. Проезжающий в окрестностях г. Белого дежурный генерал Главного штаба А. А. Закревский обедает у Лутковских (см. Род., № 12.10). Может быть, его спрашивают ненароком о том, как лучше распорядиться судьбой Боратынского. Вряд ли он отвечает что-либо определенное. В дневнике Закревского

под этой датой запись: «9-го приехал к Лутковскому обедать, где познакомился с премиленькой Варварой Николаевной Кучиной, живущей подле города Белого».

Закревский А. А. Дневник 1815—1816 гг. // Сб. Щ. Т. 10. С. 98.

ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ. Подвойское. Боратынский тяжело болен (см. ниже письмо А. Ф. Боратынской к Б. А. Боратынскому: 1816, дек., 28).

ДЕКАБРЬ. К этому времени становится ясно, что Александра Федоровна не сможет приехать из Мары в Подвойское, и тогда решено отправить Боратынского к матери, однако намеченный на декабрь отъезд Боратынского из Подвойского был отложен до февраля 1817 г. (см. ниже: 1816, дек., 28; 1817, янв., после 23 — февр., нач.).

ДЕКАБРЬ, 28. Мара или Кирсанов. Письмо Александры Федоровны к Богдану Андреевичу в Подвойское (на рус. яз.; дата: 28 декабря): «<...> Я не могу изъяснить вам сердечной моей признательности за все ваши милости и попечения об Евгении и обязана вам и исправлением его и самою его жизнию. Опасность, в которой он был, так стесняет мое сердце, что я забываю, что она прошла благодаря Бога и вас, и я не могу удержаться от живейшей скорби и страха всякой раз, как она приходит ко мне на мысль. — Вот уж Рожество прошло, а он не приехал. Зная ваше родительское о нем попечение, я стараюсь ободриться и думать, что вы его не пускаете по слабости его, да и лучше в сем случае переждать, нежели торопиться. — Я во всем полагаюсь на ваше благоразумие. У нас все, слава богу, здоровы, но только грустим во ожидании Евгения. — Я не могу отойти от окошка, ни за что не принимаюсь, ожидание очень мучительно <...>».

Гофман 1914. С. XL; ИП. С. 102. Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 270. Л. 326—327 об.

1817

Боратынский живет в Подвойском (январь), в Кирсанове и в Маре (февраль — август), снова в Подвойском (с сентября).

ЯНВАРЬ, 23. Подвойское. Первое известное стихотворение Боратынского на русском языке: **«Хор, петый в день именин дядиньки Б<огдана> Андр<еевича> его маленькими племянницами Панчулидзевыми» («Родству приязни нежной // Мы глас приносим сей...»)** — с датой *23 Генв. 1817* и подписью в автографе: *Соч. Евгенiй Боратынскiй*.

Впервые опубл.: ТС. С. 60—62; Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 1—2 (с уточнением). Племянницы Панчулидзевы — дочери Марии Андреевны, тетушки Боратынского: Екатерина, Анна и Елизавета. 23 января, день св. Климента, — именины Богдана Андреевича (Климент — имя, данное ему при крещении, но в семье не употреблявшееся).

ЯНВАРЬ, после 23 — ФЕВРАЛЬ, начало месяца. Боратынский в сопровождении слуги Богдана Андреевича — Алексея — и с небольшим обозом отправлен из Подвойского к маменьке в Кирсанов. Здесь она проводила зиму 1816—1817 гг. с сестрой Екатериной Федоровной и детьми — 10-летним Сергеем, 16-летней Софией, 7-летней Натальей и 6-летней Варварой. Боратынский почти не знаком со своими младшими сестрами и братом (см. третье «философическое» письмо: 1816, авг.—окт.).

ИП. С. 106.

ФЕВРАЛЬ. Боратынский — в Кирсанове; маменька Александра Федоровна намеревается весной ехать в Петербург вместе с детьми (см.: 1817, март, 1), чтобы самой как-либо решить участь сына.

МАРТ, 1. Кирсанов. Письмо Александры Федоровны к Богдану Андреевичу в Подвойское (на рус. яз.; дата: 1 марта): «Любезнейший братец, я получила обязательное письмо ваше с подводами и тем более вам благодарна, что вы в шуме и суете ваших праздников уделили мне несколько времени, чтоб уведомить меня о себе. Вы можете себе представить, как мы расспрашивали вашего человека о вашем житье, и я вижу с удовольствием, что вы наслаждаетесь жизнию и что великолепию вашему нет конца. А я не скоро собралась вам отвечать от разных хлопот домашних, и подлинно моя жизнь совершенный контраст с вашею. Не знаю, велит ли Бог весною выдраться отсюда <в Петербург>, но я сего очень, очень желаю, ибо оно весьма нужно детям моим, да и, может быть, узнаю что-нибудь верного о судьбе моего Евгения, которого печальное положение тем более тяготит мою душу, что отменным своим поведением заставляет, если можно, еще более желать, чтоб он был порядочно пристроен в службе. Скажу вам, любезнейший братец, что я им чрезвычайно довольна во всех отношениях и что с трудом понимаю, как мог он себя так потерять в Петербурге, мне это кажется ужасным сном. Я уверена, любезнейший братец, что по беспримерному вашему сердцу к родным вы с удовольствием услышите сие свидетельство в пользу племянника, для которого вы столько много сделали и судя по вашему сердцу увидите, что мое должно чувствовать! Я ничего не напишу вам о здешних хозяйственных обстоятельствах, ибо уверена, что Алексей ваш о всем вас подробно уведомляет. К нам придет егерский конный полк в Кирсанов в апреле месяце, многие сему радуются, а я боюсь и постараюсь скорее уехать <в Мару>».

Гофман 1914. С. XLIII—XLIV (отрывок); ИП. С. 106. Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 270. Л. 335—336 об.

АПРЕЛЬ (?). Переезд Александры Федоровны с семейством из Кирсанова в Мару. — По сравнению с тем временем, когда Боратынский уезжал отсюда (1812, апр., 20-е числа), здесь одно значительное изменение: рядом с домом строится церковь (начала действовать около 1819 г.).

ИП. С. 107, 336.

АПРЕЛЬ — МАЙ (?). Боратынский снова болен, на этот раз непродолжительно (из письма Александры Федоровны к Богдану Андреевичу от апреля — мая (?) 1817 г.: «Евгений сделался болен, и теперь, слава Богу, поправляется <...>. До сих пор я довольна Евгением, он помнит ваши наставления и знает всю их цену. Дай Бог, чтоб это всегда так было»).

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 270. Л. 330—330 об.

АПРЕЛЬ—ИЮНЬ. Мара (или: **1819, январь... декабрь. Петербург**). Письмо Боратынского к дядюшкам в Подвойское — Голощапово (на рус. яз.; без даты): «Любезные дядиньки Богдан Андреевич и Илья Андреевич. — Я чрезвычайно виноват, что столько времени не засвидетельствовал вам своего почтения. Впрочем будьте уверены, что я вас всегда столько же люблю и почитаю. Мы все слава Богу здоровы и желаем вам от всего сердца быть столь же веселым. — Целую ручки любезных тетушек Софьи Ивановны, Марьи Андреевны и Катерины Андреевны. — Остаюсь ваш покорнейший слуга и племянник — Евгений Боратынский».

ПД. № 21. 737. Л. 5—5 об. Обосн. даты: взрослый почерк, что позволяет относить письмо к периоду после 1816 г. (но до апреля 1820 г. — 23.4.1820 Богдан Андреевич умер). В это время Боратынский мог писать дядюшкам в деревню либо во время своего отъезда в Мару (но до приезда туда Богдана Андреевича — см. 1817, июль, ок. 10), либо из Петербурга

(1819 г.). Слова о том, что он «столько времени не засвидетельствовал <...> своего почтения», не позволяют датировать письмо ранее, чем апрелем 1817 (или январем 1819 г.). «Мы все» — это либо Александра Федоровна с семейством (если письмо написано в 1817 г.), либо братья Ираклий и Лев и дядюшка Петр Андреевич (если письмо написано в 1819 г.); 1820 год исключается из датировки, ибо тогда Боратынский находился в Финляндии, и этому «мы» ничто не соответствует.

АПРЕЛЬ—АВГУСТ. Боратынский живет в Маре.

ИП. С. 108.

ИЮЛЬ, около 10. Подвойское — Голощапово. Богдан Андреевич выезжает в Вяжлю (прибыл около 20 июля).

Московские ведомости. 1817. № 57. 18 июля (сообщение о проезде через Москву в Тамбов вице-адмирала Боратынского).

АВГУСТ. Мара. Видимо, намерение Александры Федоровны ехать в Петербург в надежде самой повлиять на решение судьбы сына (см. выше: 1817, февр.; март, 1) отменяется окончательно — вероятно, потому, что Боратынские узнают о предстоящем с осени долговременном визите Александра I (вместе с двором и гвардией) в Москву. — Решено, что Боратынский отправится с Богданом Андреевичем снова в Подвойское (может быть, Богдан Андреевич и Александра Федоровна полагали, что во время пребывания императора в Москве удастся добиться прощения, а поскольку Подвойское значительно ближе к Москве, чем Мара, Боратынскому имеет смысл жить там).

ИП. С. 108.

АВГУСТ, около 31. Боратынский выезжает из Мары в Тамбов, где его ждет Богдан Андреевич.

ИП. С. 108.

СЕНТЯБРЬ, около 4. Тамбов. Письмо Боратынского к маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты) перед отъездом в Подвойское: «Nous partons dans deux heures, ma chère maman...» — Перевод: «Мы уезжаем через два часа, любезная маменька, и сейчас я скажу дважды прощай этому краю, столь мне любезному. Что бы ни говорили — но отнюдь не все равно, быть близко или вдали от тех, кого любишь: большие расстояния охлаждают и страшат сердце. Я покидаю Тамбов почти с тем же сожалением, что Мару. Пока мы оставались в этом городе, я не думал об отъезде. Но, любезная маменька, я не хочу усиливать вашу печаль своей. Прощайте, любезная маменька, будем надеяться, что скоро снова увидимся. Одно только ожидание позволяет мне выносить ваше отсутствие. Я хотел бы сказать вам еще тысячу вещей, но сердце мое так полно печалью, а мысли так унылы, что не осмеливаюсь изъяснять их вам. — Что моя любезная Софи? Конечно, она тоже печальна. Попросите ее не впадать в уныние, которое могло бы ухудшить ее здоровье. Она принадлежит мне, и я хочу, чтобы она себя берегла — для меня. — Я видел ее любезную подругу, я не разговаривал с нею, а только внимательно ее наблюдал. Какое прелестное создание! Она не прекрасна, но, увидев ее, невозможно не полюбить! Какая кротость в глазах! Какая скромность в движениях! Ее речь исполнена сердечного чувства, и неудивительно, что Софи так к ней привязана. Она того, конечно, достойна. Откланиваясь ее сестрам, я сказал, что Софи помнит о ней, что Софи мне говорила о ней, что Софи передает тысячу поклонов. Если бы вы видели ее лицо в то время, когда я это говорил. В первое мгновение она была удивлена, но тотчас отвечала, и хотя слова были самые обыкновенные, однако с каким жаром они были сказаны! с какой выразительностью! с какой грацией! Ее облик запечатлен в моей памяти. Я увожу его с собой. Мне кажется,

что, уезжая из Мары, я расстался с дружбой, а уезжая из Тамбова — с любовью: смогу ли я, вернувшись сюда однажды, снова обрести два этих божества! Прощайте еще раз, любезная маменька. Я живу одной надеждой на встречу с вами. — Евгений Б.».

М. С. 37—38 (текст); Изд. 1983. С. 189—190 (перевод Л. М. Завьяловой); Изд. 1987. С. 131—132 (тот же перевод) (везде — с непроверенной датировкой); ИП. С. 336, 356 (уточнение даты). Автограф — ПД. № 21. 738. Л. 31—32.

СЕНТЯБРЬ, 8—9. Боратынский с дядюшкой Богданом Андреевичем проезжает через Москву (подробности см. в его письме к маменьке: 1817, сент., сер.).

Московские ведомости. 1817. № 73. 12 сентября (сообщение о проезде через Москву в Смоленскую губ. вице-адмирала Боратынского).

СЕНТЯБРЬ, около 11. Боратынский и Богдан Андреевич приезжают в Подвойское.

ИП. С. 108.

СЕНТЯБРЬ, середина месяца. Подвойское. Письмо Боратынского к маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Par où commencer, ma chère maman, est-ce par mon arrivée ou par mon départ? Le dernier est assez triste...» — Перевод: «С чего начать, любезная маменька, с приезда или с отъезда? Последнее весьма печально, и я скажу лишь о первом, ибо всегда лучше избирать предметы более приятные. Так вот, после недели безмятежнейшего пути добрались мы до Подвойского; замечательнее всего то, что давно ожидаемый генерал Панчулидзев <Иван Давыдович — муж тетушки Боратынского Марии Андреевны> приехал часом раньше. Представьте, сколь радостна была встреча. Вечер прошел в беззаботном веселье. Генерал — любезнейший человек, каких я только видел; в нем есть некая прямота, некая чистота помыслов, нечто от древнего рыцарства. Говорит он чрезвычайно громко, как будто желает, чтобы каждый мог знать, что у него на сердце. — Как мало людей, имеющих такое желание! — Я назвал его рыцарем без страха и упрека, и что-то говорит мне, что он достоин этого имени. Не буду рассказывать, как я был принят здесь. Вы знаете эту несравненную дружбу и этих несравненных людей. Все, что они делают для меня, все, что я чувствую к ним, превосходит любое изъяснение. Полагаю, что подробно изъяснять столь сильные чувства — значит лишь рассеивать их. Кузина Машенька и кузен Аполлон обнимают меня, плача. О, любезная маменька, наслаждение такой любовью — стоит всех наслаждений на свете. — Меня не ждали в этих краях так рано, и мое появление произвело всеобщее удивление. Меня беспрестанно расспрашивали о вас и о вашей поездке в Москву, — поездке, совершенно невыполнимой. Мы заезжали к Костылевым <Марк Абрамович и Анна Костылевы — московские знакомые Александры Федоровны>, сами они были в деревне, но я справился у торговцев. Все, от булавок до самых изысканных предметов, ужасно дорого. Дрова в пол-аршина стоят 20 рублей сажень. За квартиры требуют непомерные деньги, за 8 скверных комнат платят до трех тысяч рублей. Правительство очень строго следит за чистотой улиц. Ежели вы предоставляете обеспечивать чистоту хозяевам дома, приходится платить вдвое дороже. Все вместе эти неудобства весьма затрудняют пребывание в Москве. Вы сами можете судить о том по картине, которую я старался нарисовать столь верно, сколь умел. Надобно сделать еще небольшое отступление, чтобы поведать вам об истинном диве. В июле этого года начали строить здание <Экзерцир-гауз(манеж)> 80 сажен длиной и 45 — шириной, для того, чтобы проводить учения зимой; ныне оно закончено, и закончено не в шутку! Представьте еще и то, что высотой оно с четырехэтажный дом. Невозможно поверить в то, как люди сорят деньгами, не иначе у них их много. Дядюшка хочет писать вам, он припишет

несколько слов ниже. — Евгений». (Далее приписка Богдана Андреевича: «Целую ручки, любезнейшая сестрица и благодарю наиусерднейше за ваши ласки<...> ваш вернейший и преданный брат Б. Боратынский».)

Изд. 1869. С. 408; Изд. 1884. С. 493—494 (в обоих изданиях не полностью, с ошибочной датировкой: 1816); М. С. 30—31 (полностью, датировка: 1817). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 21—22 (там же — приписка Богдана Андреевича).

Вероятно, продолжением этого письма является фрагмент, напечатанный Ю. Н. Верховским в качестве отдельного текста: «Je n'ai pas rempli toutes vos commissions à Moscou: nous y arrivâmes samedi...» — Перевод: «Я не выполнил все ваши поручения в Москве: мы приехали туда в субботу — был праздник <8 сентября — рождество Богородицы>, а уехали в воскресенье <9 сентября>, когда праздник продолжался. Все лавки были закрыты, и я был в отчаянии оттого, что не смог ничего купить детям. После всех покупок и трат на их доставку я вам должен еще 16 <рублей>. — «Кларисса» 25. — Ноты 20. — За шляпу 4. — За часы 10. По словам Бува <московский книгопродавец>, это единственный экземпляр «Клариссы» <роман С. Ричардсона>, который нашелся в Москве. Теперь это очень редкая книга. «Le cours de littérature» у него нет, а, кроме его лавки, все остальные были закрыты. Что до абонирования, то условия вы найдете в каталоге. Выбор <книг> нынче не самый лучший. По совету дядюшки <Богдана Андреевича> я купил в Москве сукно. Он говорит, что я могу проходить год и более во фраке, пока не получу офицерский чин. Пожалуйста, не говорите Софи, что ноты стоят так дорого: боюсь, как бы она не рассердилась, а я ни за что на свете не хотел бы причинять ей ни малейшего огорчения. Если вы хотите немного понежить меня, ведь вы добрая маменька, пришлите мне еще немного тонкого белья. Можно было бы купить его здесь, но здешние рубашки не столь белы, как те, что я ношу, они все с каким-то голубоватым оттенком. — Прощайте, любезная маменька, обнимите за меня моих сестер. Я хотел бы передать здесь свои поклоны всем родственникам и знакомым, как делал некогда, избавляя себя от необходимости приписывать несколько лишних строк, но, помнится, однажды вы укорили меня за это, и я больше не хочу повторить свой проступок; посему целую ручки любезной тетушке <Екатерине Федоровне> и заверяю в своем нижайшем почтении барышень Зайцовых. Тетушки передают тысячи заверений в дружбе и вам и им. Прошу вас, любезная маменька, пересылать мне письма, которые могут прийти на мое имя из Петербурга. Мелкие глупости, что мы пишем друг другу в детстве, дают нам большие основания надеяться на дружбу в будущем: думаю, большое удовольствие вспоминать, как все были равно глупы!»

М. С. 32—33 (дата: 1817). Автограф расположен в собрании писем Боратынского следом за автографом предыдущего письма — ПД. № 21.738. Л. 23—24; ИП. С. 108, 336—337 (уточнение даты).

СЕНТЯБРЬ, вторая половина — ДЕКАБРЬ. Боратынский живет в Подвойском.

ДЕКАБРЬ, 4. Подвойское. Письмо Боратынского к маменьке в Мару или Кирсанов (на фр. яз.; без даты): «Nous avons eu beaucoup de plaisir aujourd'hui, ma chère maman...» — Перевод: «Мы испытали сегодня большое удовольствие, любезная маменька. Госпожа Гросфельд, гувернантка, которую тетушка <Мария Андреевна> так долго ожидала, прибыла. Какая достойная женщина! и какой достойный человек господин Тимрот <неустановленное лицо>. Представьте себе, что, живя здесь у своего брата, он так подружился с моими маленькими кузинами и тетушкой <с дочерьми Марии Андреевны Панчулидзевой и с ней самой>, что сам лишил свою дочь наставницы, чтобы увериться, что этих маленьких ангелов, как он их называет, будет воспитывать достойная женщина. Его маленькая Катенька

много плакала, прощаясь со своей любезной гувернанткой, и ничто не может служить лучшей похвалой госпоже Гросфельд, как привязанность, которую она сумела внушить этому прелестному ребенку. Добрая моя тетушка очень весела, и я тоже счастлив, видя ее радость. Да исполнит добрая госпожа Гросфельд все, чего тетушка от нее ожидает; и есть все основания на то надеяться. Вовсе не зная ее, я уже весьма расположен ее полюбить. Рождением мы обязаны только родителям, но те, кто воспитал и наставил нас в юности, имеют еще больше прав на нашу благодарность. Каждый раз, когда я размышляю об этом, любезная маменька, я чувствую себя счастливым оттого, что обязан вам и тем и другим, отчего нахожу новые и новые причины любить вас. — Сегодня день Святой Варвары, праздник моей сестрицы. Передайте ей, пожалуйста, что я желаю от полного сердца всего, чего могли бы пожелать ей вы. Вы думаете, это слишком? Но на сей раз неправы вы, любезная маменька, быть может, увы, оттого, что желать — не значит любить, — однако я люблю мою сестрицу от всего сердца. Вы провели этот день так же весело, как мы? — Надеюсь, да. Сначала, утром, прибыла госпожа Гросфельд, а потом мы обедали у кузины Вареньки <Кучиной>, и хотя ничего забавного не случилось, все, неизвестно почему, были очень довольны. Госпожа Святая Варвара должна бы справлять свой праздник по меньшей мере четырежды в год, и всякий раз доставлять нам столько же радости, сколько сегодня. — Тогда у нас было бы в году четыре счастливых дня, а как это много! Уф! любезная маменька, если бы в жизни приходилось считать лишь счастливые мгновения, кто из нас прожил бы больше четверти часа? — Мои две тетушки передают разнообразные заверения в дружбе вам, а также барышням Авдотье и Александре Николаевне <Зайцовым>, что же до меня, то я хотел бы обнять вас, приласкать, поговорить с вами, посмотреть на вас. Простите, любезная маменька. Я хотел бы также пойти спать, ибо уже поздно. Увы! воображению не под силу преодолеть физические потребности. Прощайте, любезная маменька, постараюсь увидеть вас во сне. — Евгений».

М. С. 33—34 (с датировкой: 1817—1818); ИП. С. 335—336 (уточнение даты). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 25—26.

К письму имеется приписка (на рус. яз.; без даты): «Любезная тетинька Катерина Андреевна. — Я не нахожу выражения чтоб перед вами извиниться, сделайте милость, напишите мне несколько строчек, хоть побраните немного, да только напишите, а то, право, у меня не будет духа что-нибудь к вам писать. — Будьте, впрочем, уверены, что чувствования любви и благодарности всегда находятся в моем сердце. Хотя последнее иногда бывает тягостно, но всегда приятно находить причины еще более любить тех, которых любишь. Ваш покорнейший слуга и племянник E. Boratinsky».

Хетсо. С. 579. Не исключено, что Боратынский обращался в данной приписке к Катерине Федоровне Черепановой, нечаянно назвав ее Катериной Андреевной — именем тетушки, жившей рядом с ним в Голощапове — Подвойском.

1818

Боратынский живет в Подвойском (январь — август), затем в Москве (сентябрь — октябрь), в октябре — ноябре уезжает в Петербург.

Вероятно, в этот год Боратынским написаны стихотворения, адресованные тетушке Марии Андреевне (опубл. Дельвигом под названием **«Пожилой женщине**

и все еще прекрасной» — см. 1819, февр., 28) и кузине Варваре Кучиной (опубл. Дельвигом под названиями **«К Алине»**, **«Любовь и дружба»**, **«Портрет В...»** — см. 1819, март, 31).

ЯНВАРЬ, после 23. Подвойское. Письмо Боратынского к маменьке в Мару или в Кирсанов (на фр. яз.; без даты): «Mon oncle part demain pour Moscou. On voulait m'emmener...» — Перевод: «Дядюшка <Илья Андреевич> завтра выезжает в Москву. — Он хотел взять меня с собой, но не вышло. Впрочем, мне нет никакой надобности появляться там, словно напоказ <в это время в Москве находились Александр I, двор и гвардия>. Так рассудила тетушка Катерина А<ндреевна>, главное мыслящее существо в доме. Праздник <именины Богдана Андреевича — 23 января> был отмечен роскошно, дети исполнили небольшой балет, а на следующий день играли комедию госпожи Гросфельд, о которой я вам писал <см.: 1817, декабрь, 4>. Все было очень весело, и у меня до сих пор болят ноги от танцев; восхитительный талант — умение двигать ногами в такт. Воистину он более нужен в свете, чем нагромождение геометрии, истории, географии и философии. Для разговора об этих материях редко найдется собеседник, а танцоры есть повсюду. — В уединении больше нужны запасы ума, но в свете — о, в свете, любезная маменька, нужно танцевать, даже если у тебя жирные ноги. Адмирала <Богдана Андреевича?> весьма беспокоят гости, он не говорит об этом вслух, но я приметил. Он от всего сердца любит доброго воина, что же касается мадам, кажется, к ней он не питает уважения, что вполне понятно. <О ком идет речь — неведомо>. Ее тон хозяйки дома ему совсем не по нраву. Каждый бал, который устраивает адмирал, она превращает в урок танцев. Она не слушает его, если вообще по случайности позволяет ему проговорить хоть слово. — Этого достаточно, чтобы доставить неудовольствие дядюшке, будь она даже совершеннейшей из женщин. Я же считаю ее просто кокеткой; она слишком любит, чтобы все занимались ею, но такого желания ни у кого не возникает. Полк, стоявший здесь, переменил квартиры, и наши барышни оплакивают свое вдовство. Теперь все питают пристрастие к воинам, амуры покинули Цитеру и повсюду следуют за Марсом в мундирчиках и с барабанным боем. Чему ж удивляться? природа шумна, и военные игрушки вскружили им головы. Я шучу, но это почти правда. Прощайте, любезная маменька, тысяча уверений в дружбе сестрицам Софи, Натали, Варваре, брату <Сергею>, тетушке <Катерине Федоровне>, Авдотье Н<иколаевне>, Александре Н<иколаевне> и Надежде Н<иколаевне Зайцовым>, моему любезному Борье <Ж. Боргезе>. Вы очень хорошо делаете, что ласкаете Григри <пес?>. Он молодец, и я его от всего сердца люблю».

М. С. 34—35 (с датой: 1817—1818. Автограф — ПД. № 21.738. Л. 27—28. Обосн. даты: 1) упоминание г-жи Гросфельд, о которой говорилось в предыдущем письме (см. 1817, дек., 4), — значит, письмо писано через какое-то время после дня св. Варвары — 4 декабря; 2) слова о нецелесообразности поездки в Москву: «появиться там, словно напоказ»; предполагая, что имеется в виду находящийся в Москве императорский двор, исключаем 1816 — начало 1817 г. (Боратынский жил в Подвойском с июля — августа 1816-го по январь 1817 г. и, естественно, период с февраля по август 1817 г. (когда Боратынский жил в Маре), ибо двор переехал в Москву к осени 1817 г.; 3) следовательно, есть смысл приурочивать письмо ко времени после 4 декабря 1817 г. и узнавать, кто из дядюшек Боратынского и когда ездил в Москву. В «Московских ведомостях» за 2 февраля 1818 г. сообщается о прибытии из Смоленской губ. контр-адмирала Боратынского, т. е. Ильи Андреевича; его приезд сюда можно соотнести с упомянутым отъездом из Подвойского одного из дядюшек — значит, письмо могло быть написано в конце января 1818 г.; 4) а поскольку в письме говорится о роскошно отмеченном празднике, то логично соотнести этот праздник с одним из самых торжественных событий в Подвойском — именинами Богдана Андреевича: 23 января.

ФЕВРАЛЬ — ИЮЛЬ. Боратынский живет, видимо, в Подвойском; сведений о его жизни за этот период — нет.

ИЮНЬ — ИЮЛЬ, до 13. Богдан Андреевич обращается в Смоленское губернское правление с просьбой выдать дворянское свидетельство его племяннику Евгению с целью определить его в какую-либо иную службу, кроме солдатской. Далее см.: июль, 12.

ИП. С. 96, 335.

ИЮЛЬ, 12. Смоленск. Смоленский губернский предводитель Ф. И. Лыкошин отвечает отказом на прошение Богдана Андреевича: «<...> из указа Правительствующего Сената от 29-го февраля 1816-го года видно, что означенный дворянин Евгений Боратынский был на службе в Пажеском корпусе, куда поступил с свидетельством, а затем нового уже выдать не можно». — Таким образом, еще раз подтверждалось, что, не будучи формально лишен дворянства, Боратынский фактически был лишен права документально подтвердить свое дворянство, без чего поступить в какую-либо службу не мог, а мог — только в солдаты.

ИП. С. 335; РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 186. Л. 1.

ИЮЛЬ. Подвойское. Боратынский сочиняет пьесу (не сохранилась) — пьеса будет разыграна племянницами Панчулидзевыми в честь возвращения из Москвы дядюшки Ильи Андреевича (см. ниже: 1818, авг., 6).

АВГУСТ, 6. Подвойское. Письмо Боратынского к маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Mon oncle Илья Андреевич est arrivé ici...» — Перевод: «Дядюшка Илья Андреевич уже приехал. Он получил одно из ваших писем, где вы жалуетесь, что не получали от меня вестей уже шесть недель. Не знаю, как так вышло. Я пишу вам всегда раз в две недели. Меня очень обеспокоила эта новость, сегодня я попросил слугу, относящего наши письма, внимательно следить за моими. Надеюсь, что впредь вы не будете страдать от небрежности. Я здоров. Дядюшка купил дом в Москве, в сентябре мы все отправимся в путь. А вы, любезная маменька, не собираетесь ли также в дорогу? Тетушка очень печалится, ибо не надеется вас там встретить. Сегодня в честь приезда дядюшки мы будем представлять комедию. Мне поручено руководить детьми <племянницами Панчулидзевыми> — главным образом потому, что пьеса целиком сочинена мною, и кроме меня никто не может подсказывать им слова. Прощайте, любезная маменька; сегодня шестое — большой праздник <Преображение>, желаю вам встретить его в добром здравии и счастливо. Я также надеюсь провести его весело».

Хетсо. С. 577 (с сомнительной датой: лето 1817); ИП. С. 336 (примеч. к с. 103), 337 (примеч. к с. 112) (уточнение даты). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 68—68 об.

СЕНТЯБРЬ. Боратынский вместе с дядюшками и тетушками переезжает из Подвойского в Москву. Сюда же приезжает из Мары маменька Александра Федоровна (см. ниже: 1818, октябрь — ноябрь). В октябре — ноябре она, видимо, уехала обратно в Мару (см. письмо к ней туда: 1818, ноябрь?).

ИП. С. 112, 337. Время приезда Боратынского в Москву определяется предположительно — см. его слова в предыдущем письме: «в сентябре мы все отправимся в путь» (1818, авг., 6). О пребывании здесь маменьки см. в след. письме: «уезжая из Москвы, я оставил вас больною» (1818, ноябрь?).

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ. Москва. Видимо, Александра Федоровна и дядюшки Богдан Андреевич и Илья Андреевич вновь пытаются решить участь Боратынского. Кто именно был ходатаем за Боратынского и к кому конкретно из влиятельных лиц они обращались — твердо сказать нельзя. Но в конечном счете решено отправить его в Петербург — видимо, уже в это время стало окончательно ясно, что солдатской службы избежать нельзя, и, может быть, уже осенью 1818 г. была выхлопотана возможность поступить в гвардию, а значит, жить в Петербурге.

ОКТЯБРЬ (?) Боратынский уезжает из Москвы в Петербург. Первоначально останавливается, видимо, у Петра Андреевича, затем поселяется на квартире с А. И. Шляхтинским (см. ниже: 1818, ноябрь — декабрь).

НОЯБРЬ (?) Петербург. Письмо Боратынского к маменьке в Москву или в Мару (на фр. яз.; без даты): «J'ai reçu une de vos lettres...» — Перевод: «Я получил одно из ваших писем, любезная маменька, но вот уже более месяца от вас нет вестей, а ведь, уезжая из Москвы, я оставил вас больною, все это меня весьма тревожит. Не знаю, по какой роковой случайности Петр Андреевич также ничего не получает от наших <т. е. от Богдана Андреевича, Екатерины Андреевны и других «подвойских» родственников>, все вы храните странное молчание. Возможно, дороги стали уже плохи, дай Бог, чтоб не случилось чего-нибудь худшего. — Как дела у господина Н...? <по предположению Г. Хетсо, речь идет о Николае Мартынове, хлопотавшем о Боратынском>. Петр Андреевич сильно сомневается в благоприятном исходе, и резоны его кажутся мне основательными — он <господин Н...> вскоре должен вернуться из Москвы, я жду его с нетерпением, быть может, он привезет известия о вас. — Прощайте, любезная маменька, да хранит вас Господь. Мое почтение Авдотье Николаевне и Александре Николаевне <Зайцовым>».

Хетсо. С. 579—580 (датировка: 1818). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 76—77.

С НОЯБРЯ — ДЕКАБРЯ (?). Петербург. Вместе с прапорщиком лейб-гвардии Егерского полка Андреем Шляхтинским Боратынский снимает квартиру в деревянном одноэтажном доме Василия Ежевского (Гижевского) неподалеку от казарм л.-гв. Егерского полка, вблизи набережной Фонтанки — в Семеновских ротах (современный адрес: перекресток Бронницкой ул. и Клинского проспекта, участок дома № 15/24; домик Ежевского был снесен в 1909 г.). Видимо, они живут здесь до осени 1819 г. (см. далее: 1819, авг., вт. пол. — сент.).

Шубин 1985. С. 49, 314 (адрес); ИП. С. 120, 338, 354 (дата).

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ (?). Петербург. Письмо Боратынского к маменьке в Москву или в Мару (на фр. яз.; без даты): «Je ne vous ai point envoyé mon adresse...» — Перевод: «Я не сообщал вам своего адреса, ибо сам еще не знал, где поселюсь. — Мы сняли квартиру вместе с г-ном Шляхтинским — у нас три замечательные комнаты, которые только предстоит обставить, впрочем, мебель здесь дешева. — Письма адресуйте так: в Семеновском полку в доме кофишенка Ежевского. Это славный старик, знававший в Гатчине батюшку. Он рассказывает мне всяческие подробности и анекдоты, которые я слушаю с немалым удовольствием. У него есть жена и дочь — воспитанная весьма неплохо, изъясняющаяся по-французски скверно, по-русски провинциально, играющая на рояле подобно нашим богиням из Оржевки <дочери владельца имения Оржевки (неподалеку от Мары) Дм. Мих. Мартынова — Анна, Варвара, Евдокия, Елизавета>, читавшая несколько романов мадам Радклиф и жалующаяся, что ничто в природе не отвечает возвышенным движениям ее сердца. Весь этот мирок довольно забавен. В последнем письме я говорил вам о мадам Эйн-Гросс <Ein-gross>, с которой я познакомился; так вот, это превосходная женщина. Она весьма образованна, иначе говоря, образованна лучше меня. Она божественно играет на арфе, много читает, любит живопись, поэзию, словесность и даже способна иметь собственное суждение о каждом из искусств. Мы размышляем с нею о дружбе, о любви, о любовных увлечениях, об эпикурействе, о стоицизме — словом, обо всем. Я посещаю ее каждый день после полудня, и пока мне это не наскучило; следует, однако, признаться, что в ожидании лучшего я был бы даже склонен влюбиться в эту божественную женщину, но не тревожьтесь, я слишком безрассуден, чтобы решиться на серьезное безрассудство. — Прощайте, милая

маменька. Быть может, вы считаете все это несколько вольным. Думайте, что пожелаете, но помните, что только вас я люблю всем сердцем. Вчера вечером мадам Э. Г. живо напомнила мне Софи, она играла на арфе тирольскую мелодию. Знаете, пожалуй, она немного напоминает ее и своей внешностью».

Гофман 1914—1915. Т. 1. С. XLIX (перевод фрагмента по копии); *Хетсо.* С. 580—581 (полный текст по автографу; датировка: конец 1818 — начало 1819); ИП. С. 120 (полный перевод), 337 (сведения о Шляхтинском), 338 (датировка). Автограф — ПД. № 21.738. Л. 40—40 об; *Нарцов* 1904 (о семействе Мартыновых).

1818, конец года — 1819, начало года

Петербург. Встреча Боратынского с братьями *Ираклием* и *Львом* (Ираклий — в последнем классе Пажеского корпуса), со старым другом *Александром Креницыным*, все еще пребывающим в Пажеском корпусе (его исключат оттуда после бунта квилков в начале мая 1820 г.); его брат Павел ко времени возвращения Боратынского в Петербург уже выпущен офицером в армию и уехал из Петербурга (о Креницыных см. выше: 1816, янв., 1; февр., 19; февр., 22). Креницын был дружен с *А. А. Бестужевым* (тогда прапорщиком л.-гв. Драгунского полка) и мог познакомить с ним Боратынского, но даже если это произошло (свидетельств тому нет), не Бестужев ввел Боратынского в петербургские литературные круги (как иногда полагают), а *А. А. Дельвиг*, ставший самым близким его другом молодости. С Дельвигом и с *В. К. Кюхельбекером* его, видимо, познакомили *А. И. Шляхтинский* и *А. А. Рачинский*, двоюродный брат Боратынского и его будущий зять, в ту пору подпрапорщик л-гв. Семеновского полка (см. Род., № 13.8). Рачинский знал Дельвига и Кюхельбекера по кружку И. Г. Бурцова; может быть, и Шляхтинский был участником этого кружка? — Естественно, Боратынский скоро познакомился со многими друзьями и приятелями Дельвига и среди них — с *А. С. Пушкиным, В. А. Эртелем, П. Н. Чернышевым, П. Л. Яковлевым* (с ним Дельвиг квартировал в ту пору — в Троицком переулке; вместе с Боратынским Дельвиг поселился позднее, после отъезда из Петербурга Шляхтинского — см.: 1819, август, вторая половина — сентябрь), в апреле 1819 — с *И. А. Болтиным.* Пушкин и Кюхельбекер жили в нескольких минутах ходьбы от Семеновских рот — у Калинкина моста: Пушкин — на другом берегу Фонтанки, в доме адмирала А. Ф. Клокачева (ныне: набережная Фонтанки, д. 185), Кюхельбекер — на том берегу, где располагались Семеновские роты, — в мезонине дома Благородного пансиона при педагогическом институте (с 8 февраля 1819 — Петербургском университете — ныне: набережная Фонтанки, д. 164). У Кюхельбекера Боратынский встречал воспитанников пансиона *М. И. Глинку, Н. А. Маркевича, Н. А. Мельгунова, С. А. Соболевского, Л. С. Пушкина*; видимо, тогда же познакомился и с *П. В. Нащокиным* (с марта 1820 — подпоручик л-гв. Измайловского полка). — Дельвиг, которому Боратынский показал свои стихотворные опыты, отдал их в печать (см. 1819, февр., 11.; февр., 28; март, 31) и, вероятно, привел Боратынского на заседания Вольного общества словесности, наук и художеств и Вольного общества любителей российской словесности, где Боратынский увидел главных действующих лиц обоих обществ (*А. Е. Измайлов, Н. И. Греч, Ф. Н. Глинка* и др.). Может быть, Боратынский побывал и на литературных субботах *В. А. Жуковского* (тот жил неподалеку от Семеновских рот, снимая вместе с А. А. Плещеевым квартиру на углу Крюкова канала и Екатерингофского проспекта, ныне проспект Римского-Корсакова, д. 43), где мог встретить *Н. И. Гнедича, И. А. Крылова, А. И. Тургенева.*

ИП. С. 115—124 (обзор встреч и знакомств Боратынского в конце 1818 — начале 1819 г.); Алфавит Боровкова. С. 270 (о знакомстве Креницына и А. А. Бестужева); *Хетсо*. С. 49 (сомнительное утверждение: «сблизившись с другом Креницына А. Бестужевым, Баратынский познакомился и с <...> Дельвигом»); ЛН. Т. 59. С. 486 (о знакомстве А. И. Шляхтинского с В. К. Кюхельбекером и А. А. Дельвигом); *Кюхельбекер*. Изд. 1979. С. 352 (запись Кюхельбекера от 11.1.1835 о составе кружка Бурцова); *Медведева* 1936 (о Боратынском и П. Л. Яковлеве); *Шубин* 1985. С. 320, 318 (адрес Кюхельбекера и Дельвига в 1818—1819 гг.); *Цявловский* 1951. С. 123 (адрес Пушкина), 167 (о посещении Боратынским суббот Жуковского); *Маркевич Н. А.* Из воспоминаний // Писатели-декабристы. Т. 2. С. 289—302 (о воспитанниках благородного пансиона; Маркевич вспоминал, что Боратынский подарил ему стихотворения «Любовь и Дружба», «Портрет В.», «К Алине», а также что Кюхельбекер читал воспитанникам пансиона стих. «К Креницыну» и послание к Шляхтинскому «Т—му. В Альбом»).

1819

В течение всего года Боратынский живет в Петербурге — в Семеновских ротах (до августа—сентября снимает квартиру у В. Ежевского (Гижевского) вместе с А. И. Шляхтинским, с августа—сентября — с А. А. Дельвигом.

ЯНВАРЬ... ДЕКАБРЬ. Петербург. В альбом П. Л. Яковлева записаны стихи Боратынского: вероятно, **«Мы будем пить вино по гроб...»** (подпись: *Евгений Абрамов сын Баратынской*); **«В пустых расчетах, в грубом сне...»** (подпись: *Б—ій*); **«Здесь погребен армейский капитан...»** (стих. является подписью под рисунком, изображающим надгробный камень с положенными на нем треуголкой, шпагой, бутылками, чашами и рюмками). — Другие тексты Боратынского в альбоме Яковлева — «Вчера ненастливая ночь...», «Полуразрушенный, я сам себе не нужен...» и «Моя жизнь» — отнесены в Летописи к более позднему времени — см.: 1821, июнь (?)... июль 1822.

Медведева 1936. С. 118—120; Изд. 1936. Т. 1. С. 266—270. Автографы — ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32, лл. 37—38 об. Мы отделяем время записи этих трех стихотворений от других записей Боратынского в альбоме П. Л. Яковлева по месту расположения записей в альбоме — названные стихотворения сгруппированы на л. 37—38 об., в то время как три других стихотворения, отнесенные нами к 1821—1822 гг., соседствуют с записью Боратынским остроты С. Д. Пономаревой (Л. 13—16 об.), точно относящейся к 1821—1822 гг. (еще одна запись — 4 строки из послания Дельвигу 1820 г. — естественно, не могла быть сделана в 1819 г.; эта запись помещена на л. 54).

ФЕВРАЛЬ, 8. Петербург. Боратынский определен рядовым в лейб-гвардейский Егерский полк. — Кто именно помогал Боратынскому попасть именно в гвардию (что позволяло жить в столице) — неизвестно. Известно лишь, что среди родственников и знакомых старшего поколения Боратынских были бывший командир л.-гв. Егерского полка А. М. Рачинский и бывший командир л.-гв. Семеновского полка В. А. Недоброво. Командиром л.-гв. Егерского полка в 1819 г. был К. И. Бистром.

См.: 1816, июнь, 29 (о В. А. Недоброво); Род., № 12.9 (об А. М. Рачинском).

ФЕВРАЛЬ, до 11. Петербург. Дельвиг отдает А. Е. Измайлову для публикации в «Благонамеренном» мадригал Боратынского (см. далее: февр., 11; февр., 28), видимо, не уведомив Боратынского. «Баратынский часто вспоминал о том тягостном впечатлении, которое произвело в нем это неожиданное появление его сти-

хов, и говорил, что никакой впоследствии успех не мог выкупить этой мучительной минуты».

Путята. Изд. 1993. С. 234.

ФЕВРАЛЬ, 11. Петербург. Ценз. разр. «Благонамеренному» (Ч. 5. № 4) с первой публикацией Боратынского: мадригал **«Пожилой женщине и все еще прекрасной»** (см.: выше: февр., до 11 и ниже: февр., 28).

ФЕВРАЛЬ, 28. Петербург. Вышел «Благонамеренный» (1819. Ч. 5. № 4), где в разделе «Мадригал» опубл. стих. Боратынского **«Пожилой женщине и все еще прекрасной»** (с. 210; подпись: *Е. Б.*). Адресат — М. А. Панчулидзева (см. Род., № 12.7). Др. ред: «Женщине пожилой, но все еще прекрасной» (Изд. 1827); «Взгляните: свежестью младой...» (Изд. 1835). См. также: 1818; 1819, февр., до 11; февр., 11.

МАРТ, 14. Петербург. Ценз. разр. «Благонамеренному» (1819. Ч. 6. № 6), где опубл.: **«К Алине» («Тебя я некогда любил...»)** (др. ред. — нет), **«Любовь и Дружба. (В альбом)» («Любовь и дружбу различают...»)** (др. ред. — нет), **«Портрет В...» («Как описать тебя? я, право, сам не знаю...»)** (др. ред.: «Тебя ль изобразить и ты ль изобразима...» — см.: 1823, февр.—дек.?) (С. 332, 334; подпись: *Е. Боратынскій*). Вероятный адресат всех трех текстов — В. Н. Кучина (см. Род., № 13.9). — См. также: март, 31.

МАРТ, 31. Петербург. Вышел «Благонамеренный» (1819. Ч. 6. № 6), где опубл. за полной подписью стих. **«К Алине», «Любовь и Дружба. (В альбом)», «Портрет В...»**. — См. выше: март, 14.

АПРЕЛЬ, около 6. Петербург. Письмо Боратынского маменьке в Мару или Кирсанов (на рус. яз.; без даты): «Любезная маминька. — Благодарю вас от всего сердца за присылку денег 500 р. на мои нужды и поздравляю с праздником Воскресения Христова <6 апреля>. Мы <видимо, братья Боратынские: Евгений, Ираклий и Лев> сегодня были у Катерины Ивановне <Нелидовой, жившей в Смольном монастыре>, которая нас очень обласкала. Я не успеваю вам более писать, ибо еду в караул. Прощайте, любезная маминька, будте здоровы. Остаюсь ваш всепокорный слуга и сын — Евгений Боратынский».

М. С. 38 (с датой: 1819?). Автограф — ПД. № 21. 738. Л. 33. Обосн. нашей даты: 1) поздравления с Пасхой (в 1819 г. — 6 апреля); 2) упоминание коллективного посещения Нелидовой — такое могло произойти лишь в 1819 г., когда в Петербурге находились трое братьев Боратынских — Евгений, Ираклий, Лев.

МАЙ, 2. Петербург. Ценз. разр. «Благонамеренному» (1819. Ч. 6. № 9; вышел 16 мая) с эпиграммой на П. И. Шаликова(?): **«Дамон, ты начал, продолжай...»** (С. 143; подпись *Е. Бор...ій*). Др. ред. — нет. Вероятный повод для эпиграммы — выход «Сочинений кн. Шаликова» (Ч. 1. М., 1819).

ИЮНЬ, 8—29. Красное Село под Петербургом. Здесь находится в летнем лагере л.-гв. Егерский полк. Видимо, Боратынский тоже в Красном Селе.

ИП. С. 354.

ИЮЛЬ, 22. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (1819. Ч. 55. № 30; вышел 26 июля) с посланием **«К Креницыну»** (С. 181—182; подпись *Евгеній Баратынскій*). Др. ред. — нет. Это первая публикация Боратынского в «Сыне отечества» Н. И. Греча.

Может быть, послание «К Креницыну» доставил Гречу Кюхельбекер (сохранился список послания, выполненный рукой Кюхельбекера — с пометами Греча: РНБ. Ф. 236. Оп. 2. № 263).

ИЮЛЬ, 29. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (1819. Ч. 55. № 31; вышел 2 августа) с посланием **«К Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...»)** (С.

228—229; подпись *Евгеній Баратынской*). Др. ред. — «Дельвигу» (Изд. 1827); в Изд. 1835 не пропущено цензурой. Ответ Дельвига «К Евгению» («За то ль, Евгений, я Гораций...») впервые опубл.: Совр. 1853. № 5. С. 31.

О цензурных злоключениях послания и его предполагаемом месте в Изд. 1835 см.: *Оксман* 1922. С. 15—17; *Фризман* 1982. С. 654—655.

АВГУСТ, 6. Петербург. Дельвигу — 21 год. Видимо, у него собираются друзья (среди которых должен быть и Боратынский), с чем связано его стих. «В день моего рождения» (С годом двадцать мне прошло! // Я пирую, други, с вами...») (впервые опубл.: Совр. 1853. № 5. С. 13).

АВГУСТ, 20. Петербург. Вышел «Благонамеренный» (1819. Ч. 7. № 15) со стих. **«Прощанье» («Простите, милые досуги...»)** (С. 142—143; подпись *Е-ъ Б...скій*). Др. ред. — нет.

АВГУСТ, 24. Петербург. Андрей Шляхтинский, с которым Боратынский жил на одной квартире в Семеновских ротах (в доме В. Гижевского — см. 1818, ноябрь—дек.), переведен из л.-гв. Егерского полка штабс-капитаном в Орловский пехотный полк и, видимо, в ближайшие дни уедет из Петербурга. В связи с его отъездом Боратынский пишет в августе—сентябре (?) ему послание (вероятно, записано в альбом Шляхтинского): **«Пускай измаранный листок // Тебе напомнит о поэте!..»** (опубл. в «Сыне отечества»: 1819, дек., 2).

ИП. С. 337, 354.

АВГУСТ, после 24 — СЕНТЯБРЬ (?) — ДЕКАБРЬ. Петербург. Вероятно, после отъезда Шляхтинского Дельвиг переезжает на квартиру в дом В. Гижевского; или, может быть, Боратынский и Дельвиг снимают новую квартиру неподалеку от прежней — в Пятой роте Семеновского полка (ныне Рузовская ул.; точное расположение дома неизвестно). С совместным квартированием Боратынского и Дельвига в 1819 г. связаны их гекзаметры **«Там, где Семеновский полк, в Пятой роте, в домике низком...»** . См. также: 1821, май... 1822, июль (?); 1827, май 16.

ИП. С. 121, 354 (дата); *Шубин* 1985. С. 49—51; 314 (адрес квартиры Дельвига — Боратынского); ИВ. 1883. № 2. С. 468 (первая публикация стихотворения — с ошибочной атрибуцией Пушкину); *Гаевский* 1853. С. 40 (дата совместного квартирования с Дельвигом: 1821).

ОСЕНЬ. Новые хлопоты старших родственников о высочайшем прощении Боратынского. Или Александр I отказывает ходатаям за Боратынского, или сами ходатаи не решаются просить императора, советуя перейти из гвардии в армию с обычным для таких переводов повышением в чине (из рядовых — в унтер-офицеры). В результате Боратынский с нового года получил возможность перевестись под командование своего троюродного дядюшки Е. А. Лутковского — в Финляндию (см. 1820, янв., 4; янв., 11). — «Осенью <...> Лутковский получил извещение от родных об определении к нам Боратынского».

Коншин. Изд. 1958. С. 390 (цитата).

О непосредственной реакции Александра I на ходатайства о Боратынском мы знаем преимущественно по косвенным свидетельствам. Известны лишь два эпизода, рассказанные самим Боратынским во второй половине 1830-х гг.: «<...> офицерский чин не скоро мне дался, несмотря на некоторые протекции. Так, один раз меня поставили на часы во дворце, во время пребывания в нем покойного государя императора Александра Павловича. Видно, ему доложили, кто стоит на часах: он подошел ко мне, спросил фамилию, потрепал по плечу и изволил ласково сказать: *послужи!* В другой раз, когда у одного вельможи (Баратынский называл фамилию, но я ее не помню) умер единственный сын, и государь соблаговолил навестить огорченного отца, то последний стал просить государя — возвратить ему сына прощением меня, государь опять милостиво изволил отозваться*: рано, пусть еще немного послужит*» (*Кичеев* 1868. С. 870).

ДЕКАБРЬ, 2. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (1819. Ч. 58. № 49; вышел 6 декабря), где напечатано послание к А. И. Шляхтинскому с ошибкой в первой букве фамилии адресата: **«Т—му. (В Альбом)» («Пускай измаранный листок...»)** (С. 126; подпись *Е. Баратынскій*). Перепечатано с названием «Прощание» и изменением двух строк: Соревнователь. 1821. Ч. 15. Кн. 3. С. 338—339; без подписи — см. 1821, сент., 12. Др. ред.: «В Альбом» (Изд. 1827); «Тебе на память в книге сей...» (Изд. 1835); «Земляк! в стране чужой, суровой...» (Изд. 1884). Сочинено — см. выше: авг., 24.

ДЕКАБРЬ, 31. Петербург. Ираклий Боратынский выпущен из Пажеского корпуса прапорщиком в Конно-Егерский короля Виртембергского полк. С отъездом Ираклия связано стихотворение Боратынского **«Брату при отъезде в армию»** (опубл. в «Невском зрителе»: 1820, янв. 6; февр. 3).

ИП. С. 333.

ДЕКАБРЬ, 31. Петербург. Боратынский, Дельвиг, Кюхельбекер встречают новый год у П. Л. Яковлева.

См.: 1821, январь, 9 (21).

1820

Боратынский в Петербурге — до 11 (?) января; затем весь год в Финляндии (Фридрихсгам, Ликоловы казармы, Вильманстранд, поездки в Роченсальм и на Иматру, снова Фридрихсгам); 12—14 декабря — в Петербурге; с 20-х чисел декабря — в Маре. Может быть, в 10—20-х числах апреля Боратынский был в Петербурге и в Москве.

ЯНВАРЬ, 3. Петербург. Предписание бригадного командира великого князя Николая Павловича: «во исполнение высочайшей воли Его Императорского Величества» перевести рядового Боратынского из л.-гв. Егерского полка унтер-офицером в Нейшлотский пехотный полк, расквартированный в Финляндии (см. выше: 1819, осень, и ниже: янв., 11). — Вряд ли Александр I знал тогда, что Нейшлотским полком командует родственник Боратынского.

ИП. С. 148; 342; РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. № 275. Л. 27 об.—28.

ЯНВАРЬ, 6. Петербург. Ценз. разр. «Невскому зрителю» (1820. Ч. 1. № 1; вышел 3 февраля) со стихотворениями Боратынского **«Отрывки из поэмы: Воспоминания»** (С. 85—94; подпись *Е. Боратынскій*; вольный перевод из Легуве; др. ред. — нет); **«Брату при отъезде в армию» («Итак, беспечного досуга...»)** (С. 98—99; подпись *Е. Боратынскій*; адресат — брат Ираклий, см. 1819, дек., 31; перепечатано с исправлением пропущенных в «Невском зрителе» 5—6 строк и под названием «Б—му (при отъезде его в армию)»: Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 11. С. 117—118 (ц. р. 16 июня 1820). Др. ред.: «К Б*» — Новости литературы. 1823. Кн. 3. № 2. С. 28; «К **** при отъезде в армию» — Изд. 1827; «Итак, мой милый, не шутя...» — Изд. 1835); **«Элегия» («Ужели близок день свиданья...»)** (С. 99—100; подпись *Е. Баратынскій*; вероятный адресат — В. Н. Кучина; см.: М. С. VI. Др. ред.: «Ропот» — Изд. 1827; «Он близок, близок день свиданья...» — Изд. 1835); **«Эпиграмма» («Хоть глуповат подчас Дамон...»** (С. 103; подпись *Е. Б...ій.*). Др. ред.: «Эпиграмма» («Поэт Графов в стихах тяжеловат...») — Изд. 1827; «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...» — Изд. 1835). В 1827 г. адресатом «Эпиграммы» посчитал себя Д. И. Хвостов — см. 1827, ноябрь, 28.

ЯНВАРЬ, 11 (?). Петербург. Отъезд Боратынского во Фридрихсгам — к месту дислокации Нейшлотского пехотного полка, куда он переведен унтер-офицером (см. выше: янв., 3).

ИП. С. 148; РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. № 275. Л. 27 об.—28 (Журнал регистрации входящих документов л.-гв. Егерского полка, запись от 11 янв. 1820 г.: рапорт в Инспекторский деп-т Гл. штаба и отношение в Нейшлотский полк об отправлении Боратынского из Петербурга).

Вероятно, отъезжая в Финляндию, Боратынский надеялся на то, что по истечении года унтер-офицерской службы он получит чин офицера (наверное, его в том заверили те, кто о нем хлопотал). — С этой надеждой будут связаны осенние стихотворения 1820 г. — **«Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»** и **«Отъезд»**. О годовом отсутствии («Тоска разлуки годовой...») говорится и в сочиненной, видимо, перед отъездом в Финляндию или вскоре после отъезда **«Элегии»** (**«На краткий миг пленяет в жизни радость...»**) (Опубл. см.: 1820, февр., 3; 1821, май, 21. Др. ред.: «Разлука» — Изд. 1827; «Расстались мы; на миг очарованьем...» — Изд. 1835). Адресат «Элегии» неизвестен; предположение младших родственников Боратынского о том, что стихотворение обращено к В. Н. Кучиной (см.: М. С. VI), не подтверждается документально.

ЯНВАРЬ, между 11 и 18. Боратынский приезжает во Фридрихсгам, где расположен штаб Нейшлотского полка.

«<...> Мы стояли в Фридрихсгаме. — Однажды, пришед к полковнику <Лутковскому>, нахожу у него за обедом новое лицо, брюнета, в черном фраке, бледного, почти бронзового, молчаливого и очень серьезного. — В Финляндии, краю военных, странно встретить русского во фраке, и поэтому я при первой возможности спросил: что это за чиновник? Это был Боратынский <...>. — Лутковский нас свел; мы разговорились сначала про Петербург, про театр, про лицей и Пушкина, и наконец про литературу. Лицо Боратынского оживлялось поминутно, он обрадовался, что и здесь можно разделить себя, помечтать и поболтать. Часа через два, переговоря и то и другое, мы дружно обнялись» (*Коншин*. Изд. 1958. С. 390) Среди финляндских знакомых Боратынского в 1820 г. помимо Коншина — офицеры Нейшлотского, Петровского, Вильманстрандского, Выборгского полков: О. В. Аммонт, М. А. Бестужев-Рюмин, К. Г. Клеркер, Д. Х. Комнено, Лёвстрем, Д. А. Нордман, Г. А. Рамсе (Рамзай), И. Г. Хлуденев, О. В. Эссен (с Эссеном и Комнено Боратынский, вероятно, был слегка знаком в юности, ибо оба воспитывались в Пажеском корпусе). См.: *Амбус А. А.* Е. А. Баратынский в Финляндии // Русская филология. Тарту, 1963. Вып. 1.; *Вацуро* 1988.

ЯНВАРЬ, 18. Дата под посланием Боратынского **«К Кюхельбекеру» («Прости, Поэт! Судьбина вновь...»)** (опубл. в «Сыне отечества»: янв., 31).

Может быть, 18 января — день отъезда Боратынского из Петербурга в Финляндию, ибо дата под стихотворением — редкое для его поэзии явление, имеющее обычно принципиальное значение (ср. с датами при публикации стихотворений «Взгляни на звезды: много звезд...», «Фея», «Утешение»). — Ответы Кюхельбекера Боратынскому — стих. «Поэты» (см. март, 22) и послание «К Евгению» («С наморщенным челом, потухшими глазами...») (впервые опубл.: *Кюхельбекер*. Изд. 1939. С. 49).

ЯНВАРЬ, 19. Петербург. В Вольном обществе любителей российской словесности слушают доставленные Дельвигом стих. Боратынского: **«Послание к Д...гу»** (вероятно, **«Где ты, беспечный друг, где ты, о Дельвиг мой...»** — опубл. в «Невском зрителе»: март, 17) и **«Послание к К...ву»** (А. А. Крылову) (**«Любви веселой проповедник...»**) (опубл. 1820, апр., 30). Резолюция по стихам: «Послание к Д...гу» — «Одобрено. Избрано»; «Послание к К...ву» — «Исправлено. Избрано». Послание к Дельвигу связано с посланием Дельвига «Евгению» («Помнишь, Евгений, ту шумную ночь...»). — Последовательность сочинения посланий неизвестна.

Журн. ВОЛРС. С. 371 (дата); *Дельвиг А. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1887. С. 78 (впервые полностью опубл. послание «Евгению»). Рукопись «Соревнователя», где опубл. послание Крылову, доставлена в ценз. комитет 5.3.1820 (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 314. Л. 14 об.).

ЯНВАРЬ, 26. Петербург. Боратынский заочно принят в члены-корреспонденты Вольного общества любителей российской словесности.

Журн. ВОЛРС. с. 443; Отчет ВОЛРС за 1820 г. // ПД. Ф. 58. № 48. Л. 6 об.

ЯНВАРЬ, 31. Петербург. В «Сыне отечества» (1820. Ч. 59. № 5) опубл. стих. **«К Кюхельбекеру»** (С. 225; подпись *Ев. Баратынскій, 18 января 1820*). Др. ред. — нет.

ФЕВРАЛЬ (?). Фридрихсгам — Ликоловы казармы. Боратынский формально переведен в роту Н. М. Коншина (1-й батальон Нейшлотского полка), но и сейчас и впредь от повседневных полковых учений свободен. — «<...> Верстах в 15 от Фридрихсгама в пустынной каменистой дичи раскинуты казармы Ликоловские, где стояла рота, мне данная. Боратынский стал часто навещать меня и наконец разделял часто пополам свое время между трудами литературными и поездками сюда. Скоро образовалась между нами литературная дружба; его муза говорила со мной; он привез мне свой «Добрый совет» <«Живи смелей, товарищ мой...»; ответ Коншина: «Поэт, твой дружественный глас...» — см. ниже: февр.—авг.; ноябрь, 29>. — <...> Скоро Фридрихсгам ему наскучил; я выпросил его к себе в роту, мы поселились вместе<...>. Милого поэта скоро все узнали и оценили<...>. Наши старшины полюбили его как сына, круг просвещенный, и потому господствовавший, назвал его братом, а толпа, в должном расстоянии, окружила его уважением. Чувство к нему походило на любовь, со всей ее заботливостью, приязнь к поэту перешла даже в ряды полка: усатые служивые с почтительным радушием ему кланялись, не зная ни рода его, ни чина, зная лишь одно, что он нечто, принадлежащее к полковому штабу, и что он *Евгений Абрамович*».

Коншин. Изд. 1958. С. 390—391 (цитата); РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 22. № 246 (места дислокации штаба и батальонов Нейшлотского полка).

ФЕВРАЛЬ — МАРТ (?). Фридрихсгам — Ликоловы казармы. Сочинена элегия **«Финляндия»**. «Я помню один зимний вечер, на дворе была буря; внимающее молчание окружало нашего Скальда, когда он, восторженный, читал нам на торжественный распев, по манере, изученной у Гнедича, взятой от греков, принятой и Пушкиным и всеми знаменитостями того времени, — когда он пропел нам свой *гимн к Финляндии*».

Коншин. Изд. 1958. С. 392.

ФЕВРАЛЬ — АВГУСТ. Стихотворная переписка Боратынского и Коншина. *Боратынский*: **«Живи смелей, товарищ мой...»** (опубл. в «Сыне отечества»: 1821, июль, 11) — *Коншин*: «Поэт, твой дружественный глас...» (см. далее: 1820, ноябрь, 29); *Боратынский*: **«Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»** (опубл. в «Сыне отечества»: 1820, дек., 4) — *Коншин*: «Забудем, друг мой, шумный стан...» (см. далее: 1820, июль, 1; ноябрь, 29); *Боратынский*: **«Пора покинуть, милый друг...»** (опубл. в «Соревнователе», см. 1821, авг., 8) — *Коншин*: «Куда девался мой поэт?..» (см. далее: 1820, авг., 1; сент. 17).

О хронологии посланий см.: *Вацуро* 1988. С. 158—159; Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 350—352; ИП. С. 355. Может быть, ответом на последнее послание Коншина было стих. **«Чувствительны мне дружеские пени...»** (предположение В. Э. Вацуро).

ФЕВРАЛЬ, 3. Петербург. Вышел «Невский зритель» (1820. Ч. 1. № 1) со стих. Боратынского (см. выше: янв., 6).

Цявловский 1991. С. 158 (дата).

ФЕВРАЛЬ. 3. Петербург. В ценз. комитет поступила рукопись «Соревнователя» (1820. Ч. 9. № 2), где опубл. стих. **«Элегия» («На краткий миг пленяет в жизни радость...»)** (С. 196; подпись *Баратынскій*).

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 314. Л. 9 об.

ФЕВРАЛЬ, 11. Петербург. Ценз. разр. «Невскому зрителю» (1820. Ч. 1. № 2; вышел 16 марта) со стих. Боратынского **«К Девушке, которая на вопрос: как ее**

зовут, отвечала: не знаю» (С. 93; подпись *Е. Баратынскій*). Др. ред.: «Девушке, которая на вопрос: как ее зовут? отвечала не знаю» — Изд. 1827; «Не знаю? Милая Незнаю!..» — Изд. 1835.

ФЕВРАЛЬ, 23. Петербург. В Вольном обществе любителей российской словесности слушали стих. Боратынского **«Послание к Л...»** (стих. **«Лиде»**; опубл. в «Сыне отечества»: 1821, март, 1). — Резолюция: «Одобрено. Избрано». Адресат — финляндская знакомая Боратынского Елизавета Куприянова (?).

Журн. ВОЛРС. С. 373 (дата); М. С. VI (адресат).

МАРТ, 1. Петербург. В заседании Вольного общества любителей российской словесности В. Н. Каразин читает речь «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России» (издана отдельной брошюрой: ценз. разр. 3 марта 1820 г.), в которой осуждает «соблазнительные элегии», «стишки в альбом» и прочую поэзию, не преследующую «возвышенной цели». — Свою речь Каразин представляет через несколько дней министру внутренних дел В. П. Кочубею, сопроводив текст примечаниями, «для <Вольного> общества предосудительными». — См. далее: март, 15.

Базанов 1964. С. 123—124, 134.

МАРТ, 5. Петербург. В ценз. комитет поступила рукопись «Соревнователя» (1820. Ч. 9. № 3) со стих. **«К—ву»** <А. А. Крылову> **(«Любви веселой проповедник...»)**. См. янв., 19; апр., 30.

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 314. Л. 14 об.

МАРТ, 15. Фридрихсгам. Дата под элегией **«Заснули рощи над потоком...»** — см. ниже: март, 17; апр., 13.

МАРТ, 15. Петербург. В заседании Вольного общества любителей российской словесности обсуждается речь Каразина 1 марта; факт отсылки ее к министру внутренних дел расценен многими участниками заседания крайне негативно, а сама речь в протоколе заседания названа «оскорбительным для Общества рассуждением». Каразин, а вслед за ним В. Г. Анастасевич, А. П. Гевлич, И. Н. Лобойко, А. Ф. Рихтер, Д. В. Сахаров, Б. М. Федоров и Н. А. Цертелев покинули заседание. — Видимо, на этом же заседании была прочитана или представлена в письменном виде речь М. Н. Загоскина в поддержку Каразина (текст этой речи сохранился, в отличие от речей других выступавших). Загоскин, в частности, сделал еще более резкий выпад против «союза поэтов», сказав, что «публика просвещенная» не хотела бы «встречать в журнале, издаваемом не частным человеком, но целым обществом, похвалы пьянству, неге и сладострастию» (имеется в виду журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» — печатный орган Вольного общества любителей российской словесности). — Впоследствии те же мотивы будут встречаться в критике «союза поэтов» со стороны писателей круга «Благонамеренного» (см.: 1822, осень).

Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 124—125 (речь Загоскина); 133—134 (протокол заседания ВОЛРС от 15.3.1820).

МАРТ, 16. Петербург. Вышел «Невский зритель» (1820. Ч. 1. № 2) со стих. Боратынского **«К Девушке, которая на вопрос, как ее зовут, отвечала: не знаю»** (см. выше: февр., 11).

МАРТ, 17. Петербург. Ценз. разр. «Невскому зрителю» (1820. Ч. 1. № 3; вышел 13 апреля) со стих. Боратынского: **«Послание к б... Дельвигу»** (С. 56—59; подпись *Е. Баратынскій*; см. также: 1820, янв. 19; др. ред.: «Делию» — Изд. 1827; «Где ты, беспечный друг...» — Изд. 1835); в разделе «Элегии»: **«Заснули рощи над потоком...»** (С. 54—55; подпись *Евгеній Баратынскій. Фридрихсгам. 15 марта 1820*;

др. ред.: «Элегия» («Дремала роща над потоком...» — см. 1821, июль, 4 (СО. 1821. Ч. 71. № 27); «Утешение» («Свободу дав тоске моей...») — Изд. 1827; «Подражание Лафару» — Изд. 1835).

МАРТ, до 22. Петербург. Дельвиг представляет в цензурный комитет Вольного общества любителей российской словесности стих. «Поэт» («Что до богов?..») (впервые опубл.: Дельвиг. Изд. 1922. С. 33), а Кюхельбекер — стих. «Поэты» (см. ниже: март, 22).

Цявловский 1991. С. 201.

МАРТ, 22. Петербург. В заседании Вольного общества любителей российской словесности слушали стихотворение Боратынского **«Весна (Элегия)» («Мечты волшебные, вы скрылись от очей...»)** (опубл. в «Соревнователе» 1820, май, 21). — Резолюция: «Одобрено. Избрано». — В этом же заседании Кюхельбекер читает свое стих. «Поэты» (опубл. тогда же), в котором говорится о Пушкине, Боратынском, Дельвиге, а их дружеский круг назван «союзом поэтов» (строки, обращенные к друзьям, и их политическую интерпретацию см. в доносе Каразина: 1820, июнь, 4).

Журн. ВОЛРС. С. 375.

АПРЕЛЬ, 2. Петербург. Каразин посылает министру внутренних дел Кочубею донос на Пушкина и «лицейских питомцев».

Базанов 1964. С. 175—177.

АПРЕЛЬ, 2 — МАЙ, 4. Петербург. По доносу Каразина над Пушкиным учинено недолгое следствие, и ему грозит ссылка в Соловки или в Сибирь; после заступничества Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева и др. ссылка заменена служебным переводом в Кишинев (см. далее: май 6 или 9).

Цявловский 1991. С. 200—209.

АПРЕЛЬ, 8. Петербург. В Вольном обществе словесности, наук и художеств слушают стих. А. Бестужева (Марлинского) «К некоторым поэтам» (опубл. 18 апреля: Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 7. С. 56—58; подпись: *А. Ма—ий. 1819*), отчасти задевающее дружеский круг Боратынского — Дельвига — Пушкина — Кюхельбекера: «<...> В таланты жалуют, бессмертие дают; // А Гениев у нас и куры не клюют!» (см. в послании Боратынского «Дельвигу» — 1819, июль, 29: «И теперь меня в мундире // Гений мой не узнает»).

АПРЕЛЬ, 13. Петербург. Вышел «Невский зритель» (1820. Ч. 1. № 3) со стих. Боратынского **«Послание к б... Дельвигу»** и элегией **«Заснули рощи над потоком...»** (см. 1820, март, 17).

Могилянский 1956. С. 392 (дата).

АПРЕЛЬ, около 19 (?). Может быть, Боратынский приезжает на короткое время в Петербург (см. апр., 19). Может быть даже, он ехал в Москву — прощаться с дядюшкой Богданом Андреевичем (см. апр., 23).

АПРЕЛЬ, 19. Петербург. В «Журнале ученых упражнений» Вольного общества любителей российской словесности отмечено, что Боратынский присутствовал в этот день на заседании общества, где были представлены два его стихотворения: **«Финляндия»** (опубл.: Соревнователь. 1820. Ч. 10. № 5. Ц. р. 17.4.1820. С. 168—170; подпись *Баратынскій*; др. публикация с разночтениями — в «Сыне отечества»: 1821, май, 24; др. ред.: Изд. 1827; Изд. 1835) и **«Мадригал Финским красавицам»** (опубл. под заглавием **«Финским красавицам»** — Там же. С. 186; подпись *Баратынскій*; др. ред. — нет). — Оба стих. «одобрены» и «избраны». Кроме Боратынского в заседании «присутствовали: председатель — Ф. Н. Глинка; члены — А. Д. Боровков, А. А. Никитин, И. А. Гарижский, И. Д. Боровков, А. А. Дельвиг,

П. А. Плетнев, Е. П. Люценко, М. М. Сонин, П. И. Кеппен, В. К. Бриммер, Ф. Ф. Папкович, В. К. Кюхельбекер, М. Н. Загоскин, граф Ф. П. Толстой, А. А. Владиславлев, И. И. Брыков, В. И. Брайкевич».

Журн. ВОЛРС. С. 376—377.

АПРЕЛЬ, 23. Москва. Умер Богдан Андреевич Боратынский.

АПРЕЛЬ, 30. Петербург. Ценз. разр. «Соревнователю просвещения и благотворения» (1820. Ч. 9. № 3) со стих. **«К—ву»** <А. А. Крылову> **(«Любви веселой проповедник...»)** (С. 327; подпись *Баратынскiй*). Др. ред. — нет. См. выше: янв., 19.

МАЙ, 6 или 9. Пушкин уезжает из Петербурга в южную ссылку (формально он переведен по службе).

Цявловский 1991. С. 209 (6 мая), 656 (9 мая — дата, предполагаемая С. А. Фомичевым).

МАЙ, 10—14. 1-й и 3-й батальоны Нейшлотского полка переходят в окрестности Вильманстранда в летний палаточный лагерь на берегу озера Сайма.

ИП. С. 163; 355; РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 21. № 246. Л. 8—9.

МАЙ, 15 — ИЮЛЬ, 1. Лебединое поле близ Вильманстранда. Боратынский находится здесь во время пребывания в летнем лагере войск Отдельного Финляндского корпуса (в состав которого входит Нейшлотский полк). — Видимо, здесь написана элегия **«Уныние» («Рассеивает грусть веселый шум пиров...»)** (опубл. в «Сыне отечества» 1821, янв., 11), о чем свидетельствует одно из названий стих. в копии Н. Л. Боратынской: «Лагерь» («Рассеивает грусть пиров веселый шум...») (опубл. Изд. 1884) и строка из текста: «Шатры над озером дремали». — «<...> Настала весна. Засыпанный снегами скелет Финляндии встал в каменной торжественности и поразил поэта своим диким великолепием. Снега, обратясь в воду, сбежали быстро в трещины скал; в месяц все было уже сухо, и смолистый лес благоухал на ярком солнце. Мы выступили в лагерь, в Вильманстранд, город, полный воспоминаний: тут дрались русские при Петре; недалеко от гласиса стоит верста, исстрелянная пулями старого времени, и как драгоценность охраняемая <...> Боратынскому понравились и оставленные валы крепости, и ее воспоминания, и новизна походной жизни, и картина лагеря — *полотняного города*, выросшего на пустынных берегах Сайма. Он сознавался, что в жизни еще не имел такого поэтического лета, что чувствует себя как бы перенесенным в мир баснословной старины с его колоссальными размерами и силы и страсти».

Коншин. Изд. 1958. С. 392—393 (цитата); РГВИА. Ф 37. Оп. 1/191. Св. 21. № 246. Л. 8,9 (дата).

МАЙ, 21. Петербург. Вышел «Соревнователь просвещения и благотворения» (1820. Ч. 10. № 4. Ценз. разр. 5 апреля) со стих. **«Весна (Элегия)» («Мечты волшебные, вы скрылись от очей...»)** (С. 88—89; подпись *Баратынскiй*). Др. ред. — нет. — В этом же номере «Соревнователя» опубл. «Поэты» Кюхельбекера.

Могилянский 1956. С. 392 (дата). См. также: март, 22.

ИЮНЬ, 4. Петербург. Письмо В. Н. Каразина к министру внутренних дел с обвинениями «союза поэтов» в безнравственности и неблагонадежности: «<...> я хотел было показать места в нескольких нумерах наших журналов, имеющих отношение к высылке Пушкина <...>. Безумная эта молодежь хочет *блеснуть* своим неуважением правительства. — В IV № «Соревнователя» <см. выше: май, 21> на стр. 70-й Кюхельбекер, взяв эпиграфом из Жуковского: «И им (т. е. государю, министру и так далее!) не разорвать венка, // Который взяло дарованье!..» — восклицает к своему лицейскому сверстнику:

О Дельвиг, Дельвиг! что награда
И дел высоких и стихов?
Таланту что и где отрада
Среди злодеев и глупцов?

Хотя надпись сей пиесы просто: *Поэты*, но цель ее очень видна из многих мест, например:

В руке суровой Ювенала
Злодеям грозный бич свистит
И краску гонит с их ланит,
И власть тиранов задрожала! (стр. 76)
О Дельвиг, Дельвиг! Что гоненья?
Бессмертие равно удел
И смелых, вдохновенных дел
И сладостного песнопенья! —
Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый
И в счастьи и в несчастьи твердый,
Союз любимцев вечных муз!
О вы, мой Дельвиг, мой Евгений (Баратынский)
С рассвета ваших тихих дней
Вас полюбил небесный Гений!
И ты, наш юный Корифей,
Певец любви, певец Руслана! (Пушкин)
Что для тебя шипенье змей,
Что крик и филина и врана? (В конце 77-й и на 78-й стр.)

Поелику эта пьеса была читана в Обществе непосредственно после того, как высылка Пушкина сделалась гласною <ошибка или ложь — см. выше: март, 22; апрель, 2 — май, 4>, то и очевидно, что она по сему случаю была написана (Кюхельбекер, изливая приватно свое неудовольствие, называл государя *Тиберием*... В чете наимилосерднейшей нашел Тиберия — безумец!) В № IV «Невского зрителя» <вышел 18 мая> Пушкин прощается с Кюхельбекером. Между прочим...

Прости... где б ни был я: в огне ли смертной битвы
При мирных ли брегах родимого ручья
Святому братству верен я!

Сия пьеса, которую Ваше сиятельство найдете на стр. 66-й упомянутого журнала, чтобы отвратить внимание цензуры, подписана якобы 9-м июня 1817-го года. — Нравственность этого *святого братства и союза* (о котором я предварял) Вы изволите увидеть из других №№, при сем приложенных: как то из «Благонамеренного» <1819. Ч. 7. № 15 — см. 1819, авг., 20>, страницы 142-й, в пьесе Баратынского «Прощанье» <«Простите, милые досуги...»>, из «Невского зрителя», книжки III <см. выше: март, 17; апр., 13>, стр. 56-й, «Послание» <«Послание к б... Дельвигу» Боратынского>. — Чтобы не утомлять Ваше сиятельство более сими вздорами, вообразите, что все это пишут и печатают бесстыдно не развратники, запечатленные уже общим мнением, но молодые люди, едва вышедшие из царских училищ, и подумайте о следствиях такого воспитания! Я на это, на это только ищу обратить внимание Ваше <...>»

РС. 1899. Т. 98. № 5. С. 277—279.

ИЮЛЬ, 1. Вильманстранд. 1-й и 3-й батальоны Нейшлотского полка выступают из летнего лагеря, с чем связано послание Коншина к Боратынскому: «Забудем, друг мой, шумный стан...» См. выше: февр. — авг.; ниже: ноябрь, 29.

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 21. № 246. Л. 9.

ИЮЛЬ, после 1. По окончании летнего лагеря в Вильманстранде Боратынский и Коншин едут смотреть водопад Иматру. — «В Финляндии есть чудо: это водопад *Иматра*, река Вокса, суженная гранитными берегами, с оторванным дном, летит в бездну. После лагеря мы поехали посмотреть этого водопада. Долго стоял поэт над оглушающей пропастью, скрестя руки на груди»

Коншин. Изд. 1958. С. 393. Может быть, именно тогда Боратынский процарапывает на одном из камней свое имя. «На некоторых береговых камнях написаны были разные имена, и одно из них было милое и нам всем знакомое Евгения Абрамовича Баратынского» (*Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 61). Вероятно, именно после этой поездки Боратынский сочиняет **«Водопад»** (см. далее: 1821, май, 16).

АВГУСТ, 1. Валькиала. Дата и место, указанные Коншиным при публикации его послания к Боратынскому «Куда девался мой поэт?..» (см. выше: февр.—авг. и ниже: сент., 17).

СЕНТЯБРЬ (?). Поездка Боратынского и Коншина в Роченсальм: «Боратынскому оставалось увидеть открытое море, и потому осенью поехали мы в *Роченсальм*. Погода была ветреная, и когда мы взобрались на прибрежные скалы, море играло во всей красоте своей. «Прекрасно», — воскликнул поэт и умолк <...>. Он сел при подошве огромной башни маяка и долго любовался на торжественное явление».

Коншин. Изд. 1958. С. 393.

СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, начало месяца. Боратынский во Фридрихсгаме — где расположен штаб Нейшлотского полка, в Ликоловых казармах — где размещен штаб 1-го батальона, в Валькиале — где квартируют роты 1-го батальона. — В это время завершена работа над поэмой **«Пиры»** (см. далее: дек., 13) и написаны стих. **«Родина» («Я возвращусь к вам, поля моих отцов...»)** (опубл. в «Сыне отечества»: 1821, февр., 1) и **«Отъезд» («Прощай, отчизна непогоды...»)** (опубл. в «Соревнователе» — см.: 1821, авг., 8). — «Питая надежду на скорое производство в офицеры, он обнаруживал смело перед нами желание тотчас оставить службу и поселиться дома<...>. Я не знавал человека, более привязанного к месту своего рождения; он, как швейцарец, просто одержим был этой, почти неизвестной у нас болезнью, которую французы называют mal du pays <тоска по родине>. <...> Стихотворение, написанное им во время осенних дождей и дорожных сборов, посвящено Родине <«Я возвращусь к вам...»> <...> — Почти убежденный в том, что не воротится в Финляндию, он обратил к ней прощальную песнь свою, грустную, как осеннее небо, над ним тяготевшее: — Прощай, отчизна непогоды...».

Коншин. Изд. 1958. С. 393—394 (цитата); РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 22. № 246. Л. 31, 40 (места дислокации штаба и батальонов Нейшлотского полка).

СЕНТЯБРЬ, 8. Кюхельбекер уехал из Петербурга во Францию в качестве секретаря А. Л. Нарышкина.

СЕНТЯБРЬ, 17. Петербург. Вышел «Благонамеренный» (1820. Ч. 11. № 17) со стих. Коншина, адресованным Боратынскому: «Куда девался мой поэт?..» (С. 329 с пометой: *1 августа 1820. Кирхшпиле Валькиала*). См. выше: февр.—авг.

ОКТЯБРЬ, 28 (НОЯБРЬ, 9). Дрезден. Дата и место, названные в путешественных записях Кюхельбекера (о его отъезде см.: сент., 8), где говорится о Боратынском: «Вчерашний день разделил я между двумя женщинами уже не молодых лет, но до сих пор пленяющих своею любезностию: до семи я был у М. А. О<доев>ской, а потом у госпожи фон дер Реке. О<доев>ская обворожила меня своим разговором и беспрестанно напоминала мне нашего Евгения: она выражается со-

вершенно как он, употребляет почти те же слова, переходит с тою же легкостию от предмета к предмету».

Опубл.: Мнемозина. 1824. Ч. 2 (ц.р. 14.4.1824): Отрывки из путешествия: Письмо XVIII.

НОЯБРЬ, 10 (22). Веймар. Дата и место, названные в путешественных записках Кюхельбекера, где сказано о Боратынском: «Между городками Наумбургом и Вейзенфельдом в первый раз в жизни увидел я утесы и каменные горы. Их вершины покрыты теперь снегом: прекрасные виды Тюрингена являлись мне не живописными картинами, а рисунками; признаюсь, это стеснило мою душу, и меня утешила единственно мысль, что мое воображение получает точно те же впечатления, какие теперь в снежной утесистой Финляндии живят и питают поэзию моего Б...».

Опубл.: Мнемозина. 1824. Ч. 1 (ц.р. — 17.1.1824): Отрывки из путешествия: Письмо XXII.

НОЯБРЬ, 22. Петербург. В Вольном обществе любителей российской словесности «слушали в прозе» сочинение Боратынского **«О заблуждениях и истине»** (опубл. в «Соревнователе»: 1821, март, 25... 31). — «Одобрено. Избрано».

Журн. ВОЛРС. С. 388.

НОЯБРЬ, 29. Петербург. В Вольном обществе любителей российской словесности слушали «соч. неизвестного» (Н. М. Коншина): «Баратынскому (при выступлении из лагеря в деревню)» («Забудем, друг мой, шумный стан...») (опубл.: Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 352) и «Баратынскому (ответ)» («Поэт, твой дружественный глас...») (опубл. в «Соревнователе» — см. 1821, янв., 23); см. также: 1820, февр.—авг.).

Журн. ВОЛРС. С. 389.

ДЕКАБРЬ, 4. Петербург. Вышел «Сын отечества» (1820. Ч. 66. № 49) с посланием Боратынского **«К Коншину»** (с. 130—131; подпись *Е. Баратынскій. Фридрихсгам*). С разночтениями опубл.: **«К—ну»** — Изд. 1827; «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...» — Изд. 1835. См. также: 1820, февр.—авг.

ДЕКАБРЬ, 11. Начало отпуска Боратынского (до 1 марта 1821).

См. его офиц. документы: 1825, дек., 27; 1831, июль, 26.

ДЕКАБРЬ, около 12. Боратынский приезжает в Петербург, видимо, вместе со своим полковником Лутковским.

Санкт-Петербургские ведомости. 1820. 17 дек. № 101 (сообщение о приезде в Петербург Е. А. Лутковского).

ДЕКАБРЬ, 13. Петербург. Боратынский присутствует в собрании Вольного общества любителей российской словесности, где слушают его стихи (в чьем исполнении — неизвестно): **«Пиры»** (опубл. в «Соревнователе»: 1821, март, 25... 31) и **«Дельвигу»** (может быть: «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...») (опубл. в «Соревнователе»: 1821, сент., 30; см. также: 1821, июнь (?)...июль 1822; 1821, сент., 17). — Оба сочинения «одобрены» и «избраны». — Кроме Боратынского в собрании «присутствовали: председатель — Ф. Н. Глинка; члены — П. А. Плетнев, А. А. Никитин, М. М. Сонин, барон А. А. Дельвиг, Е. П. Люценко, П. И. Кеппен, В. К. Бриммер, А. Ф. Рихтер, М. Е. Лобанов, Д. С. Меньшенин, А. А. Бестужев, И. К. Аничков, В. И. Брайкевич, К. К. фон Гольстен, Я. Г. Ковалев, Г. А. Шверин».

Журн. ВОЛРС. С. 390.

ДЕКАБРЬ, после 13. Боратынский уезжает из Петербурга в Мару (до февраля 1821). — Полковник Лутковский представляет унтер-офицера Боратынского к

производству в прапорщики (Александр I отказывает в производстве; далее см. 1821, февр., конец месяца — март, до 12).

ИП. С. 167—168.

1821—1822(?)

Видимо, в это время Боратынский переводит фрагменты из «Гения Христианства» Шатобриана — в алфавитном порядке: **«Астрономия»**, **«Естественная История. Потоп»**; **«Логография и происшествия исторические, доказывающие истину Библейской хронологии»**; **«Общее обозрение Вселенной»**; **«О Вере»**, **«О колоколах»**, **«О Надежде и Любви»**, **«Пороки и Добродетели, согласно с учением Религии»**; **«Таинство Елеосвящения»** **«Юность и старость Земли»** (опубл. в «Сыне отечества», «Новостях литературы» и «Славянине» — см. 1821, апр., 1; 1822, авг., 11; авг., 26; дек., 27; 1826, апр., 6; 1830, февр.).

Атрибуцию переводов, сделанную М. Л. Гофманом и Г. Хетсо, см.: Изд. 1914—1915. Т. 2. С. VI; *Хетсо*. С. 271—272.

1821(?) — 1824(?)

Написаны стих. **«Элизийские поля»** («Елисейские поля») (опубл.: Полярная звезда. 1825, март, 20); **«Товарищам»** (опубл.: Изд. 1827; в Изд. 1835 без загл.: «Так, отставного шалуна...»; др. ред.: «Отставного шалуна...» — Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 268—269) и куплеты (совместно с Дельвигом) **«Наш приятель, Пушкин Лёв...»** (опубл.: Русский вестник. 1842. № 1. С. 22; без подписи).

Письмо Боратынского к Козлову, 1825, март, после 29 — апр., нач. (дата «Элизийских полей»: ок. 1821); *Купреянова* 1957. С. 341; *Фризман* 1982. С. 597 (дата «Товарищам»: 1821); Пушкин и его совр. Пг., 1915. Вып. 21/22. С. 42; *А. И. Дельвиг*. Изд. 1930. Т. 1. С. 73—74, 502 (атрибуция куплетов «Наш приятель, Пушкин Лёв...»).

1821

Боратынский в отпуске (до 1 марта). Живет в Маре: до февраля; в Петербурге: конец февраля — начало марта (?); во Фридрихсгаме: март — середина апреля; в Петербурге — с мая до конца года.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ. Середина месяца (?). Боратынский живет в Маре (с конца декабря 1821 г.).

Единственное свидетельство о его пребывании здесь в это время — воспоминания А. П. Беляева, гостившего в имении В. А. Недоброво Васильевка, недалеко от Мары: «Поэт Евгений Абрамович Баратынский в этот год приезжал из Петербурга. Другие его братья <Ираклий и Лев> служили в каком-то кавалерийском полку юнкерами, вместе с младшими

Недоброво. Все они в этом году бывали в Васильевке и участвовали во всех танцах, играх и общем веселом настроении» (*Беляев А. П.* Воспоминания <...> // РС. 1880. Т. 29. № 12. С. 831).

ЯНВАРЬ. Дата под акварельным рисунком Боратынского (водопад): *«1821. Генваря. E. B<oratinsky>».*

Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 88—89 (первая публ.). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5. Л. 33 (альбом «Tendresse»).

ЯНВАРЬ, 9 (21). Марсель. Дата и место, названные Кюхельбекером в «Отрывках из путешествия по южной Франции»: «Когда встречали мы 1820 год, если не ошибаюсь, у Я<ковлева> и за здоровье своих друзей осушали бутылки шампанского, мы не подозревали, что наш хозяин увидит 1821 год в пустынной Бухарии; Б<оратынский> в суровой Финляндии, а я под благословенным небом древней Массилии. Ты один еще в С.-Петербурге, Д<ельвиг>, любезный внук Аристиппа и Горация».

Кюхельбекер. Изд. 1979. С. 47.

ЯНВАРЬ, 11. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (1821. Ч. 67. № 3; вышел 15 января) со стих. Боратынского **«Уныние»** (С. 128—129; подпись *Е. Баратынскій*; см. также: 1820, май, 15 — июль, 1). С разночтениями опубл.: «Уныние» — Изд. 1827; «Рассеивает грусть веселый шум пиров...» — Изд. 1835; «Лагерь» — Изд. 1884.

ЯНВАРЬ, 23. Петербург. Вышел «Соревнователь просвещения и благотворения» (1821. Ч. 12. Кн. 12) со стих. Коншина «Боратынскому. Ответ» («Поэт, твой дружественный глас...») (С. 324; без подписи; с пропуском четырех строк; опубл. полностью: Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 351).

Могилянский 1956. С. 392 (дата).

ФЕВРАЛЬ, 1. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (Ч. 67. № 6; вышел 5 февр.) со стих. **«Сельская элегия»** (С. 274—276; подпись *Баратынскій*). Др. ред.: «Родина» — Изд. 1827; «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...» — Изд. 1835; «Деревня» — Изд. 1869. См. также: 1820, сент.—дек.

ФЕВРАЛЬ, 15. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (Ч. 68. № 8; вышел 19 февраля) со стих. **«Больной»** (С. 37; подпись *Баратынскій*). Др. ред. — нет.

ФЕВРАЛЬ, 20-е числа (?). Боратынский в Петербурге проездом из Мары во Фридрихсгам. Видимо, в это время он знакомится с С. Д. Пономаревой, записывает в ее альбом стих. **«Когда б вы менее прекрасной...»** (автограф: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45. Л. 47; впервые опубл.: *Дризен* 1894. С. 438 с загл. «В альбом»), а также, вероятно, пишет еще два послания к ней: **«Приманкой ласковых речей...»** (см. 1821, март, 7; 1823, окт., 30) и **«Вы слишком многими любимы...»** (см. 1821, март, 7; 1823, февр.—дек.).

ФЕВРАЛЬ, 28. Петербург. В собрании Вольного общества любителей российской словесности Н. И. Гнедич читает поэму Боратынского **«Пиры»** (опубл. в «Соревнователе»: 1820, март, 25... 31).

Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № 4. С. 251—252 (отчет о собрании ВОЛРС).

ФЕВРАЛЬ, конец месяца — МАРТ, до 12. Новые попытки старших родственников Боратынского и их знакомых выхлопотать Боратынскому офицерский чин, ввиду отказа Александра I на представление Лутковского (см. 1820, дек., после 13). Видимо, старинная подруга Александры Федоровны А. Н. Бантыш-Каменская обращается за помощью к С. С. Уварову (тогда президенту Академии наук), и Уваров, очевидно, обещает свое ходатайство перед императором, но просит, чтобы ему предоставили краткие сведения о Боратынском (см. далее: март, 12).

МАРТ — АПРЕЛЬ. Кишинев. Пушкин пишет послание «Баратынскому. Из Бессарабии» (опубл. в «Северных цветах» — см. 1826, апрель, 7).

Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832 // ПИМ. Т. 12. Л., 1986. С. 234 (дата).

МАРТ, 1. Окончился отпуск Боратынского (с 11 декабря 1820). Его местопребывание в конце февраля — начале марта 1821 г. неизвестно. Может быть, он еще оставался в Петербурге числа до 12 марта (когда было написано прошение к Уварову); вероятнее, уже отбыл во Фридрихсгам, где квартировали штаб и две роты 1-го батальона Нейшлотского полка.

О времени отпуска см. офиц. документы: 1825, дек., 27; 1831, июль, 26. О дислокации Нейшлотского полка: РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 24. № 282. Л. 2.

МАРТ, 1. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (Ч. 68. № 10; вышел 5 марта) со стих. **«Лиде»** (С. 133—134; подпись *Баратынскій*; др. ред.: «Лиде» — Изд. 1827; «Твой детский вызов мне приятен...» — Изд. 1835; адресат — финляндская знакомая Елизавета Куприянова? — М. С. VI) и **«Русская песня» («Страшно воет, завывает...»)** (С. 134—135; подпись *Баратынскій*; с разночтениями перепечатано: «Русская песня» — Изд. 1827; «Песня» — Изд. 1835).

МАРТ, 7. Петербург. В Вольном обществе любителей российской словесности слушали стих. Боратынского: **«Бдение» («Один, с любимою мечтою...»**; опубл.: Соревнователь. 1821. Ч. 14. № 1; ценз. разр. 7 марта. С. 61—62; подпись *Е. Б.*; др. ред.: «Тоска» («Один за чашею пуншевою...») см. 1821, июнь, 15 (Рецензент. 1821. № 23); 1822, янв., 21 (РИ. 1822. № 18), «Бдение» («Один, и пасмурный душою...») — Изд. 1827; «Один, и пасмурный душою...» — Изд. 1835); **«В альбом»** — вероятно: **«Вы слишком многими любимы...»** (опубл.: Там же. С. 65; подпись *Е. Б.*; др. ред.: «В альбом» — Изд. 1827; в Изд. 1835 не включено; адресат — С. Д. Пономарева; переадресовано А. В. Лутковской — см. 1823, февр.—дек.?); **«К К...о»** <«К Калипсо»> **(«Приманкой ласковых речей...»)** (опубл. в «Новостях литературы»: 1823, окт., 30; адресат — С. Д. Пономарева). — О знакомстве с С. Д. Пономаревой см. выше: февр., 20-е числа (?).

Журн. ВОЛРС. С. 394 (дата); *Вацуро* СДП. С. 69 (расшифровка названия « К К...о»).

МАРТ, 12. Фридрихсгам. Боратынский пишет письмо к президенту Академии наук С. С. Уварову, обещавшему ходатайствовать перед императором о присвоении Боратынскому офицерского чина (на рус. яз.): «Ваше превосходительство милостивый государь Сергей Семенович. — Вы приказали доставить Вам записку об унтер-офицере Боратынском — с благодарностью исполняю Ваше приказание.— Боратынский по выключении своем из пажеского корпуса вступил солдатом в гвардейский полк; через год произведен в унтер-офицеры и переведен в Нейшлотский пехотный. Теперь представлен своим начальством <Е. А. Лутковским> в прапорщики, но производство его зависит от высшего начальства. — Вот все, что до него касается — следует то, что касается и Вашего превосходительства: возвратить человеку имя и свободу; возвратить его обществу и семейству; отдать ему самобытность, без которой гибнет душевная деятельность; одним словом: воскресить мертвого. — Все это Вы сделаете и все это Вам возможно сделать. Я бы не осмелился говорить таким образом, ежели б Анна Николаевна <Бантыш-Каменская> не заставила меня почти веровать в Ваше превосходительство. — Приобщите к числу тех, которые Вам обязаны, еще одного благодарного. — С глубочайшим почтением — честь имею быть Вашего превосходительства, — милостивый государь, покорнейшим слугою — Евгений Боратынский. — 1821-го года — марта 12 дня».

Хетсо. С. 582. Автограф — ГИМ. Ф. 17. № 66. Л. 26. Судя по тому, что Боратынский не был произведен в офицеры, Александр I отказал Уварову. — «Отказ о производстве

ожесточил его, сколько добрая, младенческая душа его умела роптать, он роптал и досадовал» (*Коншин*. Изд. 1958. С. 394).

МАРТ, 25... 31. Петербург. Вышел «Соревнователь просвещения и благотворения» (1821. Ч. 13. № 3. Ценз. разр. 31 января 1821), где опубл. **«Пиры»** (С . 385—394; подпись *Е. Баратынскiй*; др. ред.: ЭиП; Изд. 1835) и **«О заблуждениях и истине»** (с. 25—26; подпись *Баратынскiй*; др. ред. — нет).

Цявловский 1991. С. 266 (дата).

МАРТ, 28. Петербург. Боратынский заочно переведен из членов-корреспондентов в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности, о чем уведомлен письмом секретаря общества А. А. Никитина: «Общество, отдавая должную справедливость трудам и усердию вашему и найдя представленные вами ученые произведения достойными особенного уважения, в заседание свое от 28 марта сего года, произвело вас на основании § 26 и 37 первой части Устава в Действительные Члены, будучи уверено, что вы в сем новом и важном звании потщитесь усугубить ревность свою в трудах сего сословия и оправдаете то выгодное мнение, какое оно о вас имеет. — Поставляя долгом известить о сем постановлении, я имею честь приветствовать вас с вступлением в теснейший круг людей, связуемых дружбою и взаимною доверенностию». — Ответ Боратынского см. ниже: апр., до 13.

Журн. ВОЛРС. С. 443; Отчет ВОЛРС за 1821 г. // ПД. Ф. 58. № 49. Л. 5 об. (дата); *Вейс* 1960. С. 307; Исходящий журнал ВОЛРС за 1821 г. // ПД. Ф. 58. № 20. Л. 31—31 об. (текст письма Никитина).

АПРЕЛЬ, 3. Кишинев. Пушкин записывает в дневнике по поводу прочитанного в «Сыне отечества» (см. выше: март, 1) стих. Боратынского «Лиде»: «Баратынский — прелесть».

Пушкин. Ак. Т. 12. С. 303.

АПРЕЛЬ, до 13. Фридрихсгам. Боратынский пишет благодарственный ответ за избрание его в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности (см. выше: март, 28); письмо обращено к секретарю общества А. А. Никитину (на рус. яз.; без даты; получено 18 апреля): «Милостивый государь Андрей Афанасьевич. — Долгом себе поставляю изъявить мою признательность почтенному обществу, снисходительно избравшему меня в действительные свои члены. Ежели усердие и любовь к искусству обратили на меня лестное его внимание — я постараюсь оправдать выгодное обо мне мнение и не пощажу для того ни трудов, ни усилий. — Не смею сказать, что я не достоин сделанной мне чести. — Просвещенные судьи мои не способны ни к ошибкам, ни к пристрастию, и я подчиняю собственное мое мнение — мнению общества, как нельзя более для меня лестного. — С истинным почтением честь имею быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою. — Е. Боратынский».

Вейс 1960. С. 305 (письмо); Входящий журнал ВОЛРС за 1821 г. // ПД. Ф. 58. № 11. Л. 12 об. (дата получения ответа).

АПРЕЛЬ, 13—17. Нейшлотский полк выступает из Фридрихсгама в Петербург для несения караульной службы на время похода гвардии (до июля 1822 г.). — «С одной почтой, ничего не обещавшей, неожиданно получает наша бригада повеленье: выступить в С.П.Бург для занятия караулов. Боратынский обрадовался этой новости, как дитя, обнимал всех нас с восторгом».

ИП. С. 343, 356; РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 27. № 302. Л. 4 об. (дата: день выступления 1-го батальона — 13 апр.; 2-го — 15 апр.; 3-го — 17 апр.); *Коншин*. Изд. 1958. С. 394 (цитата).

АПРЕЛЬ, 30. Нейшлотский полк прибыл в Парголово. — «Дельвиг, нетерпеливый видеть своего друга, отправился, вместе с Эртелем, встречать» Боратынского «на Выборгскую дорогу, и в течение нескольких дней сряду многочисленные приятели поэта праздновали его неожиданное возвращение». Видимо, вскоре после приезда Боратынского Дельвиг пишет послание «К Е.» <К Евгению> («Ты в Петербурге, ты со мной...»)

ИП. С. 174, 356; РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 27. № 302. Л. 4 об. (дата); *Гаевский* 1853. С. 36 (цитата — со слов Д. А. Эристова); Совр. 1853. № 3. С. 37 (публикация Гаевским послания «К Е.»).

МАЙ... МАЙ 1822 года (?). Петербург. Боратынский живет на одной квартире с Дельвигом. — «Оба поэта жили самым оригинальным, самым беззаботным и потому беспорядочным образом, почти не имея мебели в своей квартире и не нуждаясь в подобной роскоши, почти постоянно без денег, но зато с неистощимым запасом самой добродушной, самой беззаботной веселости.<...> Вообще порядок, чистота и опрятность были качествами, неизвестными в домашнем быту обоих поэтов».

Гаевский 1853. С. 40. См. также: 1819, авг., 24; сент. — дек.; 1822, май, 30.

МАЙ... ИЮНЬ 1822 года. Петербург. Боратынский 18 раз был в собраниях Вольного общества любителей российской словесности («соревнователей»): с мая по декабрь 1821 г. посетил 16 собраний (всего их было за это время — около 25); с января по июнь 1822 г. — 2 собрания (из 24 состоявшихся).

Отчеты ВОЛРС за 1821 и за 1822 гг. // ПД. Ф. 58. № 49. Л. 46, 112 об.; № 50. Л. 25 об.; *Филиппович* 1917. С. 52. Известно лишь несколько более или менее точных дат присутствия Боратынского на собраниях ВОЛРС в 1821—1822 гг. — см.: 1821, май, 16; июнь, 13; авг., 8; авг. 22; 1822, янв., 16; апр., 17.

МАЙ (?) ... ИЮЛЬ 1822 года. Петербург. Боратынский, Дельвиг, Коншин и др. собираются по субботам на литературные вечера к Плетневу (жил в Военносиротском доме, где преподавал, на Царскосельском проспекте — ныне Московский пр., 17).

Гаевский 1853. С. 54; Письмо Н. М. Коншина к П. А. Плетневу (вторая половина 1843—1844) // РС. 1909. № 1. С. 177 (упоминание о субботах у Плетнева); *Шубин* 1985. С. 321 (адрес).

МАЙ, 16. Петербург. Боратынский, вероятно, присутствует в собрании Вольного общества любителей российской словесности, где слушают его стих. **«Водопад»** (см. выше: 1820, июль, после 1; опубл.: Соревнователь. 1821. Ч. 15. № 1 (№ 8). Ценз. разр. 10 июня; вышел 12 июля. С. 90—91; подпись *Баратынскій*; др. ред.: «Водопад» — Изд. 1827; «Шуми, шуми с крутой вершины...» — Изд. 1835) и **«Элегию»** (какую именно — неизвестно; может быть, хотя и сомнительно, «Не искушай меня без нужды...» или «Нет, не бывать тому, что было прежде...» — опубл. в «Соревнователе»: 1821, ноябрь, 4; об этих элегиях см. также: 1821, сент., 12). — И «Водопад» и «Элегия» «избраны» (14 голосов «за», 1 «против») и «препровождаются» для публикации в «Соревнователе».

Журн. ВОЛРС. С. 398 (дата чтения стихов). Предположение о том, что читанная в ВОЛРС «Элегия» — это стих. «Отъезд» (*Купреянова* 1957. С. 341; *Сергеев* 1989. С. 397), документально не подтверждается.

МАЙ, 21. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (1821. Ч. 70. № 21) со стих. **«Элегия» («На краткий миг пленяет в жизни радость...»)** (С. 32—33; подпись *Баратынской*) — перепечатка с разночтениями из «Соревнователя» — см. 1820, февр., 3; см. также 1820, янв., 11.

МАЙ, 24. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (Ч.70. № 22; вышел 28 мая), где напечатан исправленный текст элегии Боратынского **«Финляндия»** (С. 81—84; подпись *Баратынской*). См. 1820, апр., 19.

МАЙ, 26. Петербург. А. А. Крылов читает в Вольном обществе словесности, наук и художеств свой памфлет, направленный против «союза поэтов», — «Вакхические поэты» (опубл. 21 июня: Благонамеренный. 1821. Ч. 14. № 10. С. 140—141):

<...> Я никогда не буду с ними
Среди мечтательных пиров
Стучать бокалами пустыми!
Но что ж!.. к чему напрасный вздох?
Уже Парнаса грозный бог,
Исполненный негодованья
На дерзостных жрецов своих,
Сказал: «Да будут их посланья
Так сухи, как бокалы их!»
И страшный приговор свершился!
Не внемлют музы их мольбам;
Пред ними с шумом затворился
Бессмертия высокий храм!
Пускай трудятся: их творенья
Читателей обнимут сном,
И поглотит река забвенья
Венец, обрызганный вином!

Вацуро 1972. С. 725 (дата).

МАЙ, после 26 — ИЮНЬ(?). Петербург. Ответ Боратынского Крылову: **«Кто жаждет славы, милый мой...»** (опубл. 1822, янв., 31).

МАЙ, 30 или 31. Петербург. Боратынский в обществе «соревнователей» (ВОЛРС); кроме него там — Ф. Глинка, Булгарин, Дельвиг, Сомов.

Сомов. Дневник 1821. С. 105, 345. В дневнике Сомова об этом посещении Боратынским «соревнователей» сказано в записи от 1 июня как о событии вчерашнем: «Вчера <...> я пошел в общество Соревнователей <...>. Меня очень дружески встречают Глинка, Булгарин, Баратынский, Дельвиг и пр.» (С. 104—105). Если исходить из дневника Сомова, то помянутое собрание ВОЛРС было 31 мая; но 31 мая 1821 г. — это вторник, а «соревнователи» собирались по понедельникам. Поэтому в Летописи отмечены обе даты: и 30 и 31 мая.

ИЮНЬ (?)... ИЮЛЬ 1822 года (?). Петербург. Боратынский вписывает в альбом П. Л. Яковлева стих. **«Вчера ненастливая ночь...»** (опубл. под названием «Случай» в Изд. 1827; в Изд. 1835 — без заглавия), **«Полуразрушенный, я сам себе не нужен...»**; **«Моя жизнь» («Люблю за дружеским столом...»)** (оба стих. впервые опубл. в Изд. 1936. Т. 1); строфу из послания Дельвигу (**«Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»**): «Наш жребий без цели положенный срок <в этой строке — разночтение по сравнению с опубл. редакциями> // Томиться болезненной жизнью, // Любить и лелеять недуг бытия // И смерти отрадной страшиться». — Там же, в альбоме, на соседних страницах — запись рукой Боратынского слов С. Д. Пономаревой насчет П. Л. Яковлева; «Яковлев, — сказала София Дмитриевна, — расположился жить в свете, как будто у себя дома, и позабыл, что жизнь есть одно мечтание пустое». Далее — запись разговора Боратынского и Пономаревой (на фр. яз.) — перевод: «Г-н Баратынский как-то за столом сказал, что он станет ухаживать за Мадам <Пономаревой>, когда волосы его побелеют <...lorsqu'il aurait des cheveux blanc>; она отвечала: — Вы прежде будете пьяны, нежели белы <Monsieur, Vous serez plutôt gris que blanc — игра слов: gris — серый; пьяный>». Далее — две записи (на фр. яз.) о Пономаревой — перевод: «А еще она говорила, что пена шампанского подобна обманчивой мечте <... ressemblait à une illusion>». «Кто-то сказал остро-

ту, Мадам засмеялась, чтобы все могли остроту оценить, смех был довольно красноречив». Далее — запись слов самого Боратынского (на фр. яз.) — перевод: «Некто говорил о деспотизме русского правительства. Баратынский заметил, что оно парит превыше всех законов». Записи, касающиеся Пономаревой, сделаны, вероятно, во второй половине 1821 г. — см. ниже: сент.—дек. (?).

Медведева 1936. С. 117—121; автографы — ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32. Л. 13—16 об., 54. Датировка стихов основана на расположении текстов в альбоме Яковлева; см. также примеч. к: 1819, янв... дек.

ИЮНЬ, 7. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (1821. Ч. 70. № 22; вышел 11 июня) со стих. Боратынского **«Булгарину» («Нет, нет, Булгарин! ты неправ...»)** (С. 175—177; подпись *Баратынскій*). Др. ред.: «К ...» — Изд. 1827; «Приятель строгий, ты не прав...» — Изд. 1835.

ИЮНЬ, 10. Петербург. Ценз. разр. «Соревнователю» (1821. Ч. 15. № 1 <№ 8>) со стих. **«Водопад»**. См. 1821, май, 16; июль, 12.

ИЮНЬ, 13. Петербург. Боратынский — в собрании Вольного общества любителей российской словесности. После заседания Боратынский, Дельвиг, Ф. Глинка, Гнедич, Греч, Лобанов и Сомов отправились к Булгарину на чай. — «Собрание было очень оживленным: болтали, рассказывали анекдоты и т. п.».

Сомов. Дневник 1821. С. 133—134, 369 (в переводе этой дневниковой записи Сомова от 14 июня неточность — напечатано «Все утро во вторник я писал» вместо «Все утро вчера я писал» (ср. с. 369 и 133).

ИЮНЬ, 15. Петербург. Вышла газета «Рецензент» (1821. № 23) со стих. **«Тоска» («Один за чашей пуншевою...»)** (подпись *Баратынскій*) — вариант элегии «Один, и пасмурный душою...». См. также: 1821, март, 7; 1822, янв., 21.

ИЮЛЬ, 4. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (1821. Ч. 71. № 27) со стих. **«Элегия» («Дремала роща над потоком...»)**; (подпись *Б—ій*) — вариант элегии «Заснули рощи над потоком...». См. 1820, март, 17.

ИЮЛЬ, 11. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (1821. Ч. 71. № 29; вышел 16 июля) с посланием Боратынского к Коншину: **«К—ну»** (С. 131; подпись *Б—ій*). Др. ред.: «Добрый совет. К—ну» — Изд. 1827; «Живи смелей, товарищ мой...» — Изд. 1835. См. также: 1820, февр.—авг.

ИЮЛЬ, 12. Петербург. Вышел «Соревнователь» (1821. Ч. 15. № 1<№ 8>) со стих. **«Водопад»**. См. 1821, май, 16; июнь, 10.

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 1 об. (дата билета).

ИЮЛЬ, 15. Петербург. Вышел «Невский зритель» (1821. № 6), где опубл. «Дорожные записки на возвратном пути из Ревеля. Отрывок из печатающейся книги: Поездка в Ревель А. Бестужева», где Боратынский впервые публично упомянут в ряду лучших русских поэтов: «<...> *Жуковскому* и *Крылову* едва ли прибавит достоинства и прекрасная критика — *Пушкина* и *Баратынского* не убьет и дурная» (С. 8). См. также: 1821, сент., 23.

Могилянский 1956. С. 393 (дата).

АВГУСТ. В Петербург возвращается из-за границы Кюхельбекер. — Дельвиг пишет «Дифирамб. (На приезд трех друзей)» (опубл. в «Северных цветах» на 1827 г. С. 302; посвящен возвращению в Петербург Боратынского из Финляндии, П. Л. Яковлева из Бухары, Кюхельбекера из Германии.

АВГУСТ, 6. Фридрихсгам. Во время отсутствия здесь Нейшлотского полка происходит обширный пожар, от которого выгорел почти весь город; одним из немногих уцелевших домов оказался дом, в котором жил Боратынский.

ИП. С. 219, 344.

АВГУСТ, 8. Петербург. В собрании Вольного общества любителей российской словесности (у «соревнователей») слушают стих. Боратынского: **«Элегия»** (видимо, **«Прощай, отчизна непогоды...»), «Послание»** (вероятно, послание к Коншину **«Пора покинуть, милый друг...»)** и **«Цветок» («Порою утренней Людмила...»)**. Все три текста опубл.: Соревнователь. 1821. Ч. 15. № 2 (№ 8) (билет — 5 авг.). С. 236—237 (в разделе «Элегии»: «Прощай, отчизна непогоды...» и под загл. «Н. М. К.» — «Пора покинуть, милый друг...»; подпись *Е. Б.*), 244—245 («Цветок»; подпись *Баратынскій*). — Др. ред.: «Цветок» — Изд. 1827; Изд. 1835 (с тем же заглавием, но новым началом: «С восходом солнечным Людмила...»); «Прощай, отчизна непогоды...» — Изд. 1827 (с загл. «Отъезд»), Изд. 1835 (без загл.); «Пора покинуть, милый друг...» — Изд. 1827; Славянин. 1827. Ч. 4. № 52. С. 511 (с загл. «К ...ну»); Изд. 1835 (без загл.).

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 2 (дата билета).

АВГУСТ, 11. Петербург. В Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств Дельвиг читает стих. Боратынского «К ресторатору Талону» (не сохранилось).

Вацуро СДП. С. 171.

АВГУСТ, 22. Петербург. В собрании Вольного общества любителей российской словесности (у «соревнователей») слушают стих. Боратынского **«К Риму»** (опубл. под названием «Рим» в «Полярной звезде» на 1824 г. — см. 1823, дек., 20).

Журн. ВОЛРС. С. 401.

АВГУСТ, конец месяца — СЕНТЯБРЬ, начало месяца. Петербург. Боратынский (вместе с Дельвигом и Кюхельбекером) возобновляет визиты к С. Д. Пономаревой (о знакомстве с ней см. выше: февр., 20-е числа).

Вацуро СДП. С. 171—179.

СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ (?). Петербург. Вероятно, в это время Боратынский вписывает в альбом С. Д. Пономаревой стих. **«Слепой поклонник красоты...»** (затем переадресовано А. В. Лутковской и опубл. в др. ред. в «Полярной звезде» на 1825 г. — см. 1825, март, 20); **«О своенравная София!..»** (опубл. в др. ред. под назв. «Аглае» в «Полярной звезде» на 1824 г. — см. 1823, дек., 20); **«Дало две доли Провидение...»** (опубл. в «Новостях литературы»: 1823, июнь, 7); может быть, именно в это время, а не в конце февраля (см. выше: февр., 20-е числа), в альбом Пономаревой вписано и стих. **«Когда б вы менее прекрасной...»**

РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45. Л. 17, 47; ПД. № 9668. Л. 16, 38—38 об.

Вероятно, в это же время написаны стих., обращенные к Пономаревой: **«Зачем живые выраженья...»** (опубл. в «Новостях литературы»: 1824, авг., 20); **«Неизвинительной ошибкой...»** (опубл. в «Полярной звезде» на 1825 г.: 1825, март, 20) и прозаическая аллегория **«История кокетства»** (опубл. в «Северных цветах» на 1825 г.: 1824, дек. 25...31), а также послание к Дельвигу **«Я безрассуден — и не диво!..»** (опубл. в «Полярной звезде» на 1825 г.: 1825, март, 20).

СЕНТЯБРЬ... ДЕКАБРЬ. Кишинев. Пушкин пишет послание «Алексееву» («Мой милый, как несправедливы...»), содержащее цитату из послания Боратынского к Коншину (см. выше: авг., 8 — «Н. М. К.»): «Как мой задумчивый проказник, // Как Баратынский, я твержу: // Нельзя ль найти любви надежной, // Нельзя ль найти подруги нежной...». См. также: 1823, сент., 6; 1825, март, 20.

Цявловский 1991. С. 288 (дата).

СЕНТЯБРЬ, 10. Петербург. Вышел «Благонамеренный» (1821. Ч. 15. № 15) с **«Эпиграммой»** Боратынского **(«Его творенье скукой дышит...»**) (С. 160; подпись

Б.); с разночтениями опубл.: Изд. 1827 (под загл. «Эпиграмма»); Изд. 1835 (без загл.: «В своих стихах он скукой дышит...»). Адресат неизвестен.

Предположения о том, что адресат эпиграммы — Д. И. Хвостов (см.: *Медведева, Купреянова* 1936. С. 245; *Купреянова* 1957. С. 338; *Фризман* 1982. С. 604; *Сергеев* 1989. С. 395), документально не подтверждаются.

СЕНТЯБРЬ, 12. Петербург. В собрании Вольного общества любителей российской словесности (у «соревнователей») слушают стих. Боратынского **«Прощание»** (видимо, послание к Шляхтинскому — см. 1819, авг., 24; дек., 2; вновь опубликовано вскоре после чтения в ВОЛРС: Соревнователь. 1821. Ч. 15. № 3 (№ 9); билет 23 сент. С. 338—339; без подписи); **«Послание I»** и **«Послание II»** (может быть, послание «К Делию» (к Дельвигу) или стих. «Не искушай меня без нужды...» и «Нет, не бывать тому, что было прежде!..» — опубл. в «Соревнователе»: 1821, ноябрь, 4). — В том же собрании «соревнователей» читаны стих. П. А. Плетнева «Стихи, написанные на манускрипте поэта» (опубл. с тем же названием: Соревнователь. 1821. Ч. 15. № 3. С. 340; в автографе название: «К рукописи Б. стихов»), «Послание к поэту» (может быть, одно из посланий к Боратынскому: «Что ласки ветреного счастья...» или «Ты здесь, я обнимаю вновь...» (впервые опубл.: *Плетнев*. Изд. 1885. Т. 3. С. 307). — Кроме этих еще два стих. Плетнева, написанные около 1821—1822 гг., прямо связаны с Боратынским: «К Гнедичу и Баратынскому» и «Анакреон» (впервые опубл.: Там же. С. 304; 296—297).

Журн. ВОЛРС. С. 402 (дата собрания ВОЛРС); РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 4 об. (дата билета).

СЕНТЯБРЬ, 17. Петербург. Видимо, Боратынский — на именинах у С. Д. Пономаревой; вписывает в ее альбом строки из послания к Дельвигу («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»): «Наш жребий — положенный срок // Питаться болезненной жизнью, // Любить и лелеять недуг бытия // И смерти отрадной страшиться». — Строки написаны в альбоме следом за стих. Кюхельбекера «Да протечет твой новый год...» под общим заглавием «Софье Дмитриевне Понамаревой <так!> в день ее именин 1821». — Те же строки из послания к Дельвигу см. выше в альбоме П. Л. Яковлева: май... июль 1822 (?).

Вацуро СДП. С. 179; РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45. Л. 39 об.

СЕНТЯБРЬ, 23. Петербург. Вышла «Поездка в Ревель. Сочинение А. Бестужева» (СПб., 1821) с первым в литературной критике упоминанием имени Боратынского в одном ряду с лучшими русскими поэтами (см. также выше: июль, 15).

Могилянский 1956. С. 393 (дата).

СЕНТЯБРЬ, 30. Петербург. Ценз. разр. «Соревнователю просвещения и благотворения» (1821. Ч. 16. № 1 <№ 10>), где опубл. послание Дельвигу: **«К Делию. Ода (с латинского)» («Напрасно мы, Делий, мечтаем найти...»)** (С. 78—79; подпись *Баратынскiй*; с разночтениями опубл.: Изд. 1827 (загл. «Дельвигу»); Изд. 1835 (без загл.); см. также: 1820, дек., 13; 1821, май... июль 1822; 1821, сент., 17.

НОЯБРЬ, 4. Петербург. Вышел «Соревнователь» (1821. Ч. 16. № 2 <№ 11>) со стих. Боратынского: под общим загл. «Элегии» опубл. **«Нет, не бывать тому, что было прежде!..»** (др. ред. — нет) и **«Не искушай меня без нужды...»** (№ 2. С. 204—205; подпись **) (см. также: 1821, май, 16; сент., 12); «Разуверение» было впоследствии опубл. с разночтениями под тем же заглавием: Новости литературы. 1822. Кн. 1. № 3. С. 47; Новые Аониды на 1823 год. М., 1822. С. 101; Изд. 1827; Изд. 1835. Адресаты этих двух элегий неизвестны.

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 5 об. (дата билета: 4 ноября). Предположения о том, что адресат «Разуверения» — В. Н. Кучина (М. С. VI), не подтверждаются документально.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ (?). Видимо, Боратынский сообщает Пушкину (через Дельвига? Л. Пушкина?) в Кишинев о том, что собирается прислать ему тетрадь своих стихов (см. далее: 1822, янв. — февр.).

1822

Боратынский живет в Петербурге (до 1 августа), в Роченсальме (вторая половина августа — первая половина сентября), в Маре (октябрь—декабрь).

ЯНВАРЬ — МАРТ, начало месяца. Петербург. Кульминация отношений Боратынского с С. Д. Пономаревой (см. 1821, февр., 20-е числа; авг., конец месяца — сент., нач.; сент. — дек.(?); сент, 17). Видимо, в это время написаны стих., связанные с Пономаревой: **«Догадка» («Любви приметы...»), «Поцелуй» («Сей поцелуй, дарованный тобой...»)** и **«Возвращение» («На кровы ближнего селенья...»)**. — См. далее: 1822, март, 9.

О связи первых двух стих. с С. Д. Пономаревой см.: *Вацуро* СДП. С. 192—194.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ. Кишинев. Пушкин пишет в ответ на не дошедшее до нас обещание Боратынского (см. 1821, ноябрь — дек.?) стих. **«Я жду обещанной тетради...»** (опубл. в «Северных цветах» следом за посланием «Баратынскому. Из Бессарабии» (см. 1821, март — апр.) с загл. «Ему же»: 1826, апр., 7).

Цявловский 1991. С. 299 (дата).

ЯНВАРЬ, 2. Кишинев. Пушкин — Вяземскому: «<...> но каков Баратынский! Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова — если впредь зашагает, как шагал до сих пор — ведь 23 года счастливцу! Оставим ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасения нет».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 34.

ЯНВАРЬ, 16. Петербург. Боратынский — в собрании Вольного общества любителей российской словесности (у «соревнователей»), где слушают его стих. **«К другу»** (видимо, послание к Дельвигу: **«Дай руку мне, товарищ добрый мой...»** — опубл. в «Полярной звезде» на 1823 г.: 1822, дек., 22). — Кроме Боратынского в собрании «присутствовали: председатель Ф. Н. Глинка; члены — Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, казначей И. Д. Боровков, О. М. Сомов, Н. А. Бестужев, Н. И. Греч, В. Г. Анастасевич, Е. П. Люценко, граф Д. И. Хвостов, барон А. А. Дельвиг, Д. В. Сахаров, Н. И. Кутузов, Я. М. Лыкошин, Н. М. Коншин, А. М. Княжевич, О. И. Сенковский».

Журн. ВОЛРС. С. 410.

ЯНВАРЬ, 21. Петербург. Вышел «Русский инвалид» (1822. № 18) со стих. **«Тоска» («Один за чашей пуншевою...»**; подпись *Б—ій* — перепечатка из «Рецензента» 1821. № 23; см. 1821, июнь, 15). См. также 1821, март, 7.

ЯНВАРЬ, 31. Петербург. Вышел «Русский инвалид» (1822. № 28) с полемическим ответом Боратынского на стих. А. А. Крылова «Вакхические поэты» (см. 1821, май, 26): **«К ***» («Кто жаждет славы, милый мой...»)** (С. 12; подпись *Б—ій*). Др. ред.: «К—ву. Ответ» — Изд. 1827; «Чтоб очаровывать сердца...» — Изд. 1835.

ФЕВРАЛЬ. Петербург. Боратынский болен.

Вацуро СДП. С. 192; см. также далее: февр., после 25 — март, 13—15 (?) (письмо к Н. И. Гнедичу).

ФЕВРАЛЬ, 21. Петербург. Ценз. разр. «Библиотеке для чтения» (1822. Кн. 2 — прил. к «Сыну отечества»; вышла 13 марта) с переводом Боратынского повести Ксавье де Местра **«Прокаженный из города Аосты»** (С. 3—35; подпись переводчика: *Б.*).

ФЕВРАЛЬ, 25. Петербург. Вышел «Сын отечества» (Ч. 76. № 8), где напечатана идиллия Н. И. Гнедича «Рыбаки».

ФЕВРАЛЬ, после 25 — МАРТ, 13—15 (?). Петербург. Н. И. Гнедич присылает Боратынскому № 8 «Сына отечества», где опубл. его идиллия «Рыбаки» (см. февр., 25), и либо сообщает о том, что в ближайшие дни выйдет «Библиотека для чтения» с переводом Боратынского (см. февр., 21), либо присылает вышедшую книжку «Библиотеки...» (см. март, 13) с напечатанным переводом. Боратынский пишет Гнедичу благодарственную записку (без даты): «Почтеннейший Николай Иванович, больной Боратынский довольно еще здоров душою, чтоб ему глубоко быть тронутым вашей дружбою. Он благодарит вас за одну из приятнейших минут его жизни, за одну из тех минут, которые действуют на сердце, как кометы на землю, каким-то електрическим воскресением, обновляя его от времени до времени. — Благодарю за рыбаков, благодарю за прокаженного. Вы сделали, что все письмо состоит из однех благодарностей. — Еще более буду вам благодарным, ежели сдержите слово и навестите преданного Вам Боратынского. — Назначьте день, а мы <Боратынский и Дельвиг> всякое время будем рады и готовы».

Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 234—235 (текст письма; без датировки). Обосн. нашей даты: время выхода СО и БдЧ.

МАРТ, 6—7 (?). Петербург. Боратынский вместе с братом и отцом Пушкина — Львом Сергеевичем и Сергеем Львовичем — заходит в гостиницу Демута к И. П. Липранди (приехавшему из Кишинева) — узнать о Пушкине.

РА. 1866. № 10. С. 1482—1484; *Цявловский* 1991. С. 302.

МАРТ, 9. Петербург. В Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств А. Е. Измайлов читает стих. Боратынского **«Догадка»**, **«Поцелуй»** и **«Возвращение»**, связанные с С. Д. Пономаревой (см. выше: янв. — март, нач.) — опубл. 16 марта в «Благонамеренном» (1822. Ч. 17. № 11. С. 443—444; подпись *Б.*): «Догадка» — др. ред.: «Догадка» — Изд. 1827; «Любви приметы...» — Изд. 1835; «Поцелуй» (Дориде) — др. ред.: «Поцелуй» — Изд. 1827; «Сей поцелуй, дарованный тобой...» — Изд. 1835; «Возвращение» — опубл. без изменений: «Возвращение. Подражание Мильвуа» — Изд. 1827; «На кровы ближнего селенья...» — Изд. 1835.

МАРТ, 10 (?). Петербург. Обед у С. Л. и Л. С. Пушкиных для И. П. Липранди (см. выше: март, 6—7?); среди присутствующих — Боратынский, Дельвиг, Е. Ф. Розен, еще человек пять. Читают какие-то стих. Пушкина и пьют шампанское за его здоровье.

РА. 1866. № 10. Ст. 1484; *Цявловский* 1991. С. 303.

МАРТ, 13. Петербург. Вышло приложение к № 9 «Сына отечества» — «Библиотека для чтения» (Кн. 2), где опубл. перевод Боратынского **«Прокаженный из города Аосты»** (см. выше: февр., 21).

Вацуро СДП. С. 192 (дата).

МАРТ, вторая половина (?) — МАЙ (?). Петербург. Разлад отношений Боратынского и С. Д. Пономаревой. — Видимо, в это время написано стих. **«Размолвка» («Прости, сказать ты поспешаешь мне...»)** и **«Зачем нескромностью двусмысленных речей...» («Дориде»)** — опубл. в «Новостях литературы»: 1822, авг., 11; 1823, окт., 9.

Вацуро СДП. С. 193—194 (определение адресата стих. «Дориде»).

АПРЕЛЬ... ОКТЯБРЬ, 10 (?). Кишинев. Пушкин вспоминает Боратынского в «Послании цензору» («Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой...» : «<...> Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус, // Ни слог певца *Пиров*, столь чистый, благородной, — // Ничто не трогает души твоей холодной...».

Цявловский 1991. С. 308, 666 (дата).

АПРЕЛЬ, 6. Петербург. Вышел «Сын отечества» (1822. Ч. 76. № 13. Ценз. разр. 1 апреля) с переводом Боратынского из «Гения Христианства» Шатобриана **«О колоколах»** (С. 267—271; подпись *Баратынскій*). — В том же номере «Сына отечества» «Письмо к издателю» П. А. Катенина (с датой: *Марта 17. 1822*), адресованное Н. И. Гречу по поводу его «Опыта краткой истории русской литературы» (вышел 2 марта 1822), — здесь между прочим сказано: «Из молодых писателей упомянули вы об одном *Пушкине*; он, конечно, первый между ими, но не огорчительно ли прочим оставаться в неизвестности? <...> Признаюсь вам, мне особенно жаль, что вы не упомянули о *Баратынском*. Хотя, к сожалению, большая часть его стихов написаны в модном и несколько однообразном тоне мечтаний, воспоминаний, надежд, сетований и наслаждений; но в них приметен талант истинный, необыкновенная легкость и чистота» (С. 260—261). — В своем «Ответе» (с датой: *Марта 27. 1822*) Греч писал: «<...> Что касается до гг. Грибоедова, Жандра, Загоскина, Баратынского (прибавлю еще Раича, Плетнева, А. Крылова, М. Дмитриева и многих других), то я предоставляю себе удовольствие поместить известие о них во втором издании моей книги» (С. 266).

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 13 об. (дата).

АПРЕЛЬ, 17. Петербург. Боратынский — в собрании Вольного общества любителей российской словесности, где слушают его стих. **«Весна» («На звук цевницы голосистой...»)** (опубл. в «Полярной звезде» на 1823 г.: 1822, дек., 22). Кроме Боратынского «присутствовали: председатель — Ф. Н. Глинка, помощник председателя — Н. И. Гнедич; члены — А. Д. Боровков, В. И. Панаев, Д. М. Княжевич, А. А. Никитин, П. А. Плетнев, Н. А. Бестужев, М. Е. Лобанов, Ф. В. Булгарин, Е. П. Люценко, М. М. Сонин, В. К. Бриммер, А. Е. Измайлов, барон А. А. Дельвиг, В. Г. Анастасевич, А. Ф. Рихтер, Н. И. Кутузов, Я. М. Лыкошин, К. Ф. Рылеев, Н. М. Коншин, А. М. Княжевич, А. О. Корнилович, Д. И. Языков, А. А. Владиславлев, В. И. Брайкевич и А. Д. Илличевский».

Журн. ВОЛРС. С. 415.

МАЙ, 27 или 28. В Петербург приезжает сестра Боратынского — София; ее сопровождает одна из тетушек — видимо, Е. Ф. Черепанова.

ИП. С. 209.

МАЙ, 30. Петербург. София Боратынская в письме к маменьке в Мару (на фр. яз.) рассказывает о своей петербургской жизни: «Вот уже три дня мы в Петербурге, любезная маменька. Брата я застала здоровым. Вы не можете вообразить нашей радости, давно я не чувствовала ничего подобного. Если бы вы видели его восторг и удивление; он просто не верил своим глазам. Он совершенно здоров и телом, и душою; очень похорошел, прекрасно выглядит, и то же, все то же сердце, которое живет только надеждой видеть вас; его любовь к вам неизъяснима: ему мнится видеть во мне часть вас самой. — Он в самом деле поменял квартиру; когда мы наконец ее нашли, то застали там порядок и чистоту, меня изумившие; он живет вместе с бароном Дельвигом; нам пришлось ночевать у них, ибо было очень поздно, а его друг уехал в гости на всю ночь. — Утром мы послали сказать дядюшке <Петру Андреевичу> о нашем приезде, и он вскоре появился; он принял нас совсем как отец, как нежнейший отец; если бы вы знали, как он любит брата, как

он любит нас всех; я открыла в нем глубокую чувствительность; за всю жизнь я не видела такой радости. Он не пожелал и слышать о том, чтобы мы искали квартиру, и почти похитил нас, чтобы устроить на своей даче — в местечке истинно очаровательном. Для нас он готовит свой городской дом. Он доволен Бог знает как. Вчера он принудил нас отобедать с ним; после обеда не мог заснуть более чем на несколько минут, сказав, что ему мешает радость; меня же не отпускал от себя. Мы пили чай в его саду; потом он показывал мне примечательные места Петербурга; это красиво, очень красиво, но мы с братом не уставали повторять, что нет ничего лучше нашей деревушки! — Здесь кругом вода. Нельзя вам не признаться, что здешний ветер пронизывает насквозь, и моим легким стало немного хуже; но сегодня очень тепло, и я чувствую себя лучше. — Еще я могу вам сказать, что брат в любом случае приедет со мной; ему дадут отпуск, когда он захочет; но надеюсь, очень надеюсь, что Бог наконец внемлет моим бесконечным молитвам, и брат вернется навсегда; дядюшка так добр, что делает даже невозможное для его избавления; я передала ему вашу благодарность за доброту, с коей он относится к брату; сама благодарила его и еще просила за брата, что его очень растрогало, он даже прослезился; я же сказала ему, что он принимает слишком близко к сердцу все, что волнует нас <...>. Есть много новых сочинений брата, из которых ни одно не напечатано, ибо они написаны только для себя; среди них весьма милые вещицы, мы привезем их вам. Сегодня обедал с нами Дельвиг; у него такое ужасное зрение, что он почти ничего не видит и только в очках кое-что разбирает. — Брат вам пишет. <...> Брат говорит, что я пишу письма к вам неоригинально».

ИП. С. 209—210.

ИЮНЬ—ИЮЛЬ. Петербург. Написано стих. **«Сестре» («И ты покинула семейный мирный круг!..»)** — опубл. см.: 1824, дек., 4; 1825, апр., 20. Др. ред. — нет.

ИЮНЬ, 4. Петербург. София Боратынская — к маменьке в Мару (на фр. яз.): «Чем более я наблюдаю брата, тем более обнаруживаю в нем достоинств; более же всего меня трогает то, что он говорит о вас и о том, что вы для нас делаете, с нежностью и признательностью неизъяснимой, это доказывает, как он понимает вашу нежность; такое открытие тронуло меня до глубины души. Да сохранит Господь то расположение духа, которое начинает в нем развиваться».

ИП. С. 211.

ИЮНЬ, 15. Петербург. София Боратынская — к маменьке в Мару (на фр. яз.): «Сохраните для нас, милая маменька, одно или два вишневых деревца с ягодами, быть может, мы приедем вместе с братом и поедим вишен. Ах! Даст Бог! — Мы с братом читаем сейчас сочинения лорда Байрона; его оды в прозе восхитительны».

ИП. С. 211—212.

ИЮНЬ, 22. Петербург. София Боратынская — к маменьке в Мару (на фр. яз.): «Мы с братом строим воздушные замки и мечтаем, как вместе поедем есть вишни; а вдруг так и будет, кто знает? оставьте нам на всякий случай одно-два деревца. Флигель дядюшки занят французской семьей, и трое малышей бегают по нашему саду; мы с Евгением забавляемся тем, что говорим с ними».

ИП. С. 212.

ИЮНЬ, 23. Петербург. София Боратынская продолжает свое письмо к маменьке, начатое 22 июня (на фр. яз.): «Сегодня мы были в Смольном монастыре. <...> По пути к дядюшке <Петру Андреевичу> мы купили клубники, и нам пришло в голову преподнести ее дядюшке, а самим между тем ужасно как хотелось ее отведать. Я еще сказала брату, уверявшему меня, будто дядюшка не любит ягод,

что, верно, он поблагодарит нас и останется доволен нашим вниманием. Каково же было огорчение, когда дядюшка, довольный нашим вниманием, спрятал клубнику в свой шкаф! Я едва удержалась от слез, но вспомнила, что мне двадцать лет. Я бросила взгляд на брата, он догадался о моих чувствах, когда же дядюшка неожиданно прибавил, что клубника весьма вредна для здоровья и мне, и брату, мы покатились со смеху. Я не осмелилась более смотреть на Евгения, а он на меня; хорошо, что дядюшка ничего не понял».

ИП. С. 212.

ИЮНЬ, между 23 и 30. Петербург. София Боратынская — к маменьке в Мару (на фр. яз.): «Несколько дней назад мы познакомились с нашими родственницами <...>; это барышни Воиновы; они считают нас своими кузиной и кузеном; брат давно с ними знаком<...>. Брат мой в очень хорошем расположении духа, очень весел. Ах! да поддержит Господь его мужество! Сейчас его у него достаточно <...>. Посылаю вам стихи, сочиненные братом за несколько дней до нашего приезда».

ИП. С. 213. О каких стихах упомянуто в письме — неизвестно.

ИЮНЬ, 28—29. Мара. Маменька Александра Федоровна пишет дочери Софии в Петербург (на фр. яз.); в конце письма — приписка, обращенная к сыну. — Перевод: «Обнимаю тебя, милый Евгений, и благодарю за доброе письмо <не сохранилось>, я вновь его перечла. Даст Бог, мы свидимся и тогда переговорим обо всем нас занимающем <...>. Прощайте, милые друзья, будьте здоровы. Дорогой Евгений, у тебя легкая рука, постарайся купить фортепьяно. Выбери, пожалуйста, для своих сестер самое лучшее».

П. С. 247.

ИЮЛЬ. Возвращение гвардии в Петербург. — Коншин пишет послание «К нашим», обращенное к Боратынскому, Дельвигу и вернувшимся П. Н. Чернышеву и И. А. Болтину.

Современник. 1853. № 5. Отд. 3. С. 46—48 (публикация В. П. Гаевским отрывков текста); Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 352—355 (полная публикация В. Э. Вацуро).

ИЮЛЬ, 3. Петербург. София Боратынская — к маменьке (на фр. яз.): «Мы живем в полном уединении, разве брат время от времени уходит к друзьям. Его дружба меня утешает».

ИП. С. 214.

ИЮЛЬ, 6. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1822. Кн. 1. № 3) с перепечаткой стих. **«Разуверение. Элегия» («Не искушай меня без нужды...»)** (С. 47; подпись Е. *Баратынскій*). См. также: 1821, ноябрь, 4; 1822, сент., 1.

ИЮЛЬ, 9. Петербург. Рисунок Боратынского: вероятно, изображение Афины и Марса с надписью: 1822. 9 Juillet, voyage de Sophie à Pétérsbourg et son entrevue avec Eugène (перевод: 9 июля, путешествие Софи <Боратынской> в Петербург и ее свидание с Евгением).

ПД. № 21.798; Рисунки русских писателей XVIII — начала XX в. М., 1988. № 101 (здесь рисунку дано произвольное название «Два воина»).

ИЮЛЬ, 10. Петербург. Боратынский вместе с Дельвигом и, видимо, еще с кем-то из друзей — в театре, где поставлен пролог в стихах и прозе А. А. Шаховского к спектаклю, посвященному памяти И. А. Дмитревского — «Новости на Парнасе, или Торжество Муз». — Пролог Шаховского послужил поводом для сочинения «Певцов 15-го класса» (см. далее).

Ельницкая 1977. С. 500 (дата).

ИЮЛЬ, между 10 и 31. Петербург. Написаны **«Певцы 15-го класса»** — куплеты, сатирически направленные против А. Е. Измайлова, Н. Ф. Остолопова, В. И. Панаева, О. М. Сомова, И. Б. Чеславского, Д. М. Княжевича, Д. И. Хвостова, А. М. Бирукова — в списке А. Е. Измайлова (ПД) подпись: *Сочинил унтер-офицер Евгенiй Баратынскiй с артелью* <с Дельвигом и Коншиным?>.

Изд. 1936. Т. 1. С. 325—326 (публикация текста); Т. 2. С. 299 (дата: 1822 — нач. 1823); *Вацуро* 1974. С. 57 (уточнение: 8-й куплет направлен не против М. Е. Лобанова, а против И. Б. Чеславского); *Вацуро* 1987. С. 155 (определение принадлежности списка, по которому «Певцы» напечатаны в Изд. 1936, — А. Е. Измайлову).

ИЮЛЬ, 13. Петербург. София Боратынская — к маменьке в Мару (на фр. яз.): «Благодаря Бога, мы здоровы. Я молю Господа, чтобы Он воодушевил тех, кто может действовать; будьте уверены, дядюшка и тетушка не упускают ни одного случая и используют все способы для освобождения брата. Да услышит Господь наши мольбы и избавит его. Мне кажется, время дорого. Сердце разрывается, когда я слышу, как говорят о чем-то другом, о каких-нибудь пустяках, а не о деле, те, кто знает положение брата и кто может помочь всем нам; счастье брата могло бы меня вполне утешить. Дядюшка делает все возможное, уверяю вас. Я же не вижу никого и ничего, кроме вас, брата и его неволи; ваша материнская нежность может представить себе мои чувства; они — эхо ваших; вы одна можете простить мое нетерпение, ведь речь идет о тех, кого любишь. Точно известно лишь одно: брат приедет из Финляндии нынешней осенью в отпуск — вот все, что я могла пока выяснить.<...> Несколько дней назад мы были на прогулке в Летнем Саду.<...> Брат показал мне Крылова <Ивана Андреевича>; тот часто прогуливается в Летнем Саду. Несколько раз его окружали дети и следовали за ним, а он читал им басни<...>. Нам с братом предлагают заказать наш портрет<...>. Брата не было дома сегодня весь день; только что он вернулся и рассказал много забавных случаев. К примеру, Крылов недавно написал трагедию, которую прочел и которой восхитились все поэты; теперь его снова просили прочитать ее; а он настолько рассеян, что уже забыл о написанном, ищет ее дома и обнаруживает истоптанную ногами на полу. Брат рассказал еще множество анекдотов о Хвостове <...> — Вместе с книгой, что я посылаю вам <«Шильонский узник» Байрона в переводе Жуковского> вы найдете <...> небольшую гравюру, выполненную Евгением».

ИП. С. 214—215.

ИЮЛЬ, 20. Петербург. София Боратынская — к маменьке в Мару (на фр. яз.): «Скоро полки уходят <см. далее: авг., 1>; он <Боратынский> сможет приехать в отпуск из Финляндии осенью, и, вероятно, к тому времени в его судьбе произойдут какие-то изменения. — Г-н Лутковский был у нас позавчера; это очень славный человек и к брату относится как отец; пока он будет его полковником, можно быть в любом случае спокойным насчет Евгения; он не перестает усерднейше рекомендовать брата перед теми, от кого зависит его судьба<...>. Дядюшка <Петр Андреевич> по-прежнему занят отделкой своего дома и по-прежнему нанимает маляров, которые разбегаются на следующий день; эта история не имеет конца. Забавно. Брат вчера был у него и рассказал нам превеселые случаи. — Вот один из них. Надо знать, что все комнаты уже готовы, кроме одной; дядюшка в ней и сидит; здесь еще красят стены и настилают полы, а он занимает маленький стол, за которым трудится над сенатскими делами. Его музыкант наигрывает на гуслях <так!> и прерывается время от времени, чтобы помочь укладывать пол, а затем выпачканными известкой и раствором руками снова принимается играть. Двое слуг стоят наготове и следят за тем, как другие работают; в общем, он любит беспорядок. — Между тем, несмотря на все свои причуды, он необыкновенно добр, и невозможно передать ту нежность, с какою он относится к нам. Недавно

он сказал с чувством неизъяснимым, что, пока дело Евгения не повершено, он не в состоянии заниматься чем-либо другим для кого бы то ни было. Он делает все возможное; остальное нужно вверить Провидению; Бог лучше нас знает, что нам необходимо».

ИП. С. 216.

ИЮЛЬ, 21. Петербург. София Боратынская — к маменьке в Мару (на фр. яз.): «Вот еще одна забава дядюшки <Петра Андреевича>: стоило мне надеть новое платье, он решительно пожелал, чтобы брат нарисовал на меня карикатуру. Евгений сделал несколько — в разных костюмах. Посылаю их вам <карикатуры, увы, не сохранились>. Вы видите меня в платье с длинным шлейфом, ростом в пол-аршина, в шляпе размером больше меня самой и с зонтиком от солнца в руке. Другая карикатура представляет меня в платье длиною всего до колена и с украшениями, которых никакой моде не выдумать <...>. Я даю уроки музыки Евгению, он очень прилежный ученик и уже начинает играть гаммы; я объяснила ему ноты; он очень любит музыку и готов целыми днями наигрывать гаммы и песенки, какие знает, я хочу, чтобы он научился аккомпанировать, благо у него всегда имеется возможность играть, ибо у жены полковника <Лутковского> есть клавесин».

ИП. С. 217.

ИЮЛЬ, 21. Кишинев. Пушкин в письме к Л. С. Пушкину задает ряд вопросов о литературных новостях и в конце письма просит: «Отвечай мне на все вопросы, если можешь — и поскорее. Пригласи также Дельвига и Баратынского».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 42.

ИЮЛЬ, 21—22. Петербург. Письмо Боратынского к маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «J'ai donné à Sophie le titre d'ange...» — Перевод: «Я именовал Софи ангелом не потому, что такова моя прихоть, но потому, что она того заслуживает. Если она будет и впредь вести себя столь же прекрасно, как ныне, я не премину возвести ее в серафимы. Она взяла учителя музыки, она носит новые наряды, которые велела себе пошить, она с удовольствием сопровождает нас в театр и не знает ничего лучшего, чем летать по городу, — это ли не бытие сущего ангела? Мы только что отпраздновали именины Ильи Андреевича у здешнего дядюшки <Петра Андреевича> — обед был очень весел, а мой ангел — очень любезен. Мой ангел обретает в Петербурге самобытность, и это доставляет мне истинное удовольствие. Что до меня, то, беззаботный и равнодушный, как обычно, во всем, что касается себя самого, я всецело предаюсь счастью располагать моей Софи, мне нравится видеть ее рядом, я смотрю на то, как она *существует*, и с меня довольно. Тем не менее, мне хотелось бы — у кого нет желаний? — мне хотелось бы никогда не расставаться с нею, следовать за нею повсюду, — и, коли она мой ангел, я желал бы надеяться, что однажды она возвратит меня к вам. Дела мои все в прежнем положении. Обещают замолвить за меня словечко перед императором, когда будут выходить наши полки, иначе говоря, в конце августа; видимо, император, следуя своим правилам, откажет. В последнем случае я решился просить отставки, если вы не будете тому противиться. Я не охотник до званий, и как ни блистателен чин прапорщика, он мало соблазняет мою пресыщенную душу. Но надобно вам знать, что для осуществления моего намерения одной моей философии недостаточно. Нужно, чтобы за дело взялся дядюшка, если вы напишете ему несколько слов, любезная маменька, только для того, чтобы он знал, что мое намерение вас не устрашает и что ваш сын, отказавшись от чинов в свете, может, мечтая быть любезным для вас, получить высокий чин при вашей особе. Простите мне краткость моих писем, я никоим образом не могу состязаться с Софи. Она ангел, поэтому я от всего сердца соглашаюсь, чтобы вы любили ее больше,

чем меня. Прощайте, любезная маменька, тысячу поклонов любезным тетушкам. — Е. Б.»

Хетсо. С. 583—384 (датировка: лето 1822); ИП. С. 219 (уточнение даты и перевод).

ИЮЛЬ, 27. Петербург. София Боратынская — к маменьке в Мару (на фр. яз.): «Петербург сейчас в великих переездах: гвардия пришла, а те полки, что были на ее месте, уходят. Быть может, суматоха и поход полка, в котором состоит брат, будут ему полезны? Им очень интересуются, дают обещанья, но я уж не верю обещаньям; они столько раз не исполнялись, что нельзя верить никому. Я не осмеливаюсь подавать вам уже ни малейших надежд. — Но все-таки есть еще некоторые способы, и у нас хватит решительности, чтобы использовать их, хотя бы для очищения совести. Я же не уеду отсюда, не испытав всех средств, не сделав все, что зависит от меня. Успокоимся насчет брата, прошу вас. Вы просто не знаете, что за человек полковник Лутковский! Брату так же хорошо у него, как в кругу нашей семьи. — И в конце концов, у нас есть надежда увидеть его в отпуске. — Как-то раз, болтая с Евгением, я сказала, что начинаю думать, будто он очень важная персона в Финляндии и без его там присутствия Петербург окажется в большой опасности; он ответил мне тем же тоном, что и Юг не может быть спокоен без него и что вообще он единственный, кто защищает границы, особенно, когда спит, надев ночной колпак».

ИП. С. 217—218.

АВГУСТ, 1. Боратынский покидает Петербург: Нейшлотский полк выступает из столицы к месту постоянной дислокации — в Финляндию (прибыл в Роченсальм — см. авг., 20—21).

РГВИА. Ф. 395. Оп. 128. № 272. Л. 10; ИП. 345, 358.

АВГУСТ, 11. Петербург. София Боратынская — к маменьке в Мару (на фр. яз.): «Брат хотел мне написать; все же вот его адрес; думаю, он вам его еще не сообщил: — Его благородию милостивому государю Евгению Абрамовичу Боратынскому — в Роченсальм. — В канцелярию Нейшлотского пехотного полка. — Он рассказал мне странную вещь: Фридрихсгам сгорел дотла; квартира, где он жил, находилась в центре города и единственная уцелела».

ИП. С. 218—219.

АВГУСТ, 11. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1822. Кн. 1. № 8) с соч. Боратынского: **«Дориде» («Зачем нескромностью двусмысленных речей...»)** (С. 126—127; подпись *Баратынскiй*) (др. ред.: «Делии» — Изд. 1827; «Зачем о Делия! сердца младые ты...» — Изд. 1835; первонач. адресат — С. Д. Пономарева; см. выше: март, вт. пол.? — май?) и **«Таинство Елеосвящения»** (перевод из «Гения Христианства» Шатобриана) (С. 113—114; подпись *Б.*).

Атрибуция перевода: *Хетсо*. С. 272.

АВГУСТ, 18. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1822. Кн. 1. № 9) с переводом Боратынского из «Гения Христианства» Шатобриана **«Пороки и Добродетели, согласно с учением Религии»** (С. 129—132; подпись *Б.*).

Атрибуция перевода: *Хетсо*. С. 272.

АВГУСТ, 20—21. Боратынский — в Роченсальме: Нейшлотский полк прибыл к месту своей дислокации.

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 32. № 359. Л. 37; Св. 43. № 487. Л. 16.

АВГУСТ, 26. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1822. Кн. 1. № 10) с переводом Боратынского из «Гения Христианства» Шатобриана **«О Вере»** (С. 145—148; подпись *Б.*).

Атрибуция перевода: *Хетсо*. С. 272.

СЕНТЯБРЬ, 1. Кишинев. Пушкин отвечает на не дошедшее до нас письмо Вяземского: «<...> Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского. Он более, чем подражатель подражателей, он полон истинной элегической поэзии<...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 44.

СЕНТЯБРЬ, 1. Москва. Ценз. разр. альманаху «Новые Аониды» на 1823 г. с перепечаткой «Разуверения» под загл. **«Элегия» («Не искушай меня без нужды...»)** (С. 101; подпись *Баратынскій*).

СЕНТЯБРЬ, 4. Кишинев. Пушкин — Л. С. Пушкину: «<...> Читал стихи и прозу Кюх<ельбекера> — что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию <...> славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремия. Что бы сказал Гомер и Пиндар? — но что говорят Дельвиг и Баратынский? <...>»

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 45.

СЕНТЯБРЬ, 21. Начало отпуска Боратынского (до 1 февраля 1823) — он едет в Мару (?).

О времени отпуска см. в официальных документах Боратынского: 1825, дек., 27; 1831, июль, 26.

СЕНТЯБРЬ, середина 20-х чисел (?).Боратынский в Петербурге проездом в Мару (?). О его пребывании на родине в октябре 1821 — январе 1822 г. документальных сведений нет.

СЕНТЯБРЬ, 27. Кишинев. Пушкин — Гнедичу: «<...> Дельвигу и Баратынскому буду писать». (Видимо, Пушкин полагал, что Боратынский, как и Дельвиг, продолжает оставаться в Петербурге).

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 49.

ОСЕНЬ. Петербург. Начало массированной полемики «благонамеренных» (круг А. Е. Измайлова: Остолопов, Сомов, Федоров, Цертелев и др.) против Боратынского, Дельвига и Кюхельбекера (вероятно, поводом для полемической вспышки послужили «Певцы 15-го класса» — см. выше: июль, 10—31). Основные полемические тексты второй половины 1822 — 1823 г.:

А. Е. Измайлов. Куплеты, прибавленные посторонними <продолжение «Певцов 15-го класса», направленное против Дельвига и Боратынского>:

Барон я! баловень Парнаса.
В Лицее не учился, спал
И с Кюхельбекером попал
В певцы 15-го класса.

Я унтер — но я сын Пегаса.
В стихах моих: *былое, даль,*
Вино, иконы, <б...> девы... жаль,
Что я 15 класса.

Не только муз, но и Пегаса
Своею харей испугал
И, совесть потеряв, попал
В писцы 15 класса.

Изд. 1936. Т. 2. С. 298 (первые две строфы); *Вацуро* 1975. С. 156 (полностью, с уточнением авторства А. Е. Измайлова).

А. Е. Измайлов. К Баратынскому:

Остер, как унтерский тесак,
Хоть мыслями и не обилен,
Но в эпитетах звучен, силен —
И Дельвиг сам не пишет так!

Изд. 1936. Т. 2. С. 298 (с разночтениями в 1-й и 2-й строках); *Вацуро* 1975. С. 156 (с уточнением авторства Измайлова).

Н. Ф. Остолопов. Надпись к портрету Баратынского:

Он щедро награжден судьбой!
Рифмач безграмотный, но Дельвигом прославлен!
Он унтер-офицер, но от побой
Дворянской грамотой избавлен.

Изд. 1936. Т. 2. С. 248 (текст); *Вацуро* 1975. С. 155—156 (указание авторства Остолопова).

Неизвестное лицо. Завещание Баратынского:

Долги — на память о поэте —
Заимодавцам я дарю...
Стихотворенья — доброй Лете,
Мундир мой унтерский — царю.

Петряев Е. Д. Люди. Рукописи. Книги. Киров, 1970. С. 24; *Кожинов* 1975. С. 153 (ошибочно приписано самому Боратынскому); *Вацуро* 1975. С. 154 (опровержение предыдущей атрибуции).

Б. М. Федоров. Honny soit qui mal y pense <Стыдно тому, кто дурно об этом подумает>:

В элегии, посланье и романсе
На пир и к чашам он зовет.
Honny soit qui mal y pense —
И чаши даже в доме нет!

В элегии, посланье и романсе
Увял для жизненных утех!
Honny soit qui mal y pense —
Он в людях ест и пьет за трех.

В элегии, посланье и романсе
Желаний негой он томим.
Honny soit qui mal y pense —
Он дремлет, и читатель с ним.

В элегии, посланье и романсе
Себя поэтом он зовет!
Honny soit qui mal y pense —
И в этом также правды нет.

Впервые: *Брюсов*. 1901. С. 347. Стих. написано до 8 окт. 1822 — см. упоминание о нем в письме от этого числа А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву (РА. 1871. № 6. Ст. 971).

Б. М. Федоров. Союз поэтов:

Сурков Тевтонова возносит;
Тевтонов для него венцов бессмертья просит;
Барабинский, прославленный от них,
Их прославляет обоих.

Один напишет: *мой Гораций*!
Другой в ответ: *любимец граций*!<...>
Тевтонова Сурков в посланьях восхвалял:
О Гений на все роды!
Тевтонов же к нему взывал:
О баловень природы!
А третий друг,
Возвысив дух,
Кричит: вы *баловни природы*!
А те ему: *о Гений на все роды!* <...>

(Сурков — Дельвиг; Тевтонов — Кюхельбекер; Барабинский — Баратынский). Благонамеренный. 1822. Ч. 19. № 39. С. 512—514; Вестник Европы. 1822. № 19. С. 211—213. Оба текста с подписью *Д. Врс-въ.*

О. М. Сомов. <Сатира на современных поэтов>:

<...>Хвала вам, тройственный союз!
Душите нас стихами!
Вильгельм и *Дельвиг*, чада муз,
Бард *Баратынский* с вами!
Собрат ваш каждый — Зевса сын
И *баловень природы*,
И Пинда ранний гражданин,
И гений на все роды!
Хвала вам всем: хвала, барон,
Тебе, певец видений!
Тебе Вильгельм, за лирный звон,
И честь тебе, Евгений! <...>

Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 224—227 (подготовка текста В. Э. Вацуро; датировка: 1823). — Обзор полемики 1822—1823 гг. см.: *Вацуро* СДП. С. 233 и след.

Боратынский отвечал «благонамеренным» несколькими эпиграммами и сатирой «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» (см.: 1823, первая половина года).

ДЕКАБРЬ, 11. Петербург. В заседании Вольного общества любителей российской словесности Дельвиг читает свой «Сонет. Н. М. Языкову», в заключительных строках которого сказано о Пушкине и Боратынском: «<...> Я Пушкина младенцем полюбил, // С ним разделял и грусть и наслажденье, // И первый я его услышал пенье // И за себя богов благословил. // Певца Пиров я с музой подружил // И славой их горжусь в вознагражденье» (опубл. 22 янв. 1823: Соревнователь. 1823. Ч. 21. Кн. 1. С. 58).

Журн. ВОЛРС. С. 425 (дата чтения); *Могилянский* 1956. С. 393 (дата публикации).

ДЕКАБРЬ, 22. Петербург. Вышла «Полярная звезда» на 1823 г. (СПб., 1823; ценз. разр. 11 ноября 1822) со стих. Боратынского **«Весна»** (С. 85—86; подпись *Баратынскій*) (с разночтениями перепечатано: «Весна» — Изд. 1827; «На звук цевницы голосистой...» — Изд. 1835; читано в собрании «соревнователей»: 1822, апр., 17) и **«К Дельвигу» («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»** (С. 374—376; подпись *Баратынскій*) (др. ред. с загл. «Дельвигу» — Изд. 1827; Изд. 1835; читано в собрании «соревнователей»: 1822, янв., 16). — В той же «Полярной звезде» — критический обзор А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», где сказано и о Боратынском: «*Баратынский* по гармонии стихов и меткому употреблению языка может стать наряду с Пушкиным. Он нравится новостью оборотов; его мысли не величественны, но очень милы. «Пиры» Баратынского игривы и забавны. Во многих безделках виден развивающийся дар; некоторые из них похищены, кажется, из Альбома Граций» (С. 28).

Могилянский 1956. С. 393 (дата).

ДЕКАБРЬ, 27. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1822. Кн. 2. № 26) с переводом Боратынского из «Гения Христианства» Шатобриана **«О Надежде и Любви»** (С. 193—196; подпись *Б.*).

Атрибуция перевода: *Хетсо.* С. 272.

1823—1825(?)

Около этого времени сочинено стих. **«С неба чистая, золотистая...»**, приписываемое Боратынскому.

Л. Е. Боратынский. 1869. С. 394. 1869. С. 394 («В Петербурге Евгений Абрамович познакомился с некоторыми из декабристов <...>, но ни он, ни Дельвиг не были посвящены в тайны существовавшего уже тогда политического общества, хотя Боратынский, в молодых годах, не разделяя их цели, со всем увлечением своих лет сочувствовал тому, что заключается великодушного в обширном, неопределенном и гибком значении слова *свобода*»).

1823

Боратынский живет в Маре (?) (январь); с февраля до конца года в Финляндии; летом — поездка в Петербург (?).

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. Написан ответ на продолжающиеся выпады со стороны писателей круга А. Е. Измайлова (см. 1822, осень): сатира **«Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры»**. Ранние ред. («Души признательной всегдашней властелин...») — с выпадами против Панаева, Измайлова, Цертелева, П. Л. Яковлева, Федорова и Сомова — опубл. В. Я. Брюсовым: Весы. 1908. № 5. С. 53—58; М. Л. Гофманом: Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 48—52; 238—240; *Вацуро* 1974. С. 58—59; др. ред. — без личностей: «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» («Враг суетных утех и враг утех позорных...») — Изд. 1827; «Г—чу» — Изд. 1835. — Может быть, тогда же написаны эпиграммы Боратынского **«Идиллик новый на искус...»** (против В. И. Панаева) (опубл.: Изд. 1827), **«Я унтер, други! — точно так...»** (опубл.: Отечественные записки. 1865. № 8. С. 291 — публикация М. И. Семевского со слов А. Н. Креницына); **«Везде бранит поэт Клеон...»** (опубл. в Изд. 1827 с загл. «Эпиграмма»; в Изд. 1884: «Везде бранит поэт Глупон...»); **«Так, он ленивец, он негодник...»** (опубл. в Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 87). — Конкретные адресаты эпиграмм точно не установлены.

ЯНВАРЬ, 1...10. Кишинев. Пушкин — Л. С. Пушкину: «<...> Дельвигу поклон, Баратынскому также. Этот ничего не печатает, а я читать разучусь<...>»

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 54.

ЯНВАРЬ, 8—10. Петербург. В «Русском инвалиде» (№ 5—7) рецензия В. И. Козлова на «Полярную звезду» на 1823 г. (см. 1822, дек., 22) — в частности, сказано, что «здесь блистают знаменитые имена и изящные произведения Жуковского, Крылова, кн. Вяземского, А. Пушкина, Давыдова, Баратынского, Гнедича» (№ 7. С. 28); выражено согласие с оценкой, данной А. А. Бестужевым Боратынскому.

ЯНВАРЬ, 18. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1823. Кн. 3. № 2) со стих. **«К Б*» («Итак, беспечного досуга...»)** (С. 28—29; подпись *Е. Баратынскій*) — др. ред. послания к брату Ираклию («Брату при отъезде его в армию»). См. 1820, янв., 6.

ЯНВАРЬ, 22. Петербург. В «Соревнователе просвещения и благотворения» (Кн. 1. С. 58—59) — «Сонет Н. М. Языкову» А. А. Дельвига, в заключительных строках которого говорится о Боратынском (см. выше: 1822, дек., 11).

Могилянский 1956. С. 393 (дата).

ЯНВАРЬ, 30. Кишинев. Пушкин — Л. С. Пушкину: «<...>Бестужев прислал мне <Полярную> Звезду <на 1823 г.> эта книга достойна всякого внимания; жалею, что Баратынский поскупился — я надеялся на него <...>» (В «Полярной звезде» Боратынский напечатал только два стихотворения — см.: 1822, дек. 22).

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 56.

ЯНВАРЬ, 1. Окончился отпуск Боратынского (начало: 1821, сент., 21); он возвращается из Мары (?) к месту дислокации Нейшлотского полка — в Роченсальм.

«Роченсальмскую зиму провели мы <Боратынский и Коншин> в особом домике, упертом окнами в каменную гору. <...> Сначала скука его была нестерпима; за ней последовало усилие рассеять себя чем бы то ни было, то есть посещением того и другого, и друга и недруга <...> все же мы имели несколько домов, где не скучали. <...> — Старые моряки, доживавшие в Роченсальме земной срок, разнообразили также много скучную стоянку в этой крепости; их живые рассказы о морских событиях чрезвычайно были занимательны. Кроме этого, флотская молодежь, случайно посещавшая здешние воды, возила нас по кораблям и давала в честь поэта пиры, и на якоре и под парусами. Двойное поклонение воздавалось Боратынскому на флоте: старики адмиралы ласкали его как сына, быв или друзьями или сослуживцами его отцу и дядям; те же из офицеров, кои принадлежали более по образу мыслей и по просвещению к поколению новому, чтили в нем отечественного поэта, имя которого было уже одной из знаменитостей того времени. Воспоминание об этих братских пирушках навело мне на память следующую быль. Однажды Боратынский, быв в гостях, подошел к игорному столу и соблазнился от скуки поставить карту, увлекшись неудачей, ставил он карту за картой и наконец проиграл сот восемь рублей. Когда об этом дошло до сведения полковых его товарищей, то это их так взволновало, что едва не побранились на другой день с хозяевами этого вечера. — *Как можно играть с нашим Евгением в серьезную игру*, — говорили добродушные нейшлотцы, — *когда он прост в жизни своей, как младенец!* — Боратынского очень тронуло это участие, он от души смеялся, объяснял, что тут не было никакого обмана, что играл по собственной воле, но, при всем этом, не иначе, однако же, успокоил своих ратных друзей, как дав им слово не браться вперед за карты. Я не умолчал об этом потому, что здесь ярко просвечивает и благородство полкового общества, и характер того чувства, которое питали к Боратынскому его сослуживцы. — Вот еще картинка из того времени. — Раз на утреннем ученье, один из молодых капитанов, соперник Боратынского в паркетных финляндских победах, в слепом порыве ревности, принес мне на него жалобу за бальную перед собой неучтивость. Как я ни удивился этой новизне, но не возразил ни слова и обещал дать удовлетворение. Дитя моего сердца не думал, не гадал услышать подобную странность. Он весело встретил меня с чаем и начал было рассказывать свои любезности на вчерашнем бале. — Как громом пораженный остановился он от моих слов! — *Вот ты говоришь не роптать!.. Вот мое положение!.. Что я ему сделал!* — говорил он с жаром. Успокоив его, показав вещь просто и прямо, я сказал: если он поступил с тобой как капитан с унтер-офицером, то и ты поступи с ним как унтер-офицер с капитаном: надень солдатскую шинель и поди просить прощения. Он одобрил мой план и развеселился. Ангелом кротости, покорный к своему положению, он, наш любимец, окруженный и славой, и любовью, и дружеством, окруженный участием целого края, побрел в солдатской шинели к Нейшлотскому г. капитану просить прощения. Долго я смотрел на него из окон нашей хижины и помирал со смеху, как неуклюже перебирался он через каменья в своем странном наряде, которым взбудоражил целую казарму! Я предвидел сцену, какая произой-

дет из этого: обиженный так растерялся, что не находил долго слов, он сам стал просить прощения у Евгения Абрамовича со слезами на глазах; но за всем этим, будучи благородным в душе человеком, долго совестился своей выходки и бегал от нас» (*Коншин*. Изд. 1985. С. 398—400).

ФЕВРАЛЬ (?). Роченсальм. Боратынский начинает писать «финляндскую повесть» «Эда».

«Из круга литераторов, из области науки Боратынский вынес мысль, что надобно посвятить себя *труду художественному*. Доселе мелкие стихотворения были не что другое, как вздохи сердца, вспышки ума или мысли, словом — излиянием внутренней жизни поэта: даже поэма *Пиры* была слепком с виденного; отныне он предпринял быть художником, и наступившую зиму посвятил *Эде*» (*Коншин*. Изд. 1958. С. 398).

ФЕВРАЛЬ — ДЕКАБРЬ (?). Роченсальм. Боратынский вписывает в альбом Аннеты Лутковской (см. о ней: Род., № 13.11) четыре стих.: **«Младые грации сплели тебе венок...»** (впервые опубл. Б. Л. Модзалевским: Известия Академии наук. 1911. № 7. С. 522); **«Мила, как Грация, скромна...»** (опубл. с загл. «В альбом Софии» в «Славянине», 1827, янв., 15; в Изд. 1835 — без загл.); **«Тебя ль изобразить и ты ль изобразима...»** (измененный текст стих., обращенного к В. Н. Кучиной — см.: 1819, март, 14; 31: «Портрет В...»); **«Вы слишком многими любимы...»** (переадресовка стих., обращенного к С. Д. Пономаревой — см. 1821, февр., 20-е числа; март, 7). — О пятом стих., записанном в альбом Лутковской («Когда придется какнибудь...»), см. 1824, февр., 15. Может быть, к Лутковской обращено также стих. «К Аннете» (в ее альбом не вписано; см. 1826, февр., 25).

ПД. 73 (I. м.). Л. 8, 10, 13, 16 (альбом А. В. Лутковской). Время первых записей в альбоме относится к 1820—1821 гг., что определяется подписью под альбомным стих. Коншина: *Фридрихсгам* (Л. 4). Нейшлотский полк дислоцировался во Фридрихсгаме до середины апреля 1821 г. (см. 1821, апр., 13—17), затем во время стоянки нейшлотцев в Петербурге (май 1821 — июль 1822) Фридрихсгам выгорел (см. 1821, авг., 6), по возвращении в Финляндию (1822, авг., 20—21) полк расположился квартирами в Роченсальме и более за время службы в нем Боратынского и Коншина во Фридрихсгам не возвращался. Поэтому первые записи Боратынского в альбом Лутковской вполне можно было бы датировать еще «фридрихсгамским периодом» (январь — декабрь 1820; март — апрель 1821). — На чем основана датировка этих стихов Боратынского в альбоме Лутковской 1824 годом (см., например: *Гофман* 1914—1915. Т. 1. С. 250; Изд. 1989. С. 125), непонятно. — Мистифицированный заголовок журнальной публикации стих. «Мила, как грация, скромна...» — «В альбом Софии» — позволил предполагать, что текст был первоначально обращен к С. Д. Пономаревой (см.: Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 250; *Фризман* 1982. С. 587). Однако содержание этого мадригала не соотносится ни с характером Пономаревой, ни с характером ее отношений с Боратынским.

ФЕВРАЛЬ, 8. Москва. В «Вестнике Европы» (№ 2) — рецензия на «Полярную звезду» на 1823 г. Н. В. Путяты и отдельная рецензия на статью А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» В. Ф. Одоевского. Одоевский сомневается в возможности упоминать Боратынского в одном ряду с Пушкиным — этим «новым Прометеем и триумвиром Поэзии» (С. 145).

Дата: *Цявловский* 1991. С. 340.

МАРТ, 29. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1823. Кн. 3. № 12) со стих. **«Падение листьев» («Поблекнули ковры полей...»)** (С. 186—187; подпись *Баратынскій*). Др. ред.: «Падение листьев. Подражание Мильвуа» («Желтел печально злак полей...») — Изд. 1827; «Падение листьев» — Изд. 1835 (воспроизведение текста 1827 г.); «Падение листьев» — Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 235—236.

АПРЕЛЬ, 9. Петербург. В «Соревнователе просвещения и благотворения» (Ч. 22. Кн. 1. С. 69—79) — «Послание к Людмилу» М. Н. Загоскина. В заключительной части послания — сатира и пародия на стихи «союза поэтов»: «<...> Будь

лириком, мой друг, примись-ка за посланья, // Писателей, друзей хвалить не уставай! <...> // Описывай пиры, а чаще их давай!<...>// Оплачь потерю дней, в чужбине проведенных, // Кипящей младости отцветшие года. // <...> описывай всегда // Души растерзанной все бури и ненастья, // Цвет жизни молодой, грядущего обет, // Бывалые мечты, а пуще сладострастье: // Без этого словца в стихах спасенья нет <...>» (*«Бывалые мечты»* — цитата из «Разуверения», строка 14; *«сладострастье»* — см.: «Отрывки из поэмы: Воспоминания», ст. 41; «К<оншину>» («Поверь, мой милый друг...»), ст. 3; «Послание к б<арону> Дельвигу», ст. 14; «К<оншину>» («Пора покинуть, милый друг...»), ст. 14; «Элегия» («Нет, не бывать тому, что было прежде...»), ст. 11; «Отъезд», ст. 25; «Весна» («Мечты волшебные...»), ст. 16).

Дата: *Могилянский* 1956. С. 393.

АПРЕЛЬ, до 22. Роченсальм. Письмо Боратынского к маменьке в Кирсанов или в Мару (на фр. яз.; без даты): «Vous avez été sans doute étonnée de recevoir le bonnet invisible...» — Перевод: «Вы, конечно, были удивлены, получив чепец-невидимку, запечатанный под видом письма. — Я приготовил для него лучшую обертку, но тяжелых пакетов на здешней почте не принимают. — Почта здесь только для писем, и талисман сестры приняли у меня на правах письма. Едва я исполнил, сколько мог благочестиво, долг благочестия, уже близится Пасха <22 апреля>. Поздравляю вас от всего сердца. — У вас праздники будут великолепны, весна в разгаре, воображаю, как прекрасны небеса и солнце. Наш удел не так счастлив: хорошая погода еще не наступала, а ветры приносят с моря холод и влагу. Это томит меня, ибо я люблю весну и жду ее прихода. Время я провожу весьма однообразно, впрочем, совсем не скучаю. Следую вашим наставлениям: много хожу. Рассеиваюсь тем, что взбираюсь на наши скалы, обретающие понемногу свою особенную красоту. Зеленый мох, покрывающий их, выглядит в лучах солнца дивно прекрасным. — Простите, что говорю лишь о погоде, но уверяю вас, здесь она занимает меня более прочего. Пребывая почти наедине с природой, я вижу в ней истинного друга и говорю с вами о ней... как говорил бы о Дельвиге, будь я в Петербурге. Я продолжаю читать по-немецки. Бог знает, есть ли успехи, по крайней мере, я докучаю всем офицерам, знающим этот язык, своими вопросами и желанием говорить на нем. Эти господа весьма забавны и, даром что немцы, на своем языке умеют только разговаривать, а читать не способны, и очень редко могут мне помочь; я вынужден оставлять места, которые не могу перевести со словарем. Так проходят дни, и я рад тому, что чем больше их уходит, тем ближе моя цель — день, когда к удовольствию узнать Финляндию я смогу прибавить удовольствие покинуть ее надолго. — Прощайте, любезная маменька, представляю, как вы сейчас заняты деревьями и огородом, и представляю с удовольствием — ибо для вас это наслаждение. Передайте мои уверения в дружбе сестрам. — Поклоны и поздравления любезной тетушке».

М. С. 39—40 (текст письма, датировка: апрель 1820—1825?); ИП. С. 235 (перевод), 346 (дата).

МАЙ, между 9 — 28. Кишинев. Пушкин набрасывает профиль Боратынского в черновике «Евгения Онегина» (гл. 1, строфы III—IV).

Загвозкина 1983. С. 41; *Жуйкова* 1989. С. 79.

МАЙ, 13. Кишинев. Пушкин — Гнедичу в Петербург: «<...> От брата давно не получал известия, о Дельвиге и Баратынском также — но я люблю их и ленивых <...>»

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 63.

МАЙ, 14. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1823. Кн. 4. № 18) со стих. Боратынского **«К ***» («Чувствительны мне дружеские пени...»** (С. 78; под-

пись *Баратынскій*). Др. ред.: «Эпилог» — Изд. 1827; тот же текст без загл. — Изд. 1835.

МАЙ, 15 — ИЮЛЬ, 3. Нейшлотский полк расположен в летнем палаточном лагере близ Вильманстранда. Видимо, Боратынский находится здесь же.

РГВИА. Ф. 37. Оп. 191. № 410. Л. 27—27 об.

МАЙ, 20. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1823. Кн. 4. № 19) со стих. Боратынского **«К Лете» («Душ холодных упованье...»)** (С. 95; подпись *Баратынскій*). Без изменений под загл. «Лета» перепечатано в Изд. 1827 и Изд. 1835.

ЛЕТО — ОСЕНЬ (?). Роченсальм. Боратынский и Коншин пишут сатирические куплеты (текст не сохранился).

«Куплеты, однажды за чаем составленные нами, были сообщены публике здешней, с колкими на счет ее прибавлениями, и нас с Боратынским убегали все». (*Коншин.* Для немногих. С. 334).

ИЮНЬ, 7. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1823. Кн. 4. № 22) со стих. Боратынского **«Стансы» («Дало две доли Провидение...»)** (С. 141—142; подпись *Баратынскій*). С мелкими поправками перепечатано: «Две доли» — Изд. 1827; «Дало две доли Провидение...» — Изд. 1835.

ИЮЛЬ, 11. Штаб Нейшлотского полка и 1-й батальон вернулись из вильманстрандского летнего лагеря (см. выше: май, 15 — июль, 3) в Роченсальм (до мая 1824).

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. № 410. Л. 35, 45; № 460. Л. 2.

АВГУСТ, 1. Роченсальм. Дата под посланием Коншина «Боратынскому» («Напрасно я, друг милый мой...»). Место сочинения, указанное в автографе: *На Котке* (Котка — финское название Роченсальма).

Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 361—362, 743 (публикация и определение года — В. Э. Вацуро).

АВГУСТ (?). Может быть, Боратынский приезжает ненадолго в Петербург.

Единственное свидетельство об этой поездке — в письме А. А. Бестужева к Вяземскому от 23 сентября 1823 г.: «Здесь был Баратынский, у которого мы <Бестужев и Рылеев> купили его сочинения за 1000 рублей» (ЛН. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 207). — Видимо, тогда же Боратынский обещает Рылееву и Бестужеву прислать в скором времени свои стихи для публикации отдельной книгой (см. далее: окт... декабрь) и отдает им же для публикации в «Полярной звезде» несколько стихотворений (см. далее: окт., 6; дек., 20). — Видимо, тогда же Боратынский соглашается принять участие в коллективном переводе трагедии А. Гиро «Маккавеи» — для постановки с Е. С. Семеновой в главной роли (инициатива Гнедича); кроме Боратынского переводить «Маккавеев» собирались Дельвиг, Плетнев, Лобанов и Рылеев: каждый должен был перевести по одному акту. О том, чем кончилось дело, см. далее: 1823, окт... дек. (письмо к Рылееву и Бестужеву); 1824, ноябрь — дек. (письмо к Лобанову).

СЕНТЯБРЬ, 10-е числа. Роченсальм. К Боратынскому и Коншину приезжают Дельвиг, Эртель и Павлищев: «несколько дней прожито было поэтически в кругу полкового общества» (*Коншин.* Изд. 1958. С. 400). Видимо, в это время Дельвигом сочинена «Застольная песня» («Ничто не бессмертно, не прочно...») (перевод из А. Коцебу) (опубл.: Царское Село на 1830. С. 138 с подзаголовком: «Посвящена Баратынскому и Коншину»). По словам Эртеля, в сочинении песни участвовали также Боратынский, Эристов и сам Эртель (*Эртель* 1832. С. 316). — Может быть, тогда же Дельвиг пишет стих., обращенное к Боратынскому: «У нас, у небольших певцов...» (опубл. В. П. Гаевским под загл. «В альбом Б.»: Современник. 1853. № 5. С. 48).

ИП. С. 327—328, 346, 359. Время поездки в Роченсальм, неверно указанное Коншиным (лето 1823 — см.: *Коншин.* Изд. 1958. С. 400), уточняется сообщением из письма

Е. А. Энгельгардта к В. К. Кюхельбекеру, 14.9.1823: «Дельвиг поехал зачем-то в Финляндию» (РС. 1875. Т. 13. № 7. С. 374). — Основание для датировки послания Дельвига Боратынскому — в тексте самого послания: упоминание миновавшего лета и ситуация встречи друзей, что более всего подходит к сент. 1823 (согласен, что основание шаткое).

СЕНТЯБРЬ, 12. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1823. Кн. 5. № 34) со стих. **«К девушке, которая на вопрос: как ее зовут? отвечала: не знаю»** (С. 128; подпись *Е. Баратынскій*) — перепечатка из «Невского зрителя» (см. 1820, февр., 11).

ОКТЯБРЬ... ДЕКАБРЬ (?). Роченсальм. Боратынский пересылает Рылееву и Бестужеву тетрадь своих стихов для издания их отдельной книгой и вскоре после того пишет им письмо (без даты): «Милые собратья Бестужев и Рылеев! Извините, что не писал к вам вместе с присылкою остальной моей дряни, как бы следовало честному человеку. Я уверен, что у вас столько же добродушия, сколько во мне лени и бестолочи. Позвольте приступить к делу. Возьмите на себя, любезные братья, классифицировать мои пьесы. В первой тетради они у меня переписаны без всякого порядка, особенно вторая книга элегий имеет нужду в пересмотре; я желал бы, чтобы мои пьесы по своему расположению представляли некоторую связь между собою, к чему они до известной степени способны. Второе: уведомьте, какие именно стихи не будет пропускать честная цензура: я, может быть, успею их переделать. Третье: Дельвиг мне пишет, что «Маккавеи» <трагедия А. Гиро — см. выше: авг. (?)> мне будут доставлены через тебя, любезный Рылеев, пришли их поскорее: переводить так переводить. Впрочем, я душевно буду рад, ежели без меня обойдутся. Четвертое: о други и братья! постарайтесь в чистеньком наряде представить деток моих свету, — книги, как и людей, часто принимают по платью. — Прощайте, мои милые, желаю всего того, чем сам не пользуюсь: наслаждений, отдохновений, счастия, — жирных обедов, доброго вина, ласковых любовниц. Остаюсь со всею скукою финляндского житья душевно вам преданный — Боратынский».

РС. 1888. № 11. С. 321—322. Автограф — ПД. Ф. 269. Оп. 1. № 48. Традиционная датировка письма весной 1824 г. (см. Изд. 1951. С. 469; Изд. 1987. С. 141) — более чем сомнительна. Вряд ли Боратынский до весны 1824 г. не получал «Маккавеев» (о готовности переводить он сообщает в письме), в то время как Плетнев уже к 28 ноября 1823 г. перевел свой акт из трагедии Гиро (см. об этом в письме Плетнева к Гнедичу: Из собрания автографов Имп. Публичной библиотеки. СПб., 1898. С. 33—34). Еще более сомнительно, чтобы весной 1824 г., в разгар хлопот о производстве в офицеры, Боратынский стал бы заботиться об издании своих стихов — скорее, напротив, весной 1824 г. он мог бы просить Рылеева и Бестужева повременить с изданием (ср. с настойчивой просьбой А. И. Тургенева к Вяземскому о том, чтобы московские журналисты не упоминали имени Боратынского в печати — см. 1824, март, 24).

ОКТЯБРЬ, 6. Петербург. Письмо Рылеева к Боратынскому: «Милый Парни! Сатиры твоей <«Гнедичу, который советовал...» — см. 1823, первая половина года> не пропускает Бируков <цензор>. На днях я пришлю ее к тебе с замечаниями, которые, впрочем, легко выправить. Жаль только, что мы не успеем ее поместить в «Звезде», в которую взяли мы «Рим», «К Хлое» и «Признание»; в сей последней не пропущено слово *небесного огня*. Дельвиг поставил *прекрасного*. Нет ли чего новенького? Ради бога присылай. Трех новых пьес Пушкина не пропустили. В следующем письме пришлю к тебе списки с них. В одном послании <«Алексееву»> он говорит:

Прошел веселый жизни праздник!
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
Нельзя ль найти подруги нежной,

Нельзя ль найти любви надежной, —
И ничего не нахожу.

Усердный твой читатель и почитатель К. Рылеев. — СПб. Октября 6 дня 1822 <так!>».

Грен 1861. С. 314; *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1907. С. 165—166 (с ошибкой в дате: ...сентября 6); *Рылеев.* Изд. 1934. С. 465—466 (повторение ошибки предыдущего изд.). Публикации Боратынского в ПЗ 1824 см.: 1823, дек., 20. Стих. «Хлое» («Приманкой ласковых речей...») в ПЗ не опубл., ибо его напечатал прежде Воейков в НЛ — см. 1823, окт., 30. Хотя письмо Рылеева впервые напечатано вместе с фальсификациями его публикатора А. Е. Грена, оно скорее всего является подлинным (см.: *Маслов* 1912. С. 88; *Филиппович* 1917. С. 18). Может быть, подлинным является и число *Октября 6*, но год проставлен явно самим Греном, ибо по содержанию текст связан с событиями осени 1823 (а не 1822) года, когда Рылеев и Бестужев готовили издание ПЗ 1824, в которое вошла часть упомянутых в письме стихов. — Вместе с письмом Рылеева Грен поместил следующую записку якобы Боратынского к Пушкину: «Любезный Александр! Препровождаю к тебе письмо Рылеева, из которого увидишь ты, что стихи твои не пропущены. Постарайся переделать их и пришли скорее к Дельвигу. — Твой весь Баратынский. — 10 октября 1822 года». Несмотря на передатировку этой записки 1823 годом — для согласования с датой письма Рылеева (см.: *Филиппович* 1917. С. 18) и на новые аргументы в пользу ее подлинности (см.: *Альтшуллер* 1995. С. 31), мы полагаем, что это сочинение самого Грена, ибо невероятно, чтобы Боратынский, оторванный от петербургской литературной жизни и обитающий в Роченсальме, получив письмо из Петербурга, стал бы посылать его Пушкину в Одессу, да еще просил бы прислать переделанные стихи (которых сам еще не читал) Дельвигу в Петербург; в данной ситуации Боратынскому менее всего подходит роль посредника.

ОКТЯБРЬ, 9. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1823. Кн. 5. № 38) со стих. Боратынского: **«Размолвка» («Прости, сказать ты поспешаешь мне...»)** (С. 190; подпись *Баратынскій*) (вероятный адресат — С. Д. Пономарева; др. ред.: «Размолвка» («Мне о любви твердила ты шутя...» — Изд. 1827) и **«Безнадежность»** (С. 190; подпись *Баратынскій*) (с разночтениями перепечатано: «Безнадежность» — Изд. 1827; «Желанье счастия в меня вдохнули боги...» — Изд. 1835).

ОКТЯБРЬ, вторая половина. Петербург. Дельвиг (?) посылает Пушкину в Одессу список (или выписку из) сатиры Боратынского «Гнедичу, который советовал...» (см.: 1823, первая половина, года; сент., 6). См. далее: ноябрь, 16.

ОКТЯБРЬ, 30. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1823. Кн. 6. № 40) со стих. Боратынского **«Хлое» («Приманкой ласковых речей...»)** (С. 14—15; подпись *Баратынскій*). Др. ред.: «К...о» — Изд. 1827; «Приманкой ласковых речей...» — Изд. 1835. Адресат — С. Д. Пономарева (см. 1821, март, 7).

НОЯБРЬ, 8. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1823. Кн. 6. № 41) со стих. Боратынского **«Н. И. Гнедичу» («Столицей шумною в изгнаньи позабыт...»)** (С. 29—32; подпись *Б—ій*). Др. ред. с тем же заглавием — Изд. 1827, Изд. 1835 («Так! для отрадных чувств еще я не погиб!..»); Изд. 1914—1915; Изд. 1982 («Нет! в одиночестве душой изнемогая...»).

НОЯБРЬ, 16. Одесса. Пушкин — Дельвигу: «<...> Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной Музе Баратынского. Жду и не дождусь появления в свет ваших стихов <...>. Сатира к Гнедичу мне не нравится, даром, что стихи прекрасные; в них мало перца; *Сомов безмундирный* непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостию писателя? <...>». (Пушкин цитирует фразу из сатиры Боратынского, направленную против О. М. Сомова).

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 74—75.

НОЯБРЬ, 23. Роченсальм. Коншин выходит в отставку и в январе уедет из Финляндии.

ДЕКАБРЬ. Петербург. Начинаются новые хлопоты о производстве Боратынского в офицеры. Жуковский просит Боратынского изложить историю пажеской катастрофы. Боратынский пишет свой исповедальный ответ (см. далее: дек., до 20—25).

ДЕКАБРЬ, 20. Петербург. Вышла «Полярная звезда» на 1824 г. (СПб., 1824; ценз. разр. — 20 дек. 1823, однако материалы альманаха были отданы в цензуру еще в конце августа — см. выше письмо Рылеева: сент., 6); здесь пять стих. Боратынского: **«Истина. Ода»** (С. 19—21; подпись *Баратынскій*; др. ред.: «Истина» — Изд. 1827; «О счастии с младенчества тоскуя...» — Изд. 1835; Изд. 1884); **«Аглае» («О своенравная Аглая!..»)** (С. 27—28; подпись *Баратынскій*; др. ред.: «О своенравная София!..» — Альбом С. Д. Пономаревой, см.: 1821, сент. — дек. (?); «Аглае» — Изд. 1827; «О своенравная София!..» — Изд. 1835; Изд. 1914—1915. Т. 1); **«Рим»** (С. 63; подпись *Баратынскій*; с разночтениями перепечатано: «Рим» — Изд. 1827; «Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...» — Изд. 1835; раннее загл.: «К Риму» — см. 1821, авг., 22); **«К **» («Влюбился я, полковник мой...»)** (С. 259—261; подпись *Б.*; др. ред.: «Л—му» — Изд. 1827; «Лутковскому» — Изд. 1835; Изд. 1884); **«Признание»** (С. 312—313; подпись *Баратынскій*; др. ред.: «Притворной нежности не требуй от меня...» — Изд. 1835). — В той же «Полярной звезде» — статья А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года», где среди публикаций «Новостей литературы» особо отмечено «прелестное «Послание к Гнедичу» Баратынского» (см.: «Н. И. Гнедичу» — 1823, ноябрь, 8).

Могилянский 1956. С. 393 (дата).

ДЕКАБРЬ, до 20—25. Роченсальм. Боратынский отправляет свой исповедальный ответ Жуковскому (на рус. яз.; без даты; получен до 2 января 1824 г.): «Вы налагаете на меня странную обязанность, почтенный Василий Андреевич; сказал бы трудную, ежели бы знал вас менее. Требуя от меня повести беспутной моей жизни, я уверен, что вы приготовились слушать ее с тем снисхождением, на которое, может быть, дает мне право самая готовность моя к исповеди, довольно для меня невыгодной. — В судьбе моей всегда было что-то особенно несчастное, и это служит главным и общим моим оправданием: все содействовало к уничтожению хороших моих свойств и к развитию злоупотребительных. Любопытно сцепление происшествий и впечатлений, сделавших меня, право, из очень доброго мальчика почти совершенным негодяем. — 12 лет вступил я в Пажеский корпус, живо помня последние слезы моей матери и последние ее наставления, твердо намеренный свято исполнять их, и, как говорится в детском училище, служить примером прилежания и доброго поведения. — Начальником моего отделения был тогда некто Кр<истафо>вич (он теперь уже покойник, чем на беду мою еще не был в то время), человек во всем ограниченный, кроме страсти своей к вину. Он не полюбил меня с первого взгляда и с первого дня вступления моего в корпус уже обращался со мною как с записным шалуном. Ласковый с другими детьми, он был особенно груб со мною. Несправедливость его меня ожесточила: дети самолюбивы не менее взрослых, обиженное самолюбие требует мщения, и я решился отмстить ему. Большими каллиграфическими буквами (у нас был порядочный учитель каллиграфии) написал я на лоскутке бумаги слово *пьяница* и прилепил его к широкой спине моего неприятеля. К несчастию, некоторые из моих товарищей видели мою шалость и, как по-нашему говорится, на меня доказали. Я просидел три дня под арестом, сердясь на самого себя и проклиная Кр<истафо>вича. — Первая моя шалость не сделала меня шалуном в самом деле, но я был уже негодяем в мнении моих начальников. Я получал от них беспрестанные и часто несправедливые оскорбления; вместо того, чтобы дать мне все способы снова приобрести их доброе расположение, они непреклонною своею суровостию отняли у меня надежду и

желание когда-нибудь их умилостивить. — Между тем сердце мое влекло к некоторым из моих товарищей, бывших не на лучшем счету у начальства; но оно влекло меня к ним не потому, что они были шалунами, но потому, что я в них чувствовал (здесь нельзя сказать замечал) лучшие душевные качества, нежели в других. Вы знаете, что резвые мальчики не потому дерутся между собою, не потому дразнят своих учителей и гувернеров, что им хочется быть без обеда, но потому, что обладают большею живостию нрава, большим беспокойством воображения, вообще большею пылкостию чувств, нежели другие дети. Следовательно, я не был еще извергом, когда подружился с теми из моих сверстников, которые сходны были со мною свойствами; но начальники мои глядели на это иначе. Я не сделал еще ни одной особенной шалости, а через год по вступлении моем в корпус они почитали меня почти чудовищем. — Что скажу вам? Я теперь еще живо помню ту минуту, когда, расхаживая взад и вперед по нашей рекреационной зале, я сказал сам себе: буду же я шалуном в самом деле! Мысль не смотреть ни на что, свергнуть с себя всякое принуждение меня восхитила; радостное чувство свободы волновало мою душу, мне казалось, что я приобрел новое существование. — Я пропущу второй год корпусной моей жизни: он не содержит в себе ничего замечательного; но должен говорить о третьем, заключающем в себе известную вам развязку. Мы имели обыкновение после каждого годового экзамена несколько недель ничего не делать — право, которое мы приобрели не знаю каким образом. В это время те из нас, которые имели у себя деньги, брали из грязной лавки Ступина, находящейся подле самого корпуса, книги для чтения, и какие книги! Глориозо, Ринальдо Ринальди, разбойники во всех возможных лесах и подземельях! И я, по несчастию, был из усерднейших читателей! О, если б покойная нянька Дон-Кишота была моею нянькой! С какою бы решительностью она бросила в печь весь этот разбойничий вздор, стоющий рыцарского вздора, от которого охладел несчастный ее хозяин! Книги, про которые я говорил, и в особенности Шиллеров Карл Моор, разгорячили мое воображение; разбойничья жизнь казалась для меня завиднейшею в свете, и, природно-беспокойный и предприимчивый, я задумал составить общество мстителей, имеющее целию сколько возможно мучить наших начальников. — Описание нашего общества может быть забавно и занимательно после главной мысли, взятой из Шиллера, и остальным, совершенно детским его подробностям. Нас было пятеро. Мы сбирались каждый вечер на чердак после ужина. По общему условию ничего не ели за общим столом, а уносили оттуда все съестные припасы, которые возможно было унести в карманах, и потом свободно пировали в нашем убежище. Тут-то оплакивали мы вместе судьбу свою, тут выдумывали разного рода проказы, которые после решительно приводили в действие. Иногда наши учители находили свои шляпы прибитыми к окнам, на которые их клали, иногда офицеры наши приходили домой с обрезанными шарфами. Нашему инспектору мы однажды всыпали толченых шпанских мух в табакерку, отчего у него раздулся нос; всего пересказать невозможно. Выдумав шалость, мы по жеребью выбирали исполнителя, он должен был отвечать один, ежели попадется; но самые смелые я обыкновенно брал на себя, как начальник. — Спустя несколько времени, мы (на беду мою) приняли в наше общество еще одного товарища, а именно сына того камергера<Приклонского>, который, я думаю, вам известен как по моему, так и по своему несчастию<камергер Приклонский попал под суд в 1817 г.>. Мы давно замечали, что у него водится что-то слишком много денег; нам казалось невероятным, чтоб родители его давали 14-летнему мальчику по 100 и по 200 р. каждую неделю. Мы вошли к нему в доверенность и узнали, что он подобрал ключ к бюро своего отца, где большими кучами лежат казенные ассигнации, и что он всякую неделю берет оттуда по нескольку бумажек. — Овладев его тайною, разумеется, что мы стали пользоваться и его деньгами. Чердашные наши ужины

стали гораздо повкуснее прежних: мы ели конфеты фунтами; но блаженная эта жизнь недолго продолжалась. Мать нашего товарища, жившая тогда в Москве, сделалась опасно больна и желала видеть своего сына. Он получил отпуск и в знак своего усердия оставил несчастный ключ мне и родственнику своему Х<анык>ову: «Возьмите его, он вам пригодится», — сказал он нам с самым трогательным чувством, и в самом деле он нам слишком пригодился! — Отъезд нашего товарища привел нас в большое уныние. Прощайте, пироги и пирожные, дóлжно ото всего отказаться. Но это было для нас слишком трудно: мы уже приучили себя к роскоши, надобно было приняться за выдумки; думали и выдумали! — Должно вам сказать, что за год перед тем я нечаянно познакомился с известным камергером, и этот случай принадлежит к тем случаям моей жизни, на которых я мог бы основать систему предопределения. Я был в больнице вместе с его сыном и, в скуке долгого выздоровления, устроил маленький кукольный театр. Навестив однажды моего товарища, он очень любовался моею игрушкою и прибавил, что давно обещал такую же маленькой своей дочери, но не мог еще найти хорошо сделанной. Я предложил ему свою от доброго сердца; он принял подарок, очень обласкал меня и просил когда-нибудь приехать к нему с его сыном; но я не воспользовался его приглашением. — Между тем Х<анык>ов, как родственник, часто бывал в его доме. Нам пришло на ум: что возможно одному негодяю, возможно и другому. Но Х<анык>ов объявил нам, что за разные прежние проказы его уже подозревают в доме и будут за ним присматривать, что ему непременно нужен товарищ, который по крайней мере занимал бы собою домашних и отвлекал от него внимание. Я не был, но имел право быть в несчастном доме. Я решился помогать Х<анык>ову. Подошли святки, нас распускали к родным. Обманув, каждый по-своему, дежурных офицеров, все пятеро вышли из корпуса и собрались у Молинари. Мне и Х<анык>ову положено было идти в гости к известной особе, исполнить, если можно, наше намерение и прийти с ответом к нашим товарищам, обязанным нас дожидаться в лавке. — Мы выпили по рюмке ликеру для смелости и пошли очень весело негоднейшею в свете дорогою. — Нужно ли рассказывать остальное? Мы слишком удачно исполнили наше намерение; но по стечению обстоятельств, в которых я и сам не могу дать ясного отчета, похищение наше не осталось тайным, и нас обоих выключили из корпуса с тем, чтоб не определять ни в какую службу, разве пожелаем вступить в военную рядовыми. — Не смею себя оправдывать; но человек добродушный и, конечно, слишком снисходительный, желая уменьшить мой проступок в ваших глазах, сказал бы: вспомните, что в то время не было ему 15 лет; вспомните, что в корпусах то только называют кражею, что похищается у своих, а остальное почитают законным приобретением (des bonnes prises) и что между всеми своими товарищами едва ли нашел бы он двух или трех порицателей, ежели бы счастливо исполнил свою шалость; вспомните, сколько обстоятельств исподволь познакомили с нею его воображение. Сверх того, не более ли своевольства в его поступке? Истинно порочный, следовательно, уже несколько опытный и осторожный, он бы легко расчел, что подвергает себя большой опасности для выгоды довольно маловажной; он же не оставил у себя ни копейки из похищенных денег, а все их отдал своим товарищам. Что его побудило к такому негодному делу? Корпусное молодечество и воображение, испорченное дурным чтением. Из сего следует то единственно, что он способнее других принимать всякого роду впечатления и что при другом воспитании, при других, более просвещенных и внимательных наставниках, самая сия способность, послужившая к его погибели, помогла бы ему превзойти многих из своих товарищей во всем полезном и благородном. — По выключке из корпуса я около года мотался по разным петербургским пансионам. Содержатели их, узнавая, что я тот самый, о котором тогда все говорили, не соглашались держать меня. Я сто раз готов был лишить себя жизни.

Наконец поехал в деревню к моей матери. Никогда не забуду первого с нею свидания! Она отпустила меня свежего и румяного; я возвращаюсь сухой, бледный, с впалыми глазами, как сын Евангелия к отцу своему. *Но еще же ему далече сущу, узре его отец его, и мил ему бысть и тек нападе на выю его и облобыза его.* Я ожидал укоров, но нашел одни слезы, бездну нежности, которая меня тем более трогала, чем я менее был ее достоин. В продолжение четырех лет никто не говорил с моим сердцем; оно сильно встрепетало при живом к нему воззвании; свет его разогнал призраки, омрачившие мое воображение; посреди подробностей существенной гражданской жизни я короче узнал ее условия и ужаснулся как моего поступка, так и его последствий. Здоровье мое не выдержало сих душевных движений: я впал в жестокую нервическую горячку, и едва успели призвать меня к жизни. — 18 лет вступил я рядовым в гвардейский Егерский полк, по собственному желанию; случайно познакомился с некоторыми из наших молодых стихотворцев, и они сообщили мне любовь свою к поэзии. Не знаю, удачны ли были опыты мои для света; но знаю наверно, что для души моей они были спасительны. Через год, по представлению великого князя Николая Павловича, был я произведен в унтерофицеры и переведен в Нейшлотский полк, где нахожусь уже четыре года. — Вы знаете, как неуспешны были все представления, делаемые обо мне моим начальством. Из году в год меня представляли, из году в год напрасная надежда на скорое прощение меня поддерживала; но теперь, признаюсь вам, я начинаю приходить в отчаяние. Не служба моя, к которой я привык, меня обременяет; меня тяготит противоречие моего положения. Я не принадлежу ни к какому сословию, хотя имею какое-то звание. Ничьи надежды, ничьи наслаждения мне не приличны. Я должен ожидать в бездействии, по крайней мере душевном, перемены судьбы моей, ожидать, может быть, еще новые годы! Не смею подать в отставку, хотя, вступив в службу по собственной воле, должен бы иметь право оставить ее, когда мне заблагорассудится; но такую решимость могут принять за своевольство. Мне остается одно раскаяние, что добровольно наложил на себя слишком тяжелые цепи. Должно сносить терпеливо заслуженное несчастие — не спорю; но оно превосходит мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его не только убила мою душу, но даже ослабила разум. — Вот, почтенный Василий Андреевич, моя повесть. Благодарю вас за участие, которое вы во мне принимаете; оно для меня более нежели драгоценно. Ваше доброе сердце мне порукою, что мои признания не ослабят вашего расположения к тому, который много сделал негодного по случаю, но всегда любил хорошее по склонности. — Всей душой вам преданный — Боратынский».

РА. 1868. Вып. 1. Ст. 147—150. В определении даты этого письма мы исходим из даты письма В. А. Жуковского к А. Н. Голицыну (1823, янв., 2), написанного по мотивам письма Боратынского к Жуковскому.

1824

Боратынский — в Финляндии (до конца мая); в Петербурге (10 июня — 5—6 августа); в Роченсальме (после 20 августа); в Гельсингфорсе (с середины октября).

ЯНВАРЬ — МАЙ, 7. Боратынский живет в Роченсальме (здесь квартирует штаб и 1-й батальон Нейшлотского полка).

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 40. № 460. Л. 2.

ЯНВАРЬ — МАРТ. Петербург. Хлопоты В. А. Жуковского и А. И. Тургенева о производстве Боратынского в офицеры. Видимо, А. И. Тургенев просит передать Боратынскому, чтобы он отказался на время от публикации своих стихов, а петербургских и московских журналистов просит не упоминать имени Боратынского (см. повторную просьбу в письме к Вяземскому: март, 24). — До 20 августа Боратынский не напечатал ни одного своего произведения и, соответственно, отдельное издание его стихотворений Рылеевым и Бестужевым было отложено на неопределенное время. (О судьбе этого издания см. далее: 1824, авг., 5—6; 1825, окт., до 5.)

ЯНВАРЬ, 2. Петербург. Жуковский пишет к министру просвещения А. Н. Голицыну: «Милостивый государь князь Александр Николаевич! — Я недавно получил письмо, тронувшее меня до глубины сердца: молодой человек, с пылким и благородным сердцем, одаренный талантами, но готовый, при начале деятельной жизни, погибнуть нравственно от следствий проступка первой молодости, изъясняет в этом письме, просто и искренно, те обстоятельства, которые довели его до этого проступка. Несчастие его не унизило и еще не убило, но это последнее неминуемо, если вовремя спасительная помощь к нему не подоспеет. — Получив его письмо, написанное им по моему требованию (ибо мне были неизвестны подробности случившегося с ним несчастия), я долго был в нерешимости, что делать и где искать этой спасительной помощи. Наконец естественная мысль моя остановилась на вас. Препровождаю письмо его в оригинале к вашему сиятельству. Не оправдываю свободного моего поступка: он есть не иное, как выражение доверенности моей к вашему сердцу, всегда готовому на добро; не иное что, как выражение моей личной, душевной к вам благодарности за то добро, которое вы мне самому сделали. — Письмо Баратынского есть только история его проступка; но он не говорит в нем ни о том, что он *есть теперь*, ни о том, чем бы *мог быть после*. Это моя обязанность. Я знаю его лично и свидетельствуюсь всеми, которые его вместе со мною знают, что он имеет полное право на уважение, как по своему благородству, так и по скромному поведению. Если заслуженное несчастие не унизило его души, то это неоспоримо доказывает, что душа его не рождена быть низкою, что ее заблуждение проистекло *не из нее самой*, а произведено силою обстоятельств и есть нечто ей совершенно чуждое. Кто в летах неопытности, оставленный на произвол собственной пылкости и обольщений внешних, знает, куда они влекут его, и способен угадать последствия, часто решительные на всю жизнь! И чем более живости в душе, то есть именно, чем более в ней такого, что могло бы при обстоятельствах благоприятных способствовать к ее усовершенствованию, тем более для нее опасности, когда нападут на нее обольщения, и никакая чужая, хранительная опытность ее не поддержит. Таково мне кажется *прошедшее* Баратынского: он *споткнулся* на той неровной дороге, на которую забежал потому, что не было хранителя, который бы с любовию остановил его и указал ему другую; но он *не упал*! Убедительным тому доказательством служит еще и то, что именно в такое время, когда он был угнетаем и тягостною участию, и еще более тягостным чувством, что заслужил ее, в нем пробудилось дарование поэзии. Он — поэт! И его талант не есть одно богатство беспокойного воображения, но вместе и чистый огонь души благородной: прекрасными, гармоническими стихами выражает он чувства прекрасные, и простота его слога доказывает, что чувства сии *не поддельные*, а искренно выходящие из сердца. Одним словом, я смело думаю, что в этом несчастном, страдающем от вины, в которую впал он тогда, когда еще не был знаком ни с собою, ни с достоинством жизни, ни с условиями света, скрывается человек, уже совершенно понимающий достоинство жизни и способный занять не последнее место в свете. Но он исключен из этого света. Испытав горесть вины, охраняемый высокостию поэзии, он никогда уже не будет *порочным и низким* (к

тому не готовила его и природа); но что защитит его от *безнадежности*, расслабляющей и мертвящей душу? Возвратись он в свет, он возвратится в него *очищенный*; можно даже подумать, что он будет надежнее многих чистых: временная, насильственная разлука с добродетелью, в продолжение которой он мог узнать и всю ее прелесть, и всю горечь ее утраты, привяжет его к ней, может быть, сильнее самых тех, кои никогда не испытали, что значит потерять ее. — Я смею думать, что письмо мое не покажется вашему сиятельству слишком длинным: я говорил с вами тем языком, который вы лучше других понимать умеете; и мне было легко с вами говорить им, ибо душевно вас уважаю и твердо надеюсь на ваше сердце. Оно научит вас, как поступить в настоящем случае. Представьте Государю Императору письмо Баратынского; прочитав его, вы убедитесь, что оно писано не с тем, чтобы быть показанным. Но тем лучше! Государь узнает истину без украшения. Государь в судьбе Баратынского был явным орудием Промысла: своею спасительною строгостию он пробудил чувство добра в душе, созданной для добра! Теперь настала минута примирения — и Государь же будет этим животворящим примирителем: он довершит начатое, и наказание *исправляющее* не будет наказанием *губящим*. Заключу, повторив здесь те святые слова, которые приводит в письме своем Баратынский: «Еще ему далече сущу, узре его отец его, и мил ему бысть, и тек нападе на выю его, и облобыза его!» Сей отец есть Государь: последствия найдете в Святом Писании. — С истинным почтением и сердечною привязанностию честь имею быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою. — В. Жуковский».

РА. 1868. Кн. 1. Ст. 159—160.

ЯНВАРЬ, 12. Одесса. Пушкин, получивший «Полярную звезду» на 1824 г. (см. 1823, дек. 20), пишет А. Бестужеву: «<...> Баратынский прелесть и чудо. «Признание» — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий <...>». — В черновике письма — профиль Боратынского.

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 84 (текст); *Загвозкина* 1983. С. 40—41; *Жуйкова* 1989. С. 79 (атрибуция рисунка). Автограф — ПД. № 834. Л. 46 об.

ЯНВАРЬ, вторая половина. Роченсальм. Боратынский получает из Петербурга известие о начале новых хлопот о его производстве и пишет три письма: в Петербург: 1) к дядюшке Петру Андреевичу — письмо не сохранилось; 2) к принцессе Вюртембергской (невесте, а с 8 февраля жене великого князя Михаила Павловича — Елене Павловне) — тоже не сохранилось; 3) к Жуковскому (на рус. яз.; без даты): «Почтеннейший Василий Андреевич! По совету дяди моего <Петра Андреевича> я пишу к будущей Великой Княгине Елене Павловне и прошу ее покровительства в моем деле. Для человека Вашего сердца не нужны красноречивые убеждения, чтобы подвинуть его к благодетельной деятельности; довольно одного уведомления. Ежели, при этом случае, Вы можете мне быть полезным, не откажите мне в Вашей помощи. Я с моей стороны уверен, что Великая Княгиня, предуведомленная Вами обо мне, как об человеке с некоторыми дарованиями (Вы не погрешите, ежели кое-что и прибавите), примет двойное во мне участие. Я пишу к дяде, чтоб он постарался перед подаянием письма моего с Вами увидеться. Извините, почтенный Василий Андреевич, ежели я пишу к Вам слишком наскоро и без особого старания. Дядя торопит меня, и в одно утро я должен был изготовить грамоту к Великой Княгине, письмо к нему и это маранье к Вам. Не успевая изъяснить Вам всю мою благодарность за всегдашнее Ваше участие в судьбе моей, оставляю всю ее в моем сердце. Всей душой преданный — Боратынский».

РА. 1871. Вып. 6. Ст. 0240.

ЯНВАРЬ, 29. Петербург. А. Бестужев — Вяземскому в Москву о «Полярной звезде» на 1824 г. (см. 1823, дек., 20): «<...> Пушкин виден у нас как в обломках

зеркала — он поскупился на сей раз; однако ж ода Баратынского, князь, на счастие, право, стоит взгляда <...>» (речь идет о стих. «Истина»: «О счастии с младенчества тоскуя...»).

ЛН. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 212.

ФЕВРАЛЬ. Роченсальм. Боратынский болен (?). — См. далее его письмо к Жуковскому: март, 5.

ФЕВРАЛЬ, 6. Петербург. В «Новостях литературы» (№ 3) — рецензия А. Ф. Воейкова (за подписью *В.*) на двухтомник И. И. Дмитриева 1823 г. — «О новом издании стихотворений И. И. Дмитриева»; здесь между прочим сказано: «Жуковский, Батюшков, А. Пушкин, князь Вяземский, Баратынский и другие отличные нынешние писатели первоначально воспитывали свой слог в школе Карамзина и Дмитриева» (С. 40).

Цявловский 1991. С. 392 (дата).

ФЕВРАЛЬ, 8. Одесса. Пушкин — А. Бестужеву о стихах, помещенных в «Полярной звезде» на 1824 г. (см. 1823, дек., 20): «<...> Плетнева «Родина» хороша, Баратынский — чудо — мои пиэсы плохи: вот тебе и все о Полярной <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 88.

ФЕВРАЛЬ, до 10. Петербург. А. Н. Голицын предлагает Жуковскому сделать извлечение из исповедального письма Боратынского для прочтения его Александром I. — Жуковский, составляя новое письмо к Голицыну с просьбой о Боратынском (предыдущее см. выше: янв., 2), пишет записку к Гнедичу: «Милый, прошу тебя непременно нынче же узнать, где хочешь и как хочешь, у Дельвига ли, у Вельзевула: когда именно вступил Баратынский в службу, и отошли это к Тургеневу с надписью *нужное*. Нельзя ли нынче же? Если записка моя не застанет тебя дома, то исполни это тотчас, возвратясь домой. — Жуковский». — На записке помета: «Николаю Ивановичу Гнедичу очень нужное».

Изд. 1987. С. 403.

ФЕВРАЛЬ, 10. Петербург. Жуковский отправляет новое письмо А. Н. Голицыну: «Я желал исполнить приказание вашего сиятельства, старался сделать краткое извлечение из письма Баратынского; но признаюсь вам, что не умел его сделать. В сем кратком извлечении были бы представлены одни главные происшествия, уже известные государю императору. Но важнейшее, то есть изъяснение причин, было бы упущено. Баратынский в письме своем ничего не утаивает, ничего не украшает: это письмо есть искренняя исповедь. Чтобы получить об нем самом настоящее понятие, чтобы, не извиняя вины, принять участие в виновном и увидеть возможность его нравственного исправления, необходимо нужно слышать его самого. Смею думать, что государь, если удостоит своего милостивого внимания строки Баратынского, которого вся будущая жизнь, можно сказать, зависит теперь от тех немногих минут, которые его величество употребит на прочтение прилагаемого здесь письма его. Прибавлю: от этих минут зависит, может быть, и жизнь матери. Нынче поутру еще услышал я от дяди Баратынского, что мать его от горести, произведенной в ней судьбою ее сына, лежит на одре болезни; а она имеет еще шестерых детей, из которых наш несчастный старший. И так государева милость, возвращая нравственное достоинство раскаявшемуся преступнику, может быть в то же время спасением и его матери, и так уже довольно пострадавшей. — Исполняя, однако, волю вашего сиятельства, присовокуплю здесь краткое сведение о Баратынском. — Баратынский выписан из пажеского корпуса в 1815 году с тем, чтобы его никуда иначе не определять, как в солдаты. Он вступил солдатом в лейб-егерский полк в марте 1818 года. Через восемь месяцев произведен в унтер-

офицеры и с того времени служит в Нейшлотском полку. — Начальство неоднократно представляло его к чину. — В. Жуковский».

РА. 1868. Кн. 1. Ст. 160 (обе даты, сообщенные Жуковским, неверны — см. 1816, март, 22, 25; 1819, февр., 8).

ФЕВРАЛЬ, 15. Роченсальм. Боратынский записывает в альбом Аннете Лутковской стих. **«Когда придется как-нибудь...»** (подпись *Е. Боратынскій. Роченсальм. Февраля 15-го 1824-го года*).

Альбом Лутковской: ПД. № 73 (I. м.). Л. 35—35 об. (впервые опубл. Б. Л. Модзалевским: Изв. Академии наук. 1911. № 7. С. 523). О др. стих. в альбом Лутковской см. 1823, февр.—дек. (?).

ФЕВРАЛЬ, 25 (?). Петербург. А. Н. Голицын докладывает (среди прочих дел) о Боратынском Александру I, и, кажется, император намеревается решить дело положительно (см. в письме А. И. Тургенева к Вяземскому от 26 февраля 1824 г.: «<...> доклад князя Голицына был счастлив и для <...> Боратынского; но дело еще не кончено»).

ОА. Т. 3. С. 12.

ФЕВРАЛЬ, после 25. Петербург. Дельвиг пересылает Боратынскому в Роченсальм письмо Жуковского (не сохранилось; о его содержании можно судить по ответу Боратынского Жуковскому от 5 марта).

МАРТ, 5. Роченсальм. Боратынский пишет Жуковскому в Петербург: «Болезнь, почтенный Василий Андреевич, препятствовала мне изъявить вам мою признательность за трогательные строки, доставленные мне Дельвигом. Вы меня благодарите в них за письмо мое, как будто я обязал вас, потрудившись написать его, и забывая, что вы одни мне благодетельствуете, помните только, что я несчастлив и имею нужду в утешении. Поверьте, что мне не тягостна благодарность, особенно благодарность к вам. Я любил вас, плакал над вашими стихами прежде, нежели мог предвидеть, что мне могут быть полезны прекрасные качества вашего сердца. — До меня дошли такие хорошие вести о моем деле, что, право, я боюсь им верить. Препоручаю судьбу мою вам, моему Гению-покровителю. Вы начали, вы и довершите. Вы возвратите мне общее человеческое существование, которого я лишен так давно, что даже отвык почитать себя таким же человеком, как другие, и тогда я скажу вместе с вами: хвала поэзии, поэзия есть добродетель, поэзия есть сила; но в одном только поэте, в вас, соединены все ее великие свойства. — Да будут дни ваши так прекрасны, как ваше сердце, как ваша поэзия. Лучшего желания не может придумать до глубины души вам преданный — Боратынский».

РА. 1871. Вып. 6. Ст. 0239—0240.

МАРТ, 6. Москва. Д. В. Давыдов, до которого дошла весть о петербургских хлопотах за Боратынского, пишет своему старинному другу генерал-лейтенанту А. А. Закревскому, отправляющемуся на днях в Финляндию исполнять обязанности финляндского генерал-губернатора и командира Отдельного Финляндского корпуса: «Любезнейший друг Арсений Андреевич! <...> Сделай милость, постарайся за Баратынского, разжалованного в солдаты, он у тебя в корпусе. Гнет этот он несет около 8-ми лет или более, неужели не умилосердятся? — Сделай милость, друг любезный, этот молодой человек с большим дарованием и верно будет полезен. Я приму старание твое, а еще более успех в сем деле за собственное мне благодеяние <...>. Твой верный друг Денис» (письмо получено Закревским 17 марта в Гельсингфорсе).

ИП. С. 252, 347.

МАРТ, до 9. Петербург. А. А. Закревский, принятый перед выездом в Финляндию Александром I, просит за Боратынского; император обещает решить дело, но говорит, что нужно сделать официальное представление о производстве в офицеры через И. И. Дибича, который должен 6 апреля вступить в должность начальника Главного штаба (подробности см. в письме А. И. Тургенева к Вяземскому: март, 24). — 9 марта Закревский уезжает из Петербурга в Финляндию.

ОА. Т. 3. С. 24 (о разговоре Закревского с Александром I); *Закревский*. Дневник. С. 12 (дата выезда Закревского из Петербурга).

МАРТ, 24. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому в Москву: «<...> Дашков, сегодня или завтра отсюда отправляющийся через вас в свою деревню, будет вам живою от нас грамотою. Не зная, увижу ли я его еще, спешу пересказать о Боратынском. Закревский говорил и просил: обещано или почти обещано, но еще ничего не сделано, а велено доложить чрез Дибича. На этого третьего дня напустил я князя Голицына; потом принялся сам объяснять ему дело и человека. Большой надежды он мне не подал, но обещал доложить в течение дней всеобщего искупления <т. е. на Страстной — до 6 апр.>. Между тем, узнав от него, что он думает, что Боратынский отдан, а не охотой пошел в солдаты, я клялся ему в противном, просил справиться и, занемогши сам в тот же день, вчера призывал Муханова <Александра — адъютанта Закревского> объяснить Дибичу это обстоятельство: оно важно и должно более других обратить гнев на милость. Страшусь отказа за Боратынского, ибо он устал страдать и терять надежду; но авось! Или, лучше, я почти уверен, что простят; но дело в том — когда? Отсрочка — трудная и тяжелая для страдальческой души Боратынского <...>. Повторяю просьбу: не объявлять нигде его имени под стихами» (см. след. дату).

ОА. Т. 3. С. 24—25.

МАРТ, между 24 и 27. Петербург. Вышел очередной номер «Литературных листков» Булгарина (1824. № 5), где помещено следующее объявление: «Многие любители поэзии давно уже желают иметь собрание стихотворений Е. А. Баратынского, которого прекрасные элегии, послания, воспоминания о Финляндии и «Пиры» снискали всеобщее одобрение. К. Ф. Рылеев с позволения автора вознамерился издать его сочинения» (С. 194—195).

Могилянский 1956. С. 394 (дата выдачи билета ЛЛ: 27 марта); *Вацуро* СДП. С. 413 (дата: 24 марта).

АПРЕЛЬ, около 6. Петербург. И. И. Дибич докладывает Александру I о Боратынском. Резолюция императора на докладной записке Дибича: *«Не представлять впредь до повеления»*. — Мотивы очередного отказа Александра I неизвестны; может быть, отказ связан с предстоящими отставками А. Н. Голицына и А. И. Тургенева (15 и 17 мая); а может быть, император был просто раздражен слишком большим числом ходатайств за Боратынского.

Текст резолюции известен по письму Боратынского к А. И. Тургеневу — см. далее: окт., 31.

АПРЕЛЬ, 11. Москва. Д. Давыдов — Закревскому, в Гельсингфорс: «Получил письмо твое вчера, любезный друг Арсений Андреевич<...>. Ты пишешь о Баратынском — пожалоста, постарайся за него, он человек необыкновенного дарования и если проступился в молодости, то весьма продолжительно и горько платит за свой проступок. Право, старание твое приму как собственное себе благодеяние <...>» (письмо получено 18 апреля).

ИП. С. 252, 347.

МАЙ, 4. Петербург. Умерла С. Д. Пономарева. — Видимо, ее памяти будет посвящена публикация стих. Боратынского «Звездочка» (см. 1824, дек., между 25 и 31).

МАЙ, 11. Москва. Д. Давыдов — Закревскому: «Любезнейший друг Арсений Андреевич <...>. Пожалоста, брат, постарайся о Баратынском. Ты мне обещаешь, но приведи обещание свое в действие, ты меня сим крайне обяжешь. Грустно видеть молодого человека, исполненного дарованиями, истлевающим без дела и закупоренным в ничтожестве. Пожалоста, постарайся, а пока нельзя ли ему дать пристанище, при тебе ему, конечно, лучше будет, нежели в полку, и он тебе будет полезен <...>» (письмо получено 20 мая в Выборге).

ИП. С. 252, 247.

МАЙ, 15. Роченсальм. Генерал Закревский, объезжающий с инспекторским смотром войска Отдельного Финляндского корпуса, обедает у командира нейшлотцев Лутковского.

Закревский. Дневник. С. 105: «Обедали у полковника Лутковского».

МАЙ, до 23. Одесса. Пушкин узнаёт о неудаче очередных хлопот о Боратынском и делает наброски XXX строфы III главы «Евгения Онегина» («Певец Пиров и грусти томной!..»); окончательная ред. строфы: 1824, сент., между 5 и 26.

МАЙ, 24—25. Вильманстранд. Генерал Закревский проводит инспекторский смотр и учение 1-му и 2-му батальонам Нейшлотского полка. — «Я шел вдоль строя за генералом Закревским (у коего был адъютантом), когда мне указали Баратынского. Он стоял в знаменных рядах. Баратынский родился с веком, следовательно, ему было тогда 24 года. Он был худощав, бледен, и черты его выражали глубокое уныние. В продолжение смотра я с ним познакомился и разговаривал о его петербургских приятелях. После он заходил ко мне, но не застал меня дома и оставил прилагаемую записку: "Баратынский был у вас, желая засвидетельствовать вам свое почтение и благодарить за участие, которое вы так благородно принимаете в нем и в судьбе его. Когда лучшая участь даст ему право на более короткое знакомство с вами, чувство признательности послужит ему предлогом решительно напрашиваться на ваше доброе расположение, а покуда он остается вашим покорнейшим слугою"».

Путята 1867. Ст. 264 (цитата); Ежедневный журнал А. А. Закревского // Сб. Щ. Ч. 10. М., 1902. С. 113—115; ИП. С. 255, 348 (дата).

МАЙ, 28. Москва. М. А. Дмитриев — М. Н. Загоскину в Пензу: «<...> в Петербурге прозвали Вяземского неистовым Роландом <имеется в виду полемика Вяземского с Дмитриевым по поводу «Бахчисарайского фонтана»>; а Баратынской написал на него два куплета прекрасных! В первом говорит, что есть у нас граф <Д. И. Хвостов>, который пишет неудачно; а второй точно так:

Хоть Граф и Князь не все есть то же;
Однако ж есть у нас и князь,
Который несколько моложе,
Но посидевши, потрудясь,
На Графа пишет он похоже!

Не помню стихов и изломал их; но содержание или смысл тот, только как-то сказано живее<...>».

ИП. С. 315; автограф — РНБ. Ф. 291. № 78. Л. 8—8 об. Атрибуция этой эпиграммы Боратынскому — ошибочна.

МАЙ, 29 — ИЮНЬ, 10. Поход Нейшлотского полка в Петербург для несения караульной службы. С 10 июня Боратынский в Петербурге.

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 43. № 487. Л. 2, 18—19.

ИЮНЬ, после 10 — ИЮЛЬ. Петербург. Боратынским написано стих. **«Звездочка» («Взгляни на звезды: много звезд...»)** и, видимо, тогда же послание к А. А. Воейковой **«Очарованье красоты...»** (опубл. под заглавием «А. А. В—ой» в «Литературном музеуме» на 1827 г. и «Северных цветах» на 1827 г. — см. 1826, дек., 28; 1827, янв., 18).

ОА. Т. 3. С. 69 (в письме А. И. Тургенева к Вяземскому от 5 августа 1824 г. упомянут текст «Звездочки»).

ИЮНЬ, после 10 — конец месяца. Петербург. Дельвиг — Кюхельбекеру в Москву: «<...> Плетнев и Баратынский целуют тебя и уверяют, что они все те же, что и были: любят своего милого Вильгельма и тихонько пописывают элегии<...>».

РС. 1875. № 7. С. 378.

ИЮНЬ, 12. Петербург. Боратынский знакомится с Н. М. Языковым, приехавшим из Дерпта на каникулы (Н. М. Языков — А. М. Языкову, 13 июня 1824: «Вчера познакомился я с братом поэта Пушкина <Львом> и Баратынским»).

ЯА. С. 138.

ИЮНЬ, 15. Петербург. Боратынский — на даче у А. И. Тургенева на Черной речке; читает послание **«Богдановичу»** (А. И. Тургенев — Вяземскому, 17 июня 1824: «Третьего дня обедали у нас на Черной речке: Жуковский, Блудов, Дашков, слепой Козлов, а потом пришли Греч, Боратынский и Дельвиг. Боратынский читал прекрасное послание к Богдановичу»).

ОА. Т. 3. С. 55.

ИЮНЬ, после 15 — АВГУСТ. Петербург. Дельвиг сообщает Пушкину в Одессу о том, что Боратынский написал послание «Богдановичу»; Пушкин в ответном письме предполагает, что послание написано в духе французской дидактической поэзии XVIII века (эти письма Дельвига и Пушкина не сохранились, и об их содержании можно судить по письму Дельвига к Пушкину: сент., 10).

ИЮНЬ, 19. Петербург. Запись в памятной книжке А. Бестужева: «У Рылеева с Баратынским. История Дельвига с Булг<ариным>». — Видимо, речь идет о ссоре, после которой Дельвиг вызвал Булгарина на дуэль, а «Булгарин отказался, сказав: — Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил». — Дело уладил Рылеев: «Любезный Фаддей Венедиктович! Дельвиг соглашается все забыть с условием, чтобы ты забыл его имя, а то это дело не кончено. Всякое твое громкое воспоминание о нем произведет или дуэль или убийство. Dixi».

Бестужев 1824. С. 67 (запись в пам. книжке); *Пушкин.* Table-talk // Пушкин. Изд. 1977—1979. Т. 8. С. 80 (ответ Булгарина Дельвигу); ЛН. Т. 59. Кн. 1. С. 147 (письмо Рылеева — Булгарину); *Вацуро* СЦ. С. 28, 255 (комментирование всего эпизода).

ИЮНЬ, 22. Москва. Вяземский — А. И. Тургеневу в Петербург (ответ на письмо от 17 июня); «<...> Пришлите мне послание Боратынского <«Богдановичу»>. Что его дело? Денис <Давыдов> писал о нем несколько раз Закревскому. Долго ли будут у нас поступать с ребятами как с взрослыми, а с взрослыми как с ребятами? Как вечно наказывать того, который не достиг еще до законного возраста? Какое затмение, чтобы не сказать: какое варварство!<...>».

ОА. Т. 3. С. 56.

ИЮНЬ, 23. Москва. Вышел альманах В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского «Мнемозина» (1824. Ч. 2; ценз. разр. 14 апреля) со статьей Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» — с

апологией оды и критикой элегии: «<...> Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все. Чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие. Все мы взапуски толкуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях <...>. Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ига французской словесности <...>; но не позволим ни ему, ни кому другому <...> наложить на нас оковы немецкого или английского владычества! — Всего лучше иметь поэзию народную. <...> — Станем надеяться, что наконец наши писатели <...> захотят быть русскими. Здесь особенно имею в виду А. Пушкина <...>. Публике мало нужды, что я друг Пушкина, но сия дружба дает мне право думать, что он, равно как и Баратынский, достойный его товарищ, не усомнятся, что никто в России более меня не порадуется их успехам! <...>» (С. 31—34, 36—37, 39—40, 43).

Цявловский 1991. С. 429 (дата).

ИЮНЬ, 23. Москва. Д. Давыдов — Закревскому: «Любезный друг Арсений Андреевич <...>. Благодарю тебя, что сердце твое не застывает ко мне и под созвездием медведицы <...>. Повторяю о Баратынском, повторяю опять просьбу взять его к себе. Если он на замечании, то верно по какой-нибудь клевете; впрочем, молодой человек с пылкостию может врать — это и я делал, но ручаюсь, что нет в России приверженнее меня к царю и отечеству; если бы я этого и не доказал, то поручатся за меня в том те, кои меня знают; таков и Баратынский. Пожалоста, прими его к себе <...>. Верь совершенной преданности верного твоего друга Дениса».

Сб. РИО. Т. 73. С. 536—537.

ИЮНЬ, 23. Петербург. Ценз. разр. альманаху М. А. Бестужева-Рюмина «Майский листок. 1824. Весенний подарок для любительниц и любителей отечественной поэзии. СПб., 1824», где опубликовано послание Бестужева-Рюмина к Боратынскому: «К Б—му» («Ужель находишь, друг мой милый...») (С. 18—19; подпись: 2.17); другое послание Бестужева-Рюмина к Боратынскому — «К Б—му, при посвящении поэмы *Умирающий Бейрон*» (опубл.: Сириус. Кн. 1. СПб., 1826. С. 131—133).

Об авторстве Бестужева-Рюмина и истории его взаимоотношений с Боратынским см.: *Вацуро* 1988.

ИЮЛЬ, 12. Петербург. Запись в памятной книжке А. Бестужева: «У Рылеева вечером с Баратынским».

Бестужев 1824. С. 67. — Рылеев и Бестужев могли познакомить Боратынского с Грибоедовым, жившим этим летом в Петербурге (документальных сведений об их знакомстве нет). — К этому же лету относится воспоминание А. В. Никитенко о его посещении Рылеева: «Рылеев в то время управлял канцелярией нашей Американской торговой компании и жил в компанейском доме у Синего моста <соврем. адрес: Мойка, 72>. Квартира Кондратия Федоровича помещалась в нижнем этаже. Окна ее, со стороны улицы, были защищены выпуклою решеткою.<...> Было одно окно особенно: оно выходило из кабинета, где я, познакомясь ближе с хозяином, слушал, как он декламировал свою только что оконченную поэму «Войнаровский». Со мною вместе слушал и восхищался офицер <унтер-офицер> в простом армейском мундире — Баратынский» (Писатели-декабристы. Т. 2. С. 43). Между тем в отношениях Боратынского с Рылеевым и А. Бестужевым летом 1824 г. образовалась трещина: Боратынский, отправляясь в начале августа в Финляндию, забрал назад рукописи своих стихов, отданных в прошлом году Рылееву и Бестужеву для издания отдельной книгой (см. 1823, авг.); Бестужев очень обиделся и подозревал козни литературного конкурента — Воейкова (см. далее: сент., 20).

АВГУСТ, 2. Вероятно, Боратынский — в Красном Селе, где проходит высочайший смотр сводной бригады 1-й бригады Отдельного Финляндского корпуса (в которую входит Нейшлотский полк) и 1-й Гренадерской дивизии.

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 43. № 487. Л. 21, 27—28 об.

АВГУСТ, 5. Петербург. Боратынский — на даче у А. И. Тургенева (Тургенев — Вяземскому в Москву, 5 авг. 1824: «Распрощался сейчас с Боратынским, которого отпустил в возвратный поход на финский север с надеждою <...>»).

ОА. Т. 3. С. 63.

АВГУСТ, 5—6. Петербург. Боратынский отправляется в Финляндию: Нейшлотский полк выступил из Петербурга (далее см.: авг., 22—23).

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 40. № 460. Л. 72—72 об.

АВГУСТ, 6. Гельсингфорс. Адъютант Закревского Н. В. Путята пишет С. Д. Полторацкому о своем знакомстве с Боратынским (см. выше: май, 24—25) «<...> какие впечатления мог я вам сообщать из сих диких, северных пустынь? Конечно, природа здесь величественна, во многих местах прекрасна, но угрюма и единообразна. — К тому же одной природы для человека мало — ему надобно общество, т. е. людей, которые бы делили с ним вместе одни впечатления, имели бы одинаковый образ мыслей и умели бы его понимать <...>. Самая страсть к наукам и к чтению охлаждается, если не с кем разделить своих мнений, замечаний, поспорить, как бывало прежде. — Не думайте однакож, чтобы я сделался здесь мизантропом и охладел ко всем чувствам — в моих летах это еще слишком рано — немного, но и здесь я имел минуты приятные, в числе коих навсегда останется для меня памятным знакомство мое и несколько часов, проведенных мною с знаменитым поэтом нашим Баратынским, также отшельником Финляндским, но который, к сожалению, не живет со мною в одном городе <...>».

РНБ. Ф. 63. № 175. Л. 12—13.

АВГУСТ, 20. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1824. Кн. 9. Июль) со стих. Боратынского **«К — » («Зачем живые выраженья...»)** (С. 40—41; подпись *Б—скій*). Др. ред.: «К ...» («Мне с упоением заметным...») — Изд. 1827; «Мне с упоением заметным...» — Изд. 1835. Первоначальный адресат — С. Д. Пономарева (см. 1821, сент.—дек.?).

АВГУСТ, 22—23. Боратынский — в Роченсальме: здесь размещен штаб и 1-й батальон Нейшлотского полка; но, вероятно, уже известно, что в октябре штаб должен переехать в Кюмень (см. ниже: сент.).

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 40. № 460. Л. 72—72 об.

АВГУСТ, конец месяца — СЕНТЯБРЬ, начало. Роченсальм. Боратынский в письме Дельвигу сообщает, что сочинил уже полторы песни новой поэмы — «Эда» (об этом несохранившемся письме см. далее: сент., 10).

СЕНТЯБРЬ. Роченсальм. Боратынский пишет маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Nous allons quitter Rotchensalm, ma chère maman...» — Перевод: «Мы собираемся покинуть Роченсальм, любезная маменька. Закревский, исполняя просьбу полковника, позволил ему занять просторный и прекрасный дом в Кюмени, дом принадлежит казне. Это всего в семи верстах от прежних наших квартир. Полковник берет меня с собою в помощь жизни. Достойно примечания, что я займу в этом доме именно те две комнатки, которые занимал когда-то Суворов — когда строил Кюменскую крепость. Но раньше начала октября мы туда не попадем. Письма же можно адресовать в Роченсальм, как и прежде. — Я веду жизнь

вполне тихую, вполне покойную и вполне упорядоченную. Утром занят немногими трудами своими у себя, обедаю у полковника, у него провожу обыкновенно и вечер, коротая его за игрой с дамами в бостон по копейке за марку: правда, я всегда в проигрыше от рассеянности, зато, благодаря этому, меня видят, по меньшей мере, учтивым. — У нас прекрасная осень. Кажется, она вознаграждает нас за нынешнее плохое лето. Я люблю осень. Природа трогательна в своей прощальной красоте. Это друг, покидающий нас, и радуешься его присутствию с меланхолическим чувством, переполняющим душу. — Полковник получил письмо из Ржева, принесшее крайне неожиданные новости. Неурожай привел там к настоящему бунту. Крестьяне уходят из своих домов. Более трех тысяч человек оставили уезд. Все крепостные. Перемена мест не обходится без буйств: они начинают с того, что захватывают все, что могут, в домах своих владельцев, собираются толпами и клянутся друг другу, одни против господ, другие против правительства, третьи против Ар.<Аракчеева>. Невеселая забава. Вы уже получили эти новости?»

Изд. 1869. С. 410—411 (текст письма); *Хетсо*. С. 79—80 (исправления по автографу ПД. № 21.738. Л. 36—37); ИП. С. 262 (перевод).

СЕНТЯБРЬ, между 5 и 26. Михайловское. Пушкин записывает окончательную редакцию XXX строфы III главы «Евгения Онегина» («Певец Пиров и грусти томной!..») (см. выше: 1824, май, до 23). Рядом с черновым наброском строк из «Разговора книгопродавца с поэтом», записанных в той же тетради, что и XXX строфа, — рисунок: вероятный профиль Боратынского.

Загвозкина 1983. С. 41—44; *Жуйкова* 1989. С. 79; *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина. ПД № 835 // ПИМ. Л., 1983. Т. 11. С. 39. — Сочинение XXX строфы «Евгения Онегина», видимо, мотивировано известием о неудаче хлопот насчет высочайшего прощения Боратынского, полученным Пушкиным в мае 1824 г. Окончательная же редакция строфы обусловлена, вероятно, известием, полученным Пушкиным в начале сентября, о том, что Боратынский пишет «какую-то романтическую поэму» (см. далее: сент., 10) об иноплеменной деве («Эда»; см. ниже в ноябрьских и декабрьских письмах Пушкина просьбу прислать ему «чухонку Баратынского»). Отсюда, должно быть, и просьбы к Боратынскому в XXX строфе: «Чтоб на волшебные напевы // Переложил ты страстной девы // Иноплеменные слова». — Упоминание о Боратынском мотивировано также той логикой ассоциативных припоминаний, на основе которой появляются многие отступления в «Евгении Онегине». В предыдущей XXIX строфе (завершенной, наверное, одновременно с XXX) упомянуты Парни и Богданович. В 1824 г. среди здравствовавших поэтов репутацию русского Парни имел именно Боратынский (Батюшков был уже безнадежно болен) (см. в письме Рылеева к Боратынскому от 6 окт. 1823 г.: «Милый Парни!..»). — С именем Богдановича в сентябре 1824 г. Пушкин мог ассоциировать тоже прежде всего имя Боратынского — автора послания «Богдановичу», обсуждавшегося Пушкиным и Дельвигом в их письмах от августа — начала сентября (см. июнь, после 15 — август; сент., 10).

СЕНТЯБРЬ, 8. Петербург. Вышел очередной номер «Литературных листков» Булгарина (1824. № 16) с памфлетом Булгарина «Литературные призраки», направленным против Боратынского и Дельвига (о ссоре Дельвига и Булгарина см. выше: июнь, 19). Памфлет представляет собой разговор между г. Талантиным (Грибоедовым) и его другом Архипом Фаддеичем (Булгариным) с двумя литературными недорослями — Лентяевым (Дельвиг) и Неучинским (Боратынский):

«<...> *Лентяев*. Разве надобно учиться, чтоб быть Поэтом? — *Талантин*. Точно так, как надобно учиться, чтобы быть музыкантом, скульптором, живописцем. Талант есть способность души принимать впечатления и живо изображать оные: предмет — Природа, а посредник между талантом и предметом — Наука <...>. — *Неучинский*. На что Науки? Я в четырнадцать лет бросил ученье, ничего не читал, ничего не знаю — но славен и велик! — Я поэт природы, вдохновения! В моих гремучих стихах отдаются, как в колокольчике, любо-

вные стоны, сердечная тоска смертельной скуки, уныние (когда нет денег) и радость (когда есть деньги) в пирах с друзьями. Я русский Парни, Ламартин; если не верите, спросите у моего друга Лентяева. — *Лентяев*. Клянусь Вакхом — правда! Стихи друга моего образцовые <...>» (С. 96, 99, 100). — Грибоедов отказался быть литературным секундантом Булгарина и разорвал с ним отношения. — Впрочем, ненадолго: к новому году Булгарин помирился и с Грибоедовым, и с Дельвигом, но с Боратынским они с этой поры разошлись навсегда.

Могилянский 1956. С. 394 (дата).

СЕНТЯБРЬ, 10. Петербург. Дельвиг — Пушкину: «<...> Послание к Богдановичу исполнено красотами; но ты угадал: оно в несчастном роде дидактическом. Холод и суеверие французское пробиваются кой-где. Что делать? Это пройдет! Баратынский недавно познакомился с романтиками, а правила французской школы всосал с материнским молоком. Но уж он начинает отставать от них. На днях пишет, что у него готово полторы песни какой-то романтической поэмы <«Эда»>. С первой почтой обещает мне прислать, а я тебе доставлю с ней и прочие пьесы его, которые теперь в цензуре <...>». — См. выше: июнь, после 15 — авг.

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 108.

СЕНТЯБРЬ, 20. Петербург. А. Бестужев — Вяземскому в Москву о кознях Воейкова: «<...> чтобы подорвать нас, употребляет он все средства. Мутят нас через Льва с Пушкиным; перепечатывают стихи, назначенные в «Звезду» им и Козловым, научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам <см. 1823, авг.>, будто нечаянно. Одним словом, делают из литературы какой-то толкучий рынок».

ЛН. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 223.

СЕНТЯБРЬ, вторая половина — ОКТЯБРЬ, до 11. Роченсальм. Боратынский получает от Коншина письмо с сообщением о том, что тот женился (3 сентября на Авдотье Яковлевне Васильевой), и пишет ответ (на рус. яз.; без даты): «Получил я письмо твое, милой Коншин; оно дышит счастием, и я сердечно рад, что хоть кто-нибудь из наших нашел исполнение сердечных надежд своих. Я одного с тобою мнения о милой спутнице твоей жизни, какое-то чувство, чувство, никогда ни тебя, ни меня не обманывавшее, говорит мне и говорило прежде, что она доставит тебе всю отраду возможную. Дай Бог, чтобы дни последующие были подобны первым, и почему не надеяться! — Мы недавно танцовали на серебряной свадьбе у Нортмана, очень было весело: были приезжие из Ф<ридрихс>гама, между прочим твоя Амалия. Лутковский с маленькою злостию рассказывал при ней о счастливой твоей женитьбе, о твоих доходах, простирающихся до 20 тысяч, о надеждах твоих получать со временем до 50 (ты узнаешь нашего Егора). Бедняжка не знала, куда девать глаза, и то бледнела, то краснела. Поделом ей. — Почти все здешние тебе кланяются, узнав, что я получил от тебя письмо и собираюсь отвечать, Наталья же Нортман очень усердно. — Я живу помаленьку: ни весел, ни скучен. Волочусь от безделья за Анетой, обыкновенно по воскресеньям у Лутковского. Дома пишу стихи и лечусь от раны, которую мне нанесла любовь: но эта рана не сердечная. — Степанов произведен в генералы. Мы ели у него превосходительный пирог. Наши дамы жалуются на А. И. гордость: прежде она жаловалась на ихнюю. Так-то вертится колесо фортуны. — Приехать к тебе — один из тех воздушных замков, которых почитаешь такими, но все-таки строишь для своего удовольствия. Сердечно хотел бы посмотреть на твое житье-бытье и полюбоваться твоим счастием, но это вряд ли когда случится. Я в себе несвободен и Бог весть буду ль свободным заживо. — Ты мне говоришь о наших счетах. Ежели можешь, то пришли сколько-нибудь: я в Петербурге начисто промотался. — Клеркер живет тоже счастливо. Я был у него и прочел в глазах его, которые никогда не лгут, что он доволен своею

судьбою. Дистерло уехал в Лифляндию на воды — я один остался из старой братии нашей. — Прощай, желаю тебе продолжительно теплой жизни в твоем семействе, простоты в чувствах, всегдашней доверенности, основы супружеского счастия. Мне кажется, что это счастие всегда должно несколько держать несколько на диэте, и что всякая неумеренность для него пагубна. Забавно, что я, холостой, преподаю советы тебе, женатому; но это от доброй души и по старой привычке философствовать. Прощай, вспоминай, когда вспомнится. — Боратынский. — Милостивой Государыне Авдотье Яковлевне мое усерднейшее почтение».

Лернер 1908. С. 756—757. Автограф — РНБ. Ф. 369. Оп. 1. № 22. Л. 1. Датировка этого письма определяется: 1) временем, когда Боратынский мог узнать о женитьбе Коншина (не ранее 10-х чисел сентября); 2) временем, когда Боратынский стал собираться из Роченсальма в Гельсингфорс (11 окт. — см. далее письмо к Путяте).

С женитьбой Коншина связано стих. Боратынского **«Невесте (А. Я. В.)»** <А. Я. Васильевой> (опубл. в альманахе Коншина «Царское Село»: 1829, дек., 2).

ОКТЯБРЬ, 10—11. Роченсальм. Боратынский получает письмо от адъютанта генерала Закревского — Н. В. Путяты, в котором тот пишет о том, что Закревский предлагает Боратынскому прибыть к штабу Отдельного Финляндского корпуса — в Гельсингфорс (см. далее: окт., 11).

ОКТЯБРЬ, 11. Роченсальм. Боратынский пишет благодарственный ответ Путяте: «Получил я письмо ваше, любезный мой покровитель, и не умею иначе благодарить вас за благосклонное ваше предложение, как принимая его с живейшею благодарностью. Меня точно бы пугала ваша столица, ежели б вы не подавали мне надежды найти в вас и наставника и защитника. Впрочем, что бы меня ни ожидало в Гельзингфорсе, случай, доставляющий мне удовольствие провести несколько дней с вами и утвердить столько же для меня лестное, сколько приятное знакомство, я почитаю очень счастливым случаем в моей жизни. — Не зная имени вашего, я не мог употребить в заглавии письма моего обыкновенной формы писем; извините меня в этом и будьте уверены, что это нисколько не ослабляет истинного уважения и совершенной преданности, с которыми остаюсь, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою. — Е. Боратынский. — 1824-го года 11 октября».

Путята 1867. Ст. 265 (фрагмент); Изд. 1951. С. 471 (полностью). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 4—4 об.

ОКТЯБРЬ, середина месяца. Боратынский переезжает из Роченсальма в Гельсингфорс (до конца января 1825 г.): останавливается у Путяты; знакомство с адъютантом Закревского А. А. Мухановым, с А. Шернваль, А. Ф. Закревской и др.

ОКТЯБРЬ, конец месяца — НОЯБРЬ, до 6. Штаб Нейшлотского полка во главе с полковником Лутковским переезжает из Роченсальма в Кюмень.

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 40. № 460. Л. 72 об., 78 (по квартирной ведомости от 7 окт. 1824 штаб полка еще размещался в Роченсальме; по рапорту от 6 ноября 1824 штаб уже в Кюмени).

ОКТЯБРЬ, конец месяца. Михайловское. Пушкин — П. А. Плетневу: «<...> Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего Онегина! — Созови мой Ареопаг, ты, Жуковский, Гнедич и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорностью приму его решение. — Жалею, что нет между вами Баратынского, говорят, он пишет <...>» (фраза оборвана; видимо, Пушкин имел в виду «Эду»).

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 113.

ОКТЯБРЬ, 30 (по новому стилю 11 ноября). Гельсингфорс. Н. В. Путята — С. Д. Полторацкому: «Скажу только вам, что у меня гостит теперь Баратынский; он написал много нового, истинно хорошего <...>».

РНБ. Ф. 603. № 175. Л. 14 об.

ОКТЯБРЬ, 31. Гельсингфорс. Боратынский — А. И. Тургеневу в Петербург: «Ваше превосходительство — Милостивый государь — Александр Иванович! — Если б я не был глубоко тронут великодушным вашим участием, я не имел бы сердца. Не скажу ни слова более о моей признательности: вы ни на кого не похожи; нет такого человеконенавистника, который не помирился бы с людьми, встретя вас между ними. Многое мог бы я прибавить, но мое дело не судить, а чувствовать. — Арсений Андреевич <Закревский> прав, желая повременить представлением, настоящая тому причина решительна. На последней докладной записке обо мне рукою милостивого монарха было отмечено так: *не представлять впредь до повеления*. Вот почему я и не был представлен в Петербурге. Вы видите, что после такого решения Арсений Андреевич иначе как на словах не может обо мне ходатайствовать и что он подвергается почти верному отказу, если войдет с письменным представлением. Едва ли не лучше подождать; два месяца пройдут неприметно, а я привык уже к терпению. — Хотя ваше превосходительство сами удостоиваете осведомляться о поэтических моих занятиях, может быть, я поступлю нескромно, ежели скажу вам, что я написал небольшую поэму <«Эда»> и ежели попрошу у вас позволения доставить вам с нее список. Стихи все мое добро, и это приношение было бы лептою вдовицы. — С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорный слуга — Е. Боратынский. — Гельзингфорс. — Октября 31 дня».

РА. 1871. Вып. 6. С. 0240 — 0241.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ (?). Гельсингфорс. Боратынский — М. Е. Лобанову в Петербург: «Судьба моя такова, почтенный Михаил Евстафьевич, что я никогда не могу сказать наперед, сделаю ли я что или нет. «Маккавеи» не переведены, но вы, может быть, уже слышали от Дельвига, что я переменил местопребывание, с этим вместе и обстоятельства мои переменились. Мне очень совестно, что не могу сдержать моего слова; но должен решительно отказаться от труда, на который точно не имею досуга кроме того, что чувствую себя к нему неспособным. Побраните меня: я этого стою; но не лишите доброго вашего расположения, которое я тоже несколько заслуживаю, ценя его очень дорого. Преданный вам — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 585 (дата: осень 1824). Автограф — ПД. Р. I. Оп. 1. № 214. О переводе трагедии А. Гиро «Маккавеи» см. также: 1823, авг. (?); 1823, окт. ... дек. и примеч. к последней дате.

НОЯБРЬ — ЯНВАРЬ 1825 г. Гельсингфорс. Видимо, в это время написаны стих.: **«Буря»** (см. также: 1825, янв., ок. 25; март, 9; апр., после 5: второе письмо к Путяте; июль, 2; окт., перв. пол); **«Леда»** (см. те же даты); **«Веселье и Горе»** (см. 1825, янв., ок. 25; март, 7); эпиграмма на Аракчеева: **«Отчизны враг, слуга царя...»** (опубл. К. В. Пигаревым: Звенья. Т. 5. М., 1935. С. 188); **«Выдь, дохни нам упоеньем...»** (адресовано Авроре Шернваль; опубл. в «Полярной звезде» на 1825 г.: 1825, март, 20; французский вариант этого стих. «Oh, qu'il te sied ce nom d'Aurore...» опубл.: Изд. 1884. С. 94); **«Как много ты в немного дней...»** (адресовано А. Ф. Закревской) (опубл. с ценз. искажениями в Изд. 1827 под загл. «К...»; в Изд. 1835 — без загл.); **«Что скажет другу своему...»** (адресовано А. А. Муханову; опубл. под загл. «Запрос М—ву» в «Московском телеграфе»: 1825, май, 21); **«Взгляни на лик холодный сей...»** (опубл. в «Северных цветах» на 1826 г.: 1826, февр., 25; апр., 7).

НОЯБРЬ, начало 20-х чисел. Михайловское. Пушкин — Л. С. Пушкину в Петербург: «<...> Торопи Дельвига, присылай мне чухонку <Эду> Баратынского, не то прокляну тебя <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 123.

ДЕКАБРЬ, 4. Петербург. Ценз. разр. «Невскому альманаху» на 1825 г. (вышел 2 февр. 1825) со стих. Боратынского **«Сестре»** (С. 63—64; подпись *Е. Б.*). См. также: 1822, июнь—июль; 1825, апр., 20.

ДЕКАБРЬ, 4. Михайловское. Пушкин — Л. С. и О. С. Пушкиным: «<...> Пришли же мне Эду Баратынского. Ах он чухонец! да если она милее моей Черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 127.

ДЕКАБРЬ, 8. Михайловское. Пушкин — А. Г. Родзянке: «<...> Кстати: Баратынский написал поэму (не прогневайся — про *Чухонку*); и эта чухонка говорят чудо как мила. — А я про *Цыганку* <...>» (имеются в виду поэмы «Эда» и «Цыганы»).

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 128.

ДЕКАБРЬ, 12. Гельсингфорс. Бал у генерала Закревского: «всех было до 150 <гостей>. Разъехались в 5-м часу пополуночи».

Закревский. Дневник. С. 13. О гельсингфорских балах и вечерах при «дворе» Закревского во второй половине декабря 1825 г. см.: *Хетсо.* С. 94—95.

ДЕКАБРЬ, 20—23. Михайловское. Пушкин — Л. С. Пушкину: «<...> Пришли мне Цветов <«Северных»> да Эду <...>»

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 131.

ДЕКАБРЬ, между 25 и 31. Петербург. Вышли «Северные цветы» на 1825 г. (СПб., 1824; ценз. разр. 29 авг.) со стих. Боратынского: **«Оправдание» («Я силился — счастливой старины...»** (С. 263—265; подпись *Е. Б—ій*; др. ред.: «Оправдание» («Решительно печальных строк моих...») — Изд. 1827; без загл. — Изд. 1835; адресат неизвестен: может быть — С. Д. Пономарева; указание С. А. Рачинского имени В. Н. Кучиной (М. С. VI) сомнительно); **«Сонет» («Мы пьем в любви отраду сладкую...»)** (С. 265—266; подпись *Е. Б—ій*; с разночтениями перепечатано: «Любовь» — Изд. 1827; без загл. — Изд. 1835); **«Череп»** (С. 282—283; подпись *Е. Б.*; др. ред.: «Могила» — Изд. 1827; «Череп» — Изд. 1835); **«Звездочка» («Взгляни на звезды: много звезд...»)** (С. 313—314; подпись *Е. Б—ій 24 сентября 1824* — видимо, публикация «Звездочки» в «Северных цветах» посвящена памяти С. Д. Пономаревой (ум. 4 мая 1824) — ее день рожденья был 25 сент.; впрочем, по ритму и метру «Звездочка» близка к стих., адресованному А. А. Воейковой: «Очарованье красоты...»; др. ред: «Звезда» — Изд. 1827; без загл. — Изд. 1835); в разделе «Проза» помещена **«История кокетства»** (С. 109—118; подпись *Е. Баратынскій*; вероятно, сочинение «Истории кокетства» связано с Пономаревой — см. 1821, сент. — дек.).

В тех же «Северных цветах» — статья П. А. Плетнева «Письмо к графине С. И. С. <Соллогуб> о русских поэтах», где поэтами «золотого века нашей словесности» названы Жуковский, Пушкин и Боратынский; о Боратынском, в частности, сказано: «Между тем, как мы воображали, что язык чувств уже не может у нас сделать новых опытов в своем искусстве, явился такой поэт, который разрушил нашу уверенность. Я говорю о *Баратынском.* В элегическом роде он идет новою, своею дорогою. Соединяя в стихах своих истину чувств с удивительною точностию мыслей, он показал опыты прямо классической поэзии. Состав его стихотворений, правильность и прелесть языка, ход мыслей и сила движений сердца выше всякой критики. Он ясен, жив и глубок. Во всем отчет составляет отличительность его стихов. Нет слова, нет оборота, нет картинки, где бы вы не чувствовали ума и вдохновения. Разбирайте строго каждый его стих, следуйте за ним внимательно до конца стихотворения: и вы признаетесь, что он извлек все лучшее из своего предмета, отбросил все излишнее и не забыл ничего необходимого. Но сколько разнообразия во всех его самых легких произведениях! Игривое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все он постигнул и выразил» (С. 65—67).

Цявловский 1991. С. 485 (дата). Слова Плетнева о Боратынском вызвали многочисленные нарекания критиков; недоволен был ими и Пушкин (см. 1825, февр., 7.), однако в набросках своих статей о Баратынском он уточнил некоторые мысли Плетнева (см., например, в наброске, сделанном осенью 1830 г.: «Баратынский <...> мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко <...> он шел своею дорогой один и независим»; см. также афоризм Пушкина о Боратынском: 1827, дек., 28).

ДЕКАБРЬ, 31. Гельсингфорс. Новогодний бал у генерала Закревского, «на коем было до 200 человек гостей и продолжался оный до 4 часов пополуночи».

Закревский. Дневник. С. 13.

1825

Боратынский в Гельсингфорсе (до 25 янв.), в Кюмени (с 28—30 янв. — до 20 мая), в Петербурге (8—10 июня — 11 авг.), в Кюмени (конец августа — начало сентября), в Гельсингфорсе (5—6 сент. — 26 сент.), в Москве (нач. октября — до конца года).

ЯНВАРЬ, 3. Гельсингфорс. Танцевальный вечер (видимо, у Закревского). — Поздним вечером Боратынский, Путята и А. Муханов бродят по Гельсингфорсу. Видимо, идет дождь: «вода по колено».

Муханов. Дневник. С. 176 (запись от 3 янв. 1825).

ЯНВАРЬ, 6. Петербург. В «Северной пчеле» (1825. № 3) объявление Н. И. Греча о выходе «Северных цветов» (см. 1825, дек., между 25 и 31); худшим прозаическим текстом названа «История кокетства» Боратынского.

ЯНВАРЬ, 7. Дата, с которой начинается письмо, считающееся письмом Боратынского к И. И. Козлову («7 janvier. — Nous voici à la nouvelle année, mon aimable monsieur Kozlov...»). — Это письмо является подделкой.

РА. 1886. Кн. 2. С. 186—187 — здесь напечатан текст письма на фр. яз. и его перевод; в том же переводе письмо перепечатано в Изд. 1951 (С. 473—474) и в Изд. 1987 (С. 146—148). Известна копия письма — ПД. № 15.989. Л. 13—14. Мы выводим данное письмо из корпуса писем Боратынского по двум причинам: 1) Явное противоречие между этим письмом и письмом Козлову от конца марта — начала апреля (см. далее: март, после 29 — апр., нач.). В письме от 7 янв. сказано: «Nous recevons ici à peu près tous les journaux» («Мы получаем здесь почти все журналы»), а в письме от конца марта — начала апреля: «<...> мы здесь не получаем ни одного журнала». Второе из писем было опубликовано впервые в Изд. 1951 (С. 480—482) по автографу из личного архива К. В. Пигарева. Конечно, ввиду недоступности в настоящий момент этого архива для исследователей, можно сомневаться в подлинности данного письма. Однако мы склонны верить К. В. Пигареву, тем более что содержание опубликованного им письма вполне соответствует фактам, известным по другим источникам. 2) Явная связь письма от 7 янв. с письмом якобы Козлова к Боратынскому, опубликованным А. Е. Греном в «Петербургском вестнике» (1861. № 14. С. 310—311). Это последнее письмо вообще-то считается подлинным (см., например: *Альтшуллер* 1995. С. 28), и если не принимать во внимание абсурдную дату, проставленную Греном, и сам контекст, в котором оно цитируется (сочиненный Греном дневник В. Г. Теплякова), то, безусловно, его можно было бы квалифицировать как подлинное — даже более-менее строго датировать концом 1824 г. и считать, что именно ответом на него послужило письмо Боратынского от 7 янв. Аргументы в пользу такого мнения легко найти, сравнив эти два текста. Козлов пишет о своем «Чернеце»: «C'est l'enfant chéri de mon imagination» («Это любимое детище моего воображения»); Боратынский отвечает: «Vous l'appelez votre enfant chéri...» («Вы называете

его любимым детищем вашим...»). Козлов пишет о несколько прозаическом стиле «Эды» («style prosaïque»); Боратынский отвечает, что «вдался в разные прозаические подробности» («je me suis jetté dans les détails prosaïques») и что у него вышла лишь «рифмованная проза» («la prose rimée»). Козлов передает приветы от А. А. Воейковой: «Светлана vous salue»; Боратынский отдельный абзац своего письма посвящает выражению ответных чувств: «Скажите нашей небесной Пери, что я настолько тронут ее воспоминанием обо мне, насколько может быть тронут земной поселенец, что я целую полу ее платья, переливающегося тысячами оттенков, и умею ценить ее сердце, одаренное тысячью добродетелей» (цит. в переводе РА).— Однако именно это сходство между письмами Боратынского к Козлову и Козлова к Боратынскому и наводит на мысль о фальсифицированности обоих текстов. Кроме упомянутого казуса с журналами в письме Боратынского, серьезное противоречие есть и в письме Козлова: здесь говорится об «Эде» как полностью прочитанном произведении — между тем полный текст «Эды» Боратынский отправил в Петербург только 25 янв. (см. письмо к А. И. Тургеневу), а в «пигаревском» письме от конца марта — начала апреля Боратынский благодарит Козлова за «похвалы отрывку из Эды». Следовательно, на самом деле в конце марта — начале апреля Козлов еще не читал всю поэму. Поскольку события, о которых говорится в фальсифицированных письмах, можно отнести только к рубежу 1824—1825 гг. (Козлов пишет о том, что «два дня назад» закончил «Чернеца»; Боратынский в письме от 7 янв. цитирует «Чернеца» по списку, якобы присланному ему Козловым), нет возможности передатировать эти письма более поздним временем, когда Козлов мог действительно прочитать «Эду» целиком. И в результате можно сказать, что и письмо Козлова к Боратынскому, и письмо Боратынского к Козлову от 7 янв. — сочинения одного и того же фальсификатора, которые в свое время не удалось опубликовать одновременно.

Среди фальсификаций писем Боратынского и Козлова известны еще две — это письмо Козлова к А. Одынцу с упоминанием Боратынского и письмо Боратынского и Козлова к А. Одынцу, датированные соответственно 1828 и 18 дек. 1837 (опубл.: *Maliszewsky J.* O nieznanej korespondencji Iwana Kozłova i Eugeniusza Baratynskiego z Antonim Odincem w latach 1822—1840 // Filologia Rosyjska. XX. Z badań nad literaturą i metodiką języka rosyjskiego. Opole, 1981. S. 17 — публикация из частного архива Хомутовых). Оба письма — явные подделки, ибо содержат информацию о частном общении Боратынского и Козлова в 1828 и 1837 гг., чего не могло быть, ибо после 1825 г. они не встречались, т. к. первый жил в Москве, не выезжая в Петербург, а второй — в Петербурге, не выезжая в Москву. Пытаться доказать подлинность этих писем путем передатировки невозможно, ибо события, о которых в них идет речь, происходили после 1825 г. — времени последних встреч Боратынского с Козловым (например, в письме от 18 дек. 1837 г. говорится о смерти Пушкина и надеждах, возлагаемых Боратынским и Козловым на Лермонтова).

ЯНВАРЬ, 12. Петербург. А. Бестужев — Вяземскому в Москву о «Северных цветах» (см. 1825, дек., между 25 и 31): «<...> главный недостаток книжки есть совершенное отсутствие веселости — не над чем улыбнуться. Разве над добродушием Плетнева, который возвышает тропарь свой в акафисте Баратынскому и прочим <...>».

ЛН. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 228.

ЯНВАРЬ, 19. Петербург. Вышел «Сын отечества» (1825. № 2.16 янв.) с продолжением «Письма на Кавказ» (подпись: *Ж. К.* — Журнальный Критик; видимо, Греч), в котором приведен отзыв некоего *Д. Р. К.* (может быть, Другой Русский Критик — наверное, Булгарин) о «Северных цветах» (см. 1825, дек. между 25 и 31), в частности, выражено решительное несогласие с плетневским определением места Боратынского на русском Парнасе: «<...> Державин только назван прежде других, а все прочие поэты, особенно Жуковский, Пушкин и Баратынский (!) поставляются выше, ибо в похвалах им истощено все, что можно было сказать о Гомере, Пиндаре и Виргилии» (С. 203).

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 74 (дата).

ЯНВАРЬ, 22. Петербург. Плетнев — Пушкину в Михайловское (ответ на не дошедшее до нас письмо): «<...> Прочитай во 2-м № «Сына отечества» брань на

мое «Письмо о русских поэтах». Бранятся за Баратынского, как будто он в своей раме не совершенство, какого только можно желать. Бранятся за Жуковского <...>. Бранятся за Державина <...>» (см. выше: янв., 16).

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 133.

ЯНВАРЬ, 24. Генерал Закревский выезжает из Гельсингфорса в Петербург, уверив Боратынского в том, что будет хлопотать за него перед Александром I. См. далее: янв. 25.

ЯНВАРЬ, около 24—25. Гельсингфорс (?). Боратынский пишет к Кюхельбекеру и отправляет письмо (без даты) с Путятой, едущим в Москву: «Милый Вильгельм, письмо это тебе доставит Николай Васильевич Путята, человек, уважающий твои дарования, твой нрав и твое сердце и потому желающий с тобою сблизиться. Мы вместе жили в Гельзингфорсе более двух месяцев; ежели подробности, до меня касающиеся, покажутся тебе занимательными, можешь его расспросить; он тебе расскажет все, что невозможно уместить в письме. — Давно, и слишком давно, я к тебе не писал; но ты сам виноват, не доставя мне своего адреса. Послав мне 1-ю часть «Мнемозины», ты не удостоил меня ни двумя строчками твоего рукописания; несмотря на то, я желал поблагодарить тебя за приятный для меня подарок, но не мог, ибо не знал места твоего жительства, и решился для возобновления нашей переписки дожидаться того времени, когда ты до такой бы степени прославился своим журналом, чтобы можно было надписывать письма к тебе, как некогда надписывали их к математику Эйлеру: *Г-ну Кюхельбекеру в Европе*. Не сердись за эту шутку, старый товарищ, а прими мой сердечный привет от доброго сердца. — Я читал с истинным удовольствием в 3-й части «Мнемозины» разговор твой с Булгариным. Вот как должно писать комические статьи! Статья твоя исполнена умеренности, учтивости и, во многих местах, истинного красноречия. Мнения твои мне кажутся неоспоримо справедливыми. Тебе отвечали глупо и лицемерно. — Не оставляй твоего издания и продолжай говорить правду. Я уверен, что оно более и более будет расходиться; но я советовал бы тебе сделать его по крайней мере ежемесячным. Ты знаешь, что журнальная литература получает всю свою занимательность от занимательности вседневных обстоятельств, об которых она судит и рядит; пропущено время — потеряно действие. — Посылаю тебе кое-что для твоего журнала <см. далее после письма>; послал бы более, ежели б имел, но чем богат, тем и рад. Прощай, милый Вильгельм; отвечай мне, сделай милость; напиши, как живешь и что с тобою. Наше старое знакомство дает мне право требовать от тебя некоторой доверенности; я тот же сердцем, надеюсь, что и ты не переменился. — Преданный тебе Боратынский». — Вместе с письмом Кюхельбекеру были отправлены **«Буря»**, **«Леда»**, отрывок из «Эды», **эпилог «Эды»**, **«Веселье и Горе»**. Путята не застал Кюхельбекера в Москве, ибо тот уехал еще в январе в Смоленскую губ., а затем отправился в Петербург. Стихи были отданы В. Ф. Одоевскому, соиздателю «Мнемозины». «Буря» и эпилог «Эды» были поначалу не пропущены московской цензурой (см. далее: март, 9 (Москва); апр., после 5, но затем «Буря» была-таки напечатана вместе с «Ледой» и отрывком из «Эды» в 4-й части «Мнемозины» (см. далее: июль, 2; окт., перв. пол.), а эпилог был отправлен в Петербург Рылееву и Бестужеву и набран в их альманахе «Звездочка» с загл. «Епилог к стихотворной повести: Эда» (подпись *Е. Б.*); «Звездочка» не вышла из-за событий 14 декабря («Епилог» впервые опубл.: *Давыдов*. Изд. 1960. Т. 3. С. 196). «Веселье и Горе» напечатал Полевой в «Московском телеграфе» (см. март, 7).

РС. 1875. № 7. С. 377. Автограф — РНБ. Ф. 256. Оп. 2. № 7. Обычная датировка этого письма: конец янв. — нач. февр. 1825 (см.: Изд. 1951. С. 475; Изд. 1987. С. 149); наше уточнение определяется временем отъезда из Гельсингфорса Закревских (см.: янв. 24; янв. 25 или 26), а с ними и Путяты, взявшего письмо для передачи Кюхельбекеру.

ЯНВАРЬ, 25. Гельсингфорс. Дата и место под письмом Боратынского к А. И. Тургеневу в Петербург: «Ваше превосходительство — Милостивый государь — Александр Иванович! — Арсений Андреевич <Закревский> поехал в Петербург 24-го сего месяца, подав мне возможные надежды на свое покровительство; я очень хорошо знаю, что вашему только ходатайству обязан я добрым его расположением. Теперь, когда моя участь так решительно зависит от его представительства, не откажитесь напомнить ему об участии, которым вы меня удостаиваете, и тем поощрить Арсения Андреевича к исполнению его обещаний. — Препровождаю при сем стихотворную повесть <«Эда»>, о которой упоминал я в одном из моих писем. Ежели вы оцените не произведение, а чувство, с которым я приношу его вашему превосходительству, вы будете довольны мною и примете благосклонно этот незначительный памятник живой моей благодарности. — С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейшим слугою. — Е. Боратынский. — Гельзингфорс. — Генваря 25. 1825. — Письмо это доставит вашему превосходительству адъютант Арсения Андреевича Муханов. Ежели по благорасположению вашему ко мне вы пожелаете подробно осведомиться о моих обстоятельствах — он коротко их знает и будет удовлетворительно отвечать на все вопросы вашего превосходительства».

Изд. 1951. С. 474—475 (по автографу, хранившемуся у К. В. Пигарева).

ЯНВАРЬ, 25 или 26. А. Ф. Закревская выезжает из Гельсингфорса в Петербург. Боратынский сопровождает ее до Фридрихсгама.

См. далее: февр., 10.

ЯНВАРЬ, около 28—30. Боратынский приезжает в Кюмень — здесь расквартирован штаб Нейшлотского полка. Боратынский занимает комнату в доме полкового командира Лутковского (см. подробности в письмах к маменьке и к Путяте: февр., 10; апр., после 5).

ЯНВАРЬ, конец месяца — ФЕВРАЛЬ, первая половина. Михайловское. Пушкин — Л. С. Пушкину в Петербург: «<...> Плетнев неосторожным усердием повредил Боратынскому <см. отзыв Плетнева в «Северных цветах» и отклики на него: 1824, дек., между 25 и 31; 1825, янв., 16>; но «Эда» все поправит. Что Баратынский?.. И скоро ль, долго ль?.. как узнать? где вестник искупленья? Бедный Баратынский, как об нем подумаешь, так поневоле постыдишься унывать <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 143.

ФЕВРАЛЬ. Кюмень. Начало работы Боратынского над поэмой «Бал».

ФЕВРАЛЬ, 2. Петербург. Вышел «Невский альманах» на 1825 г. со стих. Боратынского «Сестре». См. 1824, дек., 4.

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 75 (дата).

ФЕВРАЛЬ, 7. Петербург. Плетнев — Пушкину в Михайловское (ответ на не дошедшее до нас письмо): «Мне Дельвиг часто повторяет пословицу русскую: если трое скажут тебе: ты пьян, — то ложись спать. После твоего письма о моем несчастном письме к графине <см. 1824, дек., между 25 и 31> пришлось мне лечь спать. Его облаяли в «Сыне Отечества» <см. выше: янв., 16>; Баратынский им недоволен, ты тоже. <...> *Об языке чувств* неясно выразился. Мне хотелось сказать, что до Баратынского Батюшков и Жуковский, особенно ты, показали едва ли не все лучшие элегические формы, так что каждый новый поэт должен бы непременно в этом роде сделаться чьим-нибудь подражателем, а Баратынский выплыл из этой опасной реки — и вот что особенно меня удивляет в нем <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 139—140; реконструкция несохр. письма Пушкина см.: *Вацуро* 1987.

ФЕВРАЛЬ, 10. Кюмень. Боратынский пишет маменьке в Мару (на фр. яз.; дата *le 10 février*): «C'est de Кюмень que je vous écris, ma bonne maman...» — Перевод: «Из Кюмени пишу к вам, милая маменька, где мой славный Лутковский и его жена с прежнею дружбою приютили меня. Я увидел их с истинным чувством, и как могло быть иначе? Пять лет я провел с ними, всегда окруженный заботами, всегда принятый как лучший из друзей. Им я обязан всем облегчением моего изгнания. — Генерал <Закревский> простился со мною любезнейше и обещал сделать все зависящее от него для представления. Я верю, что он сдержит слово. Но даже если, вопреки его ко мне благорасположению, дело не будет иметь успеха, я навеки сохраню к нему живую признательность за все наслаждения моей жизни в Гельзингфорсе. Три месяца, проведенные там, навсегда останутся сладостным моим воспоминанием. — Я уехал на следующий день после него с Генеральшею <avec Madame — т. е. с А. Ф. Закревской>. Ничто столь не оживляет, как краткие путешествия, подобные тому, что мы совершили. С нами была та самая Мисс, о которой я говорил вам, и один адъютант — обширного ума юноша. Ничто не могло быть милее наших обедов и ужинов. Мы расстались лучшими друзьями, и путешествие это пробудило во мне, по крайней мере, на время, неодолимую охоту странствовать. — Как ваше здоровье, милая маменька? Я долго не писал к вам, но тому причиною путешествия, всегда вынуждающие к перерывам в переписке. Что ж! я тоже нескоро теперь получу вести из Мары. — Прощайте, любезная маменька, даст Бог вам здоровья и утешит вам душу: это моя ежедневная молитва, и я повторяю ее в своих письмах столь же привычно, как и искренне».

Изд. 1869. С. 411.

ФЕВРАЛЬ, 18. Петербург. А. И. Тургенев при встрече с генералом Закревским напоминает ему о необходимости ходатайствовать за Боратынского.

См. далее: февр., 20.

ФЕВРАЛЬ, 20. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому в Москву: «<...> третьего дня видел я Закревского <...>. О Боратынском несет он сам записку <т. е. представление к офицерскому званию> и будет усиленнейшим и убедительнейшим образом просить <Александра I> за него. Нельзя более быть расположенным в его пользу. В этом <т. е. в Закревском> я какую-то имею теперь надежду на успех. Пишу к Боратынскому сегодня и прошу стихов для «Телеграфа»<...>».

ОА. Т. 3. С. 98. Письмо Тургенева к Боратынскому неизвестно.

ФЕВРАЛЬ, 20-е числа. Кюмень. Боратынский получает письмо от Путяты из Москвы (письмо не сохранилось) и пишет ответ: «В шумной Москве ты не забыл финляндского отшельника, милый Путята, спасибо тебе: да благо ти будет и долголетен будеши на земли. Жаль мне, что ты не застал Кюхельбекера: он человек занимательный по многим отношениям и рано или поздно в роде Руссо очень будет заметен между нашими писателями. Он с большими дарованиями, и характер его очень сходен с характером женевского чудака: та же чувствительность и недоверчивость, то же беспокойное самолюбие, влекущее к неумеренным мнениям, дабы отличиться особенным образом мыслей; и порою та же восторженная любовь к правде, к добру, к прекрасному, которой он все готов принести на жертву. Человек вместе достойный уважения и сожаления, рожденный для любви к славе (может быть, и для славы) и для несчастия. Спасибо тебе за попечение твое о моих стихотворных детках: ты всех их пристроил пристойным образом <см. выше: янв., до 24>. Очень обяжешь, ежели исполнишь свое обещание и пришлешь «Горе от ума». Не понимаю, за что москвичи сердятся на Грибоедова и на его комедию: титул ее очень для них утешителен и содержание отрадно. Что сказать тебе о моей Кюменской жизни? Гельзингфорские воспоминания наполняют

пустоту ее. С удовольствием привожу себе на память некоторые откровенные часы, проведенные с тобою и с Мухановым. Вспоминаю общую нашу Альсину <А. Ф. Закревскую> с грустным размышлением о судьбе человеческой. Друг мой, она сама несчастна: это роза, это Царица цветов; но поврежденная бурею — листья ее чуть держатся и беспрестанно опадают. Боссюет сказал, не помню о какой принцессе <о герцогине Орлеанской>, указывая на мертвое ее тело: «Là voila telle que la mort nous l'a faite» <Вот что сделала с ней смерть>. Про нашу Царицу можно сказать: «Là voila telle que les passions l'ont faite»<Вот что сделали с ней страсти>. Ужасно! Я видел ее вблизи, и никогда она не выйдет из моей памяти. Я с нею шутил и смеялся; но глубоко унылое чувство было тогда в моем сердце. Вообрази себе пышную мраморную гробницу, под счастливым небом полудня, окруженную миртами и сиренями, — вид очаровательный, воздух благоуханный; но гробница — все гробница, и вместе с негою печаль вливается в душу: вот чувство, с которым я приближался к женщине, тебе еще больше, нежели мне, знакомой. — Я заболтался, да немудрено заболтаться. Прощай, мой милый, кружись в вихре большого света московского, но не забывай уединенного друга, которому твое воспоминание очень дорого. Ты позабыл доставить мне твой адрес. Я прошу Муханова переслать тебе это письмо. Прощай, обнимаю тебя от всей души. — Е. Боратынский».

Путята 1867. Ст. 265—267 (фрагменты; датировка: 2-я половина февр. — нач. марта 1825). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 6—7 об. Датировка 20-ми числами февраля определяется тем, что Муханов переслал письмо Боратынского Путяте 1 марта (см. далее: март, 9. Москва).

ФЕВРАЛЬ, 26. Кюмень. Боратынский — Коншину в Петербург (дата: *26 февраля*): «Виноват, неизвинительно виноват перед тобою, милой Коншин; но, ей-богу, заботы моей гельзингфорской жизни были отчасти причиною, что я не отвечал на письмо твое. Сначала по обыкновению моему откладывал с почты до почты, а потом узнал по газетам, что ты приехал в П—бург, но, не зная твоего адреса, не мог писать тебе туда. Что скажу тебе? Я все тот же ветреник и брюзга, как и прежде; но зато ты во мне найдешь и прежнего товарища финляндской жизни. Спасибо тебе за деньги, они пришли кстати. Я не понял первой половины письма твоего — догадываюсь, что ты не доволен тем, что не нашел в моем письме такого восторга, какой дышит в твоем первом: этого ты не мог от меня требовать. Нравы наши довольно не сходны. Ты во всем охотно видишь хорошую сторону; а я охотно дурную. Впрочем, кажется, я не старался тебя разочаровывать и надеюсь, что ты никогда не разочаруешься, ибо счастие твое основано не на мечтах, а на первых началах природы человеческой. Не спрашиваю тебя о твоем житье-бытье, ибо знаю, что женатые редко отвечают искренно на вопрос такого рода. Мы имеем с тобою общим только прошедшее, а настоящее и будущее принадлежит уже одному тебе и сопутнице твоей жизни. Так и должно быть. Мы на лето идем в Петербург, надеюсь и желаю с тобою увидеться; поговорим про старое время и обнимемся как старые знакомые. Прощай. Преданный тебе Боратынской. — Милостивой государыне Авдотье Яковлевне мое усерднейшее почтение».

Лернер 1908. С. 758. Автограф — РНБ. Ф. 369. Оп. 1. № 22. Л. 2—2 об.

ФЕВРАЛЬ, 26. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому в Москву: «<...> Боратынский прислал мне свою «Эду». Прекрасная повесть! Я выписал несколько стихов в письме к Жихареву, которые можешь прочесть. Вот еще. Когда гусар обольститель оставил бедную финку в добычу грусти и отчаяния, она: — Очнувшись, долго грустный взор <...>». — Далее цитируются 46 строк, не вошедших в опубликованные варианты поэмы.

ОА. Т. 3. С. 100—101 (Тургенев получил письмо Боратынского от 25 янв. 1825 г. после своего возвращения из Москвы в середине февраля).

МАРТ, 1. Петербург. А. А. Муханов пересылает в Москву письмо Боратынского к Путяте от 20-х чисел февраля. См. далее: март, 9. Москва.

МАРТ, 7. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1825. Ч. 1. № 4) со стих. Боратынского **«Веселье и Горе»** (С. 310; подпись *Бар—скій*). С разночтениями перепечатано: «Веселье и Горе» — Изд. 1827; «Рука с рукой, Веселье, Горе...» — Изд. 1835.

Цявловский. 1991. С. 512 (дата).

МАРТ, 9. Москва. Путята — А. А. Муханову в Петербург: «Благодарю тебя, любезный друг, за письмо твое, полученное мною, от 1-го марта, также и за доставление письма Баратынского. — «Буря» его имела ту же участь, что «Эпилог» <к «Эде»>; цензура не пропустила ее за следующие стихи: — Не тот ли злобный дух, геенны властелин, // Что по вселенной розлил горе?.. и проч. — Не думаю, чтоб ваши евнухи Муз были снисходительнее и чувствительнее здешних к красотам их; на всякий случай посылаю ее тебе, попробуй, авось-либо пропустят <«Буря» была, однако, напечатана в Москве — в «Мнемозине» — см. далее: июль, 2; окт., перв. пол.>. — Прочие же стихи из «Еды» <«Эды»> уже печатаются в «Мнемозине», а потому, к сожалению, не могу прислать их в «Полярную»; она, точно, нам родная и по небу, и по вкусу, и по сердцу <...>».

Сб. Щ. Вып. 10. М., 1902. С. 413; РА. 1905. Кн. 1. № 3. С. 524.

МАРТ, 9. Петербург. А. А. Бестужев — Пушкину в Михайловское: «<...> Что же касается до Баратынского — я перестал веровать в его талант. Он исфранцузился вовсе. Его «Эдда» есть отпечаток ничтожности, и по предмету и по исполнению, да и в самом «Черепе» я не вижу целого — одна мысль, хорошо выраженная, и только. Конец — мишура <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 149—150.

МАРТ, 11. Дерпт. Н. М. Языков — А. М. Языкову: «Воейкова <...> чрезвычайно любит Баратынского и Льва Пушкина; это мне непонятно и не нравится: я их обоих знаю лично <...>».

ЯА. С. 161.

МАРТ, 14. Михайловское. Пушкин — Л. С. Пушкину: «<...> Уведомь о Баратынском — свечку поставлю за Закревского, если он его выручит <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 153.

МАРТ, 15. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому в Москву по поводу публикации в «Московском телеграфе» стих. Боратынского «Веселье и Горе» (см. выше: март, 7): «<...> Пожалуйста, уйми «Телеграф» и запрети печатать имя или буквы из имени Бор<атынского>. Как им не совестно губить его из одного любостяжания! Я уже писал об этом. Ни в скобках, ни под пиесой, ни под титлами, ни in extenso <полностью> имени его подписывать не должно. Скоро может решиться его участь <...>» (ср. с аналогичными обращениями А. И. Тургенева к петербургским и московским журналистам в 1824 г.: янв., март, 24). Видимо, А. И. Тургенев слышал о каком-то неизвестном нам негативном отзыве Александра I насчет той вольготности, которой пользуется Боратынский в столичной периодике. — См. подписи под текстами Боратынского в «Полярной звезде»: март, 20.

ОА. Т. 3. С. 106.

МАРТ, 20. Петербург. Ценз. разр. и билет на выход «Полярной звезды» на 1825 г. со стих. Боратынского **«Елисейские поля»** (С. 103—105; подпись *Б.*; др. ред. с загл. «Элизийские поля» — Изд. 1827 и Изд. 1835); **«Девушке, которой имя**

было: Аврора» («Выдь, дохни нам упоеньем...») (С. 116; подпись *Б.*; др. ред.: «Девушке, имя которой было: Аврора» («Соименница Авроры...») — Изд. 1827; «Авроре Ш...» («Выдь, дохни нам упоеньем...») — Изд. 1835; адресат — Аврора Шернваль); **«Д—у»** (С. 148—150; подпись *Б.*; с разночтениями перепечатано: «Д—гу» — Изд. 1827; «Я безрассуден — и не диво!..» — Изд. 1835; адресат — Дельвиг; героиня стих. — С. Д. Пономарева); **«К жестокой»** (С. 190—191; подпись *Б.*; с разночтениями перепечатано: «К жестокой» — Изд. 1827; «Неизвинительной ошибкой...» — Изд. 1835; адресат — С. Д. Пономарева, см. 1821, сент. — дек.); **«Л—ой» («Слепой поклонник красоты...»)** (С. 276; подпись *Б.*; др. ред.: «Л—ой» — Изд. 1827; «Когда неопытен я был...» — Изд. 1835; первонач. адресат — С. Д. Пономарева, см. 1821, сент. — дек.; адресат публикации — А. В. Лутковская); **«Стансы» («О чем ни молимся богам...»)** (С. 316—317; подпись *Б.*; др. ред.: «Стансы» — Изд. 1827; «В глуши лесов счастлив один...» — Изд. 1835; «Ода» («Ни горы злата и сребра...» — *Филиппович* 1915. С. 197); **«Зима (Отрывок из повести: Эда)»** (С. 372—373; подпись *Б.*; этот же фрагмент опубл. в числе двух других в «Мнемозине» (1824. Ч. 4 — см. далее: июль, 2; окт., перв. пол.).

Могилянский 1956. С. 394 (дата).

МАРТ, 21. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому в Москву: «<...> Муханов, адъютант Закревского, у меня. Дело Бор<атынского> еще не совсем удалось. Очень тяжело и грустно, но, впрочем, авось! <...>».

ОА. Т. 3. С. 108.

МАРТ, 26. Петербург. А. Е. Измайлов — П. Л. Яковлеву: «<...> В новой «Полярной звезде» много хороших стихов, но есть довольно и дрянцы: *плетневщины, баратынщины* и т. п. <...>».

Левкович 1978. С. 171.

МАРТ, 29. Дата, поставленная в письме Боратынского к Путяте («Я поклепал на тебя в моем сердце, милый Путята...»).

Текст письма и сомнения в верности этой даты см. далее: апрель, после 5.

МАРТ, после 29 — АПРЕЛЬ, начало. Кюмень. Боратынский отвечает на письмо И. И. Козлова: «Воистину воскрес, почтенный и любезный Иван Иванович, и у нас о том слухи носятся <речь идет о Пасхе — 29 марта>, да полно, верить ли? У вас в просвещенной столице, конечно, это лучше знают, нежели в нашей темной глуши. Благодарю за милое письмо, очень рад, что, начиная писать ко мне по-русски, вы и меня разрешаете на то же. По большей части мы говорили с вами по-французски, оттого-то я и начал с вами переписку на языке, которого от долгого неупотребления я позабыл правописание и самые обороты. Возвращаюсь вместе с вами на отеческую почву. — Полк наш нынешним летом будет в Петербурге. У меня сердце трепещет от радости, когда подумаю, что скоро буду в кругу истинных друзей моих и обниму вас, милого брата-поэта. Ваша «Венециянская ночь» без лести прелестна! В ней роскошная мечтательность искусно сливается с мечтательностью мрачною. Описание Венеции исполнено какой-то полуденной неги; а место, где красавица направляет гондолу свою к морю, едва ли не лучшее во всей пьесе. Так мне кажется, и я без обиняков говорю свое мнение, потому что вы сами к тому меня пригласили. Жду с нетерпением «Чернеца» и благодарю за похвалы отрывку из «Эды». В третьей части я воспользовался вашими советами и старался в ней поместить более лирических движений, нежели в двух первых. — «Элисейские поля» написаны назад тому года четыре; это французская шалость, годная только для альманаха. Я до половины написал новую небольшую поэму. Что-то из нее выйдет! Главный характер щекотлив, но смелым Бог владеет. Вот что говорят в Москве об моей героине:

Кого в свой дом она манит?
Не записных ли волокит,
Не новичков ли миловидных?
Не утомлен <ли> слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?

И вот что я прибавляю:

Беги ее: нет сердца в ней!
Страшися вкрадчивых речей
Обворожительной приманки,
Влюбленных взглядов не лови:
В ней жар упившейся вакханки,
Горячки жар, не жар любви!

Вы говорите о наших журналистах; но, слава богу, мы здесь не получаем ни одного журнала, и мне никто не мешает любить поэзию. Полевого я видел только раз, перед отъездом его в Москву: он мне показался энтузиастом вроде Кюхельбекера. Ежели он бредит, то бредит от доброй души и по крайней мере добросовестен. Всего досаднее Вяземский. Он образовался в беспокойные времена междуусобий Карамзина с Шишковым, и военный дух не покидает его и ныне:

Войной журнальною бесчестит без причины
Он дарования свои:
Не так ли славный вождь и друг Екатерины
Орлов еще любил кулачные бои?

Это экспромт; и я думаю, по стихам оно заметно. Прощайте. — Преданный вам Боратынский».

Изд. 1951. С. 480 (по автографу, хранившемуся у К. В. Пигарева с датировкой: апрель 1825). Письмо Козлова к Боратынскому неизвестно; ответ Боратынского без даты; наша датировка определяется временем Пасхи в 1825 г. — 29 марта. О поддельных письмах Боратынского к Козлову и Козлова к Боратынскому см. примеч. к: 1825, янв., 7.

АПРЕЛЬ, 4. Александр I выехал из Петербурга в Варшаву; среди сопровождающих императора — начальник Главного штаба И. И. Дибич; среди бумаг Дибича — представление Боратынского к офицерскому званию.

АПРЕЛЬ, 5. Закревский выезжает из Петербурга в Финляндию.

Закревский. Дневник. С. 13.

АПРЕЛЬ, после 5. Кюмень. Два письма Боратынского к Путяте в Москву (первое без даты традиционно датируется февралем или мартом 1825; второе — с ошибочной, видимо, датой: 29 марта):

1. «Получил я второе письмо твое из Москвы, милый Путята, спасибо тебе. С живым участием прочел я его первые строки. Ежели мое сравнение удачно, то твое распространение трогательно; но холод гробницы не совсем еще умертвил твою душу: она жива для дружбы и для всего доброго и прекрасного. Заблуждения нераздельны с человечеством, и иные из них делают больше чести нашему сердцу, нежели преждевременное понятие о некоторых истинах.

Нам надобны и страсти и мечты,
В них бытия условие и пища.
Не подчинишь одним законам ты
И света шум и тишину кладбища.

Зачем же раскаиваться в сильном чувстве, которое ежели сильно потрясло душу, то, может быть, развило в ней много способностей, дотоле дремавших? Не

хочешь ли видеть предметы с новой точки зрения и, вместо нашей гробницы, не вспомнишь ли ты Шекспиров плуг, раздирающий и плодотворящий землю. — Но не кончишь, когда дело пойдет на сравнения. Фея твоя <А. Ф. Закревская> возвратилась уже в Гельзингфорс. Кн. Львов провожал ее. В Фридрихсгаме расписалась она в почтовой книге таким образом: «Le prince Chou-Chéri, héritier présomptif du royaume de la Lune, avec une partie de sa cour et la moitié de son sérail» <князь Милуша, вероятный наследник царства Лунного, с некоторыми из придворных и половиной своего сераля>. Веселость природная или судорожная нигде ее не оставляет. Виделся я с генералом <Закревским> при проезде его через Ф<ридрихс>гам. Кажется, мне мало надежды на производство; но так и быть! Муханов оставил адъютантство, и корпусная квартира потеряла для меня половину своей приманчивости. Ты один теперь у меня остаешься при Гельзингфорском дворе. Остальные лица для меня более нежели чужды. Не заедешь ли ты ко мне в Кюмень. Я живу в доме полкового командира и имею особую комнату. То-то бы ты меня обрадовал! — Пишу новую поэму <«Бал»>. Вот тебе отрывок описания бала в Москве:

Блистает тысячью огней
Обширный зал; с высоких хоров
Гудят смычки; толпа гостей;
С приличной важностию взоров,
В чепцах узорных, распашных,
Ряд пестрых барынь пожилых
Сидит. Причудницы от скуки
То поправляют свой наряд,
То на толпу, сложивши руки,
С тупым вниманием глядят.
Кружатся дамы молодые,
Пылают негой взоры их;
Огнем каменьев дорогих
Блестят уборы головные.
По их плечам полунагим
Златые локоны летают;
Одежды легкие, как дым,
Их легкий стан обозначают.
Вокруг пленительных Харит
И суетится и кипит
Толпа поклонников ревнивых;
С волненьем ловят каждый взгляд:
Шутя несчастных и счастливых
Из них волшебницы творят.
В движеньи все. Горя добиться
Вниманья лестного красы,
Кавалерист крутит усы,
Франт штатский чопорно острится».

Путята 1867. Ст. 267—268 (с пропусками; датировка: февраль 1825); Изд. 1951. С. 478—479 (полностью; датировка: март 1825). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 8—9 об. Перенос датировки на апрель 1825 г. связан с упоминанием свидания с Закревскими, что могло произойти только после их возвращения в Финляндию (см. выше: апр., 5).

2. «29 марта. — Я поклепал на тебя в моем сердце, милый Путята; думал, что ты приехал уже в Гельзингфорс, не повидавшись со мною. Письмо твое много меня порадовало: приезжай, приезжай, обниму тебя с нежнейшею дружбою. — По какому случаю ты ждешь письма от генерала <Закревского>, чтоб возвратиться в корпусную квартиру? Неужели и ты хочешь оставить Финляндию? На кого же ты меня оставишь? Сколько перемен произошло в два месяца! — Благодарю тебя за

похвалы моему отрывку <см. предыдущее письмо>. В самой поэме ты узнаешь Гельзингфорские впечатления. Она <А. Ф. Закревская> моя героиня. Стихов 200 уже у меня написано. Приезжай, посмотришь и посудишь, и мне не найти лучшего и законнейшего критика. — Московская цензура либо невинна, как пятилетняя девочка, либо весела, как пьяная сводня; можно ли позволить напечатать такую непристойную поэму, как «Леда». Неужели Одоевский вытиснул под ней мое имя? Сохрани Боже! мне нельзя будет показать глаз читающим дамам. Пиши после этого! Леда моя публично целуется со своим Лебедем, а буре шуметь не позволено. Неисповедимы судьбы твои, о цензура русская! <см. выше: янв., ок. 24—26; март, 9>. — На Руси много смешного; но я не расположен смеяться, во мне веселость — усилие гордого ума, а не дитя сердца. С самого детства я тяготился зависимостью и был угрюм, был несчастлив. В молодости судьба взяла меня в свои руки. Все это служит пищею гению; но вот беда: я не гений. Для чего ж все было так, а не иначе? На этот вопрос захохотали бы все черти. — И этот смех служил бы ответом вольнодумцу; но не мне и не тебе: мы верим чему-то. Мы верим в прекрасное и добродетель. Что-то развитое в моем понятии для лучшей оценки хорошего, что-то улучшенное во мне самом — такие сокровища, которые не купят ни богач за деньги, ни счастливец счастием, ни самый гений, худо направленный. — Прощай, милый Путята, обнимаю тебя от всей души. — Боратынский».

Путята 1867. Ст. 269—270 (с пропусками); Изд. 1951. С. 479—480 (полностью). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 11—12 об. Дата *29 марта* в начале письма выставлена Боратынским, видимо, ошибочно, ибо далее упомянут отрывок из «Бала», посланный Путяте в предыдущем письме, а предыдущее письмо написано после 5 апреля. Письма Путяты, которые упоминает Боратынский, неизвестны.

АПРЕЛЬ, 7. Михайловское. Пушкин — Л. С. Пушкину: «<...> Благодарю за *Отрывок* из письма *Баратынского* <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 161 (о каком отрывке идет речь — неизвестно).

АПРЕЛЬ, 10. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому в Москву: «<...> Вообрази себе, что по сию пору не имею никакого сведения об успехе дела Бор<атынского>. Муханов, адъютант Закревского, также болен. Дибич уехал, а я уже три недели не выезжаю <...>».

ОА. Т. 3. С. 112.

АПРЕЛЬ, 10-е числа — 24—25. Михайловское. У Пушкина гостит Дельвиг. Видимо, между прочим они говорят и о том, что летом Дельвиг может приехать в Михайловское вместе с Боратынским (см. в письме Пушкина к брату от первой половины мая 1825 г.: «<...> надеюсь, что Дельвиг и Баратынский привезут мне и Анахарзиса Клоца <Кюхельбекера>»).

Б. Л. Модзалевский 1926. С. 426; *Цявловский* 1991. С. 522, 526 (даты пребывания Дельвига в Михайловском); *Пушкин*. Ак. Т. 13. С. 175 (цитата).

АПРЕЛЬ, 20. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1825. Кн. 12. Апрель) со стих. Боратынского **«Сестре» («И ты покинула семейный мирный круг!..»)** (С. 50; подпись *Б—ій*) — написано: 1822, июнь—июль. Др. ред. — нет.

АПРЕЛЬ, 21. Варшава. Александр I подписывает приказ о производстве Боратынского в прапорщики; приказ опубликован 4 мая.

АПРЕЛЬ, 26. Шаево Кологривского уезда Костромской губ. П. А. Катенин пишет Н. И. Бахтину по поводу «Полярной звезды» на 1825 г.: «<...> Звезда еще хуже прежних; из прозы можно с удовольствием прочесть только письма Жуковского из Швейцарии; из стихов Гнедича отрывки Иллиады, две басни Крылова, одно мелкое послание Пушкина и несколько Баратынского<...>»

РА. 1911. № 6. С. 594.

АПРЕЛЬ, конец месяца. Петербург. О том, что Боратынский уже произведен в офицеры, еще никто не знает. По-прежнему известно лишь, что «о Боратынском Дибич взял доклад в Варшаву» (А. И. Тургенев — Вяземскому, 28 апреля 1825).

ОА. Т. 3. С. 118.

МАЙ, 2. Петербург. А. И. Тургенев в письме к Вяземскому цитирует письмо Боратынского к Козлову: «<...> Вот что пишет о тебе Баратынский в письме к Козлову: «Всего досаднее Вяземский <...>». — Далее см. выше: март, после 29 — апр., нач.

ОА. Т. 3. С. 119—120.

МАЙ, 3. В Петербурге получают приказ Александра I о производстве Боратынского в прапорщики. См. далее письмо А. И. Тургенева Вяземскому: май, 4.

МАЙ, 4. Петербург. В газете «Русский инвалид» (1825. № 104) напечатаны приказы Александра I о присвоении воинских званий, и среди них — о Боратынском: «Его Императорское Величество в присутствии своем <...> в Варшаве Апреля 21-го дня <...> соизволил отдать следующий приказ: *Производятся за отличие по службе. По Армии <...> Из унтер-офицеров в прапорщики* пехотных полков: Нейшлотского — Баратынский» (С. 415, 417).

МАЙ, 4. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому в Москву: «Боратынский офицер: вчера получил варшавский приказ от 21-го апреля. Давно так счастлив не был <...>».

ОА. Т. 3. С. 121.

МАЙ, около 7—8. По пути к Гельсингфорсу в Кюмень заезжает Путята и сообщает Боратынскому известие о его производстве.

ИП. С. 289, 362. См. далее: май, 15: Путята — Муханову.

МАЙ, после 7—8. Кюмень. Боратынский — А. А. Муханову в Петербург (без даты): «Душа моя Муханов. Спасибо за письма, но отвечать буду после: мочи нет от радости. Два только слова о деле. Мне нужно для вступления в Петербург коечто, и вот список: — Темляк. Шифр рублей в 100 серебр. Репеек. Кишкеты серебр. Эполеты с вышитым № 23-й дивизии, голубые. — Денег у меня теперь нет, а это составляет рублей 200. Ежели ты можешь купить мне все это на свои и прислать в Роченсальм, много меня обяжешь. Ежели же у тебя деньги лишние не случатся, то сделай милость, потрудись доставить приложенную здесь записку дяде моему: он тотчас даст тебе оные. Впрочем, только мы выйдем в Петербург, т.е. 10-го июня, я возвращу тебе что ты издержишь, и, если можно, старика не беспокой. — Прощай. Весь твой — Боратынский. — Бери это все на казенной фабрике».

РА. 1895. Кн. 3. № 9. С. 125.

МАЙ, 9. Кюмень. Боратынский — А. И. Тургеневу в Петербург: «Ваше превосходительство — милостивый государь — Александр Иванович! — Наконец я свободен и вам обязан моею свободою. Ваше великодушное, настойчивое ходатайство возвратило меня обществу, семейству, жизни! Примите, ваше превосходительство, слабое воздаяние за великое добро, сделанное мне вами, примите несколько слов благодарности, вам, может быть, не нужных, но необходимых моему сердцу. Вот уже несколько дней, как все около меня дышит веселием, от души поздравляют добрые мои товарищи, и вам принадлежат их поздравления! Скоро возвращусь я в мое семейство, там польются слезы радости, и вы их исторгнете! Да наградит вас Бог и ваше сердце. — С глубочайшим почтением и совершенною преданностью честь имею быть — ваш покорнейший слуга — Евгений Боратынский. — Кюменьгород. — Маия 9 дня 1825».

Изд. 1951. С. 482 (по автографу, хранившемуся у К. В. Пигарева).

МАЙ, 13. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому в Москву: «<...> Я получил письмо от Боратынского <см. май, 9>, и до слез прошибла его радость и выражение этой радости <...>».

ОА. Т. 3. С. 124.

МАЙ, 15. Кюмень. Боратынский — Путяте в Гельсингфорс: «15 мая. — Спасибо, Путятушка, за пересланные письма и особенно за твое собственное. Ты в нем сказал почти все, что могло мне быть занимательным, чем отплачу тебе? Одною живою благодарностью. Получил я письмецо от Муханова: он остается в Петербурге до 20 июля, и там я надеюсь с ним увидеться. Заочно ты будешь с нами. Порадуемся и погорюем вместе. Скажу тебе между прочим, что я уже щеголяю в нейшлотском мундире: это довольно приятно; но вот что мне не по нутру — хожу всякий день на ученье и через два дня в караул. Не рожден я для службы царской. Когда подумаю о Петербурге, меня трясет лихорадка. Нет худа без добра и нет добра без худа. Скажи, ежели можешь, Магдалине <А. Ф. Закревской>, что я сердечно признателен за ее участие. Она не покидает моего воображения. Напиши мне, какую роль играет Мефистофелес <А. Армфельт> и каково тебе. Я часто переношусь мыслями в ваш круг; но, может быть, он уже не похож на круг мне прежде знакомый. Мы скоро выступаем в поход: адресуй мне свои письма либо на имя Муханова, либо на имя барона Дельвига в импер. библиотеку. Прощай, душа моя, обнимаю тебя от всего сердца. — Е. Боратынский».

Путята 1867. Ст. 270—271 (с купюрами); Изд. 1983. С. 257 (полностью). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 14—15 об.

МАЙ, 15. Гельсингфорс. Путята — А. А. Муханову в Петербург: «Спешу, любезный Муханов, дать тебе отчет в приезде моем в Гельсингфорс. Простившись с вами, я был грустен, но в Кюмени меня ждала истинная радость. Не могу пересказать тебе восхищения Баратынского, когда я объявил ему о его производстве; блаженство его в эту минуту, искреннее участие, которое все принимали в перемене его судьбы и которое доказало мне, как он был ими любим, откровенные разговоры о прошедшем и будущем — все это доставило мне несколько приятнейших часов в моей жизни. С радостию также заметил я, что верная спутница его в несчастии — поэзия — не будет им забыта в благополучии. Хотя он не помнил сам себя, бегал и прыгал, как ребенок, но не мог удержаться, чтоб не прочесть мне несколько страниц из сочиняемой им поэмы <«Бал»>, в которой он рассеял много хорошего и много воспоминаний об нашей Гельзингфорской жизни. Доселе поэзия была необходимостию души, убитой горестью и жаждущей излить свои чувства, теперь она соделается целию его жизни. Время докажет, выиграет или потеряет его талант при сей перемене обстоятельств<...>».

Сб. Щ. Т. 10. М., 1902. С. 414.

МАЙ, 20. Кюмень — Роченсальм. Нейшлотский полк выступил в поход для несения караульной службы в Петербурге — к 8—10 июня полк должен прибыть в столицу.

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 45. № 512. Л. 25—25 об., 28, 30.

МАЙ, 21. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1825. Ч. 3. № 9) со стих. Боратынского **«Запрос М—ву»** (С. 36—37; подпись ...) Др. ред. — нет; адресат — А. А. Муханов; героиня стих. — А. Шернваль (см. 1824, нояб. — янв. 1825).

Цявловский 1991. С. 534 (дата).

МАЙ, конец месяца — ИЮНЬ, начало. Михайловское. Пушкин — А. А. Бестужеву о сходстве своей судьбы с судьбой Боратынского: «<...> *Ободрения у нас нет —*

и слава Богу! отчего же нет? Державин, Дмитриев были в *ободрение* сделаны министрами. Век Екатерины — век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин кажется ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также <...>. Из неободренных вижу только себя да Баратынского — и не говорю: Слава Богу! <...>»

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 178—179.

ИЮНЬ, 4. Москва. Д. В. Давыдов — Закревскому в Финляндию: «<...> Я слышал, что Баратынский произведен в офицеры — если это правда, то радуюсь душевно и благодарю тебя, что ты твердостию своей содействовал сердечному моему желанию <...>».

РГИА. Ф. 660. Оп. 1. № 108. Л. 42 об.

ИЮНЬ, 8—10. Боратынский в Петербурге: Нейшлотский полк прибыл в столицу для караульной службы.

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 45. № 512. Л. 28, 30.

ИЮНЬ, после 8—10 — АВГУСТ, 11. Круг общения Боратынского: Дельвиг, А. Муханов, Плетнев, Л. Пушкин, И. Козлов, Жуковский, А. И. Тургенев, Языков; может быть, в конце июня — начале июля знакомство с Вяземским. — Дельвигу Боратынский оставляет рукопись «Эды» и «Пиров» для публикации отдельным изданием (см. далее: 1825, ноябрь, 26; 1826, февр., 1; февр., между 8 и 14). — Видимо, именно летом 1825 г. Боратынский отдал Рылееву и Бестужеву начальные строфы «Бала» для публикации в альманахе «Звездочка» (под загл. «Отрывок из поэмы: *Бальный вечер*» — альманах не вышел из-за событий 14 декабря). Новости: А. И. Тургенев уезжает за границу; А. А. Муханов выходит в отставку; Дельвиг женится на С. М. Салтыковой (см. июнь, 20-е числа). — Во второй половине июля в Петербург является А. Ф. Закревская.

ИЮНЬ, 12. Петербург. Боратынский, Дельвиг, Л. Пушкин, А. И. Тургенев — у И. И. Козлова.

Козлов. Дневник. Л. 20 об.

ИЮНЬ, 16. Петербург. Боратынский и Плетнев — у И. И. Козлова.

Козлов. Дневник. Л. 20 об.

ИЮНЬ, 17. Петербург. Боратынский, Дельвиг, Л. Пушкин — у И. И. Козлова.

Козлов. Дневник. Л. 20 об.

ИЮНЬ, 20-е числа. Петербург. Боратынский знакомится с невестой Дельвига — Софией Михайловной Салтыковой. См. далее: июль, 5.

ИЮНЬ, 21 — ИЮЛЬ, 4. В Петербурге находится Вяземский, приехавший из Москвы. Может быть, Боратынский с ним познакомился очно.

ОА. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1909. С. 47, 52; *Вацуро* СЦ. С. 54.

ИЮЛЬ, 2. Москва. Дата выдачи цензорского билета на выход «Мнемозины» (Ч. 4), где напечатаны **«Отрывки из поэмы: Эда», «Буря» и «Леда»** — см. далее: 1825, окт., перв. пол. (?).

Цявловский 1991. С. 546, 681.

ИЮЛЬ, 5. Петербург. С. М. Салтыкова — А. Н. Семеновой (Карелиной): «<...> Баратынский здесь, Антон Антонович <Дельвиг> с ним очень дружен и привез его к нам; это очаровательный молодой человек, мы очень скоро познакомились, он был три раза у нас и можно было бы сказать, что я его знаю уже годы. Он и Жуковский будут шаферами у моего Антоши». — Свадьба, однако, состоялась 30 октября, когда Боратынский уже жил в Москве.

Б. Л. Модзалевский 1929. С. 172 (перевод с фр.)

ИЮЛЬ, вторая половина месяца. В Петербург приезжает А. Ф. Закревская.

Подробности см. в письмах Боратынского: авг., нач.; авг., 16.

АВГУСТ, начало месяца. Петербург. Боратынский — Путяте в Финляндию (письмо без даты): «Виноват, милый Путята, виноват, но не сердцем, истинно к тебе привязанным, а нравом беспечным и ленивым. Давно не писал к тебе, но не переставал о тебе думать, не переставал вспоминать о нашей гельзингфорской жизни и о дружеском твоем появлении в Кюмени <см. выше: май, 7—8>. — Ты можешь себе вообразить, как меня изумило и обрадовало неожиданное свидание с Агр. Фед. <Закревской>, с Мисинькой <домашнее прозвание «мисс» — англичанки, компаньонки Закревской> и наконец с Каролиною Левандер, которая вовсе было вышла из моей памяти. Я уже два раза их видел. Аграфена Федоровна обходится со мною очень мило, и хотя я знаю, что опасно и глядеть на нее, и ее слушать, я ищу и жажду этого мучительного удовольствия. В сентябре думаю побывать в Гельзингфорсе, чтобы поблагодарить генерала <Закревского> за мое воскрешение и пожить с тобою. — Многие подробности оставляю до первой почты. Письмо это доставит тебе Аграфена Федоровна. Она очень любезно вызвалась на это. Она же может сообщить тебе, почему я не успевал к тебе писать, почему не приехал в Парголово и проч. и проч. — Проводил я Муханова в Москву: он поехал беспокойный и грустный и будет таковым повсюду. Какой несчастный дар — воображение, слишком превышающее рассудок! Какой несчастный плод преждевременной опытности сердце, жадное счастия, но уже неспособное предаться одной постоянной страсти и теряющееся в толпе беспредельных желаний! Таково положение Муханова, и мое, и большей части молодых людей нашего времени. — Через несколько дней мы возвращаемся в Финляндию, я этому почти рад: мне надоело беспричинное рассеяние, мне нужно взойти в себя, а взошед в себя, я наверно встречусь с тобою и чаще стану к тебе писать. Ты, я думаю, видишь по слогу этого письма, в каком беспорядке мои мысли. Прощай, милый Путята, до досуга, до здравого смысла и наконец до свидания. Спешу к ней: ты будешь подозревать, что и я несколько увлечен. Несколько, правда; но я надеюсь, что первые часы уединения возвратят мне рассудок. Напишу несколько элегий и засну спокойно. Поэзия чудесный талисман: очаровывая сама, она обессиливает чужие вредные чары. Прощай, обнимаю тебя. — Боратынский. — Письмо, приложенное здесь, я сначала думал вручить Магдалине; но мне показалось, что в нем поместил опасные подробности. Посылаю его по почте, а ей отдаю в запечатанном конверте лист белой бумаги. Как будет наказано ее любопытство, если она распечатает мое письмо! Прощай».

Путята 1867. Ст. 271—272 (с пропусками); Изд. 1951. С. 483—484 (полностью). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 17—18 об.

АВГУСТ, 11. Петербург. Боратынский отправляется в Финляндию.

Дельвиг 1986. С. 302 (записка Дельвига к С. М. Салтыковой от 11 августа 1825 г: «Баратынский едет только теперь»).

АВГУСТ, 16. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; дата: «16 Août»): «C'est de Vibourg que je vous écris, ma bonne maman...» — Перевод: «16 августа. — Из Выборга к вам пишу, милая маменька. Благодаря Бога смотры наши завершены, и мы на пути к Финляндии — стране, которая еще недавно была для меня местом изгнания и где теперь я ищу приют спокойствия. Томительное и несосредоточенное существование мое в Петербурге принудило меня прервать переписку, теперь возвращаюсь к ней и между тем собираюсь с духом, чтобы понять, как мне рас-

полагать своей судьбой отныне, когда я волен собою распоряжаться. Такое занятие непривычно мне: до сих пор я жил без мысли о будущем, ибо у меня его почти не было. И вот, свободный в конце концов, я желал бы воспользоваться, сколько можно, всем, что я видел и о чем мыслил доселе — всем, что я знаю о себе и других, чтобы быстролетящие дни не были утрачены безвозвратно. — Надеюсь провести не менее полугода подле вас. Впрочем, не знаю, когда отправлюсь в дорогу: в октябре или по первому зимнему пути. Я хотел бы знать, что вы решили касательно Сержа. Необходимо нужно, чтобы он приехал в Петербург со свидетельством о дворянстве, без чего эта история продолжится бесконечно. <Речь идет о зачислении младшего брата Сергея в училище для колонновожатых — намерение не осуществилось: Сергей поступил в Московскую медико-хирургическую академию>. Стоит ему представить его, он будет принят в училище, о коем я говорил, и не сомневаюсь, что благодаря своим способностям и с помощью людей, которые могут попросить за него, он останется при штабе. Закревский собирается на зиму в Петербург, думаю, он не откажется покровительствовать брату, благо ему довольно сказать два слова. Я пробуду несколько дней в Гельзингфорсе — в основном, затем, чтобы выразить благодарность генералу за все сделанное им для меня, а кроме того, чтобы продолжить с ним знакомство. В Петербурге я видел г-жу Закревскую: она приезжала на петергофский праздник <22 июля>, захватив с собою одну юную финляндку — показать ей столичные чудеса. Мы летали по городу вместе. Словом, мое путешествие в Гельзингфорс — и развлечение и, между тем, прощальный салют. Прощайте, милая маменька. Да вернет вам Господь здоровье и да сохранит вас. Завтра мы покидаем Выборг и 30-го будем в Роченсальме».

М. С. 41—42. Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 44—45 об.

АВГУСТ, 24. Гельсингфорс. Путята — А. А. Муханову в Москву: «<...>Магдалина <А. Ф. Закревская> в прошедшем месяце была в Петербурге; получаю в это время длинное письмо от Баратынского <см. выше: авг., нач.>, наполненное подробностями о ней и наконец узнаю признание, что он попал в ее волшебные сети, вот, между прочим, что пишет он ко мне: «Хотя я знаю, что опасно и глядеть на нее и ее слушать, я ищу и жажду этого мучительного удовольствия». Под конец утешает себя следующими словами: «Но первые часы уединения возвратят мне рассудок. Напишу несколько элегий и засну спокойно». Полк его возвращается теперь в Финляндию, и я надеюсь увидеться с ним <...>. Баратынский обещает мне в сентябре побывать у нас в Гельсингфорсе».

Сб. Щ. Вып. 10. М., 1902. С. 418.

АВГУСТ, около 30. Боратынский в Роченсальме или Кюмени, где расквартирован Нейшлотский полк.

ИП. С. 350, 362.

СЕНТЯБРЬ, около 5—6. Боратынский приезжает в Гельсингфорс (А. Армфельт — жене, 6(18) сент. 1825: «Здесь Боратынский. Он неузнаваем — так похорошел, так любезен, такие непринужденные манеры — все это чудеснейше ему идет» (перевод с фр.).

Хетсо. С. 107. Подробности пребывания Боратынского в Гельсингфорсе неизвестны. Вряд ли он общался в это время с Путятой, сопровождавшим в течение сентября генерала Закревского в очередной инспекторской поездке по Финляндии. Но с А. Ф. Закревской и ее избранником А. Армфельтом, а также с А. Шернваль и другими обитателями гельсингфорского «двора» — несомненно виделся часто.

СЕНТЯБРЬ, 26. Боратынский выезжает из Гельсингфорса в Москву. См. в письме А. Армфельта к жене, 25 сент. (7 окт.) 1825: «Мы лишаемся Боратынского, завтра он едет в Москву — к своей матери» (перевод с фр.).

Хетсо. С. 107.

СЕНТЯБРЬ, 30. Начало 4-месячного отпуска Боратынского.

См. офиц. бумаги Боратынского: 1825, дек., 27; 1831, июль, 26.

ОКТЯБРЬ, начало месяца. Боратынский приезжает в Москву; останавливается по адресу: Огородники, приход церкви св. Харитония, дом Мясоедовой (или, иначе: Яузская часть, дом 44 в Гусятниковом переулке; дом не сохранился) — здесь его ждут маменька Александра Федоровна, брат Сергей, сестры София, Наталия и Варвара.

Адрес Боратынского в Москве: письмо Пушкину — 1825, дек., перв. пол.; *Шумихин* 1988. С. 57.

ОКТЯБРЬ, первая половина (?). Москва. Видимо, только в это время поступила к подписчикам «Мнемозина» (Ч. 4), вышедшая еще летом (см. выше: июль, 2); здесь напечатаны: **«Буря», «Отрывки из поэмы: Эда»** и **«Леда»** (С. 214—215; 216—220; 221—223; все три текста подписаны четырьмя звездочками: ****). «Леда» более не переиздавалась при жизни Боратынского; др. ред. «Бури»: Изд. 1827 («Буря»); Изд. 1835 («Завыла буря; хлябь морская...» — с ценз. купюрами).

Сев. пчела. 1825. № 127. 22 окт. (сказано, что «Мнемозина» вышла в октябре 1825); см. также: *Цявловский*. 1991. С. 546, 681 (дата выдачи билета на выход «Мнемозины»: 2 июля 1825); об авторстве Боратынского см.: *Путята* 1864. Ст. 675—676.

ОКТЯБРЬ, до 5. Москва. Боратынский виделся с Рылеевым и отдал ему долг — 500 рублей: может быть, это было возвращение части денег, полученных Боратынским в августе 1823 г. за собрание его стихотворений, которое планировали издавать Рылеев и Бестужев.

О встрече с Рылеевым в Москве см. письмо к Путяте: 1825, ноябрь; о получении Рылеевым долга см. его письмо к Дельвигу от 5 окт. 1825 (число, мотивирующее нашу дату: окт., до 5): «Потомку тевтонов, сладостно поющему на русский лад и мило на лад древних греков, не поэт, а гражданин желает здоровия, благоденствия и силы духа, лень побороающей! Вместе с сим уведомляет он о получении 500 рублей, этой прозаической потребности, которая и поэта и гражданина мучит только тогда, когда нечего есть. Сего со мною не было, и потому гражданин Рылеев не помнил о долге поэта Баратынского» (*Рылеев*. Изд. 1934. С. 496).

ОКТЯБРЬ, 7. Петербург. Ценз. разр. «Невскому альманаху» на 1826 год (СПб., 1825; вышел 28 дек. 1825) со стих. Боратынского **«Дорога жизни»** (С. 71; подпись *Е. Баратынскій*). С разночтениями перепечатано: «В дорогу жизни снаряжая...» — Изд. 1835; в Изд. 1884 др. загл.: «Прогоны жизни».

ОКТЯБРЬ, 16. Остафьево. Вяземский — Пушкину в Михайловское: «<...> Здесь Боратынской на четыре месяца. Я очень ему рад. Ты, кажется, меня почитаешь каким-то противуположником ему <см. 1822, сент., 1>, и не знаю с чего. Вполне уважаю его дарование. Только не соглашался с твоим смирением, когда ты мне говорил, что после него уже не будешь писать элегий <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 239 (письмо от 16 и 18 окт. 1825).

ОКТЯБРЬ, 19. Москва. Боратынский — у И. И. Дмитриева (на Спиридоновке): знакомится здесь с М. П. Погодиным и М. М. Карниолиным-Пинским. — «Говорили о театральном искусстве, о сенате, о журнале, о Пушкине» (Из дневника Погодина).

Цявловский 1914. С. 71. «Баратынский как-то не ценил ума и любезности Дмитриева. Он говаривал, что, уходя, после вечера, у него проведенного, ему всегда кажется, что он был

у всенощной. Трудно разгадать эту странность. Между тем он высоко ставил дарование поэта» (*Вяземский*. ПСС. Т. 8. С. 434). Отзыв И. И. Дмитриева о стихах Боратынского см. 1826, апр., 9.

ОКТЯБРЬ, после 19 — ДЕКАБРЬ. Москва. Боратынский болен; однако с 10-х чисел ноября уже выезжает из дома.

ОКТЯБРЬ, 30. Петербург. Свадьба Дельвига и С. М. Салтыковой. С этим событием связано стих. Боратынского **«Ты распрощался с братством шумным...»**. — Опубл. с загл.: «В альбом NN на другой день после его свадьбы» в альманахе М. А. Бестужева-Рюмина «Сириус на 1826 год» (С. 76; подпись *Баратынскiй*); с загл. «К Д***. На другой день после его женитьбы»: Славянин. 1827. Ч. 2. № 16. С. 77 (см. 1827, апр., 4).

НОЯБРЬ. Москва. Боратынский получает письмо от Путяты из Гельсингфорса и пишет ответ (без даты): «Ежели с приезда в Москву я к тебе не писал, милый Путята, я виноват не душой, а бренным моим телом, заболевшим через неделю после. Я теперь еще не выезжаю: однако ж в первые дни успел повидаться с твоим батюшкой, с Рылеевым и с Мухановым. Странно, что, проживши почти два месяца в Москве, я принужден писать к тебе как будто из Кюмени, ибо не знаю ничего нового, ничего не мог заметить, почти ни с кем не познакомился и сидел один в моей комнате с ветхим моим сердцем и с ветхими его воспоминаниями. Я отдал письмо твое Муханову. Что скажу тебе про него? Он живет домком, много читает, жалуется на хандру и оживляется одними финляндскими воспоминаниями; однако ж признается, что страсть к Авроре очень поуспокоилась. Все проходит! — За неимением занимательнейшего предмета буду говорить о себе. Я нашел семью свою в Москве. Свидание было радостно и горестно. Я нашел мать мою в самом жалком положении, хотя приезд мой оживил ее несколько. Брат Путята, судьба для меня не сделалась милостивее. Поверишь ли, что теперь именно начинается самая трудная эпоха моей жизни. Я не могу скрыть от моей совести, что я необходим моей матери, по какой-то болезненной ее нежности ко мне, я должен (и почти для спасения ее жизни) не расставаться с нею. Но что же я имею в виду? Какое существование? Его описать невозможно. Я рассказывал тебе некоторые подробности, теперь все то же, только хуже. Жить дома для меня значит жить в какой-то тлетворной атмосфере, которая вливает отраву не только в сердце, но и в кости. Я решился, но признаюсь, не без усилия. Что делать? Противное было бы чудовищным эгоизмом... Прощай, свобода, прощай, поэзия! Извини, милый друг, что налегаю на твою душу моим горем, но, право, мне нужно было несколько излиться. — Я думаю просить перевода в один из полков, квартирующих в Москве. Не говори покуда об этом генералу <Закревскому>: к нему напишут отсюда <видимо, Давыдов>. Я слышал, что ты будешь скоро к нам в белокаменную. Приезжай, милый Путята, поговорим еще о Финляндии, где я пережил все, что было живого в моем сердце. Ее живописные, хотя угрюмые горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но по крайней мере довольно обильную в отличительных красках. Судьба, которую я предвижу, будет подобна русским однообразным равнинам, как теперь покрытым снегом и представляющим одну вечно унылую картину. Прощай, мой милый. Я отослал письмо твое к Ознобишину; но за нездоровьем с ним еще не виделся. Преданный тебе — Е. Боратынский».

Путята 1867. Ст. 270—271 (с пропусками); Изд. 1983. С. 259—260 (полностью). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 22—23 об.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ... АВГУСТ 1826. Москва. Записка Боратынского к Соболевскому (без даты): «С Денисом Васильевичем <Давыдовым> я еще не видался, любезный Сергей Александрович; но при первом случае с ним поговорю. С моей же стороны посылаю что могу. Благодарю тебя за доверенность к преданному тебе — Е. Боратынский».

ПД. Ф. 244. Оп. 17. № 136. Л. 322 (автограф в альбоме С. А. Соболевского «Avant les Voyages». Сообщено С. И. Пановым. Датируется временем между знакомством Боратынского с Давыдовым и отъездом Давыдова из Москвы.

НОЯБРЬ, 9. Москва. С. Д. Нечаев — А. А. Бестужеву в Петербург: «<...> Здесь Баратынский, но болен, и я его еще не видал <...>».

РС. 1889. Т. 61. № 2. С. 320.

НОЯБРЬ, 13. Москва. Боратынский знакомится очно с Д. В. Давыдовым — у Мухановых на Остоженке. См. далее: ноябрь, 16.

НОЯБРЬ, 13—14. Москва. Боратынский пишет послание к Давыдову: **«Пока с восторгом я внимаю...»**. Опубл. с разночтениями: 1826, авг., конец месяца: Московский телеграф: 1826. Ч. 10. № 14. С. 55: «Д. В. Давыдову»; Изд. 1827 и Изд. 1835: «Д. Давыдову»; Изд. 1936. Т. 1. С. 102: «Д. Давыдову» («Пока с восторгом я умею...»). См. далее: ноябрь, 16.

НОЯБРЬ, 15. Москва. Боратынский с братом Сергеем и Мухановыми (братья Александр, Владимир и Иван) — у Д. В. Давыдова. См. далее: ноябрь, 16.

НОЯБРЬ, 16. Москва. Александр Муханов — брату (видимо, Николаю): «<...> 4-го дня вечером приехал ко мне Денис Вас. <Давыдов> и Баратынский, которые просидели весь вечер; ты не можешь себе представить, как первый был хорош. На другой день Барат<ынский> прислал мне к нему послание, когда оно будет исправлено от погрешностей, вкравшихся от поспешности, я тебе перешлю его <...>. Вчера вечером провел с Иваном, Володей и двумя Баратынскими у Дениса Васильевича <...>».

Щ. сб. Вып. 10. М., 1912. С. 347 (с ошибочным указанием автора письма).

НОЯБРЬ, 19. В Таганроге умер Александр I. Известие о его смерти дойдет до Москвы в конце ноября.

НОЯБРЬ, 20-е числа (?). Михайловское. Пушкин пишет Боратынскому в Москву: сообщает о том, что сочинил романтическую трагедию — «Борис Годунов»; выражает сомнение в том, что Боратынский оценит ее высоко вследствие своих классических литературных пристрастий, и называет его за эти пристрастия «маркизом»; спрашивает мнение Боратынского о пьесе Кюхельбекера «Шекспировы духи»; просит прислать рукопись «Эды»; приглашает приехать в Михайловское.

Письмо Пушкина не сохранилось; о его содержании можно судить по ответному письму Боратынского — см. далее: дек., перв. пол.

НОЯБРЬ, до 21. Москва. Боратынский получает через Александра Муханова записку от Вяземского с приглашением приехать в Остафьево. См. далее: ноябрь, 21; дек., после 7.

НОЯБРЬ, 21. Москва. Боратынский и Александр Муханов едут к Вяземскому в Остафьево, но из-за непогоды возвращаются с дороги назад. См. далее: ноябрь, 25.

НОЯБРЬ, 22. Петербург. Дельвиг посылает Вяземскому в Остафьево письмо с просьбой прислать стихи и прозу для «Северных цветов» на 1826 г. и среди прочего пишет: «Велите мне списать или препоручите это Баратынскому два отрывка из 2-й песни «Онегина». Какие? Вы увидите из приложенного письма Пушкина ко мне» (Дельвиг приложил к своему письму письмо Пушкина от октября — первой половины ноября 1825 г.).

Письма к Вяземскому. Изд. 1902. С. 35; *Дельвиг*. Изд. 1986. С. 307 (уточнение даты).

НОЯБРЬ, 25. Москва. Александр Муханов — брату (видимо, Николаю): «<...> в субботу 21-го утром приехал ко мне Баратынской, которого, несмотря на круговращение Меркурия в жилах его, уговорил я хорошенько окутавшись ехать со мною в Астафьево (я накануне видел княгиню Веру в Москве, у которой испросил

позволения к ним приехать и кроме того имел престранный и предолгий и прескучный разговор о протекшей любви, о теперешнем равнодушии и проч., в котором она силилась пробудить усопшие чувства, но я, коли не языком правды, то длинными извилистыми речениями выразил ей: — В душе моей одно волнение, — А не любовь пробудишь ты! <цитата из «Разуверения» Боратынского>). С десятой версты от метели и худой дороги полузамерзшие возвратились домой, где наверху у нас обедали. Вечером приехал к Ивану <...> сперва общество болтало, потом все разъехались, кроме Баратынского, с которым мы перевспоминали все о Финляндии, кстати он написал несколько стишков на тамошние бани, в коих парят мущин женщины — пресмешные (их со мной нет, оттого здесь их и не вписываю) <...>».

Щ. сб. Вып. 3. М., 1904. С. 177—178. Стихи Боратынского не сохранились.

НОЯБРЬ, 26. Петербург. Ценз. разр. на печатание книги Боратынского **«Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма»** (вышла: 1826, февр., 1; февр., между 9 и 14).

НОЯБРЬ, 26. Москва. Ценз. разр. альманаху Погодина «Урания» на 1826 г. (вышел 7 янв. 1826) со стих. **«К***. Посылая тетрадь стихов» («В борьбе с тяжелою судьбой...»)** (С. 73; подпись *Баратынскій*; др. ред.: «*** при посылке тетради стихов» — Зимцерла на 1829 г. С. 12; «В борьбе с тяжелою судьбой...» — Изд. 1835; в Изд. 1884. С. 108 — загл.: «Г. З.» — т. е. графине Закревской); **«Ожидание» («Она придет! к ее устам...»)** (С. 101; подпись *Баратынскій*; с разночтениями перепечатано: «Ожидание» — Изд. 1827; «Она придет! к ее устам...» — Изд. 1835).

НОЯБРЬ, 29 (?). Москва. Боратынский записывает в альбом кузины Наталии (неустановленное лицо) стих. **«Я был любим, твердила ты...»** (опубл.: Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 58—59). Под стихотворением и на полях альбома рядом со стихотворением пометы: «В Москве. Dim<anche> on joua aujourd'hui Freischutz. 31 ноября <так!> 1825. Composé par Eugène Boratinsky, mon cousin. Nathalie» (перевод: «Воскресенье, сегодня играли Фрейшица. 31 ноября. Написано моим кузеном Евгением Боратынским. Наталия»).

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 234. Л. 16—17; датируется по ближайшему к «31 ноября» воскресенью — 29 ноября. *Freischutz* — опера К. Вебера «Вольный стрелок».

НОЯБРЬ, конец месяца. В Москве становится известно о смерти Александра I 19 ноября. Может быть, Боратынский вскоре после этого составляет прошение об отставке на имя Константина Павловича и, может быть, даже отсылает его к своему полковому командиру Лутковскому в Кюмень. — См. далее дек., 27.

НОЯБРЬ, конец месяца — ДЕКАБРЬ, начало. Петербург. Дельвиг — Боратынскому (без даты): «Ужели ты так болен, сердце мое, что и письма к Дельвигу написать не можешь? Мы, божиею милостию барон и баронесса, сокрушаемся, не получая ни строчки так долго от тебя. Твои комиссии мною исполнены: принимаются в колонновожатые во всякое время; свидетельство же находится в Инспекторском департаменте, и его должен твой брат вытребовать, подавши просьбу в оный. Такова форма <речь идет о намерении Сергея Боратынского поступить в училище для колонновожатых — см. выше: авг., 16>. Поспеши исполнить мои просьбы, поверенные мною прошедшему письму <это письмо не сохранилось>; исполнение их не терпит медленности. Сонинька тебе кланяется и чувствует равную со мною необходимость поскорее с тобой увидеться. Она думает, что при тебе я должен ей показаться еще лучше, чем без тебя. Друг подсоусивает друга. В самом деле, ты нам нужен и как друг, и как оживитель мертвой петербургской жизни, особенно теперь. Дни через два все дамы сошьют траурные платья и последний источник разговоров иссякнет <имеется в виду смерть Александра I>. Литература давно уже не принимается или не должна быть принимаема в гостиную: так она грязна. Об ней говоришь в передней с торгашами. — Посылаю тебе стихи на

последний великий случай <видимо, на наводнение 7 ноября>. Я, счастливец, внушил их достойному соратнику парнасскому графа Дмитрия Ивановича <Хвостова; о каких и чьих именно говорится стихах — неясно>. — Что сказать о моей жизни! Живу домоседом. Соня моя все хворала. Переписываю, то есть чужими руками, пьесы для «Цветов» и печатаю их. «Эду» тоже. Всякое утро хожу в должность и занимаюсь. Не чудо ли это? Всякий день думаю о стихах и, кажется, скоро размахнусь, и, даст Бог, размах будет не пустой и не слабый. Прощай. — Длв.».

Верховский 1922. С. 31—32; Изд. 1986. С. 308—309. В обоих изданиях дата: конец 1825; ограничение датировки концом ноября — началом декабря вызвано упоминанием еще не сшитых траурных платьев — значит, дело происходит вскоре после 27 ноября, когда в Петербурге стало известно о смерти Александра I.

ДЕКАБРЬ, первая половина. Москва. Боратынский — Пушкину в Михайловское (ответ на не дошедшее до нас письмо — см. выше: ноябрь, 20-е числа): «Благодарю тебя за письмо, милый Пушкин: оно меня очень обрадовало, ибо я очень дорожу твоим воспоминанием. Внимание твое к моим рифмованным безделкам, заставило бы меня много думать о их достоинстве, ежели б я не знал, что ты столько же любезен в своих письмах, сколько высок и трогателен в своих стихотворных произведениях. — Не думай, чтобы я до такой степени был маркизом, чтоб не чувствовать красот романтической трагедии! Я люблю героев Шекспировых, почти всегда естественных, всегда занимательных, в настоящей одежде их времени и с сильно означенными лицами. Я предпочитаю их героям Расина; но отдаю справедливость великому таланту французского трагика. Скажу более: я почти уверен, что французы не могут иметь истинной романтической трагедии. Не правила Аристотеля налагают на них оковы — легко от них освободиться — но они лишены важнейшего способа к успеху: изящного языка простонародного. Я уважаю французских классиков, они знали свой язык, занимались теми родами поэзии, которые ему свойственны, и произвели много прекрасного. Мне жалки их новейшие романтики: мне кажется, что они садятся в чужие сани. — Жажду иметь понятие о твоем Годунове. Чудесный наш язык ко всему способен, я это чувствую, хотя не могу привести в исполнение. Он создан для Пушкина, а Пушкин для него. Я уверен, что трагедия твоя исполнена красот необыкновенных. Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился гений! Возведи русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело — признательность и удивление. — Вяземского нет в Москве; но я на днях еду к нему в Остафьево и исполню твое препоручение. Духов Кюхельбекера читал. Не дурно, да и не хорошо. Веселость его не весела, а поэзия бедна и косноязычна. Эду для тебя не переписываю, потому что она на днях выдет из печати. Дельвиг, который в П<етербур>ге смотрит за изданием, тотчас доставит тебе экземпляр и пожалуй два, ежели ты не поленишься сделать для меня, что сделал для Рылеева <на экземпляре поэмы «Войнаровский», присланном Рылеевым, Пушкин сделал ряд критических замечаний>. Посетить тебя живейшее мое желание; но Бог весть, когда мне это удастся. Случая же, верно, не пропущу. Покаместь будем меняться письмами. Пиши, милый Пушкин, а я в долгу не останусь, хотя пишу к тебе с тем затруднением, с которым обыкновенно пишут к старшим. — Прощай, обнимаю тебя. За что ты Левушку называешь Львом Сергеевичем? Он тебя искренно любит, и ежели по ветрености как-нибудь провинился перед тобою — твое дело быть снисходительным. Я знаю, что ты давно на него сердишься; но долго сердиться не хорошо. Я вмешиваюсь в чужое дело; но ты простишь это моей привязанности к тебе и твоему брату. — Преданный тебе — Боратынский. — Адрес мой: в Москве, у Харитона в Огородниках, дом Мясоедовой».

Изд. 1869. С. 419—421; *Пушкин*. Ак. Т. 13. С. 253. Автограф — ПД. Ф. 244. Оп. 2. № 9.

ДЕКАБРЬ, 7. Остафьево. Вяземский посылает в Москву к Боратынскому записку, в которой называет его Парни, выражает надежду на скорый приезд Боратынского в Остафьево и просит переслать в Петербург письмо к Дельвигу (ответ на письмо Дельвига — см. выше: ноябрь, 22).

Записка Вяземского к Боратынскому не сохранилась; о ее содержании можно судить по ответу Боратынского — см. далее: дек., после 7.

ДЕКАБРЬ, после 7. Москва. Боратынский — Вяземскому в Остафьево (без даты):

«Простите, спорю невпопад
Я с вашей Музою прелестной;
Но мне Парни ни сват, ни брат:
Совсем не он отец мой крестный.
Он мне, однако же, знаком:
Цитерских истин возвеститель,
Любезный князь, не спорю в том,
Был вместе с вами мой учитель.

Извините, ежели я так поздно отвечаю на лестное письмо ваше. Вместе с Мухановым я думал сей же час воспользоваться дружеским приглашением вашим, но не удалось. Письмо ваше к барону Дельвигу отправлено. Сближение с вами есть живейшее мое желание, и мне очень хочется напроситься на доброе ваше расположение. При первой возможности буду к вам в Остафьево. Между тем примите уверение в искренней преданности одного из усердных почитателей ваших. — Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 5. С. 44 (текст); *Вацуро* СЦ. С. 66—67, 258 (дата). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 7—8. Адрес: «Его Сиятельству милостивому государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому».

ДЕКАБРЬ, 10. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1825. Ч. 6. № 22) с отрывком из «Эды» под загл. «Финляндия» (С. 157; подпись *Баратынскiй*).

Цявловский 1991. С. 579 (дата).

ДЕКАБРЬ, 10. Москва. Д. В. Давыдов — Закревскому в Гельсингфорс: «<...> Мой протеже Баратынский здесь, часто бывает у меня, когда не болен, ибо здоровье его незавидное. — Он жалок относительно обстоятельств домашних, ты их знаешь — мать полоумная и, следовательно, дела идут плохо. Ему надо непременно идти в отставку, что я ему советовал, и он совет мой принял. Сделай милость, одолжи меня, позволь ему выдти в отставку, и когда просьба придет, то ради Бога скорее — за что я в ножки поклонюсь тебе, ты меня этим навек обяжешь <...>».

Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 537.

ДЕКАБРЬ, 13. Остафьево. Вяземский — А. И. Тургеневу: «<...> Баратынский в Москве, и, по словам Дениса <Давыдова> vise au sublime, то есть принимает du sublime! <...>» (перевод: «вид имеет возвышенный, т. е. принимает сулему»).

АбТ. Вып. 6. С. 22.

ДЕКАБРЬ, 14. Петербург. Присяга Николаю I. Восстание на Сенатской площади.

ДЕКАБРЬ, 19. Петербург. В газетах «Северная пчела» (№ 152) и «Русский инвалид» (№ 300) помещено официальное извещение от 15 декабря о происшедшем на Сенатской площади: «Вчерашний день будет без сомнения эпохою в Истории России. В оный жители столицы узнали с чувством радости и надежды, что

Государь Император Николай Павлович принимает венец своих предков, принадлежащий Ему <...>. *Государь Император* вышел из дворца без свиты, явился один народу и был встречен изъявлениями благоговения и любви: отовсюду раздавались усердные восклицания. Между тем две возмутившиеся роты Московского полка не смирялись. Оне построились в баталион-карре перед Сенатом; ими начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединилось несколько человек гнусного вида во фраках».

ДЕКАБРЬ, 21. Начало арестов в Москве по делу о возмущении 14 декабря. Арестован генерал-майор в отставке М. Ф. Орлов.

ДЕКАБРЬ, 27. Москва. Боратынский заверяет в Московском Ордонанс-Гаузе прошение об отставке (может быть, повторное — см. выше: ноябрь, конец месяца), свидетельство о своей болезни и вместе с двумя обязательствами (реверсами) отправляет их в Кюмень — в штаб Нейшлотского полка, к Лутковскому:

«Всепресветлейший Державный Великий Государь Император Николай Павлович Самодержец Всероссийский Государь Всемилостивейший. — Просит Нейшлотского полка прапорщик Евгений Абрамов сын Баратынский, а о чем, тому следуют пункты:

1. В службу Вашего Императорского Величества определен я из пажей за проступки Лейб-Гвардии в Егерский полк 1819-го года февраля 8 числа, из оного переведен в Нейшлотский пехотный полк с произведением в унтер-офицеры 820 Генваря 4. Прапорщиком 825 года Апреля 21 числа; в походах и штрафах по суду и без суда не бывал, в домовом отпуску находился с 11 Декабря 1820 по 1-е Марта 1821 и 1822 Сентября с 21 по 1-е Февраля 823 года и на срок явился, холост, состоял при полку в комплекте, к повышению чином аттестован достойным. Ныне же хотя и имею ревностное желание продолжать военную Вашего Императорского Величества службу, но с давнего времени одержимая меня болезнь лишила к тому способов, а потому представляя у сего об оной лекарское Свидетельство и два Реверса всеподданнейше прошу по сему. Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение с приложениями принять и меня, именованного, за болезнию от службы уволить по прошению. — Всемилостивейший Государь, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. — Москва. Декабря 27-го дня 1825 года. — К подаянию надлежит по команде. Прошение с сочинения просителя набело переписывал Московского Ордонанс-Гауза писарь Александр Васильев сын Любимов. Нейшлотского пехотного полка прапорщик Евгений Аврамов сын Боратынский руку приложил.

2. *Реверс*. Я, нижеподписавшийся, дал сей реверс в том, что по увольнении меня от службы Его Императорского Величества о казенном содержании просить не буду. — Декабря 27 дня 1825 года. — Нейшлотского пехотного полка прапорщик Боратынский.

3. *Реверс*. Я, нижеподписавшийся, дал сей реверс в том, что по увольнении меня от воинской Его Императорского Величества службы до получения указа об оной буду иметь жительство в столице Москве. — Декабря 27-го дня 1825-го года. — Нейшлотского пехотного полка прапорщик Боратынский.

4. *Свидетельство*. Дано сие Нейшлотского пехотного полка прапорщику Баратынскому в том, что он был мною свидетельствован в болезни и оказался действительно одержим сильным ревматизмом левой ноги, продолжавшимся с давнего времени, и болью груди, каковые болезни препятствуют продолжать ему военную службу, в чем свидетельствую. — Москва. Декабря 27 дня 1825 года. — Московского Ордонанс-гауза штаб-лекарь».

РГВИА. Ф. 395. Оп. 132. № 18. Л. 3—6.

ДЕКАБРЬ, 28. Петербург. Вышел «Невский альманах» на 1826 г. со стих. Боратынского **«Дорога жизни» («В дорогу жизни снаряжая...»)**. См. выше: окт., 7.

ДЕКАБРЬ, 29. Петербург. В газете «Русский инвалид» (№ 305) — «Подробное описание происшествия, случившегося в С.-Петербурге 14 декабря 1825 года»: названы братья Бестужевы, П. Г. Каховский, А. О. Корнилович, К. Ф. Рылеев, И. И. Пущин, С. П. Трубецкой; о В. К. Кюхельбекере сказано: «вероятно, погиб во время дела».

ДЕКАБРЬ, 30. Петербург. Вышла книга «Стихотворения Александра Пушкина». В разделе «Послания» — стих. «Алексееву» («Мой милый, как несправедливы...») с цитатой из послания Боратынского к Коншину (см.: 1821, сент.—дек.; 1823, сент., 6).

Дата: *Могилянский* 1956. С. 395; *Цявловский* 1991. С. 582—584.

1825, конец года — 1826, первые месяцы(?)

Боратынский и Соболевский сочиняют куплеты о семействе Сонцовых **«Встарь жил-был петух индейский...»**: опубл. под названием «Быль»: Литературные приложения к Русскому инвалиду. 1831. № 6. 21 янв. — подпись *Сталинскій*. Др. ред.: «Цапли» («Жил да был петух индейской...») // Библиографические записки. 1858. № 8. С. 237; Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 325.

1826—1828

Записка Боратынского к З. А. Волконской (на фр. яз.; без даты): «Je suis pénétré de reconnaissance, Madame, pour ce que vous me dites d'obligeant sur ma petite nouvelle. Votre approbation serait plus que flatteuse pour moi, si je ne savais que vous êtes un critique aussi indulgent qu'éclairé. Ce n'est que ma mauvaise santé qui m'a empêché de me présenter chez vous et qui me privera encore demain de ce plaisir. Vous ne pouvez douter, Madame, que dès que je me sentirais en état de sortir, je m'empresserai de vous présenter mes respects: s'il en était autrement je manquerai en même tems à mon interêt et à mon devoir. J'ai l'honneur d'être, — Madame, — votre très humble et très obéissant serviteur — Eugène Boratinsky». — Перевод: «Признательно благодарю вас, сударыня, за ваш любезный отзыв о моей маленькой повести. Ваше одобрение было бы для меня более чем лестно, если бы я не знал, что вы столь же снисходительный, сколь и блестящий критик. Одно лишь нездоровье помешало мне явиться к вам, и завтрашний день также лишит меня этой радости. Не сомневайтесь, сударыня, что как только я буду в состоянии выходить, я не замедлю засвидетельствовать вам свое почтение: поступая иначе, я пренебрег бы и своим удовольствием, и самим долгом. Имею честь быть, сударыня, нижайшим и покорнейшим слугой — Евгений Боратынский».

Aroutunova Bayara. Lives in Letters. Princess Zinaida Volkonskaya and her correspondence. Slavica Publishers, Columbus, 1994. P. 51; с датировкой: «не ранее 21 ноября 1825 <знакомство с Вяземским, который ввел Боратынского в салон Волконской> — не позднее 4 июня 1826 <этим днем публикатор датирует женитьбу Боратынского и его полное выздоровление>» (обе даты неверны). «Маленькая повесть», с точки зрения Б. Арутюновой, — «История кокетства» (СЦ 1825). На оборотной стороне листка — адрес: «Madame — Madame la Princesse de Volkonsky».

Датировка Б. Арутюновой не вполне правомерна, ибо: 1) неизвестно, кто и когда познакомил Боратынского с З. Волконской; 2) «маленькой повестью» Боратынский мог называть любую из поэм, изданных до отъезда Волконской из Москвы («Эда», «Бал», «Переселение душ», «Телема и Макар» — хотя, конечно, к последним двум название «повесть» мало подходит); 3) «История кокетства» — самый не подходящий для атрибуции текст, ибо эта безделка вышла не менее чем за полгода до записки Боратынского к Волконской, а в записке речь идет о явно новом произведении. — Знакомство с Волконской состоялось, повидимому, не ранее 1826 г. (судя по известным фактам, в первые месяцы после приезда в Москву Боратынский у Волконской не бывал — см. выше сведения за 1825, окт.—дек.). Отсюда наша датировка письма временем между началом знакомства и отъездом Волконской из Москвы (1829, янв., 30).

1826—1829(?)

Записка Боратынского к С. Д. Полторацкому (без даты): «Не могу быть у тебя сегодня, милый Сергей Дмитриевич, за тем, что не совсем здоров. Я лишен большого удовольствия, но надеюсь, что не надолго, и только оправлюсь, явлюсь к тебе на поклон. Преданный тебе Е. Боратынский».

Хетсо. С. 591 (датировка: до 1830 г.).

1826

Боратынский весь год проводит в Москве.

ЯНВАРЬ (?). Петербург. Вторичное цензурование «Эды» и «Пиров» (см. выше: 1825, ноябрь, 26; и далее: март, письмо Дельвига): из «Эды» изъяты 4 строки: «Ему, злодею, в эту ночь // Досталась полная победа. // Чувств упоенных превозмочь // Ты не могла, бедняжка Эда»; из отпечатанных уже экземпляров книги вырезана и набрана заново 51-я страница с заменой двух стихов из «Пиров» — вместо «Она свободою кипит, // Как пылкий ум не терпит плена» напечатано: «Она отвагою кипит, //Как дикий конь, не терпит плена». См. далее письмо Дельвига: март.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ (?). Москва. Боратынский — Путяте в Гельсингфорс или в Петербург: « <...> В Москве пронесся необычный слух: говорят, что Магдалина <А. Ф. Закревская> беременна? Я был поражен этим известием. Не знаю — почему, беременность ее кажется непристойною. Несмотря на это, я очень рад за Магдалину: дитя познакомит ее с естественными чувствами и даст какую-нибудь нравственную цель ее существованию. До сих пор еще эта женщина преследует мое воображение, я люблю ее и желал бы видеть ее счастливою». — Может быть, к этому времени относится сочинение стих. «Фея» («Порою ласковую фею...»). — Закревская родила 18 июля дочь Лидию.

Письмо полностью нам неизвестно. Фрагмент опубл. М. Л. Гофманом: Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 258.

ЯНВАРЬ, начало месяца. Москва. Боратынский пишет письмо (не сохранилось) к Закревскому в Гельсингфорс с просьбой не отказать в прошении об отставке (см. выше: 1825, дек., 27) — письмо отправлено к Путяте, который по-прежне-

му являлся адъютантом Закревского, и сопровождено письмом к самому Путяте (без даты): «Милый Путята, вот письмо к Закревскому об моей отставке; я прошу тебя, милый друг, или просто отдать письмо мое А. А. или объяснить ему, почему я так поздно прошу его ходатайствовать об увольнении меня от службы. Я послал просьбу мою в полк прежде петерб. смятений <см. 1825, ноябрь, конец месяца>. Во время оных, несколько испуганный, я написал Лутк<овскому>, чтоб он удержал мою просьбу. Когда все поуспокоилось, я снова просил его отправить прошение мое по команде. Теперь же я хорошенько не знаю (не получал известия от Лутковского), мог ли он остановить его или нет. Ежели нет, то прошение мое давно уже дошло до вас, ежели да, то вы на днях его получите. Окажи мне это одолжение, да еще одно. Я, право, не знаю, жив ли мой Лутковский или нет: он мне не отвечает. Извини, что я беспокою тебя моими препоручениями, но ты чувствуешь, что на тебе одном все мои надежды. — Я довольно часто вижу Александра Муханова. Кажется, что любовь его к Авроре очень поуспокоилась. На днях познакомился я с Толстым, Американцем. Очень занимательный человек. Смотрит добряком, и всякий, кто не слыхал про него, ошибется. — Стихи у меня что-то не пишутся, и я почти ничем не занят. Когда решится судьба моя, более спокойным духом, снова примусь за перо. Вот тебе покуда эпиграмма на поэтов прекрасного пола:

Не трогайте Парнасского пера,
Не трогайте, пригожие вострушки!
Красавицам немного в нем добра,
И им Амур другие дал игрушки.
Любовь ли вам оставить в забытьи
Для жалких рифм? Над рифмами смеются,
Уносят их Летийские струи:
На пальчиках чернила остаются.

Обнимаю тебя».

Путята 1867. Ст. 274—275 (с пропусками); Изд. 1983. С. 261—262 (полностью). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 27—28 об.

ЯНВАРЬ, 4 (или ближайшие дни после 4). Михайловское. Пушкин начинает работу над V главой «Евгения Онегина» и в III строфе упоминает описания зимы в стихотворении Вяземского «Первый снег» и в «Эде» Боратынского.

Пушкин не был еще знаком с полным текстом «Эды» и подразумевал фрагмент поэмы с описанием зимы, напечатанный в 4-й книге «Мнемозины» (см. 1825, окт.). Упоминание о Вяземском и Боратынском в одной строфе, вероятно, мотивировано известием об их сближении в декабре 1825 г. в Москве.

ЯНВАРЬ, 7. Москва. Вышел альманах Погодина «Урания, карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности» со стих. Боратынского **«К ***. Посылая тетрадь стихов» («В борьбе с тяжелою судьбой...»)** и **«Ожидание» («Она придет, к ее устам...»)**. — См. также: 1825, ноябрь, 26. Москва.

Цявловский. 1991. С. 590 (дата).

ЯНВАРЬ, после 7. Москва. Боратынский — Пушкину в Михайловское (письмо без даты): «Посылаю тебе «Уранию», милый Пушкин; не велико сокровище; но блажен, кто и малым доволен. Нам очень нужна философия. Однако ж позволь тебе указать на пиэсу под заглавием: «Я есмь». Сочинитель <Шевырев> мальчик лет осмнадцати и, кажется, подает надежду. Слог не всегда точен, но есть поэзия, особенно сначала. На конце метафизика, слишком темная для стихов. Надо тебе сказать, что московская молодежь помешана на трансцендентальной философии, не знаю, хорошо ли это или худо, я не читал Канта и признаюсь, не слишком понимаю новейших эстетиков. Галич выдал пиэтику на немецкий лад. В ней по-

новлены откровения Платоновы и с некоторыми прибавлениями приведены в систему. Не зная немецкого языка, я очень обрадовался случаю познакомиться с немецкой эстетикой. Нравится в ней собственная ее поэзия, но начала ее, мне кажется, можно опровергнуть философически. Впрочем, какое о том дело, особливо тебе. Твори прекрасное, и пусть другие ломают над ним голову. Как ты отделал элегиков в своей эпиграмме <«Соловей и кукушка» — напечатана в «Урании»>! Тут и мне достается, да и поделом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьэсе говорю, что стало очень приторно: Вытье жеманное поэтов наших лет. — Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму Ермака. Предмет истинно поэтической, достойный тебя. Говорят, что, когда это известие дошло до Парнаса, и Камоэнс вытаращил глаза. Благослови тебя Бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг. — Я часто вижу Вяземского. На днях мы вместе читали твои мелкие стихотворения, думали пробежать несколько пьэс и прочли всю книгу. Что ты думаешь делать с Годуновым? Напечатаешь ли его, или попробуешь его прежде на театре? Смерть хочется его узнать. Прощай, милый Пушкин, не забывай меня».

Изд. 1869. С. 418—419. Обычная датировка этого письма: 5—20 янв. 1826; передатировка вызвана тем, что «Урания», которую Боратынский посылал Пушкину, вышла только 7 янв.

ЯНВАРЬ, 8. Петербург. Дельвиг — Боратынскому в Москву: «Откликнись, милый друг, перестань писать мне, что тебе некогда писать к Дельвигу, и разговорись по-прежнему. Ужели ты нашел другого поверенного в поэзии и любви или уж не тонешь ли в пропасти пустоты Московской? Письма ко мне могут послужить тебе доскою, за которую хватаются утопающие. Надеюсь, что воспоминание о товарище разнообразной и живой жизни может иногда пробуждать Евгения к деятельности сердечной. Никогда подобного не случалось с тобою. Ежели ты болен, хоть бы милому Муханову сказал, чтобы он что-нибудь написал об тебе. Кстати: напиши мне, как зовут Муханова? Он так был добр ко мне, что я при всей лености горю желанием благодарить его письменно, и притом мне нужно будет возвратить ему несколько стихов, не вошедших в состав «Северных цветов», с изъяснением причин. — Кланяйся ему покамест. С тех пор, как ты молчишь или отнекиваешься недосугом, сколько перемен было перед глазами твоего друга. Сколько ужасов! Но, слава Богу, все кончилось счастливо для России, и я с радостию поздравляю тебя с Новым годом и с новым императором. Дай Бог тебе начать новую жизнь для счастия и продолжать старую для дружбы. Поздравь от меня твое почтенное семейство. Уверь их в моей родственной любви. Сонинька моя тебе очень кланяется, поздравляет с Новым годом и удивляется, с беспокойством о здоровье твоем, упорному твоему молчанию. Мы проводим очень тихо и мило нашу жизнь. Несколько добрых родственниц, несколько старых друзей составляют круг наш. Издание «Цветов» (которые на днях выдут) <см. далее: апрель, 7> и твоей «Эды» <см. далее: февр., 1>, Вальтер Скотт и частию Вольтер наши занятия. Выезжаем из дома редко, гостям рады часто, мечтаем об тебе еще чаще. — В самом деле, есть ли надежда с тобою скоро увидеться? Есть ли и когда? Что ты хочешь с собою делать и что делаешь? Что твои? Все это всегда занимало и всегда будет занимать меня. Что стихи твои, льются ли все, как ручьи любви, или сделались просто ручьями чернильными, как, с позволения сказать, у большой части ваших московских стихомарателей. Сохрани тебя Бог и помилуй, не заразись! Носи в кармане чеснок и читай поутру и ввечеру Пушкина. Ежели Плетнев не доставил тебе его мелких стихотворений, то на днях доставит. На свои деньги не покупай или покупай, только не для себя, а для других. Напиши мне об московском Парнасе, надеюсь, он не опустел, как петербургский. Наш погибает от низкого честолюбия. Из дур-

ных писателей хотелось попасть в еще худшие правители. Хотелось дать такой нам порядок, от которого бы надо бежать на край света. И дело ли мирных муз вооружаться пламенниками народного возмущения. Бунтовали бы на трагических подмостках для удовольствия мирных граждан, или бы для своего с закулисными тиранами; проливали бы реки чернил в журнальных битвах и спокойно бы верили законодателям классической или романтической школ и исключительно великому Распорядителю всего. Прости, душа моя, обнимаю, целую тебя мильон раз, благословляю тебя во имя Феба и святых Ореста и Пилада. Цвети, мой несравненный цвет, певцов очарованье. — Твой Дельвиг. — 1826 года, 8-го генваря».

Изд. 1869. С. 413—414 (с пропусками); *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 310—312 (полностью).

ЯНВАРЬ, 9. Кюмень. По прошению Боратынского (см. 1825, дек., 27) в штабе Нейшлотского полка составлен формулярный список Боратынского для отсылки далее по команде — в штаб Отдельного Финляндского корпуса (см. далее: янв., 16).

РГВИА. Ф. 395. Оп. 132. № 8.

ЯНВАРЬ, 16. Гельсингфорс. В штабе Отдельного Финляндского корпуса составлена докладная записка за подписью Закревского об увольнении Боратынского от службы; записка отправлена в Петербург, в Главный штаб. См. далее: янв., 25.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 132. № 8. Л. 2.

ЯНВАРЬ, до 19. Москва. Боратынский получает наконец письмо от Путяты из Гельсингфорса и пишет ответ (без даты): «Спасибо тебе, милый Путята, за твои письма. Одно из них принесло двойную пользу: доставило мне большое удовольствие и успокоило твою матушку, которая некоторое время не получала о тебе известия и несколько горевала. — Немудрено, что от тебя ускользнуло описание Финляндии, которое ты нашел в «Телеграфе» <см. 1825, дек., 10>. Оно писано не в Гельзингфорсе, а в Москве. На днях выйдет моя «Эда», и я тотчас пришлю к тебе экземпляр. Любезного Буткова <был чиновником особых поручений в Гельсингфорсе>, нежного обожателя Ф. В. Булгарина, благодарю за замечание; но прибавлю свое. В поэзии говорят не то, что есть, а то, что кажется. На краю горизонта скалы касаются неба, следственно всходят до небес. В прозе я виноват, а в стихах едва ли не прав. Между тем вот ему на потеху маленькое посланьице к его приятелю:

В своих листах душонкой ты кривишь,
Уродуешь и мненья и сказанья;
Приятельски дурачеству кадишь,
Завистливо поносишь дарованья;
Дурной твой нрав дурной приносит плод:
Срамец, срамец! все шепчут. — Вот известье!
Эй, не тужи, уж это мой расчет:
Подписчики мне платят за бесчестье.

Я думаю послать хорошо переплетенный экземпляр «Эды» генералу <Закревскому>. Я позабыл поздравить его с новым годом; а теперь уж поздно. Мне этого очень совестно. Я бы не хотел, чтоб он мог подумать, что я позабыл моего благодетеля. Негодная поэтическая беспечность! — Я скучаю в Москве. Мне несносны новые знакомства. Сердце мое требует дружбы, а не учтивостей, и кривлянье благорасположения рождает во мне тяжелое чувство. Гляжу на окружающих меня людей с холодною иронией. Плачу за приветствия приветствиями и страдаю. — Часто думаю о друзьях испытанных, о прежних товарищах моей жизни — все они далеко! и когда увидимся? Москва для меня новое изгнание. Для чего мы грустим в чужбине? Ничто не говорит в ней о прошедшей нашей жизни. Москва для меня не та же ли чужбина? Извини мне мое малодушие, но в скучной Финлян-

дии, может быть, ты с некоторым удовольствием узнаешь, что и в Москве скучают добрые люди. Прощай, мой милый, обнимаю тебя. Благодарю Александра <брат Путяты> за незабвение; а я тебя и его очень помню. — Боратынский».

Путята 1867. Ст. 273—274 (с пропусками); Изд. 1951. С. 486—487 (полностью по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 25—26). Дата — по штемпелю.

ЯНВАРЬ, 25. Петербург. Бумаги об отставке Боратынского пришли из Гельсингфорса в Главный штаб для дальнейшего представления их Николаю I. См. далее: янв., 31.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 132. № 8.

ЯНВАРЬ, 28. Петербург. В «Русском инвалиде» (№ 23) сообщение об аресте в Варшаве Кюхельбекера.

ЯНВАРЬ, 31. Петербург. Николай I подписывает указ об отставке Боратынского. — См. далее: февр., 9.

РГВИА. ф. 395. Оп. 132. № 8.

ЯНВАРЬ, конец месяца — ФЕВРАЛЬ, начало. Москва. Боратынский пишет Дельвигу в Петербург: сетует на его молчание; спрашивает о том, когда же наконец выйдут «Эда» и «Пиры»; пишет, что готов прислать Дельвигу рукопись своих стихотворений для издания их отдельной книгой; сообщает, что подал в отставку, мотивируя свое решение тем, что должен находиться при матери (см. те же мотивы в письме к Путяте: 1825, ноябрь). — Может быть, письмо было отправлено с братом Сергеем, отправившимся из Москвы в Петербург в эту пору.

Письмо не сохранилось; о его содержании можно судить по ответу Дельвига — см. далее, февр., 8.

ФЕВРАЛЬ (?) — МАРТ. Москва. Боратынский знакомится (через Д. В. Давыдова) с генерал-майором в отставке Львом Николаевичем Энгельгардтом и его старшей дочерью — 21-летней Настасьей, своей будущей женой. Видимо, к этой или чуть более поздней поре (апрель—май) относится записка Боратынского (на фр. яз.; без даты): «Je me porte tout à fait bien, ma chère Настинька...». — Перевод: «Я чувствую себя превосходно, милая Настинька, и благодарю вас за все вчерашние заботы. Я сохраню о них сладостное воспоминание: ибо они — свидетельства вашей любви, а для меня нет в мире ничего дороже». — О сватовстве Боратынского см. далее: апр., нач.; апр., 11.

Хетсо. С. 618 (дата: 30—31 янв. 1840). Автограф — ПД. № 21.736. Л. 17. На л. 18 об. адресация: «Настасье Львовне». Наша датировка февралем—маем 1826 вызвана формой обращения на «вы», что свидетельствует о начале знакомства (ср. с др. письмами к жене: 1829, апр. — июнь; 1836, июнь, 9; 1837, май, 13 и т. д.).

ФЕВРАЛЬ, 1. Петербург. Выдан ценз. билет на выпуск книги **«Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма, Евгения Баратынского»** (СПб., 1826; в типографии Департамента народного просвещения). — Однако книга поступила в продажу не ранее 9 февраля — см. далее: февр., 6; февр. 8; февр., между 9 и 14.

Могилянский 1956. С. 395 (дата выдачи билета).

ФЕВРАЛЬ, 6. Петербург. Плетнев — Пушкину в Михайловское: «<...> Эда и Пиры должны явиться на днях <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 261.

ФЕВРАЛЬ, 8. Петербург. Дельвиг — Боратынскому в Москву (ответ на письмо от конца января — начала февраля): «По всему вижу, что ты не получил последнего моего письма. По крайней мере ничего не отвечаешь на него и пишешь все вызовы, приписывая мое молчание обыкновенной мне лени. Но она имеет

свои пределы, и я более месяца, кажется, не упрямился и всегда прерывал мое важное молчание. Твой брат Сергей у нас. Он очень напоминает моего Евгения. Мы им, однако ж, не очень довольны. Все еще церемонится. Я болен привычною моей болезнью: лихорадкой. Она уже на исходе израильтян. «Эда» выйдет прежде, чем ты получишь это письмо. Сленину приказано выслать 25 экземпляров тебе для подарков, я столько же раздарю от твоего имени магнатам Парнасским, в том числе и твоему дяде. На собрание раздам билеты, а ты пожалоста вышли оригинал, чтобы на святой неделе издать было можно. Слышишь ли? — Теперь сердце просит меня поговорить с тобою поважнее. Что ты хочешь сделать с твоей головушкой? Зачем подал в отставку, зачем замыслил утонуть в московской грязи? Тебе ли быть дрянью? На то ли я тебя свел к музам, чтоб ты променял их на беззубую хрычовку Москву. И какой ты можешь быть утешитель матери, когда каждое мгновение, проведенное тобою в Москве, должно широко и тяжело падать на твою душу и скукою безобразить твою фигуру. Вырвись поскорее из этого вертепа! тебя зовут Слава, Дельвиг и в том числе моя Сонинька, которая нуждается в твоем присутствии, ибо без него Дельвиг как будто без души, как Амур, Грации и все тому подобное без Венеры, то есть без красоты. Прощай, красота моя. — Д. — 8-го февраля 826 года».

Верховский 1922. С. 29—30.

ФЕВРАЛЬ, 9. Петербург. Приказ генерала Закревского по Отдельному Финляндскому корпусу об увольнении в отставку Боратынского.

ИП. С. 319.

ФЕВРАЛЬ, между 9 и 14. Петербург. «Эда» и «Пиры» отпечатаны и поступили в продажу (билет на выход выдан 1 февр.).

8 февраля книга еще не вышла (см. в письме Дельвига: февр., 8); 15 февраля дано ценз. разр. «Северной пчеле» с рецензией на книгу (см. февр., 16).

ФЕВРАЛЬ, середина месяца. Москва. Боратынский почти одновременно узнает о своей отставке (см. далее: февр., 16, Москва) и о выходе «Эды» и «Пиров».

ФЕВРАЛЬ, 16. Москва. Давыдов — Закревскому в Петербург: «<...> Благодарю тебя от души за отставку Баратынского, он весел как медный грош и считает это благодеяние твое не менее первого <...>».

Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 539.

ФЕВРАЛЬ, 16. Петербург. Вышла «Северная пчела» (1826. № 20; ценз. разр. 15 февраля) с рецензией Булгарина на «Эду» и «Пиры»:

«Эда. Финляндская повесть, и Пиры, описательная Поэма, соч. Евгения Баратынского. СПб. 1826. Продается в книжных магазинах И. В. Сленина и А. Ф. Смирдина по 5 рублей, с пересылкою по 6 рублей. — «Пиры» — приятная литературная игрушка, в которой Автор иронически прославляет гастрономию и приглашает любимцев Комуса наслаждаться невинными удовольствиями жизни. Острот и хороших стихов множество <...>. Описание Москвы, в гастрономическом отношении, также весьма забавно. — В повести «Эда» описания зимы, весны, гор и лесов Финляндии прекрасны. Но в целом повествовании нет той пиитической, возвышенной, пленительной простоты, которой мы удивляемся в «Кавказском пленнике», «Цыганах» и «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина. Окончательный смысл большей части стихов переносится в другую строку; от этого рассказ делается прозаическим и вялым. Чувство любви представлено также не в возвышенном виде, и предмет поэмы вовсе не пиитический. Гусар обманул несчастную девушку, и она умерла с отчаяния, без всяких особенных приключений. Нет ни одной сцены занимательной, ни одного положения поразительного. Даже в прозе повесть сия не увлекла бы читателя заманчивостию, а нам кажется, что поэзия должна избирать предметы возвышенные, выходящие из обыкновенного круга повседневных приключений и случаев: иначе она превратится в рифмоплет-

ство. Неужели природа, история и человечество не имеют предметов возвышенных для воспаления юных талантов? Скудость предмета имела действие и на образе изложения: стихи, язык — в этой поэме не отличные».

ФЕВРАЛЬ, около 16. Петербург. Д. И. Хвостов записывает: «1825-го <так!> года февраля 16-го дня получил в подарок от Евгения Абрамовича Баратынского стихотворение Эда — и другое Пиры. Сочинение прекрасное, делающее честь Питомцу Муз. Слог кроме некоторых простонародных выражений и чист и плавен. В поэме Эда признаться надобно, что менее чувствительности, нежели в Чернеце Козлова. А в Пирах не столько веселой игривости, сколько у Пушкина».

ПД. Ф. 322. № 31. Л. 87 (писарская копия). По-видимому, экземпляр ЭиП был послан Хвостову Дельвигом.

ФЕВРАЛЬ, 20. Михайловское. Пушкин посылает П. А. Осиповой в Тверь экземпляр «Эды» и «Пиров» с запиской: «Вот новая поэма Баратынского, только что присланная мне Дельвигом; это образец грациозности, изящества и чувства. Вы будете от нее в восторге» (перевод с фр.). — В тот же день Пушкин пишет Дельвигу в Петербург: «<...> что за прелесть эта Эда! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт, всякой говорит по-своему. А описания лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом! — чудо! <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 263, 561, 262.

ФЕВРАЛЬ, 20-е числа (?). Михайловское. Пушкин пишет эпиграмму в поддержку Боратынского против Булгарина (см. рецензию последнего выше: февр., 16):

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

ФЕВРАЛЬ, 22. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1826. Ч. 7. № 2) с «Эпиграммой» на Булгарина: **«Что ни толкуй, а я великий муж...»** (С. 60; подпись *Баратынскій*; текст напечатан с ценз. искажениями); в прижизненных изданиях не перепечатывалась; по автографу впервые опубл. в Изд. 1914—1915.Т. 1. С. 80: «Что ни болтай, а я великий муж...».

Цявловский 1991. С. 603 (дата).

ФЕВРАЛЬ, 25. Петербург. Ценз. разр. «Северным цветам» на 1826 год (вышли 7 апреля) со стих. Боратынского: **«К Аннете» («Когда Климена подарила...»)** (С. 15; подпись *Е. Баратынскій*; др. ред. — нет; в прижизненные издания не вошло); **«Л. С. П—ну»** (Л. С. Пушкину) (С. 40—41; подпись *Е. Баратынскій*; с разночтениями перепечатано: «Л. П—ну» — Изд. 1827; «Поверь, мой милый, твой поэт...» — Изд. 1835); **«Надпись» («Взгляни на лик холодный сей...»)** (С. 68; подпись *Е. Баратынскій*; сочинено: 1824, ноябрь — янв. 1825; перепечатано без изменений: «Надпись» — Изд. 1827; без загл. — Изд. 1835).

ФЕВРАЛЬ, 26. Петербург. А. Е. Измайлов — П. Л. Яковлеву: «<...> Баратынский издал романтическую поэму: Эда. Финляндская повесть. Все ругают его, а мне кажется, что она не так дурна <...>».

Левкович 1978. С. 185.

ФЕВРАЛЬ, 27. Петербург. Плетнев — Пушкину в Михайловское: «<...> Баратынский вышел в отставку и живет в Москве <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 264.

МАРТ. Петербург. Дельвиг — Боратынскому в Москву: «Милый друг Евгений, слава Богу, последнее письмо твое и Муханова успокоили меня: письма мои стали доходить до тебя. Пишу тебе о деле — слушай. Настоящий издатель твоих сочинений тот же, кто и Пушкина: Плетнев. Лучше корректора трудно найти. Во всей «Эде» значительная ошибка: «когда смятешь ты, вьюга». Четыре стиха, которые тебе кажутся очень нужными для смысла, выкинула цензура <см. выше: янв.>. Мы советовались с Жуковским и прочими братьями, и нам до сих пор кажется, что без них смысл не теряется, напротив, видно намерение автора дать читателю самому вообразить соблазнительную сцену всей поэмы. Ты пишешь, что «Эда» хорошо расходится в Москве. Мы этого не видим. С самого начала послано туда сто экземпляров и до сих пор более не требуют. В Петербурге она живее идет, но появление полных сочинений даст ей настоящий ход. «Монах» и «Смерть Андре Шенье» перебесили нашу цензуру <«Русалка» и «Андрей Шенье» Пушкина были напечатаны в «Стихотворениях» Пушкина — см. 1825, дек., 30; последний текст с цензурными купюрами>, она совсем готовую книжку <«Эда» и «Пиры»> остановила и принудила нас перепечатать по ее воле листок «Пиров» <см. выше: янв.>. Напрасно мы хотели поставить точки или сказать: «Оно и блещет, и кипит, Как дерзкий ум не терпит плена». Нет. На все наши просьбы суровый отказ был ответом. Взгляни на свой экземпляр, потряси его, листок этот выпадет. Ты не понял двадцати процентов. Это не за напечатание платится, а за продажу, и не одному Сленину, а всем книгопродавцам московским и петербургским. Никто этого не избегает, и московские еще недовольны, им бы хотелось получать более, так Ширяев объявил свое мнение. Пришли поскорее свои тетради. Нужно очень спешить изданием. — Через неделю получишь «Цветы» <см. далее: апрель, 7>. Дашков задержал их до сих пор. Переписывался с Одессой и ленился. Зато высидел большую и прекрасную статью. Дела собственно мои идут вот как: в хозяйственном быту не нуждаемся и не боимся нуждаться; но свадебные издержки посадили меня в долг около пяти тысяч. Скорая присылка твоих стихов в три месяца избавит меня от оного и доставит тебе столько же на прожиток. Я ни копейки не брал еще с «Эды». Пускай копится. Ежели приедешь к нам, увидишь во мне хорошего твоего управителя. Сонинька кланяется тебе. Прощай, мой друг, обнимаю тебя. — Нет места более писать. — Длв».

Изд. 1869. С. 414—415 (с пропусками); *Дельвиг*. Изд. 1986. С. 314—315. Письма Боратынского и Муханова, о которых упоминает Дельвиг, неизвестны.

МАРТ, 8. Москва. В «Московском телеграфе» (1826. Ч. 7. № 3) напечатана эпиграмма **«Совет»** (С. 124; подпись *Баратынскій*); с разночтениями перепечатана: «Эпиграмма» — Изд. 1827; «Не трогайте парнасского пера...» — Изд. 1835. Сочинено — см. выше: янв., нач.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 27 об. (дата).

МАРТ, 3. Дерпт. Н. М. Языков — А. М. Языкову: «<...> Эду и Пиры Баратынского я получил дарственно от г-на Аладьина; и та и те мне не нравятся: в первой слишком мало поэзии, слишком много непристойного, обыкновенного, и, следовательно, старого; есть несколько хороших картин — и все, и последние не имеют того дифирамбического вдохновения, которое должно бы управлять поэтов, воспевающих пиры, и к чему ирония — тоже не вижу. Короче повторяю слова Кн. <В. М. Княжевича>: Барат<ынский> осрамился — и не на шутку!»

ЯА. С. 243.

МАРТ, 26. Москва. Иван Муханов — своему двоюродному брату Николаю Муханову: «<...> С Вяземским встречаемся довольно часто, а Баратынский совсем пропал, ко мне не едет, а дома его тоже нет, я раз к нему съездил, а в другой Бог

знает когда соберусь, ибо, как ты знаешь, от нас до Мясницких ворот неблизко <...>».

Щ. сб. Вып. 10. М., 1912. С. 350.

АПРЕЛЬ...СЕНТЯБРЬ. Москва. Боратынский посылает Дельвигу рукопись своих стихотворений для издания их отдельной книгой.

Дата предположительна: в марте 1826 Дельвиг еще напоминает Боратынскому о скорейшей присылке рукописи (см. его письмо выше: март), а в ноябре 1826 Боратынский уже жалуется Путяте, что не получает от Дельвига писем и потому не знает, печатаются ли его сочинения (см. далее: ноябрь).

АПРЕЛЬ, начало месяца (?). Москва. Боратынский сватается к Настасье Львовне Энгельгардт. — Об этом скоро становится известно его московским знакомым — см. далее: апр., 11.

АПРЕЛЬ, 1. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1826. Ч. 8. № 5; ценз. разр. 22 марта) с рецензией Н. А. Полевого на издание «Эды» и «Пиров» (С. 62—76):

«Имя Баратынского принадлежит к числу почетнейших имен нового поколения русских поэтов. В романтической поэзии русской он самостоятельный поэт, не подражатель, но творец, и в том роде, в котором он пишет, доныне никто с ним не сравнялся. Область Баратынского в русской поэзии есть элегия, и оттенок ее наведен на все его сочинения; о самых не-элегиях Баратынского можно сказать, что оне есть улыбка меланхолии. — Его творения не однородны с элегическими творениями Жуковского; характер сего поэта — мечтательность, характер Баратынского — унылость; один говорит о будущем, другой воспоминает прошедшее; с Жуковским задумываешься, с Баратынским грустишь. Некоторые творения Баратынского доказывают, какою силою слова он обладает. Указываем на стихотворения его «Череп», отрывки из поэмы «Воспоминания», «Рим» и проч. — «Эда» есть первая поэма, изданная Баратынским. Но это не *первый опыт*. Читатели найдут в ней мастерское произведение опытного поэта. «Эда» есть новое блестящее доказательство таланта Баратынского. Если должно согласиться, что романтическая поэма введена в нашу поэзию Пушкиным, то надобно прибавить, что поэма Баратынского есть творение, написанное не в подражание Пушкину. Два сии поэта совершенно различны между собою. Характер Баратынского, о котором мы говорили выше, самобытно отразился в новой его поэме. — <...> поэт умел облечь свою повесть в прелестный поэтический рассказ. Героиня поэмы возбуждает живое участие. — Искусство Баратынского в отношении стихосложения превосходно. Рассказ в самых обыкновенных подробностях у него не только не прозаический и не вялый, но совершенно поэтический. — Нам чрезвычайно нравится также искусство Баратынского переносить смысл из стиха в стих. Этим он умеет избегать монотонии, которая к каждой рифме приколачивает утомительное однообразие. — <В «Пирах»> рассказ блестит остротою мыслей, живостью чувств. <...> Описание московских пиров прелестно; но признаемся, что нам всего лучше кажется окончание стихов, где любимое чувство поэта преодолевает шутливость, и веселость смешивается с унынием» (С. 62—63, 68, 72—73, 75).

Цявловский 1991. С. 611 (дата).

АПРЕЛЬ, 6. Петербург. Ценз. разр. «Новостям литературы» (1826. Кн. 16. Апрель), где опубликованы переводы Боратынского из «Гения Христианства» Шатобриана, выполненные в 1821—1822 (?) гг. (см. выше): **«Астрономия»** (С. 1—9; подпись *Б.*), **«Естественная история. Потоп»** (С. 9—13; подпись *Б.*), **«Юность и старость Земли»** (С. 13—16; подпись *Б.*), **«Общее обозрение Вселенной»** (С. 16—19; подпись *Б—ій*).

Атрибуция перевода: *Гофман* 1914—1915. Т. 2. С. VI.

АПРЕЛЬ, 7. Петербург. Вышли наконец «Северные цветы» на 1826 г. (ценз. разр. 25 февр.) со стих. Боратынского **«К Аннете»**, **«Л. С. П—ну»** <Л. С. Пушкину>, **«Надпись» («Взгляни на лик холодный сей...»)**. В тех же «Северных цветах» — стих. Пушкина «Баратынскому. Из Бессарабии» («Сия пустынная страна...») и «Ему же» («Я жду обещанной тетради...») (С. 29; сочинены — см. 1821, март—апр.; 1822, янв.—февр.).

Цявловский 1991. С. 612, 685 (дата).

АПРЕЛЬ, 7. Петербург. Дельвиг посылает Пушкину в Михайловское «Северные цветы» и пишет: «<...> К будущему году надеюсь на тебя, как на каменную стену, надеюсь лично от тебя получить лучшие цветы для моего парника или теплицы. От Баратынского тоже. <...> я купил у Баратынского «Эду» и его «Сочинителя», и «Эда», продаваясь, в скором времени погасит совершенно мой долг».

Дельвиг. Изд. 1986. С. 315.

АПРЕЛЬ, 9. Москва. Погодин записывает слова И. И. Дмитриева: «<...> Баратынский пишет стихи хорошо, а читает их дурно, без всякой претензии, не так, как Василий Львович <Пушкин>, который хочет выразить всякое слово. — Державин также читал очень дурно стихи <...>».

Погодин М. П. Вечера у Ивана Ивановича Дмитриева // *Дмитриев*. Изд. 1986. С. 493.

АПРЕЛЬ, 11. Москва. Иван Муханов — двоюродному брату Александру Муханову в Петербург: «<...> Вообрази, говорят, что Баратынский женится, на какой-то барышне Энгельгардовой, я его совсем не вижу, не знаю, где он скрывается <...>».

Щ. сб. Вып. 10. М., 1902. С. 353.

АПРЕЛЬ, 14. Петербург. Плетнев — Пушкину в Михайловское: «<...> К Баратынскому ты слишком пристрастен <см., например: февр., 20>. Он любит еще играть словами; в слоге есть кокетство; во многом француз, хоть и люблю его до смерти <...>».

Пушкин, Ак. Т. 13. С. 272.

АПРЕЛЬ, конец месяца. Москва.
Боратынский после более чем месячного молчания пишет Дельвигу в Петербург; в частности, сообщает о своей предстоящей женитьбе.

Письмо не сохранилось; о его существовании и содержании известно по письму С. М. Дельвиг — см. далее: май, 4.

МАЙ. Москва. Приготовления Боратынского к свадьбе (см. далее: июнь, 9). — Снята квартира в доме профессора Московского университета М. Я. Малова в приходе церкви Рождества Богородицы в Столешниках (дом не сохранился; ныне участок дома 14/6 по Столешникову переулку). — См. далее: июнь, 1; июнь, 9.

МАЙ, 1. Москва. Владимир Муханов — своему двоюродному брату Александру Муханову в Петербург: «<...> вероятно, Иван <Муханов> уже писал к тебе, что Баратынский женится на какой-то Энгельгардовой <...>».

Щ. сб. Вып. 6. М., 1907. С. 270.

МАЙ, 4. Петербург. С. М. Дельвиг (жена Дельвига) — А. Н. Семеновой (Карелиной): «<...> Баратынский пишет нам, что он женится; его невеста — барышня 23 лет, дурная собою и сентиментальная, но в общем очень добрая особа, до безумия влюбленная в Евгения, которому нет ничего легче, как вскружить голову, что друзья девицы Энгельгардт и не преминули сделать, чтобы ускорить этот брак. Я знаю эту молодую особу; мы видались в Казани, а потом один раз здесь <в Петербурге>. Она пишет Ольге <Пушкиной>, с которою она также связана, что она хочет возобновить знакомство со мною и что она надеется, что мы будем любить друг друга, так как наши мужья нам дадут в том пример. Вот еще одна интимная подруга, которая свалится на меня, как бомба, после своего замужества <...>».

Б. Л. Модзалевский 1929. С. 194 (перевод с фр.).

МАЙ, 4. Петербург. Александр Муханов — братьям Ивану и Владимиру в Москву о Боратынском: «<...> Он не только ко мне, трехгодовому приятелю своему не пишет, но даже однокорытному, закадышному Дельвигу. Как смешны мне отсюда московские франты, которые жениться даже не могут как порядочные люди <...>». — А. Муханов не знал, что Дельвиг уже получил письмо от Боратынского с сообщением о женитьбе (см. предыдущую дату).

Щ. сб. Вып. 4. М., 1905. С. 108.

МАЙ, после 4. Петербург. Л. С. Пушкин, узнавший, видимо, от Дельвигов о предстоящей женитьбе Боратынского, пишет Соболевскому в Москву: «<...> все это время я проклинал тебя, Москву, московских, судьбу и Баратынского. Нужно было вам, олухам и сводникам, женить его! Чему вы обрадовались? Для того чтобы заняться сватовством, весьма похвальным препровождением времени, вы ни за грош погубили порядочного человека. Баратынский в течение трех лет был тридцать раз на шаг от женитьбы; тридцать раз она ему не удавалась; en était-il plus malheureux? <и что? он был от этого несчастлив?> Он ни минуты, никогда не жил без любви и, отлюбивши женщину, она ему становилась противна. Я все это говорю в доказательство непостоянного характера Баратынского, которого молодость не должна бы быть обречена семейной жизни. Ты скажешь, что он счастлив. Верю, mais attendons la fin<подождем, чем кончится>, говорит басня, а тяжело заплатить целым веком скуки и отвращения много, много за год благополучия. Баратынского вечно преследовала мысль, что жениться ему необходимо; но кто же из порядочных верил ему? Не говоря об характере Баратынского, спрашиваю тебя, обстоятельства его допускали ли его до этой глупости. Какую он выбрал себе дорогу? Как он хочет себя устроить? Я не разумею под этим денежных его обстоятельств: он может быть Шереметевым, но должен на чем-нибудь утвердиться. Для поэзии он умер; его род, т. е. эротический, не к лицу мужу; а теперь из издаваемого собрания своих сочинений он выкидывает лучшие пьесы по этой самой причине, а исключить Баратынского из области поэзии это шутка Эрострата, и тебе подобает слава сия — радуйся! Что ж ему остается? Быть помещиком, и в этом случае нужно было очень подождать вступать в брак. Да черт возьми, дело или безделье (но не безделка) сделано, и говорить нечего <...>».

РА. 1878. Вып. 11. С. 397—398.

МАЙ, 10. Москва. Вяземский — Пушкину в Михайловское о предстоящей женитьбе Баратынского: «<...> Ты знаешь, что *твой Евгений* захотел продолжиться и женится на соседке моей Энгельгардт, девушке любезной, умной и доброй, но не элегической по наружности. Я сердечно полюбил и уважил Баратынского. Чем более растираешь его, тем он лучше и сильнее пахнет. В нем, кроме дарования, и основа плотная и прекрасная <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 276.

МАЙ, до 24. Михайловское. Пушкин — Вяземскому: «<...> Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная <-----> род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 279.

МАЙ, 18—19. Вяземский уезжает в Петербург — к больному Карамзину.

МАЙ, 22. Петербург. Умер Карамзин.

ИЮНЬ, 1. Москва. Владимир Муханов — Александру Муханову(?) «<...> Боратынский на днях женится, уже сделаны все приготовления к свадьбе — нанял дом и проч. Теперь он на имянинах у Д. Давыдова в подмосковной <...>».

Щ. сб. Вып. 6. М., 1907. С. 282.

ИЮНЬ, 9. Москва. Венчание Боратынского и Настасьи Львовны Энгельгардт.

ИЮНЬ, вторая половина. Петербург. Дельвиг — Пушкину в Михайловское: «<...> Плетнев тебе кланяется <...>. Его здоровье очень плохо <...>. Баратынский другим образом плох, женился и замолчал, вообрази, даже не уведомляет о своей свадьбе! <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 285.

ИЮЛЬ, 7. Петербург. Ценз. разр. альманаху М. А. Бестужева-Рюмина «Сириус» со стих. Боратынского **«В альбом NN на другой день после его свадьбы»** <стих. в честь свадьбы Дельвига — см. 1825, окт., 30>. (С. 76; подпись *Баратынскій*).

ИЮЛЬ, 12. Петербург. С. М. Дельвиг — А. Н. Семеновой (Карелиной): «Баратынский женился, жена его написала мне милое письмо, на которое я несколько затрудняюсь отвечать, так как ее муж — близкий друг моего мужа, и так как я люблю его от всего моего сердца, она тоже не может быть для меня безразлична, но я вовсе не умею говорить фразы, а в таких случаях их немного приходится сочинять».

Б. Л. Модзалевский 1929. С. 196 (перевод с фр.).

ИЮЛЬ, 13. Петербург. Казнь П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, П. Г. Каховского, М. П. Бестужева-Рюмина, С. М. Муравьева-Апостола и церемония разжалования остальных осужденных декабристов. Среди наблюдавших за происходившим — Дельвиг и Путята.

ИЮЛЬ, 15, 17. Петербург. В газетах «Русский инвалид» (№ 167) и «Северная пчела» (№ 85) напечатан манифест от 13 июля об окончании действия Верховного уголовного суда по делу декабристов и о совершенной казни.

ИЮЛЬ, 25. В Москву из Петербурга с двором и гвардией прибыл Николай I — для предстоящей 22 августа коронации. — Около того же времени вместе со своими начальниками приезжают из Петербурга Путята, сопровождающий генерала Закревского, и А. Муханов, вновь вступивший (с мая) в службу — адъютантом главнокомандующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна.

АВГУСТ — ОКТЯБРЬ. Москва. С А. Мухановым Боратынский видится мельком и редко; тот вскоре уехал в Тульчин — к штабу 2-й армии; с Путятой, остававшимся до октября в Москве, Боратынский встречался значительно чаще. — Видимо, в конце августа — сентябре Боратынский видел и А. Ф. Закревскую (см. письмо к А. Муханову: окт., ок. 20).

АВГУСТ, 15. Д. В. Давыдов, восстановленный в службе, уезжает из Москвы на Кавказ, где начинается русско-персидская война.

АВГУСТ, 22. Москва. Коронация Николая I. — Присутствовал ли Боратынский с женой среди зрителей — неизвестно.

АВГУСТ, конец месяца — СЕНТЯБРЬ, начало. Вяземский возвращается в Остафьево (уехал — в конце 10-х чисел мая).

СЕНТЯБРЬ, 8. В Москву привезен Пушкин, возвращенный из Михайловской ссылки.

СЕНТЯБРЬ, 10. Москва. Боратынский — у Соболевского (дом Ринкевича, выходивший одной стороной на Собачью площадку, другой — на Молчановку); здесь Пушкин читает «Бориса Годунова». Присутствуют также П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов, М. Ю. Виельгорский, И. В. Киреевский, П. Я. Чаадаев.

Цявловский 1914. С. 73 (дата); Пушкин в восп. 1974. С. 373 (письмо Соболевского к Погодину, 1864 — с перечнем слушателей).

СЕНТЯБРЬ, после 10 — ОКТЯБРЬ, до 20. Москва. Пушкин читает отдельно для Боратынского «Бориса Годунова» (?). — См. далее письмо Муханову: окт., ок. 20.

ОКТЯБРЬ, 12, 13. Москва. 12-го Пушкин читает у Веневитинова «Бориса Годунова», 13-го А. С. Хомяков читает свою трагедию «Ермак». — Боратынский мог присутствовать на обоих чтениях (точных сведений нет).

Погодин 1869. С. 10—11; *Цявловский* 1914. С. 79—80.

СЕНТЯБРЬ, 13. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1826. Ч. 10. № 14) со стих. **«Д. В. Давыдову» («Пока с восторгом я внимаю...»)** (С. 55; подпись *Баратынскій*). Сочинено: 1825, ноябрь, 13—14.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 27 об. (дата).

ОКТЯБРЬ, середина месяца (?). Путята уезжает из Москвы в Петербург. Боратынский передает с ним письмо к Дельвигу (см. далее: ноябрь, письмо Путяте). — Вскоре после того в Москву из Тульчина приезжает брат Боратынского Ираклий. — См. далее: окт., ок. 20 (письмо Муханову); ноябрь (письмо Путяте).

ОКТЯБРЬ, около 20 (?). Москва. Боратынский — Александру Муханову в Тульчин (дата получения: «29 октября 1826. Тульчин»): «Душа моя Муханов. Брат Ираклий привез мне изустные вести о тебе; позволь пожалеть, что не привез письменных. Мне больно, что мы в Москве так мало виделись; но я в этом не виноват: я был в первых попыхах женитьбы и принадлежал обязанностям, может, более приятным, нежели обязанности службы, но столько же определенным. Я пожил с Путятой и на днях проводил его в Петербург или, лучше сказать, в Финляндию. Он едет туда на смертную скуку. Там у него не будет ни одного товарища, что говорится, ни одного. Я ему советовал пуститься в авторство, чтобы сберечь себя от сумасшествия. А. Ф. <Закревскую> видел по разрешении от бремени <она родила 18 июля дочь Лидию>. Что об ней сказать? Облегчилась! Двор уехал, Москва глупа и тошна; но мне мало до этого дела, потому что я счастлив дома. Принялся опять за стихи, привожу к концу «Дамский вечер» <«Бал»>. Пушкин здесь, читал мне Годунова: чудесное произведение, которое составит эпоху в нашей словесности. Прощай, мой милый. Обнимаю тебя усердно и столько же усердно молю тебя не обречь меня забвению. Твой Боратынский».

РА. 1895. Кн. 3. № 9. С. 125. — В Изд. 1987 (С. 168) без пояснений указана дата: 26 окт. 1826. Наша датировка мотивируется временем получения письма (29 окт.).

ОКТЯБРЬ, 24. Москва. Боратынский на обеде у Хомяковых, устроенном в честь издания со следующего года журнала «Московский вестник». Присутствуют также Пушкин, Мицкевич, братья А. В. и Д. В. Веневитиновы, И. В. и П. В. Киреевские, И. С. Мальцов, М. П. Погодин, В. И. Оболенский, С. Е. Раич, А. В. Рихтер, М. П. Розберг, С. А. Соболевский, В. П. Титов, С. П. Шевырев.

Из дневника Погодина: «Общий обед — очень приятно было взглянуть на всех вместе. Неловко представился Баратынскому. Обед чудный, но жаль, что общего разговора не было. С удовольствием пили за здоровье Мицкевича, потом Пушкина. Подпили» (*Цявловский* 1914. С. 80).

НОЯБРЬ. Москва. Боратынский — Путяте в Петербург (письмо без даты): «Как мне жаль, милый Путята, что мне не удалось с тобой проститься при отъезде твоем из Москвы; а с тех пор от тебя ни слуху ни духу: что с тобою? Я узнал от твоей матушки, что ты еще в Петербурге и, по московским слухам, что ты не поедешь далее. Здесь говорят, что Закревский будет министром юстиции. Дай Бог! Я думаю, тебе и ему равно надоела Финляндия. Один из моих братьев приехал из Тульчина и привез известия о Муханове: в новом положении он скучает по-прежнему. В Тульчине еще скучнее, чем в Гельсингфорсе. Брат <Ираклий> мне рассказывал подробности тамошней жизни. Витгенштейн <командующий 2-й армией; Ираклий Боратынский и А. Муханов были его адъютантами> живет в своей

деревне и ходит за своими виноградниками, а штаб его в городе. Он добрый немец, счастливый в своем семействе, эконом, ни в чем не похожий на нашего герцога; у него не за кем волочиться, не о чем хлопотать, не с кем мириться и ссориться, одним словом — нет двора. Доставил ли ты письмо мое Дельвигу? Я не получаю от него ни строчки. Сделай милость, попеняй ему и узнай, печатаются ли мои сочиненья или нет. Скажи Дельвигу, что я на него очень сердит. Три письма мои к нему остались без ответа. Писать к человеку, который нам не отвечает, все равно что яриться на облако, подобно какому-то баснословному герою. Будь милее Дельвига, милый Путята, не забывай меня и пиши ко мне. — Я живу потихохоньку, как следует женатому человеку, и очень рад, что променял беспокойные сны страстей на тихий сон тихого счастья. Из действующего лица я сделался зрителем и, укрытый от ненастья в моем углу, иногда посматриваю, какова погода в свете. Прощай, мой милый, люби меня, если не хочешь быть у меня в долгу, и верь, что у меня в сердце готово участье для радостей твоих и печалей».

Путята 1867. Ст. 276—277 (с пропусками); Изд. 1983. С. 262—263 (полностью). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 33—34 об.

НОЯБРЬ, 1. Москва. Ценз. разр. альманаху С. Е. Раича и Д. П. Ознобишина «Северная лира» на 1827 г. (вышел 30 дек.) со стих. **«Наяда»** (С. 26; подпись *Е. Баратынскiй*; этот же текст — в «Северных цветах» на 1827 г.: см. 1827, янв., 18; с разночтением в одной строке перепечатано: «Наяда» — Изд. 1827, в оглавлении подзаголовок: «Подражание Шенье»; «Есть грот; наяда там в полночные часы...» — Изд. 1835); **«Амуру»** (С. 429; подпись *Е. Баратынскiй*; перепечатано без изменений: «К Амуру» — Изд. 1827; «Тебе я младость шаловливу...» — Изд. 1835).

НОЯБРЬ, 1 — ДЕКАБРЬ, 19. Отъезд Пушкина из Москвы в Михайловское.

ДЕКАБРЬ, 3. Ошибочная дата, поставленная Дельвигом в письме к Боратынскому от 3 янв. 1827 (см. далее).

ДЕКАБРЬ, 14. Москва. Боратынский — Коншину в Петербург (ответ на полученное письмо — не сохранилось): «Как неожиданное письмо твое меня обрадовало, милый Коншин! Я было потерял тебя из виду, но все тебя помнил: нельзя забыть столько лет, проведенных вместе, столько необыкновенных происшествий, столько истинного товарищества, истинной дружбы! Так, мой милый: вашего полку прибыло: я женат и счастлив. Ты знаешь, что сердце мое всегда рвалось к тихой и нравственной жизни. Прежнее мое существование, беспорядочное и своенравное, всегда противоречило и свойствам моим, и мнениям. Наконец я дышу воздухом, мне потребным; но я не стану приписывать счастия <зачеркнуто 1 слово> моего моим философическим правилам, нет, мой милый, главное дело в том, что Бог мне дал добрую жену, что я желал счастия и нашел его. Я был подобен больному, который, желая навестить прекрасный отдаленный край, знает лучшую к нему дорогу, но не может подняться с постели. Пришел врач, возвратил ему здоровье, он сел и поехал. <Зачеркнуто 1,5 строки> Отдаленный край — счастие; дорога — философия; врач — моя Настинька. Какова аллегория? И не узнаешь ли ты в страсти к метафизике твоего финляндского знакомца? Мы точно будем с тобою в родстве. Саратовской губернатор <Алексей Давыдович Панчулидзев> брат мужа родной моей тетки <Марии Андреевны Панчулидзевой>. В вашу сторону я не буду; но в Москве проживу по крайней мере еще год. Ежели ты исполнишь милое твое намерение навестить старого товарища, то он нальет тебе суповую чашку шампанского и напишет Оду. Препоручаю жену мою доброму расположению твоей. Поклонись от меня батюшке и скажи ему, что я живо помню его финляндское гостеприимство. Где Петр Андреевич? Пиши ко мне прямо на мое имя в Москву, у прихода Рождества Столешникова в доме профессора Малова. Прощай, мой милый, обнимаю тебя от всей души и благодарю за воспоминание, которое мне доставило истинную радость. Твой Боратынской».

Лернер 1908. С. 759—760 (с ошибочной датой: 10 дек. 1826). Дата и текст уточнены по автографу — РНБ. Ф. 369. Оп. 1. № 22. Л. 3—3 об.

ДЕКАБРЬ, 20. Москва. На 21-м году умерла младшая сестра Настасьи Львовны — Наталья Львовна Энгельгардт.

ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 7. № 345. Л. 7.

ДЕКАБРЬ, до 28. Москва. Боратынский пишет записку В. В. Измайлову по поводу его просьбы дать какие-либо стихи в готовящийся к изданию альманах «Литературный музеум» на 1827 г. (на рус. яз.; без даты): «Я столько виноват перед вами, что, верно, не упустил бы случая в чем-нибудь сделать вам угодное, не говоря уже до какой степени мне лестно внимание одного из просвещеннейших наших литераторов. Несмотря на все это не могу исполнить желания вашего. Поэма моя <«Бал»> набросана с большою небрежностью; и вы сами чувствуете, что неприлично являться публике в неопрятной одежде. Что ж касается до имени *Магдалина*, которое пугает цензуру, я решил изменить его словом: ***богомолка***, хотя эта перемена портит всю пьесу. <Речь идет о строке из стих. «Как много ты в немного дней...»: «Как Магдалина, плачешь ты...»; однако замена *Магдалины* на *богомолку* не помогла, и стихотворение не было напечатано в альманахе Измайлова>. Жаль мне очень, что я теперь так беден стихами: все бы были к вашим услугам. Я довольно самолюбив, чтобы охотно вверять стихи мои писателю, которого собственные произведения научили строгой разборчивости, нежели неграмотным сборщикам стихов, для которых все благо, все добро. С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть, Милостивый Государь, ваш покорный слуга — Е. Боратынский». — Кроме стих. «Как много ты в немного дней...» Боратынский отдал Измайлову для печати послание к А. А. Воейковой и эпиграмму «Не любишь, важный журналист...» (см. далее: дек., 28).

Хетсо. С. 588 (датировка: осень 1826). Автограф — ПД. № 3004. Обосн. нашей даты: ценз. разр. альманаху Измайлова (см. след. дату).

ДЕКАБРЬ, 28. Москва. Ценз. разр. альманаху В. В. Измайлова «Литературный музеум» на 1827 г. (М.; вышел: 1827, март, 28) со стих. **«А. А. В...ой»** <А. А. Воейковой> (С. 60; подпись *Е. Баратынскій*; тот же текст — в «Северных цветах» на 1827 г.: см. 1827, янв., 18; перепечатано: «А. А. В—ой» — Изд. 1827; «Очарованье красоты...» — Изд. 1835); **«Эпиграмма» («Не любишь, важный журналист...»)** (С. 259; подпись *Е. Баратынскій*; перепечатано с разночтением в 1-й строке «Ты ропщешь, важный журналист...»: «Эпиграмма» — Изд. 1827; без загл. — Изд. 1835; вероятный адресат — М. Т. Каченовский). — Стих. «Как много ты в немного дней...» (см. предыдущую дату) цензура не пропустила.

ДЕКАБРЬ, 30. Москва. Вышел альманах «Северная лира» на 1827 г. со стих. **«Наяда» и «Амуру»**. См. 1826, ноябрь, 1.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 42 об. (дата).

1827—1836

Три записки Боратынского к свояченице Соничке Энгельгардт — видимо, были приложены к письмам Настасьи Львовны (на фр. яз.; без дат):

1. Je suis tout à fait tourné de votre bonté, mon très cher ange. Si je pouvais je serai venu vous embrasser mille fois. Vous n'avez pas d'idée comme votre magnanimité <?> m'a

fait du bien. — Перевод: «Я совершенно потрясен твоей добротой, мой милый ангел. Ежели смогу, то непременно приеду, чтобы обнять тебя тысячекратно. Ты не можешь себе представить, как меня обрадовало твое великодушие».

2. Ma belle et bonne soeur, ma chère Sophie, que de choses pleines d'amitié je voudrais vous dire et comme je voudrais vous assurer que je vous chéris autant que vous l'auriez été par le plus ancien de vos frères! Regardez moi comme vous ayant appartenu dès ma naissance car je ne puis m'imaginer un tems où je ne vous aimais pas. Je vous baise les mains de tout mon coeur. Pensez à nous, écrivez nous. Adieu. — E. Boratinsky. — Перевод: «Моя прекрасная, добрая сестра, моя милая София, сколько слов, полных дружеского чувства, я желал бы тебе сказать, как бы я хотел уверить тебя в том, что люблю тебя так, как мог бы любить старший из твоих братьев! Смотри на меня так, будто я принадлежу тебе с той поры, как появился на свет, ибо я не в силах вообразить то время, когда я тебя не любил. Нежно целую твои ручки. Думай о нас, пиши нам. Прощай. — Е. Боратынский».

3. Ma chère, ma bonne Sophie, comme j'ai été touché de ce que vous me dites dans votre lettre. Je n'ai jamais douté de votre amitié, mais il m'est bien doux de vous en entendre parler. Vous ne pouviez me connaître avant que je vécusse avec vous. Votre coeur et celui de Попинька m'a fait retrouver le mien: il est tel que vous l'avez fait. Conservez moi mon enfant celui que vous avez aujourd'hui pour moi. Adieu ma bonne, mon excellente amie, je vous embrasse avec un sentiment que je ne saurais exprimer mais il a tout ce que l'ideé juste qu'on a de vous et tout ce qu'une amitié partialement inspire. Adieu. Que Dieu vous protège et je voudrais ajouter tant <2 нрзб> du papier et du tems. — Перевод: «Милая, добрая София, как меня растрогало все, что ты мне говоришь в своем письме. Я никогда не сомневался в твоей дружбе, но мне так отрадно слышать, как об этом говоришь ты. Ты не могла узнать меня прежде, чем я вступил в ваше семейство. Твое сердце и сердце Попиньки <Настасья Львовна> позволили мне отыскать мое собственное, и оно таково, каким его сделали вы. Сохрани для меня, дитя мое, те чувства, которые ты сейчас питаешь ко мне. Прощай, мой добрый, бесценный друг, обнимаю тебя с чувством, которого не умею выразить, но в нем смешано все, что придет в голову любому, кто тебя знает, и все, что может внушить пристрастная дружба. Прощай. Да хранит тебя Господь. Я бы еще многое прибавил <2 нрзб> времени и бумаги».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 1—3 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

Приписка Боратынского к письму Настасьи Львовны, адресованному Соничке Энгельгардт. *Настасья Львовна* (сохранилось только окончание письма): <...> votre départ? J'envoie des souliers à Сашинька. J'espère que ceux-là au moins lui vont bien. Donnez les à votre femme de chambre pour ne pas les oublier. Adieu mon excellente Sophie, que le bon Dieu vous protège. — N'oubliez pas de me repondre par le menager que Papa voulait envoyer à Moscou. — *Боратынский:* Je vous félicite, ma bonne Sophie, avec votre jour de fête, je n'ai pas besoin de vous dire tous les souhaits que je fais pour vous. Vous savez comme vous m'êtes chère. Je vous aurai dit une foule de choses tout à fait tendres si cela ne me semblait un peu trop solennel et puis ce qui est differé n'est pas perdu. Ce n'est pas un jour de l'année que je pretends vous aimer mais bien tout ceux que le bon Dieu m'accordera. Adieu mon enfant je vous embrasse de tout mon coeur. — E. Boratinsky. — Перевод: «<...> твоего отъезда? Посылаю Сашинькины туфли. Надеюсь, что хоть эти ей подойдут. Отдай их своей горничной, чтобы не позабыть. Прощай, бесценная София, храни тебя Господь. — Не забудь мне ответить с человеком, которого папенька хочет послать в Москву». — «Поздравляю тебя, добрая моя София, с днем ангела; мне нет надобности перечислять все, чего я тебе желаю. Ты знаешь, как ты мне дорога. Я бы наговорил тебе кучу нежностей, если бы это не казалось мне чересчур торжественным; и потом — то, что на время отложено,

не потеряно. Не однажды в год я намереваюсь любить тебя, но все те дни, которые Бог мне отпустит. Прощай, дитя мое, обнимаю тебя от всей души. — Е. Боратынский».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 46. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Видимо, письмо написано из Москвы в Мураново около 17—18 сент. (именины С. Л. Энгельгардт); год неизвестен, но очевидно, что дело происходит не позднее 1836 г. (год смерти папеньки — Л. Н. Энгельгардта).

1827

Боратынский живет в Москве до конца мая; с июня — вместе с женой и дочерью в Маре; в декабре возвращается в Москву. Круг общения в Москве: Пушкин, Вяземский, Соболевский, Н. А. и К. А. Полевые, З. А. Волконская и посетители ее салона, Погодин и круг «Московского вестника».

«В Москве наступило самое жаркое литературное время <...>. Вечера, живые и веселые, следовали один за другим, у Елагиных и Киреевских за Красными воротами, у Веневитиновых, у меня, у Соболевского в доме на Дмитровке, у княгини Волконской на Тверской. В Мицкевиче открылся дар импровизации <...>. Горько мне сознаваться, что я пропустил несколько из этих драгоценных вечеров «страха ради иудейска». <...> Мицкевич и другие *филареты* находились под надзором полиции, да и сам Пушкин с Баратынским были не совсем еще обелены. Я, в качестве редактора журнала <«Московский вестник»>, боялся слишком часто показываться в обществе людей, подозрительных для правительства» (*Погодин* 1869. С. 14—15). «Когда приехал в Москву Пушкин и начали появляться одно за другим сочинения его (*Цыганы*, 2-я глава *Онегина* и много лирических стихотворений), поговорить было о чем, и Баратынский судил об этих явлениях с удивительною верностью, с любовью, но строго и основательно. В поэмах слепца Козлова не находил он никаких достоинств и почти сердился, когда хвалили их, хотя отдавал справедливость некоторым его стихотворным переводам. <...> Он не был фанатиком ничьим, ни даже самого Пушкина, несмотря на дружбу свою с ним и на похвалы, какими тот всегда осыпал его. <...> в нашем обществе, где философские воззрения были тогда в величайшем ходу, он любил затрагивать самые трудные вопросы и восхищал наших молодых философов ясностью своего ума. Притом он был большой мастер говорить, и беседа с ним была всегда приятна» (*Кс. Полевой*. Изд. 1888. С. 176, 180).

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ (?). Москва. Сын Льва Николаевича Энгельгардта Петр Львович официально признан душевнобольным.

Из прошения, поданного Л. Н. Энгельгардтом московскому военному генерал-губернатору Д. В. Голицыну 3 дек. 1826 г., об установлении опеки над его сыном, «отставным поручиком» Петром, выясняется, что последний «в бытность его в службе в самое короткое время с лишком на сто тысяч рублей выдал разным людям не получа денег заемных писем, в чем и сам признается». После освидетельствования Петра, показавшего, что «он действительно малоумен и легковерен как ребенок», бумаги прошли через Московское губернское правление, Московскую Дворянскую опеку, 7-й департамент Сената: в итоге в начале 1827 г. опекунами над имуществом П. Л. Энгельгардта (оно состояло в доставшемся ему «после смерти матери его в Казанской губернии и уезде селе Каймары, 630 душ» и «после смерти сестры его Наталии <...> Московской губернии Дмитровского уезда сельце Муранове, 80 душ») были по просьбе Л. Н. Энгельгардта назначены сенатор С. С. Кушников и действительный статский советник И. П. Поливанов (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 7. № 345).

ЯНВАРЬ, 2. Петербург. Плетнев — Пушкину в Москву: «<...> Правду сказать, что я в любви самый несчастный человек. Кого ни выберу для страсти, всякой меня бросит. Баратынский, которого я, право, больше любил всегда, нежели

теперь кто-нибудь любит его, уехавши в Москву, не хотел мне ни строчкой плюнуть. Сам Дельвиг скоро променяет меня на гранпасьянс <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 316.

ЯНВАРЬ, 3. Москва. Ценз. разр. «Московскому телеграфу» (1827. Ч. 13. № 1) с **«Отрывком из поэмы»** <«Бал»> (Отделение 2-е. С. 3—5; подпись *Е. Баратынскiй*; фрагмент от слов «Глухая полночь...» — до «Она как будто не своя?»).

ЯНВАРЬ, 3 (?). Петербург. Дельвиг — Боратынскому: «Милый Евгений, виноват, долго не писал, но нечего было хорошего писать. Жена моя, я, люди наши — все мы были больны, и не шутя. Теперь два дни уже как начал выезжать. Поздравляю тебя и милую Настасью Львовну с Новым годом. Твои стихотворения в цензуре <см. далее: янв., 16; март, 28>, в феврале выйдут в свет. Справься у ваших книгопродавцев, сколько экземпляров им надобно, не уступай им более двадцати процентов и напиши мне. Я их тебе и пришлю, и ты сейчас по получении будешь иметь деньги. Жена моя вам кланяется и поздравляет с Новым годом. Здравствуйте и благоденствуйте и любите вашего Дельвига. — 3 декабря».

Верховский 1922. С. 30; *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 322. Дата *3 декабря* поставлена Дельвигом, безусловно, ошибочно: если бы письмо действительно было написано 3 дек. 1826, зачем бы понадобилось дважды поздравлять с новым годом — за месяц до его наступления?

ЯНВАРЬ, 6. Москва. Вяземский в письме к Жуковскому и А. И. Тургеневу цитирует стих. **«Наяда»** («... А вот прелесть его, перевод из André Chenier...») и «несколько скоромностей Баратынского» — эпиграммы **«Откуда взял Василий непотешный...»** (на В. Л. Пушкина) и **«Хотите ль знать все таинства любви?..»**.

АбТ. Вып. 6. С. 56—57; «Наяда» опубл. в «Сев. лире» и «Сев. цветах» на 1827 г. (см. 1826, ноябрь, 1; 1827, янв., 18; март, 25—28). Эпиграмма «Хотите ль знать...» впервые опубл. в Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 88; эпиграмма на В. Л. Пушкина — в «Русском библиофиле». 1912. № 4. С. 81.

ЯНВАРЬ, 15. Петербург. Ценз. разр. «Славянину» (1827. Ч. 1. № 3) со стих. Боратынского **«В альбом Софии» («Мила, как грация, скромна...»)** (С. 35; подпись *Баратынскiй*). Первоначальный адресат — А. В. Лутковская (см. 1823, февр. — дек.?); в Изд. 1835 перепечатано без загл.

ЯНВАРЬ, 16. Петербург. Дельвиг представляет в Главный цензурный комитет рукопись «Стихотворений Евгения Боратынского» Изд. 1827 — см. далее: янв., конец мес. — март, нач.; март, 17—21; 28.

Дельвиг. Изд. 1986. С. 323 (текст прошения Дельвига о «дозволении к напечатанию» книги).

ЯНВАРЬ, 18. Петербург. Ценз. разр. «Северным цветам» на 1827 г. (вышли 25—28 марта) со стих. Боратынского: **«А. А. В—ой»** <А. А. Воейковой> **(«Очарованье красоты...»)** (С. 226; подпись *Е. Баратынскiй*; сочинено: 1824, июнь—июль; др. публикации — см.: 1826, дек. 28); **«Песня» («Когда взойдет денница золотая...»)** (С. 265—266; подпись *Е. Баратынскiй*; перепечатано: «Песня» — Изд. 1827; без загл. — Изд. 1835); **«Телема и Макар»** (С. 297—302; подпись *Е. Баратынскiй*; с разночтениями перепечатано в «Славянине» — см. далее: февр., 19. Петербург; в Изд. 1827 и в Изд. 1835); **«Наяда» («Есть грот: наяда там в полдневные часы...»)** (С. 330; подпись *Е. Баратынскiй*; др. публикации см. 1826, ноябрь, 1); **«Богдановичу»** (С. 335—339; подпись *Е. Баратынскiй*; сочинено см. 1824, июнь, 15; др. ред. под тем же загл.: Изд. 1827 и Изд. 1835); **«Эпиграмма» («И ты поэт, и он поэт...»)** (С. 332; подпись *Е. Б—й*; перепечатано в Изд. 1827; др. ред. — Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 264).

О дополнительном цензуровании текстов в СЦ 1827, происходившем после 18 янв. (оно не коснулось стихов Боратынского) см.: *Вацуро* СЦ. С. 105—107). — В альбоме Бора-

тынских «Souvenir» стих. «Песня» («Когда взойдет денница золотая...»), «Телема и Макар» и «Эпиграмма» («И ты поэт, и он поэт...») помещены под общим заглавием: «Стихотворения Евгения Баратынского 1824 и 1825 годов» (ПД. № 21.731. Л. 8, 10—14).

ЯНВАРЬ, конец месяца — ФЕВРАЛЬ, начало. Москва. Вышел «Московский вестник» (1827. Ч. 1. № 4) с **«Эпиграммой»** Боратынского: **«Окогченная летунья...»** (С. 254; подпись: *2*; с разночтением во 2-й строке перепечатано: «Эпиграмма» — Изд. 1827; без загл. — Изд. 1835).

ЯНВАРЬ, конец месяца — МАРТ, начало. Москва — Петербург — Москва. Боратынский договаривается с Дельвигом об издании своих стихотворений в Москве с помощью Полевого, и рукопись пересылается обратно из Петербурга в Москву.

Сведения об этих переговорах и о пересылке рукописи не сохранились; очевидно, это произошло после подачи Дельвигом прошения в Петерб. ценз. комитет (см. выше: янв., 16) и до 17 марта (см. далее), когда рукопись поступила уже в Московский ценз. комитет.

ФЕВРАЛЬ. Москва. Боратынский пишет критический разбор сборника А. Н. Муравьева «Таврида» (М., 1827) — Опубл.: март, 14. Разбор написан, видимо, по просьбе автора; Муравьев очень им обиделся (см. далее; март, 18).

ФЕВРАЛЬ, 8—14 (масленица) или АПРЕЛЬ, после 3 (Пасха). Москва. Гулянье под Новинским, во время которого, видимо, произошел случай с Пушкиным, описанный Баратынским в стих. **«Новинское» («Она поэту подарила...»)** (опубл. в 1842 г. в «Сумерках» с посвящением: *А. С. Пушкину*; вероятная героиня стихотворения — Е. А. Тимашева).

Новая датировка эпизода (обычно датируется осенью 1826 г.) основана на том, что гулянья под Новинским происходили на масленицу или после Пасхи. Об адресате см.: *Фомичев С. А.* Катерина Тимашева — поэтесса пушкинской плеяды // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 152—157.

ФЕВРАЛЬ, после 14. Петербург. Н. В. Путята — Боратынскому в Москву: «Я писал к тебе, любезный Баратынский, перед отъездом моим в Финляндию и вот уже опять возвратился в Петербург. Как ошибочны предположения человека! — меня ужасала мысль снова ступить на скалы Финские, и я три недели провел в Гельзингфорсе в каком-то необыкновенном расположении духа. Воспоминания толпою теснились в душе моей: иногда озаряли лучом радости, но чаще мрачили облаком печали; однако же краткость времени, деятельность путешествия и внезапное явление среди общества давно забытого, но знакомого, поддерживали мой дух в какой-то деятельности, в развлечении и не давали предаться совершенно меланхолии, которой с некоторого времени я сделался причастен более, нежели когда-либо. Снисхождение и дружба твоя, конечно, извинят мне, что я в письмах своих всегда много говорю о себе; Петербург для меня теперь скучен, воспоминаний у меня здесь немного, по крайней мере, таких, как в Финляндии, друзей еще менее; чтобы излить свои чувства, я прибегаю иногда к перу и бумаге, и тогда заочно беседую с тобою. — Почти все наше семейство собралось теперь здесь; матушка с сестрами приехали к нам на некоторое время, и я сижу или с ними, или с книгами. В одной тетрадке «Телеграфа» я увидел начало твоей поэмы «Бальный вечер» <см. выше: янв., 3> и очень этому обрадовался; объявив некоторым образом публике, что ты готовишь литературе новый подарок, это заставит тебя с большею ревностию заняться им и скорее исполнить ожидание всех любителей прекрасного. Подари и меня списком с «Бального вечера» или, по крайней мере, тех мест, которые мне еще неизвестны, ибо, конечно, после нашей разлуки ты много еще написал. Бездействие и лень неизвинительны даже в человеке обыкновенном, которого частные труды не могут принести большой пользы; тем грешнее людям, одаренным природою богатыми нравственными дарами, хранить их как скупец золото и не пускать в оборот для наслаждения и пользы собственной,

других и потомства! По возвращении моем я заглянул в наши литературные новости, ибо писатели наши обыкновенно разгуливаются к святкам и масленице; являются кучи альманахов, где под знамением всех известных северных созвездий рождаются на свет толпы поэтов и прозаистов, коих имена недолговечнее имен, блистающих на визитных картах, развозимых в это время. Журналы наполняются прениями, критиками и антикритиками, и все умы записных словесников приходят на время в движение и восторг! Передо мной лежит с полдюжины различных подарков любителям и любительницам чтения, mais ce sont plutôt des poissons d'Avril que des étrennes pour le nouvel an! <Но это скорее первоапрельские розыгрыши, а не новогодние подарки> Право, ни одного нельзя назвать истинно хорошим; кое-где прочтешь несколько страничек складной прозы и гладеньких стихов, и только! С нетерпением жду «Цветов» Дельвига, можно надеяться, что они будут свежи, блистательны и душисты. У вас в Москве начал издаваться новый журнал: «Московский вестник»; судя по первым книжкам, стихотворная часть оного отлична, я с жадностию читал и перечитывал отрывок из Годунова; пиэсы Веневитинова и Хомякова прекрасны, эти два поэта подают большую надежду. Прозаическая часть сего издания также недурна, а познания и деятельность Погодина обещают соделать оную особенно любопытною по части древней истории и археологии. В первой книжке «Телеграфа» есть статьи очень хорошие; жаль, что издатель мало заботится о языке, особенно переводы варварские. С каким удовольствием прочитал я в «Памятнике» <отечественных> муз», изданном г. Федоровым, несколько страниц Батюшкова прозы! Батюшков из любимейших моих поэтов, из первых, которых я начал читать и знаю почти наизусть, а потому этот альманах показался мне занимательнее других, может быть, он и в самом деле таков; впрочем, кроме перевода «Абидосской невесты», который имеет, конечно, свои поэтические достоинства, но не передает ни духа, ни силы Байрона, в Петербурге ничего не выходило особенно замечательного. От вас надо ждать теперь блистательных явлений на горизонте нашей словесности. — Нынешнею зимою, особенно перед постом, наша столица отличалась веселиями и светским шумом; при дворе было много праздников, балов и театры в Эрмитаже. Государь являлся даже на некоторые балы частных людей, например, к гр. Кочубею, и всячески старался *веселить дворянство* и *развлекать молодежь*, как говорят, ибо я в это время катался с финляндских гор и плясал шведские кадрили. На русском театре явился редкой феномен: это старший *Каратыгин*: он актер с большим талантом и вместе хороший писатель; перевод его трагедии *Бланга* весьма удачен. Он пламенно любит свое искусство и много занимается своим образованием: весьма хороший знак, ибо без истинного энтузиазма нельзя достигнуть до некоторой степени совершенства в области изящного».

Сб. Щ. Вып. 10. М., 1902. С. 420—421; РА. 1905. Кн. 1. № 3. С. 531—532. Датируется началом Великого поста: в 1827 — 14 февр. (см. в письме: « <...> нынешнею зимою, особенно перед постом <...>»). Перевод трагедии *Бланга* — это перевод трагедии Б. Ж. Сорена «Бланка и Гвискард, или Брак из мщения»; первые петербургские постановки: 13 и 20 дек. 1826 (*Ельницкая* 1978. С. 225).

ФЕВРАЛЬ, 19. Москва. Боратынский на вечере у Н. А. Полевого; кроме него — Вяземский, И. И. Дмитриев, Малевский, Мицкевич, Пушкин, Соболевский. Пушкин рассказывает свой замысел поэмы об Агасфере и драмы о Павле I.

Цявловская Т. Г. Пушкин в дневнике Франтишка Малевского // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 266.

ФЕВРАЛЬ, 19. Петербург. Ценз. разр. «Славянину» (1827. Ч. 1. № 8) с поэмой **«Телема и Макар. С французского»** (С. 123—127; подпись *Баратынскій*; вольный перевод стихотв. сказки Вольтера; опубл. одновременно в «Северных цветах» на 1827 год — см. 1827, янв., 18; март, 25—28).

ФЕВРАЛЬ, 21. Москва. Ценз. разр. «Московскому вестнику» (1827. Ч. 2. № 5) с **«Эпиграммой»** Боратынского: **«Перелетай к веселью от веселья...»** (С. 9; подпись: *Б.*; с разночтением перепечатано: «В Альбом» — Изд. 1827; без загл. — Изд. 1835).

Предположение С. А. Рачинского о том, что адресатом стих. является финляндская знакомая Боратынского — Елизавета Куприянова (см. М. С. VI), за неимением сведений, не может быть ни подтверждено, ни оспорено.

ФЕВРАЛЬ, 24. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1827. Ч. 13. № 3) со стих. **«К ***» («Не бойся едких осуждений...»)** (С. 96; подпись *Баратынскій*) (перепечатано под тем же загл. — Изд. 1827; без загл. — Изд. 1835; в копии Н. Л. Боратынской (ПД. № 21.726. Л. 6 об.) названо: «А. Н. М.»; адресат — А. Н. Муравьев, автор сборника «Таврида». М., 1827).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 48 об. (дата). Предположения о том, что адресатом стихотворения является Пушкин (см. Изд. 1884, примеч. к с. 123 в списке опечаток; *Гофман* 1914—1915. Т. 1. С. 267) или Мицкевич (см. *Филиппович* 1917. С. 129—130; *Медведева, Купреянова* 1936. Т. 2. С. 241; *Фризман* 1982. С. 608), ошибочны — см. *Вацуро* 1989. С. 234.

ФЕВРАЛЬ, 25 — МАРТ, 12. Москва. Вяземский и Боратынский — Жуковскому и А. И. Тургеневу. Рукой Вяземского: «<...> Я теперь сделался журнальная душа <Вяземский имеет в виду свое сотрудничество с «Московским телеграфом»>: у меня же всякое лыко в строку, а всякую бы строку в печать». — *Рукой Боратынского*:

«Грузинский князь, газетчик русской
Героя трусом называл:
Не эпиграммою французской
Ему наш воин отвечал.
На глас войны летит он к Куру,
Спасает родину князька;
А князь наш держит корректуру
Реляционного листка.

Позвольте, почтенный Василий Андреевич, напомнить Вам о Баратынском, у которого Вы живете в сердечной памяти. Примите уверение в неизменившейся любви его к Василью Андреевичу и к Жуковскому. Неужели нет надежды на скорое возвращение Ваше в отечество? Увидим ли Вас когда-нибудь в Москве, где между прочими нахожусь и я, но в другом положении, нежели то, в котором Вы мне оказали столько дружбы. День, в который я Вас увижу, будет для меня истинным сердечным праздником. — Препоручаю себя Вашему воспоминанию. — Душевно Вам преданный Е. Боратынский. — Сейчас узнаю от к<нязя> Вяземского, что Александр Иванович живет вместе с вами. Я должен вспоминать о нем всякой раз, как вспоминаю о самом себе. Прошу Вас засвидетельствовать ему мое почтение и сказать, что я пользуюсь семейственным счастием и независимостью, которые он столько желал мне доставить и наконец доставил. Всегда я буду хранить о нем признательное воспоминание. Ничего щастливого не случится в моей жизни без того, чтобы он и Вы не пришли мне на память. — Е. Б.» — *Далее рукой Вяземского*: «Баратынский прервал мое письмо. Вот история епиграммы его. Князь Шаликов назвал где-то и как-то в своем «Дамском журнале» Дениса Давыдова трусом, а Денис воюет теперь с персианами. Баратынский женился на дочери Энгельгардта-московского. Брак не блестящий, а благоразумный. Она мало имеет в себе элегического, но бабенка добрая и умная. Я очень полюбил Баратынского: он ума необыкновенного, ясного, тонкого. Боюсь только, чтобы не обленился на манер московского Гименея и за кулебяками тетушек и дядюшек <...>. Как трудно у нас издавать журнал. Вовсе нет сотрудников, а все сотрутни. Иностранные журналы доходят поздно, не верно, разрозненные, оборванные в цензурной драке. Чужих материалов нет: своих не бывало. Пишущий народ безграмотен, грамотный не пишет <...>. И, конечно, досадно, что мы <т. е. Вяземский и «Московский телеграф»> не соединились с Пушкиным и Баратынским. Да с Пушкиным никак

не сговоришься. <...> Он говорит, что только раз в году, а именно осенью, бывает в поэтической расходке, а остальное время ничего писать не может <...>».

ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 61—64 (текст и датировка); эпиграмма Боратынского в др. ред. была впервые опубл.: РС. 1871. № 10. С. 420.

МАРТ, начало месяца. Москва. Эпиграммы Боратынского и Пушкина на А. Н. Муравьева. *Боратынский*: **«Убог умом, но не убог здоровьем...»**; *Пушкин*: Эпиграмма. (Из Антологии): «Лук звенит, стрела трепещет...»; эпиграмма Боратынского распространилась устно (впервые опубл.: Изд. 1936. Т. 1. С. 303); эпиграмма Пушкина опубл. 19 марта в «Московском вестнике»: 1827, № 6. — Повод для эпиграмм — неловкое поведение в салоне З. А. Волконской Муравьева, отломившего у гипсовой статуи Аполлона руку и написавшего на ней извинительные стихи.

Подробности инцидента см.: *Вацуро* 1989. С. 233—236; стихи Муравьева — РА. 1885. № 1. С. 132; Поэты 1820—1830. Т. 2. С. 125.

МАРТ, 6. Село Александровское Волоколамского уезда. А. Н. Муравьев — Вл. А. Муханову в Москву: «<...> Ожидаю с нетерпением критики Баратынского <...>». См. выше: февр. и ниже: март, 14.

МАРТ, 14. Москва. У Боратынских родилась дочь Александра; названа в честь матери Боратынского Александры Федоровны.

МАРТ, 14. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1827. Ч. 13. № 4) с критическим разбором сборника А. Н. Муравьева **«Таврида»** (С. 325—331; подпись *Е. Баратынскій*). См. выше: февр.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 49 об. (дата).

МАРТ, 17—21. Москва. Через Московский цензурный комитет проходят **«Стихотворения Евгения Баратынского»:** к печати допущены все стихотворения, кроме «Леды». См. далее март, 28.

Оксман 1922. С. 339.

МАРТ, 18. Село Александровское Волоколамского уезда. А. Н. Муравьев — Вл. А. Муханову по получении «Московского телеграфа» с критическим разбором «Тавриды» (см. выше: февр.; март, 14): «<...> Я не согласен с тобой, любезный друг, на счет критики Баратынского, признаюсь, я ожидал от него лучшего <...>. Говоря, что он разбирает только самое лучшее, он останавливается только на двух пьесах — «Ермак» и «Стихиях», и то только чтобы раскритиковать их <...>, но если так строго замечают все ошибки, надобно строго выказать и все красоты, чтобы по двум пьесам не подать общего мнения, — говоря о «Тавриде», он коротко и просто сказал, что она вся есть растянутые два стиха Пушкина из «Бахчисарайского фонтана» — справедливо ли это? <...>, итак, безрассудно бы было с моей стороны принимать на сердце критику и через то угашать в себе поэзию <...>». — См. далее: апр., 24.

Щ. сб. Вып. 5. М., 1906. С. 252—253.

МАРТ, 18. Москва. Пушкин начинает работу над VII главой «Евгения Онегина», вторым эпиграфом к которой избирает строку из «Пиров» Боратынского: «Как не любить родной Москвы?..»

МАРТ, 25—28. Петербург. Вышли «Северные цветы» на 1827 год (ценз. разр. 18 янв.) со стих. Боратынского **«А. А. В—ой»** (А. А. Воейковой) **(«Очарованье красоты...»)**; **«Песня («Когда взойдет денница золотая...»)**; **«Телема и Макар»**; **«Наяда» («Есть грот: наяда там в полдневные часы...»)**; **«Богдановичу»**; **«Эпиграмма» («И ты поэт, и он поэт...»)**. — Здесь же напечатана идиллия Дельвига «Друзья» с посвящением: *Е. А. Баратынскому* (С. 311—314).

Е.А. Боратынский в конце 1820-х гг.
Литография А. Мюнстера с рисунка А.А. Лебедева

А.А. Боратынский, отец поэта.
Портрет работы неизвестного художника. Конец XVIII в.

Е.А. Боратынский в детстве. *К. Барду. 1810 г. (?)*

Дом Е.А. Боратынского в Муранове.
Фотография 1880-х гг.

Дом Боратынских в имении Мара.
Неизвестный художник. Вторая половина XIX в.

Е.А. Боратынский (справа) и С.А. Боратынский.
Неизвестный художник. 1820-е гг.

Е.А. Боратынский в начале 1820-х гг.
Литография Ф. Шевалье.

Н.В. Путята

Семейство Энгельгардт. Девочка с корзинкой — Н.Л. Энгельгардт, будущая жена поэта.
К. Барду (?). Около 1810 г.

Настасья Львовна Боратынская в начале 1820-е гг.
Портрет работы Ж. Вивьена.

Е.А. Боратынский.
Портрет работы Ж. Вивьена. 1826 г.

Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ,
Неиспытавъ его нельзя понять и щастья
Живой источникъ сладострастья
Дарованъ въ немъ его сынамъ.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одноль веселье веселитъ!
Бездѣйственность души щастливцевъ тяготитъ.
Имъ силы жизни неизвѣстны
Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ
Что въ дружбѣ вѣтреной, въ любви однообразной
И въ ощущеньяхъ слѣпыхъ
Души разсѣянной и праздной?
Щастливцы мнимые способныль вы понять
Участья нѣжного сердечную услугу!
Способны-ль чувствовать какъ сладко повѣрять
Печаль души своей заботливому другу!

Беловой автограф стихотворения Е.А. Боратынского

ЭДА,

ФИНЛЯНДСКАЯ ПОВѢСТЬ,

И

ПИРЫ,

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ПОЭМА,

Евгенія Баратынскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1826.

Обложка первого отдельного издания поэм Е.А. Боратынского

Рисунок Е.А. Боратынского,
иронически изображающий его с сестрой Софией Боратынской.
9 июля 1822 г.

Е.А. Боратынский в начале 1830-х годов.
Гравюра Е. Скотникова с рисунка Берже.

Е.А. Боратынский в начале 1840-х годов.
Неизвестный художник.

О других редакциях стихотворений Боратынского в СЦ 1827 см. выше: янв., 18. — Идиллия «Друзья» в автографе посвящена брату Боратынского — Ираклию (см.: *Вацуро* 1986. С. 387).

МАРТ, 28. Москва. Вышел альманах В. В. Измайлова «Литературный музеум» на 1827 г. (ценз. разр. 28 дек. 1826) со стих. Боратынского **«А. А. В...ой» («Очарованье красоты...»)** и **«Эпиграмма» («Не любишь, важный журналист...»)**.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 52.

МАРТ, 28. Москва. Ценз. разр. книге **«Стихотворения Евгения Баратынского»** (вышла: 1827, сент, 21). Состав книги:

ЭЛЕГИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: **«Финляндия»** («В свои расселины вы приняли певца...»); **«Водопад»** («Шуми, шуми с крутой вершины...»); **«Истина»** («О счастии с младенчества тоскуя...»); **«Могила»** («Усопший брат! кто сон твой возмутил?..»); **«Рим»** («Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...»); **«Родина»** («Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»); **«Две доли»** («Дало две доли Провидение...»); **«Буря»** («Завыла буря; хлябь морская...»). КНИГА ВТОРАЯ: **«Разлука»** («Расстались мы; на миг очарованьем...»); **«В альбом»** («Тебе на память в книге сей...»); **«Лета»** («Душ холодных упованье...»); **«Ропот»** («Он близок, близок, день свиданья...»); **«Уныние»** («Рассеивает грусть веселый шум пиров...»); **«Размолвка»** («Мне о любви твердила ты шутя...»); **«Бдение»** («Один, и пасмурный душою...»); **«Разуверение»** («Не искушай меня без нужды...»); **«Падение листьев»** (в оглавлении подзаголовок: «Подражание Мильвуа»); **«Отъезд»** («Прощай, отчизна непогоды...»). КНИГА ТРЕТЬЯ: **«Утешение»** («Свободу дав тоске моей...») (в оглавлении подзаголовок: «Подражание Лафару»); **«Поцелуй»** («Сей поцелуй, дарованный тобой...»); **«Элизийские поля»** («Бежит неверное здоровье...»); **«Делии»** («Зачем, о Делия! сердца младые ты...»); **«Оправдание»** («Решительно печальных строк моих...»); **«Догадка»** («Любви приметы...»); **«Ожидание»** («Она придет! к ее устам...») (в оглавлении подзаголовок: «Подражание Парни»); **«Возвращение»** («На кровы ближнего селенья...») (в оглавлении подзаголовок: «Подражание Мильвуа»); **«К ...ну»** <Коншину> («Пора покинуть, милый друг...»); **«Л. П—ну»** <Льву Пушкину> («Поверь, мой милый, твой поэт...»); **«Эпилог»** («Чувствительны мне дружеские пени...»). СМЕСЬ: **«Делию»** <Дельвигу> («Где ты, беспечный друг? Где ты, о Делий мой...»); **«А. А. В—ой»** <Воейковой> («Очарованье красоты...»); **«Лиде»** («Твой детский вызов мне приятен...»); **«К ...»** <А. Ф. Закревской> («Как много ты в немного дней...» — с ценз. искажением в двух последних строках); **«Весна»** («На звук цевницы голосистой...»); **«Веселье и Горе»** («Рука с рукой, Веселье, Горе...»); **«К...о»** <С. Д. Пономаревой> («Приманкой ласковых речей...»); **«Девушке, имя которой было Аврора»** <А. Шернваль> («Соименница Авроры...»); **«Эпиграмма»** («Как сладить с глупостью глупца...»); **«В альбом»** («Перелетай к веселью от веселья...»); **«К жестокой»** («Неизвинительной ошибкой...»); **«В альбом»** <С. Д. Пономаревой> («Вы слишком многими любимы...»); **«Русская песня»** («Страшно воет, завывает...»); **«Эпиграмма»** <на В. И. Панаева> («Идиллик новый на искус...»); **«Эпиграмма»** <вероятно, на А. А. Шишкова> («Свои стишки Тощев пиит...»); **«Женщине пожилой, но все еще прекрасной»** <М. А. Панчулидзевой> («Взгляните: свежестью младой...»); **«Случай»** («Вчера ненастливая ночь...»); **«Цветок»** («С восходом солнечным Людмила...»); **«Эпиграмма»** («Не трогайте Парнасского пера...»); **«К ***»** <А. Н. Муравьеву> («Не бойся едких осуждений...»); **«Надпись»** («Взгляни на лик холодный сей...»); **«Эпиграмма»** <на М. Т. Каченовского?> («Ты ропщешь, важный журналист...»); **«Песня»** («Когда взойдет денница золотая...»); **«Девушке, которая на вопрос: как ее зовут? отвечала: не знаю»** («Незнаю, милая незнаю...»); **«Товарищам»** («Так! отставного шалуна...»); **«К Амуру»** («Тебе я младость шаловливу...»); **«Наяда»** («Есть грот: наяда там в полдневные часы...») (в оглавлении подза-

головок: «Подраж. Шенье»); **«Дельвигу»** («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»); **«Л—ой»** <А. В. Лутковской> («Когда неопытен я был...»); **«Эпиграмма»** («Окогченная летунья...»); **«Безнадежность»** («Желанье счастия в меня вдохнули боги...»); **«Эпиграмма»** <на Б. М. Федорова?> («Везде бранит поэт Клеон...»); **«Звезда»** («Взгляни на звезды, много звезд...»); **«Эпиграмма»** («Поэт Графов в стихах тяжеловат...» — адресатом эпиграммы посчитал себя Д. И. Хвостов — см. далее: ноябрь 28); **«Эпиграмма»** («В своих стихах он скукой дышит...»); **«Д—гу»** <Дельвигу> («Я безрассуден — и не диво...»); **«Добрый совет. К—ну»** <Коншину> («Живи смелей, товарищ мой...»); **«Любовь»** («Мы пьем в любви отраву сладкую...»); **«Эпиграмма»** («И ты поэт, и он поэт!..»); **«Стансы»** («В глуши лесов счастлив один...»); **«Телема и Макар»** — в оглавлении подзаголовок: «Сказка (подраж. Вольтеру)». ПОСЛАНИЯ: **«Г—чу, который советовал сочинителю писать сатиры»** <Гнедичу> («Враг суетных утех и враг утех позорных...»); **«К—ву. Ответ»** <А. А. Крылову> («Чтоб очаровывать сердца...»); **«Аглае»** <С. Д. Пономаревой> («О своенравная Аглая!..»); **«Дельвигу»** («Так, любезный мой Гораций...»); **«Д. Давыдову»** («Пока с восторгом я внимаю...»); **«К *** при отъезде в армию»** <брату Ираклию> («Итак, мой милый, не шутя...»); **«К ...»** <Булгарину> («Нет, нет! мой ментор, ты неправ...»); **«Богдановичу»; «Л—му»** <Лутковскому> («Влюбился я, полковник мой...»); **«Дельвигу»** («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»); **«К ...»** <С. Д. Пономаревой> («Мне с упоением заметным...»); **«К—ну»** <Коншину> («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»); **«Н. И. Гнедичу»** («Так! для отрадных чувств еще я не погиб...»).

Бóльшая часть стихотворений уже была опубликована; но для отдельного издания Боратынский переработал многие тексты. Впервые в Изд. 1827 напечатаны: **«Эпиграмма»** (**«Как сладить с глупостью глупца...»**); **«В альбом»** (**«Когда б избрать возможно было мне...»**), **«Эпиграмма»** (**«Идиллик новый на искус...»**), **«Эпиграмма»** (**«Свои стишки Тощев пинт...»**). Даты создания этих текстов определить вряд ли возможно. «Эпиграмма» («Идиллик новый на искус...») с разночтением в 1-й строке («Певец какой-то на искус...») отмечена в альбоме Боратынских «Souvenir» среди «сочинений 1824 и 1825 года» (ПД. № 21. 731. Л. 7 об.), что, однако, еще не определяет точного времени создания этого текста.

МАРТ, 31. Петербург. Вышла «Северная пчела» (1827. № 39) с рецензией на «Северные цветы» (см. выше: март, 25—28), где одобрительно упомянута «Песня» («Когда взойдет денница золотая...») и цитируется послание «Богдановичу».

АПРЕЛЬ, после 3. Москва. Гулянье под Новинским, во время которого мог произойти случай, описанный Боратынским в стих. **«Новинское»**. — См. также выше: февр., 8—14.

АПРЕЛЬ, 9. Петербург. Ценз. разр. «Славянину» (1827. Ч. 2. № 15) со стих. **«К Д***. На другой день после его женитьбы»** (С. 77; подпись *Баратынскій*). Сочинено ок. 30 окт. 1825 (?).

АПРЕЛЬ, 12. Одесса. В. И. Туманский, прочитав в «Северной пчеле» рецензию на «Северные цветы» (см. выше: март, 31), замечает в письме к Пушкину в Москву: «<...> Что за идея пришла Баратынскому писать столь негодными стихами, каковы напечатаны в «Северной пчеле» из его послания к Богдановичу. *Мараки, задумчивые враки* и пр. похоже на лай собаки, а не на напев его сладкогласной лиры. Да и что за водевильные мысли во всей пьесе! Словно шуточки «Благонамеренного»! Я его уважаю и люблю, а потому прошу ему попенять за эти проступки <...>».

Пушкин. Ак. Т. 13. С. 327.

АПРЕЛЬ, 24. Село Александровское Волоколамского уезда. А. Н. Муравьев — Вл. А. Муханову: «<...> Вчера также получил очень утешительное письмо от брата Михаила из Петербурга, который усовещивает меня бросить поэзию, доказывая

подробно ее ничтожество; также от дяди в том же роде, и от двоюродной сестры, которая уверена, что я брошу писать, прочитавши критику Боратынского <...>».

Щ. сб. Вып. 5. М., 1906. С. 255.

МАЙ, 5. Москва. Ценз. разр. «Московскому телеграфу» (1827. Ч. 15. № 9; вышел 6 июня), где напечатана эпиграмма Боратынского (написана совместно с Пушкиным — см. далее: май, 16) на Булгарина **«Журналист Фиглярин и Истина» («Он точно, он бесспорно...»)** (С. 5; без подписи). — Повод для эпиграммы — виньетка на титульном листе 1-го тома «Сочинений Фаддея Булгарина» (СПб., 1827), изображающая Истину, сошедшую в кабинет автора.

Другие названия эпиграммы: «На виньетку, представляющую господина за письменным столом, а возле него Истину» (Совр. 1854. № 10. С. 159); «На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменным столом, а подле него Истину» (Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 269 — по копии Н. Л. Боратынской: ПД. № 21. 729. Л. 46; в другой копии начало заглавия: «На виньетку...» — см. ПД. № 21. 732. Л. 57).

МАЙ, 15. Москва. Завтрак у Погодина, на котором Боратынский и Пушкин сочиняют эпиграмму на Шаликова: «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...».

Впервые опубл.: *Пушкин*. Изд. 1861. С. 109; соавторство Боратынского зафиксировано в дневнике И. М. Снегирева (Пушкин и его совр. Т. 16. Пг., 1913. С. 50).

МАЙ, 16. Москва. Вечер у Н. А. Полевого, на котором Боратынский и Пушкин цитируют эпиграмму на Булгарина «Журналист Фиглярин и Истина» («Он точно, он бесспорно...») (опубл. в «Московском телеграфе» — см. выше: май, 5). — Булгарин считал автором одного Боратынского (см. далее: дек., 3—8).

Может быть, к этому же вечеру относится воспоминание К. А. Полевого: «Весною 1827 года, не помню по какому случаю, у брата был литературный вечер, где собрались все пишущие друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и разъехались уже утром. Пушкин казался председателем этого сборища и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои непозволенные стихи, хохотал от резких сарказмов И. М. Снегирева, вспоминал шутливые стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно смешило то место, где в пышных гексаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые «В лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)» (Имеется в виду стих. «Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком...»). *Цявловская Т. Г.* Новонайденный автограф Пушкина // РЛ. № 1. 1961. С. 120—133 (об участии Пушкина в сочинении эпиграммы на Булгарина); *Кс. Полевой*. Изд. 1888. С. 209 (цитата).

МАЙ, 18. Москва. Боратынский (?) дарит Пушкину чистый альбом для записей с надписью на первом листе: «1824—1827. Москва 18 Ма<я>». Позднее Пушкин вписывает рядом с этой датой эпиграф к собственным записям в альбоме, взятый из «Пиров» Боратынского («Собранье пламенных замет...» и следующие 4 строки).

Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838). (История заполнения) // ПИМ. Т. 10. Л., 1982. С. 240.

МАЙ, 19. Пушкин уезжает из Москвы в Петербург.

МАЙ, 25. Петербург. Ценз. разр. «Славянину» (1827. Ч. 2. № 21) со стих. **«Она» («Есть что-то в ней, что красоты прекрасней...»)** (С. 293; подпись *Баратынскій*). Вероятный адресат — А. Ф. Воейкова; вероятное время сочинения — 1824 г.

МАЙ, 27. Петербург. Ценз. разр. изданию, подготовленному М. А. Яковлевым — «Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения» (СПб., 1828), где перепечатаны стих. Боратынского **«К девушке, которая на вопрос: как ее зовут? отвечала: не знаю»** («Незнаю, милая незнаю!..») (С. 14); **«К Лете»** («Душ холодных

8*

упованье...») (С. 53); **«А. А. В—й»** <Воейковой> («Очарованье красоты...») (С. 65); **«Наяда»** (С. 68); **«Безнадежность»** («Желанье счастия в меня вдохнули боги...») (С. 71); **«Любовь и Дружба. (В Альбом)»** («Любовь и дружбу различают...») (С. 77); **«Мадригал пожилой женщине и все еще прекрасной»** («И в осень лет — красы младой...») (С. 78); **«Эпиграмма»** («Хоть глуповат подчас Дамон...») (С. 81); **«Финским красавицам»** («Так — ваш язык еще мне нов...») (С. 100); **«Возвращение»** («На кровы ближнего селенья...» (С. 123); **«Портрет В...»** («Как описать тебя? я, право, сам не знаю!..») (С. 131); **«Размолвка»** («Прости! сказать ты поспешаешь мне...») (С. 145); **«Девушке, которой имя было: Аврора»** («Выдь, дохни нам упоеньем...») (С. 158); **«Поцелуй»** («Сей поцелуй, дарованный тобой...») (С. 163); **«Надпись»** («Взгляни на лик холодный сей...») (С. 166); **«Эпиграмма»** («Как сладить с глупостью глупца...») (С. 168); **«В альбом»** («Когда б избрать возможно было мне...») (С. 175); **«Ожидание»** (Она придет! К ее устам...») (С. 177). — Все тексты подписаны: *Баратынскій*.

ИЮНЬ—ИЮЛЬ (?). Поездка Боратынского в Петербург (??).

Обосн. такого предположения — упоминание имени Боратынского в числе лиц, общающихся с Пушкиным в Петербурге (см. далее: июль, 13).

ИЮНЬ, около 4. Ревель. Дельвиг — Боратынскому: «Милый друг Евгений, пишу тебе из Ревеля. Только что приехал, еше не осмотрелся и не отдохнул от морской болезни, ибо мы ехали на пароходе и с бурею. Твой Дельвиг вверил себя богу морей, и в последний раз. Гораздо лучше страдать после братской вечеринки от вина, чем с тощим желудком от воды, да еще от соленой. Но я вполне вознагражден. Невольно живу в рыцарских временах, все ими здесь так и дышит. Ежели теперь не заговорю стихами — то я уже не поэт, а просто давно открытая бутылка с алкогелем. Спирт вылетел, осталась вода. Пиши ко мне в Ревель, в Катеринталь, в доме Витта. Сочинения же твои пришли в Петербург в Кувшинников дом, на Влад<имирской> улице Михайле Лукьяновичу Яковлеву. Жена моя кланяется тебе и Настасье Львовне. Я желаю вам здоровья, обнимаю тебя, целую у ней ручку. — Весь твой Дельвиг».

Дельвиг. Изд. 1986. С. 325—326.

ИЮНЬ, 6. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1827. Ч. 15. № 9) с эпиграммой Боратынского **«Журналист Фиглярин и Истина»**. См. выше: 1827; май, 5.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 59 (дата).

ИЮЛЬ, 13. Петербург. Донесение директора канцелярии III отделения М. Я. фон Фока начальнику III отделения А. Х. Бенкендорфу: « <...> Пушкин, сочинитель, <...> живет в гостинице Демута, где его обыкновенно посещают: полковник <Н. М.> Безобразов, поэт Баратынский, литератор <Б. М.> Федоров и игроки Шихмаков и Остолопов».

Б. Л. Модзалевский 1925. С. 67 (текст на фр. яз.), 68 (цитированный перевод).

АВГУСТ (?) — ДЕКАБРЬ. Боратынский с женой и дочерью — в Маре: здесь — маменька Александра Федоровна, сестры София, Наталия, Варвара, тетушка Екатерина Федоровна. — Подробности жизни в Маре неизвестны.

Во время этого приезда в Мару сочинено стих. **«Стансы» («Обременительные цепи...»)**. Опубл. в «Московском телеграфе» — см. 1828, янв., 8.

АВГУСТ, Михайловское. Пушкин набрасывает статью о Боратынском «Наконец появилось собрание стихотворений Боратынского...» (традиционное редакторское загл.: «Стихотворения Евгения Баратынского») — видимо, Пушкин собирался приготовить ко времени выхода Изд. 1827 (см. далее: сент., 21) рецензию:

«<...> Первые произведения Баратынского обратили на него внимание. Знатоки с удивлением увидели в первых опытах стройность и зрелость необыкновенную. — <...> Пер-

вые произведения Баратынского были элегии, и в этом роде он первенствует <...>». — Видимо, тогда же среди эпиграфов, выписанных Пушкиным для начатого исторического романа («Арап Петра Великого»), двустишие из «Пиров»: «Уж стол накрыт, уж он рядами // Несчетных блюд отягощен». — Тогда же вчерне написано послание Дельвигу «Прими сей череп, Дельвиг, он ...», в финале которого упомянут Боратынский:

<...> Прими ж сей череп, Дельвиг; он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти
Да запивай уху да кашу <...>
Или, как Гамлет — Баратынский
Над ним задумчиво мечтай <...>

Иезуитова 1995. С. 239, 259—260 (дата); *Пушкин.* Ак. Т. 8. С. 500 (эпиграф из «Пиров»); Т. 3. С. 72 (послание Дельвигу; опубл.: СЦ 1828 — см. 1827, дек., 3).

СЕНТЯБРЬ, начало месяца. Москва. Вяземский получает из Петербурга письмо за 30 августа от Д. Н. Блудова — своего давнего знакомого, а ныне товарища министра народного просвещения — с рекомендацией сократить сотрудничество с «Московским телеграфом» Н. А. Полевого (письмо было предварительно одобрено Николаем I).

Гиллельсон 1969. С. 159—165.

СЕНТЯБРЬ, вторая половина — ОКТЯБРЬ, первая половина. Михайловское. Пушкин делает черновой набросок стих., обращенного, видимо, к Боратынскому: «О ты, который сочетал...».

Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. М., 1931. С. 115—129 (адресат стих.); *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина Пд № 833// ПИМ. Т. 15. С. 261 (дата).

СЕНТЯБРЬ, 21. Москва. Ценз. билет на выпуск книги: **«Стихотворения Евгения Баратынского»**. М.: В типографии Августа Семена при Имп. Медико-Хирургической Академии, 1827. Поступили в продажу в конце октября — начале ноября 1827 г.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 73 (дата).

ОКТЯБРЬ, 17. Петербург. Поступили в цензуру «Северные цветы» на 1828 г. со стих. Боратынского **«Отрывок из поэмы: Бальный вечер»** и **«Последняя смерть»**. См. далее: дек., 22.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 194. Л. 40—41 об.

ОКТЯБРЬ, 20-е числа — НОЯБРЬ, до 9. Москва. Поступили в продажу **«Стихотворения Евгения Баратынского»** (М., 1827). Состав книги см. выше: март, 28.

Датировка определяется примерным временем выхода «Московского телеграфа» с рецензией на книгу (см. далее: окт., 20-е числа) и объявлением в «Московских ведомостях» от 9 ноября о продаже книги в конторе «Московского телеграфа».

ОКТЯБРЬ, 20-е числа (?). Москва. Вышел «Московский телеграф» (1827. Ч. 17. № 19) с объявлением-рецензией о выходе (см. выше: сент., 21) «Стихотворений Евгения Баратынского»:

«Издание *Стихотворений Баратынского* исполняет давнишнее желание публики: иметь собранными в одну книгу все мелкие стихотворения певца Финляндии, Пиров и Любви <...>. Стихотворения Баратынского продаются в Москве, в конторе «Московского Телегра-

фа» и в Санкт-Петербурге, в книжных магазинах Смирдина и Сленина. Цена 10 рублей ассигнациями» (С. 224—225).

НОЯБРЬ, середина месяца. Москва. Н. А. Полевой отправляет Боратынскому в Мару экземпляры «Стихотворений Евгения Баратынского», а также вышедшие недавно 3-ю главу «Евгения Онегина» (СПб., 1827), поэму А. И. Подолинского «Див и Пери» (СПб., 1827) и, видимо, № 19—21 «Московского телеграфа» с рецензиями на эти издания.

Дата определяется ценз. разр. (8 ноября), данным № 21 «Московского телеграфа», где была помещена рецензия на поэму Подолинского — об этой рецензии Боратынский упоминает в своем ответе Полевому — см. далее: ноябрь, до 25.

НОЯБРЬ, 24. Петербург. Ценз. разр. «Славянину» (1827. Ч. 4. № 52), где перепечатано стих **«К ...ну» («Пора покинуть, милый друг...»)** (С. 511—512; подпись *Е. Баратынскiй*). См. выше: 1820, февр.—авг.; 1821, авг., 8; 1827, март, 27).

НОЯБРЬ, до 25. Мара. Боратынский — Н. А. Полевому в Москву (без даты): «Получил я, любезный Николай Алексеевич, «Дива», «Онегина» и мои стихотворения <см. выше: ноябрь, середина месяца>. «Див», как мне кажется, вами оценен беспристрастно в «Телеграфе». Подолинский, конечно, с талантом. Про «Онегина» что и говорить! Какая прелесть! Какой слог блестящий, точный и свободный! Это рисовка Рафаэля, живая и непринужденная кисть живописца из живописцев. Что касается до меня, то не могу сказать, как я вам обязан. Издание прелестно. Без вас мне никак бы не удалось явиться в свет в таком красивом уборе. Много, много благодарен. Довершите ваше одолжение, исполнив еще одну, покорнейшую просьбу. Пошлите барону Антону Антоновичу Дельвигу 600 экземпляров. На Большой Миллионной, в доме г-жи Эбелинг. Между нами особые счеты и отношения. Остальными не откажитесь располагать по вашему усмотрению. Для отсылки такого количества экземпляров, разумеется, нужны деньги; может быть, вы теперь не имеете готовых, а потому я пишу к моему тестю, чтоб он доставил вам 100. Я вам без того много должен. Позвольте вас уверить, что, ежели не окупится издание, я все равно буду исправным должником. При выпуске издания сделайте одолжение доставить моему тестю 12 экз., в том числе 1 на александрийской бумаге. Это для раздачи моим московским родным. Вас же, любезный Николай Алексеевич, прошу доставить по экземпляру к<нязю> Вяземскому, Дмитриеву, Погодину, попросите вашего братца принять от меня на память мои мелочи, а ваш крепостной экземпляр удостойте поставить в вашей библиотеке между Батюшковым и В. Л. Пушкиным. Пришлите мне еще 8 экземпляров. Сколько комиссий! Беда иметь дело с стихотворцем. Простите мне все это во имя господа Феба. — Прощайте, обнимаю вас от всей души. — Е. Боратынский. — P. S. 300 экземпляров, как я думаю, по почте отправить будет чересчур дорого, нельзя ли по какой-нибудь оказии?» — Адрес: «Милостивому государю Николаю Алексеевичу Полевому в Большой Мещанской, за Сухаревой башней, в доме Поля, в Москве».

РА. 1872. Вып. 2. Ст. 351—352. Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 193. Датировка по штемпелю. Среди дарственных экземпляров Изд. 1827 известны подаренный А. С. Пушкину с надписью: «Пушкину от Е. Баратынского и комп.» (*Б. Л. Модзалевский* 1910. С. 6) и подаренный И. И. Дмитриеву: «Его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву от Сочинителя» (*Анохина* 1973. С. 95).

НОЯБРЬ, 27. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества» (1827. Ч. 116. № 21) с рецензией О. М. Сомова (подпись *С—въ*) на «Стихотворения Евгения Баратынского»:

«<...> Стихотворения Баратынского удовлетворяют всем требованиям самых разборчивых любителей и судей Поэзии; в них найдешь все совершенства, достающиеся в удел немногим, истинным Поэтам: и пламенное воображение, и отчетливость в создании, и чистоту языка, и прелестную гармонию стихов <...>» (С. 79).

НОЯБРЬ, 28. Петербург. Д. И. Хвостов, приняв на свой счет эпиграмму Боратынского «Поэт Графов в стихах тяжеловат...» (помещена в «Стихотворениях Евгения Баратынского»), пишет ему: «Милостивый государь Евгений Абрамович! Снова благодаря вас за удостоение меня присылкою ваших сочинений в прошедшем годе, долгом себе поставляю благодарить вас за удовольствие, которое вы мне доставили напечатанием ваших стихотворений. Я книгу сию ту минуту лишь она показалась купил, и первый, и с большим удовольствием прочитал. Много в ней прекрасных статей: *Финляндия, послания Гнедичу, творцу душевныя к Дельвигу, падения листов* и другие отличая вашу славу принесут удовольствие читателям. Я не отопрусь, что мне весьма полюбилась эпиграмма очень замысловатая:

Поэт Графов в стихах тяжеловат,
Но я люблю не злобного собрата;
Ей! ей! не он пред светом виноват,
А перед ним природа виновата.

Стихи Ваши на моего Графова, коего я поместил в науке стихотворной <имеется в виду хвостовский перевод поэмы Буало «Наука о стихотворстве», СПб., 1824, 5-е изд.>, столько хороши, что я сделал к ним прибавление, которое относится к тем писателям, кои чужды изящного, потому что не ищут его, и мою шуточку прилагаю у сего к вам первому. Есть ли она полюбится можете ею поссудиться издателям Альманахов, а я сам при первом случае этого не пропущу.

Ты, Баратынский, прав, пусть слог тяжеловат.
Коль мал, посредствен дар, Графов не виноват.
Виновен тот певец неугомонный хват,
Кто с Фебом, музами живет за панибрата,
Рассудку объявя в стихах своих разлад,
В один сливает ключ и небеса и ад.
Кто мыслит, чувствует без цели наугад,
И благонравия устав отринуть рад,
Коль кто восторга чужд и чужд любви собрата,
Не может тот сказать: природа виновата.

Я за удовольствие себе поставляю препроводить к вам еще печатную мою переписку стихами с г. Языковым. Будьте к ней благосклонны, продолжайте как начали меня любить и верьте почтению и преданности с коими есть и буду и проч.»

Медведева, Купреянова 1936. Т. 2. С. 245 (текст эпиграммы Хвостова). Печатается по писарской копии из архива Д. И. Хвостова — ПД. Ф. 322. № 32. Л. 124—126. Публикация Е. Э. Ляминой.

ДЕКАБРЬ, 3. Петербург. Ценз. разр. «Северным цветам» на 1828 г. (вышли 22 дек.) со стих.: **«Отрывок из поэмы: Бальный вечер»** (от: «...Торопясь, // Часы летят, уехал князь...» до «...Лице румянит в первый раз») (С. 84—86; подпись *Е. Баратынскій*); **«Последняя смерть»** (С. 89—93; подпись *Е. Баратынскій*; с разночтениями перепечатано в Изд. 1835). — Здесь же — рецензия Плетнева на «Стихотворения Евгения Баратынского» (подробнее см. далее: дек., 22) и стих. Пушкина «Череп» (послание Дельвигу с упоминанием Гамлета — Боратынского — см. выше: август).

ДЕКАБРЬ, 3, 6, 8. Петербург. Вышли № 145—147 «Северной пчелы» с рецензией Булгарина на «Стихотворения Евгения Баратынского»:

«Не всякий журналист удостоился стольких сатир, эпиграмм и критик, в разных видах, как аз грешный! И верно ни один из моей собратии так мало не гневался за них, как я. Свидетельствуюсь всеми, кто меня знает. Напротив, если сатира или эпиграмма написана остроумно, — я первый утешаюсь ими, потому что имею о них мое собственное мнение. Я

думаю, что если сатира или эпиграмма заключает в себе правду — надобно исправляться; если в них один вымысел, то они идут мимо; если стихи хороши и завязка замысловата, то сатира или эпиграмма, переменяя цель и применяясь в течение времени к разным лицам, доходят до потомства, как сатиры Марцияла, Персия, Ювенала, Боало. Сатиры и эпиграммы имеют то же действие, что стрельба в сражении: метят в одного, а попадают в другого. Пуля виноватого сыщет; сатира и эпиграмма найдут свой предмет в свете. Здоровый не боится лекаря, ни аптеки. <Сказанное относится к эпиграммам Боратынского на Булгарина>. — Долг платежом красен. Как аукнется, так и откликнется. Писал я критики, писали и противу меня. Наконец, попались и вы, любезный Поэт, в руки мои <...>. Прочел раз, прочел другой — и критическое перо полетело под стол. Честь и хвала, г. Поэт! Вы победили меня звуками своей лиры! <...>» — Далее следуют похвалы с цитатами из стихов Боратынского. После летне-осеннего конфликта 1824 г. Боратынский и Булгарин были настроены друг против друга вполне враждебно. Примирительная рецензия Булгарина была вызвана его недолгим сближением в октябре — декабре 1827 г. с петербургским кругом *Дельвига*. — Боратынский на примирение не пошел.

ДЕКАБРЬ, 12. Вяземский уезжает из Москвы в пензенское имение Мещерское.

Вяземский. Изд. 1963. С. 107.

ДЕКАБРЬ, 22. Петербург. Вышли «Северные цветы» на 1828 год (ценз. разр. 3 дек.) с **«Отрывком из поэмы: Бальный вечер»** и стих. **«Последняя смерть»**. — Здесь же в стих. Пушкина «Череп» упомянут Гамлет — Баратынский (см. выше: август); здесь же — рецензия Плетнева на «Стихотворения Евгения Баратынского»:

«Появление стихотворений Баратынского, поэта, давно известного своим отличным дарованием и вкусом, должно быть принято с особым вниманием. <...> Сочинения Баратынского представляют образец точности слога. Он выражает мысли свои так верно, что читатель может заметить и почувствовать их самые легкие оттенки. Нет слов, поставленных не у места, необдуманно или невольно. Краткость речи не только не вредит ясности стихов его, но придает им особенную силу. Он в составлении периодов столько же разнообразен, как и в изобретении новых мыслей. Это изменение форм, в которых являются ряды слиянных понятий, сообщает движение слогу и усиливает заманчивость чтения. Что касается до гармонии стихов, Баратынский заменил однозвучную гладкость языка переливами тонов. <...> Он не увлекся владычеством нынешней европейской поэзии, обольстительной по своей мечтательности, но справедливо порицаемой за изысканность и преувеличение украшений. Строгой вкус его воспользовался только тем в романтической поэзии, что картинам придает яркость красок, а истинам — заманчивость тайны. Его можно причислить к разряду прежних французских поэтов, вероятно бывших руководителями отроческих его опытов. Но и с ними сошелся он в одной отчетливости слога и мыслей. Он также не поминает их в тех местах, где хочет быть шутливым и остроумным. Глубокие чувствования, поэтические объемы предметов, мысли сильные и живые, привлекательное простодушие в веселости принадлежат собственно его дарованию. — Баратынский преимущественно поэт элегический. <...> В его элегиях не уныние, не мечтательность, но (если можно сказать) раздумье. Может быть природа создала эту душу для веселости. <...> Увлекаясь движениями сердца, он не перестает мыслить и каждую свою мысль умеет согревать чувством. <...> В нас примечают противоречие надежд и желаний. Оно-то составляет прелестное разнообразие элегий Баратынского. Иногда близкий к слезам, он их оставит и улыбнется, зато и веселость его иногда светится сквозь слезы. Детская чувствительность и ум философа под строгою властию тонкого вкуса составляют его главный характер» (С. 302—208). — В тех же «Северных цветах» напечатаны пушкинские «Отрывки из писем, мысли и замечания» — здесь между прочим сказано и о Боратынском: «Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах».

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 194. Л. 40—41 об. (дата).

ДЕКАБРЬ, 28. Москва. Ценз. разр. «Московскому телеграфу» (1828. Ч. 19. № 1) с рецензией Н. А. Полевого на «Северные цветы», где, в частности, сказано:

«Из пятидесяти стихотворений, составляющих отдел поэзии, первою пьесою по предмету, где вдохновенная поэзия сливается с философическою идеею, и по выражению поэтическому, кажется нам *Последняя смерть*, отрывок из поэмы Баратынского» (С. 125).

ДЕКАБРЬ, конец месяца. Боратынский с женой и дочерью возвращается из Мары в Москву.

Обосн. даты см.: 1828, янв., 2.

1828

Боратынский весь год проводит в Москве; летом — в подмосковной Энгельгардтов — Муранове.

ЯНВАРЬ, 2. Москва. В. Л. Пушкин — Вяземскому в Мещерское Пензенской губ.: «<...> Баратынской в Москве, и я еще не видался в ним <...>».

Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // ПИМ. Т. 11. Л., 1983. С. 231. Вяземский уехал из Москвы 12 дек. 1827 до возвращения сюда Боратынского (*Вяземский*. Изд 1963. С. 406).

ЯНВАРЬ, 8. Москва. Ценз. разр. «Московскому телеграфу» (1828. Ч. 19. № 2) со стих. **«Стансы» («Обременительные цепи...»)** (С. 191—192; подпись *Е. Баратынскій*). Др. ред.: «Судьбой наложенные цепи...» — Изд. 1869 и Изд. 1884; «Мара» («Самовластительные цепи...») — Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 99—100).

ЯНВАРЬ, 9. Москва. Ценз. разр. «Московскому вестнику» (1828. Ч. 7. № 1) со статьей Шевырева «Обозрение русской словесности за 1827 год» (С. 59—84), где об Изд. 1827 сказано следующее:

«В сем году издано собрание стихотворений Баратынского. Достоинства и характер поэта яснее определяются, когда мы вдруг смотрим на все его произведения в одном полном их собрании. Посему, хотя стихотворения Баратынского и прежде были известны публике, но до сего собрания она не знала еще определенной его физиогномии. По нашему мнению, Г. Баратынский более мыслит в поэзии, нежели чувствует, и те произведения, в коих мысль берет верх над чувством, каковы напр<имер> «Финляндия», «Могила», «Буря», станут выше его элегий. В последних встречаем чувствования давно знакомые и едва ли уже не забытые нами. Сатиры его (в которых он между прочим обвиняет и себя, нападая на плаксивость наших поэтов) часто сбиваются на тон дидактический и не столько блещут остроумием, сколько щеголеватостию выражений. Это желание блистать словами в нем слишком заметно, и потому его можно скорее назвать поэтом выражения, нежели мысли и чувства. Часто весьма обыкновенную мысль он оправляет в отборные слова и старательно шлифует стихи, чтобы придать глянцу своей оправе. Он принадлежит к числу тех русских поэтов, которые своими успехами в мастерской отделке стихов исключили чистоту и гладкость слова из числа важных достоинств поэзии. Но несмотря на сии достоинства в слоге Г. Баратынского, он однообразен своими оборотами и не всегда правилен, обличая нередкими галлицизмами заметное влияние французской школы» (С. 70—71).

ЯНВАРЬ, вторая половина. Москва. Из писем Настасьи Львовны — Варваре Абрамовне Боратынской в Мару (на фр. яз.; без дат). — Перевод: «Не помню, писала ли я вам, что стихи Евгения «Последняя смерть» произвели большое впечатление, а также сцена туалета Нины; даже госпожа Дагановская сказала мне, что все едва сдерживают нетерпение, дожидаясь, когда будет напечатан весь «Бал», и что отрывок в «Северных цветах» превосходен и гораздо лучше всего написанного Пушкиным, не выключая и «Графа Нулина», это также мнение Полевого и многих других <...>». — «<...> Итак, с посылками вы должны получить от Евгения экземпляры «Северных цветов», «Невского Зрителя» Аладина <т. е. «Невского альманаха»>, «Телеграфа» и «Московского Вестника», переплетенные в зеленый

сафьян и предназначенные для маменьки. Поговорю с вами о Дельвиге, на днях он приедет на сутки в Москву, по служебным делам он едет на несколько дней в Харьков, в ожидании его Евгений находится в ужасном нетерпении <...> <Далее речь идет о П. Ф. Геркене> Евгений очень забавно обращается с ним, в последний раз зашел разговор о Наполеоне, коего Петр Федорович является яростным гонителем; он принялся рассказывать глупейшую историю о том, что когда Наполеон видел у кого-нибудь лошадей, нравившихся ему, то посылал сказать, чтобы их немедленно ему доставили; закончив свой рассказ, Геркен прибавил: «Ну как вы это находите, mon cousin?» — а Евгений отвечал: «Очень смешно <...>».

РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 426. Л. 18, 14. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Датируется по содержанию. П. Ф. Геркен был женат на дочери М. А. Панчулидзевой Анне.

ЯНВАРЬ, 24. Москва. Боратынский принят на службу в Межевую канцелярию (директор Б. А. Гермес). В канцелярии он только числится, никакой действительной службы не исполняя.

См. далее: 1828, февр., 20; 1830, апр., 14; 1831, июль, 10; июль, 26. О Межевой канцелярии как «укромном месте» для поэтов см.: 1831, сент., 16.

ЯНВАРЬ, 26. Петербург. Вышла «Северная пчела» (1828. № 11), где Булгарин критиковал статью Шевырева в «Московском вестнике» (см. выше: янв., 9).

ЯНВАРЬ, конец месяца — ФЕВРАЛЬ, первые дни. В Москве — Дельвиг с женой (по пути в Харьков, где Дельвигу дóлжно быть по делам службы). — Боратынский и Вяземский знакомят его с московскими литераторами (см. в письме Дельвига — Пушкину в Петербург, ок. 18 февраля 1828: «<...> Почтенные братья Петр и Евгений представили меня всей низшей братии московской. <...> Шевырев пел, вопиял, и взывал, но не глаголил <...>. Раич благоухал анисовою водкою <...>»).

Б. Л. Модзалевский 1929. С. 216 (дата); *Дельвиг*. Изд. 1986. С. 328 (цитата).

ЯНВАРЬ, 29. Москва. Боратынский, Дельвиг, Вяземский у Полевых.

РНБ. Ф. 603. № 1169. Л. 2 (записка Н. А. Полевого к С. Д. Полторацкому: «29 января 1828. — Барон *Дельвиг* будет у нас сегодня вечером; будут Вяземский, Баратынский etc. Просим любезного и милого Полторацкого не забыть нас также. — Полевой»). Сообщено С. И. Пановым.

ЯНВАРЬ, 30. Москва. Соболевский устраивает в честь Дельвига ужин. Среди присутствующих — Мицкевич, Погодин, Н. А. Полевой, Максимович. — Должны были бы присутствовать и Боратынский с Вяземским.

Барсуков. Кн. 2. С. 181 (о Боратынском и Вяземском не упомянуто).

ФЕВРАЛЬ (?), после отъезда Дельвига в Харьков. **Москва**. Боратынский пишет Дельвигу письмо (не сохранилось). — Ответ Дельвига см. далее: март.

Дельвиг приехал в Харьков ок. 8 февр. (*Б. Л. Модзалевский* 1929. С. 216).

ФЕВРАЛЬ, 13. Дерпт. Н. М. Языков — А. М. Языкову: «<...>стихотворения Баратынского <Изд. 1827> я получил; <...> в Баратынском мне всего более нравятся следующие сильные истиною два стиха: — Еще не породив прямого просвещенья, // Избыток породил бездейственную лень! <...>».

ЯА. С. 351.

ФЕВРАЛЬ, 19. Петербург. Пушкин — Погодину в Москву о шевыревской критике Боратынского (см. выше: янв., 9): «<...> Шевыреву пишу особо. Грех ему не чувствовать Баратынского <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 5. — Письмо Пушкина Шевыреву неизвестно.

ФЕВРАЛЬ, 20. Москва. Боратынский получает в Межевой канцелярии чин коллежского регистратора.

См. также: 1828, янв., 24; 1830, апр., 14; 1831, июль, 10; июль, 26.

ФЕВРАЛЬ, около 23. Москва. Вяземский отъезжает в Петербург (приехал туда 27 февраля). Видимо, с ним Боратынский передает свое письмо (без даты) для Пушкина: «Давно бы я писал к тебе, милый Пушкин, ежели бы знал твой адрес и ежели бы не поздно пришла мне самая простая мысль написать: Пушкину в Петербург. Я бы это наверно сделал, ежели б отъезжающий Вяземский не доставил мне случай писать к тебе — при сей верной оказии. В моем Тамбовском уединении <в Маре> я очень о тебе беспокоился. У нас разнесся слух, что тебя увезли, а как ты человек довольно увозимый, то я этому поверил. Спустя некоторое время я с радостью услышал, что ты увозил, а не тебя увозили. Я теперь в Москве сиротствующий. Мне, по крайней мере, очень чувствительно твое отсутствие. Дельвиг погостил у меня короткое время <см. янв., конец месяца — февр., нач.>. Он много говорил мне о тебе: между прочим передал мне одну твою фразу, и ею меня несколько опечалил. — Ты сказал ему: «Мы нынче не переписываемся с Баратынским, а то бы я уведомил его» — и проч. — Неужели, Пушкин, короче прежнего познакомясь в Москве, мы стали с тех пор более чуждыми друг другу? — Я, по крайней мере, люблю в тебе по-старому и человека, и поэта. — Вышли у нас еще две песни Онегина. Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят, и все читают. Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и разумеется не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностию вымысла, они не замечают, что старая и новая Россия, жизнь во всех ее изменениях, проходит перед их глазами, mais que le diable les emporte et que Dieu les bénisse! <но чтоб их черт побрал, а Бог благословил!> Я думаю, что у нас в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большею обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. <Ср. с заметками Пушкина о Боратынском: 1830, окт.—ноябрь>. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие. Портрет твой в Северных Цветах чрезвычайно похож и прекрасно гравирован. Дельвиг дал мне особый оттиск. Он висит теперь у меня в кабинете, в благопристойном окладе. Василий Львович <Пушкин> пишет романтическую поэму <«Капитан Храбров»>. Спроси о ней у Вяземского. Это совершенно балладическое произведение. Василий Львович представляется мне Парнасским Громобоем, отдавшим душу свою романтическому бесу. Нельзя ли пародировать балладу Жуковского? Между тем прощай, милый Пушкин! Пожалуйста, не поминай меня лихом».

Современник. 1854. Т. 47. № 9. Отд. 3. С. 22 (фрагмент); Изд. 1869. С. 421—422 (с незначительным пропуском); Пушкин и его совр. Вып. 16. Пб., 1913. С. 147—148 (полностью; публикация М. Л. Гофмана); Изд. 1987. С. 174, 448 (дата).

Наверное, перед самым отъездом Вяземского Боратынский заходит к нему вместе с братом (Сергеем?), но, не застав его, оставляет записку: «Желаю вам, любезный Князь, счастливой дороги и еще более скорого возвращения. Брат мой препоручает себя вместе со мною вашему воспоминанию. Я взял у вас со стола мой «Московский вестник». У меня остался «Невский Альманах», принадлежащий кн. Дол. <Долгоруковой>. Я его ей доставлю. Прощаюсь с вами с истинною грустию. Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 5. С. 44—45 (дата: дек. 1827). В Изд. 1987 дата: нач. дек. 1827 (С. 174), что сомнительно, ибо в декабре 1827 Вяземский и Боратынский разминулись друг с другом: Вяземский уехал из Москвы 12 дек., а Боратынский вернулся в Москву лишь к концу декабря. Мы датируем временем отъезда Вяземского из Москвы в Петербург (известно, что в Петербург он приехал ок. 27 февр. — см. *Вяземский*. Изд. 1963. С. 408; от Москвы до Петербурга ок. 4 дней пути; значит, уехал Вяземский из Москвы ок. 23 февр.). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 9.

ФЕВРАЛЬ, до 27 или ИЮНЬ, до 18 (?). Москва. Записка к Шевыреву (без даты): «К крайнему моему сожалению, почтенный Степан Петрович, внезапное нездоровье не позволяет мне сегодня присутствовать в заседании общества <любителей российской словесности при Московском университете>. Прилагаю при сем две рукописи Ивана Петровича Бороздны, который не будет по той же причине и просит меня доставить оные вам. Не откажитесь. Примите общее наше извинение Господам чтецам. Душевно преданный — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 590 (датировка: «до путешествия Шевырева за границу в начале 1829 года»). Автограф — РНБ. Ф. 850. Наша датировка определяется временем единств. публикации И. П. Бороздны в «Трудах ОЛРС» (Подражание 55-му псалму // Труды ОЛРС. 1828. Ч. 7. Кн. 20. С. 142—143) и днями заседаний ОЛРС, когда мог быть представлен этот текст: в 1828 г. общество собиралось дважды: 27 февр. и 18 июня (см. *Клейменова* 1981. С. 16). Заседания ОЛРС в предыдущем, 1827 г. мы не учитываем, ибо Боратынский в дни этих заседаний находился в Маре.

МАРТ, первая половина (?). Петербург. Вяземский пишет Боратынскому в Москву (письмо не сохранилось), прося быть посредником в его финансовых делах с Н. А. Полевым (Вяземский хотел получить расчет за свое сотрудничество с «Московским телеграфом» в 1827 г.).

Гиллельсон 1969. С. 165. См. далее: март, 21 или 24.

МАРТ (?). Харьков. Дельвиг — Боратынскому в Москву (без даты): «Душа моя, я получил письмо твое <см. выше: февр.>, как не знаю что-то радостное, драгоценное. Теперь только понимаю, какую цену имели для тебя мои письма в Финляндии. Понимаю и каюсь, что редко писал к тебе. Не наказывай меня тем же. Заплати за зло добром и будешь мною поставлен выше всех угодников Божиих. Вообрази, я на чужой стороне, занят поверкою счетов и допросами по целым дням. И когда кончу — не знаю. Пиши ко мне всякую неделю и молись о свидании. Благодаря Бога, читаю изредка журналы ваши и любуюсь издалека на игру страстишек журнальных. Как это ты, живучи в Москве, не приучил к повиновению мальчишек Шевыревых и им подобных? Это стыдно. Докажи им, что статья о литературе 1827 года <см. выше: янв., 9> совершенно школьническая, и какая! Даже Булгарин прав, говоря о ней <см. выше: янв., 26>. Не напоминаю уже, что, писавши по-русски, надо знать по-русски; не худо сказать им, что с должным почтением не оценив отживших и современных писателей, нельзя кидать взора на будущее, или он будет недальновиден. Скажи Шевыреву, что мы в нем видим талант в переводах с Шиллера, в свободе писать хорошие стихи, но ничуть не в вымыслах вдохновенных. Изысканность в подобиях, может быть, будет еще смешнее плаксивости Карамзинской и разуверений 1/4 века Жуковского. Скажи ему, что он смешон, укоряя меня в невежестве. Он еще азбуке не учился, когда я знал, что роман, повесть, Геснерова идиллия, несмотря на форму, суть произведения *поэзии*. — Порядка же в «С<еверных> цвет<ах>» не переменю — потому же, почему никто из славных поэтов не перемешивал вместе своих повестей, стихами и прозою писанных, почему большая часть немецких издателей альманахов не смешивает прозы со стихами, — и так далее. Суждение же его о твоей «Последней смерти» воняет глупою посредственностию. Аминь. Обмываю виндзорским мы-

лом руки, полощу рот и чистый подхожу к ручке милой Настасьи Львовны. Желаю вам здоровья, детей, стихов и той же дружбы ко мне. — Длв.».

Дельвиг. Изд. 1986. С. 330; здесь датировка: март — май. Обосн. нашей даты: вряд ли *Дельвиг* стал бы вспоминать в апреле—мае 1828 о январской статье Шевырева.

МАРТ, 18. Харьков. Дельвиг — Боратынскому в Москву: «Брату Евгению здравия и спасения и поэтического вдохновения желает пустынный брат Антон. § 1-й. Поздравляю тебя и милую жену твою с наступающим праздником Воскресения Христова. 2-й. Уведомляю тебя, что в городе Харькове грязь классическая с наблюдением трех единств, из коих самое нестерпимое называется скукой. 3-й. Пишешь ты ко мне редко и ничего не говоришь о портрете твоем: готов ли он? Если готов, то похож ли? Если похож, то держи его до моего приезда. § 4. Я начинаю говеть. Прошу у вас прощенья. § 5-й. Письмо мое с виду покажется постороннему человеку очень порядочным, но ты знаешь меня, и параграфы мои тебя не обманут. § 6-й. Как начал, так и кончу, соблюдая принятую форму. § 7-й. Кланяйся от меня Николай Алексеевичу Полевому и брату его. § 8. Пишу сие 18 марта 1828 года в губернском городе Харькове. § 9. Желаю и прошу Бога помочь мне вырваться отсюда и поскорее обнять вас, милые друзья мои. § 10. До свиданья. Обнимаю и целую тебя. Твой — Дельвиг».

Дельвиг. Изд. 1986. С. 329. О портрете Боратынского, который Дельвиг собирался поместить в СЦ 1829, см. далее: апр., 13, 27.

МАРТ, 21. Москва. Ценз. разр. «Дамскому журналу» (1828. Ч. 22. № 8) с «Письмом к Лужницкому старцу о быстрых успехах русской поэзии» (С. 67—75; подпись *Ю—ъ К—въ*; адресат письма — издатель «Вестника Европы» М. Т. Каченовский; вероятный автор — издатель «Дамского журнала» П. И. Шаликов). Большая часть статьи является придирчивым разбором «Стансов» Боратынского, напечатанных в «Московском телеграфе» (см. выше: янв., 8):

«<...> Не забудьте, любезный старец, что мы станем разбирать творение первоклассного поэта, взятое у первоклассного журнала <это, разумеется, ирония рецензента по отношению к Боратынскому и «Московскому телеграфу>, а потому слушайте и непременно удивляйтесь!

Стансы
Обременительные цепи
Упали с рук моих — и вновь
Я вижу вас родные степи,
Моя начальная любовь!

Не правда ли, что печальный станс — превосходен? Вы, может быть, спросите: из каких цепей вырвался поэт? где он находился? Читателю нет надобности знать об этом; первые два стиха картинны, новы и, следовательно, чудесны! Далее вы, верно, скажете, что *родные степи* не могут быть ни *начальною*, ни *среднею*, *ни конечною любовью*, равно как любовь не бывает ни *степью*, ни *лугом*, ни *полем*. Согласен; да это по-старинному; мир романтический есть мир превращений: там небылицы являются в лицах.

Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.

И сам Анакреон (да не оскорбятся *раскольники Поэзии* сим сравнением), и сам Анакреон разнеживался ли лучше нашего милого автора! Он недвижим, бездыханен — и остановил глаза свои! — Вы удивляетесь, вы спрашиваете, что мог чувствовать писатель в таком бездыханном состоянии, подобном обмороку какой-нибудь нежной красавицы?.. он вперил свой взор в степной воздух: это очень естественно.

Но мне увидеть было слаще
Лес, на покате двух холмов,
И скромный дом в садовой чаще,
Приют младенческих годов.

Чувствуете ли, чувствуете ли, мой почтенный, сладость первого стиха, истинно пиитического! Где найдете вы подобные? Ах, *слаще, слаще*! нам не было бы вкуснее теперешнего, аще не следовала бы за тобою в *садовой чаще* .... рифма — тиран: и гениев опутывает она цепями.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил,
Я наблюдал людское племя,
И наблюдая... восскорбил!

Восскорбим со вздыханием теперь и мы, что высокостепенный автор наш, *бродя по свету и наблюдая людское племя, восскорбил* и прервал свои наблюдения: он лишил потомство многого. Может быть, он не восскорбел бы, наблюдая *племя* обезьян, *племя* попугаев, *племя* рыб, *племя* червей и прочие племена царств ископаемого и прозябаемого. Восскорбим же с сокрушением и о том, что язык Русской Поэзии больно, больно скорбит в стихотворных узах нашего писателя!

Ко благу чистое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?

Что, маститый старец! вы морщитесь, зеваете и, кажется, ничего не понимаете? Признаюсь, и я как во тьме нощной. Этому есть причина: мы не посвящены в таинства — осязать неосязательное, толковать бестолковое, удивляться strannолепному; *высшие созерцатели* постигают это. Так! вы одни, *о высшие созерцатели!* Вы одни можете изъяснить нам смысл двух последних стихов: ибо чего вы не изъяснили нам! В самом деле, *разделенье ли обрело* что-нибудь, или обрел кто-нибудь *разделенье*, и какое, и с кем? Кто принес плод: ко благу ли чистое стремленье, или разделенье, или сам автор, или, наконец, его торжественные стансы? Сию тайну может истолковать один Телеграф Московский.

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Отчего же в предыдущей строфе автор изволил сокрушаться, что не принесено было плода, а теперь говорит, что он пришел молить у родимой дубровы хранительного крова от насильственных судьбин — не один: следовательно, с плодом. Какой искусный обман! Впрочем, мы радуемся известию, что автор *не один;* но только просим его избавить нас от слова *насильственный;* насилие, насильственный, сам он знает, нигде и никогда не приятно. Что такое за *насильственные судьбины?* Молить хранительного крова нельзя сказать по свойству русского языка, но молить о хранительном крове.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах,
Мою подругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Картина хороша, нежна, трогательна; по расположению слов в первых двух стихах не весьма трогательна. Сверх того прилагательное *святая* слишком высоко для сени древесной; автор, вероятно, был в восторге: в спокойном состоянии души он употребил бы слово священная. *Младенец тихий на руках* противополагается только *крикливому и брыкливому младенцу* на руках — и больше ничего не изображает.

Пускай, пускай в глуши смиренной
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищей вселенной
Не буду помнить бытия.

Я думаю, почтенный старец, что ваш слух много, много страдает от сладкозвучия стихов автора! .... — Сожалеем, крайне сожалеем, что знаменитый наблюдатель *людского племени* изволил прогневаться на другие *урочища вселенной* и даже не соблаговоляет помнить бытия их; сердечно желаем ему в *глуши смиренной* утаить *быт* свой! .... Но вот опять он является, являясь в венце блистательнейшем Поэзии:

Пускай о свете не тос*куя*
В любовь последнюю мою
Немногих добрых воспри*му я*
И милую мою семью.

Теперь спрашиваю вас, долголетний муж Лужницкий! читали ли вы когда-нибудь и где-нибудь столь превосходные стишки, как сии, а особливо первый и третий? Заметьте, каково окончание их: *куя* и *му я*! Это прелесть, венец Поэзии. Я подозреваю, что модные наши пииты находят особенное очарование в подобных окончаниях стихов: ибо и в другой первоклассной поэмке нашей — «Эда» — я находил такие же точно рифмы. — И стансы уж его тисненью предают .... без сомнения скажет ваша пылкая и прямая любовь к отечественной словесности, рассматривая вымысл, расположение и пиитический язык стансов. — Так, истинный и верный друг изящного — предают тисненью, да еще в *первоклассном* журнале! — И сей-то журнал может еще порицать слог русского языка в «Вестнике Европы», тогда как уже ясно доказано, что сам он не знает первых начал языка — Грамматики, тогда как ему надобно учиться и учиться прилежно русскому слогу у «Вестника Европы»; и сей-то журнал осмеливается укорять в слабых стихотворениях прочие журналы, тогда как, например, издатель «Дамского журнала» (можно поручиться) никогда не решился бы поместить в своем журнале *Стансов, подобных вышеобъясненным*, хотя бы они были сложены не только Е. Б.........м, но даже самим лордом Байроном <...>». — Боратынский отвечал Шаликову в финале поэмы «Бал»:

<...>Поэт, который завсегда
По четвергам у них обедал,
Никак с желудочной тоски
Скропал на смерть ее стишки.
Обильна слухами столица;
Молва какая-то была,
Что их законная страница
В журнале дамском приняла.

МАРТ, 21 или 24. Петербург. Вяземский — Боратынскому в Москву: «За несколько дней писал к вам <см. выше: март, первая половина>, любезнейший Евгений Абрамович, и поручил вашей дружбе дипломатическую сделку, от имени своего, с Н. А. Полевым. Ныне прошу вас быть посредником между им и мною в деле чисто журнальном. Вот стихи и проза, которые может он употребить для Телеграфа. Из письма <Я. Н.> Толстого для печати годится то, что заключается между означенными мною крестиками, выпустив только строки подчеркнутые мною. — Козлов перевел Крымские сонеты Мицкевича и два сонета из первой части. Он предлагает их Телеграфу, разумеется, за деньги. Согласен ли Н. А. <Полевой>их купить и что может дать, разумеется, наличными? Сделайте одолжение, узнайте и уведомьте меня. Перевод сонетов очень хорош. Простите. Скоро ли дадите нам бал? — Мой сердечный поклон Д. В. Давыдову. Скажите ему, что <П. Д.> Киселев сюда приехал третьего дня, но что с ним я еще не видался. Здесь многие говорят о войне, турецкой, но некоторые и о мире. Письмо Давыдова я по принадлежности доставил. Наконец видел я госпожу Павлищеву. Муж ее не показался мне павлином: может быть, в нем достоинства сокровенные, но по наружности и на первый прием в нем мало обольстительного. Впрочем, она весела, и отец <Сергей Львович Пушкин> уже менее хнычет. — В<яземский>». — Ответ Боратынского см. ниже: 1828, апрель, начало месяца.

Гиллельсон 1969. С. 165—166. Дата письма в автографе (ПД. № 21. 745) может быть прочитана двояко: 21 и 24 марта. Г-жа Павлищева — сестра Пушкина Ольга Сергеевна, тайно от отца обвенчавшаяся 27 января с Н. И. Павлищевым (о его знакомстве с Боратынским см. 1823, сент., 10-е числа).

АПРЕЛЬ, начало месяца. Москва. Боратынский — Вяземскому в Петербург (без даты; ответ на письмо от 21 или 24 марта): «Исполнил я ваше препоручение, любезный князь: говорил с Полевым довольно серьезно. Результат моей негосиации состоит в том, что он дал мне честное слово послать вам 3000 с первою почтою, в остальных же деньгах росписку. Я не показывал ему первого письма вашего, оно довольно затейливо, и я берегу его на крайний случай. Вы можете быть уверены, что я употребил себя усердно в этом деле: мне в то же время хотелось и оправдать вашу доверенность и найти Полевого честным человеком. — Что наше или, лучше сказать, ваше журнальное предприятие? Неужели вы остановитесь на одном проекте. Не знаю, принесет ли этот журнал большую выгоду редакторам; но он, без сомнения, будет полезен литературе. Забавно подумать, что решительно у всех теперешних наших журналистов нет ни малейшего понятия о вкусе (именно того, что бы нужно было), что почти все наши журналы преимущественно литературные, а ни один из издателей не имеет настоящего литературного образования. И вот между тем наши судьи! Скажите, кто написал этот позорный разговор о Персидской войне, напечатанный у Булгарина? C'est le coup de pied de l'âne <Это пинок осла>. Можно ли так подло потворствовать правительству или так низко выказывать личную вражду? Сверх того, сатира эта отвратительно обыкновенна, и как не чувствовать, что кто кидает грязью в своего неприятеля, марает в ней, во-первых, собственную свою руку. Не могу вам сообщить новостей светских: вы знаете, что я не живу в свете. Москва для меня множество домов и только. Любуюсь на них снаружи и, может быть, она и лучше снаружи, чем внутри. Отсутствие ваше для меня истинная потеря и, проходя мимо вашего дома, жалею, что могу любоваться одною его архитектурою и не могу зайти к милому хозяину. После отъезда вашего я не был у Василья Львовича. Храбров его <поэма «Капитан Храбров»> храбрится без свидетелей, по крайней мере, я не в числе их. В. Л. фонарь, в котором вы зажигали свечку, без вас он не светит. Прощайте, любезный князь, усердно препоручаю себя вашему доброму расположению. Е. Боратынский. — Земной поклон Василью Андреевичу, которого я столько же люблю, сколько Жуковского. С радостью услышал я голос любимого моего Поэта в стихах, вами присланных; когда-то приведет меня Бог увидеть человека, к которому я привязан всем сердцем и к которому храню глубокую признательность?»

СиН. 1905. Кн. 5. С. 51—52 (текст письма); *Гиллельсон* 1969. С. 166 (дата).

АПРЕЛЬ (?). Москва. Боратынский — Путяте в Петербург (письмо без даты): «Я перед тобой смертельно виноват, мой милый Путята: отвечаю на письмо твое через три века; но лучше поздно, нежели никогда. Не думай, однако ж, чтобы я имел неблагодарное сердце: мне мила и дорога твоя дружба, но что ты станешь делать с природною неаккуратностью?

Прости, мой милой, так создать
Меня умела власть господня:
Люблю до завтра отлагать,
Что сделать надобно сегодня!

Не гожусь я ни в какую канцелярию, хотя недавно вступил в Межевую; но, слава Богу, мне дела мало; а то было бы худо моему начальнику. — Благодарю тебя за твою дружескую критику. Замечания твои справедливы в частности; но ежели б мы были вместе, я, может быть, доказал бы тебе, что некоторые из моих перемен хороши для целого. Впрочем, я никак не ручаюсь за справедливость своего мне-

ния. Поэты по большей части дурные судьи своих произведений. Тому причиной чрезвычайно сложные отношения между ими и их сочинениями. Гордость ума и права сердца в борьбе беспрестанной. Иную пьесу любишь по воспоминанию чувства, с которым она писана. Переправкой гордишься, потому что победил умом сердечное чувство. Чему же верить? Одним я недоволен в письме твоем: оно не совсем дружеское. Ты пишешь ко мне как к постороннему, которому боишься наскучить, говоришь много обо мне и о себе ни слова. Что твоя Альсина? <А. Ф. Закревская>. Все ли по-прежнему держит тебя в плену? Кстати, я слышал, что А. А. <Закревский> сделан министром внутренних дел; остаешься ли при нем? Думаешь ли побывать в красной Москве? Я теперь постоянный московский житель. Живу тихо, мирно, счастлив моею семейственною жизнью, но, признаюсь, Москва мне не по сердцу. Вообрази, что я не имею ни одного товарища, ни одного человека, которому мог бы сказать: помнишь? с кем бы мог потолковать нараспашку. Это тягостно. Жду тебя, как дождя майского. Здешняя атмосфера суха, пыльна неимоверна. Женатые люди имеют более нужды в дружбе, нежели холостые. Волокитство доставляет молодому свободному человеку почти везде небольшое рассеяние: он переливает из пустого в порожнее с какой-нибудь пригожей дурой, и горя ему мало. Человек же семейный уже не способен к этой ребяческой забаве; ему нужна лучшая пища, ему необходим бодрый товарищ, равносильный ему умом и сердцем, любезный сам по себе, а не по мелочным отношениям мелочного самолюбия. Приезжай к нам, мой милый Путята, ты подаришь меня истинно счастливыми минутами. Прощай, прости великодушно мою лень и прочие мои недостатки. Люби меня за то, что я люблю тебя душевно. Твой — Е. Боратынский. — Адрес мой: На Никитской, у прихода Малого Вознесения, дом Энгельгардта. — Я пришлю Магдалине <А. Ф. Закревской> экземпляр <«Стихотворения Евгения Баратынского»>, но не поздно ли? Доставил ли тебе Дельвиг экземпляр от меня?»

Путята 1867. Ст. 277—278 (без постскриптума); Изд. 1951. С. 490—491 (полностью). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 30—30 об. Датируется по упомянутому назначению Закревского министром внутренних дел (апр. 1828). Замечания Путяты на Изд. 1827, о которых упоминает Боратынский, неизвестны.

АПРЕЛЬ, 13. Москва. Прошение в Московский цензурный Комитет от поручика Александра Тернберга, «жительство имеющего в Головинском дворце»: «На основании § 50 Высочайше утвержденного в 10 день Июня 1826 года Устава о цензуре, имею честь представить <...> на рассмотрение портрет Баратынского для литографирования с представлением позволения г. Баратынского, который предполагаю издать в свет в числе 250 печатных экземпляров. При сем согласно с § 52 Устава о цензуре долгом поставляю приложить письменное удостоверение в том, что право собственности на издание означенного портрета приобретено мною законным образом». — К прошению приложена писарская копия письма Боратынского Тернбергу: «Милостивый государь Александр Францович! — Желание ваше напечатать мой портрет мне слишком лестно, чтобы я думал и вздумал ему противиться. Охотно даю согласие требуемое цензурою и почитая себя много обязанным вашим дружеским вниманием, честь имею быть и проч. — Евгений Баратынский. — 1828 года Апреля 13 дн.».

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 27. Л. 3—4. Публикация Е. Э. Ляминой. Фрагмент записки Боратынского опубл.: *Клейменова Р. Н.* Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991. С. 123.

АПРЕЛЬ, 27. Москва. Прошение в Московский цензурный Комитет от содержателя литографии Г. Н. Бартольда: «На основании §§ 71-го и 75-го Высочай-

ше утвержденного в 10-й день Июня 1826 года Устава о Цензуре, честь имею представить <...> по семи экземпляров отлитографированного портрета Баратынского в моей литографии, вместе с рассмотренным цензурою подлинником <...> Покорнейше прошу <...> по сличении отлитографированного экземпляра с подлинником выдать мне письменное позволение на выпуск в свет помянутого портрета».

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 28. Л. 19 (с канцелярской пометой: «билет получил 27 апреля человек Полевого»). Публикация Е. Э. Ляминой.

АПРЕЛЬ—МАЙ. Москва. Родилась вторая дочь Боратынского — Екатерина; названа в память покойной матери Настасьи Львовны — Екатерины Петровны Энгельгардт.

Датируется по содержанию нижеследующего письма.

МАЙ. Москва. Письмо Настасьи Львовны к В. А. Боратынской в Мару (на фр. яз.; без даты). Перевод: «Я не писала к вам со времени моих родов, милая Варенька, но у меня было много беспокойств разного рода, и то благодаря Натали <сестра Боратынского, жившая тогда в Москве> я избавлена от части хозяйственных забот, ибо папенька уехал вместе с Софи в Мураново, а мы здесь дожидаемся, пока я смогу выезжать. <...> Евгения должны награвировать в «Северных цветах» <см. выше: апр., 13, 27 и далее: дек., до 4>, и для этого с него недавно написали портрет, на который нужно долго смотреть — с первого взгляда не находишь ни малейшего сходства. Этот портрет исполнен каким-то глухонемым, и представьте себе наше удивление, когда Натали заговорила с ним на его языке, то есть с помощью жестов. <...> Муравьев также едет на войну, а Пушкину отказано: Государь сказал, что в этой кампании добровольцев не надобно. Пушкин сочинил новые стихи к Государю, которые еще не напечатаны <«Друзьям»>; говорят, он получил пенсион в десять тысяч рублей <...>».

РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 426. Л. 3—4 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Письмо датируется по упоминаниям о Пушкине: 5 марта 1828 А. Х. Бенкендорф сообщал Пушкину о мнении Николая I насчет стих. «Друзьям», 20 апр. 1828 — об отказе в просьбе Пушкина отправиться на русско-турецкую войну (*Пушкин*. Ак. Т. 14. С. 6, 11). Литографию с портрета неизвестного нам живописца выполнил А. Ф. Тернберг (?) (см. выше: апр., 13; 27). Это письмо Настасьи Львовны позволяет датировать примерное время рождения второй дочери Боратынских (см. пред. дату).

АВГУСТ, 21. Москва. Записка А. Я. Булгакова Боратынскому: «Доставляя вам письмо от Вяземского <это письмо неизвестно>, не могу не благодарить вас чувствительно за память обо мне и за собрание московских ваших стихов. Кому дано в удел писать, а кому читать. Пишите, не ленитесь, а за чтецов я вам ручаюсь. Пишите, навеки преданнейший — А. Булгаков. — 21 авг.».

ПД. № 21.744. Л. 1.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, начало месяца. В Москве Дельвиг с женой.

СЕНТЯБРЬ, вторая половина. Москва. Письмо Сергея Боратынского к сестре Варваре в Мару; в письме сообщается эпитафия Евгения Боратынского «Мой старый пес! Ты псом окончил век!..».

Фризман 1968. С. 251 (постскриптум письма с текстом эпитафии); *Хетсо*. С. 586—587 (полный текст письма на фр. яз.). В обоих изд. авторство письма приписано Е. Боратынскому. Однако, как установила Е. Э. Лямина, в автографе (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 418) отчетливая подпись: S. Baratinsky; к тому же почерк и во французском тексте письма, и в написанном на рус. яз. постскриптуме соответствует почерку отнюдь не Евгения, а Сергея Боратынского. Наша датировка определяется словами из самого письма: «<...> Скажи Натали, чтобы она написала баронессе — та уже спрашивала у меня, получил ли я ответ на мое

письмо с ее припиской <...>» (перевод с фр.). Баронесса — это жена Дельвига София Михайловна; делать какую-либо приписку к письму С. Боратынского, ждать на нее ответ и спрашивать о нем через какое-то время она могла только во второй половине сентября 1828 г., когда жила вместе с мужем в Москве уже более двух недель (время доставки писем из Москвы в Мару около недели). Датировка этого письма временем других приездов Дельвигов в Москву невозможна: в конце янв. — нач. февр. 1828 г. они были в Москве несколько дней (и значит, ждать ответа на свою приписку С. М. Дельвиг не могла); во время приезда Дельвигов в Москву в янв. 1830 в Москве не было Евгения Боратынского — он находился тогда в Маре и участвовал в приготовлениях свадьбы сестры Варвары (значит, нельзя предполагать, что брат Сергей посылал из Москвы в Мару текст его эпитафии Буффону).

СЕНТЯБРЬ, между 18 и 25. Москва. Вяземский — Пушкину в Петербург: «<...> Мы на днях занимались текущей словесностью у Полевого с Дельвигом и Баратынским. Тут был цензор <С. Н.> Глинка, который уморителен и стоит Снегирева, отказывается от Минина, Пожарского и Гермогена и говорит: «Черт знает, за что наклепали на меня какую-то любовь к отечеству: черт бы ее взял!» и тому подобное. Он нас смешил чрезвычайно <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 28.

ОКТЯБРЬ, первые дни. Москва. Боратынский отдает уезжающему в Петербург Дельвигу беловые рукописи своих поэм **«Бал»** и **«Переселение душ»**. Видимо, тогда же Дельвиг получил для «Северных цветов» на 1829 год и мелкие стихотворения Боратынского: **«Как ревностно ты сам себя дурачишь!..»; «Старательно мы наблюдаем свет...»; «Мой дар убог и голос мой не громок...»; «Глупцы не чужды вдохновенья...»; «Не подражай: своеобразен гений...»; «Деревня» («Люблю деревню я и лето...»); «Смерть. Подражание А. Шенье» («Под бурею судеб унылый, часто я ...»); «Старик» («Венчали розы, розы Леля...»).** — Еще одно стихотворение для «Северных цветов» — «Бесенок» — было прислано Дельвигу в середине декабря (см.: дек., 18). Кроме перечисленных Дельвиг взял у Боратынского еще два каких-то стихотворения («Фею» (?); «Нет, обманула вас молва...» (?); «Сердечным нежным языком...» (?)), но Боратынский воспротивился их публикации (см. далее: дек., до 4).

Вульф. Изд. 1994. С. 278: «Из Москвы он <Дельвиг> привез Бальный вечер и сказку <«Переселение душ»> Баратынского, которые он скоро тиснет» (запись от 8 окт. 1828).

ОКТЯБРЬ, 7. Петербург. «<...> вечером приехал барон Дельвиг из Москвы после 9-месячного отсутствия».

Вульф. Изд. 1994. С. 278.

ОКТЯБРЬ, между 8 и 19. Петербург. Дельвиг показывает Пушкину беловую рукопись «Бала», и тот, может быть, именно в это время делает новый набросок статьи о Боратынском (неосуществленная рецензия): «Наши поэты не могут пожаловаться...» (принятое редакторское название: «“Бал” Баратынского»):

«<...> Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностию журналов. Оттого ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действует на толпу, чем преувеличение <...> модной поэзии, потому ли, что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной, — как бы то ни было, критики изъявляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие, или даже неприязненное расположение. Не упоминая уже об известных шуточках покойного «Благонамеренного», известного весельчака <см. 1822, осень>, заметим, для назидания молодых писателей, что появление «Эды», произведения столь замечательного оригинальной своей простотой, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, — появление «Эды» подало только повод к неприличной статейке в «Северной пчеле» <см. 1826, февр., 16> и слабому возражению, кажется, в «Московском телеграфе» <см. 1826, апр., 1>. Как отозвался «Московский вестник» об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! <см. 1928, янв., 9>.

Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался — последние его произведения являются плодами зрелого таланта. Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее. — Его последняя поэма «Бал», напечатанная в «Северных цветах», подтверждает наше мнение. Сие блестящее произведение исполнено красот и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединяет в быстром рассказе тон шутливый и страстный, метафизику и поэзию <...>».

Пушкин. Ак. Т. 11. С. 74—75. Датировка этого наброска 8—19 окт. определяется тем, что до возвращения Дельвига (7 окт., вечер) Пушкин мог читать либо раннюю редакцию поэмы в рукописи, либо фрагменты, опубликованные в МТ (см. 1827, янв., 3) и в СЦ 1828 (см. 1827, дек. 3); но Пушкин цитирует поэму явно по беловой редакции (см. цитаты в его заметках: «Гусар крутит свои усы, // Писатель чопорно острится <...> Под гул порывистый смычков» — ср. в МТ: «Герой крутит свои усы, // Политик чопорно острится <...> Под гул порывистых смычков») и называет ее окончательным именем: «Бал» (а не «Бальный вечер», как именовал ее Боратынский прежде). — 19 окт. Пушкин уехал из Пб. в Малинники; вряд ли он успел сделать себе отдельную копию «Бала» с рукописи, привезенной Дельвигом; да и зачем ему надо было делать копию, если он знал, что «Бал» скоро будет напечатан? Значит, Пушкин скорее всего набросал свою рецензию до отъезда в Малинники.

ОКТЯБРЬ, около 9 (?). Петербург. Пушкин переписывает набело 2-ю песнь «Полтавы»; в черновой рукописи сделан рисунок профиля Баратынского.

Цявловская 1986. С. 205—208 (здесь рисунок датирован концом октября 1828); сомнения в адекватной атрибуции этого портрета см.: *Загвозкина* 1983. С. 37—46.

ОКТЯБРЬ, 14. Петербург. А. Н. Вульф: «<...> вечер провел с Дельвигом и Пушкиным. Говорили об том и другом, а в особенности об Баратынском и Грибоедова комедии «Горе от ума» <...>».

Вульф. Изд. 1994. С. 279.

ОКТЯБРЬ, 15. Москва. Вяземский — А. И. Тургеневу в Париж: «<...> в «Северных Цветах» <...> будет <...> прекрасно рассказанная сказка Боратынского <«Переселение душ»>, который кончил также и свой «Бальный вечер». Чем более вижусь с Боратынским, тем более люблю его за чувства, за ум, удивительно тонкий и глубокий, раздробительный. Возьми его врасплох, как хочешь: везде и всегда найдешь его с новою своею мыслью, с собственным воззрением на предмет. Сегодня разговорились мы с ним о Филарете <митрополит московский>, к которому возит его тесть Энгельгардт. Он говорит, что ему Филарет и вообще наши монахи сановные напоминают всегда что-то женское: ряса как юпка и в обращении какое-то кокетство, игра затверженной роли, и прочее. Мне кажется это замечание удивительно верно <...>».

ОА. Т. 3. С. 179—180.

ОКТЯБРЬ, 20-е числа — НОЯБРЬ, начало месяца. Малинники Тверской губ. Пушкин пишет Боратынскому в Москву (письмо не сохранилось; известно лишь, что Пушкин писал о «Бале» и был недоволен речью мамушки — см. далее: ноябрь, середина; дек., 4).

ОКТЯБРЬ, 31. Петербург. Ценз. разр. поэме **«Бал»**; может быть, тогда же через цензуру прошли и другие стихи Боратынского, предназначенные для «Северных цветов» (см. выше: окт., первые дни и далее: ноябрь, 3).

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, начало месяца. Москва. Боратынский пишет стих. **«Смерть» («О смерть! Твое именованье...»).**

НОЯБРЬ, 3. Петербург. Дельвиг читает Вульфу «цензурой пропущенные стихи Пушкина, Баратынского, свои и Вронченкины, которые будут помещены в Северных Цветах».

Вульф. Изд. 1994. С. 284.

НОЯБРЬ, середина месяца. Малинники. Пушкин — Дельвигу в Петербург: «<...> Жду ответа от Баратынского <...>». — См. выше: окт., 20-е числа — ноябрь, нач.

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 34.

НОЯБРЬ, до 27. Петербург. Цензура не пропускает две строки из стих. Боратынского «Не подражай: своеобразен гений...». — См. след. дату.

НОЯБРЬ, 27. Петербург. О. М. Сомов — цензору «Северных цветов» К. С. Сербиновичу: «<...> Я хотел просить вашего разрешения двум следующим стихам Баратынского, коих вы не пропустили; мне кажется, что высокий предмет оправдывает в них поэта и никак их даже самый строгий из людей духовного звания не сочтет кощунством». — Далее см.: дек., 4.

Вацуро. 1969. С. 290. Строки из стих. «Не подражай: своеобразен гений...»: «С Израилем певцу один закон: // Да не творит себе кумира он», — были пропущены и опубл. в СЦ 1829.

ДЕКАБРЬ, 3. Москва. День рождения З. А. Волконской, по какому случаю написаны **«Куплеты на день рождения княгини Зинаиды Волконской в Понедельник 3 декабря 1828 года, сочиненные в Москве: кн. П. А. Вяземским, Е. А. Боратынским, С. П. Шевыревым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевским»** («Друзья! теперь виденья в моде...»). Др. ред. нет.

Волконская 1865. С. 155—157.

ДЕКАБРЬ, 3. Петербург. Дельвиг — Пушкину в Москву или в Малинники: «<...> желаю тебя поскорее увидеть и вместе с Баратынским, который, если согласится ехать в Петербург, найдет меня в оном. <...> «Бал» отпечатан, в пятницу <7 декабря> будет продаваться <...>».

Дельвиг. Изд. 1986. С. 333.

ДЕКАБРЬ, до 4. Москва. Боратынский получает от Дельвига письмо (не сохранилось), в котором тот сообщает, что хотел бы напечатать в «Северных цветах» без подписи два стихотворения Боратынского (которых Боратынский просил не публиковать вовсе; одно из них — видимо: «Сердечным, нежным языком...» — см. 1830, февр., 20). Боратынский пишет ответ: «Нет, душа моя Дельвиг: исключение фамилии и исключение пьес не все равно. Я читал их некоторым, ты, вероятно, тоже, следственно, автор будет известен, и у каждого на языке естественный вопрос: для чего вы скрыли ваше имя? Верно потому-то и потому-то. Потешь меня, мой ангел, уничтожь вовсе эти две пьесы. Я тебе в замену пришлю на будущей неделе новое стихотворение под названием «Бесенок»: ежели не затейливо творение, то заглавие задорно <см. далее: дек., до 18>. «Северные цветы» твои будут великолепны. Приложишь ли мой портрет, как имел намерение? Признаюсь, это было бы приятно моему самолюбию. Что ты помещаешь в Цветах? «Последнюю эпоху Золотого века» или что другое? Надеюсь, что первое. Я получил письмо от Пушкина, в котором он мне говорит несколько слов о моем «Бале». Ему, как тебе, не нравится речь мамушки. Не защищаю ее; но желал бы знать, почему именно она не хороша, ибо, чтобы поправить ее, надобно знать, чем грешит она. Ты мне хорошо растолковал комический эффект моей поэмы и утешил меня. Мне бы очень было досадно, ежели б в «Бале» видели одну шутку, но таково должно быть непременно первое впечатление. Сочинения такого рода имеют свойство каламбуров: разница только в том, что в них играют чувствами, а не словами. Кто отгадал настоящее намерение автора, тому и книгу в руки. Кстати об руках; от всей души целую ручку у милой Софьи Михайловны и усердно благодарю ее за попечения о моей Настиньке <нрзбр.>. Я люблю ее как родную сестру, да что об этом и говорить и для чего сравнение. Роднее вас у меня никого нет. Сергею <брату

Боратынского> ничего не стоила укладка (?), и так об этом не беспокойся. Ширяев «Двойника» <А. А. Перовского-Погорельского> доставил и получил от него расписку. Прощай, мой милый Дельвиг: усердно поклонись от меня Гнедичу. Все собираюсь к нему писать, да как-то не удается. Обнимаю тебя — Е. Боратынский. — P.S. Сделай милость, не упрямься и выбрось известные пьесы. Тебе это ничего не стоит, а для меня очень важно. — Его Высокоблагородию Барону Антону Антоновичу Дельвигу в С. П.бург. На Владимирской, в дом Алферовский бывший Кувшинникова».

ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 83 (с пропусками); *Хетсо*. С. 591—592 (полный текст; датировка: окт. — нач. ноября 1828). Уточнение даты — по почтовому штемпелю: «Дек. 4» (ПД. № 13.936). Портрета Боратынского Дельвиг почему-то не поместил. Идиллия «Конец золотого века» была опубл. в собр. стих. Дельвига — см. 1829, апр., до 13.

ДЕКАБРЬ, 4. Петербург. Выдан ценз. билет на выпуск **«Бала»**. См. далее: дек., между 7 и 14.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 261. Л. 2 (дата).

ДЕКАБРЬ, 4. Петербург. На заседании Цензурного комитета среди прочих вопросов обсужден и тот, о котором просил Сомов (см. выше: ноябрь, 27), строки об Израиле и певце допущены к печати.

Вацуро 1969. С. 290.

ДЕКАБРЬ, 6. В Москву из Малинников приехал Пушкин — до 5—7 января следующего года. Видимо, Боратынский часто видится с ним.

ДЕКАБРЬ, между 7 и 14. Петербург. Поступили в продажу **«Две повести в стихах»** (СПб., 1828) — переплетенные под одной обложкой **«Бал. Повесть, сочинение Евгения Баратынского**. СПб., 1828» и «Граф Нулин. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1827».

«Граф Нулин» был напечатан в прошлом году в «Северных цветах» на 1828 г. плюс отдельным изданием. Но это издание было придержано Дельвигом, чтобы оно не мешало продаже «Северных цветов». Остатки нераспроданного тиража были сброшюрованы в конце ноября — начале декабря с только что отпечатанным «Балом». — Обосн. даты: Дельвиг обещал, что «Бал» поступит в продажу 7 дек. (см. его письмо выше: дек. 3); 14 дек. получила ценз. разр. «Северная пчела» с объявлением о продаже «Двух повестей» (см. далее: дек., 15). См. также: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 192—200.

ДЕКАБРЬ, 15. Петербург. Вышла «Северная пчела» (1828. № 150; ценз. разр. 14 дек.) с объявлением о выходе «Двух повестей в стихах»:

«Продается у А. Ф. Смирдина, И. В. Сленина и других санктпетербургских книгопродавцев; в Москве у А. С. Ширяева. Цена 6 руб., а в Москве и других городах 7 р. <...>. Прекрасная анекдотическая поэма Баратынского «Бал», из коей отрывки помещены были в «Северных цветах» и «Московском телеграфе», ныне является вполне, вместе с повестью Пушкина «Граф Нулин». <...> Строгие моралисты могут здесь найти следующий наставительный для нравственности урок: человек, привыкший гоняться за суетностью в вихре большого света, не подкрепляемый ни верою, ни правилами, считает все свое благо в пустой мечте и в угождении своим прихотям; с потерею обольщающих его призраков он гибнет, не оставляя по себе ни сожаления, ни соучастия. Так вел и так заключил Поэт наш повесть Княгини <...>. — Многие черты местные и современные, описание бала, туалет княгини, похороны ея и пр. списаны верною мастерскою кистью поэта-наблюдателя. Стихосложение свободное и звучное; множество прекрасных западающих в память стихов, движение и живость рассказа и счастливая способность поэта рисовать воображению читателя, часто одним словом, предмет в настоящем и полном его виде. Вот в чем должны согласиться самые строгие критики, прочитав сие новое произведение Баратынского».

ДЕКАБРЬ, вторая половина. Москва. Боратынский получает из Петербурга экземпляры «Двух повестей в стихах». Среди тех, кому он дарит книгу, —

С. Л. Энгельгардт, младшая сестра его жены; на ее экземпляре — стихотворное посвящение: **«Тебе ль, невинной и спокойной...»** (опубл. под загл. «При посылке “Бала” С. Э.» в Изд. 1835).

Автограф находился в домашней библиотеке К. В. Пигарева (см. *Фризман* 1982. С. 139).

ДЕКАБРЬ, до 18. Петербург. Дельвиг и Сомов получают от Боратынского из Москвы еще один текст для «Северных цветов» — стих. **«Бесенок»** — См. след. дату.

ДЕКАБРЬ, 18. Петербург. О. М. Сомов — цензору «Северных цветов» К. С. Сербиновичу: «Еще к вам просьба, милостивый государь Константин Сергеевич! Оградите знамением «Бесенка» Баратынского <опубл.: СЦ 1829 — см.: 1828, дек., 27>, который, право, добрый малый, несмотря на чертовское свое имя, и, кажется, земное его название должно быть или воображение или мечта».

Вацуро 1969. С. 291.

ДЕКАБРЬ, 19. Москва. Ценз. разр. «Московскому вестнику» (1829. Ч. 1; вышел 2 янв.) со стих. **«Смерть» («О смерть! твое именованье...»)** (С. 45—46; подпись *Баратынскій*). Др. ред.: «Тебя из тьмы не изведу я...» — Изд. 1835.

ДЕКАБРЬ, 19. Москва. Вяземский — жене В. Ф. Вяземской о стих. Боратынского «Смерть»: «<...> Твоя критика на Боратынского слишком христианская, а в его стихах нет философии христианской: он на смерть смотрит совсем не христианскими глазами. И потому примеры, приведенные им, не должны казаться неуместными. Фивские братья и Федра тут представители двух идей, двух страстей: ненависти и любви исступленной, примеры эти всем знакомы и, следовательно, более кстати, чем другие. Впрочем, чтобы потешить тебя, скажу, что Пушкин с тобою согласен. Я вчера говорил ему и Боратынскому о твоем замечании, мы были одного мнения, а он твоего. Какое же хочешь слово другое, а не *пестрота*, когда говорится о *краске жизни беспокойной*, c’est le mot prorpre <это подходящее слово>, и тем слово и разительно, а с прилагательным *невоздержной* оно полно поэзии <...>».

ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 85. Предыдущее письмо Вяземского к жене, в котором он посылал ей текст «Смерти», и ответ на него В. Ф. Вяземской — неизвестны.

ДЕКАБРЬ, 27. Петербург. Ценз. разр. «Северным цветам» на 1829 г. (вышли до нового года) со стих.: **«Переселение душ. (Сказка)»** (С. 13—27; подпись *Баратынскій*; с изменениями перепечатано: Изд. 1835); **«Смерть (Подражание А. Шенье)» («Под бурею судеб унылый, часто я...»)** (С. 46; подпись *Баратынскій*; с разночтением и под заглавием «Из А. Шенье» перепечатано: Изд. 1835); **«Деревня» («Люблю деревню я и лето...»)** (С. 59—60; подпись *Баратынскій*; перепечатано без загл. в Изд. 1835); **«Старик» («Венчали розы, розы Леля...»)** (С. 64; без подписи; в оглавлении подпись означена звездочкой: *; перепечатано без изменений в Изд. 1835); **«Антологические стихотворения»**: 1. **«Как ревностно ты сам себя дурачишь...»** (С. 170); 2. **«Старательно мы наблюдаем свет...»** (С. 170—171); 3. **«Мой дар убог и голос мой негромок...»** (С. 171); 4. **«Глупцы не чужды вдохновенья...»** (С. 171); 5. **«Не подражай: своеобразен гений...»** (С. 172) (подпись под всем циклом *Е. Баратынскій*) (все тексты перепечатаны без общего заглавия в Изд. 1835; стих. № 1 и 3 — с разночтениями; разночтения в стих. № 2 см.: Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 233; в стих. № 3 — в Изд. 1884. Прил. С. 30); **«Бесенок» («Слыхал я, добрые друзья...»)** (С. 187—189; подпись *Баратынскій*; с разночтениями и без загл. перепечатано в Изд. 1835). — В тех же «Северных цветах» — «Обзор российской словесности за 1828 г.» О. М. Сомова; здесь вспоминается отзыв Шевырева о стихах Боратынского (см. 1828, янв., 9) и, в частности, говорится:

«<...> Как оценены были стихотворения Баратынского, одно из приятнейших явлений в русской поэзии? <...> Здесь или явное нежелание признать достоинства поэта или

умышленное недоразумение. Неужели только это и можно было сказать о поэзии Баратынского? Так позволительно судить о произведениях какого-нибудь недозрелого юноши с недозрелым талантом. Певец Эды, Пиров, Финляндии, творец многих элегий, дышащих чувством истинным и глубоким, и посланий, блестящих остроумием свободным и неподдельным, достоин был, чтобы, говоря о произведениях его, критик взвешивал слова свои с большею осторожностию и отчетливостию, а не распространялся об одном механизме стихов, которые не составляют главного совершенства поэзии Баратынского» (С. 16—17).

Альманах поступил в продажу еще до нового 1829 г. (см. *Синявский, Цявловский* 1938. С. 57).

1829—1833

Боратынский сближается с И. В. Киреевским (см. 1829, янв., 29); к 1829—1833 гг. относятся следующие недатированные его записки к Киреевскому:

«Разговор, оживленный истинным разговорным вдохновением, то есть взаимною доверенностию и совершенною свободою, столь же мало похож на обыкновенную светскую перемолвку, сколько дружеское письмо на поздравительное. Разумеется, что он тем будет полнее, чем разговаривающие более чувствовали, более мыслили и чем более у них сведений всякого рода. Возможно полный разговор требует тех же качеств, как и возможно хорошая книга. Автор берет лист бумаги и старается наполнить его как можно лучше: разговаривающие желают как можно лучше наполнить известный промежуток времени, и тем же самым изделием. Надобно прибавить, что ежели нужно дарование для выражения письменного, оно нужно и для словесного. Дарование это совершенно особенно. Автор углубляется в свою собственную мысль, стараясь удалить от себя все постороннее; разговаривающий ловит чужую и возносится на ее крыльях. Что развлекает первого, то второму служит вдохновением. Тот же ум, то же чувство, особенным образом разгоряченные, проявляются в быстром обмене слов, с красою, с физиономиею, отличною от красоты их и физиономии на бумаге. Все предметы разговора равны, ибо все имеют непременную связь между собою и человека мыслящего ведут к одному общему вопросу. Обозревать его можно различно, и потому, сверх первых обыкновенных условий разговора, я прибавлю искреннюю, религиозную любовь к истине, сколько возможно ослабляющую упорную и самолюбивую привязчивость к нашим мнениям потому только, что они наши. Еще два слова: разговор, о коем я говорю, — дитя какого-то душевного брака и требует между разговаривающими сочувствия, взаимного уважения, без которых он не заключится, и следственно, не принесет своего плода — возможно полного разговора».

ТС. С. 57—58. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 93—94 об.

«Каков ты, милый Киреевский? Мы очень боимся, не простудился ли ты вчера. Человек наш сказывал, что ты без шинели отыскивал жену мою, которая тебе очень, очень признательна за попечения твои о ней. Напиши мне слова два и успокой нас обоих. — Е. Боратынский».

ТС. С. 56. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 22.

«Мне лучше, но я еще не совсем здоров и не знаю, когда мне удастся побывать у тебя. Навести меня, мой милый: поговорим о Семеновой да еще кой о чем. Поклонись от меня батюшке и матушке поцелуй ручку. Жена моя тебе и ей усердно кланяется».

ТС. С. 56—57. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 20.

К 1829—1833 гг. относится и записка Боратынского к А. А. Елагину (без даты): «Поздравляю вас, почтенный Алексей Андреевич, с именинами Авдотьи Петровны, очень жалея, что не могу быть у вас сегодня вечером. Я дал вам слово, не сообразив, что первого марта именинница также старуха Пашкова <Евдокия Николаевна>, к которой мы с женою приглашены заранее. Не позже завтраго лично засвидетельствую вам мое почтение. — Е. Боратынский».

Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 334—336 (публикация В. Э. Вацуро). На записке адрес: «Алексею Андреевичу Елагину. У Арбатских ворот в доме Савича». Записка могла быть написана 1 марта (именины А. П. Елагиной и Е. Н. Пашковой) 1829, или 1831, или 1833 гг. — именно в эти годы Боратынский находился в Москве в марте месяце, но не ранее 1829 г. (время сближения с Киреевскими и Елагиными) и не позднее 1833 г. (в 1834 г. отношения с ними были прерваны).

1829

Боратынский живет в Москве — до конца сентября (летом — в Муранове); с октября — в Маре.

ЯНВАРЬ, 1. Москва. Вяземский — А. И. Тургеневу в Париж: «<...> Нужды нет, что я уже не участвую в журнале <в «Московском телеграфе»>, давай мне материалов; тем более, что мы хотим с Баратынским издать род Литературных современных записок, или трудов наших, не в виде журнала, не в виде альманаха, а так, как Бог приведет. Что напишется у нас в три, четыре месяца, соберем и тиснем <...>. — Баратынский послал тебе свои сочинения и письмо с княгинею Зенеидою <Волконской>. Чем более знаю Боратынского, тем более ценю его ум и сердце. Жаль его оторвать от поэзии, но жаль и прозу нашу лишить его. Он, без сомнения, одна из самых открытых голов у нас: солнце так и ударяет в нее прямо <...>».

АбТ. Вып. 6. С. 77. Письмо Боратынского к А. И. Тургеневу неизвестно.

ЯНВАРЬ, 2. Москва. Вышел 1-й № нового журнала «Атеней» (1829. Ч. 1. Январь. Ценз. разр. 14. дек. 1828) с рецензией М. А. Дмитриева на «Две повести в стихах» (С. 79—85; подпись *В.*) с весьма скептической оценкой «Бала»:

«<...> Если бы кто-нибудь предложил поэту описать женщину, утратившую невозвратно стыд и добродетель и в то же время всею силою души влюбленную, сомневаюсь, чтобы он нашел тут дело для поэзии. Он сказал бы, может быть, что в женщине, которая «Презренья к мнению полна, // Над добродетелию женской» смеется, «Как над ужимкой деревенской» едва ли поселится чувство привязанности прочной, исключительной. Он не поверит, чтобы женщина, которая нахально «На грудь роскошную свою // звала счастливца молодого» и при всем том «Ласкала в упоеньи // Одно видение свое», которая «Смеется сердца забытью», могла влюбиться до того, что сентиментально предлагает Арсению *бежать*, твердя, что «Там безвестно, далеко // Ты будешь полный мой владыка», а еще менее почтем сбыточным, чтобы подобная Лаиса отравилась от потери какого-нибудь Арсения. — Таково, однако ж, содержание в стихотворении «Бал» <...>. Без шуток, надобно иметь отличный талант Баратынского, чтоб из подобных невероятностей сделать что-нибудь годное для чтения <...>» (С. 79—81).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 3 об. (дата).

ЯНВАРЬ, 4. Москва. Вышел «Московский вестник» (1829. Ч. 1; ценз. разр. 19 дек. 1828) со стих. Боратынского **«Смерть» («О смерть! Твое именованье...»)**. — В этом же номере журнала — стих. Пушкина, адресованное Боратынскому (написано: 1826, февр., 20-е числа — март): «К...» («Стих каждый в повести твоей...») (С. 108).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 37. Л. 4 об. (дата).

ЯНВАРЬ, 4. Москва. Ценз. разр. «Вестнику Европы» (1829. Январь) с началом рецензии Надеждина на «Две повести в стихах» Боратынского и Пушкина (С. 151—171; подпись: *С Патриарших прудов*; первая часть рецензии посвящена «Балу»; вторая часть, помещенная в февральском № «Вестника Европы» (С. 215—230), — «Графу Нулину»):

«<...> С первого взгляда на сие chef-d'oeuvre галантерейной нашей литературы, нельзя не полюбоваться дружеским союзом, заключенным так кстати между *Балом* и *Графом Нулиным* <...>. Вероятно, этот союз происходит от того, что *Граф Нулин*, как человек светской, никак не может обойтись без *Бала* <...>. Кропотливые старики обыкновенно начинали, бывало, свои разборы мелочным и педантичным разысканием о *роде*, под который надобно было бы подвести разбираемое произведение <...>. В нынешние времена это, кажется,— стара штука! После того, как самозаконные гении, закусив узду правил, пустилися *со всех четырех ног, на славу, не взвидя света, ни дорог*, смешно и совестно было бы измерять циркулем и подводить под мафематические формулы бурный бег их. Произведения подобных гениев всегда бывают *из рода вон*. А ни один еще Кювье не составил доселе полной систематической классификации для всех *выродков*, которых произведением иногда бывает угодно забавляться Природе. — Равномерно, мы сделали бы ужасный литературный анахронизм, вздумав искать в разбираемых нами повестях *идеи*, которая составляла бы их есфетическую <эстетическую> душу <...>. Это значило бы искать *порожнего места* <...> Начнем с «Бала»!.. Да не подумает кто, будто бы в етой повести хотят нам точить балы! Содержание ея есть самое трагическое: и мы, не быв Мустын-Еддынами, можем предсказать смело, что сия небольшая поемка не умедлит одушевить вдохновением наших Шакспиров и Калдеронов. Ея Сиятельство, Княгиня Нина, покинутая неким Арсением ради некоей Олиньки, отравляется: какой богатый сюжет для антиклассической Мельпомены!.. Хотите ли ознакомиться покороче с характерами лиц, разыгрывающих сию высокопатетическую драму?.. Огненный резец поэта обозначил их яркими чертами. Княгиня Нина есть олицетворенный идеал беспредельной ненасытимости в наслаждениях, прорывающий тесные рамы стыда и добродетели, идеал, до которого не досягали Лаисы и Ниноны <...>. — Рядом с Ниною на пьедестальчике нашей повести стоит некто Арсений, силует, коего физиономия теряется во мраках мистической неопределенности. Это — как будто кто-то из фамилии Онегиных <...>. — Поэт поскупился красками для изображения других лиц <...>. — Займемся же теперь музыкальною стороною «Бала»! Не беремся отыскивать, в каком тоне поэтической гаммы аранжирована сия поэма: за нею не угоняешься: она переливается фугою по всем тонам, диезам и бемолям. Таково свойство гениальных произведений. Можно только заметить, что певец «Бала» любит искусственные диссонансы. По праву гениального деспотизма, он дразнит и тиранит угрюмый вкус нарочно (кажется) произведенною дисгармониею». — Финальные строки рецензии, подытоживающие взгляд Надеждина на поэмы Боратынского и Пушкина, таковы: «Это суть прыщики на лице вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрелы» (С. 230).

ЯНВАРЬ, 5 или 7. Утро. Москва. Пушкин перед отъездом в Старицу завтракает с Боратынским и посылает записку к Вяземскому: «Баратынский у меня — я еду часа через 3. Обеда не дождусь, а будет у нас завтрак в роде en petit couragé <в роде маленького поощрения; а по-другому: немного навеселе — игра слов>. Постараемся напиться не en grand cordonnier, как сапожники — а так, чтоб быть en petit couragé, под куражем. Приезжай, мой ангел».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 37.

ЯНВАРЬ, 5. Москва. Ценз. разр. «Московскому телеграфу» (1828. Ч. 24. № 24) с рецензией Н. Полевого на «Бал» (С. 475—480):

«Читателям известен был талант Баратынского по его стихотворениям мелким и поэме «Эда». Новая поэма его доказывает, что с той степени, на которой был он доныне в современной русской литературе, сделан им шаг и весьма значительный. «Смерть последнего человека» (помещенная в «Северных цветах» <на 1828 г. — т. е. «Последняя смерть»; см. 1827, дек., 22>) и «Бал» суть творения, показывающие талант Баратынского, в полной

силе, совершенной оригинальности и зрелости. — Бешенство страстей, которые тревожат от времени до времени стоячие воды тихого и огромного озера, называемого «большим светом», дало поэту нашему основание его творения, а пестрота подробностей, однообразие главных форм, противоречие светской жизни с природою, дали ему краски блестящие, поразительные. <...> — Характеры, положения лиц, мелкая живопись предметов превосходны. Огонь поэзии освещает темную лампу светской жизни и ярко отражает изображения на оной». — Далее следует одобрительный пересказ «Бала» с цитатами из текста поэмы и заключительным восклицанием: «Как это живо, верно схвачено с природы!»

ЯНВАРЬ, 6. Москва. Ценз. разр. «Галатее» (1829. Ч. 1. № 2) со стих. **«В Альбом» («Альбом, заметить не грешно...»)** (С. 90—91; подпись *Баратынскій*). Др. ред.: «По замечанью моему...» — Изд. 1835; «Альбом походит на кладбище...» — Изд. 1884.— Опубл. тексты стихотворения являются вариантами записи в альбоме К. К. Яниш (в будущем Павловой): «Когда заметить не грешно...», сделанной, видимо, в 1828 г.

Фридкин 1987. С. 144 (факсимиле автографа, хранящегося в Нац. библиотеке в Берлине), 146 (текст). — Откликом на стих. Боратынского стало стих. Жуковского «Поэт наш прав: альбом — кладбище...».

Может быть, к тому же 1828 году, что альбомная запись, относится записка Боратынского к К. К. Яниш (на фр. яз.; без даты): «C'est bien malgré moi, Mademoiselle, que je manque à ma parole...» — Перевод: «Не по своей воле, мадемуазель, я не могу сдержать слова и прийти к вам сегодня. Сильная простуда принуждает оставаться у себя. Мне не терпится от нее избавиться, чтобы насладиться удовольствиями, кои вы сулите и кои я надеюсь истребовать, лишь только стану выходить из дома. Прошу засвидетельствовать мое почтение вашим родителям. — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 589—590 (по автографу — РГАЛИ. Ф. 411. Оп. 1. № 9).

ЯНВАРЬ, 7. Петербург. Вышел «Славянин» (1828. Ч. 8. № 52) с рецензией-объявлением (автор — видимо, Воейков) на «Две повести в стихах»:

«Уведомив читателей о выходе в свет сих прелестных литературных игрушек, сказав имена авторов <...>, нужно ли рассыпать общие похвалы и изношенные фразы, которых в десять минут можно нанизать сотню? <...> Не боясь колких <...> насмешек гг. издателей «Северной Пчелы», говорю просто: это стихотворения А. С. Пушкина и Баратынского» (С. 503).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 261. Л. 9 об. (дата).

ЯНВАРЬ, 19 и 25. Москва. Вышли номера «Дамского журнала» (1829. Ч. 25. № 4; ценз. разр. 17 янв.; № 5; ценз. разр. 22 янв.) с рецензией (Шаликова?) на «Бал» (№ 4. С. 60—64; № 5. С. 79—80):

« <...> с каким же намерением и для какой цели *вымышлен* характер, самый безнравственный, самый бесстыдный, под именем *Княгини* <...>. И неужели такая прелестница, как Нина, в *первый* раз *позднею* порою возвратилась домой? и, подобно *Наталье, боярской дочери* <героине Карамзина>, позволит разболтаться *мамушке*, вздумавшей читать ей проповедь? Тайна в том, что уже нельзя обойтись без *няни*, когда есть няня у *Тани* <в «Евгении Онегине»>. Но какая разница в правдоподобии! <...> «Поэт, который завсегда // По четвергам у них обедал», этот поэт гораздо чувствительнее нашего автора, скропавши, без сомнения, с сердечной, а не с *желудочной тоски* «На смерть ее (?) стишки». На смерть, вероятно, не тоски, а Княгини, которая, вероятно, ласкала поэта, следственно, он исполнил долг благодарности <...> но по какой желудочной причине автор, начавши описывать бал, вдруг забывает о нем и поет на 40 страницах соблазнительную историю женщины, *каких мало*; которая, не имевши во всю жизнь ни одного морального чувства, предпочитает собственную смерть отмщению сопернице; которая столь неожиданно превращается в новую *Лукрецию*;

которая наконец скорее могла бы заставить *поэта* написать стишки на ужасный конец жизни своей, нежели *повесть в стихах* о бесчестном своем существовании? <...>»

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 6 об., 7 об. (даты).

ЯНВАРЬ, 23. Москва. Ценз. разр. «Галатее» (1828. Ч. 1 № 4) с критической репликой о рецензии М. А. Дмитриева на «Бал» в «Атенее» (см. 1828, янв., 2):

«<...> помещенная в первом № рецензия на стихотворение г. Баратынского «Бал» — неосновательна, мелочна и пристрастна. Большая часть читателей прочитала ее с негодованием, другие сердечно пожалели о рецензенте <...>» (С. 210).

ЯНВАРЬ, около 25. Петербург. Пушкин в письме к Вяземскому цитирует строки из стих. Боратынского «Мне с упоением заметным...»: «Я захожу в ваш милый дом, // Как вольнодумец в храм заходит» (сказано в связи с ироническим сопоставлением похода в бордель с намерением Вяземского вступить в службу).

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 38.

ЯНВАРЬ, 29. Москва. И. В. Киреевский — С. А. Соболевскому: «<...> С Барат<ынским> мы сошлись до *ты*. Чем больше его знаешь, тем больше он выигрывает <...>».

ЛН. Т. 16—18 М., 1934. С. 742.

ЯНВАРЬ, 30. Из Москвы в Петербург (для дальнейшего пути в Италию) уезжает Зинаида Волконская. К этому времени, видимо, сочинено стих., посвященное ей, **«Из царства виста и зимы...»**; опубл. Дельвигом и Сомовым в «Подснежнике» — см. далее: февр., 9; апр., 4.

НЛО. № 20. М., 1996. С. 217, 220 (статьи И. Канторович и Н. Сайкиной).

ФЕВРАЛЬ, 3. Петербург. Вышел «Сын отечества и Северный архив» (1829. Ч. 1. № 5) с рецензией на «Две повести в стихах» (С. 270—284), являющейся полемическим ответом «Атенею» (см. выше: янв., 2):

«Русские журналы уже сказали свое мнение о сих двух повестях, особливо о первой <о «Бале»>. Все они отдали справедливость изобретению и поэтическому достоинству повести г. Баратынского, но «Атеней», кажется, решительно объявил себя противником всего, что написано не в правилах школы аристотелевой и г. Критика Атенейского. Он говорит, что «в женщине, утратившей добродетель и всею силою души влюбленной, едва ли найдется дело для поэзии». Мысль совершенно ложная! Не спорим, что есть самозванные поэты, в которых ни добродетели, ни пороки не расшевелят поэзии, но талант истинный, каков талант г. Баратынского, умеет найти и находит поэзию там, где для близоруких его критиков она остается невидимкою. Так напр. Критик «Атенея» находит неестественным, что Нина, увидев портрет девушки, нарисованной Евгением, и наговорив на счет его насмешек, бледнеет и после лишается чувств. Как доказал он знание сердца женского, сердца светской прелестницы, в которой притворство борется с оскорбленным самолюбием и с чувством еще нежнейшим и еще более исключительным — с любовию! Критик «Атенея» находит также, что Нине *некстати* носить на груди колечко с ядом. Жаль, что Княгиня Нина не посоветовалась с г. Критиком о том, что ей кстати или некстати делать; тогда, может быть, вместо колечка с ядом на груди, она носила бы *бонбоньерку* с конфектами в своем ридикюле. <...> Баратынскому не нужно «скликать» читателей, они сами у него являются доброю волею без всякого клича. — <...> Поэма «Бал», в которой г. Критик Атенейский находит одно только истинно пиитическое место (приход мамушки в спальню Княгини), заключает в себе, по единодушному мнению других критиков, многие свежие красоты поэзии, как в новости положений, так и в способе выражения. Характер Нины есть прекрасное создание поэта. <...> — характеры в небольшой сей поэме начертаны мастерскою кистью, описания живы, подробности занимательны, стихи прелестны и многие из них сами собою остаются в памяти».

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 261. Л. 16 об. (дата).

ФЕВРАЛЬ, 8. Москва. Вышла «Галатея» (1829. Ч. 1. № 6; ц. р. 7 февр.). с рецензией на «Северные цветы» на 1829 год (см. 1828, дек., 27), где особо говорится о стихах Боратынского:

«<...> «Переселение душ», сказка Баратынского, есть одно из примечательнейших стихотворений сего альманаха. Достоинство его заключается не столько в содержании, сколько в пленительной поэтической форме рассказа, которая, впрочем, есть отличительное, главное преимущество сказки. Описание пирамид и великолепия пира свадебного прекрасно; но самое описание превращения нам не совсем показалось ясно. Заметили мы также два, три стиха, противоречащих благородному, хотя шутливому тону рассказа <...>» (С. 337—338).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 9 об. (дата).

ФЕВРАЛЬ, 9. Петербург. Ценз. разр. альманаху Дельвига и Сомова «Подснежник», где будет помещено стих. Боратынского **«Княгине З. А. Волконской на отъезд ее в Италию» («Из царства виста и зимы...»)**.

ФЕВРАЛЬ, 14 (26). В Италии умерла А. А. Воейкова.

ФЕВРАЛЬ, 23. Мещерское Пензенской губ. Вяземский — Пушкину в Петербург о московской жизни в январе: «<...> А мы, то есть я и Баратынский, танцовали в Москве с Олениною, и кажется, у них были элегические выходки <Из дневника А. Н. Олениной: «Познакомилась с Баратынским и восхитила его своей любезностью. Ого, ого, ого!»>. Мы заметили с Баратынским и <И. И.> Дмитриевым, что Башилов иначе речи не начинает, как: а Полевой, а Шаликов, а «Невский альманах» <...>. Мой сердечный поклон Дельвигу. Правда ли, что он издаст к красным яицам «Подснежник»? Если нет, то пускай возвратит он мне стихи оставшиеся мои. — Мы хотели также с Баратынским издать к маю нечто альманашное, периодическое. Ведь и ты пойдешь с нами<...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 39—40 (письмо Вяземского); Пушкин в восп. Т. 2. С. 78 (запись в дневнике А. Н. Олениной от 20 марта 1829 — воспоминание о пребывании в Москве в январе—феврале).

МАРТ, 3. Мещерское Пензенской губ. Вяземский посылает к А. И. Тургеневу в Париж вместе со своим письмом стих. Боратынского «Смерть» («О смерть! Твое именованье...»).

Вяземский. Изд. 1963. С. 145.

МАРТ, 14. Дрезден. Н. М. Рожалин — А. А. Елагину в Москву: «<...> у вас теперь Пушкин, Баратынский и Вяземский<...>. Вы пишете, что они все любят и меня, особенно Баратынский. Позвольте вам отвечать на это одно, что я очень знаю, как они меня любят, особенно Баратынский. Знаю, что ежели он иногда поминает обо мне, то из лести вам, и потому не оскорбитесь, ежели я прошу вас никогда не поминать обо мне при нем; я имею на это причины и, будучи совершенно доволен одной вашею дружбою, не хочу, чтобы она отзывалась в таких людях, как Баратынский». — См. далее: ноябрь, 12.

РА. 1909. № 8. С. 570.

МАРТ, середина месяца. Москва. Боратынский пишет очередную эпиграмму на Булгарина **(«Поверьте мне, Фиглярин-моралист...»)**, которая скоро становится известна в Москве (см. далее: апр., 28) и в Петербурге (см. далее: март, 29). Опубл. в «Деннице» на 1831 г. — см. 1831, янв., до 20.

МАРТ, 15—18. В Москву приезжает Пушкин (до 1 мая).

МАРТ, 20. Москва. Боратынский и Пушкин избраны в члены московского Английского клуба.

ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 89.

МАРТ, 27. Москва. Ценз. разр. «Московскому телеграфу» (1829. Ч. 26. № 7; вышел 10 апр.), где напечатаны эпиграммы Боратынского и Пушкина на Каченовского (С. 257—258; вместо подписи — звездочка: *). *Боратынский:* **«Ѵсторіческая епіграмма» («Хвала, мастѵтый наш Зоілъ!..»);** *Пушкин:* «Эпиграмма» («Журналами обиженный жестоко...»). Эпиграмма Боратынского без загл. и с разночтением перепечатана в Изд. 1835 (прочие разночтения см.: Изд. 1982. С. 422—423).

МАРТ, 29. Петербург. Плетнев — Пушкину в Москву об эпиграмме Боратынского (вероятно: «Поверьте мне, Фиглярин-моралист...»): «<...> Элегическая эпиграмма Баратынского очень мила. Поцелуй его от меня <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 41.

МАРТ, конец месяца. Петербург. Дельвиг — Боратынскому в Москву: «Душа моя Евгений. Пушкин, верно, сказал тебе, что я не имел силы писать к тебе, так занемог и трудно поправляюсь. Жду погоды — и не дождуся. «Северн<ые> цветы» прошлого года доставь Василью Львовичу <Пушкину>. «Подснежник» выйдет на днях <4 апреля>. Я напечатал твои стихи к Зенеиде <Волконской>, а ты дай, кому обещал их, другую пьесу. Я печатаю мои стихи; к Пасхе выйдут; в них ты прочтешь новую мою идиллию. «Борскому» под стать вышел «Выжигин». Пошлая и скучная книга, которая лет через пять присоединится к разряду творений Емина. — Подолинскому говорить нечего. Он при легкости писать гладкие стихи тяжело глуп, пуст и важно самолюбив. Проказник принес мне «Борского» процензурованного и просил советов. Я посоветовал напечатать, другого ничего не оставалось делать, и плюнул. Разве лета его обработают. Дай Бог. Поцелуй за меня Полевова и Раича в лоб и попроси их продолжать, как начали, свои похвалы творениям ничтожным. Прощай, душа моя, трудно писать. Целую тебя и Пушкина. Буду не осенью, а весною к вам. Книги, при сем приложенные, доставь князю Вяземскому. Поцелуй ручки у Настасьи Львовны. — Твой Д.».

Вацуро СЦ. С. 173—174. «Стихи к Зенеиде» — см. апр., 4; «Стихотворения барона Дельвига» вышли до 13 апр.; «Борский» — поэма Подолинского; Емин — Ф. А. Эмин, романист 60-х гг. XVIII в.

АПРЕЛЬ, начало месяца. Москва. Боратынский получает от Вяземского из Мещерского письмо (не сохранилось) и пишет ответ: «Вы предупредили меня, любезный князь, но только делом, а не намерением. Давно собирался я к вам писать, хотя, имея мало сношений как с грамотным, так и с безграмотным светом, не мог сообщить вам ничего занимательного; но мне хотелось сказать вам, сколько я дорожу вашим добрым расположением и, ежели позволите, — дружбою. Вы не можете себе представить, как Москва для меня без вас опустела! При вас я видался со многими людьми, с которыми теперь не вижусь, потому что уже не надеюсь встретить вас между ними. Вы были лентою, которая связывала пук, а без вас он распался. Пушкин здесь, и я ему отдал ваш поклон. Он дожидается весны, чтобы ехать в Грузию. Я с ним часто вижусь, но вы нам очень недостаете. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух мафематических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и вы были ею. Вы мне очень лестно советуете приняться за прозу, и, признаюсь, ваше ободрение для меня очень искусительно. Ваши разговоры произвели уже на меня свое действие, и я уже планировал роман, который напишу, ежели станет у меня терпения, а в особенности дарования. Кстати о романах, вышел роман Булгарина «Выжигин». Неимоверная плоскость! четыре тома, в которых вы не найдете не только ни одной мысли, ни одного положения, ни одной картины, ни даже того достоинства, которого можно ожидать от Булгарина, т. е. особенного знания некоторого рода людей, с которыми не знаются порядочные люди, оригинальности шпионских, ежели не литературных

замечаний, нет, душа Булгарина — такая земля, которую никакой навоз не может удобрить. Роман его, soi disant, вроде Жильблаза, заключает в себе одну только характерную черту: посвящение министру юстиции. Я не отказываюсь от мысли что-нибудь выдать вместе с вами: у меня набралось несколько стихотворных пьес, есть кое-что и в прозе. Пишите со своей стороны, а ежели, Бог даст, в мае увидимся, то и увидим, какое сделать употребление из наших матерьялов. Полевому сказал о «Телеграфе». С Раичем еще не видался. Надиньке Озеровой не сказал еще ничего, потому что она теперь говеет, а ваше препоручение не пользительно ее душевному спасению. Я с нею похристосуюсь вашим комплиментом. Прощайте, любезный князь. Засвидетельствуйте мое усердное почтение княгине. Я очень признателен ей за воспоминание. Свербеева препоручила мне вам кланяться всякой раз, как буду к вам писать. Она едет весною в чужие краи и, кажется, ей это нужно. Жена моя благодарит вас и княгиню за вашу память. Истинно к вам привязанный — Е. Боратынский».

ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 87—88 (с пропусками; публикация К. В. Пигарева; датировка: 18 марта — 1 апреля); Изд. 1987. С. 180—181 (полностью; с тою же датировкой). Изменение датировки обусловлено 1) упоминанием о частых встречах с Пушкиным (после 15—18 марта, момента приезда Пушкина в Москву, должно было пройти какое-то время, чтобы Боратынский мог сказать о частых встречах); 2) упоминанием скорой Пасхи (14 апр.).

АПРЕЛЬ, 2 или 5. Москва. Пушкин и Боратынский присутствуют в Благородном собрании на концерте виолончелиста Бернара Ромберга.

Видимо, к этому времени относится воспоминание Т. П. Пассек: «Мы страстно желали видеть Пушкина, поэмами которого так упивались, и увидали его спустя года полтора, в Благородном собрании. Мы были на хорах, внизу многочисленное общество. Вдруг среди него сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодые человека, один — высокий блондин, другой — среднего роста брюнет, с черными курчавыми волосами и резко выразительным лицом. Смотрите, сказали нам, блондин — Баратынский, брюнет — Пушкин. Они шли рядом, им уступали дорогу. В конце залы, Баратынский с кем-то заговорил и остановился. Пушкин прошел к мраморной колонне, на которой стоял бюст государя, стал подле нее и облокотился на колонну». — *Пассек*. Изд. 1963. С. 239 (цитата); *Эльзон* 1985. С. 135 (дата второго концерта Б. Ромберга в Москве — 5 апр.); *Шумихин* 1988. С. 59 (дата первого концерта — 2 апр.). Уточнение Шумихина сопровождено сомнительными сведениями о братьях Боратынского. Определяя по записям в «визитерных книгах» Благородного собрания, кто из Боратынских был в маскараде 8 февр. 1827, Шумихин называет «поручиком Боратынским» Сергея Абрамовича, а затем, со ссылкой на архивные документы, указывает, что в 1826 г. «отставной поручик Сергей Абрамович Боратынский <...> жил в Мещанской части, в доме графа Толстого» (*Шумихин* 1988. С. 57). Т. к. Сергей Боратынский никогда не служил по военной части, а в 1826—1830 гг. обучался в Медико-хирургической академии, вопрос, о ком из братьев идет речь, остается открытым. В 1826—1827 гг. поручиками были Ираклий и Лев Боратынские (но еще не отставными).

АПРЕЛЬ, 3. Москва. Запись в дневнике Погодина: «Был Баратынский, с которым я затрудняюсь говорить».

Барсуков. Кн. 2. С. 363.

АПРЕЛЬ, 4. Петербург. Вышел альманах Дельвига и Сомова «Подснежник» (СПб., 1829; ценз. разр. 9 февр.) со стих. **«Княгине З. А. Волконской на отъезд ее в Италию» («Из царства виста и зимы...»)** (С. 151—153; подпись *Баратынскій*).

Вацуро СЦ. С. 169 (дата).

АПРЕЛЬ, 7. Москва. Пушкин дарит Боратынскому экземпляр «Полтавы» (СПб., 1829) (29 марта Плетнев послал Пушкину в Москву 10 экз. только что вышедшей поэмы).

Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 715 (дарств. надпись); *Пушкин*. Ак. Т. 14. С. 41 (об отсылке экземпляров «Полтавы»).

АПРЕЛЬ, 10. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1829. Ч. 26. № 7) с **«Усторіческой епіграммой»** Боратынского. См. выше: март, 27.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 20 об. (дата).

АПРЕЛЬ, до 13. Петербург. Вышли «Стихотворения барона Дельвига» (СПб., 1829). Среди опубликованных текстов: «Н. М. Языкову. Сонет» — с упоминанием Боратынского («Певца Пиров я с лирой подружил»; см. 1822, дек., 11); «Дифирамб. На приезд трех друзей» (Боратынского, Кюхельбекера и Яковлева — см. 1822, авг.); «Друзья. Идиллия» — с посвящением: «Е. А. Баратынскому» (см. 1827, март, 25—28); «Музам» (стих. 1824 г. с обращением к музам от лица Дельвига и Боратынского: «Придите, девы, воскресить // В нем прежний пламень вдохновений // И лиру к звукам пробудить: // Друг ваш и друг его Евгений // Да будет глас ее хвалить»).

Вацуро 1986. С. 422 (дата).

АПРЕЛЬ, 26. Москва. Боратынский по случаю своего отъезда в Мураново дает обед у Яра И. Киреевскому, А. Веневитинову, Погодину. См. след. дату.

АПРЕЛЬ, 28. Москва. Погодин — Шевыреву в Рим: «Булгарин почитает себе соперником теперь одного Пушкина <...> Баратынский написал презлую эпиграмму на него: «Б<улгарин> уверяет нас, что красть грешно, лгать стыдно». <...> Баратынский едет в деревню. Третьего дня дал нам (Веневитинову, Киреевскому и мне) блистательный обед у Яра».

РА. 1882. № 5. С. 80—81.

МАЙ, 1. Из Москвы в Грузию уезжает Пушкин.

МАЙ. Москва. Боратынский — Вяземскому в Мещерское (письмо без даты): «Василий Львович <Пушкин> доставил мне ваш подарок — экз. «Станции». Приношу усерднейшую мою благодарность за этот знак вашего воспоминания. Вы обещали заняться полным собранием ваших сочинений; не отлагайте: оно принесет вам выгоду во всех возможных смыслах, а нам будет что почитать и о чем поговорить. Пушкин уехал в Грузию. Когда я получил письмо ваше, в котором вы у него просите «Полтаву», его уже не было в Москве. «Полтава» вообще менее нравится, чем другие поэмы Пушкина: ее критикуют вкривь и вкось. Странно! Я говорю это не потому, чтобы чрезмерно уважал суждения публики и удивлялся, что на этот раз оно оказалось погрешительным; но «Полтава», независимо от настоящего ее достоинства, кажется, имеет то, что доставляет успех: почтенный титул, занимательность содержания, новость и надобность предмета. Я, право, уже не знаю, чего надобно нашей публике? Кажется, Выжигиных! Знаете ли вы, что разошлось 2000 экз. этой глупости? Публика либо вовсе одуреет, либо решительно очнется и спросит с благородным негодованием: за кого меня принимают? У меня до вас просьба. Ежели вы имеете еще несколько лишних экз. вашего портрета, подарите мне один. Д. Давыдов хитростию у меня выманил тот, который вы мне прежде дали, хотел его срисовать, но вместо того удержал подлинник и прямо говорит: не отдам. Вы имеете право сказать: on se m'arrache <Меня разрывают на части>. Прощайте, любезный князь, надеюсь, что ваши домашние здоровы и что вы теперь спокойнее сердцем. Княгине <В. Ф. Вяземской> свидетельствую усердное мое почтение. — Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 5. С. 45—46. Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 12—13 об. «Станция» — стих. Вяземского, опубл. в «Подснежнике»; вероятно, был отдельный оттиск.

МАЙ. Петербург. Дельвиг — Боратынскому в Москву (без даты — ответ на несохранившееся письмо Боратынского, в котором тот писал о болезни своей годовалой дочери Екатерины): «Милый друг, посылаю тебе шинель непромокае-

мую для твоего тестя и желаю, чтобы письмо мое нашло тебя спокойнее, чтобы дети твои были здоровы. Ужели ты не знаешь, что болезнь очень частый гость у малюток? Надобно только заботиться о них, но не упадать душою. Вырастут, об нас будут заботиться. Зато как мы подгуляем, выдавая твоих дочек замуж. Я чувствую нынешний день себя лучше. Если бы не бессонница, то уже давно бы прыгал. Ты пишешь, буду ли я издавать «С<еверные> цветы»? Буду и прошу не оставлять их. Твой же запас желал бы прочесть поскорее. Ужели ты думаешь, что твои стихи мне только надобны для альманаха? Мне нужно для души почитать их, она, бедная, голодна и сидит на журнальных сухариках. Сжалься. Я тоже пишу кой-что и надеюсь прислать к тебе, что сделаю, да мне писать трудно. Если тесть мой <М. А. Салтыков> в Москве, так не говори, что я болен, он, бедный, сам нездоров и беспокоится об нас во вред здоровью. Скажи, что я потому не еду, что ищу и еще не получил места в Москве. Что также правда. Скажи Полевому (Ксенофонту), что он дурак, и пожелай ему доброго здоровья. — Целую ручки у милой жены твоей и целую твоих деточек. Жена моя вам кланяется; она, вероятно бы, приписала сама, но я пишу не из дома, а в квартере Сомова, который тебе кланяется. Плетнев также. — Обнимаю тебя, душа моя, надеюсь до сентября-то увидеть тебя. Господь с тобою, будьте здоровы и веселы. — Твой Дельвиг».

Дельвиг. Изд. 1986. С. 335—336.

МАЙ, начало месяца (?). Москва. Боратынский с семейством отъезжает в подмосковную — Мураново. Накануне отъезда Боратынский получает от Вяземского из Мещерского письмо (не сохранилось) и спешно на него отвечает: «Письмо ваше, любезный князь, застало меня на самом отъезде в подмосковную. Отвечаю вам наскоро и только об ваших комиссиях. На днях послал я к вам книги, присланные вам Дельвигом на ваше имя из Петербурга, и при них вашу гербовую печать, которую просил мне вам доставить Мицкевич. Сестра моя писала к Фильду о его «Дуре» и прописала желание ваше иметь его doigté, но он прислал ее без оного; посылаю ее, как она есть. Ежели желание ваше не исполнено, в том виноват Фильд, а не усердный вам корреспондент. Посылаю вам вашу пьесу «К ним», перемеченную Пушкиным. Признаюсь, что и я согласен с его замечаниями. Ради Бога, переправьте ее: она высокого лирического достоинства. В первом письме моем из деревни я постараюсь вам доказать, почему вы несправедливо защищаете стих: *новорожденному дар на зубок был нужен*, упоминая об иронии. Покуда прощайте, но только на одну неделю. Ваш домашний критик то же, что Сократов Демон или нимфа Егерия, надобно ему верить. Прощайте, любезный князь, и верьте, что я принимаю в сердце каждое ваше сердечное слово. Преданный вам Е. Боратынский».

СиН. 1902. Вып. 5. С. 49 (дата: 1829); Изд. 1987. С. 184 (дата: лето 1829). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 16—17. Обосн. нашей даты — предполагаемое время отъезда в Мураново (см. выше в письме Погодина Шевыреву 28 апр.: «Баратынский едет в деревню»). О каких книгах идет речь в письме — неизвестно. На автографе стих. Вяземского «К ним» (опубл. в ЛГ: 1830, 21 янв.) есть ряд помет Пушкина с его надписью: «Ради Христа, очисти эти стихи — они стоят «Уныния» (см.: *Вяземский.* Изд. 1935. С. 204—205).

МАЙ, 29. Москва. Погодин — Шевыреву в Италию: «<...> буду стараться, чтобы Моск<овский> Вест<ник> продолжался, хотя я уже решительно не буду издателем. Думаю передать Барат<ынскому>, Киреевскому и Языкову; а мы, остальные, будем сотрудниками<...>».

РА. 1882. № 5. С. 92—83.

МАЙ, конец месяца — ИЮНЬ (?). Мураново. Боратынский — Вяземскому в Мещерское (без даты): «С нетерпением жду, любезный князь, вашего мнения о

замечаниях Пушкина на стихи ваши «К ним» <см. предыдущее письмо к Вяземскому>. Мне кажется, что мы разно думаем о лирической иронии. По мне лирическая поэзия исключает все похожее на остроумие, потому что лукавство его совершенно противусвойственно ее увлеченности. Сердитесь, но не шутите. Пусть будет ирония горькая, но не затейливая. Вот почему мне не нравится: *дар на зубок был нужен.* Стих этот слишком весел. Я еще не говорил вам о ваших стансах. Критиковать их можно в целом и в частях. В целом можно желать большой сжатости, в частях привязаться к тому или другому выражению; но это различие чувств прекрасно своим обилием: как же требовать от него красоты меры? Ежели кто-нибудь найдет ваше стихотворение растянутым, или вам самим это придет на ум в холодную минуту, то, право, не верьте ни другим, ни себе, оставьте целое его неприкосновенным, а исправляйте только ту или другую строфу в особенности. Я думаю, что в произведениях поэзии, как в творениях природы, близ красоты должен быть непременно недостаток, ее оживляющий. Не знаю, ясно ли я выражаюсь: мысль моя в том, что некоторые недостатки во всяком авторе необходимы для существования его в известном роде, что ежели их уничтожишь, уничтожишь и жизненную меру его произведений и неумолимый вкус будет для творений искусства тем же, что смерть для творений природы. Положим, что можно себя переделать: но в таком случае будешь другим существом, с другими достоинствами, с другими несовершенствами. Чувствую, как трудно переводить светского «Адольфа» на язык, которым не говорят в свете, но надобно вспомнить, что им будут когда-нибудь говорить и что выражения, которые нам теперь кажутся изысканными, рано или поздно будут обыкновенными. Мне кажется, что не должно пугаться неупотребительности выражений и стараться только, чтобы коренной их смысл совершенно соответствовал мысли, которую хочешь выразить. Со временем они будут приняты и войдут в ежедневный язык. Вспомним, что те из нас, которые говорят по-русски, говорят языком Жуковского, Пушкина и вашим, языком поэтов, из чего следует, что не публика нас учит, а нам учить публику. Я не согласен, однако, на слово *выторгуем.* Оно принадлежит известному ремеслу, а потому неприлично светской даме. Не лучше ли *выгадаем,* как более общее? Я порадовался вашей эпиграмме на Булгарина. Сегодня же отсылаю ее Дельвигу. — Прощайте, любезный князь. Любите любящего вас — Е. Боратынского».

СиН. 1902. Вып. 5. С. 49—50; Изд. 1987. С. 185—186 (дата: лето 1829). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 18—19 об. Обосн. нашей даты — продолжение разговора о стих. Вяземского «К ним», начатого в предыдущем письме (см. выше: май, нач.). «Адольф» — роман Б. Констана, переводившийся Вяземским.

ИЮНЬ. Поездка Боратынского из Муранова в Москву. Письмо к жене в Мураново (на фр. яз.; без даты): «Je suis arrivé sain et sauf, ma bonne amie. Je trouve Катинька...» — Перевод: «Я приехал цел и невредим, мой милый друг. Катинька <больная дочь> теперь спит, но говорят, что ей лучше, кашляет она меньше и становится веселее. Не могу судить о том сам, ибо пишу к тебе тотчас по приезде. На сердце у меня тяжело, потому что мы разделены: это испытание разлукой — истинное наказание. Я чувствую себя совершенно потерянным. Увидел в нашей спальне твою шляпку и несколько платьев, и у меня так тоскливо сжалось сердце, что я испугался. Я как-то слишком бегло обнял тебя при отъезде, присутствие посторонних стесняло меня: а как только экипаж тронулся, я почувствовал, что мне недостает прощального поцелуя. Тоскующее сердце мое просило его. Очень непривычно писать к тебе. Как будто начинаешь письменное знакомство, совсем другое, чем наше с тобою. Что за ничтожное занятие — писать, и тот, кто сказал, что оно облегчает разлуку, был человеком очень холодным. Я хотел бы тебе изъяснить все то, что не могу выразить. Я не выскажу никогда нужного мне, и всегда

буду бояться, как бы все эти обороты, без коих не обойтись ни в одном письме, не уверили тебя, будто я пишу к тебе так, как к любой другой. Помнится, я рассказывал тебе, как муж Марьи Андреевны <И. Д. Панчулидзев — см. Род., № 12.7> заканчивал письма, которые он ей писал: то был перечень ласковых имен и прозваний; мы тогда весьма позабавились этому, но знаешь ли, сейчас мне кажется, что он очень любил свою жену, и в этом нет ничего смешного. А коли так, я хотел бы тебе сказать все самое нежное, и не могу найти ничего лучше, чем назвать тебя Попинька, как будто ты рядом со мной. Душинька моя Попинька, да сохранит тебя Господь. Плохо, что ты мне не объяснила свои поручения перед отъездом, и я не знаю теперь, сколько тебе надобно ситца для Сашиньки <старшая дочь>, полтора аршина или поларшина. Я сделаю к завтрашнему дню все, что могу, прочее — до следующего раза. Прощай, моя Попинька, береги себя хорошенько и пиши мне. Заканчиваю письмо. Если в течение вечера найдется сообщить тебе что-нибудь занимательное, допишу. Обнимаю тебя сердечно. Двятковской <врач> приходил смотреть Катиньку вчера и сегодня. Обнимаю любезную мою Софи <Энгельгардт>, вели ей мне писать и не забывать, что учила ее грамоте именно ты, и посему у меня тоже есть кое-какие права на ее письма. Обнимаю тебя, мой милый друг, и жду нетерпеливо от тебя новостей».

П. С. 251—252 (с неточной датой: апр.—май 1829). Копия Н. Л. Боратынской — ПД. № 21.731. Л. 25—25 об. Новая датировка определяется тем, что в апреле 1829 г. Боратынские еще жили в Москве.

ИЮНЬ—ИЮЛЬ, начало месяца. Москва. Умерла годовалая дочь Боратынских — Екатерина.

ИЮНЬ, вторая половина — ИЮЛЬ, до 18. Москва или Мураново. Боратынский — Вяземскому в Мещерское: «Я еще не отвечал на последнее ваше письмо, любезный князь, однако ж исполнил ваше поручение. Письмо ваше Плетневу ему доставлено. Прочитал его, с вашего позволения, и с истинным удовольствием увидел, что вы приступаете к изданию ваших сочинений. Литературная ваша слава уже установлена, и потому я не скажу вам, что книга ваша будет иметь блистательный успех в этом отношении: это само собою разумеется; но я поручусь вам за успех книгопродавческий, что также немаловажно и по собственным вашим словам: приличнее взять оброк с публики, нежели с крестьян. Не заключите из моего долгого молчания, что вы сколько-нибудь вышли из моей памяти. Причина его была потеря моей младшей дочери, которая на некоторое время привела меня в совершенное уныние. Потеря ребенка не есть великая потеря, но она живо напоминает возможность утрат важнейших; и эта смерть, которая так неожиданно, так невозвратно похищает у нас то, что мы любим, долго не выходит из памяти. Смерть подобна деспотичной власти. Обыкновенно она кажется дремлющею, но от времени до времени некоторые жертвы выказывают ее существование, и наполняют сердце продолжительным ужасом. Я недавно видел Корсакова, который собирается к вам в Пензу. Где вы проводите нынешнюю зиму? Ежели в деревне, то я буду в вашем соседстве <в Маре — в Тамбовской губ.>. Постараюсь с вами увидеться. О Пушкине нет ни слуху, ни духу. Я ничего бы о нем не знал, ежели б не прочел в тифлисских газетах о приезде его в Тифлис. — Прощайте, любезный князь, обнимаю вас с душевною горячностью и поручаю себя вашему воспоминанию. — Е. Боратынский».

СиН. 1902. Вып. 5. С. 46—47 (дата: лето 1829). Обосн. нашей даты — сопоставление с предыдущими тремя письмами к Вяземскому за май—июнь 1829, в которых не было еще речи о смерти дочери, и дата рождения сына Льва (июль, 18), о котором ничего не сказано в письме. Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 14—15 об. Адрес: «Его Сиятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому в Пензу».

ИЮНЬ, 28. Москва. Ценз. разр. «Московскому телеграфу» (1829. № 12) с критической рецензией Н. А. Полевого на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (С. 467—500), послужившей одним из поводов для прекращения сотрудничества с «Московским телеграфом» со стороны Пушкина и полного разрыва с Полевым со стороны Боратынского и Вяземского.

ИЮЛЬ, 15. Москва. Погодин — Шевыреву в Рим: «Баратынский в деревне, Пушк<ин> в Грузии, Хомяков в армии <...>».

РА. 1882. № 5. С. 96.

ИЮЛЬ, 18. Москва или Мураново. У Боратынских родился сын Лев; назван в честь тестя Боратынского — Льва Николаевича Энгельгардта.

АВГУСТ, 19. Петербург. Ценз. разр. «Сыну отечества и Северному архиву» (1829. Т. 6. № 34) со статьей В. Т. Плаксина «Взгляд на состояние русской словесности в последний период», где, в частности, упомянут Боратынский:

«<...> Наше время, богатое во всех родах событиями, составит также эпоху в истории литературы русской — равно как и многих других. — Нет сомнения, что Василий Андреевич Жуковский займет первое место в ряду писателей нового периода как первый виновник оного, первый преобразователь. С введением романтизма он обогатил нашу словесность <...>. И голос-то сих песней <т. е. стихов Жуковского> пробудил нашу родную поэзию: среди множества мелочных и обыкновенных писателей стихотворцев явились два необыкновенные поэта. Один из них более отличается чрезвычайным богатством прекрасных картин и чистого вкуса; другой — глубокостию чувствований, свойственною жителю севера и легкостию пиитической басни, или вымысла. Можно отгадать, на чьей стороне будет первенство; но время, судья независимый от настоящих успехов, решит, кому будет принадлежать первый венок — Пушкину или Баратынскому» (С. 91, 93).

АВГУСТ, 20. Имение Маза Сызранского уезда Симбирской губ. Д. В. Давыдов — Боратынскому в Москву (ответ на несохранившееся письмо): «20 Августа. С. Маза. — Любезный друг Евгений Абрамович! Письмо твое я получил по возвращении моем из бугульминской моей деревни. Благодарю тебя, что ты вспомнил обо мне. Я два раза был в Бугульме у Варваре Николаевне Наврозовой и два раза сожалел, что был без жены твоей, имеющей необыкновенный дар для наблюдений и рассказа. Ей было <бы> обширное поле! Я же боюсь исказить Гогарта картину моим описанием. Надо видеть было встречу меня ею, провинциальных дам и мужчин, у нее сидевших и меня ожидавших, ибо в провинции я также Бонапарте или, что еще более, Паскевич. Надо было сидеть и слышать сынка ее, *Николиньку,* который был в восторге видеть меня не потому, чтобы я пользовался особою его благосклонностию, но потому (о чем он мне после сказал), что он видел во мне свата, на одной девушке, которая с отцом своим уехала в гости далеко и на две недели прежде приезда моего. Как надежда его упала, когда он узнал, что, не дождясь его любезной и отца ее <я> еду через 7 дней! Потом на возвратном пути моем заезжал я в деревню старинного моего приятеля, бывшего в Дрездене адъютантом Репнина. Его не было — но жена и все семейство были дома. Жена — немка, хорошей фамилии, ибо родная племянница Алопеуса, посла нашего — но обрусевшая, и обрусевшая в Бугульме! Ты можешь вообразить ето химическое соединение. Мать ее вроде Анне Егоровны, но поблагороднее, хотя весьма мало — сохранила немецкую ржавчину вопреки бугульминских нравов. Натурально тут была жена городничего, жена какого-то уездного судьи, жена стряпчего и для довершения картины опять наша Варвара Николаевна. Как-то начали говорить о St. Priest (выговаривается Сен-При), нашем ген<ерал>-адъютанте, убитом в Реимском деле <в 1814 г.> — тетушка, услыша на счет Сен-При, закричала (как будто она его знала и для того, чтобы показать, что она знает важных людей): «Ах! St. Preux!» — Я умер со смеху и сказал ей: «Видите, что вы не забываете старые

ваши грехи, у вас только что и на уме соблазнители. Мы говорили о войне с французами, а вы думаете о Элоизе и Сен-Прё <герой Ж.-Ж. Руссо>. — Я думаю, что если мы назовем англицкого министра Дугласа, вы примете его за Фобласа или Ловласа». — Ты мне описываешь прием персидского принчика — удивляюсь, как можно етого гузнодава так роскошно и великолепно принимать! — Вяземского, московского эмигранта, я видел только в Пензе на ярмарке, где мне очень весело было. После ждал его у <нрзбр.>, но не дождался. Получил от него письма недавно. Он был с каким-то оригиналом провинциальным Кашкаревым, который, говоря о лесе, сказал: «Quand les bouleaux prennent d'embonpoint!» <Когда березы становятся дородны>. Еще, чтобы сказать, что у одной госпоже в деревне ярмонка, он говорит: «Cette dame a la foire dans le vein (минуту молчания) de la Campagne» <в ее жилах текут деревенские манеры>. — Видишь, что и мы не без смеха — но редко; более мне хлопот здесь, чем в Москве. У жене твоей и красавице моей Софье Львовне целую ручки. Дядюшке <Л. Н. Энгельгардту> мое почтение от души. — Верный друг Денис Давыдов».

ПД. № 21.746. Л. 1—2 об. Сохранено давыдовское правописание имен собственных в родительном падеже.

АВГУСТ, 30. Адрианополь. Н. В. Путята — Боратынскому в Москву: «Помнишь ли, любезный друг, те суровые, вековые границы, омываемые свинцовыми валами бурного моря, где провел ты многие годы молодости, где в первый раз мы встретились с тобою? — И как тебе забыть их! Впечатления, произведенные ими, мысли и чувства, волновавшие твою душу, сохранились в твоих звучных песнях и для тебя и для других; с ними сроднились и мои бесплодные воспоминания. Помнишь ли, как часто, среди сих мрачных картин угрюмой природы, пламенное воображение твое увлекалось в страны благословенного, роскошного Юга? Подобно первобытным сынам сих грозных скал, вслед за их могучими тенями, наши помыслы и желания стремились к той же цели, к тем же местам. Берега Дуная, Царьград, Греция, возрождавшаяся из пепла, были беспрестанными предметами наших разговоров. — Мечтания наши отчасти сбылись. Знамена русские развеваются в Адрианополе и издали дружелюбно приветствуют родной щит Олега <речь идет о победоносном окончании войны с Турцией, завершенной 2 сентября Адрианопольским миром>. С берегов древнего Герба, осененных шатрами полуночных воинов, я пишу эти строки, чтобы изобразить тебе, как могу, окружающие нас новые для меня предметы. — Адрианополь, с дороги от Ямболя, по которой следовали наши войска, представляется отменно великолепно. Большое число высоких стройных минаретов, разнообразных куполов, блестящих позолотою и яркими цветами, массы зданий, стелющихся в отдалении темною полосою по горизонту, огражденному возвышенностями; прекрасная тенистая роща вдоль реки, с развалинами обширного дворца султанов <...>». — Далее следует несколько страниц описания Адрианополя.

ЛГ. 1831. № 16; РА. 1878. Кн. 1. С. 215—222 (по автографу: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 41. Л. 5—13).

СЕНТЯБРЬ (?), до 22—23 (до времени отъезда Боратынского в Мару). **Москва.** Боратынский и И. Киреевский — Погодину (текст без даты) по поводу материалов для замысленного Погодиным и Киреевским альманаха. *Рукой Киреевского*: «Баратынский еще не возвращался. Я покажу ему, что ты пишешь о страстях, и сообщу его ответ. Также и об Альманахе.<...> — Статьи об Жук<овском> не будет, а, вероятно, Баратынский даст какую-нибудь однородную и высокороднейшую. <...> — Баратынский возвратился и сам будет отвечать следующее». *Рукой Боратынского*: «Главная моя мысль: человечество состоит из человеков, следствен-

но, в нем развивается человек. Ход их развития один и тот же. Закон его в законе разума человеческого. Употребляю страсти, как понятнейшие представители сил человека и человечества для светских людей. Пусть не примут приложение системы, лишь бы приняли систему. <*Зачеркнуто*: Тождество идей народов и идей лиц в их великом разнообразии> Определить истинную соответственность развития человека и развития человечества в подробностях дело целой эпохи. Общими и даже своенравными применениями хочу только несколько истолковать систему. Изъясняю мысль мою сравнением, и более <как> поэт, нежели философ. — Что касается до Альманаха, во всем согласен и постараюсь все исполнить как следует. До свидания». *Рукой Киреевского*: «Так как Боратынский намерен писать об истории непременно, так вот вместо Жук<овского>. Может быть, он напишет и о Батюшкове, и о Дельвиге!»

Филиппович 1917. С. 110—111; Изд. 1987. С. 181—182 (дата: 1829). Наша датировка определяется последующей краткой перепиской Боратынского и Погодина насчет материалов для предполагавшегося альманаха (см. далее: окт., вт. пол. — ноябрь; ноябрь, до 29).

СЕНТЯБРЬ, около 20. Москва. Боратынский — Коншину в Царское Село (ответ без даты на неизвестное нам письмо, в котором Коншин просил стихов для затеянного им и Е. Ф. Розеном альманаха «Царское Село» на 1830 г.): «Спасибо тебе за твое письмо, милый Коншин, тем более, что я жестоко виноват перед тобою. Но я вижу, что ты знаешь старого своего товарища и прощаешь ему многое за доброе сердце, тебе преданное. Стихов тебе пришлю, душа моя; но не прогневайся, пришлю немного. Нынешний год за разными семейными заботами я писал особенно мало; но чем богат, тем и рад: братски поделюсь между тобой и Дельвигом. Рад, что ты при добром месте <Коншин получил место правителя канцелярии главноуправляющего Царским Селом>. Эта добрая весть успокоивает мне душу. Трудности твоей жизни никогда не выходили из моей памяти. Поздравляю тебя с твоею семейственною надежду <так!>. Знаю по себе, как велика радость быть отцом. У меня, брат, уже порядочная семейка: сын и дочь, да я еще потерял одну малютку. Я и жена моя очень благодарим за дружеское ваше приветствие, отвечаем ему, препоручая себя и вперед вашему воспоминанию. Как жаль, что мы так издалека друг с другом перекликаемся. Скажи мое почтение барону Розену; мы познакомились с ним очень мельком у Полевого, и я весьма жалею, что я не успел утвердить с ним приятельской связи. Стихи его показывают человека не только с дарованием, но и с сердцем, а такие люди мне очень по душе. Я через два дни оставляю Москву и еду в деревню к моей матери. Ты знаешь старинный адрес: Тамбовской губернии в город Кирсанов. Письмо твое меня застало посреди походных сборов. Извини, что не сей же час посылаю тебе стихов. К 1-му ноября пришлю непременно. Прощай, милый Коншин, обнимаю тебя. Напомни обо мне милой супруге своей как о старом знакомце. Не забудь меня уведомить, что тебе Бог дает. Я в моей татарской глуши выпью за здоровье твоего потомства. Твой Е. Боратынский». — См. далее: окт., 20-е числа.

Лернер 1908. С. 761. Уточнено по автографу — РНБ. Ф. 369. Оп. 1. № 22. Л. 4—4 об. На письме — помета рукой Коншина, позволяющая датировать письмо: «Получено 25 сентября 1829».

СЕНТЯБРЬ, около 22—23(?). Боратынский выезжает из Москвы в Мару вместе с женой, двухлетней дочерью Александрой и двухмесячным сыном Львом.

О времени отъезда см. в письме к Коншину выше: сент., ок. 20.

ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ. Мара. Начало работы над поэмой «Наложница».

ОКТЯБРЬ, первая половина. Мара. Боратынский — И. Киреевскому (письмо без даты): «Не знаю, застанет ли тебя письмо мое в России <Киреевский со-

брался в заграничное путешествие>, и все-таки пишу, чтобы уведомить тебя о благополучном моем приезде в мою татарскую родину, а главное, чтоб доказать тебе, что для тебя я не вовсе безграмотен или не так ленив на письма, как ты думаешь. Отъезд твой из Москвы утешит меня в собственном моем отъезде; но грустно мне думать, что при возвращении моем я не найду тебя у Красных Ворот, в доме бывшем Мертваго. Надеюсь, однако, что мы с тобою довольно пожили, поспорили, помечтали, чтоб не забыть друг друга. Мы с тобой товарищи умственной службы, умственных походов, и связь наша должна быть по крайней мере столько же надежною, сколько б она могла быть между товарищами по службе Е. И. В. и по походам графа Паскевича Эриванского. Пиши мне из просвещенного Парижа, а я буду отвечать тебе из варварского Кирсанова. Ежели письма мои тебе покажутся не довольно подробными, не сердись: я в самом деле писать неохотник, и это служит только прекрасным доказательством, что нам не должно разлучаться. О моем теперешнем житье-бытье сказать тебе мне почти нечего. Я не успел еще осмотреться на новом месте. Надеюсь, что в деревенском уединении проснется моя поэтическая деятельность. Пора мне приняться за перо: оно у меня слишком долго отдыхало. К тому же, чем я более размышляю, тем тверже уверяюсь, что в свете нет ничего дельнее поэзии. — Прощай, милый Киреевский, люби меня и помни, а я тебя верно не разлюблю и не забуду. Маменьке твоей <А. П. Елагиной> свидетельствую мое усердное почтение. Она любезна со всеми, но ежели мое чувство меня не обманывает, со мной обходилась она дружески, и я вспоминаю это с самою нежною признательностью. Обнимаю тебя. — Е. Боратынский. — Жена моя кланяется маменьке твоей и тебе».

ТС. С. 5—6 (с датой: весна 1829); Изд. 1987. С. 189 (дата: осень 1829). Дата уточнена по времени отъезда Боратынского из Москвы (см. выше: сент., ок., 22—23). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 4—5 об.

ОКТЯБРЬ, 12. Царское Село. Коншин пишет Боратынскому в Мару: сообщает о рождении у него дочери Ольги и, видимо, напоминает о своей просьбе стихов для альманаха «Царское Село».

Лернер 1908. С. 761. Письмо Коншина не сохранилось: о его дате известно по помете Коншина на письме Боратынского (см. выше: сент., ок. 20): «*Получено 25 сентября 1829, отвечал 12 октября*»; о содержании — по ответному письму Боратынского — см. далее: окт., 20-е числа.

ОКТЯБРЬ, вторая половина — НОЯБРЬ (?). Мара. Письма Боратынского в Москву — к И. В. Киреевскому, А. П. Елагиной, М. П. Погодину (ответы на их несохранившиеся письма — все без дат):

Киреевскому: «Милое, теплое и умное письмо твое меня и заняло, и обрадовало, и тронуло. Не думай, чтобы я хотел писать тебе мадригалы; нет, мой милый Киреевский, но я рад, что я нахожу тебя таким, каков ты есть, рад, что мое чутье меня в тебе не обмануло, рад еще одному — что ты, с твоей чувствительностью пылкою и разнообразною, полюбил меня, а не другого. Я нахожу довольно теплоты в моем сердце, чтоб никогда не охладить твоего, чтобы делить все мечты и отвечать душевным словом на душевное слово. Береги в себе этот огонь душевный, эту способность привязанности, чистый, богатый источник всего прекрасного, всякой поэзии и самого глубокомыслия. Люди, которых охлаждает суетный опыт, показывают не проницательность, а сердечное бессилие. Вынесть сердце свое свежим из опытов жизни, не позволить ему смутиться ими, вот на что мы должны обратить все наши нравственные способности. Прекрасное положительнее полезного, оно принадлежит нам в большей собственности, оно проникает все существо наше, между тем как остальное едва нами осязается. Я пишу эти строки с истинным восторгом, знаю, что твое сердце не имеет нужды в подобных поощ-

рениях, но мне, в мои теперешние лета, испытав, по некоторым обстоятельствам более другого, размышляя не менее других, мне сладко с глубоким убеждением принести это свидетельство в пользу первых чистых вдохновений сердца, простительных, годных, по мнению эгоизма, только в одну пору, а по мне — священных, драгоценных во всякое время. — Я заболтался, душа моя, но от доброго сердца. Желание мое состоит в том, чтобы ты воротился из дальних странствий каким поехал и обнял бы меня с старинною горячностью. Скажи Максимовичу, что я пришлю ему первую пьесу, которая у меня напишется <см. далее: ноябрь, 29; дек., 12>. Ежели же Музы ко мне не будут милостивы, то пусть на меня не пеняет и любит меня по-прежнему. Прощай, мой милый, поклонись от меня и от жены моей милой твоей маменьке. Когда будешь писать к Соболевскому, скажи ему от меня несколько добрых дружеских слов. Напиши, когда именно ты выезжаешь из Москвы. — Жена моя тебя очень благодарит за твое дружеское воспоминание и любит тебя столько же, сколько я».

ТС. С. 6—7 (с датой: весна 1829); Изд. 1987 (дата: осень 1829). Дата уточнена по контексту предыдущего и последующего писем Киреевскому (см. выше: окт., перв., пол. и далее: ноябрь, 29). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 2—3 об.

А. П. Елагиной: «Vous êtes si pleine de bonté pour moi, madame...» — Перевод: «Вы так добры ко мне, что я даже не берусь выразить вам мою благодарность. Позвольте мне откинуть общепринятые формы; предположите, что они уже соблюдены, и предоставьте мне пользоваться правами дружбы, которую я давно ценю. Я бы почел себя очень счастливым, ежели те минуты, которые вы посвящаете мне в вашем воспоминании, могли бы несколько отвлечь вас от чувств более тягостных. Я воображаю ваше горе при разлуке с вашим сыном. Я предался ему с такою полною дружбой, что не удивляюсь, если, думая о нем постоянно, вы вспоминаете иногда обо мне. Я вам премного обязан за присланные вами стихотворения. В них много простодушия и оригинальности. Стихотворение «Ласточки» исполнено грации; но мне еще более нравится: «Du bist wie eine Blume». В этом последнем есть чувство, которое, конечно, испытал всякий, кто только одарен душою не чуждой восторженности; но никто не решался выразить этого чувства, по чрезвычайной простоте его. Мне кажется, что я разговариваю с вами, когда пишу к вам. Мне так часто случалось рассуждать и спорить при вас о литературе. Вы принимали такое живое участие в том, что обыкновенно занимает только людей причастных к этому делу, что я все еще сохраняю привычку обходиться с вами как с собратом по ремеслу. Мы с женою искренно благодарим вас за участие, принимаемое вами в нашем домашнем благополучии: это роскошь чувства с вашей стороны, так как вы сами так счастливы в вашем милом семейном кругу. Прошу вас напомнить обо мне г-ну Елагину и верить тому, что я всегда с истинно отрадным чувством думаю о дружбе моей с вами и с своей стороны искренно предан вам. — Е. Боратынский».

Изд. 1869. С. 518—519. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 28.

Погодину, с ошибкой в его именовании — вместо Михаил Петрович: «Милостивый государь Михайло Александрович. — Домашние, непредвиденные мною хлопоты отвлекают меня от литературы и не имея возможности изготовить обещанные мною статьи для нашего Альманаха я принужден отказаться от участия в его издании. Маловажные стихотворения, которые я мог бы вам доставить, помогли бы вам не много и в этом случае я обязан отдать себе справедливость. Искренне радуюсь изданию «Московского вестника» на будущий год. Он нужен нашей литературе. Почитаю долгом записаться в его службу и тем доказать по крайней мере мое словесное правоверие. — Прошу вашего снисхождения к моей неустойке, поверьте, весьма не добровольной. Надеюсь, что вы не перемените ко мне вашего

доброго расположения, которое мне весьма дорого. — С истинным почтением честь имею быть, — милостивый государь, — ваш покорный слуга — Е. Боратынский».

Барсуков. Кн. 2. С. 327 (неточная копия письма): Изд. 1936. Т. 1. С. XXXV (фрагмент); *Хетсо*. С. 594 (полный текст; датировка: 1829). Автограф — РГБ. Ф. 231/II. Карт. 47. № 9. Л. 2—3. — Речь в письме идет об альманахе, который предполагали издать к 1830 г. Погодин и Киреевский и для которого Боратынский собирался приготовить ряд прозаических статей (см. выше: сент., до 22—23).

ОКТЯБРЬ, 20-е числа (?). Мара. Боратынский — Коншину в Царское Село (письмо без даты — ответ на несохранившееся письмо Коншина от 12 октября): «Посылаю тебе, милой Коншин, обещанные стихи <«Фея»; «В альбом отъезжающей»; «Что за пользы нам от шумных ваших прений...» — см. далее: дек., 2>. Ты извинишь их неполновесность и поверишь, что вклад мой маловажен не от скупости, а от бедности. Я получил письмо твое, адресованное в Кирсанов. От души поздравляю тебя отцом и милой твоей Олиньке желаю все, что ты ей желаешь. Воображаю твою радость и очень, очень бы желал вместе с Дельвигом быть у тебя на крестинах. Когда-то сведет нас Бог! Моя жизнь, кажется, всегда будет делиться между Москвою и Тамбовом; ты основался в Царском Селе, но кому известно будущее! Может быть, свидимся: дай только Бог, чтобы не тяжелыми переворотами мы были выведены из теперешнего круга. Жена моя усердно благодарит милую Авдотью Яковлевну за ее доброе расположение, и ей было бы очень грустно, ежели б вы ее считали себе чужою. Прощай, милый Коншин, обнимаю тебя от всей души. Спасибо тебе за известие о Лутковском: я давно о нем не имею ни слуха, ни духа. Куда он отправился: и дали ли ему какую-нибудь команду. Я несколько знаю его родных и не могу постигнуть, от какого дяди досталось ему наследство. — Е. Боратынский. — P. S. Под стихотворением моим «Фея» выставлен год <1824>: не забудь его напечатать в твоем альманахе, это мне нужно».

Лернер 1908. С. 762 (дата: ноябрь 1829); Изд. 1987. С. 188 (дата: окт.—ноябрь 1829). Автограф — РНБ. Ф. 369. Оп. 1. №. 22. Л. 5. Уточнение даты связано с датой письма Коншина (см. выше: окт., 12) и с обещанием Боратынского в предыдущем письме (сент., ок. 20) прислать стихи для альманаха к 1 ноября.

НОЯБРЬ, 12. Дрезден. Н. М. Рожалин — А. П. Елагиной в Москву: «<...> Вы полюбили Баратынского? Это значит, что он стоит любви и что я худо знал его. Часто я сужу о людях слишком поспешно; особенно бываю опрометчив в своих антипатиях. Так случилось и на счет Баратынского <...>».

РА. 1909. № 8. С. 592. Ср. с др. письмом Рожалина — см. выше: март, 14.

НОЯБРЬ, 18. Петербург. Запись в дневнике К. С. Сербиновича: «Еду к Сомову, он сообщает мне мысль свою и Дельвига об издании журнала, в коем участвовали бы Пушкин, Баратынский, Языков etc. Говорил, что ждут Вяземского из Москвы».

ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 257.

НОЯБРЬ, 22. Петербург. Сомов отправляет цензору Сербиновичу стихи Боратынского для «Северных цветов» на 1830 г.: **«Муза» («Не ослеплен я музою моею...») и «Сцена из поэмы: Вера и неверие» («Под этой липою густою...»)**. — См. далее: дек., 20.

Вацуро СЦ. С. 187.

НОЯБРЬ, до 29. Мара. Письма Боратынского в Москву к И. В. Киреевскому и М. П. Погодину (оба без дат):

Киреевскому: «Доставь, душа моя, эти стихи Максимовичу <отрывок из поэмы «Наложница» для альманаха «Денница» на 1830 год — см. далее: дек., 12> и поблагодари его за милое его письмо. Не отвечаю ему за недосугом и спеша отправить на почту мой посильный оброк его альманаху. В последнем моем письме я непростительно забыл благодарить твою маменьку за намерение прислать мне Вальтер-Скоттовскую новинку. Я, кажется, ее уже имею: это — Charles le Téméraire <Карл Смелый>, не правда ли? По приложенным стихам ты увидишь, что у меня новая поэма в пяльцах, и поэма ультра-романтическая <«Наложница»>. Пишу ее, очертя голову. Прощай, мой милый, обнимаю тебя преусердно, разумеется, что также свидетельствую мое почтение всему твоему дому, мне очень, очень любезному. — Е. Боратынский».

ТС. С. 8 (датировано по почтовому штемпелю: 29 ноября 1829). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. №8. Л. 1—1 об. Адрес на письме: «Его благородию Милостивому Государю Ивану Васильевичу Киреевскому. У Красных ворот в доме Елагина бывшем Мертваго в Москве».

Погодину (вновь с ошибкой в отчестве): «Извините, любезный Михайло Александрович, что пишу к вам только два слова. Я вырвался на минуту от деревенских гостей, чтобы препоручить себя вашему доброму расположению и отправить к вам прилагаемое стихотворение <**«Подражателям»** — см. далее: дек., 31>. Любите преданного — Е. Боратынского».

Хетсо. С. 593 — датировано по почтовому штемпелю: Кир<санов> 29 ноя<бря> 1829; адрес на письме: «Его Высокоблагородию милостивому государю Михайлу Александровичу Погодину в книжной лавке Ширяева, в Москве». Автограф — РГБ. Ф. 231/II. Карт. 47. № 9. Л. 1.

ДЕКАБРЬ, 2. Петербург. Ценз. разр. альманаху Е. Ф. Розена и Н. М. Коншина «Царское Село» на 1830 г. (вышел 14 янв. 1830) со стих. **«В альбом отъезжающей» («В небе нашем исчезает...»)** (С. 133; подпись *Е. Баратынскій*; с разночтениями и др. загл. напечатано в Изд. 1835: «К. А. Свербеевой»; др. ред. — Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 278); **«Эпиграмма» («Что пользы нам от шумных ваших прений...»)** (С. 140; подпись *Е. Баратынскій*; с разночтением и без загл. вошло в Изд. 1835; эпиграмма имеет в виду полемику 1829 г. между Н. А. Полевым и С. Е. Раичем, шедшую в журналах «Московский телеграф» и «Галатея»); **«Фея» («Порою ласковую фею...»)** (С. 157; подпись *Е. Баратынскій. 1824-го года*; перепечатано в альманахе «Роза Граций» на 1831 г. С. 28—29; без изменений и без загл. вошло в Изд. 1835); **«Невесте» («Не раз Гимена клеветали...»)** (С. 234; подпись *Е. Б—ій. Роченсальм 1824*; др. ред. нет; сочинено, видимо, в связи с женитьбой Коншина, состоявшейся 3 сент. 1824 г., и обращено к его невесте А. Я. Васильевой; Коншин отвечал Боратынскому стихотворением «Спасибо за восемь стихов», опубл. в 1831 г. в «Гирлянде» М. А. Бестужева-Рюмина). — Здесь же, в «Царском Селе», опубл. с посвящением Боратынскому и Коншину «Застольная песня» («Ничто не бессмертно, не прочно...») (С. 138; подпись *Б. Д.* <Барон Дельвиг>; сочинена — см. 1823, сент., 10-е числа).

ДЕКАБРЬ, 10. Москва. Ценз. разр. альманаху П. Н. Арапова и Д. И. Новикова «Радуга» на 1830 г. (вышел 12 дек.) со стих. **«Чудный град» («Чудный град порой сольется...»)** (С. 160; подпись *Е. Баратынскій*; с разночтением и без загл. вошло в Изд. 1835).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 54 об. (дата выхода).

ДЕКАБРЬ, 12. Москва. Ценз. разр. альманаху М. А. Максимовича «Денница» на 1830 г. (вышел в январе 1830) с **«Отрывком из поэмы»** <«Наложница»>

(С. 136—138; подпись *Е. Баратынскій*; напечатан фрагмент 1-й главы от слов «...Поздно, господа...» — до «Уже бледнеющих свечей...»). — Здесь же «Обозрение русской словесности за 1829 год» И. В. Киреевского, где о Боратынском сказано:

«<...> многие утверждают, что французское направление господствует также и в произведениях Баратынского <выше в той же статье Киреевский, оценивая поэзию Вяземского, писал: «Следуя преимущественно направлению французскому, он умеет острые стрелы насмешки закалять в оригинальных мыслях и согревать чувством всегда умную, всегда счастливую *игру ума*»>; но, по нашему мнению, он столько же принадлежит к школе французской, сколько Ламартин, сколько сочинитель «Сен-Марса» <А. де Виньи>, сочинитель «Заговора Малета» <О. Каве и А. Дитмер>, сколько наш Пушкин и все те писатели, которые, начав свое развитие мнениями французскими, довершили его направление европейским, сохранив французского одну доконченность внешней отделки. — Поэзия собственно французская, как утреннее солнце, золотит одни вершины. <...> Но муза Баратынского, обняв всю жизнь поэтическим взором, льет равный свет вдохновенья на все ее минуты и самое обыкновенное возводит в поэзию посредством осветительного прикосновения с *целою* жизнью, с господствующею мечтою. Оттого, чтобы дослышать все оттенки лиры Баратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, не замеченного с первого взгляда — верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту точность в выражениях и оборотах, эту мерность изящную, эту благородную щеголеватость? Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка. — Между тем красота жизни поэтической, с лица которой муза Баратынского сняла покрывало до половины, доказывает нам, что поэт еще не весь выразился в стихах своих; что мы должны ожидать еще несравненно более того, что он совершил; что ему еще предназначено столько превзойти наши ожидания, сколько разоблачение красоты может удивить воображение. — Но в его «Бальном вечере» <«Бал»>, напечатанном в прошлом году, есть недостаток, которого нет в «Эде», ни в «Переселении душ», этом милом, остроумном-мечтательном капризе поэтического воображения: в «Бальном вечере» Баратынского нет средоточия для чувства и (если можно о поэзии говорить языком механики) в нем нет одной *составной силы*, в которой бы соединились и уравновесились все душевные движения. Несмотря на то, однако ж, эта поэма превосходит все прежние сочинения Баратынского изящностью частей, наружною связью целого и совершенством отделки. В самом деле, кто, прочтя ее, не скажет, что поэт сделал успехи; что самые недостатки его доказывают, что он требовал от себя больше, чем прежде; что смешение тени и света здесь не сумерки, а рассвет, заря новой эпохи для его таланта<...>».

ДЕКАБРЬ, до 20. Мара. Боратынский — Вяземскому в Москву (письмо без даты — ответ на несохранившееся письмо Вяземского): «По приезде моем в деревню ежедневно собирался я вам напомнить о себе, любезный князь, но как-то все не удавалось, и я оставался при благом намерении. Могу вас, однако, уверить, что письмо ваше не предупредило бы мое, ежели бы пришло одною почтою позже. Благодарю вас за присылку вашей рукописи <перевод романа Б. Констана «Адольф»>; я не принесу ей великую пользу, но для меня чрезвычайно любопытен перевод светского, метафизического, тонко чувственного «Адольфа» на наш необработанный язык, и перевод вашей руки. Я еще не успел разглядеть его. Набег целой орды соседей отнял у меня на дело время. Но я уверен в вашем успехе, и этот успех должен быть эпохальным для нашей словесности. Сердечно радуюсь вашему предисловию к Ф.-Визину <«Введение к жизнеописанию Фон-Визина» — опубл.: ЛГ. 1830. № 2. 6 янв.>. Вы один на поприще нашей литературы поступали, как настоящий писатель, вы передаете ваше мнение обо всем и, наконец, нам будет известно, что вы о чем думали, между тем, как все другие русские писатели,

даже с дарованием, вовсе без образа мыслей. Дельвиг мне пишет <это письмо неизвестно>, что вы вместе с ним издаете «Литературную Газету»: правда ли это? И как хорошо, ежели это правда! Что бы вы ни издавали, прошу почитать меня вашим сотрудником малосильным, но усердным. С <Н. И.> Кривцовым <жил в ближайшем соседстве с Марой — имении Любичи>, за моим нездоровьем, виделся я только один раз. Он человек любопытный своею оригинальностью и в наших краях он служит предметом множества пересудов; я пользуюсь деревенским уединением, но не совсем так, как вы советуете. Проза мне не дается, и суетное мое сердце все влечет меня к рифмам. Я пишу поэму. В альманахе Максимовича вы найдете один из нее отрывок <см. выше: дек., 12>. Боюсь, не чересчур ли он романтический. Свидетельствую усердное мое почтение княгине и вас прошу о продолжении вашей дружбы, мне драгоценной во всех отношениях. Я истинно к вам привязан, мне кажется, что вы угадываете это, и ничто меня столько не радует. — Преданный вам Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 5. С. 47—48. Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 1—2 об. Дата на штемпеле: *Кирсанов. 20 дек. 1829.* Адрес: «Его Сиятельству Князь Петру Андреевичу Вяземскому между Тверской и Никитской в Чернышевском переулке в собственном доме в Москве».

ДЕКАБРЬ, 20. Петербург. Ценз. разр. «Северным цветам» на 1830 год (вышли через несколько дней) со стих. **«Эпиграмма»** <на Н. А. Полевого> **(«В восторженном невежестве своем...»)** (С. 7; подпись *Баратынскій*, др. ред. — нет); **«Сцена из поэмы: Вера и Неверие» («Под этой липою густою...»)** (С. 88—94; подпись *Баратынскій*; др. ред. — нет; под загл. «Отрывок» текст перепечатан в Изд. 1835); **«Муза» («Не ослеплен я музою моею...»)** (С. 94; подпись *Баратынскій*; с разночтениями и без загл. вошло в Изд. 1835).

ДЕКАБРЬ, 23. Москва. На заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете Боратынский заочно избран в члены общества (наряду с Пушкиным, Булгариным и Верстовским). — Сообщение об избрании опубл. в «Московских ведомостях» 1 янв. 1830. — Видимо, Боратынский посещал некоторые собрания Общества в 1826—1829 гг. (см., например: 1827, февр., до 27 или июнь, до 18); о том, как он реагировал на свое избрание одновременно с Булгариным, — неизвестно. Вряд ли порадовался.

Словарь ОЛРС. С. 234—236 (дата).

ДЕКАБРЬ, 23. Москва. Погодин — Шевыреву в Рим: «Кир<еевский> выезжает 3 января. <...> в журнал он дал мне кое-что. Языков помогает прекрасно. Барат<ынский> прислал» <стих. «Подражателям» — см. далее: дек., 31>.

РА. 1882. № 5. С. 125.

ДЕКАБРЬ, 27. Имение Мяза Сызранского уезда Симбирской губ. Д. В. Давыдов пишет Жуковскому о замечаниях, которые сделали в рукописи его элегии «Бородинское поле» Вяземский и Боратынский: «<...> Первого замечания весьма справедливы, а последний на скребке своем, кажется, унес первобытную силу и огонь этой поэтической вспышки <...>».

РС. 1903. № 8. С. 447.

ДЕКАБРЬ, 31. Москва. Ценз. разр. «Московскому вестнику» (1830. Ч. 1. № 1; вышел 8 янв. 1830) со стих. **«Подражателям» («Когда печаль свою поет...»)** (С. 7—8; подпись *Баратынскій*). Др. ред.: «Когда печалью вдохновенный..» — Изд. 1835.

1830—1832(?)

Написан мадригал, адресованный сестре жены — Софии Львовне Энгельгардт: **«Нежданное родство с тобой даруя...»**.

Впервые опубл. И. С. Тургеневым под загл. «С. Л. Энгельгардт»: Совр. 1854. № 10. С. 154. Датировка текста сделана согласно датам, проставленным Н. Л. Боратынской над копией этого стих.: «в 1830, 1831, 1832» (ПД. № 21.732. Л. 57 об.).

1830

Боратынский с семьей живет в Маре до весны; весной возвращается в Москву.

ЯНВАРЬ, 1. Петербург. Вышел № 1 «Литературной газеты».

ЯНВАРЬ, 1. Москва. Объявление в «Московских ведомостях» «об избрании <20 дек. 1829> в члены общества <любителей российской словесности при Московском университете> Корифеев Словесности нашей: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. В. Булгарина и отечественного Композитора Музыки А. Н. Верстовского».

ЯНВАРЬ, 2. Москва. Вяземский — Пушкину в Петербург: «Сделай милость, откажись от постыдного членства Общества любителей русского слова. Мне и то было досадно <...>, что тебя и Баратынского выбрали вместе с Верстовским, а вчерашние «Московские ведомости» довершили мою досаду: тут увидишь: Предложение об избрании <...>» — Далее см. предыдущую дату.

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 54.

ЯНВАРЬ, 7. Москва. И. В. Киреевский отправился в заграничное путешествие (вернется к 16 ноября).

Черейский 1988. С. 191 (дата приезда в Пб.: 11 янв. 1830).

ЯНВАРЬ, 8. Москва. Вышел «Московский вестник» (1830. Ч. 1. № 1) со стих. **«Подражателям»**. См. выше: 1829, дек., 31.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 57 об. (дата).

ЯНВАРЬ, 14. Петербург. Вышел альманах Розена и Коншина «Царское Село» на 1830 г. со стих. Боратынского **«В альбом отъезжающей»**, **«Эпиграмма»** (**«Что пользы нам от шумных ваших прений...»**), **«Фея»**, **«Невесте»**. См. выше: 1829, дек., 2.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 262. Л. 3 об. (дата).

ЯНВАРЬ, середина месяца. Москва. Вышла «Денница» на 1830 г. с **«Отрывком из поэмы»** <«Наложница»> Боратынского и «Обозрением русской словесности за 1829 год» И. В. Киреевского. См. 1829, дек., 12.

ЯНВАРЬ, середина месяца (?). Мара. Боратынский — С. Л. Энгельгардт в Москву (без даты): «J'étais tout prêt ma bonne Софинька à vous faire une longue épitre morale au sujet de Киреевской lorsque la lettre de papa nous a annoncé son départ pour l'étranger. Je suis tout à fait fâché contre lui. Les insinuations qu'il vous a faites lorsqu'il ne songeait qu'à postes sont d'un fat sentimental aussi ridicule que malhonnête et vous devez peu le regretter. Votre sort ma bonne Sophie et la difficulté que vous aurez de trouver un cœur digne du votre me comble de peine et mélange tristement le plaisir que j'ai à me représenter tous vos succès dans le monde. Au reste Dieu est bon et s'il vous a fait

telle que vous êtes ce n'est pas sans doute pour que votre belle existence ne trouve pas d'application. Nous avons une noue <?> dans la maison mais ce n'est qu'une noue. Les individus se conviennent peut-être mais leur vulgaire sympathie n'emeut guères. <1,5 строки зачеркнуты> Quand nous verrons-nous ma chère enfant? Je languis loin de ma véritable famille. Je compte les mois qui me restent à passer ici malgré Nastinka qui le craint comme mauvais augure. Je suis bien fâché d'avoir parlé dernièrement avec tout de malveillance de votre bonne Nadinka c'est qu'il nous est venu dans l'idée que votre eloignement de son frère avait refroidi son amitié pour vous. Son billet à Nastinka m'a reconcilié avec elle et je l'avoue de tout mon coeur qu'elle n'a pas cessé de vous aimer. Adieu mon cher ange portez vous bien et dites moi quelques mots d'amitié. Je vous embrasse du meilleur de mon coeur. — E. Boratinsky».

Перевод: «Я совсем уже было приготовился, любезная Софинька, написать тебе длинное нравоучительное послание по поводу Киреевского — и как раз письмо от папеньки <Л. Н. Энгельгардта> возвестило нам его отъезд за границу. Я весьма на него сердит. Измышления, которые он тебе передавал, — в то время как сам думал только о предстоящем путешествии, достойны сентиментального фата, столько же смехотворного, сколь непорядочного,— и тебе не стоит о нем жалеть. Твоя судьба, дорогая Софи, и те затруднения, с которыми ты столкнешься в поисках сердца, столь же возвышенного, сколь твое, огорчают меня; это примешивает толику грусти к тому удовольствию, которое доставляют мне твои успехи в свете. Впрочем, Бог милостив, и если уж он создал тебя такой, какая ты есть, то, наверное, не для того, чтобы твоя прекрасная жизнь не нашла себе применения. У нас дома всё то же. Некоторым, может быть, это и по нраву, но их неразвитые чувства не пробуждают ответа. Когда-то мы свидимся, милое дитя? Я изнываю вдалеке от моего настоящего семейства. Я считаю месяцы, которые мне остается еще провести здесь, хотя Настинька, которая принимает это за дурное пророчество, и выговаривает мне за то. В последний раз я очень некстати с такой недоброжелательностью говорил о твоей милой Надиньке: нам пришло в голову, что твой разрыв с ее братом уменьшил ее расположение к тебе. Ее записочка к Настиньке примирила меня с нею, и я охотно соглашаюсь, что она не переставала тебя любить. Прощай, мой милый ангел, будь здорова; жду от тебя дружеских слов. Обнимаю тебя от всей души — Е. Боратынский».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 4—5 об. (в конце письма прописными буквами: *Соничке*). Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Датируется по упоминанию об отъезде И. В. Киреевского за границу (см. выше: янв., 7).

ЯНВАРЬ, вторая половина ... АВГУСТ (?). Мара (?). Москва (?). Мураново (?). Письмо Боратынского Путяте в Петербург (без даты, ответ на несохранившееся письмо Путяты): «Переписка наша, милый Путята, прервалась просто потому, что ты уехал в армию, и я не знал, куда адресовать тебе мои письма. Благодарю тебя за твое дружеское воспоминание. Ты меня им истинно порадовал. Письмо твое мне показывает, что есть еще люди, с которыми можно вспомнить старину и подышать ею. Я тоже не переставал помнить и любить тебя. Милый мой Путята, мы с тобою редкие люди! Как бы я хотел тебя видеть и поговорить вдоволь души. Знаю твои теперешние огорчения и принимаю в них самое живое участие. Утешать тебя нечего; но мы бы погоревали вместе. Ты познакомил меня с Адрианополем <см. 1829, авг., 30>. Письмо твое живо и занимательно: ты бы отдал его в «Литературную газету» <«Письмо из Адрианополя» опубл. в ЛГ. 1831. № 16>. С тех пор, как мы расстались, в жизни моей не было никакой перемены, и слава Богу. Ты все еще при Арсении Андреевиче. Напиши мне, что у вас поделывается, ведь я de la famille <человек семейный>. Как я живо помню гельсингфорскую жизнь! Ты по обязанности часто посещаешь Финляндию. Поверишь ли, что я бы с большим удовольствием теперь навестил ее. Я думаю о ней с признательностью: в этой стране я нашел много добрых людей, лучших, нежели те, которых узнал в отечестве; нашел тебя; этот край был пестуном моей поэзии. Лучшая мечта моей поэтической гор-

дости состояла бы в том, чтобы в память мою посещали Финляндию будущие поэты. Прощай, милый Путята, пиши ко мне: я не буду ленив на ответы. Обнимаю тебя от всей души».

Путята 1867. С. 279—280 (дата: 1830); Изд. 1983. С. 264 (дата: лето 1830). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 36—37 об. Упоминание ЛГ позволяет датировать письмо не ранее чем серединой января 1830 — временем, когда Боратынский уже точно знал о регулярном выпуске газеты; вряд ли письмо могло быть написано позднее августа: если бы это было так, то, наверное, Боратынский написал что-либо о холере, разыгравшейся осенью 1830 г. в Москве.

ЯНВАРЬ, 23. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1830. Ч. 31. № 1; ц. р. 2 янв.) со статьей Н. А. Полевого «Пиитическая игрушка, отысканная в сундуке покойного дедушки классицизма», включавшей пародию на Боратынского и Дельвига (С. 95; подпись под статьей: *—ховъ*):

Шалун, Гораций наших лет,
О милый баловень досуга!
Ты позабыл поэта-друга,
Душемутительный поэт!
О Баратынский! Ты поэт,
И я поэт, мы все поэты.
Ты среди волн туманной Леты
Не утонул, поэт-атлет.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 59 об. (дата).

ЯНВАРЬ, до 24. Мара. Боратынский — Вяземскому в Москву: «С благодарностию возвращаю вам «Адольфа» <рукопись перевода — см. 1829, дек., ок. 20> и прошу извинить долгую его задержку. Ее некоторым образом оправдывает семейное событие, в котором трудно сохранить свободу мыслей, нужную для литературной работы. Сестра моя была помолвлена <см. далее: янв., 31>, и среди общей домашней суеты я не мог оставаться спокойным. Вы победили великие трудности в вашем переводе, но ежели вы мне позволите сказать мое мнение, живо пораженные красотою оригинала, как всякой хороший переводчик, вы наложили на себя слишком строгую верность переложения. Знаю, что перифрасы не имеют большого достоинства; но должно уступать необходимости и там, где вы — опытный знаток русского языка — находите невозможность сохранить точные выражения подлинника, там она наверное существует. Я обременил тетрадь вашу замечаниями. Ни за одно из них не стою, но все вместе отдаю на ваше рассмотрение. Вы сами распознаете, которое дельно, которое нет. Может быть, иное из них внушит вам счастливую переправку. Противуречие возбуждает, а намеки заставляют угадывать. Ежели это правда, я оказал вам истинную услугу, немилосердно испещрив вашу рукопись. — Я не получил никакого отношения от нового литературного общества, о котором вы говорите. Против партий должно действовать партиями. Составим свое общество, призовем всех людей с дарованием и будем издавать труды его, ежегодно, ежемесячно, как придется. Мы теряем потому, что мы ленивы, а противники наши деятельны. На публику действует не качество, а количество произведений. Все ее мнения похожи на мнения религиозные. Они впечатлеваются повторением, а не убеждением. Одним словом, надобно действовать. Вы скажете: c'est bon à dire <легко сказать>, и я пойму вас, но не так c'est bon à faire <легко сделать>. Попробуем; ежели не удастся, не нам привыкать к беззаботности. Препоручаю себя вашему доброму расположению. Будете ли вы в Москве на эту зиму? — Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 5. С. 48—49. Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 3—4 об. Датировка по штемпелю: *Кирсанов 24 генваря 1830.* Адрес: «Его Сиятельству Милостивому

Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Между Тверской и Никитской в Чернышевском переулке в приходе Малого Вознесения в собственном доме в Москве. При сем посылка с лит.: Е. Б.»

ЯНВАРЬ, 25. Петербург. В № 11 «Северной пчелы» — рецензия Булгарина на «Денницу» (см. выше: 1829, дек., 12; 1830, янв., сер.) с резкой критикой отрывка из «Наложницы» и отзыва Киреевского о поэзии Боратынского:

«<...> К свече приставя трубку *задом*,
Ждет третий пасмурный чудак,
Когда закурится табак,
Лихия шутки *сыплют* градом,
Но полно, вон валит *кабак*.

Мы не станем делать своих замечаний; пусть читатель верит призванному критику <т. е. Киреевскому>. Как сметь судить после такого судии! Разве читатель забыл сказанное критиком, что если б явился идеал лучшего общества, то в избранном его кругу не знали бы другого языка, кроме языка стихов Баратынского? Нам особенно любопытно знать, как бы произнесли дамы этого идеала лучшего общества пять последних стихов?»

ЯНВАРЬ, 26. Петербург. Вышел № 6 «Литературной газеты» с объявлением Сомова о выходе «Царского Села» (см. выше: янв., 14). После перечня опубликованных в альманахе стихов цитируется эпиграмма Боратынского на Полевого и Раича «Что пользы нам от шумных ваших прений...».

ЯНВАРЬ, 27. Москва. Погодин — Шевыреву в Рим: «Лит<ературная> газета издается с целию убить Булгарина и Полевого; а этот говорит: постойте, я (Пол<евой>) втопчу их в грязь (Пушк<ина>, Барат<ынского> и пр.); ведь я их поднял, мною они дышали, и начинает ругать их наповал».

РА. 1882. № 6. С. 130. См. далее: февр., 1; февр., 11.

ЯНВАРЬ, 27. Петербург. Вышло 2-е изд. книги Н. И. Греча «Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением правил риторики и пиитики и истории русской литературы. Часть 4-я» (СПб., 1830; ц. р. 28 окт. 1829) — здесь в разделе истории русской литературы среди «живущих ныне» писателей Боратынский упомянут десятым в следующем реестре: 1. П. А. Вяземский; 2. Д. В. Давыдов; 3. А. Ф. Воейков; 4. В. И. Панаев; 5. М. Е. Лобанов; 6. Ф. Ф. Кокошкин; 7. П. А. Катенин; 8. М. Н. Загоскин; 9. А. А. Перовский (А. Погорельский); «10. Евгений Абрамович Баратынский. Поэт с необыкновенным талантом, пишет послания, повести, сказки, эпиграммы и т. д. 11. Барон Антон Антонович Дельвиг, отличается русскими песнями и народными идиллиями» (С. LV-LVI).

ЯНВАРЬ, 31. Мара. В марской церкви венчание сестры Боратынского Варвары и Александра Рачинского (см. Род. № 13.8). Свидетели («поручители») — Боратынский и А. В. Недоброво (сосед Боратынских).

РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 342. Л. 1.

Видимо, к ближайшим годам после замужества Варвары Абрамовны относятся две приписки Боратынского к недатированным письмам Настасьи Львовны к Варваре Абрамовне Боратынской (Рачинской) (в Мару ?):

1. «Je prie Alexandre de vous embrasser, ma chère Varinka pour le joli cadeau que vous avez fait à Саша. Je me rappelle au bon souvenir de votre mari et au votre. — E. Boratinsky». 2. «Pardon chère Варинька si je ne vous écris presque pas. Vous savez que cela ne m'empêche pas de vous aimer beaucoup. Je vous embrasse mon enfant et de tout mon coeur. Si vous voulez des détails adressez vous à Nastinka pour moi je n'ai jamais la tête à cela. Adieu aimez moi tel que je suis». — Перевод: 1. «Прошу Александра

<Рачинского> расцеловать тебя, любезная Варинька, за прекрасный подарок, который ты сделала Саше <дочери Боратынских>. С лучшими чувствами вспоминаю о тебе и о твоем муже. — Е. Боратынский». 2. «Прости, любезная Варинька, что я почти не пишу. Но ты ведь знаешь, что я тебя все равно люблю. Целую тебя, дитя мое, от всего сердца. Если ты хочешь знать подробности, то обратись к Настиньке, ибо я не способен их воспроизвести. Прощай, люби меня таким, каков я есть».

РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 426. Л. 2, 67 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

ФЕВРАЛЬ. Петербург. Вышел «Славянин» Воейкова (1830. Ч. 13. № 3), где опубликован перевод Боратынского из «Гения христианства» Шатобриана (см. 1821? — 1822?) **«Логография и происшествия исторические, доказывающие истину Библейской хронологии»** (С. 222—234; подпись *Б—й*).

Атрибуцию перевода см.: *Гофман* 1914—1915. Т. 2. С. VI. См. также: *Хетсо*. С. 271—272.

ФЕВРАЛЬ, 1. Москва. А. П. Елагина — С. А. Соболевскому: «<...> Недавно Полевой сказал при многих, что Пушкин, Вяземский и Баратынский одним им стали так известны и что он втопчет их опять в ту грязь, из которой вынул <...>».

РА. 1882. № 6. С. 130.

ФЕВРАЛЬ, 5. Петербург. Вышел № 8 «Литературной газеты» с рецензией Пушкина на альманах «Денница» (см. 1829, дек., 12).

Рецензия посвящена преимущественно «Обозрению...» Киреевского; в частности, при пересказе фрагмента статьи, посвященного Боратынскому, имеются два замечания: «<...> Он <Киреевский> видит в нем <Боратынском> поэта самобытного, своеобразного. <...> Автор справедливо ставит «Эду», одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии, выше «Бального вечера», поэмы более блестящей, но менее изящной, менее трогательной, менее вольно и глубоко вдохновенной».

ФЕВРАЛЬ, 11. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1830. Ч. 31. № 2) со статьей К. А. Полевого «Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 года, помещенные в «Деннице» и «Северных цветах» (С. 203—232).

И статья Киреевского и статья Сомова оцениваются скептически, а о фрагменте «Обозрения» Киреевского, посвященном Боратынскому, сказано: «<...> О знаменитые друзья!.. <...> Даже недостатки он ставит г-ну Баратынскому в достоинство <...>». — В приложении к этому номеру «Московского телеграфа» — «Новом живописце общества и литературы» (1830. № 2) помещена «Эпиграмма» Н. А. Полевого на Боратынского (С. 32; подпись *Гамлетов*):

Зачем мою хорошенькую Музу,
Голубчик мой, ты вздумал освистать?
Зачем, скажи, схоластики обузу
На жар ума ты вздумал променять?
Тебя спасал сто раз, скажи, не я ли?
Не я ль тебя лелеял и берег,
Когда тебя в толчки с Парнаса гнали,
Душа моя, Парнасский простачок.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 62 об. (дата).

ФЕВРАЛЬ, 20. Запись в дневнике А. Н. Вульфа с цитатой из стих. Боратынского «Сердечным, нежным языком...»:

«<...>Совершенно от меня зависело увенчать его <Дельвига> чело, но его самого я слишком много любил, чтобы так поступить с ним. Я ограничился наслаждением вечера, которые я просиживал почти наедине с ней <С. М. Дельвиг> <...> проводить в разговоре

пламенным языком сладострастных осязаний» (*Вульф.* Изд. 1994. С. 305). Вероятно, стих., откуда взята цитата, было одним из тех двух, публикации которых Боратынский воспротивился в конце 1828 г. (см. его письмо к Дельвигу: 1828, дек., до 4) (подсказано М. В. Строгановым).

ФЕВРАЛЬ, 25—26. Вяземский уезжает из Москвы в Петербург (прибыл 1 марта; вернулся в Москву 14 авг.).

Вяземский. Изд. 1963. С. 426; *Гиллельсон* 1969. С. 179.

ФЕВРАЛЬ, 28. Москва. Ценз. разр. приложению к «Московскому телеграфу» — «Новому живописцу» (1830. № 3) с пародией Н. А. Полевого на Боратынского: «Разуверение (Элегия)» (С. 48—50; подпись *И. Пустоцветов*).

МАРТ, 3. Москва. Ценз. разр. изданию: «Эвтерпа, или Собрание новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых русских поэтов» (М., 1831); здесь помещены стих. Боратынского: **«Догадка»** (С. 22—23); **«Вчера ненастливая ночь...»** (С. 37); **«Цветок»** (С. 71—72); **«Взгляни на звезды: много звезд...»** (С. 83—84); **«Заснули рощи над потоком...»** (С. 129—130); **«Страшно воет, завывает...»** (С. 142—144) (подпись под каждым стих.: *Е. Баратынскій*).

МАРТ, 14. (26). Берлин. И. В. Киреевский — А. П. Елагиной в Москву: «<...> Напомните всем, кого увидите, обо мне, особенно моему милому Баратынскому. Я нехотя виноват перед ним: я причиной глупой булгаринской выходки <см. выше: янв., 25>. Надеюсь, однако, что он умеет платить презрением за покупную брань и корыстную хвалу <...>».

Елагин. Изд. 1911. С. 36.

МАРТ, 18. Москва. Ценз. разр. приложению к «Московскому телеграфу» — «Новому живописцу» (1830. № 4) с «Эпиграммой» Н. А. Полевого на Боратынского (С. 66; подпись *Гамлетов*):

Когда тебя свистком своим лихим
Достигнет рой журнальных почтальонов,
Поэт, мой друг, не отвечая им,
Перемени свой плавный стих Назонов
На бешеный ты Ювенала стих,
И разом им, на все насмешки их,
Не устрашась крикливого их строю,
Махни в ответ насмешкой удалою.

МАРТ, 20. Петербург. Вяземский пишет к жене в Москву и среди прочего спрашивает о готовности Боратынского сотрудничать с «Литературной газетой»: «<...> Что слышно о Баратынском? Пушкину надобно написать к нему и заставить его непременно работать прозою для газеты. Нужно нам поддержать ее плечами нашими<...>».

ЛН. Т. 16—18. М., 1934. С. 804.

МАРТ, конец месяца — АПРЕЛЬ, до 14 (?). Боратынский с женой, дочерью и сыном возвращается из Мары в Москву.

Единственным основанием для такой датировки является присвоение Боратынскому очередного чина на его как бы службе — см. далее: апр., 14. Однако настаивать на указанной дате возвращения в Москву нельзя.

АПРЕЛЬ, 14. Москва. Боратынский повышен на службе: произведен из коллежских регистраторов (см. 1828, февр., 20) в губернские секретари. См. также: 1828, янв., 24; 1831, июль, 10, июль, 26.

МАЙ, начало месяца. Москва. В приложении к «Московскому телеграфу» — «Новом живописце» (1830. № 8) — «Эпиграмма» Н. А. Полевого (С. 135; подпись: *Обезьянин*), пародирующая пушкинское «Собрание насекомых»; кроме самого

Пушкина задеты Дельвиг, Вяземский, Языков, Боратынский («И *Финский* наш *чертополох*»).

МАЙ, 7. Петербург. У Дельвигов родилась дочь Елизавета (с осени 1831 г. воспитывалась в Маре, в семье С. А. Боратынского).

МАЙ, 16. Москва. Н. М. Языков — А. М. Языкову: «<...> Баратынский написал повесть в стихах: Цыганка<...>».

Карпов 1978. С. 155.

ИЮНЬ—АВГУСТ (или **МАЙ—СЕНТЯБРЬ**). Боратынский с семейством живет в Муранове (см. упоминание о том далее: июль, 28).

ИЮНЬ, 5. Петербург. Вышел № 32 «Литературной газеты» с «Эпиграммой» Боратынского на Н. А. Полевого: **«Он вам знаком. Скажите, кстати...»** (подпись *Е. Баратынскiй*).

Принято считать, что эпиграмма направлена против памфлета Полевого «Утро в кабинете знатного барина», содержавшего нападки на Пушкина (см., например: *Медведева, Купреянова* 1936. Т. 1. С. 292—293; *Купреянова* 1957. С. 361; *Фризман* 1982. С. 662—663). Однако ценз. разр. «Новому живописцу» (№ 10), где был напечатан памфлет Полевого, было дано 2 июня, следовательно, до публики текст памфлета дошел лишь в 10-х числах июня, уже после публикации эпиграммы Боратынского. Вероятнее, Боратынский написал эпиграмму, имея в виду общую противодворянскую направленность Полевого.

ИЮНЬ, 10. Петербург. Вышел № 33 «Литературной газеты» с новой «Эпиграммой» Боратынского на Н. А. Полевого: **«Писачка в Фебов двор явился...»** (подпись *Баратынскiй*). Др. ред. нет. Ответ Полевого на эпиграммы Боратынского см. далее: июль, 18.

ИЮНЬ, 29. Мюнхен. И. В. Киреевский — А. П. Елагиной в Москву: «Баратынского обнимаю от всей души. Если я к кому-нибудь буду писать кроме вас, то верно прежде всех к нему. <...> Особенно Баратынскому столько хочется сказать, что рука не поднимается писать. Несмотря на то, я уже изорвал одно письмо к нему, потому что когда перечел его, то увидел, что все написанное в нем разумелось само собою и следовательно не стоило весовых».

Елагин. Изд. 1911. С. 46.

ИЮЛЬ. Мюнхен. И. В. Киреевский — А. П. Елагиной в Москву: «Известие о Баратынском меня очень огорчило. Последствия этого рода воспалений всегда двусмысленны. Надеюсь однако в первом письме вашем видеть его совсем здоровым. Между тем, как не выпросили вы у него нового романа, как не прочли его до сих пор и не прислали к нам? Я бы теперь охотно написал ему разбор; только побывши в чужих краях, можно выучиться чувствовать все достоинство наших первоклассных, потому что — но я не хочу теперь дорываться до причины этого, которая лежит на дне всего века».

Елагин. Изд. 1911. С. 48.

ИЮЛЬ, 12. Москва. Пушкин читает Погодину эпиграмму Боратынского — видимо, **«Хотя ты малый молодой...»** (опубл.: авг., 19), которую Погодин принял на свой счет; см. запись в его дневнике 12 июля: «<...> К Пушкину. — «Еда я есмь», — подумал я, выслушав эпиграмму Баратынского, к которому не лежит мое сердце <...>».

Цявловский 1915. С. 106.

ИЮЛЬ, 18. Москва. Ценз. разр. приложению к «Московскому телеграфу» — «Новому живописцу» (1830. № 13) с ответом Н. А. Полевого Боратынскому (см. выше: июнь, 5; 10) — «Эпиграмма» («Пришел поэт и пущен на Парнас») (С. 228—229; подпись *Гамлетов*).

ИЮЛЬ, 23. Москва. Н. М. Языков — А. М. Языкову: «<...> Здесь теперь Баратынской: он написал роман в стихах под заглавием «Цыганка»<...>».

Карпов 1978. С. 159.

ИЮЛЬ, 28. Москва. М. В. Киреевская — братьям Ивану и Петру Киреевским за границу: «В Москву приехала Mlle Зонтаг, теперь везде только и говорят, что о ней и ее голосе. <...> Она дала только три концерта и завтра кажется едет в Петербург. — Вчера целое утро у нас просидела Баратынская <Настасья Львовна> с Энгельгардтовой <т. е. с сестрой Соничкой> (они приезжали из деревни для Mlle Зонтаг), Энгельгард. мне очень понравилась, она много говорила и очень была любезна; вчера же она уехала в деревню и воротится не прежде ноября, мы обещали друг другу часто видеться зимою, это мне будет весело. — Баратынские пробудут здесь еще несколько дней».

РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 82. Л. 31. Публикация Е. Э. Ляминой. О вероятных видах Боратынских на возможный брак Сонички Энгельгардт с И. В. Киреевским см. выше: янв.

АВГУСТ, 3 (17). Мюнхен. И. В. Киреевский — А. П. Елагиной в Москву: «Особенно постарайтесь оправдать меня перед милым Баратынским <...>. От него я получил милое письмо, на которое если успею, буду отвечать сегодня; если ж не успею, то на днях, и пришлю письмо к вам».

Елагин. Изд. 1911. С. 50. (Письмо Боратынского неизвестно.)

АВГУСТ, 14. В Москву из Петербурга приезжают Вяземский и Пушкин (последний в начале сентября уезжает в Болдино).

АВГУСТ, 19. Петербург. Вышел № 47 «Литературной газеты» с «Эпиграммой» Боратынского **«Хотя ты малый молодой...»** (подпись *Е. Б—скій*). С разночтением вошла в Изд. 1835. См. выше: июль, 12.

АВГУСТ, 20. Москва. Умер В. Л. Пушкин.

АВГУСТ, 23. Москва. Похороны В. Л. Пушкина. — «Все литераторы, находящиеся в Москве, провожали тело его в Донской монастырь» (Н. М. Языков — А. М. Языкову, 28 авг. 1830). — Боратынский, видимо, отсутствовал, будучи в Муранове.

Карпов 1978. С. 165 (цитата).

СЕНТЯБРЬ — НОЯБРЬ. Эпидемия холеры в Москве: «На улицах похоронные церемонии взошли в обыкновение, особенно зеленые фуры и предшественницы их — холерные кареты, запряженные парою тощих лошадей и управляемые будочниками, сновали из стороны в сторону; все ворота домов на запоре; на дворах дымилось и выходило на улицу неприятное курево навоза, который жгли в каждом доме. Лавки немногие были не заперты». — Боратынские, как и многие другие московские дворяне, живут тоже на запоре и никуда из дома не выходят (см. далее: ноябрь, до 23, письмо к Вяземскому).

Бокарев В. Е. Воспоминания о холере <...> // Сб. Щ. Вып 10. М., 1902. С. 139 (цитата).

СЕНТЯБРЬ, 18. Москва. Ценз. разр. изданию «Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. Иждивением московского купца Осипа Иванова Хрусталева» (Ч. 1—2; вышло 26 мая 1831), где перепечатаны стих. Боратынского **«Ожидание»** (Ч. 1. С. 144); **«Поцелуй»** (Ч. 2. С. 33); **«Бдение»** (Ч. 2. С. 68); **«К жестокой»** (Ч. 2. С. 84—85); **«К...о»** (Ч. 2. С. 111—112); **«Разлука»** (Ч. 2. С. 127); **«Разуверение»** (Ч. 2. С. 137—138).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 110 об. (дата выхода).

СЕНТЯБРЬ, 29. Болдино. Пушкин — Плетневу в связи со своей предстоящей женитьбой: «<...> Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 113.

СЕНТЯБРЬ, 30 — ОКТЯБРЬ, 7. Пребывание в Москве Николая I (см. далее: окт., 14).

ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ. Болдино. Пушкин делает набросок новой статьи о Боратынском (ныне печатается под редакторским загл. «Баратынский»):

«Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя несколько одаренного вкусом и чувством. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и поминутно столь неудачно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечены одними знатоками. Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех. Постараемся объяснить причины. — Первой должно почесть самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродни всякому; молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут, юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни <ср.: 1828, февр., ок. 23>. Поэт отделяется от их и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он, уединенных, затерянных в свете. Вторая причина есть отсутствие критики и общего мнения. У нас литература не есть потребность народная. Писатели получают известность посторонними обстоятельствами. Публика мало ими занимается. Класс читателей ограничен, и им управляют журналы, которые судят о литературе как о политической экономии, о политической экономии как о музыке, т. е. наобум, понаслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частию по личным расчетам. Будучи предметом их неблагосклонности, Баратынский никогда за себя не вступался, не отвечал ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться там, где не было обвинения, и что, с другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки, тем не менее их приговоры имеют решительное влияние. — Третья причина — эпиграммы Баратынского, сии мастерские, образцовые эпиграммы не щадили правителей русского Парнаса. Поэт наш не только никогда не снисходил к журнальной полемике и ни разу не состязался с нашими Аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей диалектики, но и не мог удержаться, чтоб сильно не выразить своего мнения в этих маленьких сатирах, столь забавных и язвительных. Не смеем упрекать его за них. Слишком было бы жаль, если б они не существовали <Сноска Пушкина: «<...> в эпиграмме Баратынского <...> сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический <...>. Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства»>. — Сия беспечность о судьбе своих произведений, сие неизменное равнодушие к успеху и похвалам, не только в отношении к журналистам, но и в отношении публики, очень замечательны. Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудом неблагодарным, редко замеченным, трудом отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам свой век увлекающего гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своей дорогой один и независим. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды <т. е. Батюшкова>». — В рукописи этого наброска — профиль Боратынского.

Пушкин. Ак. Т. 11. С. 185—186.

ОКТЯБРЬ, 4. Москва. Н. М. Языков — А. М. Языкову: «<...> посылаю список новой поэмы Баратынского <«Наложница»>, она всем понравится; есть много истинно прекрасного <...>».

Карпов 1978. С. 169. Список «Наложницы», выполненный рукою Н. М. Языкова, см.: ПД. Ф. 348. № 104.

ОКТЯБРЬ, 14. Петербург. Донесение управляющего III отделением М. Я. фон Фока начальнику III отделения А. Х. Бенкендорфу с сообщением о публикации в «Литературной газете» стихотворения «Утешитель» — в честь приезда в Москву Николая I: «<...> прелестное четверостишие на императора, должно быть — Пушкина или Баратынского. <...> эти стихи являются первою похвалою, которую сие сообщество молодых людей напечатало в знак внимания к императору». — Атрибуция фон Фока ошибочна.

Б. Л. Модзалевский 1925. С. 99 (текст на фр. яз.); 100 (цитированный перевод).

ОКТЯБРЬ, 17. Петербург. Ценз. разр. альманаху Е. Ф. Розена «Альциона» (СПб., 1831; вышла 17 дек.) с **«Отрывком из поэмы: Наложница»** (С. 85—86; подпись *Е. Баратынскій*; фрагмент поэмы от слов «Открыв рассеянной рукою...» до «И чуждым больше, чем другой»).

ОКТЯБРЬ, 30. И. В. Киреевский — А. П. Елагиной в Москву: «Скажите Баратынскому, что я начинаю читать Alfieri, и только для того ничего не читал до сих пор из его трагедий, чтобы вполне оценить того, кого Баратынский называет величайшим поэтом».

Елагин. Изд. 1911. С. 56.

НОЯБРЬ, 5. Болдино. Пушкин — Вяземскому в Остафьево: «<...> Брат Лев дал мне знать о тебе, о Баратынском, о холере <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 122.

НОЯБРЬ, 15. Петербург. Дата на рукописи «Северных цветов» на 1831 год, отданной в цензуру (ценз. разр. 18 дек.; вышли 24 дек.). Два отрывка из «Наложницы» переписаны, видимо, С. М. Дельвиг — женой Дельвига.

Вацуро. СЦ. С. 223.

НОЯБРЬ, 15. Петербург. Дельвигу официально сообщено о запрещении издавать «Литературную газету»; само издание газеты приостановлено (с 14 дек. разрешено продолжать издание Сомову).

Повод для запрещения — публикация в № 61 за 28 окт. четверостишия К. Делавиня, посвященного жертвам французской революции 27—29 июля; на Дельвига донес Булгарин; Дельвиг был вызван к Бенкендорфу, обвинившему его в составлении противоправительственного кружка и пообещавшему на прощание: «Я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь». См.: *Б. Л. Модзалевский* 1928. С. 491—493; *А. И. Дельвиг*. Изд. 1912. С. 112 (цитата).

НОЯБРЬ, вторая половина (?). Москва. Боратынский — маменьке в Мару или в Кирсанов (на фр. яз.; без даты): «Nous avons été bien heureux, ma chère maman, de recevoir Votre lettre...» — Перевод: «Мы были счастливы, любезная маменька, получить ваше письмо и удостовериться в вашем добром здравии. Мы тоже здоровы — и взрослые и дети. Сашинька начинает немного понимать по-французски, но успехи ее пока скромны. Впрочем, мы надеемся, дело пойдет на лад. Левушка произносит пока лишь некоторые звуки на неведомом языке, но очень трогательно. Уже три дня, как установилась зима. Мороз, и все улицы в снегу. Даст Бог, погода наладится. Нет ничего хуже осенней грязи. Время от времени я вижусь с Догоновскими, они исполнены дружеской приязни к Вареньке. Я думаю, вы получаете от нее письма, и незачем говорить, что она здорова. Будьте

добры, любезная маменька, спросить Сержа <брат Сергей>, сколь срочно ему требуются бумаги, переданные мне для него Гейманом (это университетские награды). Если срочно — я пошлю их почтой, если нет — подожду оказии. Любопытных новостей у нас нет. О происшедшем в Бельгии <революция в августе — сентябре> вы знаете из газет, в литературе же ничего нового, кроме трагедии Погодина, редактора «Московского вестника» — «Марфа Посадница», доказывающая, что теоретические познания таланту не замена. Прощайте, милая маменька, целую ваши ручки от всего сердца. — Е. Боратынский». — К письму имеется малозначащая приписка Настасьи Львовны на фр. яз.

М. С. 44—45 (дата: 1830, нач. зимы). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 80—81. Наше ограничение датировки ноябрем обусловлено отсутствием упоминаний о волнениях в Польше (в то время как о событиях в Бельгии упомянуто) — в Москве о них узнали 28—29 ноября. Догановские — это семейство В. С. Огонь-Догановского, жена которого была родной теткой Александра Рачинского, мужа Вареньки, младшей сестры Боратынского (в историю литературы В. С. Огонь-Догановский вошел как профессиональный карточный игрок, выигравший у Пушкина более 25 тыс. руб.). Гейман Р. Г. — профессор Московского университета и Медико-хирургической академии, которую Сергей Боратынский закончил 25 авг. 1830 г. с серебряной медалью.

НОЯБРЬ, 16. В Москву возвращается из-за границы И. В. Киреевский.

НОЯБРЬ, 20. Москва. Погодин — Шевыреву в Рим: «<...> Баратынский написал повесть в 8 песнях «Цыганку». Нет, это не поэзия, и далеко кулику до Петрова дня <...>». — См. далее: дек., 8.

РА. 1882. № 6. С. 177.

НОЯБРЬ, до 23. Москва. Боратынский — Вяземскому в Остафьево (без даты): «Скоро ли, любезный князь, вы решитесь оставить Астафьево и взглянуть на воскресающую Москву? Ежели она вам еще кажется опасною, то вы не правы. Можно сказать решительно, что у нас нет уже холеры. Вновь занемогающие, во-первых, малочисленны, во-вторых, болезнь их уже не та, и они почти все выздоравливают. Все грозное время провел я в Москве, и хотя мне не было весело, но в то же время не так и тошно, как я ожидал. Мы заперлись в своем доме, никуда не выезжая и никого не принимая. Теперь все оживились, но к моему полному оживлению не достает вашего присутствия. Я слышал, что княгиня в Астафьеве. Прошу ей засвидетельствовать мое почтение. Преданный вам Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 5. С. 52 (дата: 1830); Изд. 1987. С. 197 (уточнение даты: ноябрь, до 23, 1830). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 22—23. Адрес: «Князю Петру Андреевичу Вяземскому».

НОЯБРЬ, 23. Остафьево. Вяземский отправляет Боратынскому в Москву ответ на его записку (см. выше: ноябрь, середина месяца: текст письма Вяземского не сохранился); к записке приложено стихотворение Вяземского «Прогулка в степи» («Мой добрый конь, мой верный конь!..»). См. след. дату.

Вяземский. Изд. 1963. С. 205.

НОЯБРЬ, конец месяца. Москва. Боратынский — Вяземскому в Остафьево (без даты) — ответ на записку Вяземского (см. выше: ноябрь, до 23): «Спорить с вами не могу, любезный князь, как ни желал бы поспорить. Оставаться в Астафьеве покуда благоразумнее, чем ехать в Москву. Приглашение мое было немного ветрено, но его внушило сильное желание вас видеть. Благодарю вас за дружественное и лестное письмо ваше, но поверьте, что вы меня еще более тронули своим участием, нежели одобрительным вашим отзывом о моем новом труде, хотя я высоко ценю ваше одобрение. Степную прогулку вашу я уже отправил Дельвигу и, судя по известной его нерасторопности, думаю, что стихотворение ваше придет

вовремя. Оно исполнено красок и чувства. Такая поэзия лучше хлору очищает воздух. Вы мне освежили им душу, и я вам очень признателен за то, что вы через меня его переслали в «Северные цветы» <«Прогулка в степи» не поспела в «Северные цветы» и была напечатана Сомовым в «Лит. газете»: 1831. 6 янв. № 2>. Не знаю, что отвечать вам на предложение ваше издавать русских классиков или стариков. Я мало писал в прозе и сколько раз за нее не принимался, всегда неудачно. Терпение мое истощалось на втором листе. По совести, я никак за себя отвечать не могу. Примусь за дело и попробую свои силы. Позвольте мне взяться за Ломоносова. Имея мало затейливости в уме, я думаю, что мне лучше удастся статья важная, нежели игривая. Что касается до Тредьяковского, то я ни себя, ни публику не хочу лишить того, что вы о нем скажете. Читая ваше письмо, мне кажется, я вижу, с какою улыбкою вы написали его имя. Сколько новостей в Москве! Между ними одна величайшей важности. Варшава возмутилась <17—19 ноября> и Великий Князь <Константин> принужден был ее оставить. Этого мало. С небольшим числом войска он поставил себя в западню. Висла, находящаяся за ним, не позволяет ему ретироваться в Литву. Прибавьте к этому, что и Литва ненадежна. Литовский корпус весь составлен из поляков. Много, много, что половина его останется на стороне русских. Вот минута борьбы решительной, развязка, которая влечет за собой неисчислимые последствия. Нам теперь нужна величайшая быстрота и энергия. После этой новости все другие маловажны. Скажу вам однако ж (что, может быть, вы уже знаете): «Литературная Газета» запрещена за четверостишие Казимира де ла Виня, вероятно, по старанию Булгарина. Прощайте, любезный князь. Как жаль, что вы не <в> соседстве, а делать нечего. Жена моя благодарит княгиню и вас за вашу память, ей очень лестную. — Преданный вам Е. Боратынский».

СиН. Кн. 5. СПб., 1902. С. 52—53 (дата: вт. пол. ноября 1830); Изд. 1987 (дата: конец ноября 1830). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 24—25 об. Письмо написано не ранее 28—29 ноября — времени, когда в Москве стало известно о возмущении в Варшаве.

ДЕКАБРЬ, 5. В Москву из Болдина приехал Пушкин (до 15 мая 1831).

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 133.

ДЕКАБРЬ, после 5. Москва. Интенсивное общение Боратынского с Пушкиным: Пушкин читает Боратынскому «Повести Белкина» («Выстрел» — с эпиграфом из «Бала»: «Стрелялись мы») (см. далее: дек., 9), а также сообщает Боратынскому о том, что написал в Болдине четыре трагедии («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы»), поэму «Домик в Коломне», последнюю главу «Онегина» (см. дек., 10-е числа) — может быть, какие-то из этих произведений Пушкин также читал Боратынскому; в свою очередь Боратынский знакомит Пушкина с завершенной им поэмой «Наложница» (см. 1831, янв., 7); Пушкин и Боратынский говорят о необходимости начать издание своего журнала в Москве (см. далее: дек., вторая половина?), отдают Максимовичу для «Денницы» свои эпиграммы (см. 1831, янв., до 20); вероятно, соревнуя Пушкину, Боратынский и Киреевский заключают между собой пари, по условию которого каждый должен написать повесть (см. далее: дек., 10-е числа — янв., первая половина).

ДЕКАБРЬ, 8. Москва. Погодин — Шевыреву в Рим: «<...> Киреевские здесь оба и ругают немцев без памяти. У меня начались с ними схватки за поэзию Баратынского и древность Дельвига, но хочу их прекратить, а признаюсь, с удовольствием посмеялся над пустотою литературной синицы <...>».

РА. 1882. № 6. С. 179.

ДЕКАБРЬ, 9. Москва. Пушкин — Плетневу в Петербург: «<...> написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 133.

ДЕКАБРЬ, 10-е числа (?). Москва. Боратынский — Д. Н. Свербееву (ответ на несохранившееся письмо — без даты): «Приношу чувствительнейшую мою признательность, почтенный Димитрий Николаевич, за дружеское письмо ваше. Вы меня истинно тронули вашим воспоминанием. Поверьте, что, к сожалению, недолговременное наше знакомство и во мне оставило неизгладимое впечатление: я не оставляю надежды когда-нибудь еще более сблизиться с вами и еще полнее пользоваться знакомством, которое и в новости своей было так приятно. Я долго не терял вас из виду. Я знал, что вам не удалось ваше путешествие в чужие края, и надеялся скоро видеть вас в Москве, где в теперешнее время, может быть, безопаснее, нежели во всяком другом месте. Теперь холера у нас проходит, и действие ее не было так ужасно, как мы ожидали. Мы провели все это время в Москве, запершись в своем доме, и признаюсь — первые недели, в которые болезнь развивалась и нельзя было предвидеть, до чего она разовьется, были ужасны. Теперь мы оживаем, равно как и другие жители московские. На улицах — прежнее движение, в домах прежние балы. Спасавшиеся в подмосковных приезжают в город. Кн. Вяземский еще в Астафьеве, но мы его ждем ежедневно. Деревенское уединение было ему полезно; он написал очень много, равно как и Пушкин, проведший это грозное время в своей нижегородской деревне. Он теперь здесь и привез с собой 4 трагедии, поэму, последние две главы Онегина и целую папку прозы. Деятельность его неимоверна. — Пишу вам все сии подробности, зная, что для вас будут занимательны. Киреевский воротился из Германии. Он приехал оттуда с невероятною ненавистью к немцам, впрочем, вывез оттуда много новых философических мыслей. По газетам вы знаете новости политические. Последняя <волнения в Польше> отменно важна и занимательна. Мы с вами имели много политических прений, желал бы очень возобновить их, тем более что, размышляя наедине, я оставил многие из своих мнений для ваших. Препоручаю себя дружескому вашему воспоминанию и остаюсь истинно вам преданный — Е. Боратынский».

Московский пушкинист. II. М., 1930. С. 59—60 (с датой: декабрь 1830 и указанием на то, что к письму имеется приписка на фр. яз., адресованная Е. А. Свербеевой, и приписка Л. Н. Энгельгардта на рус. яз., адресованная Д. Н. Свербееву). Наше уточнение даты предположительно и основано на том, что в письме сообщаются новости, актуальные именно для 10-х чисел декабря 1830 («холера у нас проходит»; приезд Пушкина; волнения в Польше).

ДЕКАБРЬ, 10-е числа — ЯНВАРЬ, 1831 г., первая половина. Москва. Записка Боратынского Киреевскому (без даты): «Я буду у тебя завтра. Давно с тобою не виделся от того, что занят был Пушкиным. Все наши и в том числе я здоровы и кланяемся тебе и твоим. Озеров о своих сыновьях не имеет никаких известий, кроме печатных. Написал ли ты повесть? моя готова. — Е. Боратынский». — Видимо, речь идет о повестях «Перстень» Боратынского и «Опал» Киреевского.

ТС. С. 8; Изд. 1987. С. 200 (дата: дек. 1830). Наша датировка определяется, во-первых, временем приезда Пушкина (дек., 5), во-вторых, временем, когда в Москве узнали о смерти Дельвига (янв., 18), и Боратынскому стало уже не до сочинения повести.

ДЕКАБРЬ, вторая половина — ЯНВАРЬ 1831 г., первая половина. Москва. Боратынский — Вяземскому в Остафьево (ответ на несохранившееся письмо — без даты): «Отвечаю наскоро на письмо ваше, ибо люди ваши сей час едут. С Пушкиным еще не успел поговорить о письме, но думаю, что он будет согласен. Мы думали было издавать журнал здесь в Москве. Эпиграмма <«Булгарин — вот поляк примерный...»> удивительно хороша: я не знаю лучше, не знаю обиднее. Завтра же порадую ею Пушкина и у него вместе с ним буду подробно отвечать вам. Преданный вам душевно — Е. Боратынский».

СиН. Кн. 5. СПб., 1902. С. 45 (дата: дек. 1827); Изд. 1987. С. 199—200 (дата: середина дек. 1830). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 10—11. Адрес: «Князю Петру Андреевичу Вяземскому».

ДЕКАБРЬ, 17. Петербург. Вышел альманах «Альциона» на 1831 г. с отрывком из «Наложницы». См. выше: окт., 17.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 262. Л. 67 об (дата).

ДЕКАБРЬ, 18. Петербург. Ценз. разр. «Северным цветам» на 1831 г. (вышли 24 дек.) с отрывком из поэмы «Наложница»: **«Новинское (Отрывок из 2 главы романа: Наложница)»** (С. 4—5: подпись *Е. Баратынскiй*; фрагмент от слов «Все торопилось: стар и млад» до «Карет блестящих цепь тройная // Катится медленно кругом») и **«Сара (Отрывок из романа: Наложница)»** (С. 40—47; подпись *Е. Баратынскiй*; фрагмент из 5-й главы от слов «Едва веселыми лучами» до «Она свободу прежних дней»).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 262. Л. 69 (дата выхода).

ДЕКАБРЬ, 31. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1831. Ч. 37. № 1; ценз. разр. 15 дек.) с окончанием статьи Н. А. Полевого «Взгляд на некоторые журналы и газеты русские», направленной против «Литературной газеты» и содержащей, помимо прочего, следующий пассаж: «<...> есть ли какое-нибудь отношение между пиитическими дарованиями гг. Жуковского и Воейкова, Пушкина и кн. Вяземского или Баратынского? Пушкин, Жуковский — поэты, в полном смысле сего слова, а все другие — *стихотворцы*, пишущие более или менее гладкие стишки <...>» (С. 79).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 94 об. (дата).

1831

Боратынский в Москве до июня, с июля — в Казани и Каймарах.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ (?). Москва. Записка Боратынского к Киреевскому (без даты): «Вот тебе моя тетрадь, милый мой Киреевский. Возьми на свое попечение. Постараюсь в скором времени с тобой увидеться. Ежели Максимович тебе доставил обещанную пробу печати, то пришли мне ее. Обнимаю тебя. — Е. Боратынский».

ТС. С. 56 (без датировки); Изд. 1987. С. 200 (дата: дек. 1830). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 21. Наша датировка обусловлена временем подготовки к печати поэмы «Наложница», о рукописи которой, видимо, идет речь в письме.

ЯНВАРЬ, 7. Москва. Пушкин — Плетневу в Петербург о «Наложнице»: «<...> поэма Баратынского чудо <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 142.

ЯНВАРЬ, 7. Москва. А. П. Елагина в письме к М. П. Розбергу в Одессу сообщает новости о московских знакомых: «<...> Баратынский, уже не больной, но трудно поправляющийся, употребляет все время, которое оставляет ему недуг, на доработку прелестной поэмы, готовящейся к печати <...>» (перевод с фр.).

РА. 1905. Кн. 1. № 3. С. 519.

ЯНВАРЬ, 9. Москва. М. А. Максимович — Вяземскому в Остафьево: «<...> Баратынский обещал написать повесть <«Перстень»?>, но я готов бы сказать ему: не сули журавля в небе, а дай синицу в Денницу!».

Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому. СПб., 1901. С. 189.

ЯНВАРЬ, 11. Москва. Ценз. разр. альманаху «Сиротка» (М., 1831) на 1831 г. (вышел 23 февр.), где опубл. стих. **«Лазурные очи» («Люблю я красавицу...»)** (С. 21—22; подпись *Е. Баратынскiй*). Без загл. вошло в Изд. 1835.

ЯНВАРЬ, 12. Москва. Пушкин дарит Боратынскому отдельное издание «Бориса Годунова» с надписью: «Баратынскому от А. Пушкина. Москва. 1831. Янв. 12». — В обществе Боратынский высказывался о «Борисе Годунове», видимо, только положительно. См. в одном из писем Катенина от конца января — нач. февраля 1831: «<...> Вяземский, Давыдов, Баратынский etc, etc (коих мнения мне известны от <Пав. А.> Муханова) восхищены и решают, что Пушкин себя превзошел и мир изумил <...>».

Хетсо. С. 181 (дата; надпись на подаренном экземпляре); *Катенин*. Изд. 1981. С. 310—311 (цитата).

ЯНВАРЬ, 14. Остафьево. Вяземский — Пушкину в Москву: «<...> Что-нибудь, а придумать надо, чтобы вырвать литературу нашу из рук Булгарина и Полевого. — Что за разбор Дельвига твоему «Борису»? <...> Нужно будет нам с тобою и Баратынским написать инструкцию Дельвигу, если он хочет, чтобы мы участвовали в его газете <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 144.

ЯНВАРЬ, 14. Петербург. Умер Дельвиг на 33-м году жизни.

«Время было тогда трудное, очень опасались, что жандармы заберут бумаги Дельвига и во множестве сохранившихся писем найдут такие вещи, которые могут скомпрометировать писавших. <...> Поэтому брали письма и другие бумаги целыми пачками и, удостоверясь, что в них нет денежных документов, бросали их в большие корзины, и десятки этих корзин побросали в печь <...>. Они были уничтожены <П. Л.> Яковлевым, Щастным и некоторыми другими лицами в моем присутствии, <...> и это делано было без согласия Пушкина и Баратынского, бывших в это время в Москве» (*А. И. Дельвиг*. Изд. 1912. Т. 1. С. 123—124). *Плетнев — Пушкину* в Москву в ночь с 14 на 15 янв.(письмо получено 20 янв.): «Я не могу откладывать, хотя бы не хотел об этом писать к тебе. По себе чувствую, что должен перенести ты. Пока еще были со мною добрые друзья мои и его друзья, нам всем как-то было легче чувствовать всю тяжесть положения своего. Теперь я остался один. Расскажу тебе все, как это случилось. Знаешь ли ты, что я говорю о нашем добром Дельвиге, который уже не наш? Еще в нынешнее воскресенье <11 янв.> он говорил мне, что теперь он по крайней мере совсем спокоен. Начало его болезни случилось во вторник, за неделю, т. е. 6-го числа. Но эта болезнь, простуда, очень казалась обыкновенною. 9-го числа он говорил со мною обо всем, нисколько не подозревая себя опасным. В воскресенье показались на нем пятна. Его успокоили, уверив, что это лихорадочная сыпь, и потому-то он принял меня так весело, сказав, что теперь он спокоен. Понедельник и вторник, т. е. 12 и 13 он был в беспамятстве горячки. В среду в 7-ом часу вечера Петр Степанович <Молчанов>, приехав ко мне, сказал, что он, по признанию докторов, в опасности. За ним вскоре приехал Гнедич с Лобановым, которые заезжали туда и слышали, что он близок к разрушению. В 9-ом часу я отправил туда человека, который возвратился с ужасною вестию, что ровно в 8-мь часов его не стало. И так в три дня явная болезнь его уничтожила. Милый мой, что ж такое жизнь?» (*Пушкин*. Ак. Т. 14. С. 145).

ЯНВАРЬ, 15. Петербург. Сомов — Боратынскому в Москву (письмо получено ок. 20 янв.): «С чего начну я письмо мое, почтеннейший Евгений Абрамович? Какими словами выскажу вам жестокую истину, когда сам едва могу собрать не-

сколько рассеянных, несвязных идей: милый наш Дельвиг — наш только в сердцах друзей и в памятниках талантов: остальное у Бога! Жестокая десятидневная гнилая горячка унесла у нас нашего друга! Бедная вдова — да подкрепит ее Бог! покамест сносит ужасную свою потерю с геройским самоотвержением: видит, постигает роковое событие, но все еще хочет себя уверить обманчивою надеждой, помня и выражая святые обязанности матери. Удар этот рушился над нами вчера, в среду, 14-го янв., в 8-мь часов вечера. Ради Бога! постарайтесь видеться с Михаилом Александровичем Салтыковым <тесть Дельвига>, если он еще по письму своего сына <Михаила Салтыкова> (о крайне опасном положении Барона) не отправился из Москвы; предупредите его: ибо сия смерть не может не сделаться гласною скоро и в Москве, чрез газеты или чрез письма. Право, мысли мои и все душевные силы растерялись: не знаю, что пишу и что писать. Приготовьте Пушкина, который, верно, теперь и не чает, что радость его <будущая женитьба> возмутится такою горестью. Скажите кн. Вяземскому, И. И. Дмитриеву и Михаилу Алексан. Максимовичу — и всем, всем, кто знал и любил покойника, нашего незабвенного друга, что они более не увидят его, что Соловей наш умолк на вечность. — Баронесса <вдова — Софья Михайловна> сама приказала мне писать к вам и к Сергею Абрамовичу <Боратынскому, в Мару>. Она тверда, но твердость эта неутешительна; боюсь, чтоб она не слишком круто переламывала себя. Вчерась она плакала, и ей было легче. Малютка здорова, но неспокойна, вероятно, от испорченного молока своей кормилицы-матери. В субботу (17-го в день именин покойника) мы отдадим ему последний братский поцелуй на этом свете. Утрата сия для меня горьче, нежели утрата ближнего родного. Сердце мое сжато, и слезы не дают дописать. Весь ваш О. Сомов».

Шляпкин. 1903. С. 134—135.

ЯНВАРЬ, 16. Петербург. Умер А. Е. Измайлов — от апоплексического удара, на 52-м году.

ЯНВАРЬ, 17. Остафьево. Вяземский посылает Пушкину в Москву предисловие к своему переводу «Адольфа» Б. Констана с просьбой: «Сделай милость, прочитай и перечитай с бдительным и строжайшим вниманием <...>. Покажи после и Баратынскому <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 146.

ЯНВАРЬ, 18. В Москве становится известно о смерти Дельвига 14-го числа.

ЯНВАРЬ, 20. Москва. Пушкин получает из Петербурга письмо Плетнева (см. выше: примеч. к 14 янв.); видимо, тогда же к Боратынскому приходит письмо Сомова от 15 янв. — См. далее: янв., 21.

ЯНВАРЬ, 20. Москва. Ценз. разр. альманаху М. А. Максимовича «Денница» на 1831 г. (вышел 24 февр.), где опубл. эпиграммы Боратынского и Пушкина на Булгарина — под общим загл. **«Эпиграммы»** (С. 137; без подписи): *Пушкин*. «Не то беда, Авдей Флюгарин...»; *Боратынский*: **«Поверьте мне, Фиглярин-моралист...»** (эпиграмма Боратынского написана в начале 1829 г. см. 1829, март, середина).

Последняя строка эпиграммы Боратынского исправлена Пушкиным перед отдачей текста Максимовичу для публикации — см. воспоминания Максимовича: *Цявловский* 1931. С. 305—307.

ЯНВАРЬ, 21. Москва. Пушкин — Плетневу в Петербург: «Что скажу тебе мой милый? Ужасное известие получил я в воскресенье <18 янв.>. На другой день оно подтвердилось. Вчера <20 янв.> ездил я к Салтыкову <тестю Дельвига> объявить ему все — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. <...> никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно

осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все <...>. Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров — и постараемся быть живы».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 147.

ЯНВАРЬ, 21. Петербург. В «Литературных приложениях к Русскому инвалиду» (1831. № 6) опубл. куплеты Боратынского и Соболевского (см. 1825, конец года — 1826, первые месяцы) **«Быль» («Встарь жил-был петух индейский...»)** (подпись *Сталинскій*).

ЯНВАРЬ, 27. Москва. Пушкин, Боратынский, Вяземский и Языков собираются в ресторане «Яр» помянуть Дельвига. Видимо, там было решено издать в память Дельвига «Северные цветы» на 1832 г., а Боратынский сказал, что хотел бы написать биографию Дельвига — см. далее: янв., 31; февр., 16.

ИВ. 1883. № 12. С. 53; ЛН. Т. 58. С. 88.

ЯНВАРЬ, 31. Москва. Пушкин — Плетневу в Петербург: «<...> Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами» <...>. Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого незамеченного развития его поэтической души <...>. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 148—149.

ФЕВРАЛЬ, 16. Москва. Пушкин — Плетневу в Петербург: «<...> Что ты мне не отвечал про жизнь Дельвига? <см. выше: янв., 31>. Бар<атынский> не на шутку думает об этом <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 152.

ФЕВРАЛЬ, 17. Москва. Дом Хитрово на Арбате (ныне: Арбат, 53) : «мальчишник», устроенный Пушкиным накануне свадьбы — присутствуют: Боратынский, Вяземский, Давыдов, Языков, Нащокин, Верстовский (?), А. А. Елагин (?), И. В. Киреевский, Лев Пушкин. — По свидетельству Киреевского, «Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям даже было неловко».

Л. Б. Модзалевский 1935. С. 209—210 (перечень собравшихся); *Бартенев. П. И.* О Пушкине / Изд. подгот. А. М. Гордин. М., 1992. С. 367 (цитата).

ФЕВРАЛЬ, 17. Москва. Запись в дневнике Погодина: «У Пушкина, верно, ныне холостой <нрзбр.> обед, а он не позвал меня. Досадно. — Заезжал и пожелал добра. — Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе».

Цявловский 1914. С. 112.

ФЕВРАЛЬ, 18. Москва. Свадьба Пушкина и Н. Н. Гончаровой. Видимо, Боратынский — среди гостей.

ФЕВРАЛЬ, 23. Москва. Вышел альманах «Сиротка» на 1831 г. со стих. Боратынского **«Лазурные очи»**. См. выше: янв., 11.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 101 об. (дата).

ФЕВРАЛЬ, 24. Москва. Вышел альманах «Денница» на 1831 г. с эпиграммами Боратынского и Пушкина на Булгарина. См. выше: янв., 20.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 101 об. (дата).

МАРТ, до 20 (?). Москва. Записка Боратынского к С. Т. Аксакову, цензуровавшему рукопись «Наложницы» (без даты): «Милостивый Государь Сергей Ти-

мофеевич. Добросовестно сообразжался с желаниями вашими в моих поправках, надеюсь что вы довольны. Я ссылаюсь на стихи Панара, которых не видно в рукописи. Вот они:

Trop de froideur est indolence,
Trop d'activité turbulence,
Trop de rigeur est dureté,
Trop de finesse est artifice,
Trop d'économie avarice,
Trop d'audace témérité.

Вероятно, вы в них не найдете ничего противного Цензурному уставу. В таком случае позвольте мне воспользоваться вашим обещанием и просить вас покорно возвратить мне мои рукописи. — С истинным почтением и совершенною преданностью, честь имею быть, — Милостивый Государь, ваш покорный слуга — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 595 (с датировкой: март 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. № 8. Цитированные стихи Панара вошли в предисловие к «Наложнице» — их перевод: «Излишняя сдержанность — это холодность, излишняя расторопность — это суетность, излишняя твердость — это суровость, излишняя лукавость — это коварство; излишняя экономность — это скупость, излишнее удальство — это безрассудство».

МАРТ, 20. Москва. Ценз. разр. отдельному изданию поэмы **«Наложница»**. — См. след. дату.

АПРЕЛЬ, 15. Москва. Вышла **«Наложница. Сочинение Е. Боратынского»**. М., В типографии Августа Семена при Имп. Медико-Хирургической Академии, 1831.— Тексту поэмы предшествует обширное предисловие.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 107 об. (дата).

АПРЕЛЬ, около 19. Москва. Киреевский сообщает Боратынскому, что отпечатаны лишние экземпляры «Наложницы», и, видимо, предполагает, что деньги за продажу этих экземпляров книгопродавцы собираются утаить от Боратынского. На это Боратынский отвечает запиской: «Спасибо тебе за твои хлопоты обо мне. Я думаю, что Смирдин просто прибавил 50 экземпляров, <нрзбр.>. Но все ты прав, и зевать не надобно. Я напишу к своим знакомым, а вас прошу написать к вашим. Я здоров и скоро с тобой увижусь. Ежели Языков у вас, поцелуй его за меня, пока мне самому будет досуг с ним похристосоваться. Обнимаю тебя. — Е. Боратынский». — Цена за один экземпляр «Наложницы» — от 10 руб. до 10 руб. 80 коп.

ТС. С. 59 (с датой: 1830-е гг.); Изд. 1987. С. 201—202 (с датой: апр. 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 25. Уточнение даты обусловлено упоминанием христосованья — в 1831 г. Пасха была 19 апреля.

АПРЕЛЬ, вскоре после 19. Москва. Во избежание денежного обмана со стороны книгопродавцев Боратынский решает надписать все выпущенные из типографии экземпляры «Наложницы». На обороте обложки некоторых сохранившихся экземпляров издания сделана рукописная запись: «Все экземпляры сей книги, не подписанные мною, суть поддельные, и продаватели оных будут преследуемы по законам. Е. Боратынский».

См., например, подписанные экземпляры «Наложницы» в библиотеке ПД — шифры: 31 4/7; Ло. 35 II; в РНБ — шифр: 18.2.9.57. Вместе с тем в РНБ есть также и неподписанный экземпляр, отпечатанный на более грубой бумаге.

Видимо, надписи на экземплярах «Наложницы» Боратынский делал вместе с Киреевским, с чем связана следующая записка: «Милый мой Киреевский, сдержи слово и приезжай ко мне либо сей час, либо в 6 часов после обеда. Эдиция моя

готова, надо подписывать экземпляры. Попроси Петерсона о чернилах. Сколько я вам доставляю хлопот! Лучше бы мне и не говорить об этом. Напиши, когда будешь. — Е. Боратынский».

ТС. С. 55—56; Изд. 1987. С. 201 (датировка: апр. 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 23. Причину уточнения датировки см. выше в примеч. к дате: апр., ок. 19.

АПРЕЛЬ, 21. Москва. Н. М. Языков — А. М. Языкову: «<...> С этим письмом ты получишь «Наложницу»: ты не знаешь ее в таком виде, как она напечатана — многое переделано, переправлено и целая глава прибавлена. Как ее начнут бранить наши журналисты! Особенно заглавие дает бесчисленные поводы к толкованиям и восклицаниям самым глупым! При ней предисловие — очень любопытное <...>».

Карпов 1983. С. 271.

АПРЕЛЬ, 20-е числа. — МАЙ, начало месяца. Москва. Боратынский посылает экземпляры «Наложницы» в Петербург — в частности, Плетневу и Деларю, сопроводив посылки письмами (оба — без дат).

Плетневу: «Посылаю тебе, милый Плетнев, экз. «Наложницы», чтоб им напомнить об одном из старых друзей твоих. Не знаю, доставил ли тебе покойный Дельвиг письмо мое, в котором было много такого, на что, зная твое сердце, я мог бы ожидать ответа. Я не получил его, и, признаться, это было для меня очень больно. Как ты ни переменился в продолжение пятилетней разлуки, я могу тебя уверить, что я остался тем же, чем был до нее. Я имею несчастье быть мало известным моим знакомым или, лучше сказать, не возбуждаю в них довольно участия, чтоб они потрудились узнать меня. Что делать? Им же хуже! Они отвергают сердце, способное к преданности. Прощай. Обнимаю тебя. — Е. Боратынский».

Фризман 1966. С. 55; *Хетсо*. С. 598 (датировка: апр. 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 412. Оп. 2. № 15. На письме надпись: «Петру Александровичу Плетневу». Уточнение даты связано с временем выхода поэмы.

Деларю: «Посылаю вам, любезный Деларю, экземпляр новой моей поэмы. Извините, ежели притом доставлю вам некоторые хлопоты, прося вас покорно разослать остальные по адресам. Надеюсь, что по доброму расположению вашему ко мне и по нашему поэтическому товариществу вы не отяготитесь моим препоручением. Давно нет ничего вашего в «Литературной газете». Тому назад несколько времени я читал с большим удовольствием стихи ваши, посвященные памяти Барона Дельвига. Ежели не ошибаюсь, вы участвуете в издании «Литературной газеты». Мне очень совестно, что я до сих пор не был вашим сотрудником. Надеюсь нынешнее лето оправдаться перед вами. У меня на первый случай есть повесть <«Перстень»?>, которую в скором времени вам доставлю. Прощайте, любезный поэт. Жена моя вместе со мною свидетельствует свое почтение Наталье Сергеевне и Даниле Андреевичу <родителям Деларю>. Оба мы препоручаем себя вашему воспоминанию. Преданный вам — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 596 (датировка: апрель 1831). Автограф — ГИМ. Ф. 445. № 228. Л. 8. Уточнение даты связано с временем выхода поэмы. Стихи Деларю, посвященные памяти Дельвига,— это «К могиле барона Дельвига» (ЛГ. 1831. 25 янв. № 6).

Наверное, тогда же Боратынский отправил экземпляр «Наложницы» Путяте (см. о том далее в письме к нему: июнь, конец месяца — июль, первая половина) и, может быть, просил Путяту доставить экземпляр Закревскому со следующим письмом (получено Закревским 1 июня 1831): «Ваше Сиятельство. — Важные государственные занятия не оставляют вам времени на чтение стихотворных безделок <Закревский был тогда министром внутренних дел>, и, представляя вам экземп-

ляр моей поэмы, я не думаю обратить на нее ваше внимание, но желаю только доказать, что всегда с равною живою благодарностию я помню того, которому обязан свободою и досугом, нужными литератору. — С истинным почтением и совершенною преданностию честь имею быть — Вашего Сиятельства — покорнейший слуга — Е. Боратынский».

Фалалеева 1992. С. 88 по автографу — ГИМ. Ф. 239. № 28. Л. 1.

МАЙ, первая половина (?). Боратынский с семейством переезжает из Москвы в Мураново.

МАЙ, 11. Петербург. Вышел № 27 «Литературной газеты» с дружеской рецензией М. Д. Деларю на «Наложницу»:

«<...> красоты в целом и в частях романа дают ему полное право на одно из лучших мест в ряду произведений словесности отечественной и на весьма почетное место в числе произведений литературы европейской <...>. Характер Елецкого изображен мастерски. Это один из тех людей, от природы наделенных многими хорошими качествами души, кои не имея истинного прямого направления, сбиваются с пути добродетели и погибают» (С. 221).

МАЙ, 15. Москва. Вышел «Дамский журнал» (1831. Ч. 33. № 20; ц. р. 20 мая) с рецензией Шаликова на «Наложницу» — в разделе «Известия» под загл. «Новое сочинение Баратынского, в стихах»:

«Странное положение журналиста: вышло новое сочинение на отечественном языке, и журналист не может говорить о сем сочинении, не может даже наименовать его!.. По книжным объявлениям многие догадаются, о каком сочинении идет речь; что же касается до нас, то мы, уважая, будучи обязаны *более других* журналистов уважать благоприличие <ибо журнал — дамский>, скажем со всею искренностию, что мы .... не читали сего нового сочинения, *нового* даже и по самому *заглавию* своему, и следовательно, не знаем, возлагает ли оно на главу сочинителя новый венок — конечно, не венок *Граций*, но, по крайней мере, ... свитый из рокового платка, столь важного для героинь одного имени с героинею *сочинения Баратынского* в стихах» (С. 111).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 109 об. (дата).

МАЙ, 15. Пушкин с женой уезжает из Москвы в Петербург.

МАЙ, вторая половина — ИЮНЬ, начало месяца. Мураново. Четыре письма Боратынского Киреевскому в Москву (все письма без дат):

«Как ты поживаешь, милый мой Киреевский, и что ты поделываешь? Благодатно ли для тебя уединение? Идет ли вперед твой роман? <Киреевский начинал писать роман «Две жизни»>. Кстати об романе: я много думал о нем это время, и вот что я о нем думаю. Все прежние романисты неудовлетворительны для нашего времени по той причине, что все они придерживались какой-нибудь системы. Одни — спиритуалисты, другие — материалисты. Одни выражают только физические явления человеческой природы, другие видят только ее духовность. Нужно соединить оба рода в одном. Написать роман эклектический, где бы человек выражался и тем, и другим образом. Хотя все сказано, но все сказано порознь. Сблизив явления, мы представим их в новом порядке, в новом свете. Вот тебе вкратце и на франмасонском языке мои размышления. Я покуда ничего не делаю. Деревья и зелень покуда столько же развлекают меня в деревне, сколько люди в городе. Езжу всякий день верхом, одним словом веду жизнь, которой может быть доволен только Рамих <врач Киреевских-Елагиных>. — Прощай, мой милый, обнимаю тебя, а ты обними за меня Языкова. Не забывайте об альманахе. — Твой Е. Боратынский.— Я прочел в «Литературной Газете» <см. выше: май, 11> разбор «Наложницы» весьма лестный и весьма неподробный. Это — дружеский отзыв. Что-то говорят недруги? Ежели у тебя что-нибудь есть, пришли, сделай милость. Я намерен отвечать на критики. Жена тебе кланяется».

ТС. С. 10—11. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 14—15 об. В ТС и позднейших изданиях это и еще три следующих письма к Киреевскому отнесены ко времени пребывания Боратынского в Казани и Каймарах и датированы июлем и августом 1831 (см. Изд. 1951. С. 497, 500; Изд. 1983. С. 220 — 224). В примечаниях к Изд. 1987 Л. В. Дерюгина и С. Г. Бочаров отметили, что более вероятно это письмо и три последующих «написаны в подмосковском Муранове; в этом случае их следует датировать маем 1931 г.» (Изд. 1987. С. 451—452). — Самое раннее из писем — вышецитированное — написано не ранее 15—16 мая, времени, когда до Москвы могла дойти «Литературная газета» от 11 мая с рецензией Деларю на «Наложницу».

«Не стану благодарить тебя за твои хлопоты: пора оставить эти сухие формулы между нами; они отзываются недоверчивостью, а у меня нет ее к тебе. Надеюсь, что в этом мы сочувствуем. Денег мне не присылай, а оставь у себя до нашего свиданья. Я буду в Москве в июле, а в сентябре непременно. Мне надо тебе растолковать мысли мои о романе: я тебе изложил их слишком категорически. Как идеал конечного возьми «L'âne mort» и «La confession» <романы Жюля Жанена: «Мертвый осел и обезглавленная женщина», 1829; «Исповедь», 1830>, как идеал спиритуальности — все сентиментальные романы: ты увидишь всю односторонность того и другого рода изображений и их взаимную неудовлетворительность. Фильдинг, Вальтер Скотт ближе к моему идеалу, особенно первый, но они угадали каким-то инстинктом современные требования и потому, попадая на настоящую дорогу, беспрестанно с нее сбиваются. Писатель, привыкший мыслить эклектически, пойдет, я думаю, далее, то есть будет еще отчетливее. Не думай, чтобы я требовал систематического романа, нет, я говорю только, что старые не могут служить образцами. Всякий писатель мыслит, следственно, всякий писатель, даже без собственного сознания, — философ. Пусть же в его творениях отразится собственная его философия, а не чужая. Мы родились в век эклектический: ежели мы будем верны нашему чувству, эклектическая философия должна отразиться в наших творениях; но старые образцы могут нас сбить с толку, и я указываю на современную философию для современных произведений, как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках. — Что с твоей маменькой? Надеюсь, что нездоровье ее не важно. Поцелуй ей за меня ручки и скажи, чтоб она не полагалась на одну силу воли для выздоровления и похлопотала бы хоть раз о себе, как ежедневно хлопочет о других. Жена моя тебе усердно кланяется и благодарит Языкова за его память. Свояченица моя препоручила мне тоже тебе поклониться. Дело в том, что все мы очень тебя любим. Посылаю тебе расписку Салаева <московский книгопродавец>. Ежели Логинов и другие покупают «Наложницу», то его экземпляры вероятно разошлись, и можно с него потребовать деньги. Возьми их и оставь у себя. Что ты, Языков, не выздоравливаешь? Это, право, грустно. Прощайте, братцы, до будущего свидания. Обнимаю тебя».

ТС. С. 14—15. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 18—19 об. Рассуждения о «спиритуальных» и «материальных» романах прямо продолжают сказанное в предыдущем письме; отсюда и наша датировка.

«Отвечаю тебе весьма наскоро и потому прошу принять эту грамоту за записку, а не за письмо. Благодарю тебя за добрые вести о здоровье твоей маменьки. Надеюсь, что оно скоро утвердится. О торговых делах мой ответ мог бы быть очень короток: я бы сказал: делай, что хочешь, и был бы покоен; но я знаю, что ты — человек чересчур совестливый, и если б что-нибудь не удалось, тебе было бы более досадно, нежели мне. Вот почему скажу тебе, что насчет Ширяева <книгопродавец> я с тобой согласен. Что же до Кольчугина <книгопродавец>, то думаю уступить менее 8 р. экземпляр, ежели возьмут 100 разом, по 7 р. 50 к. или даже по 7. — Об романе мне кажется, что мы оба правы: всякий взгляд хорош, лишь бы он был

ясен и силен. Я писал тебе более о романе вообще, нежели о твоем романе; думаю, между тем, что мои мысли внушат тебе что-нибудь, может быть, подробности какой-нибудь сцены. Я очень хорошо знаю, что нельзя пересоздать однажды созданное. Напиши мне, как ты найдешь Гнедича. Признаюсь, мне очень жаль, что я его не увижу. Я любил его, и это чувство еще не остыло. Может быть, теперь я нашел бы в нем кое-что смешное: что за дело! приятно взглянуть на колокольню села, в котором родился, хотя она уже не покажется такою высокою, как казалась в детстве. Я покуда ничего не делаю: езжу верхом и, как ты, читаю Руссо. Я об нем напишу тебе на днях: он пробудил во мне много чувств и мыслей. Человек отменно замечательный и более искренний, нежели я сначала думал. Все, что он о себе говорит, без сомнения, было, может быть, только не совсем в том порядке, в котором он рассказывает. Его «Confessions» <«Исповедь»> — огромный подарок человечеству. Обнимаю тебя. — Е. Боратынский. PS. Деньги я получил».

ТС. С. 11—12. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 16—17 об. Подытоживающими рассуждениями о романе и денежными расчетами, связанными с продажей «Наложницы», это письмо прямо связано с двумя предыдущими.

«Дружба твоя, милый Киреевский, принадлежит к моему домашнему счастию; картина его была бы весьма неполной, ежели б я пропустил речи наши о тебе, удовольствие, с которым мы читаем твои письма, искренность, с которою тебя любим и радуемся, что ты нам платишь тем же. Мы оба видим в тебе милого брата и мысленно приобщаем тебя к нашей семейной жизни. Ты из нее не выходишь и в мечтах наших о будущем, и когда мы располагаем им по воле нашего сердца, ты всегда у нас в соседстве, всегда под нашим кровом. Ты первый из всех знакомых мне людей, с которым изливаюсь я без застенчивости: это значит, что никто еще не внушал мне такой доверенности к душе своей и своему характеру. Сделал бы тебе описание нашей деревенской жизни, но теперь не в духе. Скажу тебе вкратце, что мы пьем чай, обедаем, ужинаем часом раньше, нежели в Москве. Вот тебе рама нашего существования. Вставь в нее прогулки, верховую езду, разговоры; вставь в нее то, чему нет имени: это общее чувство, этот итог всех наших впечатлений, который заставляет проснуться весело, гулять весело, эту благодать семейного счастия, и ты получишь довольно верное понятие о моем бытье. «Наложницу» оставляю совершенно на твое попечение. Жду с нетерпением твоего разбора <Киреевский обещал написать разбор «Наложницы»: опубл. в «Европейце» — см. 1832, янв., 25>. Пришли, когда кончишь. О недостатках «Бориса» <Годунова> можешь ты намекнуть вкратце и распространиться о его достоинствах. Таким образом ты будешь прав перед собою и перед отношениями. Я не совсем согласен с тобою в том, что слог «Иоанны» <поэма Жуковского «Орлеанская дева»> служил образцом слога «Бориса». Жуковский мог только выучить Пушкина владеть <нрзбр.> стихом без рифмы, и то нет, ибо Пушкин не следовал приемам Жуковского, соблюдая везде цезуру. Слог «Иоанны» хорош сам по себе, слог «Бориса» тоже. В слоге «Бориса» видно верное чувство старины, чувство, составляющее поэзию трагедии Пушкина, между тем как в «Иоанне» слог прекрасен без всякого отношения. — Прощай, мой милый, крепко обнимаю тебя. Пиши к нам. Жена моя очень благодарна тебе за дружеские твои приветствия. Впрочем, я всегда пишу к тебе в двух лицах. Обними за меня Языкова, рад очень, что он выздоравливает. Очень мне хочется с вами обоими повидаться, и, может быть, я соберусь на день-другой в Москву, ежели здоровье мое позволит. Не забудь поклониться от меня Гнедичу. — Е. Боратынский».

ТС. С. 12—14. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 6—7 об. Упоминание о Гнедиче, приехавшем в Москву, позволяет считать это письмо следующим после помещенного нами выше (см. там о Гнедиче). Просьба обнять Языкова позволяет считать, что пись-

мо написано до отъезда Языкова из Москвы к Елагиным — в подмосковное имение Ильинское (см. его письмо к брату из Ильинского от 14 июня 1831: *Карпов* 1983. С. 272). Слова о желании выбраться в Москву на день-другой свидетельствуют о том, что письмо написано в Муранове.

МАЙ, 21. Петербург. Е. М. Хитрово — Вяземскому: «<...> Нет, я не могу восхищаться «Наложницей», и я в этом покаялась Пушкину. Я даже вовсе не нашла в ней автора «Бала». Все это бесцветно, холодно, без энергии и особенно без всякого воображения. Герой — дурак, никогда не покидавший Москвы. Я не могу его себе иначе представить, как в дрянном экипаже или в грязной передней <...>».

Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927. С. 113, 167.

МАЙ, 26. Петербург. Вышел «Сын отечества и Северный архив» (1831. Ч. 20. № 21; ценз. разр. 23 мая) с двумя рецензиями на «Наложницу» и примечанием издателей: «Нам доставлены две статьи о сей повести: помещаем обе» (С. 53).

В первой из рецензий (подпись: *Юр*.) сказано: «Повесть сия вместо предисловия начинается длинною выходкою (в прозе) против журналистов, называющих некоторые сочинения безнравственными. Вся эта выходка — парадокс, защищаемый с редкою запальчивостию. Поэт утверждает, что всякий предмет может быть предметом нравственным, лишь бы он был описан вполне. Не спорим. <...> Но зачем утомлять нас изображением порока, облекать его в краски поэзии и тем соблазнять слабых? <...>. — Утверждая, что всякий предмет может быть безнравственным, поэт забыл, что часто тот же самый предмет может быть *неблагопристойным*. Не говорим этого о «Наложнице» решительно, ибо в ней неблагопристойнее всего заглавие <...>. Вопрос: как спросить мне у девушки, даже взрослой, которой дают все книги, у дамы, даже у мужчины в присутствии дам, читали ль они «Наложницу», не заставив их покраснеть до ушей? <...> — Странно также предположение автора, будто одной истины довольно для всякого художественного произведения. Нам кажется напротив, что одной голой истины недостаточно решительно <...>, а иначе каждое уголовное дело, переложенное в разговоре, будет трагедиею, отрывок из жизни какого-нибудь повесы — эпопеею <...>. И в «Наложнице» есть места, имеющие решительное достоинство, которые не раз перечитаешь с наслаждением: они вполне обличают талант поэта. <...> Но к несчастию, эти отдельные красоты не искупают недостатков всего романа, строго рассматриваемого в целом. — Мы не говорим о превосходном языке: он всем известен. Из всех новейших поэтов наших Баратынский — один, если не ошибаемся, сохранил юношескую упругость своего стиха, если можно так выразиться; жаль, что иногда он попадает в другую крайность: сбивается в прозаизм. — Замечательно, что это, если не ошибаемся, у нас первая книга, которую подпись автора <см. выше: апр., вскоре после 19> стережет от перепечатания» (С. 53—58). — В другой рецензии (подписана: *Р-н*) — также полемика с предисловием к «Наложнице»: «Если поэт удовлетворяет истину и религию верным и полным изображением порока и наказанием оного, то он обязан, в угождение поэзии, чем-то возвышенным и прекрасным окружать плачевную смерть грешника и этим обращать нашу душу к идеальному миру, дабы мы отказались от порока — не столько из страха заслуженной и неминуемой казни, сколько из любви к добродетели! Вот чего поэт не доказал в предисловии к своей повести, вот чего не достает «Эде», «Балу» и «Наложнице»! <...> Сия повесть — новое блестящее доказательство дарования автора, представляет новый момент его развития. Большой объем, богатство и живость описаний, занимательность положений и вообще счастливая смелость вполне познавшего себя гения — ставят «Наложницу» выше прочих произведений Баратынского; но язык, хотя местами превосходный, в целом не имеет той классической оконченности, той удивительной верности выражений, которыми доселе отличалась муза нашего поэта. Есть и темные места, трудные обороты и неприятные вставки. Характер Елецкого изображен несколько слабо. <...> Сказав чистосердечно свое мнение о «Наложнице», заметим еще, что самое название не было необходимостию для этой поэмы <...> она многим была бы приятнее и доступнее под именем *Сары*» (С. 60—63).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 263. Л. 32 об. (дата).

ЛЕТО. Эпидемия холеры в Петербурге; новые вспышки болезни в Москве.

ИЮНЬ, первая половина (?). До Муранова доходят слухи о том, что в Москве — снова холера, и семейство Боратынского спешно начинает готовиться к отъезду в казанское имение Энгельгардтов — Каймары, с чем связано письмо (без даты) Боратынского Киреевскому: «Вообрази себе, милый Киреевский, что мы совсем нечаянно собрались ехать в Казань, и что мне, может быть, не удастся с тобой проститься, ибо до нас доходят слухи, что в Москве снова холера, и мои домашние никак меня не отпускают. Пишу к тебе посреди хлопот, нераздельных с путевыми сборами. Посылаю тебе своего Сисмонди и Villemain <видимо, речь идет о книгах Сисмонди «Литература южной Франции», 1819 и трехтомнике Вильмена «Историческая и литературная смесь», 1827>. В Петербурге не могли достать экземпляра, и ты не можешь себе вообразить, как мне перед тобою совестно. Urbain <Ш. Юрбен — московский книгопродавец> говорил мне, что в июле месяце у него будет. Ежели так, купи у него все сочинение и, переменив один том, перешли ко мне в Казань. Деньги возьми у Салаева. Данные ему экземпляры «Наложницы», вероятно, разошлись. Кстати: я тебе послал его росписку, но ты не пишешь, получил ли ее. Так-то, мой милый, в то самое время, когда я думал основаться в Москве, я ее покидаю. Но это путешествие мне через год или два должно было бы непременно сделать и расстаться с моими родными. Теперь мы едем вместе, и, прожив до будущей весны, я уже не буду иметь нужды возвращаться. Несмотря на это, еду с стесненным сердцем, и будущее пугает меня, тем более, что я люблю настоящее. Дай Бог, чтобы я не нашел в Москве никакой перемены, и всех бы вас нашел, как оставил. Прощай, мой милый, более писать некогда. Куча дела. Обнимаю тебя. Языкова тоже. Скажи мое почтение всем твоим, которых я готов назвать своими. — Е. Боратынский».

ТС. С. 8—9. Автограф – РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 8—9.

ИЮНЬ, начало месяца. Петербург. Вышел роман Б. Констана «Адольф» в переводе П. А. Вяземского (печатание тиража продолжалось до сентября 1831 г.).

Перевод посвящен А. С. Пушкину: «Прими мой перевод любимого нашего романа. <...> Мы так часто говорили с тобою о превосходстве творения сего, что, принявшись переводить его на досуге в деревне, мысленно относился я к суду твоему; в борьбе иногда довольно трудной вопрошал я тебя, как другую совесть, призывал в ареопаг свой и Баратынского <см. 1830, янв., до 24>, подвергал вам свои сомнения и запросы и руководствовался угадыванием вашего решения. Не страшитесь однако же ни ты, ни он: не налагаю на вас ответственности за худое толкование молчания вашего. Иначе моя доверенность к вам была бы для вас слишком опасна, связывая вас взаимным обязательством в случайностях предприятия моего <...>».

Гиллельсон 1969. С. 192 (дата). В 1876 г. в предисловии к изданию перевода «Адольфа» в собрании своих сочинений Вяземский писал: «<...>в самой рукописи сделаны были Баратынским некоторые изменения слов, впрочем, незначительные» (*Гиллельсон* 1969. С. 185).

ИЮНЬ, 4. Москва. Вышел «Московский телеграф» (1831. Ч. 38. № 6; ценз. разр. 2 июня) с рецензией Н. А. Полевого на «Наложницу» (С. 235—243):

«В начале сей новой поэмы Е. А. Баратынского напечатано рассуждение в прозе. О чем вздумалось автору рассуждать так много? <...> — Мы откровенно скажем, что спор о *нравственности* как цели и предмете изящных произведений так давно решен, так много было об этом говорено, что совестно даже возобновлять прение о деле, совершенно оконченном. Тот, кто назовет «Дон Жуана», «Фауста», «Новую Элоизу» сочинением не нравственным, вовсе не понимает теории изящных искусств: хочет одеть Венеру Медицейскую и Аполлона Бельведерского в капот и сюртук, соблазняясь их наготою. С таким человеком и спорить нечего; нечего и беспокоиться о том, что он пишет. — <...> Если же кому угодно опровергать их, то не так, как защищает мнимую безнравственность поэзии сочинитель «Наложницы». <...> Опровержение заключается в законах изящного <...> . Не хотел ли г-н Баратынский в своем рассуждении быть более понятным для толпы? В таком случае ему не

надобно было с важностью громоздить пустые слова, но или улыбнуться, или отвечать поэтически: — Подите прочь, какое дело поэту мирному до вас <...>. — Так отвечает поэт! Жаль, если своим слабым опровержением г-н Баратынский подает повод соперникам торжествовать над ним. Что делать? Сам виноват! <...> Но, никогда не нападая на поэтов русских с обвинением в *безнравственности*, «Телеграф» всегда упрекал и будет упрекать их в недостатке, слабости *поэзии* <...>. Так и теперь <...> никогда не являлся он <Боратынский> с созданием столь холодным и несовершенным <...>. Баратынский ли после пьес, каковы «Финляндия», «Могила», «Родина», «Элизийские поля», после поэм, каковы «Эда», «Бал», «Последняя смерть», дарит нас «Наложницею», в которой ни основная мысль, ни подробности, *ни даже стихи* не удовлетворяют самого снисходительного критика? — Мысль, на которой основана поэма, есть почти та же, которая послужила основою «Бала» <...>. Арсений и Елецкий, Княгиня и Цыганка, Вера Волховская и Ольга одни и те же лица <...> характеры не развиты; страсти молчат; душа поэта не говорит с душою читателя: поэт только рисовальщик портретов, а не живописец Человека <...> стихи в «Наложнице» тяжелы, неуклюжи, писаны так небрежно, что погрешности их непростительны едва начинающему писать <...>» — В начале рецензии — курсивом и восклицательным знаком выделена цена «Наложницы» у книгопродавцев: *«десять рублей ассигнациями!»*.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 112 об. (дата).

ИЮНЬ, 13. Петербург. Вышла «Гирланда» (1831. Ч. 1. № 13; ценз. разр. 30 мая) с началом рецензии М. А. Бестужева-Рюмина на «Наложницу» (С. 320—325; подпись *Сенсерский*).

Рецензия начинается мистификацией, цель которой оградить Боратынского от журнальных нападок на неблагопристойность названия; в заглавии рецензии поэма обозначена так: «**Цыганка. Сочинение Е. Баратынского**», а в примечании к заглавию рассказывается следующая история: «Увидев у одной дамы экземпляр сей повести, я выпросил прочесть оную и при составлении сей статьи руководствовался этим же экземпляром, который, повидимому, принесен в дар той особе, от которой я заимствовался книжкою. Это я заключаю по нарядному переплету, с особенным вкусом сделанному, и по заглавному листочку, прекрасно *накалиграфированному* на почтовой бумаге (печатного не было). После сего листочка в этом экземпляре следует печатный посвятительный листок; потом идет рассуждение в прозе о *нравственном* в поэзии на XXVII страницах, отмеченных римскими цифрами; после сего вклеен листок почтовой же бумаги, на коем также *накалиграфировано*: Глава I, и означено точками несколько строчек. Со II же главы до конца все печатное. К сожалению, я не имел случая сличить сего экземпляра с другим, но полагаю, что и в этом никаких перемен или пропусков на должно быть» (С. 320).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 263. Л. 37 (дата). Об отношениях Боратынского и Бестужева-Рюмина см.: *Вацуро* 1988. Окончание рецензии в «Гирланде» см. далее: авг., 20.

ИЮНЬ, середина месяца — вторая половина. Боратынский с женой, детьми Александрой и Львом, тестем Л. Н. Энгельгардтом и свояченицей Соничкой Энгельгардт едут из Муранова в Казань (до июня следующего года).

ИЮНЬ, 17. Москва. Вяземский — Пушкину в Петербург: « <...> Я здесь никого из порядочных людей не вижу: Баратынский в деревне, не знаю, где и что Языков <...>». — Языков у Елагиных — в Ильинском; об отъезде Боратынского в Казань Вяземский еще не знает, полагая, что он в Муранове.

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 177.

ИЮНЬ, до 27. Москва. И. В. Киреевский — В. Ф. Одоевскому в Петербург (без даты): « <...> я мог понять то, что ты был так добр, что взялся хлопотать об некоторых делах, которые я поручил ему <А. И. Кошелеву, недавно приехавшему в Петербург из Москвы>, т. е. об Наложнице Баратынского <...> Если же Княгиня <О. С. Одоевская> не выпускает теперь тебя из дому (что вероятно), то ты поручи все это <А. В.> Веневитинову или кому-нибудь другому».

РНБ. Ф. 539. № 584. Л. 1. Датировано по московскому почтовому штемпелю.

ИЮНЬ, 30. Петербург. Вышел последний номер «Литературной газеты».

ИЮНЬ, конец месяца — ИЮЛЬ, начало. Казань. Боратынский — Киреевскому в Москву (письмо без даты): «Пишу тебе из Казани, милый Киреевский. Дорогой писать не мог, потому что мы объезжали города, в которых снова показалась холера. Как путешественник, я имею право говорить о моих впечатлениях. Назову главное: скука. Россию можно проехать из конца в конец, не увидав ничего отличного от того места, из которого выехал. Все плоско. Одна Волга меня порадовала и заставила меня вспомнить Языкова, о котором впрочем я и без того помнил. Приехав в Казань, я стал читать московские газеты и увидел в них объявление брошюрки «О Борисе Годунове» <анонимная брошюра, вышедшая в Москве в конце мая>. Не твое ли это? Вероятно, нет; во-первых, потому, что ты слишком ленив, чтобы так проворно написать и напечатать; во-вторых, потому, что ты обещал мне прислать статью твою до печати. Надеюсь в деревенском уединении путем приняться за перо. Ежели я ничего не заметил дорогою, то многое обдумал. Путешествие по нашей родине тем хорошо, что не мешает размышлению. Это путешествие по беспредельному пространству, измеряемое одним временем: зато и приносит плод свой, как время. Кстати, не мешало бы у нас означать расстояние часами, а не верстами, как то и делается в некоторых землях не по столь неоспоримому праву. Прощай, мой милый. Я пишу к тебе ералашь оттого, что устал, оттого, что жарко. Из деревни буду писать тебе порядочнее. Поклонись от меня всем своим. Жена моя не пишет за хлопотами. Она закупает разные вещи, нужные нам в деревне, и теперь ее нет дома. Обнимаю тебя от всей души. — Е. Боратынский».

ТС. С. 9—10. Обычно письмо датируется июнем 1831 (Изд. 1983. С. 219; Изд. 1987. С. 204). Перенос датировки на конец июня – начало июля связан с предположением о времени отъезда из Муранова (см. выше: июнь, перв. пол.). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 44—45 об.

ИЮНЬ, конец месяца — ИЮЛЬ, начало. Казань. Боратынский — Путяте в Петербург (ответ на несохранившееся письмо — без даты): «Поздно отвечаю на письмо твое, милый Путята, но ты со мною помиришься, когда узнаешь, что я получил его весьма недавно, что оно мне было переслано из Москвы в Казань, где я теперь нахожусь со всем моим семейством. Благодарю тебя за доставление «Наложницы» по адресу <видимо, А. А. Закревскому> и за твои замечания. Не спорю, что в «Наложнице» есть несколько стихов небрежных, даже дурных, но поверь мне, что вообще автор «Эды» сделал большие успехи в своей последней поэме. Не говорю уже о побежденных трудностях, о самом роде поэмы, исполненной движения, как роман в прозе, сравни беспристрастно драматическую часть и описательную; ты увидишь, что разговор в «Наложнице» непринужденнее, естественнее, описания точнее, проще. Собственно же дурных мест в «Эде» гораздо больше, нежели в Саре. В последней можно критиковать стих, выражение; а в «Эде» целые тирады, например: весь разговор гусара с Эдой в первой песне. Обыкновенно мне мое последнее сочинение кажется хуже прежних, но перечитывая «Наложницу», меня всегда поражает легкость и верность ее слога в сравнении с прежними моими поэмами. Ежели в «Наложнице» видна некоторая небрежность, зато уж совсем незаметен труд; а это-то и нужно было в поэме, исполненной затруднительных подробностей, из которых должно было выйти совершенным победителем или не браться за дело. Я заболтался, мой милый. Извини, что с тобою спорю. Ты знаешь, что я охотно соглашаюсь с критиками, когда нахожу их справедливыми; но на твою не согласен. Желал бы сказать тебе что-нибудь занимательное, но я живу в совершенном уединении и ничем не могу с тобою делиться, кроме своими мыслями. Вижу по газетам, что у вас не прекращается холера; но знаю по опыту, что умеренностью в пище и старанием не простудиться наверно можно ее избегнуть.

Надеюсь, что ты не будешь ее жертвою и что Бог дозволит нам еще раз обнять друг друга. Прощай. Адрес мой: на мое имя в Казань. — Е. Боратынский».

Путята 1867. Ст. 280—281. Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 39—40 об. Обычно письмо датируется июнем 1831 (Изд. 1951. С. 494; Изд. 1983. С. 256; Изд. 1987. С. 205). О причинах передатировки см. примеч. к предыдущему письму.

ИЮЛЬ, начало месяца (?). Переезд Боратынских из Казани в Каймары.

Время переезда датируется словами Боратынского из письма к Киреевскому, написанного до 6 авг. (см. далее): «Вот уже месяц, как я в своей казанской деревне».

ИЮЛЬ, 3. Москва. Вышел «Телескоп» (1831. Ч. 3. № 10; ценз. разр. 30 июня) с рецензией Надеждина на «Наложницу»:

« <...> Что за странная мысль — дать стихотворению, назначаемому для будуарного чтения, такое имя, которое «Дамский журнал», застрахованный бы уже, кажется, летами и морщинами от всякого соблазна, не осмелился переписать в свои поблеклые страницы? <см. выше: май, 11, Москва> <...>. — Нельзя скрыть изумления, коим поразило нас, с первого взгляда, *понятие о литературе*, встречающееся в апологическом предисловии знаменитого нашего поэта. Вооружившись светочем эстетической критики, он не только видит сам, но и заставляет других *видеть в ней науку, подобную другим наукам, искать сведений, а ничего иного* (стр. XIII <предисловия к «Наложнице»>)!!! Литература — наука, *подобная другим наукам* — это весьма странно! Мы доныне привыкли считать литературу *искусством*, а *искусство* и *наука* — две вещи совершенно различные!» — Далее Надеждин говорит, что если следовать логике Боратынского, то и «Наложницу» следует считать «трактатом науки»: «Удивительное противоречие между словом и делом!.. <...> наш стихотворец, <...> занимая почетное место в литературе, не понимает, что такое литература <...>». — Далее Надеждин объясняет два главных смысла понятия «литература»; общий смысл: литература — это «произведения человеческой письменности»; частный смысл: это «изящная литература»: «Красота составляет ее отличительное свойство <...> произведение изящное есть не что иное, как малый мир, образ вселенной в миниатюре <...>». — Далее Надеждин обращается к критике самой поэмы: «Безумен художник, оживляющий образ улитки на полотне или перелагающий на музыкальные ноты лягушачье кваканье: еще безумнее поэт, источающий свою творческую деятельность на представление пороков и преступлений, коих гнусность гораздо отвратительнее <...>. Но хладнокровный рассказ, передающий официальные извлечения из архивов соблазна и преступления для одного удовольствия сообщать их — сколь бы ни был *справедлив и полон*, — есть произведение безобразное и безнравственное <...>. — По счастию, новое сочинение *Баратынского* не вполне удовлетворяет условиям *нравственности*, кои им самим изложены; ибо ему не достает ни *справедливости*, ни *полноты показаний*, признаваемых им за существенные и единственные условия *нравственности литературного произведения* <...>. Что *показания его не справедливы*, это доказывает вся ткань его, составленная кое-как из произвольного сцепления случаев, коих чрезмерная обыкновенность простирается до необыкновенности <...>. Итак, если *справедливость и полнота показаний* суть главные условия *нравственности литературного произведения*, то сие стихотворение Баратынского, по собственному суду его — *безнравственно*! Но мы смело защищаем его против самого себя и объявляем сочинение сие если не положительно *нравственным*, то совершенно *невинным*. Разврат представлен в нем так, что на него можно только зазеваться: и не живо, и не ярко, и не полно! <...> — Но заключением наших замечаний да будет искреннее повторение всегдашнего нашего желания, чтобы муза поэта, уважаемого нами более многих других — после прошедших неудачных опытов, изменив ложные понятия о назначении и существе изящной словесности — захотела быть не тем, что ныне, а <...> невестою истинно прекрасного!.. Мы б от души попраздновали на ее обручении!..» (С. 228—239).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 115 об. (дата).

ИЮЛЬ, 10 — 20-е числа (?). Каймары. Боратынский — Плетневу в Петербург (ответ на несохранившееся письмо — без даты): «Когда я получил письмо твое, милый Плетнев, я укладывался в долгую дорогу, оттого и не отвечал тебе в то же время. Теперь пишу к тебе не из Москвы, а из деревни в 20 верстах от Казани.

Я стал от тебя дальше расстоянием, но не дальше сердцем. Письмо твое взволновало мне душу. Оно дышит разуверенностью и унынием. С горьким угрызением думаю, что сам я несколько способствовал привести тебя к этому печальному расположению духа. Довольный в душе моей живым дружеским воспоминанием о тебе, я не заботился в нем уверять тебя и, казалось, забыл о старом друге. Мне страшно подумать, что, вспомнив обо мне, ты сам себе говорил: вот как нечувствительны, как неблагодарны люди! Между тем я был виноват в одной лености, отлагающей до другого дня сегодняшнее дело. Потеря Дельвига для нас незаменяема. Ежели мы когда-нибудь и увидимся, ежели еще в одну субботу сядем вместе за твой стол, — Боже мой! как мы будем еще одиноки! Милый мой, потеря Дельвига нам показала, что такое невозвратно прошедшее, которое мы угадывали печальным вдохновением, что такое опустелый мир, про который мы говорили, не зная полного значения наших выражений. Я еще не принимался за жизнь Дельвига <см. выше: янв., 27>. Смерть его еще слишком свежа в моем сердце. Нужны не одни сетования, нужны мысли; а я еще не в силах привести их в порядок. Поговорим о тебе. Неужели ты вовсе оставил литературу? Знаю, что поэзия не заключается в мертвой букве, что молча можно быть поэтом; но мне жаль, что ты оставил искусство, которое лучше всякой философии утешает нас в печалях жизни. Выразить чувство значит разрешить его, значит овладеть им. Вот почему самые мрачные поэты могут сохранить бодрость духа. Примись опять за перо, мой милый Плетнев; не изменяй своему назначению. Совершим с твердостию наш жизненный подвиг. Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия, а главное из них — унылость. Прощай, мой милый. Я стал проповедником. Слушай мои увещания, а я буду слушать — твои. Благодарю тебя за похвалы «Наложнице»: они меня утешили в неблагорасположении других моих критиков. Обнимаю тебя от всей души. Пиши ко мне, когда найдешь досужное время. Поклонись Пушкину. Адрес мой — такому-то, в Казань. — Е. Боратынский».

Помощь голодающим. М., 1892. С. 259—260; *Грот* 1904. С. 518—519. Обычная датировка письма — июль 1831 (Изд. 1951. С. 495; Изд. 1983. С. 212; Изд. 1987. С. 209).

ИЮЛЬ, 10. Дата под прошением Боратынского об увольнении от службы (ведь он продолжал числиться в Межевой канцелярии): «Его Превосходительству Господину Главному Директору Межевой Канцелярии Тайному Советнику и Кавалеру Богдану Андреевичу Гермесу Губернского Секретаря Евгения Аврамова сына Баратынского — ПРОШЕНИЕ: Продолжая я служение в Канцелярии Вашего Превосходительства, по домашним своим обстоятельствам имею я намерение продолжать оное по какому-нибудь другому присудственному месту, а потому всепокорнейше прошу Ваше превосходительство меня из ведомства Канцелярии для определения к другим делам уволить, выдав мне о службе Аттестат и для проживания Пашпорт. — К сему прошению Губернский секретарь Евгений Аврамов сын Боратынский руку приложил. — 1831-го года. — Июля 10-го дня». — Прошение было отправлено из Казани в Москву почтой; получено в Межевой канцелярии 19 июля. Тогда же в канцелярии было открыто «Дело по прошению Губернского секретаря Евгения Баратынского о увольнении его в отставку», благополучно завершившееся выдачей аттестата 26 июля.

ПД. № 3166. Л. 1. Фраза «К сему прошению...» написана рукой Боратынского, все прочее — писарский текст.

ИЮЛЬ, 10. Петербург. Д. И. Хвостов заканчивает работу над статьей «Мысли о «Наложнице», поэме Баратынского»:

«Пословица говорит: по платью встречают, а по уму провожают. Это самое случилось с новым творением Евгения Абрамовича Баратынского, называемым: Наложница. Одно

название сей поэмы так взволновало публику, что многие приятели друг у друга спрашивают с насмешкою: Есть ли у тебя наложница? Некоторые журналисты по одному названию отреклись от разбора сего замысловатого сочинения <см. май, 11. Москва>. Иные так перепугались, что в рецензии, то есть в рассуждении о сем творении переменили оному имя и наложницу перекрестили в цыганку <см. июнь, 13>, не взирая на длинное толкование Автора о том, что есть нравственное в поэзии. Толкование сие не полюбилося издателю Московского Телеграфа, он совершенно опровергает оное и очень невыгодно отзывается о целом творении <см. июнь, 4>. Обращаяся к пословице, мне кажется: не судя по платью или по названию предмета следует разобрать его более подробно и потом уже решительно говорить о достоинстве стихотворения в роде изящном. Я намерен это сделать и сообщаю мнение мое публике о Поэме г-на Баратынского. — Вопрос каждого критика заключается в том: вероподобна ли завязка и живо ли представлены свойства действующих лиц, по-иностранному характеры. Посмотрим на героя Ленского <так Хвостов называет Елецкого>. Почитатели Баратынского находят, что Ленской есть подражание Онегину Пушкина. Это мнение совершенно неосновательно. Онегин и Ленский весьма между собой различны. Герой Александра Сергеевича повеса, ищущий следуя новой философии рассеяния и забав. Герой Баратынского развратник, негодяй и преступник. Подражателей Онегину можно обратить на путь истинный сатирою. Подражателей Ленского должно обуздать бичем закона. Первое: Автор сам во второй песне говорит, что он потерял веру, совесть, отрекся от приличий и изгнан из общества. Глава 2, страница 10 <Следует цитата из «Наложницы» от слов «Он и уму (что вдвое хуже..» до «...Его блажное баловство»>. Хотя в последующих стихах Автор приписывает сие одному языку хвастливого Ленского, а не сердцу, но однако заключает, что от людей благоразумных чудовищем со всех сторон Елецкой был провозглашен. Но если он только был хвастун, поступки его в целой поэме явно опровергают сие г. Автора предположение, как мы то увидим. Вход во все дома заперт. Чего же ожидают от такого человека, который не имеет ни правил, ни чувств благородных, и можно ли такой развратный характер предавать лицу главному в сочинении. Кому оно понравится? Кого привлечет на свою сторону явный негодяй, отверженец от общества, тем более, что Автор не противоположил ему другого достойного лица. Взглянем на действия сего отверженца от лучших домов в столице. Внутри его жилища царствует разврат, которым гнушается часто его наложница; даром, что она его без памяти любит. Ленский между тем воспылал страстию к одной благородной девице Волховской, и не помышляя о разрыве связей своих с цыганкою, изобретает пагубное средство, достойное Ваньки Каина, чтобы начать знакомство с Госпожею Волховскою. Он подделывает карету и ливреи, нанимает холопей и отправляет поезд свой в театр, приказывает привести соседа своего будто ошибкою в свой дом. Сие плутовское, беззаконное намерение совершилось удачно. Последствий после оного никаких не было; хотя подобное преступление за черноту свою достойно было подвергнуть сочинителя сей завязки (т. е. Ленского) бичу закона. Ему сошло с рук благополучно и подало способ беспутствовать далее. Холодно будучи принят почтенным дядею своей мнимой невесты, он продолжает с нею знакомиться в приватном маскараде, из которого, поговоря с Волховскою, уезжает, не сняв, как другие, маски с лица; потом посещает балы в доме дяди, хотя его не видит, будто потому что старик не выходит в танцовальные комнаты. Наконец является снова в дом, узнав, что желаемая им добыча одна, повторяет ей россказни о любви и уверясь, что она его любит и готова идти за него замуж, склоняет ее не к тайному браку, а просто бежать с ним, в чем и успевает. Вот точное изображение правил и действий первого лица в поэме, т. е. Ленского. Перейдем на второе лицо, которое делает развязку, т. е. на цыганку. Не знаю, по какому предубеждению последователи нового учения стараются самые, так сказать, неблагородные лица, не имеющие по воспитанию своему и по обстоятельствам не только просвещения, ниже образования, выказывать героями, то есть лицами, исполненными самых высоких качеств. В поэме, о коей речь, без всякого сомнения, самое нравственное лицо — цыганка Сара. Находясь в самом презренном звании, исполняет должности свои как необходимость и нищета предписывают. Вот что говорит Сара о цыганском состоянии глава 5, стран. 46 <Далее следует цитата из «Наложницы» от слов «Нам чужды все края людские!» до «...А сердцу воли не давай» >. Цыганка говорит о сердце, следственно имеет чувства, чувства высокие, и следственно лезет в героини. Она любит страстно Ленского: видя его охлаждение к себе, старается по старинному предубеждению приворотить его снова и возвратить в свои объятия. Старание ее безуспешно. В минуту,

когда ее любовник хладнокровно и жестокосердо объявляет ей не вечную разлуку, но просто что он женится на другой, она подносит ему снадобье, он выпивает; — в этом напитке были ядовитые соки, Сарра не преступница, она без намерения умертвила Ленского. Она платит за сие сумасшествием. Автор слишком совестно поступил, что наказывает Сарру за то, что она избавила себя и отечество <от> чудовища. Заключим, как выше говорили, что Ленский чудовище и преступник, недостойный играть лицо в области изящного. Невеста Волховская романтическое и самое слабое творение; она предупреждена о негодных качествах своего обожателя, отъявленного негодяя, общим презрением, но <тем> не менее без приглашения дяди пускает его в дом и даже принимает его наедине. Она поздно хватилась, в пример другим, преодолевать свои склонности. Если бы не цыганкин напиток спас ее, то она скиталась бы наподобие Сарры в оковах нового русского Ловеласа, совершенно бы от него зависела и может не смела бы заикнуться о браке. — Дядя невесты — истукан и лицо самое пустое, которое ничего не действует. Пускай больной и старый человек, сидя в углу своего дома за вистом или бостоном, не имеет силы выходить в танцовальную, но воспитателю почтенной и благородной девицы стыдно не знать, кто еженедельно ходит к нему на бал? Главное, когда явным плутовством и обманом в чужой карете с чужими людьми привезли его с племянницею в дом Ленского; для чего, возвратясь к себе, он не исследовал сего адского происшествия и не отдал под суд преступника и нарушителя всех прав гражданских. Правда, что не было бы поэмы, пиитически говоря, из сего окаянного и невероподобного обмана проистекает завязка и выливается нечаянность или ефект, достойный похвалы, который делает честь изобретательному уму г. Автора, именно в разных комнатах свидание невесты с наложницею и немой разговор глаз сей последней с приезжею благородною гостьею представляет вымысел отличный. — Что же касается до литературного достоинства сей Поэмы, то описания и картины в ней довольно живо и красиво представлены, слог правилен и хорош, но стихи вообще не имеют ни той легкости, ни той естественности, которою обилуют прекрасные стихи знаменитого Пушкина. — N — N — . — С-П-бург 1831-го года июля 10-го дня».

ПД. Ф. 322. № 77. Л. 88—91 (цензурный экземпляр статьи для «Прибавлений к Русскому Инвалиду», с карандашными исправлениями рукой Хвостова). Дата — в автографе. Публикация Е. Э. Ляминой.

ИЮЛЬ, около 11. Царское Село. Пушкин — Плетневу: « <...> что же твой план «Северных Цветов» в пользу братьев Дельвига? Я даю в них «Моцарта <и Сальери>» и несколько мелочей <...>. Пиши Баратынскому: он пришлет нам сокровища; он в своей деревне <...>»

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 189.

ИЮЛЬ, 14 и 15. Остафьево. Вяземский и А. И. Тургенев — Пушкину в Царское Село: «<...> Пожалуй, давай готовить альманах <...> собирай стихи свои и других. Напишем к Баратынскому, который удрал в Казань с Энгельгардтовским семейством <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 191.

ИЮЛЬ, после 16. Вдова Дельвига София Михайловна отправляется из Петербурга в Москву, к отцу, чтобы осенью уехать в Мару — к своему новому мужу Сергею Боратынскому («Баратынского <...> стоило видеть один раз, чтобы понять всю пылкость страсти, к какой он мог быть способен»).

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 193 (дата); *А. И. Дельвиг.* Изд. 1912. С. 148 (цитата).

ИЮЛЬ, 19. Спасская Мыза (дача Кушелева под Петербургом). Плетнев — Пушкину в Царское Село (ответ на его письма, в том числе на письмо от 11 июля): « <...> Писем отсюда посылать не с кем, а получать еще менее можно. Итак, к Баратынскому, Языкову, Вяземскому и другим пиши сам». Речь идет о стихах для «Северных цветов» на 1832 г.; Плетнев в это время — в тяжелом унынии: только что умер от холеры его старший друг П. С. Молчанов.

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 195.

ИЮЛЬ, 26. Москва. По прошению Боратынского (см. выше: июль, 10) в Межевой канцелярии выписан служебный аттестат:

«Предъявитель сего служивший в Канцелярии моей Губернский Секретарь Евгений Баратынский, в службу вступил, как по формулярным спискам значится из дворян, по Высочайшему повелению из Пажей за проступки рядовым Лейб-Гвардии в Егерский полк 819 февраля 8; по Высочайшему повелению произведен в Унтер-Офицеры с переводом в Нейшлотский Пехотный Полк 820 генваря 4, в прапорщики 825 апреля 21; по Высочайшему Его Императорского Величества приказу уволен от службы за болезнию 826 генваря в 31 день; определен в Канцелярию Главного Директора Межевой Канцелярии 828 генваря 24, Указом Правительствующего Сената переименован в Коллежские Регистраторы 828 февраля 20; а после сего Указом Правительствующего сената произведен Губернским Секретарем со старшинством с 14 апреля прошлого 1830 года; во время служения своего вел себя похвально, должность исправлял прилежно, в штрафах и под судом не бывал; в отпусках был с 11 декабря 1820 по 1 марта 1821, с 21 сентября 1822 по 1 февраля 1823 и на срок <явился>, с 1825 же с 30 сентября на 4 месяца, и за болезнию к полку не прибыл; в отставке был 1826 генваря с 31-го 1828 генваря по 24 число; к продолжению службы и к повышению чина всегда аттестовался способным и достойным, и к представлению его за службу в Канцелярии Главного Директора Межевой Канцелярии к знаку Отличия беспорочной службы в свое время препятствий совершенно никаких не имеется; после же по прошению его для определения к другим делам уволен, в засвидетельствование чего и дан сему Баратынскому сей Аттестат за подписанием моим и с приложением Герба моею печатию. — Москва. Июля 26 дня 1831 года. — Богдан Гермес».

Хетсо. С. 149—150 (по тексту РГАЛИ: Ф. 51. Оп. 1. № 187); другой аналогичный аттестат: ПД. № 3166. Л. 2—2 об. — О службе Боратынского в Межевой канцелярии см. также: 1828, янв., 24; февр., 20; 1830, апр., 14; 1831, июль, 10. — На место Боратынского определился Языков — см. далее: сент., 16.

АВГУСТ....СЕНТЯБРЬ. Каймары. Боратынский — Вяземскому в Москву: «Благодарю вас за присылку «Адольфа» <СПб., 1831; перевод Вяземского> и за знакомство с Казарским, которого однако ж удалось мне видеть только с полчаса. Я был у него перед самым его отъездом из Казани. В нем много добродушия: он вам чрезмерно признателен за знакомства, которые вы ему доставили в Москве, и не может нахвалиться ласковым приемом Пашковых, Киндяковых и вообще московскими веселостями <?>. Я перечитал «Адольфа» на досуге. Вы избрали лучшую систему перевода, именно полезнейшую для языка. Когда вы мне прислали вашу рукопись, я не понял вашего намерения, вот почему замечания мои были истинно бестолковы. Я перечитал ваше умное и остроумное предисловие, которое так объясняет и пополняет <?> сочин<ение> Бенжамен-Констана. Вы заставили меня сызнова продумать все то, что мне внушило первое чтение «Адольфа». Вы намекаете на недуг душевный, особенный нашему веку, который очень слегка обозначает автор «Адольфа»: он касается его вскользь, а вы, более, нежели он, заставляете его заметить. Этот недуг еще не вполне им исследован и может быть предметом нового романа. Подумайте: вы, может быть, его напишете. Еще одно: неужели ничто не врачует развращения чувств, заметного в нашем веке? и точно ли мы хуже наших предков? Я не совсем вдаюсь в современные мечты усовершенствования, но склонен думать, что нет эпохи лучше или хуже другой. В наше время, мне кажется, успехи морали, высокое подробное просвещение совести очень уравновешивают эти своенравия сердца, привычки эгоизма, неизвестные прошлому веку. В старое время Адольф либо шутя оставил бы Елеонору, либо оставление ее почел бы в себе усилием добродетели, и совесть его нисколько бы не мучила. Его страдания показывают, что он принадлежит времени, в которое не позволено шутить сердечными связями, времени, в которое увлечение редко, зато ветреность непростительна. Прощайте, любезный князь. Я заговорился с вами, как будто бы сидел в вашем кабинете у камина. Княгине прошу засвидетельствовать мое усердное

почтение и напомнить обо мне Александру Ивановичу Тургеневу, ежели он еще в Москве».

Изд. 1987. С. 224—225 (по автографу РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399; дата: конец 1831). Обосн. нашей даты: «Адольф» поступил в продажу в начале июня 1831 (см. выше); печатание тиража продолжалось до сентября, но естественно предположить, что Вяземский отправил экземпляр романа Боратынскому раньше, нежели многим другим, ибо Боратынский читал в свое время рукопись перевода (см. 1830, янв., до 24). А. И. Тургенев приехал в Москву в июне 1831 г. (*Гиллельсон* 1964. С. 467).

АВГУСТ, до 6. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Что ты молчишь, милый Киреевский? Твое молчание меня беспокоит. Я слишком тебя знаю, чтобы приписать его охлаждению; не имею права приписать его и лени. Здоров ли ты и здоровы ли все твои? Право, не знаю, что думать. Я в самом гипохондрическом расположении духа, и у меня в уме упрямо вертится один вопрос: отчего ты не пишешь? Письмо от тебя мне необходимо. Не знаю, о чем тебе говорить. Вот уже месяц, как я в своей казанской деревне. Сначала похлопотал по хозяйству, говорил с прикащиками и старостами. У меня тяжебное дело, толковал с судьями и секретарями. Можешь себе вообразить, как это весело. Теперь я празден, но не умею еще пользоваться досугом. Мысль приходит за мыслью, ни на одной не могу остановиться. Воображение напряжено, мечты его живы, но своевольны, и ленивый ум не может их привести в порядок. Вот тебе моя психологическая исповедь. — Дорогой и частию дома я перечитал «Элоизу» Руссо. Каким образом этот роман казался страстным? Он удивительно холоден. Я нашел насилу места два истинно трогательных и два или три выражения прямо от сердца. Письма Saint-Preux лучше, нежели Юлии, в них более естественности; но вообще это трактаты нравственности, а не письма двух любовников. В романе Руссо нет никакой драматической истины, ни малейшего драматического таланта. Ты скажешь, что это и не нужно в романе, который не объявляет на них никакого притязания, в романе чисто аналитическом; но этот роман — в письмах, а в слоге письма должен быть слышен голос пишущего: это в своем роде то же, что разговор, — и посмотри, какое преимущество имеет над Руссо сочинитель «Клариссы» <Ричардсон>. Видно, что Руссо не имел в предмете ни выражения характеров, ни даже выражения страсти, а выбрал форму романа, чтобы отдать отчет в мнениях своих о религии, чтобы разобрать некоторые тонкие вопросы нравственности. Видно, что он писал Элоизу в старости: он знает чувства, определяет их верно, но самое это самопознание холодно в его героях, ибо оно принадлежит не их летам. Роман дурен, но Руссо хорош как моралист, как диалектик, как метафизик, но... отнюдь не как создатель. Лица его без физиономии, и хотя он говорит в своих «Confessions», что они живо представлялись его воображению, я этому не верю. Руссо знал, понимал одного себя, наблюдал за одним собою, и все его лица Жан-Жаки, кто в штанах, кто в юбке. Прощай, мой милый. Делюсь с тобою, чем могу: мыслями. Пиши, ради Бога. Поклонись от меня всем твоим и Языкову. Надеюсь, что я скоро перестану о тебе беспокоиться и только посержусь немного».

ТС. С. 15—17 (дата: 6 авг. 1831 — по почтовому штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 28—29 об.

АВГУСТ, до 13. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Я не шутя о тебе горюю, милый Киреевский. Вот еще почта, и нет от тебя ни слова. Ты, верно, болен, или с тобою случилось что-нибудь весьма необыкновенное. Последнее предположение меня не утешает. Ты промолчишь свое горе, а счастием верно поделишься. Чем более я думаю о причинах твоего молчания, тем более тревожусь. Желал бы приписать его лени, но знаю, что, по несчастию, ты не имеешь этого недостатка, когда дело идет о дружбе. Я сердит на твоих. Они знают, что

наша связь не простое знакомство. Что бы им уведомить меня о тебе, ежели ты сам писать не можешь. Сегодня думал я спросить о тебе твою маменьку, но оставил это из суеверия. Пишу к тебе с беспокойством и грустию. Прощай, мой милый, дай Бог, чтобы опасенья мои были несправедливы. Ежели ты был болен (в чем я почти не сомневаюсь) и еще не довольно выздоровел, чтобы писать, попроси или маменьку, или брата, или сестру уведомить нас о тебе. Все мои тебе кланяются и разделяют со мной мое беспокойство. Обнимаю тебя. — Е. Боратынский».

ТС. С. 17 (дата: 13 авг. 1831 — по почтовому штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 22—23 об.

АВГУСТ, 20. Петербург. Вышла «Гирлянда» (1831. Ч. 1. № 15; ценз. разр. 7 авг.) с окончанием рецензии М. А. Бестужева-Рюмина на «Наложницу» (С. 368—380; подпись *Сенсерский*; начало рецензии см. выше: июнь, 13):

« <...> Что сказать о нравственной цели поэмы?.. Говоря откровенно, мы не можем сказать определительно, имел ли даже ее в виду автор. Прочтя его рассуждение о *нравственном в поэзии*, приложенное к поэме в виде предисловия, нам показалось, будто бы автору желательно, чтобы и его поэма была присовокуплена к числу нравственных сочинений. Но как в упомянутом рассуждении автор говорит, очевидно, шутя, о многих важных предметах, то мы не умели еще решить, не к прочим ли шуткам автора присовокупить и это желание: ибо, скажем откровенно, мы никак не могли найти, сколько ни старались, ни одной нравственной мысли в целой поэме <...> — Не соглашаясь, однако же, с некоторыми критиками, говорившими о «Цыганке» и утверждавшими безнравственность сочинений сего рода,— мы не станем пугать наших читательниц до такой степени, утверждая, чтобы они решительно не могли удостоить это новое произведение любимого ими поэта. Нет: *дамы* (речь, разумеется, не о *девицах*) легко могут отважиться на это предприятие <...>, особенно если будут иметь экземпляры сей поэмы соответственные сей статьи <о мистификации с названием см. выше: июнь, 13>, по которому рецензент составил сию статью. — Впрочем, в заключение не можем не изъявить усердного желания, чтобы Баратынский избирал для своих произведений предметы более изящные, более возвышенные, и, следственно, более соответственные с его блестящим дарованием».

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 263. Л. 47 об. (дата).

АВГУСТ, 24. Остафьево. Вяземский — Пушкину в Царское Село: « <...> Я недавно получил письмо от Баратынского из Казани, куда они все поехали, то есть Энгельгардовы, как он пишет, по делам, а как мне сказывали, от холеры. — Пишу, говорит он, не для потомства, как Вы предполагаете слишком дружески, но для нижнего земского суда».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 214.

АВГУСТ, вторая половина (?). Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву (письмо без даты): «Наконец я дождался вести о тебе, милый Киреевский, но вести не утешительной. В письме твоем много печальных известий. Благодарю тебя за уверенность в моей дружбе. Твои откровенные намеки ее доказывают. Чувствую, делю твое положение, хотя не совершенно его знаю. Темная судьба твоя лежит на моем сердце. Ежели в некоторых случаях бесполезны советы и даже утешения дружбы, всегда отрадно ее участие. Не хочу насиловать твоей доверенности; знаю, что она у тебя в сердце, хотя не изливается в словах, понимаю эту застенчивость чувства, не прошу тебя входить в подробности, но прошу хотя общими словами уведомить меня, каково тебе и что с тобою. Таким образом ты удовлетворишь и любопытству дружбы, и той стыдливой тайне, которую требует другое чувство. Что бы с тобою ни было, ты по крайней мере знаешь, что никто более меня не порадуется твоей радости и не огорчится твоим горем. В этой вере настоящее утешение дружбы. О тебе я думаю с тою же верою, и она пополняет мое домашнее счастие. Прощай, милый Киреевский, обнимаю тебя от всей души. Что

с бедным Языковым, больным и пораженным смертию матери? Уведомь меня о нем. Сколько вам горя в одно время! Не могу опомниться от траурного твоего письма и вообразить без грусти ваш дом, недавно шумевший веселостию, теперь исполненный такого глубокого уныния. Не ленись ко мне писать, потому что мне нужны твои письма. Когда просветлеет у тебя на душе, и я буду это знать, можешь откладывать от почты до почты, но теперь это будет тебе непростительно. — Твой Боратынский».

ТС. С. 39—40 (дата: март 1832); Изд. 1987. С. 236 (дата: нач. марта 1832). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 53—54. В обоих публикациях письма (ТС и Изд. 1987) его содержание без объяснений соотнесено с временем, когда Боратынский узнал о закрытии «Европейца». Между тем в письме говорится о болезни Языкова и смерти его матери. В феврале—марте 1832 г. Языков, судя по его письмам за это время (см. *Языков*. Изд. 1982. С. 350—353; *Карпов* 1983. С. 285—286), был здоров; болел же он — и долго — с апреля по июль—август 1831 (см. *Карпов* 1983. С. 270—273; *Языков*. Изд. 1982. С. 342). Мы не знаем дня и месяца смерти матери Языкова, известен, однако, год — 1831; предполагаем, что это случилось в июле — начале августа 1831 г., о чем и сообщал Киреевский Боратынскому. — За то, чтобы отнести это письмо не к марту 1832 г., а ко второй половине августа 1831 г., говорит и соотнесение его начала с предыдущими двумя письмами к Киреевскому (см. выше: авг., до 6; авг., до 13), где Боратынский сетует на долгое молчание Киреевского. В начале марта 1832 г. Боратынский не мог бы написать: «Наконец я дождался вести о тебе...», ибо в предыдущем месяце — феврале 1832 г. — переписка с Киреевским шла весьма бодро.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ. Каймары. Боратынский получает из Мары известие о женитьбе брата Сергея на вдове Дельвига: видимо, было письмо и Сергея и С. М. Дельвиг; ответ на последнее сохранился (на фр. яз.; без даты): «Mon sort est vous aimer, chère Sophie, et si je chérissais...» — Перевод: «Мой удел — любить вас, любезная Софи, и если вы были любезны мне как жена друга, я не меньше буду любить вас как жену брата. Я горячо желаю сохранить вашу привязанность и вот почему касаюсь вопроса, о котором мне сразу бы запретило говорить пошлое мнение. В тоне вашего письма я почувствовал затруднение, с которым вы сообщали мне о своем замужестве. Мне показалось, ваши чувства больно уязвлены потому, что вы подписались не тем именем, которое соединяло нас ранее, и что вы не совсем уверены в тех новых правах, какие дает вам моя дружба. Иначе быть и не могло. Вам я должен представляться прежде всего судьей; но вы несправедливы ко мне, дорогая Софи, если думаете, будто я упрекаю вас в том, что вы не похоронили свою молодость под вечным трауром, что вы вновь открыли свою душу для надежды, что вы составили счастье моего брата. Ведь нынешнее ваше чувство не имеет своим источником ненависть к тому, кого более нет на свете. Вы дали счастье одному, вы осчастливите другого, это предоставляет вам двойное право на мою привязанность. И это еще не все: когда я вновь увижу вас, то не стану натянуто молчать о времени, когда мы познакомились, я не только не присвою себе бесцеремонного права не назвать при вас имени того, кто был первым вашим избранником, но и надеюсь, мы вместе будем лелеять его память. Если чувство, привязывавшее вас к нему, и не было любовью, совершенным сродством, оно, однако же, всегда было достойно уважения, и именно в таком чувстве мы с вами едины. Не стану более говорить о том. Своей откровенностью мне хотелось бы предупредить те безосновательные мысли, которые всегда порождаются сомнением. Я говорю как думаю, чтобы у вас не возникло подозрения, будто я думаю иначе, и чтобы вас не мог бы обидеть (ведь такое как раз и задевает слишком часто) плод вашего же воображения; вы не лишите меня вашего расположения, которое столь необходимо мне. И — любезная Софи, любезная сестра: не обижайтесь на искренний тон этого письма; какое бы суждение вы о нем ни составили, верьте, я хотел лишь заслужить вашу дружбу».

П. С. 261—262 (по автографу ПД. № 26.318; перевод Е. Э. Ляминой и Е. Е. Пастернак).

К неизвестному времени после 1831 г. относится еще одно письмо Боратынского к С. М. Боратынской (на фр. яз.; без даты): «Chère Sophie, Филип Богданович m'écrit qu'il ne peut repondre du tems où il pourra revenir à Вяжля et m'invite à prendre mes mesures. Sa lettre m'a excesivement embarrassée, vu que Serge est absent est que dans le moment il n'y a personne pour diriger nos affaires. Je me suis decidé à confier les miennes à Михей que j'ai fait partir en tout hâte. Je m'imagine comme l'absence de Ф. Б. doit vous contrarier aussi. Il en a agi bien mal envers nous car il connaissait l'<exprès> d'affaire qui demandait sa présence dans son pays. S'il nous avait prevenu nous aurions pu prendre nos mesures en commun. Je vous embrasse tendrement ainsi que les enfans. — E. Boratinsky». Перевод: «Дорогая Софи, Филип Богданович пишет ко мне, что ему неизвестно сейчас, когда он сможет вернуться в Вяжлю, и потому предлагает мне предпринимать что-то самому. Его письмо повергло меня в крайнее уныние, ведь Сергея нет и в настоящее время некому больше заниматься нашими делами. Я решился вверить свои дела Михею и отправил его в большой спешке. Воображаю, насколько и вам должно быть досадно отсутствие Ф<илипа> Б<огдановича>. Он весьма дурно обошелся с нами, зная срочность своего дела, которое требовало его присутствия в его краях. Если бы он уведомил нас заранее, мы могли бы договориться и сообща принять свои меры. Обнимаю крепко вас и детей. — Е. Боратынский».

ПД. № 26.318. Л. 3—3 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Филипп Богданович — неустановленное лицо.

СЕНТЯБРЬ, 10. Москва. И. В. Киреевский — В. Ф. Одоевскому в Петербург: «Наложницы экземпляров 40 или 50 раздай на комиссию. Остальные экземпляры побереги у себя до благоприятного времени. Баратынский сам в Казане и будет сюда не прежде шести или семи месяцев».

РНБ. Ф. 539. № 584. Л. 14 об.

СЕНТЯБРЬ, середина месяца. Москва. Киреевский в письме к Боратынскому сообщает о своем замысле издавать с нового года журнал («Европеец»). — Письмо не сохранилось. — Ответ Боратынского см. далее: сент., до 21.

СЕНТЯБРЬ, 16. Москва. Н. М. Языков определился на место Боратынского в Межевую канцелярию (об увольнении оттуда Боратынского см. выше: июль, 26): «Баратынский совершил великое дело на святой Руси: он создал такое укромное место для нашей братьи поэтов-лентяев, и создал его добро бы подле какого-нибудь из так называемых меценатов — ан нет: в канцелярии человека <Б. А. Гермес>, едва ли читать умеющего, едва ли знающего, что такое проза или стих, и даже не могущего слышать ни того, ни другого, потому что глух» (Н. М. Языков — А. М. Языкову, 23 сентября 1831).

Карпов 1983. С. 274.

СЕНТЯБРЬ, до 21. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Отвечаю разом на два твои письма, милый Киреевский, потому что они пришли в одно время. Не дивись этому: московская почта приходит в Казань два раза в неделю, а мы из своей деревни посылаем в город только раз. Благодарю тебя за хлопоты о «Наложнице». Авось, разойдется зимою. Впрочем, успех и неуспех ее для меня теперь равнодушен. Я как-то остыл к ее участи. Ты меня истинно обрадовал намерением издавать журнал. Боюсь только, чтобы оно не было одним из тысячи наших планов, которые остались — планами. Ежели дело дойдет до дела, то я — непременный и усердный твой сотрудник, тем более что все меня клонит к прозе. Надеюсь в год доставить тебе две-три повести и помогать тебе живо вести

полемику. Критик на «Наложницу» я не читал; я не получаю журналов. Ежели б ты мог мне прислать № Телескопа, в котором напечатано возражение на мое предисловие <см. выше: июнь, 30>, я бы непременно отвечал, и отвечал дельно и обширно. Я еще более обдумал мой предмет со времени выхода в свет «Наложницы», обдумал со всеми вопросами, к нему прикосновенными, и надеюсь разрешить их, ни в чем не противореча первым моим положениям. Статья моя пригодилась бы для твоего журнала. Я сберегу тебе твой № «Телескопа» и перешлю обратно, как скоро статья моя будет готова. Ты напрасно почитаешь меня неумолимым критиком Руссо <см. выше: авг., до 6>; напротив, он совершенно увлек меня. В «Элоизе» я критикую только роман, так же, как можно критиковать создание поэм Байрона. Когда-то сравнивали Байрона с Руссо, и это сравнение я нахожу весьма справедливым. В творениях того и другого не должно искать независимой фантазии, а только выражение их индивидуальности. Оба — поэты самости; но Байрон безусловно предается думе о себе самом; Руссо, рожденный с душою более разборчивою, имеет нужду себя обманывать; он морализует и в своей морали выражает требования души своей, мнительной и нежной. В «Элоизе» желание показать возвышенное понятие свое о нравственном совершенстве человека, блистательно разрешить некоторые трудные задачи совести беспрестанно заставляет его забывать драматическую правдоподобность. Любовь по природе своей — чувство исключительное, не терпящее никакой совместности, оттого-то «Элоиза», в которой Руссо чаще предается вдохновению нравоучительному, нежели страстному, производит такое странное, неудовлетворительное впечатление. Мы видим в «Confessions», что любовь к m-me Houdetot внушила ему «Элоизу»; но по тому несоразмерному участку, который занимает в ней мораль и философия (кровная собственность Руссо), мы чувствуем, что идеал любовницы Saint-Lambert всегда уступал в его воображении идеалу Жан-Жака. В составе души Руссо еще более, нежели в составе его романа, находятся недостатки последнего. «Элоиза» мне нравится менее других произведений Руссо. Роман, я стою в том, творение, совершенно противоречащее его гению. В то время как в «Элоизе» меня сердит каждая страница, когда мне досаждают даже красоты ее, все другие его произведения увлекают меня неодолимо. Теплота его слова проникает мою душу, искренняя любовь к добру меня трогает, раздражительная чувствительность сообщается моему сердцу. Видишь, как я с тобою заболтался. Жена моя, которая тебя очень любит, тебе кланяется. Обнимаю тебя. — Е. Боратынский».

ТС. С. 19—2i (дата: 21 сент. 1831 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 34—35 об.

СЕНТЯБРЬ, до 21. Каймары. Боратынский — Языкову в Москву: «Благодарю тебя, милый Языков, за приписку ко мне. Это великий подвиг, увы, твоей лени и настоящее доказательство дружбы. Заняв мое место у Гермеса <см. выше: сент., 16>, ты обязан вполне заменить меня. Я служил два года с отличной ревностью, за что и удостоился повышения в чине. Расспроси Киреевского о моих служебных подвигах: я уверен, что это воспламенит тебя благодарным соревнованием. Кажется, бог поэтов ныне не Аполлон, но Гермес: кроме тебя и меня, служил у него когда-то Вяземский. Как бы написать ему стихи, в которых хорошенько похвалить его за то, что под его управлением и Межевая канцелярия превратилась в Геликон. Кстати — о стихах: я как-то от них отстал, и в уме у меня все прозаические планы. Это очень грустно.

Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.

Пора другая наступила,
И рифма юношу пленила,
Лесное эхо заменя.
Игра стихов, игра златая!
Как звуки, звукам отвечая,
Бывало, нежили меня!
Но все проходит: остываю
Я и к гармонии стихов
И как дубров не окликаю,
Так не ищу созвучных слов.

Вот единственная пьеса, которую написал я с тех пор, как с тобою расстался, стараясь в ней выразить мое горе. Что ты поделываешь и скоро ли будешь писать стихотворения? Пришли, что напишешь. Это разбудит во мне вдохновение. — Киреевский принимается за журнал. Весть эта меня очень обрадовала. Будем помогать ему всеми силами: дело непременно пойдет на лад. Прощай, обнимаю тебя очень дружески. — Е. Боратынский».

Поляков 1918. С. 66—71 (с пропусками); *Петухов* 1924. С. 12—13 (полный текст); на автографе — помета рукой Языкова: «Получено 28 сент. 1831. Москва». Это позволяет датировать письмо примерно тем же числом, что и предыдущее Киреевскому — может быть, оба письма были отправлены из Казани с одной почтой — 21 сент. (из Казани в Москву письмо шло около недели).

Может быть, в то же время, что и «Бывало, отрок...», т. е. в сентябре 1831 г., написано стих. **«Где сладкий шепот...»** (впервые: Изд. 1835); основание такой датировки — расположение автографов обоих стихотворений на одном листе: ПД. № 26.322.

Купреянова 1957. С. 363.

СЕНТЯБРЬ, после 21 — ОКТЯБРЬ, до 5. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву (ответ на несохранившееся письмо — без даты): «Спасибо тебе за твою записку. Это истинно дружеское внимание, и ежели б ты знал, какое удовольствие приносят пустыннику самые коротенькие строки из живого места (не говоря уже, как приятно видеть, что нас помнят те, которых мы любим), ты бы всегда делал, как нынче. Не всегда мы расположены писать, не всегда есть мысли, не всегда есть время на длинное письмо; но всегда можно сказать: здравствуй и прощай, которые в письме более значат, нежели в горнице. Я буду следовать твоему примеру, но не переставай мне давать его. Это отстранит от нашей переписки всякое принуждение, всякую обдуманность; да к тому же, садясь за бумагу с тем, чтобы написать два слова, всегда напишешь более, и в этой прибавке будет истинное вдохновение. Сегодня голова моя довольно пуста, и я кончаю письмо мое известием, что я жив и здоров; а чтоб оно было не совсем пусто, переписываю тебе две небольшие пьесы, написанные мною недавно.

Не славь, обманутый Орфей,
Мне залетийские селенья.
Элизий в памяти моей,
И в нем не льется вод забвенья.
В нем мир цветущей старины
Умерших тени населяют,
Привычки жизни сохраняют
И чувств ее не лишены.
Там жив ты, Дельвиг; там за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юные мечты.

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей,
Со мною жил превратный гений —
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал.
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.
Страстей порывы утихают,
Страстей нечистые мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты,
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотел.

Эти пьесы, равно, как и та, которую я написал Языкову <«Бывало, отрок, звонким кликом...» — см. выше: сент., до 21> для тебя и для твоих. Не показывай и не давай их посторонним. Обнимаю тебя от всей души. — Е. Боратынский».

ТС. С. 17—18 (дата: осень 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 30—31 об. Письмо написано, видимо, после письма к Языкову (со стих. «Бывало, отрок...» — см. выше: сент., до 21), но до следующего письма Киреевскому (см. далее: окт., до 8), где Боратынский пишет, что уже послал прежде какие-то стихи. Исходя из того, что почтовыми днями в Казани были понедельник и четверг, можно предполагать, что письмо со стих. «Не славь, обманутый Орфей...» и «В дни безграничных увлечений...» могло быть отправлено в Москву 24 или 28 сент., 1 или 5 окт.

ОКТЯБРЬ, начало месяца. Каймары. Боратынский получает от Киреевского брошюру «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (СПб., 1831) — со стих. Жуковского «Старая песня на новый лад» и Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». — См. далее: окт., до 8.

ОКТЯБРЬ, до 8. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Спасибо тебе за стихи Пушкина и Жуковского. Я хотел было их выписать, но ты меня предупредил. Стихи Жуковского читал я без подписи в «Северной Пчеле» и никак не мог угадать автора. Необыкновенные рифмы и примерная твердость слога меня поразили, но фамильярный тон удалил всякую мысль о Жуковском. Первое стихотворение Пушкина мне более нравится, нежели второе. В нем сказано дело и указана настоящая точка, с которой должно смотреть на нашу войну с Польшей. Ты подчеркнул стих: «Стальной щетиною сверкая». Ты, вероятно, находишь его слишком изысканным. Может быть, ты прав, однако он силен и живописен. — Я уже отвечал тебе о журнале. Принимайся с Богом за дело. Что касается до названия, мне кажется, всего лучше выбрать такое, которое бы ровно ничего не значило и не показывало бы никаких притязаний. «Европеец», вовсе не понятый публикой, будет понят журналистами в обидном смысле; а зачем вооружать их прежде времени? Нельзя ли назвать журнал «Северным Вестником», «Орионом» или своенравно, но вместе незначительно, вроде «Nain jaune» <«Желтый карлик»>, издаваемого при Людовике XVIII наполеонистами? <в 1814—1815 гг.>. Ты слишком много на меня надеешься, и я сомневаюсь, исполню ли в половину твоих надежд. Могу тебя уверить в одном: в усердии. Твой журнал очень возбуждает меня к деятельности. Я написал еще несколько мелких стихотворных пьес, кроме тех,

которые тебе послал. Теперь пишу небольшую драму, первый мой опыт в этом роде, которая как ни будет плоха, но все годится для журнала. Вероятно, я ее кончу на этой неделе и пришлю тебе. Не говори о ней никому, но прочти и скажи мне свое мнение. В журнале я помещу ее без имени. Не говорю тебе о дальнейших моих замыслах из суеверия. Никогда того не пишешь, чем заранее похвастаешь. Мне очень любопытно знать, что ты скажешь о романах Загоскина. Все его сочинения вместе показывают дарование и глупость. Загоскин — отменно любопытное психологическое явление. Пришли мне статью твою, как напишешь. Настоящим образом я помогать тебе буду, когда ворочусь в Москву. Я должен писать к спеху, чтобы писать много. Мне нужно предаваться журнализму, как разговору, со всею живостью вопросов и ответов, а не то я слишком сам к себе требователен, и эта требовательность часто охлаждает меня и к хорошим моим мыслям. Между тем все, что удастся мне написать в моем уединении, будет принадлежать твоему журналу. Прощай, кланяйся твоим. — Е. Боратынский. — Скажи Языкову, что на него сердится Розен за то, что он не только не прислал ему стихов прошлого года, но даже не отвечал на письмо. Он жалуется на это очень и даже трогательно». (Е. Ф. Розен собирал альманах «Альциона» на 1832 г.; его письмо к Боратынскому неизвестно).

ТС. С. 21—22 (дата: 8 окт. 1831 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 46—47 об.

ОКТЯБРЬ, после 8 — 10-е числа. Каймары. У Боратынских родилась дочь Мария. Названа, видимо, в честь тетушки Боратынского Марии Андреевны Панчулидзевой.

Дата предположительная: в письме, датируемом *окт., до 8,* о дочери еще нет речи; в письме, датируемом *окт., до 26,* сказано, что Настасья Львовна «еще в постели».

ОКТЯБРЬ, после 8 до 26. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву (письмо без даты): «Пишу тебе два слова, милый Киреевский, а почему — увидишь из письма моего к твоей маминьке. Я получил повестку на деньги: это, верно, твои хлопоты. Вероятно, при деньгах есть и письмо; но я не успел еще послать в город. Прощай, мой милый. Я кончил драму, о которой тебе писал, и очень посредственно ею доволен. Еще раз прошу тебя, не говори никому, что я что-либо пишу. Я отвечаю всем альманашникам, что у меня стихов нет, и на днях тем же буду отвечать Пушкину. Обнимаю тебя. — Е. Боратынский».

ТС. С. 23 (дата: ноябрь 1831); Изд. 1987. С. 219 (дата: окт. 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 36. Наша датировка определяется словами «Я кончил драму»: в письме, датируемом *окт., до 8,* говорится о работе над драмой, в письме, датируемом *окт., до 26,* говорится о том, что драма готова, но еще не переписана.

ОКТЯБРЬ, 9. Петербург. Ценз. разр. «Северным цветам» на 1832 г., издаваемым в память Дельвига. — Но стих. «Мой Элизий» («Не славь, обманутый Орфей...»), которое будет здесь опубликовано, еще не прислано Боратынским. — См. выше: окт., после 8 — до 26; далее: ноябрь, нач.

ОКТЯБРЬ, 9. Петербург. Ценз. разр. «Гирланде» (1831. № 26) со стих. Н. М. Коншина «Б—му (На полученное от него осьмистишие для Альманаха)»: «Спасибо за восемь стихов» — ответ на стих. Боратынского «Невесте» (см. 1824, сент., вт. пол. — окт., до 11; 1829, дек., 2).

ОКТЯБРЬ, до 26. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Со мною сто раз случалось в обществе это тупоумие, о котором ты говоришь. Я на себя сердился, но признаюсь, в хорошем мнении о самом себе: не упрекал себя в глупости, особенно сравнивая себя с теми, которые отличаются этою наметанностию, которой мне недоставало. Чтобы тебя еще более утешить в твоем горе (горе я ставлю для шутки), скажу тебе, что ни один смертный так не блистал в petits jeux и

особенно в secrétaire, как Василий Львович Пушкин и даже брат его Сергей Львович. Сей последний, на вопрос: Quelle différence у a-t-il entre m-r Pouchkine et le soleil? — отвечал: Tous les deux font faire le grimace. <Каково различие между г-ном Пушкиным и солнцем? — От того и другого щуришься>. Впрочем, говорить нечего, хотя мы заглядываем в свет, мы — не светские люди. Наш ум иначе образован, привычки его иные. Светский разговор для нас ученый труд, драматическое создание, ибо мы чужды настоящей жизни, настоящих страстей светского общества. Замечу еще одно: этот laisser aller <непринужденность>, который делает нас ловкими в обществе, есть природное качество людей ограниченных. Им дает его самонадеянность, всегда нераздельная с глупостию. Люди другого рода приобретают его опытом. Долго сравнивая силы свои с силами других, они, наконец, замечают преимущество свое и дают себе свободу не столько по чувству собственного достоинства, сколько по уверенности в ничтожности большей части своих совместников. Не посылаю еще моего драматического опыта потому, что надо еще переписать, а моя переписчица <жена Настасья Львовна> еще в постели. Благодарю тебя за деньги и за Villemain. У меня на душе стало легче, когда увидел я этот замаранный том, который меня порядочно помучил. Я прочел уже две части: много хорошего и хорошо сказанного; но Villemain часто выдает за новость и за собственное соображение — давно известное у немцев и ими отысканное. Многое лишь для успеха минуты и рукоплесканий партии. Еще одно замечание: у Villemain часто заметна аффектация аттицизма, аффектация наилучшего тона. Его скромные оговорки, во-первых, однообразны, во-вторых, несколько изысканны. Чувствуешь, что он любуется своим светско-эстетическим смирением. Это не мешает творению его быть очень занимательным. О Гизо скажу тебе, что у меня теперь нет денег <видимо, речь идет о покупке «Истории цивилизации во Франции», 1829—1832>. Ежели ты можешь ссудить меня нужною суммою до января, то возьми его; ежели нет, то скажи Urbain <московский книгопродавец>, что Гизо мне не нужен, или попроси подождать денег. Прощай; все мои тебе кланяются. Языкову буду писать на будущей почте, а покуда обнимаю. — Е. Боратынский».

ТС. С. 23—24 (дата: 26 окт. 1831 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 26—27.

НОЯБРЬ, начало месяца. Каймары. Боратынский посылает Пушкину для «Северных цветов» на 1832 г. два стихотворения: **«Мой Элизий» («Не славь, обманутый Орфей...»)** и **«Бывало, отрок, звонким кликом...»**(см. сент., до 21; сент., после 21 – окт., до 5). Пушкин получил их после 21 ноября; первое стих. было опубл.; второе Пушкин не поместил без объяснений. — См.: след. дату, а также далее: 1832, февр., 14—15.

НОЯБРЬ, начало месяца. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву (письмо без даты): «Благодарю тебя за твое дружеское поздравление и милые шутки. Впрочем, я тебя ловлю на слове: в год рождения моей Машеньки <см. выше: окт., после 8 — 10-е числа> должен непременно издаваться «Европеец»; а там, ежели в 12 лет она будет в состоянии слушать твои лекции, прошу в самом деле позаботиться о ее просвещении. Не беда, что моя пьеса <«Бывало, отрок, звонким кликом...»> пошла по рукам. Я послал Пушкину и другую: «Не славь, обманутый Орфей», но уверяю, что больше нет ничего за душою. Я не отказываюсь писать; но хочется на время, и даже долгое время, перестать печатать. Поэзия для меня не самолюбивое наслаждение. Я не имею нужды в похвалах (разумеется, черни), но не вижу, почему обязан подвергаться ее ругательствам. Я прочел критику Надеждина. Не знаю, буду ли отвечать на нее и что отвечать? Он во всем со мной согласен, только укоряет меня в том, что я будто полагаю, что изящество не нужно изящной литературе; между тем как я очень ясно сказал, что не говорю о прекрас-

ном, потому что буду понят немногими. Критика эта меня порадовала; она мне показала, что я вполне достигнул своей цели: опроверг убедительно для всех общий предрассудок, и что всякий несколько мыслящий читатель, видя, что нельзя искать нравственности литературных произведений ни в выборе предмета, ни в поручениях, ни в том, ни в этом, заключит вместе со мною, что должно искать ее только в истине или прекрасном, которое не что иное, как высочайшая истина. Хорош бы я был, ежели б я говорил языком Надеждина. Из тысячи его подписчиков вряд ли найдется один, который что-нибудь бы понял из этой страницы, в которой он хочет объяснить прекрасное. А что всего забавнее — это то, что перевод ее находится именно в предисловии, которое он критикует. Ежели буду отвечать, то потому только, что мне совестно перед тобою, заставив тебя понапрасну отыскивать и посылать журнал. Я пишу, но не пишу ничего порядочного. Очень недоволен собою. Ne pas perdre du temps c'est en gagner <не терять времени — значит его выигрывать>, говорил Вольтер. Я утешаю себя этим правилом. Теперь пишу я жизнь Дельвига. Это только для тебя. Ты мне напоминаешь о Свербеевых, которых, впрочем, я не забыл. Поклонись им от меня и скажи, что ежели они останутся будущую зиму в Москве, я надеюсь провести у них много приятных часов. Обнимаю тебя. — Е. Б.».

ТС. С. 26—27 (дата: ноябрь 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 40—41 об. Наша датировка обусловлена предположительным временем рождения у Боратынских дочери Марии, упомянутой в начале письма: «дружеское поздравление» Боратынский мог получить недели через две после того, как сообщил Киреевскому об этом событии — т. е. в конце октября — начале ноября; другой повод для датировки — то, что 21 ноября Пушкин еще не получил от Боратынского стихи для СЦ 1832 (см. далее: ноябрь, 18; 21), о которых говорится в данном письме.

НОЯБРЬ, 12. Москва. Мельгунов — Шевыреву в Рим: « <...> Хомяков только что приехал из деревни. <...> Чудный малой; жаль, что софист такой, что мочи нет. Но это софизмы не философа, а поэта, и я ему прощаю. Однако желал бы видеть его вместе с Баратынским. Они никогда друг с другом не говорили: я уверен, что если они свидятся и поспорят, то хоть сколько-нибудь вылечатся от страсти оригинальничать наперекор истине и убеждению. Ничто так не исправляет, как собственный недостаток в чужом: это славное зеркало».

Кирпичников 1898. С. 317.

НОЯБРЬ, до 16 (?). Каймары. Боратынский — Языкову в Москву (письмо без даты):

«Языков, буйства молодого
Певец роскошный и лихой!
По воле случая слепого
Я познакомился с тобой
В те осмотрительные лета,
Когда смиренная диета
Нужна здоровью моему,
Когда и тошный опыт света
Меня наставил кой-чему,
Когда от бурных увлечений
Желанным отдыхом дыша,
Для благочинных размышлений
Созрела томная душа;
Но я люблю восторг удалый,
Разгульный жар твоих стихов.
Дай руку мне; ты славный малый,
Ты в цвете жизни, ты здоров;

И неумеренную радость,
Счастливец, славить ты в правах;
Звучит лирическая младость
В твоих лирических грехах.
Не буду строгим моралистом
Или бездушным журналистом;
Приходит все своим чредом:
Послушный голосу природы,
Предупредить не должен годы
Ты педантическим пером;
Другого счастия поэтом
Ты позже будешь, милый мой,
И сам искупишь перед светом
Проказы музы молодой.

Вот тебе, милый Языков, несколько неладных рифм, которые, однако ж, показывают, что я <о> тебе думал. Когда-то увидимся! Признаюсь, я неумеренно порадуюсь нашему свиданию. Киреевский мне обещал прислать твои новые пьесы и все не присылает, а мне очень хочется их видеть. Кто эти бесфамильные красавицы, которых ты воспеваешь? Где ты их отыскал, и неужели уже изменил своей Тане <цыганка Т. Д. Демьянова>. Я любовался на твою печать: мысль очень счастливая и милая <смелая?>. Свети им твоя поэзия: она украсит всякой подсвечник. Обнимаю тебя — Е. Боратынский».

Поляков 1918. С. 66—71 (не полностью); *Петухов* 1924. С. 13—14 (полный текст). На автографе — помета Языкова: «Получено 1831, ноябрь, 23». — На этом основании письмо и датируется: оно могло быть отправлено из Казани с почтой 16 ноября.

НОЯБРЬ, 18. Петербург. Пушкин — Языкову в Москву, еще не получив от Боратынского стихи для «Северных цветов»: «<...> Торопите Вяземского, пусть он пришлет мне своей прозы и стихов; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правим тризну по Дельвигу. А вот как наших поминают! и кто же? друзья его! ей-богу, стыдно <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 241.

НОЯБРЬ, 18. Москва. Языков — брату П. М. Языкову: «<...> Как тебе понравились «Повести Белкина»? <вышли в конце октября> Мне так не очень <...>. Баратынский тоже пишет повести в прозе <«Перстень»; NB: Языков еще не читал текста>: его будут гораздо лучше, он вообще мастер рассказывать. Например, прежде, нежели мы видели «Выстрел», он рассказал его здесь удивительно ладно и стройно, неизмеримо лучше, чем в печатном оный написан <...>».

Карпов 1983. С. 277.

НОЯБРЬ. 21. Петербург. Пушкин — Ф. Н. Глинке в Тверь: «<...> Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние «Северные Цветы». Изо всех его друзей только Вас да Баратынского не досчитались на поэтической тризне; именно тех двух поэтов, с коими, после лицейских его друзей, более всего был он связан <...>».

Пушкин. Ак. Т. 14. С. 241.

НОЯБРЬ, 29. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву (письмо с датой): «29 ноября. — Вот тебе и число. Я пропустил одну почту оттого, что в моем глубоком уединении

Позабыл все дни недели
Называть по именам.

Я думал, что был понедельник, когда была среда. В это время, однако ж, трудился для твоего журнала. Отвечал Надеждину. Статья моя <«Антикритика» — см. 1832, янв., 25>, я думаю, вдвое больше моего предисловия <к «Наложнице»>. Сам удивляюсь, что мог написать столько прозы. Драма моя почти переписана набело. Теперь сижу за повестью, которую ты помнишь: «Перстень». Все это ты получишь по будущей тяжелой почте. Все это посредственно; но для журнала годится. Благодарю тебя за обещание прислать повести малороссийского автора <«Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя>. Как скоро прочту, так и напишу о них. О Загоскине писать что-то страшно. Я вовсе не из числа его ревностных поклонников. «Милославский» его — дрянь, а «Рославлев», быть может, еще хуже. В «Рославлеве» роман ничтожен; исторический взгляд вместе глуп и неверен. Но как сказать эти крутые истины автору, который все-таки написал лучшие романы, какие у нас есть? Мне очень жаль, что Жуковскому не нравится название моей поэмы. В ответе моем Надеждину я стараюсь оправдать его. Не могу понять, почему люди умные и просвещенные так оскорбляются словом, которого полный смысл допущен во всех разговорах. Скажи мне, что он думает о самой поэме, что хвалит и что осуждает. Не бойся меня опечалить. Мнение Жуковского для меня особенно важно, и его критики будут мне полезнее. У меня план новой поэмы, со всех сторон обдуманный. Хороша ли будет, Бог знает. На днях примусь писать. Не отдаю тебе отчета в моем плане, потому что это охлаждает. Кстати, послание к Языкову <«Языков, буйства молодого...» — см. выше: ноябрь, до 16 и далее: 1831, янв., 25> и элегия <«В дни безграничных увлечений...» — см. выше: сент., после 21 — окт., до 5 и далее: дек., 8>, которую ты называешь европейской, принадлежит «Европейцу». По будущей почте пришлю тебе еще две-три пьесы. Прощай, поклонись от меня милой твоей маменьке, которой не успеваю писать сегодня. Напомни обо мне Алексею Андреевичу <Елагину>. Каково его здоровье, и совершенно ли он успокоился насчет холеры? — Е. Боратынский. — Жена моя на богомолье в соседней пустыни и будет отвечать твоей маменьке по будущей почте».

ТС. С. 28—29. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 42—43 об.

ДЕКАБРЬ, начало месяца (около 3 ?). Каймары. Боратынский посылает Киреевскому свои произведения для «Европейца»: «Антикритику», повесть «Перстень» (опубл. в № 2 — см. 1832, янв., 25) и драму, текст которой ныне утрачен. — К рукописям присовокуплено письмо (без даты): «Вот тебе для «Европейца». Извини, что все это так дурно переписано: ты знаешь страсть мою к переправкам. Я не мог от них удержаться и при том, что тебе посылаю. Особенно мне совестно за мою драму, которая их не стоит. И я ни за что бы тебе ее не послал, ежели б не думал, что в журнале и посредственное годится для занятия нескольких листов. Пересмотри мою антикритику, и что тебе в ней покажется лишним, выбрось. Боюсь очень, что я в ней не держусь немецкого правоверия и что в нее прокрались кой-какие ереси. Драму напечатай без имени и не читай ее никому как мое сочинение. Под сказкой <«Перстень»> поставь имя сочинителя. Я читал твое объявление: оно написано как нельзя лучше, и я тотчас узнал, что оно твое. Ты истолковал название журнала и умно и скромно. Но у нас не понимают скромности, и я боюсь, что в твоем объявлении не довольно шарлатанства для приобретения подписчиков. Впрочем, воля Божия. Я подпишусь в будущий год на некоторые из русских журналов и буду за тебя отбраниваться, когда нужно. У меня, кроме плана поэмы, в запасе довольно желчи; я буду рад как-нибудь ее излить. Это письмо — совершенно деловое. Я должен тебе дать препоручение, конечно не литературное, а между тем не совсем ей чуждое, ибо дело идет о моем желудке. Посылаю тебе 50 рублей. Вели, сделай одолжение, купить мне полпуда какао и отправь это по тяжелой почте. Он продается в Охотном ряду: спроси у кого-нибудь, хоть у Эйнброда,

как узнавать свежий от несвежего. Прощай, обнимаю тебя очень усердно. Что у меня еще напишется, пришлю. Мы переезжаем из деревни в город. Буду рекомендовать «Европейца» моим казанским знакомым. — Е. Боратынский».

ТС. С. 29—30 (дата: декабрь 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 10—11 об. Уточнение даты определяется содержанием следующих двух писем — см. далее: дек., конец 10-х — начало 20-х чисел; дек., конец месяца, а также словами из предыдущего письма (см. выше: ноябрь, 29): «Драма моя почти переписана набело. Теперь сижу за повестью <...>. Все это ты получишь по будущей тяжелой почте». Следующий за 29 ноября день отправления московской почты из Казани — 3 дек.

ДЕКАБРЬ, 9. Москва. Ценз. разр. 1-му номеру журнала Киреевского «Европеец» (1832. Ч. 1. № 1; вышел 7 янв. 1832), где опубл. **«Элегия» («В дни безграничных увлечений...»**) (С. 52; подпись *Е. Баратынскій*; с разночтением и без загл. перепеч. в Изд. 1835). В разделе «Критика» – начало статьи Киреевского «Обозрение русской литературы за 1831 год», где «тремя важнейшими явлениями нашей поэзии в 1831 г. названы «Борис Годунов» Пушкина, «Наложница» Боратынского и «Баллады и повести» Жуковского (в № 1 «Европейца» помещен разбор «Бориса Годунова»; разбор «Наложницы» — в № 2: см. 1832, янв., 2).

ДЕКАБРЬ, 10-е числа (?). Боратынские переезжают из Каймар в Казань.

ДЕКАБРЬ, конец 10-х — начало 20-х чисел. Казань. Боратынский — Киреевскому (ответ на несохранившееся письмо — без даты): «Ежели уже получено позволение издавать журнал под фирмою «Европейца», пусть он остается «Европейцем». Не в имени дело. Ты меня приводишь в стыд слишком хорошим мнением о моей драме. Спешу тебе сказать, что это только драматический опыт; несколько сцен с самою легкою завязкою. Я от нее не в отчаянии только потому, что надеюсь со временем написать что-нибудь подельнее. Ежели б я вполне следовал своему чувству, я бы поступил с нею, как ты поступаешь с некоторыми из своих творений, то есть бросил бы в печь. Кстати: я не нахожу тебя в этом отменно благоразумным. Во-первых, не мне быть судьею в собственном деле; во-вторых, каждый, принимающийся за перо, поражен какою-либо красотою, следственно, и в его творении, как бы оно ни поддавалось критике, наверно есть что-нибудь хорошее. Что ж касается до совершенства, оно кажется не дано человеку, и мысль о нем может скорее охладить, нежели воспламенить писателя. Это думает и Жуковский, который советует беречься

От убивающия дар
Надменной мысли совершенства.

Жуковский будет в Москве. Как жаль, что я в Казани. Поклонись ему от меня как можно усерднее. Я видел в газетах объявление о выходе его новых баллад. Не терпится прочесть их. «Повести Белкина» я знаю. Пушкин мне читал их в рукописи. Напиши мне о них свое мнение. Спасибо тебе за то, что не ленишься писать. После каждого твоего письма я, ежели можно, еще более к тебе привязываюсь. Засвидетельствуй мое почтение милой твоей маменьке. Что с нею было? Нечего тебе сказать, что я искренне радуюсь ее выздоровлению. Обними за меня Языкова, да пришли же мне новые его пьесы. — Е. Б. — Ты мне пишешь о портретах известных людей. Но подумай, что у нас их весьма немного, что эти портреты должны быть панегириками и тогда ни для кого не будут занимательными. Ты скажешь, что не надо называть поименно всех, но по двум или трем приметам легко узнать знакомого человека, особенно автора, а тень невосхищения будет уже обидою и личностию. Оставим наших соотечественников, но не мешает тебе положить на бумагу все, что ты знаешь о Шеллинге и других отличных людях Германии. Загадывать их не нужно, ибо надо их знать, чтобы ценить их; а многие ли с ними знакомы, не только лично, но и по сочинениям? Вот тебе мое мнение: суди сам, справедливо ли оно, или нет».

ТС. С. 25—26 (дата: декабрь 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 38—39 об. Уточнение даты связано с упоминанием драмы Боратынского в начале письма: драма была послана около 3 дек. (см. выше: дек., нач. месяца) — значит, отклик на нее Киреевского мог прийти примерно через две недели.

ДЕКАБРЬ, 24. Петербург. Вышли «Северные цветы» на 1832 г., где опубл. стих. **«Мой Элизий» («Не славь, обманутый Орфей...»)** (С. 98; подпись *Е. Баратынскій*) — с разночтениями в двух строках по сравнению с текстом, сообщенным Киреевскому (см. выше: сент., после 21 — окт., до 5): перепеч. без загл. в Изд. 1835.

Синявский, Цявловский 1938. С. 95—96 (дата).

ДЕКАБРЬ, конец месяца. Казань. Боратынский — Киреевскому (ответ на несохранившееся письмо с разбором рукописи «Антикритики» — без даты): «Спасибо тебе за дельную критику. В конце моего ответа Надеждину я очень некстати разговорился. Вот тебе переправка: «Первые строки мы охотно принимаем за иронию, за небрежную, следственно, шутку над неблагонамеренною привязчивостью «Московского Телеграфа». Не будем оспаривать чувства собственного преимущества, которое их внушило; мы заметим только, что они не на своем месте и что могут принять их за неосторожное признание. Отдадим справедливость критику: в пристрастном разборе его видно» etc. — «Недостаток логики» замени «Недостатком обдуманности», ежели еще какое-нибудь выражение покажется тебе жестким, препоручаю тебе его смягчить. — Первый № твоего журнала великолепен <см. выше: дек., 9>. Нельзя сомневаться в успехе. Мне кажется, надо задрать журналистов, для того чтобы своими ответами они разгласили о существовании оппозиционного журнала. Твое объявление было слишком скромно. Скажи, много ли у тебя подписчиков. Напечатай в московских газетах, какие и какие статьи помещены в 1-м № «Европейца». Это будет тебе очень полезно. — Я и все мои усердно поздравляем тебя и твоих с праздниками и новым годом. Дай Бог, чтоб будущий нашел нас вместе. — Мы переехали из деревни в город: я замучен скучными визитами. Знакомлюсь с здешним обществом, не надеясь найти в этом никакого удовольствия. Нечего делать: надо повиноваться обычаю, тем более, что обычай по большей части благоразумен. Я гляжу на себя, как на путешественника, который проезжает скучные, однообразные степи. Проехав, он с удовольствием скажет: я их видел. Прощай, до будущей недели. — Е. Б. — Благодарю тебя за какао. Вероятно, рублей 15 стоила пересылка; на остальные, если можно, пришли новые баллады Жуковского».

ТС. С. 32—33 (дата: конец дек. 1831 — по новогоднему поздравлению). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 79—80 об.

1832

Боратынский с семейством в Казани и Каймарах — до 19 июня; с начала июля — в Москве.

К 1832 г. издатели сочинений Боратынского относят не опубликованное при жизни стих. **«Н. Е. Б.» («Двойною прелестью опасна...»)** (см. Изд. 1884. С. 191; впервые стих. опубл.: Совр. 1854. Т. 47. № 10. С. 155). Адресат неизвестен.

ЯНВАРЬ, начало месяца (?). Казань. Боратынский — Киреевскому в Москву (письмо без даты): «Сейчас получил от тебя неожиданную и прелестную новинку, Гизо <см. выше: окт., до 26>, которого мне очень хотелось иметь. Спасибо тебе.

Я замечаю, что эту фразу мне приходится повторять в каждом из моих писем. Напиши, много ли я тебе должен: теперь я в деньгах. — Я мало еще познакомился с здешним городом. С первого дня моего приезда я сильно простудился и не мог выезжать. Знаешь ли, однако ж, что, по-моему, провинциальный город оживленнее столицы. Говоря — оживленнее, я не говорю — приятнее; но здесь есть то, чего нет в Москве, — действие. Разговоры некоторых из наших гостей были для меня очень занимательны. Всякий говорит о своих делах или о делах губернии, бранит или хвалит. Всякий, сколько можно заметить, деятельно стремится к положительной цели и оттого имеет физиономию. Не могу тебе развить всей моей мысли, скажу только, что в губерниях вовсе нет этого равнодушия ко всему, которое составляет характер большей части наших московских знакомцев. В губерниях больше гражданственности, больше увлечения, больше элементов политических и поэтических. Всмотрясь внимательнее в общество, я, может быть, напишу что-нибудь о нем для твоего журнала; но я уже довольно видел, чтобы местом действия русского романа всегда предпочесть губернский город столичному. Хвалю здесь твоего «Европейца»; не знаю только, заставят ли мои похвалы кого-нибудь на него подписаться. Здесь выписывают книги и журналы только два или три дома и ссужают ими потом своих знакомых. Здесь живет страшный Арцыбашев <автор известных критик на «Историю государства Российского» Карамзина>: я с ним говорил, не зная, что это он. Я постараюсь с ним сблизиться, чтобы рассмотреть его натуру. Когда мне в первый раз указали Каченовского, я глядел не него с отменным любопытством? однако воображение меня обмануло: «Je le vis, son aspect n'avait rien de farouche» <Я видел его, но в его наружности не нашел ничего дикого>. — Обнимаю тебя, ты же от меня обними Языкова. Поклон всем твоим».

ТС. С. 30—31 (дата: нач. янв. 1832). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 81—82 об.

ЯНВАРЬ, до 7 (?). Казань. Боратынский, получив от Языкова письмо (к которому, вероятно, было приложено стих., вписанное Языковым в альбом Киреевскому 21 ноября 1831 г.: «Поэт, вхожу я горделиво...»), посылает свой ответ:

«Плющом и гроздием венчая
Чело высокое свое,
Бывало, муза молодая
С тобой разгульное житье
И удалую радость пела,
И к ней безумна и слепа,
То забываясь, пламенела
Любовью грубою толпа;
То на свободные напевы
Сердяся в ханжестве тупом,
Она ругалась чудной девы
Ей непонятным божеством,
Во взорах пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щеках
Был жар хмельной в ее глазах
Или багрянец вожделенья.
Она высоко рождена,
Ей много славы подобает:
Лишь для любовника она
Наряд Менады надевает.
Яви ж, яви ее скорей,
Певец, в достойном блеске миру:
Наперснице души твоей
Дай диадиму и порфиру;
Державный сан ее открой:

Да изумит своей красой!
Да величавый взор смущает
Ее злословного судью
Да со стыдом он в ней познает
Свою Царицу и мою!

Вот что внушило мне твое послание, исполненное и свежести, и красоты, и грусти, и восторга. Мало одного таланта, чтобы писать по-своему, надо быть вдохновенным сердцем и наличною жизнию. Только твои стихи расшевеливают мне душу. Твои студенческие элегии дойдут до потомства; но ты прав, что хочешь избрать другую дорогу <в послании к Киреевскому Языков писал о своей музе: «на новую дорогу // Она свой глас перенесет // И гимн отеческому Богу // Благоговейно запоет»>. С возмужалостью поэта должна мужать и его поэзия, без того не будет истины и настоящего вдохновения. Жду с нетерпением первого № «Европейца» <нрзб.> очень хочется увидеть, какого он может ожидать успеха. Объявление было слишком скромно. Ты напрасно боишься его важности. Наша публика это любит. Она мало способна к увлечению и не понимает прекрасного. Но уважает ученость и на наличные деньги вечно покупает наличные сведения. Прощай, мой милый Языков. Я люблю тебя от всей души. — Е. Боратынский».

Поляков 1918. С. 70—71 (фрагмент письма); *Хетсо.* С. 598—599 (полный текст по автографу Гос. архива Татарии (Казань); дата: нач. января 1832 — на основании пометы Языкова в автографе: «Получ. 1832. Января 13. Москва»). 7 янв. указано нами как день отправления московской почты из Казани.

ЯНВАРЬ, около 7 (?). Казань. Боратынский — Киреевскому в Москву (письмо без даты): «Благодарю тебя и за коротенькое письмо, но не ленись и на обещанное пространное. Ты, я думаю, теперь чрезвычайно озабочен своим журналом, и тебе остается мало времени на переписку. Мне немного совестно заставлять тебя думать обо мне, но ты извинишь мне это. Я тоже не без забот, хотя другого рода. Губернская светская жизнь довольно утомительна, и то выезжая, то принимая, у меня мало остается досуга. Языков расшевелил меня своим посланием. Оно — прелесть. Такая ясная грусть, такое грациозное добродушие. Такая свежая чувствительность! Как цветущая его муза превосходит все наши бледные и хилые! У наших — истерика, а у ней настоящее вдохновение! Я познакомился с Арцыбашевым. Человек очень ученый и в разговоре более приличный, нежели в печати, впрочем весь погрязший в изысканиях. Выше хронологических чисел он ничего не видит в истории. Здешние литераторы (можешь вообразить — какие) задумали издавать журнал и просят меня в нем участвовать. Это — в числе неприятностей моей здешней жизни. Многие имеют здесь мои труды и Пушкина, но переписные, а не печатные. Надо продавать книги наши подешевле. Отсылаю тебе «Телескоп». Прощай, спешу посылать на почту, где между прочим лежит ко мне посылка, надеюсь, что от тебя с Европейцем».

ТС. С. 33—34 (дата: янв. 1832). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 75—76. Слова «Языков расшевелил меня своим посланием...» позволяют соотносить это письмо с письмом к Языкову (см. выше: янв., до 7) и предположительно уточнить дату.

ЯНВАРЬ, 7. Москва. Вышел «Европеец» (1832. № 1; ценз. разр. 9 дек. 1831).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 134 об. (дата).

ЯНВАРЬ, середина месяца (?). Казань. Боратынский — А. П. Елагиной (ответ на несохранившееся письмо — без даты): «Ваше письмо, милая Авдотья Петровна, заставило меня печально пересчитать месяцы, которые мне остается провести далеко от вас, в моем Казанском изгнании. Право, нельзя быть добрее вас, и кто вас не любит, у того дурное сердце. Скажу ли, что мое вам беспредельно предано? Вы

не сомневаетесь в этом, иначе вы, и ко мне и к себе, были бы очень несправедливы. Москва мне мила вами, и я бы жалел о ней, ежели бы и не собралось туда столько людей, мне давно знакомых и любезных. Стихи Жуковского тешили меня целую неделю. Кто бы подумал, что они писаны меланхоликом и придворным! Я особенно люблю Жуковского в его шалостях: так утешительно видеть в человеке с отличным умом это детское простодушие, которое удостоверяет, что могущество мысли не препятствует сердечному счастию. Ежели в других творениях Жуковского я люблю поэта, я люблю его самого в его шутках; но, кажется, мне нечего вам хвалить Жуковского. На вас уже сердится Алексей Андреевич <Елагин>, боюсь, чтоб и мне не досталось. Скажу вам однако ж (это уже не шутка), что я понимаю волшебство вашего свидания, все счастие и всю грусть его. Вы провели вместе детство и молодость, и впечатления прошедшего, которые незаметно прикованы одни к другим, все ожили и заговорили в одно время. Этот праздник, как все большие праздники, миновался, оставив нас смущенными и встревоженными, и долго после мы не можем приноровиться к обыкновенной нашей жизни. Понимаю пустоту, оставленную вам отъездом Жуковского. <Жуковский приезжал в Москву осенью 1831>. Я тружусь усердно для «Европейца», и на днях вы получите материалов на целый номер. У меня в голове поэма; но я еще за нее не принимался: продолжительный труд пугает мою лень. Прощайте, моя милая, моя добрая Авдотья Петровна. Будьте здоровы: когда-то пройдет столько лет, что и наша дружба будет иметь свои воспоминания. — Е. Боратынский».

Изд. 1869. С. 517—518; Изд. 1987. С. 232—233 (дата: нач. 1832). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 28. Наша датировка основана на упоминании сборника баллад Жуковского, который Боратынский получил от Киреевского, видимо, в середине янв. 1832 г. (см. далее: янв., до 18).

ЯНВАРЬ, до 18. Казань. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Давно не получал я от тебя писем, милый Киреевский, и не жалуюсь, ибо знаю, что хлопот у тебя много. У меня к тебе просьба: если не напечатано первое мое послание к Языкову <см. выше: 1831, сент., до 21 и далее: янв., 25>, не печатай его: оно мне кажется довольно слабо. Напечатай лучше второе <см. выше: янв., до 7>, которым я более доволен. Я здесь веду самую глупую жизнь, рассеянную без удовольствия, и жду не дождусь возвращения нашего в деревню. Мы переезжаем на первой неделе великого поста. Там я надеюсь употребить время с пользою для себя и для «Европейца», а здесь — нет никакой возможности. Подумай, кого я нашел в Казани? Молодого Перцова <Эраста>, известного своими стихотворными шалостями, которого нам хвалил Пушкин; но мало, что человек очень умный — и очень образованный, с решительным талантом. Он мне читал отрывки из своей комедии в стихах, исполненные живости и отстроумия. Я постараюсь их выпросить у него для «Европейца». С ним одним я здесь говорю натуральным моим языком. Вот тебе бюллетень моего житья-бытия. Что ты не шлешь мне «Европейца»? Я получил баллады Жуковского. В некоторых необыкновенное совершенство слога и простота, которую не имел Жуковский в прежних его произведениях. Он мне даже дает охоту рифмовать легенды. Прощай, обнимаю тебя. — Е. Боратынский».

ТС. С. 31—32 (дата: 18 янв. 1831 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 83—84 об. Если судить по заключительным словам письма об «охоте рифмовать легенды», может быть, около этого времени сочинена **«Мадона»** (впервые опубл.: Изд. 1835).

ЯНВАРЬ, 25. Москва. Ценз. разр. 2-му номеру «Европейца» (1832. Ч. 1. № 2; вышел 29 янв.), где опубл. повесть **«Перстень»** (С. 165—167; подпись *Е. Баратынскій*); послание **«Н. М. Языкову» («Языков, буйства молодого...»)** (С. 204—205; подпись *Баратынскій*; др. ред. — нет) и **«Антикритика»** (С. 289—304; без подписи). В

этом же номере «Европейца» — продолжение «Обозрения русской литературы за 1831 год» (С. 259—269) Киреевского, полностью посвященное «Наложнице»:

«Поэма Баратынского имела в литературе нашей ту же участь, какую и трагедия Пушкина <«Борис Годунов»>; ее также не оценили, также не поняли, также несправедливо обвиняли автора за недостатки небывалые, также хвалили его из снисхождения к прежним заслугам, и с таким тоном покровительства, который Гете из деликатности не мог бы принять, говоря о писателях едва известных. И под этими протекторскими обозрениями, под этими учительскими порицаниями и советами большая часть критиков не удостоила даже подписать своего имени. — Такого рода литературное самоуправство нельзя не назвать, по крайней мере, странным. Но оно покажется еще страннее, когда вспомним, что те же самые критики, которые поступали таким образом с Баратынским, большую половину статей своих о его поэме наполнили рассуждениями о нравственных и литературных приличиях. <...> — По моему мнению, «Наложница» отличается от других поэм Баратынского большею зрелостью в художественном исполнении. Объяснимся. — Читая «Эду», мы проникнуты одним чувством, глубоким, грустным, поэтически-молодым, но зато и молодо-неопределенным. Воображение играет согласно с сердцем; в душе остаются яркие звуки; но в целом создании чего-то недостает, и есть что-то недосказанное, что-то неконченное, как в первом порыве чувства, еще не объясненного воспоминаниями. Наружная отделка «Эды» имеет недостатки такого же рода; поэт часто увлекается одним чувством, одним описанием, прекрасным отдельно, но не всегда необходимым в отношении к целому созданию. Одним словом, в поэме не все средства клонятся к одной общей цели, хотя главное чувство развито в ней сильно и увлекательно. — В «Бальном вечере», напротив того, стройность и гармония частей не оставляют ничего желать в художественном отношении. Все соразмерно, все на месте; каждая картина имеет надлежащий объем; каждому описанию показаны свои границы. Но, несмотря на эту мерность частей, господствующее чувство проистекает из них не довольно ясно и звучно, и если в «Эде» недостает пластической определенности и симметрии, то в «Бальном вечере» мы хотели бы видеть более лирического единства и увлекательности. — То и другое соединено в «Наложнице», где главной мысли соответствует одно чувство, выраженное ясно и сильно, развитое в событиях, соответственных ему и стройно соразмеренных. — Но эта художественная зрелость, которою отличается последняя поэма Баратынского от прежних, не составляет еще главного достоинства изящных произведений. Художественное совершенство, как образованность, есть качество второстепенное и относительное; иногда оно, как маска на скелете, только прикрывает внутреннюю безжизненность; иногда, как лицо благорожденной души, оно служит ее зеркалом и выражением; но во всяком случае его достоинство не самобытно и зависит от внутренней, его одушевляющей поэзии. Потому, чтобы оценить как должно поэму Баратынского, постараемся определить общий характер его поэзии и посмотрим, как она выразилась в его последнем произведении. — Музу Баратынского можно сравнить с красавицею, одаренною душою глубокою и поэтическою, красавицею скромною, воспитанной и столь приличной в своих поступках, речах, нарядах и движениях, что с первого взгляда она покажется обыкновенною; толпа может пройти подле нее, не заметив ее достоинства; ибо в ней все просто, все соразмерено и ничто не бросается в глаза ярким отличием; но человек с душевною проницательностью будет поражен в ней именно теми качествами, которых не замечает толпа. — Вот отчего нередко случается нам встречать людей образованных, которые не понимают всей красоты поэзии Баратынского и которые, вероятно, нашли бы его более по сердцу, если бы в его стихах было менее простоты и обдуманности, больше шуму, больше оперных возгласов и балетных движений <...> — Но эта обдуманность и мерность, эта благородная простота и художественная доконченность, которыми отличаются произведения Баратынского, не составляют случайного украшения стихов его; они происходят из самой сущности его поэзии, которая так же, как поэзия Батюшкова, дышит единственно любовью к соразмерностям и к гармонии. Вся правда жизни представляется нам в картинах Баратынского в перспективе поэтической и стройной; самые разногласия являются в ней не расстройством, но музыкальным диссонансом, который разрешается в гармонию. Оттого, чтобы дать простор сердцу, ему не нужно выдумывать себе небывалый мир волшебниц, привидений и животного магнетизма; в самой действительности открыл он возможность поэзии, ибо глубоким воззрением на жизнь понял он необходимость и порядок там, где другие видят разногласие и прозу. Оттуда утверждение его, что все истинное, вполне представленное, не может быть

ненравственное; оттого самые обыкновенные события, самые мелкие подробности жизни являются поэтическими, когда мы смотрим на них сквозь гармонические струны его лиры. Бал, маскерад, неприятное письмо, пированье друзей, неодинокая прогулка, чтение альбомных стихов, поэтическое имя — одним словом, все случайности и все обыкновенности жизни принимают под его пером характер значительности поэтической, ибо тесно связываются с самыми решительными опытами души, с самыми возвышенными минутами бытия и с самыми глубокими, самыми свежими мечтами, мыслями и воспоминаниями о любви и дружбе, о жизни и смерти, о добре и зле, о Боге и вечности, о счастьи и страданиях, о их цели, следах и поэзии. — Эти возвышенные, сердечные созерцания, слитые в одну картину с ежедневными случайностями жизни, принимают от них ясную форму, живую определенность и грациозную ощутительность, между тем как самые обыкновенные события жизни получают от такого слияния глубокость и музыкальность поэтического создания. Так, часто не унося воображения за тридевять земель, но оставляя его посреди обыкновенного быта, поэт умеет согреть его такою сердечною поэзиею, такою идеальною грустию, что, не отрываясь от гладкого, вощеного паркета, мы переносимся в атмосферу музыкальную и мечтательно просторную. — Это направление поэзии Баратынского яснее, чем в других поэмах, выразилось в его «Наложнице». Я не стану повторять здесь ее содержания, давно уже известного каждому из моих читателей. Замечу только, что в этой поэме нет ни одной сцены, которая бы не привела к чувству поэтическому, и нет ни одного чувства, которое бы не сливалось неразрывно с картиною из жизни действительной, — и эти картины говорят гораздо яснее всех возможных толкований. Вместо того, чтобы описывать словами то тяжелое чувство смутной грусти, которое угнетало Елецкого посреди беспорядочной, развратной его жизни; вместо того, чтобы рассказывать, как эта грязная жизнь не могла наполнить его благородного сердца и должна была возбудить в нем необходимость любви чистой и возвышенной; как эта новая любовь, освещая его душу, должна была противоречить его обыкновенному быту; вместо всех этих психологических объяснений поэт рисует нам сцены живые, которые говорят воображению и взяты из верного описания действительности: картину ночного пированья; его безобразные следы в комнате Елецкого; окно, открытое на златоглавый Кремль, поутру, при восхождении солнца; гулянье под Новинским и встречу с Верою, маскерад, разговор с Сарою и проч., и проч. Иногда один стих вмещает целую историю внутренней жизни. <...> — Однако, несмотря на все достоинства «Наложницы», нельзя не признать, что в этом роде поэм, как в картинах Миериса <голландский живописец>, есть что-то бесполезное стесняющее, что-то условно-ненужное, что-то мелкое, не позволяющее художнику развить вполне поэтическую мысль свою. Уже самый объем поэмы противоречит возможности свободного излияния души, и для наружной стройности, для гармонии переходов, для соразмерности частей поэт часто должен жертвовать другими, более существенными качествами. Так самая любовь к прекрасной стройности и соразмерности вредит поэзии, когда поэт действует в кругу, слишком ограниченном. Паганини, играя концерты на одной струне, имеет, по крайней мере, то самолюбивое утешение, что публика удивляется искусству, с которым он побеждает заданные себе трудности. Но многие ли способны оценить те трудности, с которыми должен бороться Баратынский? — Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что публика наша до тех пор не поймет всей глубокости и всей поэзии оригинального взгляда на жизнь, которым отличается муза Баратынского, покуда он не представит его в произведении, более соответствующем господствующему направлению его воображения. Баратынский, больше чем кто-либо из наших поэтов, мог бы создать нам поэтическую комедию, состоящую не из холодных карикатур, не из печальных острот и каламбуров, но из верного и вместе поэтического представления жизни действительной, как она отражается в ясном зеркале поэтической души, как она представляется наблюдательности тонкой и проницательной, перед судом вкуса разборчивого, нежного и счастливо образованного».

ЯНВАРЬ, 29. Москва. Вышел «Европеец» (№ 2; ценз. разр. 25 янв.).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 27. Л. 136 об. (дата).

ЯНВАРЬ, конец месяца — ФЕВРАЛЬ, начало (?). Казань. Боратынский наконец получает от Киреевского № 1 «Европейца» (вышел 7 янв.) и пишет Киреевскому: «“Европеец” твой бесподобен. Мысли, образ выражения, выбор статей, все

небывалое в наших журналах со времен «Вестника Европы» Карамзина, и я думаю, что он будет иметь столько же успеха, как сей последний, ибо для своего времени он имеет все достоинства, которые тот имел для своего. Только не покидай своего дела. Все статьи, тобою писанные, особенно замечательны. Обозрение 19-го века богато мыслями, но ежели б мы были вместе, я в некоторых с тобою бы поспорил. Это не критика. Предмет так обширен, что можно глядеть на него с множества разных точек, и замечание мое доказывает только, что ты разбудил во мне мысленную деятельность. О слоге Вильмена статья прекрасная. Нельзя более сказать в меньших словах с такою ясностию, с таким вкусом, с такою правдою. И Вильмен, и Бальзак оценены вполне и отменно справедливо. Разбор «Годунова» отличается тою же верностию, тою же простотою взгляда. Ты не можешь себе представить, с каким восхищением я читал просвещенные страницы твоего журнала, сам себе почти не веря, что читаю русскую прозу, так я привык почерпать подобные впечатления только в иностранных книгах. Посылаю тебе небольшое стихотворение Перцова, которым я очень недоволен. Он много мне читал лучшего, и не знаю, почему выбрал эту пьесу для «Европейца». Я с ним об этом поговорю. Он мне читал комедию, написанную прекраснейшими стихами, исполненную остроумия, и ее многие характеры изображены верно и живо. Он с решительным талантом; но видно, не все роды ему одинаково даются. — Здорова ли твоя маменька? Давно мы от нее ничего не имеем. Поцелуй у нее за меня ручки и напомни обо мне Алексею Андреевичу <Елагину>. — Скажи, сделай одолжение, отправил ли ты мне мой какао? Я до сих пор его не получил. — Вот тебе в заключение эпиграмма, которую должно напечатать без имени:

Кто непременный мой ругатель?
Необходимый мой предатель?
Завистник непременный мой?
Тут думать нечего — родной.
Нам чаще друга враг полезен,
Подлунный мир устроен так.
О как же дорог, как любезен
Самой природой данный враг!»

ТС. С. 34—35 (дата: нач. февр. 1832). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 77–78 об. — Киреевский поместил эпиграмму в № 3 «Европейца», не вышедшем вследствие закрытия журнала. Предположения о том, что это эпиграмма на Н. А. Полевого (см. *Гофман* 1914—1915. Т. 1. С. 285; *Медведева, Купреянова* 1936. Т. 2. С. 294; *Купреянова* 1957. С. 363; *Фризман* 1982. С. 364), не подтверждаются смыслом эпиграммы: Полевой не был для Баратынского «родным», данным «самой природой». Скорее здесь речь о ком-то из настоящих родственников.

ФЕВРАЛЬ, 4. Петербург. Пушкин — И. В. Киреевскому о первых двух номерах «Европейца»: « <...> Дай Бог многие лета Вашему журналу! <...> До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны, да сухи; кажется, «Европеец» первый соединит дельность с заманчивостью. <...> Ваша статья о «Годунове» и о «Наложнице» порадовала все сердца; насилу-то дождались мы истинной критики. NB: избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, то есть перефразировать: это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчествующему языку. Статья Баратынского хороша, но слишком тонка и растянута (я говорю о его антикритике). Ваше сравнение Баратынского с Миерисом <в статье Киреевского «Обозрение русской литературы за 1831 год»> удивительно ярко и точно. Его элегии и поэмы точно ряд прелестных миниатюров; но эта прелесть отделки, отчетливость в мелочах, тонкость и верность оттенков, все это может ли быть порукой за будущие успехи его в комедии, требующей, как и сценическая живопись, кисти резкой и широкой? <Пушкин не знал, что на руках Киреевского была рукопись

некоей драмы Боратынского>. Надеюсь, что «Европеец» разбудит его бездействие <...>».

Пушкин. Ак. Т. 15. С. 9—10.

ФЕВРАЛЬ, около 14—15. Казань. Боратынский — Киреевскому в Москву (записка без даты): «Поздравляю тебя с масляницей. Это значит, что мне писать тебе недосуг. Вот тебе другая пьеса Перцова, которая лучше первой. Еще просьба: напечатай в «Европейце» мое: «Бывало, отрок», etc. Я не знаю, отчего Пушкин отказал ей место в «Северных цветах». Прощай, обнимаю тебя. На той неделе буду более твоим, нежели на этой. — Е. Боратынский».

ТС. С. 38—39 (дата: февр. 1832); мы датируем по времени начала масленицы в 1832 г. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 52.

ФЕВРАЛЬ, около 14—15. Москва. Киреевский узнает о том, что по распоряжению Николая I его журнал велено закрыть.

Первоначальный слух о решении императора был таким: «Европейца запретили. Киреевского в крепость, а Аксакова <цензора журнала> на гауптвахту» (запись Погодина в дневнике от 15 февр. 1832) (*Барсуков.* Кн. 4. С. 8). — См. далее: февр., 22. Историю закрытия «Европейца» см.: *Фризман* 1989. С. 428—439.

ФЕВРАЛЬ, около 16—18 (?). Казань. Боратынский получает от Киреевского письмо (не сохранилось; вероятно, написано около 9—10 февр., до известия о запрещении журнала) с рассказом об отзывах Жуковского, Вяземского и Пушкина о первых номерах «Европейца» и пишет в ответ: «Понимаю, брат Киреевский, что хлопотливая жизнь журналиста и особенно разногласные толки и пересуды волнуют тебя неприятным образом. Я предчувствовал твое положение, и жаль мне, что я не с тобою, потому что у нас есть сходство в образе воззрения, и мы друг друга же в нем утверждали. Мнение Жуковского, Пушкина и Вяземского мне кажется несправедливым. Приноровляясь к публике, мы ее не подвинем <см. выше: февр., 4 — замечание Пушкина о надобности переводить «ученые термины»>. Писатели учат публику, и ежели она находит что-нибудь в них непонятное, это вселяет в нее еще более уважения к сведениям, которых она не имеет, заставляет ее отыскивать их, стыдяся своего невежества. Надеюсь, что Полевой менее ясен, нежели ты, однако ж журнал его расходится и, нет сомнения, приносит большую пользу, ибо ежели не дает мыслей, то будит оные, а ты и даешь их, и будишь. Бранить публику вправе всякий, и публика за это никогда не сердится, ибо никто из ее членов не принимает на свой счет сказанного о собирательном теле. Вяземский сказал острое слово — и только. Ежели ты имеешь мало подписчиков, тому причиною: 1-е — слишком скромное объявление, 2-е — неизвестность твоя в литературе, 3-е — исключение мод. Но имей терпение издавать еще на будущий год, я ручаюсь в успехе. По прочтении 1-го № «Европейца» здесь в Казани мы на него подписались. Вообще журнал очень понравился. Нашли его и умным, и ученым, и разнообразным. Поверь мне, русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить. Давай им пищу: они тебе скажут спасибо. Не упускай, однако ж, из виду пестроты и новостей, без чего журнал не будет журналом, а книгою. Статья твоя о 19-м веке непонятна для публики только там, где дело идет о философии, и в самом деле, итоги твои вразумительны только тем, которые посвящены в таинства новейшей метафизики, зато выводы литературные, приложение этой философии к действительности отменно ясны и знакомым чувством с этой философией, еще не совершенно понятной для ума. Не знаю, поймешь ли ты меня; но таков ход ума человеческого, что мы прежде верим, нежели исследуем, или, лучше сказать, исследуем для того только, чтобы доказать себе, что мы правы в нашей вере. Вот почему я нахожу полезным поступать как

ты, то есть знакомить своих читателей с результатами науки, дабы, заставив полюбить оную, принудить заняться ею. Постараюсь что-нибудь прислать тебе для № 3. Ты прав, что Казань была для меня мало вдохновительной. Надеюсь, однако ж, что несколько впечатлений и наблюдений, приобретенных мною, не пропадут. Прощай. Не предавайся унынию. Литературный труд сам себе награда; у нас, слава Богу, степень уважения, которую мы приобретаем, как писатели, не соразмеряется торговым успехом. Это я знаю достоверно и по опыту. Булгарин, несмотря на успехи свои в этом роде, презрен даже в провинциях. Я до сих пор еще не встречался с людьми, для которых он пишет. — Е. Боратынский».

ТС. С. 31—32 (дата: февр. 1831). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 50—51 об. Уточнение даты связано с упоминанием отзыва Пушкина о «Европейце» в его письме к Киреевскому от 4 янв. 1832: Киреевский мог получить это письмо около 9—10 янв. и, видимо, около того же времени написать в Казань Боратынскому, который получил бы письмо около 16—17 янв.; если Боратынский не задержался с ответом, то отослал его в ближайший почтовый день — 18 февр. 1832.

ФЕВРАЛЬ, до 22. Казань. Боратынский получает от Киреевского № 2 «Европейца» (см. выше: янв., 25) и пишет ответ: «Начинаю письмо мое пенями на тебя, а у меня их набралось нарочитое количество. Во-первых, ты мне не пишешь, много ли я тебе должен за Гизота и за другие мелочи. Нам с тобою нечего чиниться, особенно в этом. Во-вторых, позволь мне побранить тебя за то, что ты не говоришь мне своего мнения о моей драме. Вероятно, она тебе не нравится; но неужели ты так мало меня знаешь, что боишься обидеть мое авторское самолюбие, сказав мне откровенно, что я написал вздор? Я больше буду рад твоим похвалам, когда увижу, что ты меня не балуешь. Я получил вторую книжку «Европейца». Разбор «Наложницы» для меня — истинная услуга <см. выше: янв., 25>. Жаль, что у нас мало пишут, особенно хорошего, а то бы ты себе сделал имя своими эстетическими критиками. Ты меня понял совершенно, вошел в душу поэта, схватив поэзию, которая мне мечтается, когда я пишу. Твоя фраза: «переносит нас в атмосферу музыкальную и мечтательно просторную» заставила меня встрепенуться от радости, ибо это-то самое достоинство я подозревал в себе в минуты авторского самолюбия, но выражал его хуже. Не могу не верить твоей искренности: нет поэзии без убеждения, а твоя фраза принадлежит поэту. Нимало не сержусь за то, что ты порицаешь род, мною избранный. Я сам о нем то же думаю и хочу его оставить. 2-я книжка «Европейца» вообще не уступает первой. — Мы переезжаем из города в деревню. Надеюсь, что буду писать, по крайней мере, у меня твердое намерение не баловать моей лени. Если будут упрямиться стихи, примусь за прозу. Прощай, обнимаю тебя. — Е. Боратынский. — Я получил какао».

ТС. С. 37—38 (дата: 22 февр. 1832 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 50—51 об.

ФЕВРАЛЬ, 22. Москва. Решение Московского цензурного комитета во исполнение высочайшего (Николая I) повеления: « <...> чтобы на цензора <С. Т. Аксакова>, пропустившего № 1 журнала «Европеец» обращено было законное взыскание и дабы издание оного журнала было на будущее время воспрещено, так как издатель оного г. Киреевский обнаружил себя человеком не благомыслящим и не благонадежным».

РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 385. Решение императора было принято на основании анонимного доноса (организованного III отделением), в котором статья Киреевского «Девятнадцатый век» определялась как политическая, а отдельные слова и выражения статьи изъяснялись так: «стоит только знать, что *просвещение* есть синоним *свободы*, а *деятельность разума* означает *революцию*, чтобы иметь ключ к таинствам сей философии» (*Фризман* 1989. С. 432).

ФЕВРАЛЬ, после 22. Боратынские переезжают из Казани в Каймары.

МАРТ (?). Каймары. Боратынский получает письмо от Д. В. Давыдова — из его имения Верхняя Маза (Сызранский уезд Симбирской губ.) — с просьбой приискать в Казанском университете учителя для детей Давыдова. С этой просьбой связаны две записки Боратынского к инспектору студентов Казанского университета И. М. Симонову (известному астроному): 1. «Милостивый государь Иван Михайлович! — Прибегаю к вам с покорнейшею просьбою. Денис Васильевич Давыдов желает иметь при своих детях хорошего учителя математики и русского языка, который согласился бы с ним ехать в деревню, находящуюся в Саратовской губернии. Может быть, при университете находятся люди, которым предложение его будет сподручно. Вы бы весьма меня одолжили, ежели б довели оное до их сведения и буде найдется желающий, уведомили о его условиях. Я не слишком совещусь обременить вас этим препоручением, потому что оно может доставить вам случай пристроить хорошего человека к хорошему месту. — С истинным почтением и совершенною преданностию честь имею быть, Милостивый государь, ваш покорнейший слуга — Е. Боратынский»; 2. «Милостивый государь Иван Михайлович! — Денис Васильевич Давыдов, которому сообщил я ваш ответ касательно нужного ему учителя, усердно вас благодарит за посредничество ваше в этом деле. Он охотно будет ожидать назначенного вами времени; но вы сами чувствуете, что надобно заранее уговориться. Денис Васильевич желает иметь учителя русского языка и математики по новой методе (так он выражается) и предлагает от 600 до 1000 ежегодного жалования. В случае согласия он просит теперь же дать ему верное слово, дабы положась на оное, ему не нужно было более хлопотать в Москве. Наконец он просит доставить ему адрес г-на учителя. — Обстоятельными ответами вашими вы ободрили меня снова Вас обеспокоить. При первом приезде своем в Казань я не премину лично снова засвидетельствовать вам чрезвычайную мою признательность. — С истиннейшим почтением и совершенною признательностью честь имею быть, — милостивый государь, ваш покорный слуга — Е. Боратынский». — Третью записку к Симонову см. далее: апрель, 7.

Хетсо. С. 600—601, 601—602 (по автографу Научной библиотеки Казанского университета; датировка обоих писем: весна 1832).

МАРТ — АПРЕЛЬ. Москва. Киреевский — Пушкину в Петербург (ответ на письмо от 4 февр. — см. выше): « <...> Я до сих пор не отвечал Вам на письмо Ваше <...> потому, что через несколько дней по получении <...> узнал о запрещении моего журнала, и, следовательно, выжидал случая писать к Вам не по почте. <...> Благодарю Вас за Ваши советы о журнале <...>. В одном только позвольте мне не согласиться с Вами: в мнении о Боратынском. Я сравнил его с Мьерисом не потому, чтобы находил сходство в их взгляде на вещи, или в их таланте, или вообще в *поэзии их искусства*, но только потому, что они похожи в *наружной отделке* и во внешней форме. Эта форма слишком тесна для Боратынского, и сущность его поэзии требует рамы просторнее; мне кажется, я это доказал; но Мьерис в своих миньятюрах выражается весь и влагает в них еще более, чем что было в уме, т. е. труд и навык. Вот почему Мьерис сделал все, что мог, а Баратынский сделает больше, чем что сделал. Говоря, что Баратынский должен создать нам нового рода комедию, я основывался не только на проницательности его взгляда, на его тонкой оценке людей и их отношений, жизни и ее случайностей, но больше всего на той глубокой, возвышенно-нравственной, чуть не сказал гениальной деликатности ума и сердца, которая всем движениям его души и пера дает особый поэтический характер и которая всего более на месте при изображениях общества. Впрочем, Вы лучше других знаете Баратынского и лучше других можете судить об нем, потому я уверен, что по крайней мере в главном мы с Вами не розним. Но во

всяком случае я Вам отменно благодарен за то, что Вы обратили внимание на мое мнение о Баратынском. После основных законов нравственности понятие о людях, которых я уважаю, есть вещь, которою я более всего дорожу в моих мнениях <...>».

Пушкин. Ак. Т. 15. С. 19—20.

МАРТ, начало месяца (около 7—10) (?). Каймары. Боратынский получает от Киреевского ответ (не сохранился) на свое предыдущее письмо (см. выше: февр., до 22), где он спрашивал мнение Киреевского о своей драме: «Ты разбираешь мою драматическую попытку серьезнее, нежели она стоит. Я учился форме и думал более расположить сценами анекдоты, нежели написать настоящую драму. Я выбрал ничтожный предмет для того, чтобы ученическим пером не испортить хорошего. Ежели есть некоторая занимательность в ходе, некоторая естественность в разговоре, я собой доволен, ибо я не помышлял о красотах высшего рода. — Читал ли ты 8-ю главу «Онегина» <вышла в янв. 1832> и что ты думаешь о ней и вообще об «Онегине», конченном теперь Пушкиным? В разные времена я думал о нем разное. Иногда мне «Онегин» казался лучшим произведением Пушкина, иногда напротив. Ежели б все, что есть в «Онегине», было собственностию Пушкина, то без сомнения, он ручался бы за гений писателя. Но форма принадлежит Байрону, тон тоже. Множество поэтических подробностей заимствовано у того и у другого. Пушкину принадлежат в Онегине характеры его героев и местные описания России. Характеры его бледны. Онегин развит не глубоко. Татьяна не имеет особенности. Ленский ничтожен. Местные описания прекрасны, но только там, где чистая пластика. Нет ничего такого, что бы решительно характеризовало наш русский быт. Вообще это произведение носит на себе печать первого опыта, хотя опыта человека с большим дарованием. Оно блестящее; но почти все ученическое, потому что почти все подражательное. Так пишут обыкновенно в первой молодости из любви к поэтическим формам более, нежели из настоящей потребности выражаться. Вот тебе теперешнее мое мнение об «Онегине». Поверяю его тебе за тайну и надеюсь, что оно останется между нами, ибо мне весьма некстати строго критиковать Пушкина. От тебя же утаить настоящий мой образ мыслей мне совестно. — Покуда я заготовлял тебе это письмо, я получил от тебя другое. Перцов тебе соврал: будущую зиму я непременно проведу в Москве, но не надеюсь остаться постоянным ее жителем и на всякий случай строю дом в деревне. Я тебе уже говорил, что мы будем жить особо. Это введет нас в издержки, которые прежде опыта мы определить не можем. Не мудрено, что московская жизнь придется нам не по состоянию, и тогда хоть нехотя, надо будет поселиться в деревне. Планы твои не однажды были моими, и поэтому ты легко поверишь, что ежели я увижу какую-нибудь возможность остаться в твоей Москве, то ее не оставлю. Знакомец мой Перцов, кажется, не очень тебе понравился. Признаюсь, и у меня не весьма лежит к нему сердце. Может быть, он человек с умом и даже с хорошими душевными качествами, но как-то существо его не гармонирует с моим. Мне с ним неловко и невесело. Правда ли, что Горскина <Софья Николаевна, известная московская красавица> выходит за Щербатова? Она сначала была в довольно частой переписке с сестрою Соничкой <Энгельгардт>, но теперь месяца три как уже к ней не пишет. Когда ты ее увидишь, попрекни ей от сестры этой недружеской переменой. — В здешний университет пришла бумага от министра просвещения, в которой рекомендуется строгое смотрение за тем, чтобы студенты не читали ни «Телеграфа», ни «Телескопа» как журналов, распространяющих вредные мысли. Говорят, что издание их прекращено. Правда ли это? Прощай, мой милый, обнимаю тебя от всей души. Сердечно радуюсь лучшему здоровью твоей маменьки и усердно целую ее ручки. — Е. Боратынский».

ТС. С. 41—43 (дата: начало 1832). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп.2. № 8. Л. 57—60. Наше уточнение чисел (7 и 10 марта 1832 — дни московской почты в Казани) сделано потому, что в начале письма Боратынский благодарит за разбор его драмы, о которой он спрашивал в предыдущем письме (см. выше — февр., до 22: «Ты не говоришь мне своего мнения о моей драме»); Киреевский мог выполнить просьбу друга не ранее 29 февр. (примерное время получения в Москве письма, отправленного из Казани 22 февр.); следственно, Боратынский мог получить письмо с мнением Киреевского о драме не ранее 7 марта (письмо из Москвы в Казань и из Казани в Москву шло около недели). — Письмо написано из Каймар, куда Боратынские должны были переехать на первой неделе Великого поста, т. е. после 22 февр. (см. выше: янв., до 18; февр., до 22). — С. Н. Горсткина вышла замуж за П. А. Щербатова в нач. окт. 1832 (*Л. Б. Модзалевский* 1935. С. 547). «Телескоп» и «Московский телеграф», чтение которых правительство рекомендовало ограничить, не были закрыты, хотя и попали в подозрение (см. *Фризман* 1989. С. 437).

МАРТ, до 14. Каймары. Боратынский получает от Киреевского письмо с сообщением о закрытии «Европейца» и пишет свой горестный ответ (без даты): «Я приписывал молчание твое недосугу и не воображал ничего неприятного; можешь себе представить, как меня поразило письмо твое, в котором ты меня извещаешь о стольких домашних печалях и, наконец, о запрещении твоего журнала! Болезнь твоей маменьки (да и она не первая с тех пор, как мы расстались) крайне нас огорчила, несмотря на то, что, по письму твоему, ей лучше. От запрещения твоего журнала не могу опомниться. Нет сомнения, что тут действовал тайный, подлый и несправедливый доносчик, но что в этом утешительного? Где найти на него суд? Что после этого можно предпринять в литературе? Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным. Запрещение твоего журнала просто наводит на меня хандру, и, судя по письму твоему, и на тебя навело меланхолию. Что делать! Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгариным. Поблагодарим Провидение за то, что оно нас подружило и что каждый из нас нашел в другом человека, его понимающего, что есть еще несколько людей нам по уму и по сердцу. Заключимся в своем кругу, как первые братия христиане, обладатели света, гонимого в свое время, а ныне торжествующего. Будем писать, не печатая. Может быть, придет благопоспешное время. Прощай, мой милый, обнимаю тебя. Пиши ко мне. Письма твои мне нужны. Ты найдешь убеждение это сильным. — Е. Боратынский. — Жена моя усердно тебя просит извещать нас о выздоровлении твоей маменьки».

ТС. С. 40—41 (дата: 14 марта 1832 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 55—56 об.

АПРЕЛЬ — МАЙ. Каймары. Боратынский пишет стих. **«На смерть Гете»** (Гете умер 22(10) марта 1832) и пишет или завершает еще четыре стихотворения (какие именно — неизвестно: см. далее: май, до 30; окт. (?) — янв. (?) 1833).

АПРЕЛЬ, 5(17). Варшава. Л. С. Пушкин — М. В. Юзефовичу (перевод с фр.): «<...> Отрадно, что «Наложница» Баратынского Вам понравилась, ход поэмы любопытен, исполнение — поэтично и оригинально. Мне очень нравится предисловие, полное чувства и здравых рассуждений <...>».

Хандрос Б. Н. Письма Л. С. Пушкина к М. В. Юзефовичу // ПИМ. Т. 10. Л., 1982. С. 331.

АПРЕЛЬ, 7. Каймары. Боратынский — И. М. Симонову в Казань по поводу учителя для детей Д. В. Давыдова (первые две записки см. выше: март): «Милостивый государь Иван Михайлович! — Много меня одолжите, ежели доставите окончательный ответ о математическом учителе, чтобы до отъезда Дениса Васильевича в деревню я мог с ним списаться. Вашему суду я более верю, нежели собственному. Надеюсь увидеться с вами, когда установится летняя дорога и еще раз поговорить о земле и нас. — С истинным почтением и совершенною преданностию честь

имею быть, — Милостивый государь, вашим покорнейшим слугою. — Е. Боратынский. — 1832 года — Апреля 7 дня».

Хетсо. С. 602—603 (по автографу Научной библиотеки Казанского университета).

АПРЕЛЬ, до 12. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Ты провел день рождения твоего <22 марта> довольно печально. Надеюсь, что народное замечание не сбудется и что этот день не будет для тебя образчиком всех последующих сего года. Много минут жизни, в которых нас поражает ее бессмыслица: одни почерпают в них заключения, подобные твоим, другие — надежду другого, лучшего бытия. Я принадлежу к последним. Не стану теперь рассуждать о предмете, который может наполнить томы, но с удовольствием переношусь мыслию в то время, когда мы опять примемся за наши бесконечные споры. «Вечера на Диканьке», без сомнения, показывают человека с дарованием. Я приписывал их Перовскому, хоть я вовсе в них не узнавал его. В них вообще меньше толку и больше жизни и оригинальности, чем в сочинениях сего последнего. Молодость Яновского <Гоголя> служит достаточным извинением тому, что в его повестях есть неполного и поверхностного. Я очень рад буду с ним познакомиться. О свадьбе Скарятина мы поговорим, когда увидимся. Может быть, я докажу тебе, что предположения наши не были особенно неблагоразумны. Прощай. Я и жена моя поздравляем тебя и твоих с праздником <Пасха — 10 апреля>. Твой Е. Боратынский».

ТС. С. 43 (дата: 12 апр. 1832 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 61—62.

АПРЕЛЬ, конец месяца — МАЙ, начало. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Я так давно к тебе не писал, что, право, совестно. Молчал не от лени, не от недосуга, а так. Это *так* — русский абсолют, но толковать его невозможно. Сегодня мне по-настоящему некогда писать писем, потому что пишу стихи, а вот я за грамотою к тебе. Как это делается, ежели не так? Я очень благодарен Яновскому за его подарок <Гоголь, видимо, послал Боратынскому «Вечера на хуторе близ Диканьки»>. Я очень бы желал с ним познакомиться. Еще не было у нас автора с такою веселою веселостью, у нас на севере она великая редкость. Яновский — человек с решительным талантом. Слог его жив, оригинален, исполнен красок и часто вкуса. Во многих местах в нем виден наблюдатель, и в повести своей «Страшная месть» он не однажды был поэтом. Нашего полку прибыло: это заключение немножко нескромно, но оно хорошо выражает мое чувство к Яновскому. — О трагедии Хомякова <«Димитрий Самозванец»> ты мне писал только то, что она кончена. Поговори мне о ней подробнее. Мне пишет из Петербурга брат <Ираклий>, которому Хомяков ее читал, что она далеко превосходит «Бориса» Пушкина, но не говорит ничего такого, по чему можно бы составить себе о ней понятие. Надеюсь в этом на тебя. — Поблагодари за меня милую Каролину <тогда еще Яниш; позднее — Павлову> за перевод «Переселения душ». Никогда мне не бывало так досадно, что я не знаю по-немецки. Я уверен, что она перевела меня прекрасно, и мне бы веселее было читать себя в ее переводе, нежели в своем оригинале: как в несколько флатированном портрете охотнее узнаешь себя, нежели в зеркале. — Сестра Соничка <Энгельгардт> сердится за то, что ты подозреваешь в Горскиной <см. примеч. к: март. нач.> немного кокетства. Дело не в этом, а в том, что до нее дошли слухи, что ты между ними находишь большое сходство, из чего следует, что ты и о ней того же мнения, а в справедливости его она не признается. — Прощай, мой милый; напиши, сделай милость, какой у тебя чин: мне это нужно для того, чтобы адресовать тебе квитанцию из Опекунского совета. Это тебе не доставит никаких хлопот: тебе вручат и только. Что Свербеевы? Поклонись им от меня, равно как и всем своим. — Твой Боратынский. — Напиши мне скорее о своем чине. 25 мая я выезжаю отсюда».

ТС. С. 45—46 (дата: апрель—май 1832). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 63—64 об. Уточнение даты обусловлено словами о долгом перерыве в переписке (предыдущее письмо см. выше: апр., до 12) и названным сроком предстоящего отъезда (до 25 мая), до которого Боратынский надеется получить от Киреевского известие о его чине (значит, письмо написано недели за две-три до 25 мая).

МАЙ, до 16. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Я поставлю себе за правило не пропускать ни одной почты и писать тебе хоть два слова, но еженедельно. Писать к тебе уже мне сердечная потребность, и мне легко будет не отступать от сего правила. Что ты говоришь о басне нового мира — мне кажется очень справедливым. Я не знаю человека богаче тебя истинно критическими мыслями. Я написал всего одну пьесу в этом роде <может быть: «О мысль! тебе удел цветка...» — ?> и потому не могу присвоить себе чести, которую ты приписываешь. Изобретение этого рода будет нам принадлежать вдвоем, ибо замечание твое меня поразило, и я непременно постараюсь написать десятка два подобных эпиграмм. Писать их не трудно, но трудно находить мысли, достойные выражения. Мы накануне нашего отъезда отсюда. Тесть мой едет в Москву, а я с женою в Тамбовскую губернию к моей матери. Пиши однако мне все в Казань, покуда не получишь от меня письма, в котором я решительно уведомлю тебя о моем отъезде. Мы увидимся в конце августа, а ежели Бог даст, долго поживем вместе. Прощай, обнимаю тебя. — Е. Боратынский. — Что поделывает Языков? Этот лентяй из лентяев пишет ли что-нибудь? прошу его пожалеть обо мне: одна из здешних дам, женщина степенных лет <А. А. Фукс>, не потерявшая еще притязаний на красоту, написала мне послание в стихах без меры, на которые я должен отвечать». — Боратынский отвечал посланием **«Вы, дочерь Евы, как другая...»** — опубл. в Изд. 1835 под загл. «А. А. Ф—ой» (А. А. Фуксовой).

ТС. С. 45—46 (дата: 16 мая 1832 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 65—66.

МАЙ, до 30. Каймары. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Тесть мой <Л. Н. Энгельгардт> поехал в Москву. Я должен был выехать в одно время в Тамбов к моей матери, где я намерен был провести лето, но нездоровье моей жены меня удержало. Пиши мне по-прежнему в Казань. Не могу вообразить, что такое трагедия Хомякова. Дмитрий Самозванец — лицо отменно историческое; воображение наше поневоле дает ему физиономию, сообразную с сказаниями летописцев. Идеализировать его — верх искусства. Байронов Сарданапал — лицо туманное, которому поэт мог дать такое выражение, какое ему было угодно. Некому сказать: не похож. Но Дмитрия мы все как будто видели и судим поэта как портретного живописца. Род, избранный Хомяковым, отменно увлекателен: он представляет широкую раму для поэзии. Но мне кажется, что Ермаку он приходится лучше, нежели Дмитрию. Скоро ли он напечатает свою трагедию? Мне не терпится ее прочесть, тем более что ее издание противоречит всем моим понятиям, и я надеюсь в ней почерпнуть совершенно новые поэтические впечатления. Это время я писал все мелкие пьесы. Теперь у меня их пять, в том числе одна, на смерть Гете, которою я более доволен, чем другими. Не посылаю тебе этого всего, чтоб было мне что прочесть, когда увидимся. Извини мне это Хвостовское чувство. Прощай. Наши проведут дня три в Москве. Повидайся с ними: они расскажут тебе о похождениях наших в Казани».

ТС. С. 46 (дата: 30 мая 1832 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 67—68.

МАЙ, конец месяца — ИЮНЬ, первая половина. Казань и Князь-Камаево. Три письма Боратынских к Соничке Энгельгардт в Москву (второе из публикуемых ниже датировано: 1 июня):

1. *Настасья Львовна* (без даты): «J'ai le coeur navré de douleur ma bonne mon excellente Sophie de notre séparation, il me semble que je ne vous ai jamais tant aimée, que Dieu vous protège et que nous nous revoyons bientôt, j'attendais Афанасий le lendemain et c'est le mari de Катинька qui nous a apporté votre billet le même jour, vous pouvez vous imaginer comme nous avons été contents j'ai relu votre billet et je porte dans mon coeur tout ce que vous me dites de si tendre, il ne faut pas s'affliger de ce qui a été, chacune conçoit d'avantage les défauts l'une de l'autre et c'est un lien aussi fort pour l'affection que les qualités mêmes. Soignez vous ma bonne amie, je crains que le séjour de Moscou où vous serez entraînée de côté et d'autre ne vous dérange <...> le pope nous voyant promener nous a forcés d'entrer chez lui et jamais il n'a été bête d'une manière plus embarrassante; il s'est mis à louer Papa, Maman, me dire que je suis une soeur de la misericorde и все так противно, что не было возможности терпеть, одно только утешение, что он пошел за вином а Евгений при попадье пернул et cela en sachant ce qu'il faisait puisqu'il m'a dit après что он не думал, что будет слышно; pour vous donner une idée dont il a été question de Maman c'est qu'il a dit что она была редкая мать et puis il a répété six fois мать en jetant sa tête tantôt d'un coté tantôt de l'autre. Les méchans Mariens n'écrivent pas je voudrais bien qu'il soit possible de ne pas aller chez eux, такое отвращение к ним ехать что ужас. Леушка вечером раскапризничался чтобы к тебе итти впрочем не особенно мил mais à notre grand étonnement il comprend beaucoup de Français grâce à Саша qui le force à répéter après elle toute sorte de choses <...> je ne sais comment vous ferez pour aller chez M-me Elaguin puisque vraisemblablement M-me Swerbééf est en confus <...> écrivez chaque poste de petites lettres. Adieu ma chère bonne Соничка <...> Chère chère Соничка дай Бог тебе здоровья». — *Боратынский*: «Ma chère ma bonne Sophie votre absence nous a laissé un vide affreux. Nous ne faisons que parler de vous le coeur plein de tristesse et d'affection. Cette année quelque rongeuse qu'elle ait été n'a fait que nous lier davantage et le profond chagrin que j'ai dans le coeur me prouve que nous ne pouvons vivre separés. Vous avez un coeur aimant mon excellente Sophie, ayez le confident et nous serons heureux et vous ne serez pas trompée. Adieu ma chère enfant je vous embrasse avec plus de tendresse qu'un <1 нрзб> des miens. Vous êtes l'enfant de mon coeur la soeur de mon choix. Comment faisions nous pour ne pas nous comprendre si souvent? Adieu que Dieu veille sur vous et vous conserve. On ne nous écrit pas de Mara, tant mieux nous nous verrons plutôt».

Перевод. *Настасья Львовна*: «Добрая, бесценная София, у меня сердце разрывается от того, что мы расстались, мне кажется, я никогда раньше тебя так не любила, да сохранит тебя Господь и даст нам скорее свидеться, я ожидала Афанасия на следующий день, и твою записочку вручил нам муж Катиньки в тот же день, можешь себе представить, как мы были рады; я перечитала твое письмо и ношу в сердце все нежные слова, которые ты мне говоришь. Не стоит терзаться по поводу того, что было, мы обе знаем наизусть все недостатки друг друга, и это привязывает не менее, чем самые достоинства. Лечись, мой добрый друг, я боюсь, как бы пребывание в Москве, где ты будешь у всех нарасхват, не повредило тебе. <...> Поп увидел, как мы прогуливались, и едва ли не силой заставил нас войти к нему в дом; никогда он еще не был настолько туп и надоедлив; он принялся превозносить папеньку, маменьку, говорил мне, что я добрая сестра, и все так противно, что не было возможности терпеть, одно только утешение, что он пошел за вином, а Евгений при попадье пернул, и не нечаянно, потому что после он мне сказал, что он думал, не будет слышно; чтобы дать тебе представление о том, как он говорил о маменьке, скажу, что он произнес, что она была редкая мать, и, покачивая головой из стороны в сторону, шесть раз повторил слово «мать». Гадкие марцы нам не пишут, хотелось бы мне, чтобы это позволило нам не ехать к ним, такое отвращение к ним ехать, что ужас. Ле<в>ушка вечером раскапризничался, чтобы к тебе итти, впрочем, не особенно мил, но, к нашему изумлению, много понимает по-французски, благодаря Саше, которая заставляет его твердить за ней все, что сама знает <...> не знаю, как ты поедешь к г-же Елагиной, потому что г-жа Свербеева, очевидно,

сконфужена. <...> пиши маленькие письма с каждой почтой. Прощай, милая, добрая Сничка <...> Милая, милая Соничка, дай Бог тебе здоровья». — *Боратынский*: «Моя милая, добрая Софи, твое отсутствие оставило нам томительную пустоту. Мы только и говорим, что о тебе, и наши сердца полны печали и любви. Этот год, каким бы мучительным он ни был, лишь привязал нас друг ко другу еще прочнее, и моя глубокая тоска служит доказательством того, что мы не можем жить порознь. У тебя любящее сердце, бесценная Софи, избери себе надежного друга, и мы будем счастливы, а ты сможешь не страшиться, что тебя обманут. Прощай, мое милое дитя, обнимаю тебя с большей нежностью, чем кого-либо из моих родственников. Ты дитя моего сердца, сестра моей избранницы. Как могли мы так часто не понимать друг друга? Прощай, да хранит тебя Господь. Из Мары к нам не пишут; тем лучше: мы сможем скорее увидеться».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 6—7 об. В углу л. 6 карандашная помета: «Конец мая — нач. июня 1832. Казан. губ». Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Датируется по упоминанию об отъезде С. Л. Энгельгардт в Москву (между 16 и 30 мая она уехала вместе с отцом Л. Н. Энгельгардтом из Казани).

2. *Настасья Львовна*: «<...> Nous avons dû venir à Kazan pour le procès qui probablement malgré cela n'en sera pas plus avancé, Annette me dit une chose qui m'a été très désagréable à cause de vous, c'est que les Горскин vont passer quelques mois à Penza, j'espère cependant que vous les trouverez encore à Moscou. <...> Киреевской annonce le mariage de Скарятин du 22 ainsi vous les trouverez mariés dépuis quinze jours; vous n'aurez pas l'occasion de voir Madame Elaguin puisqu'elle est à la campagne, mais vous direz au fils que j'envoie un marchepied à sa mère, je l'expedie aujourd'hui <...> Не проговорись папиньке, что мы в Казани». *Боратынский*: «1-r Juin. — Merci, моя душинька, pour ce que vous me dites de si tendre. Vous êtes ma chère enfant plus que jamais. Moi aussi je ne prends presque plus de. Depuis que vous êtes partie je n'en ai pris qu'en juste de <1 нрзб>. Je vous écris avec un mal de tête <1 нрзб> qui n'est pas la suite d'une orgie, mais de quarante verstes que nous avons fait à Kazan, car nous nous sommes déjâ établis à Князь-Камаево. On ne m'écrit pas de Mara et tant mieux: nous pourrons venir plutôt à Moscou. Je ne me surprend plus à pénétrer à la tutelle, c'est un signe que <1 нрзб> se fera et si elle ne fait pas, je sais que je n'en serai pas aussi fâché que je le pensais d'abord. Adieu ma bonne amie. Целую тебя от всей души». —

Перевод. *Настасья Львовна*: «Нам пришлось приехать в Казань для судебного процесса; однако, несмотря на это, он едва ли продвинется. Аннета рассказала мне весьма неприятную для тебя новость: Горскины приедут на несколько месяцев в Пензу, надеюсь, впрочем, что ты еще застанешь их в Москве. <...> Киреевской извещает нас о женитьбе Скарятина, бывшей 22 числа, так что ты найдешь их вступившими в супружество уже две недели назад; ты не сможешь увидеть госпожу Елагину, ибо она в деревне, но скажи ее сыну <И. В. Киреевскому>, что я посылаю стремянку его маменьке, отправлю ее сегодня <...>». — *Боратынский*: «1-го июня. Благодарю, моя душинька, за все нежные слова, сказанные тобою. Ты стала мне еще дороже, чем прежде, милое мое дитя. С тех пор, как ты уехала, я тоже почти не принимаю <1 нрзб>. Пишу тебе с головною болью, но это следствие не оргии, а сорока верст, которые нам пришлось проделать до Казани, потому что мы уже обосновались в Князь-Камаево. Из Мары ко мне не пишут, и тем лучше: мы сможем поскорее вернуться в Москву. Я более не стараюсь проникнуть в опеку; это знак того, что <нрзб> случится, если ж нет, я знаю, что не рассержусь на это так сильно, как предполагал. Прощай, мой добрый друг».

РГАЛИ. Ф. 349. Оп. 1. № 175. Л. 40—41 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Свадьба Ф. Я. Скарятина и Е. П. Озеровой состоялась 22 мая 1832 г. Горскины (Горсткины) — это Иван Николаевич (1798—1876) и Евгения Григорьевна, урожд. Ломоносова.

3. *Настасья Львовна*: «J'espère avoir de vos nouvelles aujourd'hui, ma chère amie, comptant que vous avez écrit le mercredi qui est la poste de Kazan et vraisemblement des chemins. Je vous envoie le sot livre et puis encore les deux autres de la même nature. La physiologie du mariage nous fait trouver la clef de toutes les farces du blond et de sa haine aux femmes, il n'a pas même le mérite d'avoir fait la clef lui-même, au reste c'est un

ouvrage à ôter le goût du mariage au plus désireux et je ne doute pas qu'il l'ait donné dans le temps à Bourse <...> Adieu ma chère Sophie, écrivez longuement et commèrement sur la parenté, les amis et ennemis. Je vous embrasse». — *Боратынский*: «Nastinka a pris à elle toute la monopolie des détails et il ne me reste, ma bonne amie, qu'à vous embrassez bien tendrement. Je suis pour le moment tout occupé de mon administration villageoise, pour pouvoir renvoyer Яшка le plutôt possible selon le désir de papa. Vous pouvez donc vous imaginer quelle tension de nerfs cela me vaut. Adieu ma bonne Sophie, Dieu veuille que vous ayez toute la patience dont vous avez besoin et surtout que la providence vous envoie quelques petites distractions agréables».

Перевод. *Настасья Львовна*: «Я надеюсь сегодня получить от тебя новости, милый мой друг, рассчитывая на то, что ты написала в среду — почтовый день на Казань, и, разумеется, на то, что дороги не слишком плохи. Посылаю тебе одну глупую книгу и еще две других в таком же роде. «Физиология брака» <сочинение О. де Бальзака; первое издание — Париж, 1829> дает нам ключ ко всем выходкам белокурого господина и к его ненависти к женщинам, он не может похвалиться даже тем, что сам нашел этому объяснение. В остальном же это сочинение способно вовсе отбить охоту жениться, то же можно сказать и о «Кошельке» <также сочинение Бальзака> <...> Прощай, милая Софи, пиши длинные и полные сплетен письма о родственниках, друзьях и недругах. Обнимаю тебя». — *Боратынский:* «Настинька присвоила себе право излагать все подробности, и потому мне, любезный друг, остается только нежно тебя обнять. Сейчас я очень занят сельским управлением, потому что хочу как можно скорее отослать назад Яшку, согласно желанию папеньки <Л. Н. Энгельгардта>. Можешь вообразить, какого напряжения нервов мне это стоит. Прощай, моя добрая Софи, дай тебе Бог терпения, в котором ты так нуждаешься, и да пошлет тебе Провидение маленькие приятные развлечения».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 38—39 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Обосн. даты см. в примеч. к пред. двум письмам.

ИЮНЬ, первая половина (?). Казань. Боратынский — Киреевскому в Москву (ответ на несохранившееся письмо — без даты): «Ты мне развил мысль свою о басне с разительною ясностию. Мне бы хотелось, чтоб ты написал статью об этом. Мысль твоя нова и, по моему убеждению, справедлива: она того стоит. Я берегу твои письма, и когда мы увидимся в Москве, я отыщу те два, в которых ты говоришь о басне. Ты перенесешь сказанное в них в твою статью, ибо мудрено выразиться лучше. Ты необыкновенный критик, и запрещение «Европейца» для тебя большая потеря. Неужели ты с тех пор ничего не пишешь? Что твой роман? Виланд, кажется, говорил, что ежели б он жил на необитаемом острове, он с таким же тщанием отделывал бы свои стихи, как в кругу любителей литературы <слова Виланда, сказанные Карамзину — см. «Письма русского путешественника», письмо 24>. Надобно нам доказать, что Виланд говорил от сердца. Россия для нас необитаема, и наш бескорыстный труд докажет высокую моральность мышления. Я прочитал здесь «Царя Салтана» <Пушкина>. Это — совершенно русская сказка, и в этом, мне кажется, ее недостаток. Что за поэзия — слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-птицу? И что это прибавляет к литературному нашему богатству? Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде или соберем их в одно полное целое, которое настолько бы их превосходило, сколько хорошая история превосходит современные записки. Материалы поэтические иначе нельзя собрать в одно целое, как через поэтический вымысел, соответственный их духу и по возможности все их обнимающий. Этого далеко нет у Пушкина. Его сказка равна достоинством одной из наших старых сказок — и только. Можно даже сказать, что между ними она не лучшая. Как далеко от этого подражания русским сказкам до подражания русским песням Дельвига! Одним словом, меня сказка Пушкина вовсе не удовлетворила. Прощай, поздравь от меня Свербеева и жену его. Пиши мне по-старому в Казань. Я не знаю, долго ли здесь

пробуду. В июле постараюсь быть в Москве, чтобы увидеть Жуковского и скорее тебя обнять, но можно ли будет, еще не знаю».

ТС. С. 48—49 (дата: июнь 1832). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 73—74 об. Ограничиваем датировку первой половиной июня, т. к. в 20-х числах месяца Боратынский уехал из Казани.

ИЮНЬ, до 13. Князь-Камаево. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Я все еще в моей Казанской деревне и не знаю, когда выеду. Пишу к тебе, чтоб не пропустить почты, по нашему условию. Когда решусь ехать, я тебя уведомлю, а покуда пиши на старый адрес. Прощай, обнимаю тебя. — Е. Боратынский».

ТС. С. 37 (дата: 13 июня 1832 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 69—69 об.

ИЮНЬ, до 19. Казань. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Пишу тебе в последний раз из Казани, 19-го числа я выезжаю в Тамбов. Адресуй мне теперь свои письма: Тамбовской губернии, в город Кирсанов. Что ты мне говоришь о Hugo и Barbier заставляет меня, ежели можно, еще нетерпеливее желать моего возвращения в Москву. Для создания новой поэзии именно недоставало новых сердечных убеждений, просвещенного фанатизма: это, как я вижу, явилось в Barbier. Но вряд ли он найдет в нас отзыв. Поэзия веры не для нас. Мы так далеко от сферы новой деятельности, что весьма неполно ее разумеем и еще менее чувствуем. На европейских энтузиастов мы смотрим почти так, как трезвые на пьяных, и ежели порывы их иногда понятны нашему уму, они почти не увлекают сердца. Что для них действительность, то для нас отвлеченность. Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм — наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себе. Вот покаместь наше назначение. Может быть, мы и вздумаем подражать, но в этих систематических попытках не будет ничего живого, и сила вещей поворотит нас на дорогу, более нам естественную. Прощай, поклонись от меня твоим. Когда-то я попрошу тебя нанять себе дом в Москве! Когда-то мы с тобой просидим с 8 часов вечера до трех или четырех утра за философическими мечтами, не видя, как летит время! Однажды в Москве надеюсь долго с тобой не разлучаться и дать своей жизни давно мною желанную оседлость».

ТС. С. 47—48 (дата: 20 июня 1832 — по штемпелю); т. к. в самом письме сказано об отъезде 19 июня, датировка изменена. Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 71—72 об.

ИЮНЬ, до 19. Казань. Боратынские — Соничке Энгельгардт в Москву (без даты): *Боратынский*: «Nous allons à Mara, ma bonne Sophie, et j'en suis assez content, car ce voyage était inévitable ou pour cette année ou pour l'autre, et plus il aurait été retardé plus il aurait été désagréable. Vous ne pouvez vous faire d'idée des rages que me donnait de tems en tems la conduite de maman à mon égard, et comme l'indignation et le sentiment des égards dûs à ma mère se combattaient en moi. La lettre de maman que vous lirez ôte au moins à nos relations cette couleur Ratcliffique, Melmothique et surtout indécente qu'elles pouvaient prendre et nous en serons avec elle à une honnête politesse. Nous devons partir d'ici le 19. Nous prendrons la poste et pour le 26 ou 27 nous serons déjà au milieu de l'excellente famille. Adieu mon ange. Les choses se sont arrangées de manière que nous nous verrons quinze jours plus tard mais ce que peut en consoler c'est que nous serons libres pour l'année prochaine et pour plusieurs autres. Ajoutez à cela que nos lettres vont devenir sensiblement intéressantes. Je vous embrasse ma chère et bonne amie du plus profond de mon coeur. Embrassez pour moi la petite Сокичка si vous en avez le courage. Portez vous bien écrivez nous aussi souvent que jusqu'ici». — *Настасья Львовна*: «Je vous envoie la lettre qui s'est fait tant attendre et désirer, de même que son

pendant; comme vous n'y songerez pas, je vous avertis que nous avons fini par y découvrir une contradiction qui prouve que sans la pompeuse annonce de Herquin à la suite de la lettre d'Eugène nous n'aurions pas eu de reponse. Serge dit que Maman nous a écrit quand tout à coup Herquin est venu nous annoncer, et la lettre de Maman prouve qu'elle n'a écrit que lorsqu'elle a vu que nous attendions sa lettre pour arriver, au moins nous savons à quoi nous en tenir et si Maman feint de ne pas se soucier d'une explication, c'est une bonne raison pour ne pas la rechercher; je suis bien contente que tout s'arrange ainsi; Eugène n'aurait pas été tranquille sans ce voyage à Mara qui aurait été à recommencer avec les mêmes désagrémens; attendez vous donc à des lettres intéressantes <...> nous ne comptons rester à Penza qu'un seul jour <...> nous avons l'intention de prier Мерзлюкин qu'il nous envoie toutes les lettres qui nous viendront, droit à Кирсанов. Adieu donc ma chère amie que le bon Dieu vous protège».

Перевод. *Боратынский*: «Мы отправляемся в Мару, любезная Софи, и я вполне этим доволен, ибо это путешествие было неизбежно в этом или следующем году, и чем долее оно откладывалось бы, тем более неприятным бы стало. Ты не можешь представить себе ни того, какую жестокую боль причиняет мне поведение маменьки по отношению ко мне, ни того, как борются во мне негодование и чувство почтения, которое я обязан питать к ней как сын. Ее письмо, которое ты прочтешь, по крайней мере снимает с наших отношений тот налет ратклифичности, мельмотичности и особенно непристойности, который они могли приобрести, и мы будем с нею вежливо обходительны. Мы должны выехать отсюда 19. Возьмем почтовых лошадей и 26 или 27 числа окажемся в объятиях достолюбезного семейства. Прощай, мой ангел. Все устроилось так, что мы увидимся двумя неделями позже, но станем утешаться тем, что на несколько лет вперед мы будем свободны. Прибавь к этому, что наши письма будут весьма занимательны. Обнимаю тебя, милый, добрый друг, от всего сердца. Поцелуй за меня маленькую Соничку, если отважишься. Будь здорова, пиши нам так же часто, как и до сих пор». — *Настасья Львовна*: «Пересылаю тебе письмо, которое заставило столько себя ждать и желать того же, что и то, к которому оно прилагается; тебе, конечно, и в голову не придет, что мы, наконец, обнаружили в нем противоречие, которое доказывает, что если бы Геркен столь напыщенно не уведомил их вслед за письмом Евгения, мы не дождались бы ответа. Сергей говорит, что маменька нам писала, когда вдруг появился Геркен со своим известием, и ее письмо доказывает, что она не писала до тех пор, пока не увидела, что мы ожидаем ее письма, чтобы приехать; по крайней мере, мы знаем, как нам себя вести, и если маменька станет делать вид, что не хочет обременять себя каким-либо объяснением, это будет прекрасным поводом, чтобы и мы его не искали; я рада, что все устраивается таким образом: Евгений не был бы спокоен без этой поездки в Мару, которую все равно надо было предпринять с тем же отвращением, так что ожидай любопытных писем <...> мы предполагаем пробыть в Пензе один только день <...> мы собираемся просить Мерзлюкина, чтобы он переправлял нам все письма, которые придут после нашего отъезда, прямо в Кирсанов. Прощай же, милый друг, да сохранит тебя милостивый Господь».

Хетсо. С. 173 (фрагмент). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 10—11 об. Датируется по содержанию. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

ИЮНЬ, 19 или начало 20-х чисел. Боратынский с женой, сыном и двумя дочерьми выезжает из Казани в Мару.

ИЮНЬ, 26. Боратынский с семейством останавливается на пути в Мару — в Пензе. Здесь он проводит несколько дней, встречается с Д. В. Давыдовым, также оказавшимся в Пензе, а затем по неизвестным нам причинам внезапно отменяет поездку в Мару и отправляется в Москву. — Подробности см. далее: авг., вт. пол., письмо к Вяземскому.

ИЮЛЬ, начало месяца. Боратынский с семейством в Муранове.

ИЮЛЬ—АВГУСТ (?). Мураново (?). Письмо Боратынского — Киреевскому в Москву: «Вот тебе Lapidaire, которого я все забывал отослать. Свояченица моя <С. Л. Энгельгардт> тебе скажет, почему я тебе не писал с нею. Оправдание отменно убедительное, и которым или в роде которого я воспользуюсь при родствен-

ных переписках. Говоря дельно, я не писал тебе до сих пор не потому, что тебя забыл, не потому, что мне нечего было тебе сказать, а потому, что я предпочитаю разговоры переписке и надеюсь скоро с тобою увидеться. Начал писать мой роман, но дело идет мешкотно. Я отвык от работы, отвык от долгого внимания. В мыслях моих нечто кочевое, отзыв жизни, которую я вел до сего времени. Вздыхаю по жизни более оседлой, по моей московской квартире, из которой ежедневно до 3-х часов не буду выходить ни на шаг и заставлю свой ум снова любить последовательность, постоянство в думах. Прощай, поклонись от меня Одоевскому, который мне очень по сердцу. Обнимаю тебя. Извини мою прежнюю <лень> и не приписывай ничему, кроме ей, редкость моих писем. — Е. Боратынский».

ТС. С. 53—54 (дата: 1831—1833); Изд. 1987. С. 252 (дата: Мара. Конец 1833 — начало 1834 ?). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 48—49 об. Обосн нашей даты: 1) упоминание имени В. Ф. Одоевского, приезжавшего в Москву летом 1832 г.; 2) упоминание С. Л. Энгельгардт (это позволяет думать, что письмо отправлено не из Мары, куда С. Л. Энгельгардт никогда не ездила); 3) упоминание о работе над романом (о романе см. также; 1832, окт., 12).

ИЮЛЬ (?)........ АПРЕЛЬ(?) 1833 г. Записка Боратынского Киреевскому (без даты): «Отсылаю тебе «Contes brunes» <«Темные истории»>, кажется, в том виде, в каком получил, и надеюсь, что Чадаев на тебя не будет сердиться. Хотя они не стоят «Scènes <de la vie> privées» <«Сцены частной жизни» Бальзака>, но все видна кисть мастера и взгляд человека, принадлежащего к малому числу своеобразных мыслителей. Надеюсь сдержать слово и скоро с тобой увидеться... Прощай. Я и жена сердечно благодарим тебя за твое братское гостеприимство. Усердно тебя обнимаю. — Е. Боратынский».

ТС. С. 56 (дата: 1834—1835); Изд. 1987. С. 253—254 (дата: середина 1830-х). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 95—96. Принятая в прежних публикациях датировка изменена потому, что «Contes brunes» вышли в 1832 г. (анонимно в Париже и под именем Бальзака в Брюсселе) и, соответственно, были новинкой в 1832—1833 гг., а не позднее. Записка написана явно после приезда Боратынского из Казани в Москву, т. е. не ранее июля 1832 г., но до его отъезда в Мару в мае 1833 г.

АВГУСТ, 5. Тюрьма г. Свеаборга. Кюхельбекер записывает в дневник: «<...> Замечания <Вальтера> Скотта о его подражателях очень справедливы и оправдываются тем, что испытал и наш Пушкин. Люди с талантом, не одинаковой степени, но все же с талантом, — Баратынский, Языков, Козлов, Шишков младший, — и другие, вовсе без таланта, умели перенять его слог; до Пушкина, правда, никто из них не дошел, но все и каждый порознь нанесли вред Пушкину, потому что публике наконец надоел пушкинский слог».

Кюхельбекер. Изд. 1979. С. 169.

АВГУСТ, вторая половина (?). Мураново. Боратынский — Вяземскому в Петербург (письмо без даты): «Не доезжая до тамбовской деревни, куда мне была дорога, обстоятельства заставили меня вдруг повернуть в Москву, и таким образом я разъехался с вашею посылкою, которая теперь в руках моего брата <Сергея> и будет мне доставлена им самим только зимою. Я истинно был тронут этим знаком вашей памяти. Я видел в нем внимание к связи отдаленной, но в которой вы справедливо полагаете много душевного. Я провел несколько дней в Пензе, куда предо мною приехал Д. Давыдов. Это было в самую ярмарку. Гуляя по рядам, где и вы гуляли третьего году <в 1828 г.>, мы много о всем говорили, и я досадовал на судьбу, которая, выбирая не в пору, привела меня двумя годами позже или вас двумя годами раньше в Пензу. Между многими из ваших знакомых, кажется, всех живее вас помнит хорошенькая Золотарева <Евгения Дмитриевна, тогда еще барышня 20 лет>. Навестил я воспетую вами головку: она стоит ваших стихов и

своей славы <стих. Вяземского «Простоволосая головка», 1828: адресовано Пелагее Николаевне Всеволожской>. О Москве мне сказать вам нечего. Я живу в подмосковной и приезжаю в город изредка и случайно. В последнюю мою поездку я познакомился с княг. Одоевской <Ольгой Степановной, женой В. Ф. Одоевского>, которая мне показывала стихи ваши Авроре Шернваль <«Песня»: «Нам сияет Аврора...>, которая была некогда и моей вдохновительницей. Судя по ним, она все еще заслуживает свое имя и как прежде румяна и блистательна. Когда я вас увижу? И так как <зачеркнуто> провела зиму в Петербурге, следственно, и вы его не скоро покинете. Будьте по крайней мере мыслию в Москве. Проживать можно где хочешь и где судьбе угодно, но жить надобно дома. Прощайте, любезный князь, еще раз благодарю вас за вашу память. Убеждение в приязни вашей одна из моих потребностей. — Е. Боратынский».

Вестник всемирной истории. 1990. № 6. С. 85—86 (с неточной датой: июль — авг. 1830; та же дата в Изд. 1987. С. 195). — Дата уточнена по содержанию письма: именно летом 1832 г. Боратынский, собиравшийся было ехать из Казани в Мару (см. выше его майско-июньские письма Киреевскому), мог повернуть с полдороги в Москву; летом же 1830 г. Боратынский, по всей видимости, дальше Муранова не ездил, а Вяземский в тот год вернулся в Москву уже 14 авг. (см.: *Вяземский*. Изд. 1963. С. 191). — Письмо отправлено не ранее 15—16 авг. 1832, ибо 20 авг. (см. след. дату) Вяземский еще не имел никаких известий о Боратынском. — В примечании публикатора письма И. А. Шляпкина к зачеркнутому имени означено: «далее старательно зачеркнуто как будто Нат... Бул...».

АВГУСТ, 20. Петербург. Вяземский — А. А. Муханову в Москву: «<...> В Москве ли Евгений Баратынский? Обнимите за меня, когда увидите. У Закревской была крошечная холерочка, но Бог вынес <...>».

Сб. Щ. Вып. 9. С. 410.

СЕНТЯБРЬ, 21. В Москву приезжает Пушкин (до начала октября). При встречах с Боратынским Пушкин, видимо, обещает ему поговорить по возвращении в Петербург с А. Ф. Смирдиным об издании нового собрания стихотворений Боратынского (см. далее: дек., 2).

СЕНТЯБРЬ, между 28 и 30. Москва. Пушкин — жене в Петербург: «<...> Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякой день видимся».

Пушкин. Ак. Т. 15. С. 37. Видимо, Н. Н. Пушкина полагала, что размеренный семейный быт Боратынского благотворно воздействует на Пушкина (о распорядке жизни Боратынских см. далее в письме С. Л. Пушкина к О. С. Павлищевой: 1833, март, 16).

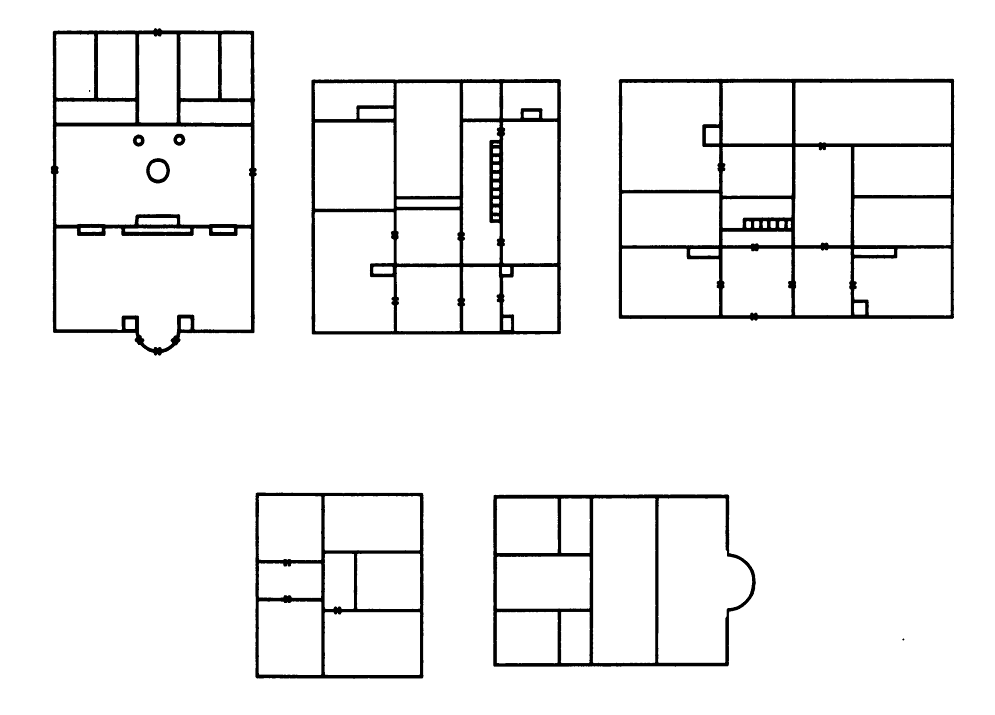
ОКТЯБРЬ (?) — ЯНВАРЬ (?) 1833 г. Москва. Боратынский готовит свои произведения для отдельного издания (Изд. 1835).

Помимо уже опубликованных прежде текстов в новое собрание впервые включены стихотворения, написанные, видимо, в 1831—1832 гг. Приводим их в том порядке, в каком они были опубликованы в Изд. 1835: **«Наслаждайтесь; все проходит...»** (№ VII); **«К чему невольнику мечтания свободы?..»** (№ XI); **«Храни свое неопасенье...»** (№ XLIV) (в копиях Н. Л. Боратынской, Изд. 1869 и Изд. 1884 загл.: «Монастырке» — адресат неизвестен); **«Когда исчезнет омраченье...»** (№ LXVI). **«А. А. Ф...ой»** <Фуксовой> («Вы дочерь Евы, как другая...» (№ LXXXIII) (В Изд. 1884 разночтения в 1-й строке: «Вы ль дочерь Евы, как другая...»); **«Я не любил ее, я знал...»** (№ XCVI) (др. ред.: «Я не любил ее, я ведал, что другая...» — *Сушков* 1848. С. 58), **«Болящий дух врачует песнопенье...»** (№ XCIX); **«О мысль! тебе удел цветка...»** (№ CVII) (с разночтениями — в Изд. 1884); **«Мадона»** (№ CX) (с разночтениями в Изд. 1884); **«О верь: ты, нежная, дороже славы мне...»** (№ CXI) (обращено к жене Настасье Львовне; с разночтением — в Изд. 1914—1915. Т. 1); **«Мой неискусный карандаш...»** (№ CXIII) (с разночтениями — в Изд. 1914—1915. Т. 1); **«Есть милая страна, есть угол на земле...»** (№ CXVII) (в Изд. 1884. С. 216 — примеч.: «Описание сельца Мураново»; в Изд. 1936. Т. 2. С. 135—136 — др. ред.: «Есть вожделенный край, есть угол на земле...»); **«На**

смерть Гете» (№ CXIX) (опубл. также в «Новоселье» — см. 1833, февр., 1); **«К. А. Тимашевой»** («Вам все дано с щедротою пристрастной...») (№ CXX); **«Где сладкий шепот...»** (№ CXXII) (с разночтением — в Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 128—129); **«Весна, весна! Как воздух чист!..»** (№ CXXV); **«Своенравное прозванье...»** (№ CXXVI) (опубл. также в «Новоселье»: **«Кольцо. С. Э—т»** — см. 1833, февр., 1); **«Бывало, отрок, звонким кликом...»** (№ CXXXI) (см. выше: 1831, сент., до 21). — Кроме того, включено также стих. **«При посылке Бала С. Э.»** <С. Л. Энгельгардт> (№ CXIII) — написано, видимо, в конце 1828 г.

Время работы над рукописью Изд. 1835 указано предположительно. Ясно лишь, что в феврале 1833 г. рукопись уже находилась в Петербурге, где 7 и 14 марта проходила через цензуру.

Наверное, к этому периоду относится новая редакция **«Признания»** и черновой набросок **«Не растравляй моей души...»** (очевидно, это попытка переправить «Разуверение»; впервые опубл.: Изд. 1914—1915. Т. 1. С. 142); основание датировки — водяной знак на бумаге, где записан текст стихов: 1832. На тех же листах — планы дома:

Там же, среди черновиков «Признания», план хозяйственной деятельности, относящийся, видимо, к Каймарам: «1-е. Нужно выбрать хорошего старосту, знающего поля и порядочного. 2-е. Распланировать место для дома и амбара хлебного и начать работать амбар. 3-е. Гумно по выбранному месту по сходе снега окапывать. Скотный двор строить на низменном <?> месте, для <нрзбр> маленьких телят две избы нужно построить. 4-е. Овины плетеные строить. 5-е. Ригу необходимо к осени выстроить» (ПД. № 21.717).

ОКТЯБРЬ, 12. Москва. П. В. Киреевский — Н. М. Языкову; «<...> Баратынский теперь совсем поселился в Москве, живет своим домом и пишет роман, который он скоро думает кончить <...>».

П. Киреевский. Изд. 1935. С. 25.

ОКТЯБРЬ, 26. Москва. У Боратынских родился сын Дмитрий.

Дата: РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. № 1044. Л. 4 (формулярный список Д. Е. Боратынского).

ДЕКАБРЬ, начало месяца (?). Москва. Боратынский договаривается с петербургским книгопродавцем А. Ф. Смирдиным об издании собрания своих стихотворений (см. далее: дек., 2; дек., вт. пол.). Видимо, уже весной 1833 г. права на издание были перепроданы московскому книгопродавцу А. С. Ширяеву.

Извлечение из «Реэстра книгам, печатаемым на собственное иждивение книгопродавца Смирдина в 1833 году»: «Стихотворения Евгения Баратынского, 3 части, <число листов> 45, <число экземпляров> 2000, за право оригинала 7000 <руб.>, <издержки для печатания> 5000 <руб.>, <цена продажная> 12 <руб.>» (*Светлов* 1984. С. 123).

ДЕКАБРЬ, 2. Петербург. Пушкин — Нащокину в Москву: «<...> Скажи Баратынскому, что Смирдин в Москве и что я говорил с ним о издании *полных Стихотворений Евг. Баратынского.* Я говорил о 8, и о 10 тыс., а Смирдин боялся, что Баратынский не согласится; следственно Бар<атынский> может с ним сделаться. Пускай он попробует <...>».

Пушкин. Ак. Т. 15. С. 37.

ДЕКАБРЬ, вторая половина — ЯНВАРЬ 1833 г. (?). Москва. Боратынский — Вяземскому в Петербург (письмо без даты): «Письмо это отдаст вам мой брат <какой именно — неизвестно>, которого прошу вас, любезный князь, принять в свое благоволение. Литературные связи иногда стоют кровных, и я препоручаю его вам, доверяясь вполне этой мысли. — Долго не отвечал я на ваше милое, дружеское письмо, но глубоко вам за него признателен <письмо Вяземского неизвестно>. Вы недостаете Москве <с 1833 г. Вяземский окончательно переехал в Петербург>. Нет общества, в котором бы вас не вспоминали и не сетовали на ваше отсутствие. Я познакомился с старым вашим знакомым М. Орловым <генерал-майором, декабристом> и с отменно любезной женой его. В кругу, который некогда был вашим привычным, еще чувствительнее ваше удаление. Д. Давыдов прислал мне начало вашего послания к нему, в котором вы поэтически подделались к его слогу. Он думает недели на две прискакать в Москву. Не решитесь ли и вы последовать его примеру и пригласить с собою Пушкина? Тогда слово будет делом, тогда

Будут дружеской артели
Все ребята налицо.

Я не пишу ничего нового и вожусь с старым. Я продал Смирдину полное собрание моих стихотворений. Кажется, оно в самом деле будет последним и я к нему ничего не прибавлю. Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрело. — Засвидетельствуйте мое почтение княгине <жене Вяземского> и верьте моей всегдашней вам преданности. — Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 5. С. 53—54 (дата: дек. 1832). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 26—27. Адрес: «Его Сиятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому». Вряд ли письмо написано ранее середины декабря — времени, когда Боратынский уже продал свои стихи Смирдину. В письме цитируются в слегка измененном виде строки из упомянутого послания Вяземского «К старому гусару».

ДЕКАБРЬ, 20. Москва. Боратынский с женой и родители Пушкина — Сергей Львович и Надежда Осиповна — званы на обед к Сонцовым.

Мир Пушкина. Т. 1. С. 120 (Н. О. Пушкина — О. С. Пушкиной, 19.12. 1832: « <...> Завтра день твоего рождения, мы у них <Сонцовых> обедаем, ради нас они приглашают Евгения Баратынского и его жену <...>»). Ольга Сергеевна Павлищева (Пушкина) была в большой дружбе с Настасьей Львовной.

1833

Боратынский в Москве (до 17 мая), в Маре (июнь — август), в Казани и Каймарах (сентябрь, до 7), снова в Маре (с 10-х чисел сентября до конца года).

ЯНВАРЬ. Москва. Боратынский, Киреевский, Кошелев, Мельгунов, Свербеев, Хомяков, Чаадаев, Шевырев собираются издать к Пасхе альманах «Шехерезада». Инициатор издания — Мельгунов (см. далее: янв., 17; февр., до 3). — Издание не состоялось.

ЯНВАРЬ, 17. Москва. Мельгунов — А. В. Веневитинову в Петербург: «<...> Пишу к тебе с двоякою целию: 1) возобновить с тобою переписку <...>; 2) предложить тебе быть вкладчиком в общий наш альманах, который имеет быть издан к будущей Святой неделе и где участниками все наши. <...> Свербеев, Баратынский, Киреевский, Кошелев, Хомяков, Шевырев, я, мы все участвуем <...>. — Мы все здесь переболели гриппом; Киреевский был запевалой перхотного хора: он занемог едва ли не первый в городе; теперь моя очередь, и я пишу к тебе под аккомпанемент кашля. Впрочем, это не мешает нам собираться по пятницам у Свербеевых, по воскресеньям у Киреевских, иногда по четвергам у Кошелевых и время от времени у Баратынского. Два, три раза в неделю мы все в сборе; дамы непременные участницы наших бесед, и мы проводим время как нельзя веселее: Хомяков спорит, Киреевский поучает, Кошелев рассказывает, Баратынский поэтизирует, Чаадаев проповедует или возводит очи к небу, Герке дурачится, Мещерский молчит, мы остальные слушаем; подчас наша беседа оживляется хором цыган, танцами, беганьем взапуски <...>».

Кирпичников 1898. С. 314.

ЯНВАРЬ, вторая половина. В Москве — казанская знакомая Боратынских А. А. Фукс. См. ее письмо к мужу о московской литературной жизни: « <...> Вечер я провела у Баратынских очень приятно, потому что сей вечер был литературный. Г. Хомяков читал свою трагедию: «Димитрий Самозванец»; она написана прекрасно; совсем другие сцены, нежели какие мы читали прежде. После чтения Баратынский познакомил меня с Хомяковым. Этот поэт много уже написал хорошего. Ученых было на вечере немного, а из дам только я и Софья Львовна <Энгельгардт>».

Бобров 1904. С. 509. См. также след. дату.

ЯНВАРЬ, 20. Москва. А. А. Фукс — К. Ф. Фуксу в Казань: «Сегодняшний день я причислю к приятнейшим дням моей жизни: я целый день была в восхищении! Я поутру оделась, чтобы ехать к Энгельгардтам и к Баратынским, но они, не дождавшись моего визита, приехали ко мне сами, даже Лев Николаевич Энгельгардт, несмотря на слабое свое здоровье, был у меня. Я очень дорого ценю их ко мне внимание и дружбу. Признаюсь, я до слез была растрогана. Ты знаешь, как

много я их всегда любила; но мне кажется, что они стали еще ближе к моему сердцу <...> Вечер я провела у Баратынских, где познакомилась с Киреевским <...>».

Бобров 1904. С. 509.

ФЕВРАЛЬ, 1. Петербург. Ценз. разр. альманаху Смирдина «Новоселье» (СПб., 1833) со стих. **«На смерть Гете»** (С. 179—180; подпись *Е. Баратынскiй*; перепечатано в Изд. 1835) и **«Кольцо. С. Э—т»** <С. Л. Энгельгардт> (**«Дитя мое, — она сказала...»**) (С. 351—352; подпись *Е. Баратынскiй*; с разночтениями вошло в Изд. 1835).

ФЕВРАЛЬ, до 3. Москва. Боратынский — Вяземскому в Петербург: «Наша московская литературная братия задумала издать альманах к светлому празднику, и мне препоручено, любезный князь, просить вашего содействия. Подайте нам руку помощи во имя Москвы, вами любимой. Здешние вкладчики — Киреевский, Языков, Чадаев (в переводе), я и несколько других молодых людей, вам незнакомых, но которых, может быть, выгодно с вами познакомить. Попросите Пушкина нас не оставить и дать хоть безделицу в знак товарищества. Вероятно, у вас бывает Гоголь, автор «Вечеров на Диканьке», и наверное он часто видится с Пушкиным. У него много в запасе. Попросите у него от всех нас посильной вкладчины. Не забудьте и Козлова. Одним словом, похлопочите об нас с дружеским радушием. Надеюсь на вашу любовь к Москве, к литературе, а я несколько полагаюсь на ваше доброе расположение к некоторым из участников. Прошу вас поклониться от меня Пушкину. Я ему очень благодарен за участие, которое он принял в продаже полного собрания моих стихотворений. Я ему обязан тем, что продал его за семь тысяч вместо пяти. — Прощайте, любезный князь, от души желаю вам всего лучшего. Адрес мой: у Арбатских ворот, в доме Загряжского. — Е. Боратынский».

ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 545. Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5082. Л. 164—165. Датировка по штемпелю.

ФЕВРАЛЬ, 3. Петербург. Умер Н. И. Гнедич.

ФЕВРАЛЬ, 6. Петербург. Вяземский — А. И. Тургеневу в Рим: «Сейчас получаю письмо из Москвы от Боратынского, который объявляет мне от своего имени и имени московской литературной братии о предполагаемом ими альманахе к Светлому Воскресению. <...> Если что изготовишь, пошли им прямо в Москву <...>».

ОА. Т. 3. С. 220.

МАРТ, 7. Петербург. Ценз. разр. изданию **«Стихотворения Евгения Баратынского»** (выйдут в апреле 1835 г.). Состав издания:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. I. **Финляндия.** II. **«Порою ласковую Фею...».** III. **«Завыла буря; хлябь морская...»**<сделаны ценз. купюры — см. март, 14>. IV. **«Я возвращуся к вам, поля моих отцов...».** V. **«Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...».** VI. **«О счастии с младенчества тоскуя...».** VII. **«Наслаждайтесь; все проходит!..».** VIII. **«Люблю я красавицу...».** IX. **Лета** («Душ холодных упованье...»). X. **«Расстались мы; на миг очарованьем...».** XI. **«К чему невольнику мечтания свободы?..»** <сделаны ценз. изменения — см. март, 14>. XII. **«Рассеивает грусть пиров веселый шум...».** XIII. **Песня** («Страшно воет, завывает...»). XIV. **«Приманкой ласковых речей...».** XV. **Падение листьев.** XVI. **«Любви приметы...».** XVII. **«Зачем, о Делия! сердца младые ты...».** XVIII. **«Когда б избрать возможно было мне...».** XIX. **«Где ты, беспечный друг? где ты, о Дельвиг мой...».** XX. **«Желанье счастия в меня вдохнули боги...».** XXI. **«Мне с упоением заметным...».** XXII. **Цветок** («С восходом солнечным Людмила...»). XXIII. **«Что пользы вам от шумных ваших прений...».** XXIV. **«Сердечным нежным языком...»** <сделана ценз. замена слова — см. март, 14>. XXV. **Языкову** («Бывало, свет позабывая...»). XXVI. **«Он близок, близок день свиданья...».** XXVII. **«Перелетай к веселью от веселья...».** XXVIII. **«Итак, мой милый, не шутя...».** XXIX. **«Мила, как**

Грация, скромна...». XXX. «В дорогу жизни снаряжая...». XXXI. «Глупцы не чужды вдохновенья...». XXXII. «Когда неопытен я был...». XXXIII. Г—чу <Н. И. Гнедичу> («Враг суетных утех и враг утех позорных...»). XXXIV. «Неизвинительной ошибкой...». XXXV. «Дало две доли Провидение...». XXXVI. «Один, и пасмурный душою...». XXXVII. «В борьбе с тяжелою судьбой...». XXXVIII. Лутковскому («Влюбился я, полковник мой...»). XXXIX. «Когда, печалью вдохновенный...». XL. «Нет, обманула вас молва...». XLI. «Поверь, мой милый! твой поэт...». XLII. «Тебя из тьмы не изведу я...». XLIII. «Как много ты в немного дней...» <сделана ценз. купюра — см. март, 14>. XLIV. «Храни свое неопасенье...». XLV. «Вчера ненастливая ночь...». XLVI. «Незнаю, милая Незнаю!..». XLVII. Богдановичу. XLVIII. «Очарованье красоты...». XLIX. «Как сладить с глупостью глупца?..». L. «Идиллик новый на искус...». LI. «Так! отставного шалуна...». LII. «По замечанью моему...». LIII. «Шуми, шуми с крутой вершины...». LIV. «Она придет! к ее устам...». LV. «На кровы ближнего селенья...». LVI. Элизийские поля. LVII. «Сей поцелуй, дарованный тобой...». LVIII. «Тебе на память в книге сей...». LIX. «Когда взойдет денница золотая...». LX. «Окогченная летунья...». LXI. Н. И. Гнедичу («Так! для отрадных чувств еще я не погиб...»). LXII. «Взгляни на лик холодный сей...». LXIII. «Прощай, отчизна непогоды...». LXIV. «Чувствительны мне дружеские пени...». LXV. «Я посетил тебя, пленительная сень...» <NB: см. примеч.>. LXVI. «Когда исчезнет омраченье...». LXVII. «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...». LXVIII. «О своенравная София!..». LXIX. «Люблю деревню я и лето...». LXX. «В своих стихах он скукой дышит...». LXXI. «Рука с рукой Веселье, Горе...». LXXII. «Решительно печальных строк моих...». LXXIII. «Ты ропщешь, важный журналист...». LXXIV. Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»). LXXV. «Мы пьем в любви отраву сладкую...». LXXVI. «Приятель строгий, ты не прав...». LXXVII. К<нягине> З. А. Волконской («Из царства виста и зимы...»). LXXVIII. «Не бойся едких осуждений...». LXXIX. «Тебе я младость шаловливу...». LXXX. «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...». LXXXI. «Чтоб очаровывать сердца...». LXXXII. Разуверение. LXXXIII. А. А. Ф...ой <Фуксовой> («Вы дочерь Евы, как другая...»). LXXXIV. «Живи смелей, товарищ мой...». LXXXV. «Не трогайте Парнасского пера...». LXXXVI. Старик («Венчали розы, розы Леля...»). LXXXVII. «Хвала, маститый наш Зоил...». LXXXVIII. Подражание Лафару («Свободу дав тоске моей...»). LXXXIX. «Я безрассуден — и не диво!..». XC. Д. Давыдову («Пока с восторгом я внимаю...»). XCI. «Твой детский вызов мне приятен...». XCII. «Взгляните: свежестью младой...». XCIII. «Притворной нежности не требуй от меня...». XCIV. Авроре Ш... <А. Шернваль> («Выдь, дохни нам упоеньем...»). XCV. «Чудный град порой сольется...». XCVI. «Я не любил ее, я знал...». XCVII. Из А. Шенье («Под бурею судеб унылый, часто я...»). XCVIII. «Взгляни на звезды: много звезд...». XCIX. «Болящий дух врачует песнопенье...». C. «Пора покинуть, милый друг...». CI. «Не подражай: своеобразен гений...». CII. «В глуши лесов счастлив один...». CIII. «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...». CIV. «На звук цевницы голосистой...». CV. «Не ослеплен я Музою моею...». CVI. Череп («Усопший брат! Кто сон твой возмутил?..»). CVII. «О мысль! тебе удел цветка...». CVIII. «Судьбой наложенные цепи...». CIX. «Есть грот: Наяда там в полдневные часы...». CX. Мадона. CXI. «О верь: ты нежная, дороже славы мне...». CXII. «Мой дар убог, и голос мой не громок...». CXIII. «Мой неискусный карандаш...». CXIV. Последняя смерть. CXV. К. А. Свербеевой («В небе нашем исчезает...»). CXVI. «Слыхал я, добрые друзья...». CXVII. «Есть милая страна, есть угол на земле...». CXVIII. При посылке «Бала» С. Э. <С. Л. Энгельгардт>. CXIX. На смерть Гете. CXX. К. А. Тимашевой («Вам все дано с щедротою пристрастной...»). CXXI. «Не славь, обманутый Орфей...». CXXII. «Где сладкий шопот...». CXXIII. «Как ревностно ты сам себя дурачишь!..». CXXIV. «Старательно мы наблюдаем свет...». CXXV. «Весна, весна! как воздух чист!..». CXXVI. «Своенравное прозванье...». CXXVII. «Хотя ты малый моло-

дой...». CXXVIII. **«Дитя мое, она сказала...»**. CXXIX. **«В дни безграничных увлечений...»**. CXXX. **Отрывок («Под этой липою густою...»)**. CXXXI. **«Бывало, отрок, звонким кликом...»**.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. **Эда. Пиры. Бал. Телема и Макар. Переселение душ. Цыганка.**

Между III и XII стихотворениями в рукописи, представленной в цензуру, было помещено также послание **«Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...»)**, снятое цензурой (см. март, 14). Стих. XV **«Я посетил тебя, пленительная сень...»** в марте 1833 г. не цензуровалось, поскольку еще не было написано. См. далее: 1833, июнь, вт. пол. — авг.

МАРТ, 14. Петербург. На заседании Петербургского цензурного комитета «слушали: представленные на разрешение комитета г. ценсором статским советником <Н. И.> Бутырским некоторые места из стихотворений Евгения Баратынского, находившихся у него на рассмотрении: — 1) Из описания бури <«Завыла буря; хлябь морская...» > стихи:

Не тот ли злобный дух, геенны властелин,
Что по вселенной розлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью
И на творенье ополчил
Все силы, данные творенью?
Земля трепещет перед ним:
Он небо заслонил огромными крылами
И двигает ревущими водами,
Бунтующим могуществом своим, —

Комитет признал стихи сии подлежащими запрещению. — 2) Стихотворение под заглавием «Дельвигу», начинающееся стихами:

Так, любезный мой Гораций,
Так, хоть рад, хотя не рад,
Но теперь я муз и граций
Променял на вахтпарад —

и до следующих стихов:

О судьбы переворот!
Твой поэт летит геройски
Вместо Пинда на развод, —

Комитет признал сие место подлежащим запрещению. <Т. к. запрещена была половина текста, Боратынский вовсе снял это послание>. — 3) Из XII стихотворения <«К чему невольнику мечтания свободы...» — № XI в опубл. тексте> «Безумец! не она ль, не вышняя ли воля // Дарует страсти нам? и не ея ли глас // В их гласе слышим мы?» — Комитет положил исключить последнюю мысль, то есть: «и не ея ли глас в их гласе слышим мы?» — 4) Место <в стих. «Где ты, беспечный друг? где ты, о Дельвиг мой...»>, начинающееся стихами

Взгляни! ты видишь ли: покинув ложе сна,
Перед окном, полуодета,
Томленья страстного в душе своей полна,
Счастливца ждет моя Лилета? —

и оканчивающееся

И Лила спит еще: любовию горят
Младые свежие ланиты,
И, мнится, поцелуй сквозь тонкий сон манят
Ее уста полуоткрыты, —

Комитет признал сие место позволительным и допустил к напечатанию. — 5) XXV-е стихотворение <№ XXIV в опубл. тексте: «Сердечным нежным языком...»> Коми-

тет признал оное позволительным, предоставив г. Ценсору в стихе: «И сладострастных осязаний», — вместо слова «осязаний» поставить: «лобызаний». — 6) Из XL-го стихотворения <№ XXXIX в опубл. тексте: «Когда, печалью вдохновенный...»>:

И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружен,
И чтим земными племенами,
Подобно мученику он, —

Комитет допустил к напечатанию. — 7) Окончание XLIV стихотворения <№ XLIII в опубл. тексте: «Как много ты в немного дней...»>:

Чего еще душою хочешь?
Как Магдалина, плачешь ты,
И, как русалка, ты хохочешь!

Комитет, признав сравнение развратной женщины с святою Магдалиною вовсе неприличным, запретил стихи сии к напечатанию» (строка про Магдалину в печатном тексте была снята).

Оксман 1922. С. 13—14.

МАРТ, 15. Москва. Ценз. разр. «Московскому телеграфу» (1833. Ч. 50. № 5) с рецензией А. Д. Галахова на «Новоселье» (см. выше: февр., 1), где о стихах Боратынского сказано: «С ожиданием встретили мы два стихотворения Е. А. Баратынского: «На смерть Гете» и «Кольцо. С. Э—т». Они оставили в нас такое же чувство, как выдыхнувшиеся цветы, как образы без жизни. В них нет Поэта» (С. 406).

МАРТ, 16. Москва. С. Л. Пушкин — дочери О. С. Павлищевой в Петербург: «Видим Баратынских в Москве очень часто; не зная бессонных ночей на балах и раутах, Баратынские ведут жизнь самую простую (ils menent une existence on ne peut plus bourgeoise): встают в семь часов утра во всякое время года, обедают в полдень, отходят ко сну в 9 часов вечера и никогда не выступают из этой рамки, что не мешает им быть всем довольными, спокойными, — следовательно, счастливыми <...>».

ИВ. 1888. Т. 34. № 10. С. 28 (в переводе; без фр. текста оригинала). В изд. «Мир Пушкина» помещено очень похожее письмо С. Л. Пушкина к О. С. Павлищевой (тоже в переводе и тоже без фр. текста), датированное 23 янв. 1833: «Баратынский здоров, как и жена его, которая много говорила со мной о тебе, дорогая Оленька, она усердно меня просит тебе сказать, что ничего бы так не хотела, как письма от тебя, она тебя очень любит. — Они ведут жизнь самую что ни на есть мещанскую — обедают в полдень, ложатся спать в 9 вечера, и вся их жизнь идет по этой мерке. — Но они по-прежнему очень любезны и очень сердечны» (Мир Пушкина. Т. 1. С. 127—128; перевод Л. Л. Слонимской).

МАРТ, 23. Имение Умёт Кирсановского уезда Тамбовской губ. Н. В. Чичерин — Н. Ф. Павлову в Москву о Боратынском: «Он тебя любит искренно, влюблен в твой ум и твой талант, говорит, что если ты имеешь решимость посвятить себя труду и ученью, то стал бы выше всех русских писателей своего времени».

Хетсо. С. 169.

МАРТ, 26. Петербург. Вяземский — А. И. Тургеневу: « <...>Альманах Боратынского упал в воду <...>». —См. выше: янв.; янв., 17; февр., до 3.

ОА. Т. 3. С. 230.

МАРТ, 31. Москва. Н. О. Пушкина — дочери О. С. Павлищевой в Петербург: « <...> Вчера у обедни я видала Баратынских, которые причащались. Они о тебе спрашивали, и Настази <Настасья Львовна> поручила мне сказать тебе тысячу милых вещей <...>. Сегодня я обедала у Сонцовых, было много народу, за столом я

сидела возле Настази Баратынской, я очень ее насмешила, рассказав ей твою историю с девочкой, которую ты хотела удочерить <О. С. Павлищева, страдавшая выкидышами, собиралась взять на воспитание 3-летнюю девочку-сиротку>; но что странно, так это что несколько лет назад с ней случилось то же самое, это было до ее замужества, и маленькая была некрасивая, дерзкая, точно как твоя. Г-жа Баратынская тебя любит по-прежнему, она говорит, что это не она бросила писать <...>».

Мир Пушкина. Т.1. С. 141—142.

АПРЕЛЬ—МАЙ. Рукопись «Стихотворений Евгения Баратынского» после прохождения через петербургскую цензуру (см. выше: март, 7; март, 14) переправлена в Москву А. С. Ширяеву, который взялся подготовить издание. — Подробности сделки между Боратынским, Ширяевым и Смирдиным, с которым Боратынский первоначально договорился об издании своих стихов, неизвестны. — Летом Ширяев уже пересылал корректуру Боратынскому в Мару (см. далее: авг., до 4).

МАЙ, 3. Москва. П. В. Киреевский — Н. М. Языкову об апрельских гастролях В. А. Каратыгина в Москве: «<Он> кажется даже нашу драматическую литературу зашевелил несколько: Баратынский задумал непременно писать трагедию».

П. Киреевский. Изд. 1935. С. 30.

МАЙ, 5. Москва. Вышел «Телескоп» (1833. Ч. 14. № 5; ц.р. 24 апр.) с рецензией Надеждина на «Новоселье» (см. выше: февр., 1), где, в частности, говорится о помещенных здесь стихотворениях Боратынского: «<...> «На смерть Гете» имеет очевидное преимущество перед «Кольцом». Легкость и плавность не диковинка в стихах Баратынского, но здесь есть мысли, не так часто встречающиеся <...> в произведениях певца *Эды* и *Наложницы*».

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 89. Л. 13 об. (дата).

МАЙ, 8. Петербург. Гоголь — Погодину в Москву: « <...> Что делают наши москвичи? Что Максимович <...>? Не делает ли чего Баратынский? <...>».

Гоголь. Ак. Т. 10. С. 269.

МАЙ, 15. Москва. Боратынский у Киреевского перед отъездом в Мару (Киреевский — В. Ф. Одоевскому, 17 мая, в Петербург: « <...> Последнее воскресенье провели мы с Барат<ынским> вдвоем, и в пустом доме нашем нам одним стало так innsinnlich <бесчувственно>, что мы опорожнили *несколько* бутылок, и все не наладились».

РНБ. Ф. 539. № 584. Л. 3 об.

МАЙ. 17. Боратынский с женой и детьми едет из Москвы в Мару.

РНБ. Ф. 539. № 584. Л. 3 об. (письмо И. В. Киреевского В. Ф. Одоевскому от 17 мая 1833: « <...> Он <Боратынский> едет сегодня»).

МАЙ, конец месяца — ИЮНЬ, начало. Ефремов (?). Боратынские — С. Л. Энгельгардт в Скуратово или Чернь (без даты). *Настасья Львовна*: «Ma chère, mon excellente Sophie je prépare cette lettre pour demain quoique j'espère peu qu'elle vous parvienne. Soyez tranquille sur notre voyage, nous allons doucement, nous descendons partout, je vomis continuellement ce qui me rend la perspective de n'arriver que mercredi à Tamboff insoutenable. Мне очень грустно когда я о тебе думаю. Но не сожалею что были в Скуратове хоть и думаю что тебе теперь еще грустнее. От всей души тебя цалую и люблю». *Боратынский*: «Je vous embrasse, моя душинька, portez vous bien soyez gaie ne vous inquiétez pas de nous. Dieu merci que nous nous soyons vus. Quelque triste que je sois de vous avoir quitté pour si longtems, j'emporte un bien doux souvenir de Scouratovo. Adieu, nous vous écrirons de Tamboff».

Перевод. *Настасья Львовна*: «Милая, бесценная Софи, я готовлю это письмо для завтрашнего дня, хотя и сомневаюсь, что оно до тебя дойдет. Не волнуйся о нашем путешествии, мы передвигаемся потихоньку, повсюду останавливаемся, меня постоянно рвет, отчего перспектива добраться до Тамбова не ранее среды представляется мне невыносимой <...>». *Боратынский*: «Обнимаю тебя, моя душинька, будь здорова и весела и не волнуйся о нас. Благодарение Богу, что мы свиделись. Как ни грустно мне было покидать тебя на такое долгое время, я увожу из Скуратова драгоценные воспоминания. Прощай, мы напишем тебе из Тамбова».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 15—15 об. На л. 16 — надпись «Соничке». В углу л. 15 карандашная помета: «1833. Конец мая? начало июня?» Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Датировка этого и следующих писем к С. Л. Энгельгардт сделана по их содержанию.

МАЙ, конец месяца — ИЮНЬ, начало. Козлов. Боратынские — С. Л. Энгельгардт в Скуратово (без даты). *Настасья Львовна*: «Je vous écris de Kosloff mon excellente Sophie mais cette lettre ne partira que de Tamboff parce que nous prenons la poste d'ici. Je suis désolée que la lettre envoyée de Ефремов vous parviendra aussi tard, nous y sommes venus l'instant même de l'expédition de la poste. Vous pouvez vous imaginer mon inquiétude en approchant de Mara moi qui craignais les Sontzeff j'aurai la consolation de vous écrire d'abord en arrivant car nous espérons s'il plait à Dieu arriver jeudi; je vous envoie un papier que vous garderez soigneusement et que vous placerez sur les lettres que vous recevrez de Mara; entre les decoupures vous trouverez des choses secrètes mais vraisemblablement le premier jour vous ne recevrez que quelques mots. J'ai le coeur lourd du passé et je pense que je ne retrouverai la paix que lorsque votre sort sera fixé heureusement, alors peut-être je pourrais tout oublier et regarder les amis et les ennemis sans crainte et soucis. Adieu ma bonne et chère amie, que Dieu vous conserve, je n'ai pas besoin de vous recommander d'écrire pas plus que vous à moi; mais ne vous tourmentez pas des inexactitudes. Adieu mon excellente ma chère Sophie que Dieu vous protège». — *Боратынский*: «Je vous embrasse ma bonne Sophie et ne puis vous écrire parce qu'on me tourmente avec les chevaux. Adieu jusqu'à Mara».

Перевод. *Настасья Львовна*: «Пишу тебе из Козлова, драгоценная Софи, но это письмо отправится только из Тамбова, потому что там мы зайдем на почту. Мне очень жаль, что письмо, посланное из Ефремова, тоже дойдет до тебя позже, потому что мы туда приехали как раз в то мгновение, когда почту уже отправляли. Можешь себе представить мое беспокойство при приближении к Маре — я ведь даже Сонцевых боюсь; утешусь, написав тебе сразу по приезде, потому что мы предполагаем, если Богу будет угодно, добраться туда в четверг; посылаю тебе бумагу <бумажный трафарет>, ты ее храни и прикладывай к письмам, которые будешь получать из Мары; в местах, на которые придутся вырезы, ты прочтешь секретные строки, но на первый раз, как ты понимаешь, я напишу всего несколько слов. У меня сердце не на месте от случившегося; думаю, что не буду покойна, пока твоя судьба не будет устроена счастливо, тогда, быть может, я смогу все позабыть и стану смотреть на друзей и врагов без страха и забот <Может быть, речь идет о хлопотах Настасьи Львовны насчет замужества сестры>. Прощай, добрый, дорогой друг, да хранит тебя Господь, мне не нужно просить тебя писать чаще, но ты, в свою очередь, не тревожься из-за моей неаккуратности. Прощай, милая, бесценная Софи, Господь с тобою». — *Боратынский*: «Обнимаю тебя, добрая Софи, писать больше не могу, потому что меня отвлекают из-за лошадей. До Мары».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 17—17 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

ИЮНЬ, начало месяца. Не доезжая Мары (Тамбов?). Боратынский — С. Л. Энгельгардт в Скуратово (без даты): «Merci, mon ange, pour votre lettre, pour votre chère et douce amitié. Les détails que vous nous donnez ajoutent à tout ce qu'il y a de triste dans la fatalité qui nous a poursuivi. On se rappelle avec douleur: А счастье было так возможно, так близко! Настинька vous donne tous les détails possibles et je n'ai rien à ajouter. Ces <нрзб> viendront passer une soirée chez moi l'un de ces jours. Je tâcherai à faire de mon mieux pour pénétrer où ce sont les choses. Imaginez que notre voiture ne pourra pas être prête pour le 10. Je me tarde <1 нрзб> nous serons vraiment

obligés d'aller droit à Mara. Il me tarde de vous savoir sur le plan <?> d'arrangement tant bien que mal de votre vie. Appelez à vous les forces de votre raison et de votre âme. Soyez pour vous même une amie attractive. Menagez vous pour un avenir qui peut être heureux. Il le sera, ma bonne Sophie, je ne puis me passer de cette espérance. Je vous embrasse, mon ange. Soyez exacte à nous écrire».

Перевод: «Благодарю, мой ангел, за письмо, за твою драгоценную дружбу. Подробности, которые ты нам сообщаешь, еще усугубляют грусть в том роковом стечении обстоятельств, которое нас преследует. С горечью вспоминаешь: а счастье было так возможно, так близко! Настинька пишет обо всем наиподробнейшим образом, и мне нечего к этому прибавить. Эти <фамилия не разобрана> приедут ко мне вечером на днях. Постараюсь приложить все усилия и понять, что происходит. Вообрази, что наш экипаж не может быть готов ранее 10 числа. Я задерживаюсь <нрзб> нам придется ехать прямиком в Мару. Буду с нетерпением ожидать новостей о переменах, к дурному или к хорошему, в твоей жизни. Собери все силы рассудка и души. Будь сама для себя наилучшим другом. Готовь себя к будущему, которое еще может быть счастливым. Оно и будет таким, любезная Софи, не могу избавиться от этого предчувствия. Обнимаю тебя, мой ангел. Пиши нам аккуратно».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 14 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

ИЮНЬ, вторая половина — АВГУСТ. Боратынский в Маре: занят усадебным хозяйством; обустраивает отдельный дом, стоящий в стороне от того, где живут маменька Александра Федоровна и брат Сергей с женой (С. М. Дельвиг-Боратынской) и детьми (см. далее: ноябрь, 13); периодически из Москвы приходят корректурные листы собрания стихотворений (см. далее: авг., 4), и Боратынский еще надеется, что книга выйдет в этом году. — Может быть, именно в это время Боратынский пишет **«Запустение» («Я посетил тебя, пленительная сень...»).**

ИЮНЬ, середина месяца. Мара. Боратынский — С. Л. Энгельгардт в Скуратово (без даты): «Nous n'avons pas de vos nouvelles chère Sophie, mais je suis sûr qu'il n'en est pas de votre faute. C'est pourtant bien triste et nous sommes tous deux très inquiets. Une lettre de vous serait nécessaire même si nous étions tout à fait tranquilles sur votre compte: il nous serait si doux d'entendre la voix de votre amitié. Nous sommes arrivés sains et saufs à Mara. Nous nous portons bien ainsi que nos petits. Je n'ajoute rien à ces nouvelles sommaires. Nastinka se charge des détails. Vous me manquez ma bonne amie, au milieu même de ma famille et c'est avec une profonde tristesse que je suis obligé de souvenir qu'une soeur est maintenant bien loin de moi. Adieu ma chère enfant, je vous embrasse de tout mon coeur. Ecrivez nous et trompons l'absence autant que possible. En lisant une de vos lettres je croirais encore respirer le même air que vous et jouir encore de votre présence. Cela fera du bien à mon coeur. Adieu. Soyez toujours cette que je vous ai connue.— E. Boratinsky».

Перевод: «Мы не получали еще писем от тебя, милая Софи, но я уверен, что не по твоей вине. Все же это весьма грустно, и оба мы обеспокоены. Твое письмо было бы нам необходимо даже в том случае, если бы мы были совершенно покойны на твой счет; нам было бы так сладостно услышать твой дружеский голос. Мы добрались целыми и невредимыми до Мары. И мы и дети здоровы. Ничего не прибавляю к этим беглым новостям. Настинька займется подробностями. Мне тебя не хватает, добрый друг, даже в кругу моего семейства, и я с глубокой печалью принужден вспоминать, что одна из моих сестер сейчас далеко от меня. Прощай, милое мое дитя, обнимаю тебя от всего сердца. Пиши нам: будем обманывать разлуку, насколько это возможно. Читая твое письмо, я бы мечтал, что дышу тем же воздухом, что и ты, и наслаждался бы тем, что ты рядом. Это будет отрадно моему сердцу. Прощай. Будь всегда такой, какой я тебя узнал. — Е. Боратынский».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 8—9 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

ИЮНЬ, вторая половина. Мара. Боратынский — С. Л. Энгельгардт в Скуратово (без даты): «Demain nous aurons de vos nouvelles ma chère Софинька. Je les attends tout impatiemment. Je ne vous donne aucun détail sur ce que nous avons trouvé ici, car Настинька a déjà pris ce soin. Je vous dirai seulement qu'au sein d'un nouveau

monde et de nouveaux intérêts le souvenir des tracasseries de Moscou a perdu son intensité. Reste des regrets de coeur pour vous; mais ceux-la sont légals et ne nous accusent pas de petitesses. J'espère bientôt me mettre à l'ouvrage et avoir quelque chose à vous communiquer. La première agitation de l'arrivée commence à se calmer. Nous habitons la maison de mon oncle. Maman y a consenti d'assez bonne grâce, mais nous dinons et soupons chez elle ce qui est assez incommode; cela me gênera surtout lorsque j'aurai quelque ouvrage sur le métier. Adieu mon cher ange, je vous embrasse mille et mille fois. Embrassez pour moi Митинька et dites moi s'il vous amuse et vous distrait».

Перевод: «Завтра мы получим вести от тебя, милая Софинька. Ожидаю их с великим нетерпением. Не пишу тебе ничего о том, что мы нашли здесь, потому что Настинька уже позаботилась об этом. Скажу лишь, что среди новых людей и новых занятий воспоминание о московских дрязгах утратило свою свежесть. Не обнаруживай сердечных сожалений, но знай, что они законны, за них нельзя упрекнуть нас в мелочности. Я надеюсь вскоре приняться за работу и смогу что-нибудь тебе переслать. Мы живем в доме моего дяди. Маменька великодушно на это согласилась, но мы обедаем и ужинаем у нее, что несколько неудобно; это меня будет стеснять, в особенности тогда, когда я что-то пишу. Прощай, мой ангел, обнимаю тебя множество раз. Поцелуй за меня Митиньку и напиши, забавляет и развлекает ли он тебя».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 24. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Митинька (Д. Е. Боратынский), родившийся 26 октября 1832 г., был оставлен Боратынскими в Скуратове на попечении С. Л. Энгельгардт.

ИЮНЬ, вторая половина. Мара. Боратынский — С. Л. Энгельгардт в Скуратово или Москву (без даты): «Ce n'est qu'à présent que nous commençons à recevoir de vos lettres, tellement cette vilaine poste de Чернь est inexacte. Merci mon cher ange pour tout ce que vous nous y dites. Votre coeur respire dans chaque ligne, votre coeur si bon et si tendre. Ne me prêchez pas la modération dans ma conduite ici. Je me sens pour tout ce qui se passe une indifférence magnifique. La mesure est comblée et des relations autrefois si ombraillées et si difficiles sont devenues parfaitement simples. Persuadé de ne faire ni chaud ni froid à personne, je ne m'embarrasse non plus de qui que ce soit. Je suis parfaitement poli, plein d'amitié ne revenant pas sur le passé comme l'ayant oublié au profit de tous. Le plaisant de la chose c'est qu'on ne remarque pas la révolution qui s'est operée en moi, et qu'on m'adresse encore quelques unes de ces mômeries, dont j'ai été si longtems la dupe. C'est pourtant bien triste, après trente ans de tendresse, de retrouver si froid vis à vis de ceux qui en furent les objets. La faute n'en est pas à moi <зачеркнута 1 строка> c'est ce qui me console. En cessant d'aimer, même légitimement, on se sent toujours un peu plus mauvais que devant, et l'on se regrette soi même. Ou cette lettre vous trouvera-t-elle, ma chère amie. Je voudrais que vous fussiez déjà à Moscou, quoique de cette manière elle vous parviendrait plus tard. Dès que vous serez à Moscou, notre correspondance sera tout à fait regulière. A propos de la grande ville je n'ai pas encore écrit a K. je me propose de lui écrire vendredi prochain et maintenant que j'y pense les souvenirs des tracasseries de cet hiver qui soucillaient en moi se reveillent et soulevent mon indignation. Si j'écris à cet homme ce n'est que pour mettre quelque frais à sa malveillance pour vous. Merci pour les bonnes nouvelles que vous nous donnez de Митинька. Vous n'avez pas d'idée du plaisir que me fait votre attachement pour lui. Je vous embrasse bien tendrement mon cher ange, portez vous bien. L'hiver nous reunira s'il plait à Dieu et le tems nous y conduira insensiblement. Embrassez pour moi Митинька».

Перевод: «Только сейчас мы начали получать твои письма, до такой степени эта отвратительная чернская почта неточна. Благодарю тебя, мой милый ангел, за все, что ты нам пишешь. Твоя добрая и нежная душа дышит в каждой строчке. Не упрекай меня за умеренность, с какой я веду себя здесь. Я чувствую ко всему, что происходит, великолепное равнодушие. Перейдена какая-то граница, и отношения, некогда столь тяжкие, сделались в высшей степени простыми. Решившись не горячиться и не говорить ледяным голосом, я не выхожу из себя, с кем бы ни беседовал. Я безупречно вежлив, исполнен дружелюбия, не возвращаюсь к прошлому, словно оно забыто ко всеобщей выгоде. Забавно, что здесь не

замечают происшедшей со мной разительной перемены и еще обращаются ко мне с тем притворством, которым так долго меня дурачили. Все же это весьма печально: после тридцати лет нежности и любви найти такой холод в отношениях с теми, кого любил. Я в этом не виноват <зачеркнута 1 строка> — вот что меня утешает. Перестав любить, даже с полным на то правом, всегда чувствуешь, что стал хуже, чем прежде, и сам жалеешь об этом. Где это письмо найдет тебя, милый мой друг? Я бы желал, чтобы ты уже была в Москве, хотя в этом случае ты получишь его позже. Когда ты вернешься в Москву, наша переписка сделается совершенно регулярной. Кстати о Москве — я до сих пор еще не написал К<иреевскому>; предполагаю сделать это в пятницу. Сейчас, когда я об этом думаю, воспоминание о склоках этой зимы, которых я не забыл, просыпается во мне и увеличивает мое негодование. Если я и напишу этому человеку, то для того лишь, чтобы желчно попенять ему за его недоброжелательство к тебе. Благодарю за добрые вести, которые ты сообщаешь мне о Митиньке. Ты не можешь себе представить, как радует меня твоя привязанность к нему. Обнимаю тебя нежно, мой ангел, будь здорова. Даст Бог, зимой мы свидимся, и время здесь пройдет незаметно. Поцелуй за меня Митиньку».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 34—35 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

ИЮЛЬ—АВГУСТ. Мара. Боратынский — С. Л. Энгельгардт в Чернь (без даты): «Merci ma bonne Sophie pour les lettres, pour toutes les choses douces que vous m'y dites. J'ai mis votre image. C'est bien fait à vous d'y avoir songé. Il est bien difficile de rendre compte du genre de vie que nous menons à Mara. C'est une vie monotone et en même tems agitée. Nous sommes sur pied du matin au soir. Maman est tantôt bien, tantôt mal. Je suis assez content de moi. Les scènes qui autrefois m'etaient si pénibles ne m'émouvent plus autant. Je vois qu'il est bon de raisonner de tems en tems et que je n'ai pas perdu le mien en me prêchant moi même. J'ai eu beaucoup de plaisir à renouer mon amitié avec Serge qui est un excellent garçon. Il s'est beaucoup formé de toutes les manières et il a encore du tems devant lui. Adieu mon cher ange je vous embrasse de tout mon coeur. Очень рад, что Митинька тебя тешит. Поцелуй его за меня».

Перевод: «Благодарю, любезная Софи, за письма, за все милые слова, которые ты нам говоришь. Я ношу присланный тобою образок, как ты об этом и мечтала. Нелегко дать тебе отчет о той жизни, которую мы ведем в Маре. Это существование монотонное и в то же время беспокойное. Мы на ногах с утра до вечера. Маменьке то лучше, то хуже. Собой я весьма доволен. Сцены, которые когда-то так меня угнетали, уже не настолько волнуют. Вижу, что время от времени полезно рассуждать и что я не утрачу самого себя, выговаривая себе. Мне было очень радостно возобновить нашу дружбу с Сергеем, он славный малый. В его поведении появилась законченность, да и впереди у него еще есть время. Прощай, ангел мой, обнимаю тебя от всего сердца. Очень рад, что Митинька тебя тешит. Поцелуй его за меня».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 19—20 об. Адрес на письме — «Ее превосходительству милостивой государыне Софье Львовне Энгельгардт в Тульской губернии г. Чернь». Публикация и перевод Е. Э. Ляминой; датировка составителя Летописи.

АВГУСТ, до 4. Мара. Боратынский — Киреевскому в Москву: «Что ты делаешь и почему ко мне не пишешь? Неужели в самом деле потому, что не мог затвердить моего адреса? Признайся, что с твоей стороны есть небольшое упрямство, которое ты не оправдаешь никакой диалектикой. Чтоб у тебя не было отговорки, вот мой адрес: *Тамбовской губернии, в Кирсанов.* Он весьма несложен. Я до сих пор не писал тебе просто от неимоверных жаров нынешнего лета, отнимавших у меня всякую деятельность, умственную и физическую. Я откладывал от почты до почты, и таким образом прошло довольно времени. Я ехал в деревню предполагая найти в ней досуг и беспечность, но ошибся. Я принужден принимать участие в хлопотах хозяйственных: деревня стала вотчиной, а разница между ними необъятна. Всего хуже то, что хозяйственная деятельность сама по себе увлекательна; поневоле весь в нее вдаешься. С тех пор, как я здесь, я еще ни разу не думал о литературе. Оставляю все поэтические планы к осени, после уборки хлеба. Ты что делаешь? Ты хотел усердно работать пером, и у тебя нет моих отговорок. Надеюсь,

что ты не даром заручил свое слово мне и Хомякову. Недавно тебя видели у Берже <портретист>. Это с твоей стороны очень мило. Похож ли твой портрет и скоро ли ты мне пришлешь его? Прощай, мое почтение всем твоим. Ежели увидишь Ширяева <см. выше: апрель—май>, сделай одолжение, скажи ему, что я весьма неисправно получаю корректуру. Лист должен оборотиться в три недели, а он оборачивается в пять. Ежели все так пойдет, то я не напечатаюсь и к будущему году. — Е. Боратынский».

ТС. С. 49—50 (дата: 4 авг. 1833 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 89—90 об.

АВГУСТ, 23. Мара. Дата под прошением на высочайшее имя о разделе Мары между Александрой Федоровной Боратынской и ее детьми: Евгением, Ираклием, Львом, Сергеем, Софией, Наталией и Варварой. Из 1250 крестьян мужского пола, числящихся в Вяжле по последней, 7-й ревизии, Евгению Боратынскому «по таковому разделу досталось <...> мужеска пола сто девяносто четыре души, с их женами, вдовами, девками, внучаты, приймуши, подкидуши и рожденными после 7-й ревизии обоего пола детьми, с их домами, дворами, строением, скотом, птицею, усадебными местами, хлебом, в гумнах их стоящим и в земле посеянным».

ПД. № 21.787 (копия 1845 г. прошения Боратынских от 23 авг. 1833). Л. 1 об, 3.

АВГУСТ, конец месяца (?). Боратынский отправляется из Мары в Казань и Каймары по хозяйственным делам.

СЕНТЯБРЬ, 5. Казань. Проездом в Оренбург в Казани останавливается Пушкин. Встреча с Боратынским. Боратынский откладывает на день свой отъезд в Мару.

Считается, что Боратынский находился тогда в Казани по пути в Каймары, куда съездил на день (7 сент.), чтобы вернуться к 8 сент. и проводить Пушкина (см.: *Загвозкина* 1985. С. 98; *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1833 году. М., 1994. С. 352). — Это маловероятно, ибо, по воспоминаниям А. А. Фукс, Боратынский должен был ехать из Казани 6 сент. и, судя по контексту слов мемуаристки, ехать не за 20 верст и не на несколько дней, а далеко и надолго (см. далее: сент. 6).— Поэтому скорее всего Боратынский уже решил к 5—6 сент. все свои хозяйственные дела в Каймарах и собирался уезжать в Мару, где находилось его семейство.

СЕНТЯБРЬ, 6. Казань. «1833 года, 6 сентября, задумавшись, сидела я в своем кабинете, ожидая к себе нашего известного поэта Баратынского, который обещался заехать проститься, и грустила о его отъезде. Баратынский вошел ко мне в комнату с таким веселым лицом, что мне стало даже досадно. Я приготовилась было сделать ему упрек за такой равнодушный прощальный визит, но он предупредил меня, обрадовав меня новостью о приезде в Казань Александра Сергеевича Пушкина и о желании его видеть нас. Надобно признаться, что такая неожиданная и радостная весть заставила меня проститься с Баратынским гораздо равнодушнее, нежели как бывало прежде».

Фукс А. А. Пушкин в Казани (Пушкин в восп. Т. 2. С. 217).

СЕНТЯБРЬ, 7. Боратынский уезжает из Казани в Мару.

« <...> в 9 часов утра, муж мой ездил провожать Баратынского» (*Фукс А. А.* Пушкин в Казани // Пушкин в восп. Т. 2. С. 217).

СЕНТЯБРЬ, 8. Казань. Ранним утром Пушкин уезжает из Казани в Симбирск и перед отъездом пишет жене в Петербург: « <...> Здесь Баратынский — вот он ко мне входит».

Вероятно, либо письмо Пушкина было заготовлено за день до отъезда (тогда действительно Боратынский еще находился в Казани), либо слова о Боратынском нужны были Пушкину для мотивировки своего крайне короткого письма (*Пушкин.* Ак. Т. 15. С. 79). О

пребывании Боратынского в Казани см. выше: сент. 5, 6, 7. Об отношении Н. Н. Пушкиной к Боратынскому см. примеч. к.: 1832, сент., между 28 и 30.

СЕНТЯБРЬ, 12. Языково Симбирской губ. Пушкин — жене в Петербург о своих казанских впечатлениях: «<...> Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue stockings <синий чулок>, сорокалетней, несносной бабе с вощеными зубами и с ногтями в грязи <А. А. Фукс>. <...> Баратынский написал ей стихи <«А. А. Ф...ой»> и с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений <...>».

Пушкин. Ак. Т. 15. С. 80.

СЕНТЯБРЬ, вторая половина — ДЕКАБРЬ. Боратынский в Маре.

До 20-х чисел декабря в Маре гостит племянник Дельвига — А. И. Дельвиг: «В деревне Баратынских жили, кроме С. М. Боратынской <вдовы Дельвига> и ее мужа <Сергея Абрамовича>, мать последнего <Александра Федоровна>, больная старушка, которую я, во все мое у них пребывание, не видал, и братья его: поэт Е. А. Баратынский с женою, урожденною Энгельгардт, и детьми и Лев Абрамович Баратынский, который был женат на своей крепостной, не показывавшейся в семействе Баратынских. Он был большой пьяница. Все четверо братьев Баратынских любили выпить более должного. Четвертый их брат Ираклий Абрамович жил в Петербурге. <...> С. М. Баратынская была чрезвычайно рада меня видеть, она, и совершенно по праву, смотрела на меня как на своего воспитанника. Ее ко мне отношения не вполне понимались ее вторым мужем, который, впрочем, выказал также удовольствие моему приезду. — Жизнь в деревне у Баратынских была устроена на английский манер, вероятно, в подражание их соседу <Н. И.> Кривцову, большому англоману, человеку очень умному, но взбалмошному до неистовства <...>. — Утро в деревне Баратынских посвящалось занятиям каждого в своем помещении; все собирались к часу пополудни вместе завтракать; после завтрака некоторые оставались в общей зале, другие расходились до обеда, который подавался в семь часов вечера». (*А. И. Дельвиг.* Изд. 1912. Т. 1. С. 189—190).

ОКТЯБРЬ, 3. Имение Маза Сызранского уезда Симбирской губ. Д. В. Давыдов — Н. М. Языкову: « <...> В Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев <...>».

Давыдов. Изд. 1895. Т. 3. С. 186.

ОКТЯБРЬ, до 27. Мара. Боратынский — Киреевскому в Москву (без даты): «Сердечно благодарю тебя за твой подарок. Я получил твой портрет. Он похож и даже очень; но как все портреты и все переводы — неудовлетворителен. Странно, что живописцы, занимающиеся исключительно портретом, не умеют ловить на лету, во время разговора, настоящей физиономии оригинала и списывают только пациента. Я помню бездушную систему Берже, объясненную мне им самим. По его мнению, портретный живописец не должен давать волю своему воображению, не должен толковать своевольно списываемое лицо, но аккуратно следовать всем материальным линиям и доверить сходство этой точности. Он и здесь был верен своей системе, отчего твой портрет может привести в восхищение всех людей, которые тебя знают не так особенно, как я, а меня оставляет весьма довольным присылкой, но недовольным живописцем. О себе мне тебе почти сказать нечего. Я весь погряз в хозяйственных расчетах. Немудрено: у нас совершенный голод. Для продовольствия крестьян нужно нам купить 2000 четвертей ржи. Это, по нынешним ценам, составляет 40000. Такие обстоятельства могут заставить задуматься. На мне же, как на старшем в семействе, лежат все распорядительные меры. Прощай, усердно кланяюсь всем твоим. — Е. Боратынский».

ТС. С. 50—51 (неточная дата: 15 окт. 1833); Изд. 1987. С. 249 (уточнение даты по штемпелю: 27 окт. 1833). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 85—86 об.

ОКТЯБРЬ, конец месяца — НОЯБРЬ. Мара. Боратынский — С. Л. Энгельгардт в Москву (без даты): «Votre dernière lettre m'a fait beaucoup de peine, chère Sophie, et cela m'inquiète de savoir que vous ne pouvez pas dormir aussi longtems que de coûtume. Même vos pesanteurs qui ont presque passé ne me font pas trop de plaisir et le changement subi me donne malgré moi des craintes. Dieu veuille que tout aille bien et que mes appréhensions ne soient qu'une indemnité du bonheur que j'aurai un jour de vous savoir tout à fait bien portante. Ne vous attachez pas à ce qu'il y a de melancolique dans ces lignes. Vous savez comme je déraisonne facilement. De plus je suis sans cela triste d'être obligé de renoncer à vous voir aussi tôt que je l'esperais. Nastinka vous dit les raisons qui nous forcent à remettre notre voyage à Moscou jusqu'après les couches. Cela vous fera aussi beaucoup de peine mon cher ange; mais tâchez de ne pas trop vous affliger. Trois mois seront bientôt passés et nous nous reunirons. Dites moi, papa a-t-il renoncé à l'achat de cette campagne aux environs de Moscou dont il m'a parlé et que j'ai suspendu en marchandant le bien de mon oncle. Il y a longtems que j'ai écrit à papa que mon oncle a changé d'avis et ne vend plus son bien. La raison voulait que je tâche de l'acquerir; mais puisqu'on depend nul<le>ment de moi, la chose n'a pas reussi, j'aurai bien desiré m'établir plus près de Moscou et de vous. La vie ici ne m'arrange pas. Il n'y a ici société ni solitude sans parler déjà de ce qu'on y souffre moralement. Adieu, ma bonne Sophie, je vous embrasse de tout mon coeur. Embrassez pour moi Митинька. — Е. В».

Перевод: «Твое последнее письмо сильно опечалило меня, милая Софи, и я удручен тем, что тебе не удается теперь спать так же долго, как раньше. Даже то, что у тебя почти прошла тяжесть в желудке, не очень утешает меня, и внезапная перемена беспокоит меня, несмотря на доводы рассудка. Дай-то Бог, чтобы все было хорошо, и мои опасения воплотились бы однажды в безграничное счастие, когда я увижу тебя совершенно здоровой. Не отягощай себя меланхолией, которой исполнены эти строчки. Ты знаешь, как легко я поддаюсь панике. Мне и без того невесело, потому что я должен отказаться от мысли увидеть тебя в скором времени, как надеялся. Настинька расскажет, почему нам приходится отложить возвращение в Москву до времени после ее родов. Это и тебя немало огорчит, мой милый ангел; но попытайся не печалиться. Три месяца пройдут быстро, и мы снова будем вместе. Скажи, отказался ли папенька <Л. Н. Энгельгардт> от покупки той деревни в окрестностях Москвы, о которой он мне говорил? я отложил это, пока торговался о цене дядиного имения. Я уже давно писал папеньке о том, что мой дядя передумал и больше ничего не продает. Если следовать доводам разума, то мне надо было стараться приобрести это имение; но так как от меня здесь ничто не зависело, эта покупка не состоялась. Я бы очень желал обосноваться поближе к Москве и к вам. Здешняя жизнь не по мне. Тут нет ни общества, ни одиночества, не говоря уже о том, как приходится страдать морально. Прощай, моя добрая Софи, обнимаю тебя от всего сердца. Поцелуй за меня Митиньку. — Е. Б.»

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175 Л. 26—26 об. На письме московский штемпель: «Получено 833 ноя<бря>». Адрес рукой Настасьи Львовны: «Ее превосходительству милостивой государыне Софье Львовне Энгельгардт. Между Тверской и Никитской в Чернышевском переулке возле Малого Вознесения в собственном доме в Москве». Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

НОЯБРЬ, до 3. Мара. Настасья Львовна — сестре Соничке в Москву (без даты): «Ne vous étonnez pas, ma chère Sophie, si je ne vous écris plus longuement et c'est à cause de la raison que je vous en donne la poste passé, d'ailleurs ma conscience ne m'en fait pas de reproches depuis que vous n'êtes plus à Mouranowo je me decide à vous écrire de tems en tems en toutes lettres comme par exemple que Léon a décidé que notre Лёвушка est une espèce d'un sot, chose qui ne me désole pas du tout comme on voudrait <le voir> et ne fait que me rappeler la réputation d'Eugène jusqu'à l'âge où j'ai formé ses opinions comme vous le savez et cela devrait prouver avant tout que c'est moi qui en ai fait un homme d'esprit. Léon m'a bien des fois répété que le petit était un sot, le défaut clair et sûr ou bien le qualifiant de l'epithète de Петр Львович ce qui a fâché

Eugène la première fois qu'il l'a entendu et lui a fait signifier qu'il ne voulait pas de cette gentillesse. Mais moi j'ai fini par lui dire que cette conclusion m'en faisait faire une autre, j'avais la réputation exactement semblable d'Eugène, ce qui a piqué aussi car il faut vous dire qu'on lui rend toute justice maintenant et surtout les joints; croiriez vous que si on n'était pas sa fermeté, la Maman était decidée à ne pas acheter de blé pour nourrir les paysans, chose aussi barbare que dangereuse dans les circonstances actuelles, grâce à Dieu, cet article est arrêté maintenant. Elle va de mieux en mieux dans sa prétendue maladie, qualifiée par son amie A. H. non de maladie, non de folie, mais de sensibilité et de susceptibilité intime que personne ne comprend; au reste il n'y a de dupes que celles qui veulent bien l'être et qui y trouvent leur intérêt, aussi le nombre se borne à elle, à ma tante dans ses humeurs massacrantes et à sa fille aînée qui ne pouvant briller autrement *veut* au moins être le type de la piété filiale et la bassesse de son caractère. J'arrange parfaitement des plus mauvais traitemens. Entr'autres voilà un échantillon de cette aimable sensibilité, elle se plaint du peu de respect que tout le monde a pour elle, que moi je conduis les cochons dans son jardin, que Serges de concert avec K. Ф. a fait imprimer un article dans la gazette de Moscou, où on la nomme cochon, que Léon a dit il y a quatre ans de cela <...> qu'il souffrait pour moi de diner à coté d'elle; maintenant il faut vous donner les clefs de cette sensibilité, en sortant de son jardin je l'ai rencontrée et ne suis point retournée pour continuer la promenade avec elle; Serges a lu pour lui-meme en sa présence un article de la gazette où il est question de la farine de glandes et que K.Ф. l'avait engagé à lire croyant apparement qu'il le ferait à haute voix; le crime de Léon est celui à mien. Vous devez vous rappeler la manière dont N<atalie> a toujours parlé de Maman et comme elle violait la delicatesse des autres, car en dépit de ses propres railleries que je ne me suis jamais hazardée à me servir des expressions dont elle se servait toujours elle-même, croiriez vous que malgré cela et malgré tout ce que les deux soeurs me racontaient des gracieucetés de la Maman <...> elle a dit avec douleur avant mon arrivée que je n'aimais pas Maman, quoi qu'elle m'ait beaucoup aimée <...> J'achève ici mon cours du mépris des propos et c'est bien le lieu; quand on a vu d'aussi près jusqu'où peut aller la méchanceté, la noirceur et la calomnie c'est ni la peine ni l'embarras d'imaginer prevenir d'aussi hauts faits. Il parait que tout les méchans sont du même genre et se servent des mêmes moyens. <...> Adieu ma bonne amie, Eugène vous embrasse de tout son coeur. Il est toujours à chercher à noter de l'ordre dans notre vie et à se procurer de loisir. <...> Faites attention aux cachets de mes lettres».

Перевод: «Не удивляйся, дорогая Софи, что мои письма стали короче, о причине я сообщала с прошлой почтой, кроме того, совесть больше не упрекает меня за это с тех пор, как ты уехала из Муранова; я решила писать тебе время от времени без обиняков: например, Лев <Л. А. Боратынский> решил, что наш Лёвушка — дурачок, но это отнюдь не привело меня в отчаяние, на что, как видно, здесь надеялись. Я вспомнила только, что думали о Евгении, пока он не достиг того возраста, когда я сформировала его мнения (как тебе известно), все это должно было бы доказывать в первую очередь, что это я сделала из него умника. Лев множество раз повторил мне, что малыш — дурачок, что это ясно как Божий день; или называл его Петром Львовичем <душевнобольной брат Настасьи Львовны и Софьи Львовны Энгельгардт>, что рассердило Евгения, когда он это услыхал; он дал ему понять, что не желает более слышать таких любезностей. Но я наконец сказала ему, что такое умозаключение наталкивает меня на другое: а именно, у меня была точно такая же репутация, как у Евгения, это тоже его задело — надо тебе сказать, что теперь они отдают ему здесь полную справедливость, особенно близкие; представь себе, что было бы, если бы он не обладал такой твердостию характера, маменьку <А. Ф. Боратынскую> уговорили было не покупать хлеба для прокормления крестьян — поступок столь же бессердечный, сколь опасный при теперешних обстоятельствах; слава Богу, сейчас это намерение оставлено. Она день ото дня становится невыносимее в своей воображаемой болезни; ее подруга А. Н. <Зайцова?> называет ее состояние не болезнию и не помешательством, а особенной душевной

чувствительностью и обидчивостью, которых никто не понимает; впрочем, больше глупцов нет — кроме тех, кто хочет ими быть и находит в этом свою выгоду, и число таковых ограничивается ею, тетушкой <Катерина Федоровна Черепанова> с ее убийственными настроениями и ее старшей дочерью <Софией Боратынской>, которая, не имея возможности блистать ничем иным, непременно *желает* быть образцом дочерней преданности и низости характера. Я наилучшим образом выхожу даже из самых затруднительных положений. Вот тебе один из образчиков этой очаровательной чувствительности. Она жалуется, что все вокруг недостаточно ее уважают, что я пускаю свиней в ее сад, а Сергей, сговорившись с К. Ф. <Катериной Федоровной>, напечатал в московской газете статью, где ее называют свиньей; что Лев сказал четыре года назад <...>, что он страдает вместо меня, садясь за обедом рядом с ней. Теперь вот разгадка этой восприимчивости. Выходя из ее сада, я повстречалась с нею, но не стала возвращаться и прогуливаться вместе с ней; Сергей читал в ее присутствии (про себя) газетную статью, трактующую о желудевой муке, которую попросила его прочесть К. Ф., думая, очевидно, что он станет читать вслух; преступление Льва похоже на мое. Ты, должно быть, помнишь, как Натали <Н. А. Боратынская?> всегда говорила о маменьке: что она оскорбляет чувства других; несмотря на ее насмешки, я никогда не отваживалась прибегать к таким выражениям, которые она использует постоянно; вообрази, что несмотря на это и на все то, что обе сестры рассказывали мне об маменькиной учтивости, она с грустью сказала незадолго до моего приезда, что я не люблю маменьку, хотя она меня всегда очень любила <...> Здесь я закончу упражнения в злословии, и самое время; теперь, когда я своими глазами увидела, до какой степени могут доходить злоба, чернота души и клевета, не стоит ни труда, ни хлопот стараться предотвратить такого рода события. Кажется, все злобные люди похожи друг на друга, все они используют одинаковые средства. <...> Прощай, мой добрый друг, Евгений сердечно обнимает тебя. Он все старается наладить порядок в нашей жизни и немного отдохнуть. <...> Будь внимательна с печатями на моих письмах».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 28—29 об. Датировка по штемпелю: «Кирсанов. 3 ноября 1833». Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

НОЯБРЬ, 13. Мара. С. М. Боратынская (Дельвиг) — А. Н. Карелиной о своем муже Сергее Абрамовиче и его ближайшей родне: (на фр. яз.) – Перевод: «<...> это молодой человек редкого благородства души, можно сказать без преувеличения, — и хотя у нас бывают с ним ссоры — они бывают лишь из-за любви и из-за ревности (он до крайности ревнив); я вовсе не счастлива в его семействе; я вынуждена жить в нем, в ожидании того, когда наши средства позволят нам выстроить отдельный дом (мы решили прожить несколько лет в деревне)... В течение трех лет, что я поселилась здесь, я никуда не выезжала; я веду очень уединенную жизнь, будучи или беременною, или кормя детей, — что освобождает меня от визитов; мы тоже мало кого принимаем у себя: соседей у нас хоть и много, но лишь немногие ездят к нам, так как моя свекровь <Александра Федоровна> почти всегда находится в состоянии глубокой ипохондрии и не любит видеть у себя гостей. Два или три семейства, приезжающих собственно к нам, т. е. к Сергею и ко мне, доставляют нам иногда приятные дни; это люди довольно приличные, и мы не очень стесняемся принимать их, т. к. моя свекровь с недавнего времени перестала появляться в гостиной, даже тогда, когда мы находимся в своей семье; она не бывает даже за обедом. Это наши знакомые — семейство Устиновых, муж и жена, прекрасные люди, хотя и ограниченные; Кривцов и его жена, — он человек весьма умный, светский и вполне замечательный; она — особа 36—38 лет, прекрасно знающая свет, в котором она постоянно жила, добрая, хотя несколько странная по некоторым афектированным манерам, сохраненным ею с молодых лет, которые ей можно простить, так как она была очень красива (я, помню, видела ее в Петербурге). Наконец, Чичерин и его жена, молодая чета, весьма счастливая. Чичерин — человек превосходного воспитания и отличного ума; он очень близок с моим мужем. У всех этих трех супругов есть дети — почему мы всегда можем найти взаимоотношения между собою как матери семейств. Но то, что способствует украше-

нию нашего уединения, это — присутствие моего шурина Евгения (поэта), который этим летом приехал, чтобы поселиться здесь со своими женою и детьми. Он счастливее нас, так как построил себе отдельный дом, сбоку от большого дома. Что это за человек, мой друг! Это поистине поэтическая душа! Какой возвышенный ум, какая нравственная чистота, какая высота чувств! У него много сходства в нравственном мире с моим покойным мужем. Ты знаешь, что они были связаны с ним как братья. Мы часто говорим о нем, это так сладко для меня. Его жена — особа, достойная его, они очень счастливы. Итак, чтобы дать тебе представление об этом семействе, скажу тебе, что эти столь благородные существа в нем не любимы... Им завидуют за их достоинства, за их превосходство. Как настоящие гарпии, они хотели бы пустить яду даже в их домашнее счастие. И только мой муж, у которого благородная душа, способен ценить достоинства Евгения, восторгаться им и понимать его. Поэтому они очень тесно связаны, и это наполняет мое сердце радостью».

Б. Л. Модзалевский 1929. С. 268—269 (текст в переводе).

НОЯБРЬ, до 28. Мара. Боратынский — Киреевскому в Москву (без даты): «На днях получил я от Смирдина программу его журнала <«Библиотека для чтения»> с пригласительным письмом к участию. Не знаю, удастся ли ему эта спекуляция. Французские писатели не нашим чета; но ничего нет беднее и бледнее Ладвокатова «Cent et un». Все-таки надо помочь ему. Его смелость и деятельность достойны всякого одобрения. Приготовляешь ли ты чего-нибудь для него? Знаешь ли ты, что у тебя есть готовая и прекрасная статья для журнала? Это — теория туалета, которую можно напечатать отрывком. Я о ней вспомнил недавно, читая недавно теорию походки Бальзака. Сравнивая обе статьи, я нашел, что вы имеете большое сходство в обороте ума и даже в слоге, с тою разницею, что перед тобою еще широкое поприще и что ты можешь избегнуть его недостатков. У тебя теперь, что было у него вначале: совестливая изысканность выражений. Он заметил их эффектность, стал менее совестлив и еще более изыскан. Ты останешься совестлив и будешь избегать принужденности. У тебя, как у него, потребность генерализировать понятия, желание указать сочувствие и соответственность каждого предмета и каждого факта с целою системою мира; но он, мне кажется, грешит излишним хвастовством учености, театральным заимствованием цеховых выражений каждой науки. Успех его несколько избаловал. Я не люблю также его слишком общего, слишком легкомысленного сентилизма. Постоянное притязание на глубокомыслие не совсем скрывает его французскую ветреность. Как признаться мыслителю, что он не достиг ни одного убеждения и еще более, не смешно ли хвалиться этим! Ты можешь быть Бальзаком с двумя или тремя мнениями, которые дадут тебе точку опоры, которая ему недостает, с языком более прямым и быстрым, и столько же отчетливым. Прощай, кланяюсь твоим. — Е. Боратынский.— Сделай одолжение: узнай деревенский и городской адрес Пушкина; мне нужно к нему написать. Нарочно для этого распечатываю письмо».

ТС. С. 51—52 дата: (28 ноября — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 87—88 об. «Cent et un» — «Paris, ou le livre des cent et un» (Париж, или Книга ста одного) — издание, предпринятое в 1831 г. парижскими литераторами в пользу книгопродавца Н. Ладвоката. — В «Библиотеку для чтения» Боратынский отдал только одно стихотворение: «Запустение» (БдЧ. 1835. Т. 8. № 1).

ДЕКАБРЬ... ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1834. Мара. Родилась третья дочь Боратынских — София. Названа, видимо, в честь С. Л. Энгельгардт.

Дата указана предположительно на основании слов Боратынского в письме к С. Л. Энгельгардт от конца октября — нач. ноября 1833 г. о родах Настасьи Львовны, предстоящих через три месяца.

ДЕКАБРЬ, до 22. Мара. Боратынский — Киреевскому в Москву (без даты): «Ты меня печалишь своими дурными вестями. Что твои глаза? Надеюсь, что это письмо застанет тебя зрячим. Мне случалось хвалить уединение, но не то, которое доставляет слепота. Кстати об уединении. Ты возобновляешь вопрос о том, что предпочтительнее: светская жизнь или затворническая? Та и другая необходимы для нашего развития. Нужно получать впечатления, нужно их и резюмировать. Так нужны сон и бдение, пища и пищеварение. Остается определить, в какой доле одно будет к другому. Это зависит от темперамента каждого. Что касается до меня, то я скажу об обществе то, что Фамусов говорит об обедах:

Ешь три часа, а в три дни не сварится.

Ты принадлежишь новому поколению, которое жаждет волнений, я — старому, которое молило бога от них избавить. Ты назовешь счастием пламенную деятельность; меня она пугает, и я охотнее вижу счастие в покое. Каждый из нас почерпнул сии мнения в своем веке. Но это — не только мнения, это — чувства. Органы наши образовались соответственно понятиям, которыми питался наш ум. Ежели бы теоретически каждый из нас принял систему другого, мы все бы не переменились существенно. Потребности наших душ остались бы те же. Под уединением я не разумею одиночества; я воображаю

Приют, от светских посещений
Надежной дверью запертой.
Но с благодарною душой
Открытый дружеству и девам вдохновений.

Таковой я себе устрою рано или поздно и надеюсь, что ты меня в нем посетишь. Обнимаю тебя. — Е. Боратынский».

ТС. С. 52—53 (дата: 4 дек. 1833); Изд. 1987. С. 251—252 (уточнение даты по штемпелю: 22 дек. 1833). Автограф — РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 97—98 об.

1834...1843

Приписка Боратынского к письму Настасьи Львовны в Мару, адресованная брату Сергею и его жене: «Что вам сказать, милые друзья мои Сергей и Соничка? Верьте, что мне очень без вас грустно; но меня утешает будущее, которое сулит мне частые свидания. Будьте здоровы и помните старого друга. Е. Боратынский».

П. С. 263 (по автографу ПД. № 26.319).

1834

Время переездов Боратынского в 1834 г. из Мары в Москву и обратно определить точно не удается. Известно лишь, что к концу зимы он еще находился в Маре (см. февраль (?) — письмо Киреевскому), к началу лета находился в Москве (см. июнь, 12 — письмо С. М. Боратынской); осенью он был либо в Маре, либо в

казанских имениях (см. ноябрь, начало месяца — письмо к С. Л. Энгельгардт), а в декабре — снова в Москве (см. дек., 19 о его встрече с А. И. Тургеневым).

В течение 1834 г. продолжается типографский набор «Стихотворений Евгения Боратынского» — теперь печатается 2-я часть, с поэмами. Полностью книга набрана к январю 1835 г. (см. далее: 1835, янв., 22).

В 1834 г. происходит разрыв отношений между Боратынским и Киреевскими — Елагиными.

Точное время и причины разрыва неизвестны. Возможный повод к прекращению отношений — неудача хлопот Настасьи Львовны о том, чтобы выдать замуж за И. В. Киреевского сестру Соничку Энгельгардт (смутные упоминания о взаимоотношениях Киреевского и Сонички см.: 1830, янв., сер.; 1833, июнь, вт. пол.); 29 апр. Киреевский женился на Н. П. Арбеневой. Ясно лишь, что к ноябрю 1834 г. отношения уже были прерваны, о чем свидетельствуют: 1) тот факт, что последнюю корректуру Изд. 1835 Боратынский посылал в начале ноября 1834 г. не Киреевскому, как делал это прежде, а свояченице С. Л. Энгельгардт (см. далее: ноябрь, нач.); 2) содержание послания «Князю П. А. Вяземскому» (завершено к ноябрю 1834 — см. то же письмо к С. Л. Энгельгардт), в котором говорится о «коварстве», «злобе», об одиночестве и тоске по другу (последний мотив до ноября 1834 г. фигурировал только в финляндской поэзии Боратынского). — В доме Киреевских — Елагиных переживали разрыв, видимо, тяжело — см. в позднейших письмах (1860—1861) А. П. Елагиной к С. М. Боратынской (Дельвиг) и ее мужу С. А. Боратынскому: «И я прошла жизнь не без горьких сердечных испытаний (témoin Eugène Baratinsky <свидетель Евгений Баратынский>). <...> Неужели дети моего вечно мне милого Евгения Абрамовича наследовали непостижимую для меня ненависть своей матери?» (*Хетсо*. С. 191).

ЯНВАРЬ, до 28. Москва — село Воскресенское Богородицкого уезда Московской губ. П. В. Нащокин повторяет (но без трагических последствий) поступок героя «Наложницы»: уезжает из Москвы тайком от своей цыганки Ольги Солдатовой, чтобы обвенчаться 28 января с Верой Нагаевой (Нарской).

Нащокин — Пушкину: «Выехал я из Москвы <...>. Оленька не знает, что я ее оставляю <...>; возок уже заложенный, и еду я в одну подмосковную, где думаю жениться — на ком тебе известно» (*Пушкин*. Ак. Т. 15. С. 105).

ФЕВРАЛЬ (?). Мара. Боратынский — Киреевскому в Москву (без даты): «Виноват, что так давно тебе не писал, милый Киреевский. Этому причиною, вопервых, головные боли, к которым я склонен, и посетившие меня как нарочно два почтовых дня сряду; потом, я живу среди таких забот и нахожусь под влиянием таких впечатлений (я слегка говорил тебе, в каком бедственном положении здоровье моей матери), что не всегда в силах приняться за перо. Мне ли тебе задавать темы для литературных статей? Я давно выпустил из виду общие вопросы для исключительного существования. Но не задать ли тебе, например, тот самый предмет, о котором я говорю: жизнь общественная и жизнь индивидуальная. Сколько человек по законам известной совести должен уделить первой и может дать последней? Законны ли одинокие потребности? Какие отношения и перевес (balance) наружной и внутренней жизни в государствах наипаче просвещенных, и что в России? Я бы желал видеть сии вопросы обдуманными и решенными тобою. Мне нужно твое пособие в сношениях моих с Ширяевым. Вот уже два месяца, как я не получаю корректуры. Я предполагаю, что для скорости он решился печатать по моей рукописи, не заботясь о том, что я могу сделать несколько поправок. На всякий случай посылаю тебе давно мною исправленную «Эду» и «Пиры», но теперь только приготовленные к отсылке. Доказательство той моральной лени, которою я одержим с некоторого времени. Посылаю тебе также предисловие в стихах <стих. **«Вот верный список впечатлений...»**; впервые опубл.: Изд. 1936. Т. 1. С. 316; в Изд. 1835 не вошло> к новому изданию и заглавный лист с музыкальным эпиграфом <в Изд. 1835 не вошел>. Я желаю, чтобы Ширяев согласился на гравировку или литографировку этого листа. Он может мне сделать это снисхождение

за лишнюю пьесу <«Запустение»?>, которую я ему посылаю. Обнимаю тебя и кланяюсь всем твоим. — Е. Боратынский. — Надеюсь, что маменька и брат <П. В. Киреевский> теперь здоровы. У нас тоже всю зиму были жестокие поветрия, и все мы один за другим перехворали».

ТС. С. 54—55 (дата: весна 1834). Автограф: РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. Л. 12—13 об. Наша датировка связана с предполагаемым временем возвращения Боратынского из Мары — в марте 1834 (см. далее).

ФЕВРАЛЬ, начало месяца (?). Пенза. Д. В. Давыдов посылает Боратынскому в Мару свое стих. «Вальс» («Кипит поток в дубраве шумной...») с просьбой сделать поправки. — Боратынский, видимо, благодарит в ответном письме за доверие, но поправлять стихи отказывается. — См. далее: февр., 16.

ФЕВРАЛЬ, 16. Пенза. Давыдов посылает Языкову свое стих. «Вальс» с просьбой сделать поправки: «<...> Я о том же писал и к Баратынскому. Кстати о Баратынском. Я на днях и от него получил письмо — он препоручает мне вам кланяться. Вот слова его: «Вы переписываетесь с Языковым; поклонитесь ему от меня. Дай Бог здоровья ему и его музе. Он поэт в душе. У нас не умеют его ценить; но когда гнилая наша поэзия еще будет гнилее и будет пахнуть мертвечиной, мы почувствуем все достоинство его бессмертной свежести». Что касается до стихов моих, то он их не исправил и тем огорчил меня, ибо я вижу сам в них недостатки, которые исправить не умею».

Давыдов. Изд. 1895. Т. 3. С. 191.

МАРТ (?). Переезд Боратынского с женой, детьми и сестрой Наталией из Мары в Москву.

Время переезда определяется весьма предположительно: по дате письма Боратынского к маменьке — см. далее: апр., до 23.

АПРЕЛЬ, 3. По распоряжению Николая I запрещен журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф».

АПРЕЛЬ, до 23. Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Je vous félicite de votre jour de fête...» — Перевод: «Поздравляю вас с днем ваших именин, любезная маменька, сердце мое полно самых нежных пожеланий. Сегодня — первый погожий день за весь апрель: он предвещает весну. Московская жизнь так однообразна, так глупа, что удовольствия можно получить только от безоблачных небес. Свет все тот же, все так надоели друг другу, что при встречах зевают. Новых книг нет. Словесность во всех странах сейчас истощена. Развлечение доставляют нам только свадьбы. Одна совершилась в нашем доме. Графиня Платова <Марфа Ивановна>, внучка славного генерала, вчера обвенчалась с князем Голицыным <Дмитрием Григорьевичем>. Все последнее время у нас было множество хлопот с учителями для детей, гувернерами и гувернантками. Все сменились. Вы не представляете, как трудно подыскать приличных учителей. Вообразите, что с той поры, как мы держим иностранцев и иностранок, мы еще не нанимали ни одного, кто умел бы заточить перо — я не шучу. Прощайте, любезная и милая маменька, от всего сердца целую ваши ручки. — Е. Боратынский».

М. С. 75 (текст); С. 139 (дата: 1834 — по году свадьбы М. И. Платовой и Д. Г. Голицына); поскольку именины Александры Федоровны были 23 апреля, датируем письмо предположительно временем до этого числа. — К письму имеется приписка Настасьи Львовны (М. С. 75), где упомянута сестра Боратынского Наталья Абрамовна. Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 35—36 об.

АПРЕЛЬ, 29. Москва. И. В. Киреевский женился на Н. П. Арбеневой.

Киреевский 1861. Т. 1. С. 84.

МАЙ (?). Москва. Письмо Боратынского к Е. Ф. Кривцовой в Любичи (на фр. яз.; без даты): «Mille grâces, Madame, pour l'extrême bonté que vous avez eu...» — Перевод: «Тысяча благодарностей, сударыня, за вашу безмерную доброту, доказательства коей вы явили нам, известив о своей жизни. Кажется, уединение в Любичах более оживлено, нежели в столичном граде Москве. Вот уже два месяца, как фортуна отвернулась от нас: ни единой, даже самой крохотной сплетни, никаких, даже невинных скандалов. По видимости, небеса пекутся о вас, а нас забыли. На сем молю Господа Вседержителя, дабы он производил вокруг вас как можно более бурное кипение страстей, дабы вы по возвращении в Москву поведали нам о них с присущим вам изяществом, кое нам так хорошо известно. Искренне полагаюсь на вашу дружбу. — Е. Боратынский. — Жена и сестра кланяются вам с лучшими воспоминаниями».

Хетсо. С. 603 (по автографу РНБ. Ф. 52. № 244. Л. 167; дата: 1834). Обосн. нашей даты: упоминание двух месяцев, проведенных в Москве, и сестры, посылающей свои поклоны Кривцовой. Если считать, что Боратынские вернулись из Мары в Москву в марте и с ними приехала сестра Наталья Абрамовна (см. примеч. к апр., до 23), можно полагать, что письмо написано в мае 1834. Впрочем, с таким же успехом можно датировать его 1838 или 1840—1841 гг. — в те годы Наталья Абрамовна тоже приезжала в Москву.

ИЮНЬ, 12. Мара. С. М. Боратынская (Дельвиг) — А. Н. Карелиной: (на фр. яз.). Перевод: «<...> Я и мои трое детей чувствуют себя хорошо, но мне грустно по случаю отъезда моего шурина Евгения и его семейства: они уехали надолго в Москву <ils sont allés à Moscou et pour longtems>, оставив у нас большую пустоту. Настя (моя невестка), может быть, возымеет надобность сообщить мне о вещах, которые она не хотела бы высказывать открыто, из боязни, чтобы их не узнал кто-либо из здешних членов нашего семейства. Для большей безопасности я обещала ей поэтому (зная твою дружбу), что она может иногда адресовать свои письма к тебе, причем я уверена, что ты не откажешься взять на себя труд переслать их ко мне в твоих письмах».

Б. Л. Модзалевский 1929. С. 270—271 (текст в переводе). Проверено по автографу — ПД. Ф. 33. Оп. 2. № 36. Л. 130. 18 июля 1834 С. М. Боратынская уже благодарила Карелину за присылку письма Настасьи Львовны.

ИЮНЬ, 16. Имение Маза. Д. В. Давыдов — Н. М. Языкову: « <...> Баратынский купил себе маленькую подмосковную, где совсем основался, а будет приезжать на зиму в Москву налегке с одной женою <...>».

Давыдов. Изд. 1895. Т. 3. С. 197. О чем речь — непонятно; скорее всего, это слух, возникший потому, что Боратынский проводил лето в подмосковной тестя — Муранове.

АВГУСТ, 11. Петербург. Вяземские уезжают в Италию в надежде излечить там от чахотки дочь Полину (умерла 11(23) марта 1835).

АВГУСТ, 20. Москва. На 34-м году умер Александр Муханов.

ОСЕНЬ. Боратынский с семейством — в Маре или в Казани.

Подтверждением тому, что осенью 1834 г. Боратынский с семейством вновь отправился в Мару, служат слова из письма Настасьи Львовны к сестре: «благодарю за письма <...>, награждения за мои марские» (см. след. дату); подтверждение тому, что осенью Боратынские жили в Казани,— карандашная помета к нижеслед. письму: «ноябрь 1834, Казань»..

НОЯБРЬ, начало месяца. Мара или Казань. Боратынские — С. Л. Энгельгардт в Москву (без даты): *Настасья Львовна*: «Le mariage de Kindiakoff est une idée de maison <...> jeune Раевской aussi bien attrapé car on dit la fortune de Киндяков en très mauvais état <...>. Очень благодарна за письма преподробные, награждения за мои марские, зато теперь уж решительно нечего писать, кроме хозяйства, которое очень еще не пришло в порядок» (перевод фр. текста: «Замужество Киндяковой —

12*

домашний замысел <...> молодой Раевский как следует запутался в сетях, ибо говорят, что состояние Киндяковых расстроено»). *Боратынский*: «Вот тебе, моя душенька, корректура. Похлопочи обо мне. По будущей почте пришлю тебе послание к Вяземскому и эпиграмму. Совсем позабыл о моем обещании за хозяйственными хлопотами. Вот тебе еще поручение. В 4-й главе Наложницы я было уничтожил последнюю тираду со стиха: Елецкой, проводив гостей. Я ее возобновляю и пишу об этом в типографию, но боюсь, что меня не поймут. Прежде нежели мне пошлешь корректуру, взгляни на нее и, ежели мое желание не исполнено, отошли назад и вели им растолковать, в чем дело. Прощай, обнимаю тебя. Скажи, как тебе покажутся мои переправки».

Мурановский сборник. Т. 1. М., 1928. С. 30 (с неточной датой); *Медведева, Купреянова* 1936. Т. 2. С. 266 (уточнение даты). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 42–43 об. В автографе – карандашная помета: «ноябрь 1834, Казань»; ни подтвердить, ни опровергнуть данное указание на осеннее место жительства Боратынского мы не можем. Обосн. даты — упоминание о женитьбе А. Н. Раевского на Е. П. Киндяковой (11 ноября 1834). Послание к Вяземскому — это стих. «Князю Петру Андреевичу Вяземскому», поводом к сочинению которого стала болезнь дочери Вяземского (см. выше: авг., 11); о какой эпиграмме упомянуто в письме — не ясно.

ДЕКАБРЬ. Боратынский возвращается из Мары или Казани в Москву (см. выше: примеч. к дате: осень).

ДЕКАБРЬ, 9. Петербург. Главное управление цензуры разрешает издание в Москве нового журнала «Московский наблюдатель». В издании журнала принимают участие: В. П. Андросов, Е. А. Боратынский, Н. В. Гоголь, М. А. Дмитриев, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, Н. А. Мельгунов, князь В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Павлов, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, Н. М. Языков. — Отдельным циркуляром министра народного просвещения С. С. Уварова из программы журнала исключено имя И. В. Киреевского. — См. далее: дек., 29; 1835, февр., 19.

РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 724 (Дело о дозволении титулярному советнику Андросову издавать журнал под названием «Московский наблюдатель»). — Через год Андросов жаловался А. А. Краевскому: «Сотрудников у Вас <в Петербурге> найти можно гораздо более, нежели у нас <в Москве>. Я окружен гениями, которые никак не хотят низойти до вещей обыкновенных, тогда как у Вас можно делать заказы: ты переводи это, ты пиши о том, ты ходи в театр и т. д.» (*Гоголь*. Ак. Т. 10. С. 490).

ДЕКАБРЬ, 14. Москва. Ценз. разр. газете «Молва» (1834. № 50) с продолжением «Литературных мечтаний» Белинского, один из абзацев которых посвящен Боратынскому:

«Г-на Баратынского ставили на одну доску с Пушкиным; их имена были неразлучны, даже однажды два сочинения сих поэтов явились в одной книжке, под одним переплетом <«Две повести в стихах»: «Бал» — «Граф Нулин». СПб., 1828>. <...> теперь даже и в шутку никто не поставит имени г. Баратынского подле имени Пушкина. Это значило бы жестоко издеваться над первым и не знать цены второму. Поэтическое дарование г. Баратынского не подвержено ни малейшему сомнению. Правда, он написал плохую поэму «Пиры», плохую поэму «Эдда» («Бедную Лизу» в стихах), плохую поэму «Наложницу», но вместе написал и несколько прекрасных элегий, дышащих неподдельным чувством, из коих «На смерть Гёте» может назваться образцовою, несколько посланий, отличающихся остроумием. Прежде его возвышали не по заслугам; теперь, кажется, унижают неосновательно. Замечу еще, что г. Баратынский обнаруживал во времена оны претензии на критический талант; теперь, я думаю, он и сам разуверился в нем» (С. 400).

ДЕКАБРЬ, 19. Москва. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «Обедал у Орлова с Барат<ынским>, Чаадаев<ым>, Ден<исом> Давыдов<ым> и с Раевскими новобрачными» <А. Н. Раевский с женой>.

Гиллельсон 1964. С. 475.

ДЕКАБРЬ, 28. Петербург. Ценз. разр. «Библиотеке для чтения» (1835. Т. 8 (№ 1); вышел 31 янв. 1835) со стих. **«Запустение» («Я посетил тебя, пленительная сень...»)** (С. 19—21; подпись *Е. Баратынскій*). С разночтениями вошло в Изд. 1835.

ДЕКАБРЬ. 29. Москва. В «Московских ведомостях» опубл. программа «Московского наблюдателя» (см. выше: дек., 9) с объявлением о подписке на 1835 г. с марта.

1835

Боратынский весь год в Москве; летом — в Муранове.

ЗИМА. Москва. «Летнее и осеннее время мы проводили в деревне, а зимы — в Москве, куда приезжали в конце ноября или в начале декабря <...>. В Москве мы мало ездили в так называемый grand monde — на балы и вечера; а преимущественно проводили время с добрыми приятелями Киреевскими, Елагиными, Хомяковыми, Свербеевыми, Шевыревыми, Погодиным, Баратынским».

Кошелев. Изд. 1991. С. 77.

ЯНВАРЬ. Москва. Боратынский покупает двухэтажный каменный дом на Большой Спиридоньевской улице (купчая оформлена 23 янв. — см. далее).

ЯНВАРЬ, 22. Москва. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «Баратынский привез ко мне экз<емпляр> нового издания своих сочинений».

Гиллельсон 1964. С. 476. Экземпляр этот сохранился и был недавно обнаружен в фондах Гос. лит. музея; на книге — дарственная надпись: «Александру Ивановичу Тургеневу. Е. Боратынский». Этот экземпляр — видимо, один из немногих, отпечатанных к январю 1835 г. (весь тираж вышел только в апреле); он предназначался для цензорского просмотра, и на нем сохранились следы от красных сургучных печатей, которыми был, видимо, прикреплен к книге цензорский билет. Особенность этого экземпляра — дата, стоящая на титульном листе: 1833; кроме того, Часть 1-я напечатана на бумаге, имеющей водяные знаки тоже только 1833 г. (подробнее об этом экземпляре см.: *Светлов* 1984. С. 123—128). Видимо, Ширяев собирался издать книгу еще в 1833 г., но отъезд Боратынского в Мару замедлил движение корректуры от издателя к автору и обратно, и в результате полностью «Стихотворения Евгения Баратынского» были набраны только к январю 1835 г., а весь тираж (2000 экз.) отпечатан только к апрелю (см. далее: апр., 20).

ЯНВАРЬ, 23. Москва. Оформлена покупка Боратынским у Н. В. Шаховской двухэтажного каменного дома на Большой Спиридоньевской улице. См. далее: март, 28.

«Тысяща Восемь Сот Тридцать Пятого Генваря в двадцать третий день княжна Надежда Васильева дочь Шаховская продала Губернскому секретарю Евгению Абрамову сыну Баратынскому и наследникам его крепостной свой каменный отстроенный на белой земле дом с флигелем и с принадлежащим к оным разного рода жилым и нежилым каменным и деревянным строением, свободный от всякого залога и запущения, доставшийся мне по наследству после покойного родителя моего бригадира князь Василья Петровича Шаховского и по разделу с братом моим родным коллежским секретарем князь Александр Васильевичем Шаховским и сестрами родными титулярной советницею Анною Васильевною Шаховскою и штаб-капитаншею Марьею Васильевною Васильчиковою, явленному и утвержденному Московской палаты Гражданского суда Второго департамента тысяча восемь сот тридцать первого декабря восемнадцатого дня, состоящий в Москве в Арбатской части четвертого квартала под номером триста двадцать четвертым в приходе церкви Спиридония, а мерою под тем домом и строением той белой земли длиннику по правую сторону

тридцать четыре сажени, по левую до перелома вправо двадцать сажень два аршина, в переднем конце от длинника правой стороны до перелома влево двадцать семь сажень, от оного до длинника левой стороны десять сажень, в заднем конце сорок две сажени два аршина. В части же оной состоит по правую сторону дом господина Астафьева, по левую сторону дом купца Губина, впереди улица Спиридоньевская, а позади земля госпожи Нелидовой. А взяла я, продавица, с него, покупщика, за оный свой дом со всем означенным денег государственными ассигнациями сорок тысяч рублей, с суммы пошлины платить ему, покупщику, на предъявление сей купчей. Оный мой дом с строением и со всем означенным от меня иному никому не продан, не заложен и ни у кого ни в каких крепостях не укреплен и ни за что не описан, и оный дом в споре не состоит, а буде кто в оный по крепостям или по чему ни есть станет вступаться, то мне, продавице, и наследникам моим его, покупщика, и наследников его, от тех вступщиков и ото всего очищать по указам и убытков в том никаких не доставить. А о написании в сей купчей договорной цены без утайки продавице и покупщику указ семьсот пятьдесят второго года июля двадцать девятого дня при сем объявлен. — К сей купчей княжна Надежда Васильева дочь Шаховская, что я вышеописанный крепостной свой, каменный, отстроенный на белой земле дом с строением, свободный от всякого залога и запрещения, со всем означенным продала и денег государственными ассигнациями сорок тысяч рублей взяла и руку приложила». — Свидетели, подписавшие купчую: тайный советник сенатор И. П. Поливанов, действ. статский советник А. А. Прокопович-Антонский, действ. тайный советник, камергер Н. Г. Вяземский, генерал-лейтенант П. В. Чертков, подполковник А. М. Изведков, полковник Н. К. Воейков, коллежский советник Д. А. Шишков, надворный советник И. Л. Насекин, поручик А. А. Сухово-Кобылин. — Купчая оформлена в Крепостной экспедиции 2-го департамента Московской палаты Гражданского суда секретарем Набоковым (ПД. № 21.786. Л. 1—2).

ЯНВАРЬ, 31. Петербург. Вышла «Библиотека для чтения» (1835. Т. 8. <№ 1>) со стих. **«Запустение»**. См. выше 1834, дек., 28.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 267. Л. 6 (дата).

ФЕВРАЛЬ, 19. Москва. Ценз. разр. первому номеру «Московского наблюдателя» (1835. Ч. 1. Март; вышел 12 марта) со стих. **«Последний поэт»** (С. 30—32; подпись *Е. Баратынскiй*; с разночтениями перепечатано в «Сумерках»; сводку разночтений см.: Изд. 1982. С. 481—482).

В этом же номере журнала напечатано «Письмо из Флоренции в Симбирск» А. И. Тургенева, посвященное его пребыванию в Швейцарии; в рукописи «Письма...» Боратынским была сделана какая-то приписка (см. в дневнике Тургенева, запись 22 янв. 1835: «Баратынский <...> приписал в моем письме из Швейцарии») (*Гиллельсон* 1964. С. 476).

МАРТ, 12. Москва. Вышел «Московский наблюдатель» (1835. Ч. 1. Март) со стих. **«Последний поэт»**. См. выше: февр., 19.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 89. Л. 103 об. (дата).

МАРТ, 28. Москва. Боратынский предъявляет купчую на приобретенный дом (см. выше: янв., 23) во 2-й департамент Московского магистрата, после чего официально вступает в права владельца.

ПД. № 21.786. Л. 2.

АПРЕЛЬ—МАЙ (?). Варшава. Н. И. Павлищев посылает Боратынскому свою статью «Брамбеус и юная словесность» с просьбой поместить ее в «Московском наблюдателе» (опубл.: МН. 1835. Июнь. Кн. 1—2; подпись *Н. П-щ-в*): «J'ai appris par la vue des gazettes, ici à l'autre bout de l'Europe, dix ans je crois après notre dernière entrevue à Pétérsbourg, qu'un nouveau journal — Московский Наблюдатель — allait paraître à Moscou. Puisque votre nom figure parmi ceux des collaborateurs, je n'hésite pas de recommander à votre indulgence ma pièce: Брамбеус и юная словесность, pour lui donner place à coté des articles *critiques* de l'Observateur. Il est inutile de justifier les motifs qui m'ont porté à cette attaque que bien des personnes envisageront peut-être

comme très inégale sous le rapport des furieux littéraires. Le soi-disant Baron Brambéus à trop de prétention à l'originalité, fait bien le grand sage du bon goût, pour qu'on lui laisse le champ libre. C'est à vous autres, littérateurs privilégiés, de juger si ma tâche est dûment remplie; quand à moi, je déclare l'avoir entreprise uniquement dans le but d'éclairer un peu la route, que d'autres plus experts que moi, voudront peut-être suivre dans cette carrière; or, je ne veux pas de publicité pour mon nom et je me renferme dans les initiales. Si vous trouvez que ma pièce mérite de voir le jour, vous êtes libre de lui faire subir tel amendement que l'on vous semble, en négociant toute fois auprès du proprietaire du journal un petit bénéfice pour l'auteur: c'est de faire imprimer pendant qu'elle ne sera au journal 3 à 4 cent exemplaires à part, de les faire brocher convenablement et de les livrer ensuite à ma disposition. — Je suis vraiment peiné de vous jeter sur les bras toute une affaire. Grâce pour l'importun! Vous conviendrez sûrement qu'il est impossible d'imprimer cette pièce ici où il n'y a pas de censeur, qui fût à même de comprendre bien la langue russe. Quant à Pétérsbourg, il est certain que la Библиотека для чтения — journal le moins mauvais a Pétérsbourg ne voudra point cette épistole polémique adressée à l'une de ses célébrités favorites. — Dans la conversion que vous connaissez M. Ouchakoff, auteur de plusieurs écrits littéraires, je joins ici une lettre pour lui qui lui vient d'un son ami de Varsovie; au reste c'est le seul moyen de la lui faire parvenir, puisque nous ignorons son domicile à Moscou. Je vous supplie encore de ne pas m'en vouloir pour ce tas de commissions, et de croire en meme tems aux sentiments de mon éstime la plus profonde. — Tout devoué N. P.»

ПД. № 30.865. Перевод: «Здесь, на другом краю Европы, спустя, наверное, десять лет после нашей последней встречи в Петербурге, я узнал из газет, что в Москве вскоре появится новый журнал — Московский Наблюдатель. Увидев ваше имя в перечне издателей, я без колебаний вверяю вашей снисходительности мое сочинение «Брамбеус и юная словесность» для помещения его в разделе *критических* статей «Наблюдателя». Не стану перечислять причин, которые подвигнули меня на эту вылазку, которая весьма многим покажется, вероятно, слишком недостаточной по отношению к нашим «неистовым» литераторам. Так называемый барон Брамбеус чересчур уверен в собственной оригинальности, он слишком заносится, полагая себя знатоком хорошего вкуса, чтобы его можно было оставить действовать на свободе. Вам, присяжным литераторам, судить, исполнил ли я свою задачу надлежащим образом; я же объявляю, что предпринял все это с единственной целью: хоть несколько осветить дорогу тем, кто, может быть, захочет идти по ней после меня. Я, однако, не желаю никакой гласности и укрываюсь за инициалами. Если вы сочтете, что мое сочинение заслуживает тиснения, вам предоставляется полная свобода вносить все необходимые исправления, но все же выторгуйте у владельца журнала небольшое благодеяние для автора: пока статья не появится в журнале, пусть напечатают отдельно триста или четыреста экземпляров, прилично переплетут их и затем предоставят в мое распоряжение. — Мне, право, весьма неловко обременять вас таким поручением, но — сжальтесь надо мною, неотвязным! Вы, без сомнения, согласитесь, что напечатать эту статью здесь, где нет даже цензора, способного как следует понимать по-русски, невозможно. Что же до Петербурга, то очевидно, «Библиотека для чтения» — наименее плохой из тамошних журналов — не захочет помещать эпистолу, направленную против одной из ее высокочтимых знаменитостей. — Надеюсь, вы знакомы с г. Ушаковым, автором многочисленных сочинений, я прилагаю здесь письмо к нему от одного из его варшавских друзей; это единственный способ доставить ему это письмо, ибо мы не знаем его московского адреса. Прошу вас не сердиться на меня за эти многочисленные поручения и верить чувствам глубочайшего почтения. — Преданный вам Н. П.» (Публикация и перевод Е. Э. Ляминой).

АПРЕЛЬ, 20. Москва. В «Московских ведомостях» (1835. № 2) объявлено о выходе **«Стихотворений Евгения Баратынского»** в 2-х частях (Изд. 1835). — Состав издания см. : 1833, март, 7.

АПРЕЛЬ, 30. Петербург. Вышла «Библиотека для чтения» (1835. Т. 10. № 4; ценз. разр. 29 апр.), где помещена анонимная рецензия на «Стихотворения» Бора-

тынского (Раздел V. С. 1—9; вероятный автор рецензии — О. И. Сенковский). Здесь высоко оценены обе части издания:

«<...> В них много страниц, написанных с пламенным чувством, глубокою мыслию <...>. Г. Баратынский — поэт элегический по преимуществу. Природа или обстоятельства дали это направление его несомненному таланту, — но он сам говорит: «О счастии младенчески тоскуя, // Все счастьем беден я». Этот мотив отзывается во всех его стихотворениях, даже веселых, где поэт желал бы забыть свою обычную грусть. Взгляд его на мир, на земные блага, на цель жизни постоянно один и тот же, несмотря на случайные усилия изменить его. <...> В самом деле, веселье не к лицу нашему поэту. Когда он выходит из элегий, он теряет всю свою силу и прелесть. Его эпиграмма не остра: она не колет, но тихо режет; его вакхические песни несколько принужденны: заметно, что они сочинены; его мадригалы не льстят женского самолюбия: если бы мы были женщины, они бы скорее бесили нас тем презрением и холодностью, которых поэт не может скрыть даже под завесою угодливости и рифмованной любви. — Г. Баратынский очень удачно оценивает Пушкина, Дельвига, Языкова, и если б решился излагать свои мысли в прозе, он был бы замечательным критиком. <...> В музе его точно — необщее выражение лица и необычайная простота речей, но кто же, познакомившись с ней покороче, вздумает почтить ее только небрежной похвалою? Мы полагаем, что в нее можно влюбиться, прочитав «Череп», «Мадонну», «На смерть Гете» и многие другие стихотворения, из которых составлено ея прекрасное ожерелье. <...> Мелкие стихотворения все — решительно все хороши; каждое замечательно или по мысли или по стиху. <...> «Бал», «Пиры», «Переселение душ» читаются с наслаждением, но мы отдаем решительное преимущество мелким стихотворениям — в них более силы, более полноты, более мысли». — Отдельно объяснены причины былого негодования критики по поводу последней поэмы Боратынского: «Она прежде носила другое название, неслыханное в хорошем обществе <«Наложница»>, — название, которого пугались самые бесстрашные читательницы. Поэт услужил совету критиков и переменил заглавие <«Цыганка»>: теперь поэма может быть допущена во всякий будуар».

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 267. Л. 23 об (дата).

АПРЕЛЬ, 30. Москва. Ценз. разр. «Московскому наблюдателю» (1835. Ч. 1. Апрель. Кн. 2; вышел 14 июня) со стих. **«Недоносок»** (С. 526—528; подпись *Е. Баратынскій;* с изменениями вошло в «Сумерки»).

МАЙ, 4. Москва. Гоголь, будучи проездом в Москве, читает у Погодина свою новую комедию «Женихи» (окончательное название «Женитьба»). Среди приглашенных — Боратынский, который, однако, отвечает отказом (записка Погодину без даты): «К крайнему моему сожалению, почтенный Михайло Петрович, должен я изменить данному слову и лишиться великого удовольствия быть у вас. Знаю, что я пропускаю случай познакомиться с новым произведением нашего веселого и глубокого Гоголя, и несказанно сетую на встретившееся препятствие. Препровождаю вам ответ Д. В. Давыдова, который не менее меня сожалеет о невозможности сегодня воспользоваться вашим приглашением. — Е. Боратынский».— Записка Давыдова: «Можешь вообразить, любезный друг Евгений Абрамович, с каким удовольствием я воспользовался бы приятным приглашением Михайла Петровича Погодина, — но у меня хлопоты насчет торгуемой мною деревни, и я невольно должен предпочесть прозу и даже арифметику поэзии; досадно, но что делать! Извини меня пред М. П., которого я душевно благодарю за воспоминание обо мне. — Денис Давыдов. — Я оттого опоздал ответом, что сей час только воротился домой и нашел твою записку».

Хетсо. С. 604 (по автографу РГБ. Ф. 231/II. Карт. 52. № 9; дата: нач. мая); *Гоголь.* Ак. Т. 10. С. 27 (дата чтения «Женихов»).

МАЙ—ИЮНЬ, начало месяца. Москва. Боратынский — С. А. Соболевскому в Москве (без даты): «Не можешь себе представить, как мне досадно, что до сих пор тебя не видел. На авось приехал к тебе, хотя не совсем надеялся тебя застать дома. Завтра поутру опять буду и мы условимся, надеюсь, в частых свиданиях. Я

рад тебе со всем чувством старой дружбы. Мои тебе кланяются. До завтра. — Е. Боратынский».

РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 5. Л. 20. Публикация Е. Э. Ляминой. Датируется по времени приезда Соболевского в Москву.

ИЮНЬ, 4. Тюрьма г. Свеаборга. Кюхельбекер записывает в дневник: « <...> Марлинский — человек высокого таланта: дай Бог ему обстоятельств благоприятных! У нас мало людей, которые могли бы поспорить с ним о первенстве. Пушкин, он и Кукольник — надежда и подпора нашей словесности; ближайшие к ним — Сенковский, потом Баратынский».

Кюхельбекер. Изд. 1979. С. 364.

ИЮНЬ — АВГУСТ. Москва или Мураново. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «J'ai passé ce dernier mois dans des grandes tribulations...» — Перевод: «Последний месяц я провел в больших волнениях, любезная маменька. Сначала разболелась Сашинька, и нам пришлось перебраться в Москву. Едва мы вернулись в Мураново, заболел Левушка, и притом преопасно — мы снова возвратились в город, и там долго тревожились за его жизнь. Слава Богу, нынче он поправляется, хотя еще очень слаб. У него было ни больше, ни меньше, как воспаление легких. Сейчас я занят необходимыми починками в доме, который купил. Обходится это довольно дорого, но все же мне больше повезло, чем многим из тех, кто совершает такие покупки. Я переделываю только мелочи. Правительство приказало проложить от Москвы до Ярославля дорогу: она пройдет через принадлежащую нам деревню в Переяславском округе <Глебовское>. Работы должны кончиться в два года. Это удвоит наши доходы и, главное, облегчит мне доставку в Москву великого строевого леса, какого в моем владении 150 арпанов <около 75 га>. Прощайте, любезная маменька, целую ваши ручки, равно как жена моя и ваши внуки».

М. С. 48—49 (дата: лето 1835), Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 14—15 об. Датируется по упоминанию купленного дома (см. выше: янв., 23) и переездов из Муранова в Москву и обратно (что могло быть только летом).

ИЮНЬ—АВГУСТ. Москва. Знакомство Боратынского с юристом П. Г. Кичеевым.

«Мы с ним познакомились в Москве летом 1835 г. через приятеля его, тамбовского помещика Николая Федоровича Стриневского (умершего в 1839 году). — При первом же свидании Евгений Абрамович произвел на меня невыразимое впечатление. Его счастливая и симпатичная наружность, его скромный вид, тихая, умная речь сейчас же поселили во мне беспредельное к нему благоговение. <...> — На другой день приезжает ко мне Стриневский и говорит: — «Ну, брат, ты вчера сконфузил Баратынского». — «Чем?» — спрашиваю.— «Тем, что при нем, хотя и про себя, читал его стихотворения, лежавшие у меня на столе!» — Вскоре приглашен был я Баратынским к нему обедать, в дом его, что на Спиридоновке. — <...> В половине августа того же 1835 года Евгений Абрамович просил меня написать апелляционную жалобу его супруге в 4-й д<епартамен>т правительствующего сената, на решение Казанской гражданской палаты, по делу о спорных у нее с разными помещиками землях, Казанского уезда, по деревне Князь-Камаевой, Иски-Казань тож. — Жалоба была написана и отправлена в сенат 5 сентября 1835 г. — Баратынский нашел жалобу хорошо написанной, он одобрял ее в отношении слога и спрашивал меня, чрез Стриневского, сколько мне следует за труды? Получив в ответ, что от денег я отказываюсь, а желаю иметь в подарок его стихотворения, Баратынский прислал мне с Стриневским же свои стихотворения в отличном переплете. На этой книжке рукою автора написано: *Петру Григорьевичу Кичееву. Е. Баратынский*» (*Кичеев* 1868. Ст. 866—868).

ИЮНЬ, 8 (?). Москва. Боратынский — С. А. Соболевскому в Москве (без даты): «9-го июня день моей свадьбы, и к этому числу вероятно приедет мой тесть,

следовательно нам завтра т. е. сегодня должно отправляться в Мураново. Приезжай завтра, т. е. воскресенье в 2 часа к нам обедать. Потом поедем вместе в Мураново. Мы там проведем вечер понедельника и во вторник после обеда отправимся в Москву. У меня есть для тебя место pour aller et retour sûr <туда и обратно наверняка>. Стриневской едет с нами. — Е. Боратынской. — 9-го июня день принадлежащий тебе: нельзя отказаться».

РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 5. Л. 18—19. Публикация Е. Э. Ляминой. Обосн. даты см. в след. примеч.

ИЮНЬ, 13 (?). Москва. Боратынский — Соболевскому в Москве (без даты): «Хочешь ли завтра ехать к Свербеевым? Пятница их приемный день. Если ты свободен, скажи: да, и я к ним напишу, что мы будем. Каков ты после нашего путешествия? Ты человек аккуратный, прошу об ответе завтра в 10 часов по полуночи. — Четверг. — Боратынский».

Изд. 1987 (по автографу РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 5. Л. 16; дата: лето 1834 — перв. пол. 1836). Обосн. нашей даты: 1) судя по упоминанию дней недели в первой из записок к Соболевскому (см. выше: июнь, 8?), она написана в субботу незадолго до 9 июня — более всего такое соотношение чисел и дней недели подходит к июню 1835 г.: 8 июня — суббота, 9 июня — воскресенье (день свадьбы, на празднование годовщины которой зовет Боратынский Соболевского); 2) если считать, что вторая записка написана после возвращения из Муранова в Москву, то первый четверг на той неделе — это 13 июня.

ИЮНЬ, 14. Москва. Вышел «Московский наблюдатель» (1835. Ч. 1. Апрель. Кн. 2) со стих. **«Недоносок».** См. выше: апр., 30. Москва.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 89. Л. 117 об. (дата).

ОКТЯБРЬ, 1. Москва. Ценз. разр. «Телескопу» (1835. Ч. 27. № 9) с рецензией Белинского на Изд. 1835 (С. 123—137):

« <...> Я не буду слишком распространяться в разборе стихотворений г. Баратынского; вопрос не обширный и притом очень ясный. — <...> Несколько раз перечитывал я стихотворения г. Баратынского и вполне убедился, что поэзия только изредка и слабыми искорками блестит в них. Основной и главный элемент их составляет ум, изредка задумчиво рассуждающий о высоких человеческих предметах, почти всегда скользящий по ним, но всего чаще рассыпающийся каламбурами и блещущий остротами. Следующее стихотворение, взятое на выдержку, всего лучше характеризует светскую, паркетную музу г. Баратынского:

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.

Скажите, Бога ради, неужели это чувство, фантазия, а не игра ума? И перечтите все стихотворения г. Баратынского: что вы увидите в каждом из лучших? Два-три поэтических стиха, вылившиеся из сердца; потом риторику, потом несколько прозаических стихов; но везде ум, везде литературную ловкость, уменье, навык, щегольскую отделку и больше ничего. <...> есть и у г. Баратынского несколько замечательных стихотворений, как то: «Элегия на смерть Гете», «О счастии с младенчества тоскуя», «Дало две доли Провидение», «Когда печалью вдохновенный», «Бежит неверное здоровье», «Не искушай меня без нужды», «Притворной нежности не требуй от меня», «Череп», «Последняя смерть», но одни из них хороши по мысли, но холодны, а все вообще оставляют в душе такое же слабое впечатление, как дуновение уст на стекле зеркала: оно легко и скоропреходяще. В наше время, холодное, прозаическое время, надо в поэзии огня да огня: иначе нас трудно разгореть. — В числе необходимых условий, составляющих истинного поэта, должна непременно быть совре-

менность. Поэт больше, нежели кто-нибудь, должен быть сыном своего времени. Скажите, Бога ради, может ли *поэт* нашего времени написать два длинных, вялых прозаических послания, каковы к Богдановичу и Гнедичу, которых самый механизм стихов скрыпит, как тяжелые ворота на вереях, и в которых нет не только ни искры чувства, но даже и порядочной мысли?» — Далее следуют выписки из стихотворений «Незнаю! Милая Незнаю...», «Вчера ненастливая ночь...», «Она придет, к ее устам...», «Тебе я младость шаловливу...» и резюме: «И это поэзия?.. И это хотят нас заставить читать, нас, которые знают наизусть стихи Пушкина?.. И говорят еще иные, что XVIII век кончился!.. <...> О поэмах г. Баратынского я ничего не хочу говорить: их давно никто не читает. Нападать на них было бы грешно, защищать странно. Однако замечу мимоходом, что в «Пирах» блестят местами искры остроумия и даже изредка чувства <...>».

НОЯБРЬ, 26. Москва. У Боратынских родился сын Николай.

НОЯБРЬ, конец месяца. Москва. Боратынский — брату Сергею и его жене в Мару: «Настя родила благополучно, а у меня еще сын, который по желанию его киевской прабабушки назван Николаем. Уведомляю вас об этом, милые мои Сергей и Соничка. Жена моя хоть не так бодра, как бывало, но не страдает ничем особенным. Зная, как вы ее любите, спешу с вами поделиться доброй вестью и вас успокоить. — Е. Боратынский».

П. С. 263 (по автографу ПД. № 26.317).

ДЕКАБРЬ, 4. Москва. Младенец Николай крещен; восприемники — его дед Л. Н. Энгельгардт и сестра Александра.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 208. Л. 1—1об. (Свидетельство <...> из Московской Духовной консистории <...> о рождении и крещении <...> Николая Боратынского).

1836

Боратынский весь год в Москве; летом — в Муранове. Отношения Боратынского с кругом «Московского наблюдателя» охладевают; после публикации «Бокала» и «Алкивиада» (см. февр., 16) он прекращает сотрудничество в журнале.

ЯНВАРЬ, 28. Москва. Обед, устроенный в честь К. П. Брюллова в Московском художественном классе. На обеде среди прочего исполняются куплеты (на музыку Верстовского) **«Там, где парил орел двуглавый...»**, автором которых, вероятно, был Боратынский.

Московские ведомости. 1836. № 11. 5 февр. С. 229—230 (описание обеда и текст стих.; др. публикация: МН. 1835. Ч. 4. Кн. 2. прил. С. 3—4 — номер журнала вышел в феврале). Обе публикации без подписи. Это стихотворение не было помещено в прижизненных изданиях Боратынского, а в посмертных собр. соч. печаталось лишь 2-е четверостишие («Принес ты мирные трофеи...»). Впервые процитированное сыном поэта как самостоятельный экспромт (см. *Л. Е. Боратынский* 1869. С. 397), четверостишие это воспроизводилось в последующих изданиях обычно в разделе Dubia. Полный текст, напечатанный в «Моск. ведомостях» и «Моск. наблюдателе», введен в основной корпус произведений поэта Л. Г. Фризманом (см. Изд. 1982. С. 337—338, 664—665), опиравшимся на исследование И. Н. Медведевой о восприятии «Последнего дня Помпеи» в русской поэзии (см. *Медведева* 1968. Р. 122).

ФЕВРАЛЬ, 1. Москва. Умер дядюшка Боратынского — Илья Андреевич.

ФЕВРАЛЬ, 16. Москва. Ценз. разр. «Московскому наблюдателю» (1835. Ч. 5. Ноябрь. Кн. 1; вышел 21 февр.) со стих. **«Бокал»** (С. 24—26) и **«Алкивиад»** (С. 27) (оба текста с подписью *Баратынскій*; с разночтениями и то и другое стих. вошло в «Сумерки»).

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 89. Л. 152 об. (дата выхода).

ФЕВРАЛЬ, 19. Петербург. В. А. Эртель — Боратынскому в Москву: «Здравствуй, мой милый, любезный Боротынский! — Как я жалею, что Ты не знаешь немецкого языка, ибо Ты богат душою и воображением, а немецкий есть язык сердечный и фантастный; и я бы тогда на своем природном языке сказал Тебе гораздо лучше, сколь искренно я Тебя люблю. При моем посещении в Москве я, конечно, нашел все возможные удовольствия и рассеянности, но все-таки я остался недовольным: я Тебя не видал, а только взглянул на Тебя; я не видал Тебя в круге Твоего семейства; не видал, не поцеловал Твоих детей. Давно я собирался писать Тебе; но я теперь в работе хуже извозчической лошади, потому что по Высочайшему повелению учреждена для перевода Свода Законов на немецкий язык Комиссия, которой я директором; а срок дан двухгодичный. Наконец время за перо, благодаря молодого артиста, отправляющегося в Москву, который просил у меня рекомендательных писем. Поэт есть рожденный друг и покровитель Артиста, и так я его адресую к Тебе как брату в Аполлоне, и он истинно достоин, чтоб Ты его любил и хлопотал за него всеми силами; он прямой талант, или лучше сказать Гений — творец в музыке. Представь себе: дают ему любую, незнакомую тему, а он, после нескольких минут размышления, из нее сочиняет не пиесу, но поэму. Признаюсь, что я подобного феномена в этом роде не видал. Гуммель не может сравниться с ним. Его фамилия Штейн, и он в Москве желает дать один или несколько концертов и также играть в частных домах. Не откажи ему, пожалуйста, в своих советах касательно цены, выбора домов и вообще содействуй, сколько можешь, в успехе его предприятия. — К нам приехал Пашка Чернышев, и мы с ним почти неразлучны. Тогда исчезает для нас настоящее, и мы живем в прошедшем; а что тогда и частехонько поминаем о Тебе, это Ты можешь вообразить себе. Он обнимает и целует Тебя от всей души. — Наша Литература сделалась торговкою, а именно такой, как Ты верно в старые времена встречал на Щукином дворе. Из Литераторов я никого не вижу, кроме Жуковского и Плетнева; последний из них не переменился. — И с тем, любезнейший Евгений, прощай! Желаю Тебе и Твоим здоровия и всякого благополучия. Если будет время, то обрадуй меня письмецом. Мое нижайшее почтение Ф. Н. Глинке. Кланяйся всем, которые помнят меня. Прощай! — Твой душевно и навсегда преданный — В. Эртель». — Постскриптум на фр. яз. — Перевод: «Заинтересуйте в пользу г-на Штейна Ваших ценителей искусств и Ваших журналистов. — С.-Петербург. — 19 февраля 1836».

ИП. С. 339. Автограф – ПД. № 21. 749. Л. 1—2 об. Штейн Федор Федорович — в будущем профессор Петербургской консерватории; в 1836 г. ему было около 17 лет.

МАРТ, 2. Москва. Д. В. Давыдов — Пушкину в Петербург об участии московских поэтов в «Современнике»: «<...> Жаль, что не дождусь тебя в Москве <Пушкин приехал в Москву в начале мая>. Я сегодня еду отсюда в мои степи. Баратынский хочет пристать к нам, это не худо; Языков верно будет нашим; надо бы Хомякова завербовать, тогда стихотворная фаланга была бы в комплекте <...>».

Пушкин. Ак. Т. 16. С. 88.

МАРТ, 3. Дата под посланием Н. М. Языкова «Е. А. Баратынскому» («Покинул лиру ты. В обычном шуме света...») — опубл. в «Московском наблюдателе» (1836. Ч. 6. Март. Кн. 1. Ценз. разр. — 1 марта 1836).

АПРЕЛЬ, после 9. Петербург. Вышел 1-й том журнала Пушкина «Современник» (ценз. разр. 31 марта).

В статье Гоголя (помещена без подписи) «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» между прочим разбирается продукция «Московского наблюдателя»: « <...> В

«Московском наблюдателе» <...> не было видно никакой сильной пружины, которая управляла бы ходом всего журнала. <...> В журнале было несколько хороших статей, его украсили стихи Языкова и Баратынского — эти перлы русской поэзии, но при всем том в журнале не было заметно никакой современной живости, никакого хлопотливого движения; не было в нем разнообразия, необходимого для издания периодического <...>». (С. 211—212). — Баратынский напечатал в «Московском наблюдателе» стих. «Последний поэт» (см. 1835, февр., 19), «Недоносок» (см. 1835, апр., 30), «Бокал» и «Алкивиад» (см. 1836, февр., 16).

Березина В. Г. Из истории «Современника» Пушкина // ПИМ. Т. 1. С. 301—302 (дата).

МАЙ, 3—20. В Москве — Пушкин, приехавший из Петербурга (жил у Нащокина в Воротниковском переулке).

МАЙ, между 12 и 14. Москва. Е. М. Языкова — брату Н. М. Языкову: «<...> В субботу <16 мая> мы собираемся в Новый Иерусалим: Свербеев, Павлов, Андросов, Баратынский — и, конечно, Хомяков <...>».

Шапошников 1928. С. 156. См. далее: май, 19.

МАЙ, 14 и 16. Москва. Пушкин — жене в Петербург: «<...> С литературой московской кокетничаю как умею, но Наблюдатели меня не жалуют. Любит меня один Нащокин. <...> Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. <...> Баратынский однако ж очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу <...>».

Пушкин. Ак. Т. 16. С. 116.

МАЙ, 19. Москва. Е. М. Языкова — брату Н. М. Языкову: «<...> Баратынский не был у Свербеевых и потому в Новом Иерусалиме тоже <...>».

Шапошников 1928. С. 159.

ИЮНЬ, около 9. Москва. Боратынский — жене в Мураново (на фр. яз.; без даты): «J'ai retrouvé le portefeuille ainsi sois tranquille...» — Перевод: «Я отыскал и бумажник, так что будь спокойна. Чувствую себя хорошо, но слегка пьян. Мы только и говорим о тебе с Стриневским. Он говорит мне вещи, которые привязывают меня к нему все более и более. Он нам брат. Я позволил ему самому к тебе писать, а сам обнимаю тебя так же нежно, мой ангел, как в первый день женитьбы. Впрочем, вздор: я тебя люблю теперь несравненно больше, но невозможно это изъяснить. Знаешь ли, десять лет со дня свадьбы — это событие торжественное! Это договор, который я продлеваю еще на десять лет? Это закон законов. Прощай, мой милый друг, мое дорогое дитя. Не пеняй на дурачество моего письма. Несмотря на прекрасное настроение, я немного грустен оттого, что тебя нет рядом со мною. Храни тебя Господь».

П. С. 252—253 (по копии Н. Л. Боратынской — ПД. № 21.731. Л. 26—26 об.; с неточной датой и погрешностями в тексте). Публикуется с уточнениями, сделанными по той же копии ПД. 9 июня 1836 — десятилетняя годовщина свадьбы Боратынского.

ИЮЛЬ, 24. Орел. Тесть Боратынского Л. Н. Энгельгардт, отправившийся из Москвы в одно из своих имений, посылает письмо дочери и зятю: «Милые друзья, вчера отправился из Скуратова. Пробыл у Шаховского часа два, ночевал в Мценске, теперь обедаю в Орле. Благодарение Богу, усталости не чувствую, дорога из Скуратова была хороша, теперь дождит и очень нагрязнило. Представьте, что с самой Москвы и не видал ни одной ягодки земляники и клубники: все морозом истреблено <...>. Год не хороший. <...> Бог вас благослови».

Подольская 1988. С. 213 (по автографу РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 197 — здесь же хранятся еще 4 неопубл. письма Л. Н. Энгельгардта к Боратынскому и дочерям, написанные в июне—июле 1836 г. из Ростова, Суздаля, Арзамаса и Скуратова).

АВГУСТ. Петербург. В «Журнале Министерства народного просвещения» (1836. № 8) опубл. «Обозрение русских газет и журналов» Я. М. Неверова с критикой рецензии Белинского на «Стихотворения» Боратынского (см. 1835, окт., 1):

«<...> Все дело в том, что сочинитель разбора не отделяет поэта-гения от поэта-таланта. По его мнению тот не поэт, кто не создал себе нового рода, не проложил новых путей. Но разве ослабнет мысль, увянет чувство, если их выразить в форме общей, не в новоизобретенной? Нисколько. Требовать от каждого поэта новых форм, новых путей невозможно, формы меняются столетиями, а чувство поэзии может посещать людей и не столь редко. — <...> разве ум не может дружить с поэзиею, если только он не заглушает чувства? Разве несколько вялых стихов или даже ряд слабых стихотворений при таковых, как «К Гете», «Счастие», «Смерть» и прочие, лишают звания поэта? И не находим ли мы слабых творений даже у самых гениальных поэтов? Это показывает только стечение неблагоприятных обстоятельств, усталость поэта, дурное его расположение. Кажется, что отказать в поэтическом таланте г. Баратынскому столь же невозможно, как и почитать его поэтом по преимуществу. В нем есть поэзия, есть и искусство, но они являются проблесками, и многие из этих проблесков превосходны, тогда как многие стихотворения остаются слабыми, потому что на них пала только малая капля вдохновения; и эта же мгновенность поэтического расположения причиною слабости эпических его произведений» (С. 429—430).

ОСЕНЬ. В Москву из Мары приехал брат Боратынского Сергей Абрамович с женой Софией Михайловной.

А. И. Дельвиг. Изд. 1912. Т. 1. С. 227.

ОКТЯБРЬ, 16. Москва. Вышел «Телескоп» (1836. Ч. 34. № 15; ценз. разр. 29 сент.) с русским переводом «Философического письма» Чаадаева.

ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 89. Л. 196 об (дата).

ОКТЯБРЬ, 18. Москва. А. И. Тургенев — Вяземскому в Петербург: «Здесь большие толки о статье Чаадаева; ожидают грозы <из Петербурга>, но авось ответы патриотов спасут ценсора». — Боратынский также собирается писать опровержение на «Философическое письмо» — см. далее: окт., 24.

ОА. Т. 3. С. 333. А. И. Тургенев приехал в Москву 5 октября. Боратынский не был коротко дружен с Чаадаевым, но во второй половине 1832 — первой половине 1833 г. и в 1834—1836 гг., видимо, часто встречался с ним в московских салонах. Сохранилось свидетельство М. И. Жихарева о словах Боратынского, обращенных к Чаадаеву: «Баратынский, навещая его на страстной неделе, говорил ему, что «в эти великие и святые дни не находит лучшего и более достойного употребления времени, как общение с ним» (*Жихарев М. И.* Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х гг. XIX в. М., 1989. С. 118).

ОКТЯБРЬ, 22. Петербург. Николай I приказывает закрыть журнал «Телескоп» за публикацию «Философического письма» Чаадаева; редактор журнала Надеждин после расследования инцидента выслан в Усть-Сысольск (в феврале 1837).

ОКТЯБРЬ, 23. Петербург. Вяземский, намеревавшийся издать альманах «Старина и новизна», пишет А. И. Тургеневу в Москву: «<...> Проси для меня стихов от Языкова, Боратынского, Хомякова. Буду сам писать к ним с нижайшею просьбою, но ты предвари <...>».

ОА. Т. 3. С. 335. Издание альманаха не состоялось.

ОКТЯБРЬ, 24. Москва. А. И. Тургенев — Вяземскому в Петербург о московских разговорах по поводу «Философического письма»: «<...> Ввечеру Свербеев, <М. Ф.> Орлов, Чаадаев спорили у меня так, что голова моя, и без того опустевшая, сильно разболелась. Что же ты ни слова о статье Чаадаева? Боратынский пишет опровержение <...>».

ОА. Т. 3. С. 336.

ОКТЯБРЬ, 29. Москва. Обыск у Чаадаева: «взяли все бумаги».

ОА. Т. 3. С. 344 (цитата из письма А. И. Тургенева Вяземскому от 30 окт. 1836).

НОЯБРЬ, 1. Москва. Чаадаеву официально объявлено предписание правительства о том, что он отныне считается невменяемым.

НОЯБРЬ, 2. Москва. А. И. Тургенев — Вяземскому в Петербург: «Вчера <...> видел я Боратынского и отдал ему письмо <см. выше: окт., 23>. Он обещал исполнить твое желание» <т. е. прислать стихи для альманаха «Старина и новизна»>.

ОА. Т. 3. С. 349.

НОЯБРЬ, 4. Москва. На 71-м году умер Л. Н. Энгельгардт.

НОЯБРЬ, 7. Москва. Похороны Л. Н. Энгельгардта. — А. И. Тургенев — Вяземскому: « <...> Еду на похороны генерала Энгельгардта, тестя Баратынского. Отпевают его на Козихе, а вместе с ним и понедельники Баратынского, коими я еще ни одного раза не воспользовался. <...> — Сейчас получил, то есть на похоронах, в церкви Спиридония на Козихе, прочел письмо твое от 2-го ноября. Тут были и <И. И.>Дмитриев, который ожидает меня к себе с письмом твоим, и Баратынский, который плакал по бопере <beau-père — тесть>, и прочие, и прочие, и, следовательно, я не мог передать ему твои поручения <Вяземский, видимо, просил прислать текст опровержения на письмо Чаадаева, которое писал Боратынский; см. далее: ноябрь, 10 или 11>, а передам после; он еще вполне ничего не написал, а пишет. <...>». — Л. Н. Энгельгардт был похоронен на кладбище Симонова монастыря.

ОА. Т. 3. С. 352—353 (цитата).

НОЯБРЬ, 9. Москва. А. И. Тургенев — Вяземскому в Петербург: «Вчера <...> был я у Чаадаева и нашел его довольно твердым, хотя образ наказания и сильно поразил и возмутил душу его. <...> — Языков обещает кучу стихов <для альманаха Вяземского>. От Боратынского ответа еще не имею, но и он обещает <...>».

ОА. Т. 3. С. 354.

НОЯБРЬ, 10 или 11. Москва. Записка Боратынского к А. И. Тургеневу по поводу просьбы Вяземского прислать опровержение на статью Чаадаева: «Возражение мое далеко не приведено в порядок, а теперь, посреди разных положительных забот <т. е. домашних хлопот, вызванных смертью Л. Н. Энгельгардта>, вы можете себе представить, как мне трудно за него приняться. При первом досуге приложу к нему последнюю руку и попрошу вас доставить его князю Вяземскому».

ОА. Т. 3. С. 356—357 (текст записки известен по письму А. И. Тургенева Вяземскому от 11 ноября 1836). — Опровержение Боратынского так и не было дописано.

НОЯБРЬ, 11. Петербург. Ценз. разр. «Современнику» (1836. Т. 4; вышел после 22 дек.) со стих. **«К князю П. А. Вяземскому» («Как жизни общие призывы...»)** (С. 216—218; подпись *Е. Баратынскiй*; перепечатано в «Сумерках» без изменений).

1837

Боратынский живет в Москве; в мае — начале июня — поездка в Мару.

ЯНВАРЬ, 29. Петербург. Умер Пушкин.

ЯНВАРЬ, 29. Москва. У Боратынских вечер; среди гостей — Хомяков с женой.

Из письма Е. М. Хомяковой (Языковой) к П. М. Бестужевой от 1 февр. 1837: « <...> на прошедшей неделе была на трех вечерах: у тетушки <Н. В. Охотниковой>, у Баратынских и Свербеевых. — Вечер первого был в пятницу <29 янв.>, то есть в один день с Свербеевым, мы поехали прежде к Баратынскому, где Алексей <Хомяков> остался, а меня послал одну к Свербеевым» (*Шапошников* 1928. С. 160).

ФЕВРАЛЬ, 2—3. В Москве становится известно о смерти Пушкина.

ФЕВРАЛЬ, 4. Москва. К Боратынскому заезжает Погодин: «<...> говорили о Пушкине и плакали».

Цявловский 1916. С. 121 (запись в дневнике Погодина, 4 февр. 1837).

ФЕВРАЛЬ, 5. Москва. Боратынский — Вяземскому в Петербург: «Пишу к вам под громовым впечатлением, произведенным во мне и не во мне одном ужасною вестью о погибели Пушкина. Как русский, как товарищ, как семьянин скорблю и негодую. Мы лишились таланта первостепенного, может быть, еще не достигшего своего полного развития, который совершил бы непредвиденное, если б разрешились сети, расставленные ему обстоятельствами, если б в последней, отчаянной его схватке с ними судьба преклонила весы свои в его пользу. Не могу выразить, что я чувствую; знаю только, что я потрясен глубоко и со слезами, ропотом, недоумением беспрестанно себя спрашиваю: зачем это так, а не иначе? Естественно ли, чтобы великий человек, в зрелых летах, погиб на поединке, как неосторожный мальчик? Сколько тут вины его собственной, чужой, несчастного предопределения? В какой внезапной неблагосклонности к возникающему голосу России Провидение отвело око свое от поэта, давно составлявшего ее славу и еще бывшего (что бы ни говорили злоба и зависть) ее великою надеждой? Я навестил отца <Сергея Львовича> в ту самую минуту, как его уведомили о страшном происшествии. Он, как безумный, долго не хотел верить. Наконец на общие весьма неубедительные увещания сказал: «Мне остается одно: молить Бога не отнять у меня памяти, чтоб я его не забыл». Это было произнесено с раздирающею ласковостию. — Есть люди в Москве, узнавшие об общественном бедствии с отвратительным равнодушием, но участвующее пораженное большинство скоро принудит их к пристойному лицемерию. — Если до сих пор не отвечал на письмо ваше, тому виною обстоятельства, может быть, вам уже известные. Я лишился моего тестя, и смерть его передала мне много забот положительных. Сверх того, хотелось к письму моему приложить что-нибудь для вашего литературного сборника, ждал минуты досуга и вдохновения, но по сию пору напрасно. — Е. Боратынский. — Февраля 5-го 1837».

СиН. 1900. Кн. 3. С. 341—342. Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. № 5—6 об. Адрес на письме: «Его сиятельству милостивому государю князю Петру Андреевичу Вяземскому. В С.Пбург, на Моховой, в доме адмиральши Бычинской».

ФЕВРАЛЬ, 7. Москва. Е. М. Хомякова (Языкова) — П. М. Бестужевой: «<...> Здесь были Баратынские и сказывали, что жена Пушкина сошла с ума, и точно, есть с чего. Государь дал на его похороны 10 тысяч и 11 тысяч детям, которых взял под свое покровительство. Баратынский говорит, что благодеяния государя растрогали его до слез. Честь ему и слава, что он умеет ценить таких людей, каков был Пушкин».

Шапошников 1928. С. 164.

ФЕВРАЛЬ, 9. Москва. Е. М. Хомякова — брату Н. М. Языкову: «Государь дал на погребение Пушкина 10 <тысяч>, 11 тысяч ежегодного пансиона жене и детям, заплатил все долги и выкупил имение. Баратынский говорит, что это рас-

трогало его до слез. Кстати, Баратынский написал, говорят, стихи «Осень» чудесные, он читал их на обеде у Павлова <...>».

Шапошников 1928. С. 165—166.

ФЕВРАЛЬ, 28. Москва. Е. М. Хомякова — П. М. Бестужевой: « <...> Вообразите, душа моя, что Баратынский стал ужасно пить. На днях Алексей <Хомяков> нашел его дома пьяным, ужасно жаль — 8 человек детей <...>».

Шапошников 1928. С. 167. Эти слова Е. М. Хомяковой не стоит принимать полностью всерьез: она была склонна к преувеличению многих городских новостей. Впрочем, конечно же, «все четверо братьев Баратынских любили выпить более должного» (*А. И. Дельвиг*. Изд. 1912. Т. 1. С. 189). См. также: 1844, июнь, 25.

МАРТ (?). Москва. Боратынский посылает Вяземскому в Петербург стих. **«Осень»** (см. о нем выше: февр., 9) — для 5-го тома «Современника», издаваемого в память Пушкина и в пользу его семьи: «Препровождаю вам дань мою «Современнику». Известие о смерти Пушкина застало меня на последних строфах этого стихотворения. Всякий работает по-своему. Лирическую пьесу я с первого приема всегда набрасываю более чем с небрежностию; стихами иногда без меры, иногда без рифмы, думая об одном ее ходе, и потом уже принимаюсь за отделку подробностей. Брошенную на бумагу, но далеко не написанную, я надолго оставил мою элегию. Многим в ней я теперь недоволен, но решаюсь быть к самому себе снисходительным, тем более что небрежности, мною оставленные, кажется, угодны судьбе. Препоручаю себя вашей дружеской памяти. — Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 2. С. 54 (дата: февр. 1837); Изд. 1987. С. 259 (дата: март (?) 1837). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 28—28 об.

МАРТ, 13. Петербург. Жуковский отдает собирающемуся в Москву Ю. Н. Бартеневу ящик с тремя посмертными масками Пушкина — для передачи отцу Сергею Львовичу, Боратынскому и Нащокину; Нащокину и Боратынскому отправлены через Бартенева их письма разных лет, адресовавшиеся Пушкину (письма были предварительно просмотрены Л. В. Дубельтом, начальником жандармского корпуса). — Однако Бартенев отложил свой отъезд, и посмертные маски с письмами были доставлены только в апреле. См. далее: май, 6.

См. письма В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину от 13.3. 1837 и 11.4.1837 (Пушкин и его совр. Вып. 8. СПб., 1908. С. 57, 69).

АПРЕЛЬ, 19. Москва. С. П. Шевырев — В. Ф. Одоевскому в Петербург: «<...> Баратынский написал славную вещь: «Осень», но я не знаю, для чего он ее назначает. Знаю только, что она будет прочтена публично в заседании Общества любителей русской словесности <...>».

РС. 1904. Т. 118. № 5. С. 370.

МАЙ, 6. Москва. «Третьего дни я был у Баратынского, он мне показывал маску Пушкина, снятую с него в день его смерти, она страшно похожа. Витали, который сделал очень похожий бюст Карла Брюллова, делает и бюст Пушкина. Говорят, это не так удачно. Баратынский говорил целый час о смерти Пушкина и о нем самом. Его стоило записывать. Он рассказывал все подробности этой истории, которые были ему сообщены Жуковским, Вяземским и, наконец, доктором Далем, людьми достоверными. Баратынский говорит, что он умер как христианин и во всем оправдывает Пушкина, а обвиняет его жену. Я верю всему, потому что было заметно, что он и жены его не хотел обвинять из уважения к нему».

Звенья. Т. 6. М.; Л., 1936. С. 160—161 (письмо неизвестного к неизвестному Николаю).

МАЙ, 10. Вечер. Боратынский выезжает из Москвы в Мару (вернется к середине июня).

Датировано по контексту следующих четырех записок к жене.

МАЙ, 11. 6 часов утра. Подольск. Находясь на пути из Москвы, Боратынский посылает жене записку (на фр. яз.; без даты): «Je t'écris de Подольск...». — Перевод: «Пишу тебе из Подольска, где нашел почтовых лошадей, и меня уверяют, что в них не будет недостатка и впредь. Я совершенно разбит от усталости. Три часа кормили лошадей, и это единственное время, когда я спал. Теперь 6 утра. Целую тебя, любезная моя жена. Да благословит, да хранит тебя Господь и да продлит Он твою любовь ко мне. Поцелуй детей».

Хетсо. С. 606 (по автографу ПД. № 21.736. Л. 29; дата: «приблизительно 10 мая 1837»). Уточнение даты сделано по соотношению со след. письмом из Тулы.

МАЙ, 11. Тула. Боратынский — жене в Москву (без даты): «Милый дружок мой Настя, нечего тебе говорить, как мне тяжело было с тобою расстаться и что грустного и нежного я об тебе передумал. Пишу тебе из Тулы где сегодня, вторник <11 мая>, я обедал. Завтра часам к 10 утра надеюсь быть в Скуратове. Еду, как видишь, довольно скоро. Погода прекрасная, в поле прелестно, и если б ты была со мною, мой путь был бы восхитительной прогулкой. Целую тебя мою милую, будь здорова и жди меня терпеливо. Поцелуй за меня всех наших деток. Слава Богу, я здоров. За магнезию твою еще не принимался. Люди мои все исправны. Скажи Соничке <Энгельгардт>, что Степка не забыл на самой первой станции, как только я после обеда проснулся, явиться ко мне с апельсином. Как мне не было грустно, он заставил меня рассмеяться. Обнимаю Соничку. Лошади мои уже готовы, и только что запечатаю это письмо, пущусь далее. Спешу туда, чтобы скорее быть оттуда. Если Бог даст, по моему расчету в воскресенье мне должно быть в Маре. — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 606 (дата: 11 мая 1837). Уточнено по автографу — ПД. № 21.736. Л. 5—5 об. Штемпели (л. 6 об): *Тула. Мая 13 1837; Получено 1837 Маия 16.* Адрес: «Ея Высокоблагородию милостивой государыне Настасье Львовне Боратынской в Москве Арбатской части, на Спиридоньевской улице в собственном доме».

МАЙ, 12 или 13. Скуратово Тульской губ. Боратынский — жене (на фр. яз.; без даты): «Je t'écris au moment de mon départ de Scouratowo...» — Перевод: «Пишу я тебе в минуту отъезда из Скуратова, претерпев болтовню Ивана и объятия Феклы. Благодаря Бога я нашел все в порядке и не имел жалоб от крестьян. Обнимаю тебя, моя Попинька. Я отправил две подставы, так что сделаю сто верст за день».

П. С. 253—254 (по копии Н. Л. Боратынской — ПД. № 21.731. Л. 27).

МАЙ, 15. Тамбов. Боратынский — жене (без даты): «Вот я и в Тамбове, душенька моя Настя. На своих подставных доехал в один день до Ефремова, а тут нашел почтовых. Пишу тебе в субботу <15 мая> вечером, пока перепрягают лошадей. Спешу по прохладе переехать пески. Дни стоят нестерпимо жаркие. Послал за Чичериным и как с ним повидаюсь, так и поеду. Слава Богу здоров. Обнимаю тебя, детей и Соничку. Завтра, Бог даст, найду от тебя в Маре письмо. Это меня туда тянет. Только и думаю что о возвратном моем пути. — Е. Боратынский. — Сейчас воротили мне мою записку к Чичерину. Его нет в Тамбове».

Хетсо. С. 607 (по автографу ПД. № 21.736. Л. 1—1 об.; с датой: «15 мая 1837» и указанием на дату московского почтового штемпеля: «Получено 1837 мая 22»). — Адрес: «Настасье Львовне Боратынской. На Спиридоньевской улице, в собств. доме, в Москве».

МАЙ, 15. Москва. Письмо старших детей Александры и Льва к отцу в Мару. *Александра* (на фр. яз.): «Mon cher papa. Cela me fait beaucoup de peine...» — Пере-

вод: «Любезный папенька. Мне очень огорчительно, что вы уехали, мы без вас скучаем, и маменька тоже, я думаю. Она очень занята. Нынче мы не спускаемся вниз, и это очень скучно — все время находиться на втором этаже <в доме ремонт>, очень неудобно обедать в детской комнате — стол слишком маленький. Сейчас мы занимаемся хоровой музыкой. Когда вы уехали, я сделала небольшую книжицу для записей, и когда вы вернетесь, я что-нибудь напишу, но я хочу сделать другую книжку, потому что ту я потеряла. Мы хотим, когда вы вернетесь, разыграть для вас пьесу про Робинзона. Маша тоже будет с нами играть, и Митя тоже. Жаль, что с нами нет Лизаньки <Дельвиг — живет в Маре>, с ней мы бы разыграли пьесу значительно лучше, чем с Машей и Митей. Прощайте, любезный папенька, целую вашу ручку от всего сердца, пожалуйста, поцелуйте от меня ручки бабушке <Александре Федоровне>, еще целую ручку моих дядюшек и тетушек.— Пожалуйста, обнимите за меня Лизаньку и всех остальных. — Александрина. — 15 мая 1837». — *Лев* (на рус. яз): «Милый папинька! Я очень печален, что ты уехал. Теперь красят стены; как будто я вижу во сне, чтò мы все вверху; я очень рад, что ты переехал в другой дом, а в Петровском <см. след. письмо: май, вторая половина> еще лучше будет, от того, что там будет жить Император; я так хочу его видеть. Целую твою ручку. Поцелуй бабиньку, всех дядинек и тетинек. Лев». — См. далее: май, после 22

ПД. № 21.743. Л. 1—2 об.

МАЙ, вторая половина (?). Настасья Львовна с детьми переезжает в Петровское. Об этом переезде говорится в новом письме дочери Александры к отцу в Мару (на фр. яз.; без даты): «Mon cher papa, nous sommes venus à Pétrovskoe...» — Перевод: «Любезный папенька, мы приехали в Петровское; сейчас нам очень весело, мы познакомились с одним мальчиком, сыном одного человека, который здесь живет, — господина Диамона, он очень хорошо ездит верхом, и мы иногда с ним видимся. Аделаида Федоровна <m-me Fild?> покинула нас, потому что была очень недовольна своей комнатой и не хотела отдавать денег, которые она задолжала маменьке. Прощайте, любезный папенька, желаю вам хорошего здоровья и целую вашу ручку от всего сердца, и все дети целуют вашу ручку. Маменька и тетенька чувствуют себя хорошо и мы тоже благодаря Бога. — Александрина».

ПД. № 21.743. Л. 3—3 об.

МАЙ, до 28. Мара. Боратынский — жене в Москву (на фр. яз.; без даты): «Je reviens dans le moment même de Любичи...» — Перевод: «Только что вернулся я из Любичей <от Н. И. Кривцова>, ужасно устал. Пишу только, чтобы не оставлять тебя без письма. Получил я твое письмо, моя душинька, и письма от наших дорогих малышей. Передай им, что я их нежно целую. Я думал им ответить, но недосуг. Да благословит тебя Господь. Надеюсь, скоро уже увидимся. Е. Боратынский».

Хетсо. С. 607—608 (дата: конец мая — начало июня 1837). Автограф — ПД. № 21.736. Л. 3. Обосн. нашей даты — штемпель: *Кирсанов. 28 Маия 1837.* Адрес: «Настасье Львовне Боратынской в Москву. На Спиридоньевской улице в Собственном доме».

ИЮНЬ, 7. Мыс Адлер на Черном море. В бою с горцами погиб А. Бестужев.

ИЮНЬ, 8. Москва. Ценз. разр. «Московскому наблюдателю» (1837. Ч. 12. Июнь. Кн. 1) с рецензией Шевырева на стих. Боратынского «Осень» (Совр. 1837. Т. 5 — см. далее: июнь, 15):

«<...> Направление, которое принимает его муза, должно обратить внимание критики. Редки бывают ее произведения; но всякое из них тяжко глубоко мыслию, отвечающею на важные вопросы века. Баратынский был сначала сам художником формы; вместе с Пушкиным, рука об руку, по живым следам Батюшкова и Жуковского, он содействовал окончательному образованию художественных форм стихотворного языка. Но теперь поэзия Ба-

ратынского переходит из мира прекрасной формы в мир глубокой мысли: его муза тогда только заводит песню, когда взволнована, потрясена важною таинственною думою. Она вносит в этот новый мир красоту прежних форм, но эти формы как будто тесны для широких дум поэта. Легкий стих слишком хрупок и ломок, чтобы служить оправою полновесному алмазу мысли. Еще не всегда ей покорный, он иногда даже темен и непонятен простому глазу: впрочем, свойство глубины — темнота. Но зато, когда мысль совершенно одолеет стих и заставит его во всей полноте принять себя, тогда-то блещет во всей силе новая поэзия Баратынского и рождаются такие строфы, которых не много в русской поэзии. <...> В этом глубокомысленном стихотворении <«Осень»> сходятся два поэта: прежний и новый, поэт форм и поэт мысли. Прежний заключил бы прекрасным описанием осени, которое напоминает своими стихами лучшие произведения Баратынского-описателя, его «Финляндию» особенно. Новый поэт переводит пейзаж в мир внутренний и дает ему обширное, современное значение: за осенью природы рисует поэт осень человечества нам современную, время разочарований, жатву мечтаний. <...> Пьеса, подающая повод к таким наблюдениям, свидетельствует зрелость таланта. Поэт не хотел окончить хладною картиною разочарования: он чувствовал необходимость предложить утешение. Мысль, развитая далее и едва ли для всех доступная, есть следующая: чем бы ни кончилось твое разочарование, знай, что ты не передашь тайны жизни миру. <...> Тайна каждой души в ней самой: бесконечное выражено быть не может. — Не потому ли так темен и конец этого замечательного стихотворения? Много мыслей не досказано здесь, но мы уверены, что поэт когда-нибудь их доскажет: ибо, как мы думаем, между вдохновениями истинного лирика есть непрерывная невидимая цепь, которая связывает его отрывки в одну большую и полную поэму, где герой — душа самого поэта» (С. 319—323).

ИЮНЬ, около 8—10. Боратынский выезжает из Мары в Москву.

ИЮНЬ, до 15. На пути между Тамбовом и Москвой Боратынский посылает к жене записку (на фр. яз.; без даты): «Il est arrivé ce que j'ai prevu...» — Перевод: «Случилось то, что я предвидел: у смотрителя нет лошадей, и я вынужден ехать на своих. Лошадей не нашли даже за двойные прогоны. Записку шлю с нарочным (с оказией?). Сейчас три часа ночи, и я с ног валюсь от желания спать. Целую тебя, моя Попинька, и детей тоже, а сам сажусь в коляску».

Хетсо. С. 605 (дата: «приблизительно 9 мая 1837»). Автограф — ПД. № 21.736. Л. 37; на л. 38 об. адрес: «Настасье Львовне На Спиридоньевской улице, дом Боратынского, подателю 40 к<опеек> серебр<ом>»; рукою Настасьи Львовны: «получ<ено> 15 июня». Последняя надпись и служит обосн. нашей даты.

ИЮНЬ, 15. Петербург. Вышел «Современник» (1837. Т. 5) со стих. **«Осень»** (С. 278—280; подпись *Е. Баратынскій*). С разночтениями вошло в «Сумерки».

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 269. Л. 25 об. (дата).

ИЮНЬ, середина месяца. Боратынский возвращается из Мары в Москву и отправляется в Петровское, где живет его семейство.

ИЮНЬ, 20-е числа. Петровское. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «J'ai heureusement achevé mon voyage...». — Перевод: «Я счастливо закончил свое путешествие, любезная маменька, и вот уже четыре дня как живу в Петровском. Мне было очень отрадно повидать вас и как жалко, что я не смог пробыть у вас дольше. Но я очень надеюсь на следующее лето. Все свое семейство я нашел, слава Богу, в добром здравии. Жизнь в Петровском восхитительна. Старшие мои познакомились с детьми их возраста, и по возвращении я нашел их вращающимися в свете. Оттого что город близко, учителей найти легко, и занятия идут своим чередом. Целую нежно ваши ручки, любезная маменька, и прошу вашего благословения для себя и для ваших внуков».

М. С.51—52 (дата по штемпелю: 1837 Июня 14? 11? 4? нрзб.). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 26—27 об. Обосн. нашей даты — слова: «вот уже четыре дня как я

живу в Петровском»; 15 июня Боратынский еще находился на пути из Тамбова в Москву (см. выше: июнь, до 15).

ИЮНЬ, вторая половина — АВГУСТ. Боратынские живут в Петровском. На время сюда приезжает Н. В. Путята, и совершается его помолвка со свояченицей Боратынского — Соничкой Энгельгардт; их свадьба состоялась 8 ноября.

М. С. 52.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА (?)...1838 г. Боратынский — Н. В. Чичерину в Тамбов: «Любезный друг Николай Васильевич. — Мой вяжлинский управитель получил приказ мой уплатить тебе должные мною 2000 р., уже отославши прямо ко мне все находящиеся у него суммы. Сделай одолжение, пришли мою росписку в Москву хоть Иван Михайловичу, хоть Кривцову. Я в деньгах и тотчас выдам мой долг подателю, останется благодарность за одолжение. За тобой моих денег 100 р. с чем то, выданных мною Кичееву по распоряжению Стриневского. Пусть они заменят нарост облигаций и весовые. Не так ли? Обнимаю тебя крепко, свидетельствуя мое почтение Катерине Борисовне. — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 608 (по автографу — РГБ. Ф. 334. Карт. XIV. № 14; дата: «возможно <...> летом 1837»). Т. к. в письме содержится просьба прислать деньги в Москву Кривцову, письмо написано вряд ли летом 1837 г., когда Кривцов жил в Любичах (см. июль, до 10); написано не позднее 1839 г. — года смерти И. Ф. Стриневского, тамбовского помещика, упомянутого в письме.

ИЮЛЬ, до 10. Петровское. Боратынский — Н. И. Кривцову в Любичи Кирсановского уезда Тамбовской губ. (на фр. яз.; без даты): «Il m'a été impossible de vous répondre à l'instant...» — Перевод: «Не было никакой возможности отвечать вам в минуту моего отъезда из Мары, особенно потому, что ваше мнение подкрепляло мои собственные догадки и усиливало мое поначалу безотчетное волнение. Приехав же сюда, я был в ужасной тревоге, что не получал никаких известий из Мары целых две почты. Наконец тревогу рассеяло письмо Софи <Боратынской-Дельвиг>, и я чувствую себя в силах к вам писать, чтобы сердечно поблагодарить вас за ваше искреннее и дружеское внимание к моему брату <Сергею>. Позвольте сказать вам, что он того заслуживает своим глубоким уважением и пылкой привязанностью к вам — той вдохновенной привязанностью, на которую способны только немногие молодые люди нашего времени и которую вы умеете ценить так высоко. Софи глубоко тронута вашими заботами о ее муже. Чичерин, явившийся по вашему приглашению, развлек его. Вы стараетесь отправить его к нам. Надеюсь на успех ваших усилий. К вашему голосу он прислушивается более, чем к чьему-либо другому. Впрочем, по моим понятиям, самый опасный момент уже миновал. Меланхолическое неистовство имеет свою критическую точку и не может длиться долго, оно непременно сменяется упадком сил. Конечно, когда я говорю все это себе в утешение, тревога не покидает меня. Вы находитесь поблизости и можете наблюдать развитие этого злосчастного недуга, вы не оставите моего брата и будете по-прежнему окружать его своими заботами. Благоволите передать мои поклоны вашей жене и дочери и примите уверения в моей искренней преданности. — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 609—610 (по автографу РНБ. Ф. 52. № 244. Л. 165—166; дата по штемпелю: «Москва. 1837 июля 10»). О Сергее Боратынском см.: *Чичерин* 1890.

ИЮЛЬ, 24 — АВГУСТ, 9. Москва. Пребывание наследника вел. князя Александра Николаевича в Москве; с ним — В. А. Жуковский. Московские друзья и почитатели Жуковского давали ему ужин, с чем связана записка Шевырева к Погодину (без даты): «Ты съездил бы к Баратынскому, который приглашен. <...> Приглашать надобно в половине 9 или в 8 часов».

Барсуков. Кн. 5. С. 9.

АВГУСТ, 3. Москва. «В Сокольниках. Антонский, Орлов, Боратынский, к<нязь> Оболенский, Вельтман, Башилов, Шевырев, Давыдов, Кикин, Новосильцевы, Вьельгорский, гр. Бобринский, Погодин, Нащокин, Андросов, Чертков, Булгаков, Крюков и еще несколько. Цыганское пенье и пляски».

Дневники Жуковского. Изд. И. А. Бычковым. СПб., 1903. С. 346.

СЕНТЯБРЬ, 11. Москва. У Боратынских родилась дочь Юлия.

М. С. 52.

СЕНТЯБРЬ, 16. В газете «Blätter zur Kinde der Literatur des Auslandes» (1837. № 82) напечатан фрагмент из книги Г. Кёнига «Literàrische Bilder aus Russland» (отд. изд.: Stuttgart und Tübingen,1837), посвященный Боратынскому:

«Друг и современник Пушкина, в определенной степени принадлежащий к его школе, Баратынский утвердил в поэзии свой оригинальный характер. — Юность его была несчастна. Он воспитывался в Пажеском корпусе в Петербурге и, при отсутствии надлежащего надзора, сделался завзятым проказником. Прочитав «Ринальдо Ринальдини», он вдохновился мыслью составить разбойничью шайку. Эту мысль поддержали некоторые из пажей. Они собирались по ночам на чердаке Пажеского корпуса, придумывая там разные безумные проделки. Одна из них была особенно дерзкой и смелой. — Рядом с Пажеским корпусом находится принадлежащая ему большая церковь. Мальчики решили (и наш поэт был зачинщиком и предводителем этой забавы) ночью проникнуть в храм, чтобы осветить его (для этого в русских церквях достаточно свечей и лампад). Пробраться в церковь можно было только с риском для жизни — через верхние окна, спустившись туда с крыши корпуса. — Приготовив веревочную лестницу и все необходимое для осуществления своего предприятия, самые решительные из пажей исполнили свой замысел, после чего спокойно вернулись в свои постели. Наутро полгорода было поражено случившимся чудом. Эта проделка осталась нераскрытой, за ней последовали другие, пока наконец не напали на след маленьких разбойников, после чего их атамана Баратынского отчислили из корпуса. — Он переходит из одного учебного заведения в другое и, наконец, поступает юнкером в гвардию. Но и здесь его пажеские проказы не были забыты. После получения офицерского чина Баратынского отправили в один из полков, расквартированных в Финляндии (в Петербурге он имел право оставаться только пока был юнкером), где он провел семь или восемь лучших лет своей жизни. — Вынужденная военная служба и тяжелая жизнь глубоко повлияли на его характер и творческое сознание. Баратынский сосредоточился на своем внутреннем мире и преисполнился меланхолическим настроением, что отразилось в его стихах. Первое произведение этого периода — поэма «Эда», проникнутая духом финляндской природы и финляндских обычаев. Хотя язык и стихосложение «Эды» напоминают о пушкинском влиянии, эта поэма вполне выразила тяжелое душевное состояние автора. Кроме «Эды» Баратынский написал в Финляндии много лирических пьес, среди которых по объему и живости выделяется поэма «Пиры». — Чтобы изменить свое тягостное положение, Баратынский написал откровенное и благородное письмо к Жуковскому. В нем он рассказал о своих проступках и покаялся в заблуждениях ранней юности. Но прошение молодого поэта, поданное Жуковским предыдущему императору, осталось неудовлетворенным, и только нынешний император позволил Баратынскому выйти в отставку. С тех пор Баратынский не вступал в службу, женился и живет то в Москве, то в деревне. — Помимо множества маленьких пьес, написанных в этот мирный и спокойный период его жизни, наиболее примечательны два больших произведения. Первое из них — «Бал» — повествует о трагическом случае из московской жизни; в знак братской дружбы с Пушкиным Баратынский издал его в одном томе с «Графом Нулиным». Второе — «Цыганка» — рассказывает о любви молодого дворянина и цыганки. <...> — Ход поэмы весьма драматичен, действие развертывается стремительно. Из-за любовной связи с цыганкой молодой человек оставил хорошее общество, однако, познакомившись с девушкой своего круга, снова появился в свете и собрался жениться на новой избраннице, но в этот момент его первая возлюбленная, цыганка, отравила его. — Связь дворянина и цыганки (дело обыкновенное в России) предоставляет нашему поэту возможность обрисовать множество оригинальных ситуаций, а его, можно сказать, фран-

цузская наблюдательность позволяет ему глубоко проникнуть во внутренний мир действующих лиц. — «Цыганка», последняя поэма Баратынского, является, несомненно, самым лучшим его произведением; однако она была весьма холодно принята русской публикой <...> и разделила судьбу «Бориса Годунова», «Полтавы» и других зрелых сочинений Пушкина. — Многие из лирических стихотворений Баратынского превосходны. Все, что он написал в последние годы, отличается поэтической глубиной и серьезностью, граничащей с меланхолией, проникновением в душу каждого явления, и одновременно выражает тонкий аналитический дар поэта. — Не подвергая сомнению оригинальность поэзии Баратынского, осмелимся назвать его русским Бальзаком в стихах. Баратынский обладает тем же глубокомысленным взглядом на жизнь, той же способностью изображать до мельчайших подробностей человеческую душу — в том ее облике, в каком Бальзак ее увидел в высших кругах современного общества и в каковом она вообще формируется только в этих кругах».

Перевод А. Н. Беларёва по отд. изд. книги Кёнига (Штутгарт — Тюбинген, 1837. С. 153—159). Данный фрагмент, как и вся книга в целом, написан по мотивам бесед Кёнига с Н. А. Мельгуновым. О реакции Мельгунова см. далее: 1838, апр., 14. Ночное освещение пажеской церкви (католической, а не православной, как полагал Кёниг), произошло уже после исключения Боратынского из корпуса — 23 апр. 1820 (*Максимов* 1870. С. 204), но Боратынский, видимо, не раз использовал этот эпизод для рассказов о своей пажеской юности и о причинах происшедшей с ним катастрофы (см. тот же эпизод в изложении П. Г. Кичеева: *Кичеев* 1868. Ст. 870).

ОКТЯБРЬ, 3. Москва. На 78-м году умер И. И. Дмитриев.

ОКТЯБРЬ, 7. Москва. Похороны И. И. Дмитриева на кладбище Донского монастыря. Боратынский присутствует на отпевании.

«Отпевание совершал митрополит Филарет <...>. В церкви были из нашего звания: Шевырев, Баратынский, Макаров, Андросов, Шаликов, Павлов, Давыдов и только» (Письмо Погодина М. А. Дмитриеву от 19 окт. 1837 // *М. А. Дмитриев* 1869. С. 157).

НОЯБРЬ, 8. Москва. Свадьба Н. В. Путяты и С. Л. Энгельгардт.

РГАЛИ. Ф. 3394. Оп. 1. № 6 (свидетельство о браке).

ДЕКАБРЬ, 31. Петербург. Вышел «Сын отечества и Северный архив» (1838. № 1; ценз. разр. 30 дек.) с «Очерком русской литературы за 1837 год» Н. А. Полевого (подписан: 16 дек. 1837), где в обзоре поэзии «Современника» приведена цитата из «Осени» с лаконичным комментарием: «Голос Баратынского услышали мы в «Осени», и — почти не узнали его» (Отд. VI. С. 47).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 269. Л. 25 об. (дата).

1838

Боратынский с семейством весь год в Москве.

ФЕВРАЛЬ, 10 — 20-е числа. Москва. Боратынский — Путяте в Петербург (без даты): «На место Макарова предлагает себя к нам в управители <Каймарского имения> бывший уже у нас правителем Дьяков. Посылаю тебе письмо тестя, в котором он его благодарит за управление. Сверх того писарь при мне, человек, управлявший нашим тамошним имением в то время, как Дьяков правил остальною частью, которого я о нем расспрашивал, он говорит, что Дьяков отменно знает дело, всегда трезв и деятелен, одним словом, лучший из управителей, когда-либо у нас бывших. Я полагаю это обстоятельство очень счастливым, ибо очень трудно найти управителя (не говорю уже честного, ибо таких нет и всякий требует присмотра), но деятельного и знающего. При сих двух последних условиях, если

управитель еще знает край и способ <?> имения, поступающего под его надзор, по-моему, нечего и думать; почему для имения, находящегося под опекою, и для своего я решаюсь на Дьякова. Если ты поверишь и свое имение ему, я не думаю, чтобы ты сделал ошибки; но как все должно предвидеть, если у тебя есть в виду сколько-нибудь знающий человек, то теперь удобный случай, не обижая никого, отделить управление имением Сонички от общего, что имеет многие выгоды: удобность ближе присматривать соревнование с соседним управителем, контроль и строжайшая проверка. — Завтра пошлю вам 1000 из скуратовских доходов. На первой неделе поста заплатит Чивалев, и я отправлю вам следуемые вам 6000 и 2000 долгу нашего Соничке. К святой окончательный отчет и расчет вместе с суммами, следующими на вашу долю. — Обнимаю вас, мои милые, будьте здоровы. Пришлите мне куплеты Вяземского, петые на празднике, данном Крылову. — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 611—612 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 1—2 об.; дата: февр. 1838 — по упоминанию куплетов Вяземского «На радость полувековую...», исполненных 2 февр. 1838 г. на обеде, данном в петербургском зале Дворянского собрания в честь 50-летия литературной деятельности И. А. Крылова).

МАРТ, 29. Петербург. Ценз. разр. «Современнику» (1838. Т. 9. № 1) со стих. **«Мысль» («Сначала мысль, воплощена...»)** (С. 154; подпись *Е. Баратынскій*; без загл. и без изменений вошло в «Сумерки»).

АПРЕЛЬ, 14. Москва. Н. А. Мельгунов — А. А. Краевскому в Петербург по поводу книги Г. Кёнига о русской литературе (см. выше: 1837, сент., 16): «<...> Книги Кёнига я до сих пор еще не видал. <...> Один мой знакомый видел мельком книгу, и из его слов я заметил, что Кёниг не все передал так, как я говорил ему, а иное и от себя прибавил. Так, например, Баратынского он, говорят, называет Бальзаком в поэзии. Это не совсем то, что я сказал о нем. Говоря о его лирических стихотворениях, я заметил, что Баратынский по преимуществу поэт элегический, но в своем втором периоде возвел *личную* грусть до *общего* философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества. «Последний поэт», «Осень» и пр. это очевидно доказывают».

Отчет ИПБ 1895. Прил. С. 72.

АПРЕЛЬ, 23. Петербург. Вышел «Сын отечества и Северный архив» (1838. № 4; ценз. разр. 15 апр.) с продолжением «Очерка русской литературы за 1838 год» Н. А. Полевого (датировано: «10-го апреля 1838 г.»), где среди стихов, напечатанных в последнем номере «Современника» (см. выше: март, 29) упомянута «Мысль» Боратынского:

«Что сделалось с милою музою Е. А. Баратынского? Шалит она или не шутя позабыла свои *старые годы*? Как вы думаете, чьи, например, следующие стихи?

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена,
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъемля крик нахальной,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

Вообразите, что это стихи Баратынского!! Не *плодя журнальной полемики*, как не сказать, что такие стихи, как *искушенная жена*, как *темная дева*, *не подъемлют* и *не воплощают* никакой мысли, кроме одной и только: зачем писать стихи, если время их для нас прошло?» (С. 165).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 270. Л. 20 об. (дата).

МАЙ—ИЮНЬ. Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Je vous écris de Moscou, ma chère maman...» — Перевод: «Пишу вам из Москвы, любезная маменька, где я занят исключительно своим строительством <перестраивается дом на Спиридоновке>. Я стараюсь, чтобы оно шло как можно живее, ибо надобно скорее все окончить. Нигде так не нужен хозяйский глаз, а осенью я намереваюсь отлучиться довольно надолго. Я хочу повидать чужие края. Собираюсь проехаться по Германии, остановиться в Мюнхене — этих нынешних немецких Афинах, где живут Шеллинг, Гейне, Менцель и почти все знаменитые мыслители нашего времени, после же отправлюсь в Италию — главную цель моей поездки. Мне тяжело расставаться с семьей, но это путешествие — нравственный долг перед самим собой, ибо настанет, может быть, эпоха, когда я упрекну себя в том, что не сделал этого вовремя. 1 сентября надеюсь сесть в дилижанс. Отправлюсь я по главной европейской дороге через Ливонию и Курляндию, но возвращаться буду через Киев и, если на то будет Божья воля, приеду повидать вас, любезная маменька, со всеми причудами, свойственными путешественникам. Нежно целую вашу ручку. — Е. Боратынский». К письму есть приписка Настасьи Львовны на фр. яз. — Перевод: «Я долго мучилась воспалением легких, любезная маменька, никакое из известных средств не помогало, и болезнь длилась так долго, что я уже боялась, мне не удастся выздороветь, наконец, слава Богу, все прошло, но я не могу купаться в реке, как советовали врачи, ибо погода такая холодная, такая изменчивая, что, кажется, нам и мечтать нечего о теплом лете, какие бывали прежде. Дети в деревне <в Муранове>, мы приехали сюда с младшим <le cadet>, которого я кормлю грудью. Целую ручки любезной маменьке от всего сердца за себя и за детей. — Ваша признательная дочь Настасья Боратынская».

М. С. 49—50 (дата: весна—осень 1835). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 53—54 об. Обосн. нашей даты: 1) судя по описанию погоды в приписке, письмо написано в мае—июне; 2) сказано, что Боратынский занят строительными работами в Москве; значит, дело происходит не ранее мая—июня 1835 (дом на Спиридоновке был куплен в янв. 1835), но не позднее мая—июня 1839 (не позднее второй половины 1839 г. Боратынский стал сдавать дом — см. 1839 дек., до 18); 3) в приписке Настасья Львовна сообщает, что она кормит грудью младшего ребенка; в период между 1835 и 1839 гг. родились Николай (26 янв. 1835) и Юлия (11 сент. 1837); значит, письмо можно датировать маем—июнем либо 1836, либо 1838; 4) против 1836 г. есть аргумент: отсутствие в известных материалах за этот год упоминаний о перестройке московского дома — в то время как в письмах 1838—1839 гг. о ремонте дома на Спиридоновке говорится довольно часто. Вероятнее всего, младший ребенок, упомянутый в приписке, это младенец Юлия, а написано письмо в мае—июне 1838.

ИЮНЬ—ИЮЛЬ (?) Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Combien je vous remercie, ma chère maman...» — Перевод: «Как я благодарен вам, любезная маменька, за ваше исполненное доброты письмо. Оно родило во мне самые теплые чувства, и сердце мое преисполнилось неизъяснимой благодарности. Отчего вы просите прощения за то, что редко пишете? Разве могу я подумать о том, что вы меня забыли, и разве не должен я неизменно надеяться, что ваше молчание вовсе не означает, что я обойден вашей любовью и заботой? Натали <Наталья Абрамовна Боратынская>, кажется довольна жизнью в Москве, а я очень счастлив, что могу доставить ей приятные развлечения. Она нашла здесь старых друзей и завязала новые знакомства. Ее присутствие оживляет нашу повседневную жизнь, и если жизнь эта подчас ей приносит некоторые развлечения,

то этим она обязана не столько нам, сколько себе самой. На днях у нас состоялось чтение. Павлов прочел нам только что законченный им рассказ, исполненный истинного таланта. Вечер закончился оживленнейшим литературным спором. Я все еще озабочен своими перестройками <дома на Спиридоновке>, чрезвычайно меня утомившими. Я совершил несколько оплошностей, к счастью, однако, не слишком важных, и успел их исправить. Целую ваши ручки, любезнейшая маменька, и прошу вашего благословения для себя и ваших внуков. — Е. Боратынский». — К письму сделана приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты). — Перевод: «Примите мою живейшую благодарность, дорогая и любезная маменька, за ваше премилое письмо и за все знаки вашего материнского внимания к нам и нашим детям. Мы получили от вас прекрасные носовые платки и благодарим вас от всего сердца. Моя сестра и ее муж <София Львовна и Н. В. Путята> находятся сейчас у нас, и Софи просит меня засвидетельствовать вам ее почтение; мы все очень удобно устроились в малом флигеле, но ждем с нетерпением, когда ремонт дома будет окончен: мы уже давно только и делаем, что переезжаем, и не говоря о заботах и хлопотах, которые доставляет нам строительство само по себе, оно причиняет еще одно большое неудобство — невозможность провести лето в деревне, которую городские прогулки никоим образом не заменяют. Прощайте, дорогая и любезная маменька, целую ваши ручки от всего сердца, дети обязательно напишут вам со следующей почтой. — Ваша почтительная дочь Настасья Боратынская».

М. С. 67—68 (с неверной датой: «осень или начало зимы 1842», основанной на предположении: «очевидно, в письме говорится о постройке дома, происходившей в Мураново в 1842 г.»). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 38—39 об. Поскольку в приписке сказано, что Боратынские не могут провести лето в деревне и вынуждены гулять по городу, очевидно, что письмо написано из Москвы, летом, и речь в нем идет о перестройке дома на Спиридоновке. Одно лишь неясно: в 1838 или в 1839 г. написано письмо. Мы относим его к лету 1838 г., потому, что в следующем письме к маменьке (см. далее: сент., до 24?), где сообщается о завершении строительства, говорится и о смерти дочери Софии, которая умерла, согласно единственному источнику сведений о ее кончине — комментариям Ю. Н. Верховского к письмам Боратынского, в 1838 г. (см. : М. С. 54).

ИЮНЬ, 29. Москва. Вышел «Московский наблюдатель» (1838. Ч. 16. Апрель. Кн. 2) — в разделе «Литературная хроника» рецензия Белинского на 9-й том «Современника» (1838. № 1; см. выше: март, 29), где опубл. «Мысль» Боратынского: «<...> оно особенно отличается необыкновенною художественностию своих поэтических форм: это истинная творческая красота». (С. 621).

Белинский. Т. 2. С. 574 (дата).

ИЮЛЬ, 12. Москва. С. Т. Аксаков — К. С. Аксакову: « <...> Кажется, я писал тебе о намерении нашем с Великопольским <...> помочь расстроенному положению финансов нашего Гоголя: исполнение не отвечало моему ожиданию. <...> Великопольский дал 1 тысячу, я — 500 р., Погодин тоже, Баратынский 250 р., <...> Павлов обещал столько же, а Хомяков и Мельгунов отказались под предлогом, что *это может быть неправда*».

ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 559.

АВГУСТ. Москва. Боратынский — Путяте в Петербург (без даты): «Чивалев еще не заплатил; но заплатит скоро. Замедление происходит от того, что, не имея наличных денег, он должен перезаложить дом, а как и нам нельзя рисковать довольно большою суммой, то дело делается установленным порядком через гражданскую палату, которая все не кончает всех справок. Посылая вам в счет чивалевских денег 2000 асс., между тем должен предупредить, что доходы наши нынешний год примерно плохие. Скуратово даст не более 6000, из коих почти 2000 следует в

Опекунский совет. С Каймар дай Бог, чтобы посчастливилось нам по 2000 т. Жду ответа от Дьякова. Если он примет мои условия, состоящие в 1600 жалованья, из коего на вашу часть придется 400, то на нынешний год мы можем быть совершенно спокойны. Узнав, что ты собираешься в Казань, я думал было с тобою ехать; но не могу: присутствие мое нужно в Москве для конечной отстройки дома. Я надеюсь, что мы будем довольны Дьяковым; если же нет, то в ту пору и примем нужные меры, которые между тем и успеем обдумать. По всем вероятностям, не в первые два года он предастся беспечности или собственным расчетам. Обнимаю тебя от всей души. — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 612—613 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп.1. № 81. Л. 3—4; дата: *авг. 1838* на основании штемпеля («П<олуч>ено <а>вгус<т>») и упоминания об «отстройке дома»). Дополнительный аргумент в пользу авг. 1838 — упоминание о долге Чивалева и о Дьякове, которого Боратынский просил в 1838 г. занять место управляющего в Каймарах (см. выше: февр., 10—20-е числа). — Адрес на письме: «Его Высокоблагородию Милостивому Государю Николаю Васильевичу Путяте. В С.Петербург. На углу Почтамской улицы против Исакиевского собора, в доме Кютнера».

СЕНТЯБРЬ, до 13. Москва. Настасья Львовна — Софии Михайловне Боратынской (Дельвиг) в Мару (на фр. яз.; без даты). Перевод: «<...> Я почти не выезжаю, точнее сказать, выезжаю крайне редко и потому не могу сообщить вам никаких новостей. Не помню, говорила ли я вам, что мне привелось как-то оказаться на пятнице у Свербеевых, и я видела там все вражеское общество, которое утратило свою способность наводить на меня панический ужас; если бы я хотела, то могла бы даже повеселиться, потому что это привело бы в волнение госпожу Елагину, которая сделалась чрезвычайно чувствительной, особенно если речь заходит о женитьбах, она краснеет едва ли не до обморока и не может даже хладнокровно выслушать известия о свадьбе барышни Левашовой и маленького барона <А. И. Дельвиг>. Хотя она и была некогда приятельницей Каролины, теперь она примкнула к тем, кто ею гнушается, в свою очередь и Павловы, и особенно Павлова, изменили свое обращение с нею. Они отвели утро для литературных встреч, и так как это, говорят, довольно забавно, госпожа Елагина не может скрыть досады, которая написана на ее физиономии; по всему этому вы видите, стоит ли труда ее высмеивать — это значило бы лягать издыхающего льва. Мадемуазель Киреевская также играет весьма жалкую роль: одна-единственная барышня, и нет женихов, если только им не окажется Мельгунов, который приехал из-за границы еще нелепее, чем прежде, что вообще трудно вообразить. Чадаев появляется время от времени и, быть может, он женится на мадемуазель Марии <М. В. Киреевская>, ибо он так же стыдлив и красен, как госпожа Елагина <...>».

ПД. № 26.440. Л. 3—4 об. Датируется по московскому почтовому штемпелю. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

СЕНТЯБРЬ, 23. Москва. Умерла Евдокия Николаевна Пашкова, на чьих приемах часто бывали Боратынские.

Моск. некрополь. Т. 2. С. 404 (дата).

СЕНТЯБРЬ, до 24. Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Vous savez déjà, ma bonne maman, que nous avons le malheur de perdre...» — Перевод: «Вы уже знаете, дорогая маменька, о нашем горе: мы потеряли малышку Софи. Я уже давно разуверился в ее выздоровлении, но жена моя все не могла расстаться с надеждой, и в роковую минуту еще питала иллюзии. Оба мы много выстрадали. Теперь, слава Богу, несколько успокоились. Все лето провел я в волнениях, связанных с перестройками <дома на Спиридоновке>. Наконец, живу в собственном доме, но это стоило мне столько сил, что я дал себе слово больше ни

за что подобное не браться. Вы не можете себе представить, что значит — иметь дело с московскими рабочими и до какой степени доходят их жульничество и наглость. Я очень устал и думаю, если бы мне предстояло благоустроить еще один дом, я заболел бы. Город нынче почти совсем пуст, и мы не видим никого, или почти никого. Это время отдыха <от визитов>, коим я наслаждаюсь. Прощайте, любезная и милая маменька, целую ваши ручки от всего сердца. — Е. Боратынский».

М. С. 53—54 (дата: 23—24 <?> сент. 1838 — по штемпелю). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 23—24 об. Адрес: «Ея Превосходительству Милостивой Государыне Александре Федоровне Боратынской. Тамбовской губернии в г. Кирсанов».

НОЯБРЬ, 20-е числа. Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Nous avons été bien affligés en apprenant le désastre...» — Перевод: «Мы были очень огорчены, узнав о несчастии в Козловке, любезная маменька. Ираклий только что уехал в Калугу, и эти дурные вести узнал, видимо, в одиночестве — в добавление к хлопотам по рекрутскому набору. Потеря велика сама по себе, да к тому же приводит в уныние <о чем речь — не знаем>. Аннета <жена Ираклия> уехала по первому снегу к мужу. Император пробыл здесь три дня, представляя публике прекрасного жениха своей дочери <герцога Максимилиана Лейхтенбергского, жениха старшей дочери Николая I — Марии>. Имя его отца <Евгений де Богарне, пасынок Наполеона>напоминает о великой истории и о другом имени <Наполеон>, которое невольно приходит на уста буквально всем, так что одно известное лицо сочло своим долгом резюмировать: «Кто что ни говори, а это великий человек». Москва нынче просто несносна. Почти не осталось приличных домов. Смерть старой Пашковой <Евдокии Николаевны — см. выше: сент., 23> лишила нас единственного дома, гостеприимного на старинный лад, где принимали всех, старых и молодых, в каком-либо роде замечательных персон, не исключая даже и тех добрых людей, которые более всего любят посидеть за партией в вист. Теперь город разделился на маленькие кружки, а точнее, все наносят друг другу частные визиты, не оставляющие в душе ничего, кроме усталости и возвышенного сознания исполненного долга. У нас много хлопот с иностранцами и иностранками <гувернерами>, которых приходится добывать для детей. Настинька вот уже три месяца выбивается из сил, а все равно нашли пока не всех. Еще нет англичанки. Дети, слава Богу, здоровы и целуют ваши ручки, любезная маменька, равно как и я. Поздравляю любезную тетеньку <Катерину Федоровну> с днем ее ангела». — Далее приписка Настасьи Львовны на фр. яз. Перевод: «Не могу изъяснить вам всю свою признательность, любезная маменька, за все то хорошее, что вы сказали о нас в письме к Натали <Наталии Абрамовне, с лета жившей у Боратынских в Москве>. Столь очевидное доказательство вашего материнского благорасположения и вашей нежности меня глубоко тронуло. Сладостная мечта — моя, Евгения и детей — провести лето в Маре, подле вас, и мы изо всех сил молим о том, чтобы обстоятельства были к тому благоприятны. Целую ваши ручки от всего сердца. — Ваша покорная и почтительная дочь — Настасья Боратынская. — Благоволите передать, любезная маменька, тысячу приветствий дорогой Софи <Софии Абрамовне> и тетушке, которую я поздравляю с днем ее ангела».

М. С. 72 (с неточной датой). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 74—75 об. Обосн. нашей даты: 1) поздравления тетушки с именинами (24 ноября — именины Е. Ф. Черепановой; 2) упоминание о смерти Е. Н. Пашковой (23 сент. 1838) и посещении Москвы Николаем I и герцогом Лейхтенбергским (16—18 ноября 1838). Заключительные слова о поиске гувернеров сто́ят краткого дополнения из воспоминаний Л. Е. Боратынского о своем детстве: «На воспитание детей не щадили издержек. Для английского языка держали гувернантку-англичанку, а для немецкого языка и для преподавания элементарных предметов — онемеченного латыша Беккера, который отличался прирожденными большими математическими способностями и напр., не изучав алгебры, решал алгебраические задачи

арифметическим путем. По-французски говорили в семье родители между собою и с детьми; впрочем, сам поэт обращался к детям чаще по-русски. — Русскою грамматикою и словесностью со старшим сыном, Львом Евгеньевичем, занимался одно время сам отец. Он проходил с сыном риторику по Кошанскому и очень хвалил выбор приведенных там образцов» (*Бобров* 1907. С. 168).

ДЕКАБРЬ (?). Москва. Может быть, к этому времени относится эпиграмма Боратынского **«Увы! Творец не первых сил...»** (опубл. в «Сумерках»). Эпиграмма написана по поводу выхода романа Лажечникова «Басурман» (М., 1838).

См.: *Бухштаб Б. Я.* Адресат эпиграммы Баратынского // Труды Ленингр. гос. библиотечн. ин-та. Т. 1. Л., 1956. С. 233—235.

ДЕКАБРЬ, середина месяца (?). Москва. Боратынский — Путяте в Петербург (без даты): «Посылаю тебе, милый Путята, отчеты в дворянскую опеку, которые должно подписать Соничке. Под подписью моей жены одинаким образом с нею. Соничка нам говорит, что ты все собираешься к нам писать и, не успевая, совестишься. Полно, брат, заботиться об этом. Самая дружеская переписка есть деловая. Кстати о деле. Поскорее пришли мне обратно бумаги, подписанные Соничкой. Они должны быть поданы не позже 4-го января. В будущем году я буду их заготовлять пораньше. Прощай, обнимаю тебя как друг и брат. Поцелуй за меня Соничку. — Е. Боратынский. — P. S. Прошу полюбоваться моим трудолюбием и заметить, что все отчеты в опеку писаны моей рукой. Соничкины пять подписей, два раза в книге, под рапортом, и в двух местах под кратким счетом».

Хетсо. С. 615—616 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 29; дата: конец 1839 — по аналогии с письмом такого же содержания — в нашей Летописи см.: 1839, ноябрь — дек.). Если следовать датировке Г. Хетсо, то получится, что Боратынский посылал в конце 1839 г. два отчета в дворянскую опеку (для подписания их Софьей Львовной Путята) и дважды предупреждал о том, где и как она должна подписываться, что весьма сомнительно; к тому же в этих двух письмах содержатся разные указания на количество подписей, которые должна ставить С. Л. Путята. — Скорее, эти два письма написаны в разные годы: одно — действительно в конце 1839-го, чему есть неопровержимый аргумент (см. примеч. к: 1839, ноябрь — дек.), другое — в конце какого-либо другого года. Мы датируем его серединой декабря 1838 г. потому, что 1) до 1838 г. Боратынский не имел с Путятой совместных дел по управлению энгельгардтовскими именьями (Путята женился на С. Л. Энгельгардт только 8 ноября 1837); 2) Боратынский торопит вернуть подписанные отчеты до 4 января; значит, вряд ли письмо писано ранее середины декабря. — Конечно, можно было бы предположить, что письмо относится к середине декабря 1840, или 1841, или 1842 гг. (в эти годы Боратынский тоже должен был составлять опекунские отчеты и посылать их в Петербург на подпись свояченице), однако, судя по содержанию, это первое подобного рода обращение Боратынского к Путятам по опекунским делам (см. просьбу в постскриптуме обратить внимание на то, что отчет составлен собственноручно, и обещание впредь присылать отчеты пораньше).

1839

Боратынские — в Москве; летом — в Муранове. Собирались ехать в Крым, но никуда не поехали.

ЯНВАРЬ (?). В Москве — Сергей Боратынский; едет из Мары в Петербург.— См. далее о нем в письме к Плетневу: февр., 20-е числа — март.

ФЕВРАЛЬ, 14. Петербург. Ценз. разр. «Отечественным запискам» (1839. Т. 2. № 2; вышел 15 февр.) со стих. Боратынского **«Толпе — стогласный день приветен; но страшна...»** (Отд. 3. С. 1; подпись *Е. Баратынскiй*); с разночтениями опубл. в «Сумерках».

Бограd 1985. С. 36 (дата выхода журнала).

ФЕВРАЛЬ, 20-е числа — МАРТ (?). Москва. Письма Боратынского в Петербург (оба без даты) — к Путяте и Плетневу.

Путяте: «Вероятно, тебя, как и Соничку, удивило намерение наше ехать в Крым. Это давнишнее наше желание, к тому же морские ванны жене и мне необходимы. Если мы для чего-нибудь едем, то это для здоровья. Наше путешествие делает необходимым разные перемены в общем нашем хозяйстве, и я прошу тебя, любезный друг, принять в свое распоряжение имение, находящееся под опекою. Ты намерен был ехать нынешний год в Казань. Если б в конце апреля или начале мая вы бы собрались, то мы май месяц провели бы вместе в Москве, кроме дней десяти, которые ты бы провел в Казани, и во всем бы условились. — Насчет Скуратова, которое также будет под твоим надзором: Иван нашел на свое место управителя, грамотного унтер-офицера. Я перевожу его в Мураново, с тем, чтобы он имел право ревизировать им же самим выбранного управляющего и в случае каких-либо дел ездил на место их схлопотывать. Управителю жалованья 300 и весьма умеренное содержание. — Напиши, будешь ли ты в Москве или нет. Очень бы нужно мне было с тобою видеться (говорю теперь в одном деловом смысле). Надо сдать мне тебе все бумаги. На словах все бы пошло легко, а письменно объяснить почти невозможно. Если мы не увидимся, я пришлю тебе доверенность полную от жены и на Каймары и на Скуратово. Бумаги приведу в порядок и пришлю тебе. Самое трудное — отношение с опекой. Думаю ввести в смысл их быта твоего Ивана Васильевича <брат Путяты>, который в затруднительных случаях может о нас похлопотать. Обнимаю тебя, Соничку и Настю <дочь Путят>, ожидая с нетерпением твоего ответа. — Е. Боратынский. — Доставь, сделай одолжение, прилагаемое письмо Плетневу».

Хетсо. С. 613—614 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 84. Л. 7—8 об.; дата: нач. 1839). Обосн. нашей даты см. в примеч. к след. письму.

Плетневу: «Милый мой, всегда по-старому милый Плетнев! Родственница моя Путята <Соничка> пишет мне, что ты на меня сердишься. Спасибо тебе за это. Кто сердится, тот помнит, а может быть, любит. Пьеса, напечатанная в «Отечественных Записках» <см. выше: февр., 14>, была у меня вырвана из-под пера братом моим Сергеем, с которым ты, может быть, и познакомился, потому что он теперь в Петербурге, — оттого-то она и несколько слаба слогом. Давно, давно нет между нами никаких сношений; зато давно, давно я не пишу стихов, и мной оставлен тот мир, в котором некогда мы сошлись и сблизились. Можешь ли ты думать, что прошедшее мною забыто? Что бы после этого помнить! Но судьба, в молодости удалившая меня от людей, от их обычаев, от условий светской жизни, наградившая меня друзьями такими, как ты, неопытного, давно обманутого, бросила потом и в свет, и в мелочи обыкновенной жизни. Мужем мне нужно было учиться тому, чему учатся дети, понимать отношения, приобретать привычки, угадывать то, что другие твердо знают. Эти последние десять лет существования, на первый взгляд не имеющего никакой особенности, были мне тяжелее всех годов моего финляндского заточения. Я утомился, впал в хандру. Не тебя я поставил в уровень с людьми, которых узнал после; но при новых впечатлениях, которых постепенность и связь тебе неизвестна, при этой долгой и сложной повести, которая меня так глубоко изменила, с чего начать? Как передать себя дружбе давних лет, а не хочется посылать холодные и неполные строки. Не по этой ли причине старики молчаливы? Вся эта болтовня значит в крайнем выводе: ты, дружба твоя, память прошедшего мне драгоценны, а если в какую-либо минуту тебе показалось иначе, тебя обманывала наружность. — Посылаю тебе несколько небольших пьес, набросанных мною на прошедшей неделе <«Благословен святое возвестивший...»; «Были бури, непогоды...»; «Еще как патриарх не древен я; моей...» — опубл. — см.

далее: июнь, 27>. — Я теперь в суетах, происходящих от приготовлений к большому путешествию. Я еду с семейством на южный берег Крыма, где проведу около полутора года. Хочется солнца и досуга, ничем не прерываемого уединения и тишины, если возможно, беспредельной. Думаю опять приняться за перо, и, если все, что скопилось у меня в уме и легло на сердце, найдет себе исход и выражение, надеюсь быть добрым слугою «Современника». — Прощай. Нежно тебя обнимаю. Сохрани мне старую твою дружбу. — Е. Боратынский».

Грот 1904. С. 519—520; Изд. 1951. С. 528 (дата: начало 1839). Обосн. нашей даты: в письме упомянуто стих. «Толпе — стогласный день приветен...», опубл. в «Отеч. записках» 14 февр. 1839 (см. выше); значит, Плетнев мог сердиться (на то, что Боратынский отдал свой текст Краевскому для «Отеч. записок», а не ему для «Современника») не ранее середины февраля, а Боратынский мог узнать о том не ранее 20-х чисел февраля. — Письмо Путяте, приведенное выше, датируется тем же временем, поскольку в конце его содержится просьба передать письмо Плетневу.

МАРТ — НОЯБРЬ. Сведений о местопребывании Боратынских — нет. Ясно лишь, что в Крым они не ездили. Вероятнее всего, до мая, как и всегда, жили в Москве, а на лето перебрались в Мураново.

МАРТ, 18. Петербург. Вышел «Сын отечества» (1839. № 2), где упомянуто о публикации в «Отеч. записках» стих. «Толпе — стогласный день приветен...» (см. выше: февр., 14).

Автор отклика (видимо, Н. А. Полевой), высоко оценив стих. Лермонтова «Поэт» (опубл. в том же № «Отеч. записок», что и стих. Боратынского), замечает далее: «Но «Отечественные записки» и за стихи Лермонтова заставляют читателей прочитать стихи г-на Баратынского и г-на Бенедиктова. Боже великий! что это такое? Неужели Баратынского стихи! А мысль их?.. Толпе страшна *безмолвная ночь, своевольное владение раскованной мечты*, с легкокрылыми грезами, детьми *волшебной тмы*, но сын фантазии, *счастливый баловень благодатных фей, веселый семьянин духовного мира*, привычный гость на *пире неосязаемых властей*, боится земных сует, забот юдольных» (Отд. 4. С. 87).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 271. Л. 12 об. (дата).

АПРЕЛЬ, 6. Москва. Н. Ф. Павлов — В. Ф. Одоевскому: в Петербург: «<...> Я послал Краевскому стихи Хомякова, выпрошу и у Баратынского, который написал несколько пиес <...>».

РС. 1904. Т. 118. № 4. С. 195. Речь идет о стихах для журнала А. А. Краевского «Отечественные записки».

АПРЕЛЬ, 22. Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губ. Умер Денис Давыдов.

ИЮНЬ, 27. Петербург. Ценз. разр. 15-му тому «Современника» за 1839 г. (вышел 8 июля), где опубл. «Антологические стихотворения»: I. **«Благословен святое возвестивший...»**; II. **«Были бури, непогоды...»**; III. **«Еще как патриарх не древен я; моей...»** (С. 157—158; подпись *Ев. Баратынскiй*; без изменений вошли в «Сумерки»).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 271. Л. 28 (дата выхода).

АВГУСТ, 28. Мураново (?). У Боратынских родилась дочь Зинаида. См. примеч. к след. дате.

АВГУСТ, после 28 — СЕНТЯБРЬ, начало месяца. Мураново (?). Боратынский — маменьке в Мару на фр. яз.; без даты: «J'ai à vous annoncer, ma chère maman...» — Перевод: «Сообщаю вам, любезная маменька, о благополучном разрешении моей жены. У нас еще одна дочь. Ее будут звать Зинаида, и она, кажется, не будет дурнушкой. Настинька постепенно оправляется, хотя и медленнее, чем прежде. Теперь, после родов, мы можем наконец решить, когда отправимся в путешествие. Осенью мы собираемся ехать в Одессу. Частые роды расстроили нервы

жены, и все советуют ей морские ванны. Климат юга должен пойти на пользу и детям, которые часто простужаются, а в Одессе есть все возможности найти им учителей. — Очень хотелось бы, любезная маменька, чтобы вы позволили и Натали поехать с нами. Ее недомогания, как говорят врачи, могут быть окончательно излечены только морскими купаниями. Мы хотим провести зиму в Одессе, весной посетить южный берег Крыма, а в начале осени надеемся, что будем иметь счастье повидать вас в Маре. Путешествие это радует мое воображение, которое давно уже переселилось на юг и старается угадать его очертания. Древнее побережье соединяет в себе, как говорят, красоты Швейцарии и Италии. Я случайно нашел в библиотеке тестя превосходное сочинение Сестренцевича о древностях Тавриды <St. Sestrencewitz. Histoire de la Tauride. Brunswiek, 1800>. Оно будет служить нам путеводителем в наших экскурсиях. Прощайте, любезная маменька, прошу вашего благословения для новорожденной и для всех старших, включая жену мою и меня самого. — Е. Боратынский. — Настинька не пишет вам сама, ибо еще очень слаба».

М. С. 59—60 (дата: нач. сент. 1840 — по дате рождения Зинаиды Боратынской, в замужестве Геркен). День своего рождения (28 авг.) З. Е. Геркен сама сообщила публикатору письма Ю. Н. Верховскому, при этом явно неправильно назвав год рождения — 1840. Вскоре после 28 авг. 1840 г. Боратынский не мог писать маменьке в Мару о появлении на свет дочери, а также строить планы поездки на юг, ибо находился в это время в Маре вместе со всем своим семейством; см. 1840, авг., ок. 6; сент....апр 1841. Зато в 1839 г. Боратынские с зимы мечтали отправиться в Крым. Соответственно, и настоящее письмо и рождение Зинаиды стоит датировать 1839 годом. — Поездка в Крым не состоялась.

СЕНТЯБРЬ, вторая половина — ОКТЯБРЬ (?). Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Nous ne venons que de rentrer en ville...» — Перевод: «Мы только что вернулись в город, любезная маменька; оттого что погода стоит до сих пор хорошая, здесь еще довольно пустынно. Однако нам предстоит много визитов. Время, проведенное в деревне, было неплохо использовано детьми. Наконец нам удалось найти англичанку, которая не говорит решительно ни на каком языке, кроме родного. Сейчас все дети болтают между собой по-английски, а Сашинька уже читает для собственного удовольствия то, что ей понятно. Среди новостей, занимающих все умы в Москве, есть одна, которая может вас заинтересовать. Один из Федоровых, товарищ нашего детства, женится на девице Новосильцевой, прелестной особе 17 лет с тремя тысячами душ, домом, бриллиантами и огромным капиталом. Партия столь блестящая, что известие о ней вызвало почти у всех завистливое возмущение. Когда будущая теща представляла жениха своей дочери в разных знакомых семьях, ему приходилось выслушивать комплименты по поводу его удачи, которые звучали столь вызывающе, что госпоже Новосильцевой пришлось даже порвать с одним семейством, где намерение оскорбить было слишком очевидно. Прощайте, любезная маменька, нежно целую ваши ручки. — Е. Боратынский».

М. С. 59 (дата: конец 1830-х). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 17—18. Из содержания письма явствует, что оно написано осенью, по возвращении из подмосковной. Наша датировка гипотетична и основывается на словах о гувернантке-англичанке и о том, что дети уже разговаривают по-английски (ср. с предыдущим известным нам письмом, где говорится о поисках англичанки: 1838, ноябрь, 20-е числа).

ОКТЯБРЬ, 14. Петербург. Ценз. разр. альманаху В. А. Владиславлева «Утренняя заря» на 1840 г. (вышел 28 окт.) со стих. **«Приметы»** (С. 117—118; подпись *Е. Баратынскій*); **«Обеды»** (С. 184; подпись *Е. Баратынскій*); **«Звезды»** (С. 226; подпись *Е. Баратынскій*). «Приметы» вошли с разночт. в «Сумерки»; «Обеды» и «Звезды» при жизни Боратынского не перепечатывались.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 271. Л. 43 (дата выхода).

ОКТЯБРЬ, конец месяца. Белинский переезжает из Москвы в Петербург для постоянной работы в «Отечественных записках» Краевского. Видимо, с этим событием связана эпиграмма Боратынского **«В руках у этого педанта...»** (впервые опубл. под загл. «На ***»: Современник. 1854. Т. 47. № 10. С. 160). — Однако точное время сочинения эпиграммы неизвестно.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ (?). Москва. Боратынский — Путяте в Петербург (без даты): «Посылаю для подписания Сонички опекунские отчеты, которые нынешний год стоили двойного труда от перевода ассигнаций на серебро. Возвратите мне их как можно скорее. Что ты мне пишешь о расчетах опеки по деньгам, полученным из Монахова? Нам должно на будущий год показать <?> их в приходе, да и только. Нам из них следует 2/7. Остальное Пьеру <душевнобольной брат Настасьи Львовны, содержавшийся за счет Боратынского и Путяты в лечебнице доктора В. Ф. Саблера>. Считай покуда, что я вам должен из скуратовских доходов 200.— 800 ты получил. На будущий год, когда Пьер не будет жить у Саблера, а так сказать, своим домом, с отчетами легко будет ладить. — Бекера я не думал посылать для заведения нового порядка <Генрих Герман Бекер был сначала учителем немецкого языка детей Боратынского, а затем помогал ему управлять имениями>, а только поверить, точно ли почти весь каймарский овес жат в прозелень и не годится ни на пищу, ни в продажу; взглянуть на мельницы и оценить их перестройку. Вообще разведать, что там делается и какой оброк расположены дать крестьяне, но это стороной и без всяких от меня предложений. С тех пор я еще много думал. Не решусь ни на что опрометчиво и не приняв предварительно твоего совета. Дела мудреные. Примерь 10 раз, а отрежь раз. Я писал Дьякову подробно обо всем, чем не доволен. Покуда что надеюсь, что внимание, которое я обращаю на хозяйство, сделает его осторожным. — Соничке надобно подписаться в обеих тетрадях. В той, которая за печатью — в одном месте, в конце, под подписью Насти. В другой — в двух местах: под итогом <нрзб. 1 слово> и итогом хлебным; то же под Настей и точно так же, как она».

Хетсо. С. 614—615 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 25—26; дата: конец 1839 — на том основании, что упомянут перевод ассигнаций на серебро — манифест о восстановлении серебряной монеты в качестве денежной единицы был обнародован 1 июля 1839).

ДЕКАБРЬ. Москва. Боратынский встречается с Коншиным, приехавшим в Москву.

«В декабре 1839 я приезжал в Москву, по службе, дни на три. Увидясь со мной, он пригласил меня обедать. — Нельзя, — отвечал я, — дал слово обедать в Английском клубе.— «Ах, так и я обедаю с тобой, — сказал поэт, — ведь я член Английского клуба; это общество сделало некогда честь Пушкину и мне, избрав нас вместе в свои члены, в один день». — Приехав в клуб пораньше, мы убрались в уединенную комнату и прожили до самого обеда прекраснейших два часа. Вслед за этим я провел у него вечер. Это был вечер, на котором мы простились до свидания там, где позволено надеяться свидания христианину. Мы сидели в кругу его милого семейства, все около стола, и вдруг, совсем неожиданно, лампа, перед нами стоявшая, погасла и оставила нас в темной комнате. — Люди суеверные не разделят ли со мной чувства, что эта догоревшая неожиданно лампа была для меня голосом неба» (*Коншин.* Изд. 1958. С. 404).

ДЕКАБРЬ, до 18 (?). Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Mille grâces, chère et bonne maman, de la peine que vous...» — Перевод: «Тысяча благодарностей, любезная и милая маменька, за труды, кои вы совершили, торгуясь за меня, и с таким успехом. Я последовал вашим советам буквально и перевел ваши строки слово в слово, когда сочинял официальный ответ добрейшему Лапату <о ком и о чем идет речь — не знаем>. Как счастлив я знать, что вы погружены в приятные заботы: я имею в виду изящно обставленные комнаты и

новую мебель. Очень хотелось бы, чтобы и вы могли бросить взгляд на наше теперешнее жилище. Оно на втором этаже, комнаты небольшие, но обставлены элегантно благодаря хорошо подобранной мебели. Это был начальный пункт моей спекуляции. Я сказал себе: у нас никто не понимает, как разорительна жизнь на широкую ногу, которой требует нынешняя мода. За границей роскошество в меблировке доступно теперь большинству, у нас же — немногим счастливцам и является только источником разорения. Сообразив это, я сдаю внаем мой первый этаж тщеславцам, благодаря чему добавляю кое-что к обстановке своего жилища каждый день, ибо их деньги дают мне такую возможность. В Москве уже нашлись люди, последовавшие моему примеру после посещения нашего уголка — например, семейство Колошиных. Все это неожиданно, и мне могут сказать: «Вы ювелир, г-н Жосс». Но знаете ли, что можно отвечать? Что заблуждения рассеиваются и что сейчас многие были бы рады вернуться к своему собственному я, изгнанному образованностью и осмеянному — к тому самому я, отсутствие которого всегда изгоняло из общества всякое простодушие и придавало общению беспримерную скуку, пошлость и холодность. Я уверен, что люди, вынужденные вращаться в свете, будут изумлены справедливостью этого замечания. А наш маленький свет нынче в добром здравии. Мы вполне довольны учителями, нанятыми для детей. Помаленьку, как мы говорим, дело пойдет. Гоголь, автор «Ревизора», сочинил большой роман под названием «Мертвые души». На днях он должен приехать в Москву, и я надеюсь, прочтет нам некоторые страницы. Прощайте, любезная, милая маменька, целую ваши ручки от всего сердца. — Е. Боратынский».

Хетсо. С. 616—617 — с датировкой по штемпелю: «Москва 1839 декабря 18». — Автограф — ПД. № 26.316. Письмо написано в конце 10-х чисел декабря 1839, до 21 дек., когда Гоголь приехал в Москву (см. *Гоголь*. Ак. Т. 11. С. 23). Реплика про г-на Жосса — из комедии Мольера «Любовь-целительница»: г-н Жосс предлагает для излечения героини подарить ей драгоценности, на что ее отец Сганарель отвечает: «Вы ювелир, г-н Жосс, и хотите сбыть кое-что из своих товаров».

1840—1841(?)

Видимо, в эти годы сочинено стих. **«Коттерие» («Братайтеся, к взаимной обороне...»)** (не пропущено цензурой в «Сумерки»; впервые опубл.: Русский архив. 1890. № 1. С. 326 — с загл.: «Е. А. Баратынский. Об одном литературном кружке»). Может быть, сочинено по поводу организации журнала «Москвитянин». Некоторые пояснения к тексту см. далее: 1842, май, конец мес. (письмо к Путятам).

1840—1843(?)

Наверное, в эти годы сочинены стихотворения, не опубликованные при жизни Боратынского: **«На все свой ход, на все свои законы...»** (впервые опубл.: Изд. 1914. Т. 1. С. 158) и **«Спасибо злобе хлопотливой...»** (впервые: Русская беседа. 1859. Кн. 2 (14). С. 1).

Письма Боратынского к Путяте в Петербург (без дат):

1. «Посылаю тебе, любезный друг, новые условия Дьякова о сдаче мельницы, более выгодные, где арендная сумма уже 3.500 и новых построек гораздо меньше. Ты увидишь из письма его, что он требует от меня скорого ответа. Боясь в переписке упустить счастливую спекуляцию, я послал ему согласие. Крестьянам эта возка не будет слишком обременительна. Крестьянам с лошадью все равно, так или иначе работают на господина три дня в неделю. К тому же по числу каймарских тягол те же крестьяне будут поступать на возку только один раз в пять лет. Если же будет ропот, можно дать им некоторые льготы и успокоить их. Не вини меня в опрометчивости. Я долго колебался, наконец, посоветовавшись с здешними хозяевами, решился. — Вижу по письму твоему, что у тебя куча дела. Авось этому будет добрый исход. Обнимаю тебя, Соничку и малюток. — Е. Боратынский».

2. «Посылаю тебе, любезный друг, 10.000 каймарского дохода; из них 5.600 для уплаты процентов в заемный банк, остальные pour vos mêmes plaisirs <для ваших удовольствий>. Тысячи с две еще нам придется, в круглом счете. Из Скуратова будет около 16 т. с уплатою процентов, с третьею частью прошлогодней просрочки придется нам по 6.500. Доход порядочный. Пишу из Москвы. Хлопот у меня много и потому не вхожу в подробности. Будьте все здоровы».

Хетсо. С. 633, 635 (по автографам РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 31—31 об., 32; даты: «начало 1840-х гг.» и «возможно, <...> написано летом 1842 г.»). Датировка второго письма, предложенная Г. Хетсо, сомнительна, ибо сумма денег, посылаемых Боратынским при этом письме, не согласуется с суммой денег, причитавшихся Путятам летом 1842 г. — см. 1842, июль, конец месяца.

1840

Боратынский в Москве (январь), в Петербурге (первая половина февраля), в Москве (с конца 10-х чисел февраля). – В начале года Боратынские собираются в заграничное путешествие (см. февр., 5); затем планы меняются, и они намерены переехать на постоянное жительство в Петербург (см. авг., до 6). Все кончается тем, что в августе они уезжают в Мару до весны следующего года.

ЯНВАРЬ, 20-е числа. Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Nous avons reçu avec l'обоз de ma tante Софья Ивановна...» — Перевод: «С обозом тетиньки Софии Ивановны <вдова Ильи Андреевича> мы получили столько свидетельств вашей заботы, любезная маменька, что я, право, не знаю, как вас благодарить. Платье для малышки прелестно: мы поспешили одеть его на нее, и в нем она совершила первый выход из своей комнаты в другие. Превосходное ваше варенье украшает по вечерам наш стол, когда мы принимаем гостей, а это бывает часто, кроме того, жена и Натали время от времени гурманствуют, оставаясь одни. Пишу к вам накануне своего отъезда в Петербург. Мне пришло в голову воспользоваться удобством путешествия в дилижансе и провести две недели в обществе брата <Ираклия>, невесток (жёны Ираклия и Путяты) и старых моих друзей. Есть и практический смысл: я намерен выгодно продать Смирдину, единственному из наших издателей, располагающему капиталом, право на третье издание моих рифмоплетений, прибавив к ним еще один том последних своих грехов. Деньги, при этом вырученные, весьма пригодятся для путешествия в Крым. Вот уже 15 лет, как я не был в Петербурге и 15 лет не видел многих из тех, с кем

13*

был очень дружен. Найду много перемен. Наверное, впечатления будут печальны — впечатления, налагающие последнюю печать на образованного зрелого мужа. Надо принять это как должное. Прощайте, любезная и милая маменька, и я и ваши внуки целуем нежно вашу ручку. — Е. Боратынский». — Далее приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты). — Перевод: «Примите и от меня, милая и любезная маменька, живейшую благодарность за ваши любезные дары, за прелестное платьице вашей работы, которым мы все так восхищались, и за обилие варений, которые так нравятся мне и Натали; тысячу благодарностей за все. Мы все еще ищем гувернантку, любезная маменька, та, которую нам рекомендовали, наверное, подошла бы нам, однако она еще не приехала, а может быть, и не приедет вовсе, но нам еще меньше, чем раньше, хочется брать кого-то без рекомендации. Прощайте, милая и любезная маменька, нежно целую ваши ручки за себя и за детей. — Ваша почтительная дочь — Настасья Боратынская».

М. С. 54—55 (с неточной датой: зима 1839); Изд. 1987. С. 267 (уточнение даты: конец янв. 1840). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 62—63 об.

ЯНВАРЬ, 30. Москва. Боратынский едет в Петербург — до середины февраля.

РС. 1904. Т. 118. № 4. С. 201 (Н. Ф. Павлов — В. Ф. Одоевскому, 29 янв. 1840: «Баратынский едет завтра, <в> 10 часов»).

ЯНВАРЬ, 31. Петербург. Вышла «Библиотека для чтения» (1840. Т. 38 <Т. 1. Январь>), где в рецензии на альманах Владиславлева «Утренняя заря» на 1840 г., в частности, сказано: «Между стихотворениями с особенным удовольствием читаются послания Жуковского <...>, романс г. Павлова, «Приметы» Баратынского <...>» (Отд. VI. С. 2).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 272. Л. 4 об. (дата).

ФЕВРАЛЬ, 2. Боратынский приехал в Петербург — остановился у Путят (на Почтамтской ул., вблизи Исаакиевского собора). — Заехал к брату Ираклию. — Подробности см. далее в письме от 3 февр.

ФЕВРАЛЬ, 3. Петербург. Утро. Боратынский жене в Москву (на фр. яз.; без даты): «Je suis arrivé à Pétérsbourg vendredi soir...» — Перевод: «Я приехал в Петербург в пятницу вечером <2 февр.> прекраснейшей дорогой, удобнейшим образом, не страдая даже от скуки, благодаря моему спутнику, оказавшимся человеком со здравым смыслом и практической сметкой, которыми так отличаются русские купцы. Нет нужды говорить, как были рады моему приезду Софи и ее муж <Софья Львовна и Николай Васильевич Путяты>. Дома были только Софи и Анна Васильевна <сестра Н. В. Путяты>. Именно она увидела меня первой, тотчас испустила крик радости и готова была броситься в мои объятия. Я не заметил и тени того недоброжелательства, которое наблюдал в Москве, она была совершенно искренней, тем не менее я попытался показать, что не забыл прошлого. Что же до Николая Васильевича, то он принял меня с такой нежностью, что растрогал меня. Словом, первые впечатления от Петербурга во всем более чем благоприятны. По приезде я послал сказать Ираклию, что остановился у Путят. Он передал мне, что болен, и я отправился к нему. Действительно я застал его в постели, впрочем, ничего опасного — спазмы. Аннета <жена Ираклия> прибежала обнять меня. Насколько искренни были ее приветствия — Бог весть. Тут же я нашел Лазареву-Бирон с мужем и князя Абамелека, сопровождавшего свою сестру Екатерину на бал <родственники Анны Давыдовны, жены Ираклия Абрамовича>. Я передал ему письмо Натали <Натальи Абрамовны>. Ни Аннета, ни Ираклий о ней ничего не спросили. Как ты это находишь? Прощай, моя Попинька. Пишу тебе в субботу утром. До обеда собираюсь повидать Плетнева, Ираклия и отобедаю у него или

дома, смотря по тому, отмечают сегодня именины Аннеты или нет. Обнимаю тебя и детей. Настинька <дочь Путят> прелестна и, кажется, узнала меня. Завтра сообщу тебе новые подробности, а сейчас голова моя идет кругом, и мысли в беспорядке. Обнимаю Натали». — В письме приписка на рус. яз.: «Сложив письмо, вдруг вспомнил о деле. При опекунских отчетах я позабыл отправить квитанции, которые при них всегда прилагаются. Квитанции эти в среднем ящике моего бюро, а ключ от него в самом верхнем, где у меня пашпорты. Квитанций три. 2ве 1839-го года и одна 1840. По залогу Каймар в 80.000, Наташиной части Атамышь, кажется, в 4000, по Муранову в 16.000. Отыщи, моя душинька, и доставь Ивану. Напиши мне, сыскала или нет. Меня это упущение беспокоит».

Хетсо. С. 618—619 (дата: 3 февр. — по дню недели, названному в письме: Боратынский говорит, что приехал в Петербург в пятницу — 2 февр., а пишет в субботу — 3 февр.). Адрес на письме: «Ее высокоблагородию Настасье Львовне Боратынской в Москве. На Спиридоньевской улице в собств. доме». Текст приписки уточнен по автографу — ПД. № 21.736. Л. 35—36.

После отправления письма Боратынский едет к Плетневу, Жуковскому и Вяземскому. — Не застав никого из них, оставляет каждому свои визитные карточки и, видимо, записки о своем приезде в Петербург. — Около 7 вечера Плетнев заехал к Путятам повидать Боратынского. — Вечер Боратынский проводит у Одоевских, где встречается с Вяземским и знакомится с Лермонтовым и Мятлевым. — Читают повесть Соллогуба «Тарантас»; большая часть присутствующих относится к ней критически; Лермонтов читает свое стихотворение (какое именно — неизвестно); Мятлев читает отрывки из своей поэмы «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею». — Подробности см. в письмах от 4 и 6 февр.

ФЕВРАЛЬ, 4. Петербург. Утро. Боратынский — жене в Москву (без даты): «Получил твое письмецо, моя душенька Настя, и очень ему обрадовался. Спасибо тебе, что тотчас вслед за мной написала. Продолжаю мой П-бургский журнал и для порядка начинаю с того, что имеет сношение с Москвою. С Анной Васильевной <сестрой Н. В. Путяты> я имел шутовскую экспликацию. Она в самом деле сердилась и за то, что при Лизе Чирковой <свояченице Д. В. Давыдова> я у нас на вечере поддразнивал ее Корсаковым: вы совсем мной пожертвовали, говорила она, и мне было очень неловко. А потом у меня свои были заботы, и я была не в духе. <Зачеркнуто 4 строки>. Теперь мы с ней в большой дружбе. В субботу поутру ездил с визитами. Был у Плетнева, Жуковского, Вяземского. Никого не застал. Мой добрый, мой милый Плетнев часов в 7 после обеда приехал ко мне. Ни в чем не изменился: ни в дружбе ко мне, ни <в> общем своем святом простодушии. Звал меня во вторник обедать *вдвоем*. Не правда ли, что этот зов целая характеристика? Говорил мне о своей дочери. <1 строка нрзб.> любит и кажется очень <их> жалеет. Вздыхает по старым товарищам. Теперь после долгих трудов я имею независимость и даже более, все есть, что я желал, да не с кем поделиться этим благосостоянием. Звал меня на житье в П-бург. Вяземской в ответ на мою карточку написал мне несколько милых слов, предлагая ко мне приехать. Было уже поздно, и мы согласились съехаться у Одоевских. <Зачеркнуто 12 строк> также познакомился там с Мятлевым, которого ты знаешь несколько шутовских стихов: «Таракан как в стакан» etc <стих. «Фантастическая высказка»>. Я думал найти молодого повесу. Что ж? это человек важный, придворный забавник, лет 45. <Зачеркн. 1 строка>. Жуковской стал меня расспрашивать о *своих* <т. е. о Киреевских и Елагиных>. Я ему отвечал так и сяк. Познакомился с Лермонтовым, который прочел прекрасную новую пьесу; человек без сомнения с большим талантом, но мне морально не понравился. Что-то нерадушное, московское. Мятлев читал свое путешествие

г-жи Курдюковой по чужим краям, в стихах, вперемешку русского с французским. Много веселости, и он мастерски читает. Потом тешил всех разного рода анекдотами; но меня менее других, потому что напоминал мне брата Льва, который решительно его превосходит и особенно вкусом и чувством некоторого приличия даже в этом роде. Мятлев заключил вечер. Пишу тебе в воскресенье утром. Завтра еще что нибудь прибавлю».

Изд. 1869. С. 422—423 (фрагмент); *Хетсо.* С. 620—621 (полный текст; дата: 4 февр. — по дню недели, названному в письме: воскресенье — 4 февр.). Уточнено по автографу — ПД. № 21.736. Л. 33—34 об. В копии письма ПД. № 21.731. Л. 29 об., сделанной Настасьей Львовной, все зачеркнутые в автографе строки пропущены — это свидетельствует о том, что строки в автографе зачеркивала Настасья Львовна, перебирая письма мужа после его смерти.

После отправления письма Боратынский обедает у брата Ираклия, а вечер проводит у Карамзиных: здесь Вяземский, Блудов, Одоевский. — Продолжается вчерашний разговор о повести Соллогуба «Тарантас». — Подробности см. в письмах от 5 и 6 февр.

ФЕВРАЛЬ, 5. Петербург. Утро. Боратынский — жене в Москву (без даты): «Сегодня, моя душенька, некогда много писать. Встал позже обыкновенного и спешу к Жуковского <так!> которого можно застать только до 12 часов. Вчера обедали мы все у Ираклия. Вечером я был у Карамзиных. Обнимаю тебя и детей».

Хетсо. С. 626 (по автографу ПД. № 21. 736. Л. 25; дата: февр. 1840). Наше уточнение даты обусловлено содержанием письма: сказано о визите к Карамзиным накануне (4 февр.) и о предстоящем визите к Жуковскому (о посещении Жуковского см. в след письме: февр., 6). Адрес (Л. 26 об.): «Ея Высокоблагородию Настасье Львовне Боратынской. На Спиридоньевской улице в собственном доме в Москве».

После отправления письма Боратынский едет к Жуковскому, у которого проводит около трех часов. Жуковский показывает ему ненапечатанные произведения Пушкина и дает одну из рукописных тетрадей Пушкина с фрагментами статей о Боратынском. — Обедает у Плетнева. — Вечером Боратынский едет во французский театр, где встречает княгиню Одоевскую и разговаривает с нею о Киреевских—Елагиных. — Подробности см. в письме от 6 февр.

О посещении Боратынским Жуковского см. также: «В. А. Жуковский, коему государь поручил разобрать бумаги Пушкина, дал Баратынскому одну из его рукописных тетрадей in folio в переплете. В ней находился напечатанный потом отрывок Пушкина о Баратынском. Тетрадь эта оставалась у последнего самое короткое время; он был уже на отъезде и просил меня тотчас возвратить ее Жуковскому, что я и исполнил» (Из записной книжки Н. В. Путяты // РА. 1899. № 6. С. 352); «Забавен следующий случай: Баратынский приезжает к Жуковскому и застает его поправляющим стихи Пушкина. Говорит, что в конце нет смысла. Баратынский прочел, и что же — это пьеса сумасшедшего, и бессмыслица окончания была в плане поэта» (Т. Н. Грановский — Н. В. Станкевичу, 20 февр. 1840 // *Грановский.* Изд. 1897. Т. 2. С. 384).

ФЕВРАЛЬ, 5. Москва. Объявление в Прибавлениях к «Московским ведомостям»: «В Германию, Голландию, Англию и Италию из дворян губернский секретарь Евгений Абрамович Баратынский с женою Настасьею Львовною и сыновьями Львом 10 лет, Николаем 4 лет, дочерьми Александрою 13, Юлиею 3 лет и с сестрою дочерью генерал-лейтенанта Натальею Абрамовною Баратынскою; при них российский подданный в Либазе приписанный Герман Гейнрих Бекер и московский мещанин Андриан Дмитриев и московская мещанка Агафия Тарасова. Жительство имеет Арбатской части 4-го квартала в доме г-на Баратынского».

Московские ведомости. 1841. Прибавления (к № 11). С. 162 (это объявление было напечатано еще дважды: в Прибавлениях к номерам 12 и 13 – соответственно 8 и 12 февраля 1841 г.).

ФЕВРАЛЬ, 6. Петербург. Утро. Боратынский — жене в Москву (без даты): «Сейчас получил твое третье письмо, мой милый друг, и вижу, как ты права, что просила меня писать к тебе всякой день. Твои писульки для меня необходимость, и сегодня утром уже я с тоской поджидал почтальона. Я прочел некоторые места из твоего письма Николаю Васильевичу (Соничка еще не вставала), и он очень смеялся. Здесь о наших сопостатах <Киреевские, Елагины, Свербеевы etc> никто и не поминает, даже Одоевской. Княгиня <Одоевская> говорила мне об ужасном воспоминании, которое ей оставило пребывание ее у Елагиных. Она ненавидит Киреевского, а Авдотью Петровну, кажется, еще больше. Но надо тебе рассказывать по порядку <Зачеркнуто 10 строк>. Sophie К<арамзина> чрезвычайно мила; мы с нею тотчас вошли в некоторую короткость; говорят, что и я был очень любезен. <Зачеркнуто 7 строк>. У Карам<зиных> в полном смысле salon. В продолжении двух часов, которые я там провел <это было 4 февр.>, явилось и исчезло человек двадцать. Тут был Вяземской. Приехал Блудов. Вяземской напомнил ему о старом его знакомстве со мною. Он очень мило притворился, что не забыл, говоря, что мы вместе слушали в первый раз «Бориса Годунова». Это неправда, но разумеется, я ему не противуречил. Забыл тебе сказать, что от Ираклия, прежде Карамзиных мы слушали у Одоевского повесть Сологуба «Тарандас», украшенную виньетами полными искусства и воображения одного князя Гагарина. Виньеты прелесть, а повесть посредственна. Ее все критиковали. Я тоже пристал к критикам, но был умереннее других. Спор, завязавшийся у Одоевского, продолжился у Карамзиных и был главный предмет разговора. На другой день (вчера) <5 февр.> я был у Жуковского. Провел у него часа три, разбирая ненапечатанные новые стихотворения Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом и формою. Все последние пьесы его отличаются, чем бы ты думала? Силою и глубиною! Он только что созревал. *Что мы сделали, Россияне, и кого погребли!* — слова Феофана на погребение Петра Великого. У меня несколько раз навертывались слезы художнического энтузиазма и горького сожаления. Обедал у Плетнева. Он мил и добр. <Зачеркнуто 6 с половиной строк> поехали в французской театр в ложу к<нягини> Абамелек. Давали «La lectrice»<соч. Ж. Ф. Баяра>, играла m-me Allan. Хороша; но не чрезвычайно. Говорят, она была не в духе и за кулисами ее кто-то обидел. К<нягиня> Одоевская сидела одна в своей ложе; встретясь со мною глазами, она меня поманила к себе, и я у нее просидел весь первый акт. Тут мы говорили об Елагиной и Киреевском. Поздний вечер провел со своими <т. е. с Путятами>. Вот тебе не письмо, а журнал. Не передавай никому моих замечаний <Зачеркнуто 2 слова>. Обнимаю тебя, мой милый друг, вместе с детьми. Меня уже тянет домой, хотя провожу время очень приятно».

Изд. 1869. С. 423—424 (фрагменты); *Хетсо.* С. 622—623 (полный текст; дата: нач. февр. 1840). Уточнено по автографу — ПД. № 21.736. Л. 28—28 об. Наше уточнение даты определяется соотношением сказанного в этом письме с содержанием двух предыдущих писем.

После отправления письма Боратынский заезжает к Вяземскому, а затем едет с визитами к родственникам жены брата Ираклия, в частности — к Хр. И. Лазареву. — Обедает у Соболевского. — Вечер проводит с Путятами. — Подробности см. в письме от 7 февр.

ФЕВРАЛЬ, 7. Петербург. Утро. Боратынский — жене в Москву (без даты): «Вот, моя душенька Настя, записка к Михею касательно Чичерина. Пошли ее по адресу. Чичерину же я пишу прямо отсюда. Уведомь Софью Михайловну <Боратынскую-Дельвиг>, что дело сделано. <О чем речь — непонятно>. Вчерашний день не был ничем замечателен. Утром я был у Вяземского и объезжал Арарат <родственников Анны Давыдовны — жены Ираклия>. Меня везде принимали. Познакомили с женою Христофора <Лазарева>, которая носит на лице отпечаток

своего восточного происхождения, но вовсе не восхитительный, и одевается так, что достоверно можно зреть, хороши ли у ней груди или нет. Обедал у Соболевского, а вечер провел со своими <с Путятами>. Соничка велела тебе сказать, что покуда я здесь и пишу тебе всякой день, она к тебе писать не будет. Оно и дело. Соничка, слава Богу, очень поправилась. Она с мужем живут очень мило. Видно, что друг друга очень любят и почти на том же тоне друг с другом, как мы. Путята у себя дома гораздо более оживлен, нежели можно было думать. Я всякий день более его ценю. Настинька <дочь Путят> выросла не много; но начинает говорить, и за ней водятся разные жентильсы <gentillesse — любезность>. Теперь у нее идут зубы, и она немножко беспокойна. Сегодня мы все обедаем у Ираклия. Прощай, мой милый друг. Обнимаю тебя тысячу раз. Целую детей. Мне здесь очень весело. Вообрази, что еще ни разу не удалось после обеда спать, да я в том и не чувствую нужды».

Хетсо. С. 625—626 (дата: февр. 1840). Наше уточнение даты определяется соотношением с другими письмами. Автограф — ПД. № 21.736. Л. 31—32.

После отправления письма Боратынский едет к Вяземскому. — Вяземский рассказывает подробности преддуэльной истории Пушкина. — От Вяземского Боратынский едет к М. Ю. Виельгорскому, затем к В. А. Соллогубу, к А. Н. Вязмитиновой, к брату Ираклию. — Вечером был в зале дворянского собрания. — Подробности см. в письме от 8 февр.

ФЕВРАЛЬ, 8. Петербург. Утро. Боратынский — жене в Москву (без даты): «Вчерашнее утро провел у Вяземского. Говорили о Пушкине. В<яземский> входил в подробности светских сношений, принудивших Пушкина к дуэлю. Ничего не сказал нового. Предложил мне ехать с ним к его вдове, говоря, что она очень признательна, когда старые друзья ее мужа ее посещают. Я намерен у нее быть. Она живет чрезвычайно уединенно. Бывает только у Карамзиных и то очень изредка. Разговорились не знаю как о здоровьи. — Vous êtes un peu malade imaginaire <Вы несколько похожи на мнимого больного>, — сказал мне Вяземской. Я засмеялся и спросил, почему он это знает? — Говорили это во время холеры. Впрочем, я сам склонен к этому. — Тем и кончился разговор, для меня очень любопытный. Я сказал ему, однако ж, что я вовсе не способен преувеличивать воображением какую-либо немощь, напротив, может быть, слишком незаботлив и не люблю лечиться. Видишь, что наш друг Киреевской еще тогда, в полном жару нашей связи, он или мать его были к обоим нам неприязненны. От Вяземского поехал к Вельгорскому, к Сологубу, наконец к Вязмитиновой <к Александре Николаевне, сестре Л. Н. Энгельгардта, вдове С. К. Вязмитинова>. Она уже через девок своих знала о моем приезде в П-бург. Как будто обрадовалась. Потом стала жаловаться, что ее все оставили. Les Benkendorff ne m'écrivent plus depuis deux ans. Je ne sais pas ce qu'ils font. <Бенкендорфы не пишут уже больше двух лет. Я не знаю, что они делают>. Постарела, но не очень. Еще весьма свежа. От нее пошел к <2, 5 строки стерты>. Удивилась моему явлению в П-бурге. У той и другой вместе я не провел более получаса. Остальное утро провел у Ираклия, который совсем уже оправился. О Наташе ни он, ни она ни полслова. On dirait c'est un parti pris <Видимо, умышленно>. Я нахожу, что это уж и не благопристойно. Обедал у своих, а вечером был в собрании. Видел наследника <Александра Николаевича>, в<еликого> к<нязя> Михаила, <Максимилиана> Лейхтенбергского <муж старшей дочери Николая I>, который не так хорош, как на портретах, но все-таки очень хорош и кажется еще лучше, когда всмотришься, нежели с первого взгляда. Государя, к сожалению моему, не было. Я поехал в собрание в особенности для того, чтобы видеть царскую фамилию. Встретил московского знакомца Брусилова. Он мне обрадовался. Жалеет о Москве. Встретил <1 строка стерта>. Он здесь играет важ-

ную роль разумеется, не по стихам, а по службе и старается это дать заметить благородною неторопливостью манеров. Скажи Павлову, что благодаря Бога здесь еще меньше заботятся об отечественной литературе, нежели в Москве. Я отдал его письмо Одоевскому прошлую субботу; но с ним, на его рауте, не успел перемолвить двух слов. Одоевские обедают завтра <9 февр.> у нас. Авось мне удастся довести до его слуха голос московской братии. Прощай, моя душенька. Целую тебя нежно. Очень ты мне недостаешь. Обнимаю деток».

Изд. 1869. С. 425—426 (с пропусками); Изд. 1987. С. 271—272 (полный текст; дата: февр. 1840). Уточнение даты обусловлено соотношением письма с другими письмами — в частности, с письмом от 10 февр., где сказано, что накануне (т. е. 9 февр.) Одоевские обедали у Путят. Уточнено по автографу — ПД. № 21. 736.

После отправления письма Боратынский делает несколько визитов, но никого не застает дома. — Обедает в ресторане Дюме с Вяземским, А. Н. Карамзиным и еще кем-то из петербургской молодежи. — Подробности см. в письме от 9 февр.

ФЕВРАЛЬ, 9. Петербург. Утро. Боратынский — жене в Москву (без даты): «Вчера я провел день вовсе безалаберно. Утром сделал несколько визитов, никого не заставая дома, потом обедал у Дюме с молодежью, в числе коей был однако ж Вяземской. Пели цыгане. Все мы порядочно подгуляли. Пили мое здоровье. Это меня тронуло. Впрочем, обед был прескверный, а заплатили мы дорого: по 65 с человека. Я издерживаю здесь очень мало. С этими 65 еще не дошло до 1000. Извощики здесь дешевле, чем в Москве. Ездивши с утра до вечера, мне никогда еще не случалось издержать больше трех двугривенных, а еще не торгуюсь. Вяземской за обедом сел возле меня и был очень любезен. Я в нем узнал прежнего Вяземского. Вообще он бодрее, чем в последний раз в Москве. Корил новое поколенье в неуменьи пить и веселиться. В это время племянник его Карамзин, немного навеселе, бросил на пол рюмку, которая не расшиблась. Видите, сказал Вяземской: мог уронить, а разбить силы не стало. Сегодня бенефис Тальони. Ираклий обещал достать мне билет. Мне начинает быть скучно. Я не привык к этому беспрерывному мытарству, в котором кружусь. Постоянно жить в П-бурге было бы приятно, имея между двумя днями рассеяния хоть один отдыха. Хочется домой, моя душенька, и я был бы готов уехать хоть сегодня. П-бург приятен отсутствием неприятных впечатлений, и я, конечно, с восторгом променял бы на него Москву. Но в нем веселишься потому, что это Петербург <1 строка зачеркнута>, слишком молодо. Был у дяди Петра Андреевича, который облил меня слезами. Ужасно жаловался на брата Сергея за его проделку <о чем речь — не знаем>. Вообрази, где я потом его видел? В <дворянском> собрании. Я от него ускользнул. Прощай, моя душенька Настя, обнимаю тебя и детей. — Е. Боратынский».

Изд. 1869. С. 426—427 (с пропусками); Изд. 1987. С. 276 (полный текст по автографу ПД. № 21.736; дата: февр. 1840). Дата уточняется по содержанию: бенефис Тальони был 9 февр. 1840 (*Хетсо*. С. 625). — Текст письма уточнен по копии Н. Л. Боратынской (ПД. № 21. 732).

Где находился Боратынский после отправления письма — не знаем. Обедал дома, у Путят, к которым пришли Одоевские. Вечером Боратынский в театре — Тальони танцует в балете «Морской разбойник». В театре познакомился с графиней А. Г. Лаваль. — Вечером у Карамзиных: здесь Жуковский и Вяземский; Боратынский возобновляет знакомство с Н. Н. Пушкиной. — Подробности в письме от 10 февр.

ФЕВРАЛЬ, 10. Петербург. Утро. Боратынский — жене в Москву (без даты): «Хотел написать тебе длинное письмо; но не успеваю. У меня сидит Ираклий и пора на почту. Видел Талиони. Удивительна. Вечер провел у Карамзиных. Обни-

маю тебя и детей. — Получил твое письмо где ты говоришь о Тимирязевой <Софье Федоровне, сестре Е. Ф. Кривцовой>. Я почти всякой день вижу ее мужа <Ивана Семеновича Тимирязева>. Он скоро выезжает из П-бурга. — Ираклий уехал, и я продолжаю мое письмо. Вчера обедали у наших <у Путят>. Одоевские, муж и жена, и Аннета с мужем. С князем и княгиней <Одоевскими> я хорошо познакомился. С обоими я в самых дружеских отношениях. В театре были вместе, где она меня познакомила с Графиней Лаваль <Александрой Григорьевной>. О Тальони не стану говорить. Все выше всякого чаяния. Смесь страсти и грации, которых нельзя описать: надобно видеть. Неожиданность, прелесть, правда поз: дух захватывает. У Карамзиных видел почти все П-бургское высшее общество. Встретил вдову А. Пушкина. Вяземской меня к ней подвел, и мы возобновили знакомство. Все также прелестна и много выиграла от привычки к свету. Говорит ни умно ни глупо, но свободно. Общий тон общества истинно удовлетворяет идеалу, который составляешь себе о самом изящном, в молодости по книгам. Полная непринужденность и учтивость, обратившиеся в нравственное чувство. В Москве об этом и понятия не имеют. С Софьей Карамзиной мы в полной дружбе. Вчера Жуковский раздразнил ее до слез. Эта маленькая сцена была очень мила и забавна. В ней истинное оживление и непритворное баловство, грациозно умеренное некоторым уважением приличий. Это ее отличает от Аннеты Блохиной, с которой она имеет много сходства. Сейчас получил детские письма и твое, мой милый друг. О гувернантке мне самому хлопотать будет некогда. Передам поручения Аннете и Соничке <жене Ираклия и жене Н. В. Путяты>. Благодарю деток за их письма. Поцелуй их поочередно за меня. Прощай, спешу печатать и на почту».

Изд. 1869. С. 424 (фрагмент); *Хетсо*. С. 624—625 (полностью; дата: 10 февр. 1840). Уточнено по автографу — ПД. № 21.736. Л. 15—16. На л. 16 об. адрес: «Ея Высокоблагородию Настасьи <так!> Львовне Боратынской в Москве на Спиридоньевской улице в собственном доме» и штемпели: «СПетербург 10 февраля 1840»; «получено 1840 февраля 13».

После отправления письма Боратынский едет в Академию художеств — смотреть «Последний день Помпеи» Брюллова; заходит в мастерскую Брюллова, но самого Брюллова не застает — тот болен; обедает у Х. И. Лазарева, затем едет во французский театр. — Вечером у Одоевских. — Подробности см. в письме от 12 февр.

ФЕВРАЛЬ, 11. Петербург. Боратынский вместе с братом Ираклием — у дядюшки Петра Андреевича; вечером — у Карамзиных. Подробности см. в письме от 12 февр.

ФЕВРАЛЬ, 12. Петербург. Утро. Боратынский — жене в Москву (без даты): «В субботу <10 февр.> был в Академии художеств и видел Последний день Помпеи Брюлова. Все прежнее искусство бледнеет перед этим произведением; но одно искусство, а не сущность живописи. Колорит, перспектива, округлость тел, фигуры, выходящие как будто вон из полотна, все это выше всякого описания; но думаю, что изучающий Рафаэля, Михель Анджела, Тициана найдет в них больше мысли, больше красоты. На лицах Брюлова однообразное выражение ужаса, и нет ни одной фигуры идеально прекрасной. Был также в его мастерской. Видел прекрасный портрет Жуковского, Крылова и несколько начатых картин. Самого его не видал, он болен. Обедал у Христофора Лазарева на Арарате, как говорил Ираклий. Было ужасно скучно, хотя я сидел подле Аннеты. Христофор меня преследовал литературными вопросами и между прочим добивался, чтоб я ему сказал откровенно, у кого больше таланта — у Николая или у Ксенофонта Полевого. От Лазаревых поехал во французский театр в ложу к нашим. С ними была и княгиня Одоевская. Давали «Le gamin de Paris» <«Парижский озорник», пьеса Ж. Ф. Баяра>, пьеса, которая в Москве мне вовсе не нравилась и которую здесь я нашел очень умной и милой. Вечер провел у Одоевских. На этот раз он был похож на

вечера Свербеевых. Педант Саломирской завел философический спор, у меня сердце сбесилось. В воскресенье <11 февр.> обедал у дяди вместе с братом Ираклием. В 4 часа мы были уже свободны и я поехал к брату, где в первый раз с тех пор, как я в П-бурге, мне удалось часик заснуть после обеда. В 8 часов был у одного чудака Шишмарева, с которым познакомил меня Вяземской у Дюме. Он очень богатый человек, не знающий никакого языка, кроме русского, умный и сметливый. Прикидывается простяком. Принимает гостей своих (гостей высшего круга) в чекмене, любит попить и погулять. У него пели и плясали цыгане, и сам он пел и плясал вместе с ними. En résumé <в общем> было скучно. Вечер провел у Карамзиных очень приятно. Чувствую благорасположение всего здешнего общества, и ты знаешь, как это славно действует. Со всем тем устаю. Жизнь, которую я здесь веду, мне не в мочь. Прощай, мой милый друг, целую тебя тысячу раз. Обнимаю детей. Скажи им, что писать каждому особо из них мне некогда, а они так мило об этом просят, что иначе я бы не отказался их потешить. Обнимаю Наташу <сестру Наталью Абрамовну>».

Изд. 1869. С. 424—425 (с пропусками); Изд. 1987. С. 274—275 (полный текст; дата: февр. 1840). Дата уточнена при соотнесении этого письма с прочими письмами за 3—13 февр. 1840.

После отправления письма Боратынский идет к графине Лаваль. Обедает у брата Ираклия (день его рождения). — Вечером — дома, у Путят. — Подробности см. в письме от 13 февр.

ФЕВРАЛЬ, 13. Петербург. Утро. Боратынский — жене в Москву (без даты): «Ты два дня ко мне не писала, моя милая Настя, и я начинал уже беспокоиться, когда приехавшая Стремоухова уведомила меня, что она пред отъездом тебя видела и что вы слава Богу. Графиня Лаваль дала мне знать через брата Ираклия, что она желает со мною познакомиться короче и будет дома в таком-то часу. Вчера я у нее был. Она очень говорлива, следственно любезна. <Зачеркнуто 4 строки>. Обедал у брата Ираклия. Это был день его рождения. Из русских был только я <остальные — родственники Анны Давыдовны, жены Ираклия>. Армяне несносны. Христофор Лазарев опять насел на меня с литературными вопросами. Этот раз речь завел о профессоре <И. И.> Давыдове и добивался, от чего курс словесности сего последнего скучнее Вилеменя! Вечером все были у нас. Прощай. Пришел Соболевской и мешает. Обнимаю тебя и детей».

Хетсо. С. 627 (дата: 13 февр. 1840). Уточнено по автографу — ПД. № 21.736. Л. 7—8 об. На л. 8 об. адрес: «Ея Высокоблагородию Настасье Львовне Боратынской в Москве в Спиридоньевской улице в собственном доме» и штемпели: «СПетербург 13 февр. 1840»; «Получено 1840 Февраля 16».

ФЕВРАЛЬ, 18. Петербург. За Черной речкой на Парголовской дороге состоялась дуэль между Лермонтовым и Э. де Барантом; оба невредимы; де Барант выслан из России; Лермонтов переведен из гвардии в армию на Кавказ (в апреле).— Был ли Боратынский во время этой дуэли в Петербурге — неизвестно.

ФЕВРАЛЬ, конец 10-х — начало 20-х чисел. Боратынский возвращается из Петербурга в Москву.

ФЕВРАЛЬ, 20-е числа (?). Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Je reviens de Pétérsbourg, ma chère maman...» — Перевод: «Я возвратился из Петербурга, любезная маменька, и в лучшем настроении, нежели мог ожидать. Старых друзей своих я нашел столь же расположенными ко мне, что и прежде, и завязал новые весьма приятные связи. В их числе семейство Карамзиных. Следовало бы остаться еще недели на две, чтобы несколько укрепить новые знакомства, но мне не терпелось вернуться в семью. Ираклия и Аннету оставил я в добром здравии. Когда я уезжал из Петербурга, все были встревожены судьбой

корпуса в 12 тысяч человек, под командованием <В. А.> Перовского, наступающего на Хиву, — о нем не было никаких известий. Нынче выяснилось, что он вынужден был отступить, ибо пустыня оказалась покрыта глубоким снегом и от тридцатиградусного мороза погибло много верблюдов и людей. 7-ми тысячам, расположенным под Москвой, приказано идти на помощь Перовскому. Этот корпус пройдет через Тамбовскую губернию, ибо направляется в Астрахань. Прохождение войск поднимет еще выше цену на зерно, вот почему я вам о нем говорю. Мое маленькое, а точнее, большое семейство в добром здравии. Мы очень довольны нашим гувернером. Он превосходный человек, и дети под его руководством делают значительные успехи. Сашинька сильно продвинулась вперед в музыке. Мне весьма горестно было узнать о том, что любезная тетушка <Катерина Федоровна?> так тяжело болела. Желаю ей быстрого и полного выздоровления. Обнимаю сестру <Софию Абрамовну> и целую Вам нежно ручки. — Е. Боратынский». — Далее приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.). Перевод: «Я была очень рада путешествию Евгения, любезнейшая маменька, и потому, что оно доставило ему удовольствие, и потому, что ему везде оказывали очень лестный прием, а поскольку новости такого рода распространяются быстро, к нам уже в день его приезда из Петербурга явилось несколько человек, еще не знавших о его возвращении и желавших поведать мне о впечатлении, которое оставило его пребывание в Петербурге. Его приняли как общепризнанную знаменитость, и, судя по тому, что пишут мне некоторые дамы, он имел большой успех, или, если повторить дословно их выражение, колоссальный успех любезного человека. Поскольку я пишу вам, любезная маменька, я не боюсь показаться смешной, повторяя эти сумасбродства, ибо уверена, что они доставят вам несколько приятных минут. Нежно целую ваши ручки и вверяю себя и ваших внуков вашему благословению. Благоволите передать свидетельство моего почтения дорогой тетушке, я надеюсь, что весной она окончательно поправится, надеюсь также, что Софи здорова. Обнимаю ее от всего сердца. — Ваша почтительная дочь Настасья Боратынская».

М. С. 56—57 (с неточной датой: зима 1839). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 20—21 об. Дата письма уточнена по времени возвращения Боратынского в Москву из Петербурга.

ФЕВРАЛЬ. 20-е числа — МАРТ, до 10 (?). Москва. Две записки Боратынского к Н. А. Маркевичу (обе без дат):

1. «Voici le maître du piano de Varinka mon cher cousin qui me prie en grâce de l'envoyer chez vous. Il est très curieux d'entendre un talent comme le vôtre; ayez donc la bonté de vous produire un peu devant lui, vous m'obligerez sensiblement». — Перевод: «Мой любезный кузен, Вариинькин учитель музыки просит меня рекомендовать его вам. Ему весьма любопытно узнать ваш талант, будьте же так добры, не откажите в любезности произвести впечатление, чем весьма меня обяжете».

РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. № 187. Л. 1. Публикация Е. Э. Ляминой. Обосн. даты — штемпель: *1840 Фев.* Адрес: «Графиня Варвара Яковл. Monsieur Markewitch». Датировка обусловлена временем пребывания Маркевича в Москве на его пути в Петербург и временем возвращения Боратынского из Петербурга в Москву. Маркевич выехал из Москвы в Петербург 10 марта 1840 г. (сообщено А. В. Дубровским по материалам ПД. Ф. 488. № 39).

2. «Очень жалею, что ни вы не застали меня дома, ни я вас. Нетерпеливо желаю вас видеть и познакомиться с вашим новым произведением. Я всегда дома по вечерам часов с 8-ми кроме (и только что на нынешней неделе) субботы и воскресенья. Очень обяжете вашим посещением преданного вам — Е. Боратынского».

РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. № 187. Л. 2. Публикация Е. Э. Ляминой. Датировка гипотетическая; не исключено, что записка написана не в 1840-м, а в 1829 г., когда Маркевич жил в Москве почти год.

МАРТ, 6. Петербург. Ценз. разр. «Современнику» (1840. Т. 18 <№ 2>; вышел 18 апр.), где в разделе «Антологические стихотворения» опубл. стих. **«Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...»** (С. 253; подпись *Е. Баратынскій*; в «Сумерках» напечатано под названием «Мудрецу») и **«Все мысль да мысль! Художник бедный слова!..»** (С. 253; подпись *Е. Баратынскій*; с разночтениями вошло в «Сумерки»).

МАРТ, 14. Петербург. Ценз. разр. «Отечественным запискам» (1840. Т. 9. № 3; вышел 15 марта) со стих. **«На что вы дни? — знакомый свет явления...»** (Отд. 3. С. 1; подпись *Е. Баратынскій*); с разночтениями опубл. в «Сумерках»: «На что вы дни? Юдольный мир явленья...».

Боград 1985. С. 79 (дата выхода журнала).

АПРЕЛЬ, 2. Ницца. Н. М. Языков — В. А. Елагину: «<...> Радуюсь, что Баратынский и Хомяков не оставляют лир своих: не то бы наш Парнас двинулся, как обоз, в котором тысячи немощных калек. Где теперь Баратынский? Если в Москве, то кланяйтесь ему от меня: ведь он, кажется, ездил в Крым! <...>»

Языков. Изд. 1982. С. 365. — В Крым Боратынский не ездил.

АПРЕЛЬ, 11. Петербург. Ценз. разр. «Отечественным запискам» (1840. Т. 2. № 4; вышел 12 апр.) со стих. Боратынского **«Всегда и в пурпуре и в злате...»** (Отд. 3. С. 150; подпись *Е. Баратынскій*; с изменением одной строки опубл. в «Сумерках»).

Боград 1985. С. 81 (дата выхода журнала). В копии Н. Л. Боратынской стих. озаглавлено «С. Ф. Т.» (ПД. № 21. 733), что, может быть, означает Софью Федоровну Тимирязеву (1799—1875) (жена И. С. Тимирязева, сестра Е. Ф. Кривцовой и декабриста Ф. Ф. Вадковского) — упоминание о ней см. выше — в письме от 10 февр. Но указание Н. Л. Боратынской весьма сомнительно — в 1840 г. С. Ф. Тимирязевой было чуть больше 40 лет и вряд ли Боратынский стал писать о ней: «И твой закат пышней, чем день! // Ты сладострастней, ты телесней // Живых, блистательная тень!» — Скорее уж в стихотворении говорится о какой-либо действительной старушке, продолжавшей играть в свете первенствующую роль, — например, об А. Г. Лаваль, которой в 1840 г. было уже 68 лет, — с ней Боратынский познакомился в Петербурге — см. его письма от 10 и 13 февр.

АПРЕЛЬ, около 14. Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Je vous féli<ci>te des fêtes, chère et bonne maman...» — Перевод: «Поздравляю вас с праздниками, любезная и милая маменька. Вы уже можете праздновать, наслаждаясь хорошей погодой; а мы провели всю страстную неделю в суете визитов и в постоянных заботах, как бы кого не забыть и тем не навлечь на себя неблагосклонность этого семейства. Теперь долг перед обществом почти полностью выполнен; последнюю точку поставит сегодняшний обед, который мы даем Закревскому, Ермолову, Вяземскому, Тургеневу и некоторым другим московским знаменитостям. Нет в мире человека лучше, чем граф Закревский. Можно подумать, что это я оказал ему услугу, а он хранит признательную память о моем пребывании в его доме — настолько он добр со мною. Приуготовления к обеду создают в доме небольшую суету, и я пишу вам, отдавая одновременно приказания и тотчас их отменяя. Поздравляю также любезную тетушку <Катерину Федоровну> и сестру <Софию Абрамовну> и нежно целую ваши ручки. — Е. Боратынский». — Далее приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.). Перевод: «Поздравляю вас с праздниками, милая и любезная маменька, и с вашими именинами <23 апреля>. Дай Бог вам хорошего лета, которое искупило бы все тяготы прошлого года, а к хорошему лету и всех приличествующих удовольствий. Мы надеемся, по окончании всех наших дел, переехать в Мару; дел же у нас сейчас столько, сколько никогда не было одновременно, но самые тягостные, слава Богу, уже окончены. Нежно целую вам ручки, милая и любезная маменька, да сохранит вас Господь в добром

здравии. Благоволите передать мои поздравления дорогой тетушке и Софи, которую я обнимаю от всего сердца. — Ваша почтительная дочь Настасья Боратынская».

М. С. 47—48 (текст с датой: апр. 1835); *Хетсо.* С. 178 (дата: весна 1837). Обе даты сомнительны, ибо на страстной неделе 1835 г. в Москве не было А. И. Тургенева, а на страстной в 1837 г. в Москве не было Вяземского; между тем оба упомянуты в письме среди приглашенных на обед к Боратынским — такое могло быть лишь в апреле 1840 г. Закревский также находился в Москве тогда (см. Сб. РИО. Т. 78. СПб., 1891. С. 330). Уточнение дня определяется Пасхой 1840 г. — 14 апр. Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 77—78 об.

АПРЕЛЬ, 18. Петербург. Вышел «Современник» (1840. Т. 18 <№ 2>) со стих. Боратынского **«Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...»** и **«Все мысль да мысль!..»**. См. выше март, 6.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 272. Л. 14 (дата).

МАЙ, 9. Москва. Настасья Львовна с детьми Марией и Дмитрием едет в Петербург. — Проводив жену, Боратынский отправляется к Погодину, на Девичье поле, где Гоголь отмечает в саду день своих именин. Среди присутствующих — П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, М. Ф. Орлов, П. Я. Чаадаев. М. Ю. Лермонтов, М. А. Дмитриев, М. Н. Загоскин, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков, М. С. Щепкин и др. — Подробности см. в письме от 10 мая.

Герштейн Э. Г. Дуэль Лермонтова с Барантом // ЛН. М., 1948. Т. 45/46. С. 419—420 (перечень присутствовавших на именинном обеде Гоголя).

МАЙ, 10. Утро. Москва. Боратынский — жене в Петербург (без даты): «Ты не можешь себе представить, как мне грустно, что мы на расставанье с тобой повздорили. Особенно мне наедине с самим собою очень тяжело. К тому же отсутствие Маши и Мити очень чувствительно в доме. Саша и Левушка грустны, и в комнатах пусто. Англичанка к нам приехала. Она кажется очень порядочна. Был на обеде у Гоголя: нашел всю братию, кроме кого бы ты думала? Киреевского и Павлова. С Орловым <Михаилом Федоровичем> сошелся опять очень дружески. Вообще не получил ни одного неприятного впечатления. Обнимаю тебя от всего сердца. Спешу отослать эти строки на почту. <Зачеркнуто 3 строки>. Это взяло у меня время, а письмо все-таки не готово, и я его оставляю до завтра. <Зачеркнуто 4 строки>. Прощай, Настя. Целую детей».

Изд. 1869. С. 427 (фрагмент); *Хетсо.* С. 628—629 (полностью; дата по почтовому штемпелю: Москва 1840 мая 10). Уточнено по автографу (ПД. № 21.736. Л. 11—12) и копии (ПД. № 21.731. Л. 35 об.) Адрес: «Ея Высокоблагородию Настасье Львовне Боратынской. В С.Пбург против Исакия на углу Почтамтской улицы, в доме Кютнера».

МАЙ, 10. Вечер. — МАЙ, 11. Утро. Москва. Боратынский — жене в Петербург (без даты): «Милая моя Настя, теперь пишу к тебе на досуге. Чувствую себя очень неправым перед тобою; но неужели ты не поняла, что у меня против тебя не было никакого озлобления, а просто я расшумелся, как будто я с тобою не расстаюсь, и есть еще время поменяться несколько живыми словами! В этом случае я позабыл часы, как ты их иногда забываешь. Дело в том, что мне без тебя было бы грустно и так, а эта размолвка примешивает к этому неимоверно тяжелое чувство. Я сижу один с Демоном болезненного воображения и, может быть, равно болезненной совести. Ты знаешь меня по себе. Жду от тебя несколько слов, которые могли бы меня успокоить, и моя лучшая вера состоит в том, что ты их точно напишешь; да полно, об этом я бы не кончил. <Зачеркнуто 4 строки>. Я так чувствую отсутствие Маши и Мити, что уже не думаю просить тебя оставить Николиньку и Юлиньку, уезжая в чужие краи. Нет, мы их возьмем с собою. Теперь я сужу о тебе по себе. Я получил деньги из Казани. 19600 не помню сколько рублей. Скажи Соничке, что не рассчитываюсь с ними до их приезда в Москву. В Мурано-

во все по возможности готово; сегодня расчелся с щекотуром и маляром. По возможности отделан дом и тот флигель, где прежде жила Соничка, за 120 +. Колошина написала очень милую записку Сашиньке, на которую я отвечал вместо ее. Мне показалось, что так ловче. На обеде Гоголя Орлов был пьян, и ты не можешь себе представить, как в особенности был дружелюбен со мною. То, что я накомерил Вяземскому, принесло наилучшие плоды <накомерил — насплетничал; от фр. commérage>. От Гоголя мы уехали вместе. Я ему сказал: «Наша жизнь разделяется на две половины: как быть с людьми, которых любишь, как быть с людьми равнодушными? Может быть, я это узнаю в чужих краях. J'ai eu ici bien du fil à rétordre <Мне о многом надобно поразмыслить>. Он одобрительно промычал. Расстались хорошо. Чадаев у Гоголя стал тоже со мною експликоваться и приглашал меня на свои понедельники. «Вязем<ский>, — сказал он мне, — m'a fait un commérage amical; mais un commérage inamical a du le précéder», et (au milieu de toute la societé) я ему отвечал: «Ce qu'il y a de mieux à faire, c'est de suivre le précepte de M-me Genlis, de s'en tenir aux relations personnelles et ne pas écouter les cancans» <Вяземский со мной дружески сплетничал, а прежде сплетничал, должно быть, недружески», и (при всех) я ему отвечал: «Лучше всего следовать правилу мадам Жанлис — поддерживать личные отношения, а сплетен не слушать»>. Я не думал быть остроумным и говорил от души, но мне после сказали, что я был очень зол. Видно, ничего нет злее правды. Tu conçois que M-me Genlis citée à Чадаев le mettait tout de suite au nombre des vieillards <Ты понимаешь, что цитировать мадам Жанлис Чаадаеву — значит зачислять его в старики>. Я об этом не думал. Пишу тебе в пятницу вечером. Завтра прибавлю еще несколько слов. Целую тебя заочно, как обыкновенно целую тебя на ночь. Продолжаю в субботу поутру. Все мы, слава Богу, здоровы. Сашинька где-то отыскала письмо, которое Левушка намеревался послать Александре Григорьевне Колошиной. Вот оно: — «Сударыня. — Честь имею известить вас, что я более не занимаюсь этими глупыми мыслями. Пишу к вам, чтобы мне не краснеть всякой день, когда я бываю у вас. Лев Боратынский». — Я переписал его точь в точь. Не правда ли, уморительно! Прощай, мой милой друг. Целую тебя, детей, Соничку с ее Настей. Обнимаю мужа ее <Н. В. Путяту>. — Е. Боратынский».

Изд. 1869. С. 427—428 (фрагмент); *Хетсо.* С. 629—631 (полный текст; дата: «написано в пятницу вечером 10 мая 1840 года»). Поскольку в конце письма сказано: «Продолжаю в субботу утром», — датируем 10 и 11 мая. Уточнено по автографу (ПД. № 21.736. Л. 9—10 об.) и копии (ПД. № 21.732. Л. 213—21 об.).

МАЙ, 13. Москва. Боратынский — жене в Петербург (без даты): «Я получил твое письмо из Клина в воскресенье <12 мая> поутру. Сегодня же посылаю тюфяки. Они не могут тебе быть доставлены раньше, как дни четыре после твоего приезда. Но если ты свои дела кончишь прежде, ты сделай как-нибудь так, чтобы тебе их не дожидаться. Я адресую их на Соничкино имя. Я прочел письмо твое Сашиньке и Левушке. Левушка обещает тебя слушаться. Все твои наставления будут соблюдены. Англичанка очень добра и заботлива. За столом смотрит и за Николинькой, разрезает ему кушанья и обтирает рот. Сашинька, которую я об ней расспрашивал, тоже ее хвалит. Сашинька мне сказала: «Только она такая суета, точно Любовь Андреевна, беспрестанно меня закрывает одеялом <стерто 3 слова> и беспрестанно меня спрашивает, лучше ли мне». Все это по-моему недурно. Дмитрий, которого я посылал в контору транспортов с тюфяками, сейчас воротился и говорит: нельзя их будет отправить прежде вторника <14 мая>, следств<енно>, ты получишь их в пятницу <17 мая>. Был я у Михайло Алекс. Салтыкова он даст нам 30 т<ысяч> по 6 процентов. Прощай, милая Настя, обнимаю тебя и детей».

Хетсо. С. 631—632 (по автографу — ПД. № 21.736. Л. 13—13 об.; дата по штемпелю: Москва 1840 мая 13).

МАЙ, около 14—15. Петербург. Настасья Львовна — Боратынскому в Москву (на фр. яз.; без даты): «Mon adoration, ma vie...» — Перевод: «Обожаемый мой, жизнь моя, сокровище бесценное, дорогой мой, душа моя, как мог ты вообразить, что я затаила на тебя обиду? Если бы я могла предположить, что эта наша глупая размолвка произведет на тебя такое удручающее впечатление, я не стала бы писать эти свои письма, столь поспешные и столь глупые, представляю, как они должны были быть неприятны тебе, а ты, моя душичка, ты написал мне письмо, исполненное такой любви, такой нежности, которые пронизали меня столь глубокой признательностью, что я готова была помчаться, как на крыльях, благодарить тебя, и вообрази, как нарочно, именно теперь, только что, учреждены почтовые дилижансы, которые добираются до Москвы за два дня, и, значит, я могла бы без оглядки ехать напротив Анны Васильевны <Путяты; видимо, она отправлялась тогда в Москву>, хотя все вокруг твердят, что женщины так путешествовать не могут — это слишком утомительно. Однако это хорошие экипажи, и, конечно, ими будут пользоваться. Лучше бы мне не слушать уговоров. Я решилась насчет пансионов, и надеюсь, ты меня поддержишь. Пансион для Митиньки дороже всех мною виденных, но его содержатель — свойственник мадам <нрзбр. 1 сл.>. И он и она проводят лето в Парголове и обещают, что дети будут видеться; обе семьи всегда собираются вместе, особенно во время каникул, когда приезжают почти все воспитанники. Частные пансионы в придворных заведениях находятся во власти надзирателей, а это влечет за собою неудобства, о коих я тебе расскажу. Что же до лютеранского пансиона, который я отыскала, то он показался мне достойным еще и потому, что стоит 1200 рублей, но там скудно кормят, притом с большими промежутками; когда же я заметила это начальнику, он ответил мне, что заботится прежде всего о пище духовной, что немцы — это не русские, что хотя он не любит похвальбы, но у них в заведении обеспечивают даже тем, чего сначала не обещали. На том я с ним и рассталась, еще раз убедившись, что дураку не бывать умным. Два английских пансиона вполне подходят для того, чтобы с нашими детьми говорили на всех языках и чтобы вообще сделать их достаточно образованными. Следует надеяться, что, коли они могли быть полезны другим, это довод в их пользу. Они <Путяты> хотели написать как тебе, так и детям, но нет возможности дожидаться их писем. Передаю тебе их поцелуи и поклоны. Левушкино письмо <см. выше: май, 10 — май 11> очень меня позабавило, я прочитала его Софи. Обед у Гоголя во всех отношениях прошел неплохо <см. выше: май, 9; май 10>. Я пересказала его подробности Николаю Васильевичу <Путяте>, которого я с каждым днем все больше люблю. Решительно человек по сердцу; сам же он очень долго рассказывал мне о котерии, о которой знает действительно все, в том числе и то, почему эти люди не могут с тобою ладить <подробности о «коттерии» см. далее: 1842, май>; чувствуется, как он любит тебя, даже если и не выражает этого словами из-за своей скромности; сердце его совершенно открыто. Очень довольна тем, что ты говоришь мне о малышах; Полторацкие брали с собою <за границу> семерых детей, и еще кормилицу. Софи упрекает меня за неизящный вид Тарасьевны, но это уж преувеличение; да мы с тобою еще поговорим о том. Николай Васильевич хочет расспросить Армфельдов <об их заграничном путешествии> — они стеснены в средствах, очень бережливы и все же повсюду возили с собою детей без особых издержек. Обнимаю тебя, моя милая душичка, да приведет меня Господь поскорее обратно к тебе и ко всем вам. Обнимаю Сашу, Левушку, малышей, кланяйся Беккеру, англичанке, передавай также поклоны Натали <Наталье Абрамовне>. Господь да исполнит тебя Своею благодатью, душичка моя милая, шеринька <от фр. cher — милый, дорогой>. Обнимаю тебя сердечно, со всею любовью».

П.С. 254—255 (текст); 255—257 (перевод Е. Э. Ляминой и Е. Е. Пастернак; дата: 15—17 мая 1840). Уточняем дату, рассчитывая, что письма Боратынского от 10 мая и от 10—

11 мая должны были прийти в Петербург 14—15 мая. Тарасьевна – это, видимо, находившаяся в услужении у Боратынских Агафья Тарасова (см. упоминание о ней в объявлении о намерении Боратынских совершить заграничную поездку: 1840, февр., 5).

МАЙ, конец месяца — ИЮНЬ, начало. Настасья Львовна возвращается из Петербурга; вместе с ней в Москву приезжают (до осени) Н. В. и С. Л. Путяты; дети Боратынских Маша и Митя оставлены в петербургских пансионах. Осенью Боратынские собираются переехать в Петербург.

Подробности см. выше: май, 14—15 (о хлопотах Настасьи Львовны по устройству детей в пансионы) и далее: июнь, до 5 (о возвращении Настасьи Львовны в Москву вместе с Путятами).

ИЮНЬ, до 5. Москва. Боратынский — Плетневу в Петербург (без даты): «Благодарю тебя, старый друг, за все твои хлопоты о моих детях, за добрые советы жене и проч. и проч. Очень я рад, что ей наконец довелось с тобой познакомиться. Она возвратилась из Петербурга вполне тебе признательная за твою дружбу. К нам приехали наши Путята. Sophie мне сказала, что ты, не убоясь детской беготни, непривычной в твоем уединенном кабинете, пригласил к себе на воскресенье мою Машу. Спасибо тебе; но мое отеческое сердце трепещет за ее проказы. Прощай, будь здоров. Бог даст, скоро увидимся. — Е. Боратынский».

Грот 1904. С. 521, с указанием на почтовый штемпель («Москва 1840 июнь 5»), дату получения («получено 1840 июня 8») и адрес: «Его превосходительству милостивому государю Петру Александровичу Плетневу. В С.Петербург. На Малой Михайловской улице, в доме Строганова».

ИЮНЬ—ИЮЛЬ. Боратынский со своим семейством и с семейством Путят живет, видимо, в Муранове (в июне или июле Н. В. Путята уезжает в Каймары). Некоторые подробности см. в письме Боратынского далее: июль (?).

ИЮЛЬ (?). Мураново. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Chère et bonne maman, faut-il que je sois encore à Vous écrire...» — Перевод: «Любезная и милая маменька, возможно ли, что я опять пишу вам вместо того, чтобы целовать ваши ручки в Маре? Тысячи непредвиденных обстоятельств задержали мой выезд. Дела, которые я не мог закончить в отсутствие моей свояченицы Путята и которые я должен был завершить, пользуясь ее пребыванием здесь, потребовали больше времени, нежели я предполагал. Затем стали ходить слухи о том, что на дорогах неблагополучно из-за отчаяния умирающего с голоду народа, отчего мы и решили отложить поездку до той поры, когда останется уже недолго до нового урожая. Надеюсь, что скоро буду иметь счастье увидеть вас, но о путешествии за границу уже нет речи. Мы понесли значительные потери. Одна из наших казанских деревень, 34 крестьянских дома, сгорела, и хлеб, который мы рассчитывали продать, пошел на прокорм погорельцев, в Казани и Туле придется покупать зерно для сева на крестьянских землях. И они и мы твердо можем рассчитывать только на лебеду. На хороший урожай надеяться не приходилось, но кто мог предвидеть, что не хватит хлеба даже на семена! Поэтому все наши планы пошли прахом. Некоторое время мы опасались, что бесконечные дожди погубят в конце концов и яровые, но, благодарение Богу, теперь установилась хорошая погода. Крестьяне весело косят сочную траву. Прощайте, любезная и милая маменька, мне не терпится пуститься в дорогу, и с Божьей помощью это произойдет очень скоро. Жена и ваши внуки нежно целуют вам ручки. — Е. Боратынский».

М. С. 52—53 (с неточной датой: лето 1838). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 8—9 об. Обосн. нашей даты: упоминание пожара в одной из казанских деревень Энгельгардтов (см. о том же пожаре в письме Путяты далее: авг., ок. 10).

АВГУСТ, до 6. Москва или Мураново. Боратынский — Соболевскому в Петербург (без даты): «Не откажи мне в просьбе, любезный друг Сергей Александро-

вич, хотя я тебе поручаю дело хлопотливое. Я переселяюсь с семейством в П-бург, и мне к 1-му сентября и даже несколькими числами ранее нужна квартира. Прими на себя труд и приискать, и дать если потребуется какой-нибудь задаток, который я тебе и возвращу при недалеком свидании. Квартира же требуется вообще экономическая, и вот главные условия. — Понеже я не намерен держать лошадей, то сколько возможно в центре города между Ираклием и Путятами. — К ней одна людская, кухня, каретный сарай для одной 4хместной кареты и погреб. — Три особых т. е. не проходных комнаты для детей сверх обыкновенных приемн<ой>, спальни и кабинета. — Нет нужды, что в 3м этаже, что комнаты не высоки, одним словом даже размер прежней квартиры к<нязя> Одоевского. — Полагаю, что такую можно иметь тысячи за три в год, тем более что я имел в виду в доме <нрзб имя владельца> у Конногвардейских казарм за эту цену имянно мне нужное, но может быть эта квартира уже занята. Впрочем мне так необходимо иметь заготовленное пристанище, что я и не стесняю тебя точными условиями. Но год тяжелый, я человек семейный, и по всему тому, что я тебе пишу, ты видишь, что мне нужна самая строгая экономия. — Окажи мне эту для меня важную услугу и с твоей английской аккуратностью отвечай мне Тамбовской губер. в г. Кирсанов. Чем скорее я буду уверен в квартире, тем лучше. Как только ты меня в ней обнадежишь, так у меня в Москве тронется приготовленный обоз.— Нанимаю я на год. Прощай: пишу посреди всей суеты укладыванья. Сегодня же еду дней на 10 в Тамбовскую губернию к матушке, а оттуда хотелось бы прямо проехать в П-бург.— Е. Боратынский».

РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 7. Л. 30—31 об. Адрес на письме: «Его высокоблагородию милостивому государю Сергею Александровичу Соболевскому в С. Петербурге на Выборгской стороне, на бумагопрядильном заводе г-д Мальцова и Соболевского». Штемпели: «Москва 1840 Августа 6» и «получено 1840 Авг 9 Утро». Публикация Е. Э. Ляминой.

АВГУСТ, около 6. Боратынский с семейством едет из Москвы в Мару, рассчитывая в конце августа уехать оттуда в Петербург.

См. в письме Соболевскому выше (авг., до 6): «Сегодня же еду дней на 10 в Тамбовскую губернию к матушке, а оттуда хотелось бы прямо проехать в П-бург».

АВГУСТ, около 10. Мураново. Н. В. Путята — С. Д. Полторацкому: «<...> Я прожил месяц в казанской нашей деревне, чтоб познакомиться несколько с имением и пособить по возможности крестьянам, которые у нас не только голодны, но отчасти и погорели. <...> Баратынской поручил тебе сказать, что в то самое время, как ты его хвалил за ум, обстоятельства заставили его поглупеть. — Вместо Парижа он поехал в Тамбов <т. е. в Мару>, но зиму проведет в Петербурге. Там ближе к Европе и оттуда путь удобнее за границу. — Теперь же не время помышлять о путешествии, которое стоит много денег. — По возвращении из моих татарских владений я был на самое короткое время в Москве <...> . Теперь пишу к тебе из деревни <Мураново>, и хотя нахожусь только в 45 верстах от Москвы, но не могу дать тебе никаких вестей, ибо живу с женою в совершенном уединении, и все наши сообщения ограничиваются Тройцою <Троице-Сергиев посад>, куда мы посылаем за говядиной и за просвирами. Я не получаю даже «Московских ведомостей» <...>. Не живши почти никогда в деревне, я наслаждаюсь ею как новостию для меня и предаюсь этой жизни со всею философической ленью и беспечностию степного помещика. В хорошую погоду греюсь на солнце, а в дурную удаляюсь в огромную деревенскую библиотеку, составленную из всех переводных и оригинальных на русском языке романов прошлого столетия <книги Л. Н. Энгельгардта>. Какое тут собрание неподражаемых рыцарских, сентиментальных, забавных и всякого другого рода повестей и рассказов! <...> В конце этого месяца я должен возвратиться в Петербург и буду в Москве опять только проездом».

Изд. 1987. С. 432 (фрагмент). Автограф — РНБ. Ф. 63. № 175. Л. 20—21 об. Датировка — по помете Полторацкого на письме: «получено в Авчурине 14 авг. 1840».

АВГУСТ, около 15—17. Мара. Боратынский — Соболевскому в Петербург (без даты): «Спасибо тебе, друг Соболевской, за то, что не слишком сердился на докучное мое поручение <см. выше: авг., до 6>. За это Бог тебя награждает без отлагательства. Радуйся: я нашел здешнее мое имение в таком положении и получил из других такие вести, что я думать не могу ехать в П-бург. Остаюсь в деревне на год, кругом меня прекрасные степные виды, но дальнейшие мне не позволены. Поблагодари за меня Дмитрия Путята, который также обо мне хлопотал. Очень обязан тебе за участие, принятое тобою в моей заботе, и жалею, что еще долго тебя не увижу. Брат Сергей возымел жажду сам к тебе писать и я уступаю ему место.— Е. Боратынский». — Далее следует приписка С. А. Боратынского.

РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 7. Л. 32—32 об. Адрес на письме: «Его высокоблагородию Сергею Александровичу Соболевскому в С.Петербурге на Выборгской стороне в доме Самсоньевской бумагопрядильни». Датируется предположительно по московскому штемпелю: *Москва августа 23* (письма из Мары до Москвы доходили за неделю). Штемпели Кирсанова, откуда письмо отправлено, и Петербурга, куда адресовано, — отсутствуют. Публикация Е. Э. Ляминой.

АВГУСТ, около 15—17(?). Мара. Боратынский Путяте в Мураново (?) (без даты): «Со всех сторон такие дурные вести и наступающий год так грозен бедностью доходов и предлежащими расходами, что мы решились отказаться от Петербурга и провести нынешний год в деревне. Посылаю за детьми <за Машей и Митей, оставленными Настасьей Львовной в петербургских пансионах в мае> надежного человека, бывшего моего дядьку Михея. Отправьте с ним, любезные друзья, в моей каришневой карете. Надеюсь видеться с вами в Москве. Я не со всем точно расчелся. Сколько помню, мне следует заплатить в О. С. <Опекунский совет> за имение Сонички 4.200, да 2.000 послано за вас в Скуратово — итого 6.200. Вы платите 5.600 в Государственный Совет за Пьера <Энгельгардта>, да 500 я вам должен по мурановскому счету — итого 6.100. Теперь надобно справиться у Дмитрия в книге, сколько поступило к нему скуратовского овса. Вам следует половина. По этому расчету я буду у вас в небольшом долгу; но совершенно не помню, по какому соображению. Я полагал в Москве, что, напротив, небольшой долг будет за вами: есть издержки, которые я позабыл. У тебя все записано, брат Николай, справься, пожалуйста. Теперь об лесе <т. е. о продаже мурановского леса>. Кажется, что 600+ цена крайняя, равно нельзя соглашаться и более как на три срока. Если же уже дойти до 575, то все-таки лучше иметь с Царским, нежели с маломощными купцами. Кичеев предупреждал, и насчет контракта ты можешь говорить свободно. Касательно наших каймарских монахинь я одного с тобою мнения. Обнимаю вас от всей души. — Е. Боратынский».

Пигарев 1948. С. 146 (фрагмент); *Хетсо*. С. 632—633 (полный текст по автографу — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 9—10; дата: осень 1840). Датируется по соотношению с письмом Соболевскому из Мары (см. выше: авг., 15—17). Путята оставался в Муранове, видимо, до конца августа 1840 г. (см. выше в его письме Полторацкому: авг., ок. 10).

СЕНТЯБРЬ... АПРЕЛЬ 1841 г. Боратынский с семейством живет в Маре. Подробности неизвестны.

ДЕКАБРЬ, 13. Москва. Ценз. разр. 1-му № нового журнала «Москвитянин» (1841. Ч. 1); здесь в заметке «Где наши литераторы?» (С. 324—326) сообщается о настоящем местопребывании российских писателей: «*Гоголь* больной живет в Италии <...>. *Языков* третий год уже лечится в чужих краях <...>. *Хомяков* нынешнюю зиму будет жить в Москве <...> *Вельтман, Ф. Н. Глинка, М. А. Дмитриев, Загоскин, Павлов, Раич, Строев, А. А. Шаховской* имеют постоянное пребывание в Москве

<...>. Семейство Пушкина живет в Петербурге». — О Боратынском сказано: «*Баратынский* возвратился из путешествия и поселился в Тамбовской деревне» (С. 325). Слова о путешествии свидетельствуют о том, что в кругу «Москвитянина» о жизни Боратынского знали только по слухам.

ДЕКАБРЬ, 24. Петербург. Ценз. разр. «Современнику» (1841. Т. 21 <№ 1>; вышел 13 янв. 1841) со стих. **«Рифма»** (С. 241—242; подпись *Е. Баратынскiй*); с дополнением 10 строк опубл. в «Сумерках»; с разночтениями — в Изд. 1884.

1841

Боратынский с семейством живет в Маре (до апреля), в Муранове (с мая), в Артемове (с октября).

ЯНВАРЬ, 13. Петербург. Вышел «Современник» (1841. Т. 21 <№ 1>) со стих. Боратынского **«Рифма»**. См. выше 1840, дек., 24.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 273. Л. 3 (дата).

ФЕВРАЛЬ, 3. Петербург. Вышли «Отечественные записки» (1841. Т. 14. № 2), где в рецензии Белинского (отд. 5. С. 35—80) на «Стихотворения М. Лермонтова» (СПб., 1840) цитируются 3—4 строфы стих. «На смерть Гете» со следующим резюме: «В этих двадцати стихах Баратынского о Гете заключается высший идеал человеческой жизни и все, что можно сказать о жизни внутреннего человека».

Bоград 1985. С. 111 (дата).

МАРТ, 1. Петербург. Вышли «Отечественные записки» (1841. Т. 15. № 3) с рецензией Белинского (отд. 5. С. 1—7) на «Собрание стихотворений Ивана Козлова» (СПб., 1840), где сказано: «<...> Козлов — поэт *чувства*, точно так же, как Баратынский — поэт мысли (то есть поэтического раздумья, а не рассудочного резонерства)» (ср. с рецензией на Изд. 1835: 1835, окт., 1).

Bоград 1985. С. 114 (дата).

МАРТ, 28. Петербург. Ценз. разр. «Отечественным запискам» (1841. Т. 15. № 4; вышел 29 марта) со стих. Боратынского **«Предрассудок» («Предрассудок! Он обломок...»**) (Отд. 3. С. 258; подпись *Е. Баратынскiй*; с разночтениями опубл. в «Сумерках»).

Bоград 1985. С. 117 (дата выхода журнала).

АПРЕЛЬ, 24. Москва. Ф. Н. Глинка — Плетневу в Петербург: « <...> Баратынский уехал в Тамбов; уехал — и все его забыли! а пока был на глазах — кадили, чествовали!! <...>».

Изв. АН. 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 93.

АПРЕЛЬ, 30. Петербург. Ценз. разр. «Отечественным запискам» (1841. Т. 16. № 5; вышел 1 мая) со стих. Боратынского **«Vanitas vanitatum» («Что за звуки! Мимоходом...»**) (Отд. 3. С. 71; подпись *Е. Баратынскiй*; без изменений опубл. в «Сумерках»).

Bоград 1985. С. 121 (дата выхода журнала).

АПРЕЛЬ, конец месяца — МАЙ. Боратынские возвращаются из Мары.

МАЙ (?). Мураново. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Vous serez bien étonnée, chère et bonne maman...» — Перевод: «Вы будете очень

удивлены, любезная и милая маменька, что так поздно получаете от нас письмо, но редко когда выпадает путешествие более неудачное, чем наше. Сильные ливни смыли несколько мостов, паромы были еще не готовы, приходилось ждать с утра до вечера. Под нашей тяжелой каретой провалился один гнилой мост. Наконец, мы на месте, но еще не отдыхаем, ибо предстоит много дел. После покойной жизни в Маре я не могу привыкнуть к стольким волнениям. Со сладостным чувством вспоминаю я эти дни беспечности, которые в моей беспорядочной жизни стали решительно событием — необычным и милым сердцу. Я надеюсь, что Господь дарует мне еще такие же дни в том же месте, близ вас, любезная маменька, — близ той, кого я люблю со всей возможной нежностью, сколь живо, столь и благодарно. Целую вам ручки от всего сердца. — Е. Боратынский». — Далее приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты). Перевод: «Пишу вам, любезная маменька, вся переполненная воспоминанием о вас, вся преисполненная благодарности за вашу доброту к нам и нежность. Позвольте повторить вам выражение моей глубочайшей признательности, и будьте уверены, что оно никогда не изгладится из наших чувствований. Путешествие наше было весьма утомительным, а многочисленные дела, которые ожидали нас здесь, еще более докучными, поэтому я отдохнула немного, только когда самые спешные из них были завершены. От усталости я слегла и первые сутки после нашего прибытия в Мураново провела в постели. Теперь, слава Богу, я чувствую себя хорошо и занимаюсь устройством всех прочих дел. Целую ваши ручки, милая и любезная маменька, от себя и от детей, которые очень часто вспоминают Мару. — Ваша покорная и почтительная дочь — Настасья Боратынская».

М. С. 50—51 (с датой: осень 1835). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1 № 175. Л. 5—5 об. Обосн. нашей даты: судя по письму Ф. Н. Глинки (см. выше: апр., 24), в апреле 1841 г. Боратынские еще не вернулись из Мары в Москву; судя по июльскому письму Боратынского к маменьке (см. далее: июль), в середине лета они уже долго жили в Муранове; судя по содержанию данного письма, Боратынские возвращались из Мары во время весенней распутицы.

ИЮНЬ, 10. Петербург. Ценз. разр. «Современнику» (1841. Т. 23 <№ 3>; вышел 27 июня) со стих. **«Влага Стикса закалила...»** (С. 180; подпись *Е. Баратынскій*; с изменениями и под загл. «Ахилл» вошло в «Сумерки») и **«Скульптор» («Глубокий взор вперив на камень...»)** (С. 182; подпись *Е. Баратынскій*; с изменениями вошло в «Сумерки»).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 273. Л. 32 об. (дата выхода).

ИЮНЬ, 28. Петербург. Вышел 11-й том «Сочинений Александра Пушкина» (СПб., 1841; ценз. разр. 29 апр. 1840), где напечатаны «Отрывки: литературные, критические, грамматические замечания»; здесь — впервые опубл. незавершенные фрагменты статей Пушкина о Боратынском (С. 236—242). См. в Летописи: 1827, авг.; 1828, окт., между 8 и 19; 1830, окт.—ноябрь.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 273. Л. 32 об. (дата).

ИЮНЬ, 30. Петербург. Ценз. разр. «Отечественным запискам» (1841.Т. 17. № 7; вышел 2 июля) со стих. Боратынского **«Красного лета отрава, муха досадная, что ты...»** (Отд. 3. С. 155; подпись *Е. Баратынскій*; под загл. «Ропот» опубл. в «Сумерках»).

Боград 1985. С. 127 (дата выхода журнала).

ИЮЛЬ. Мураново. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Cette lettre doit vous arriver...» — Перевод: «Это письмо должно прийти к вам одновременно с мебелью. Вместе с обозом я послал вам пахитоски и конфеты. Ираклий и Аннета, должно быть, уже у вас <брат Ираклий Абрамович с женой

Анной Давыдовной>. Поздравляю вас с их приездом. Ираклий насладится отдыхом после долгих трудов, к тому же он получит большое удовольствие от того, что не придется заниматься размежеванием, отложенным еще на пять лет. А здесь только и разговоров о всяких кражах и грабежах. Происходят ли они из-за дороговизны хлеба или это такой теперь обычай — вроде поджогов, но случаются они часто, и все вокруг измышляют невиданные доселе предосторожности. Больше никаких новостей нет, тем более, что в Москве сейчас нет общества в истинном значении этого слова. Прощайте, любезная маменька, целую ваши ручки от всего сердца. — Е. Боратынский». — К письму приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты). — Перевод: «Пользуюсь случаем, любезная маменька, отправить к вам с обозом несколько романов и небольших рисунков для канвы, какие вы желали иметь этой зимой, чтобы использовать остатки шерсти; я старалась сообразоваться с вашим вкусом и буду очень довольна, если рисунки вам подойдут. Мы сейчас в деревне, и нас заливают дожди; кажется, жары больше не будет никогда, ночи все время холодные, все, что должно было созреть лишь в конце июля, уже давно созрело, тем не менее хлеб стал еще дороже. Ираклий и Аннета, должно быть, уже рядом с вами, любезная маменька, и я вас поздравляю от всего сердца с этой долгожданной радостью. Благоволите напомнить им обо мне. Нежно целую ваши ручки. — Ваша почтительная дочь — Настасья Боратынская».

М. С. 65 (с датой: июнь (?) 1842 ?). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 32—33 об. Обосн. нашей даты: упоминание о размежевании в Вяжле, к которому Боратынские приглашались 2 мая 1841 г., но из которого они просили себя исключить (см. повторное приглашение от 7 ноября 1841 г. — ПД. № 21.788).

ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ (?). Мураново. Боратынский — Путяте в Петербург (без даты): «Мне приходится все писать тебе о деле. Саблеру я заплатил 5 т. из денег, приготовленных мною для уплаты процентов, которым срок в октябре <в приюте Саблера содержался Петр Энгельгардт>. Черткову еще нет, потому что гражданская палата, как бы ей следовало, не прислала копии с данной мне доверенности в Опекунский Совет, почему замедлена выдача денег (надеюсь, только на несколько дней). Объявление на лампу <?> мы получили. За мурановский лес дают по 550 + асс. десятину: это составляет 82 т.; 20 т. — вперед, остальные в три срока. Кажется мне, что не должно колебаться — и продать. Цена хорошая и покупщик надежный. Скажи мне свое мнение, дабы я мог приступить к делу. Батюшка твой, которому я описал свойство и положение леса, оценил его в 500, но не помню — асс<игнациями> или монетой. Прощай, обнимаю тебя и Соничку. Свидетельствую мое почтение Настасье Николаевне <видимо, дочери Путят>».

Хетсо. С. 633—634 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 5—6 об.; дата: начало 1840-х). Обосн. нашей даты: упоминание оплаты процентов в будущем октябре и рассуждения о продаже мурановского леса (ср. с письмами Путяте: 1840, ноябрь—дек.; 1841, сент.—ноябрь).

СЕНТЯБРЬ—НОЯБРЬ. Мураново. Боратынский — Путяте в Петербург: «Долго я думал о сбыте нашего мурановского леса, о причинах, по которым он и за среднюю цену не продается, и нашел главных две: 1-е, что купцы так часто у беспорядочных дворян имеют случай покупать лесные дачи почти задаром, что им весьма мало льстит покупка, представляющая только 20 обыкновенных процентов: 2-е, боязнь ошибиться самим в настоящей ценности леса неровного, неправильно рубленного и проч. Из этого я на первый случай заключил, что должно хотя несколько десятин свести самому хозяину и постараться сбыть бревнами и дровами. Наконец вспомнил, что я в Финляндии видел пильную мельницу. Надобно, во-первых, вам сказать, что, думая сам сводить нашу лесную дачу и не зная, как предупредить злоупотребления и облегчить сбыт, я обратил внимание на на-

шего Бекера, который имеет очень много хозяйственных сведений и как купеческий сын сохранил в Москве по сию пору разные коммерческие связи. Я предложил ему взять на себя присмотр за сводом леса и продажу материалов за 10 процентов, когда выручка будет превышать 600 + за десятину, и он принял мое предложение. Я стал ему говорить о пильной мельнице. Вышло, что они очень обыкновенны в Курляндии и стоят вовсе недорого. Когда же я вычислил баснословную выгоду, которую нам может принести устроение подобной мельницы, я ухватился за мысль и тотчас принялся за дело. — Вот вкратце расчет. Я вымерил самую среднюю десятину и счел на ней 400 пней. — 400 пней дают 800 бревен (и с лишком, потому что лучшие деревья дают 3 бревна). — Каждое бревно дает 4 доски, итого 3200 досок. — В Москве доски самого последнего сорта стоят 200 сотня. — Если положить доску только по одному рублю, то десятина даст 3200. — Сверх того остаются: третье тонкое бревно, которое пилится на тес, и осиновой и березовой лес, равно и горбыли, которые пилятся в дрова, макушки, которые пойдут на домашнее отопление и на кирпичный завод, который я хочу устроить в то же время. Кругом десятина, при самом среднем счастии, должна дать до 5000+. - Я отыскал механика г-на Прагста, который подобную мельницу строил на Нарвском водопаде. Он приезжал ко мне в Мураново, потому что я сначала думал заменить нашу мукомольную мельницу пильною, но вода оказалась недостаточной. Наша мельница будет приведена в движение 8-ю лошадьми.

Издержки

Машина	7000
Наружное строение	1500
10 пил, запас достаточный лет на 10	2500
16 лошадей	1600
	12600

Мельница будет давать до 500 досок в сутки; в год можности свести до 25 десятин. В пять лет вся операция будет окончена. Если же продажа будет успешна, то я поставлю другую мельницу, которую Прагст обязуется мне устроить за 5500, и тогда сведу лес в 2 1/2 года. — Ты видишь, какой ничтожный капитал нужен для самых блестящих результатов! Надеюсь, что ты не поколеблешься взять убытки на барыши предприятия пополам, но за свою мысль и за свои хлопоты я прошу 10 процентов, когда десятина будет приносить свыше 1000. — Контракт с Прагстом уже сделан. К наружному строению приступаю. — Главный ежегодный расход состоит в корме лошадей, но часть вознаградится лучшим удобрением полей. Я надеюсь, что все ежегодные издержки покроются одним доходом с кирпичного завода. — Прощайте, устал смертельно от длинного делового письма. — Главное: трудно сбыть товар, которого цена неопределенна как лес на корню. Когда он обратится в доски, в дрова, продашь дешево, но продашь как хлеб; а лес после хлеба первая необходимость. — Не удивляйся огромной выгоде, на которую я надеюсь. Купцу распилить 400 пней в доски обыкновенным способом стоит до 3000. Сверх того он платит за свалку и пилку в бревна, что у меня будут делать свои. Приложи к этому цену самого леса, и у тебя не останется никакого сомнения. — Кирпичный завод пойдет наймом. Берут 7+ с тысячи... На обжиг пойдет оборышь лесу, который без того пропал бы даром. — В Казань, разумеется, мы уже не едем. Мы нанимаем дом у Пальчиковой, в Артемове. Соничка знает эту деревню; она от нас 3 версты, а от лесу в том же расстоянии, как и Мураново. — Касательно казанского хозяйства, я, кажется, нашел верной способ завести там оброчное состояние, избегая обыкновенной его неудобности — неплатежа оброка. Мысль мою сообщу тебе в другой раз. — Надеюсь этим годом все наши хозяйственные дела, в том числе и опеку, устроить таким образом, что они вперед уже мало меня будут заботить и мне можно будет возвратиться к прежним, мне более привычным

занятиям. — Все мы, слава Богу, здоровы. Я между прочим бодр и весел, как моряк, у которого в виду пристань. Дай Бог не ошибиться».

Пигарев 1948 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 11—12 об.; дата: осень 1841).

С ОКТЯБРЯ (?). Боратынские нанимают дом для жизни зимой в Артемове — имении М. А. Пальчиковой, расположенном в трех верстах от Муранова.

См. выше в конце письма к Путяте: сент.—ноябрь и ниже в письме к Н. А. Боратынской: ноябрь—дек. (?).

ОКТЯБРЬ, конец месяца — НОЯБРЬ, начало. Артемово. Боратынский — сестре Наталии Абрамовне в Мару (на фр. яз.; без даты): «Merci pour votre lettre, chère Natalie...» — Перевод: «Спасибо за письмо, любезная Натали, и за подробности о жизни маленькой марской колонии. Ты не можешь сомневаться в том удовольствии, которое я получу, когда увижу тебя и мы сможем заполнить пробелы наших писем. Чтобы попасть в Артемово, нужно проехать через лес, который мы называем Троицким, и первый барский дом версты через полторы и будет тот, где мы сейчас обитаем. Итак, приезжай сразу в Артемово, если, конечно, тебе не нужно делать никаких покупок в Москве и ты не предпочтешь остановиться во флигеле нашего дома <на Спиридоновке>, который мы оставляем за собой с 1-го ноября <видимо, теперь Боратынские сдавали не один этаж, а весь дом на Спиридоновке>. Дмитрий известит нас о твоем приезде, и тогда мы проведем вместе несколько дней в Москве. В любом случае, чем останавливаться в гостинице, воспользуйся нашим жилищем, где, может быть, окажемся и мы, ибо порой неотложные дела призывают нас в Москву. Но действительно ли ты приедешь? Ты ведь часто меняешь свои планы. Постарайся, чтобы твоя поездка не оставила нас без марских новостей и помогай Софи <С. М. Боратынской> извещать нас обо всем происходящем в вашей округе. Прощай, любезная Натали, обнимаю тебя от всего сердца. — Е. Боратынский».

М. С. 81 (дата: конец октября 1841 — по содержанию. На штемпеле: «Москва 1841 Нояб.....1...»). Адрес: «Ея Превосходительству Наталье Абрамовне Боратынской. Тамбовской губернии в Кирсанов» (М. С. 82). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 59—60 об.

НОЯБРЬ, вторая половина — ДЕКАБРЬ, начало месяца. Артемово. Боратынский — маменьке в Мару: «Nous habitons une si profonde solitude...» — Перевод: «Мы живем в столь глубоком уединении, любезная маменька, что все новости, которые я могу вам сообщить, касаются только нашего здоровья, слава Богу, хорошего. Подмосковная усадьба зимой — убежище куда более мирное и тихое, нежели деревня в глубине России. Надо сказать, что у нас тут зима в разгаре — земля покрыта снегом, и установился санный путь. Мы собрались было починить четырехместный возок, чтобы на нем ездить в Москву, где бываем все же время от времени, но отказались от этого намерения из-за здешних дорог, таких узких в этом лесном краю, что в большом экипаже добраться до шоссе невозможно. Эти дороги — не что иное, как едва заметные следы от крестьянских саней, остающиеся после редких поездок какого-нибудь крестьянина в соседнюю деревню. Все барские дома кругом пустуют. Мы так мало ожидаем гостей, что в доме, который сняли (а это большой дом, построенный по-старинному, то есть очень неудобно), закрыли все двери и оставили только черный ход — это нужно как для того, чтобы защититься от ветров, дующих сквозь щели, так и для того, чтобы разместить всех наших домашних, а среди них пополнение: француженка, она также дает детям уроки музыки и рисования, учитель латыни, русского языка и математики. Прихожая, дверь из которой выходит на парадное крыльцо, теперь забита и служит обиталищем француженки. Жизнь наша течет в высшей степени однообразно. Часы отличаются один от другого лишь различными уроками детей да разными

музыкальными пьесами, которые они разучивают; по ним мы и определяем время. У Сашиньки, кажется, открылся подлинный талант к живописи. Взяв несколько уроков, она уже сделала удивительные успехи, хотя сама учительница рисует весьма посредственно. Можно надеяться, что она усовершенствует свои способности. — Что до меня, то я все время занимался пильной мельницей. Здание уже закончено, а недели через две можно будет запустить машину. — Надеюсь, любезная маменька, что письмо это застанет вас в добром здравии. Целую ручки вам и тетушке от всего сердца. — Е. Боратынский». — Далее приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты). Перевод: «Письмо Евгения известило вас о теперешней домашней жизни, дорогая маменька: небрежение наше <в переписке> объясняется лишь переездом <в Артемово> и всеми связанными с ним неудобствами, благоволите простить нас. Нежно целую ваши ручки; внуки ваши ко мне присоединяются. Благоволите передать свидетельства моего почтения тетушке, а Софи и Натали уверьте в моей дружбе. — Ваша покорная и почтительная дочь — Настасья Боратынская».

М. С. 60—61 (с датой: нач. зимы 1841 ? — по упоминанию снега и переезда в Артемово). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 56—57 об.

ДЕКАБРЬ — ЯНВАРЬ (?) 1842 г. Артемово. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Les nouvelles qu' Александр Антонович...» — Перевод: «Известия о вас, полученные мною от Александра Антоновича <Рачинского, приехавшего из Мары>, были для меня отрадны, любезная маменька. Счастливый случай привел меня в Москву в день его приезда туда. Мы долго беседовали. С тех пор, как я занялся торговлей лесом, о чем вы уже знаете, я часто бываю в Москве. Мне понадобился в связи с этим небольшой заем, который, однако, я нашел не сразу, ибо деньги нынче редки. Я надеюсь преуспеть: превращу мой лес в доски (их легко перевозить, и на них есть стойкая цена) способом, который гораздо дешевле обычного. Мне давали 400 за арпан. А теперь смогу получить больше 5000. Собираюсь привлечь к этому делу нашего Бекера <учителя немецкого языка>. Как только пильная мельница будет готова, он покинет свое место гувернера и станет надзирать за нею. Сын купца, он сохранил в Москве торговые связи и поможет моей торговле. Весной я надеюсь освободиться и иметь возможность обосноваться в Петербурге. Нежно целую ваши ручки, любезная маменька, и напоминаю о себе всем домашним <в Маре>. — Е. Боратынский».

М. С. 73 (с неточной датой: конец 1842 — половина 1843 ?). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51 Оп. 1. № 175. Л. 29 об. — 30 об. Уточнение даты определяется содержанием письма (ср. с письмами Путяте: 1841, сент.—ноябрь; 1842, февр. и с др. письмами к маменьке: 1841, ноябрь, вторая половина — дек., нач.; 1842, февр.). Письмо Боратынского является припиской к письму Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты) (см.: М. С. 73—74; там же приписка дочери Александры — в автографе: Л. 29—29 об. и 30 об.).

ДЕКАБРЬ (?) — ЯНВАРЬ (?) 1842 г. Артемово. Боратынский — Софье Львовне Путята в Петербург (на фр. яз.; без даты): «Par rapport à P. j'ai à vous dire, chère Sophie, que la mesure à laquelle je me suis decidé est de la dernière urgence et que les cancans du monde sont <1 нрзб> conséquents que ce que je veux éviter et à quoi nous nous soumettons chaque année que je passe dans d'affreuses angoisses, connaissant l'immense difficulté de se tirer d'un mauvais pas, s'il venait à survenir. On m'en a prevenu plusieurs fois me conseillant precisémment cette mesure, disant qu'on ne pouvait y tenir malgré toute la bonne volonté possible. Maintenant laissons de coté les affaires. Félicitez je vous prie de ma part Mme Mamonoff et dites lui que je fais les voeux les plus sincères pour son bonheur. Je ne l'ai vu qu'un instant mais c'est une de ces histoires dont on se souvient. C'est une de ces personnes à qui on sait gré d'être reunis au monde et il n'y a qu'à la voir pour lui désirer toute sorte de bonnes choses. Vous devez avoir une drôle de

figure avec vos lunettes bleues. C'est bien le cas de dire: сама виновата. Vous qui prêchez les autres, vous vous craindrez comme un enfant ou comme si vous étiez à votre premier enfant. Vous me demandez pourquoi je veux venir à Pétérsbourg dès le printems? C'est pour vous gronder. N'est-ce pas que la raison est bonne. En attendant je vous embrasse, chère et bonne amie, ainsi que votre mari et mes nièces. — E. Boratinsky».— К письму приписка Настасьи Львовны: «Ce que Eugène vous dit est parfaitement vrai ma bonne amie; vous concevez que le parti n'est nullement amusant et que moi surtout je m'y serais opposée de toutes les forces de mon raisonnement, quand ce ne serait que pour ne pas le rencontrer souvent mais on dit de toute part que le risque est réel<...>».

Перевод: «Относительно П. скажу тебе, любезная Софи, что мера, на которую я решился, — пресрочная, что светские сплетни суть следствия, и тому, чего я желаю избежать, мы подчиняемся всякий год, и всякий год я провожу в ужасных терзаниях, зная, как трудно вернуться назад, сделав один неверный шаг. Меня много раз предупреждали об этом, советуя мне именно такое решение и говоря, что так просто нельзя удержаться, несмотря на все мыслимые усилия. Теперь оставим в стороне дела. Прошу тебя, поздравь от моего имени г-жу Мамонову и скажи ей, что я самым искренним образом молюсь о ее счастии. Я видел ее всего лишь раз, но это одна из тех встреч, о которых потом вспоминаешь. Она из людей, с коими охотно встречаешься в свете; достаточно однажды увидеть ее, чтобы желать ей всевозможных благ. Ты, должно быть, презабавно выглядишь в синих очках. Как раз по пословице: сама виновата. Ты всегда выговариваешь другим, а сама боишься, словно ты ребенок или словно у тебя первый ребенок. Ты спрашиваешь, зачем я собираюсь в Петербург весной? Чтобы на тебя поворчать. Не правда ли, достойная причина? Остаюсь в ожидании и обнимаю тебя, любезный, милый друг, а также твоего мужа и моих племянниц. — Е. Боратынский». — «То, о чем тебе говорит Евгений, совершенная правда, мой добрый друг; ты понимаешь, что такое решение нисколько не забавно, и я в особенности противилась бы ему изо всех сил моего рассудка, если бы это не позволяло нам не встречаться с ним столь часто, но со всех сторон нам твердят, что такая опасность есть <...>».

РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 44—45 об. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой. Обосн. даты: 1) сказано о намерении весной ехать в Петербург — значит, письмо написано в зимние месяцы; 2) упомянуты дочери Путят — значит, письмо не могло быть написано ранее зимы 1840/41 г.; 3) зимой 1840 г. Боратынский ездил в Петербург сам (см. 1840, февр., перв. пол.); зимой 1840/41 г. Боратынский жил в Маре и в Петербург не собирался; зимой 1842/43 г. дочери Путят находились на попечении Боратынских; следовательно, оптимальная дата: зима 1841/42 г. Кто или что такое *П.* — неизвестно; о каких мерах и решениях идет речь — неизвестно тоже. Может быть, речь идет о Петре Львовиче Энгельгардте?

1842—1844

Видимо, в эти последние годы написано стих. **«Молитва» («Царь небес! Успокой...»)** (впервые опубл. после смерти Боратынского: Современник. 1844. Т. 36. № 12. С. 368).

Дата: *1842* указана по той причине, что «Молитва» не вошла в «Сумерки».

1842

Боратынский с семьей живет в Артемове, с сентября—ноября в Муранове: занят устройством пильной мельницы, сводом, распилом и продажей муранов-

ского леса, строительством нового дома в Муранове. Замысел переехать по весне в Петербург сменяется к апрелю решением оставаться под Москвой.

В 1842 г. Боратынский переделывает поэму «Цыганка», создавая последнюю, сокращенную по сравнению с предыдущими, редакцию текста (ПД. № 21.731. Л. 61).

В мае 1842 г. выходит сборник «Сумерки».

ЯНВАРЬ, 2. Петербург. Вышли «Отечественные записки» (1842. Т. 20. № 1) со статьей Белинского «Русская литература в 1841 году» (отд. 5. С. 1—52), где, в частности, говорится о Боратынском:

« <...> Б.: Помните, бывало, говаривали: Пушкин, Баратынский, Языков? — А.: Да, то есть триумвират <...> я не люблю поэм Баратынского: в них больше ума, чем фантазии; но между его лирическими произведениями есть очень замечательные. Мне особенно нравится в них этот характер *вдумчивости* в жизнь, который свидетельствует о присутствии мысли. Элегия Баратынского «На смерть Гете» — превосходна <...>».

Боград 1985. С. 146 (дата).

ЯНВАРЬ, 14. Дата на рукописи стихотворений Боратынского, представленной в московскую цензуру. — На титульном листе надпись: «Из типографии А. Семена г. цензору Флерову». — Заглавие рукописи: «**Сумерки** <ниже другое название — «Сон зимней ночи» — зачеркнуто>. Сочинения Евгения Боротынского. Москва. 1842-го года». — Тексты рукописи с цензорской и авторской правкой (сводку разночтений между текстами в цензорском экземпляре и вышедшей из печати книге см.: Изд. 1982. С. 480—488). — Порядок расположения стихотворений почти тот же, что и в вышедшей книге (см. далее: март, 10), но два текста из помещенных в цензорском экземпляре в издание «Сумерек» не вошли, а шесть имеют разночтения в заглавиях: «К. Вяземскому» (в издании: «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»); «Последний поэт»; «Предрассудок» (в изд. — без загл.); «А. С. П.....у»<Пушкину> (в изд.: «Новинское. А. С. Пушкину»); «Мою звезду я знаю, знаю...» (в изд. не вошло); «Приметы», «Всегда и в пурпуре и в злате...» — зачеркнуто; «Ахилл»; «Увы! Творец не первых сил!..»; «Недоносок»; «Алкивиад»; «Красного лета отрава...» (в изд. с загл. «Ропот»); «Тщетно меж бурною жизнью...» (в изд. с загл. «Мудрецу»); «Филида с каждою весной...» (в изд.: «Филида с каждою зимою...»); «Бокал»; «Были бури, непогоды...»; «На что вы дни!..»; «Братайтеся к взаимной обороне...» <«Коттерие»> (в изд. не вошло); «Сначала мысль, воплощена...»; «Еще, как патриарх...»; «Толпе тревожный день...»; «Vanitas Vanitatum» (в изд. без загл.: «Что за звуки! Мимоходом...»); «Все мысль да мысль...»; «Скульптор»; «Осень»; «Благословен святое возвестивший...»; «Рифма». — После «Рифмы» следуют снова тексты стих. «Благословен святое возвестивший...» и «Всегда и в пурпуре и в злате...». — На полях напротив некоторых текстов отмечено, в каком журнале и в каком году напечатано стихотворение.

ПД. № 21.730. Л. 1—36 об.

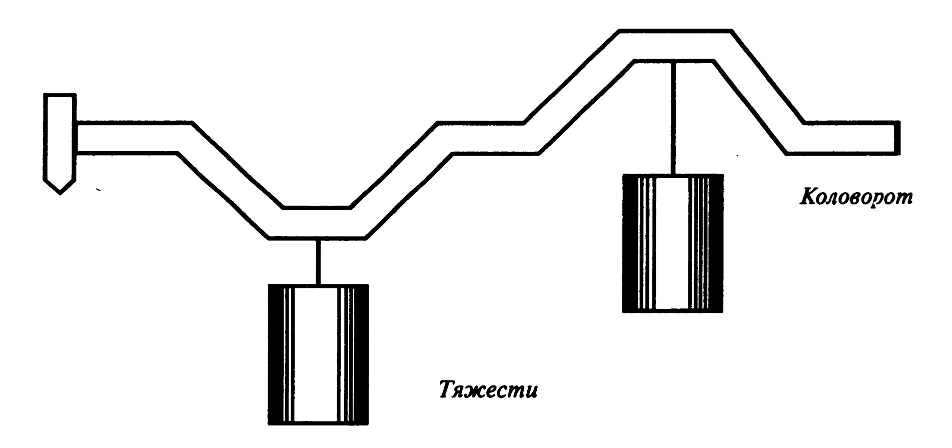
ФЕВРАЛЬ (?). Артемово. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Mille fois merci, chère maman...» — Перевод: «Тысячу раз спасибо, любезная маменька, за то, что вы были так добры и сами написали нам о себе. Ираклий и Аннета рассказали нам о вашей жизни во всех подробностях. Ираклий приехал к нам в Артемово, а затем я виделся с ним в Москве. Жена моя не могла меня сопровождать, бедняжка все это время была очень больна. Сначала у нее была лихорадка, которая, как говорится, носилась в воздухе. Я заболел первым, и хотя болезнь моя продолжалась всего два дня, но я так исхудал, что все одежды стали мне велики. Настинька болела дольше, к тому же простудила зубы. Теперь ей лучше, но недомогание еще сказывается, ей прописали хину. Дети, слава Богу, здоровы и нежно целуют вам ручки. Мы живем в добром согласии с нашими

иностранцами <гувернерами> и, благодаря расписанию уроков, очень ловко составленному Настинькой, видим их едва ли не только за едой, да и то я часто позволяю себе ужинать наедине с женой. Что касается моих промышленных предприятий, то я готовлю материалы для мельницы; уже срублены 4 арпана леса. Это стоило мне больших трудов, ибо здешние крестьяне не любят работать. Надеюсь к апрелю свести 16 арпанов. Тогда я узнаю истинную цену леса, которым мы владеем. До сих пор цена арпана не превосходила 1000 рублей, но предлагали мне только 300. Мы сейчас рубим самую невыгодную для продажи часть леса, находящуюся неподалеку от места, где я поставил пильную мельницу. Вот, любезная маменька, все частные и политические известия. Да сохранит Господь в добром здравии вас и всех наших в Маре. Целую ваши ручки от всего сердца. — Е. Боратынский».

М. С. 66 (с неверной датой: осень или начало зимы 1842). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 71—72 об. Дата уточнена при сравнении с письмами к Путяте за февраль — нач. марта 1842 (см. далее). К письму есть приписка Настасьи Львовны на фр. яз., без даты (см.: М. С. 66—67).

ФЕВРАЛЬ, первая половина (?). Артемово. Боратынский — Н. В. Путяте в Петербург (без даты): «Еще пределовое письмо, любезный друг. Посылаю тебе, во-первых, грамоту скуратовского управителя, который давно пристает ко мне о необходимости приобрести участок, состоящий из 30 десятин земли и при нем 4-х дворах г-жи Позняковой. Со всеми другими соседними помещиками мы теперь уже разошлись полюбовно; но с нею физически нельзя. Земля ее с ее дворами лежит в самом центре нашей, как остров, меняться не на что. Одна земля стоит 3000+, а в числе продаваемых душ два работника 22 лет, остальные тоже не совершенно стары. Она просит 4000. Цена настоящая, и для спокойного владения в будущем стоит купить этот уголок. — Скуратово заложено на 26 лет, уплачено долгу 10000. За прошлый год проценты не плачены, за нынешний следует внести, всего за два года 5600, да возьмут за годовую просрочку около 200, за сим останется 4200. Дайте мне доверенность перезаложить Скуратово на 36 лет с правом взять уплаченный капитал. Долг останется тот же; вместо 7 процентов мы будем платить 6, что будет нам полегче. 6000 капитала пойдет на уплату процентов, а на остальные 4000 купим этот участок вместе, или Настя купит одна, а 2000 мы зачтем вам за пильную мельницу. — Посылаю тебе старые платежные квитанции по скуратовскому займу. По ним можно аккуратно написать доверенность. — Теперь о мурановской операции. В первой смете моей, как ты, вероятно, ожидал, я значительно ошибся, не так, однако ж, чтобы раскаяться в предпринятом. Лес наш до такой степени изведен, что нет десятины похожей одна на другую. Каждая дает новый результат. К тому же, как это открылось на деле, ели наши имеют весьма невыгодное свойство на половине необыкновенно суживаться, так что, судя по толщине пня, там, где я, как другие, думал из дерева иметь два бревна на пилку, выходит одно, где три, там два и т. д. Из этого следует, что дровяного леса больше, а способного к пилке меньше, чем я думал. — У меня сведено теперь 11 десятин. Одна на одну они дают, считая и сучья, по ценам, существующим на месте, только 740+ за всеми издержками. — Сведенные десятины те, в которых преизобилует дровяной лес. Теперь мы дошли до строевого участка. К маслянице сведется 10 десятин. О результате уведомлю. — Машину неделю тому назад пробовали начерно, т. е. на один готовый постав и без пил, чтобы испробовать тяжесть. На 8-ми лошадях, новая, не обтертая, она пошла хорошо и даже слишком. Лошади привели ее в первое движение с большим напряжением, но вдруг, почувствовав облегчение от действия махового колеса, понесли, все затрещало, и мужики наши разбежались в страхе. При двух поставах огромной силы, нужной для первого

движения, уже не требуется. Ты, который знаешь механику, тотчас поймешь это из чертежа.

Чугунная рама, в которой натягиваются пилы второго постава, не была еще привешена. Когда обе на месте, тяжесть опускающейся помогает другой возвышаться. — Машина не будет в убыток. Пилка может производиться только в зимние месяцы. Летом от жару трескаются доски, и работа прекращается. Я прежде рассчитывал, что купленные лошади будут работать в машине 7 месяцев, а остальные пять возить доски и дрова в Москву. Складочным местом назначил я задний двор моего дома. — Теперь наши лошади, по недостатку материала, в машине будут работать 3, а возить семь месяцев. — Полагаю держать их до 20-ти. Прокормление их, по самой высшей цене теперешней, в неурожай ярового, стоит, полагая каждой в сутки по 3 гарнца овса и по 20 ф. сена, 2515. — При 20-ти лошадях для работы в машине, когда она в ходу, а потом для возки нужно 5 человек. Содержание их в год стоит 3000. — В каждую поездку, взяв среднюю цену, лошадь приносит 5 рублей: легко может сделать в неделю 2 поездки, в месяц 8-мь, итого вырабатывает в 7 месяцев 280. — 20-ть лошадей в 7 месяцев принесут 5600. — Остается каждый год за издержками 2815+, что в 5 лет составит 13925+. Вся операция вознаградится с избытком; пилка обойдется ни по чем, следственно принесет значительный барыш, ибо руками проход доски стоит от 35 до 25 к.; тесу — от 20 до 15-ти. — Теперь об управлении. Ты знаешь, что я избрал Бекера. Он имел уже понятие об сельском хозяйстве, но курляндском. Нынешнее лето он следовал за всеми работами и очень вник в дело. Всю зиму находился при своде леса, отводил десятины, ибо знает землемерство. Сам же воспитывался для коммерции. Славно ведет книги, деятелен и подробен. — Я с ним условился за дорогую цену: но он не будет нам стоить дороже Ивана. Иван получал 300 жалованья, рублей на 300 же разной покупной провизии, говядины, свинины, постного масла, пшеничной муки, сальных свеч и проч. Сверх того получал на 11 душ обыкновенное продовольствие наших дворовых, выдаваемое натурой, положив в цену хоть по 5+ на человека, 660. Итого 1260. — Я дал Бекеру 2000 с тем, чтоб он взял к себе в товарищи и под присмотр Петра Львовича. 1200+, вносимые Саблеру, поступят ему, и Бекер нам будет стоить 266 рублями дешевле Ивана. — Этим я достигаю двух целей: нахожусь в состоянии дать приличное жалованье человеку

способному и, вероятно, надежному, да облегчаю себе опекунские отчеты, которые нет возможности долее подавать в их теперешнем виде. Это мне говорят все. Нынешний год сойдет, потому что неурожайный. — 10 процентов, как ты знаешь, были выговорены в самом начале, если десятина даст свыше 600+. Русские лесничие, являвшиеся ко мне, тоже просили 10 процентов. — *Вспомогательные средства.* Я условился со скуратовским управляющим, рассудив, что, с тех пор как мы дозволили крестьянам нашим почтовую гоньбу, весь яровой хлеб наш расходится на месте, и возка хлеба для них уменьшилась вполовину, извлечь себе из этого ту пользу, чтобы скуратовские крестьяне делали ежегодно два обоза с рожью в Москву. Я недавно построил на дворе у себя амбар, и есть куда сыпать. При каждом обозе они обязаны пять раз съездить в Мураново за дровами или досками, смотря что в эту пору будет выгоднее. Он удостоверил меня, что крестьяне исполнят эту повинность безропотно. — Каждый год у меня такой же будет обоз и на тех же условиях из Тамбовской губ. Им я заменю 8 или 10 в <нрзб.>; а у себя в деревне буду копить хлеб. — Материал, перевезенный в Москву, до половины продан, и по двойной цене! Из Англии я получил 100 пил, каждая обошлась по 12 р. 50 к. Если машина чуть-чуть искусно сделана, нам некуда девать и 50-ти. 50 можно будет продать по 25. Пилы эти обыкновенные продольные, служащие и для ручной пилки, только вдвое лучше тульских, которые продаются за цену, поставленную мною выше. — Теперь мы толкуем о важном деле, о том, чтобы заменить лошадей волами. Вместо 20 лошадей нужно только 10 волов. Для машины они лучше, потому что идут ровнее, содержание дешевле вчетверо. Цена с лошадьми одна. Я колеблюсь, потому что, по крайней мере в Тамбовской губернии, на них часто бывает падеж; но тамбовский климат особенно злокачествен. Собираю сведения, и если они будут благоприятны, то это совершенно обезопасит нашу операцию. — За одно нынешнее лето я вывезу на этих волах из Глебовского все сено, нужное на их продовольствие в течение пяти лет. Ты знаешь, что волы летом не требуют никакого содержания и довольствуются подножным кормом. — Очень рад, что кончил письмо и дал тебе отчет, который давно хотел тебе дать во всех моих соображениях и действиях. Желаю, чтобы ты был доволен. Ты видишь по крайней мере, что я усердно занялся хозяйством. — Что ваше путешествие в чужие краи? Напишите пообстоятельнее. По первому летнему пути нам бы хотелось перебраться в Петербург. Мы тем бы вас избавили от поездки в Москву и взяли бы у вас детей из рук в руки. Ты знаешь, что мы давно желаем основаться в П-бурге. От этого я не выпущу из виду моей операции и один раз зимой, один раз летом непременно буду ездить в Мураново, что для меня теперь даже будет и приятно. Дилижансы так облегчают сообщение с Москвою. Обнимаю вас обоих и малюток. — Е. Боратынский. — Еще одна подробность: мурановские крестьяне мне пособляют только подвозом бревен к машине, работа, впрочем, самая дорогая, потому что требует вместе и человека и лошадь; но деревья валятся и пилятся в дрова наймом. Десятина до сих пор обходилась около 100+ за свод; далее будет, Бог даст, и дороже. На свод 25 десятин каждый год нужно около 3000 оборотного капитала. Надобно это тебе знать и к этому приготовиться. Покуда я дам свои деньги. Вероятно, наступающей осенью и позже зимою я их выручу при продаже досок или дров (летом этому всему должно только сохнуть), но матерьял может и застояться; нам должно общими силами выдержать год неблагоприятный, нельзя без этого в торговых делах. Скуратовские квитанции посланы особо страховым письмом».

Пигарев 1948. С. 130—136 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 21—24 об.; дата — по упоминанию масленицы в 1842 г. — 22 февр.).

МАРТ, 8. Артемово. Боратынский — Путяте в Петербург (без даты): «Вчера, 7-го марта, в день моих имянин, я распилил первое бревно на моей пильной

мельнице. Доски отличные своей чистотой и правильностию. Пилы ломаться почти не могут, так удовлетворительны предосторожности новейшего изобретения. Машина идет вместо 8-ми лошадей на 4-х. — Сведено 20 десятин лесу. Десятина в сложности, за всеми издержками, даст более 1000+, кроме сучьев и оставшегося на корню молодого леса, из коего более чем половина, года через два, будет хорошим дровяным, так что по окончании операции с каждой уже сведенной десятины можно будет выручить еще рублей до 300. — На днях пошлю вам 3000+ из скуратовских доходов. Остальное надобно будет получать по частям в течение всего года, ибо яровой свой хлеб мы почти весь продаем крестьянам, а деньги за него удерживаем каждые три месяца из суммы, выдаваемой казной за почтовую гоньбу. — Обнимаю вас обоих и малюток. — Е. Боратынский».

Пигарев 1948. С. 136—137 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 27—28 об.; дата по упоминанию дня именин Боратынского). Адрес на письме: «Его высокородию Николаю Васильевичу Путята в С.П-бург. На углу Почтамской улицы против Исакия, дом Кютнера».

МАРТ, 10. Москва. Ценз. разр. сборнику **«Сумерки»** (выйдет к 20 мая). Состав издания: **«Князю Петру Андреевичу Вяземскому»; «Последний поэт»; «Предрассудок! он обломок...»; «Новинское. А. С. Пушкину»; «Приметы»; «Увы! Творец не первых сил!..»; «Недоносок»; «Алкивиад»; «Ропот»** («Красного лета отрава, муха досадная, что ты...»); **«Мудрецу»** («Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...»); **«Филида с каждою зимою...»; «Бокал»; «Были бури, непогоды...»; «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...»; «Ахилл»; «Сначала мысль, воплощена...»; «Еще как патриарх не древен я; моей...»; «Толпе тревожный день приветен, но страшна...»; «Здравствуй, отрок сладкогласный...»; «Что за звуки? Мимоходом...»; «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...»; «Скульптор»; «Осень»; «Благословен святое возвестивший!..»; «Рифма».**

Стих. «Здравствуй, отрок сладкогласный...» и «Филида с каждою зимою...» впервые опубл. в «Сумерках». Первое из них обращено к сыну Льву «по поводу первой его стихотворной этюды» (Изд. 1884. С. 255); о ком говорится во втором стих., неизвестно — предположения о том, что речь идет о Ел. Мих. Хитрово (*Медведева, Купреянова* 1936. Т. 2. С. 271), остаются только предположениями; предположение насчет Е. Э. Лазаревой, жены Хр. И. Лазарева (*Хетсо*. С. 216), не соответствует содержанию эпиграммы, ибо той ко времени публикации текста в «Сумерках» было около 36 лет. — Стих. «Коттерие» и «Мою звезду я знаю, знаю...», которые Боратынский также собирался напечатать в «Сумерках» (см. выше: янв., 14), в окончательный состав сборника не вошли.

МАРТ, вторая половина — АПРЕЛЬ, первая половина. Артемово. Боратынский — Путяте в Петербург (без даты): «Посылаю тебе, любезный друг, форму доверенности на перезалог Скуратова. Нужна тоже другая на управление Мурановом и на свод и продажу леса. Последнее следующего содержания: Правительствующим Сенатом разрешена продажа имеющегося при оном имении рощи, почему и доверяю вам продать оную на сруб всю, или частями, или, если вы найдете полезнее, свести оную хозяйственно и продавать в пользу опекаемого заготовленные дрова, бревна, тес и доски. В обоих случаях можете заключать все условия, контракты, которые заблагорассудите, и везде, где потребуется, за меня рукоприкладствовать, равно и передать права сей доверенности частию или вполне кому найдете нужным, в чем я вам верю и проч. Прощайте. Спешу печатать. Обе доверенности можно написать на том же листе. — Дорога у нас прескверная. Если Соничка решится ехать, то в Братовщине <село в 20 верстах от Артемова по дороге в Москву> она найдет тарантас, в котором немножко беспокойней, но безопаснее может до нас доехать. Дорога до того времени может поправиться; но на всякий случай мы берем эту предосторожность» <речь идет о приезде С. Л. Энгельгардт с ее младшими детьми>.

Пигарев 1948. С. 137—138 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 49—50; дата: март—апр. 1842). Датируется по упоминанию ожидаемого в Артемове приезда С. Л. Путята; см. далее: апр., 30.

АПРЕЛЬ, до 20. Артемово. Боратынский — Путятам в Петербург (без даты): «Христос воскресе! Желаю вам веселого праздника, который мы, со своей стороны, начали удовлетворительно. В 3 часа утром были у обедни в соседней деревне <видимо, в Данилове> разговелись, выспались. Пишу вам в самый день Светлого воскресенья. — После минуты нерешимости, мы положили остаться на месте <ср. с планом переезда в Петербург: февр., перв. пол.>, имея в случае (который, право, мудрено предвидеть) всегда убежище в Москве, а еще ближе в Троице, где между прочим находится и наш стан, следственно наше местное правление, которому, без сомнения, даны нужные пособия в теперешних обстоятельствах. Редакция бесподобна. Нельзя было приступить к делу умнее, осторожнее! Благословен грядый во имя Господне! У меня солнце в сердце, когда я думаю о будущем. Вижу, осязаю возможность исполнения великого дела и скоро и спокойно. Прощайте, обнимаю вас и малюток ваших от всей души. — Е. Боратынский».

Путята 1867. Ст. 281—282 (с датой: 1842); *Пигарев* 1948. С. 138 (уточнение даты: 19 апр. 1842 — по дню Пасхи в 1842 г.). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 44—45 об. Обосн. нашей даты — штемпели: *Москва 1842 апреля 20* и *Получено 1842 апреля 23 утро*. «Окончательные слова в <...> письме <...> относятся к вышедшему тогда манифесту об обязанных крестьянах <манифест опубл. 2 апр. 1842>. Они свидетельствуют о сочувствии, которое он питал к освобождению крестьян и о надеждах его на это. Уничтожение крепостного права постоянно занимало его мысли. В разговорах со мною об этом предмете он выражал мнение, что освобождение не должно совершаться иначе, как с наделом земли в собственность крестьян, при вознаграждении помещиков финансовою операциею, но какою — прибавлял он — этого я не берусь указывать: финансы не мое дело» (*Путята* 1867. Ст. 282).

АПРЕЛЬ, 20-е числа. Каймары. Управляющий казанскими имениями Энгельгардтов Вас. Дьяков пишет Боратынскому в Артемово о состоянии хозяйственных дел: «Христос воскресе, Милостивый государь Евгений Абрамович!» — сообщает о полученных деньгах за «проданную аржаную муку», о том, что в середине апреля озими зазеленели, но 20-го числа «ударил такой сильный мороз, что вода промерзла более чем на вершок, и подобные морозы продолжались трое суток», озими почернели, «что крайне привело нас, деревенских жителей, в крайнее отчаяние, полагая, что озими пропали и неминуемо должен быть уже голодный год, по соображении всех тех неурожаев, которые были в предшествующие годы, а в особенности, как в прошлом году крестьяне не возвратили и яровых семян»; в заключение, однако, Дьяков утешает тем, что после дождя озими стали расти.

ПД. № 21.747. Л. 1—1об.

АПРЕЛЬ, до 25. Артемово. Боратынский — сестре Наталии Абрамовне в Мару (на фр. яз.; без даты): «Je savais, chère Natalie, par une lettre de Sophie...» — Перевод: «Из письма Софи я узнал, любезная Натали, что ты нездорова, но поскольку она писала о болезнях вообще, то и не предполагал что-то серьезное. Вижу, что ты разболелась не на шутку, поэтому очень рад узнать о том, что поправляешься и что у тебя уже появился аппетит. Спасибо за все сообщенные подробности. Я очень доволен, что Лиза наконец приняла решение. Уже давно было пора, и она еще легко отделалась <видимо, речь идет о решении кузины Боратынского Елизаветы Ивановны (дочери Марии Андр. Панчулидзевой) разойтись с мужем П. В. Недоброво>. — Вы получаете московскую газету и, следовательно, знаете о замечательном указе, превосходном своей сдержанностью и предусмотрительностью и разрешающем самые трудные проблемы, хотя с первого взгляда это и не очевидно. <Нрзб.> Все мои молитвы — за того, кто не побоялся взяться за труднейшее и

А.А. Дельвиг.
Литография В.П. Лангера. 1830 г.

В.К. Кюхельбекер.
Гравюра И. Матюшина с оригинала П. Яковлева 1820-х гг.

А.С. Пушкин в юности.
Гравюра Е.И. Гейтмана. 1822 г.

14*

П.А. Плетнев.
Гравюра Ф. Иордана (с фотографии). Вторая половина XIX в.

В.А. Жуковский.
Литография М.Х.Э. Риттера. 1820-е гг.

А.И. Тургенев.
Портрет работы М.И. Теребенева. 1831 г. (?)

Н.И. Гнедич
Гравюра с оригинала О.А. Кипренского. 1820-е гг.

С.Д. Пономарева.
Портрет работы неизвестного художника. 1810-е гг.

А.Ф. Закревская.
Литография Е. И. Гейтмана. 1820-е гг.

А.А. Бестужев.
Портрет работы Н.А. Бестужева (1823—24)

К.Ф. Рылеев.
Неизвестный художник.

П.А. Вяземский.
Рисунок работы О. Кипренского. 1835 г.

Н.А. Полевой.
Гравюра. 1839 г.

И.В. Киреевский.
Фотография.

Н.М. Языков.
Литография К. Эргота. 1840-е гг.

А.С. Пушкин.
Рисунок и гравюра Т. Райта. 1837 г.

прекраснейшее дело. Взаимные права помещиков и крестьян до некоторой степени уже определены, а это — пробный камень. У меня выходит небольшой томик стихов, и хотя вы почти все их знаете, я пришлю экземпляр. Прощай, любезная Натали, нежно обнимаю тебя и желаю счастливого праздника. — Е. Боратынский.— Настинька обнимает и поздравляет, но не пишет, оттого что очень устала».

М. С. 82 (с датой по штемпелю: *Москва 842 Апреля 25*). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 47—48 об.

АПРЕЛЬ, 30 (?). В Артемово к Боратынским приезжает из Петербурга София Львовна Путята — чтобы оставить своих младших дочерей Ольгу и Екатерину (на время отъезда Путят за границу).

Пигарев 1948. С. 148 (С. Л. Путята выехала из Петербурга 26 апреля).

МАЙ, первая половина. Артемово. Боратынский — Путяте в Петербург (без даты): «Не успеваю тебе доставить, любезный друг, наш общий годовой счет, потому что еще не все деньги в получении, следует еще получить из Скуратова, также из Каймар. Тысячи три, кажется, еще придется на вашу долю. Я распоряжусь так, чтоб будущие доходы из деревень посылались вам прямо на ваш заграничный адрес. Вы у меня останетесь в долгу за свод леса. Я себе заплачу из продажи. До сих пор употреблено 4.000. За исключением издержек по общей верной плате десятина даст больше 1000. Обнимаю вас обоих от всей души. Малютки ваши здоровы. — Е. Боратынский. — Не забудьте до отъезда за границу прислать мне квитанцию заемного банка по имению Петра Львовича».

Хетсо. С. 634 (по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 51—51 об.; дата: начало мая 1842). Поскольку в начале мая С. Л. Путята еще была в Артемове, поправляем датировку. К письму есть приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.). Перевод: «Ваше письмо, любезный Николай Васильевич, пришло в тот день, когда Софи должна была к вам приехать. Ваши малыши чувствуют себя хорошо и много гуляют, но, кажется, разница в воде влияет на аппетит Олиньки <...>. Дай Бог вам хорошей поездки, и пусть воды Мариенбада приведут вас наконец в доброе здравие».

МАЙ, 20. Москва. В «Московских ведомостях» (1842. № 40) объявлено о выходе книги **«Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского.** М. В типографии А. Семена, 1842».

МАЙ, 23. Москва. В «Московских ведомостях» (1842. № 41) объявлено о выходе поэмы Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (М. , 1842).

МАЙ, 23. Артемово. Настасья Львовна — сестре С. Л. Путята в Петербург (фрагмент письма на фр. яз.): «Ne vous tourmentez pas ...» — Перевод: «Наши настроения произвели, должно быть, тяжелое впечатление <София Львовна приезжала в Артемово — см. выше: апр., 30 ?>. Не расстраивайтесь. Мы во всем доходим до крайностей: то, что в светлую минуту вызовет прилив чрезмерной веселости, в минуту уныния будет преувеличено противоположным образом; вот почему мы совершили столько ошибок, вот почему мы увлекаемся собственным воображением и бросаемся на шею к людям, которых следовало бы избегать, — и все это ради нескольких приятных впечатлений, которыми можно рассеяться во время досуга; если бы вы услышали, насколько различно мы говорим об одном и том же в зависимости от состояния духа, вы посчитали бы нас в некотором роде сумасшедшими».

Хетсо. С. 197—198 («по копии, сообщенной К. В. Пигаревым»).

МАЙ, до 26. Москва. Боратынский — Плетневу в Петербург: «Посылаю тебе, любезный друг Петр Александрович, экземпляр моих «Сумерек» и при нем более десятка других для доставления разным лицам. Знаю, что даю тебе очень скучное поручение, но ради нашей давней связи позволю себе не слишком совеститься. Тут есть экземпляры, адресованные старым товарищам, которые, может быть, с

тобою не в сношении. Отдай их Льву Пушкину: это знакомцы нам общие. Не откажись написать мне в нескольких строках твое мнение о моей книжонке, хотя почти все пьесы были уже напечатаны; собранные вместе, они должны живее выражать общее направление, общий тон поэта. Обнимаю тебя с чувством теперь уже более 20-летней дружбы. — Е. Боратынский. — Адрес мой: в Москве на Спиридоньевской улице в соб. доме. Сообщи мне и свой: ты, говорят, купил дом на В. О. <Васильевском острове>».

Грот 1904. С. 521—522 (с датой по штемпелю: *26 мая 1842*). Адрес на письме: «Его превосходительству милостивому государю Петру Александровичу Плетневу, С.-Петерб. университета ректору. В С.Пб., в университет». — Среди тех, кому предназначались экземпляры, посланные Плетневу, была С. Н. Карамзина (см.: июнь, 26); вероятно, на экземпляре в качестве дарственной надписи было стих. «Сближеньем с вами на мгновенье...» — опубл. под загл. «С книгою «Сумерки» С. Н. К.»: Совр. 1842. Т. 27. № 7. С. 95. Вяземскому экземпляр книги был послан отдельно (см. далее: май, конец месяца — июль? — и ответ Вяземского: авг. 14). — Сохранился (в библиотеке Британского музея) экземпляр «Сумерек», подаренный С. А. Соболевскому с надписью: «Сергею Александровичу Соболевскому. Е. Боратынский» (*Хетсо*. С. 637). Известны также дарственные надписи на экземплярах «Сумерек», подаренных П. Г. Кичееву и М. А. Дмитриеву: «Одному из лучших друзей моих, Петру Григорьевичу Кичееву. Евгений Боратынский» (*Кичеев* 1868. С. 368); «Михайле Александровичу Дмитриеву от Сочинителя» (*Анохина* 1973. С. 104).

МАЙ, конец месяца. Артемово или Москва. Боратынский — Путятам в Дрезден без даты: «Дети ваши слава Богу здоровы. По письму твоему, любезный друг, все будет исполнено в точности. Доходы по мере получения будут вноситься в Опекун<ский> Сов<ет>. Скажи: хлеб оставлен в Козн<ачействе> для продажи в дорогое время или в запас для крестьян? Тогда я буду знать, как распорядиться. Письма твои, милая Соничка, сделали нам много добра. Мы читали их с сердечною благодарностию, с полною нежностию к тебе за старание твое нас ободрить и рассеять болезненные сны нашего воображения, которые однакож оказались не вовсе снами. Наши предположения ныне странно оправдываются. Теперь уже не мы одни подозреваем существование организированной коттерии. На нее вопят в Москве новые ее жертвы. Настинька, которая сегодня не успевает вам писать, все это расскажет вам подробно. Аннета Блахина вместо Кавказа отправляется в Старую Руссу на ловлю женихов, в чем ни перед кем не запирается. Очень жаль бедных ее дочерей. Мы видели ее, приехав еще раз в Москву по нашим бесконечным делам или данным нам поручениям. <Нрзб.> наконец нашли немку, себе нашли рисовального учителя за 100 р. в год, настоящего артиста и в такой бедности, что прежде чем взять его в дом, надобно было помочь ему прилично одеться. Замечательно то, что он немец. Все мы с<лава> б<огу> здоровы. Я на хозяйстве. Дом подымается; дрова торгуют. Осенью буду садить деревья. На возвратном пути поезжайте в Москву и навестите наше и свое новоселье. Мне весело будет похвастаться плодами моей деятельности, если Бог благословит ее. Прощайте, обнимаю вас за себя, за Настю, за ваших и моих детей. Пейте здоровие в водах Мариенбадских и пользуйтесь весело Европейским воздухом. — Е. Б.».

Путята 1867. Ст. 282—283 (фрагмент); *Медведева, Купреянова* 1936. Т. 2. С. 279 (фрагмент). Печатается полностью впервые по автографу РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 54—55 об.; на л. 55 приписка Настасьи Львовны. Наша датировка — по штемпелям: *Moscou 42 Mai 3...; Tilsit 17 Juni; Berlin 20 6.* Адрес на письме: «Par St-Pétérsbourg. Adressez à Mr Nicolas de Poutiata, conseiller d'état au service de Russie. Poste restante. Через С.Петербург в Дрезден». Публикация Е. Э. Ляминой. *Дети* Путят — дочери Ольга и Екатерина оставались во время заграничного путешествия родителей на попечении Боратынских; старшую дочь — Настю — Путяты брали с собой. *Немка* нужна была для детей Сергея Абрамовича Боратынского — в июне она отправилась в Мару (см. о том далее: июль?).

МАЙ, конец месяца — ИЮЛЬ (?). Москва. Боратынский посылает Вяземскому и его жене по экземпляру «Сумерек»: «Это небольшое собрание стихотворений предано тиснению почти, если не единственно, для того, чтобы воспользоваться позволением вашим напечатать посвящение <стих. «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»>. Примите то и другое с обычным вашим благоволением к автору. Прошу вас доставить прилагаемый экземпляр княгине Вере Федоровне <жене Вяземского>. Почту себя счастливым, если мое приношение будет ей хотя мало приятным. — Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 5. С. 55 (дата: 1842); Изд. 1987. С. 294 (уточнение даты: конец мая 1842). — Наше изменение датировки определяется датой ответа Вяземского — см. далее: авг., 14.

ИЮНЬ, 26. Ревель. С. Н. Карамзина — Боратынскому в Москву (на фр. яз.): «Malgré votre declaration imprimée...» — Перевод: «Хотя вы и объявили печатно о своей нелюбви к почтовым сообщениям, я не могу, г-н Боратынский, противиться своему желанию прибегнуть к услугам почты, чтобы выразить вам мою живую признательность за поэтический подарок, полученный мною от вас; я была приятно изумлена вашим воспоминанием и прелестными стихами, ко мне обращенными <стих. «С книгою «Сумерки» С. Н. К.»>: конечно, они слишком льстят мне, и я сознаю, что недостойна их, но я читала и перечитывала их с чрезвычайным наслаждением — не из-за самолюбия, а по сердечному чувству; думая, что за два года, прошедших со времени нашего знакомства, такого мимолетного и такого счастливого для меня, оно не оставило в вашей памяти следа, я хранила его только в своем благодарном воспоминании! и вот я вознаграждена и благодарю вас тысячекратно <...>».

Гофман 1914—1915. Т. 1. С. 305. Слова о нелюбви к почтовым сообщениям имеют в виду финальные строки из послания к Вяземскому в «Сумерках»: «Хотя вам прозою почтовой // Лениво дань мою плачу».

ИЮНЬ, 30. Петербург. Ценз. разр. «Современнику» (1842. Т. 27 <№ 3>; вышел 3 авг.) со стих. **«С книгою: Сумерки. С. Н. К.»** <С. Н. Карамзиной> (С. 95; подпись *Баратынскій*). — Здесь же рецензия Плетнева на «Сумерки»:

«В литературе есть имена, есть таланты, есть сочинения, которые появлением своим каждый раз вносят в душу читателя особый мир идей, образов, ощущений и хотя на мгновение облекают жизнь легкою, светлою радостью. Это те *немногие* из художников, которые постигнув свое призвание, ему одному оставались всегда верны, любили искусство, потому что в его только сфере чувствуешь дыхание чистой красоты и высокой истины, не изменяли вечным законам творчества и, уклонившись в обитель созерцательности и гармонии, не узнали о существовании изменчивых приговоров толпы. <...> К числу поэтов, так действующих на образованного читателя бесспорно принадлежит *Евгений Баратынский*, писатель, на котором глубокая истина идеи всегда равна простоте и точности выражения, писатель, столько же открывший новых воззрений на жизнь, новых картин, незамеченных до него оттенков в красках элегического рода, сколько Крылов в области аполога. Прочитайте в «Записках» Пушкина, что он говорит о Баратынском. Это приговор самого беспристрастного, самого сведущего, самого законного судьи. Давно мы расстались с поэтом. Он не мог разлучиться с поэзиею, которая живет в душе его; но он не издавал ничего, кроме редко попадавшихся в «Современнике» небольших стихотворений <...>» (С. 96—97). — Далее (С. 97—101) приводится обширная цитата из «Осени».

ИЮЛЬ, 4. Петербург. Вышла «Библиотека для чтения» (1842. Т. 53; ценз. разр. 30 июня) с рецензией (О. И. Сенковского?) на «Сумерки» (Отд. VI. С. 1—8):

«Сумерки, и луны нет! Сумерки, и девы нет! Даже нет мечты!.. которая, впрочем, то же, что дева. Что ж это за сумерки?.. Но они именно тем и хороши, что в них нет ни луны,

ни девы, ни мечты. Это сумерки без всяких пошлостей, сумерки comme il faut, благородные сумерки <...>. Стихотворения его <Боратынского>, и прежде напечатанные, и нынешние, имеют свое самостоятельное достоинство. В них много прелести, много ума. Почти каждая пиеса запечатлена удачною мыслью, и, главное, ни в одной из них, несмотря на сумерки, нет ни девы, ни мечты, ни луны, что доставило нам особенное и несказанное удовольствие <...>». — Далее цитируются «Предрассудок» и «Приметы». — «Поэзия господина Баратынского всегда отмечалась эпиграмматическим направлением. Это слабость умных людей. В «Сумерках» также есть эпиграммы — и одна из них очень едка, а другая совершенно справедлива <...>». — Цитируются «Филида с каждою зимою...» и «Сначала мысль, воплощена...». — «Но особенно мила маленькая поэма «Осень». В этом стихотворении есть много картинного, хотя некоторые фразы несколько тяжелы и вся пиеса немножко растянута. Но можно исключить те строфы, которые кажутся лишними». — Далее цитируется «Осень» с исключением строф, лишних с точки зрения рецензента.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 274. Л. 32 об. (дата).

ИЮЛЬ (?). Артемово. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Les éloges que vous donnez à mon livre...» — Перевод: «Ваши похвалы моей книге <«Сумерки»>, любезная и милая маменька, — самые приятные и лестные из всех, какие я когда бы то ни было получал. Поэтому я наслаждался ими со всем простодушием и чистосердечным удовольствием, на какие способен. Нынче я вовсе не во власти вдохновения литературного, но заранее провижу времена, когда строительство мое будет закончено, у меня будет меньше практических забот (что же до покоя, то он, наверное, возможен только в воображении) и радуюсь при мысли, что могу продолжить прежние мои занятия. Вы понимаете, что я обосновался в деревне весьма надолго. Моя энергическая деятельность — по сути не что иное, как следствие глубокой потребности в покое и тишине. Дом наш в настоящее время напоминает маленький университет. У нас живут пять иностранцев, среди которых судьба подарила нам превосходного учителя рисования <Эллерса>. Скромное существование, которое мы ведем, и доходы, которые, мы надеемся, даст нам продажа леса, позволяют много тратить на обучение детей, так что они и их учителя оживляют наше уединение. Этой осенью я испытаю наслаждение, прежде мне неизвестное, — буду сажать деревья. У нас есть хороший старик-садовник, любящий свое дело, и я рассчитываю на его добрые советы. Прощайте, любезная маменька. Нежно целую ваши ручки, к чему присоединяются и ваши внуки. — Е. Боратынский». — Далее приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты). Перевод: «Тысячу раз благодарю вас, милая и любезная маменька, за ваше письмо и за заботу о моем здоровье, сейчас уже прекрасном. Даже очень дальние прогулки ничуть меня не утомляют, я купаюсь, сплю меньше, больше не задыхаюсь, — словом, я словно помолодела, и все это благодаря хине, которую я принимала всю зиму. Нас заливают дожди, погода прохладная, а для теперешнего времени года, пожалуй, просто холодная; впрочем, кажется, сейчас так во всей Европе; сестра моя <Софья Львовна> жалуется на холод в Мариенбаде, она даже простудилась там в середине июня. Я не смогла отправить вам романы с немкой, ибо в этом году новые книги прибыли очень поздно; вы получите их с этим письмом. Надеюсь, что какие-нибудь из этих книг доставят вам удовольствие, хотя «Матильда» <роман Эжена Сю> — единственный из них, который приносит полное удовлетворение. Мы много смеялись, читая «Мертвые души» Гоголя, но чувствительные рассуждения и тирады о России, кажется, вовсе не к месту в этом комическом сочинении, наименованном почему-то поэмой. Целую ваши ручки от всего сердца, милая и любезная маменька, и благоволите, пожалуйста, передать свидетельства моего почтения любезной тетушке и дружбы сестрицам».

М. С. 62—63 (с датой: лето 1842). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 2—3 об.

ИЮЛЬ, конец месяца (?). Москва. Боратынский — Путяте в Мариенбад (без даты): «Вот тебе, любезный друг, краткой счет приходов и расходов нынешнего года: получено из Каймар и Скуратова 33.898. Общие расходы:

Процентов за Каймары	5600
За Мураново	1120
За Атамышь	400
Неелову с 10/m	1000
За совершение закладной	150
Процентов за Скуратово впредь до перезалога.	1000
Саблеру	1200
На платье П. Л. <Энгельгардту>	200
Человеку его	240
Кичееву	333
В О. С. и Г. П. <Опекунский Совет и Гражданскую палату>	300
Гербовых издержек по мурановскому лесу	225
	11768
Останется 22.131. Половина:	11065
Вами получено	7400
Следует получить	3665

Посылаются с нынешней же почтой Аполлону Григорьевичу <двоюродный брат Путяты?> для пересылки к вам. — Проценты за Атамышь я поставил наобум, не имея перед собой документа: их немножко меньше; зато не внесены некоторые мелкие издержки, которые предоставляю Настиньке. Одно, вероятно, вполне уравновесит другое. — Пишу вам из Москвы; взял с собою все бумаги, нужные для расчета, кроме квитанции, надеясь на свою память, и ошибся. — Петровские оброки еще не получены. Как пришлются, тотчас отправлю к вам следуемые вам деньги. Дети ваши, слава богу, здоровы. Катинька приметно хорошеет и днями просто прехорошенькая. Олиньку не хвалю, потому что я с нею в ссоре. Ужасная кокетка: тянется ко мне на руки, а только я подойду, отвернется с презрением. — Со сведенными 22 десятинами мур<ановского> леса я сижу у моря и жду погоды. Настоящие купцы являются по окончании Макарьевской ярмарки, т. е. к 15-му августа. Досок и тесу продал рублей на 500 соседу, по хорошим ценам. — Торф начинает несколько заменять дрова, отчего они несколько дешевеют. Доски и тес, напротив, возвышаются. — Мурановский дом под крышей и снутри ощекотурен глиною, способ, вывезенный мною из Тамбовской губернии, где он в общем употреблении. Под краской нет никакой разницы с настоящей щекотуркой, и прочность совершенно та же. Теперь кладут печи, стелют полы и проч. Дело прескучное. Из всех хозяйственных дел нет сложнее и заботливее стройки. — Я был бы очень доволен моей деревенской жизнию, если б не частые поездки в Москву. Дома дни текут незаметно. Старшие дети начинают уже жить заодно с нами. Учителя добрые ребята и более просвещенные, чем большая часть русских помещиков. Каждое утро я езжу один в Мураново, и вечером после чаю мы отправляемся туда пешком с детьми и возвращаемся прямо к ужину. Много мешают нам особенно частые дожди. Зато все обещает, как здесь, так и в других имениях, обильный урожай. Прощайте, обнимаю обоих вас от всей души. — Е. Б.».

Путята 1867. Ст. 283 (фрагмент); *Пигарев* 1948. С. 138—141 (полностью; дата: конец июля (?) 1842 — по упоминанию Макарьевской ярмарки). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 56—57 об. На л. 57 приписка Настасьи Львовны.

ИЮЛЬ, 28. Дата под распиской, подписанной Боратынским: «За доставленный матерьял остальные <?> по расчету 74 <руб.> сер<ебром> и 100 <руб.> сер<ебром> задатку за сортование 60 штук <нрзб.> по 85 к<опеек>; 90 семиаршинных

досок по 1.50 и 1000 тесу по 40 к<опеек>, за что получил. Губернский секретарь Евгений Боратынский. — 1842-го года. — Июль 28-го».

ПД. № 21.741. Л. 1.

АВГУСТ, первая половина (?). Артемово или Москва. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «J'ai passé un tems infini sans vous écrire...» — Перевод: «Я не писал вам, любезная и милая маменька, бесконечно долго; проводя это лето в суете и заботах, я то и дело откладывал письмо до спокойной минуты, которая никак не наступала. Я взялся за предприятие, доставившее мне больше волнений, чем можно было ожидать, особенно много забот доставили формальности с опекой, о которых я не подозревал и которые заставили меня потрудиться сверх меры. Слава Богу, все потихоньку улеглось, и теперь остались повседневные, хотя и не вовсе легкие заботы. За год, что я провел здесь, я построил пильную мельницу, превратил в доски и дрова 25 арпанов леса и почти построил дом. Новый дом в Мураново уже под крышей и оштукатурен внутри. Осталось настлать полы, навесить двери и вставить оконные рамы. Получилось славно: миниатюрная импровизация Любичей <имения Кривцовых>. Надеюсь, к концу августа в доме уже можно будет жить. У меня было много неудач: среди шестерых крестьян, которых я взял из разных деревень для работы на пильной мельнице и которые должны были летом помогать в строительстве дома, трое все время болели и по сей день находятся в больнице. Тем не менее в целом мои дела идут неплохо. Просо, доставленное из Вяжли, я продал более чем по 50 рублей за четверть, а хлеб из Скуратова — по 28. Все это время мне приходилось кормить по пятьдесят рабочих <на строительстве дома>, сейчас их осталось тридцать. Цена 25-ти арпанов леса по нынешним ценам доказывает, что я не ошибся в своих расчетах. Жду сентября, когда обычно появляются покупатели на этот товар, и если мне немного повезет, я смогу поздравить себя с ненапрасными трудами. Вот вам Бальзак. Зимой я попробую написать роман в его роде. Нежно целую ваши ручки и обещаю впредь не предпринимать ничего, что может помешать мне взяться за перо. — Е. Боратынский».

М. С. 63—64 (с датой: конец лета 1842). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 83—84 об. Дата уточнена на основании фразы о мурановском доме: «к концу августа в доме уже можно будет жить».

АВГУСТ, 3. Петербург. Вышел «Современник» (1842. Т. 27 <№ 3>) со стих. Боратынского **«С книгою: Сумерки. С. Н. К.»** и рецензией Плетнева на «Сумерки». См. выше: июнь, 30.

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 274. Л. 38 об. (дата).

АВГУСТ, 10. Москва или Артемово. Боратынский — Плетневу в Петербург (ответ на несохранившееся письмо): «Поздно отвечаю тебе, старый и добрый друг, но не упрекай меня в неблагодарности. Письмо твое застало меня средь материальных забот, тем более поглощавших все мое время и мысли, что по привычке моей к жизни отвлеченной и мечтательной, я менее способен к трудам, требуемым действительностью. Чтоб в самом деле вести тихую жизнь мудреца, нужно глубокое и покорное внутреннее согласие на некоторые суеты житейские. Этого у меня нет, но надеюсь, что будет. Как мы мало с тобой виделись в Петербурге! Как бы мне хотелось уже не повстречаться с тобой на минуту, а пожить вместе, поделиться, как прежде, поэтическими мечтами, разнообразными открытиями зрелой жизни! Между нами 16 лет расстояния, пройденного порознь; но краткое наше свидание доказало, что мы прошли его односмысленно. Физиогномия наших душ не изменилась, а если мысли приняли строгую краску строгих лет, сердце сохранило почти всю свою молодую веселость, сокровище, сбереженное верностью

к первым привязанностям и постоянною чистотою стремлений. Обстоятельства удерживают меня теперь в небольшой деревне, где я строю, сажу деревья, сею, не без удовольствия, не без любви к этим мирным занятиям и к прекрасной окружающей меня природе; но лучшая, хотя отдаленная, моя надежда: Петербург, где я найду тебя и наши общие воспоминания. Теперешняя моя деятельность имеет целью приобрести способы для постоянного пребывания в Петербурге, и я почти не сомневаюсь ее достигнуть. С нынешней осени у меня будет много досуга, и если Бог даст, я снова примусь за рифмы. У меня много готовых мыслей и форм, и хотя полное равнодушие к моим трудам гг. журналистов и не поощряет к литературной деятельности, но я, Божиею милостию, еще более равнодушен к ним, чем они ко мне. Прощай, нежно тебя обнимаю. Дружеский поклон мой Гроту <Якову Карловичу>. — P.S. Рассылка в разных местах моих «Сумерек» <см. выше: май, до 26> была соединена с некоторыми издержками. Позволь, сделай одолжение, с тобой рассчитаться. Распечатай пакет ко Льву Пушкину: там есть экз. для Натальи Николаевны <Пушкиной>. Я полагал его непременно в П-бурге и хотел уменьшить твои хлопоты, препоручив ему экз. для его родства и круга знакомых».

Изд. 1936. Т. 1. С. CX (фрагмент); *Хетсо.* С. 635—636 (с датировкой: *10 авг. 1842* по автографу ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 82).

АВГУСТ, 11. 1842. Вильдбад — Гаштейн. Н. М. Языков — А. М. Языкову: «<...> Баратынский крайне помрачился духом, как видно из его стихотворений «Сумерки», — видно, что судьба его угнетает <...>».

АВГУСТ, 14. Петербург. Вяземский — Боратынскому в Москву: «Его Высокородию Евгению Абрамовичу Баратынскому. — Сердечно обнимаю Вас и благодарю за «Сумерки». Писать буду после. Завтра еду в Ревель, а может быть, и в место ссылки нашего Овидия — в Гельсингфорс. — 14 августа 1842».

ПД. № 21.745. Л. 2.

АВГУСТ, до 27. Москва. Боратынский — Путятам за границу (без даты): «Вам бы следовало получить сегодня письмо от Настиньки. Я должен был его сам отдать в Москве, где теперь нахожусь по некоторым хлопотам, но новонаемный мой камердинер забыл взять с собою мою шкатулку, в которой уложены были все мои бумаги, и я пишу вам несколько строк, чтоб не оставить вас без вестей о Муранове. Дети ваши, слава Богу, здоровы. Олиньку обметала золотуха; но, кажется, это неважно и может даже послужить ей в пользу. Собираемся отымать Катиньку от груди. Кстати, у ней на днях вышло два зуба, и другие пойдут не так скоро. Этим промежутком хорошо воспользоваться. Лесной матерьял начинает сходить с рук. Дом отстраивается. Недели через три мы перейдем в верхний этаж. Я получил очень милое письмо от Карамзиной в ответ на мои стихи <см. июнь, 26>. Нежно обнимаю вас и Настиньку. — Е. Боратынский».

Путята 1867. Ст. 283 (фрагмент); *Пигарев* 1948. С. 141—142 (полностью; дата: конец авг. 1842). Наша датировка по штемпелю в автографе — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 58—59.

ОСЕНЬ. Мураново. Боратынские переезжают в новый дом. — На месте сведенного леса Боратынский сажает новый. — Написано стих. **«На посев леса»** («Опять весна; опять смеется луг...») (впервые опубл.: «Вчера и сегодня». СПб., 1846. Кн. 2. С. 68 — с загл. «Опять весна»; сводку разночтений см.: Изд. 1982. С. 492—493). Видимо, тогда же написано стих. **«Люблю я вас, богини пенья...»** (впервые опубл. тоже после смерти Боратынского: Современник. 1844. Т. 36. № 12. С. 370; черновой автограф — на обороте чернового автографа стих. «На посев леса», что служит основанием датировки; разночтения см.: Изд. 1982. С. 493).

ДЕКАБРЬ, 1. Петербург. Вышли «Отечественные записки» (1842. Т. 25. № 12; ценз. разр. 30 ноября) с рецензией Белинского на «Сумерки» (Отд. 5. С. 49—70):

« <...> Давно ли г. Баратынский, вместе с г. Языковым, составлял блестящий триумвират, главою которого был Пушкин? А между тем как уже давно одинокою стоит колоссальная тень Пушкина <...>. Давно ли каждое новое стихотворение г. Баратынского, явившееся в альманахе, возбуждало внимание публики, толки и споры рецензентов?.. А теперь тихо, скромно появляется книжка с последними стихотворениями того же поэта — и о ней уже не говорят и не спорят <...>. Да не подумают, что мы этим хотим сказать, что дарование г. Баратынского незначительно, что оно пользовалось незаслуженною славою: нет, <...> мы высоко уважаем яркий, замечательный талант поэта уже чуждого нам поколения <...>. — <...> преобладающий характер поэзии г. Баратынского есть *элегический* <...> Что такое *элегический* тон в чьей бы то ни было поэзии? — грустное чувство, которым проникнуты создания поэта <...>. К чести г. Баратынского должно сказать, что элегический тон его поэзии происходит от думы, от взгляда на жизнь и что этим он отличается от многих поэтов, вышедших на литературное поприще вместе с г. Пушкиным. Рассмотрим же *идею*, которая проникает собою создания г. Баратынского и составляет пафос его поэзии». — Далее следует комментированное цитирование «Последнего поэта» и «Примет» и полемика с ними: «Какие чудные, гармонические стихи! Не грех ли заставить их выражать такие неосновательные мысли? <...> видно, что мысль стихотворения <...> вышла не из праздно мечтающей головы, а из глубоко растерзанного сердца... И тем не менее все-таки она — ложная мысль! <...> Бедный век наш — сколько на него нападок, каким чудовищем считают его! <...> Правда, дух меркантильности уже чересчур овладел им; <...> но это отнюдь не значит, чтоб человечество дряхлело <...>. Если наш век и индюстриален по преимуществу, это нехорошо для нашего века, а не для человечества: для человечества же это очень хорошо, потому что через это будущая общественность его упрочивает свою победу над своими древними врагами — материею, пространством и временем. <...> Только животные бессмысленные, руководимые одним *инстинктом*, живут в природе и природою. <...> Человек бывает животным только до появления в нем первых признаков сознания; с этой поры он отделяется от природы и, вооруженный искусством, борется с нею всю жизнь свою». — Далее Белинский цитирует «Мысль», «Истину», «Две доли», «Последнюю смерть» и после полемического комментария пишет: «Этот несчастный раздор мысли с чувством, истины с верованием составляет основу поэзии г. Баратынского, и почти все лучшие его стихотворения проникнуты им <...>. Жизнь как добыча смерти, разум как враг чувства, истина как губитель счастия — вот откуда проистекает элегический тон поэзии г. Баратынского и вот в чем ее величайший недостаток. Здание, построенное на песке, недолговечно; поэзия, выразившая собою ложное состояние переходного поколения, и умирает с тем поколением, ибо для следующих не представляет никакого сильного интереса в своем содержании. <...> — Эта невыдержанная борьба с мыслию много повредила таланту г. Баратынского: она не допустила его написать ни одного из тех творений, которые признаются капитальными произведениями литературы и если не навечно, то надолго переживают своих творцов». — Далее следует полемика со стих. «На смерть Гете» («неверность в содержании»: «Не было, нет и не будет никогда гения, который бы *один* все постиг или все сделал») и краткий обзор поэм Боратынского («В них много отдельных поэтических красот; но в целом ни одна не выдержит основательной критики»). — В заключение цитируется «Муза» («Не ослеплен я музою моею...»): «Нельзя вернее и беспристрастнее охарактеризовать *безотносительное* достоинство поэзии г. Баратынского». — Сам Белинский писал В. П. Боткину (9—10 декабря 1842) об этой рецензии: «Как тебе моя статья о Баратынском? Она скомкана, свалена, а, кажется, чуть ли не из лучших моих мараний» (*Белинский*. Т. 9. С. 523).

Боград 1985. С. 178 (дата).

Вероятной реакцией Боратынского на рецензию, и в частности, на противопоставление в начале ее Пушкина — современным ему поэтам, могло быть стих. **«Когда твой голос, о поэт...»** — опубл. см. далее: 1843, окт., 30.

ДЕКАБРЬ, конец 10-х — начало 20-х чисел. Мураново. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Si j'ai une excuse de ne vous avoir pas écrit de si longtemps...» — Перевод: «Если и есть оправдание тому, что я так долго вам не писал, любезная маменька, то искать его следует лишь в крайней усталости и нервном переутомлении, вызванном нашим переездом в новый мурановский дом, который, в сущности, только сейчас завершился. Всякий день необходимо что-то

доделывать, а молоток в доме стучит до сих пор. Дом красивый, удобный, но я к нему еще не привык и еще весьма далек от того, чтобы наслаждаться обладанием плодами своих трудов, от удовлетворения завершенным делом — словом, ото всего, что следовало бы мне теперь испытывать. Неделя потраченных трудов — это одно дело, но полгода — совсем иное, и цели достигаешь уже несколько пресыщенным. — Жизнь наша течет по-прежнему, уроки у детей сменяются точно по расписанию и в некотором роде помогают нам распределять свое время. Старшие нас радуют своими успехами. Младшие еще не достигли возраста, когда учение может нравиться, но и они потихоньку продвигаются вперед. Моя торговля лесом идет хорошо. Этот род деятельности для меня нов и потому до некоторой степени увлекателен. Судя по полученным мною известиям, у нас хороший урожай, но полагаю, цены на все, кроме ржи, будут очень низкими. Моя жизнь в деревне и некоторые успехи в хозяйстве позволяют мне не продавать те семена, цены на которые будут слишком дешевы, и тем самым можно образовать хлебный запас, о чем я уже давно мечтал. С Божьей помощью это даст мне в будущем большие выгоды и принесет доход постоянный и достаточный. Вот уже скоро Рождество. Желаю хороших праздников, любезная маменька, вам, тетушке, сестрам и братьям. Да хранит вас и их Господь в добром здравии. Целую вам ручки от всего сердца. — Е. Боратынский». — Далее приписка Настасьи Львовны (на фр. яз; без даты). Перевод: «Соблаговолите простить нам, милая и любезная маменька, и принять во внимание переезд и устройство на новом месте, которые утомили нас чрезвычайно, нам необходимо время, чтобы прийти в себя. Впрочем, все мы довольны: в доме тепло и в большие холода и в оттепель. Мы немного приблизились к Москве <точнее, к шоссе>, и это очень удобно для писем и для получения книг. Нам обещали много новинок зимой, не знаю, какие льды их задерживают. Сестра <Софья Львовна> рассказывает нам о романе Жорж Санд, произведшем в Европе фурор. Это «Консуэло». Мы ждем двух первых томов, ибо роман, по теперешней моде, еще не кончен. Прощайте, милая и любезная маменька, тысячу раз целую ваши ручки за себя и за детей. — Ваша почтительная и послушная дочь Настасья Боратынская».

М. С. 70—71 (с датой: начало зимы 1842). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 68—69 об. Уточнение даты определяется словами о скором Рождестве.

ДЕКАБРЬ, конец месяца. Мураново. Боратынский — Путяте за границу (без даты): «Благодарю тебя, любезный друг, за твои подробные и занимательные письма. Рад, что вы так полно наслаждаетесь Италией и что воображение, предупрежденное столькими описаниями, нашло на ее древней почве впечатления новые и свежие. Все можно передать довольно точно, кроме местной физиономии и вообще природы, и слава Богу. Не все уловляет печать, и что-нибудь еще возможно чувствовать по-своему. Теперь вести из отечества: дети ваши здоровы. Олинька всякой день милее. Катинька эти последние дни чрезвычайно похорошела. Начинает стоять на ногах, но еще не ходит. Все мы также живем подобру-поздорову. Наше уединение очень полезно детским урокам. Саша сделала большие успехи в рисованьи и обещает настоящий талант. Музыка тоже идет успешно. Несмотря на довольно невыгодную репутацию, мы взяли m-me Fild <вдова известного пианиста>. Она будет жить во флигеле и давать только уроки. Что-то Бог даст, а делать нечего: в Москве нет ни одного порядочного учителя, который бы согласился ехать в деревню за доступную цену. Доходы нынешний год будут средние, хотя урожай хорош. Цены очень низки. Ваши вознесенские мужики плохо платят оброк. Прошлого году петровского оброку получил я только 4300, которые и внес по залогу ваших имений в опекунский совет. Правда, что прошлый год был тяжелее для крестьян, хотя от высоких цен мы получили хороший доход. Из январского

оброку я получил 3300+, внесенные атамышенскими вашими крестьянами. Вознесенские еще не внесли. Дьяков обещает собрать к маслянице. Ваши 3300 положены мною в ломбард, равно как и часть денег, которая, вероятно, вам достанется из каймарских доходов (около 5 т.). — Прощайте, мои милые и добрые друзья. Поздравляю вас с новым годом, желаю всякого счастия, в особенности продолжения отпуска, чтоб вы могли вместе долечиться в Мариенбаде. Крепко вас обнимаю. — Е. Боратынский».

Пигарев 1948. С. 142—143. Датируется по новогодним поздравлениям. Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 63—64; на л. 64 приписка Настасьи Львовны, на л. 64 об. — приписка дочери Александры.

1843

Боратынский в Муранове — до конца августа; в сентябре — в Петербурге; в конце сентября Боратынские отправляются за границу: Кенигсберг — Берлин — Лейпциг — Дрезден — Лейпциг — Франкфурт — Кёльн — Брюссель — с ноября в Париже.

ЯНВАРЬ. Мураново. Боратынский — Путятам за границу (без даты): «Поздравляю вас, любезные друзья мои, с наступившим новым годом. Долго не писал за хлопотами всякого рода, сверх того хотелось дождаться положительных результатов от свода рощи и постройки дома. Слава Богу, дом хорош, очень тепел. Были и большие морозы и сильные ветры: мы не чувствовали ни тех ни других, и что в особенности редко в деревенских домах — никогда не знали, с которой стороны непогода. Продажа леса идет успешно: более 2/3 заготовленного материала уже сбыто по хорошим ценам. Десятина за издержками даст, как я писал вам и прежде, до 1000+. На следующий год есть надежда на повышение цен, а сбыт несомнителен. Наша роща остается единственной в околодке. Купцы, имевшие в запасе доски и дрова, сбыли все, что имели, и лесной торг остается совершенно в наших руках. Как нарочно, в соседстве у нас строится несколько господских домов и огромная фабрика. Машина оказалась неудобной и убыточной. Приходится ее совсем оставить. Она приносит потери тысяч на 5-ть, но она в общем счете может вознаградиться распространением кирпичного завода, на который будут употреблены и призванные мною люди и купленные волы. Строящаяся фабрика в 8-ми верстах от нас представляет верный сбыт, а требование огромно: до миллиона в год. У нас пропасть гнилого лесу, не имеющего никакой цены в продаже: он пойдет на обжиг кирпича. До сих пор сведено 22 десятины. Нынешнюю зиму сведется еще 28. Выручкою должен вознаградиться убыток, понесенный машиной, постройкой дома, кирпичных сараев, покупка волов, словом, все издержки, и 20 тысяч должно быть внесено в уплату Пьерова долга. Теперь свод леса будет стоить дешевле, от лучшей кладки и пилки дрова и доски в лучшей цене. Не забудьте тоже, что молодой лес остается на корню. Думаю, можно быть довольными общим итогом. Дом отделан вполне: в два полных этажа, стены общекатурены, полы выкрашены, крыт железом. В числе издержек полагается еще 8 тысяч постоянного оборотного капитала, нужного на ежегодный свод 25 десятин леса. Нас посетила в Муранове Анна Васильевна <сестра Н. В. Путяты>; вероятно, она вам об нас коечто писала. Наш быт против артемовского изменился тем, что мы пореже ездим в Москву. Прошлого года столько было дел, что из 52 недель мы, верно, 25 провели в городе. Теперь, слава Богу, мы постояннее бываем дома. Малютки ваши здоро-

вы. Олинька обещает быть красавицей, но и Катя днями очень хороша. Она в поре невыгодной для наружности детей. Когда вы думаете возвратиться на родину? И есть ли у вас какие-либо планы для будущего? Каково житье за границей в отношении денежном? — Обнимаю вас обоих и Настиньку <дочь Путят>. — Дом стоил дороже, нежели я предполагал, потому что весь матерьял куплен. Мне не хотелось употреблять полусухого леса в постройке, которая окупается единственно своею прочностью. К тому же, что бы я употребил из собственного лесу на постройку дома, то было бы исключено из продажи, а мы, благодаря возвысившимся ценам, продаем свой матерьял дороже, чем купили посторонний: я покупал доски по 1.20 к., а продаю по 1.40, по 1.50 к.

Путята 1867. С. 284 (фрагмент); *Пигарев* 1948. С. 143—143 (полностью). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 81. Л. 61—62 об. Датируется по упоминанию наступившего нового года.

ЯНВАРЬ — МАРТ. Мураново. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Chère maman, je suis bien lent à repondre...» — Перевод: «Любезная маменька, я слишком задержался с ответом на одно из ласковейших ваших писем. Приезд Натали и Софи приятнейше рассеял меня, и оттого, по закону вечной несправедливости, правящей миром, пострадала кирсановская почта. Письмо мое, должно быть, опередит на несколько дней Софи <сестра София Абрамовна ?>. Она передаст вам некоторые литературные новинки. В этом году мало что вышло. Самое замечательное «Консуэло» и «Занони» <романы Ж. Санд>. Европейские умы поворачиваются к мистицизму. Материальная революция завершена. Да будет угодно Господу, чтобы нынешний период усталости оказался сном, предшествующим новому рождению поэзии, чье существование одно лишь и свидетельствует о счастье народов и их подлинной жизни. Аннета <жена Ираклия Боратынского> посетила нас в деревне, а нынче у нас господа из Ярославля, которые передали нам вести о ней и о Ираклии. Говорят, что их в городе очень любят. <30 августа 1842 Ираклий Боратынский был назначен губернатором Ярославля>. Рассказывают о снисходительности и такте моего брата и о приветливости Аннеты, благотворно на всех влияющей. О Полторацких никто не сожалеет. Я возразил, что состояние моего брата не позволяет ему делать для развлечения общества столько, сколько делал его предшественник. Мне отвечали: манеры Ираклия и жены его таковы, что ярославское общество только нынче начинает жить. Во всем, что я слышал, ощутимо искреннее одушевление. Спешу сообщить вам эти подробности, ибо знаю, сколько удовольствия они вам доставят. Целую ваши ручки, любезная маменька, и возвращаюсь к своим гостям. — Е. Боратынский». — Далее приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты). Перевод: «Ваши письма, любезная маменька, доставили нам невыразимое наслаждение, и мы не можем изъяснить, как мы вам за них признательны. Они на несколько часов опередили приезд Натали и Софи, и с тех пор у нас царит всеобщее оживление. В ту же пору к нам приехала и Аннета, а теперь у нас и другие гости. Евгений сообщил вам обо всем, что рассказали нам насчет Ираклия и Аннеты; как ни мало времени они там <в Ярославле> провели, но весь свет уже к ним привязался. Софи передаст вам, любезная и милая маменька, кошелек моей работы; благоволите принять его с обычной снисходительностью и пользуйтесь им из любви ко мне. От всего сердца целую ваши ручки за себя и за детей. Да хранит вас Бог. — Ваша покорная и почтительная дочь — Настасья Боратынская».

М. С. 69—70 (с датой: осень 1842). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 50—51 об. Обосн. нашей даты: упоминание в письме романа «Консуэло» — в предыдущем известном нам письме (см. 1842, дек., конец 10-х — начало 20-х чисел) романа еще не было на руках у Боратынских. Значит, письмо написано не ранее января. — В след. письме к маменьке (см.

далее: апр., ок. 11) Софи, приезжавшей в Мураново, уже передаются поздравления с Пасхой; следовательно, письмо написано не позднее марта.

ЯНВАРЬ, 2. Петербург. Вышли «Отечественные записки»(1843. Т. 26. № 1) со статьей Белинского «Русская литература в 1842 году» (отд. 5. С. 1—26), где помянут Боратынский:

«“Сумерки”, маленькая книжка г. Баратынского, заключающая в себе едва ли не последние стихотворения этого поэта, тоже принадлежит к немногим примечательнейшим явлениям по части поэзии в прошлом году». — Приводится стихотворение «На что вы, дни? Юдольный мир явленья...» и резюме: «Страшно чувство, которым внушено это выстраданное стихотворение! не обещает оно новых и живых вдохновений; и лучше совсем не писать поэту, чем писать такие, например, стихи: — Сначала мысль воплощена <Цитируется стих. «Мысль»>. — Что это такое? неужели стихи, поэзия, мысль?» (Ср. с оценкой того же текста тем же рецензентом: 1838, июль, 29).

ЯНВАРЬ, 10. Москва. Ценз. разр. «Москвитянину» (1843. Ч. 1. № 1), где в разделе «Критика. Краткий перечень произведений русской словесности за 1842 год» — краткая рецензия С. П. Шевырева на «Сумерки» (С. 280):

«Поэзия стихотворная предходит в истории всем прочим произведениям словесности: потому и начнем с нее. Здесь всего более обращает внимание наше книжка маленькая, едва заметная по наружности в груде книг прошлого года: это «Сумерки» Баратынского. Поэт принадлежит к поколению Пушкина и, по связи особенной с музою Жуковского и Батюшкова, может быть назван даже старшим его сотоварищем. Всего более поражает в «Сумерках» Баратынского чудное изменение, в нем происшедшее: глубокая сосредоточенная меланхолия — плод опыта жизни — удалила все прежнее, легкие, светлые мысли и чувства, покрыла самою черною тенью живой образ его возмужалой музы и воцарилась на нем одна, без спутников, без всякого иного окружения. Такая метаморфоза в одном из сверстников Пушкина есть событие весьма замечательное и достойное изучения: мы к нему возвратимся и постараемся разгадать ее причину».

АПРЕЛЬ, около 11. Мураново. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Nous voici à la grande fête, chère maman...» — Перевод: «Вот и наступил великий праздник <Пасха>, любезная маменька. Примите мои поздравления и всевозможные пожелания. Поздравляю также милую тетушку, сестер, братьев и расцветающую детвору из следующего поколения. Близятся ваши именины, и я желаю вам яркого солнца, которое оживит деревья и цветы в вашем саду и позволит вволю резвиться вашим внукам. У нас погода сносная, небо голубое, но еще холодно. Еще лежит много снега, а ночами морозит. Дети получают наслаждение от верховых прогулок, днем между 3 и 4 часами. Пешие прогулки пока невозможны. Весна принесет мне развлечения, состоящие из новых трудов. Надо закончить несколько построек и произвести много земляных работ. Затем последуют работы полевые, в которых я тоже участвую, ибо как только я выхожу из дома, сразу вижу трудящихся крестьян: наше маленькое поместье можно окинуть одним взглядом. Я забавляюсь тем, что отдаю приказания с ошибками, чем доставляю старосте удовольствие указать мне на них. Знаете ли, что это единственный способ добиться у этих людей того, что им известно? Наш общий доход здесь так невелик, что даже если ошибаешься — теряешь немного. Что же до торговли лесом, то рубка в этом году дала результаты еще более благоприятные, чем в прошлом. Теперь я почти уверен в успехе. Опасаться мне следует только понижения цен, что вряд ли возможно. Дети учатся прекрасно. Они много извлекли полезного из постоянных уроков, которые получают во время нашей деревенской жизни. Музыке их учит сейчас госпожа Фильд, играет она не так хорошо, как ее супруг, но супружеская любовь открыла ей его методу и его музыкальные секреты, собственно и являющиеся основой ее преподавания. Целую нежно ваши ручки, любезная маменька, и прошу для всех нас вашего благословения. — Е. Боратынский». — Далее приписка

Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты). Перевод: «Примите также мои поздравления с Пасхой и мои пожелания с вашими именинами, милая и любезная маменька. Я тысячу раз благодарю вас за заботу о моем здоровье, я уже без лекарств чувствую себя хорошо, хотя, конечно, осталась небольшая слабость, и я легко устаю, поездки в церковь из-за плохих дорог очень утомили меня, так что буду приходить в себя еще несколько дней. Мы с нетерпением ждем, когда можно будет гулять и настанет настоящая весна, в деревню она приходит позже, чем в город. Прощайте, милая и любезная маменька, нежно целую ваши ручки и поздравляю дорогую Софи. — Ваша покорная и почтительная дочь Настасья Боратынская».

М. С. 76—77 (с датой: апрель 1843). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 65—66 об. Уточнение даты определяется упоминанием Пасхи (в 1843 г. — 11 апр.).

АПРЕЛЬ, до 17. Мураново. Боратынский — сестре Наталии Абрамовне в Ржев (на фр. яз.; без даты): «J'ai été bien content de recevoir de vos nouvelles, chère Natalie...» — Перевод: «Я был очень рад получить твое письмо, любезная Натали, и рад, что ты доехала целая и невредимая, несмотря на ужасную дорогу. Софья Михайловна <Боратынская-Дельвиг>, должно быть, дала тебе отчет о злоключениях своего путешествия: как она была вынуждена отдать свой возок и ехать в телеге. Вот и Пасха наступила. Желаю вам провести ее весело. Благодарю Вариньку <младшую сестру> за строки, которые она прибавила к твоему письму, желаю ей вместе с Александром <Рачинским> и детьми хорошего праздника. Через несколько дней я вновь начну страдать семейной болезнью — манией строительства, а пока лишь слежу взором за неспешным таянием снега. Настинька обнимает и поздравляет вас обеих».

Хетсо. С. 627—628 (по автографу ПД. № 21.736. Л. 23—24; дата: апр. 1840). Обосн. нашей даты — штемпель: *Москва 1843 Апрель 17.* Адрес: «Ея Превосходит-ву Наталье Абрамовне Боратынской Тверской губернии в гор. Ржев».

АПРЕЛЬ, 27, 29 — МАЙ, 2, 4, 7, 12, 16. Москва. Концерты Ф. Листа. На одном из них присутствуют Боратынские (см. далее в письме к маменьке: июнь?).

Надор Т. Если бы Лист вел дневник... Будапешт, 1988. С. 137.

МАЙ — ИЮНЬ. Боратынский едет в свои имения: в Скуратово Тульской губ. и Глебовское Владимирской губ. — подробности см. след. дату.

ИЮНЬ (?). Мураново. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Notre vie immobile et grâces à Dieu dépourvu d'événements...» — Перевод: «Наша неподвижная и, слава Богу, текущая без происшествий жизнь была причиной тому, что я редко вам писал, любезная маменька, но с некоторых пор все стало наоборот. Вот уже месяц, как я все время на ногах. Съездил в Тульскую губернию — на межевание, затем и за тем же во Владимирскую. Мне посчастливилось договориться с соседями, не идя на большие уступки. Но мне не повезло в другом: я принужден был разъезжать по городам и весям именно в то время, когда Варенька и Натали находились в Москве, и поэтому не сумел уделить им достаточно времени. Я слышал Листа и остался не так доволен, как ожидал. Стремительность его игры превышает все доступное воображению, но превышает и возможности фортепьяно. Звуки следуют один за другим так скоро, что сливаются в смутный шум, не приносящий особенного удовольствия. От этой быстроты рояль задыхается. К тому же я не нашел у него подлинно музыкального чувства. Прекраснейшие мелодии он портит украшениями, не имеющими ни смысла, ни цели. Его форте и пиано-пианиссимо, великолепные сами по себе, не производят впечатления, ибо не выражают подлинного музыкального замысла. Он претендует на импровизации, а исполняет одни гаммы. Поминутно кажется, что он пробует рояль перед его покупкой. Я решительно предпочитаю ему Тальберга. Здесь ему устрои-

ли овацию, смешную по двум причинам: во-первых, потому что это был заемный энтузиазм, главная цель которого — не отстать от берлинцев, а во-вторых, будь даже этот восторг неподдельным, он превышал всякую меру, большего не могли сделать даже для спасителя отечества. Есть отчего разочароваться в славе. Прощайте, любезная и милая маменька. Ваши внуки здоровы и нежно целуют ваши ручки. — Е. Боратынский». — Далее приписка Настасьи Львовны (на фр. яз.; без даты). Перевод: «Конечно, вы уже имеете добрые вести о глазах Ольги <дочери Варвары Абр. Рачинской>, милая и любезная маменька, я могу лишь подтвердить их; оба ребенка Вареньки, приехавшие с нею — и Серж и Ольга — очень милы и очаровательны, Ольга даже чересчур взросла для своих лет; они прекрасно говорят по-французски, и Варинька с Александром Антоновичем <Рачинским> по-прежнему очень довольны уроками их гувернера; на обратном пути их, должно быть, застигли большие дожди; по правде говоря, без календаря и не скажешь, какое сейчас время года; тепла никакого, а дожди, как при потопе. Евгений пишет вам о Листе, любезная маменька, у нас у всех было такое же впечатление, несмотря на бешеные крики «браво» и цветы, которые ему кидали с беспримерной неловкостью. То были не непроизвольные жесты жителей тех стран, где букеты цветов — непременная и постоянная часть любого праздника — там женщины держат цветы в руках и бросают в ту минуту, когда впечатление их достигает самой большой силы; нет, здесь мужчины принесли букеты в карманах и бросали их по сигналу, отчего даже самый простодушный человек охладел бы к происходящему. — Прощайте, милая и любезная маменька, тысячу раз целую ваши ручки и прошу вас благоволить засвидетельствовать мое почтение тетушке и дружбу Софи <Софии Абрамовне>».

М. С. 77—78 (с датой: июнь 1843). Автограф — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 175. Л. 41—42 об. О концертах Листа в Москве см. выше: апр., 27, 29 — май, 2, 4, 7, 9, 12, 16.

ИЮЛЬ, 31. Любичи Кирсановского уезда Тамбовской губ. Скоропостижно умер Н. И. Кривцов.

АВГУСТ, 21. Село Хотьково (на полпути между Мурановом и Троицкой лаврой): « <...> я отправился с женою в свое переяславское имение, сельцо Деревково, намереваясь на обратном пути заехать в Мураново. По дороге мы посетили Хотьков монастырь. При входе в храм слышим поют: *со святыми упокой* и в эту же минуту нас окружают Евгений Абрамович, его супруга и семейство его. Пошли взаимные приветствия и рекомендации, так как со мной была второбрачная жена, еще незнакомая с Баратынскими. Наконец, они просили нас заехать к ним, на обратном пути в Мураново, и объявили, что в первых числах сентября они отправляются за границу».

Кичеев 1868. С. 871.

СЕНТЯБРЬ, около 3. Боратынский со всей семьей едет в Петербург, чтобы оттуда отправиться в заграничное путешествие.

СЕНТЯБРЬ, около 7. Боратынские приехали в Петербург и остановились у Путят.

СЕНТЯБРЬ, 8. Петербург. Плетнев — Гроту: «Прежде, нежели я отправился утром на дачу, ко мне явился мой старый друг Баратынский с 14-летним сыном Львом. Меня очень обрадовало это неожиданное свидание. Поэт через неделю отправляется с своею семьею на год за границу, после чего утвердит свое пребывание в С.-Петербурге. Деревня и Москва ему ужасно надоели. У Баратынского очень много натурального ума — и в его взгляде на нашу литературу есть что-то независимое и отчетливое. Между прочим, я помню его отзыв о Жуковском и Лермонтове. Они, сказал Баратынский, в некотором роде равны И. И. Дмитриеву. Как последний усвоил нашей литературе легкость и грацию французской поэзии,

не создав ничего ни народного, ни самобытного, так Жуковский привил нашей литературе формы, краски и настроения немецкой поэзии, а Лермонтов (о стихах его говорить нечего, потому что он только воспринимал лучшее у Пушкина и других современников) в повести своей «Герой нашего времени» показал лучший образец нынешней французской прозы, так что, читая его, думаешь, не взято ли это из Евгения Сю или Бальзака».

Грот — Плетнев. Изд. 1896. С. 112.

СЕНТЯБРЬ, 10. Петербург. Боратынский — Вяземскому (без даты): «Очень мне совестно, что я не догадался вам оставить адреса новой квартиры Путята, чем и лишил себя удовольствия видеть вас сегодня. Завтра я целое утро в хлопотах и потому прибегаю к вам вместе с моими хозяевами с покорнейшею просьбою: не откажите у нас обедать. Вы увидите, между прочим, Одоевских. Сбираются в 5 часов. Во всяком случае я не оставлю Петербурга, с вами еще раз не повидавшись и не получив вашего благословения на мое европейское пилигримство. — Е. Боратынский».

СиН. 1902. Кн. 5. С. 55 (с датировкой: осень 1843); Изд. 1987. С. 308 (уточнение даты: 10 сент. 1843 — на основании упомянутого обеда у Путят: состоялся 11 сент.). Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1399. Л. 30—31. Надпись на письме: «Его Сиятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому».

СЕНТЯБРЬ, 11. Петербург. Обед у Путят: « <...> были: Одоевские, Соболевский, брат Путята с женою, Россет и семейство Баратынских (7 человек его детей). <...> Баратынский же требует, чтобы я <Плетнев> не прекращал журнала <«Современник»> до его прибытия. Он намерен тогда соединиться со мною и работать деятельно».

Грот — Плетнев. Изд. 1896. С. 113.

СЕНТЯБРЬ, конец 10-х чисел (?). Боратынский с женой и тремя детьми — Александрой, Львом и Николаем — выезжают из Петербурга на дилижансе. — Другие дети: Мария, Дмитрий, Юлия и Зинаида — остаются на попечении Путят в Петербурге.

Хетсо. С. 231.

СЕНТЯБРЬ, 20-е числа — НОЯБРЬ, первая половина. Маршрут путешествия Боратынских: из Петербурга на дилижансе до границы с Пруссией — оттуда на почтовых через Кенигсберг в Берлин — из Берлина совершили поездку в Потсдам — далее в Лейпциг — из Лейпцига по железной дороге в Дрезден — возвращение в Лейпциг — из Лейпцига во Франкфурт и Майнц — оттуда по Рейну в Кёльн — далее по железной дороге в Брюссель — из Брюсселя в Париж. — Подробности см. в октябрьском письме к маменьке.

СЕНТЯБРЬ, 30. Петербург. Вышел «Современник» (1843. Т. 32 <№ 10>; ценз. разр. 30 сент.) со стих. **«Когда твой голос, о Поэт...»** (С. 354; подпись *Е. Баратынскiй*).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 275. Л. 48 (дата). См. также примеч. к: 1842, дек., 1.

ОКТЯБРЬ, около 10 (22). Дрезден. Боратынский — маменьке в Мару: «Voilà à peu près dix huit jours que nous sommes en voyage...» — Перевод: «Вот уже около восемнадцати дней, как мы в дороге, любезная маменька; шестиместный дилижанс, о котором мы уговорились в Петербурге, доставил нас до границы, или, точнее, до первого прусского почтового дома. — С тех пор мы путешествуем, нанимая купе, в которых наше семейство помещается особо, хотя еще остается четыре места в дилижансе, почти всегда занятые. Этого рода путешествие очень оживлено: ви-

дишься на станциях, и в часы обедов и ужинов обмениваешь несколько слов. — Дороги великолепны, и почтовая часть в удивительном порядке. Мы провели два дня в Кенигсберге и одиннадцать дней в Берлине. Со мною было рекомендательное письмо к секретарю нашего посольства, которым я воспользовался. Я представился нашему посланнику барону <А. К.> Мейндорфу, человеку весьма вежливому и весьма любезному. Я обедал у него с графом <Д. Н.> Блудовым, с которым уже прежде был знаком. Он путешествует с дочерью и возвращается теперь в Петербург. Я провел у них один вечер. Мы в первый раз испытали впечатление железной дороги, съездивши в Потсдам; видели там дом, где жил Вольтер, и небольшие покои Великого Фридриха, без сомнения великого, если принять в соображение, что он, почти один, создал Пруссию и положил первые основания ее теперешней администрации. — Берлин — прекрасный город; он не так хорош, как Петербург, но лучше в отношении размеров. — Жизнь в нем отличается крайней правильностью. Всевозможные отношения здесь предвидены и установлены навсегда; торговые — давностью, общественные — обычаями, никогда не нарушаемыми. Здесь гражданин, сам того не подозревая, подчиняется такой же дисциплине, как солдат. В несколько дней применяешься к заведенному порядку и наслаждаешься чувством чрезвычайного спокойствия, доставляемым этим совершенным отсутствием всего непредвиденного. Теперь мы в Дрездене. — Само собою разумеется, что мы видели знаменитую галерею. Мадонна Рафаэля — это торжество идеи христианства: восторг, ею возбуждаемый, никогда не истощится. Лучше не говорить о ней, и пусть поколение за поколением преклоняются перед этим божественным произведением. Не могу не упомянуть о произведении менее знаменитом, но, может быть, столь же великом по выражению возвышенной скорби — это Христос с динарием Тициана. Мы ездили осматривать одну из прелестнейших местностей в окрестностях Дрездена — Тарентскую долину. Несмотря на позднее время года, там еще восхитительно. Я очень наслаждаюсь и собственными путевыми впечатлениями, и не менее впечатлениями детей, которые, принимая их со всею живостию и свежестью, свойственными их возрасту, дополняют и украшают наши. Отсюда мы возвращаемся в Лейпциг, там возьмем дилижанс до Франкфурта, из Франкфурта отправимся в Майнц, спустимся по Рейну до Кёльна, потом по железной дороге в Брюссель, а оттуда в Париж. Я говорил вам до сих пор об одном приятном заграничного путешествия, — сообщу вам ужасное впечатление. Это туннель между Лейпцигом и Дрезденом. Представьте себе подземелье, которым едешь более трех минут, где совершенный мрак заставляет как-то опасаться, что не достанет воздуха. Я так беспокоился о жене, которая склонна к удушьям, что был совершенно бледен, когда мы возвратились к свету. Жена моя целует ваши ручки, а внуки просят вашего благословения на понимание проявлений искусства, со всех сторон их окружающего, и тех остатков природы, которые новейшая цивилизация тщательно отстаивает, надеясь сберечь их, как египтяне свои мумии; но она не в силах сохранить их».

Изд. 1869. С. 459—461 (текст); 512—513 (перевод И. С. Тургенева), с датировкой: осень 1843; Изд. 1987. С. 308 — уточнение даты: октябрь 1843. Наше уточнение определяется упомянутыми в начале письма 18 днями пути. Копия письма – ПД. № 21.731. Л. 23—23 об.

ОКТЯБРЬ, середина месяца (?). Лейпциг. Боратынский — Путятам в Петербург (без даты) (приписка к письму Настасьи Львовны): «Настинька писала вам в Дрездене, и я приписываю в Лейпциге, куда мы по вашему совету воротились. Переночевали, а теперь едем в Франкфурт, на немецких длинных, т. е. с лонкучером. Будем останавливаться на ночь и в пятый день должны быть на месте. Я очень наслаждаюсь путешествием и быстрой сменой впечатлений. Железные дороги чудная вещь. Это апофеоза рассеяния. Когда они обогнут всю землю, на

свете не будет меланхолии. Обнимаю тебя, Соничку и детей ваших и наших. Когда буду на месте, может, передам вам несколько впечатлений и замечаний, доставленных мне путешествием. Прощайте, до Франкфурта».

Путята 1867. Ст. 285—286 (с датой: осень 1843); Изд. 1983. С. 286 (с датой: окт. 1843). Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 67 об. (на л. 66—67 — письмо Настасьи Львовны). Обосн. нашей даты: соотношение этого письма с письмом маменьке из Дрездена (см.: окт., ок. 10).

НОЯБРЬ, до 16 (4). Боратынские приезжают в Париж — останавливаются в гостинице недалеко от бульвара Мадлен по адресу: rue Duphot, 8. Обосн. даты: см. след. дату.

НОЯБРЬ, 16 (4). Париж. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «У меня Барат<ынский>, видел гр. Блудова в Берлине за 3 1/2 недели. <Говорили:> О процессе брата <Н. И. Тургенева>, об эмансипации <крестьян>».

ПД. Ф. 309. № 320. Л. 20 (сообщено В. А. Мильчиной).

НОЯБРЬ, 20 (8). Париж. А. де Виньи — графине Сиркур: « <...> Я буду рад видеть поэта, пришедшего от вашего имени и столь ценимого вами. Но вот для меня новый повод сожалеть о незнании русского языка, с которого у нас так редко переводят. Я часто сокрушался об этом, ибо у меня есть друзья в его стране и мне хотелось бы услышать этих милых варваров на их родном языке. Но кто лучше их говорит на чистейшем французском? — Г-н Евгений Баратынский может пожаловать завтра или когда угодно, сударыня <...>».

Vigny et les Sircours. Lettres inédites par A. D. Lupé // Le Revue de Monde. 1962. 1 novembre. P. 70. Перевод А. Д. Никольского. Сообщено С. А. Долгополовой.

НОЯБРЬ, вторая половина — МАРТ 1844 г. Боратынский с семейством в Париже.

О круге его общения в этот период см. в его письмах: ноябрь, вт. пол.; дек., перв. пол.; 1844, янв., нач. По просьбе А. де Сиркура Боратынский перевел 20 своих стихотворений на французский язык (*Гофман* 1914—1915. Т. 1. С. LXXXVI): «Порою ласковую фею...»; «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...»; «Старательно мы наблюдаем свет...»; «К чему невольнику мечтания свободы?..»; «Рифма»; «Чувствительны мне дружеские пени...»; «В дорогу жизни снаряжая...»; «Всегда и в пурпуре и в злате...»; «На смерть Гете»; «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...»; «Последний поэт»; «Толпе тревожный день приветен, но страшна...»; «Предрассудок! он обломок...» (переводы этих стихотворений впервые опубл. в Изд. 1869); «В дни безграничных увлечений...»; «Бывало, отрок, звонким кликом...»; «О верь, ты, нежная, дороже славы мне...»; «Где сладкий шепот...»; «Своенравное прозванье...»; «Коттерие»; «Когда, дитя и страсти и сомненья...» (переводы этих стихотворений впервые опубл. в Изд. 1914—1915. Т. 1). По словам сына Боратынского — Льва Евгеньевича, стих. **«Когда, дитя и страсти и сомненья...»**, обращенное к Настасье Львовне, написано зимой 1843/44 г. в Париже (впервые опубл. на рус. яз.: Совр. 1844. Т. 36 <№ 10>. С. 109): «Настасья Львовна была одарена утонченным вкусом в литературных произведениях; поэт часто удивлялся ее тонким замечаниям и справедливым возражениям, верности ее критического взгляда. Он находил в ней ободряющее сочувствие его вдохновениям и спешил прочитывать только что вышедшие из-под пера его произведения. Приведем здесь одно из стихотворений, посвященных им жене, написанное в Париже в 1844 г.: “Когда, дитя и страсти и сомненья...”» (*Л. Е. Боратынский* 1869. С. 397). По словам того же Льва Евгеньевича, «поездкою своей поэт был очень доволен, находился все время в бодром, веселом и жизнерадостном настроении. <...> Из пребывания в Париже Льву Евгеньевичу особенно врезался в память обед, данный его отцом эмигрантам <...>. Разговоры за обедом были посвящены одной, общей теме — *уничтожению крепостного права*. Присутствовали между прочим, Сазонов и Иван Головин, произнесший на тему об эмансипации крестьян чрезвычайно эффектную и красноречивую речь» (*Бобров* 1907. С. 171).

НОЯБРЬ, вторая половина. Париж. Боратынский — Путятам в Петербург (без даты): «Друзья, сестрицы, я в Париже! и благодаря Соболевскому <тот передал с Баратынским письма своим парижским знакомым>, которому я вскоре буду писать особо, благодаря его за полезную его дружбу, вижу в нем не одни здания и бульвары, хотя первый материальный взгляд на Париж вознаграждает с избытком труды дальнего путешествия. Я уже заглянул в faubourg St. Germain <Сен-Жерменское предместье> и видел некоторых литераторов, но, по-моему, всего замечательнее во Франции сам народ, приветливый, умный, веселый и полный покорности закону, которого он понимает всю важность, всю общественную пользу. Я удивлялся в Берлине городскому порядку, точности и бесспорности отношений. Как же я изумился найти то же самое, но в высшей степени, в многолюдном Париже, в его тесных улицах, в его бесчисленных сделках. В Германии чувствителен еще некоторый ропот на законы общественного устройства, которым повинуются: здесь ими гордятся люди, принадлежащие последней черни. Несколько ясных мыслей общежития сделались достоянием каждого и составляют такую массу здравого смысла, что мудрено подумать, чтобы можно было совратить народ с пути истинного его благосостояния. Между тем партии волнуются. Я много слушаю и много читаю. Люди, вышедшие из рядов и наполняющие газеты и салоны, не тверды в своих мнениях. Здесь переметчики менее подлы, чем кажется с первого взгляда, и многие из них принимают мнение, противоположное прежде выраженному, с совершенно искреннею ветреностью. Теперь всех занимает вопрос воспитания: кто должен им заведовать, духовенство или университет? Вопрос отменно важный, слитый с видами легитимизма... Ламартин напечатал вздорную диатрибу, которую я принужден хвалить в обществе, с которым начал знакомство. Ответы противоположной партии, почтительные к таланту поэта, очень забавны. Профессоры начали свои курсы, и о чем бы ни говорили, об анатомии или химии, умеют коснуться всех занимающего вопроса. Мы живем в самом центре города. Вот наш адрес: Rue Duphot, près le boulevard de la Madeleine, № 8. Сегодня я буду у m-me Aguesseau, завтра у Nodier, послезавтра у Thierry. Всеми этими знакомствами я обязан Сиркурам. Прощайте, обнимаю вас и детей. Кланяюсь очень Соболевскому, Плетневу. Я вижу почти всякий день А. И. Тургенева, который теперь несколько нездоров. Он пеняет Вяземскому за то, что он к нему не пишет. Напомните ему обо мне. Вижусь с Балабиным, человеком очень умным, очень сведущим, с которым всякая встреча меня более и более сближает».

Путята 1867. Ст. 286—289. Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 69—69 об.; на л. 70—70 об. приписка Настасьи Львовны.

НОЯБРЬ, 25 (13). Париж. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «У меня Баратын<ский>. С братом познакомился» <брат — Н. И. Тургенев>.

ПД. Ф. 309. № 320. Л. 19 об. (сообщено В. А. Мильчиной).

ДЕКАБРЬ, первая половина. Париж. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «Chère maman, je vous ai écrit, de mon arrivée à Paris...» — Перевод: «Милая маменька, я писал к вам тотчас по приезде моем в Париж, но письмо из Петербурга, в котором говорят мне о письме, от вас отправленном ко мне и мною не полученном, заставляет меня предполагать, что и мое письмо до вас не дошло. В нем заключались одни первые впечатления великого города, повторения, может быть, того, что испытали другие путешественники, но от которых невозможно воздержаться, как от восклицаний при виде поразительного предмета, несмотря на то, что они общие. Мы теперь совершенно устроились, и я начинаю с того, что посылаю вам наш адрес: Paris, rue Duphot, près le boulevard de la Madeleine, № 8. Мы сперва привели наш дом в порядок, нашли нужных детям

учителей, — а там я пустил в ход мои рекомендательные письма. Я теперь в сношениях с некоторыми литераторами, в особенности с Сен-Жерменским предместьем. Меня адресовали к лицам различных партий, так что я, мало-помалу, завожу знакомства в местностях Парижа самых разнородных. Сен-Жерменское предместье вообще бедно материальными средствами, но оно стоит чрезвычайно высоко в мнении счастливцев мира сего, и всякий стучится у дверей его, которые редко отворяются настежь, как ворота. Жители предместья уже не имеют собственных отелей, — все живут в маленьких комнатах, подобных, может быть, тем, в которых г-жа Скаррон принимала некогда все лучшее общество. У герцогини Р... лакей без ливреи, в помочах, отворил наполовину дверь и доложил обо мне посреди аристократов старинного века. Весь этот мир, щепетильный до крайности, превозносит предания и вежливость прежнего времени, как бы обряды некоего священнослужения, коего тайны ему одному доступны. За неимением первенства в политике, он бросился в пуританизм не нравов, а форм. Он не стеснителен для русского, живущего в Петербурге или Москве, почти при тех же общественных условиях, но он раздражает и возбуждает против себя ненависть француза нового времени. Дамы Сен-Жерменского предместья не читают ни Гюго, ни Сю, ни Бальзака, но они, заодно с аббатами, подвизаются на пользу ультрамонтанизма. Эта слабая партия вступила в союз с последними усилиями папского Рима. Великий *вопрос дня* состоит в том, чтобы добиться для духовенства исключительного права воспитания юношества, в ущерб университету. Предместье содействует духовенству, почитая принцип легитимизма нераздельным с принципом владычества церкви, и все в большом движении. Я вижу здесь графиню Т., маркизу А., внучку известного Президента, находящуюся в свойстве с родом Мортемар, который с нею пересекается; герцогиню Р..., которую я вам уже называл, графиню Ф..., дочь Академика, графиню Б., жену наполеоновского посланника в Швеции, а потом в Испании. Последняя принимает у себя дворянство времен империи, и я имел удовольствие видеть у ней маршала Сульта. Наконец, бываю у одной русской: г-жи Свечиной, о которой говорят здесь, что ее салон первый в Европе, потому что он первый в Париже. Правда, что нет личности, сколько-нибудь замечательной, которой бы нельзя было встретить у нее, даже теперь, когда, сделавшись чересчур набожной, она подвергает гостей своих слишком строгому выбору. — Затем следуют литераторы: Альфред де Виньи, Мериме, двое Тьерри, Мишель Шевалье, Ламартин, Шарль Нодье, которого я только что успел застать в живых, так как он теперь находится при последнем издыхании; мне, однако, удалось уловить несколько минут приятной беседы с ним накануне того самого дня, когда он так опасно занемог. Я посещаю здесь также некоторых русских. — Но что вынести из всего этого, что сказать вам о Париже и о его жителях? Начнем с самого города, с Парижа. Не хочу повторять уже сказанного мною о впечатлении на первый взгляд, об уличном движении, тем более, что вы, может быть, получили мое письмо; но я обозначу замеченные мною неточности в рассказах большей части путешественников. Во-первых, движение на улицах — преимущественно дело пешеходов, не причиняющих ни малейшей тесноты, и, принаровившись, заметно менее толпятся здесь, чем даже на наших бульварах в день какого-нибудь гулянья. Кареты, весьма немногочисленные, едут самой маленькой рысью и состоят большей частью из экипажей извощиков и омнибусов. Изредка увидишь экипаж богатого человека, заложенный парой чалого цвета лошадей, с кучером в ярко-пунцовых штанах, и все, что едет, очень почтительно к пешему обладателю улиц, — а он, этот властелин, как бы новый Протей, топчет тротуары в тысяче разнообразных видов: в блузе, сюртуке и т. п. Вы не въезжаете в ворота домов и не выезжаете из них в карете; остановившись у ворот, вы звоните и входите в отменно чистый двор, через который отправляетесь пешком куда вам нужно. Этого обычая не всегда

придерживаются в Сен-Жерменском предместьи; но предместье довольно безлюдная часть города, и потому такого рода мера, принимаемая для предупреждения несчастных случаев, там не так настоятельно требуется. — Весь Париж — лавка: все первые этажи домов в магазинах. Где бы вы ни поселились, у вас везде почти все под рукою, не только необходимое, но даже предметы роскоши; но все довольно посредственного качества. — Париж, в целом, великолепен, в частностях — это изукрашенные безделушки. Рассматривая его с этой точки зрения, я припоминал эти два стиха Вольтера:

И благо общее, в хаόсе роковом,
Из бедствий каждого составите вы в нем.

Впрочем, для того, чтобы почувствовать неточность применения, надо знать, что более ровное распределение земных благ в значительной мере содействовало благополучию Франции, наделив ее большим числом людей умеренно-счастливых и умеренно-довольных. Общая физиономия народа, как она представляется свежему взгляду путешественника, не обманчива. Во всех французах есть что-то довольное своей судьбой, чего я не замечал в народонаселениях других стран. Учтивость, благорасположение, приветливость даже в низших слоях народа, доказывающие, что в ежедневном расположении духа он чужд той ожесточенной раздражительности, которую я встречал везде, кроме Франции, — в этом явный признак лучших учреждений в стране. Возвращаюсь к материальному; вы найдете все, что угодно, в Пале-Ройяле — это Парижский Гостиный двор; но он гораздо великолепнее Петербургского и даже Московского; он освещен всякий вечер газом и освещен так, как наши города были освещены только раз, в тот день, когда праздновали вшествие наших войск в тот город, из которого я пишу к вам; со всем тем, владелец каждой лавки не имеет и двадцати тысяч франков капитала; предметы истинной роскоши рассыпаны там и сям; богатый принужден отыскивать, что хочет купить, в двадцати различных местах. Жизнь в Париже подчинена такому порядку, что можно бы предположить здесь строгую нравственность; ее еще нет, но ей решительно уже положены первые основания. Вы должны предуведомить привратника, когда намерены возвратиться домой после полуночи, и вообще, в этот час никого не встретишь на улицах Парижа, и там водворяется тишина, как бы в деревне».

Изд. 1869. С. 461—464 (текст), 514—517 (перевод И. С. Тургенева). Датируем по словам из начала письма, где говорится, что первое письмо из Парижа маменька не получила. Если действительно Боратынский писал маменьке сразу после приезда (ок. 16 ноября), то это письмо он мог отправить через 3—4 недели.

ДЕКАБРЬ, первая половина. Париж. Боратынский — Путятам в Петербург (без даты): «Хорошо, что я проведу в Париже одну только зиму, а то из человека с некоторым смыслом я бы сделался совершенным зевакой, а что хуже — светским человеком. Не я один, все парижане с одиннадцати часов утра до 12 вечера на ногах и проводят часы в визитах. Для настоящих парижан, имеющих свои виды, то деловые, то политические, посещающих каждое лицо с известною целию, эта жизнь не совсем убийственна; но для заезжего, несмотря на любопытство, она утомительна до крайности. Несмотря на приветливость лиц, на новость явлений, чувствуешь недостаток прямых отношений, и, если бы я был в Париже без семейства, не знаю, вынес ли бы я подобное существование. Первые мои знакомые вовлекли меня в faubourg St.-Germain, к m-me Fantone, к m-me d'Aguesseau, К<нягине> Голицыной, старой пассии нашего Д. Давыдова, когда она была Золотницкой <точнее: Золотаревой>. Тут собираются академики и католические прозелиты обоих полов. Все это работает вертограду господню в смысле аббатов. По довольно уединенным улицам славного предместья бегают с озабоченным видом латинские

попы в таком множестве, что если б по русскому обычаю от всех отплевываться, можно получить чахотку. Circourt познакомил меня с Виньи, двумя Тьери, Нодье, St.-Beuve, Соболевский с Merimée и m-me Ancelot, случай — с прежним издателем одного из крайних республиканских журналов, через которого я надеюсь добраться до Ж. Занд. Познакомился или возобновил знакомство с некоторыми земляками. Русские ищут русских в Париже и вообще в чужих краях. Самые ветреные из них догадываются, что у нас есть на сердце, и готовы на сантиментальность. Общества с точки зрения политической представляют самый печальный факт. Легитимисты, умные без надежды, безрассудные по неисправимой привычке, преследуют идеи своей партии и отслужили ей в Лондоне вместе смешную и трогательную панихиду. Республиканцы теряются в теориях без единого практического понятия. Партия сохранительная почти ненавидит ее настоящего представителя, избранного ею короля. Всюду элементы раздоров. Движение попов, воскресших для надежд бедственных, ибо под личиною мистицизма они преследуют мысль возврата прежнего своего владычества. Вот Франция! А в парижских салонах конституция французской учтивости мирно собирает умных, сильных, страстных представителей всех этих разнородных стремлений. Обнимаю вас обоих и всех ваших и наших ребятишек. В следующем письме сообщу вам подробности о всех названных мною лицах».

Путята 1867. Ст. 287—289. Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 70 об. — 72; на л. 71—71 об. письмо Настасьи Львовны. Текст уточнен по копии Н. В. Путяты — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5212. Л. 1. Датировка предположительная.

ДЕКАБРЬ ?.... МАРТ 1844 года. Париж. Записка Боратынского Н. М. Сатину или Н. П. Огареву: «К крайнему моему сожалению, я не могу располагать сегодняшним днем. Увижу Вас в самом скором времени, тем более, что на будущей неделе еду суток на двое в Версаль. Примите уверения в искреннем дружеском чувстве — преданного Вам Е. Боратынского».

Фризман 1966а. С. 251 (по автографу — РГАЛИ. Ф. 359. Оп. 1. № 95).

ДЕКАБРЬ, 25. Петербург. Вяземский — А. И. Тургеневу в Париж: «<...> Боратынскому мой сердечный привет. Дай ему раскусить Париж и дай особенно же Парижу раскусить его. Я не знаю человека умнее и приятнее его <...>».

ПД. Ф. 309. № 4715. Л. 172 (сообщено В. А. Мильчиной).

ДЕКАБРЬ, конец месяца. Париж. Боратынский — Путятам в Петербург (без даты): «Поздравляю вас, любезные друзья, с новым годом, обнимаю вас, ваших и наших ребятишек; желаю вам его лучше парижского, который не что иное, как привидение прошлого, в морщинах и праздничном платье. Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо; поздравляю вас с нашими степями, ибо это простор, который ничем не заменят здешние науки; поздравляю вас с нашей зимой, ибо она бодра и блистательна и красноречием мороза зовет нас к движению лучше здешних ораторов; поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе 12-ю днями других народов и посему переживем их, может быть, 12-ю столетьями. Каждую из этих фраз я могу доказать ученым образом; но теперь не время, оставим это до дня свидания, ибо из русских писателей нет ни одного, который менее бы любил писать того, который вас так нежно любит. Поклон мой Соболевскому и Плетневу, которым собираюсь писать, не знаю о чем от многосложности предметов; но постараюсь что-нибудь выразить со всею правдой, которая от меня зависит. — Е. Боратынский».

Путята 1867. Ст. 289—290. Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 76—76 об. Датируется по новогодним поздравлениям.

1844

Боратынский в Париже — до конца марта; затем — поездка через всю Францию в Марсель и оттуда — в апреле — на пироскафе по Средиземному морю — в Неаполь.

ЯНВАРЬ. Париж. Боратынский — Путятам в Петербург (без даты): «Последнее письмо Сонички принесло нам весть о вашей общей великой потере <смерть отца Путяты — Василия Ивановича — 4 дек. 1843>. Ты не можешь сомневаться в полноте участия, которое мы в ней принимаем. Память твоего почтенного отца принадлежит не одной твоей сыновней скорби, но всем, которые его знали и ценили; она принадлежит истории в гражданской истории 12-го года. Ты проводишь тяжелую зиму: столько сердечных потрясений и столько забот положительных. Моя здешняя жизнь тоже не восхитительна. Буду доволен Парижем, когда его оставлю. Для чужеземца, не принимающего ни в чем страстного участия, холодного наблюдателя, светские обязанности, дающие пищу одному любопытству, часто обманутому в своих ожиданиях, отменно тяжелы. Бываю везде, где требуется, как ученик в своих классах. Масса сведений и впечатлений, конечно, вознаградит меня за труд, но все-таки это труд, а редко-редко наслаждение. В одном из писем Вяземского к Тургеневу помещено несколько строк <см. 1843, дек. 25>, для меня особенно благоволительных. Скажи ему при случае, что я был ими очень тронут и что они сохраняются в том чувстве, которое так хорошо назвали сердечною памятью. Бедный Тургенев <Александр Иванович> болен почти с моего приезда в Париж: это сиятика в руке и рюматизмы в боках. По словам его, этими недугами он обязан тому, что где-то в Германии, отыскивая Жуковского, упал в ручей, продрог и с тех пор не может оправиться. Он не оставляет кресел, а для человека такого деятельного, как он, это хуже самой болезни. Мы разъезжаем по вечерам fb. St.-Germain, верные покуда что православной греко-российской церкви. Католический прозелитизм здесь несносен. Меня заставили прочесть кучу скучных книг, и теперь у меня лежит на столе: «Institut des Jesuits» отца Равиньяна. Как ты думаешь, что это такое? Изложение статутов ордена, писанное с простотою младенца или невинностью старика, потерявшего память, человеком лет сорока, замечательным своею ученостью и дарованиями. Вот мое определение этого произведения: livre niais, écrit pour les niais par un homme qui n'est pas niais <приглуповатая книга для приглуповатых читателей, написанная отнюдь не дурачком>. Вижу здесь почти всех авторов. Завтра буду у Ламартина. Тьери обещал представить меня Гизоту. С тех пор как он министр, доступ к нему довольно труден. У меня начаты письма к Плетневу и Соболевскому и не окончены за парижской суматохой. Кланяюсь им обоим. Вчера с Настинькой были мы на бале de l'ancienne liste civile <старинной знати> и видели в полном блеске всю французскую аристократию. Будьте здоровы, обнимаю вас и детей».

Путята 1867. Ст. 290—292. Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 73—74; на л. 74 об. приписка Настасьи Львовны.

ЯНВАРЬ, 25 (13). Париж. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «У меня Баратынский: читали письмо князя Вяземского». См. 1843, дек., 25.

ПД. Ф. 309. № 320. Л. 16 об. (сообщено В. А. Мильчиной).

МАРТ, 3. Париж. Н. М. Сатин — Н. Х. Кетчеру: « <...> Вне нашего маленького кружка из русских мы довольно сблизились здесь с Ев. Баратынским и нашли в нем теплую, живую душу <...>».

Цит. по: *Хетсо*. С. 238.

АПРЕЛЬ, до 5—6 (МАРТ, до 24—25). Париж. Боратынский — Путятам в Петербург (без даты): «Благодарю тебя за желание моего портрета. Жаль, что получил твое письмо перед самым нашим отъездом в Италию, однако ж постараюсь удовлетворить твоей дружеской прихоти в Париже, где, по твоему совету, можно литографировать несколько экземпляров. Если не успею (ибо время нудит), то оставлю это до Рима. Мы едем из Парижа с впечатлениями самыми приятными. Наши здешние знакомые нам показали столько благоволительности, столько дружбы, что залечили старые раны. Здесь нам дали рекомендательные письма в Неаполь, Рим и Флоренцию. Там, как здесь, мы можем, если захотим, познакомиться с обществом; но, кажется, мы на это не найдем досуга. Есть лица в Париже, которые мы покидаем даже с грустию. Путешественник должен быть путешественником: ему не следует нигде заживаться, если хочет в самом деле пользоваться своим мизантропическим счастием. Мы едем на Марсель; оттуда, морем, прямо в Неаполь, а потом сухим путем в Рим и проч. и воротимся в Россию через Вену. Я с вами увижусь, богатый воспоминаниями всякого рода. Я уставал от парижской жизни, но теперь, прощаясь с нею, доволен прошедшим. Перестал к вам писать собственно о Париже, потому что всякий день мнение мое изменялось. К тому ж надобно родиться в Париже, чтоб посреди его требований и рассеяний находить досуг для мысли и для письменного выражения. Русский видит и не верит, что эту самую жизнь ведут здешние ученые, беспрестанно усовершенствуясь в науке и каждый год печатая какую-нибудь книгу. Обнимаю вас, мои милые, равно ваших и наших детей. Хотя хорошо за границей, я жажду возвращения на родину. Хочется вас видеть и по-русски поболтать о чужеземцах. Балабин вам кланяется. Умный, добрый, просвещенный и любезный».

Путята 1867. Ст. 292—293. Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 78—79 об. Датируется по словам о скором отъезде из Парижа и по соотношению со словами из нижеследующего письма к маменьке о том, что путешествие из Парижа в Марсель заняло 4 дня и 5 ночей. Следовательно, если Боратынские были в Марселе около 10 апр., они выехали из Парижа около 5—6 апр.

АПРЕЛЬ, 5—6 (МАРТ, 25—26). Боратынские едут из Парижа в Марсель. — Подробности см. в след. письме.

АПРЕЛЬ, около 10 (МАРТ, около 29). Марсель. Боратынский — маменьке в Мару (на фр. яз.; без даты): «C'est Marseille que je vous écris...» — Перевод: «Из Марселя пишу к вам, любезная маменька, после путешествия в дилижансе в продолжение четырех дней и пяти ночей. Мы собираемся отправиться в Неаполь морем, оттуда проедем по Италии через Рим, Флоренцию и вернемся в Россию через Вену. Пробыв пять месяцев в Париже, мы заметили две вещи: что мы видели там почти все занимательное, достаточно часто бывали в обществе, чтобы вполне ясно представлять его отличия от нашего, и что, наконец, мы издержались менее, чем предполагали. И вот мы у берегов Средиземного моря, после того как пересекли радующую взор живописную страну, сейчас всю в зелени и цветах. Впрочем, я оставил Париж с сожалением, несмотря на утомительную жизнь, которую вел. Прекрасный прием я нашел там везде, а вместе мы — у некоторых (истинно любезных) лиц. Дети всю зиму были прилежны и весьма развились во многих отношениях. Теперь мы устремлены в прекрасную и классическую Италию, но замечу: жизнь в чужих краях тем особенно прекрасна, что начинаешь больше любить свое отечество. Благоприятства более теплого климата не столь велики, как думают, достижения цивилизации не столь блестящи, как полагают. Жители, коих я видел доселе, не стоят русских ни сердцем, ни умом. Они тупы в Германии, без стыда и совести во Франции, прибавьте к тому, что французы большие мастера только лишь в дурачествах. Я вернусь в свое отечество исцеленным от многих предубеж-

дений и полным снисходительности к некоторым действительным недостаткам, которые у нас есть и которые мы с удовольствием преувеличиваем. Прощайте, любезная и милая маменька, до Неаполя, обнимаю сестер и братьев и целую ручки любезной тетушке. Надеюсь где-нибудь в Италии привести в порядок свои воспоминания о Париже: там этого невозможно было сделать из-за умножающихся впечатлений и неупорядоченной жизни».

П. С. 243—244 (по копии ПД. № 21.731. Л. 60 об.; дата: 1844, апр., нач.). Уточнение даты сделано по письму Настасьи Львовны к С. М. Боратынской, видимо, отправленному из Марселя одновременно с письмом к маменьке. См. след. дату.

АПРЕЛЬ, до 10 (МАРТ, до 29). Марсель. Настасья Львовна — Софии Михайловне Боратынской в Петербург (на фр. яз.; без даты). — Перевод: «Христос воскресе, добрая, милая Софи, поздравляю и обнимаю от всего сердца вас, Сергея и детей. Мы не получили от вас ни единой строчки, никакого известия, дорогой мой друг, и хотя я прекрасно знаю, что не вправе вас ни в чем упрекать, я все же не могу удержаться от мысли, что хотя бы мое последнее письмо заставит вас умилосердиться и написать нам несколько слов. Я пишу вам из Марселя, мы остаемся здесь дольше, чем предполагали, из-за отсутствия пироскафа, но мы так уже устали, что даже не сердимся на это промедление. Мы рассчитываем проехать по Италии летом, передвигаясь равно по воде и посуху; по словам всех путешественников, это наилучшее время для того, чтобы увидеть этот край во всем его блеске, не говоря уже о неприятностях зимы, проведенной в стране, где против холода не предпринимают предосторожностей. Этой зимой в Париже было много русских, и в числе тех, с кем мы познакомились, весьма приятные люди; наше общение с французами также оставило нам теплые и благодарные воспоминания. Я ни о чем не рассказываю вам подробно, потому что вся эта оглушительная парижская жизнь действительно не позволяет собрать впечатления и расположить их в порядке. Вероятно, спустя некоторое время я смогу быть более обстоятельной; оставаясь в ожидании, дорогая Софи, я снова поручаю себя вашему великодушию и настоятельно прошу вас писать ко мне. На всякий случай посылаю вам адреса обоих наших банкиров: г-н Торлониа и комп. в Риме и г-н Эм. Фенци и комп. во Флоренции; пишите сначала название города, затем нашу фамилию по-французски, далее: просьба передать через г-на Торлониа и комп. и, наконец, то же самое во Флоренцию. Сейчас мы отправляемся прямиком в Неаполь, но пробудем там очень недолго, для того только, чтобы получить письма. Прощайте, добрая и милая Софи, будьте здоровы, думайте о нас и пишите нам. Прошу передать мой поклон тетушке. — Эти письма я адресую Софи <С. Л. Путята> для пересылки вам, предполагая, что будь они отправлены к вам напрямую, вы бы их не получили».

ПД. № 26.440. Л. 13—14 об. Адрес на конверте: «С-Петербург Россия — Г-же Софии Боратынской — Его высокородию милостивому государю Николаю Васильевичу Путята — Покорнейше прошу доставить Софье Михайловне Боратынской — В Коломне против Никола Морского за большим театром дом Плески. С-Петербург». Датируется по штемпелям: *Marseille 10 Avril 1844, Lyon 11 avril 1844, Berlin 17 4, Получено 1844 Апреля 22 Утро*. Публикация и перевод Е. Э. Ляминой.

АПРЕЛЬ, середина месяца — вторая половина. Боратынские на пироскафе прибыли в Неаполь. Во время пути Боратынский пишет стих. **«Пироскаф»** и, может быть, **«Дядьке-итальянцу»**.

АПРЕЛЬ, конец месяца — МАЙ, начало месяца. Неаполь. Боратынский — Путятам в Петербург (без даты): «Пятнадцать дней, как мы в Неаполе, а кажется, живем там давно от полноты однообразных и вечно новых впечатлений. В три дня, как на крыльях, перенеслись мы из сложной общественной жизни Европы в роскошно-вегетативную жизнь Италии — Италии, которую за все ее заслуги до-

лжно бы на карте означать особой частью света, ибо она в самом деле ни Африка, ни Азия, ни Европа. Наше трехдневное мореплавание останется мне одним из моих приятнейших воспоминаний. Морская болезнь меня миновала. В досуге здоровья я не сходил с палубы, глядел днем и ночью на волны. Не было бури, но как это называли наши французские матросы: très gros temps <крепкая погода>, следственно, живость без опасности. В нашем отделении было нестраждущих один очень любезный англичанин, двое или трое незначущих лиц, неаполитанский maestro музыки, Николинька <младший сын> и я. Мы коротали время с непринужденностью военного товарищества. На море страх чего-то грозного, хотя не вседневного, взаимные страдания или их присутствие на минуту связывают людей, как будто бы не было не только московского, но и парижского света. На корабле, ночью, я написал несколько стихов <«Пироскаф»>, которые, немного переправив, вам пришлю, а вас попрошу передать Плетневу для его журнала. — Вот Неаполь! Я встаю рано. Спешу открыть окно и упиваюсь живительным воздухом. Мы поселились в Villa Reale, над заливом, между двух садов. Вы знаете, что Италия не богата деревьями: но где они есть, так они чудно прекрасны. Как наши северные леса, в своей романтической красоте, в своих задумчивых зыбях выражают все оттенки меланхолии, так ярко-зеленый, резко отделяющийся лист здешних деревьев живописует все степени счастья. Вот проснулся город: на осле, в свежей зелени итальянского сена, испещренного малиновыми цветами, шажком едет неаполитанец полуголый, но в красной шапке; это не всадник, а блаженный. Лицо его весело и гордо. Он верует в свое солнце, которое никогда его не оставит без призрения. — Каждый день, два раза, утром и поздно вечером, мы ходим на чудный залив, глядим и не наглядимся. На бульваре Chiaja, которого подражание мы видим в нашем московском, несколько статуй, которые освещает для нас то итальянская луна, то итальянское солнце. Понимаю художников, которым нужна Италия. Это освещение, которое без резкости лампы выдает все оттенки, весь рисунок человеческого образа во всей точности и мягкости, мечтаемой артистом, находится только здесь под этим дивным небом. Здесь, только здесь, может образоваться и рисовальщик и живописец. — Мы осмотрели некоторые из здешних окрестностей. Видели, что можно видеть, в Геркулануме; были в Пуцоле, видели храм Серапийский; но что здесь упоительно, это то внутреннее существование, которое дарует небо и воздух. Если небо, под которым Филемон и Бавкида превратились в деревья, не уступает здешнему, Юпитер был щедро благ, а они присноблаженны.— Мы останемся здесь на два или три месяца. В продолжение нашего морского путешествия у Настиньки воротились ее нервические рюматизмы с постоянною болью в желудке. Один из лучших здешних докторов, которого нам рекомендовала княгиня Волконская, настоятельно ей предписал морские ванны и здешнюю железную воду. Все это у нас через улицу и нипочем. С <С. С.> Хлюстиным, которого внезапная болезнь удержала в Кенигсберге, я полагал получить от тебя хозяйственное письмо <Хлюстин, однако, уже умер — 24 марта>. Повтори свои подробности, дабы я мог распорядиться моими делами. В моем кредитиве нет Неаполя. Пришли мне, сделай одолжение, еще кредитив тысяч в пять на Неаполь и другие города, которые нам придется проезжать, предполагая, что мы в Россию воротимся через Вену. Нежно вас обнимаю, равно как всех ваших и наших ребятишек».

Путята 1867. Ст. 294—297. Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 80—81; на л. 81—81 об. приписка Настасьи Львовны. Датировка предположительна.

МАЙ—ИЮНЬ. Неаполь. Два письма Боратынского — Путятам в Петербург (без дат):

1. «С нетерпением ждем от вас письма еще более успокоительного насчет Насти <старшей дочери Путят> и вас самих. Несмотря на то, что горькое время

для вас миновалось, мы не могли прочесть последнего вашего письма без содрогания, думая о том, что вы претерпели. Отдыхаем с вами вместе, полагаясь на милость Божию, уже так явную. Мы живем в Неаполе как в деревне: дни наши монотонны, но небо, но воздух, но море, но юг вообще не дают времени ни скучать, ни задумываться. Каждый день наслаждаюсь одним и тем же и всегда с новым упоением. Жары не несносны, в России иногда бывает удушнее. Веселый нрав неаполитанцев, их необыкновенная живость, беспрестанные катанья, процессии, приходские праздники с феерверками, все это так ярмарочно, так безусловно весело, что нельзя не увлечься, не отдаться детски преглупому и пресчастливому рассеянию. Мне эта жизнь отменно по сердцу: гуляем, купаемся, потеем и ни о чем не думаем, по крайней мере, не останавливаемся долго на одной мысли: это не в здешнем климате. Обнимаю вас, милую Настю и остальных ваших и наших ребятишек. В другой раз буду писать подробнее, а теперь спешу, чтобы не упустить почты. Бог вас береги всех!»

2. «Мы получили разом несколько ваших писем, потому что догадались написать в Рим и Флоренцию, чтобы нам их переслали в Неаполь. Обстоятельства принуждают нас пробыть здесь гораздо долее, чем мы предполагали, и вместо конца августа насилу к концу ноября мы можем возвратиться в Россию. Прошу за меня похозяйничать. Сроки платежей в Опекунский совет по моему тамбовскому имению в июне и в июле, сколько мне помнится, и две прошлогодние квитанции я оставил тебе, друг Путята. Надобно внести по ним половину. Квитанции по имению Насти находятся у Дмитрия: всем им срок в октябре; по ним надобно внести треть, что, по моему счету, он может сделать из доходов дома; но я не знаю, как идут наймы, почему нужно тебе взять на себя хлопоты распоряжения. Последнее и главное. Отъезжая за границу, я занял у одной московской барыни, которой даже имени не помню, но ее и ее собственный дом знает Бекер, 32 т. по 9 процентов, которые она взяла вперед. Мне необходимо уплатить этот частный долг, на что и надо употребить все наши доходы нынешнего года, за исключением того, что мы вам должны, и пяти тысяч, которые я просил тебя переслать нам в Неаполь. Недостающую сумму взять из лесной кассы: она пойдет в уплату долга вашего мне за мурановский дом и лесную операцию. Если, как вероятно, это все вместе еще не составит 32 т., то уплатить ей, что возможно, для этого надо употребить Бекера. Посылаю вам два стихотворения <«Пироскаф» и «Дядьке-итальянцу»>. Отдайте их Плетневу для его журнала. На днях я вам адресую письма к нему, Соболевскому и Вяземскому. Пожалуйста, перешлите. Мы ведем в Неаполе самую сладкую жизнь. Мы уже видели все здешние чудесные окрестности: Пуцоли, Баию, Кастеламаре, Соренту, Амальфи, Салерну, Пестум, Геркуланум, Помпею. Теперь неделя наша проходит для детей в уроках, а каждое воскресенье мы делаем une partie de plaisir, осматривая здешние церкви, дворцы и замки, или просто едем за город в какую-нибудь деревушку. Нежно обнимаю вас обоих, ваших и наших детей. — Е. Боратынский».

Путята 1867. Ст. 297—298. Автограф — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 82—85 об.; на л. 85 об. приписка Настасьи Львовны.

ИЮНЬ, 25. Москва. «<...> Кстати о пьянстве. И. В. <Киреевский> уверяет меня серьезно, что из того приема, с каким я беру в руки рюмку вина, ясно, что я имею наклонность к пьянству и что я напомнил ему этим двух его друзей – Рожалина (покойник был пьяница) и Баратынского <...>».

Грановский. Изд. 1897. Т. 2. С. 259.

ИЮЛЬ, 10 (ИЮНЬ, 28). Неаполь. Занемогла Настасья Львовна Боратынская.

ИЮЛЬ, 11 (ИЮНЬ 29). Четверть седьмого утра. **Неаполь.** Боратынский скоропостижно умер. — «Жена его была больна, и накануне доктор настаивал на необходимости пустить ей кровь. Это так встревожило Баратынского, что к ночи он сам занемог, а на другой день рано утром его не стало».

Путята 1867. Ст. 298.

ИЮЛЬ, 22. Петербург. Вышел «Современник» (1844. Т. 35 <№ 8>), где опубл. стих. **«Пироскаф»** (С. 215—216; подпись *Е. Баратынскiй. Средиземное море. 1844*) и **«Дядьке-итальянцу»** (С. 217—221; подпись *Е. Баратынскiй. Неаполь. 1844*).

РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 39 (дата).

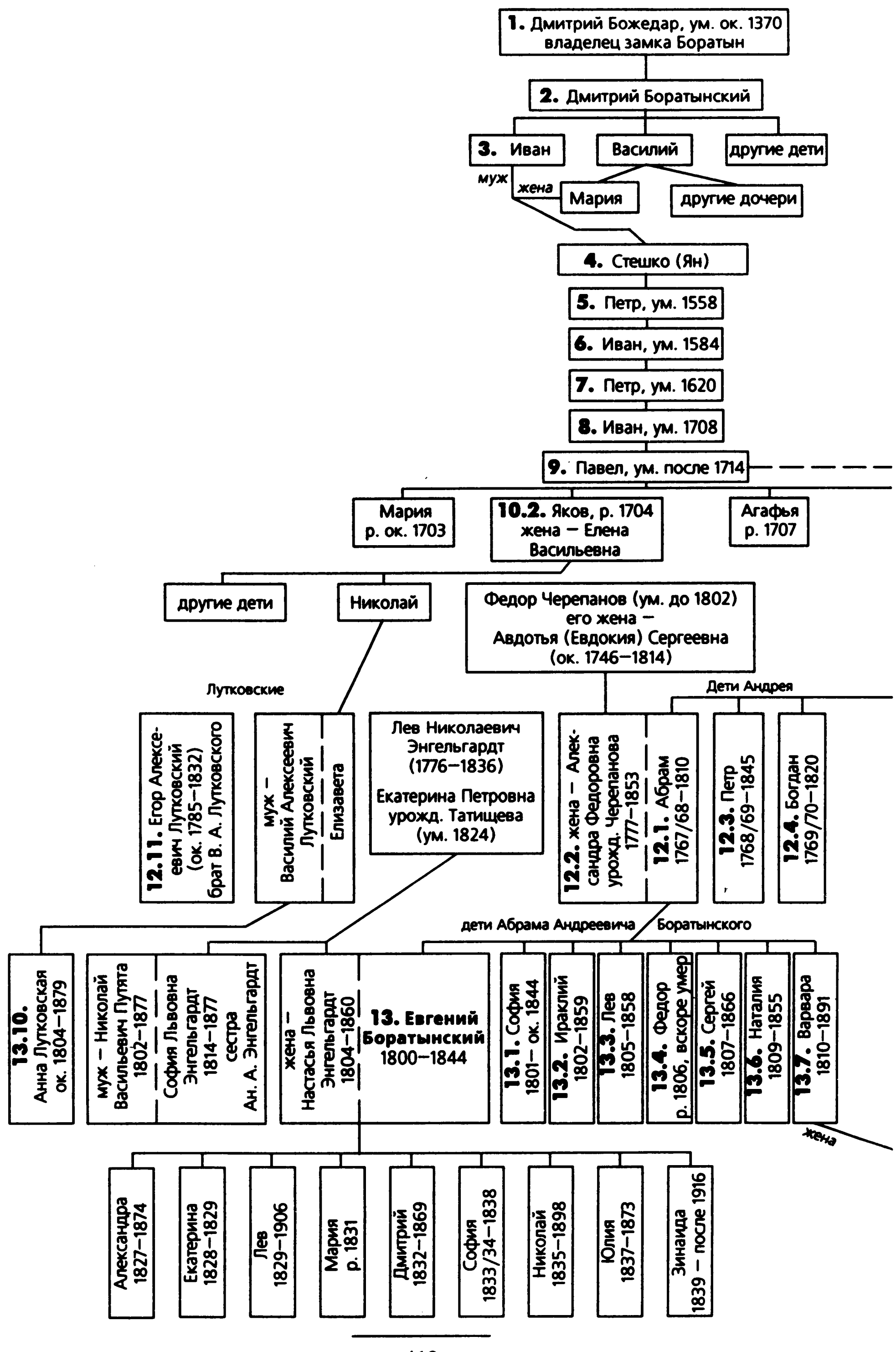
1845

АВГУСТ. Кипарисовый гроб с останками Боратынского морем доставлен из Неаполя в Петербург.

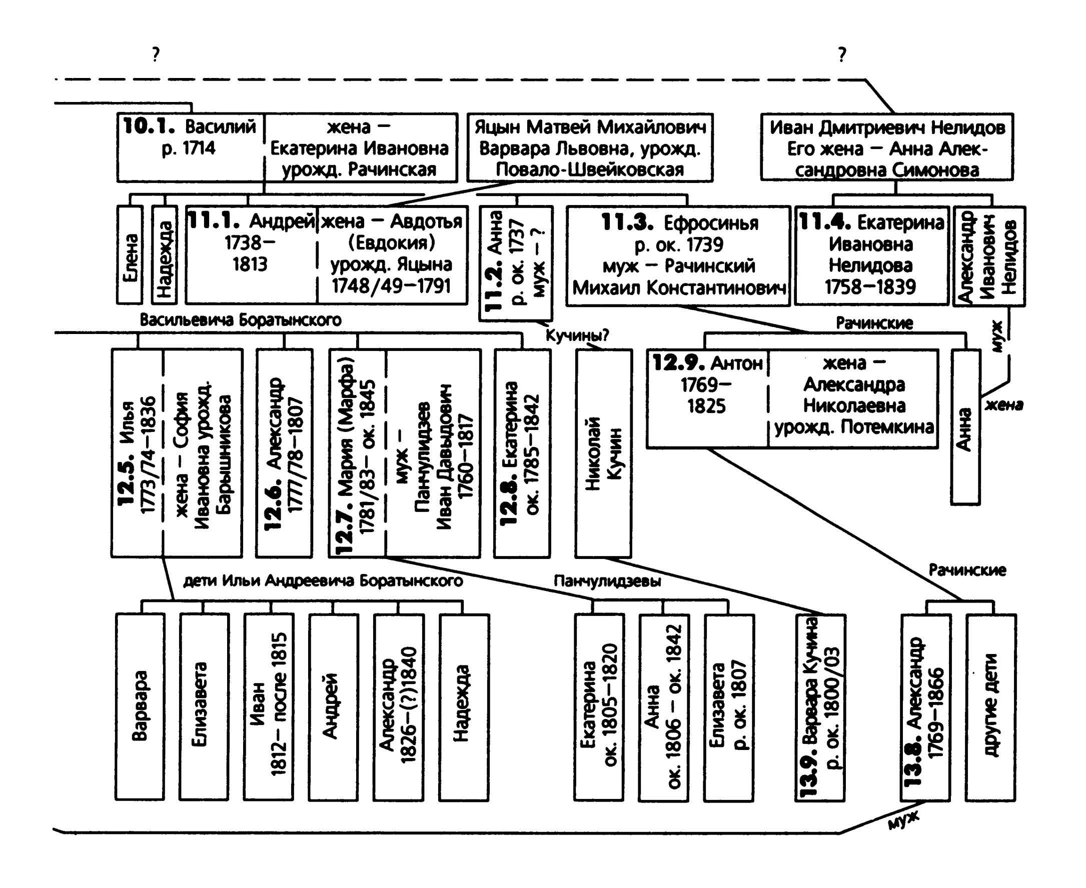
АВГУСТ, 31. Петербург. Похороны на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

По описанию Н. В. Путяты (см. *Путята* 1867. Ст. 298) похороны прошли «в присутствии семейства покойного и нескольких его приятелей: кн. П. А. Вяземского, П. А. Плетнева, кн. В. Ф. Одоевского и др. На памятнике, воздвигнутом его вдовою, изображены в медальоне черты его с следующею надписью из его стихотворения «Отрывок»:

В смиреньи сердца надо верить
И терпеливо ждать конца».

1. Дмитрий Божедар, ум. ок. 1370 владелец замка Боратын
2. Дмитрий Боратынский
3. Иван
Василий
другие дети
муж
жена
Мария
другие дочери
4. Стешко (Ян)
5. Петр, ум. 1558
6. Иван, ум. 1584
7. Петр, ум. 1620
8. Иван, ум. 1708
9. Павел, ум. после 1714
Мария р. ок. 1703
10.2. Яков, р. 1704 жена – Елена Васильевна
Агафья р. 1707
другие дети
Николай
Федор Черепанов (ум. до 1802) его жена – Авдотья (Евдокия) Сергеевна (ок. 1746–1814)
Лутковские
Дети Андрея
12.11. Егор Алексеевич Лутковский (ок. 1785–1832) брат В. А. Лутковского
муж – Василий Алексеевич Лутковский
Елизавета
Лев Николаевич Энгельгардт (1776–1836)
Екатерина Петровна урожд. Татищева (ум. 1824)
12.2. жена – Александра Федоровна урожд. Черепанова 1777–1853
12.1. Абрам 1767/68–1810
12.3. Петр 1768/69–1845
12.4. Богдан 1769/70–1820
дети Абрама Андреевича Боратынского
13.10. Анна Лутковская ок. 1804–1879
муж – Николай Васильевич Путята 1802–1877
София Львовна Энгельгардт 1814–1877 сестра Ан. А. Энгельгардт
жена – Настасья Львовна Энгельгардт 1804–1860
13. Евгений Боратынский 1800–1844
13.1. София 1801– ок. 1844
13.2. Ираклий 1802–1859
13.3. Лев 1805–1858
13.4. Федор р. 1806, вскоре умер
13.5. Сергей 1807–1866
13.6. Наталия 1809–1855
13.7. Варвара 1810–1891
жена
Александра 1827–1874
Екатерина 1828–1829
Лев 1829–1906
Мария р. 1831
Дмитрий 1832–1869
София 1833/34–1838
Николай 1835–1898
Юлия 1837–1873
Зинаида 1839 – после 1916

РОДОСЛОВНАЯ Е. А. БОРАТЫНСКОГО

РОДОСЛОВНАЯ Е. А. БОРАТЫНСКОГО
Пояснения

1. ДМИТРИЙ БОЖЕДАР (БОЖИДАР) (ум. ок. 1370) — владелец замка Боратын (Богом ратуемый) (ныне село Боратынь Бродовского р-на Львовской обл.).

2. ДМИТРИЙ БОРАТЫНСКИЙ (вторая половина XIV — начало XV в.), сын Дмитрия Божедара.

3. ИВАН БОРАТЫНСКИЙ (середина XV в.), сын Дмитрия Боратынского, наследовавший Боратын; был женат на своей племяннице — Марии Боратынской, дочери его брата Василия.

4. СТЕШКО БОРАТЫНСКИЙ (вторая половина XV — начало XVI в.), сын Василия и Марии Боратынских; перешел в католичество и принял новое имя — ЯН.

5. ПЕТР БОРАТЫНСКИЙ (ум. 1558, Краков), сын Стешко-Яна, один из приближенных короля Сигизмунда-Августа; на его могильной плите была следующая надпись: «Петру Боратынскому, кастелану Бельсина и капитану Самбора, отмеченному знатностью и воинской славою, происходящему из славного по отцу своему рода, знаменитого мудростью, красноречием и добродетелями духа» (перевод с лат.).

6. ИВАН (ЯН) БОРАТЫНСКИЙ (ум. 1584), сын Петра Боратынского; служил Сигизмунду-Августу.

7. ПЕТР БОРАТЫНСКИЙ (ум. 1620), сын Ивана (Яна) Боратынского. По некоторым сведениям, в родословной Боратынских содержится ошибка: Иван (Ян) Боратынский (№ 6) умер бездетным, и, соответственно, Петр Боратынский, умерший в 1620 г., происходит из другой ветви Боратынских (см. *Хетсо*. С. 2).

8. ИВАН БОРАТЫНСКИЙ (ум. 1708, Голощапово), сын Петра Боратынского; в 1660-е гг. поступил на службу к московскому царю Алексею Михайловичу, перешел из католичества в православие и получил за службу поместье Голощапово — около 150 верст к северу от Смоленска, в 7—8 верстах к востоку от крепости Белая (позднее город Белый) на реке Обша.

9. ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (ум. после 1714), сын Ивана Боратынского (№ 8); был в военной службе; по некоторым сведениям, умер в 1708 г., в чем можно сомневаться при сопоставлении с датой рождения его младшего сына Василия. Его дети: Яков (см. № 10.2), Василий (№ 10.1), Мария (р. ок. 1703), Агафья (р. ок. 1707).

10.1. ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (р. ок. 1714, Голощапово — ум. после 1742). Младший сын Павла Ивановича Боратынского (№ 9); его жена — Екатерина Ивановна, урожд. Рачинская. Дети В. П. Боратынского: Елена, Надежда, Андрей (см. о них: № 11.1), Анна (№ 11.2), Ефросинья (№ 11.3).

10.2. ЯКОВ ПАВЛОВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (р. ок. 1704 — ум. после 1755). Старший сын Павла Ивановича Боратынского (№ 9); в службе с 1720 г.; с 1755 — хорунжий в отставке. Его жена — Елена Васильевна. Их дети: Захар (р. ок. 1733 — ум. 1790-е). Степан, Григорий, Николай, Татьяна (р. ок. 1736), Пелагея, Настасья, Наталья, Лукерья. Потомство Якова Павловича жило в Бельском уезде, и, безусловно, Евгений Боратынский во время своего пребывания в Подвойском и Голощапове (лето 1816 — январь 1817, сентябрь 1817 — август 1818) познакомился с некоторыми из его внуков и правнуков. Внуки Якова Павловича, дети его старшего сына Захара Яковлевича: Любим (р. ок. 1778; в 1811 — мичман в отставке), Яков (р. ок. 1783; в 1811 — коллежский регистратор), Ферапонт (второе имя Богдан)

(р. 27.5.1784; в 1811 — подпоручик; в 1822—1823 — Бельский земский исправник); Алексей (1794—1849; поручик в отставке); Вера (в замужестве Болотникова); правнуки Якова Павловича, дети его третьего внука Ферапонта Захаровича: Дмитрий (р. ок. 1809), Александр (р. 23.10.1814), Иван, Иосиф, Никанор, Никодим, Мария, Николай. — О внуках и правнуках Якова Павловича по линии его сына Николая см. № 12. 10. и 13. 10.

11.1. АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (1738 — апрель 1813, Голощапово). Сын Василия Павловича Боратынского (№ 10.1), дед Евгения Боратынского. Сестры Андрея Васильевича — Анна (см. № 11.2), Ефросинья (см. № 11.3), Надежда и Елена: Надежда Васильевна и Елена Васильевна родились в середине 1730-х гг. в Голощапове и здесь же умерли после 1809—1810 г.; замуж не выходили. Евгений Боратынский познакомился с ними в период пребывания в Голощапове в 1808—1809 гг. — Андрей Васильевич в 1753 г. поступил рядовым в полк Смоленской шляхты; в 1765 г. вышел в отставку поручиком, поселился в Голощапове и вскоре полюбил Авдотью Яцыну (по другому правописанию — Яцинину), дочку помещика соседнего имения Подвойское — Матвея Михайловича Яцына (женат на Варваре Львовне, урожд. Повало-Швейковской). М. М. Яцын категорически отказал сватавшемуся Андрею Васильевичу, ибо собирался выдать дочь замуж за другого; но перед самым венчанием Авдотья Матвеевна упала в обморок, и отец отложил (или отменил) свое решение. Тогда Андрей Васильевич, переодевшись конюхом, проник во двор Яцыных, увез возлюбленную и тайно обвенчался с ней (см. М. С. 133). С 1785 г. Андрей Васильевич вступил в гражданскую службу: 10. 4. 1785 — титулярный советник; 1788—1790 — заседатель уездного суда в городе Белом; в 1797—1801 избирался дворянским предводителем Бельского уезда (честь, оказанная ему во многом благодаря высокому положению при императорском дворе его старшего сына Абрама). — Авдотья Матвеевна скоропостижно умерла 5.4.1791, по семейному преданию, на том же месте, где когда-то с ней случился обморок перед венчанием с нелюбимым женихом. — Дети Андрея Васильевича и Авдотьи Матвеевны: Абрам (см. № 12.1), Петр (№ 12.3), Богдан (№ 12.4), Илья (№ 12.5), Александр (№ 12.6), Мария (№ 12.7), Екатерина (№ 12.8).

11.2. АННА ВАСИЛЬЕВНА БОРАТЫНСКАЯ (р. ок. 1737, Голощапово). Сестра Андрея Васильевича Боратынского (см. № 11.1). Мы предполагаем, что она была замужем за помещиком из недалекого от Голощапова имения Горки — Александром Кучиным и что именно ее детьми были Николай, Марфа и Надежда Кучины. Николай Кучин — отец Вареньки Кучиной (см. № 13.9); Марфа Александровна и Надежда Александровна упоминаются в семейной переписке Абрама Андреевича, кроме того, известно, что у Марфы Александровны Евгений Боратынский гостил осенью 1816 г. (см. в его философическом письме: 1816, авг. — окт.). — Однако подчеркиваем, что вся эта реконструкция родственных связей А. В. Боратынской весьма гипотетична и нуждается в проверке.

11.3. ЕФРОСИНЬЯ ВАСИЛЬЕВНА БОРАТЫНСКАЯ (в замужестве РАЧИНСКАЯ) (р. ок. 1739, Голощапово). Младшая сестра Андрея Васильевича Боратынского (№ 11). Ее муж — Михаил Константинович Рачинский, помещик Смоленской губ.; их сын — Антон Михайлович Рачинский (см. № 12.9).

11.4. ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА (12.12. 1758, Климятино Дорогобужского уезда Смоленской губ. — 2.1.1839, Петербург; похоронена на Большеохтинском кладбище). Дочь Ивана Дмитриевича Нелидова и Анны Александровны (урожд. Симоновой); родственница Абрама Андреевича (№ 12.1) и его братьев, называвших ее тетушкой; реальная степень родства Нелидовой и братьев Боратынских не ясна (см. схему родословной); ее брат Александр Иванович Нелидов был женат на Анне Михайловне Рачинской, двоюродной сестре Абрама Андреевича. Е. И. Нелидова воспитывалась в Институте благородных девиц Смольного монастыря (1765—1776), после чего была определена фрейлиной Екатерины II. В 1780-е гг. приближена ко двору великого князя Павла Петровича и вплоть до 1798 г. находилась при Павле, имея на него сильное влияние (об этом периоде ее жизни см.: *Шумигорский Е. С.* Екатерина Ивановна Нелидова. СПб., 1898). Благодаря ее протекции возвысились многие ее родственники из Смоленской губ. (в их числе отец Евгения Боратынского — Абрам Андреевич и его братья — см. № 12.1, 12.3—5). После опалы, постигшей Нелидову в августе 1798 г., некоторые ее протеже (в частности, Абрам Андреевич) также впали в немилость Павла I. — И в пору своего могущества и позднее Нелидова покровительствовала

воспитанницам Института благородных девиц — среди них была и Александра Федоровна Черепанова (№ 12.2), мать Евгения Боратынского. Вероятно, Нелидова способствовала сватовству Абрама Андреевича к Александре Федоровне. После опалы Нелидова и Александра Федоровна поддерживали нерегулярную переписку.

12. Родители и ближайшие старшие родственники Евгения Боратынского:

12.1. Отец: АБРАМ (АВРАМ) АНДРЕЕВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (14.8.1767 или 1768 Голощапово, — 24.3.1810, Москва) — старший сын Андрея Васильевича и Авдотьи Матвеевны Боратынских. После неудачной попытки Андрея Васильевича определить сына в петербургский Сухопутный шляхетный корпус (1773), Абрам был записан в 1775 г. в л.-гв. Преображенский полк; явился в службу в 1785 г. и вскоре переведен в л.-гв. Семеновский полк подпрапорщиком; к концу 1785 г. получил чин сержанта гвардии; в 1790 г. благодаря протекции смоленской родственницы Е. И. Нелидовой (№ 11.4) вместе с тремя своими младшими братьями — Петром, Богданом и Ильей (№ 11.3—11.5) — Абрам был зачислен в военную команду великого князя Павла Петровича; 29.6.1790 после участия в морском сражении со шведами попал в плен, где пробыл 3 месяца. 30.1.1791 произведен в секунд-майоры и назначен командиром военной команды Павла Петровича; с 4.1.1793 — премьер-майор; с 1.6.1793 — подполковник; с марта 1796 — в опале: переведен в счетную экспедицию Адмиралтейской коллегии. При вступлении Павла на престол вновь обласкан: с 10.11.1796 — полковник; с 1.1.1797 — генерал-майор; с 17.5.1797 — командир л.-гв. Гренадерского полка. 29.1.1798 он женился на А. Ф. Черепановой (№ 12.2). 18.6.1798 произведен в генерал-лейтенанты, но вскоре попал в опалу, 6.9.1798 был уволен от службы, а около 25.9.1798 уехал с женой из Петербурга в Голощапово к отцу, прожил там 4 месяца и в феврале 1799 г. отправился в Вяжлю — тамбовское имение, подаренное ему и его брату Богдану Павлом I еще в декабре 1796 г. Абрам Андреевич жил здесь с семейством, разрастающимся год от года, девять лет. На 1804—1806 гг. был избран тамбовским губернским предводителем. Весной 1808 г., опасаясь чумы, идущей из соседней Саратовской губернии, Боратынские выехали в Голощапово — к Андрею Васильевичу, откуда в 1809 г. переехали в Москву, где Абрам Андреевич умер скоропостижно 24 марта 1810 г.; был похоронен на кладбище Спасо-Андроньева монастыря. — «Кротость есть основание его характера, нужно как-то особенно раздражить его, чтобы вынудить переступить границы его миролюбивого нрава. С виду он крепкого телосложения, но здоровьем вовсе не блещет и очень часто болеет» (из письма Е. И. Ланской к неустановленному лицу, 18.10.1806. — Мураново. Н-8; пер. с фр.).

12.2. Мать: АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА БОРАТЫНСКАЯ (в девичестве — ЧЕРЕПАНОВА) (21.3.1777 — 24.2.1853, Мара) — дочь подполковника (одно время был комендантом Петропавловской крепости) Федора Степановича Черепанова (ум. до 1802) и Авдотьи Сергеевны (ок. 1746 — июль 1814?) (о родителях Александры Федоровны мы судим, за неимением иных документов, по паспорту на выезд из Петербурга, выданному Авдотье Сергеевне Черепановой 10.1.1803, — хранится среди прочих бумаг Боратынских в РГАЛИ: Ф. 51. Оп. 1. № 182; о недоразумениях, связанных с публикацией вероятного портрета Авдотьи Сергеевны, см. примеч. к: 1814, июль (?). Брат Александры Федоровны — Федор (ум. 1809) воспитывался в Сухопутном шляхетном корпусе с 1779 г.; с 1793 г. служил во флоте — к 1803 г. капитан-поручик (ОМС. Т. 5. С. 326—327). Старшая сестра — Анна (в замужестве Лукашевич) (р. ок. 1775) выпущена из Смольного в 1794 г. (*Черепнин* 1915. Т. 3. С. 489); дочь Анны — Александра — жила некоторое время в Маре (ок. 1812—1813 гг.). Младшая сестра Александры Федоровны — Екатерина (см. № 12.12). — Александра Федоровна воспитывалась в Институте благородных девиц при Смольном монастыре одновременно с Марией Андреевной Боратынской (см. № 12.7), способствовавшей ее знакомству с Абрамом Андреевичем. 27.2.1797 Александра Федоровна выпущена из Смольного с высшей наградой — шифром (*Черепнин* 1915. Т. 3. С. 492; аттестат об окончании Института: ПД. № 21.813) и определена фрейлиной императрицы Марии Феодоровны. 29.1.1798 обвенчана в придворной церкви с Абрамом Андреевичем (в ту пору генерал-майором и командиром л.-гв. Гренадерского полка). После опалы, постигшей Абрама Андреевича, жила с ним в Голощапове (октябрь 1798 — февраль 1799), затем в Вяжле. После смерти Абрама Андреевича (24.3.1810) в течение года оставалась в Москве и весной 1811 г. вместе с детьми выехала в Мару, где жила почти безвыездно до смерти. В 1820-х гг. она страдала тяжелым душевным

недугом и пребывала «почти всегда в состоянии глубокой ипохондрии» (см. Летопись: 1833, ноябрь, 13).

12.3. ПЕТР АНДРЕЕВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (1768 или 1769, Голощапово — 5.11 или 17.11.1845, Петербург). Так же, как Абрам Андреевич, был записан отцом в детстве в л.-гв. Преображенский полк, с 1785 г. в службе в л.-гв. Семеновском полку (вместе с братом); в 1790 г. взят в команду великого князя Павла Петровича; с 1.1.1791 — капитан армии; с 8.2.1793 — капитан-лейтенант флота; в 1793—1797 — ежегодно находился в плавании; с 18.12.1796 — майор; с 12.2.1798 — полковник; с 1.2.1801 — генерал-майор. С конца 1790-х Петр Андреевич служил при Морском корпусе в Петербурге. 13.9.1821 произведен в генерал-лейтенанты с назначением присутствовать в Сенате. Женат не был. К концу жизни у него было в Петербурге два дома — на Сенной ул. и на Кузнецкой ул. — и дача на 10-й версте Царскосельского шоссе, неподалеку от Чесменского дворца (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 84). Евгений Боратынский во время своей жизни в Петербурге не однажды жил и бывал у Петра Андреевича.

12.4. БОГДАН АНДРЕЕВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (16.1.1769 или 1770, Голощапово — 23.4.1820, Москва). Имя, данное Богдану Андреевичу при крещении — Климент, ни в семье, ни на его службе не использовалось. В мае 1785 г. Богдан Андреевич вместе с братом Ильей принят в Морской кадетский корпус для обучения; с 1787 г. в службе; в 1788—1790 гг. участвовал в морских боях на Балтийском море (во время войны с Швецией); с 2.6.1787 — гардемарин; с 1.1.1789 — мичман; с 9.8.1790 — лейтенант; с 8.2.1793 — капитан-лейтенант. В начале 1790-х гг. стал известен великому князю Павлу Петровичу и после его восшествия на престол произведен в капитаны 2-го ранга, назначен флигель-адъютантом (13.11.1796) и вместе с братом Абрамом пожалован тамбовским имением Вяжля (в декабре 1796 г.); с 10.1.1797 — капитан 1-го ранга; с 10.7.1797 — генерал-адъютант; во время июльских морских маневров у Красной горки командовал яхтой «Эммануил» в присутствии Павла I; с 21.9.1798 — контр-адмирал, командующий эскадрой Балтийского флота; с 16.1.1799 — командующий архангельской эскадрой в Белом море; с 9.5.1799 — вице-адмирал. После смерти Павла I карьера Богдана Андреевича прервалась; в 1805 г. он вышел в отставку и жил в Голощапове и Подвойском, временами наезжая в Вяжлю. В 1816—1818 гг. Евгений Боратынский, после исключения из Пажеского корпуса, находился на его попечении. Богдан Андреевич не был женат. Похоронен в Москве на кладбище Спасо-Андроньева монастыря.

12.5. ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (июль 1773 или 1774, Голощапово — 1.2.1836, Москва). В мае 1785 г. вместе с братом Богданом принят в Морской кадетский корпус для обучения; в 1788—1790 гг. участвовал в морских боях на Балтийском море (во время войны с Швецией); с 22.2.1788 — гардемарин; с 8.2.1793 — лейтенант; в 1795—1798 гг. служил в английском флоте; в 1797 г. по рекомендации командующего английской эскадрой адмирала Джервиса произведен в капитан-лейтенанты; в начале 1798 г. отозван в Россию, назначен флигель-адъютантом (27.3.1798) и определен капитаном военного корабля в Кронштадт; с 21.9.1798 — капитан 2-го ранга; с 14.3.1801 — капитан 1-го ранга; с 11.1.1807 — капитан-командор; с 12.12.1811 — контр-адмирал; с 31.12.1813 — в отставке. Был женат на Софии Ивановне Барышниковой (20.7.1797 — 23.9.1862) (ее отец: Иван Иванович (30.12.1749 — 12.11.1834, Москва) майор в отставке; ее брат: Иван Иванович (29.5.1792 — 5.5.1829), надворный советник (см.: Моск. некрополь. Т. I. С. 82); дети Ильи Андреевича и Софии Ивановны: Иван (р. в июне 1812 — ум. после 1815), Андрей (13.10.1813 — 24.2.1889), Александр (ум. 1840), Варвара, Елизавета, Надежда. После выхода в отставку Илья Андреевич жил сначала в одном из имений рядом с Голощаповом, затем в Москве, в собственном доме, купленном в 1818 г. Похоронен на кладбище Спасо-Андроньева монастыря.

12.6. АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (ок. 1777—78, Голощапово — между 2.6. и 21.7.1807, Восточная Пруссия). Имя, данное Александру Боратынскому при крещении — Яков, в семье и на службе не использовалось. Около 1791 г. Александр Андреевич был зачислен по протекции старших братьев в Петербургский кадетский корпус, из которого поступил в декабре 1796 г. поручиком в императорскую свиту на должность квартирмейстера; в конце 1798 или в начале 1799 г., вскоре после опалы, постигшей старшего брата Абрама, тоже оказался в отставке и с 1799 г. жил у отца в Голощапове, иногда выезжая в Вяжлю. Сохранилось семейное предание, согласно которому Александр был влюблен в

жену Абрама Андреевича — Александру Федоровну. В 1805 г. Александр уехал из Голощапова в Петербург вместе с компаньонкой своей сестры Екатерины Анной Антоновной Бельт и вскоре вступил в действующую армию. По семейному преданию Анна Бельт сопровождала Александра Боратынского во время военной кампании 1807 г. В сражении под Фридландом (2 июня 1807) Александр был смертельно ранен и вскоре скончался.

12.7. МАРИЯ АНДРЕЕВНА БОРАТЫНСКАЯ, в замужестве ПАНЧУЛИДЗЕВА (между 1781 и 1783, Голощапово — ок. 1845, Вяжля?). Крестная мать Евгения Боратынского. Второе имя Марии Андреевны, данное ей при крещении — Марфа, в семье употреблялось редко. В 1792—1797 гг. воспитывалась в Институте благородных девиц при Смольном монастыре (устроена по протекции старших братьев) — одновременно с Александрой Федоровной Черепановой, будущей женой Абрама Андреевича Боратынского. После выпуска из Смольного (27.2.1797) жила у отца в Голощапове и Подвойском; с 1804 г. замужем за Иваном Давыдовичем Панчулидзевым (1760—1820?). Их дети: Екатерина (ок. 1805—1820), Анна (ок. 1806 — ок.1842), Елизавета (р. ок. 1807—1808). — После смерти мужа Мария Андреевна жила преимущественно в своей части Вяжли, унаследованной ею от брата Богдана Андреевича, — Марьинке. Отношения Марии Андреевны к своему племяннику и крестнику хорошо выражают строки из ее писем к его родителям и к нему самому: «Милого Бубиньку, Бубушу, милочку, я и сама не знаю, как бы мне его лучше назвать, я его так много, так много люблю, что меры не знаю, поцелуйте его от меня <...>. И буду ль иметь столько духу, чтоб описать вам все то, что в глубине сердца моего напечатленно. А я бы хотела разверстое вам оное представить, дабы вы могли в оном ясно видеть те чувствованьи, кои вы в нем произвели. Милый Бубинька, как вы от нас удалены. Но поверьте, сколько напротив вы близки к сердцу нашему. А воспоминание об вас есть первейшим моим удовольствием <...> Милый и несравненный Бубинька <...>. Без счету раз целую <...>» (Изд. 1914—1915. Т.1. С. 212; ИП. С. 104).

12.8. ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА БОРАТЫНСКАЯ (ок. 1785, Голощапово — 1842). В конце 1790-х гг. воспитывалась в частном пансионе в Петербурге. Замужем не была. Жила преимущественно в Голощапове и Подвойском, временами приезжая в Вяжлю.

12.9. АНТОН МИХАЙЛОВИЧ РАЧИНСКИЙ (1769 — 19.11.1825). Сын Михаила Константиновича и Ефросиньи Васильевны (в девичестве Боратынской) (№ 11.3), отец Александра Антоновича Рачинского (№ 13.8). По протекции Абрама Андреевича Боратынского (№ 12.1) был в начале 1790-х гг. принят в Гатчинскую команду великого князя Павла Петровича; после его восшествия на престол — командир л.-гв. Егерского полка (9.11.1796 — 9.6.1800) (может быть, не без его хлопот его племянник Евгений был устроен в 1819 г. именно в этот полк); в июне — октябре 1800 г. — петербургский обер-полицеймейстер; впоследствии — тайный советник. Его жена — Александра Николаевна, урожд. Потемкина (1781—1814). Их дети: Александр (1799—1866), Михаил (р. 1801), Анастасия (р. 1802), Николай (р. 1804), Алексей (1807—1888), Екатерина (1808—1893), Анна (1809—1878), София (1811—1860), Ольга (1813—1886). Сестра А. М. Рачинского — Анна — была замужем за А. И. Нелидовым, родным братом Е. И. Нелидовой (см. № 11.4). Старший сын Александр (см. № 13.8) был женат на сестре Евгения Боратынского — Варваре (см. № 13.7).

12.10. ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА БОРАТЫНСКАЯ (в замужестве Лутковская) (р. в середине 1780-х). Дочь Николая Яковлевича Боратынского, внучка Якова Павловича (см. № 10.2). Ее брат — Аполлон Николаевич — упомянут в одном из писем Евгения Боратынского (см.: 1814, сент.—окт., нач.). В 1803 г. Елизавета Николаевна вышла замуж за Василия Алексеевича Лутковского. Их дочь — Анна Васильевна (№ 13.10) — героиня нескольких стихотворений Евгения Боратынского. Брат В. А. Лутковского — Е. А. Лутковский (№ 12.11) был полковым командиром Боратынского в 1820—1825 гг.

12.11. ЕГОР (ГЕОРГИЙ) АЛЕКСЕЕВИЧ ЛУТКОВСКИЙ (ок. 1785—ок. 1832). Родной брат Василия Алексеевича Лутковского — мужа Елизаветы Николаевны Боратынской (№ 12.10). С 5.6.1818 — командир Нейшлотского полка, в котором с января 1820 по январь 1826 г. числился Евгений Боратынский. Впоследствии Лутковский командовал 1-й бригадой 5-й пехотной дивизии. Был женат на Елене Ивановне Сутгоф.

12.12. ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА ЧЕРЕПАНОВА (1782 — 3.2.1855, Мара). Младшая сестра Александры Федоровны Боратынской (см. № 12.2). В 1790-е гг., видимо, воспитывалась в одном из петербургских пансионов. С середины 1800-х гг. почти постоянно жила в Маре, помогая сестре в воспитании ее детей.

13. ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ БОРАТЫНСКИЙ.

Его жена с 9.6.1826 — НАСТАСЬЯ ЛЬВОВНА, урожденная ЭНГЕЛЬГАРДТ (26.10.1804 — 15.3.1860, Петербург, похоронена рядом с мужем на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры; ныне Некрополь мастеров искусств). Дочь полковника в отставке (с 1799) Льва Николаевича Энгельгардта (10.2.1776—4.11.1836) и Екатерины Петровны, урожд. Татищевой (ум. 13.11.1821); родители Л. Н. Энгельгардта — Николай Богданович и Надежда Петровна, урожд. Бутурлина, ум. 1785; сестра Л. Н. Энгельгардта — Александра Николаевна, замужем за С. К. Вязмитиновым. Сестра Настасьи Львовны — София (1811—1884), замужем с 8.11.1838 за Николаем Васильевичем Путятой (1802—1877); другая сестра — Наталия (1806—1826); брат Петр (р. 1802) был психически болен.

Их дети: Александра (14.3.1827—1874), Екатерина (1828—1829), Лев (17.7.1829—16.5.1906), Мария (р. в окт. 1831), Дмитрий (26.10.1832—11.5.1869; женат на Софии Лукьяновне Боборыкиной), София (1833, конец года или 1834, нач.—1838), Николай (26.11.1835—7.4.1898; женат на Ольге Александровне Казем-Бек); Юлия (11.9.1837—1873; замужем за Михаилом Михайловичем Салтыковым); Зинаида (28.8.1839 — ум. после 1916; замужем за Иваном Петровичем Геркеном).

Братья и сестры Евгения Боратынского:

13.1. СОФИЯ АБРАМОВНА БОРАТЫНСКАЯ (февраль — март 1801, Вяжля — ок. 1844, Мара). Детское семейное прозвище — Соша, Сошичка. Жила постоянно в Маре. Замужем не была. Известия о ней скудны. Самая полная сводка сведений о ней содержится в ее письмах к матери за май—август 1822 г. (см. Летопись).

13.2. ИРАКЛИЙ АБРАМОВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (12.2.1802, Вяжля — 22.4.1859, Петербург). Детское семейное прозвание — Аш, Ашичка, Ашонок (производное от первой буквы французского эквивалента имени Ираклий: Hercule, Heraclius). 7.9.1810 одновременно с братом Евгением зачислен в Пажеский корпус. Осенью 1814 г. был отправлен из Мары в Петербург вместе с братом Львом; учился несколько месяцев в одном из пансионов, а с 1815 г. принят в Пажеский корпус, откуда выпущен 31.12.1819 прапорщиком в Конно-Егерский короля Вюртембергского полк; 17.4.1820 переведен поручиком в Курляндский уланский полк; с 1.1.1827 — адъютант главнокомандующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна; с 26.3.1828 — штабс-ротмистр; участвовал в русско-персидской войне 1826—1827 гг. и в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.; за отличие в сражении переведен 22.6.1828 в гвардию — в л.-гв. Уланский Его Величества полк, но фактически оставался адъютантом при Витгенштейне; с 7.4.1829 адъютант нового главнокомандующего 2-й армией И. И. Дибича; с 1831 — в Петербурге: 7.7.1831 — флигель-адъютант; с 1.10.1834 переведен, а 12.2.1835 поступил в л.-гв. Гусарский полк; с 6.12.1836 — полковник; 1.2.1838 — отчислен от полка; с 30.8.1842 — генерал-майор, военный и гражданский губернатор Ярославля; с 14.3.1848 — военный губернатор Казани; с 8.1.1858 — сенатор. Последние годы жизни провел в Петербурге (см. формулярные списки И. А. Боратынского: РГВИА. Ф. 395: Оп. 90. № 196; Оп. 93. № 184; Оп. 49. № 2051; *Крестовский* 1876. Прил.; см. также: М. С. 57—58). — С 1835 г. Ираклий Абрамович был женат на Анне Давыдовне Абамелек (1814—1889). Детей у них не было. Похоронен на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря.

13.3. ЛЕВ АБРАМОВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (1805, март, нач., Мара — 25.12.1858, Мара). Детское семейное прозвание — Вава, Вавычка. Осенью 1814 г. был отправлен из Мары в Петербург вместе с братом Ираклием. С 10.2.1820 — юнкер в Конно-Егерском короля Вюртембергского полку; 23.1.1821 переведен прапорщиком в Рижский драгунский полк; 1.7.1821 возвращен в Конно-Егерский; с 13.5.1825 — поручик; с 3.2.1828 — адъютант Малороссийского военного губернатора Н. Г. Репнина. Он был влюблен в дочь своего командира Варвару Николаевну Репнину, но ее родители оказались категорически против неравного с их точки зрения брака, и в 1833 г. он вышел в отставку (о любви В. Н. Репниной и Л. А. Боратынского

см.: *Гершензон М. О.* Русские Пропилеи. М., 1916. Т. 2. С. 179—180; благодарим за указание В. А. Воропаева). После отставки жил в своей части Вяжли — Осиновке; «был женат на своей крепостной» (*А. И. Дельвиг.* Изд. 1912. Т. 1. С. 189). В семействе и среди друзей славился своим остроумием (см.: *Чичерин* 1890. С. 509).

13.4. ФЕДОР (ФЕДИЧКА) БОРАТЫНСКИЙ (р. в мае—июле 1806 г. в Маре — ум. в младенчестве после мая 1807 г.).

13.5. СЕРГЕЙ АБРАМОВИЧ БОРАТЫНСКИЙ (12.5.1807, Мара — 24.11.1866, Мара, похоронен здесь же). В начале 1820-х гг. учился, вероятно, в одном из петербургских пансионов; около 1826 г. поступил в Московскую медико-хирургическую академию (первоначально мать и старший брат Евгений прочили его в училище колонновожатых). 25.8.1830 он выпущен из академии со званием лекаря 1-го отделения и серебряной медалью. Он был влюблен в Софию Михайловну Дельвиг (урожд. Салтыкову) и после смерти А. А. Дельвига (11.1.1831) женился на ней (осень 1831) и увез ее в Мару, где они почти постоянно жили. Их дети: Александра (6.3.1832—5.12.1902), Михаил (1833—1881), София (р. 1834), Анастасия (18.3.1836—31.1.1912). В семье Сергея Абрамовича воспитывалась также дочь Дельвига и Софии Михайловны Елизавета Антоновна Дельвиг (7.5.1830—30.8.1913). В 1830-е гг. Сергей Абрамович нигде не служил, занимаясь преимущественно усадьбой в Маре: отремонтировал и достроил дом, поставленный отцом, возобновил винокуренный завод, привел в порядок парк и т. д. — словом, оживил все, что после кончины Абрама Андреевича пришло в упадок. Не только в своем Кирсановском, но и в других уездах Тамбовской губернии его ценили как авторитетного врача. В 1843 г. вступил в гражданскую службу: с 18.3.1843 — титулярный советник; с 3.9.1846 — чиновник особых поручений тамбовского гражданского губернатора.

13.6. НАТАЛИЯ АБРАМОВНА БОРАТЫНСКАЯ (август 1809—10.7.1855, Москва; похоронена на кладбище Спасо-Андроньева монастыря). Жила преимущественно в Маре; замуж не выходила. Сведения о ней, содержащиеся в основном в семейной переписке Боратынских за 1820—1850-е гг., весьма скудны.

13.7. ВАРВАРА АБРАМОВНА БОРАТЫНСКАЯ (в замужестве Рачинская) (12.7.1810, Москва — 15.5.1891, Татево Смоленской губ.). Родилась через четыре месяца после смерти отца. До 1830 г. жила с матерью в Маре. 31.1.1830 вышла замуж за своего троюродного брата Александра Антоновича Рачинского (№ 13.8).

13.8. АЛЕКСАНДР АНТОНОВИЧ РАЧИНСКИЙ (27.9 или 1.10.1769—1866). Сын Антона Михайловича Рачинского (№ 12.9), внук Ефросиньи Васильевны Боратынской (№ 11.3), троюродный брат Евгения Боратынского. В службе с 1817 г.: с 1.2.1817 — подпрапорщик л.-гв. Семеновского полка; 17.3.1819 — прапорщик; 3.5.1820 — подпоручик; после раскассирования Семеновского полка переведен 2.11.1820 в Муромский пехотный полк штабс-капитаном; с 4.6.1825 — капитан; с 17.11.1827 — в отставке (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 340. Л. 6—8 об.). В юности был участником тайного общества «Священная артель» (И. Г. Бурцов, братья Колошины, братья Пущины, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг и др.). Вероятно, именно А. А. Рачинский в конце 1818 — начале 1819 г. познакомил Евгения Боратынского с Кюхельбекером и Дельвигом. — После восстания 14 декабря А. А. Рачинский находился под секретным надзором. Был женат на Варваре Абрамовне Боратынской (№ 13.7). Их дети: Владимир (1831—1888), Александра (р. 1832), Сергей (1833—1902), Ольга (1834—1917), Варвара (1836—1910), Константин (1838—1909), Александр (1839—1906).

13.9. ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА КУЧИНА (р. ок. 1800). Может быть, внучка Анны Васильевны Боратынской (см. № 11.2), точно — дочь Николая Кучина, помещика имения Горки на р. Обше в Бельском уезде — в нескольких верстах от Подвойского — Голощапова. Родственница Евгения Боратынского, которой, согласно семейному преданию, он был увлечен в конце 1810-х гг., и с этим увлечением связаны некоторые стихотворения (в частности, «Портрет В...», а также, может быть, «К Алине» («Тебя я некогда любил...»), «Любовь и дружба (В Альбом)», «Ропот» («Он близок, близок, день свиданья...»); «Разлука» («Расстались мы; на миг очарованьем...» (см. карандашные пометы С. А. Рачинского на татевском экземпляре Изд. 1827: М.С. VI). Евгений Боратынский, вероятно, впервые познакомился с Варенькой Кучиной и ее братьями (известно имя лишь одного из них — Александр) в 1808—

1809 гг. в период первого своего пребывания в Подвойском — Голощапове; в 1812 г., в Петербурге, знакомство, видимо, продолжалось — вероятно, именно Александр и Варвара Кучины упомянуты в одном из летних писем Боратынского к маменьке из Петербурга (см.: 1812, июль, вт. пол. — авг., перв. пол.). Затем, во время нашествия французов, может быть, Варенька Кучина жила какое-то время на попечении Богдана Андреевича в Вяжле (см. просьбу Боратынского в письме в Мару — «сказать Вариньке, что братья ее чувствуют себя хорошо»: 1813, февр., 13). — Знакомство было продолжено во время жизни Боратынского в Подвойском в 1816—1818 гг. (см., например, упоминание в одном из писем Боратынского празднования дня св. Варвары: 1817, дек., 4). — Пути их разошлись окончательно в начале 1820-х гг., когда они встречались, может быть, несколько раз в Петербурге во время приездов сюда Боратынского. — Дальнейшая судьба В. Н. Кучиной неизвестна.

13.10. АННА ВАСИЛЬЕВНА ЛУТКОВСКАЯ (в замужестве — Морозова) (ок. 1804 — 26.10.1879). Дочь Василия Александровича Лутковского и Елизаветы Николаевны Боратынской (№ 12.11), правнучка Якова Павловича Боратынского (№ 10.2), племянница командира Нейшлотского полка Е. А. Лутковского (№ 12.13). В первую половину 1820-х гг. она жила в Финляндии: на квартире своего отца или дядюшки Е. А. Лутковского, где и познакомился с ней Боратынский. В 1823—1824 гг. Боратынский виделся с ней весьма часто (см. в письме к Коншину: «Волочусь от безделья за Анетой» — 1824, октябрь) и вписал в ее альбом пять стихотворений; «Младые Грации сплели тебе венок...», «Мила, как Грация, скромна...», «Тебя ль изобразить и ты ль изобразима?..» (переработка «Портрета В...», ранее адресованного В. Н. Кучиной), «Вы слишком многими любимы...» (переадресовка стихотворения, первоначально обращенного к С. Д. Пономаревой), «Когда придется как-нибудь...» (ПД. Ф. 103. № 73.I. М. Л. 8, 10, 13, 16, 35). Может быть, к А. В. Лутковской обращено и стихотворение «К Аннете». — После выхода в отставку Боратынский, кажется, более с ней не общался.

* * *

Наиболее полно материалы жизни ближайших родственников Боратынского представлены в семейных архивах Боратынских, сосредоточенных в РГАЛИ и ПД (Марский, Татевский и Казанский семейные архивы). Прежде всего это материалы «Родословной росписи» Боратынских (ПД. № 9142) и «Плана семейного образа», составленного П. А. Боратынским в 1842 г. (ПД. № 21.812). Некоторые отрывочные материалы хранятся в Казанском музее Е. А. Боратынского, в Государственном архиве Татарии (Казань), Государственном архиве Тамбовской обл., в Музее-усадьбе им. Ф. И. Тютчева Мураново. Опубликованные материалы см.: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб, 1886. Т. 1. С. 156—163; *Бобров* 1907; *М. А. Боратынский* 1910; М., ук.; *Филиппович* 1917; *Хетсо*, ук.; ИП, ук.; П. С. 206—229; см. также: РБС. Т. 2. С. 489—496; ОМС. Т. 3. С. 114—117; *Гофман* 1914. С. XVIII—XXI, *Медведева* 1936. С. XXXVII—XXXVIII; *Пешков* 1974. С. 11—12. Сведения о местах захоронений в Петербурге и Москве см.: Моск. некрополь. Т. 1. С. 125—126; Пб. некрополь. Т. 1. С. 260; Т. 3. С. 230. Могилы Боратынских на кладбище Спасо-Андроньева монастыря в Москве были уничтожены вместе с кладбищем после революции 1917 года; остатки некоторых надгробий Боратынских на кладбище в Маре целы до сих пор (см. ниже: Места жительства Боратынского в алфавитном порядке — Мара).

МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА Е. А. БОРАТЫНСКОГО
в хронологическом порядке

1800, февраль, 19 — 1804, весна—осень. ВЯЖЛЯ (местоположение первого дома Боратынских в Вяжле неизвестно).
1804, весна—осень — 1805, сентябрь—октябрь: МАРА.
1805, октябрь (?) — 1806, январь: ТАМБОВ.
1806, январь — 1808, весна (?): МАРА.
1808, весна (?) — 1809, май—июнь (?)... октябрь (?): ПОДВОЙСКОЕ, ГОЛОЩАПОВО.
1809, май—июнь (?)...октябрь (?) — 1811, май: МОСКВА.
1811, май — 1812, апрель, 20-е числа: МАРА.
1812, апрель, конец месяца — май, до 7: МОСКВА (проездом*).
1812, май, 11—12 – 1816, июль—август: ПЕТЕРБУРГ.
1816, июль—август — 1817, январь, конец месяца — февраль, начало: ПОДВОЙСКОЕ, ГОЛОЩАПОВО.
1817, январь, конец месяца — февраль, начало: МОСКВА (проездом).
1817, февраль—апрель (?): КИРСАНОВ или МАРА.
1817, апрель (?) — август: МАРА.
1817, сентябрь, 8—9: МОСКВА (проездом).
1817, сентябрь, ок. 11 — 1818, август: ПОДВОЙСКОЕ, ГОЛОЩАПОВО.
1818, сентябрь—октябрь: МОСКВА.
1818, октябрь—ноябрь (?) — 1820, январь, 11 (?): ПЕТЕРБУРГ.
1820, январь, после 11 — апрель: ФРИДРИХСГАМ; ЛИКОЛА.
1820, апрель, 19: ПЕТЕРБУРГ (?).
1820, май, 15 — июль, 1: ВИЛЬМАНСТРАНД.
1820, июль—август (?): ИМАТРА, ФРИДРИХСГАМ.
1820, сентябрь (?): РОЧЕНСАЛЬМ.
1820, сентябрь—декабрь, начало месяца: ФРИДРИХСГАМ; ЛИКОЛА.
1820, декабрь, 12—14: ПЕТЕРБУРГ (проездом); декабрь, ок. 20: МОСКВА (проездом).
1820, декабрь, 20-е числа — 1821, февраль, середина месяца: МАРА.
1821, февраль, 20-е числа: МОСКВА (проездом), ПЕТЕРБУРГ.
1821, март—апрель, 13—17: ФРИДРИХСГАМ; ЛИКОЛА.
1821, май, 1—2 — 1822, август, 1: ПЕТЕРБУРГ.
1822, август, 20—21 — сентябрь, ДО 21: РОЧЕНСАЛЬМ.
1822, сентябрь, 20-е числа: ПЕТЕРБУРГ (проездом); МОСКВА (проездом).
1822, октябрь — 1823, январь, середина месяца: МАРА.
1823, январь, 20-е числа: МОСКВА (проездом), ПЕТЕРБУРГ (проездом).
1823, февраль—май, до 15: РОЧЕНСАЛЬМ.
1823, май, 15 — июль, 3: ВИЛЬМАНСТРАНД.
1823, июль, после 3 — август, начало месяца: РОЧЕНСАЛЬМ.
1823, август: ПЕТЕРБУРГ (?)
1823, сентябрь — 1824, май, до 7: РОЧЕНСАЛЬМ.
1824, май, 15 — май, 29: ВИЛЬМАНСТРАНД.
1824, июнь, 10 — август, 5—6: ПЕТЕРБУРГ.
1824, август, 22—23 — октябрь, середина месяца: РОЧЕНСАЛЬМ.

---

* Здесь и далее отмечены случаи проезда Боратынского только через Москву, Петербург и его собственные поместья. Проезд через прочие города и селения, мимо которых лежали его пути, а также его краткосрочные визиты к знакомым и родственникам в Московской, Смоленской и Тамбовской губерниях в данном списке не фиксируются.

1824, октябрь, вторая половина — 1825, январь, 25—26: ГЕЛЬСИНГФОРС.
1825, январь, 28—30 — май, 20: КЮМЕНЬ.
1825, июнь, 8—10 — август 11: ПЕТЕРБУРГ.
1825, август, ок. 30 — сентябрь, 4—5: КЮМЕНЬ или РОЧЕНСАЛЬМ.
1825, сентябрь, 5—6 — сентябрь, 26: ГЕЛЬСИНГФОРС.
1825, сентябрь, ок. 30: ПЕТЕРБУРГ (проездом).
1825, октябрь, начало месяца — 1827, май, конец месяца: МОСКВА.
1827, июнь—июль: ПЕТЕРБУРГ (??).
1827, август (?) — декабрь: МАРА.
1827, декабрь, конец месяца — 1829, сентябрь, до 22—23 (?): МОСКВА; летом — МУРАНОВО.
1829, октябрь — 1830, март: МАРА.
1830, март, конец месяца — апрель, до 14 — 1831, июнь, начало месяца: МОСКВА; летом — МУРАНОВО.
1831, июнь, конец месяца — июль, начало месяца: КАЗАНЬ.
1831, июль—декабрь: КАЙМАРЫ.
1831, декабрь — 1832, февраль, 20-е числа: КАЗАНЬ.
1832, февраль, 20-е числа — май: КАЙМАРЫ.
1832, июнь, около 26—30: ПЕНЗА.
1832, июль, начало месяца — 1833, май, 17: МОСКВА; летом — МУРАНОВО.
1833, июнь—август, первая половина: МАРА.
1833, август, конец месяца — сентябрь, 6: КАЙМАРЫ, КАЗАНЬ.
1833, сентябрь, вторая половина — 1834, март (?): МАРА.
1834, март, конец месяца (?) — лето: МОСКВА, МУРАНОВО.
1834, осень: МАРА или КАЗАНЬ.
1834, декабрь — 1837, май, 9: МОСКВА; летом — МУРАНОВО.
1837, май, 16 — июнь, начало: МАРА.
1837, июнь, вторая половина — август: ПЕТРОВСКОЕ.
1837, сентябрь — 1840, январь, 30: МОСКВА; летом — МУРАНОВО.
1840, февраль, 2 — февраль, 10-е числа: ПЕТЕРБУРГ.
1840, февраль, 20-е числа — июль: МОСКВА, МУРАНОВО.
1840, август — 1841, март—апрель (?): МАРА.
1841, апрель—май (?) — сентябрь: МОСКВА, МУРАНОВО.
1841, октябрь (?) — 1842, август: АРТЕМОВО; эпизодически МОСКВА.
1842, сентябрь — 1843, апрель: МУРАНОВО; эпизодически МОСКВА.
1843, май — начало июня: СКУРАТОВО; ГЛЕБОВСКОЕ.
1843, июнь—август: МУРАНОВО.
1843, сентябрь, первая половина: ПЕТЕРБУРГ.
1843, сентябрь, 20-е числа — октябрь: БЕРЛИН; ЛЕЙПЦИГ; ДРЕЗДЕН; ФРАНКФУРТ; КЁЛЬН; БРЮССЕЛЬ.
1843, ноябрь, ок. 16 — 1844, март: ПАРИЖ.
1844, апрель, первая половина: МАРСЕЛЬ.
1844, апрель, вторая половина — июнь, 29: НЕАПОЛЬ.

МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА Е. А. БОРАТЫНСКОГО
в алфавитном порядке

АРТЁМОВО. Имение М. А. Пальчиковой в трех верстах от МУРАНОВА; здесь Боратынский жил с семьей во время строительства нового мурановского дома с осени 1841 до осени 1842*.

БЕРЛИН. Боратынский был здесь несколько дней в 20-х числах сентября — начале октября 1843.

БРЮССЕЛЬ. Боратынский был здесь несколько дней по пути из Кёльна в Париж во второй половине октября — начале ноября 1843.

ВАСИЛЬЕВКА. Имение В. А. Недоброво в Тамбовской губ. Здесь Боратынский бывал в январе — феврале 1821, может быть, и во время других своих приездов в МАРУ.

ВИЛЬМАНСТРАНД. Городок в Финляндии на крутом юго-восточном берегу озера Сайма. На Лебедином поле под Вильманстрандом в летние месяцы располагался военный лагерь войск, входивших в состав Отдельного Финляндского корпуса. Боратынский бывал здесь вместе со своим Нейшлотским полком: 1820, май, 15 — июль, 1; 1823, май, 15 — июль, 3; 1824, май, 15 — май, 29.

ВЯЖЛЯ. Обширное имение Боратынских в Кирсановском уезде Тамбовской губ. (около 12 верст от г. Кирсанова), состоящее из нескольких деревень: Ильиновка, Марьинка, Натальевка, Осиновка, Рачиновка, Софьинка и др. (названия преимущественно даны Боратынскими по именам членов семьи: в честь Ильи Андреевича Боратынского, Марии Андреевны Панчулидзевой, Наталии Абрамовны Боратынской, Варвары Абрамовны Рачинской, Софии Абрамовны Боратынской или Софии Михайловны Боратынской-Дельвиг). Название имения происходит, видимо, от названия реки Вяжля, протекающей в этих местах. В настоящее время и вся местность и большая часть деревень носят прежние названия. Вяжля была подарена Абраму и Богдану Боратынским 4 декабря 1796 г. императором Павлом I. В 1799—1808 гг. в Вяжле жил Абрам Андреевич с семейством. Местоположение первого дома Боратынских, в котором родился Е. Боратынский и жил до весны—осени 1804 г., неизвестно. В 1803—1804 гг. в пяти верстах от этого дома был построен новый — в урочище Мара, которое и стало с этого времени центром всего имения. — Кроме Мары, усадьбы были также в Марьинке, Ильиновке, Осиновке. По разделу, совершенному в 1802 г. между братьями Боратынскими, Абрам и Богдан Боратынские имели в Вяжле — каждый 912 крепостных душ обоего пола, их братья Петр и Илья — каждый около 300 душ. — По разделу, совершенному в 1833 г. между детьми Абрама Андреевича, каждый из них получил от 150 до 200 душ, Евгений Боратынский — 194 души мужского пола (см. 1833, август, 23). О времени пребывания Е. Боратынского в Вяжле см.: МАРА.

ГЕЛЬСИНГФОРС (ныне — Хельсинки). В 1820-е гг. здесь располагалась штаб-квартира Отдельного Финляндского корпуса. Боратынский был в Гельсингфорсе дважды: 1824, октябрь, вторая половина — 1825, январь, 25—26; 1825, сентябрь, 5—6 — сентябрь, 26.

ГЛЕБОВСКОЕ. Небольшое имение Боратынского или Энгельгардтов во Владимирской губ. (ныне Ярославской обл.). Видимо, Боратынский бывал здесь несколько раз, но точно известен лишь один случай его приезда в Глебовское: в мае — начале июня 1843.

ГОЛОЩАПОВО. Небольшое имение старших родственников Боратынского в Бельском уезде Смоленской губ. (около 6 верст к востоку от г. Белого; ныне — Тверская обл.) —

---

* Источники сведений см. в Летописи под соответствующими датами.

напротив ПОДВОЙСКОГО, на левом берегу реки Обша. Первым владельцем Голощапова был Иван Петрович Боратынский (ум. 1708), перешедший из Польши на русскую службу при царе Алексее Михайловиче и получивший от него это имение в 1660-е гг. (по документам 1670 г. оно уже состояло за ним — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. № 32. Л. 2). Переходя по наследству, Голощапово досталось в 1761 г. Андрею Васильевичу, деду Е. Боратынского; после смерти Андрея Васильевича (1813) — его сыну Богдану Андреевичу. — В настоящее время на месте имения пустошь. — О пребывании Е. Боратынского в Голощапове см.: ПОДВОЙСКОЕ.

ДРЕЗДЕН. Боратынский был здесь несколько дней в первой половине сентября 1843.

КАЗАНЬ. Здесь у тестя Боратынского Л. Н. Энгельгардта был собственный деревянный дом на Грузинской улице (ныне участок домов № 40—44). В 1850-е гг. дом сгорел (см.: *Загвозкина* 1991. С. 128—138). — Боратынский бывал здесь в конце июня — начале июля 1831, с конца декабря 1831 — до конца февраля 1832, в июне 1832 и в конце августа — начале сентября 1833, а также, вероятно, осенью 1834.

КАЙМАРЫ. Имение Энгельгардтов в 20 верстах от Казани. Первым владельцем Каймар был казанский воевода Никита Алферович Кудрявцев (ум. 1728), получивший это имение от Петра I в 1698 г.; в 1722 г. в Каймарах побывал Петр I; около 1722—1723 гг. здесь была построена каменная церковь, где, по преданию, хранился крест, пожертвованный Петром I. Сын Н. А. Кудрявцева Нефед Никитич, бывший казанским вице-губернатором, построил в Каймарах в 1740—1750-е гг. двухэтажный каменный дом, разбил фруктовый сад и парк. Каймары наследовались по женской линии, и после трагической смерти Н. Н. Кудрявцева (он был убит в 1774 г. во время взятия Казани Пугачевым) перешел к его внучке Екатерине Петровне Татищевой, вышедшей в 1799 г. замуж за Льва Николаевича Энгельгардта, а затем к ее дочерям: Настасье Львовне — жене Боратынского и Софии Львовне — жене Н. В. Путяты. После смерти Настасьи Львовны, по разделу, совершенному в 1861 г. между ее дочерьми и Софией Львовной, Каймары достались младшей дочери Боратынских — Зинаиде Евгеньевне, вышедшей замуж за И. П. Геркена и в Каймарах не жившей. В конце 1880-х гг. каймарский дом был продан на слом и разобран. — Боратынский жил в Каймарах с семейством с июля 1831 до декабря 1831, с конца февраля 1832 до мая 1832; в 1833 г. заезжал ненадолго в конце августа — начале сентября.

КЕНИГСБЕРГ. Боратынский был здесь два дня в 20-х числах сентября 1843.

КЁЛЬН. Боратынский был здесь несколько дней во второй половине октября 1843.

КИРСАНОВ. Уездный город Тамбовской губернии, в 12 верстах от которого находилось имение Боратынских Вяжля (Мара). Через Кирсанов Боратынский проезжал каждый раз по пути в Мару и обратно (см. МАРА). Кроме того, во время пребывания в Маре он бывал в Кирсанове по хозяйственным делам. — Видимо, у Боратынских был в Кирсанове собственный дом и в какие-то зимы 1810—1820-х гг. Александра Федоровна Боратынская перебиралась туда с детьми.

КНЯЗЬ-КАМАЕВО. Имение Энгельгардтов под Казанью. Боратынский жил здесь в конце мая — первой половине июня 1832.

КЮМЕНЬ. Местечко в Финляндии в нескольких верстах к северо-востоку от Роченсальма. С октября 1824 г. здесь размещался штаб Нейшлотского полка. — Боратынский жил в Кюмени в доме командира Нейшлотского полка Е. А. Лутковского с конца января — начала февраля по 20 мая 1825 и, видимо, был проездом в конце августа — начале сентября 1825.

ЛЕЙПЦИГ. Боратынский был здесь около 10 сентября 1843.

ЛИКОЛА (ЛИКОЛОВСКИЕ КАЗАРМЫ). Местечко в Финляндии в нескольких верстах к северу от Фридрихсгама, где находились в 1820—1821 гг. казармы Нейшлотского полка. Сюда Боратынский приезжал из Фридрихсгама, где жил в первые полтора года своего пребывания в Финляндии в январе — начале мая 1820, августе — декабре 1820, марте — начале апреля 1821.

ЛЮБИЧИ. Имение Н. И. Кривцова неподалеку от Мары, где Боратынский бывал во время своих приездов на родину.

МАРА. Центральная усадьба в ВЯЖЛЕ; одно из самых живописных мест имения Боратынских — на высоком берегу лесистого оврага и реки Вяжли. Строительство дома в Маре было намечено Абрамом Андреевичем и Александрой Федоровной Боратынскими вскоре после их приезда в Вяжлю (весна 1799 г.), но дом был построен только в 1803—1804 гг. С этого времени Мара становится центром имения Боратынских. В 1804—1807 гг. был разбит парк и фруктовый сад, в 1816—1819 гг. построена каменная церковь с престолом в честь Вознесения Господня. После смерти Абрама Андреевича в Маре постоянно жила Александра Федоровна с детьми и сестрой Екатериной Федоровной Черепановой; во второй половине 1810-х — 1820-е гг., когда все сыновья Александры Федоровны находились на службе, с нею оставались дочери София, Наталия и Варвара. В начале 1830-х гг. Варвара, вышедшая замуж, уехала, но вернулись Лев и Сергей; Лев жил отдельно в Осиновке — одной из вяжлинских деревень, а Сергей, женившийся на вдове А. А. Дельвига — Софии Михайловне, обосновался в Маре и занялся обустройством обветшалой марской усадьбы. — Усадьба в Маре была уничтожена в 1930-е гг.; церковь — в 1950-е; сейчас на месте имения пустошь; частично уцелело кладбище — сохранились надгробия Александры Федоровны Боратынской, Екатерины Федоровны Черепановой, Сергея Абрамовича Боратынского и его дочерей Александры и Анастасии, а также Елизаветы Антоновны Дельвиг — дочери А. А. Дельвига, воспитывавшейся в семье Сергея Абрамовича (сообщено В. Г. Шпильчиным). — Е. Боратынский жил в Маре: 1804, весна—осень (после переезда в новый дом) — 1805, сентябрь—октябрь; 1806, январь — 1808, весна (?); 1811, май—июнь — 1812, апрель, 20-е числа; 1817, февраль—апрель(?) — август; 1820, декабрь, 20-е числа — 1821, февраль, середина месяца; 1822, октябрь — 1823, январь, середина месяца; 1827, август(?)—декабрь; 1829, октябрь — 1830, март; 1833, июнь—август, первая половина; 1833, сентябрь, вторая половина — 1834, март(?); 1834 осень(?); 1837, май, 16 — июнь, начало месяца; 1840, август — 1841, март—апрель(?).

МАРСЕЛЬ. Боратынский останавливался здесь в первой половине апреля 1844 г. по пути из Парижа в Неаполь.

МОСКВА. В 1809—1810 гг. Абрам Андреевич Боратынский жил с семейством, видимо, на Маросейке (в приходе «церкви Николая Чудотворца, что в Клённиках» — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 159); весной—летом 1818 г. дом в Москве купил Илья Андреевич Боратынский (см. Летопись: авг., 6) (местонахождение обоих домов неизвестно). — С октября 1825 г. Е. Боратынский жил вместе с матерью, сестрами и братом Сергеем «у Харитона в Огородниках, дом Мясоедовой» (письмо Боратынского Пушкину: 1825, декабрь, первая половина) — т. е. в приходе церкви св. Харитония; более точный адрес: Гусятников пер., Яузская часть, дом 44 (*Шумихин* 1988. С. 57); дом не сохранился. После женитьбы (9 июня 1826) Боратынский с женой жил «у прихода Рождества Столешникова в доме профессора <М. Я.> Малова» (письмо Боратынского Коншину: 1826, декабрь, 14) — т. е. в приходе церкви Рождества Богородицы в Столешниках (дом не сохранился; ныне участок дома 14/6 по Столешникову переулку); с 1828 г. — у своего тестя Л. Н. Энгельгардта «на Никитской, у прихода Малого Вознесения» (письмо Боратынского Путяте; 1828, апрель) — т. е. в Большом Чернышёвском пер. (он же Вознесенский пер., д. 6 — дом сохранился в перестроенном виде); с осени 1832 по весну 1833 г. — «у Арбатских ворот, в доме Загряжского» (см. 1833, февр., до 3). — 23 января 1835 г. Боратынский купил у княгини Н. В. Шаховской двухэтажный каменный дом «в Арбатской части четвертого квартала под номером триста двадцать четвертым в приходе церкви Спиридония» (ПД. № 21.786. Л. 1) — ул. Спиридоньевская; дом не сохранился; ныне — участок домов 14—16. В 1838 г. дом на Спиридоновке был перестроен для сдачи внаем; в 1839 — 1841 гг. сдавался жильцам только 1-й этаж, а с осени 1841 г. весь дом (себе Боратынские оставили лишь флигель, а сами переехали в подмосковную (см. МУРАНОВО, АРТЕМОВО). До 1825 г. Боратынский лишь дважды находился в Москве более-менее долгое время: 1809, май—июнь (?)... октябрь(?) — 1811, май; 1818, сентябрь—октябрь; несколько раз бывал здесь проездом: 1812, апрель, конец месяца — май, до 7(?); 1816, июль—август; 1817, сентябрь, 8—9; 1820, декабрь, ок. 20; 1821, февраль, 20-е числа; 1822, сентябрь, 20-е числа; 1823,

январь, 20-е числа. — С октября 1825 г. Москва стала основным местом жительства Боратынского: 1825, октябрь, начало месяца — 1827, май, конец месяца; 1827, декабрь, конец месяца — 1829, сентябрь, до 22—23(?); 1830, март, конец месяца — апрель — 1831, июнь, начало месяца; 1832, июль, начало месяца — 1833, май 17; 1834, март, конец месяца(?) — лето; 1834, декабрь — 1837, май, 9; 1837, сентябрь — 1840, январь, 30; 1840, февраль, 20-е числа — июль; 1841, апрель—май — 1843, август.

МУРАНОВО. Имение под Москвой в нескольких верстах от Хотькова монастыря и Троице-Сергиевой лавры. В 1816 г. Мураново было приобретено Львом Николаевичем и Екатериной Петровной Энгельгардтами. — После женитьбы в 1826 г. на их дочери Настасье Львовне Боратынский часто бывал здесь, а после смерти в 1836 г. Л. Н. Энгельгардта стал фактическим хозяином имения. В 1841—1842 гг. на месте старого дома Боратынский возводит новый двухэтажный (тот, что сохранился до сих пор и недавно отреставрирован). После смерти Боратынского дом в Муранове несколько лет пустовал, а в 1850 г. по разделу имущества перешел к сестре Настасьи Львовны — Софии Львовне Путята, а затем к дочери Путят — Ольге Николаевне (с 1869 г. замужем за сыном Ф. И. Тютчева — Иваном Федоровичем). Сын Ольги Николаевны — Николай Иванович Тютчев уберег дом Боратынского от советского разгрома и, благодаря его усилиям, в 1920 г. в Муранове был открыт Музей-усадьба им. Ф. И. Тютчева (*Пигарев* 1948; *Долгополова, Тархов* 1989). Боратынский впервые попал в Мураново летом 1826 г., а затем жил здесь с семьей в летнее время 1828, 1829, 1830, 1831 (до середины июня), 1832 (с начала июля), 1834, 1835, 1836, 1839, 1840 (до начала августа), 1841 гг. и с осени 1842 по август 1843 г. С осени 1841 по осень 1842 г., во время строительства нового дома, Боратынский с семьей жил в трех верстах от Муранова — в АРТЁМОВЕ, но бывал в усадьбе почти каждый день, наблюдая за строительными работами.

НЕАПОЛЬ. Боратынский жил здесь с семьей в последние два месяца своей жизни: 1844, апрель, вторая половина — июнь, 29.

ПАРИЖ. Боратынский жил здесь с семьей с середины ноября 1843 по март 1844 г. по адресу: rue Duphot,8; дом сохранился; как и прежде, здесь гостиница.

ПЕНЗА. Боратынский провел здесь несколько дней по пути из Казани в Мару: 1832, июнь, около 26—30. Видимо, он ехал через Пензу и в августе—сентябре 1833.

ПЕТЕРБУРГ. Здесь в разные годы жили старшие родственники Боратынского. Осенью 1797 г. Павел I подарил Абраму Андреевичу дом, в котором тот жил до опалы — до осени 1798 г.; здесь же жили и останавливались после морских походов братья Абрама Андреевича. Местонахождение и дальнейшая судьба этого дома неизвестны. Богдан Андреевич и Илья Андреевич Боратынские до выхода в отставку (соответственно, в 1805 и в 1813 гг.) жили в Петербурге, где именно — неясно; точно известен лишь адрес последней квартиры Ильи Андреевича — в 1812—1813 гг.: «в 10-й линии в доме Киселева по набережной на Васильевском острову» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 99. Л. 2 об.).— В 1800-е — начале 1840-х гг. в Петербурге почти постоянно жил лишь Петр Андреевич Боратынский: под конец жизни, в 1845 г., ему принадлежало два дома в самом городе (см. пояснения к Родословной, № 12.3). — Е. Боратынский впервые попал в Петербург в мае 1812 г.; с октября 1812 по февраль 1816 г. он пребывал в Пажеском корпусе (бывший дворец канцлера М. И. Воронцова; ныне Суворовское училище — ул. Садовая, 26); на вакациях жил у кого-либо из старших родственников — в основном у Петра Андреевича. — С октября—ноября 1818 по начало января 1820 г. Боратынский квартировал в Семеновских ротах — сначала вместе с А. И. Шляхтинским в одноэтажном деревянном доме В. Гижевского (Ежевского) (бывшая Госпитальная ул.; дом не сохранился; ныне участок д. 15/24 на углу Бронницкой ул. и Клинского пр.), затем, с августа—сентября 1819 г. — вместе с А. А. Дельвигом — в 5-й роте Семеновского полка (ныне Рузовская ул.; дом не сохранился) (см.: *Шубин* 1985. С. 49, 314, 318). — Во время приездов из Финляндии в 1820—1825 гг. Боратынский останавливался, видимо, у Дельвига (где именно — неизвестно; сохранилось только одно упоминание о совместном квартировании Боратынского и Дельвига — см. Летопись: 1822, май, 30) и, вероятно, у Петра Андреевича Боратынского — как в одном из его домов, так и на

даче. — В феврале 1840 г. во время своего недолгого пребывания в Петербурге и в сентябре 1843 г. во время проезда через Петербург на пути за границу Боратынский останавливался у Н. В. Путяты: в 1840 — «на углу Почтамтской улицы против Исакия в доме Кютнера» (см. Летопись: февр., 2; ныне Исаакиевская пл. 7; дом сохранился, но надстроен), в 1843 — на Никольской пл. в доме Плеске (*Шубин*. С. 314; дом сохранился; ныне Никольская пл., 6). — Даты пребывания Боратынского в Петербурге: 1812, май, ок. 11—12 — 1816, июль—август; 1818, октябрь—ноябрь — 1820, январь, 11 (?); 1820, апрель, 19(?); 1820, декабрь, 12—14 (проездом); 1821, февраль, 20-е числа (проездом); 1821, май, 1—2 — 1822, август, 1; 1822, сентябрь, 20-е числа (проездом); 1823, январь, 20-е числа (проездом); 1823, август (?); 1824, июнь, 10 — август, 5—6; 1825, июнь, 8—10 — август, 11; 1825, сентябрь, около 30 (проездом); 1827, июнь—июль (??); 1840, февраль, 2 — февраль, 10-е числа; 1843, сентябрь, первая половина.

ПЕТРОВСКОЕ. Сведения об этом имении (или даче?), где Боратынский жил с семьей летом 1837 г., противоречивы. — Ю. Н. Верховский считал, что Петровское — это имение князей Голицыных, Звенигородского уезда: «с 1827 года принадлежало И. Ф. и М. Ф. Голицыным нераздельно, после кончины первого, с 1835 года владельцем Петровского был один кн. Михаил Федорович Голицын» (М. С. 52, 138). Опираясь на неизданное письмо (от второй половины сентября 1837) Настасьи Львовны к С. М. Боратынской (Дельвиг) (мы не отыскали этого письма), Верховский сообщал, что в Петровском вместе с Боратынскими жила С. Л. Энгельгардт. «Часть лета гостил здесь и Н. В. Путята, и тут совершилась их помолвка, после чего Н. Л. Боратынская ездила с С. Л. Энгельгардт к родным Н. В. Путяты» (М. С. 52). — Боратынские действительно приехали в Петровское в конце мая 1837 г., но в письме сына Льва к отцу сказано об ожидании в Петровское императора Николая I (см. 1837, май, 15). Эти слова позволяют предполагать, что Боратынские жили летом 1837 г. не в Звенигородском уезде у Голицыных, а вблизи Петровского дворца, при въезде в Москву, где у многих москвичей были дачи. — Кроме того, в одном из писем Боратынского к Путяте (см. 1842, июль, конец месяца) встречается упоминание о «Петровских оброках», что окончательно затрудняет определение местоположения и принадлежности Петровского.

ПОДВОЙСКОЕ. Небольшое имение старших родственников Боратынского в Бельском уезде Смоленской губ. (около 6 верст к востоку от г. Белого; ныне Тверская обл.) — напротив ГОЛОЩАПОВО, на правом берегу реки Обша. В середине XVIII в. Подвойское принадлежало Матвею Яцыну (Яцинину), тестю Андрея Васильевича (деда Боратынского); после смерти Матвея Яцына Подвойское досталось Боратынским. После смерти Андрея Васильевича (1813) владельцем Подвойского стал, видимо, Петр Андреевич, но т. к. он оставался на службе в Петербурге, то здесь в 1810-е гг. жили его братья, вышедшие в отставку, — Илья Андреевич и Богдан Андреевич, и сестры — Мария Андреевна с дочерьми и Екатерина Андреевна. В округе Подвойского и Голощапова в 1810-е годы находилось около 15—20 мелких имений близких и дальних родственников Е. Боратынского. В настоящее время Подвойское — современное село. — Е. Боратынский жил в Подвойском и Голощапове с родителями во второй половине 1808 — первой половине 1809 г., а затем у своих дядюшек и тетушек в период между исключением из Пажеского корпуса и до поступления в военную службу: 1816, июль—август — 1817, январь; 1817, сентябрь, 10-е числа — 1818, август.

РОЧЕНСАЛЬМ (ныне г. Котка). Городок в Финляндии на Финском заливе. Сюда с августа 1822 г. определен на квартиры Нейшлотский полк. — Боратынский впервые побывал в Роченсальме вместе с Н. М. Коншиным в 1820 г. — видимо, в сентябре; в 1822—1824 гг. жил здесь во время стоянки Нейшлотского полка: 1822, август, 20—21 — сентябрь, до 21; 1823, февраль — май, до 15; 1823, июль, после 3 — 1824, май, первая половина; 1824, август, 22—23 — октябрь, середина месяца; 1825, август, ок. 30 — сентябрь, 4—5(?).

СКУРАТОВО. Имение Энгельгардтов в Тульской губ. (ныне поселок Скуратовский). Боратынский, видимо, несколько раз бывал здесь в 1830-е годы, заезжая по пути в Мару и обратно; однако точно установлены лишь две даты его пребывания здесь: 1837, май, 12—13; 1843, май — июнь, начало месяца.

ТАМБОВ. Абрам Андреевич Боратынский имел здесь собственный дом (частично сохранился; ныне находится на территории воинской части — см.: Известия. 1989. № 281. 7 октября. С. 4). — Е. Боратынский впервые побывал в Тамбове в 5-летнем возрасте вместе с отцом: 1805, сентябрь—октябрь — 1806, январь. В дальнейшем он проезжал через Тамбов всякий раз, когда направлялся в Мару и когда ехал из Мары.

УМЁТ. Имение Н. В. Чичерина неподалеку от Мары (ныне районный центр Тамбовской обл.). — Боратынский бывал здесь иногда во время приездов на родину (см.: *Чичерин* 1890).

ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ. Боратынский был здесь проездом во второй половине октября 1843 г.

ФРИДРИХСГАМ. Городок в Финляндии, место квартирования Нейшлотского полка до весны 1821 г. 6 августа 1821 г., во время караульной службы нейшлотцев в Петербурге, Фридрихсгам выгорел от пожара, и полк Боратынского был переведен в Роченсальм.— Боратынский жил с перерывами во Фридрихсгаме в течение первых полутора лет своего пребывания в Нейшлотском полку: 1820, январь после 11 — апрель; 1820, июль — декабрь, начало месяца; 1821, март — апрель, до 13—17.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ Е. А. БОРАТЫНСКОГО
в хронологическом порядке

Бóльшая часть писем Боратынского датирована в Летописи заново; обоснования новых дат и прежние даты, проставленные публикаторами писем, см. в Летописи под соответствующими числами и в примечаниях к этим числам. Указания на письма сопровождаются в настоящем перечне цитатами начальных строк писем. — Среди изданий отмечены только те, где письма Боратынского были напечатаны впервые, а также те, в которых письма повторно напечатаны с новыми датировками и уточнением текстов по автографам или авторитетным копиям. Письма, публикуемые в Летописи впервые, сопровождаются указанием на архивный источник публикаций.

В Летопись и в перечень писем не включены шесть писем, до сих пор считавшихся письмами Боратынского: 1) детское письмо к маменьке: «Je suis bien contente ma chère maman daprendre...» (*Хетсо*. С. 566), которое является письмом не Боратынского, а его сестры Софии (аргументы см. в примеч. к 1806, ноябрь, вт. пол. — дек.); 2) «Ma très chère maman, je suis bien content de votre lettre, je vous remercie de l'habit...» — это письмо, напечатанное впервые по копии (М. С. 41), датировано публикатором Ю. Н. Верховским 1820—1825 гг.; Г. Хетсо, ознакомившийся с автографом (ПД. № 21.738. Л. 4), отнес его по причине детского почерка к 1811—1812 гг. (*Хетсо*. С. 703); мы же полагаем, что это письмо не Евгения, а его брата Сергея, написанное из Подвойского — Голощапова незадолго до его отъезда оттуда в Мару: около 1813—1814 гг.; 3) записка Боратынского к А. С. Пушкину 10.10.1822 (1823), являющаяся подделкой А. Е. Грена (аргументы см. в примеч. к 1823, окт. 6); 4) письмо к сестре В. А. Боратынской: «Je te remercie, ma bonne amie, pour ta charmante lettre...» (*Хетсо*. С. 586—587; датировка: середина 1820-х), написанное не Боратынским, а его братом Сергеем (аргументы см. в примеч. к 1828, сент., вт. пол.?); 5—6) письмо Боратынского к И. И. Козлову 7.1.1825 и письмо Боратынского и Козлова к А. Одынцу 18.12.1837 как явные фальсификации (аргументы см. в примеч. к 1825, янв., 7).

1. **1806, ноябрь, 5.** Вяжля. **Родителям — А. Ф. и А. А. Боратынским** в Петербург: «Милая мая мамінька...» — *Хетсо*. С. 564—565.

2. **1806, ноябрь, 16 (?).** Вяжля. **Родителям и тетушке Е. Ф. Черепановой** в Петербург: «Любезные мои папинька, маминька и тіотінька...» — *Хетсо*. С. 565.

3. **1806, ноябрь, вторая половина (?).** Вяжля. **Родителям и тетушке Е. Ф. Черепановой**: «Любезные папинька и маминька — благодарим вас за игрушки...» — ПД. № 26.321.

4. **1806, ноябрь, вторая половина месяца — декабрь (?).** Вяжля. **Маменьке** в Петербург: «Je suis bien content aussi...» — *Хетсо*. С. 566.

5. **1807, январь, начало месяца (?).** Вяжля. **Маменьке** в Петербург: «Ma bonne maman. Je ne pui vous exprimer la greable surprise...» — *Хетсо*. С. 567.

6. **1807, вторая половина года (?).** Мара. **Тетушке Е. А. Боратынской** в Подвойское — Голощапово: «Любезная тетинька желая вам быть здаровым...» — М. С. 80.

7. **1807 (или 1809, или 1810), ноябрь, до 24.** Мара (или Москва). **Тетушке Е. А. Боратынской** в Голощапово — Подвойское: «Милая тетинька. — Поздравляем вас со днем вашего ангела...» — ПД. № 21.737. Л. 11—11 об.

8. **1811. Май—июнь (?).** Мара. **Дядюшке Богдану Андреевичу** в Подвойское — Голощапово: «Любезный дядинька. Мы очень были обрадованы...» — М. С. 79—80, 139—140.

9. **1811. Май—июнь (?).** Мара. **Тетушке Е. А. Боратынской** в Подвойское — Голощапово: «Любезная тетинька. Будьте здоровы и благополучны...» — М. С. 80.

10. **1812. Май, середина месяца (?).** Петербург. **Маменьке** в Мару: «Ma chère maman. Je viens de recevoir votre lettre et je vous en remercie...» — Изд. 1869. С. 401—402 (без постскриптума); М. С. 21 (полностью).

11. **1812. Май, 30.** Петербург. **Маменьке** в Мару: «Ma chère maman. Je vous demande pardon de l'inquiétude...» — М. С. 23.

12. **1812. Май, 30.** Петербург. **Братьям Ираклию и Льву, сестре Софии, кузине Александрине** в Мару: «Mes chers frères et soeurs...» — *Хетсо.* С. 15.

13. **1812. Июнь, вторая половина месяца.** Петербург. **Маменьке** в Мару: «Je vous remercie de votre lettre. Je me porte bien...» — М. С. 24—25. Там же — приписка к **Е. Ф. Черепановой.**

14. **1812. Август.** Петербург. **Маменьке** в Мару: «Любезная маминька. Вы мне говорите, чтоб я к вам писал обо всем...» — *Хетсо.* С. 567—568.

15. **1812. Декабрь.** (?). Петербург. **Маменьке** в Мару или в Кирсанов: «Любезная маминька. — мне очень прискорбно слышать...» — *Хетсо.* С. 569.

16. **1813. Февраль, 23.** Петербург. **Маменьке** в Мару или в Кирсанов: «Ma chère maman. Je ne puis vous décrire le plaisir...» — *Хетсо.* С. 571—572.

17. **1813. Апрель, до 13.** Петербург. **Маменьке** в Мару или в Кирсанов: «Ma très chère maman. Je m'empresse de repondre...» — *Хетсо.* С. 573.

18. **1814 (?). Июль (?).** Петербург. **Маменьке** в Мару: «Ma chère maman.— Nous venons d'apprendre...» — Изд. 1869. С. 403; М. С. 26.

19. **1814. Август (?).** Петербург. **Маменьке** в Мару: «Ma très chère maman. Voilà que mon oncle part pour la campagne...» — *Хетсо.* С. 570—571.

20. **1814. Сентябрь — октябрь, начало месяца.** Петербург. **Маменьке** в Мару — с выражением желания стать автором: «Ma très chère maman. Je m'empresse de profiter...» — *Хетсо.* С. 574—575.

21. **1814. Ноябрь (?).** Петербург. **Маменьке** в Мару или в Кирсанов — с просьбой отпустить в морскую службу: «Ma très chère maman. Je viens de recevoir votre lettre...» — Изд. 1869. С. 403—405.

22. **1814. Декабрь, 20-е числа.** Петербург. **Дядюшке и тетушкам** (каким именно – неизвестно): «Любезный дядинька и любезные тетиньки. Спешу поздравить вас с наступаюшим новым годом...» — *Хетсо.* С. 575.

23. **1815. Апрель, вторая половина месяца — май, начало.** Петербург. **Маменьке** в Мару: «Ma chère maman. Je vous demande mille et mille pardons...» — Изд. 1869. С. 402; М. С. 22.

24. **1815. Май—июнь (?).** Петербург. **Маменьке** в Мару: «Ma chère maman. Je m'empresse de vous remercier pour l'argent...» — *Хетсо.* С. 578.

25. **1815. Сентябрь, начало месяца.** Петербург. **Дядюшкам Богдану Андреевичу и Илье Андреевичу** в Подвойское — Голощапово: «Любезные дядиньки Богдан Андреевич и Илья Андреевич. Честь имею поздравить с прошествием праздников Александрова дня...» — *Хетсо.* С. 576.

26. **1816. Март, середина — вторая половина месяца.** Петербург. **Маменьке** в Мару или в Кирсанов: «Любезная маменька. Я не знаю, как изъяснить вам все, что я теперь чувствую...» — *Гофман* 1914. С.XXXV—XXXVI; М. С. 26—27; *Хетсо.* С 38.

27. **1816. Август—октябрь.** Подвойское. **Дядюшке Петру Андреевичу** в Петербург: «Любезный дядюшка Петр Андреевич. Я не знаю, как вам когда-нибудь доказать мою благодарность...» — Изд. 1869. С. 409.

28. **1816. Август—октябрь.** Подвойское. «Философическое письмо» **маменьке** в Мару: «Nous passons ici le temps bien agréablement...» — Изд. 1869. С. 406—407 (фрагмент); М. С. 27—28 (полностью).

29. **1816. Август—октябрь.** Подвойское. **Маменьке** в Мару: «Ma chère maman. Serait-il bien vrai?...» — Изд. 1869. С. 407—408 (фрагменты); М. С. 29—30 (полностью).

30. **1817. Апрель—июнь.** Мара (или: **1819, январь...декабрь. Петербург**). **Дядюшкам Богдану Андреевичу и Илье Андреевичу** в Подвойское — Голощапово: «Любезные дядиньки Богдан Андреевич и Илья Андреевич. Я чрезвычайно виноват...» — ПД. № 21.737. Л. 5—5 об

31. **1817. Сентябрь, около 4.** Тамбов. **Маменьке** в Мару: «Nous partons dans deux heures...» — М. С. 37—38.

32. **1817. Сентябрь, середина месяца.** Подвойское. **Маменьке** в Мару: «Par où commencer, ma chère maman...» — Изд. 1869. С. 408 (фрагменты); М. С. 30—31 (полностью).

33. **1817. Сентябрь, середина месяца.** Подвойское. **Маменьке** в Мару — скорее всего, это продолжение предыдущего письма (№ 32): «Je n'ai pas rempli toutes vos commissions à Moscou...» — М. С. 32—33.

34. **1817. Декабрь, 4.** Подвойское. **Маменьке** в Мару или в Кирсанов: «Nous avons eu beaucoup de plaisir aujourd'hui...» — М. С. 33—34.

35. **1817. Декабрь, 4.** Подвойское. **Тетушке Екатерине Андреевне** в Мару или Кирсанов — приписка к предыдущему письму (см. № 34): «Любезная тетинька Катерина Андреевна. Я не нахожу выражения чтоб перед вами извиниться...» — *Хетсо.* С. 579.

36. **1818. Январь, после 23.** Подвойское. **Маменьке** в Мару или в Кирсанов: «Mon oncle part demain pour Moscou...» — М. С. 34—35.

37. **1818. Август, 6.** Подвойское. **Маменьке** в Мару: «Mon oncle Илья Андреевич est arrivé ici...» — *Хетсо.* С. 577.

38. **1818. Ноябрь (?).** Петербург. **Маменьке** в Москву или в Мару: «J'ai reçu une de vos lettres...» — *Хетсо.* С. 579—580.

39. **1818. Ноябрь—декабрь.** Петербург. **Маменьке** в Москву или в Мару: «Je ne vous ai point envoyé mon adresse...» — *Хетсо.* С. 580—581.

40. **1819. Апрель, около 6.** Петербург. **Маменьке** в Мару: «Любезная маменька. Благодарю вас от всего сердца за присылку денег 500 р...» — М. С. 38.

41. **1821. Март, 12. Фридрихсгам (?). С. С. Уварову** в Петербург : «Ваше превосходительство милостивый государь Сергей Семенович...» — *Хетсо.* С. 582.

42. **1821. Апрель, до 13. Фридрихсгам. А. А. Никитину** в Петербург: «Милостивый государь Андрей Афанасьевич...» — *Вейс* 1962. С. 307.

43. **1822. Февраль, после 25 — март, 13—15 (?).** Петербург. **Н. И. Гнедичу**: «Почтеннейший Николай Иванович...» — *Гофман* 1914—1915. Т. 1. С. 234—235.

44. **1822. Июль 21—22.** Петербург. **Маменьке** в Мару: «J'ai donné à Sophie le titre d'ange...» — *Хетсо.* С. 583—584.

45. **1823. Апрель, до 22.** Роченсальм. **Маменьке** в Мару: «Vous avez été sans doute étonnée de recevoir le bonnet invisible...» — М. С. 39—40.

46. **1823. Октябрь...декабрь (?).** Роченсальм. **А. А. Бестужеву и К. Ф. Рылееву** в Петербург: «Милые собратья Бестужев и Рылеев!..» — РС. 1888. № 11. С. 321—322.

47. **1823. Декабрь, до 20—25.** Роченсальм. Исповедальное письмо **В. А. Жуковскому** в Петербург: «Вы налагаете на меня странную обязанность...» — РА. 1868. Вып. 1. Ст. 147—150.

48. **1824. Январь, вторая половина месяца.** Роченсальм. **В. А. Жуковскому** в Петербург: «Почтенный Василий Андреевич! По совету дяди моего, я пишу...» — РА. 1871. Вып. 6. Ст. 0240.

49. **1824. Март, 5.** Роченсальм. **В. А. Жуковскому** в Петербург: «Болезнь, почтенный Василий Андреевич, препятствовала мне...» — РА. 1971. Вып. 6. Ст. 0239—0240.

50. **1824. Май. 24—25.** В Вильманстранде. **Н. В. Путяте**: «Баратынский был у вас, желая засвидетельствовать вам свое почтение...» — *Путята.* 1867. Ст. 264.

51. **1824. Сентябрь.** Роченсальм. **Маменьке** в Мару: «Nous allons quitter Rotchensalm...» — Изд. 1869. С. 410—411; *Хетсо.* С. 79—80.

52. **1824. Сентябрь, вторая половина — октябрь, до 11.** Роченсальм. **Н. М. Коншину**: «Получил я письмо твое, милый Коншин...» — *Лернер* 1908. С. 756—757.

53. **1824. Октябрь, 11.** Роченсальм. **Н. В. Путяте** в Гельсингфорс: «Получил я письмо ваше, любезный мой покровитель...» — *Путята* 1867. Ст. 265 (отрывок); Изд. 1951. С. 252 (полностью).

54. **1824. Октябрь, 31.** Гельсингфорс. **А. И. Тургеневу** в Петербург: «Ваше превосходительство милостивый государь Александр Иванович...» — РА. 1871. Вып. 6. С. 0240—0241.

55. **1824. Ноябрь—декабрь (?).** Гельсингфорс. **М. Е. Лобанову** в Петербург: «Судьба моя такова, почтенный Михаил Евстафьевич...» — *Дельвиг.* Изд. 1934. С. 499—500.

56. **1825. Январь, около 24—26.** Гельсингфорс. **В. К. Кюхельбекеру** в Москву: «Милый Вильгельм, письмо это тебе доставит...» — РА. 1875. № 7. С. 377.

57. **1825. Январь, 25.** Гельсингфорс. **А. И. Тургеневу** в Петербург: «Ваше превосходительство милостивый государь Александр Иванович! Арсений Андреевич поехал в Петербург...» — Изд. 1951. С. 474—475.

58. **1825. Февраль, 10.** Кюмень. **Маменьке** в Мару: «C'est de Кюмень que je vous écris...» — Изд. 1869. С. 411.

59. **1825. Февраль, 20-е числа.** Кюмень. **Н. В. Путяте** в Москву: «В шумной Москве ты не забыл финляндского отшельника...» — *Путята* 1867. Ст. 265—267 (отрывки); Изд. 1951. С. 476—478 (полностью).

60. **1825. Февраль, 26.** Кюмень. **Н. М. Коншину** в Петербург: «Виноват, неизвинительно виноват пред тобою...» — *Лернер* 1908. С. 758.

61. **1825. Март, после 29 — апрель, начало месяца.** Кюмень. **И. И. Козлову** в Петербург: «Воистину воскрес, почтенный и любезный Иван Иванович...» — Изд. 1951. С. 480—482.

62—63. **1825. Апрель, после 5 (?).** Кюмень. Два письма к **Н. В. Путяте** в Москву: «Получил я второе письмо твое...» (без даты; обычно датируется мартом 1825); «Я поклепал на тебя в моем сердце...» (дата: 29 марта — видимо, ошибочная) — *Путята* 1867. Ст. 267—270 (отрывки); Изд. 1951. С. 478—480 (полностью).

64. **1825. Май, после 7—8.** Кюмень. **А. А. Муханову** в Петербург: «Душа моя Муханов. Спасибо за письма...» — РА. 1895. Кн. № 9. С. 125.

65. **1825. Май, 9.** Кюмень. **А. И. Тургеневу** в Петербург: «Ваше превосходительство милостивый государь Александр Иванович! Наконец я свободен...» — Изд. 1951. С. 482.

66. **1825. Май, 15.** Кюмень. **Н. В. Путяте** в Гельсингфорс: «Спасибо, Путятушка, за пересланные письма...» — Изд. 1983. С. 257.

67. **1825. Август, начало месяца.** Петербург. **Н. В. Путяте** в Гельсингфорс: «Виноват, милый Путята, но не сердцем...» — *Путята.* 1867. Ст. 271—272 (фрагмент); Изд. 1983. С. 257—258 (полностью).

68. **1825. Август, 16.** Выборг. **Маменьке** в Мару или в Москву: «C'est de Vibourg que je vous écris...» — М. С. 41—42.

69. **1825. Ноябрь.** Москва. **Н. В. Путяте** в Гельсингфорс: «Ежели с приезда в Москву я к тебе не писал...» — *Путята* 1867. Ст. 270 (с пропусками); Изд. 1983. С. 259—260 (полностью).

70. **1825. Ноябрь—декабрь...август 1826.** Москва. **С. А. Соболевскому** в Москве: «С Денисом Васильевичем я еще не виделся...» — ПД. Ф. 244. Оп. 17. № 136. Л. 322.

71. **1825. Декабрь, первая половина месяца.** Москва. **А. С. Пушкину** в Михайловское: «Благодарю тебя за письмо, милый Пушкин...» — Изд. 1869. С. 419—421.

72. **1825. Декабрь, после 7.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Остафьево: «Простите, спорю невпопад...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 44.

73. **1826—1828.** Москва. **З. А. Волконской** в Москве: «Je suis pénétré de reconnaissance...» — *Aroutunova B.* Lives in Letters. Princess Zinaida Volkonskaya and her correspondence. Slavica Publishers, Columbus, 1994. P. 51.

74. **1826...1829 (?).** Москва. **С. Д. Полторацкому** в Москве: «Не могу быть у тебя сегодня...» — *Хетсо.* С. 591.

75. **1826. Январь—февраль (?).** Москва. **Н. В. Путяте** в Гельсингфорс или в Петербург (фрагмент письма): «...в Москве пронесся необычайный слух: говорят, что Магдалина беременна...» — *Гофман* 1914—1915. Т. 1. С. 258.

76. **1826. Январь, начало месяца.** Москва. **Н. В. Путяте** в Гельсингфорс: «Милый Путята, вот письмо к Закревскому...» — *Путята* 1867. Ст. 274—275 (отрывок); Изд. 1983. С. 261—262 (полностью).

77. **1826. Январь, после 7.** Москва. **А. С. Пушкину** в Михайловское: «Посылаю тебе Уранию...» — Изд. 1869. С. 418—419.

78. **1826. Январь, до 19.** Москва. **Н. В. Путяте** в Гельсингфорс: «Спасибо тебе, милый Путята, за твои письма...» — *Путята* 1867. Ст. 273—274 (с пропусками); Изд. 1983. С. 260—261 (полностью).

79. **1826. Февраль (?) — март (?)** (или: **апрель—май**) В Москве. Невесте **Н. Л. Энгельгардт**: «Je me porte tout à fait bien...» — *Хетсо.* С. 618.

80. **1826. Октябрь, около 20.** Москва. **А. А. Муханову** в Тульчин: «Душа моя Муханов. Брат Ираклий привез...» — РА. 1895. Кн. 3. № 9. С. 125.

81. **1826. Ноябрь.** Москва. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Как мне жаль, милый Путята...» — *Путята.* 1867. Ст. 276—277 (с пропусками); Изд. 1983. С. 262—263 (полностью).

82. **1826. Декабрь, 14.** Москва. **Н. М. Коншину** в Петербург: «Как неожиданное письмо твое меня обрадовало...» — *Лернер* 1908. С. 759—760.

83. **1826. Декабрь, до 28.** В Москве. **В. В. Измайлову**: «Я столько виноват перед вами...» — *Хетсо.* С. 588.

84—87. **1827...1836 (?).** Мара (?). Четыре записки к **С. Л. Энгельгардт** в Москву: 1) «Je suis tout à fait tourné...»; 2) «Ma belle et bonne Sophie...»; 3) «Ma chère, ma bonne Sophie...»; 4) «Je vous félicite, ma bonne Sophie...» — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 1—3 об.; 46.

88. **1827. Февраль, 25 — март, 12.** Москва. Вставка в письмо П. А. Вяземского к **В. А. Жуковскому** и **А. И. Тургеневу**: « <...> Грузинский князь, газетчик русской <...> Позвольте почтенный Василий Андреевич, напомнить вам о Боратынском...» — РС. 1871. № 10. С. 240 (фрагмент); ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 61—62.

89. **1827. Ноябрь, до 25.** Мара. **Н. А. Полевому** в Москву: «Получил я, любезный Николай Алексеевич, «Дива», «Онегина» и мои стихотворения...» — РА. 1872. Вып. 2. Ст. 351—352.

90. **1828 (??).** Москва. **К. К. Янпш** в Москве: «C'est bien malgré moi, Mademoiselle...» — *Хетсо.* С. 589—590. — В Летописи помещено под датой: 1829, Янв., 6 — в связи с публикацией записи в альбом Янпш.

91. **1828. Февраль, около 23.** Москва. **А. С. Пушкину** в Петербург: «Давно бы я писал к тебе...» — Совр. 1854. Т. 47. № 9. Отд. 3. С. 22 (с пропусками); Изд. 1869. С. 421—422 (полностью).

92. **1828. Февраль, около 23 (?).** В Москве. **П. А. Вяземскому**: «Желаю вам, любезный князь, счастливой дороги...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 44—45.

93. **1828. Февраль, до 27 или июнь, до 18 (?).** Москва. **С. П. Шевыреву** в Москве: «К крайнему моему сожалению, почтенный Степан Петрович...» — *Хетсо.* С. 590.

94. **1828. Апрель, начало месяца.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Петербург: «Исполнил я ваше препоручение...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 51—52.

95. **1828. Апрель (?).** Москва. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Я перед тобой смертельно виноват...» — *Путята* 1867. Ст. 277—278 (с пропусками); Изд. 1951. С. 490—491 (полностью).

95-а. **Апрель, 13.** В Москве. **А. Ф. Тернбергу**: «Милостивый государь Александр Францович!..» – *Клейменова* 1991. С. 123 (фрагмент); ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 27. Л. 3—4.

96. **1828. Декабрь, до 4.** Москва. **А. А. Дельвигу** в Петербург: «Нет, душа моя Дельвиг...» — ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 83 (с пропусками); *Хетсо.* С. 591—592 (полностью).

97. **1829—1833.** Москва. **И. В. Киреевскому** в Москве: «Разговор, оживленный истинным разговорным вдохновением...» — ТС. С. 57—58.

98. **1829—1833.** Москва. **И. В. Киреевскому** в Москве: «Каков ты, милый Киреевский?..» — ТС. С. 56.

99. **1829—1833.** Москва. **И. В. Киреевскому** в Москве: «Мне лучше, но я еще не совсем здоров...» — ТС. С. 56—57.

100. **1829—1833. Март, 1.** Москва. **А. А. Елагину** в Москве: «Поздравляю вас, почтенный Алексей Андреевич...» — Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 334—336 (публикация В. Э. Вацуро).

101. **1829. Апрель, начало месяца.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Мещерское: «Вы предупредили меня, любезный князь...» — ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 87—88 (с пропусками); Изд. 1987. С. 180—181 (полностью).

102. **1829. Май.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Мещерское: «Василий Львович доставил мне...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 45—46.

103. **1829. Май, начало месяца (?).** Москва. **П. А. Вяземскому** в Мещерское: «Письмо ваше, любезный князь, застало меня...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 49.

104. **1829. Май, конец месяца — июнь.** Мураново. **П. А. Вяземскому** в Мещерское: «С нетерпением жду, любезный князь, вашего мнения...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 49—50.

105. **1829. Июнь.** Москва. **Жене** в Мураново: «Je suis arrivé sain et sauf...» — П. С. 251—252.

106. **1829. Июнь, вторая половина месяца — июль, до 18.** Москва или Мураново. **П. А. Вяземскому** в Мещерское: «Я еще не отвечал на последнее ваше письмо...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 46—47.

107. **1829. Сентябрь (?), до 22—23.** Москва. **М. П. Погодину** (вставка в письмо И. В. Киреевского к Погодину): «Главная моя мысль: человечество состоит из человеков...» — *Филиппович* 1917. С. 110—111.

108. **1829. Сентябрь, около 20.** Москва. **Н. М. Коншину** в Петербург: «Спасибо тебе за твое письмо, милый Коншин...» — *Лернер* 1908. С. 761.

109. **1829. Октябрь, первая половина месяца.** Мара. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Не знаю, застанет ли тебя письмо...» — ТС. С. 5—6.

110. **1829. Октябрь, вторая половина месяца – ноябрь (?).** Мара. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Милое, теплое и умное письмо твое...» – ТС. С. 6—7.

111. **1829. Октябрь, вторая половина месяца — ноябрь.** Мара. **А. П. Елагиной** в Москву: «Vous êtes si pleine de bonté pour moi...» — Изд. 1869. С. 518—519.

112. **1829. Октябрь, вторая половина месяца — ноябрь (?).** Мара. **М. П. Погодину** в Москву: «Милый государь Михайло Александрович. Домашние, непредвиденные мною хлопоты...» — *Барсуков.* Кн. 2. С. 327—328 (с неточностями); Изд. 1936. Т. 1. С. XXXV (фрагмент); *Хетсо.* С. 594 (полный текст).

113. **1829. Октябрь, 20-е числа.** Мара. **Н. М. Коншину** в Петербург: «Посылаю тебе, милый Коншин, обещанные стихи...» — *Лернер* 1908. С. 762.

114. **1829. Ноябрь, до 29.** Мара. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Доставь, душа моя, эти стихи Максимовичу...» — ТС. С. 8

115. **1829. Ноябрь, до 29 (?).** Мара. **М. П. Погодину** в Москву: «Извините, любезный Михайло Александрович, что пишу к вам только два слова...» — *Хетсо.* С. 593.

116. **1829. Декабрь, около 20.** Мара. **П. А. Вяземскому** в Москву: «По приезде моем в деревню...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 47—48.

116-а. **1830-е годы, первая половина (?).** Две приписки к письмам Настасьи Львовны — **В. А. Рачинской** (Боратынской): 1. Je prie Alexandre...»; 2. «Pardon, chère Варинька...» — РГАЛИ. Ф. 427. Оп. № 426. Л. 2, 67 об. Текст см.: 1830, янв., 31.

117. **1830. Январь, середина месяца.** Мара. **С. Л. Энгельгардт**: «J'étais tout prêt ma bonne Софинька...» — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 4—5 об.

118. **1830. Январь, вторая половина...август (?).** Мара (?). **Н. В. Путяте** в Петербург: «Переписка наша, милый Путята, прервалась...» — *Путята* 1867. Ст. 279—280.

119. **1830. Январь, до 24.** Мара. **П. А. Вяземскому** в Москву: «С благодарностию возвращаю вам «Адольфа»...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 48—49.

120. **1830. Ноябрь, вторая половина месяца (?).** Москва. **Маменьке** в Мару: «Nous avons été bien heureux...» — М. С. 44—45.

121. **1830. Ноябрь, до 23.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Остафьево: «Скоро ли, любезный князь, вы решитесь оставить Астафьево...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 52.

122. **1830. Ноябрь, конец месяца.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Остафьево: «Спорить с вами не могу, любезный князь...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 52—53.

123. **1830. Декабрь, 10-е числа (?).** Москва. **Д. Н. Свербееву**: «Приношу чувствительнейшую признательность...» — Московский Пушкинист. II. М., 1930. С. 59—60.

124. **1830. Декабрь, 10-е числа — первая половина января 1831.** В Москве. **И. В. Киреевскому**: «Я буду у тебя завтра...» — ТС. С. 8.

125. **1830. Декабрь, вторая половина — первая половина января 1831.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Остафьево: «Отвечаю наскоро на письмо ваше...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 45.

126. **1831. Январь—февраль (?).** Москва. **И. В. Киреевскому** в Москве: «Вот тебе моя тетрадь...» — ТС. С. 56.

127. **1831. Март, до 20 (?).** Москва. **С. Т. Аксакову** в Москве: «Милостивый государь Сергей Тимофеевич...» — *Хетсо.* С. 595.

128. **1831. Апрель, около 19.** Москва. **И. В. Киреевскому** в Москве: «Спасибо тебе за твои хлопоты...» — ТС. С. 55.

129. **1831. Апрель, вскоре после 19.** Москва. **И. В. Киреевскому** в Москве: «Милый мой Киреевский, сдержи слово...» — ТС. С. 55—56.

130. **1831. Апрель, 20-е числа — май, начало месяца.** Москва. **П. А. Плетневу** в Петербург: «Посылаю тебе, милый Плетнев, экз. «Наложницы»...» — *Фризман* 1966. С. 55; *Хетсо.* С 598.

131. **1831. Апрель, 20-е числа — май, начало месяца.** Москва. **М. Д. Деларю** в Петербург: «Посылаю вам, любезный Деларю...» — *Хетсо.* С. 596.

132. **1831. Апрель, 20-е числа — май, начало месяца (?)** (получено 1 июня 1831). Москва. **А. А. Закревскому** в Петербург: «Ваше сиятельство. Важные государственные занятия...» — *Фалалеева* 1992. С. 88.

133. **1831. Май, вторая половина — июнь, начало месяца.** Мураново. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Как ты поживаешь, милый мой Киреевский, и что ты поделываешь?..» — ТС. С. 10—11.

134. **1831. Май, вторая половина — июнь, начало месяца.** Мураново. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Не стану благодарить тебя за хлопоты...» — ТС. С. 14—15.

135. **1831. Май, вторая половина — июнь, начало месяца.** Мураново. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Отвечаю тебе весьма наскоро...» — ТС. С. 11—12.

136. **1831. Май, вторая половина — июнь, начало месяца.** Мураново. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Дружба твоя, милый Киреевский...» — ТС. С. 12—14.

137. **1831. Июнь, первая половина (?).** Мураново. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Вообрази себе, милый Киреевский...» — ТС. С. 8—9.

138. **1831. Июнь, конец месяца — июль, начало.** Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Пишу тебе из Казани...» — ТС. С. 9—10.

17*

139. **1831. Июнь, конец месяца — июль, начало**. Казань. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Поздно отвечаю на письмо твое...» — *Путята* 1867. Ст. 280—281.

140. **1831. Июль, 10 — 20-е числа**. Каймары. **П. А. Плетневу** в Петербург: «Когда я получил письмо твое...» — Помощь голодающим. М., 1892. С. 259—260.

141. **1831. Август—сентябрь**. Каймары (?). **П. А. Вяземскому** в Москву: «Благодарю вас за присылку «Адольфа»...» — Изд. 1987. С. 224—225.

142. **1831. Август, до 6**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Что ты молчишь, милый Киреевский...» — ТС. С. 15—17.

143. **1831. Август, до 13**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Я не шутя о тебе горюю...» — ТС. С. 17.

144. **1831. Август, вторая половина (?)**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Наконец я дождался вести о тебе...» — ТС. С. 39—40.

145—146. **1831. Сентябрь—октябрь**. Каймары. **С. М. Боратынской** (Дельвиг) в Мару: «Mon sort est vous aimer, chère Sophie...» — П. С. 261—262. — К неизвестному времени после 1831 г. относится другое письмо к С. М. Боратынской: «Chère Sophie, Филип Богданович m'écrit...» — ПД. № 26.318. Л. 3—3 об. (опубл. под датой: 1831, сент.—окт.).

147. **1831. Сентябрь, до 21**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Отвечаю разом на два твои письма...» — ТС. С. 19—21.

148. **1831. Сентябрь, до 21**. Каймары. **Н. М. Языкову** в Москву: «Благодарю тебя, милый Языков...» — *Поляков* 1918. С. 66—71 (с пропусками); *Петухов* 1924.С. 12—13 (полностью).

149. **1831. Сентябрь, после 21 — октябрь, до 5**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Спасибо тебе за твою записку...» — ТС. С. 17—18.

150. **1831. Октябрь, до 8**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Спасибо тебе за стихи Пушкина и Жуковского...» — ТС. С. 21—22.

151. **1831. Октябрь, после 8 — до 26**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Пишу тебе два слова...» — ТС. С. 23.

152. **1831. Октябрь, до 26**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Со мною сто раз случалось в обществе это тупоумие...» — ТС. С. 23—24.

153. **1831. Ноябрь, начало месяца**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Благодарю тебя за твое дружеское поздравление...» — ТС. С. 26—27.

154. **1831. Ноябрь, до 16**. Каймары. **Н. М. Языкову** в Москву: «Языков, буйства молодого...» — *Поляков* 1918. С. 66—71 (с пропусками); *Петухов* 1924. С. 13—14 (полностью).

155. **1831. Ноябрь, 29**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «29 ноября — вот тебе и число...» — ТС. С. 28—29.

156. **1831. Декабрь, начало месяца (около 3?)**. Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Вот тебе для «Европейца»...» — ТС. С. 29—30.

157. **1831. Декабрь, конец 10-х — начало 20-х чисел**. Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Ежели уже получено позволение...» — ТС. С. 25—26.

158. **1831. Декабрь, конец месяца**. Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Спасибо тебе за дельную критику...» — ТС. С. 32—33.

159. **1832. Январь, начало месяца (?)**. Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Сейчас получил от тебя неожиданную и прелестную новинку, Гизо...» — ТС. С. 30—31.

160. **1832. Январь, до 7 (?)**. Казань. **Н. М. Языкову** в Москву: «Плющом и гроздием венчая...» — *Поляков* 1918. С. 70—71 (фрагмент); *Хетсо*. С. 598—599 (полный текст).

161. **1832. Январь, около 7 (?)**. Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Благодарю тебя и за коротенькое письмо...» — ТС. С. 33—34.

162. **1832. Январь, середина месяца (?)**. Казань. **А. П. Елагиной** в Москву: «Ваше письмо, милая Авдотья Петровна...» — Изд. 1869. С. 517—518.

163. **1832. Январь, до 18**. Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Давно не получал от тебя писем...» — ТС. С. 31—32.

164. **1832. Январь, конец месяца — февраль, начало (?)**. Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Европеец» твой бесподобен...» — ТС. С. 34—35.

165. **1832. Февраль, около 14—15**. Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Поздравляю тебя с масляницей...» — ТС. С. 38—39.

166. **1832. Февраль, около 16—18**. Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Понимаю, брат Киреевский, что хлопотливая жизнь журналиста...» — ТС. С. 31—32.

167. **1832. Февраль, до 22.** Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Начинаю письмо мое пенями на тебя...» — ТС. С. 37—38.

168—169. **1832. Март (?).** Каймары. Две записки **И. М. Симонову** в Казань: «Милостивый государь Иван Михайлович! Прибегаю к вам с покорнейшею просьбою...»; «Милостивый государь Иван Михайлович! Денис Васильевич Давыдов, которому сообщил я ваш ответ...» — *Хетсо.* С. 600—602.

170. **1832. Март, начало месяца.** Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Ты разбираешь мою драматическую попытку...» — ТС. С. 41—43.

171. **1832. Март, до 14.** Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Я приписывал молчанье твое недосугу...» — ТС. С. 40—41.

172. **1832. Апрель, 7.** Каймары. **И. М. Симонову** в Казань: «Милостивый государь Иван Михайлович! Много меня одолжите...» — *Хетсо.* С. 602—603.

173. **1832. Апрель, до 12.** Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Ты провел день рождения твоего...» — ТС. С. 43.

174. **1832. Апрель, конец месяца — май, начало.** Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Я так давно к тебе не писал, что, право, совестно...» — ТС. С. 45—46.

175. **1832. Май, до 16.** Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Я поставлю себе за правило...» — ТС. С. 45—46.

176. **1832. Май, до 30.** Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Тесть мой поехал в Москву...» — ТС. С. 46.

177—179. **1832. Май, конец месяца — июнь, до 19.** Каймары и Князь-Камаево. Три письма к **С. Л. Энгельгардт** в Москву: 1) «Ma chère ma bonne Sophie votre absence...»; 2) «1-r Juin. Merci, моя душинька...»; 3) «Nastinka à pris à elle...» — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 6—7 об.; 40—41 об.; 38—39 об.

180. **1832. Июнь, первая половина (?).** Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Ты мне развил мысль свою о басне...» — ТС. С. 48—49.

181. **1832. Июнь, 13.** Каймары. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Я все еще в моей казанской деревне...» — ТС. С. 37.

182. **1832. Июнь, до 19.** Казань. **С. Л. Энгельгардт** в Москву: «Nous allons à Mara...» — *Хетсо.* С. 173 (фрагмент); РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 10—11 об.

183. **1832. Июнь, до 19.** Казань. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Пишу тебе в последний раз из Казани...» — ТС. С. 47—48.

184. **1832. Июль — август (?).** Мураново. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Вот тебе Lapidaire...» — ТС. С. 53—54.

185. **1832. Июль (?)...Апрель 1833 (?).** Москва. **И. В. Киреевскому** в Москве: «Отсылаю тебе Contes brunes...» — ТС. С. 56.

186. **1832. Август, вторая половина (?).** Мураново. **П. А. Вяземскому** в Петербург: «Не доезжая до тамбовской деревни...» — Вестник всемирной истории. 1900. № 6. С. 85—86.

187. **1832. Декабрь, вторая половина месяца (?) — 1833, январь.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Петербург: «Письмо это отдаст вам мой брат...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 53—54.

188. **1833. Февраль, до 3.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Петербург: «Наша московская литературная братия...» — ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 545.

189—190. **1833. Май, конец месяца — июнь, начало.** Приписки к письмам Настасьи Львовны, адресованным **С. Л. Энгельгардт** в Скуратово: 1) Ефремов (?). «Je vous embrasse, моя душинька...»; 2. Козлов. «Je vous embrasse ma bonne Sophie...» — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 15—15 об; 17—17 об.

191. **1833. Июнь, начало месяца.** Тамбов (?). **С. Л. Энгельгардт** в Скуратово: «Merci, mon ange, pour votre lettre...» — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 14 об.

192. **1833. Июнь, середина месяца.** Мара. **С. Л. Энгельгардт** в Скуратово: «Nous n'avons pas de vos nouvelles...» — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 8—9 об.

193—194. **1833. Июнь, вторая половина.** Мара. Два письма к **С. Л. Энгельгардт** в Скуратово или Чернь: 1) «Demain nous aurons de vos nouvelles...»; 2) «Ce n'est qu'à présent que nous commençons...» — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 24; 34—34 об.

195. **1833. Июль—август.** Мара. **С. Л. Энгельгардт** в Чернь: «Merci ma bonne Sophie pour les lettres...» — РГАЛИ. Ф 394. Оп. 1. № 175. Л. 19—20 об.

196. **1833. Август, до 4.** Мара. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Что ты делаешь и почему ко мне не пишешь?..» — ТС. С. 49—50.

197. **1833. Октябрь, до 27.** Мара. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Сердечно благодарю тебя за твой подарок...» — ТС. С. 50—51.

198. **1833. Октябрь, конец месяца — ноябрь.** Мара. **С. Л. Энгельгардт** в Москву: «Votre dernière lettre m'a fait beaucoup de peine...» — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 26—26 об.

199. **1833. Ноябрь, до 28.** Мара. **И. В. Киреевскому** в Москву: «На днях получил я от Смирдина...» — ТС. С. 51—52.

200. **1833. Декабрь, до 22.** Мара. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Ты меня печалишь...» — ТС. С. 52—53.

201. **1834...1843.** Москва или Мураново (?). Брату **С. А. Боратынскому** и его жене **С. М. Боратынской (Дельвиг)** в Мару: «Что вам сказать, милые друзья мои...» — П. С. 263.

202. **1834. Февраль (?).** Мара. **И. В. Киреевскому** в Москву: «Виноват, что так давно тебе не писал...» — ТС. С. 54—55.

203. **1834. Февраль, около 10.** Мара. **Д. В. Давыдову** в Пензу — сохранился только фрагмент: «Вы переписываетесь с Языковым...» — *Давыдов*. Изд. 1895. Т. 3. С. 191. В Летописи см.: 1834, февр., 16.

204. **1834 (?). Апрель, до 23.** Москва. **Маменьке** в Мару: «Je vous félicite de votre jour de fête...» — М. С. 75.

205. **1834 (?). Май (?).** Москва. **Е. Ф. Кривцовой** в Любичи: «Mille grâces, madame...» — *Хетсо*. С. 603.

206. **1834. Ноябрь, начало месяца.** Мара или Казань. **С. Л. Энгельгардт** в Москву: «Вот тебе, моя душенька, корректура...» — Мурановский сборник. Т. 1. М., 1928. С. 30.

207. **1835. Май—июнь, начало месяца.** Москва. **С. А. Соболевскому** в Москве: «Не можешь себе представить, как мне досадно...» — РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 5. Л. 20.

208. **1835. Май, 4.** Москва. **М. П. Погодину** в Москве: «К крайнему моему сожалению...» — *Хетсо*. С. 604.

209. **1835. Июнь—август (?).** Москва или Мураново. **Маменьке** в Мару: «J'ai passé ce dernier mois...» — М. С. 48—49.

210. **1835. Июнь, 8.** Москва. **С. А. Соболевскому** в Москве: «9-го июня день моей свадьбы...» — РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 5. Л. 18—19.

211. **1835. Июнь, 13 (?).** Москва. **С. А. Соболевскому** в Москве: «Хочешь ли завтра ехать к Свербеевым?..» — Изд. 1987. С. 255.

212. **1835. Ноябрь, конец месяца.** Москва или Мураново (?). Брату **С. А. Боратынскому** и его жене **С. М. Боратынской (Дельвиг)** в Мару: «Настя родила благополучно...» — П. С. 263.

213. **1836. Июнь, около 9.** Москва. **Жене** в Мураново: «J'ai retrouvé le portefeuille...» — П. С. 253.

214. **1836. Ноябрь, 10 или 11.** Москва. **А. И. Тургеневу** в Москве (фрагмент записки): «Возражение мое далеко не приведено в порядок...» — ОА. Т. 3. С. 256—257.

215. **1837. Февраль, 5.** Москва. **П. А. Вяземскому** в Петербург: «Пишу к вам под громовым впечатлением...» — СиН. 1900. Кн. 3. С. 341—342.

216. **1837. Март (?).** Москва. **П. А. Вяземскому** в Петербург: «Препровождаю вам дань мою «Современнику»...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 54.

217. **1837. Май, 11.** Подольск. **Жене** в Москву: «Je t'écris de Подольск...» — *Хетсо*. С. 606.

218. **1837. Май, 11.** Тула. **Жене** в Москву: «Милый дружок мой Настя...» — *Хетсо*. С. 606.

219. **1837. Май, 13.** Скуратово. **Жене** в Москву: «Je t'écris au moment de mon départ...» — П. С. 253—254.

220. **1837. Май, 15.** Тамбов. **Жене** в Москву: «Вот я и в Тамбове...» — *Хетсо*. С. 607.

221. **1837. Май, до 28.** Мара. **Жене** в Москву: «Je reviens dans le moment même de Любичи...» — *Хетсо*. С. 607—608.

222. **1837. Июнь, до 15. Жене** в Москву: «Il est arrivé ce que j'ai prevu...» — *Хетсо*. С. 605.

223. **1837. Июнь, 20-е числа.** Петровское. **Маменьке** в Мару: «J'ai heuresement achevé mon voyage...» — М. С. 51—52.

224. **1837. Вторая половина года — 1838.** Москва. **Н. В. Чичерину** в Тамбов: «Любезный друг Николай Васильевич...» — *Хетсо*. С. 108.

225. **1837. Июль, до 10.** Москва. **Н. И. Кривцову** в Любичи: «Il m'a été impossible de vous répondre...» — *Хетсо*. С. 609—610.

226. **1838. Февраль, 10 — 20-е числа.** Москва. **Н. В. Путяте** в Петербург: «На место Макарова предлагает себя... « — *Хетсо.* С. 611—612.

227. **1838 (?). Май—июнь.** Москва. **Маменьке** в Мару: «Je vous écris de Moscou...» — М. С. 49—50.

228. **1838 (?). Июнь—июль (?).** Москва. **Маменьке** в Мару: «Combien je vous remercie...» — М. С. 67—68.

229. **1838. Август.** Москва. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Чивалев еще не заплатил...» — *Хетсо.* С. 612—613.

230. **1838. Сентябрь, до 24.** Москва. **Маменьке** в Мару: «Vous savez déjà, ma bonne maman...» — М. С. 53—54.

231. **1838 (?). Ноябрь, 20-е числа.** Москва. **Маменьке** в Мару: «Nous avons été bien affligés...» — М. С. 72.

232. **1838 (?). Декабрь, середина месяца.** Москва. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Посылаю тебе, милый Путята, отчеты...» — *Хетсо.* С. 615—616.

233. **1839. Февраль, 20-е числа — март.** Москва. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Вероятно, тебя, как и Соничку, удивило намерение наше ехать в Крым...» — *Хетсо.* С. 613—614.

234. **1839. Февраль, 20-е числа — март.** Москва. **П. А. Плетневу** в Петербург: «Милый мой, всегда по-старому милый Плетнев!..» — *Грот* 1904. С. 519—520.

235. **1839. Август, после 28 — сентябрь, начало.** Мураново (?). **Маменьке** в Мару: «J'ai à vous annoncer...» — М. С. 59—60.

236. **1839 (?). Сентябрь, вторая половина — октябрь, начало.** Москва. **Маменьке** в Мару: «Nous ne venons que de rentrer...» — М. С. 59.

237. **1839. Ноябрь—декабрь (?).** Москва. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Посылаю для подписания Сонички...» — *Хетсо.* С. 614—615.

238. **1839. Декабрь, до 18 (?).** Москва. **Маменьке** в Мару: «Mille grâces, chère et bonne maman...» — *Хетсо.* С. 616—617.

239. **1840—1843 (?).** Москва, Мураново или Артемово. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Посылаю тебе, любезный друг, новые условия Дьякова...» — *Хетсо.* С. 633.

240. **1840—1843 (?).** Москва, Мураново или Артемово. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Посылаю тебе, любезный друг, 10.000...» — *Хетсо.* С. 635.

241. **1840. Январь, 20-е числа.** Москва. **Маменьке** в Мару: «Nous avons reçu avec l'обоз...» — М. С. 54—55.

242.**1840. Февраль, 3.** Петербург. **Жене** в Москву: «Je suis arrivé à Pétérsbourg...» — *Хетсо.* С. 618—619.

243. **1840. Февраль, 4.** Петербург. **Жене** в Москву: «Получил твое письмецо...» — Изд. 1869. С. 422—423 (фрагмент); *Хетсо.* С. 620—621 (полностью).

244. **1840. Февраль, 5.** Петербург. **Жене** в Москву: «Сегодня, моя душенька, некогда много писать...» — *Хетсо.* С. 626.

245. **1840. Февраль, 6.** Петербург. **Жене** в Москву: «Сейчас получил твое третье письмо...» — Изд. 1869. С. 423 (фрагмент); Изд. 1951. С. 528—529 (фрагмент); Изд. 1987. С. 268—270 (полностью).

246. **1840. Февраль, 7.** Петербург. **Жене** в Москву: «Вот, моя душенька Настя, записка к Михею...» — *Хетсо.* С. 625—626.

247. **1840. Февраль, 8.** Петербург. **Жене** в Москву: «Вчерашнее утро провел у Вяземского...» — Изд. 1869. С. 425—426 (с пропусками); Изд. 1987. С. 271—272 (полностью).

248. **1840. Февраль, 9.** Петербург. **Жене** в Москву: «Вчера я провел день вовсе безалаберно...» — Изд. 1869. С. 426—427 (с пропусками). Изд. 1987. С. 276 (полностью).

249. **1840. Февраль, 10.** Петербург. **Жене** в Москву: «Хотел написать тебе длинное письмо...» — Изд. 1869. С, 424 (фрагмент); *Хетсо.* С. 624—625 (полностью).

250. **1840. Февраль, 12.** Петербург. **Жене** в Москву: «В субботу был в Академии художеств...» — Изд. 1869. С. 424—425 (с пропусками); Изд. 1987. С. 274—275 (полностью).

251. **1840. Февраль, 13.** Петербург. **Жене** в Москву: «Ты два дня ко мне не писала...» — *Хетсо.* С. 627.

252. **1840. Февраль, 20-е числа (?).** Москва. **Маменьке** в Мару: «Je reviens de Pétérsbourg...» — М. С. 56—57.

253—254. **1840 (?). Февраль, 20-е числа — март, до 10.** Москва. Две записки к **Н. А. Маркевичу** в Москве: 1) «Voici le maître du piano de Varinka...»; 2) «Очень жалею, что вы не застали меня дома...» — РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 21. № 187. Л. 1; 2.

255. **1840. Апрель, около 14.** Москва. **Маменьке** в Мару: «Je vous félicite des fêtes...» — М. С. 47—48.

256. **1840. Май, 10.** Утро. Москва. **Жене** в Петербург: «Ты не можешь себе представить...» — Изд. 1869. С. 427 (фрагмент); *Хетсо.* С. 628—629 (полностью).

257. **1840. Май, 10—11.** Москва. **Жене** в Петербург: «Милая моя Настя, теперь пишу к тебе на досуге...» — Изд. 1869. С. 427—428 (фрагмент); *Хетсо.* С. 629—631 (полностью).

258. **1840. Май, 13.** Москва. **Жене** в Петербург: «Я получил твое письмо из Клина...» — *Хетсо.* С. 631—632.

259. **1840. Июнь, до 5.** Москва. **П. А. Плетневу** в Петербург: «Благодарю тебя, старый друг, за твои хлопоты о моих детях...» — *Грот* 1904. С. 521.

260. **1840. Июль (?).** Мураново. **Маменьке** в Мару: «Chère et bonne maman. Faut-il...» — М. С. 52—53.

261. **1840. Август, до 6.** Москва. **С. А. Соболевскому** в Петербург: «Не откажи мне в просьбе...» — РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 7. Л. 30—31 об.

262. **1840. Август, ок. 15—17.** Мара. **С. А. Соболевскому** в Петербург: «Спасибо тебе, друг Соболевской...» — РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. № 7. Л. 32—32 об.

263. **1840. Август, ок. 15—17 (?).** Мара. **Н. В. Путяте** в Мураново: «Со всех сторон такие дурные вести...» — *Пигарев* 1948. С. 146 (фрагмент); *Хетсо.* С. 632—633 (полностью).

264. **1841. Май (?).** Мураново. **Маменьке** в Мару: «Vous serez bien étonnée...» — М. С. 50—51.

265. **1841. Июль.** Мураново. **Маменьке** в Мару: «Cette lettre doit vous arrivér...» — М. С. 65.

266. **1841. Июль—сентябрь (?).** Мураново. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Мне приходится все писать тебе о деле...» — *Пигарев* 1948. С. 146 (фрагмент); *Хетсо.* С. 633—634 (полностью).

267. **1841. Сентябрь—ноябрь.** Мураново. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Долго я думал о сбыте нашего мурановского леса...» — *Пигарев* 1948. С. 126—130.

268. **1841. Октябрь, конец месяца — ноябрь, начало.** Артемово. Сестре **Нат. Абр. Боратынской** в Мару: «Merci pour votre lettre...» — М. С. 81.

269. **1841. Ноябрь, вторая половина — декабрь, начало месяца.** Артемово. **Маменьке** в Мару: «Nous habitons si profonde solitude...» — М. С. 60—61.

270. **1841. Декабрь—январь 1842.** Артемово. **Маменьке** в Мару: «Les nouvelles qu'Александр Антонович...» — М. С. 73.

271. **1841. Декабрь—январь (?).** 1842. Артемово. **С. Л. Путяте** в Петербург: «Par rapport à P. j'ai à vous dire...» — РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 175. Л. 44—45 об.

272. **1842. Февраль (?).** Артемово. **Маменьке** в Мару: «Mille fois merci, chère maman...» — М. С. 66.

273. **1842. Февраль, первая половина месяца (?).** Артемово. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Еще пределовое письмо...» — *Пигарев* 1948. С. 130—136.

274. **1842. Март, 8.** Артемово. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Вчера, 7-го марта...» — *Пигарев* 1948. С. 136—137.

275. **1842. Март, вторая половина — апрель, первая половина.** Артемово. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Посылаю тебе, любезный друг, форму доверенности...» — *Пигарев* 1948. С. 137—138.

276. **1842. Апрель, до 20.** Артемово. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Христос воскресе! желаю вам...» — *Путята* 1867. Ст. 282.

277. **1842. Апрель, до 25.** Артемово. Сестре **Нат. Абр. Боратынской** в Мару: «Je savais, chère Natalie...» — М. С. 82.

278. **1842. Май, первая половина.** Артемово. **Н. В. Путяте** в Петербург: «Не успеваю тебе доставить...» — *Хетсо.* С 634.

279. **1842. Май, до 26.** Москва. **П. А. Плетневу** в Петербург: «Посылаю тебе <...> экземпляр моих «Сумерек»...» — Грот 1904. С. 521—522.

280. **1842. Май, конец месяца.** Артемово или Москва. **Н. В. Путяте** в Дрезден: «Дети ваши, слава Богу, здоровы...» — *Путята* 1867. Ст. 282—283 (фрагмент); *Медведева, Куприянова* 1936. Т. 2. С. 279 (фрагмент); РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 54—55 об.

281. **1842. Май, конец месяца — июль (?).** Москва. **П. А. Вяземскому** в Петербург: «Это небольшое собрание стихотворений...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 55.

282. **1842. Июль (?).** Артемово. **Маменьке** в Мару: «Les éloges que vous donnéz...» — М. С. 62—63.

283. **1842. Июль, конец месяца (?).** Москва. **Н. В. Путяте** в Мариенбад: «Вот тебе, любезный друг, краткой счет...» — *Путята* 1867. Ст. 283 (фрагменты); *Пигарев.* 1948. С. 138—141 (полностью).

284. **1842. Август, первая половина (?).** Артемово или Москва. **Маменьке** в Мару: «J'ai passé un temps infini...» — М. С. 63—64.

285. **1842. Август, 10.** Москва или Артемово. **П. А. Плетневу** в Петербург: «Поздно отвечаю тебе...» — Изд. 1936. Т. 1. С. CX (фрагмент); *Хетсо.* С. 635—636 (полностью).

286. **1842. Август, не позднее 27.** Москва. **Н. В. и С. Л. Путятам** в Мариенбад: «Вам бы следовало получить сегодня письмо от Настиньки...» — *Путята* 1867. Ст. 283 (фрагмент); *Пигарев.* 1948. С. 141—142 (полностью).

287. **1842. Декабрь, конец 10-х — начало 20-х чисел.** Мураново. **Маменьке** в Мару: «Si j'ai une excuse de ne vous avoir pas écrit...» — М. С. 70—71.

288. **1842. Декабрь, конец месяца.** Мураново. **Н. В. Путяте** за границу: «Благодарю тебя, любезный друг, за твои подробные и занимательные письма...» — *Пигарев* 1948. С. 142—143.

289. **1843. Январь, начало месяца (?).** Мураново. **Н. В. и С. Л. Путятам** за границу: «Поздравляю вас, любезные друзья мои, с наступившим новым годом...» — *Пигарев.* С. 143—145.

290. **1843. Январь (?).** Мураново. **Маменьке** в Мару: «Chère maman, je suis bien lent...» — М. С. 69.

291. **1843. Апрель, около 11.** Мураново. **Маменьке** в Мару: «Nous voici à la grande fête...» — М. С. 76.

292. **1843. Апрель, до 17.** Москва или Мураново. Сестре **Нат. Абр. Боратынской в Ржев**: «J'ai été bien content de recevoir de vos nouvelles...» — *Хетсо.* С. 627—628.

293. **1843. Июнь (?).** Мураново. **Маменьке** в Мару: «Notre vie immobile...» — М. С. 77—78.

294. **1843. Сентябрь, 10.** Петербург. **П. А. Вяземскому** в Петербурге: «Очень мне совестно...» — СиН. 1902. Кн. 5. С. 55.

295. **1843. Октябрь, около 10 (22).** Дрезден. **Маменьке** в Мару: «Voilà à peu pres dix huit jours...» — Изд. 1869. С. 459—461.

296. **1843. Октябрь, середина месяца (?).** Лейпциг. **Н. В. и С. Л. Путятам** в Петербург: «Настинька писала вам в Дрездене...» — *Путята* 1867. Ст. 285—286.

297. **1843. Ноябрь, вторая половина.** Париж. **Н. В. и С. Л. Путятам** в Петербург: «Друзья, сестрицы, я в Париже!..» — *Путята* 1867. Ст. 286—287.

298. **1843. Декабрь, первая половина (?).** Париж. **Маменьке** в Мару: «Chère maman, je vous ai écrit...» — Изд. 1869. С. 461—464.

299. **1843. Декабрь, первая половина (?).** Париж. **Н. В. и С. Л. Путятам** в Петербург: «Хорошо, что я проведу в Париже одну только зиму...» — *Путята* 1867. Ст. 287—289.

300. **1843. Декабрь (?)...1844, март.** Париж. **Н. М. Сатину или Н. П. Огареву** в Париже: «К крайнему моему сожалению, я не могу располагать...» — *Фризман* 1966а. С. 251.

301. **1843. Декабрь, конец месяца.** Париж. **Н. В. и С. Л. Путятам** в Петербург: «Поздравляю вас, любезные друзья, с новым годом...» — *Путята* 1867. Ст. 289—290.

302. **1844. Январь.** Париж. **Н. В. и С. Л. Путятам** в Петербург: «Последнее письмо Сонички...» — *Путята* 1867. Ст. 290—292; Изд. 1951. С. 534—535.

303. **1844. Апрель, до 5—6 (Март, до 24—25).** Париж. **Н. В. и С. Л. Путятам** в Петербург: «Благодарю тебя за желание моего портрета...» — *Путята* 1867. Ст. 292—293.

304. **1844. Апрель, около 10 (Март, около 29).** Марсель. **Маменьке** в Мару: «C'est Marseille que je vous écris...» — П. С. 243—244.

305. **1844. Апрель, конец месяца — май, начало.** Неаполь. **Н. В. и С. Л. Путятам** в Петербург: «Пятнадцать дней, как мы в Неаполе...» — *Путята* 1867. Ст. 294—297.

306. **1844. Май—июнь.** Неаполь, **Н. В. и С. Л. Путятам** в Петербург: «С нетерпением ждем от вас письма...» — *Путята* 1867. Ст. 297.

307. **1844. Май—июнь.** Неаполь. **Н. В. и С. Л. Путятам** в Петербург: «Мы получили разом несколько ваших писем...» — *Путята* 1867. Ст. 297—298.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ К БОРАТЫНСКОМУ

Тексты писем см. под соответствущими датами.

1. **1823. Октябрь, 6. К. Ф. Рылеев** из Петербурга в Роченсальм: «Милый Парни! Сатиры твоей не пропускает Бируков...» — *Грен* 1861. С. 314.

2. **1825. Ноябрь, конец месяца. А. А. Дельвиг** из Петербурга в Москву: «Ужели ты так болен, сердце мое, что и письма к Дельвигу написать не можешь?..» — *Верховский* 1922. С. 31—32; *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 308—309.

3. **1826. Январь, 8. А. А. Дельвиг** из Петербурга в Москву: «Откликнись, милый друг, перестань писать мне, что тебе некогда писать к Дельвигу...» — *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 310—312.

4. **1826. Февраль, 8. А. А. Дельвиг** из Петербурга в Москву: «По всему вижу, что ты не получил последнего моего письма...» — *Верховский* 1922. С. 29—30; *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 313.

5. **1826. Март. А. А. Дельвиг** из Петербурга в Москву: «Милый друг Евгений, слава Богу, последнее письмо твое и Муханова успокоили меня...» — *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 314—315.

6. **1827. Январь, 3 (?). А. А. Дельвиг** из Петербурга в Москву: «Милый Евгений, виноват, долго не писал...» — *Верховский* 1922. С. 30; *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 322.

7. **1827. Февраль, после 14. Н. В. Путята** из Петербурга в Москву: «Я писал к тебе, любезный Баратынской, перед отъездом моим в Финляндию...» — Сб. Щ. Вып. 10. М., 1902. С. 420—421; РА. 1905. Кн. 1. № 3. С. 531—532.

8. **1827. Июнь, около 4. А. А. Дельвиг** из Ревеля в Москву или в Мару: «Милый друг Евгений, пишу тебе из Ревеля...» — *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 325—326.

9. **1827. Ноябрь, 28. Д. И. Хвостов** из Петербурга: «Милостивый государь Евгений Абрамович!..» — *Медведева, Купреянова* 1936. Т. 2. С. 245 (фрагмент); полностью публикуется впервые: см. дату.

10. **1828. Март. А. А. Дельвиг** из Харькова в Москву: «Душа моя, я получил письмо твое как не знаю что-то радостное, драгоценное...» — *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 330.

11. **1828. Март, 18. А. А. Дельвиг** из Харькова в Москву: «Брату Евгению здравия и спасения и поэтического вдохновения желает пустынный брат Антон...» — *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 329.

12. **1828. Март, 21 или 24. П. А. Вяземский** из Петербурга в Москву: «За несколько дней писал к вам, любезнейший Евгений Абрамович...» — *Гиллельсон* 1969. С. 165—166.

13. **1828. Август, 21. А. Я. Булгаков** в Москве: «Доставляя вам письмо от Вяземского, не могу не благодарить...» — Публикуется впервые: см. дату.

14. **1829. Март, конец месяца. А. А. Дельвиг** из Петербурга в Москву: «Душа моя Евгений. Пушкин, верно, сказал тебе...» — *Вацуро* СЦ. С. 173—174.

15. **1829. Май. А. А. Дельвиг** из Петербурга в Москву: «Милый друг, посылаю тебе шинель непромокаемую...» — *Дельвиг.* Изд. 1986. С. 335—336.

16. **1829. Август, 20. Д. В. Давыдов** из Мазы в Москву: «Любезный друг Евгений Абрамович! Письмо твое я получил...» — Публикуется впервые: см. дату.

17. **1829. Август, 30. Н. В. Путята** из Адрианополя в Москву: «Помнишь ли, любезный друг, те суровые, вековые граниты...» — РА. 1878. Кн. 1. С. 215—222.

18. **1831. Январь, 15. О. М. Сомов** из Петербурга в Москву: «С чего начну я письмо, почтеннейший Евгений Абрамович?..» — *Шляпкин* 1903. С. 134—135.

19. **1835. Апрель—май (?). Н. И. Павлищев** из Петербурга в Москву: «J'ai appris par la vue des gazettes...» — Публикуется впервые: см. дату.

20. **1835. Май, 4. Д. В. Давыдов** (в Москве): «Можешь вообразить, любезнейший друг...» — *Хетсо.* С. 6—4.

21. **1836. Февраль, 19. В. А. Эртель** из Петербурга в Москву: «Здравствуй, мой милый, любезный Боротынский!..» — ИП. С. 339.

22—26. 1836. **Май, середина месяца — июль, конец месяца.** Пять писем **Л. Н. Энгельгардта** Боратынскому и Настасье Львовне из Ростова, Суздаля, Арзамаса, Скуратова, Орла — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 197 (не опубл.). Фрагмент письма от 24.6.1836 опубл.: *Подольская* 1988. С. 213.

27. **1837. Май, 15.** Дети **Александра** и **Лев Боратынские** из Москвы в Мару: «Mon cher papa, cela me fait beaucoup de peine...»; «Милый папенька! Я очень печален, что ты уехал...» — Публикуется впервые: см. дату.

28. **1837. Май.** Дочь **Александра Боратынская** из Петровского в Мару: «Mon cher papa, nous sommes venus à Pétrovskoe...» — Публикуется впервые: см. дату.

29. **1840. Май, около 14—15.** Жена **Настасья Львовна** из Петербурга в Москву: «Mon adoration, ma vie...» — П. С. 254—257.

30. **1842. Апрель, 20-е числа. Вас. Дьяков** из Каймар в Артемово: «Христос воскресе, милостивый государь Евгений Абрамович!..» — ПД. № 21. 747 (фрагмент письма публикуется: см. дату).

31. **1842. Июнь, 26. С. Н. Карамзина** из Ревеля в Москву: «Malgré votre déclaration...» — *Гофман* 1914—1915. Т. 1. С. 305.

32. **1842. Август, 14. П. А. Вяземский** из Петербурга в Москву: «Сердечно обнимаю вас и благодарю за «Сумерки»...» — Публикуется впервые: см. дату.

УКАЗАТЕЛЬ СОЧИНЕНИЙ БОРАТЫНСКОГО

Даты отсылают к упоминаниям текстов в Летописи: это указания на известное или предполагаемое время создания произведения, на день его чтения в одном из литературных обществ, на дату публикации, на число, когда было дано цензурное разрешение изданию, где текст напечатан впервые, и т. п. Заглавия первоначальных и промежуточных редакций внесены в указатель наряду с окончательными названиями произведений, но отсылки к датам, под которыми тексты упомянуты в Летописи, даны только при заглавиях или первых строках последних редакций.

Больной («Други! радость изменила...») — 1821, февр., 15 (СО. 1821.Ч. 68. № 8).

«Болящий дух врачует песнопенье...» — Написано ок. 1831—1832 (?) (см. 1832, окт. (?) — янв. (?) 1833); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Братайтеся, к взаимной обороне...» (Коттерие) – 1840—1841 (?).

Брату при отъезде в армию — См. «Итак, мой милый, не шутя...».

Булгарину («Нет, нет, Булгарин! Ты не прав...») — См. «Приятель строгий, ты не прав...».

Буря — См. «Завыла буря; хлябь морская...».

«Бывало, отрок, звонким кликом...» — 1831, сент., до 21 (письмо Языкову); 1832, окт. (?) — янв. (?) 1833; 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Бывало, свет позабывая...» — См. Языкову.

«Были бури, непогоды...» — 1839, февр., 20-е числа — март; 1839, июнь, 27; июль, 8 (Совр. 1839. Т. 15 <№ 3>: наряду со стих. «Благословен святое возвестивший...» и «Еще как патриарх не древен я; моей...» — под общим загл.: Антологические стихотворения); 1842, март, 10 (С.).

Быль («Встарь жил-был петух индейский...») — 1825, конец года — 1826, первые месяцы; 1831, янв., 31 (ЛПРИ).

В Альбом («Альбом, заметить не грешно...») — См. «По замечанью моему...».

В альбом («Вы слишком многими любимы...») — 1821, февр., 20-е числа (?); март, 7 (чит. в ВОЛСНХ: В альбом; опубл.: Сор. 1821. Ч. 14. № 1: В альбом); 1823, февр.—дек. (запись в альбоме А. В. Лутковской: «Вы слишком многими любимы...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: В альбом).

В альбом — См. «Когда б избрать возможно было мне...».

В альбом — См. «Перелетай к веселью от веселья...».

В Альбом («Тебе на память в книге сей...») — См. «Тебе на память в книге сей...».

В альбом NN на другой день после его женитьбы («Ты распрощался с братством шумным...») — См. К Д***. На другой день после его женитьбы.

В альбом отъезжающей — См. К. А. Свербеевой.

«В борьбе с тяжелою судьбой...» — 1825, ноябрь, 26. Москва; 1826, янв., 7 (Урания: К***. Посылая тетрадь стихов); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «В борьбе с тяжелою судьбой...»).

«В восторженном невежестве своем...» — См. Эпиграмма.

«В глуши лесов счастлив один...» — 1825, март, 20 (ПЗ 1825: Стансы: «О чем ни молимся богам...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Стансы: «В глуши лесов счастлив один...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «В глуши лесов счастлив один...»). Др. ред. стих.: Ода («Ни горы злата и сребра...»).

«В дни безграничных увлечений...» — 1831, сент., после 21 — окт., до 5 (письмо Киреевскому); 1831, дек., 9 (Европеец. 1832. Ч. 1. № 1: Элегия); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «В дни безграничных увлечений...»).

«В дорогу жизни снаряжая...» — 1825, окт., 7 (НА 1826: Дорога жизни); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «В дорогу жизни снаряжая...»).

«В небе нашем исчезает...» — См. К. А. Свербеевой.

«В пустых расчетах, в грубом сне...» — 1819, янв. — дек.

«В руках у этого педанта...» («На ***») <Эпиграмма на В. Г. Белинского> — 1839, окт., конец месяца.

«В садах Элизия, у вод счастливой Леты...» — См. Богдановичу.

«В свои расселины вы приняли певца...» — См. Финляндия.

«В своих листах душонкой ты кривишь...» <Эпиграмма на Ф. В. Булгарина> — 1826, янв., ок. 19.

«В своих стихах он скукой дышит...» — 1821, сент., 10 (Благ. 1821. Ч. 15. № 15: Эпиграмма: «Его творенье скукой дышит...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Эпиграмма: «В своих стихах он скукой дышит...»); 1833, март, 7 (Из. 1835: «В своих стихах он скукой дышит...»).

«В стране роскошной, благодатной...» — См. Леда.

«Вам все дано с щедротою пристрастной...» — См. К. А. Тимашевой.

«Везде бранит поэт Глупон...» — См. Эпиграмма.

«Везде бранит поэт Клеон...» — См. Эпиграмма.

«Век шествует путем своим железным...» — См. Последний поэт.

«Венчали розы, розы Леля...» — См. Старик.

«Желанье счастия в меня вдохнули боги...» — 1823, окт., 9 (НЛ. 1823. Кн. 5. № 38: Безнадежность); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Безнадежность); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Желанье счастия в меня вдохнули боги...»).

«Желтел печально злак полей...» — См. Паденье листьев.

Женщине пожилой, но все еще прекрасной — См. «Взгляните: свежестью младой...»

«Живи смелей, товарищ мой...» <Н. М. Коншину> — 1820, февр.—авг.; 1821, июль, 11 (СО. 1821. Ч. 71. № 29: К—ну); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Добрый совет. К—ну); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Живи смелей, товарищ мой...»).

«Жил да был петух индейской...» (Цапли) — 1825, конец года — 1826, первые месяцы.

Журналист Фиглярин и Истина («Он точно, он бесспорно...») — 1827, май, 5; май, 16; июнь 6 (МТ. 1827. Ч. 15. № 9).

«Завыла буря; хлябь морская...» — 1824, ноябрь — январь 1825; 1825, янв., ок. 24—26; апр., после 5 (письмо Н. В. Путяте); июль, 2; окт., перв. пол. (Мнем. Ч. 4: Буря); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Буря); 1833, март, 7; март, 14 (Изд. 1835: «Завыла буря, хлябь морская...»).

Запрос М—ву <А. А. Муханову> («Что скажет другу своему...») — 1824, ноябрь — янв. 1825; 1825, май, 21 (МТ. 1825. Ч. 3. № 9).

Запустение — См. «Я посетил тебя, пленительная сень...»

«Заснули рощи над потоком...» — См. Подражание Лафару.

Застольная песня («Ничто не бессмертно, не прочно...») — 1823, 10-е числа (текст Дельвига при участии Боратынского(?), Эристова и Эртеля).

«Зачем живые выраженья...» (К —) — См. «Мне с упоением заметным...».

«Зачем нескромностью двусмысленных речей...» (Дориде) — См. «Зачем, о Делия! сердца младые ты...».

«Зачем, о Делия! сердца младые ты...» — 1822, март, вт. пол. (?) — май (?); 1822, авг., 11 (НЛ. 1822. Кн. 1. № 8: Дориде: «Зачем нескромностью двусмысленных речей...»); 1827, март, 28 (Делии: «Зачем, о Делия! сердца младые ты...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Зачем, о Делия! сердца младые ты...»).

Звезда — См.: «Взгляни на звезды: много звезд...».

Звездочка — См. «Взгляни на звезды: много звезд...».

Звезды («Мою звезду я знаю, знаю...») — 1839, окт., 14 (Утренняя заря 1840; вышла 28 окт. 1839).

«Здесь погребен армейский капитан...» — 1819, янв.—дек.

«Здравствуй, отрок сладкогласный...» — 1842, янв., 14 (ЦЭС); март, 10 (С.).

«Земляк! в стране чужой суровой...» <вариант послания А. И. Шляхтинскому> — См. «Тебе на память в книге сей...».

«И вот сентябрь! Замедля свой восход...» — См. Осень.

«И ты покинула семейный мирный круг!..» — См. Сестре.

«И ты поэт, и он поэт...» — См. Эпиграмма.

«Идиллик новый на искус...» <Эпиграмма на В. И. Панаева> — 1824—1825 (??) — см. примеч. к: 1827, март, 28; 1827, март, 28 (Изд. 1827: Эпиграмма); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Идиллик новый на искус...»).

Из А. Шенье («Под бурею судеб унылый, часто я...») — 1828, окт., первые дни; дек., 27 (СЦ 1829: Смерть. Подражание А. Шенье); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Из А. Шенье).

«Из царства виста и зимы...» — См. К. З. А. Волконской.

Истина — См. «О счастии с младенчества тоскуя...».

Историческая епиграмма (Усторіческая Епіграмма)— См. «Хвала, маститый наш Зоил...».

История кокетства — 1821, сент.—дек.?; 1824, дек., между 25 и 31 (СЦ 1825).

«Итак, беспечного досуга...» — См. «Итак, мой милый, не шутя...».

«Итак, мой милый, не шутя...» <вариант послания к И. А. Баратынскому> — 1819, дек., 31; 1820, янв., 6; февр., 3 (НЗ. 1820. Ч. 1. № 1: Брату при отъезде его в армию: «Итак, беспечного досуга...»); 1820, июнь, 16 (Благ. 1820. Ч. 10. № 11: Б—му (при отъезде его в армию); перепечатка из НЗ); 1823, янв., 18 (НЛ. 1823. Кн. 3. № 2: К Б*: «Итак, беспечного досуга...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: К **** при отъезде в армию); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Итак, мой милый, не шутя...»).

«Как ревностно ты сам себя дурачишь...» — 1828, окт., первые дни; дек., 27 (СЦ 1829); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Как сладить с глупостью глупца» — 1827, март, 28 (Изд. 1827: Эпиграмма); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Как сладить с глупостью глупца...»).

К—ву («Любви веселой проповедник...») <А. А. Крылову> — 1820, янв., 19 (чит. в ВОЛРС: Послание к К....ву); 1820, апр., 30 (Сор. 1820. Ч. 9. № 3: К—ву).

К—ну <Н. М. Коншину> — См. «Живи смелей, товарищ мой...».

К—ну <Н. М. Коншину> — См. «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...».

«Князь Шаликов, газетчик наш печальный...» — 1827, май, 15.

Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Как жизни общие призывы...») — 1834, ноябрь, нач.; 1836, ноябрь, 11 (Совр. 1836. Т. 4: К князю П. А. Вяземскому); 1842, март, 10 (С.: Князю Петру Андреевичу Вяземскому).

«Когда б вы менее прекрасной...» — 1821, февр., 20-е числа (?).

«Когда б избрать возможно было мне...» — 1827, март, 28 (Изд. 1827: В альбом); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Когда б избрать возможно было мне...»).

«Когда взойдет денница золотая...» — 1824—1825 (??) (см. примеч. к: 1827, янв., 18); 1827, янв., 18 (СЦ 1827: Песня); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Песня); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Когда взойдет денница золотая...»).

«Когда, дитя и страсти и сомненья...» — 1843, ноябрь — март 1844.

«Когда заметить не грешно...» — См. «По замечанью моему...».

«Когда исчезнет омраченье...» — Написано в 1831—1832 (?) (см. 1832, окт. (?) — янв. (?) 1833; 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Когда Климена подарила...» — См. К Аннете.

«Когда на играх Олимпийских...» — См. Рифма.

«Когда неопытен я был...» — 1821, сент.—дек. (?): «Слепой поклонник красоты...» ; 1825, март, 20 (ПЗ 1825: Л—ой: «Слепой поклонник красоты...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Л—ой: «Когда неопытен я был...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Когда неопытен я был...»).— Первонач. адресат — С. Д. Пономарева; адресат публикаций 1825 и 1827 гг. — А. В. Лутковская.

«Когда печаль свою поет...» (Подражателям) — См. «Когда печалью вдохновенный...».

«Когда печалью вдохновенный...» — 1829, ноябрь, 24 (?); дек., 31; 1830, янв., 8 (МВ. 1830. Ч. 1. № 1: Подражателям: «Когда печаль свою поет...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Когда печалью вдохновенный...»).

«Когда придется как-нибудь...» <А. В. Лутковской> — 1824, февр., 15.

«Когда твой голос, о поэт...» — 1842, дек., 1.

Кольцо. С. Э—т <С. Л. Энгельгардт> — См. «Дитя мое, — она сказала...».

Коттерие («Братайтеся, к взаимной обороне...») – 1840—1841 (?).

«Красного лета отрава, муха досадная, что ты...» — См. Ропот.

«Кто жаждет славы, милый мой...» (К ***) <А. А. Крылову> — См. «Чтоб очаровывать сердца...».

«Кто непременный мой ругатель?..» — 1832, янв., кон. — февр., нач. (письмо Киреевскому).

Куплеты на день рождения княгини Зинаиды Волконской в понедельник 3 декабря 1828 года, сочиненные в Москве: кн. П. А. Вяземским, Е. А. Боратынским, С. П. Шевыревым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевским («Друзья! теперь виденья в моде...») — 1828, дек., 3.

Л. П—ну <Л. С. Пушкину> — См. «Поверь, мой милый, твой поэт...».

Лагерь («Рассеивает грусть пиров веселый шум...») — См. «Рассеивает грусть веселый шум пиров...»).

Лазурные очи — См. «Люблю я красавицу...»

Леда — 1824, ноябрь — янв. 1825; 1825, янв., ок. 24—25; апр., после 5 (письмо Н. В. Путяте); июль, 2; окт., перв. пол. (Мнем. Ч. 4).

Лета («Душ холодных упованье...») — 1823, май, 20 (НЛ. 1823. Кн. 4. № 19: К Лете); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Лета); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Лета).

Лиде — См. «Твой детский вызов мне приятен...».

Л—му — См. Лутковскому.

Логография и происшествия исторические, доказывающие истину Библейской хронологии <перевод из «Гения Христианства» Шатобриана> — 1821—1822 (?); 1830, февр. (Слав. 1830. Ч. 13. № 3).

чувств еще я не погиб!..»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Н. И. Гнедичу: «Так! для отрадных чувств...»; правка на экземпляре Изд. 1835, подаренном Жуковскому: «Нет! в одиночестве душой изнемогая...»).

Н. М. К. <Н. М. Коншину> — См. «Пора покинуть, милый друг...».

Н. М. Языкову («Языков, буйства молодого...») — 1831, ноябрь, до 16; 1832, янв., 25 (Европеец. 1832. № 2).

На *** <В. Г. Белинского> («В руках у этого педанта...») — 1839, окт., конец месяца.

На виньетку, представляющую господина за письменным столом, а возле него Истину <Эпиграмма на Булгарина> — См. Журналист Фиглярин и Истина.

«На все свой ход, на все свои законы...» — 1840—1843 (?)

«На звук цевницы голосистой...» — 1822, апр., 17 (чит. в ВОЛРС: Весна); 1822, дек., 22 (ПЗ 1823: Весна); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Весна); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «На звук цевницы голосистой...»).

«На краткий миг пленяет в жизни радость...» (Элегия) — См. «Расстались мы; на миг очарованьем...».

«На кровы ближнего селенья...» — 1822, янв. — март, нач.; 1822, март, 9 (чит. в ВОЛСНХ и опубл. в Благ. 1821. Ч. 17. № 11. 16 марта: Возвращение); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Возвращение. Подражание Мильвуа); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «На кровы ближнего селенья...»).

На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменным столом, а подле него Истину — См. Журналист Фиглярин и Истина.

На посев леса — 1842, осень.

На смерть Гете — 1832, апр.—май; май, 30; 1833, февр. 1 (Новоселье. СПб., 1833); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«На что вы дни? Юдольный мир явленья...» — 1840, март, 14 (ОЗ. 1840. Т. 9. № 3. Отд. 3: «На что вы дни? — знакомый свет явленья...»); 1842, март, 10 (С.).

Надпись — См. «Взгляни на лик холодный сей...».

Наложница — См. Цыганка.

«Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...» — 1820, дек., 13 (чит. в ВОЛРС: Дельвигу); 1821, май (?)... 1822, июль (запись строк в альбом П. Л. Яковлева); 1821, сент., 17 (запись строк в альбом С. Д. Пономаревой); сент., 30 (Сор. 1821. Ч. 16: К Делию. Ода. С латинского: «Напрасно мы, Делий, мечтаем найти...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Дельвигу: «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»).

«Наслаждайтесь; все проходит!..» — 1832, окт.(?) — янв. (?) 1833; 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Наш приятель, Пушкин Лёв...» — 1821 (?) — 1824 (?).

Наяда — См. «Есть грот: наяда там в полдневные часы...».

«Не бойся едких осуждений...» <А. Н. Муравьеву> — 1827, февр., 24 (МТ. 1827. Ч. 13. № 3: К ***); 1827, март, 28 (Изд. 1827: К ***); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Не бойся едких осуждений...»).

«Незнаю? Милая Незнаю!..» — 1820, февр., 11; март, 16 (НЗ. 1820. Ч. 1. № 2: Девушке, которая на вопрос: как ее зовут, отвечала: не знаю: «Незнаю! милое незнаю...»); 1823, сент., 12 (НЛ. 1823. № 34: К девушке, которая на вопрос: как ее зовут? отвечала: не знаю!: «Не знаю! Милое не знаю!..»); 1827, март, 27 (Изд. 1827: Девушке, которая на вопрос: как ее зовут? отвечала: не знаю: «Незнаю, милая, незнаю...); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Незнаю! Милая Незнаю!..»).

«Не искушай меня без нужды...» — См. Разуверение.

«Не любишь, важный журналист...» — См. «Ты ропщешь, важный журналист...».

«Не ослеплен я музою моею...» — 1829, ноябрь, 22; дек., 20 (СЦ 1830: Муза); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Не ослеплен я музою моею...»).

«Не подражай: своеобразен гений...» — 1828, окт., первые дни; дек., 27 (СЦ 1829); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Не раз Гимена клеветали...» — См. Невесте (А. Я. В.)

«Не растравляй моей души...» — 1832, окт. (?) — янв. (?) 1833 (примеч. к дате).

«Не славь, обманутый Орфей...» — 1831, сент., после 21 — окт., до 5 (письмо Киреевскому); дек., 24 (СЦ 1832: Мой Элизий); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Не славь, обманутый Орфей...»).

«Не трогайте Парнасского пера...» — 1826, янв., нач.; март, 8 (МТ. 1826. Ч. 7. № 3: Совет); 1827, март, 27 (Изд. 1827: Эпиграмма); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Не трогайте Парнасского пера...»).

Невесте (А. Я. В.) <А. Я. Васильевой> («Не раз Гимена клеветали...») — 1824, сент., вт. пол.— окт., до 11; 1829, дек. 2; 1830, янв., 14 (ЦС 1830).

Недоносок («Я из племени духов...») — 1835, апр., 30; июнь, 14 (МН. 1835. Ч. 1. Апрель. Кн. 2); 1842, март, 10 (С.).

«Нежданное родство с тобой даруя...» (С. Л. Энгельгардт) — 1830—1832 (?).

«Неизвинительной ошибкой...» — 1821, сент.—дек. (?); 1825, март, 20 (ПЗ 1825: К жестокой); 1827, март, 28 (Изд. 1827: К жестокой); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Неизвинительной ошибкой...»).

«Нет! в одиночестве душой изнемогая...» — См. Н. И. Гнедичу.

«Нет, не бывать тому, что было прежде...» — 1821, май, 16 (?) (чит. в ВОЛРС — ??); сент., 12 (?) (чит. в ВОЛРС — ?); ноябрь, 4 (Сор. 1821. Ч. 16. № 2 <№ 11>: Элегия).

«Нет, нет, Булгарин! ты не прав» (Булгарину) — См. «Приятель строгий, ты не прав...».

«Нет, нет! мой ментор, ты не прав...» (К ...) — См. «Приятель строгий, ты не прав...».

«Нет, обманула вас молва...» — 1828, окт., первые дни; дек., до 4 (?) (Северная звезда на 1829 г.: Уверение); 1833, март 7 (Изд. 1835 — без загл.).

«Ни горы злата и сребра...» (Ода) — См. «В глуши лесов счастлив один...».

Новинское («Она поэту подарила...») — 1827, февр., 8—14 или апр., после 3; 1842, янв., 14 (ЦЭС: А. С. П.....у); март, 10 (С.: Новинское. А. С. Пушкину).

О Вере <перевод из «Гения Христианства» Шатобриана> — 1821—1822 (?); 1822, авг., 26 (НЛ. 1822. Кн. 1. № 10).

«О верь: ты, нежная, дороже славы мне...» — написано в 1831—1832 (?) (см. 1832, окт. (?) — янв. (?) 1833); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

О заблуждениях и истине — 1820, ноябрь, 22 (чит. в ВОЛРС); 1821, март, 25...31 (Сор. 1821. Ч. 13. № 3).

О колоколах <перевод из «Гения Христианства» Шатобриана> — 1821—1822 (?); 1822, апр., 6 (СО. 1822. Ч. 76. № 13).

«О мысль! тебе удел цветка...» — Написано в 1831—1832 (?) (см. 1832, окт. (?) — янв. (?) 1833); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

О Надежде и Любви <перевод из «Гения Христианства» Шатобриана> — 1821—1822 (?); 1822, дек., 27 (НЛ. 1822. Кн. 2. № 26).

«О своенравная Аглая!..» (Аглае) — см. «О своенравная София!..».

«О своенравная София!..» — 1821, сент.—дек. (?) (запись в альбоме С. Д. Пономаревой: «О своенравная София!..»); 1823, дек., 20 (ПЗ 1824: Аглае: «О своенравная Аглая!..»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: «О своенравная Аглая!..»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «О своенравная София!..»).

«О смерть! Твое именованье...» (Смерть) — См. «Тебя из тьмы не изведу я...».

«О счастии с младенчества тоскуя...» — 1823, дек., 20 (ПЗ 1824: Истина. Ода); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Истина); 1833, март, 7 (изд. 1835: «О счастии с младенчества тоскуя...»).

«О чем ни молимся богам...» (Стансы) — См. «В глуши лесов счастлив один...».

Обеды («Я не люблю хвастливые обеды...») — 1839, окт., 14 (Утренняя заря 1840).

«Облокотясь перед медью, образ его отражавшей...» — См. Алкивиад.

«Обременительные цепи...» (Стансы) — См. «Судьбой наложенные цепи...».

Общее обозрение Вселенной <перевод из «Гения Христианства» Шатобриана> — 1821—1822 (?); 1826, апр., 6 (НЛ. 1826. Кн. 16. Апрель).

Ода («Ни горы злата и сребра...») — См. «В глуши лесов счастлив один...».

«Один за чашей пуншевою...» (Тоска) — См. «Один, и пасмурный душою...».

«Один, и пасмурный душою...» — 1821, март, 7 (чит. в ВОЛРС и опубл. в Сор. 1821. Ч. 14. № 1: Бдение: «Один, с любимою мечтою...»); 1821, июнь, 15 (Рецензент. 1821. № 23: Тоска: «Один за чашей пуншевою...»); 1822, янв., 21 (РИ. 1822. № 18: Тоска: «Один за чашей пуншевою...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Бдение: «Один, и пасмурный душою...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Один, и пасмурный душою...»).

«Один, с любимою мечтою...» (Бдение) — См. «Один, и пасмурный душою...».

Ожидание — См. «Она придет! К ее устам...».

«Он близок, близок, день свиданья...» — 1820, янв., 6; февр., 5 (НЗ. 1820. Ч. 1. № 1: Элегия: «Ужели близок час свиданья...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Ропот: «Он близок, близок, день свиданья...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Он близок, близок, день свиданья...»).

«Он вам знаком. Скажите, кстати...» — См. Эпиграмма.

«Он точно, он бесспорно...» <Эпиграмма на Ф. В. Булгарина> — см. Журналист Фиглярин и Истина.

Она — 1827, май, 25 (Слав. 1827. Ч. 2. № 21).

«Она поэту подарила...» — См. Новинское.

«Она придет! к ее устам...» — 1825, ноябрь, 26. Москва; 1826, янв., 7 (Урания: Ожидание); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Ожидание); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Она придет! к ее устам...»).

Оправдание — См. «Решительно печальных строк моих...».

«Опять весна; опять смеется луг...» (На посев леса) — 1842, осень.

Осень — 1837, февр., 9; март (?); апр., 19; июнь, 15 (Совр. 1837. Т. 5); 1842, март, 10 (С.).

«Откуда взял Василий непотешный...» — 1827, янв., 6.

Отрывки из поэмы: Воспоминания — 1820, янв., 6; февр., 3 (НЗ. 1820. Ч. 1. № 1).

Отрывок («Под этой липою густою...») — 1829, ноябрь, 22; дек., 20 (СЦ 1830: Сцена из поэмы: Вера и неверие); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Отрывок).

«Отставного шалуна...» (Товарищам) — 1821 (?) — 1824 (?).

«Отчизны враг, слуга царя...» — 1824, ноябрь — янв. 1825.

Отъезд — См. «Прощай, отчизна непогоды...».

«Очарованье красоты...» <А. А. Воейковой> — 1824, июнь, после 10 — июль; 1826, дек., 28 (Лит. Музеум 1827: А. А. В....ой); 1827, янв., 18 (СЦ 1827: А. А. В—ой); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Очарованье красоты...»).

Паденье листьев — 1823, март, 29 (НЛ. 1823. Кн. 3. № 12: Падение листьев: «Поблекнули ковры полей...»); 1827, март, 27 (Изд. 1827: Падение листьев. Подражание Мильвуа: «Желтел печально злак полей...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Паденье листьев: «Желтел печально злак полей...»; в оглавлении Изд. 1835: Падение листьев).

«Певец какой-то на искус...» — См. «Идиллик новый на искус...».

Певцы 15-го класса — 1822, июль, 10—31.

Переселение душ — 1828, окт., первые дни; 1828, дек., 27 (СЦ 1829); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Перелетай к веселью от веселья...» — 1827, февр., 21 (МВ. 1827. Ч. 2. № 5: Эпиграмма); 1827, март 28 (Изд. 1827: В альбом); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Перелетай к веселью от веселья...»).

Перстень — 1830, дек., 10-е числа — янв. 1831, перв. пол.; 1832, янв., 25 (Европеец. 1832. № 2).

Песня — См. «Когда взойдет денница золотая...».

Песня («Страшно воет, завывает...») — 1821, март, 1 (СО. 1821. Ч. 68. № 10: Русская песня); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Русская песня); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Песня).

Пироскаф — 1844, апр., сер. — вт. пол.; июль, 22 (Совр. 1844. Т. 35).

Пиры — 1820, сент.—дек., нач.; дек., 13 (чит. в ВОЛРС); 1821, февр., 28 (чит. в ВОЛРС); март, 25...31 (Сор. 1821. Ч. 13. № 3); 1825, ноябрь, 26 (ЭиП, ценз. разр.); 1826, февр., 1 (ЭиП; ценз. билет); февр., 9...14 (ЭиП — время поступления в продажу); 1827, март, 28 (Изд. 1827); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Писачка в Фебов двор явился...» — См. Эпиграмма.

«Плющом и гроздием венчая...» — См. Языкову.

«По замечанью моему...» — 1829, янв., 6 (Галатея. 1829. Ч. 1. № 2: В Альбом: «Альбом, заметить не грешно...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «По замечанью моему...»). Др. ред.: «Когда заметить не грешно...» (1828?); «Альбом походит на кладбище...».

«Поблекнули ковры полей...» — См. Паденье листьев.

«Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...» <Н. М. Коншину> — 1820, февр.—авг.; 1820, дек., 4 (СО. 1820. Ч. 66. № 49: К Коншину); 1827, март, 28 (Изд. 1827: К—ну); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»).

«Поверь, мой милый, твой поэт...» <Л. С. Пушкину> — 1826, февр., 25; апр., 7 (СЦ 1826: Л. С. П—ну); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Л. П—ну); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Поверь, мой милый, твой поэт...»).

«Поверьте мне, Фиглярин-моралист...» — См. Эпиграмма.

«Под бурею судеб унылый, часто я...» — См. Из А. Шенье.

«Под этой липою густою...» — См. Отрывок.

Подражание Лафару («Свободу дав тоске моей...») — 1820, март, 15; март, 17; апр., 13 (НЗ. 1820. Ч. 1. № 3: в разделе «Элегии»: «Заснули рощи над потоком...»); 1821, июль, 4 (СО. 1821. Ч. 71. № 27: Элегия: «Дремала роща над потоком...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Утешение: «Свободу дав тоске моей...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Подражание Лафару).

Подражателям — См. «Когда печалью вдохновенный...».

Пожилой женщине и все еще прекрасной — См. «Взгляните: свежестью младой...».

«Пока с восторгом я внимаю...» — См. Д. Давыдову.

«Пока с восторгом я умею...» — См. Д. Давыдову.

«Полный влагой искрометной...» — См. Бокал.

«Полуразрушенный, я сам себе не нужен...» — 1821, июнь...июль 1822(?)

«Пока человек естества не пытал...» — См. Приметы.

«Пора покинуть, милый друг...» <Н. М. Коншину> — 1820, февр.—авг.; 1821, авг., 8 (чит. в ВОЛРС (?): Послание; опубл.: Сор. 1821. Ч. 15. № 2 <билет 5 авг.>: Н. М. К.); 1827, март, 28 (Изд. 1827: К...ну); 1827, ноябрь, 24 (Слав. 1827. Ч. 4. № 52: К ...ну); 1833, март, 7 (изд. 1835: «Пора покинуть, милый друг...»).

Пороки и Добродетели, согласно с учением Религии <перевод из «Гения Христианства» Шатобриана> — 1821—1822 (?); 1822, авг., 18 (НЛ. 1822. Кн. 1. № 9).

«Порою ласковую фею...» — 1828, окт., первые дни; дек., до 4; 1829, окт., вт. пол. — ноябрь (письмо Коншину); дек., 2; 1830, янв., 14 (ЦС 1830: Фея); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Порою ласковую фею...»).

«Порою утренней Людмила...» — См. Цветок.

Портрет В... («Как описать тебя? я, право, сам не знаю...») — 1818; 1819, март, 14; март, 31 (Благ. 1819. Ч. 6. № 6). См. также: «Тебя ль изобразить и ты ль изобразима...».

Послание к б... Дельвигу — См. «Где ты, беспечный друг, где ты, о Дельвиг мой...».

Послание к Д.....гу — См. «Где ты, беспечный друг, где ты, о Дельвиг мой...».

Послание к К....ву <А. А. Крылову> — См. К—ву.

Послание к Л... — См. «Твой детский вызов мне приятен...».

«Посланница небес, бессмертных дар счастливый...» — См. Отрывки из поэмы: Воспоминания.

Последний поэт («Век шествует путем своим железным...») — 1835, февр., 19; март, 12 (МН. 1835. Ч. 1. Март); 1842, март, 10 (С.).

Последняя смерть («Есть бытие, но именем каким...») — 1827, окт., 17; дек., 22 (СЦ 1828); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

Поцелуй — См. «Сей поцелуй, дарованный тобой...».

«Поэт Графов в стихах тяжеловат...» (Эпиграмма) — См. «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...».

«Поэт Писцов в стихах тяжеловат...» — 1820, янв., 6; февр., 3 (НЗ. 1820. Ч. 1. № 1: Эпиграмма: «Хоть глуповат подчас Дамон...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Эпиграмма: «Поэт Графов в стихах тяжеловат...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...»)

Предрассудок — См. «Предрассудок! Он обломок...».

«Предрассудок! Он обломок...» — 1841, март, 28 (ОЗ. 1841. Т. 15. № 4: Предрассудок); 1842, март, 10 (С.: «Предрассудок! Он обломок...»).

При посылке «Бала» С. Э. <С. Л. Энгельгардт> («Тебе ль, невинной и спокойной...») — 1828, дек., вт. пол.; 1832, окт. (?) — янв. (?) 1833; 1833, март, 7 (Изд. 1835).

Признание — См. «Притворной нежности не требуй от меня...»

«Приманкой ласковых речей...» — 1821, февр., 20-е числа (?); 1821, март, 7 (чит. в ВОЛРС: К К...о); 1823, окт., 6 (письмо Рылеева); 1823, окт., 30 (НЛ. 1823. Кн. 6. № 40: Хлое); 1827, февр., 28 (Изд. 1827: К...); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Приманкой ласковых речей...»).

Приметы («Пока человек естества не пытал...») — 1839, окт. 14 (Утренняя заря 1840); 1842, март, 10 (С.).

«Принес ты мирные трофеи...» — См. «Там, где парил орел двуглавый...».

«Притворной нежности не требуй от меня...» — 1823, окт., 6 (принято Рылеевым для публикации в ПЗ 1824); 1823, дек., 20 (ПЗ 1824: Признание); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Притворной нежности не требуй от меня...»).

«Приятель строгий, ты не прав...» — 1821, июнь, 7 (СО. 1821. Ч. 70. № 24: Булгарину: «Нет, нет, Булгарин! Ты не прав...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: К ...: «Нет, нет! мой ментор, ты не прав...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Приятель строгий, ты не прав...»).

Прогоны жизни — См. «В дорогу жизни снаряжая...».

Прокаженный из города Аосты <перевод повести Ксавье де Местра> — 1822, февр., 21; март, 13 (Библиотека для чтения. Прил. к СО: 1822. Кн. 2).

«Прости, сказать ты поспешаешь мне...» — См. Размолвка.

«Простите, милые досуги...» — См. Прощанье.

«Простите, спорю невпопад...» <П. А. Вяземскому> — 1825, дек.. после 7.

«Прощай, отчизна непогоды...» — 1820, сент.—дек., нач.; 1821, авг.. 8 (чит. в ВОЛРС (?): Элегия — опубл.: Сор. 1821. Ч 15. № 2; билет 5 авг.; в разделе «Элегии»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Отъезд); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Прощай, отчизна непогоды...»).

Прощание («Пускай измаранный листок...») — См. «Тебе на память в книге сей...».

Прощанье («Простите, милые досуги...») — 1819, авг., 20 (Благ. 1819. Ч. 7. № 15).

«Пускай измаранный листок...» (Т—му. В Альбом) — см. «Тебе на память в книге сей...».

Разлука — См. «Расстались мы; на миг очарованьем...».

Размолвка («Мне о любви твердила ты шутя...») — 1822, март, вт. пол. (?) — май (?); 1823, окт., 9 (НЛ. 1823. Кн. 5. № 38: Размолвка: «Прости, сказать ты поспешаешь мне...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Размолвка: «Мне о любви твердила ты шутя...»).

Разуверение («Не искушай меня без нужды...») — 1821, май, 16 (?) (чит. в ВОЛРС — ?); сент. 12 (?) (чит. в ВОЛРС — ?); ноябрь, 4 (Сор. 1821. Ч. 16. № 2 — под загл. «Элегии»); 1822, июль, 6 (НЛ. 1822. Кн. 1. № 3: Разуверение. Элегия); 1822, сент., 1 (Новые Аониды на 1823: Элегия); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Разуверение); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Разуверение).

«Рассеивает грусть пиров веселый шум...» — 1820, май, 15 — июль, 1; 1821, янв., 11 (СО. 1821. Ч. 67. № 3: Уныние: «Рассеивает грусть веселый шум пиров...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Уныние: «Рассеивает грусть веселый шум пиров...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Рассеивает грусть веселый шум пиров...»). — Еще одна ред., не опубл. при жизни: Лагерь.

«Расстались мы; на миг очарованьем...» — 1820, янв., 11; 1820, февр., 3 (Сор. 1820. Ч. 9. № 2: Элегия: «На краткий миг пленяет в жизни радость...»); 1821, май, 28 (СО. 1821. Ч. 70. № 21: Элегия: «На краткий миг пленяет в жизни радость...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Разлука: «Расстались мы, на миг очарованьем...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Расстались мы, на миг очарованьем...»).

«Решительно печальных строк моих...» — 1824, дек., между 25 и 31 (СЦ 1825: Оправдание: «Я силился — счастливой старины...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Оправдание: «Решительно печальных строк моих...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Решительно печальных строк моих...»).

Рим — См. «Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...».

Рифма («Когда на играх Олимпийских...») — 1840, дек., 24; 1841, янв., 13 (Совр. 1841. Т. 21. <№ 1>); 1842, март, 10 (С.).

Родина — См. «Судьбой наложенные цепи...».

Родина — См. «Я возвращусь к вам, поля моих отцов...».

«Родству приязни нежной...» — См. Хор, петый в день именин <...>.

Ропот («Красного лета отрава, муха досадная, что ты...») — 1841, июнь, 30 (ОЗ. 1841. Т. 17. № 7, без загл.); 1842, март, 10 (С.: Ропот).

Ропот («Он близок, близок, день свиданья...») — См. «Он близок, близок, день свиданья...».

«Рука с рукой, Веселье, Горе...» — 1824, ноябрь — янв. 1825; 1825, янв., ок. 24—26; март, 7 (МТ. 1825, Ч. 1. № 4: Веселье и Горе); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Веселье и Горе); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Рука с рукой, Веселье, Горе...»).

Русская песня («Страшно воет, завывает...») — См. Песня.

«С восходом солнечным Людмила...» — См. Цветок.

С книгою «Сумерки» С. Н. К. <С. Н. Карамзиной> («Сближеньем с вами на мгновенье...» — 1842, май, до 26; июнь, 26; июнь, 30 (Совр. 1842. Т. 27 <№ 3>.

«С неба чистая, золотистая...» — 1823—1825 (?).

«Самовластительные цепи...» (Мара) — См. «Судьбой наложенные цепи...».

«Сближеньем с вами на мгновенье...» — См. С книгою «Сумерки» С. Н. К.

«Своенравное прозванье...» — Написано в 1829—1832 (?) (см. 1829, июнь; 1832, окт. (?) — янв. 1833); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Свои стишки Тощев-пиит...» (Эпиграмма) — 1827, март, 28 (Изд. 1827).

«Сей поцелуй, дарованный тобой...» — 1822, янв.—март, нач.; 1822, март, 9 (чит. в ВОЛСНХ и опубл. в Благ. 1821. Ч. 17. № 11. 16 марта: Поцелуй. Дориде); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Поцелуй); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Сей поцелуй, дарованный тобой...»).

Сельская элегия — См. «Я возвращусь к вам, поля моих отцов...».

«Сердечным нежным языком...» — 1828, дек., до 4; 1830, февр., 20; 1833, март, 7, март, 14 (Изд. 1835).

Сестре («И ты покинула семейный мирный круг!..») <С. А. Боратынской> — 1822, июнь—июль; 1824, дек., 4; 1825, февр., 2 (НА 1825); 1825, апр., 20 (НЛ. 1825. Кн. 12. Апрель).

Скульптор («Глубокий взор вперив на камень...») — 1841, июнь, 10; июнь, 27 (Совр. 1841. Т. 23 <№ 3>; 1842, март, 10 (С.).

«Слепой поклонник красоты...» (Л—ой) — См. «Когда неопытен я был...».

Случай — См. «Вчера ненастливая ночь...».

«Слыхал я, добрые друзья...» — 1828, дек., до 4; дек., до 18; дек., 18, дек., 27 (СЦ 1829: Бесенок); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Слыхал я, добрые друзья...»).

Смерть («О смерть! Твое именованье...») — См. «Тебя из тьмы не изведу я...».

Смерть. (Подражание А. Шенье) — См. Из А. Шенье.

«Сначала мысль, воплощена...» — 1838, март, 29 (Совр. 1838. Т. 9. № 1: Мысль); 1842, март, 10 (С.: «Сначала мысль, воплощена...»).

Совет — См. «Не трогайте Парнасского пера...».

«Соименница Авроры...» — См. Авроре Ш.......

Сонет — См. «Мы пьем в любви отраву сладкую...».

«Спасибо злобе хлопотливой...» — 1840—1843 (?).

Стансы («Дало две доли Провидение...») — См. «Дало две доли Провидение...».

Стансы («О чем ни молимся богам...») — См. «В глуши лесов счастлив один...».

Стансы («Обременительные цепи...») — См. «Судьбой наложенные цепи...».

«Старательно мы наблюдаем свет...» — 1828, окт., первые дни; дек., 27 (СЦ 1829); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

Старик («Венчали розы, розы Леля...») — 1828, окт., первые дни; дек., 27 (СЦ 1829); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Столицей шумною в изгнаньи позабыт...» — См. Н. И. Гнедичу.

«Страшно воет, завывает...» — См. Песня.

«Судьбой наложенные цепи...» — 1827, июнь—авг.; 1828, янв., 8 (МТ. 1828. Ч. 19. № 2: Стансы: «Обременительные цепи...»); 1833, март, 7 («Судьбой наложенные цепи...»).— Изд. 1869 и Изд. 1885: Родина («Судьбой наложенные цепи...»); Изд. 1914—1915. Т. 1: Мара («Самовластительные цепи...»).

Сцена из поэмы: Вера и неверие («Под этой липою густою...») — См. Отрывок.

Таврида <рецензия на сб. стих. А. Н. Муравьева> — 1827, февр.; март, 6; март, 14 (МТ. 1827. Ч. 13. № 4).

Таинство Елеосвящения <перевод из «Гения Христианства» Шатобриана> — 1821—1822 (?); 1822, авг., 11 (НЛ. 1822. Кн. 1. № 8).

«Так, ваш язык еще мне нов...» — См. Финским красавицам.

«Так! для отрадных чувств еще я не погиб...» — См. Н. И. Гнедичу.

«Так, любезный мой Гораций...» — См. Дельвигу.

«Так, он ленивец, он негодник...» — 1823, перв. пол. (?).

«Так, отставного шалуна...» — 1821 (?) — 1824 (?); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Товарищам); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Так, отставного шалуна...»).

«Там, где парил орел двуглавый...» — 1836, янв., 28.

«Там, где Семеновский полк, в Пятой роте, в домике низком...» — 1819, авг., после 24 сент. (?) — дек.; 1827, май, 16.

«Твой детский вызов мне приятен...» — 1820, февр., 23 (чит. в ВОЛРС: Послание к Л...); 1821, март, 1 (СО. 1821. Ч. 68. № 10: Лиде); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Лиде); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Твой детский вызов мне приятен...»).

«Тебе ль, невинной и спокойной...» — См. При посылке бала С. Э.

«Тебе на память в книге сей...» — 1819, авг., 24; дек. 2 (СО. 1819. Ч. 58. № 49: Т—му (В Альбом): «Пускай измаранный листок...»); 1821, сент., 12 (Сор. 1821. Ч. 15. Кн. 3: Прощание: «Пускай измаранный листок...»); 1827, дек., 28 (Изд. 1827: В Альбом: «Тебе на память в книге сей...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Тебе на память в книге сей...»). — Изд. 1884: «Земляк! в стране чужой, суровой...».

«Тебе я младость шаловливу...» — 1826, ноябрь, 1; дек., 30 (Сев. лира 1827: Амуру); 1827, март, 28 (Изд. 1827: К Амуру); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Тебе я младость шаловливу...»).

«Тебя из тьмы не изведу я...» — 1828, ноябрь; дек., 19 (МВ. 1829. Ч. 1); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Тебя ль изобразить и ты ль изобразима...» <переработка стих. «Портрет В...»> — 1823, февр.—дек. (?).

«Тебя я некогда любил...» — См. К Алине.

Телема и Макар — 1824—1825 (??)) (см. примеч. к: 1827, янв., 18); 1827, янв., 18 (СЦ 1827); 1827, февр., 19 (Слав. 1827. Ч. 1. № 8); 1827, март, 28 (Изд. 1827); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

Т—му. (В Альбом) («Пускай измаранный листок...») <А. И. Шляхтинскому> — См. «Тебе на память в книге сей...».

«Товарищ радостей младых...» — См. К Креницыну.

Товарищам — См. «Так, отставного шалуна...».

«Толпе — стогласный день приветен; но страшна...» — 1839, февр., 14 (ОЗ. 1839. Т. 2. № 2); 1842, март, 10 (С.).

Тоска («Один за чашей пуншевою...») — См. «Один, и пасмурный душою...».

«Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...» — См. Мудрецу.

«Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...» — 1821, авг., 22 (читано в ВОЛРС: К Риму); 1823, окт., 6 (письмо Рылеева); дек., 20 (ПЗ 1824: Рим).

«Ты распрощался с братством шумным...» <А. А. Дельвигу> — См. К Д***. На другой день после его женитьбы.

«Ты ропщешь, важный журналист...» — 1826, дек., 28 (Лит. Музеум 1827: Эпиграмма: «Не любишь, важный журналист...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Эпиграмма: «Ты ропщешь, важный журналист...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Ты ропщешь, важный журналист...»).

«Убог умом, но не убог здоровьем...» <Эпиграмма на А. Н. Муравьева> — 1827, март, нач.

Уверение — См. «Нет, обманула вас молва...».

«Увы! Творец непервых сил...» — 1838, дек. (?); 1842, март, 10 (С.).

«Ужели близок день свиданья...» (Элегия) — См. «Он близок, близок день свиданья...».

Уныние («Рассеивает грусть веселый шум пиров...») — См. «Рассеивает грусть пиров веселый шум...»

«Усопший брат! Кто сон твой возмутил?..» — См. Череп.

Утешение («Свободу дав тоске моей...») — См. Подражание Лафару.

Фея — См. «Порою ласковую фею...».

«Филида с каждою зимою...» — 1842, янв., 14 (ЦЭС); март, 10 (С.).

Финляндия — 1820, февр.—март (?); апр. 19 (чит. в ВОЛРС и опубл. в Сор. 1820. Ч. 1. № 5: Финляндия: «Громады вечных скал, гранитныя пустыни!..»); 1821, май, 24 (СО. 1821. Ч. 70. № 22: Финляндия: «Громады вечных скал, гранитныя пустыни!..»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Финляндия: «В свои расселины вы приняли певца...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Финляндия: «В свои расселины вы приняли певца...»).

Финским красавицам («Так, ваш язык еще мне нов...») — 1820, апр., 19 (чит. в ВОЛРС: Мадригал Финским красавицам; опубл. Сор. 1820. Ч. 1. № 5: Финским красавицам).

«Хвала, маститый наш Зоил...» <Эпиграмма на М. Т. Каченовского> — 1829, март, 27; апр., 10 (МТ. 1829. Ч. 26. № 7: Үсторіческая епіграмма); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Хвала, маститый наш зоил...»).

Хлое — См. «Приманкой ласковых речей...».

Хор, петый в день именин дядиньки Б<огдана> Андр<еевича> его маленькими племянницами Панчулидзевыми («Родству приязни нежной...») — 1817, янв., 23.

«Хотите ль знать все таинства любви...» — 1827, янв., 6.

«Хоть глуповат подчас Дамон...» (Эпиграмма) — См. «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...».

«Хотя ты малый молодой...» — 1830, июль, 12; авг., 19 (ЛГ 1830. № 47: Эпиграмма); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Хотя ты малый молодой...»).

«Храни свое неопасенье...» — Написано в 1831—1832; 1832, окт. (?) — янв. (?) 1833; 1833, март, 7 (Изд. 1835); загл. в копиях Н. Л. Боратынской: Монастырке.

Цапли («Жил да был петух индейской...») — 1825, конец года — 1826, первые месяцы.

«Царь небес! Успокой...» (Молитва) — 1842—1844 (?).

Цветок — 1821, авг., 8 (чит. в ВОЛРС; опубл. в Сор. 1821. Ч. 15. № 2; билет 5 авг.: Цветок: «Порою утренней Людмила...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Цветок: «С восходом солнечным Людмила...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Цветок: «С восходом солнечным Людмила...»).

Цыганка — 1829, окт.—ноябрь (начало работы); ноябрь, 24; дек., 12 (Денница 1830: Отрывок из поэмы); 1830, май, 16; июль, 23; окт., 4; окт., 17; дек., 17 (Альциона 1830: Отрывок из поэмы: Наложница); ноябрь, 15; дек., 18; дек., 24 (СЦ 1831: Новинское. Отрывок из 2 главы романа: Наложница; Сара. Отрывок из романа: Наложница); 1831, март, 20 (ц. р. отд. изд.: Наложница); апр., 15 (выход в свет); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Цыганка); 1842 (новая ред.).

Череп («Усопший брат! Кто сон твой возмутил?..») — 1824, дек., между 25 и 31 (СЦ 1825: Череп); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Могила); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Череп).

«Что за звуки! Мимоходом...» — 1841, апр., 30 (ОЗ. 1841. Т. 16. № 5: Vanitas Vanitatum); 1842, март, 10 (С.: «Что за звуки! Мимоходом...»).

«Что ни болтай, а я великий муж...» <Эпиграмма на Булгарина> — 1826, февр., 22.

«Что пользы нам от шумных ваших прений...» — 1829, окт., вт. пол. — ноябрь; дек., 2; 1830, янв., 14 (ЦС 1830: Эпиграмма); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Что пользы нам от шумных ваших прений...»).

«Что скажет другу своему...» — См. Запрос М—ву.

«Чтоб очаровывать сердца...» — 1821, май, после 26 — июнь (?); 1822, янв., 31 (РИ. 1822. № 28: К ***: «Кто жаждет славы, милый мой...»); 1827, март, 28 (Изд. 1827: К —ву. Ответ: «Чтоб очаровывать сердца...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Чтоб очаровывать сердца...»).

«Чувствительны мне дружеские пени...» — 1820, авг., 1; 1823, май, 14 (НЛ. 1823. Кн. 4. № 18: К ***); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Эпилог); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Чувствительны мне дружеские пени...»).

«Чудный град порой сольется...» — 1829, дек., 10 (Радуга 1830: Чудный град); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Чудный град порой сольется...»).

«Шуми, шуми с крутой вершины...» — 1820, июль, после 1 (?); 1821, май, 16 (чит. в ВОЛРС и опубл.: Сор. 1821. Ч. 15. № 1 <№ 8>; ц. р. 10 июня; билет 12 июля: Водопад); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Водопад); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Шуми, шуми с крутой вершины...»).

Эда — 1823, февр. (?); 1824, янв., ок. 24—26 (Епилог к стихотворной повести: Эда); 1825, март, 20 (ПЗ 1825: Зима. Отрывок из повести: Эда); 1825, окт., перв. пол. (Мнем. Ч. 4: Отрывки из поэмы: Эда); 1825, ноябрь, 26 (ЭиП, ценз. разр.); дек., 10 (МТ. 1825. Ч. 6. № 22: Финляндия: Отрывок); 1826, февр., 1 (ЭиП; ценз. билет); февр., 9...14 (ЭиП — время поступления в продажу); 1827, март, 28 (Изд. 1827); 1833, март, 7 (Изд. 1835).

Элегия («В дни безграничных увлечений...») — См. «В дни безграничных увлечений...».

Элегия («Дремала роща над потоком...») — См. Подражание Лафару.

Элегия («На краткий миг пленяет в жизни радость...») — См. «Расстались мы; на миг очарованьем...».

Элегия («Нет, не бывать тому, что было прежде...») — См. «Нет, не бывать тому, что было прежде...».

Элегия («Ужели близок день свиданья...») — См. «Он близок, близок день свиданья...».

Элизийские поля («Бежит неверное здоровье...») — 1821 (?) — 1824 (?); 1825, март, 20 (ПЗ 1825: Елисейские поля); март, после 29 — апр., нач.; 1827, март, 28 (Изд. 1827: Элизийские поля); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Элизийские поля).

Эпиграмма («В восторженном невежестве своем...») — 1829, дек., 20 (СЦ 1830).

Эпиграмма («В своих стихах он скукой дышит...») — См. «В своих стихах он скукой дышит...»).

Эпиграмма («Везде бранит поэт Клеон...») — 1823, перв. пол. (?); 1827, март, 28 (Изд. 1827).

Эпиграмма («Дамон, ты начал, продолжай...») — 1819, май, 16 (Благ. 1819. Ч. 16. № 9).

Эпиграмма («И ты поэт, и он поэт...») — 1824—1825 (??) (см. примеч. к: 1827, янв., 18); 1827, янв., 18 (СЦ 1827); 1827, март, 28 (Изд. 1827).

Эпиграмма («Как сладить с глупостью глупца...») — См. «Как сладить с глупостью глупца...»).

Эпиграмма («Не трогайте Парнасского пера...») — См. «Не трогайте Парнасского пера...».

Эпиграмма («Он вам знаком. Скажите, кстати...») — 1830, июнь, 5 (ЛГ. 1830. № 32).

Эпиграмма («Перелетай к веселью от веселья...») — См. «Перелетай к веселью от веселья...».

Эпиграмма («Писачка в Фебов двор явился...») — 1830, июнь, 10 (ЛГ. 1830. № 33).

Эпиграмма («Поверьте мне, Фиглярин-моралист...») — 1829, март, сер.; 1831, янв., 20 (Денница 1831: Эпиграмма).

Эпиграмма («Поэт Графов в стихах тяжеловат...») — См. «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...»).

Эпиграмма («Свои стишки Тощев-пиит...») — 1827, март, 28 (Изд. 1827).

Эпиграмма («Хоть глуповат подчас Дамон...») — См. «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...».

Эпиграмма («Хотя ты малый молодой...») — См. «Хотя ты малый молодой...».

Эпиграмма («Что ни болтай, а я великий муж...») — 1826, февр., 22 (МТ. 1826. Ч. 7. № 22: Эпиграмма: «Что ни толкуй, а я великий муж...»).

Эпиграмма («Что пользы нам от шумных ваших прений...») — См. «Что пользы нам от шумных ваших прений...»

Эпилог — См.: «Чувствительны мне дружеские пени...».

Юность и старость Земли <перевод из «Гения Христианства» Шатобриана> — 1821—1822 (?); 1826, апр., 6 (НЛ. 1826. Кн. 16. Апрель).

«Я безрассуден — и не диво...» <А. А. Дельвигу> — 1821, сент.—дек.(?); 1825, март, 20 (ПЗ 1825: Д—у); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Д—гу); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Я безрассуден — и не диво...»).

«Я был любим, твердила ты...» — 1827, ноябрь, 29 (?).

«Я возвращусь к вам, поля моих отцов...» — 1820, сент.—дек., нач.; 1821, февр. 1 (СО. 1821. Ч. 67. № 6: Сельская элегия); 1827, март, 28 (Изд. 1827: Родина); 1833, март, 7 (Изд. 1835: «Я возвращусь к вам, поля моих отцов...»). — Еще одно загл.: Деревня (Изд. 1869).

«Я из племени духов...» — См. Недоносок.

«Я не любил ее, я ведал, что другая...» — См. «Я не любил ее, я знал...».

«Я не любил ее, я знал...» — 1832, окт. (?) — янв. (?) 1833; 1833, март, 7 (Изд. 1835).

«Я не люблю хвастливые обеды...» — См. Обеды.

«Я посетил тебя, пленительная сень...» — 1833, июнь, вт. пол. — авг.; 1834, февр. (?); 1834, дек., 28; 1835, янв., 31 (БдЧ. 1834. Т. 8: Запустение).

«Я унтер, други! — точно так...» — 1823, перв. пол. года (?).

«Я силился — счастливой старины...» (Оправдание) — См. «Решительно печальных строк моих...».

«Языков, буйства молодого...» — См. Н. М. Языкову.

Языкову («Бывало, свет позабывая...») — 1832, янв., до 6 (письмо Языкову: «Плющом и гроздием венчая...»); 1833, март, 7 (Изд. 1835: Языкову: «Бывало, свет позабывая...»).

*** при посылке тетради стихов — См. «В борьбе с тяжелою судьбой...».

«Oh, qu'il te sied ce nom d'Aurore...» — 1824, ноябрь — янв. 1825.

Автопереводы на французский язык — 1843, ноябрь, вт. пол. — март 1844:

«Aimons la science, étudions le monde...» («Старательно мы наблюдаем свет...»).

«La bonne mère qui veut pour nous le voyage de la vie...» («В дорогу жизни снаряжая...»).
«Crois moi, ô toi, si aimante...» («О верь: ты, нежная, дороже славы мне...»).
Le Dernier poète (Последний поэт).
«Enfant, mon cri aigu éveillait des fôrets...» («Бывало, отрок, звонким кликом...»).
«La foule aime le jour...» («Толпе тревожный день, приветен, но страшна...»).
«Fraternisez, veillez à la défense...» (Коттерие).
«Lorsque le poète, cet enfant du doute...» («Когда, дитя и страсти и сомненья...»).
«Merci, amis, pour votre indignation flatteuse...» («Чувствительны мне дружеские пени...»).
Mort de Gœte (На смерть Гете).
«Nom de fantasie, nom caressant...» («Своенравное прозванье...»).
«Pourquoi le captif aurait-il des rêves de liberté...» («К чему невольнику мечтания свободы...»).
«Pourquoi luisez-vous, jour opiniâtres?..» («На что вы, дни! Юдольный мир явленья...»).
Le Préjugé (Предрассудок).
«Quelquefois une fée m'apparaît en songe...» («Порою ласковую фею...»).
«Qu'êtes-vous devenus...» («Где сладкий шепот...»).
«Raison souveraine! toi qui prend pour guide l'artiste de parole...» («Все мысль да мысль! Художник бедный слова!..»).
La Rime (Рифма).
«Ton élu, ô Dieux de lumière» («В дни безграничных увлечений...»).
«Toujours éblouissante de parure...» («Всегда и в пурпуре и в злате...»).

Адресаты стихотворений, упомянутые в заглавиях

Богданович И. Ф. — Богдановичу.
Боратынский Б. А. — Хор, петый в день именин...
Боратынский И. А. — Б—му (при отъезде его в армию).
Брюллов К. П. — К. П. Брюллову.
Булгарин Ф. В. — Булгарину.
Воейкова А. А. — А. А. В—ой («Очарованье красоты...»).
Волконская З. А. — К. З. А. Волконской; Куплеты на день рождения...
Вяземский П. А. — Князю Петру Андреевичу Вяземскому.
Гнедич Н. И. — Г—чу; Н. И. Гнедичу.
Давыдов Д. В. — Д. Давыдову.
Дельвиг А. А. — Послание к б... Дельвигу («Где ты, беспечный друг...»); Дельвигу («Дай руку мне..»); Дельвигу («Напрасно мы, Дельвиг...»); Дельвигу («Так, любезный мой Гораций...»); Д—гу («Я безрассуден — и не диво...»); К Д***. На другой день после его женитьбы.
Карамзина С. Н. — С книгою «Сумерки». С. Н. К.
Коншин Н. М. — Добрый совет. К—ну («Живи смелей...»); К Коншину («Поверь, мой милый друг...»); Н. М. К. («Пора покинуть, милый друг...»).
Креницын А. Н. — К Креницыну.
Крылов А. А. — К—ву (Любви веселой проповедник...»); К —ву. Ответ.
Кюхельбекер В. К. — К Кюхельбекеру.
Лутковская А. В. — Л—ой («Когда неопытен я был...»).
Лутковский Е. А. — Лутковскому.
Муханов А. А. — Запрос М—ву.
Пушкин А. С. — Новинское. А. С. Пушкину.
Пушкин Л. С. — Л. П—ну («Поверь, мой милый, твой поэт...»).
Свербеева Ек. А. — К. А. Свербеевой.
Тимашева Ек. А. — К. А. Тимашевой.
Фукс А. А. — А. А. Ф...ой.
Шернваль А. К. — Авроре Ш.......
Шляхтинский А. И. — Т—му (В Альбом).
Энгельгардт С. Л. — Кольцо. С. Э—т; «Нежданное родство с тобой даруя...».
Языков Н. М. — Н. М. Языкову; Языкову.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

I

авг. — август.
АН — Академия наук.
апр. — апрель.
билет — цензорский билет на выпуск издания из типографии.
ВОЛРС — Вольное общество любителей российской словесности.
ВОЛСНХ – Вольное общество любителей словесности, наук и художеств.
вт. пол. — вторая половина (года, месяца).
гл. — главный; главная.
губ. — губерния.
дек. — декабрь.
деп-т — департамент.
др. загл. — другое заглавие.
др. ред. — другая редакция.
изд. — издание.
Л. – Лист рукописи.
л.-гв. — лейб-гвардии.
нач. — начало (года, месяца).
не сохр. — не сохранился.
обосн. даты — обоснование нашей датировки.
ок. — около.
окт. — октябрь.
ОЛРС — общество любителей российской словесности при Московском университете.
офиц. — официальный.
перв. пол. — первая половина (года, месяца).
подгот. — подготовил.
пред. — предыдущий.
р. — родился; родилась.
Род. — Родословная Боратынского (с. 412—421).
Св. — связка рукописей.
сент. — сентябрь.
сер. — середина (года, месяца).
след. — следующий, следующая.
Соч. — Сочинения
стих. — стихотворение.
Ст. — столбец; столбцы.
у. — уезд.
ук. — указатель.
ум. — умер, умерла.
урожд. — урожденная.
февр. — февраль.
фр. яз. — французский язык.
ц. р.; ценз. разр. — цензурное разрешение.
чит. — читано.
янв. — январь.

II

АбТ. Вып. 6 — Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 6.

Аксаков. Изд. 1960 — *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960.

Алфавит Боровкова — Декабристы: Биографический справочник/ Изд. подгот. С. В. Мироненко. М., 1988.

Альтшуллер 1995 — *Альтшуллер М. Г.* Записки Пушкина и Баратынского в публикациях А. Е. Грена // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1995. Вып. 26.

Андреев 1994 — *Андреев В. Е.* О начертании фамилии поэта. Еще раз о букве «о» // Венок Боратынскому. Мичуринск, 1994.

Анохина 1973 — *Анохина Т. Г.* Дарственные надписи на книгах библиотеки Дмитриевых // Рукописная и печатная книга в фондах научной библиотеки Московского университета. М., 1973. Вып. 1.

Барсуков. Кн. I; *Барсуков*. Кн. 2; *Барсуков*. Кн. 4; *Барсуков*. Кн. 5. — *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I. СПб., 1888; Кн. 2. СПб., 1889; Кн. 4. СПб., 1891; Кн. 5. СПб., 1892.

БдЧ — Библиотека для чтения.

Белинский — *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976—1982.

А. Бестужев 1824 — Памятная книжка А. А. Бестужева 1824 г. // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. I.

Благ. — Благонамеренный.

Бобров 1904 — *Бобров Е. А.* А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов // Русская старина. 1904. Т. 118. № 6.

Бобров 1907 — *Бобров Е. А.* Памяти Л. Е. Боратынского // Бобров Е. А. Дела и люди. Юрьев, 1907.

Боград 1985 — *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1839—1848: Указатель содержания. М., 1985.

А. Л. Боратынский 1971 — *Боратынский А. Л.* И все-таки Боратынский! // Литературная газета. 1971. № 31. 28 июля.

Л. Е. Боратынский 1869 — *Боратынский Л. Е.* Материалы для биографии Е. А. Баратынского // Сочинения Е. А. Баратынского. М., 1969.

М. А. Боратынский 1910 — *Боратынский М. А.* Род дворян Боратынских. М., 1910.

Н. Е. Боратынский 1884 — *Боратынский Н. Е.* Примечания в изд.: Сочинения Е. А. Баратынского. Казань, 1884.

Брюсов 1901 — *Брюсов В. Я.* Эпиграммы и пародии на Е. А. Баратынского // Русский архив. 1901. Кн. I. № 2.

Вацуро 1969 — *Вацуро В. Э.* К истории пушкинских изданий. (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI.

Вацуро 1972 — Комментарии к изд.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1.

Вацуро 1974 — *Вацуро В. Э.* Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974.

Вацуро 1975 — *Вацуро В. Э.* Мнимое четверостишие Баратынского // Русская литература. 1975. № 4.

Вацуро СЦ — *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.

Вацуро 1986 — *Вацуро В. Э.* Антон Дельвиг — литератор; Комментарии // В изд.: Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986.

Вацуро 1987 — *Вацуро В. Э.* «Опыт прямодушия»: Из истории литературно-критических воззрений Пушкина // Литературное обозрение. 1987. № 2.

Вацуро 1988 — *Вацуро В. Э.* Из литературных отношений Баратынского // Русская литература. 1988. № 3.

Вацуро СДП — *Вацуро В. Э.* С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.

Вацуро 1989а — *Вацуро В. Э.* Бестужев-Рюмин М. А. // Русские писатели: Биографический словарь. М., 1989. Т. I.

Вацуро 1989б — *Вацуро В. Э.* Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII.

Вацуро, Гиллельсон 1986 — *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986.
ВЕ — Вестник Европы.
Вейс 1962 — *Вейс А. Ю.* К избранию Е. А. Баратынского в Санкт-петербургское Вольное общество любителей российской словесности // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1.
Верховский 1916 — Обзор рукописей и примечания в изд.: Е. А. Боратынский. Материалы к его биографии: Из Татевского архива Рачинских. Пг., 1916.
Верховский 1922 — Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные // Изд. подгот. Ю. Н. Верховский. Пг., 1922.
Волконская 1865 — *Волконская З. А.* Собр. соч. Париж; Карлсруэ, 1865.
Вульф. Изд. 1994 — *Вульф А. Н.* Дневники / Подгот. П. Е. Щеголев // Любовный быт пушкинской поры. М., 1994. Т. I (перепечатка издания 1929 г.).
Вяземский. ПСС. Т. I; *Вяземский*. ПСС. Т. 8 — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб. 1878. Т. I; 1883. Т. 8.
Вяземский. Изд. 1935 — *Вяземский П. А.* Избр. стихотворения / Тексты подгот. В. С. Нечаева. М.; Л., 1935.
Вяземский. Изд. 1963 — *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848) / Изд. подгот. В. С. Нечаева. М., 1963.
Вяземский. Изд. 1982 — *Вяземский П. А.* Соч.: В 2 т. / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М., 1982.
Вяземский. Изд. 1984 — *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика / Изд. подгот. Л. В. Дерюгина. М., 1984.
Гаевский 1853; *Гаевский* 1854 — *Гаевский В. П.* Дельвиг // Современник. 1853. Т. 39. № 5—6. Отд. 3; 1854. Т. 43. Отд. 3.
Гангеблов 1888 — Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова. М., 1888.
ГБЛ — См. РГБ.
Гиллельсон 1964 — *Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1836 гг.). М.; Л., 1964.
Гиллельсон 1969 — *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.
ГИМ — Отдел письменных источников Гос. Исторического музея.
Гоголь. Ак. Т. 10; *Гоголь*. Ак. Т. 11 — *Гоголь Н. В.* <Академическое> Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10, 11.
Гофман 1914—1915 — *Гофман М. Л.* Е. А. Боратынский: Биографический очерк; Примечания // Боратынский Е. А. Полн. собр. соч.: В 2 т. СПб., 1914—1915.
ГПБ — См. РНБ.
Грановский. Изд. 1897 — Т. Н. Грановский и его переписка: В 2 т. М., 1897.
Грен 1861 — *Грен А. Е.* Биографические заметки // Петербургский вестник. 1861. № 13—14.
Грот 1904 — *Грот К. Я.* Е. А. Баратынский и П. А. Плетнев // Русская старина. 1904. Т. 118. Июнь.
Грот — Плетнев. Изд. 1896 — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2.
Давыдов. Изд. 1860 — Соч. Д. В. Давыдова: В 3 ч. М., 1860.
Давыдов. Изд. 1895. Т. 3 — Соч. Д. В. Давыдова: В 3 т. / Изд. подгот. А. О. Круглый. СПб., 1895. Т. 3.
ДЖ — Дамский журнал.
Дараган 1875 — *Дараган П. М.* Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны // Русская старина. 1875. Т. 12. № 4.
Дельвиг. Изд. 1922 — *Дельвиг А. А.* Неизданные стихотворения / Изд. подгот. М. Л. Гофман. Пг., 1922.
Дельвиг. Изд. 1934 — *Дельвиг А. А.* Полн. собр. стихотворений. / Изд. подгот. Б. В. Томашевский. Л., 1934.
Дельвиг. Изд. 1986 — *Дельвиг А. А.* Соч. / Изд. подгот. В. Э. Вацуро. Л., 1986.
А. И. Дельвиг. Изд. 1912 — *Дельвиг А. И.* Мои воспоминания. М., 1912. Т. I.
А. И. Дельвиг. Изд. 1930 — *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни. М.; Л., 1930. Т. I.
Дмитриев. Изд. 1986 — *Дмитриев И. И.* Соч. / Изд. подгот. И. З. Сурат и А. М. Песков. М., 1986.
М. Дмитриев. Изд. 1869 — *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.

Долгополова, Тархов 1989 — *Долгополова С. А., Тархов А. Е.* История тютчевского мемориального собрания // Литературное наследство. М., 1989. Т. 97, кн. 2.

Дризен 1894 — *Дризен Н. В.* Два неизданных стихотворения Е. А. Баратынского // Вестник Европы. 1894. Кн. 3. Март.

Елагин. Изд. 1911 — *Елагин Н. А.* Материалы для биографии И. В. Киреевского // Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. I.

Ельницкая 1977; *Ельницкая* 1978 — *Ельницкая Т. М.* Репертуар драматических трупп Петербурга и Москвы. 1801—1825 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977. Т. 2; М., 1978. Т. 3.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Жуйкова 1989 — *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки А. С. Пушкина: Каталог атрибуций (А-Б) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23.

Журн. ВОЛРС — Журналы ученых упражнений Вольного общества любителей российской словесности // Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964.

Загвозкина 1980 — *Загвозкина В. Г.* Баратынский в рисунках Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983.

Загвозкина 1985 — *Загвозкина В. Г.* Е. А. Боратынский и Казань. Казань, 1985.

Загряжский. Изд. 1993 — *Загряжский М. П.* Записки (1770—1811) / Публикация В. М. Боковой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 2.

Закревский. Дневник — А. С. Уголок архива графа Закревского // Журнал Имп. Русского военно-исторического общества. 1910. Кн. I. Отд. 3.

ИВ — Исторический вестник.

Изв. АН — Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук.

Изд. 1827 — Стихотворения Евгения Баратынского. М.: В типографии Августа Семена при Имп. Медико-Хирургической Академии, 1827.

Изд. 1835 — Стихотворения Евгения Баратынского: В 2-х частях. М.: В типографии Августа Семена при Имп. Медико-Хирургической Академии, 1835.

Изд. 1869 — Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского / Изд. подгот. Л. Е. Боратынский. М., 1869.

Изд. 1884 — Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского / Изд. подгот. Н. Е. Боратынский. Казань, 1884.

Изд. 1914—1915 — Полн. собр. соч. Е. А. Боратынского: В 2 т. / Изд. подгот. М. Л. Гофман. СПб.: Изд. Имп. Академии наук. 1914. Т. 1; 1915. Т. 2.

Изд. 1936 — *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Изд. подгот. Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева. Л., 1936 (Библиотека поэта. Большая серия).

Изд. 1951 — *Боратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма / Изд. подгот. О. В. Муратова и К. В. Пигарев. М., 1951.

Изд. 1957 — *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений / Изд. подгот. Е. Н. Купреянова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая серия).

Изд. 1982 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы / Изд. подгот. Л. Г. Фризман. М., 1982 (Лит. памятники).

Изд. 1983 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Проза. Письма / Изд. подгот. В. А. Расстригин и А. Е. Тархов. М., 1983.

Изд. 1987 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Издание подгот. С. Г. Бочаров и Л. В. Дерюгина. М., 1987.

Изд. 1989 — *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений / Изд. подгот. В. М. Сергеев. Л., 1989 (Библиотека поэта. Большая серия).

ИП — <Истинная повесть>: Песков А. М. Боратынский: Истинная повесть. М., 1990.

Ист. Егер. полка — История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796—1896. СПб., 1896.

Карпов 1978 — Н. М. Языков. Письма к родным / Публикация А. А. Карпова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978.

Карпов 1983 — *Карпов А. А.* Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI.

Катенин. Изд. 1981 — *Катенин П. А.* Размышления и разборы / Изд. подгот. Л. Г. Фризман. М., 1981.

Киреевский. Изд. 1861 — Полн. собр. соч. И. В. Киреевского: В 2 т. М., 1861.

Киреевский. Изд. 1911 — *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911.

Киреевский. Изд. 1979 — *Киреевский И. В.* Критика и эстетика / Изд. подгот. Ю. В. Манн. М., 1979.

П. Киреевский. Изд. 1935 — Письма П. В. Киреевского Н. М. Языкову // Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР. М.; Л., 1935. Вып. IV.

Кирпичников 1898 — *Кирпичников А. И.* Между славянофилами и западниками // Русская старина. 1898. Т. 96. № 11.

Кичеев 1868 — *Кичеев П. Г.* Еще несколько слов о Е. А. Баратынском // Русский архив. 1868. Вып. 4—5.

Клейменова 1981 — *Клейменова Р. Н.* Систематическая роспись изданий Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1930 / Под ред. Т. Г. Анохиной. М., 1981.

Кожинов 1975 — *Кожинов В. В.* Легенды и факты // Русская литература. 1975. № 2.

Козлов. Дневник — Дневник И. И. Козлова // Рукописный отдел Пушкинского Дома. № 15.988.

Коншин. Изд. 1958 — *Коншин Н. М.* Воспоминания о Боратынском, или Четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823 /Текст подгот. П. Я. Бейсов// Краеведческие записки Ульяновского обл. краевед. музея. Ульяновск, 1958. Вып. 2.

Коншин. Для немногих — *Коншин Н. М.* Для немногих <Фрагменты> / Текст подгот. С. Г. Бочаров и Л. В. Дерюгина // Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987.

Кошелев. Изд. 1991 — Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. I: Записки А. И. Кошелева / Изд. подгот. Н. И. Цимбаев. М., 1991.

Крестовский 1876 — *Крестовский В. В.* История л.-гв. Уланского Его Величества полка. СПб., 1876.

Купреянова 1957 — *Купреянова Е. Н.* Е. А. Баратынский; Примечания // Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая серия).

Кюхельбекер. Изд. 1967 — *Кюхельбекер В. К.* Избр. произведения: В 2 т. / Изд. подгот. Н. В. Королева. М.; Л., 1967.

Кюхельбекер. Изд. 1979 — *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подгот. Н. В. Королева и В. Д. Рак. Л., 1979.

ЛГ — Литературная газета.

Лебедев 1985 — *Лебедев Е. Н.* Тризна: Книга о Е. А. Боратынском. М., 1985.

Левкович 1978 — *Левкович Я. Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII.

Лернер 1908 — *Лернер Н. О.* Из писем Е. А. Боратынского: Письма к Н. М. Коншину // Русская старина. 1908. Т. 136. № 12.

ЛЛ — Литературные листки: Приложение к журн. «Северный архив».

ЛН — Литературное наследство.

ЛПРИ — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду».

М. — <Материалы> Е. А. Боратынский: Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских /Изд. подгот. Ю. Н. Верховский. Пг., 1916.

Маслов 1912 — *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912.

МВ — Московский вестник.

Медведева 1936 — *Медведева И. Н.* Павел Лукьянович Яковлев и его альбом // Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6.

Медведева 1968 — *Медведева И. Н.* «Последний день Помпеи» (Картина К. Брюллова в восприятии русских поэтов 1830-х годов // Annali dell'Instituto Universitario Orientale. Zerione Slava. XI. Napoli, 1968.

Медведева, Купреянова 1936 — *Медведева И. Н.* Ранний Баратынский; *Купреянова Е. Н.* Баратынский тридцатых годов; *Медведева И. Н.; Купреянова Е. Н.* Комментарии // Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. М.; Л., 1936 (Библиотека поэта. Большая серия).

Мир Пушкина — Мир Пушкина: Фамильные бумаги Пушкиных — Ганнибалов. Т. I. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой. 1828—1835 / Изд. подгот. Л. Л. Слонимская. СПб., 1993. — Т. 2. Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и

отцу. 1831—1837 / Изд. подгот. Н. М. Сперанская; перевод — А. Андрес и Н. Сперанской. СПб., 1994.
МН — Московский наблюдатель.
Мнем. — Мнемозина.
Могилянский 1956 — *Могилянский А. Я.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I.
Б. Л. Модзалевский 1910 — *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910.
Б. Л. Модзалевский 1925 — *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. Л., 1925.
Б. Л. Модзалевский 1926 — *Модзалевский Б. Л.* Примечания // Пушкин. Письма. Т. I. 1815—1825. М.; Л., 1926.
Б. Л. Модзалевский 1928 — *Модзалевский Б. Л.* Примечания // Пушкин. Письма. Т. 2. 1826—1830. М.; Л., 1928.
Б. Л. Модзалевский 1929 — *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929.
Л. Б. Модзалевский 1935 — *Модзалевский Л. Б.* Примечания // Пушкин. Письма. Т. 3. 1831—1833. М.; Л., 1935.
Москв. — Москвитянин.
Моск. некрополь — Московский некрополь /Изд. подгот. Б. Л. Модзалевский и В. И. Саитов: В 3 т. СПб., 1907.
МТ — Московский телеграф.
Мураново — Научный архив Музея-усадьбы Мураново.
Муханов. Дневник — Дневники и письма А. А. Муханова за 1824—1825 гг. // Щукинский сборник. М., 1904. Т. 3.
НА — Невский альманах.
Нарцов 1904 — *Нарцов А. Н.* Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями. Тамбов, 1904. Т. I.
НЖ — Новый живописец: Приложение к журн. «Московский телеграф».
НЗ — Невский зритель.
НЛ — Новости литературы.
НЛО —Новое литературное обозрение.
ОА. Т. 1.; ОА. Т. 2; ОА. Т. 3 — Остафьевский архив: В 5 т. /Изд. подгот. В. И. Саитов. СПб. 1899. Т.1; 1901. Т. 2; 1903. Т. 3.
ОЗ — Отечественные записки.
Оксман 1922 — *Оксман Ю. Г.* Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре; Выписка из журнала заседаний Санкт-Петербургского цензурного комитета // Литературный музеум. Пг., 1922. Т. I.
ОМС — Общий морской список: В 13 ч. Ч. 3. СПб., 1890; Ч. 5. СПб., 1890.
Опыт рус. анфологии — Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпиграфии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Сост. М. А. Яковлев. СПб., 1828.
Отчет ИПБ 1895 — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1897.
П. — <Письма Абрама Андреевича Боратынского к своему отцу; Е. А. Боратынского — к своей матери, жене, брату Сергею, С. М. Дельвиг-Боратынской; А. Ф. Боратынской — к дочери Софии>: Баратынские / Тексты подгот. Е. Э. Лямина, Е. Е. Пастернак, А. М. Песков // Лица: Биографический альманах. СПб.; М., 1993. Вып. 2.
Пассек. Изд. 1963 — *Пассек Т. П.* Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. 1.
Пб. некрополь — Петербургский некрополь: В 4 т. / Изд. подгот. В. И. Саитов. Т. 1—3. СПб., 1912; Т. 4. СПб., 1913.
ПД — Рукописный отдел Пушкинского Дома.
Петухов 1924 — Письма Е. А. Боратынского к Н. М. Языкову /Публикация Е. В. Петухова // Историко-литературный сборник. Посв. В. И. Срезневскому. Л., 1924.
ПЗ — Полярная звезда.
Пешков 1974 — Пешков В. М. «Моя начальная любовь...»: Е. А. Боратынский в Маре. Воронеж, 1974.
Пигарев 1935 — *Пигарев К. В.* Е. А. Баратынский. Неизданная эпиграмма на Аракчеева // Звенья. М.; Л., 1935. Т. V.
Пигарев 1948 — *Пигарев К. В.* Мураново. М., 1948.

Пигарев 1951 — *Пигарев К. В.* Е. А. Боратынский; Примечания // Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951.
ПИМ — Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л.; СПб., 1956—1995. Т. 1—15.
Писатели-декабристы — Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. / Изд. подгот. Р. В. Иезуитова, Я. Л. Левкович, И. Б. Мушина. М., 1980.
Письма к Вяземскому. Изд. 1902 — Письма А. С. Пушкина, барона А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к князю П. А. Вяземскому. СПб., 1902.
Плетнев 1844 — *Плетнев П. А.* Евгений Абрамович Баратынский // Современник. 1844. Т. 25.
Плетнев. Изд. 1885 — *Плетнев П. А.* Соч. и переписка / Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1885.
Погодин 1869 — *Погодин М. П.* Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869.
Подольская 1988 — *Подольская И. И.* Лев Николаевич Энгельгардт // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988.
Кс. Полевой. Изд. 1888 — Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888.
Поляков 1918 — *Поляков А. Н.* М. Языков и Е. А. Боратынский // Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918.
Поэты 1820—1830 — Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. / Тексты подгот. В. Э. Вацуро. Л., 1972. Т. 1.
Путята 1864 — *Путята Н. В.* О стихотворении Баратынского «Леда» // Русский архив. 1864. Ст. 675—676.
Путята 1867 — Письма Е. А. Баратынского к Н. В. Путяте / Публикация Н. В. Путяты // Русский архив. 1867. № 2.
Путята. Изд. 1993. — Воспоминания Н. В. Путяты о Е. А. Баратынском / Текст подгот. Е. Е. Пастернак // Лица: Биографич. альманах. СПб.; М., 1993. Вып. 2.
Пушкин. Ак. — *Пушкин*. <Академическое> Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937—1949.
Пушкин. Изд. 1861 — Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание сочинений его. Берлин, 1861.
Пушкин в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Изд. подгот. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон, Р. В. Иезуитова, Я. Л. Левкович. М., 1974.
Пушкин и его совр. — Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.; Л., 1903—1930. Вып. 1—39.
Пушкин. Изд. 1977—1979 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977—1979.
Пушкин. Переписка. — Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. / Изд. подгот. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон, И. Б. Мушина, М. А. Турьян. М., 1982.
Пушкин. Письма посл. лет. — *Пушкин*. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969.
РА — Русский архив.
РБС. Т. 2. — Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 2.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (бывшей Ленинки).
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РИ — Русский инвалид.
РЛ — Русская литература.
РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (бывшей Гос. Публичной библиотеки).
РПБС — Русские писатели: Биографический словарь. М., 1989—1994. Т. 1—3.
РС — Русская старина.
Рылеев. Изд. 1934 — *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. / Изд. подгот. А. Г. Цейтлин. М.; Л., 1934.
С. – Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. М.: В типографии А. Семена при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1842.
Сб. РИО. Т. 23; Сб. РИО. Т. 73 — Сборник императорского Русского Исторического общества. СПб., 1878. Т. 23; СПб., 1890. Т. 73.
Сб. Щ. — Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина: В 10 ч. М., 1895—1902.
Свербеев. Изд. 1899 — Записки Д. Н. Свербеева: В 2 т. М., 1899.
Светлов 1984 — *Светлов А. П.* Об уникальном экземпляре «Стихотворений» Е. А. Баратынского 1833 г. // Книга: Исследования и материалы. Сб. XLIX. М., 1984.
Сергеев 1989 — *Сергеев В. М.* Примечания // Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989 (Библиотека поэта. Большая серия).

СиН — Старина и новизна. Кн. 3. СПб., 1900; Кн. 5. СПб., 1902; Кн.11. СПб., 1906.

Синявский, Цявловский 1938 — *Синявский Н. А., Цявловский М. А.* Пушкин в печати. 1814—1837. М., 1938.

Слав. — Славянин.

Словарь ОЛРС — Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете: 1811—1911. М., 1911.

СО — Сын отечества.

Совр. — Современник.

Сомов. Дневник 1821 — Дневник О. М. Сомова <1821 г.> // Вацуро В. Э. С.Д.П. М., 1989.

Сор.; Соревнователь — Соревнователь просвещения и благотворения.

Сушков 1848 — *Сушков Н. В.* Воспоминания о Московском университетском благородном пансионе. М., 1848.

СЦ — Северные цветы.

Т — Телескоп.

Труды ОЛРС — Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете.

ТС — Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899.

Фалалеева 1992 — *Фалалеева М. В.* Письмо Е. А. Боратынского к А. А. Закревскому // Российский архив. М., 1992. Вып. II—III.

Филиппович 1914 — *Филиппович П. П.* Два неизвестных стихотворения Е. А. Боратынского // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1914. Вып. 1.

Филиппович 1915 — *Филиппович П. П.* Отчет о поездке в Петроград // Университетские известия. № 8. Киев, 1915.

Филиппович 1917 — *Филиппович П. П.* Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Киев, 1917.

Фридкин 1987 — *Фридкин В. М.* Альбом Каролины Павловой // Наука и жизнь. 1987. № 2.

Фризман 1966 — *Фризман Л. Г.* Творческий путь Баратынского. М., 1966.

Фризман 1966а — *Фризман Л. Г.* Баратынский и Огарев // Вопросы литературы. 1966. № 8.

Фризман 1969 — *Фризман Л. Г.* Неизвестный автограф Баратынского // Вопросы литературы. 1969. № 2.

Фризман 1982 — *Фризман Л. Г.* Поэт и его книги. — Проблемы текстологии Баратынского. Примечания. // Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982.

Фризман 1989 — *Фризман Л. Г.* Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Европеец. Журнал И. В. Киреевского. М., 1989.

Хетсо — *Хетсо Г.* Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Осло, 1973.

ЦГАЛИ; ЦГВИА; ЦГИА — См. РГАЛИ; РГВИА; РГИА.

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.

ЦС — Царское Село.

ЦЭС — Цензурный экземпляр «Сумерек» // ПД. № 21.730.

Цявловская 1986 — *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. Изд. 4-е М., 1986.

Цявловский 1914; *Цявловский* 1916 — *Цявловский М. А.* Пушкин по документам Погодинского архива: Дневники М. П. Погодина // Пушкин и его современники. Вып. 19—20. Пг., 1914. — Вып. 23—24. Пг., 1916.

Цявловский 1931 — *Цявловский М. А.* Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931.

Цявловский 1962 — *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962.

Цявловский 1991 — *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Изд. 2-е. Л., 1991.

Черейский 1989 — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2-е. Л.. 1989.

Черепнин 1915 — *Черепнин Н. П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц: В 3 т. Пг., 1915. Т. 3.

Чичерин 1890 — *Чичерин Б. Н.* Из моих воспоминаний // Русский архив. 1890. Кн. 1. № 4.

Шапошников 1928 — *Шапошников Б. В.* Письма Е. М. Языковой о Пушкине. Л., 1928.

Шляпкин 1903 — *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903.

Шпильчин 1976 — *Шпильчин В. Г.* Когда родился Баратынский? // Тамбовская правда. 1976. 27 февраля.

Шубин 1986 — *Шубин В. Ф.* Поэты пушкинского Петербурга. Л., 1985.

Шумихин 1988 — *Шумихин С. В.* А. С. Пушкин в Российском Благородном собрании в Москве // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22.

Щ. сб. — Щукинский сборник: В 10 вып. М., 1902—1912.
ЭиП – Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма, Евгения Баратынского. СПб.: В типографии Департамента Народного Просвещения, 1826.
Эльзон 1985 — *Эльзон М. Д., Черейский Л. А.* Две даты к биографии А. С. Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985.
Эртель 1832 — <Эртель В. А.?>. Выписка из бумаг дяди Александра // Русский альманах на 1832 и 1833 годы. СПб., 1832.
ЯА — Языковский архив. Вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. 1822—1829 / Изд. подгот. Е. В. Петухов. СПб., 1913.
Языков. Изд. 1982 — *Языков Н. М.* Соч. / Изд. подгот. А. А. Карпов. Л., 1982.

ПЕРЕЧЕНЬ ПОРТРЕТОВ БОРАТЫНСКОГО И ЕГО БЛИЖАЙШИХ РОДСТВЕННИКОВ

Составил В. А. Расстригин

ПОРТРЕТЫ БОРАТЫНСКОГО

1. Барду К. (?) Два одинаковых детских портрета. Пастель. 1810 г. — РГАЛИ и Российский фонд культуры (Москва).
2. Вивьен Ж. Рисунок. 1826 г. — Всероссийский музей А. С. Пушкина (Петербург, набережная Мойки).
3. Тернберг А. Ф. Литография. 1828 г.
4. Мюнстер А. Литография по рисунку А. Лебедева. 1820-е гг.
5. Берже Ф. Акварель. Конец 1820-х гг. — Гос. лит. музей (Москва).
6. Киреевский И. В. (?). А. П. Елагина (?) Силуэт тушью. Конец 1820-х — начало 1830-х гг. — РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5 (альбом «Tendresse»).
7. Неизвестный художник. Рисунок: Боратынский вместе с братом Сергеем. Вторая половина 1820-х гг. — Музей А. С. Пушкина в Москве.
8. Боратынский Е. А. Рисунок: автопортрет в фас. — Находился в собрании К. В. Пигарева (Москва).
9. Скотников Е. Гравюра с рисунка Берже. 1833 г. (?). Помещена в «Стихотворениях Евгения Баратынского» М., 1835.
10. Неизвестный художник. Смешанная техника. — Мураново.
11. Неизвестный художник. Рисунок: профиль. — Мураново.
12. Неизвестный художник. Холст. Масло. Предположительно с утраченного дагерротипа. Начало 1840-х гг. — Мураново.
13. Боратынская А. Е. (дочь поэта). Рисунок по памяти. — Мураново.
14. Шевалье Ф. Литография. Конец 1840-х — начало 1850-х гг.

ПОРТРЕТЫ РОДСТВЕННИКОВ БОРАТЫНСКОГО

1. Неизвестный художник. Андрей Васильевич Боратынский (дед поэта). Холст. Масло. — Тамбовский краеведческий музей.
2. Неизвестный художник. Абрам Андреевич Боратынский (отец). Холст. Масло. — Мураново.
3. Неизвестный художник. Абрам Андреевич Боратынский. Миниатюра. — Мураново.
4. Неизвестный художник. Александра Федоровна Боратынская (мать поэта). Миниатюра. — Мураново.
5. Неизвестный художник. Богдан Андреевич Боратынский (дядюшка). Холст. Масло. — Мураново.
6. Неизвестный художник. Петр Андреевич Боратынский (дядюшка). Холст. Масло. — Мураново.
7. Боровиковский В. Л. Илья Андреевич Боратынский (дядюшка). Холст. Масло. — Тамбовская картинная галерея.
8. Барду К. София Абрамовна Боратынская (сестра). Пастель: детский портрет. — РГАЛИ.
9. Неизвестный художник. Наталья Абрамовна Боратынская (сестра). Акварель. — Мураново.
10. Дмитриев-Мамонов. Сергей Абрамович Боратынский (брат). Рисунок: групповой портрет в Маре. — Мураново.
11. Барду К. Настасья Львовна Боратынская (урожд. Энгельгардт) (жена). Пастель: семейный портрет Энгельгардтов. Около 1810 г. — Мураново.
12. Вивьен Ж. Настасья Львовна Боратынская. Рисунок. 1820-е гг. — Мураново.
13. Фото с несохранившейся акварели: Настасья Львовна Боратынская. — Мураново.

О ПРАВОПИСАНИИ ФАМИЛИИ ПОЭТА

Фамилия поэта, как известно, пишется с разночтениями. В частных письмах он сам и почти все его родственники обычно ставили в 1-м слоге — *о*, в последнем — *і*: *Боратынскій*. В произведениях, опубликованных при его жизни за полной подписью, — в журналах, альманахах, в собраниях стихотворений 1827 и 1835 гг. и в отдельных изданиях поэм «Пиры», «Эда» (1826), «Бал» (1828), «Наложница» (1831) — в первом слоге его фамилии — *а*, в последнем — *і*: *Баратынскій*. Исключение составляют одна из первых журнальных публикаций (1819, март, 14) и последний сборник стихотворений «Сумерки» (1842), где фамилия означена через *о* в первом слоге: *Боратынскій*. В официальных бумагах Пажеского корпуса, л.-гв. Егерского полка, Отдельного Финляндского корпуса, Межевой канцелярии его именовали, а иногда и сам он подписывался: *Баратынскій*. Так же писали его фамилию друзья и знакомые. Традиция правописания фамилии поэта с *а* в первом слоге сохранялась после его смерти на протяжении всей второй половины XIX в., благо эта традиция была поддержана его собственными сыновьями: подготовленные ими первые посмертные собрания сочинений отца назывались «Сочинения Евгения Абрамовича Баратынскаго» (см. Изд. 1869 и Изд. 1884), хотя в предисловиях к ним и было оговорено, что «правильнее *Боратынскій*». В конце XIX — начале XX в. утвердилось правописание *Боратынскій* (см., например: Изд. 1914—1915; *М. А. Боратынский* 1910; *Филиппович* 1917), причем даже при публикации рукописей, в которых фамилия обозначалась через *а*, ставилось *о* — так, в «Остафьевском архиве» правописание *Баратынскій*, присущее Вяземскому и А. И. Тургеневу, исправлялось на *Боратынскій*. После 1917 г. это обыкновение сохранилось лишь в немногих сочинениях русских эмигрантов первой волны, но по эту сторону границы оно было нарушено, и к 1930-м гг. общее предпочтение вновь было отдано *а* в первом слоге (с вынужденной новым алфавитом заменой *і* на *и* в последнем): *Баратынский* (см., например: *Пигарев* 1935; *Медведева* 1936; Изд. 1936). Первым нарушил советскую традицию К. В. Пигарев, снова поставивший *о* в первый слог (Изд. 1951). Но то был единичный случай: в большинстве советских изданий последующего времени (в том числе тех, что составлял Пигарев) фамилия поэта печаталась через *а*. Публикация в 1958 г. воспоминаний Н. М. Коншина, в которых подчеркивалось, что «поэт всегда употреблял *о* и горячо отстаивал честь этого *о*» (*Коншин*. Изд. 1958. С. 390), произвела впечатление лишь в 1970-е гг., когда в защиту *о* было написано несколько статей (см., например: *А. Л. Боратынский* 1971; *Кожинов* 1975), и правописание *Боратынский* стали использовать некоторые исследователи (см. *Пешков* 1974; *Лебедев* 1985). Новые и новейшие аргументы в пользу *а* (*Фризман* 1982. С. 575—576) и *о* (*Андреев* 1994) вопроса об истинном правописании не решили, и ныне тот, кто привык ставить в первом слоге *а*, пишет *Баратынский,* а кто привык ставить *о*, пишет *Боратынский*.

Видимо, окончательного решения этого вопроса и быть не может, ибо в пользу того и другого правописания существуют одинаково веские аргументы. Наш выбор определяется аргументом биографическим. Бóльшая часть сведений Летописи относится к частной жизни поэта. Поэтому здесь предпочтено правописание *Боратынский*. Если бы нашей задачей стало обратное движение: от литературного творчества к частной жизни — выбор был бы противоположным.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Составили Е. Е. Давыдова-Пастернак и Е. Э. Лямина

Содержание

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Е. А. БОРАТЫНСКОГО
1800—1844

Составитель А. М. Песков

Корректор *Л. Н. Морозова*
Верстка *В. М. Дзядко*

ЛР № 061083 от 6.05.97

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 31.
Отпечатано с оригинал-макета
в Московской типографии "Наука".
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ № 3011

«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

первый российский независимый филологический журнал, свободный как от государственного идеологического диктата, так и от узкоцеховых пристрастий. **«НЛО»** ставит своей задачей максимально полное и объективное освещение современного состояния русской литературы и культуры, пересмотр устарелых категорий и клише отечественного литературоведения, осмысление проблем русской литературы в широком мировом культурном контексте.

«НЛО» уделяет большое внимание информационным жанрам: хронике культурной жизни России и зарубежья (конференции, симпозиумы, чтения), обзорам и тематическим библиографиям книжно-журнальных новинок, презентации новых трудов по теории и истории литературы.

«НЛО» — периодическое издание, выходит 6 раз в год.

В издательстве

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

в 1996—1997 гг. вышли:

В **«Художественной серии»**

А. Сергеев. **OMNIBUS**
Роман, рассказы, воспоминания

Первое полное собрание прозы известного переводчика и поэта Андрея Сергеева, в 1996 году получившего Букеровскую премию за роман «Альбом для марок». Кроме этого романа, в книгу вошли рассказы и «рассказики» о выдуманных и невыдуманных людях (Б. Слуцкий, Е. Винокуров, М. Зенкевич и др.), воспоминания об И. Бродском, с которым автор был многие годы дружен. Широта эрудиции, острота и точность взгляда, стилевое мастерство, юмор и ирония, лиризм и гротеск — все это делает прозу А. Сергеева яркой и увлекательной.

Г. Сапгир. **ЛЕТЯЩИЙ И СПЯЩИЙ**
Рассказы в прозе и стихах

Генрих Сапгир давно известен читателям как поэт, детский писатель, автор сценариев популярных мультфильмов. Настоящую книгу составила преимущественно его проза — легкая, ироничная, эротичная и фантасмагорическая. Включенные в издание поэтические тексты близки рассказам по духу и настроению, составляют с прозой стилевое единство. В целом книга являет собой образец гротескного письма в литературе.

Д. А. Пригов. **НАПИСАННОЕ С 1975 ПО 1989**

Книга известного поэта Д. А. Пригова, лауреата Пушкинской премии (1993), — первое наиболее полное собрание его текстов — поэтических и прозаических, отобранных из огромного числа написанного автором и наиболее характерных для его творчества. Сюда, в частности, вошли стихи, распространявшиеся в свое время в самиздате и ставшие почти классикой, — о Милицанере, о тараканах, о быте 70—80-х гг. В оформлении книги использованы рисунки автора.

В издательстве

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

в 1996—1997 гг. вышли:

В серии **«Россия в мемуарах»**

Н. И. Свешников. **ВОСПОМИНАНИЯ ПРОПАЩЕГО ЧЕЛОВЕКА**

Автор, бродячий торговец книгами второй половины XIX в., много видевший и испытавший, рассказывает о своей своеобразной и богатой впечатлениями жизни: общение с уголовным миром (ночлежки, притоны, трактиры, тюрьмы), знакомства с известными литераторами (Н. С. Лесков, Г. И. Успенский, А. П. Чехов) и т. д. Впервые напечатанные в 1896 г. воспоминания Свешникова были переизданы в 1930 г. и давно уже стали библиографической редкостью. В предлагаемое переиздание включены также опубликованные и неопубликованные воспоминания о народной книжности (рыночные букинисты, уличные разносчики).

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ БЛАГОРОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Объединенные под одной обложкой воспоминания А. Е. Лабзиной, В. Н. Головиной и Е. А. Сабанеевой охватывают один из самых ярких периодов русской истории от начала царствования Екатерины II до восстания декабристов — время небывалых событий и характеров, блеска и изящества, пышных дворцов, роскошных парков, прекрасных дам и мужественных кавалеров. Перед читателем проходят бытовые картины придворной и провинциальной жизни: Петербург и Париж, Нерчинск и поместье в Калужской губернии. Среди действующих лиц: Екатерина II, Павел I и Александр I; придворные и простые провинциальные жители. На первом плане — личная жизнь: любовь и измены; истовая религиозность и разврат — все с точки зрения русской женщины конца XVIII — начала XIX в.

Ш. Массон. **СЕКРЕТНЫЕ ЗАПИСКИ О РОССИИ**

Воспоминания француза, который провел ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, содержат закулисную хронику русской придворной жизни того времени. Демонстрируя незаурядную наблюдательность и осведомленность, автор дает яркие характеристики мудрой императрицы и ее сумасбродного сына, их фаворитов и придворных. Независимость суждений и нелицеприятность выводов делают книгу уникальным мемуарным источником. Книга выходила на русском языке в начале 20 в. и с тех пор не переиздавалась.

В издательстве

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

в 1996—1997 гг. вышли:

В **«Научной серии»**

Н. А. Богомолов, Дж. Малмстад.
М. КУЗМИН: ИСКУССТВО, ЖИЗНЬ, ЭПОХА

Одно из первых полных жизнеописаний крупнейшего поэта и прозаика первой трети 20 века, основанное на архивных разысканиях и блестящем знании авторами культуры этого периода, а также глубоком анализе творчества М. Кузмина.

Б. М. Гаспаров. **ЯЗЫК, ПАМЯТЬ, ОБРАЗ. ЛИНГВИСТИКА ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ**

В книге известного литературоведа и лингвиста исследуется язык как среда существования человека, с которой происходит его постоянное взаимодействие. Автор поставил перед собой цель — попытаться нарисовать картину нашей повседневной языковой жизни, следуя за языковым поведением и интуицией говорящих, выработать такой подход к языку, при котором на первый план выступил бы бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний. В центре исследования — коммуникативный и духовно-творческий аспекты языковой деятельности.

Игорь П. Смирнов. **РОМАН ТАЙН «ДОКТОР ЖИВАГО»**

Исследование известного литературоведа Игоря П.Смирнова посвящено тайнописи в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Автор стремится выявить зашифрованный в нем опыт жизни поэта в культуре, взятой во многих измерениях — таких, как история, философия, религия, литература и искусство, наука, пытается заглянуть в смысловые глубины этого значительного и до сих пор неудовлетворительно прочитанного произведения.

НЕИЗДАННЫЙ ФЕДОР СОЛОГУБ

Крупнейший поэт, прозаик, драматург, теоретик театра и публицист, Федор Сологуб (1863—1927) более чем за 40 лет творческой деятельности оставил обширное литературное наследие, большая часть которого остается неопубликованной. В настоящий сборник вошли его стихотворения 1878—1927, драма «Отравленный сад», «Афоризмы», трактат «Достоинство и мера вещей». Биографический раздел представлен комплексом текстов, характеризующих взаимоотношения Сологуба с женой — Ан. Н. Чеботаревской, воспоминаниями о писателе и др. материалами.

В издательстве

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

в 1998 гг. выйдут:

А. Немзер. **О РУССКОЙ ПРОЗЕ. ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ**

Книгу известного критика составили его отклики на наиболее приметные явления отечественной прозы последних лет. Среди героев книги более 70 писателей (романистов, рассказчиков, эссеистов, мемуаристов) разных поколений, придерживающихся разных эстетических принципов — В. Астафьев и А. Слаповский, Г. Владимов и А. Дмитриев, А. Битов и О. Ермаков, Ю. Давыдов и В. Пелевин. Многие разборы и оценки, предложенные Андреем Немзером в пору его работы литературным обозревателем сперва «Независимой газеты», а затем газеты «Сегодня» вызывали шумную критическую полемику. Книга может служить путеводителем по новейшей русской прозе и будет интересна самому широкому кругу читателей.

В серии **«Филологическое наследие»**

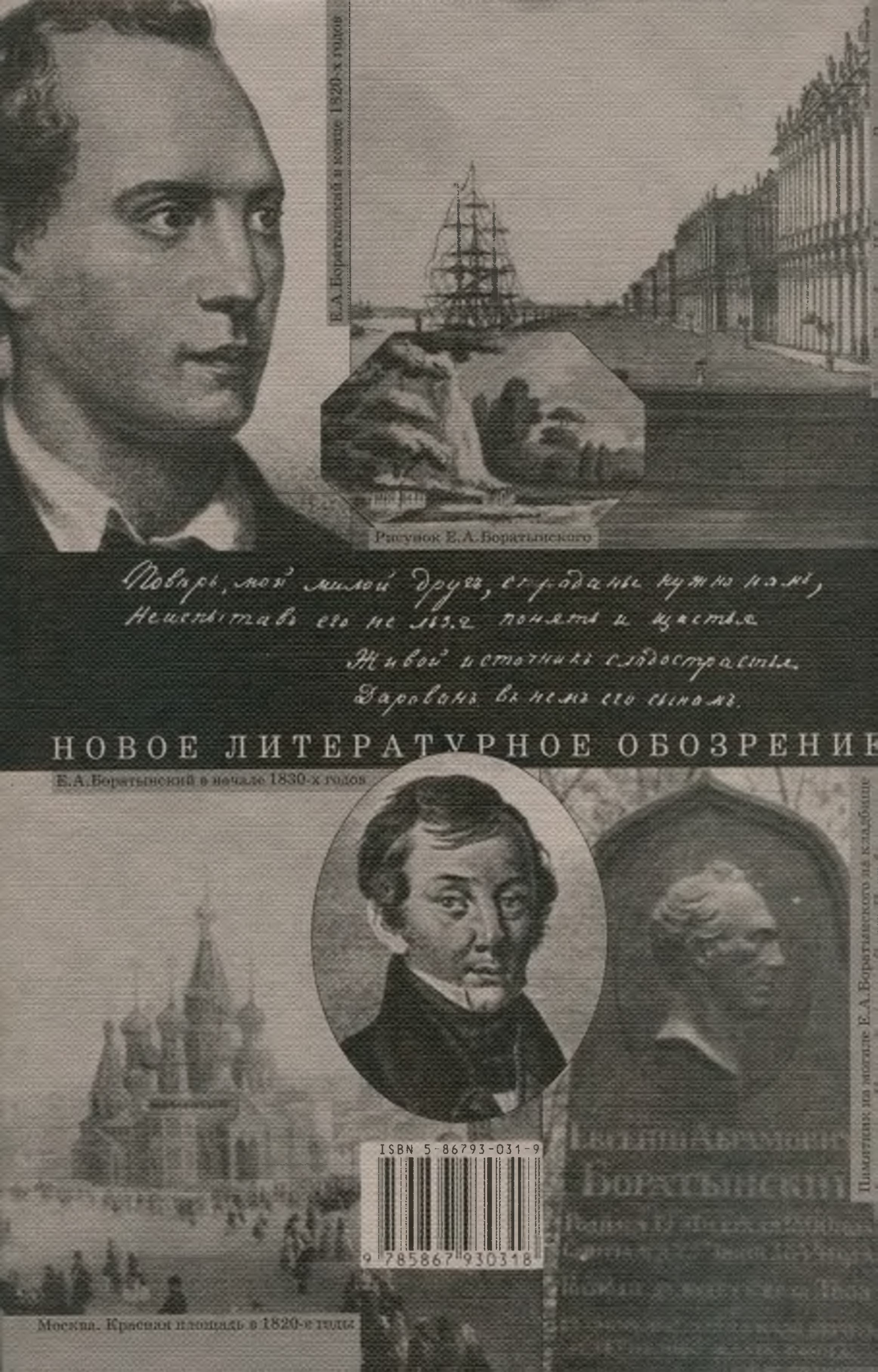
М. К. Азадовский и Ю. Г. Оксман. **Переписка**

В книгу собрана переписка видных ученых-литературоведов, охватывающая три десятилетия (1920—1951) и являющаяся яркой страницей в истории отечественной научной и общественной жизни. Судьба обоих корреспондентов, стоявших у истоков советской гуманитарной науки, была драматической; в их письмах научная проблематика (сохранившая и по сей день свою актуальность) сплавлена с обсуждением вставших перед интеллигенцией общественных и экзистенциальных проблем. В комментариях вводится в оборот большое число новых данных из биографии и научной деятельности ученых, приводятся (полностью или частично) неопубликованные работы и документы, реконструируются неосуществленные научные замыслы.

М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская (Зенгер). Вокруг Пушкина

Полное издание своеобразного памятника истории отечественной пушкинистики — научного дневника выдающихся исследователей Пушкина М.А. Цявловского и его жены, в который они с 1920-х гг. заносили все важные события, происшествия и известия, связанные с Пушкиным; здесь сообщения о подлинных открытиях и находках и о фальсификациях и курьезах пушкинистики. Многие гипотезы, следы утраченных материалов, таинственные сообщения, зафиксированные в дневнике в 1920—1940-е, остаются неразгаданными и до сих пор. Кроме того, дневник содержит яркие портреты и картины жизни многих известных деятелей науки того времени. Дневник печатается полностью по авторской рукописи.

Аллея в Муранове

ISBN 5-86793-031-9
9 785867 930318